

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

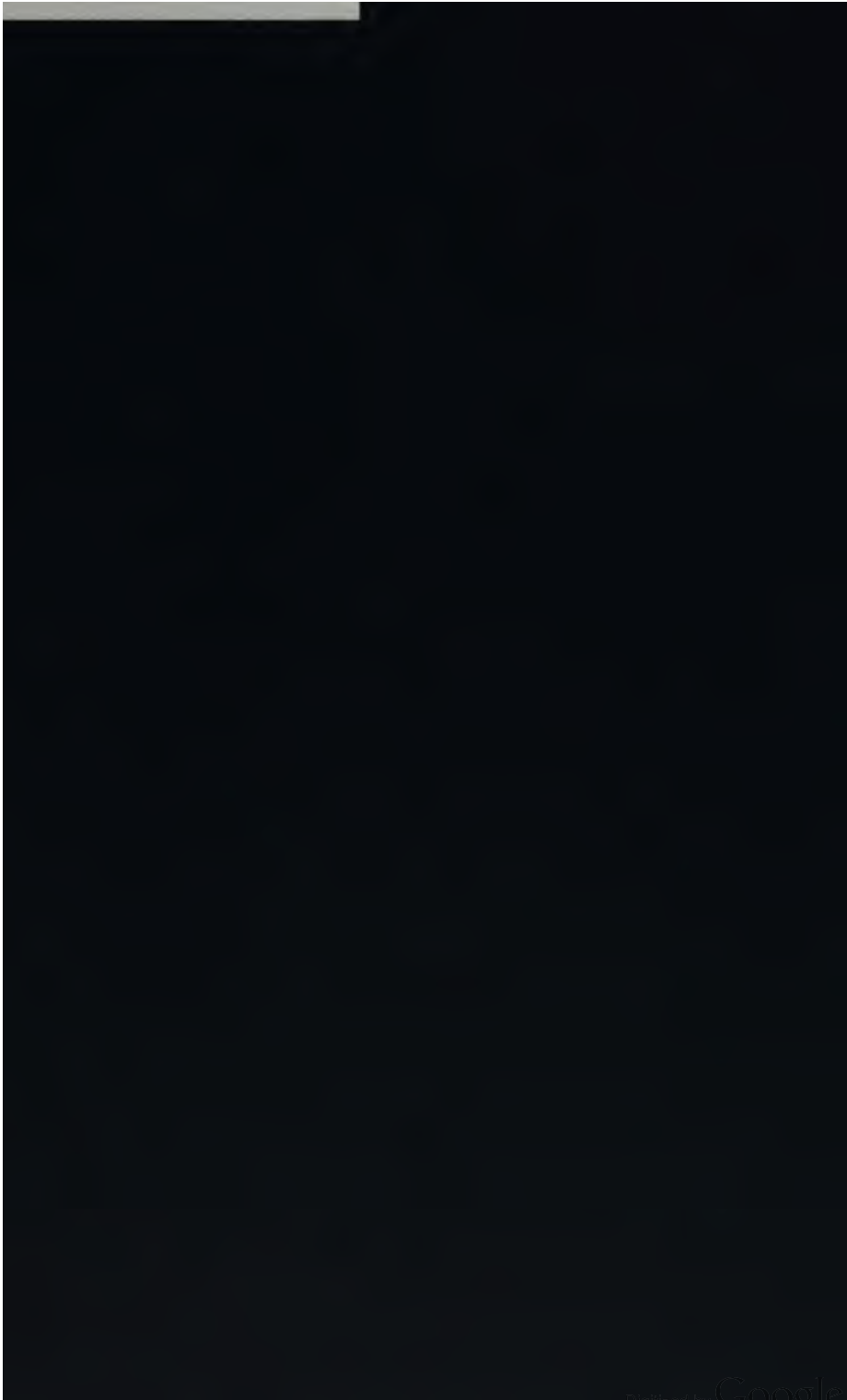
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

UCD LIBRARY

1900 1901 1902 1903 1904 1905 1906 1907 1908 1909 1910 1911 1912 1913 1914 1915 1916 1917 1918 1919 1920 1921 1922 1923 1924 1925 1926 1927 1928 1929 1930 1931 1932 1933 1934 1935 1936 1937 1938 1939 1940 1941 1942 1943 1944 1945 1946 1947 1948 1949 1950 1951 1952 1953 1954 1955 1956 1957 1958 1959 1960 1961 1962 1963 1964 1965 1966 1967 1968 1969 1970 1971 1972 1973 1974 1975 1976 1977 1978 1979 1980 1981 1982 1983 1984 1985 1986 1987 1988 1989 1990 1991 1992 1993 1994 1995 1996 1997 1998 1999 2000 2001 2002 2003 2004 2005 2006 2007 2008 2009 2010 2011 2012 2013 2014 2015 2016 2017 2018 2019 2020 2021 2022 2023 2024 2025 2026 2027 2028 2029 2030 2031 2032 2033 2034 2035 2036 2037 2038 2039 2040 2041 2042 2043 2044 2045 2046 2047 2048 2049 2050 2051 2052 2053 2054 2055 2056 2057 2058 2059 2060 2061 2062 2063 2064 2065 2066 2067 2068 2069 2070 2071 2072 2073 2074 2075 2076 2077 2078 2079 2080 2081 2082 2083 2084 2085 2086 2087 2088 2089 2090 2091 2092 2093 2094 2095 2096 2097 2098 2099 2100

W. B. E. . . . .

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ,

ЧИТАННЫХЪ

ВЪ ОТДѢЛЕНІИ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

4

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(В. О., 9 лн., № 12.)

1868.

UCD LIBRARY
KRAUS REPRINT
Nend...
18...
Digitized by Google

**Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санкт-
петербургъ, декабрь 1868 г.**

Непрѣменный Секретарь, Академикъ К. Весселоскій.

Printed in Germany

Lessing-Druckerei – Wiesbaden

ТЕОФАНЪ ПРОКОПОВИЧЪ

И

ЕГО ВРЕМЯ.

И. Чистовича.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАН.
I. Первые годы жизни и учения Феофана. Путешествіе за границей. Возвращеніе въ Россію. Учительство въ кievской академіи. Сближеніе съ Петромъ. Ректорство въ академіи. Переписка съ Маркевичемъ.....	1
II. Вызовъ Феофана въ С.-Петербургъ. Протесты московскихъ ученыхъ и м. Стефана Яворскаго. Посвященіе въ епископа. Ученые труды. Полемика съ княземъ Д. Кантемиромъ.....	24
III. Отмѣна патріаршества. Стефанъ-мѣстооблудитель патріаршаго престола.....	57
IV. Духовный Регламентъ и учрежденіе Синода. Личный составъ Синода. Распоряженіе Синода.....	70
V. Стефанъ-президентъ Синода. Протесты его. Неудовольствія. Смерть.....	105
VI. Феоодосій Яновскій. Злоупотребленіе власти и излишества. Рокотъ духовенства.....	112
VII. Феофанъ. Церковно-административные и ученые труды его. Правда воли монаршей. Исторія Петра Великаго. О блаженствахъ противъ ханжей и лицемѣровъ. Каноническія сочиненія. Сочиненія противъ раскола. Проповѣди. С.-Петербургская семинарія. Штатъ духовный. Устроеніе монастырства и монастырей. Домовое хозяйство.....	118
VIII. Возшествіе на престолъ Екатерины I. Заносчивость новгородскаго архіепископа Феоодосія.....	147
IX. Доносъ исковскаго провинціалъ-инквизитора на судью архіерейскаго дома, архимандрита Маркелла Родышевскаго, въ расхищеніи церковнаго имущества.....	154
X. Процессъ и изложеніе новгородскаго архіепископа Феоодосія. Дѣло Варлаама Овсянникова. Перемѣщеніе Феофана на новгородскую кафедру.....	159
XI. Георгій Дашковъ и Игнатій Снола.....	185
XII. Маркеллъ Родышевскій и Феофанъ. Протесты Родышевскаго противъ Феофана въ противностяхъ церковныхъ и государственныхъ. Отвѣты Феофана.....	195
XIII. Сила Дашкова. Ревизія Синода. Шаткое положеніе Феофана. Покровительство Остермана Феофану. Коронація Петра II.	

	Токи о патриаршествѣ. Новыя протесты Родншевскаго. Отвѣтъ Теофана. Дѣло Носова. Письмо Теофана къ Голштинскому герцогу. Свиданіе съ Маркевичами. Дѣло Каллиста Заленскаго.	223
XIV.	Событія 1730 года. Возобновленіе протестовъ Родншевскаго. Аврамовъ. Варлаамъ.	256
XV.	Высочайшій указъ и конференція Свята съ Синодомъ объ устройствѣ Синода. Судъ надъ воронежскимъ епископомъ Львомъ Юрловымъ.	279
XVI.	1731 годъ. Учрежденіе Кабинета и возобновленіе Тайной Канцеляріи. Пасквиль іеродиакона Іоны на Теофана. Допросы.	293
XVII.	Возраженія Родншевскаго на Регламентъ Духовный и на указъ о монашествѣ. — Московскій розыскъ.	313
XVIII.	1732 годъ. Отбытіе двора изъ Москвы въ С.-Петербургъ. Тетради о житіи Теофана. Розыскъ переносчиковъ. Подозрѣнія заговора и матажа. Аресты.	335
XIX.	Левъ Юрловъ, Игнатій Смола, Сильвестръ Холмскій и Дашковъ	340
XX.	Изданіе Камня Вѣры. Полемика по поводу этого изданія.	
	1. Рыбейра и католическая пропаганда въ Россіи. Теофила Кроликъ. Евеній Коллети. Платонъ Малиновскій. Возраженіе Теофилакта противъ Буддеа, въ защиту Камня Вѣры.	366
	2. Молотокъ на Камень Вѣры. Возраженіе на Молотокъ.	385
XXI.	Подметное письмо съ пасквиломъ на Теофана.	
	1. Подозрѣнія въ составленіи его на Аврамова и Родншевскаго. Иверское слѣдствіе.	407
	2. Грекъ Серафимъ Аріонъ. Аресты Евенія Коллети и Платона Малиновскаго.	416
	3. Продолженіе слѣдствія о подметномъ письмѣ. Показанія растряги Осипа. Новыя аресты.	434
	4. Секретарь придворной конторы Александръ Яковлевъ. Подозрѣнія на него въ составленіи подметнаго письма. Допросы. Учитель греческой школы И. Яковлевъ. Тетради, забранныя у него. Предки Симона Кокановскаго.	437
	5. Допросы Родншевскаго о предникахъ Кокановскаго.	448
	6. Допросы Аврамова и окончаніе иверскаго слѣдствія.	451
XXII.	Продолженіе розысковъ по дѣлу подметнаго письма. Новыя подозрѣнія Теофана. Рѣшиловъ. Арестъ и допросы тверскаго архіепископа Теофилакта Лопатинскаго.	460
XXIII.	Продолженіе слѣдствія по дѣлу о житіи Теофана и о подметномъ письмѣ.	
	1. Иеромонахъ Макарій. Живописецъ Березинъ и устюжская партія. Никитины. Допросы и истязанія А. Яковлева. Допросы и смерть Барсова.	494

	.....	стр.
2.	Печерскіе старцы и книга Аонасія Великаго	500
3.	Хлцъ Смирдонъ Лупкнъ ....., ...	504
4.	Лишенный священническаго сана Степанъ Васильевъ..	509
5.	Продѣлки повгородскихъ подъячкхъ. Подметное письмо съ укоризною на Государиню и на Теофана, 1733 г...	511
XXIV. XXV. XXVI.	Постановленія объ устроеніи монастыря.....	514
1.	Зварикнъ. Отступничество его отъ христіанства и сно- шенія съ нечистыми духами. Странствованіе по мона- стырямъ и вступленіе въ саровскую пустынь. Арестъ саровцевъ.	516
2.	Разборъ тетрадей Родышевскаго о монастырѣ и назна- ченіе слѣдователя въ саровскую пустынь, ...	527
3.	Саровскіе пустынножители. Нальникъ Іоаннъ. Строи- тель Іосія Самгинъ. Юродивый Тимофей Архиповичъ. Ефремъ Короткій, пѣснописецъ	533
4.	Допросы и показанія Зварикна. Объявленіе Самгина о великомъ злоумышленіи	543
5.	Саровское слѣдствіе. Показанія берлюковскаго іеромо- наха Пахомія. Берлюковское слѣдствіе	553
6.	Допросы и показанія княгини Долгоруковой, графини Матвѣевой и А. В. Макарова. Слѣдствіе надъ московскою днкастерією и сподальною конторою	559
XXVII.	Комедія при дворѣ цесаревны Елисаветы Петровны. Подо- зрѣнія Императрицы. Допросы регента Петрова	568
XXVIII.	Взглядъ на предъидущее	571
XXIX.	Церковно-административная и ученая дѣятельность Теофана	577
1.	Церковно-административная дѣятельность: а) по Синоду	578
	б) по новгородской епархіи	583
2.	Ученые труды	588
3.	Переписка съ Малардомъ	591
4.	Разсмотрѣніе разныхъ сочиненій передъ изданіемъ ихъ въ свѣтъ	596
5.	Стихотворныя переложенія псалмовъ и стихи на раз- ные случаи	597
XXX.	Теофанъ-проповѣдникъ. Характеръ его проповѣди	603
XXXI.	Ученый кругъ его времени. Князь Д. М. Голицынъ. Кан- темиръ. Татищевъ. Сношенія ихъ между собою	607
XXXII.	Теофанъ и Академія Наукъ	617
XXXIII.	Отзывы иностранцевъ о Теофанѣ и нѣкоторыя черты, от- носящіяся къ его характеру	625
XXXIV.	Школа	631
XXXV.	Домовое хозяйство	638
XXXVI.	Смерть и погребеніе Теофана	647
XXXVII.	Завѣщаніе Теофана	649

XXXVIII. Послѣдующая судьба лицъ, вошедшихъ или вовлеченныхъ въ процессъ съ Теофаномъ.	
1. Теофилактъ Лопатинскій, ...	653
2. Рѣшиловъ и Маевскій. Процессъ Дудина.	657
3. Освобожденіе Теофилакта, Льва, Игнатія, Маевскаго, Рѣшилова, Яковлева и другихъ лицъ.	667
4. Ливерій (Елевсерій) Коллетти и Платонъ Малиновскій. Смерть Ливерія. Ссылка Платона. Освобожденіе.	674
5. Родышевскій. Новые допросы. Освобожденіе. Посвященіе въ епископы. Смерть.	677
6. Аврамовъ. Ссылка въ Охотскъ. Освобожденіе. Новые проекты. Арестъ. Допросы. Смерть въ крѣпости. . .	680
7. Окончаніе дѣла саровцевъ и берлизовцевъ. Ссылка въ Сибирь. Окончаніе дѣла Макарова. Возвращеніе саровцевъ. Недоразумѣнія. Новая ссылка въ Сибирь.	695

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Доношеніе св. Синоду архимандрита Теофилакта Лопатинскаго и іеромонаха Гедеона Вишневскаго съ извиненіемъ въ несправедливомъ обвиненіи ими Теофана въ неправославіи. . .	705
II. Объявленіе казанскаго митрополита Сильвестра Холмскаго о Теодоcіѣ.	705
III. Указъ Петра Великаго о монастыряхъ и монашествахъ.	709
IV. Прошеніе Варлаама Овсянникова къ князю А. Д. Меншикову изъ соловецкой тюрьмы.	718
V. Синодскій докладъ Императрицѣ Екаторинѣ I по поводу распоряженія оберъ-прокурора Болтина о безтолжномъ взыскаініи съ Теофана занатой имъ у Синода денежной суммы. . . .	721
VI. Прошеніе Теофана Императрицѣ Екаторинѣ I о распечатаніи въ новгородскомъ архіерейскомъ домѣ и въ епархіи хлѣба и денегъ, опечатанныхъ по случаю слѣдствія надъ бывшимъ новгородскимъ архіепископомъ Теодоcіемъ.	721
VII. Синодскій докладъ Верховному Тайному Совѣту, съ представленіемъ кандидатовъ на ваканшія архіерейскія мѣста.	723
VIII. Регулн семинаріи преосвященнаго Теофана архіепископа великоновгородскаго и великолукскаго.	723

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Источниками свѣдѣній о Теофанѣ Прокоповичѣ и событіяхъ его времени, въ которыхъ онъ принималъ участіе, служили намъ:

1. *Vita Theophanis Procopovitsch* въ *Nordische Nebenstunden, Th. 1. Francf. und Leipzig 1776 j. ss. 251—270* — изд. Шереромъ. Эта біографія составлена въ промежутокъ времени между смертію Теофана въ 1736 г. и отбытіемъ въ 1741 г., изъ Марбурга въ Галль профессора Вольфа, который въ этой біографіи значится еще марбургскимъ профессоромъ. Она имѣетъ видъ некролога и составлена кѣмъ либо изъ жившихъ въ Петербургѣ и часто посѣщавшихъ Теофана ученыхъ иностранцевъ, и проникнута уваженіемъ къ его памяти. Сочинитель отъ самого Теофана слышалъ сообщаемыя имъ подробности о пребываніи Теофана за границей и возвращеніи въ Россію, близко видѣлъ его бытъ и жизнь, наблюдалъ его обычаи и порядки въ домѣ, устройство его школы, и наконецъ зналъ о его сочиненіяхъ, изъ которыхъ въ ту пору напечатаны были только немногія, а нѣкоторыя остаются ненапечатанными до сихъ поръ. Съ вѣроятностію можно догадываться, что сочинителемъ этой біографіи былъ профессоръ новоучрежденной с.-петербургской Академіи Наукъ, *Зисбридъ Байеръ*, извѣстный ориенталистъ. Онъ былъ очень близокъ къ Теофану, былъ учителемъ въ его школѣ и посвятилъ ему свое сочиненіе о Китаѣ. Если принять это предположеніе, то біографія Теофана могла быть написана Байеромъ вскорѣ послѣ

смерти Теофана въ 1736 г. и не позже 1738 года—года смерти Байера.

2. Биографія Теофана, принадлежная къ Готскому изданію сочиненія Теофана: *De processione Spiritus Sancti*. Gotha, 1772 ап. Издателемъ этого сочиненія и вмѣстѣ авторомъ біографіи Теофана былъ Дмитрій Семеновъ—Рудневъ *), посланный въ 1765 г. вмѣстѣ съ нѣсколькими молодыми людьми за границу, въ качествѣ инспектора надъ ними и для ознакомленія съ лучшими методами преподаванія. Въ шесть лѣтъ своего пребыванія тамъ Рудневъ издалъ, одинъ за другимъ, богословскіе трактаты Теофана изъ уроковъ, читанныхъ имъ въ кievской академіи и, между ними, важнѣйшій „Объ исхожденіи Св. Духа.“ Къ этому послѣднему сочиненію Рудневъ приложилъ біографію (*Vita auctoris*) и портретъ Теофана. Биографія эта во многомъ расходится съ Шереровой біографіей и не представляетъ такихъ подробностей, какъ та. О происхожденіи ея издатель пишетъ: „adjeci succinctam vitae auctoris narrationem, quae jam antea nescio a quo delineata erat historiaeque controversiae ap. 1767 editae praemissa: hic vera eadem ipsa, paucis nonnisi mutatis, in lucem prodit.“

3. *Житіе Теофана Прокоповича*, составленное Маркелломъ Родышевскимъ, сослуживцемъ Теофана въ кievской академіи. Биографія эта написана съ цѣлью очернить Теофана въ глазахъ правительства и народа, какъ еретика, и по недостатку безпристрастія не можетъ быть вполне достовернымъ источникомъ. Но тѣмъ не меньше сочинитель, близко знакомый съ Теофаномъ съ самаго прибытія его въ Кіевъ и сначала даже пользовавшійся его близостію, больше чѣмъ что другой могъ знать подробности жъ его жизни: и потому нѣтъ основанія пренебрегать по крайней мѣрѣ тѣми изъ сообщаемыхъ имъ свѣдѣній, которыя не стоятъ въ противорѣчій съ другими совершенно

*) Впослѣдствіи онъ вступилъ въ монашество и былъ ректоромъ московской академіи и послѣ нижегородскимъ архіепископомъ; сконч. въ 1796 году.

достоверными свѣдѣніями. Это „жизне Теофана“ напечатано, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими документами, въ Читеніяхъ въ обществѣ исторіи и древн. росс. при моск. унвер., 1862 г. кн. 1, подъ общимъ заглавіемъ: „Дѣло о Теофанѣ Прокоповичѣ“.

4. *Теофанъ Прокоповичъ* — біографическая статья въ *Словарь російскихъ писателей духовнаго чина*, м. Евгенія. Евгеній пользовался Готскою біографіею Теофана, но дополнилъ ее нѣкоторыми подробностями, заимствованными изъ другихъ, пока неизвѣстныхъ, источниковъ. Главное достоинство этой статьи состоитъ въ подробномъ перечнѣ печатныхъ и рукописныхъ сочиненій Теофана.

5. *Epistolae illustrissimi ac reverendissimi Theophanis Procopovitsch, variis temporibus et ad varios amicos datae*. Изданы въ 1776 г. въ Москвѣ почитателемъ памяти Теофана, кievскимъ митрополитомъ, Самуиломъ Миславскимъ. Всѣхъ писемъ 30. Нѣкоторыя изъ нихъ переведены на русскій языкъ и напечатаны въ *Трудахъ кievской академіи* 1865 года.

6. *Письма Теофана Прокоповича*, въ рукописи кievской духовной академіи, подъ заглавіемъ: *Собраніе трудовъ преосвященнаго Теофана Прокоповича, архіепископа новгородскаго, первенствующаго синодальнаго члена*. Сборникъ этотъ составленъ іеромонахомъ софійскаго кафедральнаго монастыря Веніаминомъ Рубановымъ. Въ немъ 31 письмо русскія и одно латинское. Нѣкоторыя изъ нихъ напечатаны въ *Трудахъ кievской академіи* 1865 года.

7. *Книга записная исходящимъ, за подписаніемъ преосвященнаго архіепископа Теофана Прокоповича къ разнымъ персонамъ, письмамъ ординарнымъ, съ 1 января 1728 по 16 декабря 1729 г.* Рукопись бібліотеки кievо-софійскаго собора № 602. Изъ содержащихся въ ней писемъ нѣкоторыя напечатаны, а остальные перечислены, съ краткимъ указаніемъ ихъ содержанія, въ *Трудахъ кievской академіи* 1865 года.

8. *Слова и рѣчи Теофана Прокоповича*, въ 3 частяхъ Спб. 1760—1765. На концѣ 1-й части приложено „глав-

леніе изотстнымъ на російскомъ языкѣ сочиненіямъ печатнымъ и письменнымъ *Феофана Прокоповича*“. Въ дополненіе къ нимъ впоследствии, въ 1774 г., издана четвертая часть, заключающая богословскія сочиненія: 1) истинное оправданіе правовѣрныхъ христіанъ, крещеніемъ поливательнымъ во Христа крещаемыхъ; 2) повѣсть о распрѣ Павла и Варнавы; 3) разсужденіе о присягѣ или клятвѣ и 4) вещи и дѣла, о которыхъ учитель народу проповѣдати долженъ.

9. *Дѣла Государственнаго архива*, именно: а) *Кабинетныя дѣла*, въ которыхъ находятся письма и доношенія Феофана Петру I-му и указы, распоряженія и замѣтки, Государя по церковнымъ дѣламъ; б) *переписка разныхъ лицъ съ Императрицами Екатериной I-й, Анной Иоанновной и цесаревной, впоследствии Императрицей, Елисаветой Петровной*; в) *дѣла Верховнаго Тайнаго Совета*; г) *дѣла Тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи*; д) *дѣла о Феофанѣ Прокоповичѣ*. Эти послѣднія составляютъ главный источникъ свѣдѣній о процессахъ его въ Кабинетѣ, Тайной Канцеляріи и о дѣйствіяхъ Коммисій, въ которыхъ онъ участвовалъ по высочайшимъ повелѣніямъ. Нѣкоторые изъ находящихся здѣсь матеріаловъ напечатаны въ разныхъ изданіяхъ, которыя будутъ указаны въ самой біографіи Феофана.

10. *Дѣла архива св. Синода* съ 1721 по 1736 годъ.

Мы не перечисляемъ здѣсь всего множества русскихъ и иностранныхъ сочиненій, сборниковъ и періодическихъ изданій, которыми мы пользовались и въ которыхъ находятся различные матеріалы о Феофанѣ и современныхъ ему лицахъ и событіяхъ. Всѣ они будутъ указаны, каждое въ своемъ мѣстѣ, въ самомъ сочиненіи.

I.

Первые годы жизни и учения Феофана. — Путешествіе за границей. — Возвращеніе въ Россію. — Учительство въ кievской академіи. — Облеченіе съ Петромъ. — Путешествіе съ Государемъ. — Ректорство въ академіи. — Переписка съ Маркеличемъ.

Феофанъ родился въ Кіевѣ 8 Іюня 1681 года и, при крещеніи, названъ Элеазаромъ¹⁾. Отецъ его былъ кievскимъ купцомъ или просто торговымъ человѣкомъ (mercator), и умеръ вскорѣ послѣ рожденія своего сына. Мать, оставшаяся въ крайней нищетѣ, бѣдствовала вмѣстѣ съ сыномъ и также вскорѣ скончалась. Элеазара взялъ на воспитаніе родной его дядя, намѣстникъ кievобратскаго монастыря и ректоръ кievской академіи, Феофанъ Прокоповичъ. Дядя записалъ Элеазара въ академію, гдѣ онъ обучался русской грамотѣ и латинскому языку²⁾. Но, послѣдовавшая въ 1692 году смерть дяди, въ другой разъ осиротила Элеазара. Добрая судьба послала ему благодѣтеля въ одномъ кievскомъ гражданинѣ (urbis civis, nobilis homo), съ помощію котораго онъ продолжалъ посѣщать школу до 1698 года³⁾. Элеазаръ былъ лучшимъ ученикомъ въ школѣ. Съ богатыми трудо-

¹⁾ Въ Шереровой біографіи годъ рожденія Феофана показанъ 1677; деньъ рожденія названъ 17 Іюля и замѣчено, что, въ честь празднуемаго въ этотъ день святаго, онъ названъ при крещеніи Елиссеемъ; въ Готской біографіи деньъ рожденія показанъ 9 Іюня; у м. Евгенія — 8 Іюня.

²⁾ «Erat ei avunculus, cujus ore et auxilio eo usque sustentabatur, donec studium linguae latinae in eodem monasterio, — quod vulgo Fratrum societas appellatur, — apericatus esset.» (Готская біографія Феофана).

³⁾ Готская біографія. — Въ Шереровой біографіи сказано, что Элеазару помогать въ воспитаніи кievскій митрополитъ Варлаамъ Ясинскій.

ваніями, съ живымъ и острымъ умомъ, съ отличной памятью въ немъ соединялись прекрасная наружность, живой и привлекательный взглядъ и звонкій голосъ. За это послѣднее преимущество онъ выбранъ былъ въ регенты гѣвческаго хора¹⁾.

Знакомымъ съ состояніемъ кievской академіи въ концѣ XVII вѣка извѣстно, что она, при своемъ схоластическомъ направленіи, не могла дать многого своимъ воспитанникамъ. Однакожъ въ ней были наставники, способные возбудить любовь къ наукѣ и образованію въ своихъ слушателяхъ. Со времени Петра Могилы въ ней вѣяло свѣжимъ духомъ. Нѣкоторые наставники посѣщали польскіе университеты. Борьба съ католиками и иезуитами внесла въ сухую схоластическую науку живой элементъ, безъ сомнѣнія благотворно дѣйствовавшій на образованіе.

Элеазаръ усвоилъ себѣ лучшее, что могъ найти въ академіи — любовь къ образованію; но такъ какъ его любознательность не находила тамъ себѣ полного удовлетворенія, то онъ, по окончаніи философскаго курса, вслѣдъ за другими лучшими воспитанниками академіи, отправился, для продолженія своего образованія, за рубежъ — въ польскія училища²⁾.

У м. Евгенія находимъ извѣстіе, что Элеазаръ, по выходѣ изъ Кіева, вступилъ въ братство Бятевскаго базилианскаго монастыря, сдѣлался уніатомъ и постриженъ въ монашество съ именемъ Елиссея. Что это былъ за монастырь, какое значеніе имѣлъ онъ въ церковномъ или ученомъ отношеніи, и почему Элеазаръ предпочелъ его другимъ уніатскимъ монастырямъ, въ которыхъ были лучшія школы — мы не знаемъ; да и свидѣніе это встрѣчаемъ только у одного Евгенія, который, по обычаю, не пока-

¹⁾ «Ob voce non solum praesentorem in choro egit; alea aliisque rebus ludicris nunquam praeditus». Это послѣднее замѣчаніе Теофанова биографа сдѣлано, вѣроятно, съ цѣлію предупредить и отстранить возможные подозрѣнія на счетъ поведенія Теофана въ гѣвческомъ архіерейскомъ хорѣ, какъ средѣ, заключавшей въ себѣ немного образовательныхъ элементовъ; о чемъ замѣчено и въ сатирѣ, современнаго Теофану, поэта Кантемира: «въ трезвыхъ видѣтъ гѣвчичъ въ епископскомъ домѣ»; и въ призываніи къ этому стику: «въ архіерейскихъ гѣвчичъ въ епископскомъ домѣ рѣдко десятирехъ не цыпныхъ зашщеть». (См. 6, ст. 230. Библиогр. Записки, т. I, стр. 666. 1868 г.)

²⁾ Годомъ его отправленія за границу въ Шереровой биографіи показанъ 1694 г., у м. Евгенія 1698 г. По свидѣтельству первой онъ пробывъ за границей около шести лѣтъ; по показанію м. Евгенія — три года.

зываетъ, откуда заимствовалъ его. Но что Элеазаръ сдѣлался униатомъ, это было въ порядкѣ вещей. Въ польскія училища не принимали никого изъ восточнаго исповѣданія, и всѣ кievскіе полдегіаты, доказывавшіе свое образованіе въ польскихъ училищахъ, должны были дѣлаться униатами. Стефанъ Яворскій также былъ униатомъ, принявши имя Станислава и, по возвращеніи въ Кіевъ, разрѣшенъ и принятъ въ церковное общеніе кievскимъ митрополитомъ Варлаамомъ Ясинскимъ ¹⁾.

Щереровъ биографъ Теофана говоритъ, что Прокоповичъ, уже достаточно образованный въ наукахъ, отправился изъ Кіева сначала въ Львовъ, откуда, запасшись рекомендательными письмами отъ православныхъ епископовъ, направилъ свой путь въ Краковъ, гдѣ сдѣлался извѣстенъ нѣкоторымъ епископамъ и профессорамъ.

Маркелъ Родышевскій, сначала пріятель, потомъ врагъ Теофана, ничего не говоритъ ни о Львовѣ, ни о Битевскомъ мона-

¹⁾ Въ биографіи Стефана, приложенной къ Камню Вѣры, сказано: «Варлаамъ митрополитъ посла его въ Польшу для наученія». Авторъ Молотка на Камень Вѣры замѣчаетъ на это: «здѣ хотя не упоминаеть, въ какое училище, но всѣмъ извѣстно, что въ Польшѣ нигдѣ иныхъ высшихъ училищъ нѣтъ, кромѣ езуитовъ; ибо точно показуеть: уже наученъ бысть философіи и богословіи. И отъ сего точно видить, что онъ не греческаго, но римскаго закона; новеже сборище панепское жестоко запрещаетъ богословіи учить не токмо иносѣрныхъ, но и въ ихъ законѣ родившихся, амаи прежде не тяжкою клятвою утвердятъ пану нибѣ за главу и ихъ ересь утверждать и защищать даже до смерти. Сейже учился сначала въ Львовѣ, лежащемъ въ Малороссіи, а потомъ въ Познанѣ въ Великой Польшѣ у езуитовъ, и тако во оный законъ езуитскій дѣйствительно вступилъ». Арсеній Мацѣвичъ, возражая на это замѣчаніе, пишетъ: «хотя Стефанъ, бѣльцомъ будучи, и у езуитовъ учился, однако когда къ Церкви, матери своей, паки возвратился, и Церковь, о чадѣхъ своихъ сострадающая и Отцу небесному сообразная, примѣромъ блуднаго сына, Стефана приняла и властію ключей Христовыхъ простила и разрѣшила».

Возраженіе на папскіяхъ лютеранскій, нареченный Молотокъ на Камень Вѣры. Прав. Обзор. 1860 г. т. III, стр. 562). Палладій Роговскій, воспитанныкъ и потомъ члѣнникъ московской академіи, отправившись за границу для образованія, также принялъ католичество: «азъ же, говоритъ онъ самъ, желая достигнути высшихъ наукъ, присягнувъ и тако отступство отъ благочестивыхъ вѣры учинихъ не сердцемъ, но едиными усты сотворихъ, наукъ ради». (Древн. Росс. Визл. т. XVIII, стр. 159). Возвратившись въ Россію онъ принесъ раскаяніе въ своемъ невольномъ отогуничествѣ и принятъ въ общеніе православной церкви. (Палладій Роговскій, въ Прав. Обзор. 1863 г. т. X, стр. 162—167)

стырѣ и о постриженіи въ немъ Теофана; напротивъ онъ пишетъ, что Теофанъ изъ Кіева отправился въ польскій городъ Владиміръ на Волыни, «и тамъ отъ униатовъ постриженъ въ расофоръ монахомъ и началъ быть гонитель на благочестивую нашу православную восточную церковь. И за сію его ревность, униатскій епископъ, прозваніемъ Заленскій¹⁾, въ тамошнихъ училищахъ учинилъ его префектомъ и діакономъ поставилъ». Въ этомъ разсказѣ нѣтъ ничего несообразнаго, исключая, можетъ быть прибавки, написанной подъ влияніемъ страсти, о враждебномъ отношеніи Теофана къ православной церкви, въ бытность униатомъ. Евгеній понимаетъ дѣло проще, что Елисей обратилъ на себя вниманіе униатскаго владимірскаго епископа своими отъѣнными способностями, вслѣдствіе чего и опредѣленъ былъ учителемъ поэзій и краснорѣчія.

Черезъ нѣсколько времени потомъ, какъ отлично даровитый и дѣятельнѣйшій изъ товарищей, онъ посланъ былъ провинціаломъ базилианскаго ордена въ римскую академію, куда обыкновенно посылались молодые и способные монахи, для усовершенствованія въ богословскихъ и философскихъ наукахъ.

Елисей Прокоповичъ отправился чрезъ Вѣну, Штирію, славянскія земли — Кроацію, Славонію, чрезъ Тироль, Павію, Феррару, Анкону, Бону, Флоренцію и Пизу, и, наконецъ, прибылъ въ Римъ, гдѣ принятъ былъ въ коллегію св. Аванасія, учрежденную въ концѣ XVI вѣка папою Григоріемъ XIII, собственно для Грековъ и Славянъ, съ цѣлію католической пропаганды.

Въ коллегіи ежедневно совершалось богослуженіе на греческомъ и славянскомъ языкахъ. Питомцы имѣли отъ папы все необходимое для жизни и бесплатно пользовались науками. Главнымъ начальникомъ коллегіи былъ іезуитъ. Молодые люди, по окончаніи курса наукъ, посылаемы были въ разныя страны римско-католической церкви и въ такъ называемыя *partes infidelium*, чтобы заботиться, по мѣрѣ силъ, о соединеніи греческой церкви съ латинскою. къ чему обязывались клятвою.

¹⁾ Лезъ Заленскій, прототронъ кіевской митрополіи, епископъ владимірскій, по смерти кіевскаго митроп. Кипріяна Жоховскаго, въ 1698 г., получилъ отъ Яна Казимира грамоту на администрацію митрополіи кіевской.

Проковичъ обучался краснорѣчію, поэзій, философіи и изучалъ римскія древности, какъ христіанскія, такъ и языческія. Впослѣдствіи онъ отзывался съ большою похвалою объ іезуитѣ, начальникѣ коллегіи, отдавая справедливость какъ прекраснымъ свойствамъ его ума, такъ и его благодѣяніямъ. Этотъ отецъ полюбилъ его за веселость нрава, живость и игривость ума, и взялъ къ себѣ жить, отличая его особеннымъ довѣріемъ. Любопытно, что онъ находилъ въ молодомъ Прокоповичѣ по внѣшности и уму сходство съ папою Урбаномъ VIII. Сверхъ общихъ уроковъ, онъ занимался съ нимъ приватно, лаская его съ отеческою любовью, и открылъ ему доступъ какъ въ ватиканскую, такъ и въ другія городскія бібліотеки. Но почтенный отецъ безуспѣшно старался вовлечь его въ общество іезуитовъ, воспитателей юношества въ іезуитскихъ семинаріяхъ, или склонить къ принятію какой-либо другой духовной должности. Прокоповичъ выслушалъ полный курсъ аристотелической философіи и схоластическаго богословія, и полную систему такъ называемыхъ у іезуитовъ *casuum conscientiae*. Послѣднихъ онъ не одобрялъ. Съ большею охотою онъ изучалъ творенія отцовъ восточной и западной церкви и классическихъ писателей, которые всѣ имѣлъ неспорченными (*geminos, non castratos*)¹⁾. Онъ изучалъ въ краснорѣчій — Демосеена Цицерона и Квинтиліана; въ героической поэзій — Вергилія; въ элегической — Овидія, въ сатирахъ — Ювенала; въ одахъ — Горация, Катутла, Сарбіевія²⁾; въ эпиграммахъ — Марціала; въ исторіи — Ливія, Светонія, Саллюстія, Тацита; изъ

¹⁾ Всѣ, читавшіяся въ іезуитскихъ школахъ, изданія классическихъ авторовъ, были изданія очищенныя (*castigatae*). (Учебныя заведенія Литвы до присоединенія ея къ Россіи, въ Ж. М. Н. Пр. 1862 г. кн. X, отд. 2, стр. 78).

²⁾ *Казиміръ Сарбіевскій*, польскій іезуитъ, родомъ изъ Мазовіи (1595—1640), образовавшійся на изученіи классиковъ, преподавалъ съ блестящимъ успѣхомъ въ виленской іезуитской академіи словесныя науки, философію и богословіе. Папа Урбанъ VIII возложилъ на него лавровый вѣнокъ въ Римѣ и приказалъ выключить нѣкоторые изъ его гимновъ въ бривіарій. Его лирическія стихотворенія читались, объяснялись и заучивались наизусть во всѣхъ европейскихъ школахъ XVII столѣтія, наравнѣ съ одами Горация. (Журн. М. Н. Пр. 1862 г. кн. X.: Учебныя Заведенія Литвы до присоединенія ея къ Россіи). Въ бывшихъ у насъ подъ руками семинарскихъ учебникахъ Реторикъ XVII ст. мы очень часто встрѣчали стихи изъ Сарбіевія.

новыхъ — Бембо ¹⁾, Содалета ²⁾, Аонія, Палеарія, Латина-Латинума ³⁾, и другихъ. Беофанъ говорилъ впоследствии, что вышепомянутый отецъ совѣтовалъ ему, какими писателями прилежнѣе заниматься, и изъ нихъ почерпать противоядіе противъ пустыхъ званій: Занимаясь этими сочиненіями дено и ношно, онъ отказывался не рѣдко отъ пищи, и до такой степени превратилъ ихъ въ свою плоть и кровь, что, казалось, овладѣлъ ихъ гениемъ. Слыша въ Римѣ, изъ устъ папы Иннокентія XII, публичныя проклятія на лютеранъ, кальвинистовъ и прочихъ схизматиковъ, подъ которыми разумѣются Русскіе, непринявшіе уни, онъ тайно смѣялся надъ ними, какъ надъ пустымъ громомъ. А впоследствии, говоритъ его біографъ, онъ открыто объявлялъ ихъ незаконными и, по праву возмездія, въ Москвѣ и Петербургѣ, въ Великій постъ, часто громилъ анаевою противниковъ греческой церкви. Онъ говорилъ, что нигдѣ нѣтъ столько сомнѣвающихся въ истинѣ христіанской религіи, какъ въ Италіи. Между тѣмъ онъ внимательно осматривалъ древній и новый Римъ, священныя и свѣтскія памятники новаго и прежняго времени; изучалъ форму папскаго управленія въ церковныхъ, гражданскихъ и военныхъ дѣлахъ и тонко прамѣчалъ, что происходитъ при избраніи новаго папы Климента XI.

Вышедши изъ Вѣчнаго города, онъ посѣтилъ Лавретанскій дворецъ, откуда опять прошелъ чрезъ Бонону и прочіе, на пути лежащіе, города. Но такъ какъ австрійскія и французскія вой-

¹⁾ *Бембо*, венеціанецъ, (1470—1547), епископъ Егубинъ и Бергама, возведенный потомъ въ достоинство кардинала, извѣстенъ своею приверженностію къ классической литературѣ и особенно къ Цицерону. Собраніе его стихотвореній въ свое время пользовалось большою извѣстностію и имѣло въ Италіи многихъ комментаторовъ.

²⁾ *Якопъ Содалета* (1478—1548), италіанецъ, современникъ Еразма и другъ Бембо, сначала секретарь Папы Льва X, потомъ епископъ Корнентрійскій и кардиналъ, посвящалъ свое перо богословію, философіи, краснорѣчію и поэзіи. Стиль его отличается изяществомъ и чистотою древнихъ римскихъ писателей. Изъ богословскихъ сочиненій его извѣстны: толкованіе на Псалмы и на посланія ап. Павла.

³⁾ *Латинно-Латини* (1518—1593), авторъ сочиненія *Bibliotheca sacra et profana*, въ которомъ онъ собралъ и изложилъ варианты, поправки и примѣчанія къ сочиненіямъ Тертуліана и другихъ древнихъ писателей. Протестанты, впрочемъ, укоряютъ его въ порчѣ древнихъ авторовъ.

ска (по случаю войны за Испанское наследство) сдѣлали дороги не безопасными, то онъ принужденъ былъ проходить окольными путями, испытывая, особенно въ зимнее время, разныя лишения, оставаясь безъ пищи и сна; но все это онъ переносилъ безропотно съ бодростію духа и тѣла. Прошедши чрезъ Сень-Готардъ, онъ прибылъ къ Гризонамъ въ Ретин и Швейцарцамъ, познакомился съ известными въ наукѣ мужами и повсюду, какъ у католиковъ, такъ и у не-католиковъ, находилъ радушный приемъ, привлекая къ себѣ своею умною, гуманною рѣчью, знаніемъ иностранныхъ языковъ, и особенно своимъ образованіемъ, и такъ плѣнялъ всѣхъ, что они, всячески его одаривши, отпускали отъ себя съ сожалѣніемъ ¹⁾).

Прибывши въ 1702 году въ Малороссію, Елисей, по свидѣтельству м. Евгенія, остановился въ Почаевскомъ монастырѣ, лежащемъ почти на самой границѣ Малороссіи съ Галиціей, и тамошнимъ игуменомъ Исаевичемъ постриженъ въ православные монахи, и, при этомъ постриженіи, названъ Самуиломъ. Въ разсказѣ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Почаевскій монастырь, въ ту пору, былъ еще православною обителію, и въ памятникахъ, близкихъ къ этому времени, упоминается игуменъ Іосифъ Саввичъ ²⁾.

¹⁾ Vita Theophanis, у Шерера.

²⁾ Преосвящ. Филаретъ, въ Обзоръ русской духовной литературы, кн. 2, въ статьѣ о Феоданѣ Прокоповичѣ, написалъ: «М. Евгений говоритъ, что будто Феоданъ постриженъ въ Почаевскомъ православномъ монастырѣ въ православные монахи. Этого и быть не могло. Почаевскій монастырь еще прежде 1703 г. былъ не православнымъ, а униатскимъ». Это не вѣрно. По известнымъ намъ историческимъ памятникамъ, Почаевскій монастырь находился въ православіи съ основанія своего въ 1597 г. до 1712 г. Это доказываютъ хранящіеся въ Почаевской лаврѣ офенціальныя документы, именно: а) Привилегія Августа II, которою онъ подтверждалъ права и фундуши древняго и чудотворнаго Почаевского монастыря *обрادا ерескою*, и, обеспечивая свободное сохраненіе *свры восточной древней Церкви*, отъ не запамятныхъ временъ безпрепятливо и безарестственно въ ономъ монастырѣ содержимой, опредѣляетъ 10 т. червонныхъ денежнаго штрафа за нарушеніе какимъ бы то ни было образомъ этой привилегіи. б) Малоестація, заявленная въ кременецкихъ городскихъ актахъ, 1711 г. апрѣля 29 дня за № 2610, изъ которой видно, что въ Почаевскомъ монастырѣ былъ, въ то время, еще православный игуменъ Іосифъ Саввичъ; и в) Позовъ, 1712 г. въ первый разъ Базиліанами учиненный и тогожь года сентября 15 дня въ лудскихъ городскихъ актахъ записанный подъ № 80, въ которомъ эти новыя обитатели Почаевского монастыря именуютъ уже свой монастырь Конвентомъ, а начальника монастыря *примлоскомилъ*, съ присове-

Но другіе писатели говорятъ о постриженіи Теофана иначе. Маркелъ Родышевскій, не безпристрастный свидѣтель, пишетъ, что Теофанъ, «ушедши изъ Рима, самъ на себя мантию надѣлъ безъ обычнаго постриженія и пришолъ въ Кіевъ монахомъ». Арсеній Маціевичъ говоритъ, что Теофанъ «изъ Рима бѣжалъ и въ базилианскомъ платьѣ въ Кіевъ пришелъ во время архіерея кіевскаго, преосвящ. Варлаама Ясинскаго и отъ него, какъ и Стефанъ, къ церкви Божіей принятъ и разрѣшенъ. Дамаскинъ Рудневъ, авторъ латинской біографіи Теофана (Готской), рассказываетъ еще проще, что онъ, послѣ трехлѣтняго пребыванія въ Римѣ, возвратился въ Кіевъ, и принятъ въ академію учителемъ поэзіи, а въ 1705 г. постриженъ въ монашество и названъ Теофаномъ. Но м. Евгений, сказавши о постриженіи его въ Почаевской лаврѣ, говоритъ, что въ 1705 г. онъ только переимѣнилъ имя, назвавшись, въ честь покойнаго дяди, Теофаномъ.

Въ бытность учителемъ поэзіи, Теофанъ составилъ *Питику*¹⁾ и написалъ *Трагикомедію — Владиміръ*, представленную академистами 3-го Юля 1705 года²⁾. Эта послѣдняя замѣчательна какъ по выбору сюжета изъ русской исторіи, вмѣсто іудейской или греческой, такъ по художественнымъ достоинствамъ и, наконецъ, по той смѣлости образа мыслей, которая возвышаетъ его надъ общимъ уровнемъ идей того времени.

Н. И. Гнѣдичъ писалъ объ этой трагедіи: «произведеніе это для наблюдателя отечественнаго просвѣщенія есть явленіе, по своему времени, чрезвычайно необыкновенное и заслуживаетъ вниманіе по многимъ отношеніямъ. Сочинителю были извѣстны образцы театра, и онъ не былъ незнакомъ съ театромъ древнихъ, по

купленіемъ слѣдующихъ словъ о братіи: *resenter ad unionem cum sacra ecclesia Romana constituech* (состоящихъ). (Дѣла Арх. Св. Синода 1881 г. № 114). г) Игуменъ Іосифъ Исаевичъ въ 1714 г. купилъ деревню Лихолетовку еще въ званіи игумена Почаевскаго и въ генеральномъ Глуховскомъ судѣ объявилъ, что купилъ ее на деньги Почаевскаго монастыря. Стало быть это время 1709—1714 гг. и было временемъ перехода Почаевской лавры отъ православія къ униатамъ. (Черниг. Епарх. Изв. 1812 г. № 25, Приб. стр. 584—526.)

¹⁾ Издава Георгіемъ Кошисскимъ въ 1756 году.

²⁾ Списки ея есть въ Императорской Публичной библиотекѣ (О. XIV, 2, стр. 64 и слѣд.) и въ Рум. Музеѣ № 818. Разборъ у П. П. Пекарскаго: Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ; т. I, стр. 416—421.

крайней мѣрѣ съ трагедіями Сенеки. Можно сказать, что сія трагикомедія есть первое у насъ театральное сочиненіе человѣка съ дарованіемъ. Характеры, завязка, ходъ и движеніе ее одушевляютъ. Кромѣ того, несмотря на языкъ, довольно нечистый, несмотря на тяжелую форму польскаго размѣра, въ піесѣ есть много стиховъ, которымъ, въ отношеніи ко времени ихъ произведенія, нельзя не удивляться. Въ нихъ, сквозь темноту оборотовъ или тяжесть слога, блистаетъ воображеніе, возвышенность слога, жаръ и краска поэтическія. Свобода мыслей въ сочинителѣ показываетъ человѣка, котораго идеи были выше круга идей того времени, человѣка, который имѣлъ довольно надѣянности на себя, чтобы выражать мысли, какія въ тотъ вѣкъ и на ухо говорить иные страшились¹⁾.

Въ 1706 г. Теофанъ перешолъ на классъ реторики и составилъ учебникъ *Реторики* на латинскомъ языкѣ²⁾. Насмотрѣвшись на іезуитское воспитаніе и іезуитское проповѣдничество въ Польшѣ и за границей, Теофанъ, въ своей реторикѣ, съ особенною энергіей высказывается, при каждомъ случаѣ, противъ католическихъ богословескихъ авторитетовъ и іезуитскаго проповѣдничества: «не приводи мнѣ свидѣтельствъ ни Фомы Аквината, ни Скотта, ни другихъ нечестивой секты людей; ибо ими не подтвердишь своего предмета, но осквернишь и рѣчь и слухъ вѣрнаго народа и священнаго собранія». Теофанъ совѣтуетъ оратору выбирать предметы для церковной катедры изъ житій св. людей, особенно тѣхъ, коихъ произвела Россія, «чтобы узнали, наконецъ; пустѣйшіе, благоговѣющіе только предъ своими баснями, враги наши, что безплодны доблестію наше отечество и наша вѣра, и чтобы перестали, наконецъ, укорять насъ въ скудости святыни».

Замѣчательно у Теофана изображеніе іезуитовъ: «великій Павелъ давно уже сказалъ намъ, что какъ темный ангелъ, такъ и его слуги, обыкновенно одѣваются въ свѣтъ; въ самомъ дѣлѣ

¹⁾ Н. И. Глѣдича письмо къ графу Н. П. Гумянову въ Библиогр. Запискахъ т. II, стр. 623—626. 1859 г.

²⁾ Списки есть въ бібліотекахъ кievской академіи и кievо-печерскаго монастыря (Труды кievской акад. 1865 г. стр. 614—637), черниговской семинаріи (Филарета — Обзоръ, стр. 19; изд. 1868 года), новгородской и вологодской семинарій.

это самое поддѣльное благочестіе латинскихъ монаховъ служить для меня главнѣйшимъ доказательствомъ ихъ нечестія. Посмотрите на тѣлодвиженія, поступь, положеніе лица и тѣла ихъ: что увидите искренняго, неподдѣльнаго, неизысканнаго? Одни представляются намъ сокровищницами кротости и любви; другіихъ увидишь облеченными суровостію болѣе, чѣмъ катоновскою. Первые изъ нихъ, болшею частію совершенно напрасно, называющіе себя друзьями Иисуса, показываютъ видъ, будто они пребываютъ въ любви Божіей; они всецѣло созданы для приобрѣтенія благосклонности, являютъ въ общество въ черной, но изящной одеждѣ, отличаются бѣлизною кожи, — красавцы съ головы до ногъ: тихо принимаютъ веселый видъ, придаютъ лицу пріятное выраженіе, складываютъ губы по женски, поднимаютъ и опускаютъ брови, мастерски потупляютъ глаза, пріятно и часто улыбаются. А сколько мастерства въ томъ, что они имѣютъ обыкновеніе, какъ нѣкоторые протей, почти въ одно и тоже время измѣнять свое лицо для выраженія самыхъ противоположныхъ душевныхъ движеній. Сейчасъ ты слышалъ его веселаго и забавнаго; но если попадетъ въ рѣчи одно словечко, сколько нибудь печальнаго содержанія, вотъ онъ и вздыхаетъ и стенаетъ и слезки каплютъ, и все это дѣлаетъ онъ съ такою нѣжностію и пріятностію, какую можно видѣть въ молоденькихъ дѣвушкахъ. Таковы-то почти всѣ свойства этого ордена; и я подозреваю, что лучшіе учителя у нихъ тѣ, которые обучаютъ искусству кокетничать. Но часто я не могъ удержаться отъ смѣха при видѣ многихъ иезуитовъ, которымъ вовсе было не къ лицу представлять собою Купидоновъ или Венеръ. Когда они выходятъ на рынокъ и прогуливаются по городу, то несутся такимъ рассчитаннымъ шагомъ, что, кажется, не идутъ, а танцуютъ. Если встрѣтятся съ кѣмъ нибудь знакомымъ, который поддакъ ихъ влиянію, тотчасъ оба (ибо они почти всегда прогуливаются вдвоемъ), самымъ веселымъ образомъ начинаютъ разговаривать между собою; за тѣмъ старшій, т. е. главный начальникъ чужаго спасенія, склонивши тихо голову на плечи и улыбаясь, говоритъ, пожимая руку встрѣтившагося знакомаго: въ какомъ состояніи вашъ внутренній чловѣкъ? Я увѣренъ, что онъ здравствуетъ, какъ нельзя лучше. За тѣмъ сообщаетъ радостнѣйшее извѣстіе, что въ Индіи нѣкоторый

могущественнѣйшій царь, со всѣмъ своимъ народомъ, сколько ни есть его, приведенъ іезуитами къ вѣрѣ во Христа. Всегда неожиданно, а часто и неблагоуременно, приходятъ въ тотъ домъ, гдѣ знаютъ преданную ихъ ордену госпожу. Тамъ, послѣ пріятныхъ взаимныхъ привѣтствій, забавляютъ женщину многими благочестивыми шутками, хвалятъ управленіе дома, удивляются картинамъ и, увидѣвши Христа, пригвожденнаго ко кресту, вздыхаютъ съ деликатнымъ сожалѣніемъ, и движеніемъ рѣсницъ показываютъ, что они уже готовы расплакаться, но тотчасъ отворачиваются отъ чужихъ глазъ, какъ будто для того, чтобы скрыть свои слезы. Часто, если есть маленькія дѣти, іезуиты, тихо лаская ихъ, дарятъ имъ небольшія иконы, или привѣщиваютъ къ шеѣ мѣдъ съ изображеніемъ Игнатія (Лойолы); но самый благопріятный случай выпадаетъ имъ, если они слышатъ, что какая нибудь больная женщина лежитъ въ постели; и если больная, поддавшись ихъ льстивымъ внушеніямъ, откажетъ имъ или часть наслѣдства или большія деньги, тогда іезуиты значительно увеличиваютъ обѣщанное больной вѣчное блаженство, и, кромѣ того, подарятъ ей четки, какъ вѣрнѣйшій залогъ спасенія. Впрочемъ, чтобы не оставить безъ вниманія и бѣдныхъ, скорымъ шагомъ обходятъ и тѣ дома, въ которыхъ жаренымъ не пахнетъ.

Но такъ какъ не всѣмъ нравится эта благочестивая сентиментальность, то есть другой родъ обманщиковъ, которые, какъ будто родившись отъ древнихъ Сабинянъ, кажутся весьма суровыми; смѣются надъ всѣми приличіями свѣта и попираютъ ихъ, — немилые, грязные, съ наморщеннымъ челомъ, съ синими зубами, необрѣзанными ногтями, съ пренебреженіемъ ко всякому убранству. Весьма приличнымъ считаютъ для священнаго оратора, если онъ, во время проповѣди, непристойно разводитъ мѣшками (рукавами), пугаетъ всѣхъ суровымъ взглядомъ, кулаками и пятами бьетъ и чуть не ломаетъ каеэдру. Однако ничего не можетъ быть обжорливѣе и пьянственнѣе людей этого рода.

Чтобы представить образчикъ іезуитской проповѣди, Теофанъ разбираетъ проповѣди польскаго іезуита Томы Мюдзяновскаго.

«Когда я вижу, что многіе чрезвычайно одобряютъ и выхваляютъ Мюдзяновскаго, а молодые студенты краснорѣчія только его и ставятъ для себя образцомъ подражанія, то я считаю дол-

гомъ кратко изложить то, что я о немъ думаю: меня не смущаетъ то, что весьма многимъ не понравятся мои мысли, лишь бы я говорилъ правду. Впрочемъ, я твердо убѣжденъ, что всякій, сколько нибудь знакомый съ ораторскою наукою, одобритъ мое мнѣніе. Прежде всего, если ты любуешься словами и фразой Мюдзяновскаго, то ты мало смыслишь въ краснорѣчіи; о предметахъ, самыхъ святыхъ, онъ выражается площадными словами. Не болѣе обработки и въ мысляхъ. Всякій можетъ замѣтить это какъ вездѣ почти, такъ особенно въ приступахъ. Два евангелія читаны были въ одинъ день, и каждое изъ нихъ начиналось обыкновенными вступительными словами: *во время оно*. Посмотрите же, какою милою шуткою начинаетъ проповѣдникъ: «я не хочу ни съ кѣмъ ссориться — говорю я теперь евангелію. Два евангелія оспариваютъ теперь для себя мѣсто въ этомъ костелѣ... Я помню евангелія, взявши темою моею проповѣди слова обоихъ евангелій: *во время оно*». Къ чему ведутъ эти неумѣстные шутки, побасенки, разглагольствія?

Словамъ св. писанія Мюдзяновскій даетъ смѣшныя, сумасбродныя и, большею частію, неблагочестивыя толкованія и, для подтвержденія ихъ, съ натяжкою и насиліемъ приводитъ св. отцовъ. Если въ писаніяхъ отеческихъ увидитъ что нибудь, по видимому, хоть сколько нибудь подходящее къ его остроумишку, то постоянно извращаетъ и съ такимъ насиліемъ прилаживаетъ къ своему пустословію, что человѣкъ, незнакомый съ отеческими твореніями, можетъ заподозрить самихъ св. отцовъ въ меньшихъ негѣпостяхъ. О глупость нашего вѣка, которую никогда нельзя достаточно оплакать никакими слезами! Не столько меня печалитъ то, что такъ низко упалъ одинъ человѣкъ, обольщенный пустѣйшимъ блескомъ своего умишка, сколько то, что оставилъ по себѣ много продолжателей, почитателей и послѣдователей своего заблужденія. Видятъ въ немъ какъ будто какое-то искусство, а не образчикъ величайшаго невѣжества. Но скажите, есть ли въ немъ хоть тѣнь ораторской опытности? Гдѣ искусство составлять приступы, изобрѣтенное и переданное столькими ученѣйшими наставниками, древними и новѣйшими? Гдѣ здравыя доказательства? Гдѣ движенія душевныя? Гдѣ необходимѣйшія въ священныя рѣчахъ заключенія? Гдѣ структура мѣрной рѣчи?

Гдѣ украшеніе, блескъ, остроуміе, сила, важность, плавность? Гдѣ энергія, гдѣ важность мыслей, гдѣ единство частей? Совершенно нѣтъ никакого разнообразія, безъ котораго краснорѣчіе ничтожно. Всѣ курьёзы свои Мюдзяновскій составляетъ, обыкновенно, изъ однихъ разговоровъ и вопросовъ, и притомъ безвкусныхъ: «Давидъ святой, что дѣлаешь? Любишь ли Бога? Люблю, говоритъ. Полно любишь ли Егѳа? Люблю. Самарянка, куда идешь? Вѣроятно, повидаться съ друзьями? Но не заводой съ ведромъ. Неужели ты, самарянка, не считаешь это безчестнымъ? Неужели хочешь, чтобы другіе смотрѣли на тебя подозрительно?» Чтѣ же такое пристойная рѣчь, я думаю это не приходило ему на мысль; потому что и самыя печальныя предметы, наприм. страданія Христовы, не отнимаютъ у него шутивости. Если это краснорѣчіе, то пусть покажетъ намъ добрый господинъ Мюдзяновскій, у какихъ авторовъ онъ научился этимъ правиламъ, какими авторитетами оно одобрено. Пусть созовутся вмѣстѣ какъ бы на соборъ— Платонъ, Аристотель, Цицеронъ, учитель Гереннія, Фабій Квинтиліанъ ¹⁾, Гермогенъ ²⁾, Августинъ, также изъ новѣйшихъ Ювій Мельхіоръ, Еразмъ Роттердамскій ³⁾, авторъ дворца (Palatium), Киприанъ Зоарій ⁴⁾, Мендоза ⁵⁾, Кавзинъ ⁶⁾, Фаміанъ Страда ⁷⁾, Понтанъ ⁸⁾, авторъ энциклопедіи наукъ, Сигизмундъ Lavchia и безчи-

¹⁾ *Квинтиліанъ* — римскій ораторъ (24—59 гг. по Р. Х.).

²⁾ *Гермогенъ*, риторъ II вѣка, писалъ о риторикѣ.

³⁾ Известный писатель XVI в.

⁴⁾ *Киприанъ Зоарій*, испанскій іезуитъ († 1593 г.), авторъ риторики, долго употреблявшейся въ іезуитскихъ школахъ. — Стефанъ Яворскій ссылается на него въ одномъ своемъ письмѣ къ Іоаннику Сѣнотовичу: «знаю что вы очень хорошо помните сказанное покойнымъ Зоаріемъ: какъ начнешь, такъ и кончишь; по этому не начинай пожаромъ, чтобъ не кончить бурей».

⁵⁾ *Діего Гуртадо де Мендоза* († 1575 г.), родомъ испанецъ изъ Гренады, получилъ высшее образованіе въ итальянскихъ университетахъ, написалъ много сочиненій и обогатилъ эскуриальскую бібліотеку рукописями древнихъ авторовъ, которыя онъ собиралъ на востокѣ и скупалъ у грековъ. Мендоза исполнялъ многія важныя порученія Карла V, между прочимъ представлялъ его лицо на Тридентскомъ соборѣ. Бутервекъ называетъ его Саллюстиемъ и Горациемъ Испанія (Biographie Universelle, par Michaud, T. XXVII, p. 627).

⁶⁾ *Кавзинъ* (Causain), іезуитъ, род. въ 1583 г.; по выбору Ришелье былъ нѣсколько времени духовникомъ Лудовика XIII; сконч. въ 1651 г.

⁷⁾ *Фаміанъ Страда*, римской іезуитъ профессоръ краснорѣчія, ск. въ 1649.

⁸⁾ Известны *Понтанъ* — авторъ риторики и науки стихосложенія XVI в.

сленные другіе, издавшіе что нибудь объ этой наукѣ: кто изъ нихъ учить подобному краснорѣчію, скажу болѣе, кто не отвергаетъ его, какъ смѣшнаго и негѣпаго?... Это сказано мною не по ненависти человѣческой, потому что я умѣю уважать добродѣтель и во врагѣ, ибо никогда не откажу въ краснорѣчіи Еразму Роттердамскому, Юнію Мельхіору, Страдѣ, Кавзину и другимъ потому только, что они враги наши ¹⁾».

Въ 1706 г. 4 іюля прибылъ въ Кіевъ государь для основанія Печерской крѣпости. На другой день Феофанъ сказалъ, въ его присутствіи, проповѣдь, которая обратила на него вниманіе государя. И точно это была рѣчь, давно неслышанная на церковной кафедрѣ. Въ одушевленномъ словѣ проповѣдникъ выразилъ свои чувства по случаю радости о прибытіи юнаго, а между тѣмъ уже славнаго, государя. Тутъ нѣтъ ни отвлеченныхъ и сухихъ разсужденій, ни школьныхъ приступовъ и аргументацій, ни утомительной длинноты періодовъ: это — стройная, одушевленная и блестящая рѣчь проповѣдника, оставившаго позади себя схоластическую реторику.

Въ слѣдующемъ 1707 году Феофанъ опредѣленъ префектомъ и учителемъ философіи, которую преподавалъ два года; а сверхъ того преподавалъ физику, ариметтику и геометрію, которыя до того времени не преподавались въ академіи ²⁾. Но скромныя занятія учителя не наполняли его души. Его честолюбивый духъ порывался къ болѣе широкой и открытой дѣятельности. Онъ принималъ живое участіе въ тогдашнемъ военномъ и политическомъ движеніи въ Малой Россіи, и, хорошо зная мѣстность и главныхъ дѣйствующихъ лицъ, имѣлъ случай оказать услугу правительству ³⁾. Послѣ полтавской побѣды, когда государь возвращался

и *Полтава* авторъ Наставленій въ поэзіи и переводчикъ многихъ греческихъ авторовъ; см. въ 1826 г.: — котораго изъ нихъ разумѣть Феофанъ?

¹⁾ Выдержки изъ рукописной реторики Прокоповича въ Трудѣхъ кievск. акад. 1865 г. стр. 614—637.

²⁾ «Ab anno 1708 philosophiam docere coepit; ac non solum logicam, metaphysicam, morumque doctrinam, sed etiam physicam, arithmeticam et geometriam magno cum applausu explicuit». (Готская біографія Феофана.) «Magister sive doctor philosophiae et praefectus scholarum sub Odoratio aliisque professoribus renunciatus, methodo nova, clara et facili literas, quibus omnis aetas ad humanitatem et bonam mentem excitari solet». Біографія Феофана у Шерера.

³⁾ Вслѣдствіи, въ 1726 году, защищая свою вѣрность русскому прави-

черезъ Кіевъ, Теофанъ сказалъ, въ его присутствіи, въ софійскомъ соборѣ всенародный на эту побѣду папегиріикъ, который тогда же былъ напечатанъ въ кіевопечерской типографіи, на русскомъ языкѣ съ латинскимъ переводомъ. Въ декабрѣ тогожь года, въ церкви кіевобратскаго училищнаго монастыря, онъ сказалъ похвальное слово князю Меншикову, и просилъ его покровительства для академіи. Этими положеніе его было упрочено. Меншиковъ рекомендовалъ его, чрезъ повгородскаго ландрата, Римскаго-Корсакова, новгородскому митрополиту Іову, въ архимандриты юрьевскаго монастыря. Іовъ обѣщалъ принять его, хотя не любилъ кіевскихъ ученыхъ. Въ 1710 году 23 февраля, онъ писалъ къ Римскому-Корсакову: «понеже обѣщалъ его свѣтлѣйшество прислати ко мнѣ онаго кіевскаго учителя, пореклу господина Прокоповича, о немъ же твоя милость чрезъ писаніе возвѣстала ми еси, яко весьма человекъ есть учительный и состоянія изряднаго и многихъ языковъ искусный сказатель и толкователь изрядный: его же, за толкое искусство и доброе въ православіи состояніе, отъ души пріяти желателенъ есмь и во опредѣленный оный (юрьевскій) монастырь, по законамъ Божиимъ и по его князюму изволенію готовѣйшій есмь производитель»¹⁾. Однакожь это предположеніе почему-то не состоялось и Теофанъ остался въ Кіевѣ.

Въ 1711 году, во время турецкаго похода, государь вспомнилъ о Прокоповичѣ и приказалъ ему быть къ себѣ въ лагерь. Теофанъ явился и, слѣдуя за государемъ, 27 іюня, въ воспоминаніе полтавской побѣды, говорилъ проповѣдь въ Яссахъ — столицѣ только что принявшаго русское подданство молдавскаго княжества²⁾.

Онъ видѣлъ пораженіе русскихъ на берегу Прута и, по поводу несчастнаго сраженія, написалъ стихотвореніе, въ которомъ

тельству онъ писалъ: «еще въ прошлыхъ 1708 и 1709 годахъ, когда Мазепина измѣна была и введенный оною въ отечество непріятель, каковъ я тогда былъ къ государю и государству, засвидѣтствуетъ его сіятельство, князь Д. М. Голицынъ» — (Доношеніе Теофана Преображ. канцел. 16 ноября 1726 г.). Но въ чемъ состояла его услуга правительству, неизвѣстно.

¹⁾ Переписка новгородскаго м. Іова, въ Странникѣ 1861 г., № 2, стр. 86.

²⁾ Голицынъ, Дѣянія П. В. т. IV, стр. 222. Походный журналъ 1711 г. Спб 1854 года, стр. 107—108.

выразилъ надежду, что съ прутскимъ пораженіемъ еще не кончился расчетъ русскихъ съ мусульманами ¹⁾.

1) За Могилю Рябою *)
 Надъ рѣкою Прутовою
 Было войско въ страшномъ бою.
 Въ день недѣльный отъ полудни
 Стался часъ намъ вельми трудный,
 Пришелъ Турчигъ многолюдный.
 Пошли на встрѣчъ казацкіе
 Пошли полки Волооскіе
 Пошли загоны Донскіе.
 Легкій воинъ рѣбилъ много
 Да цо было было числа малого.
 Не отнял мѣста лихого
 Полягъ то былъ городъ близкій
 Врагомъ добрый, бо былъ низкій,
 Далъ бы на вась пострѣлъ ризкій.
 Пришли на Прутъ коломутный:
 Туже то былъ нашъ часъ смутный,
 Тутъ же то былъ бой округный.
 Стала рада уступати,
 Инаго мѣста искати,
 А не дурно пропадати.
 Скоро померкъ день недѣльный,
 Ажно російскія силы
 На отворотъ загремилы.
 Страшно гремятъ и облаки,
 Да страшный тамъ Марсъ жестоки
 Гремѣлъ на весь плацъ широкій,
 Заря з' моря выходила.
 Ажъ поганская сила
 Въ тылъ обозу зашумила.
 Всю ночь крики, всю ночь стукы,
 Всю ночь огонь превеликій,
 Всю ночь тамъ Марсъ шелъ дикы.
 А скоро ночь уступила,
 Больше зло наступило,
 Вся армата загремилла.
 Не малый часъ тамъ стрѣляно,
 Ажъ не скоро заказано,
 На миръ — на миръ закричано.
 Не судилъ Богъ Христіанства
 Освободить отъ поганства,
 Еще не далъ сбить поганства.

*) Рябая Могилла — мѣстечко въ Молдавіи.

По возвращеніи въ Кіевъ, Теофанъ опредѣленъ, по желанію Петра I, игуменомъ киевобратскаго монастыря, ректоромъ академіи и профессоромъ богословія. Послѣднюю должность онъ проходилъ, по замѣчанію его біографовъ, съ такой славой, какой не имѣлъ ни одинъ изъ его предшественниковъ¹⁾. Заслуга Теофана состоитъ въ томъ, что онъ оставилъ прежній, схоластическій методъ изученія и преподаванія богословія, и ввелъ новый, выработанный протестантскою богословскою наукою.

Методъ этотъ можно назвать учено-историческимъ, потому что въ основаніе изъясненія и доказательствъ церковныхъ догматовъ полагается изученіе св. писанія и церковной исторіи, между тѣмъ какъ въ схоластическомъ богословіи истины христіанскаго вѣроученія разсматривались и изъяснялись только какъ логическія понятія, безъ отношенія къ ихъ источникамъ, или же въ отношеніи только внѣшнемъ, помимо филологическаго и историческаго изученія св. писанія и церковной древности. Подборъ мѣстъ изъ св. писанія въ подтвержденіе догмата, (чему помогали такъ называемыя библейскія конкорданціи или симфоніи), выдержки изъ писаній отеческихъ, нерѣдко испорченныхъ, (къ чему служили такъ называемыя *catenae patrum*), наконецъ множество вопросовъ и возраженій, которые и на умъ не придутъ вѣрующему христіанину, неотуманенному школьною схоластикою, — вотъ главные приемы схоластическаго богословствованія, подавлявшіе живую мысль, заглушавшіе въ ней всякую самодѣятельность. О филологическомъ изученіи священнаго текста, о сличеніи древнихъ списковъ и переводовъ, о критическомъ изслѣдованіи памятниковъ, объ ученomъ изъясненіи писанія, равно какъ объ изученіи отцовъ, какъ хранителей преданія, въ связи съ общимъ движеніемъ церковно-исторической жизни, и о критическомъ изученіи памятниковъ христіанской древности, въ схоластикѣ не было и помину.

Магомете, Христовъ враже,
Аще дальшій часъ покажетъ —
Кто отъ чинъ рукъ поляжетъ.

(Рукопись конгор. семин. 6-ки, № 8885).

¹⁾ *Haec praestantissimam scientiam ab anno 1712 ad annum 1716 docuit Theophanes, et ita docuit, ut nova ab eo inde tempore in hoc studiorum genere apud Russos exoriretur lux. Quae inter explicandum tradiderat, ea auditores sui avidissime salamo excerpunt.* (Готская біографія Теофана.)

Сборникъ II Од. Н. А. Н.

2

Протестантство, принявши за основу богословія св. писаніе, разнѣю у себя библейскую филологію, критику и, въ тоже время, начало изучать христіанскіе догматы въ связи съ общею церковною исторіею.

Феофанъ предполагалъ составить полную систему богословія; но успѣлъ окончить только семь трактатовъ: введеніе въ богословіе; ученіе о Богѣ; о св. Троицѣ; о происхожденіи Св. Духа; о твореніи и промыслѣ; о неповрежденномъ челоуѣкѣ и объ оправданіи. При составленіи своихъ богословскихъ уроковъ онъ пользовался сочиненіями знаменитыхъ въ свое время протестантскихъ богослововъ — Квешштедта ¹⁾ и Гергарда ²⁾.

¹⁾ *Keswittedtz* (1617—1686) профессоръ и ректоръ вяттенбургскаго университета, составилъ и надалъ систему богословія въ 4-хъ томахъ, въ 1686 г.

²⁾ *Joanikъ Гергардъ* или Герардъ (1682—1687) преподавалъ богословіе въ Іенѣ съ рѣдкимъ успѣхомъ; отъ него осталось много сочиненій.

Послѣ Феофана Прокоповича, преемники его въ академіи по званію ректора и учителя богословія, опять обратились къ стариннымъ богословскимъ руководствамъ Фомы Аквината и схоластическихъ богослововъ. Но съ 1768 г., по распоряженію кievскаго митрополита Арсенія Могиланскаго, взяты въ руководство, въ преподаваніи богословія, уроки Феофана Прокоповича. Наставники распространили и дополнили ихъ по своему усмотрѣнію, неизмѣнно однакожь придерживаясь ихъ плана. Въ 1770-хъ годахъ явились въ печати отдѣльные трактаты Феофанова богословія на латинскомъ и русскомъ языкахъ. (Объ издачіяхъ ихъ въ Словарѣ м. Евгения и въ Обзорѣ русской духовной литературы, т. II, пресса. Филарета.)

Какая живость въ изложеніи у Феофана, можно судить по слѣдующей выпискѣ изъ сочиненія его: «de processione Spiritus Sancti» о лiевскомъ соборѣ: «соборъ оный есть весьма увеселительная исторія и достойная прочтенія, если время дозволитъ. Нѣтъ ничего такоу невеселаго и неприятнаго, нѣтъ никакихъ споровъ и никакихъ прешій. Не въ каждомъ засѣданіи великоглагольное врѣднѣе открывается, сирѣчь, какимъ образомъ святѣйшаго панау діакону обувають, раздѣвають, облачаютъ, куда онъ обращается, когда онъ встаетъ, стоитъ, сидитъ? Какимъ голосомъ начинаютъ церковныя стихиры? Кто говорить къ народу: преклонитъ колѣна? Потомъ кто вопіеть: горѣ нѣмѣемъ сердца. Ибо всѣ сии церемоніи мастера именно тамъ описываются: а сіе, какъ я думаю, знатъ къ великой пользѣ церкви послужитъ. Еще, сверхъ сего, повѣствуетъ исторія, что, по окончаніи каждой таковой церемоніи и послѣ каждого панскаго глгодвиженія, самъ панау незнаемо что-то проповѣдываютъ, прочіи же отцы, тамо присутствовавшіи, всѣ были настоящими зрителями комедій. Они ничего не дѣлали, ничего не говорили: толкая бо уже въ тогдашнее время обладала грубость и невѣдѣніе церковнаго правленія. На тотъ же самый соборъ вызваны два великіе противоборцы, а именно Фома Аквинатъ деминаканецъ и Бонавентура францискавецъ: но оный еще въ пути умеръ, а сей

Въ 1712 году Теофанъ написалъ сочиненіе подъ заглавіемъ: *Распра Павла и Петра о тѣ неудобносымомъ* ¹⁾. Сочиненіе это подверглось строгой критикѣ. Ректоръ московской академіи, архим. Теофилактъ Лопатинскій, написалъ на него опроверженіе, подъ заглавіемъ: *Ню Господне благо и время Ею легко*, сі есть законъ Божій съ заповѣдями своими отъ призрачныхъ новоземщипленныхъ освобождаетъ. «Вина сочиненія книжицы сея, — писалъ Теофилактъ, — есть писаніе противниче, вносящее въ міръ россійскій мудрованія реформатскія, досегѣ въ церкви православной неслыханныя, о законѣ Божіемъ и оправданіи». Теофилактъ посвятилъ свой трудъ св. церкви, вручая и свою книгу ея суду и исправленію. Но онъ былъ слишкомъ строгъ къ Теофану, укоряя его въ послѣдованіи Лютеру и Кальвану. Споръ этотъ послужилъ поводомъ къ неудовольствію между Теофаномъ и Теофилактемъ, продолжавшемуся во все время ихъ жизни и окончившемуся для послѣдняго весьма плачевно ²⁾.

Хозяйство училищнаго монастыря было до Теофана крайне запущено. Вспомогательн, гдѣ черезъ 25, вспоминая объ этомъ, онъ писалъ: «помню я, что тамо (въ Братскомъ училищномъ монастырѣ) дѣлалось, во время младыхъ лѣтъ моихъ, при Головчатѣ и Гугуревчатѣ и другихъ ректорахъ. Всѣ маестности братскія были въ полномъ содержаніи. Были времена весьма пріятныя: не было войны, не было никакихъ армейскихъ походовъ, не слышали мы тогда, что недородъ, что голодъ; а въ братскомъ монастырѣ такая была во всемъ нищета, что и вспоминать печально; и я бы нынѣ не вѣрилъ, если бы тогда самъ не видѣлъ; житницы и погребя пусты, никакой изъ дня на день провизии, никакого при-

---

въ Москвѣ — прежде разшествія собора; да и весьма благовременно; ибо что бы тамо дѣлать или съ кѣмъ спорить столь высокаго богословага.

Кіевскій митрополитъ, Самуилъ Миславскій, дополнивши Теофановы уроки, по его плану и методу, выдалъ ихъ въ видѣ цѣлой системы, въ 8-хъ томахъ, Лейпцигѣ 1782 г. Послѣ того, ректоръ кіевской академіи, Ириней Фальковский, составилъ изъ нея сокращенный учебникъ и напечаталъ въ 1805 г.

¹⁾ Издава въ 4-й части сочиненій Теофана въ 1774 г. и особо въ Москвѣ 1784 года.

²⁾ Въ 1786 г. рукопись *Ню Господне* потребована была въ Тайн. канцелярію. Мы видѣли ее тамъ между полуусогнанными бумагами странной канцеляріи. Другой экземпляръ въ архивѣ архим. № 61.

пасу не бывало; на всякъ день пищу, и то скудную и подлую, на рынкѣ покупали, а и на оную покупку употребляли господа ректоры нѣкую часть денегъ изъ годоваго гетманскаго подаянія. А какая такой бѣдности могла быть причина? Одно только незнаніе экономіи, и не одно только незнаніе, но къ тому противныя и раззорительныя поступки, начальныхъ — нерадѣніе, лѣность, дреманіе, гнусность, да еще при пособіи шумныхъ дневоцныхъ забавъ, а подначальныхъ — иныхъ непросыпшаемое пьянство, а другихъ прилежныя кражи..... А съ 1711 года получивъ я чинъ ректорскій и потомъ тщательнаго намѣстника бл. л. Епифанія (Тихорскаго), бывшаго послѣ бѣлоградскаго архіерея, когда только объѣзжая, осмотрѣли мы села и деревни, земныя и водныя угодія, тотчасъ являлось, что братскій монастырь убогимъ называть грѣхъ, а въ немъ не быть кому сыту — стыдъ и смѣхъ великій. Что же воспослѣдовало? Хотя и превеликія армен стояли, хотя еще не весьма и вѣрные городничіи т. е. посельскіе монахи были: однакожь всего у насъ превозобильное было довольство и не только для своихъ, но и для подарковъ многимъ господамъ и для принятія не малыхъ и не малолюдныхъ, да еще и частыхъ, гостей. Скоро нужда явилась не одинъ вновь погребъ дѣлать и житницу великую строить, и слухъ въ народѣ носился, что въ братскомъ монастырѣ кладъ найденъ. И правда найденъ, да тотъ, который предъ очима всегда былъ, да не знаю, какъ-то его затекшія очи не видѣли. Надѣюсь, что еще въ живыхъ нѣкіи обрѣтаются, которымъ по совѣсти сказать могутъ, что въ съѣстныхъ напаче и питейныхъ припасахъ не просто чернечіе, но господскіе были достатки; да и денежныя прибыли начали показываться¹⁾.

Какоевъ онъ былъ въ ученомъ кругу своихъ сослуживцевъ, мы не знаемъ. Но внѣшнія сношенія его съ разными лицами и мѣстными властями показываютъ въ немъ человѣка предусмотрительнаго, оборотливаго, практическаго.

Кіевскимъ губернаторомъ, въ послѣднее время ректорства Оеофана, былъ князь Д. М. Голицынъ, одинъ изъ самыхъ образованныхъ людей своего времени. Одинаковая склонность бли-

¹⁾ Письмо Оеофана къ кіевскому архіепископу Равазгу Заборовскому, 8 марта 1786 г. Русскій Архивъ 1865 г. стр. 439—444.

зла его съ Теофаномъ, который часто бывалъ у него, пользовался его библіотекой и, по его совѣту, перевелъ съ иностранныхъ языковъ на русскій нѣсколько полезныхъ сочиненій.

Кіевскимъ митрополитомъ былъ въ ту пору Іоасафъ Кроковскій, человекъ добрый, но престарѣлый. Онъ самъ мало входилъ въ дѣла, предоставивъ управленіе ими своему намѣстнику, архидіакону Іоанникію Сѣнютовичу. Относясь съ почтеніемъ къ митрополиту, Теофанъ видѣлъ настоящаго правителя митрополи въ архидіаконѣ, льстилъ ему и завскаивалъ въ немъ такъ работѣнно, какъ будто отъ него зависѣла не только судьба его, но и самая жизнь. Вотъ одно изъ писемъ его къ Сѣнютовичу, которое производитъ именно такое впечатлѣніе.

«Къ полнотѣ милостей, которыми я такъ много и часто пользуюсь отъ вашей святости, вы не отказались присовокупить еще одну, по поводу вчерашней прозбы моей, съ которою я былъ такъ надобѣдивъ и почти безстыденъ. Вы были благосклонны ко мнѣ даже тогда, какъ имѣли полное право гнѣваться на меня, потому что я надобѣдаю вамъ такъ много, не имѣя на то никакого права. Но желаніе мое сбылось и вы сами не нашли его недостойнымъ. Богъ свидѣтель, что я воадаю вамъ за это величайшую благодарность, потому что, послѣ Бога, я никому столько не обязалъ, какъ вамъ. Но я не могу никогда возблагодарить достаточно. «*Saepe gemente deo fert deus alter orat.*» — говоритъ, по своему языческому обычаю, поэтъ языческій. Это самое я давно уже испыталъ, потому что въ то время, какъ мнѣ бѣдному угрожалю столько враговъ, вдругъ, по устроенію божественнаго промысла, является человекъ, который подаетъ помощь обуреваемому волнами: да, вы одни меня, всѣмъ ненавистнаго и всѣмъ оставленнаго, не только не оставляете, но еще какъ бы закрываете собственнымъ тѣломъ, въ одно время и защищаете и покровительствуете. Вы одни для меня, какъ я вижу, вмѣсто цѣлаго народа, какъ сказагъ о комъ-то кто-то изъ древнихъ ¹⁾».

Случайность свела его съ семействомъ Марковичей, которое было въ свойствѣ съ самыми первыми малороссійскими фамиліями и играло значительную роль въ Малороссіи.

¹⁾ Госуд. арх. Дѣла о Теофанѣ Прокоповичѣ.

Глава этого семейства, лубенскій полковникъ Андрей Марковичъ, пользовался почетомъ во всей Малороссіи, какъ можно заключать изъ того, что, когда по смерти гетмана Данила Апостола, Малороссія отдана была въ управленіе шести членамъ, то однимъ изъ нихъ былъ Марковичъ. Родная сестра его была за гетманомъ Скоропадскимъ, что вводило его въ родство съ Толстыми, такъ какъ дочь гетмана была замужемъ за молодымъ Толстымъ, нѣжинскимъ полковникомъ. Сынъ его, Яковъ Андреевичъ Марковичъ, получилъ образованіе въ кievской коллегіи, находившейся подъ управленіемъ Феофана. Необыкновенная живость и даровитость Марковича такъ расположила къ нему Феофана, что они сдѣлались друзьями, несмотря на разность лѣтъ и общественнаго ихъ положенія, пересылались письмами, обмѣнивались книгами, извѣщали другъ друга о своихъ ученыхъ работахъ, открывали другъ другу свои мечты и надежды. Вскорѣ по выходѣ изъ коллегіи, Марковичъ женился на дочери извѣстнаго Павла Полуботка, полковника черниговскаго, бывшаго послѣ наказнымъ гетманомъ. Феофанъ пользовался у него гостепріимствомъ, какъ въ близкой семьѣ и былъ привязанъ къ его дому. Тутъ они мѣшали дѣло съ бездѣльемъ: читали Бекона, Декарта, Буддея, польскихъ историковъ, переводили съ еврейскаго разныя мѣста изъ библіи, сочиняли вирши, а въ веселый часъ и погуливали ¹⁾. Между печатными письмами Прокоповича, есть нѣсколько писемъ къ Марковичу, обрисовывающихъ ихъ отношенія. «У меня такъ много дѣла, — писалъ къ нему Феофанъ 13-го апрѣля 1716 года, — что я точно подъ гнетомъ. Отчего бы тебѣ не выдумать какого нибудь дѣла, либо какого нибудь предлога, чтобъ побывать у меня. Ты знаешь, что для меня не можетъ быть ничего дороже такого гостя» ²⁾. «Вотъ тебѣ кое-что по твоему требованію. Кое-что говорю, потому что ты желаешь большаго въ отвѣтъ на присланныя ко мнѣ вопросы. Я написалъ тебѣ полный трактатъ объ оправданіи, написалъ поспѣшно, въ два дня. Поэтому ты не удивишься, если иное изложено сбивчиво и не строгимъ методомъ, а иного и не найдешь вовсе. Я готовлю цѣлую книгу объ этомъ предметѣ въ на-

¹⁾ Дневныя замѣтки малороссійскаго подскарбіа, генерала Якова Марковича. М. 1869 г.

²⁾ Theoph. Epistola 1.

пшемъ богословскомъ курсѣ; а въ какомъ мѣстѣ, можешь догадаться самъ по тѣмъ трактатамъ, которые я недавно послалъ къ тебѣ. Тамъ это изложено будетъ пространнѣе и научнымъ методомъ¹⁾. «Я послалъ къ тебѣ трактатъ объ оправданіи, съ казачкомъ почтеннаго родителя твоего, и еще шесть книгъ: первую — богословіе Іакова, короля Англіи — (дай Богъ, чтобы, по сомненности съ нимъ, твоя слава также наполнила Россію, какъ его наполнила Британію); другую — апологию; третью и четвертую — математическія: они довольно легки и много въ нихъ пріятнаго; пятую — политическую: авторъ ея очень разсудительный, хотя еще молодой человекъ — онъ въ Лейпцигѣ домашнимъ учителемъ дѣтей нашего князя, отъ котораго я и получилъ эту книгу; шестая, наконецъ, думаю, необходимая для вашего хозяйства, на польскомъ языкѣ, называется Гиппика или о лошадяхъ²⁾».

По обычаю набожныхъ людей, Марковичъ принималъ у себя разныхъ монаховъ, во множествѣ приходившихъ въ Малороссію изъ Греціи, съ Афона и изъ славянскихъ земель. Теофанъ иногда предостерегалъ своего друга, чтобы онъ былъ поразборчивѣе на счетъ этихъ людей и ихъ прозвѣ. «Монахи Сербы очень понравились мнѣ; это — простые и скромные люди, истые монахи; они погостили у насъ около осьми недѣль. Прошу ваше превосходительство помочь имъ найти доступъ къ ясновельможному. Почти вслѣдъ за ними прибылъ еще монахъ Сербъ, — который выдалъ себя за архимандрита. Дрянъ человѣчишка, хвастливый, легкомысленный; да онъ не замедлитъ показать себя такимъ и предъ вашими. Я бы не совѣтовалъ вамъ принимать такихъ негодяевъ³⁾».

¹⁾ Epistola 2.

²⁾ Epistola 3.

³⁾ *Postumulus ille est nequam, fastuosus, leviculus. Tales autem nebulones non suaserim fovendos. Epistola 3.*

II.

Вызовъ Беофага въ С.-Петербургъ. — Протесты московскихъ ученыхъ и м. Стефана Яворскаго. — Посвященіе въ епископа. — Ученые труды. — Полемика съ княземъ Д. Кантемиромъ.

Въ 1715 году Государь приказалъ Прокоповичу пріѣхать въ С.-Петербургъ. Беофанъ, и всѣ въ Кіевѣ, сочли это знакомъ скорого посвященія его въ епископы. Съ какимъ расположеніемъ духа онъ встрѣтилъ это предложеніе, видно изъ письма его къ Марковичу 9-го августа 1716 года.

«Во время твоего отсутствія я былъ у тебя и пользовался твоимъ гостепримствомъ, что было мнѣ конечно очень пріятно, хотя непріятно, что я не засталъ тебя дома и неожиданно потерялъ случай побесѣдовать съ тобою о многомъ, о чемъ хотѣлось поговорить съ пользою. Впрочемъ всякій ущербъ легко можетъ вознаграждать Богъ, который устрояетъ наши дѣла лучше нашихъ расчетовъ и даже ожиданій. Живой примѣръ этого ты самъ, который, при помощи Божіей, въ короткое время, оказалъ такіе успѣхи въ богословіи, о которыхъ и помышлять не могутъ тѣ сановные монахи (*mitrata illa capita*), которыхъ мы въ послѣднее время видѣли вмѣстѣ не мало».

«Можетъ быть ты слышалъ, что меня вызываютъ для епископства. Эта почеть меня также привлекаетъ и прельщаетъ, какъ если бы меня приговорили бросить на съѣденіе дикимъ звѣрямъ Я завидую на добрыхъ людяхъ митрамъ¹⁾, саккосамъ, посохамъ, свѣщамъ и другимъ украшеніямъ этого рода: прибавьте къ этому еще большихъ и вкусныхъ рыбъ; но если я интересуюсь этимъ, если нищу этого, пусть Богъ покаретъ меня чѣмъ нибудь, еще худшимъ. Я люблю дѣло епископства, и хотѣлъ бы быть епископомъ, если бы, вмѣсто того, не пришлось разыгрывать комедіи;

¹⁾ *Invideo bonis viris mitra etc.* — Въ Трудяхъ киевской д. академіи (1863 г. кн. I. стр. 142) переведено: «я ненавижу лучшихъ людьми своей души митры и проч., что измѣняетъ смыслъ и грамматически невѣрно».

ибо таково это испорченнѣйшее состояніе, если не исправить его божественная премудрость. Съ своей стороны я употреблю всѣ усилія, чтобы отклонить отъ себя эту честь и поскорѣй возвратиться къ вамъ; а вы помолитесь всевышнему Богу, чтобы такъ случилось. Я не кончилъ еще и богословскихъ занятій, и если бы кончилъ, то считалъ бы тогда, что исполнилъ нѣкоторое временное епископство и былъ пастыремъ, если не для многихъ, если не для кого другаго, то по крайней мѣрѣ для самаго себя. При выходѣ изъ вашего дома меня встрѣтилъ какой-то еврей, который сказалъ, что онъ хочетъ сдѣлаться христіаниномъ, но не имѣлъ никакого понятія о христіанствѣ, ибо ни отъ кого ничего не слышалъ, сказалъ только, что онъ сдѣлался оглашеннымъ. Когда я спросилъ, что значитъ оглашенный? Онъ отвѣчалъ, что ему какой-то попъ переимѣнилъ имя. Вотъ тебѣ прекрасное состояніе церкви! Съ какимъ бы намѣреніемъ онъ ни просилъ того, чего просить, но Богъ отъ насъ требуетъ, чтобы его научить, иначе возыщеть кровь его отъ рукъ нашихъ¹⁾.

Болезнь удержала Феофана въ Кіевѣ до осени будущаго (1716) года. Прибывши въ С.-Петербургъ онъ не засталъ тамъ государя, который былъ, въ то время, за границей. «О нашихъ дѣлахъ — писалъ Феофанъ къ Марковичу по приѣздѣ въ С.-Петербургъ, — узнай вотъ что. Путь нашъ чрезъ постоянные и весьма длинныя мосты былъ весьма утомителенъ; я рѣшился плыть чрезъ Ладожское озеро, но, изнуренный морской качкой, едва помнилъ себя. Потомъ спустя шесть часовъ я вышелъ на берегъ и проклялъ это разбойничье озеро. 14-го октября я прибылъ въ Петербургъ, явился къ высочайшему господину князю и ласково принять имъ. Когда я, между прочимъ, хотѣлъ говорить, кому слѣдуетъ, о своемъ возвращеніи къ вамъ, то получалъ отказъ и сказано, что не могутъ и слышать объ этомъ. Равно и всѣ, которые, повидимому, расположены ко мнѣ, настоятельно просили, чтобъ я не позволялъ себѣ говорить объ этомъ въ отсутствіи пресвѣтлѣйшаго. Тотчасъ же послѣ нашего прибытія, князь послалъ въ сенатъ съ вопросомъ: что рѣшать обо мнѣ сенаторы. Ему отвѣчали, что они, въ скорѣйшемъ времени, напишутъ къ царскому

¹⁾ Epist. 5.

величеству: и такъ доселѣ нѣтъ ничего опредѣленнаго. Между тѣмъ я одинъ, и какъ бы единственный, началъ *киттилизаторство* (сказывать поученія), чѣмъ и занимаюсь¹⁾.

До прїѣзда государева; (а государь возвратился черезъ годъ послѣ прїѣзда Феофана въ С.-Петербургъ), Феофанъ занимался сказываніемъ проповѣдей, которыя тотчасъ-же печатались и пересылались къ государю. Феофанъ былъ въ нихъ больше публицистомъ, нежели церковнымъ ораторомъ, болѣе рассказывалъ и разъяснял, съ правительственной точки зрѣнія, политическія дѣла, нежели научалъ истинамъ вѣры и правиламъ частной добродѣтели.

Вниманіе къ нему Меншикова, который, за отсутствіемъ государя, правилъ дѣлами государства, и слава его проповѣдей, обратили на него всеобщее вниманіе. Учитель царевича Вяземскій извѣщалъ о немъ своего воспитанника: «еще доношу, Прокоповичъ сюда прїѣхалъ и сказываетъ здѣсь казанья и велѣно ему вѣдать во Псковѣ, Нарвѣ, Дерптѣ и Ревелѣ духовныя дѣла, только какъ не благо-денно съ нимъ обойдется». Кажется, они не радовались возвышенію Феофана и считали его дурнымъ предназначеніемъ для себя. У нихъ ужъ былъ передъ глазами невскій архимандритъ Феодосій, *разрушавшій государю на ось*²⁾: теперь къ нему присоединялось еще такое же новое лицо.

Кромѣ того, Феофанъ занимался, въ это время, составленіемъ родословной таблицы русскихъ государей и приготовилъ ее къ печати. Эта небольшая по объему вещь стоила ему большихъ хлопотъ, потому что, для точности въ хронологическихъ показаніяхъ, нужно было перечитывать русскихъ и польскихъ историковъ и лѣтописцевъ и обсуживать, кто изъ нихъ говоритъ справедливѣе³⁾. Въ 1717 г. Меншиковъ, при своемъ письмѣ, представилъ этотъ трудъ государю: «при семъ прилагаю, по прошенію Прокоповича, до вашего величества листъ, здѣсь отъ него сложенный генеологія вашей, и ежели что изволите на ономъ переменить, убавить или что прибавить, то прошу въ тѣхъ мѣстахъ отмѣтить и сюда оный листъ прислать, который уже бы на мѣрѣ положи,

¹⁾ Epistola XX. Труды кiev. акад. 1865 г. кн. I. стр. 149.

²⁾ Устрялова, Исторія Петра, Т. VI, стр. 245.

³⁾ Epistola IX.

велѣлъ такую доску сдѣлать ¹⁾). Въ томъ же году эта роспись была напечатана на листѣ, съ лицевыми изображеніями государей.

Государь возвратился въ С.-Петербургъ 10-го октября 1717 года. Первая встрѣча его съ Теофаномъ была совершенно въ пользу Прокоповича. По порученію Меншикова онъ приготовилъ къ пріѣзду государя три поздравительныя рѣчи — одну отъ лица двухлѣтняго царевича Петра Петровича, другую — отъ лица царевенъ Анны и Елисаветы, третью — отъ лица всего народа. Когда Государь вошелъ въ комнату дѣтей, то изъ помянутыхъ рѣчей первую произнесъ предъ нимъ Herzens-Kind Меншиковъ, вторую — старшая царевна Анна Петровна, третью — самъ Теофанъ. Вслѣдъ затѣмъ, въ воскресенье 16-го октября, онъ сказалъ Государю, въ Троицкомъ соборѣ, отъ лица всего народа поздравительное слово ²⁾; а 24-го октября, въ день именинъ царицы, сказалъ въ честь ея похвальное слово изъ словъ пѣсни пѣсней: «рѣпка яко смерть любви». Государь нашелъ въ Теофанѣ такого человѣка, какой ему нуженъ былъ для исполненія его предпріятій въ дѣлѣ церковнаго управленія и народнаго образованія.

За нѣсколько времени передъ тѣмъ скончался псковскій митрополитъ Іосифъ. Государь рѣшился назначить на его мѣсто Теофана. Это назначеніе, судя по всѣмъ обстоятельствамъ, сдѣлано было и огласилось, хотя и не было объявлено официально, въ началѣ 1718 года.

Въ промежутокъ времени между его назначеніемъ и посвященіемъ, Теофанъ произнесъ въ вербное воскресенье замѣчательную проповѣдь *о власти и чести царской*, въ которой видны очень ясныя намеки на положеніе дѣлъ и современныя лица. Судя

¹⁾ Голицына, Дѣянія Петра, Т. IV. стр. 592, изд. 2-е.

²⁾ «Державнѣйшій государь прібылъ въ С.-Петербургъ 10-го октября — писалъ Теофанъ къ Іоаннику Сѣнютовичу; а 16-го числа—это было въ воскресенье—я говорилъ ему съ каедръ привѣтствіе въ церкви св. Троицы, и когда кончившися, то онъ принялъ мой поклонъ съ пріятнымъ взоромъ, при взаимномъ рукъ цѣлованіи. Возвратился съ его величествомъ достопочтеннѣйшій архимандритъ Теодосій (Яновскій). Я нашелъ въ немъ честнаго и образованнаго человѣка. Онъ любитъ и ученыхъ, но предпочитаетъ простыхъ. Еще что? Слышю, что ваши ученые, равно какъ и московскіе, скоро сюда будутъ, если не помышляетъ что нибудь важное; а за тѣмъ — неизвѣстно.» Epistola XIX.

по этимъ намекамъ, можно догадываться, что государь уже открылъ ему свои планы объ устройствѣ духовнаго чина и что, разсуждая съ нимъ объ этомъ предметѣ, онъ, вѣроятно, дѣлалъ свои замѣчанія о главныхъ лицахъ тогдашняго духовнаго правительства.

Говоря о противникахъ царской власти въ древнее и настоящее время, Феофанъ съ особеннымъ удареніемъ останавливается на современныхъ противникахъ. «Суть нѣщын (и даль бы Богъ, дабы не были многіи) или тайнымъ бѣсомъ льстимѣи, или меланхоліею помрачаеми, которыи такового нѣкоего въ мысли своей имѣють урода, что все имъ грѣшно и скверно мнится быти, что либо увидятъ чудно, весело, велико и славно, аще и праведно и правильно и небогопротивно; наприкладъ, лучше радуются вѣдомостями скорбными, нежели добрыми; самаго счастья не любятъ, и не вѣмъ како то о самихъ себѣ думаютъ, а о прочіихъ такъ: аще кого видятъ здрава и въ добромъ поведеніи, то конечно не святъ; хотѣли бы всѣмъ человѣкомъ быти злообразнымъ, горбатымъ, темнымъ, неблагополучнымъ, и развѣ въ такомъ состояніи любили бы ихъ. Таковыхъ Еллини древніи нарицали мисантропи, сіе есть, человѣконенавидцы. И есть давная и дивная повѣсть о нѣкоемъ такомъ Тимонѣ именовемъ, жителѣ Аэнейскомъ: той только богѣзновагъ сею страстію и, ненавидя добраго поведенія въ людѣхъ, толь жадно желалъ злочюченія отечеству своему, что послѣжде спелъ съ ума, и таковой обморокъ и мечтаніе возимѣлъ, аки бы ему подлинно нѣкто донесъ, будто аэнейи вси хотятъ вѣшатися; тотъ часъ же радъ и веселъ въ народъ, и таковую возгласилъ проповѣдь: мужіе, рече, аэнейстѣи, есть у мене въ вертоградѣ древо великое, и много крѣпкихъ вѣтвей на немъ, да, для потребнаго, на мѣстѣ томъ зданія, срубить хошу скороже; молю васъ, идите вѣшайтесе, ибо долго ждать не могу. Не обрѣгаются ли и нынѣ таковѣи? Аще и не въ таковой мѣстѣ, обаче суть тако злобныи и понурѣи».

Намекъ слишкомъ ясный. Государь не любилъ Стефана Мворскаго за то, что тотъ косо смотрѣлъ не на одно только его разгулье, но и на всѣ его нововведенія. На сторонѣ Стефана было много лицъ духовныхъ и свѣтскихъ.

«Помыслить бо кто, — продолжаетъ проповѣдникъ — и мно-

гли мыслить, что не все весьма люди снѣмъ должествомъ обязаны суть, но нѣкіи выключаются, именно же священство и монашество. Се тернѣ, или паче репи, жало, но жало се змино есть, папешскій се духъ, но не вѣмъ, какъ то досягающій и касающійся насъ; священство бо иное дѣло, иной чинъ есть въ народѣ, а не иное государство.» Опять намекъ и слишкомъ прозрачный на неподсудность церкви государству и на тѣ обстоятельства, которыми сопровождалось уничтоженіе патриаршества и учрежденіе коллегіальнаго духовнаго правленія. Ясно, что въ ту пору, когда Теофанъ говорилъ свою проповѣдь, идея Синода и коллегіальнаго духовнаго правленія, а вмѣстѣ съ этимъ введенія церкви въ общую систему коллегіальнаго управленія, уже переходила изъ области предположеній въ область фактовъ.

Но въ то время, когда Теофанъ торжествовалъ восходъ своей звѣзды въ С. Петербургѣ, въ Москвѣ составлялся противъ него протестъ съ цѣлю воспрепятствовать посвященію его въ епископа.

Винновниками этого протеста были ученые московской академіи Гедеонъ Вишневскій и Теофилактъ Лопатинскій.

Оба они были учителями въ кievскихъ школахъ и сослуживцами Теофана. Теофилактъ былъ старше, а Гедеонъ — моложе Теофана. Въ 1705 г. Теофилактъ перешолъ въ Москву, а Теофанъ остался въ Кіевѣ. Почти въ одно время они сдѣлались ректорами — Теофанъ въ кievской, а Теофилактъ въ московской академіи; оба были извѣстны государю, какъ самые даровитые и образованные люди въ духовенствѣ. Теофилактъ съ честью и успѣхомъ исполнялъ разныя государевы порученія. Въ 1710 г. онъ вызванъ былъ въ С. Петербургъ, вмѣстѣ съ префектомъ московской академіи, Стефаномъ Прибыловичемъ. На пути, въ Новгородѣ, они заходили къ м. Юву и произвели на него неодинаковое впечатлѣніе — Теофилактъ выгодное, а Прибыловичъ — неблагоприятное и тѣмъ еще болѣе уронилъ во мнѣніи старца кievскія школы, уже очерченныя въ его глазахъ Лихудами¹⁾. Тео-

¹⁾ М. Ювъ писалъ объ этомъ свиданіи въ С. Петербургъ къ Я. Н. Римскому-Корсакову: «префектъ, господинъ Стефанъ, былъ у насъ и отпущенъ»

Феодяктъ явился къ государю, исправилъ, по его замѣчаніямъ, составленную имъ службу о полтавской побѣдѣ и отпушенъ опять въ Москву¹⁾.

По долгу честнаго человѣка онъ исполнялъ свою должность самымъ добросовѣстнымъ образомъ и не уклонялся ни отъ какого труда, выходящаго изъ его обязанностей, или возлагался на него по особенному довѣрію правительства. Когда въ Москвѣ начали распространяться лютеранскія и кальвинскія заблужденія, Феодяктъ, по порученію м. Стефана, увѣщевалъ главныхъ начальниковъ этихъ заблужденій, чтобы они отстали отъ своего лжеученія и нераспространяли его въ народѣ²⁾. Послѣ того принималъ дѣятельное участіе въ исправленіи славянской библіи, которое производилось, подъ наблюденіемъ м. Стефана, въ Москвѣ при тамошней типографіи: впоследствии само духовное правительство отнеслось къ этому дѣлу весьма неблагодарно и несправедливо³⁾. Въ 1716 г. онъ составилъ разборъ ложной повѣсти о славянскихъ апостолахъ — Кириллѣ и Меѳодіи, выписанной изъ книги Мавроурбина и 27 іюля препроводилъ, при письмѣ, къ И. А. Мусину-Пушкину⁴⁾.

съ достоюжною честію. Благоволи на слово позвати его. Мудръ есть чело-вѣкъ и богослова себе нарицаеть многіе паче, неже нине нѣкіи. Егдаже услышиши, самъ весьма уразумѣеши, каковы суть богословы, являющіеся въ кіевскихъ новыхъ левнейскихъ школахъ. Израднаго изъ нихъ познахъ быти Допатинскаго, яко мужъ кротокъ есть и смиренъ во всяцѣмъ своемъ состояніи, паче же во страхѣ Божіи. 1710 г. окт. 16». Страница, 1861 г. кн. 2, стр. 90.

¹⁾ Голицова, Дѣян. П. В. Т. IV, стр. 483, изд. 2-е.

²⁾ Московскіе еретики въ царствованіе Петра I. Права. Обзор. 1863 г. Т. X и XI.

³⁾ Въ 1735 г. Феодяктъ предлагалъ Синоду, по случаю вновь возбужденнаго вопроса объ исправленіи слав. библіи: «всѣ сдѣланныя уже поправки вновь перевѣрить съ греческою библіею, но весьма вѣруя исправительскимъ примѣчаніямъ: могли они задремать и памятью погрѣшнть». Исправленіе текста слав. библіи передъ изданіемъ 1751 г. въ Права. Обзор. 1860 г. Т. I, стр. 487.

⁴⁾ «На повѣсть ложную о славянскихъ нашихъ апостолахъ—Меѳодіи и Кириллѣ, выписанную изъ книги Мавроурбина и имѣ присланную, отвѣтъ, каковъ возможъ по скудоумію моему обрѣсти, посылаю, о которомъ отъ вашего сіятельства высокое разсужденіе на письмѣ видѣти желаю» 27 іюля 1716 г. (Госуд. Арх. Переписка разн. лицъ съ Мусинымъ-Пушкинымъ).

По управленію школами онъ стѣсненъ былъ самыми вопіющими нуждами. Зданія, въ которыхъ помѣщались школы, были такъ ветхи, что каждый часъ угрожали опасностію жизни и начальниковъ и учениковъ. Не смотря ни на прозбы, ни на мольбы Теофилакта, никто не хотѣлъ принять въ нихъ участія. Наставниковъ и учениковъ безнаказанно обижали постороннія лица¹⁾. Внутренняя сторона школъ была не лучше. Петръ I, задумавъ преобразование народа, отправляя молодыхъ людей цѣлыми сотнями въ чужіе края для изученія разныхъ наукъ, искусствъ и ремеслъ. Московская академія, единственное училище въ сѣверовосточной Россіи, должна была каждый годъ выдѣлять по нѣскольку воспитанниковъ для обученія наукамъ, невходившимъ въ планъ ихъ первоначальнаго воспитанія. Ближайшимъ слѣдствіемъ этого было обѣдненіе школы, потеря лучшихъ воспитанниковъ, которые могли бы впоследствии быть хорошими въ ней наставниками; отдаленнымъ. — потеря лучшихъ людей для церкви, — жалкая тѣмъ болѣе, что съ выходомъ лучшихъ людей на разные пути гражданской службы, естественно выдвигались впередъ, на первый планъ, лица, стоявшія въ заднихъ рядахъ по уму и по образованію; либо и того хуже — первыя мѣста по духовному вѣдомству отдаваемы были предприимчивымъ искателямъ приключеній, азіатскимъ выходцамъ и афонскимъ «предазатаямъ» (какъ называлъ ихъ

¹⁾ Въ 1716 г. Стефанъ Яворскій подалъ государю меморіалъ (Memoriale), въ которомъ обращалъ его вниманіе на состояніе школъ: «1) О состояніи Славяно-латинскихъ школъ, понеже учителямъ и ученикомъ озлобленіе великое творится отъ сильныхъ лицъ и учениковъ бьютъ безъ доложенія, кому надлежитъ, и на учительскій дворъ разбоемъ и скопомъ находитъ, отъ которыхъ не малое безчестіе и разореніе чинится: а впередъ бы такъ не дѣлали. 2) Школы обветшалы и ворота разоренны и весь дворъ школьный исправленія требуютъ. 3) Келія учительскія деревянныя и весьма стѣсны и жить въ нихъ не возможно. Былъ указъ новыя строить каменныя и — нестроено. Ученики, немущія сироты, въ русскои школъ не имѣютъ, почему учатся. Книги имъ выданы съ печатнаго двора, а нынѣ тыи книги обветшали и учатся на нихъ не возможно.» Кабин. Дѣла, II, № 24, л. 364.

«Школы адѣшнія, — писалъ Теофилактъ къ Мусину-Пушкину въ 1716 г. 27 июля, — зѣло ветхи, и аще не будетъ къ князю Петру Ивановичу (Прозоровскому) о скоромъ подкрѣпленіи ихъ писаніе, то невозможно будетъ и ученикамъ въ школы ходить и учителямъ въ келіяхъ обветшалыхъ жить. Разореніе сіе инакъ многимъ смерть, а казнь убавъ можетъ сотворити.» (Переписка гр. Мусина-Пушкина съ разными лицами; въ Гос. арх.).

московскім архіепископѣ Амвросіи Зертисъ-Каменскій¹⁾ которые увѣрены были, что въ Россіи скрыто золотое руно, и что только иноземцы обладаютъ тайною, какъ отыскать его.

Дѣл самое дѣлѣ нельзя не сознаться, что изъ нашихъ сѣверо-восточныхъ школъ не много вышло людей, на которыхъ бы можно было указать съ такою же гордостью, какъ кievскія школы указываютъ на Стефана Яворскаго, Теофилакта Лопатинскаго, Теофана Прокоповича, Симона Тодорскаго, Арсенія Мадіевича, Георгія Конисскаго и многихъ другихъ. А передовые ведутъ за собою свое поколѣніе. Поэтому многія явленія церковноисторической жизни XVIII столѣтія имѣли бы другой видъ, если бы на передовыхъ мѣстахъ были больше образованные люди, и въ церковномъ управленіи, можетъ быть, развились бы болѣе самостоятельности и болѣе достоинства, если бы лица, стоявшія въ челѣ его, имѣли болѣе внутренней силы, а не принуждены были, сперва для полученія, а потомъ для удержанія своихъ мѣстъ, искать внѣшней опоры.

«Слышалъ я, — писалъ въ 1717 г. И. А. Мусинъ-Пушкинъ къ Теофилакту, — что школы умаляются. Прошу, не изволь ихъ оставить, ибо сіе взыщется на васъ.» Этимъ, кажется, и ограничивалось все правительственное участіе къ моск. школамъ.

Теофилактъ перебивался, какъ могъ, изъ всѣхъ силъ. Свѣтскихъ воспитанниковъ, которыхъ онъ готовилъ для академіи, брали у него изъ подъ рукъ; оставалась одна надежда на ученыхъ монаховъ, потому что ихъ ужъ не возмутъ ни въ медицинскія школы, ни въ академи де-сіясъ, ни въ корабельную науку: но и эта надежда часто обманывала его. Въ 1716 году уходомъ ушелъ отъ него преемкъ Теофилъ Кроликъ за море учиться философіи, богословію и различнымъ языкамъ. Въ 1717 г. хотѣли взять другаго монаха, Гедеона Вишневскаго, для отправленія въ Мекленбургъ. Теофилактъ всѣхъ подымалъ на ноги, чтобы удержать хоть этого образованнаго монаха. «Архіерей пріѣхалъ къ Москвѣ, — писалъ онъ къ Мусину-Пушкину 23 янв. 1717 г. — а ни кого учителей не привезъ съ собою. Аще убо Вишневскіи

¹⁾ Письмо Амвросія къ Арсенію Мадіевичу, въ Читаніяхъ въ Импер. обществѣ исторіи и древн. рос. 1862 г. Кн. 2.

не будетъ удержанъ, человекъ молодъ и совершенный философъ и богословъ, — не возможно будетъ школамъ здѣшнимъ нарицаться академію и учениковъ и учителей отсюда спрашивать. Благоволи убо, государь, о задержкѣ Вишневскаго послать указъ къ господину стольнику Шишкину, а о высылкѣ инаго въ Мекленбургъ писать въ Кіевъ или какъ тебя, государя, Господь Богъ наставитъ». Гедео-на удержали въ Москвѣ. Такъ какъ онъ имѣетъ нѣкоторое значеніе въ нашей исторіи, то мы познакомимся съ нимъ поближе.

Вишневскій воспитывался сначала въ кіевскихъ школахъ, — потомъ за границей въ польскихъ училищахъ и получилъ отъ іезуитовъ степень доктора богословія. Возвратившись въ Малороссію, онъ поступилъ учителемъ въ кіевскую академію, въ которой ректоромъ былъ Теофанъ Прокоповичъ. Надменный своими познаніями, особенно степенью доктора, онъ отнесся презрительно къ своимъ товарищамъ и къ Теофану. «Вы знаете конечно, — писалъ Теофанъ, въ послѣдствіи, къ своимъ сослуживцамъ въ академіи, послѣ того какъ оставилъ ужь академію, — вы очень хорошо знаете, развѣ кто нарочно закроетъ глаза, чтобы не видать истины, какъ мы честно и радушно обращались съ Гедеономъ Вишневскимъ, когда онъ былъ профессоромъ въ нашей коллегіи, несмотря на то, что онъ съ гордостью отказался отъ назначенной ему катедры поэзіи и занялъ риторическій классъ, отнявши эту катедру у назначеннаго на нее Іосифа Волчанскаго. — Блаженной памяти архипастырь снисходительно посмотрѣлъ на это; по любви къ миру уступили и мы этой наглости. Не неизвѣстно вамъ и то, съ какого дерзости онъ въ нашихъ собраніяхъ поносилъ ругательствами достопочтеннаго отца Сильвестра, преефекта коллегіи и тщеславился своимъ, недавно полученнымъ, іезуитскимъ докторскимъ беретомъ, то есть ослинымъ украшеніемъ, и какъ часто мы, съ кроткой душой, снисходили къ этой его надменности. Извѣстно всѣмъ и то, какъ онъ выбылъ изъ нашей корпораціи, когда черниговскій полковникъ, имѣя преувеличенное понятіе о его учености, проламывалъ, какъ говорится, камни, чтобы добыть его въ учителя реторики своему сыну; съ своей стороны и Вишневскій съ равнымъ усиліемъ стремился къ предлагаемой ему должности. Знаете также, съ какимъ сумазбродствомъ причину выбгтія своего въ провинцію сложилъ онъ на насъ, какъ будто

мы выжили его; да и послѣ того подъ рукою распускалъ объ насъ разныя вѣсти. Это видѣлъ всякій, кто только нарочно не закрывалъ глазъ¹⁾. Кроме того мы знаемъ изъ другаго источника²⁾, что Гедеонъ часто спорилъ съ Феофаномъ о церковныхъ догматахъ и публично обличалъ его въ неправославіи.

Прибывши въ Москву, Гедеонъ принесъ съ собою нерасположеніе къ Феофану и поселилъ въ тамошнихъ ученыхъ, особенно въ ректорѣ Феофилактѣ, предубѣжденіе противъ чистоты его ученія. Пока Феофанъ оставался въ Кіевѣ, московскимъ его недругамъ не много было заботы о немъ. Но когда Государь потребовалъ его въ С.-Петербургъ, съ очевиднымъ намѣреніемъ произвестъ въ епископы, то враги его встрепенулись и подняли на ноги престарѣлаго Мѣстоблестителя.

Какія у кого были побужденія въ этомъ дѣлѣ, трудно сказать; конечно всѣ прикрывались интересами Церкви. Стефанъ съ Феофилактомъ, можетъ быть, точно опасались за неприкосновенность церковнаго ученія, въ виду угрожавшей ему опасности со стороны лица, которое займетъ такой высокій іерархическій постъ. Но что касается до Гедеона, то его безпокоили вѣроятно и другія, не совсѣмъ чистыя, чувства въ отношеніи къ Феофану. По крайней мѣрѣ самъ Феофанъ объяснялъ образъ его дѣйствій чрезвычайною гордостью и завистливымъ характеромъ.

При этомъ не надо упускать изъ виду еще одного обстоятельства, именно вліянія Польши на судьбу русскаго просвѣщенія и даже на ходъ многихъ событій въ русской церкви XVII и XVIII столѣтій.

Всѣмъ извѣстно, что многіе русскіе, въ XVI и XVII столѣтіяхъ, получили образованіе въ польскихъ іезуитскихъ училищахъ и, по возвращеніи въ Россію, занимали учительскія должности въ русскихъ училищахъ, въ кіевской и московской академіяхъ. Какъ ни велика была любовь ихъ къ прав. церкви и какъ ни сильно было желаніе принести посильную жертву на пользу ея — признаемъ въ нихъ самыя чистыя и святыя побужденія,

¹⁾ Epistola. 6.

²⁾ «Жизніе Феофана Прокоповича», соч. Маркелла Родышевскаго въ Дѣлѣ о Феофанѣ Прокоповичѣ. Читанія въ Общ. ист. и драм. росс. 1862 г. Кн. I.

которыми они проникнуты были во время своего образования: — тѣмъ не меньше должно сознаться, что не всѣ они сохранили чистоту своего ученія, что нѣкоторые изъ нихъ прониклись духомъ католичества, увлеклись его учрежденіями, обрядами, обычаями и даже усвоили понятія, не совсѣмъ согласныя съ православнымъ догматомъ. Стоитъ припомнить смятенія, которыя волновали русскую церковь въ послѣдней половинѣ XVII столѣтія, при патріархахъ Іоакимѣ и Адрианѣ, споры между Лихудами и ихъ противниками — Сильвестромъ Медвѣдевымъ, Гавріиломъ Домецкимъ и другими, о пресуществленіи Евхаристіи, чтобы призвать истину нашихъ словъ.

Явленіе это весьма понятно и весьма естественно. Какъ ни велика была въ русскихъ преданность къ церкви, но, при недостаткѣ ученаго богословскаго образованія и яснаго знанія всѣхъ пунктовъ прав. ученія, трудно было уберечься отъ вліянія неправославныхъ понятій, особливо въ такихъ пунктахъ, которые не выдавались въ рѣзкой противоположности съ православнымъ ученіемъ. Съ другой стороны іезуиты увлекали русскихъ, указывая имъ на общаго врага въ протестанствѣ и отвлекая ихъ вниманіе отъ собственнаго несогласія съ восточною церковію.

Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что люди, самые благонамѣренныя и преданные своей церкви, незамѣтно пропитавшись духомъ католичества, занесли его съ собою въ русскія училища и въ русскую церковь. Не говоримъ о томъ, что они заводили порядки въ школахъ по образцу іезуитскихъ училищъ и въ преподаваніе богословія ввели католическую схоластику; въ самое богословское ученіе внесены были понятія, чуждыя православной церкви. То, что мы сказали вообще объ ученыхъ, получившихъ образованіе въ іезуитскихъ школахъ, можетъ быть примѣнено и къ дѣйствующимъ лицамъ въ нашемъ разсказѣ. Мы не смѣемъ заподозривать ни ихъ преданности церкви, ни желанія соблюсти ученіе ея во всей чистотѣ и неприкосновенности; но хотимъ сказать только, что, при недостаточномъ состояніи русской богословской науки, они не могли совершенно отрѣшиться отъ того богословія, которое слушали у іезуитовъ, которому учились въ польскихъ школахъ¹⁾. Само собою разумѣется, что іезуиты были очень

¹⁾ Авторъ Молотка на Камень вѣры пишетъ о Степанѣ Яворскомъ, что

рады этому и охотно раздавали русскимъ почетные титулы магистра и доктора католическаго богословія; а русскіе богословы, въ простотѣ души, гордились и хвастались этими титулами, какъ великою честію.

Равнымъ образомъ и въ церковныхъ обрадахъ и вообще въ церковной практикѣ многое перешло въ русскую церковь изъ католическаго запада. Особенно малороссійскія церкви, бывшія въ непосредственномъ сопрیکосновеніи съ униатскими церквами, много потерпѣли отъ этой близости, къ ущербу обрядовой чистоты православной церкви. Какъ далеко простиралось это, можно судить по одному дѣлу, которое производилось въ 1726—1732 годахъ въ Синодѣ и въ Тайной канцеляріи, по поводу возбужденнаго вопроса о несогласіи малороссійскихъ церквей съ великороссійскими.

Нѣкто іеродиаконъ Макарій, жившій во многихъ русскихъ монастыряхъ въ Москвѣ, С. Петербургѣ и Кіевѣ, и искрестившій всю Россію, ходившій на Афонъ, чтобы «видѣть, въ какой силѣ тамъ состоятъ церкви»; обобедшій малороссійскія церкви за Кіевомъ подъ польскимъ владычествомъ, въ 1726 г. заявилъ протестъ о несогласіи малороссійскихъ церквей съ великороссійскими.

Вслѣдствіе этого протеста; — послѣ разсмотрѣнія его присутствовавшимъ въ Синодѣ вологодскимъ преосвященнымъ Афанасіемъ Кондоиди, — Синодъ предписалъ указомъ преосвященнымъ кіевскому и черниговскому, «чтобы они въ своихъ епархіяхъ смотрѣли накрѣпко и весьма наблюдали, дабы никакого несогласія въ догматахъ церкви православной отнюдь не происходило, но во всемъ исполняемо было непремѣнно по преданіямъ св. апостоловъ и богоносныхъ отецъ¹⁾».

онъ «весьма папешское ученіе въ левскихъ школахъ утвердилъ, ибо по немъ много между пшеницею тернія возрасте, которое по немъ хотя весьма ревнительнѣйшіе ректоры о истинѣ прилежно искоренить тщались, обаче еще искра въ пепелѣ крыется, о чемъ многіе совершенно учашые, бывшіе понемъ тамо ректоры, истину сію завидѣтельствууютъ».

¹⁾ Дѣла Тайной канцел. 1732 г. № 76. Здѣсь же находятся подробности о путешествіяхъ этого Макарія. Въ 1717 году онъ вѣзъ былъ изъ московскаго боголюбскаго монастыря въ С. Петербургъ въ невскій монастырь, но, пробывъ мѣсяцовъ съ девять, ушелъ въ Кіевъ, ходилъ на Афонскую гору и возвратилъ

Через Малороссію вліяніе Польши и католичества проникло и въ Восточную Россію. До XVIII столѣтія русская церковь благопріятнѣе смотрѣла на лютеранство, нежели на католичество; но съ этого времени начинается поворотъ въ пользу католичества. *Камень стры* былъ рѣшительнымъ выраженіемъ этого поворота въ пользу католичества.

Феофану Прокоповичу не нравились ни іезуитская наука въ схоластическомъ богословіи, ни католическая обрядность въ церковномъ богослуженіи и церковной практикѣ. Сдѣлавшись профессоромъ богословія, онъ выбралъ себѣ образцами не схоластическія Суммы (*Summa theologiae*), а лютеранскія догматики Герарда, Голлазія, Квенштедта и другихъ, и проложилъ новую тропу русскому богословію. Уроки его идутъ свѣтлой полосой въ продолженіе всего XVIII вѣка въ нашихъ высшихъ училищахъ — кievской и московской академіяхъ. Тамъ и здѣсь скрещиваются и борются два метода и два направленія — схоластическое и Феофаново и послѣднее, наконецъ, беретъ перевѣсъ. Его система вошла въ общее употребленіе въ школахъ, хотя, разумѣется, не могла совершенно подавить схоластики. Но мы не будемъ забѣгать впередъ событій.

Сказаннаго нами довольно для того, чтобы понять, какъ отнеслись между собою Феофанъ и московскіе ученые.

Только что Феофанъ пріѣхалъ въ С. Петербургъ, какъ въ Москвѣ составили противъ него протестъ, съ обличеніемъ въ неправославіи и съ очевидною цѣлію воспрепятствовать ему получить епископское достоинство. Государь въ ту пору былъ еще за границей; притомъ же ничего оффиціального о назначеніи Фео-

---

ся въ невскій монастырь. Проживши года съ два, онъ ушелъ вторично безъ паспорта и, прошедши черезъ Великіе Луки и черезъ Польшу, жилъ за Кіевомъ въ берманкомъ и другихъ монастыряхъ; въ 1725 году пріѣхалъ въ Москву и жилъ нѣсколько времени въ богоявленскомъ монастырѣ, а въ 1726 году пошелъ въ С. Петербургъ для доноса о церковныхъ дѣлахъ, но, какъ безпаспортный, взявъ на заставѣ и отправленъ въ Туускую избу; вмѣстѣ съ нимъ взяты были пукъ писемъ, относящихся къ его протесту. Макарій хотѣлъ было убѣжать, но былъ схваченъ и отправленъ въ спасокаменный монастырь. Здѣсь онъ сказалъ за собой государево дѣло; но какъ его показаніе оказалось нецѣлющимъ важности, то Тайная канцелярія препроводила его въ Сугнодь для послыки въ какой нибудь дальній монастырь. Сугнодь отправилъ его (1 янв. 1732 г.) въ якутскій спасскій монастырь.

фана въ епископы не было извѣстно. Чтобы придать своему голосу больше силы и отстранить подозрѣнiе въ личной враждѣ къ нему, протестующiе, выбравъ изъ его ученiя ложныя мысли, показали ихъ греческимъ ученымъ — Лихудамъ, и просили ихъ дать свое мнѣнiе. Тѣ дали отзывъ не въ пользу Феофана. «*Nas praedictas undecim theses, — писалъ старшiй изъ Лихудовъ Иоанникiй, — esse haereticas patet; his enim quidnam magis impium ac novum audiri posset in sancta et orthodoxa orientali ecclesia Christi? Et sic esse ipsas testans subscripsi graece et latine. Iohannicius sacromonachus et doctor Lichudes*». Въ такомъ же смыслѣ засвидѣтельствовалъ и братъ его Софронiй Лихудъ: «*examinatas accurate dictas undecim theses inveni ipsas esse haereticas, omnis amentiae et impietatis hyperbolem habentes, et sic testans subscripsi manu propria graece ut supra, et nunc etiam et latine. Sophronius sacromonachus et doctor Lichudes*»¹⁾).

Иоанникiй Лихудъ скончался въ августѣ 1717 г. (89 л. отъ роду), когда Государь еще находился за границей и Феофанъ не былъ еще назначенъ епископомъ. Изъ этого можно заключить, какъ рано начали заботиться о Феофанѣ его благожелатели.

Феофанъ не былъ ни глухъ, ни слѣпъ къ тому, что вокругъ него происходило. О состоянiи его духа можно судить по письму его къ Марковичу.

«Что сказать, — писалъ онъ къ нему по прибытiи въ С. Петербургъ, подъ свѣжимъ впечатлѣнiемъ встрѣчи съ московскими учеными, — что сказать о попахъ и монахахъ и о нашихъ латынщикахъ? Если, по милости Божiей, въ ихъ головахъ найдется нѣсколько богословскихъ трактатовъ и отдѣловъ, выхваченныхъ когда-то какимъ нибудь славнымъ iезуитомъ изъ какихъ нибудь творенiй схоластическихъ, епископскихъ, языческихъ, плохо сшитыхъ; попавшихъ въ ихъ потѣшную кладовую быть можетъ изъ сотаго источника, неудовлетворительныхъ и плохихъ, а хуже того искаженныхъ; то наши латынщики воображаютъ себя такими мудрецами, что для ихъ знанiя ничего ужъ

¹⁾ Рѣшиловское дѣло. Феофанъ Прокоповичъ и Феофилактъ Лопатинскiй. Спб. 1861 г. стр. 46.

неосталось. Дѣйствительно они все знаютъ, готовы отвѣчать на всякій вопросъ и отвѣчаютъ такъ самоувѣренно, такъ безстыдно, что ни на волосъ не хотятъ подумать о томъ, что говорятъ. При взглядѣ на эти личности приходится сознаться, хотя съ большимъ неудовольствіемъ, что есть люди глупѣе римскаго папы. Тотъ воображаетъ, что онъ не можетъ погрѣшати оттого, что ему присущъ Духъ Святой, и уча съ кафедръ убѣжденъ, какъ говорить, что изрекаетъ догматы. И наши латынщики также высоко о себѣ думаютъ, не сомнѣваясь, что проглотили цѣлый океанъ мудрости. Лѣтъ 15 тому назадъ были въ модѣ такъ называемые ораторскіе приемы (*conceptus*); церковныя кафедры оглашались тогда (увы) чудными хитросплетеніями, напримѣръ: что значать пять буквъ въ имени Маріи? Почему Христосъ погружается въ Іорданъ стоя, а не лежа и не сидя? Почему въ водахъ великаго потопа не погибли рыбы, хотя не были сохранены въ ковчегѣ Ноевомъ — и многое тому подобное. И давались на подобные вопросы отвѣты весьма важные и солидные. Потомъ настала другая болѣзнь. Всѣ начали стихотворствовать до тошноты, чѣмъ въ особенности страдала новая академія — страна *reg conjugium* тебѣ уже знакомая. Но все таки прежде мы еще на такъ тяжело болѣли. Нынѣ всѣ мы, какъ ты видишь, болѣемъ теологіею. О если бы, по твоему прекрасному примѣру, во всѣхъ возбудилась жажда знанія и изученія, вопреки тиранству предзанятаго мнѣнія. Тогда была бы надежда, что изъ тьмы возсіяетъ истина; но иное, какъ мы видимъ, совершается на дѣлѣ. Всѣ стремятся учить и почти никто нехочетъ учиться. И въ такія-то мрачныя времена, когда почти нельзя найти ревностнаго усерднаго ученика божественныхъ знаній, вотъ тебѣ безчисленное множество учителей! То есть, когда міръ достигъ высшей степени нечестія, онъ покушается выставить себя въ высшей степени святымъ. Что всею болѣе не нравится ему, такъ это оправданіе чрезъ Христа туне⁴). Эти послѣдними словами Теофанъ намекалъ на главный пунктъ своего разногласія съ московскими учеными.

Въ маѣ 1718 г. Государь поручилъ И. А. Мусину-Пушкину

⁴ 1) *Epistola* 20.

пригласить въ С. Петербургъ рязанскаго митрополита, для посвященія епископовъ на вдовствующіе престолы, а если онъ нездоровъ (какъ былъ слухъ въ ту пору), то чтобы онъ прислалъ сарскаго епископа. «Заслышавъ объ этомъ, Ѳеофилактъ и Гедеонъ, эти добрые люди и ревнители церкви — писалъ Ѳеофанъ къ кіевскимъ профессорамъ, — спѣшать въ палаты рязанскаго, возмущаютъ его покой, показываютъ выписанные (будто бы) изъ нашихъ сочиненій злые догматы и убѣждаютъ его послать эти выписки въ Петербургъ и, вмѣсто священнаго сана, приготовить намъ нѣчто худое. Медлигъ рязанскій, сочувствуя ихъ замыслу, но сомгѣваясь въ успѣхѣ. Наконецъ, ужъ послѣ того, какъ сарскій епископъ отправился въ путь, посланный мѣими московскими неблагопріятелями гонецъ нагналъ его на дорогѣ и вручилъ ему составленный противъ насъ доносъ». Доносъ этотъ составленъ былъ въ формѣ письма отъ Стефана къ епископамъ, отправленнымъ для посвященія новыхъ епископовъ.

Въ посланіи къ епископамъ Стефанъ писалъ, что «если бы представленъ былъ на какой либо престолъ пречестный іеромонахъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, то они должны донести Государю, что онъ имѣетъ препятствіе къ посвященію въ епископа въ ученіи своемъ, не согласномъ съ восточною церковію. Аще бы сего ученія не призналъ своимъ пречестный о. Ѳеофанъ Прокоповичъ; то обличать его письма, его ученикомъ въ Кіевѣ преданныя, кромѣ иныхъ свидѣтельствъ. Аще ли бы призналъ за свое оное ученіе, а глаголаъ бы согласное быти святѣйшей нашей восточной церкви; то должны архіереи Божіи просить благочестивѣйшаго Государя, дабы, аще намъ въ томъ не изволятъ вѣрнати, благоволилъ сія его ученія послати къ святѣйшимъ патріархамъ, ради подлиннаго извѣстія, не противна ли суть святѣйшей церкви? А донелѣжь о семъ извѣстіе получить, благоволилъ бы пресвѣтѣйшій Монархъ поставленіе Ѳеофана Прокоповича отложить въ тое время. Аще же бы іеромонахъ Прокоповичъ признался до сего ученія, яко его есть, и слышавши яко новое и противное есть нашей святой апостольской церкви: то долженъ есть съ покаяніемъ его отрещися явно прежде поставленія, по образу, поданному преосвященствамъ вашимъ и прочая вся по обычаю исповѣдать; и о томъ бити челомъ великому Государю. И егда сіе исполнить,

посвятите его по царскому изволенію. Аще же бы не посему сіе сдѣлалось, азъ не повиненъ сему — вы узрите».

За тѣмъ слѣдовали самыя пункты съ изложеніемъ не православнаго ученія Теофанова¹⁾, и *форма отреченія*, по которой Теофанъ долженъ былъ засвидѣтельствовать отреченіе отъ своихъ лжеученій, если признаеть себя виновнымъ въ тѣхъ обвиненіяхъ, которыя на него показаны²⁾.

«Изъ выбранныхъ артикуловъ — писалъ Теофанъ — иные были маловажны (они принадлежали намъ, но были искажены), другіе по виду были православны, но добрыми богословами осуждены, какъ ересь. Тѣмъ не менѣе приложено было увѣщаніе послать эти догматы къ восточнымъ патріархамъ, а между тѣмъ окаяннаго Теофана недопускать до сана епископскаго. Такимъ-то образомъ эти добрые и мудрые мужи покушались заградить уста правительственнымъ лицамъ и самому милостивѣйшему самодержцу, а меня подвергли долговременному безпокойству. Но скоро зависть обнаружилась и наше имя, безчестною изтерзанное клеветою, возсіяло въ прежнемъ блескѣ благодаря этому новому обвиненію. Безъ замедленія получалъ я предназначенное мнѣ достоинство. И хотя въ отвѣтъ на клевету совсѣмъ не было нужды, однакожь, чтобъ яснѣе засвидѣтельствовать свою невинность и отнять у народа поводъ къ соблазну, я далъ отвѣтъ и показалъ коротко и ясно, что нѣкоторые изъ этихъ артикуловъ ложно выдуманъ,

1) Письмо Стефана къ епископамъ Алексію сарскому и Варлааму тверскому, вмѣстѣ съ обвинительными противъ Теофана пунктами, напечатаны въ Рѣшиловскомъ дѣлѣ. Спб. 1861.

2) Азъ N. N., обрѣтеннаго въ мощъ писемъ ученія, несогласнаго святѣй, соборнѣй, православнокаѳолической, восточной греческой церкви, и аще иное кое той же святѣй церкви противное ученіе обращается, или свидѣльствомъ иными покажется, отрицаюся и ашаемъ предаю, а приѣмаю вся, яже сія святая, восточная, апостольская греческая церковь прежде содержала и нынѣ содержитъ. . . А повеже вышеупомянутая и прочая несогласная святѣй, соборнѣй, восточной церкви, учить въ Кіевѣ и писаніемъ ученикомъ и иными предахъ, и въ соблазнь и въ сомнѣніе многихъ приведохъ; того ради долженъ есмь и обѣщаюся своимъ писаніемъ о отрицаніи семъ возвѣстити въ Кіевъ и всѣмъ причастникомъ противнаго моего ученія, и по салѣ моеи согласнымъ церкви святѣй ученіемъ оное возражати, а православныя догматы и преданія утверждати». Впомятѣ напечатана въ Рѣшиловскомъ дѣлѣ, Спб. 1861 г., стр. 47—48.

а иные хотя составляют мое учение, но учение православное; противное же тому — ересь. Я присовокупилъ къ этому указаніе, изъ какого побужденія вышло это обвиненіе, изъ добраго или худаго. Между прочимъ я доказалъ, что почтеннѣйшій предстоятель рязанскій никогда не видалъ моихъ богословскихъ сочиненій и, что всего удивительнѣе, онъ самъ признается, что не читалъ и самаго сдѣланнаго противъ меня доноса, хотя не усумнился подписать его собственной рукою, какъ будто самъ читалъ его. Я написалъ свой отвѣтъ на русскомъ языкѣ въ послѣдній день мая. А на другой день, то есть 1-го іюня, по повелѣнію царскаго величества, въ храмъ св. Троицы, предъ литургіею этого праздника, я торжественно нареченъ былъ епископомъ, а въ слѣдующій за тѣмъ день, въ понедѣльникъ Пятидесятницы, въ присутствіи его величества, по церковному обряду посвященъ въ епископа псковскаго, нарвскаго и изборгскаго¹⁾. Черезъ недѣлю послѣ того, въ 8 день іюня, священнѣйшій Монархъ, для засвидѣтельствованія своей благосклонности къ нашему смиренію, вмѣстѣ съ свѣтлѣйшимъ княземъ и многими министрами и сенаторами, имѣлъ у меня обѣденный столъ и удостоилъ пребыть до 6-ти часовъ. Между тѣмъ прибылъ въ Петербургъ и рязанскій, вызванный, вмѣстѣ съ другими, для известнаго дѣла²⁾. Здѣсь онъ узналъ, какъ мало имѣли успѣха замыслы моихъ враговъ и читалъ мои отвѣты. Смущенный и пристыженный онъ и на словахъ и на бумагѣ сознался, что вовсе не читалъ моихъ сочиненій, но что вовлеченъ былъ въ обманъ Феофилактомъ и Гедеономъ, — что они виноваты во всемъ, кричалъ, что ихъ слѣдуетъ судить. Вмѣстѣ съ этимъ онъ принялъ отъ меня, по царскому повелѣнію, мой отвѣтъ, а съ нимъ обязанность удовлетворить меня и взыскать съ доносчиковъ, потому что они не подписали своихъ именъ. Вышеупомянутому сенатору И. А. Мусину-Пушкину приказано было свести меня съ рязанскимъ для бе-

¹⁾ Феофанъ посвященъ съ особеннымъ въ саккосъ, что почиталось тогда особеннымъ отличіемъ для епископа, потому что, по прежнему обычаю, при патриархахъ епископы служили безъ саккоса, только въ священнической одеждѣ съ омофоромъ. М. Евгенія, Словарь о писат. дух. чина, Ч. 2, стр. 296, изд. 1827 г.

²⁾ О царевичѣ Алексѣѣ.

сѣды, чтобы поточнѣе розыскать поводъ къ этой печальной исторіи. Въ назначенное время, послѣ долгаго разсужденія, рязанскій архипастырѣ призналъ догматы, которые точно были мои, за православные и говорилъ, что онъ самъ думаетъ тоже самое, но принималъ мои слова въ другомъ смыслѣ. Наконецъ онъ открыто признался, что не читалъ не только моихъ сочиненій, но и самого этого подsunутаго ему протеста противъ меня; хотя онъ и подписалъ его собственноручно, что я и прежде, еще до его приѣзда, показавъ въ особомъ разъясненіи. Послѣ этого разговора, знаменитый рязанскій всталъ и униженно просилъ у меня прощенія, которое и получилъ, при взаимномъ лобзаніи. Графъ И. А. Мусинъ-Пушкинъ и присутствовавшій при этомъ невскій архимандритъ поздравили насъ съ взаимнымъ примиреніемъ. Что будетъ съ клеветниками, узнаемъ послѣ¹⁾.

Назначеніе и посвященіе Теофана совершены были въ самое тяжелое время для Государя, — во время суда надъ царевичемъ.

Въ С. Петербургъ вызваны были, по этому случаю, знатныя духовныя особы изъ Москвы и Кіева. Государь поручилъ имъ дать свое мнѣніе о виновномъ. 18-го іюня они представили Государю свое разсужденіе, подъ которымъ во главѣ подписались Стефанъ и Теофанъ. Разсужденіе составлено было чрезвычайно искусно. Если предположить, что Государь съ опасеніемъ смотрѣлъ на Стефана въ этомъ дѣлѣ чрезвычайной важности, и надѣялся больше на Теофана, преданнаго ему во всемъ; то справедливость требуетъ сказать, что Стефанъ поступилъ въ этомъ дѣлѣ сообразно съ истиннымъ характеромъ духовнаго пастыря.

Дѣятельность Теофана въ санѣ епископа, на новомъ поприщѣ и на высшемъ мѣстѣ, стала еще шире и разнообразнѣе.

Во время пребыванія Петра въ Парижѣ, въ 1717 году, Сорбонскіе богословы сдѣлали Государю предложеніе о соединеніи восточной церкви съ западною. Петръ обѣщалъ передать это дѣло на разсмотрѣніе русскихъ епископовъ и, по возвращеніи, предложилъ посланіе сорбонскихъ богослововъ Стефану и Теофану съ тѣмъ, чтобы они написали отвѣтъ на него. Тотъ и

¹⁾ Epistola 6. Оправдательный отвѣтъ Теофилакта и Гедеона въ Православіи, № 1.

другой приготовилъ свой отвѣтъ, но изъ нихъ предпочтенъ былъ Государемъ отвѣтъ Феофановъ и, за подписаніемъ трехъ епископовъ — митрополита Стефана, холмогорскаго архіепископа Варнавы и Феофана, отправленъ былъ къ ученымъ мужамъ Сорбонны. Сущность отвѣта состояла въ томъ, что русскіе епископы не могутъ вступить въ соглашеніе съ римско-католическими, безъ согласія восточныхъ патріарховъ. «Itaque, — говорятъ по этому поводу одинъ протестантскій историкъ христіанской церкви — theologos Parisinos spes fefellit»; и прибавляетъ: «neque enim haec conjunctio exspectanda videtur»¹⁾.

¹⁾ Pauli Ernesti Jablonsky, Institutiones historiae christianae. Т. III. Francof: 1786. § 187. Феофанъ сообщилъ копию съ письма Сорбонны извѣстному протестантскому богослову, іенскому профессору Буддею и просилъ его дать о немъ свое мнѣніе. По этому поводу, Буддей написалъ и въ 1719 г. издалъ въ Іенѣ небольшое сочиненіе, подъ заглавіемъ: *Ecclesia Romana cum Ruthenica irreconciliabilis, seu scriptum aliquod doctorum quorundam Sorbonicorum angustissimi Russorum Imperatori ad utriusque ecclesiae unionem ei evadendam exhibitum, modeste expensum et animadversionibus illustratum. In 4-o. Iena 1719.* «Еслибы сорбонскіе богословы, — пишетъ Буддей, — немного пристальнѣе всмотрѣлись въ свойства этого великаго государя, то не увлеклись бы несбыточной надеждой (на соединеніе церквей). Между прочими доблестями его далеко не послѣднее мѣсто занимаетъ особенное стараніе — искоренить невѣжество, варварство и суевѣріе въ своихъ подданныхъ. Съ свойственною ему проницательностію онъ понялъ, что не можетъ быть счастливымъ народъ, въ которомъ, при варварствѣ и невѣжествѣ, свободно разгуливаетъ суевѣріе. Мы моглибы привести на это много доказательствъ, еслибы небыло повсюду подъ рукою такъ много сочиненій, въ которыхъ писано объ этомъ». (Между прочимъ Буддей указываетъ на сочиненіе капитана Перри: *Etat present de la Grande Russie*). «Вмѣстѣ съ этимъ, мудрѣйшій государь не терпитъ преобладанія клириковъ (духовенства). И въ самомъ дѣлѣ, кто понимаетъ свойство религіи, тому нетрудно уразумѣть, что обязанность предстоятелей церкви заключается только въ томъ, чтобы учить и наставлять народъ и показывать ему путь спасенія. Не могло укрыться это отъ государя, который уже по опыту знаетъ, какъ вредно бываетъ для государства и правительства, когда епископы и прочіе клирики, преступивши предѣлъ, указываемый имъ писаніемъ и здравымъ разсужденіемъ, присволяютъ себѣ (мирскую) власть; потому что тогда извращается въ государствѣ всякій порядокъ: тѣ, которые должны были учить, становятся правителями, а правители — подчиненными или, по крайній мѣрѣ, зависимыми отъ воли этихъ людей, ставящихъ нерѣдко, вмѣсто права, произволъ и суевѣріе. Поэтому, не безъ причины опасаясь чрезмѣрной власти рос. патріарховъ, августѣйшій государь счелъ нужнымъ устранить ее (*eam abrogandam censuit*), руководясь также и тѣмъ побужденіемъ, чтобы объявить себя главою и верховнымъ правителемъ церкви

Въ день Александра Невскаго, 30 авг. 1718 г., Феофанъ говорилъ въ невскомъ монастырѣ проповѣдь въ присутствіи Государя. Подвигомъ и прозваніемъ Александра Невскаго онъ доказывалъ историческое право Россіи на Неву и Ингрію съ Кареліей, и заключилъ свою рѣчь обращеніемъ къ Государю: «егда о должностяхъ нашихъ поучаемся и ставимъ во образъ того святаго Александра Невскаго, видимъ другой образъ, живое зеркало тебя, — Александровъ, не токмо въ державѣ, но и въ дѣлѣ наслѣдниче, Богомъ данный монархо нашъ. Кто тако, якоже ты, изучилъ и дѣломъ показалъ еси артикулъ сей, еже ходити по долженству своего званія? Многіе царіе тако царствуютъ, яко простой народъ дознатися неможетъ, что есть дѣло царское. Ты единъ показалъ еси дѣло сего прѣвысокаго сана быти собраніе всѣхъ трудовъ и попеченій, развѣ, что и превалишне твоего званія, являеши намъ въ царѣ и простаго война и многодѣльнаго

въ Россіи. А управленіе церковными дѣлами поручилъ рязанскому митрополиту, но съ тѣмъ, чтобы онъ ничего не дѣлалъ безъ соизволенія и утвержденія государя и всегда давалъ ему отчетъ въ своихъ дѣлахъ. Это, конечно, не понравилось епископамъ и прочему духовенству, и одинъ изъ нихъ (епископовъ) открыто протестовалъ, что государь поступилъ несправедливо, присвоивши себѣ такую власть въ церковныхъ дѣлахъ. Когда государь хотѣлъ лишить его за это епископскаго званія, то возсталъ и прочіе. Но государь самъ нашелъ (сравит) новаго епископа, который дѣйствуя во всемъ согласно съ его волей, низложилъ того непокорнаго и строптиваго (епископа) и утвердилъ верховный авторитетъ государя въ церковныхъ дѣлахъ. — Нѣтъ сомнѣнія, что въ словахъ Буддея много преувеличеній и искажены факты; намеки его довольно прозрачны; но для насъ любопытны не подробности, а взглядъ ученаго протестанта на церковную реформу Петра и на положеніе дѣла въ соборнискомъ вопросѣ. Феофанъ у него — «vir summus, natalium non minus et muneris, quo in aula magni principis fungitur, splendore, quam eruditione et virtute eminens». — Вскорѣ послѣ этого сочиненія явилось другое, подъ заглавіемъ: *Ecclēsia Graeca lutheranizans, Joh. Petri Kohlii, Lubecae, 1728*. Авторъ его, Коль, рассмотрѣвши пункты согласія и несогласія греко-русской церкви съ римскою и лютеранскою, дѣлаетъ слѣдующій выводъ: «ergo graecorussica et lutherana religio facillime maximeque legitime uniuntur». Но какъ возбужденные въ началѣ XVIII в. надежды протестантовъ на полную реформу русской церкви не оправдались, то протестантскій историкъ христіанской церкви, Яблонскій, принужденъ былъ, хотя съ ироніей сказать: *quamquam in quibusdam doctrinae christianaе capitibus magis (graecorussica ecclesia) ad protestantes accedere videatur, negari tamen non potest, multa eam a prisci temporis superstitione trahere, iisque pertinaciter inhaerere*. (*Institutiones eccles. christ. T. III, p. 172—173*).

мастера и многоименитаго дѣлателя. И гдѣ бы довѣло повелѣ вати подданнымъ должная, ты повелѣніе твое собственными труда твоими и предваряешь и утверждаешь. И благословилъ до вольно Вышній Царь толикое тѣпаніе твое толь многими на войнѣ и въ дому успѣяніи, которыхъ слава наполняетъ подсолнечную. Се, идѣже Александръ святой посѣя малое сѣмя, тебѣ превеликая угобзися нива: Гдѣ онъ трудился, дабы не безвѣстна была граница россійская, ты престолъ россійскій тамо воздвигъ еси. Кратко рещи: аще бы всѣхъ князей нашихъ и царей цѣлая къ намъ пришла исторія (якоже оскудѣла), была бы то малая книжица противъ повѣсти о тебѣ единомъ, — толика сія оную и множествомъ и различіемъ и величествомъ дѣлъ превосходитъ. И не ласкательное сіе слово быти сама, надѣюся, исповѣсть зависть, истиною побѣжденная».

Въ 1719 г. 11 января, въ воскресенье, Государь посѣтилъ Феофана на его подворьѣ¹⁾.

«Милость великаго Государя ко мнѣ, благодаря Бога, продолжается — писалъ онъ ко Марковичу 10 мая 1720 г. «Онъ подарилъ мнѣ, лично, село и два судна, одно поменьше весельное, другое побольше парусное, въ просторѣчїи зовется бойеръ, еще новое, нарочно для меня, по приказанію его, сдѣланное, какого еще не видано здѣсь между судами по величинѣ и удобству. Кромѣ того Государь при случаяхъ оказываетъ мнѣ и другіе знаки своего благоволенія. Что касается до моихъ занятій, то вотъ сдѣланное почти въ нынѣшнемъ году.

1) Каталогъ Великихъ Князей и Императоровъ русскихъ, начиная съ перваго государя Рюрика до нынѣ царствующаго монарха, съ краткимъ указаніемъ наиболѣ замѣчательныхъ дѣлъ ихъ и съ точнымъ обозначеніемъ года смерти.

2) Апостольская географія, т. е. географическое обозначеніе тѣхъ мѣстъ, чрезъ которыя проходили апостолы во время своихъ путешествій, какъ объ этомъ упоминается въ Дѣяніяхъ св. Луки, а также у Дороея, котораго синопсисъ обыкновенно прилагается къ Дѣяніямъ апостольскимъ. Въ этомъ нашемъ сочиненіи опредѣляется долгота и широта каждаго мѣста и обозначается

¹⁾ Дѣянія Петра Великаго, Т. VII, стр. 403.

мя, какое носило известное мѣсто въ древности, потому, что многія названія уже перемѣнились. Я сдѣлалъ это по желанію Государя, который жаловался, что не можетъ на новыхъ географическихъ картахъ найти многихъ мѣстностей апостольскихъ, по незнанію древнихъ названій, и просилъ меня разсѣять этотъ мракъ. Мнѣ помогли въ этомъ многіе иностранные писатели, сочиненія которыхъ я ужъ приобрѣлъ, особенно Христофоръ Целларій, чрезвычайно ученый географъ, не такъ давно умершій. Сочиненья вышли небольшое и писалось съ удовольствіемъ. Между прочимъ я сдѣлалъ въ немъ слѣдующую любопытную замѣтку: Альбанополь армянскій, гдѣ по преданію скончался мученически св. Вароламей, былъ тамъ, гдѣ нынѣ лежитъ подвластная нашему императору крѣпость Терки, на восточномъ берегу Каспійскаго моря.

3) Написалъ я также краткое изложеніе десяти заповѣдей, съ толкованіемъ Никейскаго символа и молитвы Господней. Книжка эта скоро будетъ напечатана для перваго ученія отрокамъ.

4) Наконецъ я написалъ для главной Церковной Коллегіи или Консисторіи постановленіе или Регламентъ, гдѣ содержатся слѣдующія восемь главъ: а) причины, по которымъ постоянное синодальное правленіе предпочитается управленію церкви однимъ лицомъ т. е. патриархомъ; б) правила общія для христіанъ всякаго чина; в) правила для епископовъ; г) правила для академіи, семинаріи, также для учителей и проповѣдниковъ; д) правила для пресвитеровъ, діаконовъ и проч.; е) правила для монаховъ; ж) правила для мірянъ, на сколько они подлежатъ церковному управленію; з) наконецъ правила для самихъ президентовъ и ассессоровъ коллегіи. Всѣхъ правилъ почти триста. Его величество приказалъ прочесть это сочиненіе въ своемъ присутствіи и, перемѣнивъ кое-что небольшое и прибавивъ отъ себя, весьма одобрилъ; потомъ приказалъ прочитать въ Сенатѣ, гдѣ присутствовали сенаторы и шесть епископовъ: рязанскій, смоленскій, тверской, нижегородскій, корельскій и я — псковскій; кромѣ того отецъ архимандритъ Θεодосій и два другіе архимандрита. Читано было дважды въ теченіе двухъ дней и еще прибавлено нѣсколько новыхъ замѣчаній; потомъ приложили руки съ одной стороны епископы и архимандриты, съ другой сенаторы; въ заключеніе подписанъ

самъ Государь. Сдѣлано было два экземпляра этого акта: одинъ отданъ для храненія въ царскіе архивы, другой отправленъ въ Москву и другія мѣста, для подписи неприсутствовавшимъ епископамъ и главнѣйшимъ архимандритамъ. Для этого дѣла, быть можетъ, въ скоромъ времени будутъ вызваны въ Москву и ваши епископы — черниговскій и переяславскій. Когда Регламентъ, такимъ образомъ закрѣпленный общимъ подписаніемъ, возвратится, онъ будетъ отданъ для напечатанія и откроется Коллегія или постоянный Правительствующій Синодъ, чего дай Боже.

5) Теперь я пишу трактатъ, въ которомъ изложу, что такое патріаршество и когда оно получило начало въ церкви и какимъ образомъ, въ теченіе 400-лѣтъ, церкви управлялись безъ патріарховъ и доселѣ еще нѣкоторые не подчинены патріархамъ. Этотъ трудъ я принялъ на себя для защиты учреждаемой коллегіи, чтобы она не показалась чѣмъ нибудь новымъ и необычнымъ, какъ конечно будутъ утверждать люди невѣжественные и злонамѣренные.

6) Пишу я также особый небольшой трактатъ о мученичествѣ, разсматривая вопросъ: позволительно ли произвольно искать мученичества? И одна только казнь, безъ правоты дѣла, сдѣлаетъ ли мученикомъ? Императоръ приказалъ мнѣ написать это, сожалѣя объ ослѣпленіи фанатиковъ, которые, чтобы получить имя мучениковъ, показываютъ безразсудную ревность и съ величайшею дерзостію кидаются не только на пастырей, но и на самаго Государя изъ за перемѣны одежды, изъ за париковъ, изъ за бритья бородъ и тому подобныхъ мелочей. Слышалъ я смѣшное приключеніе. Чей-то не знаю служка, начитавшись житія мучениковъ, и самъ воспламенился ревностію къ мученичеству и не зная, какъ этого достигнуть, придумалъ такую штуку: куплю, говорить, старинное русское сѣдло (sella), которыя употреблять запрещено ¹⁾, и средь бѣлаго дня проѣдусь на немъ по Москвѣ, вопреки царскому указу: авось быть можетъ попадѣ на казнь. Вотъ какой образъ мыслей у этихъ несчастныхъ. Это-то зло мы и хотимъ уврачевать нашимъ сочиненіемъ.

¹⁾ Сравни. Полн. Собр. Зак. Т. IV. № 2182.

7) Еще началъ я большой трактатъ о лицемѣрахъ, имѣя большой запасъ матеріаловъ по этому предмету.

Теперь кое-что о нашемъ домѣ и о библиотекѣ. Домъ, по состоянію и средствамъ нашимъ, мы отдѣляли, кажется, довольно и чисто и прилично. Библиотека у меня, сверхъ ожиданія, собралась очень большая. Кромѣ нѣсколькихъ, прежде купленныхъ здѣсь книгъ, я приобрѣлъ прошлымъ лѣтомъ, рублей за двѣсти, больше двухсотъ отборнѣйшихъ книгъ, частію въ Нарвѣ, частію въ Ревелѣ: всего набралось до трехъ сотъ книгъ. Послѣ того я услышалъ, что въ псковской оружейной палатѣ хранятся книги, забранныя въ Дерптъ, и тотчасъ же попросилъ Императора, чтобы онъ приказалъ отдать ихъ мнѣ. Государь приказалъ, и мнѣ отдано и привезено сюда до двухъ съ половиною тысячь книгъ. Только до сихъ поръ не высланы изъ Голландіи творенія святыхъ отцовъ, для покупки которыхъ, еще въ ту пору, какъ ты гостилъ у насъ, мы дали купцу 500 рублей. Когда придутъ и они, наша библиотека возрастетъ до трехъ тысячь книгъ и хорошо, еслибы ты не поставилъ себѣ въ трудъ посмотрѣть ее и пользоваться ею:

Наконецъ можно сказать кое-что и о посѣщеніи нашей епархіи въ минувшемъ году. Былъ я въ Ревелѣ, въ сопровожденіи архимандрита Петра¹⁾ и отца Михаила. Тамопшіе городской префектъ, консулъ, также суперъ-интендентъ и профессоры, земляки наши — полковники и прочіе приняли насъ весьма почетно. Посвятилъ я тамъ протоіерея и разослалъ по епархіи инструкціи для обузданія непослушныхъ священниковъ. Оттуда, чрезъ Ливонію, на пути въ Дерптъ, я посѣтилъ село Альпъ, чтобы взглянуть на семинарію, которую тамъ содержитъ баронъ Ниротъ, владѣлецъ этого и другихъ селъ: самъ онъ служитъ здѣсь въ Петербургѣ вице-президентомъ Коммерцъ-коллегіи, управляемой княземъ Голицынымъ²⁾. Въ школѣ его четыре учителя и до ста воспитанниковъ, большею частію ливонцы, но есть нѣсколько и русскихъ; я увеличилъ число ихъ, пославъ туда трехъ молодыхъ людей (которые прибыли вмѣстѣ съ родителями изъ Кіе-

¹⁾ Судья псковскаго архіерейскаго дома.

²⁾ Баронъ Ниротъ до 1716 г. ревельскій ландратъ, съ 1718 г. вице-президентъ Коммерцъ-коллегіи. Голк. VI, 440. VII, 866.

ва), для изученія греческаго, еврейскаго и латинскаго языковъ, также географіи и исторіи. Отсюда я прибылъ въ Дерптъ. Это былъ когда-то прекрасный городъ; но теперь великолѣпныя зданія его стоятъ въ развалинахъ и наводятъ тоску на путешественниковъ. Послѣ того я отправился въ раскольниковій монастырь въ селѣ, называемомъ Репина мыза, гдѣ живетъ до 500 мужчинъ и столькожъ, если не больше, женщинъ. Но съ приходомъ нашимъ всё они разбѣжались въ лѣса, оставивъ пустой домъ, такъ что не осталось ни кого, кому бы мы могли проповѣдывать. За тѣмъ, посѣтивши Псковъ и нѣкоторыя другія мѣста, возвратился въ Нарву, а оттуда въ С. Петербургъ, проѣхавъ почти 200 миль. 10 мая 1720 г.»¹⁾

Одна изъ названныхъ книжекъ, — *Первое ученіе отрокомъ*, вслѣдъ за своимъ изданіемъ въ 1720 году, подала поводъ къ разнымъ нареканіямъ²⁾. Возраженіе явилось безъ имени, хотя Феофанъ очень хорошо зналъ сочинителя. Это былъ валахскій господарь, князь Дмитрій Кантемиръ, недавно передъ тѣмъ принявшій русское подданство³⁾. Мы изложимъ здѣсь главные пункты его возраженія, чтобы показать, какъ отнеслось общество къ своему новому учителю, и чѣмъ разнилось воззрѣніе Феофаново отъ прежнихъ педагогическихъ понятій и приемовъ⁴⁾.

Феофанъ говоритъ въ предисловіи о необходимости воспитанія, вслѣдствіе естественной преклонности человѣка ко грѣху, и о порядкѣ обученія дѣтей, — гдѣ между прочимъ совѣтуетъ сочинить для нихъ книжки съ толкованіемъ Закона Божія и Символа вѣры. «Въ Россіи были таковыя книжицы, но понеже славен-

¹⁾ Epistola 9. Труды К. Д. Ак. 1865 г., кн. 2, стр. 247—294.

²⁾ «Rutheni nonnulli Catechismum hunc improbarunt, quod de cultu s. imaginum aliter docuerit, quam Iavoraky in Petra Fidei» Vita Theophania, въ Scherer's N. Nebenstunden.

³⁾ Авторъ возраженія указанъ въ одномъ изъ протестовъ Родышевскаго противъ Феофана: «Доказательство Маркела Родышевскаго на Феофана Прокоповича», 1781 г.: «нигѣются на книги его новозданныя возраженія, а именно на Букварь — возраженіе покойнаго валахскаго господара Кантемира, на Иго неудобосносное — Книга меру улаждающая».

⁴⁾ Рукоп. Имп. Публ. Библиотеки; Русск. Библ. Отд. 1, in 4-о. № 278. Заглавіе возраженія: «Мѣста прирарочная въ катехизисѣ, иже отъ безъименнаго автора на славянскомъ языкѣ издавъ и *первое ученіе отрокомъ* именованъ есть».

скимъ высокимъ діалектомъ, а не просторѣчіемъ написаны, того ради лишались доселѣ отроцы подобающаго себѣ воспитанія».

По поводу этой замѣтки, возражатель обвиняетъ его (не называя по имени) въ неправильномъ толкованіи догмата о первородномъ грѣхѣ, — будто онъ взводитъ на природу, а съ тѣмъ вмѣстѣ на Бога, вину зла; между тѣмъ самъ, больше своего противника, грѣшитъ противъ истины догмата, потому что, отрицая испорченность человѣческой природы, онъ осуждаетъ ее, за одинъ только прародительскій грѣхъ, на смерть временную и вѣчную; тогда какъ смыслъ догмата таковъ, что испорченность преемственно переходитъ отъ прародителей ко всемъ ихъ потомкамъ, за что они въ естественномъ порядкѣ жизни и осуждаются вѣчною правдою на смерть и погибель.

Далѣе, возражатель обвиняетъ сочинителя въ отступленіи отъ древняго обычая прав. церкви, установившаго извѣстный и принятый повсюду порядокъ ученія христіанскихъ дѣтей. «Православная Церковь сама расположила, когда чему учить изъ писанія. Когда отрокъ 4—5 или больше лѣтъ, Христовымъ Евангеліемъ уже отрожденный, прилагается къ ученію письменъ, долженствуетъ отъ учителя своего во первыхъ слышати имя и призваніе святаго и животворящаго креста: кресте помози ми, зане знаменіе креста есть яко Символъ вѣры православной. Второе: во имя Отца и Сына и Святаго Духа; третіе: алфавиту или азбукѣ учимы бывають; четвертое — изучають молитву, яже глаголется св. отецъ, т. е. за молитвы св. Отецъ и проч.; пятое: Богородице дѣво радуйся. Такъ бо отъ низшаго степени къ высшимъ возводятъ умъ отроковъ. . . . Шестое — Царю небесный; седьмое: Трисвятое; осьмое — Слава Отцу. . . ; девятое — Пресвятая Троице; десятое — Отче нашъ; одиннадцатое — Приидите поклонимся; двѣнадцатое — Вѣрую. Сія убо суть основанія или (да мочь будетъ рещи) стхій катихизиса, яже мати св. Церковь сыномъ своимъ во первыхъ къ наученію предложила. Симвъ же на память изученнымъ бывшимъ, абіе присланные отроки къ ученію вечернихъ и утреннихъ молитвъ, также и всего церковна переходять. Потомъ ученья бывають, да поне удобно читати могутъ октоиха. Потомъ къ ученію царскихъ и пророческихъ приступають псалмовъ. И сей убо чинъ есть и наставл-

ніе; еже премудрѣйшая мати Церковь сыномъ своимъ отъ младыхъ (да безъименнаго автора латинскимъ реку глаголенія образомъ) ногтеи предаде и оставила есть, еже долгимъ уже временемъ и отъ толкихъ вѣковъ всегда соблюдаемо толикое возмимѣ употребительство, яко (свидѣтельствующей греческой, арабской, георгійской, великороссійской, малороссійской, молдовлахійской, угровлахійской, славянской за Дунаемъ сущей, болгарской, иллирической, албанской, далматской, трансильванской и всей купно православной восточной Церкви), аще бы инъ нынѣ иный, кромѣ сего ученія, отрокомъ усилуовался приввести чинъ, хотя благочестнымъ и ревностнымъ сіе началъ бы тщаніемъ, обаче едва или никакоже могъ бы, яко мню, избыти порока подозрѣнія; колыми паче изобрѣтатель или древняго обычая истребитель мнимъ и презираемъ былъ бы.

За тѣмъ возражатель переходитъ къ толкованію заповѣдей и начинаетъ свой разборъ съ совершенно вѣрной мысли, что не справедливо ограничивать христіанское правоученіе десятью заповѣдями и привязывать его къ древнему десятословію. «Сладкое Господа Спаса иго сладцѣ приемля и легкое: Его бремя со усердіемъ носяи, познаетъ законъ 10-ти заповѣдей несовершеннымъ, егоже потомъ чрезъ Сына восхотѣ исполнити. Чего ради ученикъ Новаго Завѣта не удовлетворитъ благому Учителю, если скажетъ: азъ отъ юности совершихъ сія вся».

Разбирая толкованія заповѣдей, возражатель обвиняетъ сочинителя въ томъ, что, изъясняя первую, онъ заставляеть вѣровать только въ одного Бога; изъясняя вторую заповѣдь причисляетъ къ идолослуженію поклоненіе иконамъ. «Идолослужитель есть — сказано въ ученіи отрокомъ, — когда честь Божію воздаеть образу или подобію коей либо вещи небесной, когда кто покореніе души своея нѣкому образу приноситъ, бояся его и надѣяся на него, яко бы нѣкую въ себѣ невидимую силу имущаго». Возражатель замѣчаетъ на это: «хотя авторъ, краткости поучаяся, непорочнымъ сіе произнесе умомъ и сердцемъ, обаче можетъ быть сумнительство, яко нѣчто болѣе въ себѣ заключаетъ, нежели елико отъ младыхъ отроческихъ умовъ могло бы поято быти. Есть сила и въ водѣ и въ мурѣ, и въ хлѣбѣ и въ водѣ, злѣи и въ мшцахъ».

Сочинитель, обозначая кумиры, назвалъ ихъ образишками. «Нескладно нѣчто» возражаетъ противникъ. «По гречески бо *εἰδολο* хотя и въ латинскомъ *simulacrum* и въ славянскомъ кумира знаменуетъ, обаче не поелику образишки, но поелику кумира указываетъ, то есть идола или образъ, его же поганые язычники латрентически, то есть по божески почитали. Нужно было идола протоковать кумирь, а не образишки»¹⁾).

Особенный поводъ къ полемикѣ подало 7-е правило вселенскаго собора, которое сочинитель объяснилъ такъ, что «не подобаеъ почитать иконъ святыхъ истиннымъ служеніемъ, еже бываетъ вѣрою и духомъ и истиною», и что «противъ этой же заповѣди грѣшить тотъ, кто поклоненіе Св. Троицѣ, бываемое по латрин, воздаеъ образамъ». Возражатель сильно напалъ на сочинителя за это униженіе иконъ отнятіемъ у нихъ латрин, и заключилъ свой разборъ второй заповѣди обвиненіемъ сочинителя въ томъ, что онъ «никогда сказуеъ вельми уныло и зѣло слабо».

Тонъ его, съ теченіемъ рѣчи, становится все болѣе и болѣе рѣзкимъ. Противъ толкованія четвертой заповѣди, которою внушается слушать наставленія пастыря, какъ слова самаго Бога, возражатель съ горячностью говоритъ: «не подобаеъ не вѣдѣти, яко не всякъ ученый въ церкви или въ частныхъ предикахъ по истиннѣ добрый пастырь и благочестный учитель есть; тѣмже подобаеъ искушати духа. Мнози бо бытъ могутъ, иже отвиѣ жезлъ и одежду пастырскую носить являютъся, внутрь же суть наемницы, волкамъ безопасно похищати попущающіи; паче же сами, овчею прикрывшеса кожею, волцы суть. . . . Восклицаше иногда Кикеронъ, римскаго краснословія начальникъ: о tempoга, о mores. Не ветребѣ и нынѣ восклицати: о церкви, о пастырей!»

«Дѣти, сказано въ толкованіи пятой заповѣди, должны родителямъ всякимъ послушаніемъ и безъ ихъ благословенія не начинать никакого дѣла важнаго, наипаче не избирать чина житія брачнаго или монашескаго».

«Еже глаголетъся не избирать чина житія брачнаго,—пишетъ возражатель, — за позволеніемъ автора реклъ бы, яко неподле-

¹⁾ По Кикерону (Цицерону), въ книгѣ о концахъ (*de finibus*), имя *εἰδολο* въ греческомъ языкѣ произведено есть отъ *εἶδω*, еже бытность Аристотелемъ и всѣми христіанами весьма отищется».

жать сему закону. Какъ сынъ не долженъ безъ соизволенія своихъ родителей вступать въ бракъ, такъ и родители не должны принуждать взять ту, которой онъ не хочетъ, съ каковою у него ни по возрасту, ни по любленію какое либо сходство быти показуется. Напр. аще бы родители понуждали сына своего, 17 лѣтъ суща, взять жену 40 лѣтъ или хотя и 15—лѣтну слѣпую или съ другимъ недостаткомъ, какой-либо знаменитой въ тѣлѣ части лишенную, для богатства и высшаго рода, а онъ ни богатства, ни рода, а только жены по желанію своего сердца желать бы». Но возражатель недопускаетъ вмѣшательства родителей въ выборъ дѣтей, желающихъ принять монашество.

Въ толкованіи седьмой заповѣди говорится о притвореніи ложныхъ мощей, будто святыхъ. «Нерѣдко таковые явишася прелестницы, которые, прибытка ради, притворныя за святыхъ мощи пронесоша, якоже въ Москвѣ иногда случися — (что всѣмъ извѣстно есть). И иная нѣкая симъ подобная, подъ покрываломъ святости, лестны оныя простымъ людямъ утвердиша, якоже млеко пресв. Богородицы, кровь Иисуса Христа и власы браны Его, что все противно истинѣ. Возражатель сильно протестуетъ противъ этого нареканія на святыню.

Такъ какъ нѣкоторыя иностранныя слова, употребляющіяся въ толкованіи, подали поводъ къ недоразумѣніямъ, то возражатель даетъ совѣтъ, что «лучше бы греческія слова (символь, *λατρία*, *δουλία*, *υπερδουλία*, *προσχήσις*) оставить безъ перевода, потому что въ нѣкоторыхъ богословскихъ реченіяхъ славянскій языкъ страждетъ и грѣшитъ, между тѣмъ какъ по гречески они просты и ясны». — Это напоминаетъ старый предрасудокъ, по которому понятій и истинъ христіанскаго ученія нельзя выразить ни на какомъ другомъ языкѣ, кромѣ еврейскаго, греческаго и латинскаго.

Оеофанъ отвѣтилъ на этотъ протестъ письмомъ на имя неизвѣстнаго духовнаго лица, вѣроятно Аванасія Кондонди, жившаго у князя Кантемира.

«Преподобнѣйшій отче! Не мало дивно мнѣ, что нѣщїи сумнѣваются, (какъ я отъ вашего преподобія оногода слышалъ), о нашемъ словѣ въ наставленіи отроческомъ, гдѣ мы написали, что св. седьмой соборъ вселенскій не велитъ иконъ почитать истин-

нымъ служеніемъ и прочая. Посмотрѣли бы оныя прекословцы: въ соборѣ ономъ такъ ли стоитъ? Ибо мы слово истое собора онаго положили, и для того характеромъ крупнымъ напечатано. И если не такъ соборъ говоритъ или не такими словами, то было бы имъ для чего сумнѣваться, и моя ложь была бы явна. А сумнѣваться и прекословить подѣ такимъ розыскомъ дивно воинству; а еще дивнѣе того, если и видѣли слово соборное, а однакожъ порицають насъ; понеже мы нашимъ очима слово тое на св. соборѣ видимъ, по двохъ изданіяхъ еллинно-латинскихъ — на римскомъ и парижскомъ и книги оныя посылаю вашему преподобию.

Да мнитса мнѣ — слово греч. *λατρεία* устрасило ихъ, и думаютъ, что не добръ мы перевели *λατρεία* славенски служеніемъ; да вельми въ томъ погрѣшаютъ, помышляюще, что служеніе не *λατρεία*, но другое слово греческое *δουλία* знаменуетъ, и того ради переводъ нашъ оуждають». Теофанъ защищаётъ свой переводъ, приводя многія мѣста изъ св. писанія, гдѣ слово *λατρεία* переведено именно служеніемъ.

«До здѣ наша рѣчь была о переводѣ слова. Еще поговоримъ и о самой вещи. Которые прекословятъ намъ здѣ, хотятъ почитать иконы святымъ служеніемъ. Что се слышу новое? Какъ же служить иконамъ? Благоволили бы намъ истолковать. Только сіе мнѣніе, яко злочестивое, отвергаетъ 7-й соборъ вселенскій.

Наконецъ вельми дивно; что прекословящія не изволили внять, о какомъ служеніи глаголемъ мы съ соборомъ вселенскимъ. Вѣдь не нагое служенія слово положено тамъ, но съ такъ высокими прилогами, что весьма злочестивый будетъ, аще кто такое служеніе коей либо и высочайшей твари восписати дерзнетъ. Много таковыхъ словъ есть, которые сами собою ни доброе — ни злое, ни малое что — ни великое означаютъ; а когда приложимъ къ нимъ описъ другими словами, покажутъ намъ или злое или доброе или малое или великое. Напримѣръ глаголь сей: *отрую* самъ собою ни зла ни добра намъ не являетъ; а съ такимъ придаткомъ: вѣрую слову Божию — великое добро; а съ другимъ таковымъ: вѣрую бѣсовскому ученію — великое зло представляетъ. Подобнѣ имъ слово *имѣніе* ни малую ни великую силу показываетъ само собою; но аще рекли: имѣніе сего челоуѣка до 10 милліоновъ, слышу великое богатство; аще же рекли о другомъ: имѣніе его все не стоитъ 5 рублей

съ полтною, слышу великую скудость. Такъ разсуждати подобаетъ и о служеніи. Слово сіе само собою значить нечто иное, токмо подчиненну быти воли чьей и повелѣнія его хранити, а не являетъ само собою, какое оное есть подчиненіе: можетъ бо и малое и великое быти. Подчиненъ есть самовольный слуга господину своему, да больше подчиненъ не свободный рабъ, каковѣи прежде бывали купленніи, а у насъ въ Россіи крестьяни. И еще какъ слуга, такъ рабъ и вси прочіи больше подчинены суть власти высочайшей, все отечество управляющей. Неравность сія подчиненія и служенія не можетъ познаватися отъ единого слова сего: слуга или служеніе, а опознавается съ прилогомъ напримѣръ таковымъ: сей служитъ сему господину самовольно, а сей приписный рабъ есть ему. Сіе ясное всѣхъ есть вѣденіе, и отъ сего нетрудно уразумѣти можно, какое подчиненіе есть чловѣка Богу.

Что больше требуютъ и что на сіе скажутъ прекословцы? Не совершенное ли поклоненіе показатъ намъ Христось? Аще не совершенное, то для чего не научилъ насъ совершеннѣйшему? Аще же совершенное, то какъ тое поклоненіе принесемъ къ тварямъ? Сравнимъ ли твари съ Богомъ?

Зри, преподобнѣйшій отче, какъ не добръ дѣется, что не сильно у насъ слово св. ап. Іакова: *не мнози учителя бывайте, братія мои, видяще, яко большее осужденіе приемъ.* Многое искусство въ томъ имѣти подобаетъ, въ чемъ кто учителемъ хочетъ быти. Но искусный долженъ есть долго и прилежно, и слова и вещь, и вещи самой естество и обстоятельства, и вся оной, тако рещи, утробы разбиратъ, разсуждать и проникать, когда хочетъ произнести судъ свой въ чуждемъ мнѣніи и ученіи. Не многи же обрѣтаются такъ искусни и такъ прилежни, ово за невеликое остроуміе, ово за не сильное въ богословіи обученіе (иногда и обѣ скудости сія случаются въ единомъ лицѣ); того ради глаголетъ Духъ Святый, да не мнози касаются дѣла учительскаго, боящися большаго осужденія. Что бо слѣдуетъ такому легкомысленному учительству? Первѣе распри, а въ народѣ сумнительство, потомъ и расколы и ереси и факціи; и сколько погубнетъ душъ таковыми бѣдствіи, възыщется за взятія на судъ Божіи. Отъ таковыхъ любопрѣтельныхъ совопросниковъ въ нашемъ семъ съ прекословцами дѣлѣ, не слѣдуетъ ли сіе, что слышавше

оное прекословіе чловѣцѣ простіи не похотятъ отрокомъ своимъ сего толь полезнаго давать наставленія, и тако многіе отроцы въ грубости и ненаставленіи останутся, и желаніе царскаго величества и желаніе всѣхъ нелицемѣрно благочестныхъ вотще поидеть за положенное ученію сему препятіе прекословіемъ толь неисканнымъ и неправеднымъ; ибо вся прекословія сего сила виситъ на двоихъ невѣжествахъ — на одномъ грамматическомъ, а на другомъ богословскомъ. Грамматическое невѣжество есть неznати, что значить греческое слово *λατρία* и какъ на славянскомъ языкѣ переводится въ писаніи; а богословское невѣжество есть неznати, что есть служеніе истинною и вѣрою и духомъ бываемое, и невѣдати, что сія служенія и поклоненія единому Богу подобающаго дефиниція есть положена отъ самаго Христа. Съ таковымъ сугубымъ неисканствомъ какъ дерзатъ къ учительскому дѣлу и судить ученія богословская? Дерзая же какъ не бояться большаго осужденія? Дивлюся всѣмъ таковымъ и довольно удивитися не могу».

III.

Отміна патріаршества. — Стефанъ — мѣстоблюститель патріаршаго престола.

Какъ Теофанъ по выбору Петра посвященъ въ епископа, точно также по выбору Петра, за восемнадцать лѣтъ предъ тѣмъ, посвященъ былъ въ рязанскіе митрополиты изъ кievскихъ ученыхъ Стефанъ Яворскій.

Судьба его въ исторіи нашей церкви чрезвычайно интересна. Онъ стоитъ на переходѣ отъ до-петровской патріаршей формы церковнаго правленія къ петровской-синодальной и стоитъ не безучастнымъ зрителемъ совершающагося перелома, но страдательною его жертвою.

Къ сожаленію у насъ еще мало свѣдѣній для того, чтобы

оцѣнить и охарактеризовать это замѣчательное лицо. У него много общаго съ Феофаномъ во внѣшней судьбѣ: но въ душѣ, въ убѣжденіяхъ, въ образѣ дѣйствій — все другое до противоположности. Онъ также былъ уніатомъ; также путешествовалъ и учился въ чужихъ краяхъ, скрываясь подъ чужимъ именемъ и чужимъ исповѣданіемъ; по возвращеніи изъ за границы также присоединенъ былъ къ церкви, какъ впоследствии Феофанъ; также блисталъ на академической и церковной кафедрахъ; также случайно сдѣлался извѣстнымъ царю и, по его приказанію, посвященъ во епископы. Но за этими, такъ сказать, внѣшними формами жизни, у Стефана скрывались совершенно иные убѣжденія, нежели у Феофана.

Въ 1700 г. 16 октября скончался патріархъ Адріанъ: Адріанъ еще при жизни просилъ въ помощники себѣ, желая въ то же время имѣть преемникомъ себѣ по смерти, холмогорскаго архіепископа Аванасія, извѣстнаго съ хорошей стороны и Государю; на него же, по смерти Адріана, указывалъ Государю Тихонъ Стрѣшневъ¹⁾; но ни въ ту пору, ни теперь Государь почему то не хотѣлъ остановить своего выбора на Аванасіѣ²⁾. Вѣроятно ему нужно было для новыхъ порядковъ и лицо новое. Экзархомъ, блюстителемъ и администраторомъ патріаршаго престола, 16 декабря 1700 г., назначенъ рязанскій митрополитъ Стефанъ.

Можно думать, что въ это время Петръ уже порѣшилъ въ мысляхъ отнѣну патріаршества, и есть преданіе, что онъ тогда же выразилъ желаніе отнѣнить это званіе. Начавшаяся Шведская война дала ему поводъ продлить переходное положеніе подъ тѣмъ предлогомъ, что ему не достаетъ душевнаго спокойствія, необхо-

¹⁾ «Кому соборную церковь вѣдать изволишь? А на Москвѣ архіерей Смоленскій, крутицкій, вятскій. Прежде изволеніе твое было вѣдать холмогорскому владыкѣ: только по него не посламо; изволишь ли послати?» (Устрялова Истор. Петра Вели. т. IV, стр. 585).

²⁾ Аванасій скончался въ 1707 г. — Февраля 28-го этого года Головкинъ писалъ къ митр. Стефану изъ Жолкива, чтобы на холмогорскую епархію выбраны были изъ духовныхъ особъ люди искусные и ученые, понеже та холмогорская епархіа около морскаго порту, гдѣ бываетъ множество разныхъ народовъ иноземцовъ, съ которыми дабы тамошній архіерей могъ обходиться по пристойности политично къ чести и славѣ російскаго государства; яко же и прежде бывшій Аванасій архіепископъ съ иериднымъ порядкомъ тамо вступалъ». (Госуд. Архив. Переписка И. А. Мусина Пушкина съ разными лицами).

димаго къ назначенію достойнаго лица на первую степень въ русской церкви. Стефанъ назначенъ былъ намѣстникомъ патриаршаго престола съ такимъ ограниченіемъ, чтобы, по важнѣйшимъ дѣламъ церковнаго управленія, совѣтывался съ другими епископами, которыхъ положено было попеременно вызывать, для этой цѣли, въ Москву и представлять о послѣдствіяхъ совѣщаній на утвержденіе Государя. Это собраніе очередныхъ епископовъ изъ епархій называлось *Особыми соборами*.

Многимъ не безъ причины казалось, что, съ отиѣною патриаршества, церковь потеряетъ свою независимость. Всѣмъ извѣстно, какъ много было недовольныхъ этимъ дѣйствіемъ Государя. Вездѣ слышанъ былъ ропотъ и появились подметныя печатныя письма, которыми выводилось изъ пророчествъ, что народился антихристъ и народъ возбуждается былъ противъ Государя къ бунту¹⁾.

¹⁾ Въ раскольническомъ сочиненіи: *Собраніе отъ св. писанія объ Антихристѣ*, всѣ доказательства антихристова пришествія обращаются около уничтоженія патриаршества. «И той же христовъ нача превозноситься паче всѣхъ глаголемыхъ боговъ, сирѣчь помазанниковъ, и нача величаться и славиться предъ всѣми, гоня и муча православныхъ христіанъ, истребляя отъ земли память ихъ, распространяя свою новую жидовскую вѣру и церковь во всей Россіи; въ 1700 г. возобнови, по совершенномъ своемъ злобы совершеніи, новолѣтіе Янусовское, и узаконивъ отъ онаго вести лѣтосчисленіе, а въ 1721 г. пріялъ на себя титулъ патриаршескую, именовася Отець Отечества, якоже свидѣтельствуеть книжка «царство мертвыхъ» (листъ 115), и глава церкви російскія, и бысть самовластенъ, не имѣя ни кого въ равенствѣ себѣ, восхитивъ на себя не точию царскую власть, но и святительскую и Божию, бысть самовластный пастырь, едина безглавная глава надо всѣми, противникъ Христовъ, антихристъ. . . Якоже папа въ Римѣ, тако и сей же христовъ нача гонити и льстити и искореняти останокъ въ Россіи православныя вѣры, и свои новыя умыслы уставляя и нова законоположенія полагая, по духовному и по гражданскому расположенію, состави многіе регламенты и разосла многіе указы во всю Россію съ великимъ угроженіемъ о непремѣнномъ исполненіи оныхъ, и уставн Сенатъ и Синодъ, и самъ бысть надъ ними главою и судіею главнѣйшимъ: и тако нача той глаголемый богъ паче мѣры возвышиться. Той же же христовъ сіе содѣла отъ гордости живущаго въ немъ духа, учини народное описаніе, изчисляя вся мужеска пола и женска, старыхъ и младенцовъ, и живыхъ и мертвыхъ, возвышася надъ ними и изыска всѣхъ, дабы ни едины могъ саркаться руку его, и обладая ихъ даными великими, не точию на живыхъ, но и на мертвыхъ таково тиранство учини — и съ мертвыхъ дани востребова: сего и въ древнія времена бывшіе мучители не творили. И тако той же христовъ, восхитивъ на себя царскую и святительскую власть, и вступи на высочайшую степень патриаршескую, яко свидѣтельствуеть о томъ заданная имъ книга

Вслѣдствіе этого, Петръ запретилъ монахамъ имѣть въ кельяхъ своихъ чернила и бумагу; настоятели монастырскіе обязаны были отвѣчать за тѣхъ, кому они позволяютъ имѣть въ кельяхъ письменные матеріалы; — а типографчикъ Талицкій, обличенный въ напечатаніи помянутыхъ подметныхъ писемъ, приговоренъ былъ къ смертной казни¹⁾.

Власть мѣстоблюстителя, сравнительно съ патріаршею, была весьма ограничена. При самомъ назначеніи его уничтоженъ Патріаршій приказъ, а дѣла его, по челобитью разныхъ лицъ, распределены по другимъ вѣдомствамъ. Черезъ полтора мѣсяца, 31-го января 1701 г., учрежденъ Монастырскій приказъ, подъ вѣдѣніемъ бывшаго астраханскаго воеводы, графа И. А. Мусина-Пушкина, съ порученіемъ въ его управленіе патріаршаго и архіерейскихъ домовъ и монастырскихъ дѣлъ и имѣній²⁾. Стефану оставлены только духовныя дѣла, но и въ нихъ онъ не былъ полновластенъ. Всѣ сколько нибудь важныя дѣла шли помимо него, чрезъ Мусина-Пушкина. Въ междупатріаршество мы видимъ много назначеній на мѣста духовнаго управленія помимо Стефана, по представленіямъ Меншикова, Мусина-Пушкина, архимандрита Ѳеодосія и другихъ лицъ. Пушкинъ объявлялъ Стефану повелѣнія Государя и полновластно распоряжался дѣлами, которыя подлежали вѣдѣнію мѣстоблюстителя. Патріаршая типографія была подъ исключительнымъ вѣдѣніемъ Мусина-Пушкина: сочиненія, переводы и изданія книгъ, даже исправленіе библіи,

---

«Регламентъ Духовный», листъ 8, въ 9 пунктахъ: како и для чего уничтожи патріаршество, дабы ему одному властвовать, не имѣя равна себя, но вмѣсто того, устави Синодъ или синадрію, содержащую въ себѣ правленіе духовныхъ дѣлъ, имѣя въ себѣ 12 членовъ, 4 ассесора, 2 президента, 2 вице-президента, и утверди ихъ седьмоклятвенною присягою, дабы кромѣ его единого, ни какихъ дѣлъ ни творить; но имѣли бы его единого превысочайшею главою и судію всея церкви; и тако, по Ипполиту, совершешъ соборъ ученикъ себѣ воспріять по образу 12 апостоловъ Христовыхъ, и самъ единъ безглавная глава, превозносяся надо всѣми». (Чтенія въ Общ. исторіи и древн. росс. 1863 г. кн. 1. отд. III, стр. 58—60).

¹⁾ Полн. Собр. Зак. VI. № 3891.

²⁾ Полн. Собр. Зак. № IV 1834. Монастырскій приказъ завѣдывалъ денежными и хлѣбными сборами и рекрутскою повинностію въ вотчинахъ патріаршихъ, архіерейскихъ и монастырскихъ; равно и расходами этихъ суммъ и сборовъ по высш. и синод. указамъ.

которое поручено было главному надзору Стефана, или помимо Стефана. Школы московскія, какъ, мы видѣли уже, также во многомъ зависѣли отъ Мусина-Пушкина. Наконецъ въ хозяйственныхъ дѣлахъ Стефанъ былъ ограниченъ монастырскимъ приказомъ, которому передано было управление патриаршими, архіерейскими и монастырскими вотчинами. Но и эта ограниченная власть съ 1712 г. становится болѣе номинальною, нежели дѣйствительною.

Первымъ поводомъ къ перемѣнѣ хорошихъ отношеній между Государемъ и мѣстоблюстителемъ послужила проповѣдь Стефана, произнесенная имъ въ 1712 году, во 2-ю недѣлю Великаго поста.

Въ 1711 году въ церковные суды введены были фискалы отъ гражданскаго правительства. Стефанъ видѣлъ въ этомъ посягательство на свободу и независимость церковнаго суда и коснулся этого предмета съ выраженіемъ непріятнаго чувства въ помянутой проповѣди. Недоброжелатели Стефана рады были случаю выставить его передъ Государемъ врагомъ государства. Петръ вознегодовалъ страшно. Стефана позвали въ Сѣнать, гдѣ съ духовной стороны былъ одинъ архимандритъ Θεодосій; но Стефанъ не нашелъ въ немъ поддержки¹⁾. Униженный и встревоженный Стефанъ просилъ Государя уволить его отъ всѣхъ дѣлъ — на покой.

«Извѣстно вашему царскому величеству, какъ я на едино повелѣніе царское оставилъ свое скимническое житіе, которое обѣщаю Господу Богу на смертной постелѣ лежаши, и хотя ужасно мнѣ было сломати обѣтъ, однакожь монаршей волѣ вашего царскаго величества не дерзалъ противитися, и нынѣ послушаніе свое по силѣ моей Божіею помощію управляю, и въ проповѣди слова Божія какъ могу, такъ труждаюся. Но врагъ, ненавидя добра человѣческаго, различныя мнѣ въ томъ препятствія творить и нынѣ сотворилъ таковымъ образомъ. Говорилъ я казанье во вторую недѣлю великаго поста о храненіи заповѣдей Господнихъ. Тема была: аще хотите и послушаете мене,

¹⁾ Впоследствии самъ Θεодосій писалъ Государю, что «рязанскій архіерей гнѣвается на него (Θеодосія) за конференцію о поученіи, на которой изъ духовныхъ былъ только онъ, гдѣ и приразился Стефану, поборая по правдѣ».

благая земли снѣсте; аще не хотите, ниже послушаете, мечъ вы поестъ, уста бо Господня глаголаху. Отъ сихъ словесъ, у Исаи пророка написанныхъ, кричалъ я къ народу, увѣщевая ихъ, дабы хранили заповѣди Господни, аще хочуть имѣти и на семь свѣтѣ благополучіе и въ небѣ животъ вѣчный, страшая же ихъ отмщеніемъ Божиимъ за преступленіе заповѣдей своихъ. Был на томъ казаніи господа сенатори, которіи на завтрашній день пришли ко мнѣ, и стали мене бѣднаго обличати, укоряти и претити за то, будто на бунтъ и мятежъ народъ возмущаю, и будто я царской чести касаюсь дерзновеніемъ. А я, Богу свидѣтельствуя; ниже въ помышленіи моемъ, колыи паче въ намѣреніи, сицеваго лукаваго дѣла не думалъ. Уже тридцать лѣтъ, какъ я въ царствующемъ градѣ, по вашему монаршему указу, проповѣданіемъ слова Божія труждаюся, и вся Москва мене слушала, да и самъ ваше царское величество не едино изволилъ слушати моея убогія бесѣды; а никтоже не ощутилъ въ моихъ словахъ мятежа и молотворства, паче же противная тѣмъ множпцею глаголахъ. А господа сенатори, древле ненавидящій мя и ищущіе душу мою изъяти, сіе лукавое дѣло на мя совѣщаша. Ставятъ мнѣ за вину то, что я говорилъ о фискалахъ, которымъ дали власть надо мною и надъ приказомъ духовнымъ съ таковою вольностію, что мощно фискалу, кого хочеть, обезчестити и обличити, и хотя того фискалъ не доведеть, о чesомъ на ближняго своего клевететь, то ему то за вину не вимѣнати и слова ему за то не говорити. О семъ я говорилъ, что не подобаетъ симъ тако быти и въ архіерейскихъ судахъ фискалу быти не обычно и непристойно. Прочее же, еже глаголахъ, вся во обществѣ глаголахъ и неточію (сохрани Боже) царскія чести, но ниже меньшаго коеголи будетъ лица въ особенности не касался, и нѣсть обычно проповѣдникомъ въ особности къ лицу какому нибудь глаголати, но обще ко всѣмъ, якоже и въ Златоустаго бесѣдахъ читаемъ. Далъ я тое казанье гг. сенаторамъ, которое хотѣли, переписавъ русскимъ писаніемъ, послати къ вашему царскому величеству, лишь бы только чего лишняго не прибавили, а мнѣ запретили о семъ казаня не говорити».

«Спсеевое я ихъ непріятство къ себѣ видячи, яко ищуть моея головы, умыслилъ всячески уклониться, и обѣщаніе мое на схи-

гу святую паки обновилъ, Богу тако дѣйствующу, и симъ искушениемъ за преступленіе даннаго Ему обѣта посѣщающу мя.

«Тѣмъ же, монархо нашъ премилостивѣйшій, падше къ стопамъ вашего царскаго величества, съ слезами молюся. Отпусти мя уже къ смерти приближающагося и всегда болѣзнію одержима: не дай душѣ погибнуть за преступленіе обѣщанія моего. Богъ (видигъ), яко уже, трудами изможденъ, не могу прочее сея тяжести носить и житьствовать съ такими людьми, которые о мнѣ гораздо промышляютъ. Бодеть имъ очи милость вашего царскаго величества ко мнѣ убогому, не мило имъ смотрѣти на дворъ, который я построилъ на Преснѣ, не такъ для себя, яко для вашего царскаго величества, близко двухъ тысячей изнуривши; но Богъ имъ въ помочъ и съ дворомъ. Мнѣ дворъ — келія, да гробъ близко подлежащій. Тѣмъ же паки и паки слезящи молю ваше монаршество, да благоволятъ мене отпустить въ донской монастырь, либо гдѣ будетъ воля и премилостивое изволеніе вашего царскаго величества. Его же есмь всегда вѣрный рабъ, всегдашній богомолецъ и подножіе. Смиранный Стефанъ, пастушокъ рязанскій. 1712 г. Марта 21-го¹⁾»).

Государь успокоилъ Стефана. Утѣшенный мѣстоблюститель благодарилъ Государя слѣдующимъ письмомъ: «Якоже радостны бывають корабленницы, по страшныхъ шумахъ водныхъ получивши ведро: тако и я, волнами печалей смущаемъ, получилъ радостную

¹⁾ Государств. арх. Кабин. дѣла II, № 15, стр. 1071—1702. Тоже письмо, вмѣстѣ съ проповѣдью Стефана и отмѣтками на полѣ противъ нѣкоторыхъ мѣстъ собственною рукою Государя, въ Кабин. дѣл., отд. I, № 31, л. 1—20.

Въ то же время Стефанъ послалъ письмо къ Кабинетъ-секретарю А. В. Макарову:

«Любовь твоя и благоприклонство ко всѣмъ творить мнѣ надежду, яко не посрамиши мене отъ чаянія моего, но въ печали моей настоящей даси мнѣ руку помощи и въ тяжестѣхъ сердечныхъ ослабленіе.

Написалъ я нужду мою къ самому Монарху; только въ томъ у тебе, государя моего, прошу милости, благоволи, усмотря время, прочесть предъ лицомъ монаршимъ, либо милостивно донеси на словахъ то, что тамъ написано.

А каковъ будетъ отвѣтъ, благоволи, государь, молю тя смиренно, благовѣстѣежъ утѣшити мя печальнаго, буде получу на мою слезную просьбу премилостивое монаршее соизволеніе. А я долженствую вѣчно Бога молить за тебя, государя моего, ему же есмь всякихъ благъ временныхъ и вѣчныхъ недостойный богомолецъ и слуга низайшій. Смиранный Стефанъ М. Р. 1712, Марта 21».

тишину, егда извѣстился писаниемъ его милости, господина адмирала, о премилостивомъ вашего царскаго величества на мене, раба своего, призрѣніи. Аще же Сподоблюся хотя едину литеру самою монаршею ручкою ко мнѣ начертанну видѣти, то и паче возрадоюся, и всѣхъ печалей, сердце мое сгѣдающихъ, забуду¹⁾). Но все же Государь не показывалъ къ нему ни прежней благосклонности, ни прежняго довѣрія.

Въ 1713 г. начали распространяться въ Москвѣ кальвинскія ученія. Стефанъ, видя постоянно усиливающуюся дерзость лжеучителей, созвалъ въ 1714 г. церковный соборъ, который осудилъ ихъ ученіе, какъ еретическое²⁾, а одного изъ его распространителей, дерзнувшаго публично произнестъ хулу на икону св. Алексія митрополита, предалъ гражданской казни. Но поспѣшность въ рѣшеніи суда и строгость въ его приговорѣ, а главное — вмѣшательство сильныхъ иностранцевъ, возбудили противъ Стефана неудовольствіе Государя. Графъ Мусинъ-Пушкинъ, съ Стрѣшневымъ и Самаринымъ объявили ему 14 дек. высоч. указъ, чтобы быть ему въ С. Петербургъ и привести съ собою дѣло о Тверитиновѣ. Московскому губернатору въ то же время приказано было выслать въ С. Петербургъ, на счетъ Монастырскаго приказа, Тверитинова и свидѣтелей. Стефанъ отказывался ѣхать въ С. Петербургъ, ссылаясь на болѣзнь и на то, что ему нужно ѣхать въ Нѣжинъ на освященіе церкви. Но ему при-

¹⁾ Каб. дѣла, II, № 15 л. 1075.

²⁾ «Здѣсь архіерей разанской — писалъ Макаровъ изъ Москвы въ С. Петербургъ, къ секретарю Придв. конторы А. А. Яковлеву — и прочіе всѣ духовныя персоны имѣли совѣтъ о противникахъ Церкви, на которомъ положили, что предать ихъ проклятію, что прошлаго воскресенья учинили и публично ихъ анаеменовали, а именно Дмитрія Тверитинова, Фомку (которой изрубилъ въ Чудовѣ образъ чудотворца Алексѣя), Ивашку Максимова; также и сообщниковъ ихъ — Мишку Косова и Мишку Сапожника, которые нынѣ въ Санктпетербурхѣ, такожъ предали проклятію. И хотя я о дѣлахъ помянутыхъ Мишки Косова и Мишки Сапожникова, какое они сообщеніе съ помянутыми Фомкою и Миткою и Ивашкою имѣли, подлинно и невѣдомъ, однако, какъ я слышалъ отъ вѣрныхъ людей, что помянутые Мишка Косой и Мишка Сапожникъ великіе плуты и злодѣи, и для того надобно на нихъ смотрѣть что (бъ) они неседѣвали какой бѣды по дѣламъ тѣмъ, которые отседѣ изъ приказовъ забраны по ихъ доношенію. — 1714 г. 18 Окт. — (Госуд. архивъ. Дѣла Морсочникова).

казано было исполнить повелѣніе государя. Дѣло Тверитинова передано было на разсмотрѣніе Сената. 21 и 22 марта въ Сенатѣ происходили «консильюмы» по этому дѣлу, на которыхъ присутствовали и Стефанъ⁴⁾. Мы не знаемъ въ подробности образа дѣйствій Сената въ изслѣдованіи этого дѣла; но, кажется, слѣдствіе оправдало виновныхъ и обвинило Стефана.

14 апрѣля онъ писалъ по этому поводу къ Государю, умоляя о прощеніи.

«Великодержавнѣйшій Царь, Государь премилостивѣйшій. Въ настоящее время великокрастнаго Пятка, егда Христось на крестѣ гласитъ кнчемъ велимъ: *Отче отпусти мнѣ*, — желаю себѣ и азъ подражати Христа. Сего ради къ вашему царскому величеству, аки къ общему всѣхъ насъ отцу, припадаю вошю: *отче отпусти*. Тамо Христось гласитъ: *не судиши бо что творимъ*; не вѣдахъ и азъ, яко то дѣло, еже сотворихъ, неутодно шѣло быти предъ вашимъ царскимъ величествомъ. Аще же въ невѣжествѣ согрѣшихъ, убо грѣхъ мой достоинъ есть прощенія, ибо и Павелъ апостоль глаголетъ: *юмизъ*, рече, *по премногу церковъ Божію, но сего ради помилованъ быхъ, яко въ неспожестѣ сіе сотвориашъ*».

«Невѣжество же мое — въ семь является первое. Обличалъ на казани моемъ на Москвѣ фискаловъ о неправдѣ, того ради, яко промчеса у нихъ на Москвѣ слово, что фискали имуть власть на всякаго доводить, и аще кому и не доведутъ, то имъ въ вину неставляется. А не вѣдалъ я того, что въ напрасномъ поклепѣ есть и на нихъ вина и, по разсмотрѣнію, наказаніе, рекше штрафъ; ибо сей указъ и воля вашего царскаго величества потомъ уже, сирѣчь въ 712 году, явился всенароднѣ печатнымъ тисненіемъ въ С. Петербургѣ, а прежде сего о семъ указѣ намъ на Москвѣ не было вѣдомо».

«Второе — еретиковъ новоявленныхъ, достовѣрными доводами свидѣтельствованныхъ, по розыску и по опасному испытанію и по общему духовнаго чина совѣту, предакомъ анаемѣ. Сего же неопутникомъ, яко сичево дѣло, не описавшеса съ вашимъ ц. в.

⁴⁾ Описание документовъ и дѣлъ архива св. Синода. Т. I. Спб. 1868 года. Прилож. № IV, стр. XI—XVII.

Сторожъ П Отд. И. А. Н.

мнится быти царскія власти презрѣніе и самовластіе большому начальству неподлежащее. О сихъ обоихъ винахъ моихъ, и аще какія нѣкія суть, каюся и гласу Христову подобяся, вошю: *отче отпусти. Аще бо назриши беззаконіе, кто постоитъ, яко у тебѣ очищеніе есть.*

«Ная можетъ быть добродѣтель, царскому превосходству подобающая, паче сея, еже — вины отпущати. Симъ бо образомъ вы, земнымъ бози, уподобяетесь самому небесному Богу, аще отпущаете своимъ подданнымъ, якоже Онъ отпущаетъ всѣмъ намъ. О сіе отпущеніе и азъ, падъ къ стопамъ в. ц. в., всесмирненно молю: *отпустите, аще что на кого имате, да и Отецъ небесный отпуститъ вамъ.* Вашего царскаго великодержавнѣйшаго монаршества вѣрный подданный и всегдашній богомолецъ, рабъ и подножіе, смиренный Стефанъ, пастушокъ рязанскій¹⁾»).

Неизвѣстно, какъ принято было это письмо Государемъ. Между тѣмъ неожиданное оскорбленіе Стефана со стороны Сената, по тому же дѣлу, снова повергло его въ печаль и уныніе. Вотъ что онъ писалъ по этому поводу къ Государю 15 мая 1715 г.:

«По твоему, великаго Государя, указу, велѣно мнѣ въ св. четьредесятницу присутствовать въ судебной избѣ при дѣлѣ, которое зачалося съ новоявленными еретиками. И я въ то время хаживалъ безпрепятно чрезъ всю седмицу крестопоклонную и никтоже мене тогда не изгонялъ. А нынѣ, мая въ 14 день, по прежнему указу, пришелъ я въ судебную избу для слушанія и вершенія тогожъ дѣла, и мене превосходительные господа сенаторы съ великимъ моимъ стыдомъ и жалемъ изгнали вонъ, и я плачушъ исходя изъ палаты судебной говорилъ: бойтесь Бога, для чего не по правдѣ судите. Сего же реченія моего сія суть вины.

1) «Книги Дмитриемъ Тверитиномъ писанныя и листъ на развращеніе народа отъ него жъ писанъ и раздаванъ въ народѣ явѣ его показываютъ быти еретика. То все на судѣ уничтожено или на нѣкое время оставлено и вида тому не показано».

2) «Велятъ давать очныя ставки отвѣтчикомъ съ свидѣтелями, а въ прошломъ 205 году, нмяннымъ царскимъ повелѣніемъ, писана статья: велѣно во всякихъ дѣлѣхъ допрашивать свидѣте-

¹⁾ Кабин. дѣла, II, № 24, л. 366.

лей и вѣрить свидѣтелемъ тремъ и двумъ и одному, буде не бывало какой ссоры и вражды между отвѣтчикомъ и свидѣтелемъ. А нынѣ на оныхъ раскольниковъ многое число священнаго и монашескаго и мірскаго чина знатныхъ персонъ свидѣтельствуютъ и ихъ неистовство письменно обличаютъ; и тѣмъ свидѣтелямъ и явному обличенію неповѣрено, а для чего, тому вида непоказано. А надлежало противъ всякаго свидѣтельства раскольниковъ допрашивать, а они ни противъ одного не выпрашиваны, и тако безъ вопросовъ намѣрено съ свидѣтелями давать очныя ставки, и тѣмъ, по мнѣнію нашему, стала помянутому царскому имянному указу противность или нарушеніе».

3) «Нѣщии отъ раскольниковъ винились въ Преображенскомъ и прочихъ товарищей своихъ и учителя своего Дмитрія Тверитинова выдали; а предъ Сенатомъ всего того заперлися. И тое мимо пушено и въ премѣнныхъ рѣчахъ, какъ гражданство лежитъ, нерозыскивано. Сія вся высокому вашему ц. в. разсужденію подагаю смиренный Стефанъ м. р.»¹⁾

Слѣдующее письмо его къ Государю, 11 іюля того же года, показываетъ, что между ними остались недоразумѣнія.

«Великодержавнѣйшій Царь, Государь премилостивѣйшій. Якоже зашедшу солнцу свѣтъ отъемлется, тако, по отшествіи вашего царскаго величества, радость оскудѣваетъ, а напаче въ моемъ сердцѣ: *сѣмъз очію мою — и той нѣсть со мною*. Всеи отпущени, азъ же единъ остался, яко овча заблуждшееся скитаюся, не вѣдущъ, камо имамъ обратитися и чего держатися. Жити въ царствующемъ градѣ С. Петербургѣ, аще есть на томъ воля в. ц. в., готовъ есмь, и волѣ вашего ц. в. противитися ниже хочу, ниже могу; вѣмъ бо, яко противляйся власти, Божію повелѣнію противитися; вѣмъ, яко что Царь велитъ, Богъ велитъ: сердце бо цареву въ рукахъ Божіихъ. Того ради волѣ вашего царскаго величества, яко благополучному вѣтру, кораблець житія моего весьма пуцаю, и аще жити мнѣ въ С.-Петербургѣ повелѣваеши, съ радостію повелѣніе приѣмлю и въ честь себѣ ставлю при царскомъ лицѣ паче жити, нежели, яко сыну блудному, отъ лица отеческа удалитися. Точію молю всемиренно о двѣ вѣщии: первая, да повелитъ мнѣ великодержавіе ваше

¹⁾ Кабин. дѣла, II, № 24 л. 365.

здѣсь опредѣлити мѣсто, идѣже быхъ возмоглъ дворшико себѣ построи или готовый какой нибудь дворъ мнѣ, по обычному своему ко мнѣ благосердію, даровати, якоже и господарю Волосскому благоизволилъ еси сію явити милость. Вторая, да, по прежнему вашему монаршему милостивому отпуску, свободно мнѣ будетъ на время поѣхати въ Нѣжинъ для посвященія церкви, въ которую все житіе мое и вси доходды мои келейные, яко оная вдова двѣ цатѣ, изнурихъ и всю утварь церковную, сирѣчь книги, сосуды, ризы и прочая къ церковной красотѣ и служенію надлежащая, уготовахъ. А оттуда возвратившись забрать мнѣ изъ Москвы всю мою рухлядь, а наипаче сокровище мое — книги, и сюды въ царствующій градъ С. Петербургъ зимнимъ путемъ сегожь году возвратится, устроивши на Москвѣ порядокъ въ церкви соборной и къ посвященію ставленниковъ надлежащій, такожь и судей надежныхъ опредѣливши въ патриаршую и въ мою епархію».

«Аще бы о возвращеніи моемъ было нѣкое сумнительство, клянуся Богомъ живымъ, отмстителемъ всякія неправды. Кровь Христа Спасителя нашего, во спасеніе намъ изліянная, да будетъ мнѣ въ погибель, аще солгу или помышляю что о бѣгствѣ лукавое. *Камо бо пойду отъ духа твоего и отъ лица твоего камо бѣжу.* Не въ чужое государство поѣду, но ваша держава есть Богомъ данная — Нѣжинъ ли, Москва ли, Рязань, вездѣ на мнѣ власть самодержавія вашего, отъ нея же укрытися нѣсть мощно, и нѣтъ для чего укрыватися; понеже аще и предъ Богомъ грѣшенъ есмь, но предъ в. ц. в. совѣсть имаю, слава Богу, чисту и беззазорну».

«А буде и сія клятва моя, на ней же спасеніе мое лежитъ, явится вашему великодержавію невѣроятна, прошу о приставѣ какого нибудь офицера съ солдатами, съ ними же быхъ могъ сей путь управити для всякой осторожности и вѣры. Но душа, клятвою огражденна, есть паче тѣла карауломъ стрегомаго, и ужаснѣе есть клятву преступити, нежели стражи избѣжати. А что я просился въ монастырь — и то дѣлалось отъ великихъ монаховъ и нестерпимыхъ болѣзней, въ нихъ же смерть заглянула было въ очи. А нынѣ я, Божією благодатію, свободъ отъ оной болѣзни, прошу за сей грѣхъ мой и за прочія прегрѣшенія моя милостивое прощеніе:

отпущайте, что на кого имате; да Отецъ вашъ небесный отпущитъ вамъ ¹⁾).

Стефанъ долго не получалъ отвѣта на это письмо, и 14 ноября послалъ къ Государю другое прошеніе, въ которомъ просилъ отпустить его въ Нѣжинъ для освященія церкви ²⁾).

Государь видѣлъ и явно показывалъ, что въ Стефанѣ онъ не нашелъ себѣ сотрудника, способнаго войти въ его мысли и помочь ему въ устройствѣ духовнаго чина и въ искорененіи суевѣрій, тяготѣвшихъ надъ народомъ.

Государь косо смотрѣлъ на распущенность духовенства, — на множество праздно бродящихъ поповъ и монаховъ, — на клякушъ и юродивыхъ, встрѣчавшихся на каждомъ шагу, — на множество вымышленныхъ чудесъ и ложно объявляемыхъ мощи святыхъ, — на недостатокъ школъ для образованія духовенства и народа и — приписывалъ все это недѣятельности мѣстоблюстителя.

Въ 1716 г., при случаѣ назначенія и посвященія новыхъ епископовъ на открывшіяся вакансіи въ астраханской и вологодской епархіяхъ, Петръ самъ написалъ дополненіе къ архіерейской присягѣ касательно безпокоившихъ его предметовъ архіерейскаго управленія и надзора, потомъ далъ сформулировать это невскому архим. Феодосію, и наконецъ, вторично исправивши составленные Феодосіемъ пункты, 22 января 1716 г. послалъ ихъ при указѣ Стефану ³⁾).

¹⁾ Кабин. дѣла, II, № 24, л. 368 — 369.

²⁾ Кабин. дѣла, II, № 24, л. 367.

³⁾ Мы приводимъ ихъ вполнѣ въ томъ видѣ, какъ она написаны Петромъ:

1) «Кто покажетъ себя явнымъ еретикомъ и разорителемъ заповѣдей Божіихъ, такихъ, по тріехъ увѣщаніяхъ, по апостолу отлучать, а не такъ какъ нынѣ для ссоръ съ собою и своимъ отлучаютъ всякаго таинства, и не только тѣхъ, но ихъ домовыхъ безразсудно».

2) «Съ противными Церкви съ кротостію и разумомъ поступать, по апостолу: *былъ незаконнымъ яко незаконенъ, да незаконныя пріобрѣту, былъ есмь еса, да еoliko имѣлъ славу, а не такъ какъ нынѣ жестокими словами и отчужденіемъ».*

3) «Монаховъ содержать по ихъ правдамъ, не для скитаться изъ монастыря въ монастырь».

4) «Церквей для прихоти не строить, дабы потомъ не пустѣли, но у довольнаго прихода».

5) «Поповъ для прибытку не умножать, ниже для наслѣдія ставить, но для пастыи не лицензірно».

IV.

Духовный Регламентъ и учрежденіе Синода. — Личный составъ Синода. — Распоряженія Синода.

Рѣшившись учредить новую форму церковнаго правленія, Государь поручилъ Теофану составить уставъ духовной коллегіи, который въ 1719 году и былъ имъ написанъ подъ заглавіемъ: *Духовный Регламентъ*.

Послѣ того, 11 февр. 1720 г., Государь самъ разсматривалъ Регламентъ, исправлялъ и пополнялъ, затѣмъ отдалъ на разсмотрѣніе Сенату съ духовенствомъ, которыми онъ дважды былъ читанъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ объясненъ новыми примѣчаніями, наконецъ подписанъ епископами, архимандритами и сенаторами, бывшими при слушаніи и, въ заключеніе, самимъ Государемъ¹⁾. Послѣ того посланъ былъ для подписанія въ Москву и въ другія мѣста для подписи не присутствовавшимъ при чтеніи духовнымъ особамъ и, по окончаніи всего, изданъ въ свѣтъ.

Главное побужденіе къ учрежденію Духовной коллегіи заключалось въ томъ, что Церковь, при патріаршемъ управленіи, была независимою отъ государства, и лицо патріарха какъ бы равнялось лицу государеву. Петру казалось это отношеніе неправиль-

6) «Для собранія на церковное строеніе или на иную какую нужду свидѣтельствомъ и грамотою за своею рукою и печатью, чтобъ безчестія имени Божія не было отъ бездѣльныхъ тунеядцевъ». Кабин. дѣла, I, № 81 л. 21—22.

1) Въ Манифестѣ объ учрежденіи св. Синода и изданіи Регламента, составленномъ Теофаномъ, слова: «*понеже отъ единой личности не безъ страсти бываетъ; комузель не наследственная власть, того ради явльше не брестуть*», — равно какъ слова: «*имѣють же вся члены селъ коллегіи, при вступленіи отъ свое дѣло, учинить прислу, или обещаніе предъ селыми Евашелими, по приложенной формѣ прислу*», приписаны Государемъ. Послѣ наименованія президента и двухъ вице-президентовъ, слова: «*четыремъ советникамъ, четверемъ ассессорамъ*», приписаны Θεодосіемъ, равно какъ и слѣдующая за тѣми статья: «*за понеже помянулось отъ селъ Регламентъ отъ 1-й части отъ 7 и 8 пунктамъ, что президентъ подлагаети илнати суду своея братіи, сіи есть тойже коллегіи, аще бы отъ чель знати погривили: того ради отродѣляемъ и волю оному илнати одинъ, съ прочими равный*». Кабин. дѣла I, № 81, л. 80—81.

нымъ и не безопаснымъ. А потому онъ рѣшился ввести Церковь въ общій порядокъ государственной жизни, подчинить ее общей системѣ государственнаго правленія, какъ одну изъ ея вѣтвей, и духовное правительство сдѣлать коллегіей наряду съ прочими коллегіями. Званіе патріаршее уничтожалось само собою. Члены духовной коллегіи, исключая особенный родъ ихъ дѣлъ, становились такимижъ начальниками въ своемъ вѣдомствѣ, какъ другіе — въ своихъ управленіяхъ, даже съ тѣми же названіями президента, вице-президентовъ, совѣтниковъ и ассессоровъ, какъ и въ прочихъ коллегіяхъ. Вмѣстѣ съ этимъ Церковь и духовенство становились въ общую подсудность государству по всѣмъ своимъ дѣламъ и интересамъ, исключая церковныхъ догматовъ и канонѳвъ. Члены духовной коллегіи должны были, вступая въ эту должность, кромѣ общей присяги по церковному званію, приносить особую присягу на вѣрность Государю по званію членѳвъ коллегіи.

Какъ мало довѣрялъ Регламентъ образованію духовныхъ пастырей, стоящихъ даже на высшихъ степеняхъ церковной іерархіи, можно судить по слѣдующимъ статьямъ Регламента (дѣла епископѳвъ, §§ 1 — 3).

«Должны суть епископы имѣть всякъ у себя соборы селенскіе и помѣстные, и что во оныхъ заповѣдано, какъ ихъ же самихъ чину, такъ и всему клиру должное, знать гораздо, что не можетъ быть безъ прилежнаго и частаго чтенія. Должны наипаче знать степени однородства и сродства и каковыя могутъ вмѣстить въ себѣ супружество, а каковыя не могутъ. Сами бы сіе вѣдали, а не на иного кого спускались, хотя бы и былъ у нихъ искусный въ семъ человекъ. А понеже какъ первая, такъ и вторая вышеупомянутая ихъ должность не можетъ добрѣ знаема быть безъ прилежнаго чтенія; а будетъ ли всякъ охотникъ къ чтенію, неизвѣстно: того ради подавъ будетъ всѣмъ епископамъ отъ Коллегіума духовнаго указъ, чтобы у всякаго, при его трапезѣ, чтеніе было канонѳвъ себѣ надлежащихъ, и развѣ тое моглобъ иногда оставитися во дни великихъ праздниковъ или при гостяхъ достойныхъ, или за иную нѣкую вину правильную».

Духовная жизнь народа находилась въ такомъ положеніи, что требовала настоятельно мѣръ къ ея улучшенію. Умноженіе и повсюдное распространеніе суевѣрій, самыхъ грубыхъ, — чрезвычай-

ная привязанность къ обрядамъ и формамъ, грубость религіознаго чувства и вкуса, незнаніе самыхъ первыхъ и основныхъ понятій христіанской вѣры и правилъ христіанской жизни составляютъ характерическія черты религіозно-нравственной жизни русскаго народа того времени. Очищеніе и исправленіе ея, возможное только чрезъ наставленія образованныхъ пастырей, существенно входило въ планъ церковно-административнаго и религіозно-нравственнаго преобразованія, предпринятаго Петромъ ¹⁾.

Ефеофанъ выразилъ эти мысли въ церковномъ словѣ, произнесенномъ по случаю открытія св. Синода, въ Троицкомъ соборѣ 14 февраля 1721 года, въ присутствіи Государя, при собраніи министровъ и всего генералитета.

«Коей пользы надѣяться отъ правительства духовнаго, кажется мнѣ, есть человека умомъ весьма ослѣпленнаго; ибо или невидитъ, или видѣти таковой не хочетъ, каковую нищету и бѣдство страждетъ христіанскій народъ, когда нѣтъ духовнаго ученія и правленія. «У насъ, слава Богу, все хорошо и не требуютъ здравіи врача, но болящій». Но такъ себе и прочіихъ льстятъ сіи окаянницы, якоже иногда во Іерусалимѣ народъ и священство крайнимъ безуміемъ и безсофѣстіемъ ослѣплены и находящаго гнѣва Божія, по проповѣди пророка Іереміи, невѣдящій, льстили себѣ сладкимъ льщеніемъ: *миръ миръ; и не бо миръ*, яко же помянутый пророкъ сътуеть».

«Какій убо у насъ миръ? Какое здравіе наше? До того пришло, что всякъ, хотя бы пребеззаконнѣйшій, думаетъ себе быти честнѣе и паче прочіихъ святѣйшгѣ: то наше здравіе. До того пришло, что чуть не вси, бревна въ своемъ оцѣ не ощущающій, сучецъ усматриваемъ во очесѣхъ ближняго: то нашъ миръ. До того пришло, что и приѣмшіи власть наставляти и учить людей сами христіанскаго перваго ученія, еже апостолю млекомоъ нарицаеть, невѣдаютъ. До того пришло и въ тая мы времена родилися, когда слѣпшіе слѣпыхъ водятъ, саміи грубѣйшіи невѣжди богословствуютъ и догматы, смѣха достойные, пишутъ, ученія бѣсовская предають, и во преданіи бабѣмъ баснемъ скоро вѣруется; прямое же и осно-

¹⁾ Объ изданіяхъ Д. Регламента и переводахъ его на иностранныя языки у П. П. Лепарскаго: Наука и литература въ Россіи при Петрѣ В. Ч. II, стр. 519—526. Спб. 1862.

вательное учение не тобою не получает вѣры, но и гнѣвъ, вражду, угроженія, вмѣсто возмездія пріемлетъ. Таковъ миръ нашъ, такое здравіе наше».

«Видя же сіе видимъ, какъ пужное дѣло твое духовная коллегія; видимъ море куши твоей; видимъ широкую ниву жатвы твоей; видимъ пространный вертоградъ собранія плодовъ тебѣ указаннаго. Аще бо и всѣмъ мѣстнымъ пастыремъ тоежь дѣло, тотъ же долгъ, но — часть долженства: на тебѣ цѣлое лежитъ. Инымъ мѣсто дому, тебѣ весь сей въ Россіи домъ Божій ввѣренъ. Инымъ дѣлати, тебѣ и дѣлати и, дабы правильно дѣлалось, наблюдать, наставлять и настояти подобаетъ»¹⁾.

Духовная коллегія, при первоначальномъ ея учрежденіи, состояла изъ президента, двухъ вице-президентовъ, четырехъ совѣтниковъ и четырехъ ассессоровъ.

Президентомъ назначенъ рязанскій митрополитъ Стефанъ, бывшій мѣстоблюстителемъ патриаршаго престола.

На его счетъ, или, по крайней мѣрѣ, на счетъ президента, сдѣлано было въ Регламентѣ, съ особымъ удареніемъ, нѣсколько указаній, которыхъ Стефанъ не могъ не замѣтить. «Велико и сіе, что отъ соборнаго правленія неопасатися отечеству мятежей и смущенія, яковыя происходятъ отъ единого собственнаго правителя духовнаго. Таковому злу во соборномъ духовномъ правительствѣ нѣсть мѣста. Ибо нѣсть здѣ и на самомъ президентѣ великія и народъ удивляющія славы, нѣсть лишнія свѣтлости и позора, нѣсть высокаго о немъ мнѣнія, не могутъ ласкатели безмѣрными похвалами возносить его. Самое имя *президентъ* не гордое есть, не иное бо что значить, токмо предсѣдателя; не можетъ убо ниже самъ о себѣ, ниже кто иной о немъ высоко помышляти. Еще и сіе угодіе церкви и государству отъ таковаго соборнаго правительства будетъ, что въ немъ не токмо единъ нѣкто отъ сосѣдителей, но и самъ президентъ или предсѣдатель подлежати имѣть суду своєю братіи, то есть томужде Коллегіуму, ащебы въ чемъ знатно погрѣшилъ»²⁾. Стефанъ, конечно, очень понималъ

¹⁾ Феодана, Слова и рѣчи, ч. II, стр. 66—68. Спб. 1761 г.

²⁾ Дух. Регл. ч. I, пунктъ 7.

значеніе этихъ намековъ и не охотно подписался подъ Регламентъ.

При объявленіи манифеста объ учрежденіи Духовной коллегии, 25 января 1721 г., опять сдѣлали честь президенту особымъ о немъ упоминаніемъ, что «президентъ подлежатъ имать суду своей братіи, сі-есть тойжде Коллегии, аще бы въ чемъ знатно погрѣшилъ: того ради опредѣляемъ и голосъ оному имѣть единъ съ прочими равный». Чтоже оставалось президенту? Въ чемъ его отличіе? Сидѣть выше другихъ и больше ничего.

Вице-президентами назначены повгородскій архіепископъ Феодосій Яновскій и псковскій епископъ Феофанъ Прокоповичъ.

Феодосій былъ родомъ изъ польской шляхты. По какому побужденію вступилъ онъ въ монашество, неизвѣстно. Но какая-то тѣнь лежитъ на первыхъ годахъ его монашества. Изъ недавно напечатаннаго письма къ нему новгородскаго митрополита Іова видно, что онъ въ чемъ-то оклеветалъ предъ патриархомъ симоновскаго архимандрита Варсоломея, который постригъ его въ монашество и, по изслѣдованіи дѣла, посланъ былъ, какъ клеветникъ, въ оковахъ въ троицкій монастырь въ подначальство. Іовъ, бывшій въ ту пору архимандритомъ троицкаго монастыря, принялъ въ немъ участіе и освободилъ его изъ цѣпей. Сдѣлавшись потомъ новгородскимъ митрополитомъ, онъ взялъ его съ собою въ Новгородъ и опредѣлилъ хутынскимъ архимандритомъ. Въ проѣздъ Государя чрезъ Новгородъ, Феодосій умѣлъ обратить на себя вниманіе Петра и это произвело въ его судьбѣ роковой переворотъ. Но, съ другой стороны, вниманіе Государя надмело его противъ своего архипастыря, къ которому Феодосій, забывъ его благодаренія, началъ относиться съ гордостью и презрительностію. Пользуясь доступностію Государя, онъ началъ обращаться къ нему съ просьбами и доносами, минуя и даже черня передъ Государемъ своего митрополита. ¹⁾ Неизвѣстно, долго ли длились между

¹⁾ Письмо Феодосія къ Государю отъ 27 окт. 1704 года:

«Христоподражательный Царю
извѣстно тебѣ творю.

Новгорода хутина монастыря бывшій келарь Венедиктъ Барановъ
жилъ въ томъ монастырѣ годы
и, не радѣя о обители, собралъ себѣ великіе доходы;
въ нихъ же упова и возмогши суетою своею усвоилъ себѣ въ помѣстье

ними эти напряженные отношенія; наконецъ Іовъ рѣшился сдѣлать ему пастырское вразумленіе. «Рукоположенъ еси — писалъ онъ къ Θεодосію, — и посвященъ и произведенъ, брате, на начальство духовное чрезъ меня недостойнаго во святой церкви при святѣмъ престолѣ, яко отъ самыя руки Господни (яко и есть) чрезъ худость нашу, еже быти тебѣ во всякомъ послушаніи грубости моея, якоже и обѣщался еси (не мнѣ же обѣщался еси, но Христу Богу) быти послушенъ, не на нѣкое время, но даже до смерти. И вмалѣ, тое презрѣвъ, освоеволнлся еси, ни мало покоренъ пребывъ, Богу попускающу по твоему зловольству, діаволу же дѣйству, испалъ еси, яко изъ корабля, не токмо на дщицу, но въ самыя свирѣпныя волны самовольства за преслушаніе отъ паствы нашея. Изторже бо ты, яко звѣзду изъ небесе, алыи вселукавый сопостать діаволъ и, обуздавъ ты яко клячу худую, водить ты и на тебѣ ѣздить, величаяся яко на свинні (по видѣнію св. отецъ), аможе хоцетъ, дондеже въ совершенную погибель вринетъ и порадуется о погибели души твоея».

«Вѣси ли, егда и обѣщался еси, пострижаяся и міра отрицааяся, терпѣти всякое оскорбленіе, тѣсноту, нужду, безчестіе, насмѣяніе, наруганіе, досаду, обиду и иная, ихъ же ни едино что коснется тебѣ: не бо наведохъ тебѣ что сихъ, видя твое малодушество. Кая же душевная вина или порокъ, рцы ми, изрѣявшая ты отъ мене, отца твоего и пастыря, Богу самому зрящу... Научися, како отцы, въ ихъ же образъ облекохомся, искушенія терпяху... Ты же и до днѣсь ничимъ же искушался еси; но паче возгордѣвся, не искусенъ пребываешн, не сынъ яко монахъ начальныи и послушникъ, но яко дѣтищъ дракунъ, или яко (по святому Дороеею) гни-

---

тогожъ хутиня монастыря приписной монастырь съ принадлежащимъ доходомъ, гдѣ уже пребывая насется на стремнивахъ страстныхъ безъ всякаго страха, и покидаеть и рачоцаеть тамо монастырскія стижанія; а про то извѣстно и архіерейству. И имѣшннго сентября 17 дня, во время шестива Вашего изъ Новагорода, извоилъ Ты мнѣ приказать того бывшаго келаря взять въ хутинь монастырь и жить въ братствѣ: и онъ чернецъ Твоему повелѣнію учинился ослушать и слагеть. Ктонужъ и архіерей нашъ, увѣдавъ о томъ Твоемъ повелѣніи, мнѣ взять его воображаетъ, и меня убогаго проклинаеть за то, аще жъ по велѣнію Твоему творю. И о семъ какъ извоишь? Вашего величества никайшій рабъ и молитвенникъ, старецъ Θεодосій, архимандреть хутиньскій. 27 окт. 1704 года».

лый хлѣбъ. Видя убо азъ твое двоедушество, никогда ты чимъ
 искусихъ и оскорбихъ, но паче всегда благоугодная тебѣ творяхъ,
 работахъ тебѣ вся дни, за яже купносельникъ былъ еси мнѣ во
 обители святотронщкой и въ домѣ нашемъ архіерейскомъ,— не яко
 отецъ и начальникъ, но яко купленный рабъ; — не допустихъ ты
 ни о единой потребѣ тѣлесной и келейной попещися, вся тебѣ го-
 това бяху на всякъ день, яко владыцѣ нѣкоему... Яже подобаше
 тебѣ послужити на мене, азъ тая вся тебѣ служилъ. И сія вся
 въ ничто вмѣнилъ еси. Никогда отъ тебѣ получихъ ниже малѣй-
 шую честь, не юже отцемъ, но ниже равному брату подобающую.
 Азъ же, отецъ, ни поне слово благоговѣйное когда слышахъ отъ
 тебѣ, но многащя досадная, безчестная и наглая, мужицкая, посе-
 лянская, дурацкая; много же паче нынѣ словеса претерпѣхъ отъ
 тебѣ не точію гдѣ-либо келейно, но и народно: коликощя яко изум-
 ленный, или яко блекотливый козелъ навопилъ еси на мя, и внѣш-
 ные человѣки своимъ злогласіемъ назвонилъ еси, яко диво нѣкое.
 Но да не вмѣнитъ тебѣ сія Господь, понеже не отъ тебе сія; но
 діаволь пакоствоваше ми чрезъ тебе, иже, обуздавъ ты, исторже
 (яко волкъ хищникъ) отъ мене отца твоего. Аще и ты, гордяся
 худостію моею, не хочещи мя имѣти себѣ и звати отца и пастыря,
 но, благодатию Святаго Духа, отецъ тебѣ, аще послушливъ бы былъ
 еси и покоренъ, и есмь и буду. Нынѣ же, отрицающуся тебѣ имѣти
 мя отца и пастыря, кто еси и откуда?.. Скачещи, яко козелъ, высо-
 ко, но бойся, да не поползнешися глубоко. Въ толико достиглъ еси
 неистовство, яко положилъ еси въ гордости твоей устро твое на
 небо, а языкъ твой переходитъ по земли. Единъ ты человѣкъ мни-
 шися быти, много же ни одинаго человѣка вмѣнилъ еси, но вся
 люди блядещи, нарицаая свиніи; одинаго себе мниши нѣкоего быти.
 Внемли, гдѣ еси и на коемъ степені житія. Уврачися, брате, отъ
 лютыхъ сихъ, молю ты, не вдавайся въ волю діаволу. Аще же азъ
 ты чимъ соблазнихъ или оскорбихъ, отдаждь ми, яко невѣждѣ сущу.
 Аще въ упрямствѣ своемъ сатанинскомъ пребудещи, вѣждь, яко
 по малѣ времени злѣ постраждеши и благодать, данную тебѣ, по-
 губиши. Или мниши мудра быти себѣ? Никако, глаголю ти. Муд-
 рость бо, свыше сущая, мирна, кротка, благопокорна; въ тебѣ же
 ни едино сихъ зрю. Но вопроси мя о себѣ: кто еси? Азъ тебѣ
 скажу: буй еси, ненаказанъ, грубянинъ, селчугъ не людскій, вепрь

двѣи, свирѣпому звѣрю подобноравенъ еси, вельбуду гнѣвливому подражатель еси. Сими имены не тебе (понеже челоувѣкъ еси) зову, но непокорство и злонаравіе твое, показующая тя такова достойна сихъ имень. Отвержи отъ себѣ упрямство и непокорство, и буди благопокорливъ, и будеши истинныйъ Θεодосій архимандритъ, челоувѣкъ истиненъ, благъ, крѣтокъ, терпѣливъ, благодаренъ и *благоданный*, ошаяся отъ всякаго злонаравія. Аще возмнятся тебѣ сія оскорбляюща тя, обращающуся тебѣ не тебѣ вмѣнятся, но ратоборець діаволъ понесеть тая, ты же ублажишися... Возложи на мя скорбь твою сію, азъ, елико могу, понесу, тоцію буди покорливъ и послушавъ и смиренномудръ: мало потерпи, яко мудръ нѣкій, малоумію моему, и Богъ поможетъ тебѣ. Не ненавиствуя тя, ниже проклиная весьма, но отъ болѣзненна сердца на обращеніе тя взывая, сія написахъ, аще послушаеши мя. Вѣмъ, яко жестокъ еси и жила желѣзна выя твоя; но есть Богъ, обращающъ въ сердца морская горы и изъ камене источая воды, зеленую смоковницу сухая, а сухойъ жезлъ зеленыя, водою попадаля, а огнемъ орошая, смиренныя возвышая, гордыя же понижая. Тойжде гордую твою выю сломити и въ пятосыаченну можетъ сотворити. Умъ имущему довольно¹⁾.

Въ концѣ 1707 года Іовъ отправилъ его, вмѣстѣ съ Софроніемъ Лихудомъ, въ Москву за типографіей Симеона Полоцкаго, которую онъ выпросилъ у Государя; а Государь послалъ его въ С. Петербургъ, поручивъ ему осмотрѣть церкви и духовенство новозавоеванныхъ городовъ — Ямбурга, Нарвы, Копорья и Шлиссельбурга. Въ бытность въ С. Петербургѣ онъ первенствовалъ въ нѣкоторыхъ важныхъ духовныхъ церемоніяхъ. Въ 1710 году онъ обручалъ и потомъ вѣнчалъ племянницу государеву, великую княжну Анну Іоанновну съ Курляндскимъ герцогомъ²⁾.

¹⁾ Вполнѣ напечатано въ Лѣтописяхъ русской литературы и древн. изд. Тихомировыхъ, 1869 г. кн. 2, отд. III, стр. 154—159.

²⁾ Въ одномъ изъ современныхъ иностранныхъ описаній этого брака говорится, что его совершалъ архимандритъ на русскомъ языкѣ; въ другомъ — что бракосочетаніе было совершено русскимъ архимандритомъ, который изъяснилъ Герцогу сущность обряда на латинскомъ языкѣ и на томъ же языкѣ спросилъ его о его согласіи. (Описаніе С. Петербурга и Кроншота въ 1711 году. Спб. 1860 г.) По свидѣтельству Берхгольца, Θεодосій незналъ по-латинѣ. (Дневн. Т. II, стр. 144). Но это — невѣрно. На представленномъ Государю отъ

Въ 1712 году Феодосій опредѣленъ архимандритомъ новооснованнаго невскаго монастыря, для котораго выпросилъ у Государя нѣсколько вотчинъ, отписныхъ отъ сергіевскаго монастыря и новгородскаго архіерейскаго дома.

Перенесши резиденцію въ С. Петербургъ, Петръ сдѣлалъ его второю столицею государства, и хотѣлъ учредить въ немъ церковное управленіе, сообразное съ его достоинствомъ. Если бы м. Стефанъ былъ въ его духѣ, Государь, безъ сомнѣнія, перевелъ бы его въ С. Петербургъ: но Стефанъ не нравился ему. Новгородскій митрополитъ Іовъ, ближайшій и законный епископъ с. петербургскаго края, былъ старъ и хворъ и, по своимъ понятіямъ, не годился для Петра. Не рѣшая этого дѣла окончательно, Петръ учредилъ въ С. Петербургѣ временное церковное управленіе, назначивши тамъ администраторомъ духовныхъ дѣлъ Феодосія. Назначеніе — весьма почетное, потому что, находясь постоянно подлѣ Государя, Феодосій дѣлался ближайшимъ совѣтникомъ его по церковнымъ дѣламъ и заслонилъ собою Стефана и, можно сказать, всѣхъ архіереевъ. Феодосій скоро понялъ свое положеніе, вошелъ въ мысли Петра и сдѣлался для него необходимымъ челоуѣкомъ. Поѣздка его съ Государемъ и Государыней за границу, гдѣ онъ былъ при нихъ почти неотлучно впродолженіи трехъ лѣтъ (1716—1718), еще больше сблизила его съ ними.

Стефану и прочимъ русскимъ архіереямъ не нравилась эта близость Государя къ Феодосію, потому что они разумѣли его не съ лучшей стороны. Царевичъ Алексѣй и его приближенные считали Феодосія лютераниномъ и лютеранскимъ апостоломъ въ Россіи. Царевичъ говаривалъ: «развѣ-де за то батюшка его любить, что онъ вноситъ въ народъ люторскіе обычаи и разрѣшаетъ на вся». Приближенные его выписали изъ полтавской службы стихъ, начинающійся словами: *спаси креста Христова*, и пѣвали его къ лицу архимандрита Феодосія, говоря, что когда будутъ ставить его въ архіерея, то пригоже будетъ пѣть это на облаченнѣ. А учитель царевича, Никифоръ Вяземскій съ нотою оный стихъ

Синода прозектъ письма къ восточнымъ патриархамъ объ установленіи Синода, Феодосій сдѣлалъ приписку: «сочинено преосв. Феофаномъ псковскимъ на латинскомъ языкѣ, на которомъ и красоту лучшую имѣеть». Кабин. дѣла, II, LVII, л. 80—88.

написалъ и говаривалъ, что я бы-де пять рубливъ далъ гвѣчицѣ, чтобъ то прогѣть для того, что онъ иконъ непочитаеть»¹⁾).

По возвращеніи въ С. Петербургъ, Феодосій уже пользовался полною довѣренностію Государя и, по церковной администраціи, стоялъ выше всѣхъ архіереевъ. Довольно указать на одинъ докладъ его Государю, чтобы понять его могущество, а вмѣстѣ съ тѣмъ и направленіе его понятій.

Это — докладъ о крестовыхъ священникахъ и волочащихся монахахъ. «О священникахъ крестовыхъ учинить бы предѣлъ, кому держать, кому не держать; понеже отъ оныхъ многое безчynie и унять ихъ невозможно. И ежели кому позволится крестоваго пона держать, дабы той господинъ повиненъ былъ приходскимъ своимъ священникамъ дать такой же трактamentъ, каковой оному крестовому на годъ даванъ будетъ, и за всякое его безчynie обязанъ бы былъ отвѣтствовать. А ежели никому не позволится, штрафовать бы оныхъ волочащихъ поповъ чѣмъ тяжкимъ, хотя на время и до каторжской работы, дабы прочіе страхъ имѣли и безъ отпусковъ своихъ архіереевъ не волочились. На заставахъ заказать бы накрѣпко, дабы поповъ и чернецовъ, хотя и начальныхъ, которые не позваны будутъ и отъ своихъ архіереевъ не явятъ пропусковъ, къ Санктпетербургу не пропускать; такожде и нищихъ волочагъ, понеже и отъ тѣхъ не малое зло въ людяхъ бываетъ. Изъ Сената послать бы указы ко всѣмъ архіереямъ, дабы они по своимъ епархіямъ заказали накрѣпко, чтобъ безъ ихъ вѣдома изъ собственной руки, всякаго духовнаго чина какъ подначальные, такъ и начальные, въ Санктпетербургъ приходять не дерзали, а ежели не такъ, то отъ волочагъ оборониться не возможно»²⁾).

Въ тоже время онъ разослалъ³⁾ ко всѣмъ заказчикамъ с. петербургскаго края инструкціи, какъ имъ наблюдать за церковными дѣлами въ своихъ благочиніяхъ. Отъ этихъ инструкцій вѣетъ ужъ духомъ Регламента. «Съ приходскими священники усматривать, чтобъ, въ потребахъ св. таинъ, ко всякому лицу никаковья остановки не было и таинство св. крещенія коемуждо священ-

¹⁾ Устрялова, Исторія Петра Великаго, т. VI, стр. 201. 245. 248.

²⁾ Кабин. дѣла, I. № 31, л. 235.

нику кому либо отправлять въ церкви, кромѣ самыя нужды больныхъ младенцовъ; понеже многіе священники, по своимъ притхотямъ ища себѣ прибытковъ и свыше подобающихъ потребъ, входятъ въ знатныя дома, а по убогимъ и для самыхъ нужнѣйшихъ требъ ходить гвнятся. Емужь смотрѣть и провѣдывать на крѣпко бродящихъ и тайно въ домѣхъ живущихъ монаховъ и священниковъ, которые живутъ безъ указовъ¹⁾.

Въ 1718 году, по дѣлу царевича, Государь приказалъ Теодосію отрѣшнить отъ петропавловскаго собора весь причтъ, начиная съ протопопа до церковныхъ причетниковъ, а на ихъ мѣста опредѣлить другихъ добрыхъ людей немедленно. Точно также нужны были священники для другихъ церквей С. Петербурга и ново-завоеванныхъ городовъ. И Теодосій, по своему усмотрѣнію и выбору, переселялъ «доброжительныхъ и ученыхъ» священниковъ въ С. Петербургъ, нестѣсняясь ни ихъ желаніемъ, ни согласіемъ мѣстныхъ архіереевъ²⁾.

Точно также онъ собиралъ со всей Россіи лучшихъ монаховъ для невскаго монастыря «въ надежду архіерейства, чтобы здѣсь жили, и можно бы знать, чтобъ такихъ не поставитъ, какъ тамбовскій и ростовскій были». (Поли. собр. зак. Т. V, № 3239). Это распоряженіе страшно взволновало малороссійскіе монастыри. На переселеніе въ С. Петербургъ монахи смотрѣли въ ту пору, какъ на ссылку въ Сибирь, а монастыри — какъ на самую тяжкую повинность и отдѣльвались отъ нея всѣми способами.

¹⁾ Духъ Христіанина, 1863—1864 г. кн. III—IV. Прилож. стр. 17.

²⁾ Письмо Теодосія къ П. А. Толстому, отъ 2 дек. 1718 года:

«Сего мая 2 дня 718 получилъ я, за подписаніемъ вашего сіятельства, письмо, въ которомъ объявленъ его царскаго пресвѣтлаго величества именной указъ о отрѣшеніи петропавловскаго собору, что въ с. петербургской крѣпости, протопопа Георгія и священниковъ и діаконовъ и церковныхъ причетниковъ отъ того собору, а на ихъ мѣста о опредѣленіи другихъ добрыхъ людей немедленно, и о томъ ваше сіятельство увѣдомитъ. На которое вашему сіятельству доношу: противъ вышеявленнаго его царскаго величества имяннаго указа отрѣшеніе протопопу и священникомъ и діакономъ и церковныхъ причетниковъ отъ того собору и на ихъ мѣста другихъ добрыхъ людей опредѣленіе учиню вскорѣ, и уже роспись подана давно сіятельному графу Мусыну-Пушкину о доброжительныхъ и ученыхъ священникахъ, которому повелѣно, по своимъ росписямъ, отправлять. Вашего сіятельства всеблагожелательный молитвенникъ и слуга Теодосій архимандритъ. Изъ монастыря невскаго». (Госуд. архивъ: Дѣла царев. Алексѣя. Кикинскій Розыскъ. Карт. XII. № 127).

Кому бы ни принадлежало это распоряженіе, но какъ исполнителемъ его былъ Θεодосій, то на него же и обрушился ропотъ монаховъ и монастырскихъ властей.

Θеодосій не забывалъ и матеріальнаго благосостоянія своего монастыря. Еще въ 1712 году онъ отписалъ къ нему часть вотчинъ отъ сергіевскаго монастыря и новгородскаго архіерейскаго дома. Послѣ того онъ выпросилъ у Государя указъ, чтобы обращать на строеніе невскаго монастыря келейныя вещи и деньги, оставшіяся послѣ умершихъ архіереевъ и архимандритовъ¹⁾. Это очень не нравилось архіереямъ и архимандритамъ. Они считали это оскорбленіемъ братства, да и видѣли, что эти поборы идутъ не столько на церковное строеніе, какъ на другіе расходы.

Устроившись самъ, Θεодосій вспомнилъ и о родныхъ. Въ маѣ 1719 года онъ просилъ Государя о своихъ родственникахъ, чтобы дать имъ вотчины на пропитаніе²⁾.

1) Письмо Θεодосія къ Государю, 17 апр. 1719 года:

«Всемилостивѣйшіи государы! Прошлаго 1718 года доносилъ вашему величеству въ Москвѣ казанской вице-губернаторъ о келейныхъ представляемыхъ Самсою митрополита астраханскаго деньгахъ, которые вы изволили опредѣлить на строеніе въ невскій монастырь: дабы имѣть повѣжно было собственнымъ вашего величества милостивѣйшимъ указомъ оныя деньги и прочія важную цѣну имущія вещи, по описи Михаила Чирикова, изъ Астрахани доставить въ невскій монастырь. А ежели тѣ деньги и прочія вещи расхищены или куда на не государственные расходы употреблены, или что на оныя куплено, — сыскавъ собрать и купленное прислать въ помянутой монастырь безъ утайки. Такожде и прочіихъ епархій представляющихся архіереевъ келейныя деньги и вещи собирать бы, для поспѣшенія строенія, въ помянутой же монастырь, въ помощь государственной казны, понеже суммы помянутой монастырь будетъ требовать. А изъ помянутыхъ выморочныхъ денегъ и вещей нѣкоторыя промежъ рукъ и туе пропадаютъ. Вашего величества низжайшій рабъ и всеблагожелательный молитвенникъ, Θεодосій архимандритъ» (Каб. дѣла, II, XLII).

Отъ 30 апр. 1719 г. письмо его къ Императрицѣ — съ прозьбою о присылкѣ въ новоначатый въ невскомъ монастырѣ огорождъ сѣмянъ огородныхъ, «не ради чего много, только чтобы вѣрны были во всходѣ, а ежели изъ ряду взять, то опасно, чтобы земли даромъ невскюдныя сѣмена не заняли.» (Госуд. арх. Собр. писемъ разныхъ лицъ къ Екатеринѣ I).

2) «Всемилостивѣйшіи государь, благоутробно услыши моленіе раба твоего.

Обличаетъ мя писаніе святое, которое глаголетъ тако: *оце кто о сеомъ, аче же о присылкѣ не промышляеть, спры отсериа сѣмъ и исприано торши сѣмъ.* Имѣ же много промышленія о оныхъ нѣтъ, токмо принасть къ щедротамъ вашего величества: понеже имѣю сродниковъ ближнихъ, не яко отъ единыхъ кровн, но отъ единыхъ утробы, которые обрѣталися и обрѣтаются въ службѣ ва-

Феодосій и самъ по себѣ былъ заносчивъ и неуживчивъ, не умѣлъ ладить съ людьми; а своимъ надменнымъ тономъ и властительскимъ вмѣшательствомъ въ чужія дѣла онъ оттолкнулъ отъ себя всѣхъ и нажилъ себѣ враговъ всюду — между свѣтскими и духовными, знатными и простыми, въ бѣломъ духовествѣ и монашествующемъ.

Онъ самъ понималъ свое положеніе и просилъ Государя уволить его отъ дѣлъ и отпустить на покой — на безмолвіе. «Всемиловѣйше доношу вашему величеству мизерный, — писалъ онъ къ Государю, — умножишася паче власъ главы моя ненавидящія мя туне, а причины, за которыя ненавидятъ, суть сія.

Изъ духовныхъ: 1) за приказаніе духовныхъ дѣлъ, мимо архіереевъ, въ резидуищемъ семь мѣстѣ; 2) за взятыя изъ Москвы и изъ другихъ мѣстъ dobroжительныхъ священниковъ и діаконовъ къ Санктпетербургскимъ церквамъ, по поданнымъ отъ мене реэстрамъ; 3) рязанскій архіерей за конференцію о поученіи его, на которой изъ духовныхъ, кромѣ его, былъ только я, гдѣ и приразился, поборая по правдѣ, не мало оному.

Изъ не духовныхъ: 4) за приписаніе изъ новгородской епархіи нѣкоторыхъ монастырей и сергіева монастыря вотчинъ къ невскому монастырю; 5) за взятыя изъ домовъ архіерейскихъ и лучшихъ монастырей, по поданнымъ отъ мене реэстрамъ, dobroжительныхъ іеромонаховъ и іеродіаконовъ, а именно: судей, келаревъ, казначеевъ, соборныхъ старцовъ и прочихъ чиновныхъ и нечиновныхъ лучшихъ въ невскій монастырь; 6) за перемѣну тихвинскаго архимандрита.

Изъ не духовныхъ принципальныхъ и не принципальныхъ персонъ: 7) за крестовыхъ и прочихъ волочащихся поповъ, стар-

---

шего величества, а иные и животь свой въ оной положили и отъ потомковъ ихъ тогожъ надѣются мощио. А вотчинъ и помѣстій за ними, кромѣ зѣло скудныхъ ихъ усадебъ, нѣтъ ни одного двора и живутъ въ крайнемъ нищестѣ.

Того ради припадаю колю ваше величество, всемиловѣйше да повелится онымъ на пропитаніе дать хотя дворовъ нѣсколько крестьянъ изъ дворцовыхъ или изъ выморочныхъ прочихъ помѣщиковъ въ смоленскомъ уѣздѣ, дабы я грѣшникъ, противъ моего званія, ради оныхъ моихъ сродниковъ, въ чужь не погрѣшилъ. Вашего величества нижайшій рабъ и всеблагожелательный молитвенникъ, Феодосій архимандритъ». (Кабин. дѣла, Отд. II, № XLII).

цевъ и старицъ, которыхъ предостерегалъ, чтобъ не держали; 8) за раскольниковъ, которыхъ помѣщики и не помѣщики знатнѣ защищаютъ, и сами раскольники злорѣчаютъ; 9) за Ивана Спирова, который во флотѣ оберъ іеромонаху и другому іеромонаху обиду учинилъ, за которыхъ, по должности моей, а по прозвѣ ихъ, просилъ сатисфакціи, гдѣ надлежитъ, которая не только не учинена, но и враждебно противъ оныхъ и меня поступаютъ.

Изъ всего посольства: 10) за свѣчи по церквамъ всеу жогмыя, о которыхъ священникамъ приказывано, чтобъ чрезъ потребу не жгли¹⁾; 11) за пречистыя тайны, о которыхъ священникамъ приказывано, чтобъ оныхъ за лекарство аптекарское здоровымъ и больнымъ младенцамъ не употребляли, но по крещеніи, причастивъ единою, оставляли бѣ непрчастныхъ до познанія добра и зла. И иныхъ причинъ къ поянутой ненависти набралось бы много, но не вмѣстятъ на сей бумагѣ. Изъ которыхъ ненавистниковъ многіе вредятъ всякимъ злорѣчіемъ²⁾, не только въ народъ и между собою, но и предъ вашимъ величествомъ и сумнѣваюся, негли и поврежденъ давно.

Того ради, припадая къ милосердію вашего величества, прилежно молю; да будетъ поведѣно прочее время мизернаго моего живота скончать мнѣ въ чернеческомъ безмолвіи, до не горше что безвинно постражду. Вашего величества всенижайшій, всеблагожелательный молитвенникъ, Θεодосій мизерный³⁾.

Вмѣсто увольненія на покой Петръ, приказалъ поставить его въ новгородскіе архіепископы, а съ утвержденіемъ Синода назначилъ его, изъ уваженія къ его лѣтамъ и заслугамъ, первымъ синодскимъ вице-президентомъ.

¹⁾ Инструкціи Θεодосія духовнымъ замѣщикамъ новоприсоединенныхъ городовъ въ Духъ Христіанна, 1863—1864 г., кн. 3 и 4; прилож. стр. 15—19.

²⁾ Злорѣчіе постоянно — теперь и послѣ — шло по слѣдамъ Θεодосія. Въ апрѣлѣ 1722 г. пѣвчій новгородскаго архіерейскаго дома, Варсоноей Феодоровъ, донесъ св. Синоду, что подъячій солинаго правленія Деметій Корнышевъ, увидавши запертою часовню у воскресенскихъ воротъ, спросилъ у него Феодорова: отчего она заперта? Феодоровъ указалъ на печатное объявленіе, которое наклеено было на дверяхъ часовни. Корнышевъ, прочитавши объявленіе, сначала злословилъ Θεодосія, причитая оправдненіе часовенъ къ единому лицу его пресвященства и ния его употребляя преунижительно. Корнышевъ полатылся за это синоду. (Дѣла архива св. синода, 1722 г. № 21).

³⁾ Кабин. дѣла, II. № XLІ.

Но и въ новомъ званіи онъ не снискалъ любви ни у духовенства, ни у народа. Духовенство не любило его за то, что онъ обращался съ нимъ надменно, смотрѣлъ на великорусскихъ архіереевъ съ презрѣніемъ, а прочіихъ — архимандритовъ и протопоповъ ни во что не ставилъ. «Только себя любилъ, писалъ о немъ казанскій митрополитъ Сильвестръ, а братію весьма ненавидѣлъ. Еще же по острожелчію своему дневно вымышлялъ, какъ бы брату своему пакость сотворить, а иногда искій, кого бы и поглотить». Кромѣ того, подъ рукою, ходили слухи, что онъ бралъ съ архіереевъ и архимандритовъ дары и за это вознаграждалъ ихъ доходными мѣстами и оберегалъ отъ донощиковъ. Народъ не могъ извинить ему его прихотливой жизни, оскорблявшей въ его лицѣ санъ епископа и званіе монаха¹⁾.

Петръ, безъ сомнѣнія не все зналъ о Феодосіѣ, а то, что видѣлъ и зналъ, не казалось ему ни дурнымъ, ни предосудительнымъ для духовнаго лица. У него идея всегда шла впереди факта и заслоняла собою фактъ. Ему нравились понятія Феодосія: что нужды, что онъ живетъ, не какъ подвижникъ? За то разумѣеть дѣло и проводить хорошія понятія въ церковномъ правленіи. Ему такъ надоѣли разныя благочестивыя продѣлки старыхъ архіереевъ — въ родѣ тамбовскаго и ростовскаго, — ложныя видѣнія, вымышленныя пророчества и другія выдумки разныхъ святошъ, что онъ радъ былъ встрѣтить человека съ свѣтлою мыслію и живымъ взглядомъ на вещи, и держалъ и цѣнилъ его, не смотря на недостатки и неровности его личнаго поведенія, такъ, какъ онъ цѣнилъ Меншикова и другихъ.

Екатерина смотрѣла на него глазами Петра и уважала его, какъ вѣрнаго исполнителя государевой воли. Изъ писемъ къ ней Феодосія видно, что онъ пользовался ея милостію и прибѣгалъ къ ея покровительству, когда замѣчалъ, что навлекъ на себя гнѣвъ Государя. Но и тутъ Феодосій не могъ сдержатъ своей заносчивости. Въ 1721 году Государыня пожаловала ему на панагію алмазовъ, съ тѣмъ, чтобы украсить ими на одной сторонѣ Распятіе, а на другой портретъ Государя. Пожалованныхъ алмазовъ не достало на это украшеніе. Феодосій обратился къ кабинетъ-се-

¹⁾ Объявленіе казанскаго митрополита Сильвестра о Феодосіѣ въ Приложеніяхъ, № II.

кретарю Макарову и просилъ его доложить Государынѣ, чтобъ она не покупиалась на прибавку алмазовъ, потому что онъ (Феодосій) въ гробъ съ собою панагіи не положить, а по смерти его она возвратится въ кабинетъ ¹⁾. Конечно это не могло произвести хорошаго впечатлѣнія на Екатерину. Но, за прежнюю близость, въ продолженіе многихъ лѣтъ еще ступшевывались черты грубости и заносчивости зазнавашагося монаха. Алмазы были присланы ²⁾, панагія сдѣлана и Феодосій носилъ ее, какъ драгоценный даръ Государя, на груди, на голубой лентѣ.

Въ концѣ 1721 года онъ отправился вслѣдъ за Государемъ, вмѣстѣ со всѣмъ Синодомъ, въ Москву и повсюду являлся первымъ духовнымъ сановникомъ, почтеннымъ особенно милостію Государя.

¹⁾ «Благородный и высокопочтенный господинъ Алексѣй Васильевичъ. Всемилостивѣйшая государыня парица и великая княгиня Екатерина Алексѣевна, при походѣ своемъ нынѣ въ Ригу, изволила пожаловать на обѣщанную давно невскому архимандриту панагію алмазовъ, которые отдалъ господину Черкасову. А, по усмотрѣнію золотыхъ дѣлъ мастера, на украшеніе обоюдное, то-есть Распятія и Персоны государевой вмѣстѣ, оныхъ алмазовъ будетъ мало ³⁾ и ежели-де (сказалъ мастеръ) убрать хорошенько, то на одну сторону къ Распятію или къ Персонѣ государевой надобно къ прежнимъ вдобавокъ алмазовъ на 260 рублей. А ежели обѣ стороны убрать равно, то надобно на 1000 рублей къ прежнимъ алмазамъ. А прежнихъ алмазовъ число и количество вѣдомо у помянутаго Черкасова.

А понеже оной панагіи невскій архимандритъ въ гробъ съ собою не положить, но останется въ монастырѣ въ сокровищѣ церковномъ, на славу царскаго величества, или можетъ, по смерти помянутаго архимандрита, до заслуженія въ такихъ же трудахъ другаго, и въ кабинетъ паки возвращена быть; того ради, помянувъ убогіе труды и многое жданіе настоящаго архимандрита, благоволи те оную панагію устроить по обѣщанію, чтобъ знатна была онаго служба. Прочее пребываю вашего благородія всеблагожелательный молитвенникъ, Феодосій архіепископъ новгородскій, архимандритъ александро-невскій. Изъ монастыря александро-невскаго, апрѣля 25 дня 1721 года».

Р. С. «Ежели благовременно будетъ, не извольте запомнать о отпадѣ соляныхъ прибыльныхъ денегъ невскому монастырю на строеніе, отъ промысла тогоже монастыря... «О архимандритахъ, которымъ быть въ коллегіи духовной, чтобъ отданы были въ ихъ диспозицію монастыри ихъ со всѣмъ, какъ были прежде описи, чтобъ о томъ изволилъ самъ всемилостивѣйшій Государь повелѣть отъ Камеръ и Штатс-конторъ коллегій президентамъ». (Кабин. дѣла, II, № 57, л. 24, 25).

²⁾ Письмо Феодосія къ Государынѣ, отъ 5 мая 1721 года. «Всенижайше

Берхгольцъ, записывавшій каждый день свои наблюденія, нѣсколько разъ упоминаетъ въ своемъ дневникѣ о Феодосіѣ, какъ о первомъ духовномъ лицѣ, пользовавшемся довѣріемъ у Государя. Въ новый годъ (1 января 1722 г.) всѣ синодальные члены, вмѣстѣ съ прочими вельможами, обѣдали у Государя. Описывая этотъ обѣдъ, Берхгольцъ между прочимъ говоритъ: «князь Меншиковъ при немъ (т. е. при Государѣ) и послѣ него вставалъ нѣсколько разъ и ходилъ къ (новгородскому) епископу, садился къ нему и разговаривалъ съ нимъ. Говорятъ, этотъ архіерей имѣетъ большой вѣсъ у Государя и вельможъ и считается ученымъ. На шеѣ у него былъ родъ ордена на голубой лентѣ, съ изображеніемъ на одной сторонѣ распятаго Господа нашего Иисуса Христа и двухъ разбойниковъ, а на другомъ портрета Императора»¹⁾.

Возвратившись въ С.-Петербургъ Феодосій, въ отсутствіе

благодарю вашему величеству за милостивѣйшее благоволеніе о устроеніи папегіи невскому архимандриту, которая уже начата дѣлать.

При семъ всенижайше доношу вашему величеству о дѣлахъ Салтыкова съ женою его, которые хотятъ, чтобъ дѣло по ихъ желанію было сдѣлано, а виноватаго бы не было; комужъ и чести своей очень берегутъ, и единъ другому не уступаетъ. Когда она подала челобитную на мужа въ Синодъ, тогда его въ Санктъ-Петербурхѣ не было; а когда онъ прибылъ, тогда она изъ Санктъ-Петербурха провалилась, а онъ безъ нее нехочетъ, противъ ея челобитья, отвѣтствовать; отъ чего не малая въ Синодѣ трудность.

И ежели впродъ такъ будутъ поступать, то намъ нечѣмъ будетъ и начать. Не изволители ваше величество увѣдомиться чрезъ царевну, герцогиню Курляндскую, о ея, Салтыковой, отъ мужа въ Митавѣ побояхъ, такожде и у доктора ея высочества, который ежели ея Салтыкову послѣ тѣхъ побоевъ пользовалъ лекарствами, секретарю вашего величества взять бы сказку за рукою онаго доктора, которая бы намъ къ рѣшенію дѣла много помогла; понеже побоевъ смертныхъ и не смертныхъ никто такъ тонко не можетъ разсуждать, какъ докторы». (Госуд. архив. Собр. писемъ разныхъ лицъ къ Екатеринѣ I).

Въ этомъ письмѣ рѣчь идетъ о разводѣ Александры Григорьевны, урожденной Долгоруковой, съ кравчимъ Васильемъ Фёдоровичемъ Салтыковымъ. Дѣло долго длилось, не смотря на медицинское освидѣтельствованіе побоевъ Салтыковой докторомъ Бидлоо и кончилось уже въ 1730 году. Салтыкова постриглась, послѣ развода, въ нижегородскомъ монастырѣ; а мужъ ея въ томъ же году умеръ. (Подробности у Семейскаго въ книгѣ: Царица Прасковья, стр. 32—44 Спб. 1861 г.).

¹⁾ *Берхгольца*, Дневникъ, ч. II, стр. 13. Москва, 1858. Издатель русскаго перевода Дневника Берхгольца ошибочно отнесъ этотъ разсказъ, вмѣсто Феодосія, къ Феофану Прокоповичу.

Государя и Государыни, бывшихъ въ астраханскомъ походѣ, навѣщалъ и ласкалъ юныхъ царевнъ, приглашалъ ихъ къ себѣ въ невскій монастырь и обо всемъ отписывалъ Государынѣ ¹⁾). Но черныя тучи начали уже застигать свѣтлый горизонтъ его счастья.

Другимъ вице-президентомъ духовной коллегіи былъ любимецъ Государя, молодой архіерей, *Феофанъ Прокоповичъ*. Умомъ онъ составилъ себѣ положеніе и приобрѣлъ довѣріе у Государя, умомъ

¹⁾ Отъ 19 іюня 1722 г. «Всепокорно доношу вашему величеству. По милостивѣйшему позволенію императорскаго величества, дражайшаго супруга вашего, я нижеименованный въ Санктъ-петербургъ прибылъ и дражайшей санктъ-петербургской неотлучаемой хозяйкѣ визитъ приходилъ отдать; и когда ея высочеству о приходѣ моемъ доложили, тотъ-часъ вспомнить изволила: не тотъ ли-де архіерей, что ягоды приносилъ? Потомъ изволила повелѣть предъ себѣ пріити и пожаковала къ рукѣ, гдѣ я ее высочеству поднесъ книжку *О блаженствѣ*, которую привнявъ изволила говорить: я-де умѣю читать и сама, и читала въ бытность мою въ кабинетѣ ея высочества: а-беще-по нѣмецки, и нныхъ рѣчей много изволила говорить рѣчию и смѣло; а благополучнаго прибытія изъ Москвы въ С.-Петербургъ любезнѣйшихъ сестеръ изволить ожидать скорѣ». (Кабин. Дѣла, II, № 61; л. 49).

Отъ 28 августа. «Нижайше доношу вашему величеству. Дражайшія отрасли ваши, благодатию Вышняго, въ добромъ здравіи и прилежномъ ученіи пребываютъ, и сего августа 28 изволили быть въ невскомъ монастырѣ всѣ, при ихъ же высочествѣ-племянникъ и племянница, и, отслушавъ литургію, изволили кушать въ настоятельскихъ кельяхъ, и юнѣйшая изволила при столѣ сидѣть на томъ мѣстѣ, на которомъ дражайшій Родитель ихъ высочествъ, бывая въ помянутомъ монастырѣ, изволить садиться, а прочія сестры, племянникъ и племянница, близъ ея высочества, по чину изволили сидѣть: которая пресенція такъ пріятна была убогому настоятелю, какъ самаго дражайшаго ихъ Родителя. Потомъ изволили смотрѣть строенія монастырскаго, котораго не малая часть со внѣшнюю сторону въ готовности, — которое строеніе похваляя, благодарили Бога и дражайшаго родителя, и тако изволили пойти въ домъ свой. А притомъ изволили отпустить помянутаго настоятеля въ Москву, который на завтрее и отправится».

Р. С. «Государыня цесаревна Наталія Петровна прежній страхъ къ духовному чину изволила отложить и, будучи въ монастырѣ, литургію слушала всю и, въ кельѣ послѣ кушанья, крылошане какъ пѣли, изволила близко къ онымъ присутствовать безстрашно». (Тамъ же, л. 50).

Отъ 30 октября. «Милостивѣйшее писаніе вашего величества, отъ 14 октября изъ Астрахани, 28 тогожь я нижеименованный получилъ, за которое со благодареніемъ Вышнему и вашему величеству благодарствую всепокорно, — которое писаніе порадовало меня не мало, а наипаче веселитъ надежда скорого прибытія вашего величества, со всадржайшимъ Хозяиномъ въ Москву, — которое да дастъ Вышній всѣмъ вѣрнымъ въ радости видѣть, работѣнно желаю». (Тамъ же, л. 53).

же и поддерживалъ то и другое. Государь часто приглашалъ его къ себѣ и самъ часто бывалъ у него ¹⁾).

Во время этихъ свиданій они обсуживали вмѣстѣ вопросы, касающіеся разныхъ преобразованій въ русской Церкви и въ общемъ строѣ государства. Никто лучше его не входилъ въ духъ мыслей Государя и никто не отзывался съ такою готовностію на его различныя предположенія и преобразованія. За то Петръ и любилъ его. Феофанъ былъ младшимъ изъ епископовъ. Стефанъ и Феодосій были впереди его. Государь отдавалъ имъ предпочтеніе публично въ дѣлахъ службы: но Феофана любилъ и цѣнилъ, какъ сподвижника, какъ одного изъ немногихъ помощниковъ, искренне преданныхъ дѣлу совершаемой имъ государственной и народной реформы.

Каковъ онъ былъ въ Синодѣ и какъ держалъ себя съ Феодосіемъ? Кому изъ нихъ принадлежала инициатива тѣхъ распоряженій, которыми ознаменованы первые годы синодальнаго правленія? Нѣтъ никакого повода приписывать всего Феофану. Феодосій и Феофанъ согласно дѣйствовали въ одномъ направленіи, и въ этомъ направленіи сходились съ Государемъ.—Съ Феодосіемъ Феофанъ былъ уклончивъ, уступалъ ему повсюду первенство и во всемъ преимущество. Но за то Феофанъ первенствовалъ повсюду, гдѣ нужна была живая рѣчь, ораторскій талантъ и умъ, широко образованный. Въ этомъ отношеніи у Феофана не было соперниковъ. Онъ стоялъ безусловно выше всѣхъ архіереевъ своего времени.

Синодальнымъ архіереямъ, въ отличіе отъ прочихъ, дозволено было имѣть шапки съ крестами стоящими, по образу греческихъ и малороссійскихъ архіереевъ и архимандритовъ ²⁾).

¹⁾ Голикова, Дѣянія Петра Великаго, т. IX, стр. 408. Извѣстный анекдотъ о жалобѣ Яворскаго Государю на Феофана, что онъ весело проводитъ вечера съ свѣтскими, а больше съ иновѣрцами—у Голикова же, т. XV, стр. 212.

²⁾ Письмо Феодосія къ Государю, безъ означенія года. «Всемилоствѣннѣйшій великій Государь. По докладу отъ мене нижеименованнаго вашему величеству, было милостивѣйшее позволеніе, чтобъ синодальнымъ архіереямъ имѣть шапки съ крестами стоящими, по образу греческихъ архіереевъ и малороссійскихъ архіереевъ и архимандритовъ. И по тому милостивѣйшему позволенію, изъ пожалованныхъ алмазовъ вседражайшей супруги вашего величества, великой государыни нашей Императрицы, и изъ новгородской архіерейской

Состътниками въ Синодъ опредѣлены были архимандриты первѣйшихъ монастырей: спатскаго — Гавріилъ Бужинскій, симонова — Петръ Смѣличъ, высокопетровскаго — Леонидъ и донскаго — Героевъ Прилуцкій.

Гавріилъ Бужинскій родомъ изъ польской Малороссіи¹⁾, учился въ кievской, послѣ того былъ учителемъ и префектомъ московской академіи. Въ видѣ отличія за проповѣдническій даръ онъ назначенъ былъ, по высочайшему повелѣнію, флотскимъ іеромонахомъ, а при учрежденіи Синода опредѣленъ въ него совѣтникомъ и переведенъ изъ спатскаго въ троицкій монастырь архимандритомъ. При раздѣленіи между членами Синода дѣла по родамъ ихъ, ему поручены были дѣла о школахъ и типографіяхъ и присвоено званіе «протектора школъ и типографій». Въ 1722 году, вслѣдствіе высочайшаго именнаго указа, онъ назначенъ былъ отъ св. Синода въ комиссію для соглашенія русскаго уложенія съ шведскими и эстляндскими правами, по вопросамъ, касающимся до духовныхъ дѣлъ²⁾. По порученію Государя онъ переводилъ много разныхъ сочиненій съ иностранныхъ языковъ на русскій и самъ сочинялъ и исправлялъ, передъ новыми изданіями, цѣрковныя службы и каноны.

Современные иностранцы отдавали справедливость его учености и образованію³⁾; а многіе русскіе укоряли его за допущен-

---

ветхой шапки устроилась съ помянутымъ крестомъ шапка, которую предложилъ, всенижайше прошу, дабы прежнее милостивѣйшее позволеніе подтверждено было великодержавною императорскою вседражайшею десницею. *Феодосій архіепископъ новгородскій и архимандритъ александровскій*.

1) Родной братъ его, Прокопій Фѣдоровичъ Бужинскій былъ протоіереемъ въ слободскомъ Изюмскомъ полку бѣградской губерніи.

2) Св. Синодъ поручилъ ему «прилежно смотрѣть, дабы во всѣхъ исправляемыхъ и новосочиняемыхъ правахъ, до духовнаго правительства касающихся, какъ священному и духовному чину, такъ и всѣмъ всякаго званія Синоду подчиненнымъ, надлежащее охраненіе и удовольствованіе и достойное коегождо ранга содержаніе было не пренебрежено, и подобающіе респекты не были оставлены, и всякія продерзости и неучтивости крѣпко были возбранены, и никакого духовнымъ передъ свѣтскими ни въ чемъ уменьшенія и неуравненія небыло; а буде въ чемъ какое случится сомнѣніе, о томъ ему предлагать въ св. Синодѣ обстоятельныя, съ приобщеніемъ своего мнѣнія, доклады и требовать синодальной резолюціи». (Дѣла архива. св. Синода 1722 г., № 26).

3) Фандербекъ (Михаилъ Шендъ или Схендъ, родомъ грекъ, докторъ философіи и медицины, бывшій врачомъ при с. петербургскомъ сухопутномъ гос-

ніе въ своихъ «сочиненіяхъ и переводахъ нѣкоторыхъ мыслей, несогласныхъ съ точнымъ смысломъ православныхъ догматовъ и многихъ выраженій, оскорбительныхъ для взыскательнаго слуха. Особенно подверглось нареканію переведенное имъ на русскій языкъ Пуфендорфово Введеніе въ исторію европейскихъ государствъ. Вообще защитники старины связывали его имя съ именами Θεодосія и Θεοφана, какъ главныхъ дѣятелей въ церковной реформѣ того времени.

Прочіе синодальные совѣтники мало замѣтны среди другихъ своихъ товарищей. — *Петръ Смычизъ* былъ родомъ сербъ и пользовался благосклонностію Петра и Екатерины. Петръ самъ далъ ему изъ патриаршей ризницы панагію и позволилъ ему еще въ санѣ архимандрита носить это отличіе архіереевъ. — *Леонидъ* высокопетровский не извѣстенъ ни со стороны учености и образованія, ни со стороны особыхъ заслугъ для Церкви, ни твердostí и прямою характеромъ, ни строгостію жизни. Вскорѣ, по назначеніи въ Синодъ, онъ произведенъ былъ въ крутицкіе архіепископы, съ оставленіемъ синодальнымъ совѣтникомъ, по прежнему ¹⁾. — *Іеросей Прилуцкій*, сперва донской, потомъ новоспасскій архимандритъ, мало извѣстенъ.

Въ 1722 году совѣтникомъ въ Синодъ опредѣленъ ректоръ

пятагѣ, написалъ сочиненіе о состояніи просвѣщенія въ Россіи въ то время, — въ 1726 г. — и послалъ его въ Германію къ одному изъ своихъ друзей, инспектору горнаго дѣла въ Трансильваніи и секретарю княжества, Самуилу Колезеру. Сочиненіе это напечатано было въ Acta physico-medica Academiae Cesargaeae Leopoldino-Carolinae, въ 1727 г. — и переведено на русскій въ Сынѣ Отеч. 1842 г., кн. I) — перечисливши русскихъ ученыхъ духовнаго круга, говоритъ потомъ: «можно бы было сказать здѣсь еще объ архимандритѣ троицкой сергіевой лавры Гавриилѣ, извѣстномъ по переводу Пуфендорфа на русскій языкъ, еслибъ я только не былъ увѣренъ, что вы объ его учености знаете изъ Актовъ лейпцигскихъ ученыхъ».

¹⁾ Берггольцъ, бывшій у него въ 1722 г. 26 апр., для приглашенія на обѣдъ къ голштинскаго герцогу, — въ восторгѣ отъ его любезности. «Когда я пріѣхалъ къ архіепископу крутицкому (который живетъ совершенно внѣ города въ прекрасномъ большомъ монастырѣ), онъ принялъ меня очень пріятливо и угостилъ превосходнымъ бургонскимъ. На прощаньи архіепископъ сказалъ мнѣ, что недавно былъ у него его величество Императоръ, и въ то же время просилъ меня упомянуть герцогу, какой отличный видъ изъ монастыря, при чемъ, если можно, и уговорить его высочество также оказать ему милость своимъ посѣщеніемъ». (Берггольца, Дневникъ, ч. II, стр. 204).

московской академіи, чудовскій архимандритъ *Феофлактъ Доминскій*. Объ образѣ его мыслей и чистотѣ его характера можно судить по слѣдующему обстоятельству. Въ 1722 году Государь приказалъ выбрать епископа въ Иркутскъ. *Феодосій* и *Феофанъ* выбрали архимандрита *кирилло-бѣлозерскаго монастыря Иринарха* и, при доношеніи, представили Государю. Но Государь не утвердилъ его, поручивши *Макарову* сказать *Феодосію* и *Феофану*, что хотя *Иринархъ* и добраго житія, но неученый, между тѣмъ какъ въ Иркутскѣ нуженъ человекъ ученый, для обращенія тамошнихъ народовъ¹⁾. Св. Синодъ сдѣлалъ новый выборъ и назначилъ двухъ кандидатовъ — *киевопечерскаго архимандрита Іоанникія Сѣнютовича* и *флотскаго іеромонаха Рафаила Заборовскаго*. Надо сказать, что епископство въ такомъ отдаленномъ краю не слишкомъ привлекало малороссійскихъ ученыхъ монаховъ, которые привыкли видѣть своихъ собратій на высшихъ мѣстахъ церковной іерархіи въ Москвѣ и подлѣ Москвы. Еще при *Стефанѣ* туда назначенъ былъ *Варлаамъ Косовскій*, но не поѣхалъ и выдалъсебѣ тверскую епархію²⁾. Вѣроятно и въ 1722 году затруднялись найти ученаго архимандрита, который бы съ охотою принялъ иркутское архіерейство. Между тѣмъ *Феофлактъ* посмотрѣлъ на это другими глазами и, въ 1722 году, быв-

¹⁾ Кабин. дѣла I, № 81, л. 72.

²⁾ М. *Стефанъ* въ доношеніи Государю 12 іюля 1711 г., писалъ: «нынѣ—яко уже вѣдомо есть вашему царскому пресвѣтлому величеству о смерти тверскаго архіерея *Каллиста*, который пріѣхалъ было въ очередную службу, и ту на Москвѣ prestaлся сего 1711 г. іюня 28 и погребено тѣло его въ домскомъ монастырѣ, — и нынѣ тотъ престолъ авоствуетъ и того дому люди докучаютъ мнѣ, чтобъ мнѣ дать архіерея. А я, безъ указу вашего царскаго, величія ничтоже въ семь дѣлъ творити не дерзаю, только о семь навѣщаю, что иркутскій епископъ *Варлаамъ* доселѣ живетъ на Москвѣ и безъ опредѣленія на Сибирь ѣхать не хочетъ. И я о томъ Сенату докладывалъ, и Сенатъ тое опредѣленіе на меня позволилъ, а я, Государь, опредѣлять не могу тѣя вещи, которыхъ я никогда не видалъ и не знаю, въ какомъ состояніи или разстояніи суть. Да и нынѣшній архіерей сибирскій *Іоаннъ Максимовичъ*, въ кое время былъ на Москвѣ, такъ сказывалъ, что де онъ не хочетъ архіерея опредѣленнаго, а хоту-де такого, который бы со мною жилъ въ *Тобольскѣ* мнѣ въ помощь, а иркутскій епископъ не хочетъ при немъ жить, и такъ сіе разглагольствіе развѣ вашимъ монаршимъ указомъ смирится. И буде иркутскому не ѣхать на Сибирь, благослови Великій Государь перевести его въ *Тверь* на мѣсто умершаго архіерея. (Кабин. дѣла Отд. II, № 24).

ши уже синодальнымъ совѣтникомъ, подалъ въ Синодъ доношеніе слѣдующаго содержания: «Увѣдавъ я нижеподписавшійся, что его пресвѣтлѣйшаго императорскаго величества о избраніи въ Иркутскъ архіерея апостольское и, рещи возможно, самое божественное желаніе есть, и видя мало дѣлателей на оную многую жатву угодныхъ, да и просто на самое оное епископство безъ дѣла ему сопряженнаго, аки на едино тѣло безъ души взирающихъ, немногихъ охотниковъ, которые на тамошній архіерейскій санъ избраніе вмѣсто ссылки себѣ вмѣняютъ, дерзаю правительствующему св. Синоду на сіе честное и святое служеніе свою объявить охоту, надѣяся, что мнѣ сіе дерзновеніе не вѣднётся въ любочестіе, ибо симъ болѣзнующіе не иркутскаго, но иного поближе Москвы желаютъ епископства. Ктому жъ я и на Москвѣ, по милости императорской и благоизволенію св. правительствующаго Синода, не въ голышахъ, ни въ бобыляхъ обрѣтаюсь. Не любочестіемъ убо подстрекаемый, ни иною какою страстію побѣждаемъ, но единою къ Богу и ближнему любовію подвигаемъ, отзываюся съ моею на то охотою. Уповаю бо на Всесильнаго помощь — къ доброму дѣлу всегда всякому отъ Него готова есть, — что возмогу тамо послужити сему богоугоднѣйшему его императорскаго величества намѣренію, то есть человѣческихъ душъ, кровію Христовою искупленныхъ, купно же и своему притомъ спасенію. 14 Іюня 1732 года¹⁾». Св. Синодъ, представивши своихъ кандидатовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ донесъ Государю о Теофилактѣ, что онъ объявляетъ усердную свою на помянутое служеніе охоту, несмотря на убѣжденіе Синода, что онъ здѣсь будетъ полезенъ не меньше. Когда Государь, по видимому, медлилъ утвержденіемъ, Теофилактъ написалъ къ Макарову просительное письмо, въ которомъ повторилъ тѣже заявленія, какъ и въ доношеніи своемъ Синоду. «Примѣръ можно взять — писалъ онъ — отъ Римлянъ, которые на таковыя служенія самыхъ лучшихъ посылаютъ; да и въ дому обрѣтаются образцы, ибо во время прошедшей войны потребенъ былъ при корпусѣ воинскомъ и походѣ фельдмаршалъ, однакожъ, ради нужды, случившейся отъ измѣнниковъ, посланъ былъ отъ корпуса въ Астрахань, а не иной кто

¹⁾ Кабин. дѣла II, № 61, л. 37—40.

поплюше его, который сдѣлавъ дѣло и возвратился. Тожъ возможно разумѣти и о сей духовной экспедиціи. Кромѣ сего можетъ быть нѣкая польза и отъ близости съ Китаемъ: тамо бо посланный епископъ ¹⁾ можетъ требовати совѣта или иного чего къ своему званію потребнаго отсюда и скорѣе чрезъ меня получить резолюцію» ²⁾. Государь однакожъ удержалъ его при Синодѣ. Въ слѣдующемъ 1723 г. Теофилактъ посвященъ въ тверскіе епископы ³⁾.

Синодальнымъ совѣтникамъ, въ отличіе отъ ассессоровъ и прочихъ архимандритовъ, Государь дозволилъ носить золотые наперсные кресты ⁴⁾.

Синодальными ассессорами опредѣлены: греческій священникъ Анастасій Кондоиди; протопопы—троицкій Иоаннъ Семеновъ и петропавловскій Петръ Григорьевъ и угрѣшскій игуменъ Варлаамъ Овсянниковъ.

Анастасій, въ монашествѣ *Аванасій Кондоиди*, фанариотскій грекъ, описалъ свою исторію въ письмѣ къ кабинетъ-секретарю Макарову, по поводу какой-то прозбы своей къ Государынѣ въ 1726 году: «Въ Цареградѣ былъ я при святѣйшемъ патріархѣ константинопольскомъ проповѣдникомъ одинъ: изъ чего не безнадежно по Богѣмоемъ имѣлъ къ произведенію моему время. А при салтанскомъ величествѣ въ кабинетѣ былъ я, во время свѣйской войны съ російскою короною и быгтя въ Константинополѣ графа и кавалера Петра Андрѣевича Толстаго, вторымъ секретаремъ. И въ тое мою

¹⁾ Въ 1721 году въ Китай посланъ былъ преосвященный Иннокентій Кульчицкій, съ званіемъ епископа переяславскаго, но — непринятъ въ Китай.

²⁾ Кабин. дѣла II, № 61, л. 109.

³⁾ Въ Кабин. дѣлахъ находятся два доношенія его Государю 1723-го года, съ прозбами, чтобы: 1) ради пребыванія его въ С. Петербургѣ при Синодѣ отданъ былъ ему домъ рязанскаго архіерея, въ которомъ онъ имѣлъ временное помѣщеніе; 2) дана была какая нибудь мыза, отъ которой бы могъ получать дрова и сѣно; 3) отданы были ему келейныя вещи бывшаго тверскаго архіерея Варлаама, взятыхъ въ Синодъ; 4) позволено было ему служить въ саккобѣ, по примѣру прежде бывшихъ архіереевъ и въ виду того, что въ саккосахъ служатъ архіеремъ низшихъ степеней, на примѣръ холмогорскій, коломенскій и прочіе. (Кабин. дѣла II, № 65, л. 428—454).

⁴⁾ Сравни. Берхгольца, Дневникъ ч. 2. стр. 18. — Монастыри, въ которыхъ синодальные совѣтники были настоятелями, сдѣланы синодальными монастырями. (1721 г. 2 февраля).

бытность служилъ я російской имперіи отъ всея чистыя совѣсти въ самое нужное время свѣйскаго прихода на Украину и въ полтавскую баталію только, что потомъ принужденъ былъ, всёхъ моихъ имѣній лишася, лежать въ погребѣ 25 дней, тайно изъ Царяграда спастися уходомъ, и вывезенъ на фурманѣ, обязанъ какъ тюкъ товарный въ рогожкѣ, и везенъ 12 дней: ибо султанской о поимкѣ меня жестокой былъ указъ. И хотя я тогда и спасенъ былъ, однакожъ товарищъ мой грекъ, капитанъ Францышко, пойманъ и лютую за то уморенъ смертію — посаженъ на колъ.

«А о томъ, какъ о тайной моей къ російской имперіи службѣ, такъ и о всемъ извѣстенъ его графское сіятельство, господинъ Петръ Андрѣевичъ; понеже къ нему была моя тайна привошена и вся вѣдома. И за такія мои вѣрности хотя отъ его графскаго сіятельства былъ и даренъ, но не принималъ ничего, имѣя надежду на издовоздателя Господа Бога, разсуждая службу и бѣдствование мое, поборая по благочестію, а не для награды».

«Въ то время бѣдствования моего, секретною пересылкою господинъ графъ Петръ Андрѣевичъ приказалъ мнѣ, обладажа высокою блаженныя и вѣчностойныя памяти его императорскаго величества милостію, чтобъ я какъ нибудь дошелъ Россію. Но высокою божественною волею, превьсочайшую его императорскаго величества особу получилъ видѣти къ турецкой акціи въ Молдавію: а съ турецкой акціи съ княземъ Кантеміромъ пріѣхалъ въ Россію.»

Это было въ 1716 году. Государь поручилъ Мусину-Пушкину предложить Кондонди: не хочетъ ли онъ вступить въ русскую службу ¹⁾? Кондонди согласился и поступилъ на службу въ типографію. Но онъ искалъ только выгодъ и хорошаго положенія, а не труда, а потому и не слишкомъ налегалъ на порученное ему дѣло ²⁾.

¹⁾ «Вчерашняго дня — писалъ гр. Мусинъ къ Полкарпову 12 іюля 1716 года — царское величество дозволилъ ко мнѣ писать о гречениѣ Анастасіи, который живетъ въ Москвѣ въ домѣ Саввы Рагузинскаго, чтобъ его призвать въ службу. Того ради съищи его и говори, хочетъ ли онъ въ службу всеимпост. государя нашего и что будетъ просить въ годъ. И буде хочетъ и станетъ чего просить, о томъ съищи ко мнѣ немедленно. А быть ему на печатномъ дворѣ у ближайшаго дѣла и другихъ.»

²⁾ Полкарповъ писалъ къ Мусину-Пушкину 28 декабря 1716 г. «Грекъ Анастасій въ типографское дѣло и въ школьныя науки не вступаетъ, кромѣ

«И отъ того времени, — продолжаетъ Кондонди, — до опредѣленія моего въ Синодъ, никогда его императорскому величеству дерзнулъ къ награжденію о чемъ стужить. Между же тѣмъ, трудился я въ московской академіи — училъ богословію, изъ которыхъ многъ учениковъ иные при оной академіи учителями застали, а иные произведены въ Синодъ членами и въ архіерейство».

«А въ прошломъ 1721 году его императорское величество, памятуя мою къ его императорскому величеству и ко всему російскому государству по благочестію вѣрность, по высокої своей императорскаго величества милости, изволилъ опредѣлить меня въ Синодъ, хотя и говорить по російски мало умѣюща, но ассесоромъ, а трактamentомъ пожаловалъ совѣтническимъ.»

Трудно было представить, какая была цѣль и какая могла быть польза отъ этого назначенія, при незнаніи Анастасіемъ русской жизни и русскаго языка? — Между тѣмъ онъ насчитываетъ еще много другихъ своихъ заслугъ русскому государству,

«Вашему жъ превосходительству есть не безъизвѣстно (понеже трудъ мой въ вашей дирекціи при кабинетѣ ея императорскаго величества обрѣтается), что высокославныя и вѣчностойныя памяти его императорское величество изволилъ меня, низкайшаго богомольца, употреблять въ духовные секретные запросы: котораго превысочайшую волю исполнялъ такъ, елико долженствуетъ чистой совѣсти и истинному послушному рабу. И нынѣ ея императорскому величеству подобнымъ образомъ, хотя и въ маломъ рабскомъ послушаніи, обаче послужихъ и до кончины моея, яко присяжный богомольецъ, служить долженъ».

«Токмо всепокорно молю и прошу ваше превосходительство, дабы, благовременный усмотря часть, воспомянули о мнѣ, чтобъ въ новомъ опредѣленіи я, низкайшій, за всѣ мои вышепоказанныя службы, былъ не оставленъ: ибо благодарю Бога моего, въ Россіи живу 15 лѣтъ безпорочно. За которую вашего превосходительства ко мнѣ странному милость и величайшее благодѣяніе, долженъ отъ

блблейшаго чтенія, а за труды четырьмя (стами) не доволенъ, какъ признаваю, и хотѣлъ самъ отвѣтствовать письмомъ своимъ. А старики, сіе слышавъ, огорчились, что мнѣ за труды многіе мада малая. Чаю, что впредь будутъ письмами отзываться». (Переписка Поликарпова съ графомъ И. А. Мусиньмъ-Пушкинымъ въ Государ. архивѣ).

всеусердія моего благодарить и выну за васъ и за всю вашу фамилію всепрілежно Бога молить»¹⁾).

Вышепомянутый грекъ Фандербекъ не находитъ словъ къ восхваленію его учености и проповѣдническаго дара²⁾); но, по край-

¹⁾ Кабинет: дѣла II, 80 л. 106. — Еще прежде того, тотчасъ послѣ назначенія въ Синодъ, онъ подавъ прошеніе, въ которомъ откровенно объяснялъ свои виды: «понеже всю сея церкви іерархію суду и правленію св. пр. Синода богомудрый нашъ Императоръ вручилъ есть: чего ради и отъ всея церковныя іерархіи судей сихъ избрати премудрѣ постави въ своихъ регламентахъ. Быть же лицамъ разнаго чина—архіереомъ, архимандритомъ, игуменомъ, протопопомъ. Азъ же единымъ милосердіемъ его жъ имп. величества и благопріятнымъ изволеніемъ св. Синода, единъ отъ судей сихъ есмь, обаче ни единого изъ выше-реченныхъ титуловъ не имѣю. Чего ради всепокорственнѣ прошу св. пр. Синодъ, да удостоити благоволитъ мя, аще и ничтоже заслуженнаго, игуменскимъ титуломъ, обаче не по обычаю грековъ или римлянъ, иже титулъ даютъ безъ прибытка, но по обычаю россиявъ, купно дающихъ титулъ съ прибыткомъ. О чемъ же паче молю, да милостивѣйшаго нашего Императора уставленія исполнятся, ово въ подписаніяхъ да не явлюсь азъ единъ безъ титула, ово же да не возмнётся мнѣ, яко ложнѣ ношу монашескія одежды. Чего ради да со-благоволите меня удостоитъ монашескимъ чиномъ въ монастырѣ, по своему милостивому разсужденію.» — 7 февраля 1722 г. св. Синодъ поручилъ синоновскому архимандриту постричь его въ монашество и потомъ назначилъ толгскимъ игуменомъ. (Дѣла архива св. Синода, 1722 г. № 444).

²⁾ «Не могу умолчать о красѣ нашей Греціи, знаменитѣйшемъ архимандритѣ Леанасіѣ Кондонди, мужѣ глубоко-ученомъ, которому мало найдется соперниковъ-эллинистовъ. Пока ученость будетъ имѣть хоть какую нибудь цѣну, онъ всегда найдетъ себѣ славу. Леанасій образовалъ свои превосходныя способности въ италянскихъ лицахъ. Лишь только онъ вышелъ изъ школьныхъ стѣнъ и началъ академическую жизнь, какъ все свое блаженство сталъ находить въ приобрѣтеніи познаній и началъ ставить для себя священною обязанностию преподаваніе уроковъ. Сдѣлавшись профессоромъ и принявъ на себя званіе проповѣдника, онъ съ такимъ огромнымъ успѣхомъ занимался тою и другою филологіею, что, еще бывши юношею, наполнилъ славою своею всю Грецію. Онъ всюду находилъ для себя отечество, потому что всюду приносилъ съ собою патриотическія достоинства. Патриархи и предстоятели Восточной церкви утѣшались, смотря на него. Любимый музами, ревнуемый мудрыми людьми, уважаемый великими государями, молдавскій господарь Кантемиръ принялъ его къ себѣ и, на самыхъ завидныхъ условіяхъ, поручилъ ему воспитаніе своихъ дѣтей. Отсюда онъ былъ вызванъ профессоромъ въ московскую греко-латино-россійскую академію. Великій императоръ Петръ съ богословской кафедры перевелъ его въ Петербургъ и сдѣлалъ его членомъ св. Синода. Сочиненія историко-церковныя и философско-богословскія, которыя онъ написалъ по порученію двора, и въ которыхъ открывается вся его ученость, можетъ быть скоро выйдутъ въ свѣтъ и непремѣнно еще болѣе увеличатъ его славу..—«Что это за сочиненія Кондонди — спрашиваетъ преосв. Филаретъ въ Обзорѣ рус-

ней мѣрѣ, нравственная сторона его жизни совсѣмъ не соотвѣтствовала его образованію. Изъ за выгоды онъ готовъ былъ отказаться отъ всего и мы увидимъ эту сторону его души, во всей красѣ, въ процессѣ Дашкова.

Протопопъ *Петръ Григорьевъ* былъ при сампсоніевской церкви, потомъ переведенъ въ петропавловскій соборъ, на мѣсто уволеннаго оттуда протоіерея, замѣшаннаго въ дѣлѣ царевича Алексѣя ¹⁾).

Протопопъ *Иванъ Семеновъ* сначала былъ священникомъ въ Москвѣ, въ одномъ изъ лучшихъ приходоѡ, потомъ взявъ въ С. Петербургѣ къ троицкому собору и, при учрежденіи Синода, опредѣленъ въ него ассессоромъ. Въ 1723 году онъ чѣмъ-то провинился передъ Петромъ и сведенъ изъ Синода въ Тиунскую контору; въ 1725 г. опять произведенъ въ ассессоры; въ 1727 назначенъ былъ, вмѣстѣ съ чудовскимъ архимандритомъ Теофиломъ Кроликомъ, въ Коммисію къ сочиненію уложенія; въ 1737 г. переведенъ въ Москву къ благовѣщенскому собору.

Іеромонахъ *Варлаамъ Овстимиковъ* имѣлъ странную судьбу. При учрежденіи Синода онъ опредѣленъ былъ въ него ассессоромъ и вмѣстѣ оберъ-секретаремъ; 10 марта произведенъ въ игумены угрѣшскаго монастыря; въ 1722 году 1 января уволенъ отъ должности оберъ-секретаря, а въ слѣдующемъ году, за какія-то растраты, былъ арестованъ и содержался подъ карауломъ. На этотъ разъ судьба сберегла его отъ несчастья, но потомъ онъ снова подпалъ подъ судъ. Мы встрѣтимся съ нимъ еще разъ въ печальной исторіи Θεодосія.

Намѣреніе Петра, при образованіи Синода, состояло въ томъ, чтобы, съ одной стороны, ввести въ церковное правленіе представителей всѣхъ классовъ духовной іерархіи, съ другой, черезъ участіе низшихъ членовъ іерархіи въ дѣлахъ и совѣщаніяхъ высшаго духовнаго правленія, приготовить хорошихъ правителей

ской духовной литературы (кн. 2. Спб. 1861 г. № 11, стр. 16—Черниговъ 1833 г. № 8, стр. 27). Если не разумѣются только занятія исправленіемъ Библии и Слово (въ честь ап. Андрея Первозваннаго): то, не знаемъ о чемъ говорить Фандербекъ.

¹⁾ Въ Кабинетныхъ Дѣлахъ есть прошеніе его къ Государю о дачѣ ему описаннаго на Государя двора Алексѣя Курбатова на с. петербургскомъ островѣ, въ приходѣ Успенія пресв. Богородицы. (Кабин. Дѣла II, № 65 а. 22).

для епархій. Назначеніе въ Синодъ, на высшія мѣста, малороссійскихъ ученыхъ, получившихъ или кончившихъ образованіе въ польскихъ школахъ, возбуждало народные толки ¹⁾. Назначеніе грековъ въ число синодальныхъ членовъ — Кондонди и, вслѣдъ за нимъ, Аванасія Наусія сдѣлано, повидному, съ тою цѣлю, чтобы имѣть въ лицѣ ихъ протекторовъ въ Синодѣ для восточныхъ христіанъ. Но это назначеніе не оправдалось ни съ какой стороны. Кондонди хлопоталъ только о деньгахъ, «чтобы было не по обычаю грековъ — честь безъ денегъ, а по обычаю русскихъ — честь съ деньгами». — Наусій ни слова не зналъ по русски. — Кто и каковъ былъ грекъ Ливерій, намъ очень извѣстно. — Когда греческимъ архіереямъ давали въ управленіе русскія епархій, то посылали съ ними управителей, которые, вмѣстѣ съ архіереями, въ конецъ разоряли духовенство этихъ епархій ²⁾.

Оберъ-прокуроромъ св. Синода съ 1722 по 1725 г. былъ полковникъ Болтинъ.

¹⁾ Аврамовъ, въ своихъ проектахъ, предлагая восстановленіе патриаршества, совѣтовалъ выбрать патриарха «изъ природныхъ русскихъ, а не малороссійскихъ польскихъ людей», изъ которыхъ составленъ былъ Синодъ. — Родышевскому солдату, послѣ суда надъ Θεодосіемъ, грозилъ: «скоро есмь васъ полякомъ перебежъ». — Іеромонахъ троицкаго Сергіева монастыря, Викентій Черицовъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими монахами, недовольные распоряженіями архим. Гавріила Букинскаго, кричали при всей братіи: «что за Синодъ и какой Синодъ? Вся де еъ Синодъ поляки... Отселемъ изъ есмь полякомъ милонамъ за малое время еъ скорымъ числатъ и исчезнуть, яко дымъ есмь». Синодъ, по доношенію Гавріила, 8 ноября 1724 г. поручилъ изслѣдовать объ этихъ словахъ московской синодальнаго правленія канцелярш и, вслѣдствіе доношенія ея, 24 мая 1725 г., приговорилъ: іеромонаху Викентію Черицову учинить наказаніе плетью и, для пресѣченія такой вражды, сослать въ братство въ кирилловъ-бѣловскій монастырь, гдѣ и быть ему до кончины жизни его въ послушаніяхъ неосходну и ни въ какія начальства и монастырскіе чины отнюдь не прозводить. (Дѣла арх. св. Синода, 1727 г. № 217). Въ Кабин. Дѣлахъ (II, № 80, л. 158) — прошеніе его къ Макарову о заступленіи предъ Императрицей о освобожденіи изъ заточенія. Викентій напоминаетъ о старомъ знакомствѣ ихъ въ Астрахани, гдѣ Макаровъ былъ съ покойнымъ Государемъ.

²⁾ Въ 1722 г. назначенъ былъ въ Смоленскъ архіереемъ, бывший архіепископъ Охридскій, грекъ Филосей; а какъ онъ ни обычаевъ, ни языка русскаго не зналъ, то при немъ управляющимъ поставленъ изъ невскаго монастыря іеромонахъ Лазарь Кобяковъ. Въ январѣ 1724 г. Феофанъ докладывалъ Государю, что «Филосей въ епархій ни какихъ дѣлъ неправить, но только зако-

Обозрѣвши личный составъ Синода, мы опишемъ за тѣмъ образъ разсмотрѣнія и рѣшенія дѣлъ въ Синодѣ и важнѣйшія постановленія его въ первое время послѣ его учрежденія.

Дѣла, подлежащія обсужденію Синода, какъ высшей инстанціи духовнаго суда и управленія, раздѣлены были между членами по родамъ ихъ. Два члена вѣдали дѣла слѣдственныя; другіе два — раскольническія; еще двое — дѣла училищъ и типографій; наконецъ два ассессора поочередно засѣдали въ Тиунской конторѣ, завѣдывавшей церковными дѣлами столицы и вновь завоеванныхъ городовъ. Члены, завѣдывавшіе отдѣльными частями, рѣшали всѣ входящія дѣла и только важнѣйшія, требовавшія общаго разсужденія и новыхъ законодательныхъ мѣръ, вносили въ общее собраніе ¹⁾.

нится и поступаетъ дерзко». Въ 1727 году, по поводу предъявленнаго на него женою голландскаго посланника въ Константинополь денежнаго иска, св. Синодъ потребовалъ свидѣній о немъ отъ резидента Неплюева и, получивши ихъ, доносилъ Государынь, «что оный архіепископъ былъ богатъ и, по накупленію своему, будучи въ ахридской епархіи, по требованію константинопольскаго патріарха, наложилъ на подчиненныхъ ему архіереевъ прибавочную дань, изъ которыхъ одинъ просилъ о бытіи архіепископомъ въ Ахридѣ и обѣщалъ тое дань платить безъ прибавочнаго на подчиненныхъ расположенія; и оный архіепископъ Филоеѣ, ссорясь съ тѣмъ, все свое имѣніе истощилъ и, побѣдивъ того соперника, вѣщія на подчиненныхъ наложилъ тяжести, — которые были челомъ на него у турецкаго суда и начали на него излишнихъ 7000 левковъ, и за то былъ въ тюрьму посаженъ, изъ которой освобождаясь, занявъ то число левковъ у голландской посольши, которыхъ на немъ въ заштату она и требовала. Да по изслѣдованному въ Синодѣ о немъ же архіепископѣ Филоеѣ дѣлу, явился онъ архіерей въ правильныхъ винахъ и во взяткахъ весьма подозрительнъ, и имянно: въ священный чинъ поставилъ грамотъ неискusstныхъ, въ томъ числѣ нѣкоторыхъ и безъ слушанья — 57 человекъ, и съ таковыхъ ставленниковъ, кромя указанныхъ пошлавъ, взятками собралъ 783 р. 65 к., да 20 эвниковъ; до отъ образа пресв. Богородицы взялъ 489 р. 62 к., да золота 8 золотниковъ, за что, по правиламъ святыхъ и по имянному указу 24 ян. 1714 г., и сана изверженію повмненъ». (Госуд. архив. — Кабин. Дѣла, № LXXX, стр. 155).

¹⁾ Подъ вѣдѣніемъ Синода находились: въ С. Петербургѣ — Тиунская контора; въ Москвѣ — Приказъ церковныхъ дѣлъ, Монастырскій приказъ, Канцелярія розыскныхъ раскольническихъ дѣлъ, Инквизиторскихъ дѣлъ, Типографія, Синодальная контора и Духовная дикастерія. — Судьею въ *Тиунской конторѣ* былъ съ 1721 г. калазинскій архим. *Трифилій*; съ 15 іюля 1723 года, съ званіемъ синод. ассессора, троицкій протопопъ *Иоанн Семеновъ*. — Въ *Приказѣ церковныхъ дѣлъ* — судьею былъ златоустовскій архимандритъ *Антоній*; въ *Монастырскомъ приказѣ* — *В. Ершовъ* (изъ носковскихъ вице-

По дѣламъ, подлежащимъ совмѣстному разсужденію духовнаго и гражданскаго правительствъ, Синодъ собирался на конференціи съ Сенатомъ, — въ цѣломъ составѣ очень рѣдко; большею частію, по предварительномъ извѣщеніи Сената чрезъ секретаря или по приглашенію сенаторовъ, также чрезъ секретаря, посылалъ въ Сенатъ одного или двухъ своихъ членовъ, которые дѣйствовали именемъ Синода.

Синодъ имѣлъ непосредственный докладъ у Государя. Для этого не было назначено опредѣленныхъ дней. Государь принималъ, когда и гдѣ могъ — во дворцѣ, въ церкви, въ типографіи, и проч. Это продолжалось и при Екатеринѣ. Докладывалъ одинъ или два члена вмѣстѣ, смотря по роду дѣлъ и по назначенію Синода. Государь нерѣдко самъ бывалъ въ собраніяхъ Синода и на конференціяхъ сената съ Синодомъ.

Изъ *распоряженій Синода* въ первое время послѣ его учрежденія мы укажемъ только на болѣе важныя.

Въ 1721 г., 14 августа, Синодъ предписалъ: «въ Москвѣ въ успенскомъ соборѣ и въ церкви патріаршаго дома обычнаго патріаршескимъ мѣстамъ поклоненія не творить и находящіяся въ нихъ посохи отобравъ отдать въ ризницу»¹⁾. — Въ томъ же

губернаторовъ. О немъ Феофанъ писалъ къ Макарову: Кабин. Дѣла, II, № 61, л. 82: «собственно просить Синодъ благородія вашего доложить царскому величеству о Ершовѣ, дабы его, по обѣщаніи своемъ, опредѣлить изволилъ къ дѣламъ въ Синодъ; ибо безъ такового человѣка тицета не малая сдѣлается интересу государственному»; — послѣ него, съ 25 янв. 1723 г., Кириллъ Чичеринъ, изъ совѣтниковъ Камеръ-коллегіи; совѣтникомъ — В. Кафтыревъ; ассессорами — Илья Никифоровъ и П. Лоблятинскій. — Въ *Канцеляріи розыскныхъ раскольниковъ* — судьею былъ Плещеевъ; послѣ него, съ 1728 г., Топильскій. — Въ *Канцеляріи инквизиторскихъ дѣлъ* — «первѣйшій инквизиторъ» іеродіаконъ Пафнуцій; послѣ него съ 1728 г. — келарь саввина монастыря Александръ Шокуровъ. — Въ *Типографіи* — директоръ Поликарповъ; послѣ него съ 5 дек. 1724 г. Г. Замятинъ. — Въ *Московской Синодальной канторѣ*, съ 20 марта 1728 г. — синод. совѣтникъ, симоп. архимандритъ Петръ, съ андроніевскимъ архимандритомъ Діонисіемъ и судьею Топильскимъ. — Въ *Духовной дикастеріи* — синод. совѣтникъ, крутицкій архіеп. Леонидъ, съ двумя архимандритами. — Крімъ того, наблюденіе за иконописаніемъ поручено было, подъ вѣдѣніемъ Синода, супер-интенденту Зарудневу (Поли. Собр. Зак. VI, № 4079); наблюденіе за синодальными переводчиками, съ 23 сент. 1723 г., синод. ассесору Феофилу Кролику.

¹⁾ Описаніе документовъ и дѣлъ архива св. Синода, т. 1, стр. 536.

году 22 декабря предписано было: «изъ оставшихъ патриаршихъ мантій и одеждъ приличное къ церковному облаченію отдать изъ Синода въ неимущія своего довольства церкви; а которыя одежды во оное церковное облаченіе не удобны, таковыя роздать синодальнымъ членамъ и прочимъ служителямъ по разсмотрѣнію синодальному, безъ оцѣнки и безъ денегъ»¹⁾). Разумѣется, это распоряженіе не простиралось на древнія церковныя облаченія и прочую церковную утварь, которая осталась неприкосновенною. При осмотрѣ патриаршей ризницы и библіотеки Голштинскимъ Герцогомъ въ 1722 году, онъ и все сопровождавшее его общество поражены были богатствомъ и великолѣпіемъ священныхъ одеждъ, церковныхъ сосудовъ, крестовъ, митръ, жезловъ и прочихъ драгоценностей, составлявшихъ и до сихъ поръ составляющихъ неприкосновенное достояніе Церкви²⁾. — Въ слѣдующемъ году, 12 февраля, состоялось распоряженіе о томъ, чтобы «находящіяся въ казенномъ приказѣ патриаршія серебряныя печати взять въ Синодъ и слить въ одну массу и употребить то серебро по усмотрѣнію и опредѣленію Синода».

Между тѣмъ слѣдовали, одинъ за другимъ, указы съ преобразованиемъ религіозно-правственной жизни народа. — Въ 1721 году 20 марта объявленъ указъ, чтобы «обрѣтающіеся въ Москвѣ на спасскомъ мосту и въ другихъ мѣстахъ листы разныхъ изображеній и службы и каноны и молитвы, которыя сочинены и сочиняются разныхъ чиновъ людьми самовольно, письменныя и печатныя безъ свидѣтельства и позволенія, описавъ все отобрать въ приказъ духовныхъ дѣлъ и запечатавъ держать до указа. А продавцовъ допросить съ очисткою, отъ кого они ихъ получаютъ и кто сочинилъ и печаталъ эти листы»³⁾. — Вслѣдъ за симиъ, 17 апр. 1721 г. обнародованъ другой указъ о прекращеніи нѣкоторыхъ суевѣрныхъ обычаевъ въ простомъ народѣ. «Въ російскомъ государствѣ по городамъ и селамъ отъ невѣжъ происходитъ нѣкоторое непотребство, а именно: ежели кто небываетъ во всю свѣтлую седмицу Пасхи у утрени, таковаго аки бѣ штрафуя обли-

1) Тамъ же, стр. 751.

2) Берхгольца, Дневникъ, ч. II, стр. 143.

3) Описаніе документ. и дѣлъ арх. св. Синода т. I, стр. 168. Полн. Собр. Зак. VI № 3765.

вають водою, и въ рѣкахъ и въ прудахъ купаютъ. И хотя сіе простой народъ дѣлаетъ себѣ будто за забаву праздничную, однако отъ той суетной забавы дѣлается не токмо здоровью, но и животу человѣческому тѣста, ибо онимъ отъ невѣждъ купаніемъ въ глубинахъ иногда людей потопляютъ или разбиваютъ, а сонныхъ и хмѣльныхъ внезапнымъ обліаніемъ ума лишаютъ; ктомуужь будто бы вспоминають мерзкихъ идоловъ, въ нихъ же былъ нѣкій идолъ Купало, емуже народъ на великъ день приносили жертву онимъ купаніемъ; того ради оній богопротивный и животь вредящій обычай весьма истребить».

Въ декабрѣ 1721 г. предписано было монастырскимъ властямъ, архимандритамъ и игуменамъ, «чтобы въ монастыри затворниковъ и ханжей съ колтунами отнюдь не принимать и не держать». Въ слѣдующемъ 1722 г. продолжались законоположенія и распоряженія св. Синода въ томъ же преобразовательномъ духѣ. Въ продолженіе всего этого года св. Синодъ находился въ Москвѣ, гдѣ былъ тогда Дворъ и, въ самомъ центрѣ всѣхъ древнерусскихъ выражений религіозной и нравственной жизни, наблюдалъ различныя проявленія суевѣрія и ложно понимаемаго благочестія. Указы св. Синода, отсѣкавшіе эти наросты на религіозной вѣрѣ русскаго народа, замѣчательны даже въ историческомъ отношеніи, потому что знакомятъ насъ съ нравственнымъ уровнемъ народной жизни этой эпохи. — Января 19 состоялся указъ, которымъ запрещалось «привѣшивать къ образамъ привѣсы, т. е. золотыя и серебряныя монеты и копѣйки и всякую казну и прочаго приношеннаго. Усердствующимъ на такіа приношенія велѣно было изыяснить, что на монетахъ иностранныхъ таковыя лица выбиты бывають, которымъ при иконахъ святыхъ неподобаеть быти; а отъ серегъ и прочихъ таковыхъ привѣсовъ иконамъ чинится бозобразіе, а отъ инославныхъ укоризна и нареканіе на св. Церковь наноситься можетъ»¹⁾. — Февраля 22 послѣдовалъ запретительный указъ, «чтобы въ Москвѣ и въ городахъ изъ монастырей и приходскихъ мѣстныхъ церквей ни съ какими образами къ мѣстнымъ жителямъ въ дома отнюдь не ходить, подъ опасеніемъ штрафа. Если же кому

¹⁾ М. 1722. Полн. Собр. Зак. VI, № 3888 и 3976.

какое обѣщаніе, тотъ самъ приходилъ бы въ монастыри и въ церкви по обѣту. Также смотрѣть, чтобъ съ образами по Москвѣ, по городамъ и уѣздамъ, для собиранія на церкви или на церковное строеніе, отнюдь не ходили; и кто будутъ ходить, тѣхъ брать въ приказъ церковныхъ дѣлъ и слѣдовать. Гдѣ явятся въ домахъ чудотворные образы, слѣдовать о томъ подлинно духовнымъ управителямъ, въ которыхъ годѣхъ и какія отъ котораго образа были чудеса и кѣмъ явно; и ежели таковыя образы по достовѣрному слѣдованію гдѣ явятся, и тѣ образы брать въ соборныя церкви и въ монастыри, а въ домахъ отнюдь не держать». — 23 февраля: «во всѣхъ всероссійскаго государства монастыряхъ колоколовъ не дѣлать изъ казны монастырской, а ежели гдѣ есть разбитые, то и тѣхъ безъ повелительнаго указа изъ св. Синода не передѣлывать и въ строеніе тѣхъ колоколовъ чрезъ собирателей — прошачковъ денегъ и прочаго не собирать и нигдѣ не просить; а ежели кто вкладчики будутъ въ тѣ монастыри колокола или иное что давать, и то принимать не запрещается; а о старыхъ разбитыхъ колоколахъ присылать въ Синодъ донесенія... «Въ Чудовѣ монастырѣ продается приходящимъ людямъ нѣкакой медъ, собственнымъ его чудотворцевымъ называемый; а въ церкви Василя Блаженнаго употребляется въ продажу нѣкакое масло и въ почтеніи содержится; и въ другихъ монастыряхъ и церквахъ подобныя той продажѣ бываютъ. Также во многихъ монастыряхъ и церквахъ обрѣтаются будто чудотворцевъ нѣкакихъ вериги, которыя возлагаютъ, якобы для исцѣленія, на младенцевъ, но не безъ скверноприбытной выманы. И разсудивше опасно, что такимъ продажамъ бытъ не подобаетъ, согласно приговорили: такія продажи, яко подозрительныя и не подлежащія, весьма пресѣчь, дабы отнюдь никто ничего вышеозначеннаго, что за святыню почитается, продавать не дерзалъ, подлщпеніемъ сана своего и подл потеряніемъ движимаго и недвижимаго имѣнія. А вериги, вездѣ обрѣтающіяся, присылать въ св. Синодъ безъ всякой утайки, при доношеніяхъ»¹⁾. — Марта 28 св. Синодъ, «имѣя совѣтныи разговоръ о не полезномъ и слову Божию несогласномъ обычаѣ, который начался и утвердился отъ невѣждъ и непо-

¹⁾ Москва, 1792. Печарскаго, Наука и Литература, ч. II, стр. 546—547.

лезныхъ вымысловъ нѣкоторыхъ лицъ духовныхъ въ такомъ употребленіи, что предъ св. иконами, внѣ церкви стоящими (на внѣшнихъ церковныхъ стѣнахъ и на градскихъ вратахъ) вжигаются и нощію и днемъ свѣщи безъ всякаго молитвословія, а нѣкоторые невѣжды, оставивши посвященные молитвенные храмы, призываютъ предъ тѣ внѣшнія иконы невѣждъ священниковъ, и молятся на распутияхъ и торжищахъ, гдѣ всегдашнее многонародное бываетъ собраніе, и явное чинять православнымъ церквамъ презрѣніе, а инославнымъ даютъ причину укорительнаго на благочестіе порицанія; притомъ же дошло разсужденіе и о построенныхъ на горнищахъ и перекресткахъ, въ селѣхъ и въ другихъ мѣстахъ часовняхъ, которымъ быть отнюдь не надлежитъ, понеже часовни всегда правильнымъ церквамъ препятіемъ бываютъ, ибо нѣкоторые невѣжды и суевѣрцы не такъ имѣютъ прилежаніе къ церквамъ, какъ къ часовнямъ, а раскольникамъ и противному ихъ мнѣнію не малый способъ есть, ибо они, по своему невѣженному упрямству и умовредной прелести отчуждающесея св. церковей, могутъ приходять въ тѣ часовни, аки въ нѣкоторыя свои мольбища и отправляемую тамъ по своему суемнѣнію мольбу почитать за правильную церковную службу, согласно приговору: предъ вышепомянутыми, внѣ церковей стоящими иконами, мольбы и свѣщевозженія, тамо безвременно и безъ potreбы бываемая, весьма возбранить; также и часовень отнынѣ въ показанныхъ мѣстахъ не строить, и построенныя деревянныя разобрать, а каменныя употребить на иныя потребы тѣмъ, кто оныя строилъ»¹⁾. Въ Москвѣ зтотъ указъ произвелъ сильное волненіе. Берхгольцъ пишетъ, что онъ (указъ) очень удивилъ и поразилъ здѣшнюю чернь и многихъ старыхъ русскихъ вельможъ²⁾. — Въ апрѣлѣ, по случаю переложенія въ новую раку мощей св. Кирилла бѣлоозерскаго, св. Синодъ приказалъ объявить всенародно, «чтобъ никто ложныхъ и самоимѣнныхъ чудесъ никакими образы вымышлять и притворно ко онымъ мощамъ причитать и къ народному соблазну оглашать не дерзалъ».

¹⁾ Дѣла архива св. Синода, 1722, № 133.

²⁾ Берхгольца, Дневникъ, ч. II, стр. 192.

Вслѣдствіе именнаго Высочайшаго указа, послѣдовавшаго 30 апр. 1724 года, св. Синодъ приказалъ: «о обнадеживаніи вдовыхъ поповъ и діаконовъ, которые училися въ школахъ и могутъ послужить въ проповѣди слова Божія, что ежели они вступягъ во второбрачіе, то, по отрѣшеніи священнодѣйствія, могутъ быть при архіереяхъ въ учителяхъ, и у дѣлъ въ духовныхъ совѣтахъ и управленіяхъ, послать къ синодальнымъ членамъ и въ духовную канцелярію изъ Синода указы немедленно» (15 іюня 1724 года.)

V.

Стефанъ — президентъ Синода. — Протесты его. — Неудовольствія. Смерть.

Положеніе Стефана въ Синодѣ было очень тяжелое. Его убѣжденія шли въ разладъ съ дѣйствіями Синода. Большой физически и утомленный морально, онъ оказывалъ слабое сопротивленіе вліянію новаго духа, движенію новыхъ силъ. Протесты его о заводимыхъ Синодомъ новыхъ порядкахъ обрушивались на его же голову, навлекая на него гнѣвъ Государя и подвергая угрозамъ новаго духовнаго правительства, несообразнымъ съ достоинствомъ ни судей, ни подсудимаго.

Поводомъ къ одному изъ этихъ протестовъ было утвержденное Государемъ распоряженіе Синода, которымъ отмѣнено возношеніе именъ восточныхъ патріарховъ въ русскихъ церквахъ. Въ подкрѣпленіе этого распоряженія Теофанъ, по повелѣнію Государя, составилъ и, въ маѣ 1721 г., напечаталъ сочиненіе: *О возношеніи имени патріаршаго въ церковныхъ молитвахъ, чего ради оно не имѣетъ въ церквахъ российскихъ оставлено*. «Быль между нѣкими — сказано въ началѣ книги — разговоръ, надлежитъ ли по должеству въ российской церкви, при всенародномъ собраніи, возносить имя восточныхъ греческихъ патріарховъ, и нѣмъ приговоривали, и нѣмъ же отрицали». За тѣмъ Теофанъ доказываетъ,

что въ русскихъ церквахъ не слѣдуетъ дѣлать этого возношенія. Главными причинами этого онъ полагалъ то, что у Грековъ обычай поминать на эктенияхъ патриарховъ соблюдается только въ томъ мѣстѣ, гдѣ служитъ самъ патриархъ; въ Россіи соблюдалось тоже, когда служилъ патриархъ, съ тою разницею, что «у насъ самъ патриархъ возносилъ обще имя греческихъ патриарховъ, а не архидіаконъ, какъ у Грековъ дѣлается, вѣроятно за незнаніемъ греческаго языка»¹⁾. Наконецъ явное и всегдашнее возношеніе можетъ дать видъ зависимости возносящаго отъ возносимаго: россійская же Церковь отдѣлилась отъ власти патриаршей съ учрежденіемъ въ ней снова собственнаго патриаршества, а потомъ св. Синода. Но какъ у Грековъ, при патриаршемъ служеніи, архидіаконъ, въ одно время, возноситъ имена прочихъ патриарховъ; то слѣдуетъ и у насъ, при служеніи синодальнаго президента, однажды по-достоинѣ, чрезъ протодіакона, послѣ Синода, какъ своей правильной власти и въ имени своемъ заключающей какъ верховнаго судію — самаго Монарха нашего, возносить и имена патриарховъ. Но этого нигдѣ больше и никому иному въ россійскихъ церквахъ не дѣлать.

Стефану, въ раздраженномъ состояніи души, показалось это распоряженіе подозрительнымъ и опаснымъ для православія, какъ будто оно разрываетъ связь русской церкви съ православными восточными церквами. Въ іюнѣ 1721 года онъ прислалъ въ Синодъ протестъ противъ этого распоряженія, съ разсужденіемъ или — какъ оно называлось у него — съ *вопросо-отвѣтами* о значеніи въ Церкви патриарховъ. Синодъ нашелъ этотъ протестъ несправедливымъ и возмутительнымъ и опредѣлилъ: «тѣ вопросы-отвѣты, яко неважные и некрѣпкіе, паче же бесполезные, но весьма противные и миръ церковный терзающіе и государственныя тишины вредительные, и покой полезный къ безпокойству возбуждающіе, и народу, силы писанія невѣдающему, возмутительные и многуму смущенію виновные, одержать, до надлежащаго царскому величеству объявленія, въ Синодѣ, подъ опаснымъ храненіемъ, дабы не точію въ публику, но и въ показаніе никому не

¹⁾ Только во время между — патриаршества, т. е. послѣ смерти послѣдняго патриарха Адріана и до учрежденія Синода, вошло въ обычай возносить, во всѣхъ церквахъ, имя восточныхъ патриарховъ.

произошли. А къ нему, преосвященному митрополиту, писать изъ св. Синода указъ, дабы онъ такихъ, яко зѣло вредныхъ и возмутительныхъ вопросо-отвѣтовъ, отнюдь никому не сообщалъ и въ объявленіе не употреблялъ, а ежели кому оныя до сего указа сообщены, то неотложно къ себѣ возвратилъ, опасаясь не безтруднаго (буде покажетъ себя въ томъ упорна) передъ его царскимъ величествомъ отвѣта» (12 іюня 1721 года)¹⁾.

Стефану, безъ сомнѣній, очень тяжело было переносить эти угрозы. Онъ видѣлъ, что два лица заправляютъ въ Синодѣ всѣми дѣлами — Θεодосій и Θεοφάνъ. Мы незнаемъ отношеній его къ Θεодосію; но знаемъ, что съ Θεοφаномъ онъ былъ въ открытой враждѣ. Стефанъ полагалъ, что положеніе дѣлъ переменится къ лучшему, если бы удалось какъ нибудь удалить изъ Синода Θεοφана. Нуженъ былъ благовидный предлогъ и — Стефанъ отыскалъ его.

Въ 1718 г. скончался кievскій архіепископъ Іоасафъ Кроковскій. Конецъ его жизни былъ довольно темный. Сначала онъ замѣшанъ былъ въ дѣло Царевича²⁾. Послѣ того держалъ будто бы соборъ по поводу учрежденія св. Синода и обнародованія Регламента³⁾ и, по этому поводу, вызванъ былъ въ С. Петербургъ для допроса, но на пути скончался. Прошло три съ половиною года, а на его мѣсто еще никого не назначили. По состоянію края нужно было лицо и образованное и сочувствовавшее новымъ порядкамъ синодальнаго правленія и преданное Государю. Стефанъ хотѣлъ выпроводить туда Θεοφана и, въ концѣ 1721 года, прислалъ въ Синодъ письмо, въ которомъ рекомендовалъ Θεοφана въ кievскіе архіепископы. «Еще паче надежды долготерпѣніе Божіе въ живыхъ содержитъ мя, и желаю видѣти васъ въ царствующей Москвѣ, аще Богъ подастъ силу и здравіе лучшее; аще же не возмогу, то ex vi officii tui молю вы, пречестнѣйшія синодальныя лица, въ избраніи на престолъ кievскій прилежное имѣти разсмотрѣніе, ри-

¹⁾ Дѣла арх. св. Синода 1722 г., № 12. Протестъ Стефана въ рукописяхъ Царскаго, № 588: Апологія или словесная оборона о возношеніи явственномъ и воспоминаніи въ молитвахъ церковныхъ православныхъ патріарховъ и проч.

²⁾ Чтенія въ Общ. ист. и древн. росс. 1861 г., кн. III, отд. II, стр. 190—201.

³⁾ Записки Маркевича, ч. II, стр. 549.

blicum spectando bonum, отложше всякія привати. Той, который намѣренъ, отнюдь неудобенъ къ такъ великому дѣлу; въ монашествѣ искусенъ, но сіе недовлѣетъ, якоже сами добръ вѣсте; мое вотумъ отъ чистаго сердца et amoге publici boni на преосвященнаго Феофана, архіепископа псковскаго. Той, omnibus spectatis circumstantiis et ejus dotibus, вельми угоденъ есть; за его процвѣтуть школы, епархія приидеть въ первобытную красоту; своеволія бродяговъ и монастырей распустя, иноковъ и всего духовнаго чина разслаба укротится; а о вѣрности къ монаршему священнѣйшему величеству не надобно много глаголатъ — свѣтъ россійскій видѣлъ и видитъ. Прошу убо и молю отъ усердія моего не иного кого, токмо его, и о томъ его царскаго величества прошу всемирно; добръ бы, чтобы изъ Синода брано и на иные вдовствующіе престолы, дабы Синодъ былъ аки seminagium архіереевъ, а на то мѣсто иныхъ набирати, яко папримѣръ пречестнаго отца архимандрита Лопатинскаго, пречестнаго отца Вишневскаго, пречестнаго брата Кролика: тѣмъ здадутся и въ Синодъ и на казаніе»¹⁾. — Но попытка не удалась и только усилила вражду между Стефаномъ и Феофаномъ.

Видя постоянный гнѣвъ Государя и досаду отъ сочленовъ за несогласіе съ ними въ понятіяхъ и въ образѣ дѣйствій, а между тѣмъ изнемогая отъ застарѣлой болѣзни, Стефанъ счелъ за лучшее удалиться изъ Синода, объяснившись напередъ откровенно съ Государемъ, котораго намѣренно вооружали противъ него его недоброжелатели. Не добившись личнаго объясненія, Стефанъ послалъ къ нему письмо съ оправданіемъ своихъ дѣйствій за все прошлое время своего правленія.

«Ожидалъ я не малое время имѣти аудіенцію у вашего царскаго величества, идѣже возмогъ бы припасть къ стопамъ вашего царскаго величества и изъ блудныхъ сыновъ возопити: *отче, согрѣшихъ на небо и предъ тобою*; но не могъ такъ благополучна времени за грѣхи моя дожидатися, понужденъ есмь симъ писаніемъ моимъ, слезами, не черниломъ писаннымъ, отъ глубины сердца моего отозватися, и сію плачевную мою челобитную на милостивое отеческое лоно положить. Се толико гдѣтъ ра-

¹⁾ Описаніе докум. и дѣлъ архива св. Синода т. I. Спб. 1868 г. Прил. XLVI.

ботаю тебѣ и николиже заповѣдь твою преступихъ и не дослужихся козляте. Шестнадцать лѣтъ уже, отнѣлиже понужденъ есмь отъ вашей царскія, Богомъ данныя, власти въ приставникахъ быти дому Божію. Сіе послушаніе, аще и не по силѣ моея, но я, надѣяся на милость Божию и на милость вашего царскаго величества, воспріяхъ, и толикія тяжести по нуждѣ не отрекохся. Служба же моя и трудышка на семъ послушаніи единому Богу совершенно вѣдомы суть, а отчасти и вашему царскому величеству мнѣ быти не тайны, на которыхъ силу, здравіе, бодрость, а близко того и житіе погубилъ; чувства вся, а наипаче зрѣніе потемнѣло; нозѣ зѣло ослабѣша; въ рукахъ персты хирагма покривила; камень замучилъ; прочая же оскуднѣнія здравія моего неприлично мнѣ являти. Обаче во всѣхъ сихъ бѣдствахъ можъ единою точію милостію вашего царскаго величества и благопризрѣніемъ отеческимъ утѣшахся, и вся горести моя тѣмъ сахаромъ усладилася. Нынѣ же, егда вижу лице вашего царскаго величества отъ меня отвращено и милость не по прежнему, истину глаголю, яко отъ печали сокрушихся и къ болѣзнямъ болѣзнь умножися и умножатися не престаеъ. Гдѣ суть милости твоя древнія, Господи! Откуда сія измѣна? Казанье ли мое виновно есть, которое отъ непріязненныхъ людей, ищущихъ моя погубели, криво и не по правдѣ толковано есть? Или дѣло настоящее раскольниковское, о немъ же, по званіи моемъ, дерзнулъ воздвигнутися и перомъ и языкомъ? Но оба сія, аще придуть на праведное мѣрло, не имуть толикія тяжести, коликую для тѣхъ тяжесть терплю на сердцѣ моемъ. Казанье мое, Богъ сердецвѣдецъ, было намѣреніемъ благимъ, къ исправленію и созиданію духовному російскаго народа, а царскимъ лицамъ ниже помышленіе было. И оттолѣ уже по запрещенію и умолчахъ, и впредь молчати готовъ. Ей, говорити казанье трудно, а молчатъ вельми легко. — Въ дѣлѣ же раскольниковскомъ надѣялся я благодарствія, а не гнѣва; понеже не безъ трудовъ мнѣ было книги противу ихъ писати и съ непокорствомъ тѣхъ браться, и толикая тщательства ко утоленію бури и къ тишинѣ Церкви Божію и всего государства воспримати. Сія ли есть моя вина? А званіе пастырское господне? Не апостолъ ли глаголетъ: *проповѣдуй слово, настой благовремени и безвременнѣ, обличи, запрети, умоли*. Не той

же ли апостолъ нарицаетъ недугъ раскольничій гангреною, яко не инако врачуется, развѣ отсѣченіемъ, поврежденное. И господишь винограда гѣбвается ли на дѣлателя, егда изъ винограда его работникъ, по должности своей, взметаетъ терніе или отъ пшеницы плевелы?»?

«Двѣ напаче вины мои въ семь дѣлѣ глаголются быти, якоже извѣстися отъ правительствующихъ Сената. Первая, яко не описавшеся сіе сотворилъ. Не подобаетъ ли не описываючися пожаръ гасити и всенародный мятежь укротати? И описыватися есть дѣло продолжительно, а нужда не терпитъ продолженія. Довлѣетъ, мнитсѣ мнѣ, единою данная власть на хранение словеснаго стада и на безмятежное Церкви Божіа чиноправление. — Вторая моя вина глаголется быти, яко безъ допросу и не присущи иѣщии отъ Церкви святыя общимъ совѣтомъ духовнымъ отчуждшася. Но и въ томъ прошу милостиваго разрѣшенія. Сіе дѣло есть не ново. На соборахъ вселенскихъ и помѣстныхъ проклинали еретиковъ и не присущихъ множайшихъ, неже присущихъ, увѣрившеся достовѣрно о ихъ ереси. И самъ Павелъ святыи, отъ одного слышанія, нѣкоего Коринѣянина, имѣвшаго жену отчюю, предаде сатанѣ, не присущаго себѣ человека».

«Что же речемъ о допросахъ? Допросы обычно бываютъ ради извѣстія истины. Аще же вопрошаемый начнетъ запертисѣ, ту надобѣ пытки или достовѣрныхъ свидѣтельствъ. Пытка не наше есть дѣло; а достовѣрныхъ свидѣтельствъ имаы по премногу. Понеже убо въ настоящемъ дѣлѣ вси запераются — и тѣ, которые въ Преображенскомъ приказѣ съ пытки винилисѣ; а тѣ, которыхъ пытаные выдали, прежде допросовъ изъ Москвы угонзнули; и вторичею такожде, егда услышали о общемъ на нихъ совѣтѣ духовномъ, совѣтующемъ на нихъ, и въ то время на Москвѣ не явилисѣ: какъ же ихъ было допрашивать? А хотябы избѣжавшіи допрашиваны были, тоещъ бы говорили, что и здѣ и вездѣ говорятъ, вины своей въ поклепъ и напастъ претворяюще. Въ такомъ случаѣ что было чинить? Какъ всенародную молву укротити? Едино точию возмнѣхомъ прибѣжище, воеже бы достовѣрными свидѣтельствами о ихъ расколѣ совершенно увѣрившеся, вершити дѣло, — еже и совершихомъ, егда не точию отъ свидѣтельствъ, но и отъ тетрадей тѣми писанныхъ, и отъ кате-

хвизь противниковъ нашихъ, и отъ листа, который раздавали въ народъ къ развращенію, подлинно извѣстникомъ, и хотяще всенародную молву и мятежь утолити, по общему всѣхъ изволенію, власти нашея отъ Бога и отъ васъ, Государя нашего, данныя употребити дерзнухомъ, видяще, яко въ допросахъ не инстинствуютъ, ибо, допрашиваны о вѣрѣ, всѣ написали православныя исповѣданія, а потомъ, малое время спустя, единъ отъ нихъ Ѳомка срубилъ икону съ великимъ всея Москвы удивленіемъ и соблазномъ, яко мощно репчи: *и потрясся весь градъ*. Аще при двою или тріехъ свидѣтельхъ станеть всякъ глаголь, по словеси Христову и закона: множае паче наше дѣло твердо и крѣпко имать быти, толкъ облакъ свидѣтелей достовѣрныхъ имуща.

«Но что много о семъ писати? Противу рѣчному стремленію нельзя плавати. Буди тако, якоже о мнѣ глаголется. Виноватъ есмь въ неопасствѣ и дерзновеніи моемъ, — за которую вину, падши къ стопамъ вашего царскаго величества, прошу милостиваго прощенія. *Отпущайте, аще что на кого имате, да и Отецъ вашъ небесный отпуститъ вамъ*. И аще инако быти не можетъ, подлежу по воли вашей наказанію, даже и до отчужденія архіерейства отъ тѣхъ, кому вручено будетъ. То мнѣ паче всѣхъ тягчайше, яко отвращено лице вашего царскаго величества вижу, и не тако мнѣ докучаетъ нищета моя, въ ней же нынѣ обрѣтаюся, яко лишеніе прежнія милости царскія. Однакожь, идѣже умножися грѣхъ, тамо прензоблуетъ благодать, ея же яко не чаемъ, но не отчаяваемъ ожидаю, негли по сей бури паки превождѣленное возсіяетъ ведро. Вашего священнѣйшаго и великодержавнѣйшаго монаршества, вѣры православныя защитникъ, вѣрный подданный рабъ и подножіе, смиренный Стефанъ, пастушокъ рязанскій. Юля 27-го дня 1722 года¹⁾. — Чрезъ четыре мѣсяца послѣ этого онъ скончался.

¹⁾ Еще до этого протеста, въ 1721 году, Стефану сдѣлали строгій допросъ по поводу акакиста Алексію, Человѣку Божию, и канона Марку Фрацескому, сочиненныхъ, еще при жизни царевича Алексѣя, какихъ-то кабальныхъ челобѣтокъ князя Долгорукова, Козьмою Любимовымъ и будто-бы одобренныхъ къ напечатанію Стефаномъ. (Описаніе докум. и дѣлъ арх. св. Синода. Т. I стр. 146). Подробности этого допроса изложены въ статьѣ г. Есипова: чернецъ бедность. (Отч. Зап. 1862 г. № 6).

Послѣ Стефана не было президента въ Синодѣ. Остались два вице-президента — Θεодосій и Θεοφανъ.

VI.

Θεодосій Яновскій. — Злоупотребленія власти и излишества. — Ропотъ духовенства.

Θεодосій видимо клонился къ паденію. Въ обаяніи власти и въ нѣгѣ роскоши онъ позволялъ себѣ излишества, которыя не были приличны ни сану его, ни званію.

Въ 1724 году Дворъ отправился въ Москву для коронаціи Императрицы. Θεодосій, который долженъ былъ совершить этотъ обрядъ, отправился въ Москву еще въ перевозимѣ 1723 года. Распоряжаясь полновластно, онъ велѣлъ въ синодальномъ домѣ сварить добрыхъ пивъ съ семьдесятъ варъ и дарилъ приказнымъ людямъ и своимъ секретарямъ, наполняя и насыщая ихъ безъ мѣры. Скучая бездѣйствіемъ, онъ завелъ въ Москвѣ ассамблеи, на которыя должны были собираться синодальные члены и прочія духовныя власти столицы по очереди, то у одного, то у другаго, и установилъ для нихъ такія же правила, какія были для государевыхъ ассамблей ¹⁾. Духовенству и народу не очень нра-

¹⁾ «1723 года декабря — дня, по изволенію свят. прав. Синода вице-президента, преосвященнаго Θεодосія, архіепископа новгородскаго, повелѣно: свят. прав. Синода членамъ и прочимъ Синоду подчиненныхъ Приказовъ въ судѣ засѣдающимъ персонамъ, быть въ ассамблеяхъ сего декабря съ 26 числа и съѣзды имѣть по полудни въ третьемъ часу, а кому именно, о томъ слѣдуетъ нижеподписанный реэстръ: преосв. Леонидъ, архіепископъ крутицкій; архимандриты: Петръ симоновскій, Аванасій спасославскаго монастыря, Діонисій андрониковскій, Іоакимъ донской, Сергій петровскій, Кириакъ воскресенскій, Антоній златоустовскій, Гедеонъ спасскій, Макарій игуменъ воздвиженскій, казначей іеромонахъ Филагрій, ассессоръ Анастасій Наусій, Гг. Топильскій, Чичеринъ, Каетыревъ, Илья Никифоровъ, прокуроръ (монастырскаго приказа) капитанъ Раевскій, Алексій Владыкинъ, Иванъ Зарудневъ. Вице-президентъ преосвященный Θεодосій»... «А ежели кто и обѣдомъ трагтовать

влася эта потѣха, неприличная священному сану. Разумѣется, никто не смѣлъ протестовать вслухъ и открыто, а тайнаго ропоту было много ¹⁾).

Оскорбляя такимъ образомъ чувства народа и духовенства, Θεодосій обнаруживалъ крайнюю, до дерзости доходившую, притязательность и въ отношеніи Государя. Съ особенною настойчивостью онъ выразилъ ее въ бытность въ Москвѣ, въ апрѣлѣ 1724 года, по поводу сочиненія духовнаго штата.

По полученіи указа о сочиненіи штата духовнаго, онъ говорилъ (публично въ Синодѣ), что «отнялъ — де милость свою Богъ отъ сего государства, понеже духовные пастыри весьма порабощены и пасомыя овцы власть надъ пастырями взымѣли; однакожь можетъ быть Филиппъ митрополитъ, который не щадилъ крови своея за Церковь. Да смотрѣть надобно, что изгнанію Филипову послѣдовало. Богъ самъ перстомъ показалъ какъ на фамиліи царской, такъ и во всемъ государствѣ чрезъ домовное нестроеніе и моровую язву и чуть не всего государства разореніе и премногія отъ того послѣдовавшія брани» ²⁾).

Въ тоже время онъ имѣлъ смѣлость прямо сказать Императору, что не одобряетъ отобранія имѣній и доходовъ духовенства, а также установленнаго, вслѣдствіе того, точнаго распредѣленія ихъ для приличнаго содержанія духовенства и назначенія излишковъ на учрежденіе школъ и больницъ, въ которыхъ былъ повсемѣстный недостатокъ. По его мнѣнію, государство отъ себя обязано было назначить имъ содержаніе, потому что принадлежащее служителямъ Церкви не подлежитъ гражданскому управленію. Императоръ, раздраженный этою дерзостью, заставилъ трепетать говорившаго ³⁾). Боясь публичнаго безчестія, Θεодосій просилъ

изволить, о томъ не воспрещется. И по вышеозначенному расположенію, преосв. Θεодосій, Леонидъ и прочіе были въ донскомъ монастырѣ 29 декабря. Въ монастырѣ для этого ассамблею былъ изготовляемъ обѣдъ». Отеч. Зап. 1857 г., № 9, стр. 21—22.

¹⁾ Протестъ бывшаго казанскаго митрополита Сильвестра Холмскаго, противъ Θεодосія, въ Приложеніяхъ, № II.

²⁾ Дѣло о Θεодосіѣ, въ Русск. Архивѣ 1864 г., стр. 180. Показаніе архим. Гагарина.

³⁾ Записки Бассевича въ Русск. Архивѣ. 1865 г., стр. 606.

Сборникъ П. Отд. Н. А. Н.

ходатайства и заступленія Императрицы предъ Государемъ ¹⁾. Такъ какъ дѣло было предъ свѣтлымъ праздникомъ коронаціи Екатерины, то Государь простигъ его.

7 мая 1724 г. въ московскомъ успенскомъ соборѣ совершено коронованіе Императрицы. Феодосій первенствовалъ при этомъ торжествѣ, какъ старшій архіепископъ ²⁾.

9 мая Государь приказалъ ему сочинить реляцію о коронаціи ея величества, для отсылки къ иностраннымъ дворамъ ³⁾. 20 мая, въ Троицынъ день, Феодосій выпросился у Государя къ марціальнымъ водамъ ⁴⁾.

¹⁾ Письмо Феодосія къ Государынѣ отъ 21 апрѣля 1724 года. «Всемилютейшая и благочестивѣйшая великая Государыня императрица. Всенжайшая доношу вашему императорскому величеству. Вчерашняго числа, въ Покровскомъ селѣ, безуміемъ моимъ, не выразумѣвъ благопотребной воли всемилютейшаго Государя, прогнѣвалъ я, окаянный, его императорское величество такъ много, какъ никто больше. Того ради пребывая въ великомъ страхѣ и отчаяніи, я не имѣю въ такомъ моемъ бѣдствіи никакого способу; только дерзаю утрудять ваше величество: умолюсь великая Государыня и благоволи вручить его величеству приложенное здѣсь мое рабское приношеніе, чтобы мнѣ невозбранно было пріяти и просить въ моей великой винѣ милостиваго прощенія и помилованія. Вашего величества всенжайшій и непотребный рабъ, виноватый Феодосій архіепископъ новгородскій».

²⁾ Во время коронованія «архіепископъ новгородскій, какъ знатѣйшее духовное лицо, обратился къ Императрицѣ съ благословеніемъ, которое она приняла, преклонивъ колѣна на положенную передъ ней подушку. За тѣмъ онъ взялъ императорскую корону и передалъ ее Императору, который самъ возложилъ ее на главу стоявшей на колѣняхъ Императрицы. Послѣ того архіепископъ вручилъ ея величеству державу. . . . Послѣ обѣдни Императрица стала на колѣни на парчевую подушку и приняла св. Причастіе, а потомъ была помазана архіепископомъ новгородскимъ. Послѣ этого священнодѣйствія архіепископъ псковскій (Феофанъ) началъ говорить проповѣдь, которая продолжалась добрыхъ полчаса. Онъ превозносилъ необыкновенныя добродѣтели Императрицы и доказывалъ, какъ справедливо Богъ и Государь даровали ей російскую корону. Проповѣдь свою архіепископъ заключилъ поздравленіемъ отъ имени всѣхъ сословій російскаго государства». (Берггольцъ, IV, 58, 54).

³⁾ Голосовъ Дѣянія П. В. 20, 401.

⁴⁾ Всемилютейшій Государь. «Понеже, за многодѣліемъ вашего императорскаго величества, не дошло мнѣ нижеименованному доложить вамъ о моей партикулярной нуждѣ, чтобы мнѣ (если усмотрится время) съѣздить для моего скуднаго здоровья къ марціальной водѣ, того ради симъ доношу, и прилежно прошу милостивѣйшаго позволенія побывать тамъ, хотя на малѣйшее время, гдѣ мнѣ и по епархіи новгородской безъ дѣла не будетъ же. Вашего величества нижайшій рабъ и всеблагожелательный молитвенникъ, Феодосій

Но неприятности уже неотступно слѣдовали за Θεодосіемъ. Положимъ, неизвѣстно, кто былъ тайною пружиной веденной противъ него интриги; но открытые и публичные доносы пошли изъ его же собственнаго дома.

Довошникомъ на Θεодосія и докащикомъ разныхъ его злоупотребленій былъ одинъ изъ его подчиненныхъ, дворянинъ новгородскаго архіерейскаго дома, Иванъ Носовъ¹⁾. Въ 1724 году онъ подалъ на судью новгородскаго архіерейскаго дома, архимандрита Андроника, протестъ въ расхищеніи имъ церковнаго имущества, и просилъ изслѣдовать это дѣло. Немного дальновидности нужно было Θεодосію, чтобы сообразить, что это дѣло, ближе всѣхъ, касается его самого, потому что Андроникъ былъ только исполнителемъ его приказаній, и что его ненужно упускать изъ своихъ рукъ, или, по крайней мѣрѣ, передавать въ свѣтскую команду. Синодъ поручилъ изслѣдовать это дѣло монастырскому приказу, съ участіемъ синодальныхъ дворянъ; но Θεодосій, предвидя, что какъ бы ни ведено было слѣдствіе,

---

архіепископъ новгородскій. 20 мая 1724 г. отъ Москвы». (Кабин. Дѣла, II, № 18, л. 27).

¹⁾ Не въ предотвращеніе ли этого доноса, или уже подъ гнетомъ чувствуйной опалы, Θεодосій позволилъ себѣ одно неосторожное распоряженіе по своей епархіи, которое, вносилъ дѣйстви, вышло было ему въ государственное преступленіе и бѣдственно порѣшило его судьбу. Въ маѣ 1724 года Θεодосій потребовалъ отъ всѣхъ чиновныхъ лицъ невскаго монастыря и новгородской епархіи присяги на вѣрность себѣ, по образцу присяги, предписанной членамъ духовной коллегіи. Присяга эта начиналась обыкновенною формою: «клянусь всемогущимъ Богомъ, что хочу и долженъ есмь моему природному и истинному Царю и Государю Петру Первому» и проч. Потомъ, вмѣсто словъ: «исповѣдаю се съ клятвою крайняго судію духовныхъ сея коллегіи быти самаго всероссійскаго Монарха, Государя нашего всемилостивѣйшаго», поставлено слѣдующее клятвенное обѣщаніе: «также и собственной моеи правильной власти, великому господину, св. прав. Синода вице-президенту, преосв. Θεодосію архіепископу великоновгородскому и великолукскому и архимандриту александровскому, во всемъ по должности моеи вѣрность и весьма покорность быть, и все до его архіерейской чести принадлежащее по послѣдней моеи силѣ умножать и охранять, и всякіе его преосвященства собственныя и домовыя интересы соблюдать и оберегать и защищать и тайность хранить всеусердно буду, и о противныхъ случаяхъ доносить, и всякіе вреды отвращать всеприлежно потнуся». Новгородскіе чиновные люди архіерейскаго вѣдомства подписались подъ присягой 31 мая, а нагѣстникъ, судья и монахи невскаго монастыря въ ноябрѣ и декабрѣ 1724 года. (Дѣла архива св. Синода, 1725 г.).

все же оно зацѣпить его самого, подалъ въ Синодъ (4 сент.) донесеніе, чтобы изслѣдованіе этого дѣла поручено было ему самому, съ кѣмъ нибудь изъ синодальныхъ членовъ. Заявивши это, Теодосій, «по обычаю, наблюдаемому въ коллегіяхъ», вышелъ изъ собранія. Синодъ, «разсматривая прилежно и разсуждая довольно», не рѣшилъ однакожь ничего, а положилъ имѣть конференцію съ Сенатомъ, на которую и пошли преосвященные Теофанъ и Теофилактъ, троицкій архимандритъ Гавріилъ и оберъ-прокуроръ Болтинъ. Въ Сенатѣ въ собраніи были въ тотъ день князь Меншиковъ, адмиралъ Апраксинъ, канцлеръ Головкинъ, графъ Брюсъ, графъ Толстой, князь Голицынъ и генераль-прокуроръ Ягужинскій.

На конференціи Сенатъ съ Синодомъ положили поручить слѣдованіе этого дѣла мѣстному архіерею, а мимо его къ тому слѣдованію никого не допускать; только, для лучшаго въ томъ слѣдованіи способу и вѣрности, придать къ нему кого нибудь изъ синодальныхъ членовъ, и быть при томъ же, когда понадобится для остерегательства, синодальному оберъ-прокурору Болтину. Синодъ назначилъ въ слѣдователи къ Теодосію совѣтника своего, симоновскаго архимандрита Петра, съ тѣмъ, чтобы, по изслѣдованіи дѣла, объявить о немъ, съ приложеніемъ своего мнѣнія, въ св. Синодѣ, а безъ синодальнаго утвержденія, хотя чья и вѣщная вина покажется, экзекуціи не производить и доносителей не истязовать, также освободить и жену Носова (которая содержалась подъ арестомъ въ Новгородѣ), если до нея другихъ дѣлъ не окажется.

Носовъ, видя, что главный подсудимый по его доводу, самъ же назначенъ и его слѣдователемъ, подалъ генераль-прокурору Ягужинскому новый протестъ, въ которомъ прямо обвинялъ самаго Теодосія въ расхищеніи церковныхъ вещей, да тутъ же прописалъ, что судъ надъ нимъ производится неправильно и что отъ оберъ-прокурора Болтина чинится понаровка. Ягужинскій приказалъ арестовать Носова, а прошеніе его 16 октября принесъ въ Синодъ для разсужденія. Синодъ отвѣчалъ, что въ комисіи находится не одинъ Теодосій, но вмѣстѣ съ нимъ синод. совѣтникъ архимандритъ Петръ и оберъ-прокуроръ, и никакого послабленія ему нѣтъ. Синодъ совѣтовалъ Ягужинскому распорядиться

съ донощикомъ за такія дерзости, «въ конторѣ его вѣдѣнія» т. е. гражданскимъ порядкомъ. Ягужинскій однакожъ этимъ не удовлетворился и ноября 2-го попросилъ синодальныхъ членовъ на конференцію въ Сенатъ. Сенаторы совѣтовали слѣдовать дѣлу Носова въ Синодѣ, а Синодъ предлагалъ, что «этому слѣдованію въ Синодѣ быть не надлежитъ, потому что хотя Носовъ и порочить Θεодосія, однакожъ достаточнаго повода къ отверженію его суда и яснаго доказательства не представилъ, и потому Θεодосія отъ того слѣдованія отрѣшнить неудобно; да и самъ Носовъ, какъ у своего мѣстнаго архіерея по должности въ послушаніи, такъ не захочетъ быть подсудимъ и въ Синодѣ». На это сенаторы сказали, что «отбытельство того доносителя отъ Синода уничтожить; также и на оберъ-прокурора Болгина подозрѣніе, будто лошади его для корму находятся въ новгородскомъ архіерейскомъ домѣ, хотя бы онѣ и подлинно тамъ были, оставить: потому что никакого ни отъ кого въ томъ дѣлѣ послабленія не значится». Синодъ представилъ съ своей стороны, «что такъ какъ все цѣлое Синода правительство во всемъ вѣроятно, потому по силѣ присяжной должности, определенныхъ къ оному дѣлу членовъ безъ надлежащаго слѣдствія и безъ показанія о томъ ихъ дѣйствіи порока, отрѣшать и общее опредѣленіе отвергать по однимъ прихотямъ доносителя весьма неудобно».

Послѣ этого объявленія, Сенатъ съ Синодомъ предложили еще о томъ подумать и для совершенной резолюціи быть опять на конференціи въ Сенатѣ 4-го ноября. Въ слѣдующемъ собраніи Синодъ возобновилъ свои настоянія, чтобы оставить во всей силѣ прежнее опредѣленіе и основывался въ своихъ требованіяхъ на генеральномъ регламентѣ и церковныхъ правилахъ. Такъ какъ Носовъ сталъ обличать Θεодосія только съ тѣхъ поръ, какъ Θεодосій назначенъ къ нему слѣдователемъ, то его показанія и укоризны не должны имѣть никакой вѣроятности. И по святымъ правиламъ, которыя на той конференціи и читаны (IV Всел. соб. 21 прав.), такимъ клеветникамъ на архіереевъ вѣрить невелѣно. «Сенатъ, по силѣ оныхъ правилъ регламента, опредѣлилъ, чтобы о томъ, гдѣ оному слѣдованію быть, рассмотрѣніе и указъ учинить въ Синодѣ». Синодъ полагалъ остаться при своемъ прежнемъ опредѣленіи; но Болгинъ, «опасаясь, послѣ означенныхъ кон-

Ференцій, конфузіи», словесно предложить, что «Носовъ, уворя дерзко самаго вице-президента, и судомъ его не будетъ доволенъ; а поелику въ томъ дѣлѣ, хотя и безъ совершеннаго доказательства, являются однакожь не малыя важности, касающіяся до многихъ духовныхъ и свѣтскихъ персонъ: то для лучшаго утверженія, чтобы впредь конфузіи не было, доложить о томъ самому его императорскому величеству». Синодъ согласился. — 1-го декабря Теофакъ имѣлъ случай доложить объ этомъ Государю. Государь приказалъ слѣдовать то дѣло обще Синоду съ Сенатомъ, опредѣливъ къ тому изъ обоихъ правительствъ по одной или по двѣ персоны.

Во исполненіе высочайшей воли, на конференціи Синода съ Сенатомъ 8-го декабря, назначены были отъ Сената графъ Толстой, князь Юсуповъ и оберъ-прокуроръ Библиковъ; отъ Синода — тверскій архіепископъ Теофилактъ, симоновскій архимандритъ Петръ и оберъ-прокуроръ Болтинъ. Слѣдованіе положено было производить и собранія имѣть при синодальной канцеляріи, въ особой аудіенцъ-камерѣ, начавъ съ 9-го декабря. Но болѣзнь и смерть Государя остановили на время ходъ этого дѣла.

VI.

Еофанъ. — Церковно-административные и ученые труды его.
Домовое хозяйство.

Еофанъ шелъ другой дорогой. Его призваніемъ была подмога Петру въ дѣлѣ преобразования Церкви и народа, и онъ понималъ и исполнялъ его, нещада ни трудовъ, ни усердія. Нужно ли Государю оправдать передъ народомъ и передъ свѣтомъ свой поступокъ съ Царевичемъ, отрѣшеннымъ отъ престола, онъ поручаетъ Еофану написать *правду воли монаршей*. — Нужно ли оправдать отміну патриаршества и учрежденіе, вмѣсто него, коллегіальнаго синодальнаго правленія, и онъ поручаетъ Еофану написать это

оправданіе съ изъясненіемъ его законности изъ каноническихъ правилъ и древнихъ церковныхъ примѣровъ.—Петру не нравится въ народѣ лицемѣріе, происходящее отъ непониманія истиннаго христіанскаго благочестія, и Феофанъ пишетъ, по его порученію, книгу противъ лицемѣровъ, съ изъясненіемъ духа истинной христіанской набожности.—Государя занимають раскольниковія дѣла: и Феофанъ пишетъ одно за другимъ объявленія и увѣщанія къ раскольникамъ.—Ни одной стороны его реформы, ни одного событія изъ его царствованія онъ не оставилъ безъ того, чтобы не изъяснить съ церковной кассидры ихъ пользы и значенія. Въ послѣдніе годы жизни Петръ рѣшается преобразовать монашество русское и самъ составляетъ планъ этого преобразованія. Феофанъ изъясняетъ законность этого преобразованія изъ самой исторіи монашества и церковныхъ правилъ.—Это только перечень сочиненій, написанныхъ Феофаномъ въ три-четыре года, и то неполный. Нѣкоторыя изъ его сочиненій составляютъ, по объему, цѣлыя книги. Говоря о духѣ ихъ надо признаться съ сожалѣніемъ, что Феофанъ примѣнялся къ произволу Монарха, забывая иногда святую правду и жертвуя истинною царегуодливостію¹⁾.

Мы пересмотримъ главнѣйшія его сочиненія и политическіе трактаты для того, чтобы ознакомиться ближе съ его дѣятельностію въ этотъ періодъ.

Правда воли монаршей.

Въ 1722 году 5-го февраля обнародованъ былъ актъ о престолонаслѣдіи въ русскомъ государствѣ. Государь предоставляетъ

¹⁾ «Духовный чинъ, — писалъ князь Щербатовъ, — который не любилъ Петра за отнятіе власти, гремѣлъ въ храмахъ Божіихъ панегирики ему. Между ними Прокоповичъ, который изъ духовенства, хотя не любилъ къ Государю не имѣлъ, но бывъ совершенно ослѣпленъ честолюбіемъ, яко въ другія царствованія ясно оказавъ, выпрепный свой голосъ на похвалы Государю возносить. Достойнъ онъ былъ многихъ похвалъ, но желательно бы было, чтобы они не отъ лести происходили, а похвалы Прокоповича, сего непостриженного монаха, сего честолюбиваго архіерея, жертвующаго законъ изволеніямъ Бирова, сего, яко не устыдился быть судьей Тайной канцеляріи, бывъ архипастыремъ церкви Божіей, были лестны, яко свидѣтельствуеетъ собственное его сочиненіе — Правда воли монаршей, памятникъ лести и подобострастія монашескаго изволенію государскому». (Пекарскаго, Наука и литература въ Россіи при Петрѣ великомъ Ч. II, стр. 575).

себѣ въ немъ свободу назначить своимъ преемникомъ того, кого найдетъ наиболѣе способнымъ, такъ что если молодой великій князь, внукъ его величества, будетъ вести себя не такъ, какъ слѣдуетъ, и если Государь со временемъ признаетъ его недостойнымъ россійскаго престола, то можетъ, единственно по собственному усмотрѣнію, избрать наслѣдникомъ своимъ, кого заблагоразсудитъ ¹⁾.

Въ объясненіе этого акта и въ оправданіе монаршаго произвола Феофанъ сочинилъ, по порученію Государя, огромный трактатъ, составляющій по объему цѣлую книгу подъ названіемъ: *правда воли монаршей*. Все содержаніе этой книги направлено къ тому, чтобы, на основаніи церковныхъ и гражданскихъ правъ и изъ примѣровъ церковной и гражданской исторіи, доказать, что Государь можетъ свободно назначить себѣ наслѣдника, не стѣняясь ни первородствомъ, ни вообще родствами. «По указу вашего величества — доносилъ Феофанъ Государю, бывшему въ астраханскомъ походѣ — который сказанъ намъ отъ преосвященнаго новгородскаго и Петра Андрѣевича Толстаго, книжица мною сочиненная, о правдѣ воли монаршей въ опредѣленіи своихъ по себѣ наслѣдниковъ, съ печати вышла, и чрезъ сію почту посылаются вашему величеству 10 экземпляровъ. Всеняжайше прошу, да благоизволитъ величество ваше извѣстить намъ волю свою: публиковать ли оную книжицу или удержатъ до дальней апробаціи. Москва, 24-го августа 1722 года ²⁾».

Въ 1722 году Правда воли монаршей была напечатана ³⁾; въ слѣдующемъ 1723 году повѣщено было объ изданіи ея за границей въ Лейпцигскихъ ученыхъ актахъ, гдѣ кратко изложено и все содержаніе книги съ очевиднымъ наклоненіемъ въ пользу нововзданнаго устава и съ оправданіемъ заботливости Государя о выборѣ достойнаго себѣ наслѣдника для управленія обширнѣйшею своею имперією ⁴⁾; а въ 1724 году она переведена на нѣмецкій языкъ и издана въ Берлинѣ.

¹⁾ Полное Собр. Зак. VI, № 3893. Берхгольца, Дневникъ, ч. II, стр. 91.

²⁾ Кабин. Дѣла, II, № 61, л. 107.

³⁾ Москва 1722 года, — одно изданіе гражданскимъ, другою церковнымъ шрифтомъ.

⁴⁾ Quantum Russorum Imperator in eligendo provinciis suis amplissimis digno

Но актъ Петра не только не обезпечилъ спокойствія въ государствѣ, напротивъ былъ причиною тѣхъ страшныхъ неурядицъ въ престолонаслѣдіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ правленіи государства, которыя волновали наше отечество въ продолженіе почти всего прошлаго столѣтія, отвлекая его отъ полезныхъ преобразований и строенія своей внутренней жизни. На этотъ актъ ссылались всякій разъ, когда надо было оправдать произволь въ перемѣнѣ правленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и «Правда воли монаршей» издаваема была нѣсколько разъ.

Исторія Петра Великаго.

Какъ Петра занимала мысль, чтобы, при слабомъ или недостойномъ преемникѣ, не погибли для народа его дѣла, такъ озабочивало его опасеніе, чтобы не помрачилась для народа память его дѣлъ. Теофанъ, входившій во всѣ думы и заботы Государя, не могъ отнестись безучастно и къ этой его заботѣ. Въ 1722 году 24-го августа онъ писалъ къ Государю, бывшему въ астраханскомъ походѣ: «что, присланнымъ нынѣ вашего величества указомъ, въ достопамятной славныхъ вашего величества дѣлъ исторіи пополнить мнѣ, нижайшему вашему богомольцу, повелѣно, то дѣломъ исполнить усердно тщуся». Извѣданная работа дала ему опытъ и случай предложить Государю совѣтъ относительно собранія матеріаловъ для исторіи текущихъ событій астраханскаго

---

herede et successore operam hucusque diligentiamque navarit, novis e Russorum regione ad nos adlatis edocti aliquoties sumus. Idem et hic libellus demonstrat, cujus in fronte statim Russorum Imperatoris edictum legentibus sese offert illud, quod contra Filium Principem die v. febr. anno 1722 Preobraschii conceptum, Moscuaeque tipis mandatam et die xi promulgatum est... Falli eos et fallere, qui in successione bene ordinanda jus primogeniturae semper spectandum esse sibi persuadeant, cum potius virtus sit spectanda... Ad quam sententiam corroborandam varia subinde argumenta et rationes ex legibus sacris aequae ac civilibus Romanorum affert noster, easque exemplis paullo uberius ex historia sacra civili-que illustrat... Ex his omnibus breviter hic repetitis argumentis colligit autor vel unum illorum sibi sufficere probaturo, liberam Russorum Imperatori esse potestatem in eligendo successore herede sive ex filiis nepotibusue, sive ex cognatis, sive alia stirpe. (Acta Erudit. Lipsiae. 1728 an. mensis Aug. p. 848—853).

похода. «А понеже оная исторія не безтрудно собиралася и не безъ того, чаю, что нныя славныя и знаменитыя дѣла, невѣдѣніемъ или небреженіемъ журналистовъ, и безъ описанія оставлены суть: того ради пришло мнѣ нынѣ на мысль, дабы нынѣшной вашего величества походъ обстоятельно былъ описанъ, и что гдѣ знатное и къ исторіи достойное случится, не оставлено бѣ было, но все бы записывано съ надлежащими обстоятельствомы. А удобный къ тому способъ видится мнѣ сей, чтобы повелѣно было наблюдать всѣхъ сихъ случаевъ и дѣйствъ адъютантамъ, или кому то наипаче прочихъ свойственно-есть, и наблюдая вся сія записывать имъ, или объявлять опредѣленнымъ на то собственнымъ журналистамъ, и тѣ записки сообщались бы обрѣтающемуся при вашемъ велиествѣ въ ономъ походѣ, Лаврентію архимандриту воскресенскому, который содержать сіе можетъ и записывать будетъ безъ всякаго украшенія простымъ стилемъ, изъ чего можно будетъ, своимъ временемъ, и съ украшеніемъ исторію сію собрать, которая не забытой памяти достойна есть. О чемъ всепокорно мнѣніе мое предложивъ, предаю въ разсужденіе Государя моего милостивѣйшаго ¹⁾».

Нѣтъ сомнѣнія, что исторія, о которой упоминаетъ Оеофанъ въ своемъ донесеніи Государю, есть та самая «исторія императора Петра Великаго отъ рожденія его до полтавской баталии», которая въ 1773 и 1788 гг. издана была княземъ Щербатовымъ, съ именемъ Оеофана, какъ ея сочинителя. Но точно ли Оеофанъ былъ авторомъ исторіи, напечатанной съ его именемъ? Оригинальная рукопись, съ которой напечатана была эта исторія княземъ Щербатовымъ, до сихъ поръ цѣла и хранится въ Государственномъ архивѣ. Изъ разсмотрѣнія ея оказывается, что въ самомъ началѣ ея помѣщено нѣсколько замѣчаній, писанныхъ неизвѣстною рукою, съ собственноручнымъ мнѣніемъ противъ нихъ Оеофана. Вотъ эти замѣчанія: «1) въ исторіи по нынѣшнему случаю лучше переправить реляціи о дѣйствіяхъ, гдѣ самъ Государь присутствовалъ, журналомъ его собственнымъ; 2) а въ журналѣ писать лучше — мы; а что писано прежде — Государь российский или царское величество, то оставить, а выяснить величе-

¹⁾ Кабин. Дѣла, II, № 61, л. 103.

ство и дѣла его государевы въ предисловіи; 3) а гдѣ не въ бытіи его что дѣлалось, то переправить такимъ образомъ, что писалъ къ намъ генералъ тотъ-то именемъ и потомъ дѣло; 4) договоры, трактаты и прочія приложенія въ концѣ подъ буквами, а наряду по числамъ только означить кратко.

Противъ этихъ замѣчаній слѣдуетъ собственноручное мнѣніе Феофана Прокоповича.

«На первый и второй пункты мое нижеименованнаго мнѣніе. Не кажется мнѣ быть лучше, да (бы) Історія писана была отъ лица государева, вѣтъ ради слѣдующихъ:

1) Что кто и самъ о себѣ пишетъ повѣсть, то (по множайшимъ честнѣйшихъ таковыхъ авторовъ обычаемъ) пишетъ не въ первомъ лицѣ — я или мы, но въ третьемъ, чего имѣемъ образы и примѣры, какъ въ священномъ писаніи въ книгахъ Исхода, Левитъ, Числъ и Второзаконія, которые Моисей писалъ: не говорятъ о себѣ Моисей въ своемъ лицѣ, но аки бы иной нѣкто. Такожъ Матеевъ и Іоаннъ евангелисты — въ Евангеліяхъ своихъ, гдѣ рѣчь имъ есть о себѣ самихъ. А изъ историковъ внѣшнихъ, Іулій Цесарь дѣла свои описуя, пишетъ въ третьемъ лицѣ, напримѣръ: Цесарь повелѣлъ (Цесарь устроилъ воинство и проч.).

2) Самому себѣ въ своемъ лицѣ оказывать дѣйствія славныя непристойно: напримѣръ о присутствіи государевѣ на баталіи пристойно такъ писать: (тогда и самъ Петръ великое показалъ мужество, ибо въ самомъ томъ огнѣ неотступно подвизался и проч.), чего говорить первымъ лицемъ (тогда и мы показали мужество и проч.) неприлично.

3) Несочиненное Государемъ слово писать подъ его лицемъ, и то кажется не нужно: еслижъ правдивое его величества сочиненіе есть, то тому быть пристойно. Феофанъ архіепископъ новгородскій.

4) Еще же и сіе на мысль приходитъ, что иногда бываетъ въ повѣствованіи отъ забвенія погрѣшеніе: какъ напримѣръ, объ одной арменіи первѣе напечатано, что было вонска 40,000, а послѣ 20,000: и таковыя погрѣшенія отъ лица монаршаго ска- (занные) были бы противъ высокой чести его.»

За этимъ мнѣніемъ помѣщенъ текстъ рукописи на 194 листахъ, съ поправками на первыхъ 20 листахъ Феофана Прокоповича, а съ 21-го листа — неизвѣстно чьими. Поправки Феофана

вообще не очень значительныя, касаются частію содержанія; на-примѣръ листъ 14 о началѣ флота: «Зри. Справиться надобѣ, когда на ботикъ налучилъ Государь, прежде или по взятіи Азова и проч.»; — но главнымъ образомъ слога — измѣненія словъ и оборотовъ изъ церковно-славянскаго языка на русскія.

Вообще ни наружный видъ рукописи, ни собственноручныя поправки и замѣтки Теофана на первыхъ листахъ ея, нисколько не убѣждаютъ въ томъ, чтобы эта исторія была сочиненіемъ Теофана. Онъ просматривалъ и поправлялъ ее по порученію Государя, какъ просматривалъ, исправлялъ и дополнял многія другія сочиненія и переводы, присылаемыя ему Государемъ для прочтенія и исправленія ¹⁾.

Поэтому несправедливо ставить ему въ укоръ и недостатки этой исторіи, отнесенные на его счетъ издателемъ этой исторіи, княземъ Щербатовымъ (Исторія Петра Великаго. Москва 1788 г., стр. 162) и историкомъ Петра — Устряловымъ (Исторія Петра Великаго, соч. Н. Устрялова, Т. I, стр. XXXI ²⁾).

О блаженствахъ противъ ханжей и лицемѣровъ.

Петръ былъ непримиримымъ врагомъ лицемѣрія и ханжества; а между тѣмъ видѣлъ въ народѣ чрезвычайное развитіе этого порока, прикрывающагося набожностію. Разумѣется, не было и не могло быть другаго способа къ искорененію его, кромѣ наставленія, образованія народа. Государя давно занимала мысль — составить такую книгу, въ которой бы, съ обличеніемъ лицемѣрія, предлагалось наставленіе о правильномъ благочестіи. Въ Меморіяхъ

¹⁾ Въ 1722 г. 24-го дек., Государь, бывши въ Синодѣ, приказалъ перевести на русскій языкъ книгу Аполодора Аѳинскаго (ок. 140 г. до Р. Хр.) о началѣ боювъ. Синодъ поручилъ переводъ ея Барсову. По окончаніи перевода, 19-го февраля 1723 г., Государь приказалъ написать къ ней «предисловіе» и на концѣ «объясненіе изъ христіанскихъ писаній, какъ язычники прежде познанія христіанскаго благочестія въ невѣрствѣи своемъ заблуждали и какихъ боговъ имѣли». Теофанъ написалъ то и другое — предисловіе и объясненіе. (Типогр. дѣла архива св. Синода, 1722 г. № 12). — Точно также въ 1720 г. написано имъ предисловіе къ Морскому Уставу.

²⁾ Десятое присужденіе Уваровскихъ премій. Отзывъ о сочиненіи г. Чистовича — Теофанъ Прокоповичъ, составл. академ. Пекарскимъ.

или памятныхъ листкахъ Государя записано не одинъ разъ: «чтобы написать книгу о ханжахъ, изъяснить блаженство, (кротость Давидову и проч.), что не такъ, какъ они думаютъ, и приплести къ требникамъ. А въ предисловіи явить то дѣльцомъ Ростовскаго съ товарищи ¹⁾».

«Вытолковать, что всякому исполненіе закона есть спасеніе, а не монашество, какъ въ Регламентѣ духовномъ объявлено» ²⁾. Чтобъ требники переправить и въ нихъ кратко положить, что есть путь спасенія, яко 10 заповѣдей и три главныя добродѣтели и прочее, и чтобъ отцы духовные спрашивали прежде исповѣди (понеже тогда времени нѣтъ): умѣютъ ли они то и знаютъ ли силу того? А не хуже, чтобъ у каждаго такая книжка была, и когда придетъ постъ, чтобъ повиненъ всякій предъ отцомъ духовнымъ, буде не наизустъ, хотя по книгѣ смотря, сказать онаго» ³⁾.

Онъ самъ составилъ программу этого сочиненія, въ которой сдѣлалъ коротенькій обзоръ десяти заповѣдей и, не нашедши между ними заповѣди, запрещающей лицемѣріе, показалъ, что оно запрещается всѣми заповѣдями, потому что содержитъ въ себѣ грѣхи противъ всѣхъ заповѣдей.

Вопросъ. Описавъ всѣ грѣхи противъ заповѣдей, одинъ токмо нахожу грѣхъ лицемѣрія или ханжества не обрѣтающійся между прочихъ вышписанныхъ, что зѣло удивительно — чего для?

Отвѣтъ. Того ради, понеже заповѣди суть разны, и преступленія разны — противъ каждой; сей же грѣхъ всѣ вышписанные въ себѣ содержитъ, и такой онъ есть, что иной грѣхъ не можетъ въ себѣ имѣть его, хотябъ и хотѣлъ, а сей зѣло удобно всѣ имѣеть.

Вопросъ. Како сей грѣхъ всѣ грѣхи въ себѣ содержитъ, а нѣмъ не могутъ сего имѣть и которые?

Отвѣтъ. Противъ первой — грѣхъ есть атеистство, который въ ханжахъ есть фундаментомъ, ибо первое ихъ дѣло — сказывать видѣнія, повелѣнія отъ Бога и чудеса, все вымышленныя,

¹⁾ Каб. Дѣла, Отд. I, кн. 31, стран. 239.

²⁾ Каб. Дѣла, Отд. I, кн. 31, стран. 58.

³⁾ Каб. Дѣла, Отд. I, кн. 31, стран. 58.

которыхъ не бывало; и когда сами оное вымыслили, то вѣдаютъ уже, что не Богъ то дѣлалъ, но они; какая жъ вѣра въ оныхъ? А когда оной нѣтъ, то суть истинные атеисты.

Противъ второй — страха Божія не имущи. О семъ же и толковать не надобно, понеже-де когда глугъ на Бога, какой уже страхъ Божій обрѣстися можетъ.

Противъ третьей — сія равна второй; ктомуужъ прилагается: святы его, сирѣчь, молися, ибо 6 дней тебѣ дано на дѣло, а седьмой на молитву; молитва же отъ ханжей пріятналь Богу, которая въ живыхъ чудесахъ и фарисейскихъ мечтахъ и атеистовскою совѣстію исполнена.

Противъ четвертой. Можетъ быть, что натуральныхъ отцовъ нѣкоторые и почитаютъ (но сіе на удачу), но пастырей, иже суть вторые по натуральныхъ отцы, отъ Бога опредѣлены, какъ почитаютъ, когда первое ихъ мастерство въ томъ, чтобъ по послѣдней мѣрѣ ихъ обмануть, а вяще тшчатся бѣдство имъ приключить подчиненныхъ пастырей обоганіемъ у вышнихъ, а вышнихъ — всѣяніемъ въ народѣ хульныхъ про оныхъ словъ, подвигая ихъ къ бунту, какъ многихъ головы на колыяхъ свидѣтельствууютъ.

Противъ пятой — не убіеши. О семъ всякъ изъ 4-го отвѣта можетъ выразумѣть, что оружіемъ не такъ скоро человѣка погубить мочно, какъ языкомъ; и который на свѣтѣ разбойникъ столько можетъ людей погубить, какъ заводчикъ бунта, о чемъ въ 4 отвѣтѣ ясно изображено; а все то чинятъ образомъ святыни, подъ видомъ агнца, прикрывся его кожею.

На шестой — не прелюбы сотвори. Какъ бы могъ мужъ незнаемаго человѣка къ женѣ допустить, а особливо бодрога и хорошаго? А ханжу еще и подъ руку принявъ отведеть для благословенія и пророчества и, провожая назадъ, руки выщѣлуеть и наклоняется, считая за великую себѣ добродѣтель (что такою адскаго сына въ свояки себѣ принялъ).

На седьмую — не укради. Не токмо одною рукою, но духомъ и обѣими все крадутъ.

На осьмую — не послушествуй ложно. Да въ семъ ихъ и мастерство состоитъ, какъ выше писано.

На девятую и десятую — не пожелай чего ни есть ближняго твоего. Сіе все безъ разбору, понеже чѣмъ бы имъ шгаться?

Какъ слѣдуетъ, скажутъ, что явилась икона гдѣ въ лѣсу или на иномъ мѣстѣ, и явленіе было, чтобъ на томъ мѣстѣ монастырь сдѣлать или пустыню, а монастырю безъ деревень быть нельзя, какъ недавно такое дѣло было въ Преображенскомъ, что два крестьянина пришли и сказали такое явленіе, чтобъ построить монастырь и господина ихъ деревню тутъ отдать. — И тако сей грѣхъ всѣ въ себѣ содержать, а изъ грѣховъ прочихъ не каждый можетъ, напримѣръ: колибъ разбойникъ сталъ ханжить, ктобъ его въ артель принялъ? Когдабъ кто изъ шумницъ, кто пришелъ на кабакъ святымъ образомъ, и не сталъ бы пить и шалить съ ними, всѣ бъ отъ него побѣжали. Когдабъ охотникъ молодой до венуса приполъ бы въ компанію дѣвицъ въ ханжескомъ образѣ, ни у одной бы дружбы не сыскалъ. Когдабъ тать такъ себя учинилъ, товарищей бы не нашолъ, понеже чаяли бъ, что ихъ искушаетъ. И тако не всякой грѣхъ можетъ ханжество употреблять при своемъ, а ханжа — все. Наконецъ Христось Спаситель ничего апостоламъ своимъ бояться не велѣлъ, а сего весьма велѣлъ: *блюдитесь, рече, отъ кваса фарисейска, еже есть лицемѣріе* ¹⁾.

По этой программѣ, Петръ поручилъ Теофану составить пространное изложеніе христіанскаго ученія и благочестія, съ направленіемъ его противъ ханжей и лицемѣровъ. Теофанъ написавши, представилъ его Государю, бывшему въ ту пору въ астраханскомъ походѣ. Государь отвѣчалъ 13 іюля, 1722 года: «книгу о блаженствахъ всю челъ, которая зѣло изрядна и прямой путь христіанскій; только надлежитъ предисловіе сдѣлать, въ которомъ разныя толкованія неправыя ханжевскія всѣ выяснитъ, дабы читающій перво свой порокъ узналъ и потомъ пользу прямую и истинную. Такожъ въ концѣ силу всей книги зѣло короткою выпискою безъ толку (понеже онъ уже выше писанъ) положить, дабы могъ на память оное имѣть, понеже всей книги на память не возможно имѣть и, сочиня сіе, напечатать до возвращенія нашего» ²⁾.

¹⁾ Кабин. Дѣла, I, № 31, л. 35—44.

²⁾ Кабинет. Дѣла, II, кн. 62, стр. 795. На концѣ государева письма прибавлено: «также и того, что хотѣли исправить въ исповѣдникъ. Также, чтобъ какъ архіерей, такъ по монастырямъ и прочимъ мѣстамъ церкви не дѣлали

Кажется къ этому же сочиненію относится собственноручная замѣтка Государя, сохранившаяся въ Кабинетныхъ бумагахъ: «Впереди напечатать. Понеже многія пути спасенія не вѣдаютъ и званіе свое ни во что ставятъ, но еще и суетѣ сего міра, а не точію Божию опредѣленію приписуютъ, что и пословица есть, кто пострижется — говорятъ — работалъ земному царю, а нынѣ пошелъ работать Небесному; ктому же ханжи толкуютъ розно, иные: ежели не покинешъ міра, не будешь чернецъ, не спасешься; иные: надобно по вся дни всю службу церковную слушать, или по двѣ или по три обѣдни на день; иные, когда кому въ путь ѣхать, напередъ голоса въ два или три и болѣе выговариваютъ церковную службу напередъ; иные многіе поклоны и правила, оставя врученное имъ дѣло и домоуправленіе, дѣлаютъ, полагая въ томъ спасеніе»¹⁾.

Въ томъ же 1722 г. книга о блаженствахъ напечатана была съ краткою, на концѣ выпискою, существенныхъ ея положеній, для заучиванья на память.

Каноническія сочиненія.

Розыскъ историческій, коихъ ради винъ и въ яковомъ разумѣ были и нарицаются императоры римскіе, какъ языческіе, такъ и христіанскіе, понтифексами или архіереями многобожнаго закона. А въ законѣ христіанствѣ христіанскіе государи могутъ ли нарецися епископы и архіереи и въ какомъ разумѣ? Спб. 1721. «Сему историческому розыску вину подалъ случившій между нѣкоторыми любопытными разговоръ, понеже нѣкіихъ было мнѣніе, будто христіанскіе цари нарицаются понтифексами или архіереями христіанскаго закона, такожь и великій Константинъ нареченъ былъ епископъ христіанскій въ томъ разумѣ, въ которомъ нарицаются церковносвященства управители; того ради честному сему любопытству послужилъ Θεοφάνъ, послѣдуя прямую историческую истину». Результатъ изслѣдованія состоитъ въ томъ, что христіанскіе государи имѣютъ право на управленіе дѣлами Церкви, но что имъ неподобаеть самимъ отправлять боже-

---

безъ указу изъ Синода, понеже сами извѣстны, какое то небреженіе славѣ Божіей въ лишнихъ церквахъ и множествѣ поповъ».

¹⁾ Кабин. Дѣла, отд. I, кн. № 31, стр. 34.

ственную службу. «Пѣти же царю и гѣнія церковная слагать (ибо и сіе гѣнці въ дѣло священства царю поставляютъ) есть знаменіе храмолубія и смиренія царскаго, а не чина священнаго».

Разсужденіе св. Синода о бракахъ правоверныхъ съ иностранными. Спб. 1721. Съ 1781 г. печатается при Духовномъ регламентѣ¹⁾.

Мысли о правильномъ разводѣ мужа съ женою. Поводомъ къ этому мнѣнію было начавшееся въ 1721 г. бракоразводное дѣло А. Г., урожденной Долгоруковой, съ кравчимъ В. Θ. Салтыковымъ. Теофанъ писалъ, что «разводъ есть сугубый: одинъ несовершенный, или временное разлученіе супруговъ сожитіемъ, но не союзомъ, на основаніи 1-го посланія ап. Павла къ Кориню. гл. VII, и другой совершенный, когда супруговъ разлучаютъ не отъ сожитія только, но и отъ закона союза супружескаго. Единственнымъ поводомъ къ этому разводу можетъ быть только прелюбодѣяніе одного изъ супруговъ. — «Равно ли какъ мужъ съ женою за ея прелюбодѣяніе, такъ жена съ мужемъ за его прелюбодѣяніе развестися можетъ совершеннымъ разводомъ? Нѣдци неравенство держать и тоцію мужевн дають власть отпустить жену за ея прелюбодѣяніе, а женѣ съ мужемъ разлучатися за мужнее прелюбодѣяніе не попускають». Но Теофанъ находитъ это несправедливымъ. «Когда невинное лице, отъ супружества отрѣшенное за прелюбодѣяніе другаго, получило свободу къ новому браку: чтѣ тогда дѣлать съ лицомъ виноватымъ? Попустить ли и ему искать новаго брака? Вопросъ сей мѣста не имѣетъ тамъ, гдѣ прелюбодѣевъ казнятъ смертію, какъ и въ Ветхомъ Завѣтѣ дѣялося; но гдѣ милостивѣйшій на таковыхъ судъ положенъ и оныхъ, по нѣкоемъ тѣлесномъ наказаніи, жити оставляють, тамъ сей вопросъ зѣло трудный есть». Теофанъ полагаетъ, что «и виноватому лицу, хотя не скоро и съ трудностію, однакожъ можно попустить свободу къ новому браку, потому что и виноватое лице, по совершенномъ разводѣ, ни къ кому долгомъ супружества не привязано; супругъ, прелюбодѣйный въ первомъ супружествѣ, можетъ быть вѣрнымъ во второмъ; лишенный же права на вступленіе въ новый бракъ, непрестанно будетъ въ опасности грѣха блуднаго». Впрочемъ онъ полагаетъ «дѣлать это съ трудностію и не скоро, чтобы не вошло

¹⁾ Полн. Собр. Закоп. VI, № 3,914.

Сборникъ II Олд. Н. А. Н.

между супругами безстрашіе прелюбодѣйства и нарочное поисканіе разводовъ». Для этого онъ полагалъ бы «наказывать виновное лицо жестоко на тѣлѣ или на чести судомъ гражданскимъ; подвергать публичной церковной эпитиміи; не допускать брака, пока несчитается бракомъ невинное лицо».—Въ одно время съ Теофаномъ подагъ мнѣніе по тому же вопросу Аванасій Кондонди. Соглашаясь съ Теофаномъ въ томъ, что и жена можетъ требовать развода съ мужемъ, онъ полагаетъ, что жена можетъ заявить это требованіе не токмо за прелюбодѣяніе мужнее, но-и за біеніе.

Сочиненія противъ раскола.

Весьма важную часть распоряженій духовнаго и гражданскаго правительства этого времени составляютъ распоряженія о раскольникахъ. Въ Синодѣ образовано было даже особое отдѣленіе по раскольниковымъ дѣламъ и поручено ближайшему наблюденію тверскаго епископа Теофилакта. Но важныя дѣла восходили на общее разсужденіе св. Синода и рѣшались въ общемъ его собраніи.

Теофанъ, не оставлявшій ни одного важнаго дѣла безъ того, чтобы не осмотрѣть и не обдумать его со всѣхъ сторонъ, принималъ въ раскольническихъ дѣлахъ постоянное участіе. Онъ написалъ нѣсколько увѣщаній къ раскольниковымъ, которыя разосланы были отъ Синода въ видѣ объявленій или указовъ. Таковы:

Упещаніе къ раскольниковымъ, чтобы они безбоязненно явились въ Синодъ для разсужденія о своихъ сомнѣніяхъ, 1722 г. ¹⁾

Объявленіе съ упещаніемъ отъ Синода о прудержателяхъ, неразсудно на мученіе держащихъ ²⁾. Поводомъ къ этому увѣщанію было упорство нѣкоторыхъ раскольниковъ, охотнѣе подвергавшихся наказанію, нежели перемѣнѣ одеждъ и стриженію волосъ. Св. Синодъ предписалъ священникамъ читать это объявленіе по церквамъ въ воскресные и праздничные дни разъ въ мѣсяцъ, а во время ярмарокъ, когда бываетъ большое стеченіе народа, и предъ церквами во всеуслышаніе.

Ототы на предложенныя изъ Приказа церковныя дѣла

¹⁾ Полн. Собр. Зак. т. VI, № 3891.

²⁾ Тамъ же № 4058. Въ это объявленіе, по свид. и. Евгенія, вошла часть вышеупомянутаго нами трактата о мученичествѣ.

писаны о записныхъ и не записныхъ раскольникахъ (Москва, 1722 г.)

Въ 1723 году Теофанъ написалъ, по высочайшему повелѣнію, *Разсужденіе о поливательномъ крещеніи* (Спб. 1724 г.), въ которомъ защищаетъ, противъ раскольниковъ, силу поливательнаго крещенія наравнѣ съ погруженіемъ. Впрочемъ Теофанъ подвергся за это укоризнамъ со стороны нѣкоторыхъ церковныхъ писателей.

Утѣшаніе отъ св. Отнода неспѣждамъ (раскольникамъ). Спб. 1725 г. (Полн. Собр. Зак. VII, № 4635).

Проповѣди.

Выставляя на видъ выгоды преобразованій и нововведеній, вводимыхъ Петромъ въ русскую жизнь, Теофанъ говоритъ о нихъ, съ церковной каѳедры, цѣлыя политическія рѣчи.

Въ одной изъ нихъ, въ 1716 году, онъ сравниваетъ состояніе новой, преобразованной Россіи, съ древнею, до-петровскою и не находитъ похвалъ новому ея состоянію. «Кто не видитъ, о Россіане, насъ нынѣ такъ счастливыхъ, такъ блаженныхъ, такъ благополучныхъ быти сподобляемыхъ всещедрными къ намъ милостынями Вышняго?»— Не рѣшаясь описывать всѣ великія дѣла Государя, проповѣдникъ, летя по слѣдамъ славы его, предположилъ указать только на нѣкоторыя, выдающіяся ярче другихъ. «Но здѣ предлежитъ намъ сугубый путь гражданскаго и воинскаго правительства. Въ который первѣе устремимся? Пойдемъ первѣе въ гражданскій, яко домашній; воинскій бо за предѣлы отечества ведетъ. А здѣ да предстанетъ намъ свидѣтельство памяти всенародныя, память же не престарѣлыхъ людей, но не далеко за двадесять лѣтъ вспять заходящая. Что бо была Россія прежде такъ не долгаго времени и что есть нынѣ? Посмотримъ ли на зданія? На мѣсто грубыхъ хижинъ наступили палаты свѣтлыя, на мѣсто худаго хвастія дивныя вертограды. Посмотримъ ли на градскія крѣпости? Имѣемъ таковыя вещи, каковыхъ и фигуръ на хартіяхъ прежде не видѣли и не вѣдали. Воззримъ на сѣдалища правительскія? Новый сенаторовъ и губернаторовъ санъ, въ совѣтахъ высокій, въ правосудіи неумытный, желательный добродѣтелѣмъ, страшный злодѣяніямъ. Отверземъ статіи и книги судейскія? Колюко лишнихъ отставлено, колюко здравыхъ и нужнѣйшихъ прибыло вновь? Уже и

свободныя ученія полагають себѣ основанія, идѣже и надежды не имѣяху; уже ариѳметическія, геометрическія и прочія философскія искусства, уже книги политическія, уже обоей архитектуры хитрости умножаются. — Что же речемъ о флотѣ воинскомъ? Многая минувшя, едино главнѣйшее изречемъ. На таковой сей, трудный, новый, преславный заводъ недовольно было никое же имѣніе, ни лѣсы дубравныя, ни труды дѣлателей. Потребно было оруженоснымъ симъ ковчегамъ мѣсто и поле теченію ихъ подобающее: инакобы все суетно было. Здѣ же кто не видитъ, что державѣ российской подобало простретися за предѣлы земныя и на широкія моря пронести область свою. Купилъ намъ тое Самодержецъ нашъ не серебромъ купеческимъ, но марсовымъ желѣзомъ. Се уже единою ногою (Россія) на землѣ, другою же стоитъ на морѣ, дивна всѣмъ, всѣмъ страшна и славна. А ты новый, новоправствующій граде Петровъ, не высокая ли слава еси фундактора твоего? Идѣ же на помыслъ кому бытъ жительства человѣческаго, достойное вскорѣ устроися мѣсто престолу царскому. Но еще побѣжимъ въ слѣдъ его воинскій — и здѣ точію имена вещей нѣкихъ вспомнати можемъ. Еще отроческою рукою разори Казикермень, разруши Азовъ; возъяренъ же неправеднымъ терзаніемъ Льва свѣйскаго, коль много отсѣче градовъ и крѣпостей здѣ въ Ингрии, въ Ливоніи, въ Помераніи, въ Корелии, въ Финляндіи и въ чужихъ гнѣздахъ крыющася обрѣте, въ Митавѣ курляндской и Ельбингѣ прусскомъ; дерзнувшя же встрѣтитися на полѣ ратномъ, преславно побѣди подъ Калишемъ, на Черной Нагѣ, подъ Пропойскомъ, подъ Полтавою. Но и иныя побѣды прочія пространныхъ проповѣдей достойныя суть¹⁾. — Воспоминаніе полтавской побѣды въ 1717 г. дало ему случай изобразить величіе воинскихъ дарованій, славу побѣдъ и пользу приобрѣтеній Петра для Россіи²⁾.

Въ привѣтственной рѣчи Государю, по случаю возвращенія его въ Россію изъ путешествія, и въ слѣдующей за тѣмъ проповѣди 23 октября 1717 г., Оеофанъ описываетъ пользу этого путешествія для Государя и для Россіи. «Странствованіе дивно объясняетъ разумъ къ правительству и есть тое лучшая и живая чест-

¹⁾ Слова и рѣчи Оеофана, ч. I, Спб. 1760 г., стр. 99—119.

²⁾ Тамъ же, стр. 148 и слѣд.

ныя политики школа. Предлагаетъ бо не на хартіи, но въ самомъ дѣлѣ, не слуху, но самому видѣнію обычая и поведенія народовъ; дѣянія, промыслы, совѣты, суды, нравы и правительства образы. Особенно же дѣламъ военнымъ изрещи трудно, какъ изрядно обучаетъ странствованіе. Молю, да не въ грѣхъ мнѣ поставитъ кто, что о вещи, моему разсужденію не подлежащей, воспоминати дерзаю¹⁾». Въ 1720 г. по случаю воспоминанія полтавской побѣды, Теофанъ говоритъ, въ присутствіи Государя, похвальное слово о флотѣ російскомъ²⁾. Въ 1721 г., по случаю заключенія мира между Россіей и Швеціей, описываетъ силу бывшаго непріятели, мудрость и мужество Царя, величіе побѣды и выгоды пріобрѣтеннаго мира³⁾.

Не было ни одного событія въ государствѣ, котораго Теофанъ не сдѣлалъ бы предметомъ проповѣди и не изъяснилъ народу его значенія.

С. Петербургская семинарія.

Распространя государство силою оружія, Петръ I въ то же время хотѣлъ просвѣтитъ и образовать его посредствомъ ученія и науки. Извѣстны заботы и распоряженія Государя объ учрежденіи народныхъ и спеціальныхъ училищъ. Духовенство, стоящее впереди народа и руководствующее его въ нравственной жизни, тѣмъ болѣе обращало на себя вниманіе Государя.

При учрежденіи Синода предположено было учредить Академію или семинарію для приготовленія достойныхъ пастырей Церкви. Въ Духовномъ регламентѣ (въ статьѣ — дома училищныя) изложены правила для этого учрежденія. Съ этихъ поръ учрежденіе Академіи было постояннымъ предметомъ заботъ Государя. Теофанъ въ этомъ дѣлѣ былъ тѣмъ заботливѣйшимъ исполнителемъ его желаній, что они совпадали съ его собственными.

Въ 1721 г. Теофанъ подавъ въ Синодъ доношеніе слѣдующаго содержанія. «Въ Регламентѣ правительствующаго Синода поло-

¹⁾ Слова и рѣчи Теофана, ч. I, Спб. 1760 г., стр. 175 и слѣд.

²⁾ Слова и рѣчи Теофана, ч. II, Спб. 1761 г., стр. 45 и слѣд.

³⁾ Тамъ же, стр. 71 и слѣд.

жено быть при царствующемъ С. Петербургѣ семинаріи, то есть училищному отроческому дому: и царское величество объявилъ чрезъ своего кабинетнаго-секретаря г. Макарова свое о начинаніи дѣла того благоволеніе, и подворье, на которомъ нынѣ его государева куншткамера, отдать на построеніе дому того намѣренъ. Прошу вашего святѣйшества подать о семъ доношеніе царскому величеству отъ всего Синода, дабы сіе гдѣто безъ начатія строенія помянутаго не прошло». — 15-го марта св. Синодъ представилъ объ этомъ докладъ Государю, съ приложеніемъ составленнаго Феофаномъ проекта училищнаго дома. «Искалъ я, — писалъ Феофанъ въ этомъ проектѣ¹⁾, — какъ могъ, прилежно мѣста, угоднаго къ построенію семинаріи». Но изъ всѣхъ мѣстъ, какія онъ осмотрѣлъ, самымъ удобнымъ оказалось то, гдѣ стоялъ домъ, бывшій Кикина, въ которомъ тогда помѣщалась Кунстъ-камера, (около Смольнаго двора, противъ Охты). Феофанъ предполагалъ присоединить къ нему и бывшее тутъ же рядомъ подворье троицкаго сергіева монастыря. Замѣчательно мнѣніе его о присканіи учителей: «не каковыхъ ни есть, но изрядныхъ и свидѣтельствованныхъ учителей надобѣ, которыхъ призвать бы изъ академіи иноземныхъ, съ свидѣтельствомъ знатныхъ школьныхъ и гражданскихъ властей. И ненадобѣ опасаться, дабы оныя дѣтей нашихъ не совратили къ своей богословіи, ибо мощно имъ артикулами опредѣлить, чего оныя учить будутъ должны и надсматривать, не учать ли нѣчто, нашему исповѣданію противное. И если не опасаются господа русскіе посылать дѣтей своихъ въ академіи иноземскія, гдѣ учителя свободно свои мнѣнія предлагаютъ; то для чего бы опасаться у насъ, гдѣ они артикулами и надсмотрѣніемъ аки связаны будутъ». Феофанъ предлагалъ назвать академію *Петровъ Сады* или *Петеръ-Гартенъ*, въ память о великомъ фундаторѣ, какъ и многія училища и самая афинская академія наречены отъ своихъ фундаторовъ.

31 іюня Сенатъ сообщилъ вѣдѣніемъ Синоду, что «хотя для семинаріи назначенъ домъ каменный на берегу Невы рѣки, гдѣ нынѣ Куншткамера, но оный еще вскорѣ не учинится, а который

¹⁾ Кабин. Дѣла II, № 57, л. 1—5. Напечатанъ у Пекарскаго: Наука и Литература въ Россіи при Петрѣ В. Ч. I; стр. 561—564.

домъ на Куншткамеру дѣлается на Васиьевскомъ острову, еще не отдѣланъ, а ученикамъ (которыхъ собрано у псковскаго архіепископа человекъ до 20) жить негдѣ; того для его величество указалъ, для ученія оныхъ, отдать нынѣ на время домъ б. п. государыни царевны Екатерины Алексѣевны, который подлѣ двора псковскаго архіепископа; а буде тотъ домъ занять изъ артиллеріи поклажею, и для того велѣтъ очистить столько свѣтлицъ, чтобъ возможно было жить ученикамъ — человекамъ пятидесяти.

Феофанъ, между тѣмъ, представилъ Государю рисунокъ училищнаго дома. Государь самъ разсматривалъ рисунокъ, и потомъ приказалъ Макарову описать въ Сводѣ, чтобы приказали заблаговременно заготовлять матеріалы; вмѣстѣ съ тѣмъ подтвердилъ свой прежній указъ, чтобы, для временнаго помѣщенія семинаріи, очистить нѣсколько свѣтлицъ въ домѣ царевны Екатерины Алексѣевны.

Сводъ подалъ Государю докладъ о матеріалахъ; а Феофанъ писалъ о немъ Макарову: «посылаю при семъ опись, какую написалъ архитектъ, кое число кирпича, извести и прочіихъ матеріаловъ требуетъ строеніе дому семинаристскаго, по написанномъ и похваленномъ чертежу. И сіе дѣло скорого указа государева и по оному своего начинанія требуетъ, дабы намъ безъ начинанія сего не пропустить лѣта, и за долгимъ отлагательствомъ не пошло бы дѣло въ забвеніе. А дѣла сего требуетъ и сама крайняя отечества нужда и польза царскому величеству; ибо въ дому училищномъ намѣряемомъ не только богословское имѣетъ быть ученіе чину церковному потребное, но, аще благоволитъ царское величество, будетъ и юриспруденція, къ лучшему произведенію судебныхъ дѣлъ. И чего съ трудностію и не малымъ издвигеніемъ предлежитъ дѣтей нашихъ обучать въ чужихъ сторонахъ, не лучше ли было бы учить того дома множайшее число учениковъ, и съ не великимъ коштомъ. Да дѣло же сіе потребно есть и къ совершенію славы царскаго величества. Превозшелъ его величество всѣхъ всего свѣта государей храбростію, мудростію, тѣпаніемъ и происшедшими отъ оныхъ добродѣтелей дѣлами: конечножь подобаетъ, дабы и въ заводѣ толь полезнаго ученія не остался отъ прочіихъ; понеже вся европейскія и малыя государства нарочитыя имѣютъ ученія и оными славятся.

А откудабъ коштъ взять на дому училищнаго построение, еще Синодъ, никакой казны не имѣя, не можетъ о томъ опредѣленія, учинить. Просимъ благородія вашего напоминуть царскому величеству опалыя деньги, и съ оныхъ не укажетъ ли Государь выдать число нѣкое къ нуждѣ сей? А слышали мы, что его величество къ таковымъ нуждамъ намѣрилъ деньги оныя. Еще извѣстно намъ, что у смоленскаго архіерея обрѣтается нѣсколько тысячъ повѣчныхъ государевыхъ денегъ, и онъ-де, архіерей, просилъ царскаго величества опредѣлить ему деньги оныя на строение церкви каменной, да ему въ томъ отказано. Просимъ мы его царское величество, да повелитъ оныя деньги отдать въ Синодъ на строение семинаріи. Былъ совѣтъ въ Синодѣ о томъ, какъ бы и гдѣ возможно нѣкое число дѣтей начать учить, покаместъ построится семинарія. И я отъ себя предложилъ, что сверхъ нѣсколько ребяткокъ, при мнѣ учимыхъ и питаемыхъ, по долженству моему потпуща очиститъ и угодныя сдѣлать пять избъ въ моемъ дому, гдѣ до тридцати отроковъ вмѣстятъ мощно будетъ. Толькобъ препитаніе и одѣяніе ихъ, такожъ и награжденіе учителемъ двоимъ было опредѣлено отъ царскаго величества. И не ставлено бы солдатъ у мене дотоль, доколь ученики не прейдутъ въ семинарію. Однакожъ сего дѣлать не могу, пока не вижу начатія строенія семинаріи. И о семъ какъ соблаговолитъ и укажетъ милостивѣйшій Государь¹⁾).

Въ декабрѣ Государь приказалъ отпустить изъ Кабинета на строение семинаріи 2000 руб. Въ 1722 г. 28 февраля Синодъ положилъ отдѣлывать, по утвержденному рисунку, недостроенныя палаты на отданномъ Синоду дворѣ князя Гагарина. Надзоръ за строеніемъ порученъ синодальнымъ ассессорамъ Феофилу Кролику и протопопамъ троицкому и петропавловскому. Въ концѣ этого года Военная Коллегія донесла Синоду, что часть свѣтлицъ въ домѣ покойной царевны ею очищена. Св. Синодъ приказалъ отдѣлать ихъ для пребыванія семинаристовъ. Въ 1724 г., 3-го августа, Синодъ подалъ Государю докладъ: «откуда довольствовать учителей, учениковъ и служителей?» Но за

¹⁾ Кабин. Дѣла II, № 61, л. 82.

смертію Государя дѣло это осталось неконченнымъ. Домъ, назначенный для семинаріи, много лѣтъ пустовалъ, безъ ремонта и поправокъ и, наконецъ, въ 1743 г. отданъ въ вѣдомство Полицеймейстерской канцеляріи ¹⁾).

Штатъ духовный.

Послѣ учрежденія Синода, Петръ озабоченъ былъ штатомъ синодальнаго правленія и вообще духовнаго вѣдомства, и поручилъ составленіе его Теофану. «Его величество, — пишетъ Татищевъ ²⁾, видя, что хотя званіе архіереевъ на три степени раздѣлили, яко митрополиты, архіепископы и епископы, но разность ихъ ни въ чемъ иномъ, какъ въ предсѣданіи и одеждахъ состояла, въ правленіи же и власти каждый въ своей епархіи равную силу имѣлъ, а нѣкоторые архимандриты никому, кромѣ Синода, подчинены не были, называемые ставропигіи: того ради тотчасъ чинъ митрополитовъ, яко излишній, оставилъ. Его величество ни о чемъ болѣе, какъ къ просвѣщенію народа науками и къ искорененію суевѣрствъ прилежалъ, чрезъ которыя многіе неповинно въ заблужденіи гибнутъ; и хотя о училищахъ въ духовномъ уставѣ положено, но (какъ) Синоду за далекоотстоящими архіереи надзирать невозможно, намѣрился учинить пять архіепископовъ, яко великороссійскій, бѣлороссійскій, малороссійскій, болгарскій и сибирскій, — подъ ихъ смотрѣніемъ 38 епископовъ, — при нихъ, для помощи въ правленіи, а собственно къ содержанію училищъ и богадѣленъ, 48 архимандритовъ, и на всѣхъ достаточное денежное жалованье изъ ихъ собственныхъ и монастырскихъ доходовъ положить. Сію я росписъ видѣлъ у архіепископа Прокоповича, подъ которою его величества рукою было подписано: «доставляя употребить проповѣдникамъ въ иновѣрцахъ, на прибавочныя школы и богадѣльни». И того же 1724 г., въ декабрѣ изволилъ о учрежденіи училищъ въ монастыряхъ указомъ Синоду подтвердить, но кончиною его величества все оное въ забвеніи осталось» ³⁾).

¹⁾ Описаніе докум. и дѣлъ арх. св. Синода, т. 1, стр. 152.

²⁾ Росс. ист. Ч. I, Москва 1768 г.

Намъ не довелось нигдѣ встрѣтить ни этой росписи, ни указанія на нее. Но въ Кабинетныхъ дѣлахъ Государственнаго архива есть указаніе на одно донесеніе Феофана Государю, въ которомъ онъ испрашивалъ его разрѣшенія касательно нѣкоторыхъ предметовъ, относившихся къ составленію духовнаго штата. Мы вполне приводимъ этотъ документъ.

«Нѣкая, по мнѣнію моему, надлежащая къ разсужденію штата духовнаго, сія суть:

1) Монастырю троицкому сергіеву быть ли въ опредѣленіи штатскомъ. А вѣдати подобаеть, что многіе тамо слуги лишніе суть и очередно въ вотчины посылаются вмѣсто жалованья и не безъ раззоренія крестьянъ богатятся.

2) Слышно, что многіе епископы имущее быть равное всѣмъ архіереямъ опредѣленіе слышать съ радостію.

3) Не надлежитъ ли выдать указу съ именнымъ нѣкимъ указаніемъ на тѣхъ, которые репорты приходовъ денежныхъ и хлѣбныхъ ложные пришлютъ, истязавъ кто виновенъ тому, начальникъ ли или ихъ подначальные управители.

4) Слышится, что многіе желаютъ, дабы однажды усмотрѣнные остатки вовсе были бы опредѣлены, яко дань постоянная, дабы и съ домовъ архіерейскихъ и съ монастырей опредѣленные деньги и хлѣбъ давано, какъ въ плодоносный годъ, такъ и въ средній и скудный.

5) Если кто тщаніемъ своимъ приумножить экономіи безъ налога на крестьянъ, будетъ ли ему нѣкое, сверхъ опредѣленія, награжденіе?

6) Въ Духовномъ регламентѣ положено всякому архіерею содержать школу мальхъ робятъ и на содержаніе оной собирать съ монастырей 20-ую долю хлѣбнаго прихода: сему впредь быть ли?

7) Собирать ли буде въ одно мѣсто денежные и хлѣбные остатки, или хранить оныя по своимъ мѣстамъ, а записи были бы при Синодѣ у казначея?

8) Полезно, кажется, будетъ на всякъ годъ, по собраніи съ полей хлѣба, также и денегъ, отлучить остатки и запечатать при инквизиторахъ и репортовать въ контору синодальную. А кто

репортъ во время уреченное не приплеть, и то ему вмѣнять въ воровство.

9) Изъ монастырей, у которыхъ нѣтъ вотчинъ, не переводить бы монаховъ въ монастыри вотчинные, ибо то было бы съ лишнею издержкою, понеже безвотчинные монастыри, переходя къ вотчиннымъ, ничего съ собою не принесутъ, а на на нихъ расходъ умножится, но безвотчинные монастыри малые переводить въ большіе безвотчинные же.

На этомъ донесеніи Петръ написалъ: «прежде всего положить доходъ школамъ, на примѣръ столько держать учениковъ, сколько церквей въ епархіи или меньше, однакоже не гораздо, а потомъ другое ¹⁾».

Но составленіе штата духовнаго остановилось за смертію Государя.

Устройство монашества и монастырей.

Забываясь о приведеніи въ лучшій порядокъ духовенства, Петръ обратилъ вниманіе на монастыри и, еще въ 1701 году, 31-го января, приказалъ боярину И. А. Мусыну-Пушкину, описавъ ихъ, составить какъ имъ, такъ и церквамъ, Ружную книгу. При учрежденіи Синода, составлены были и приложены къ Духовному регламенту общія правила для монастырей и монашествующихъ. Кроме того Теофанъ составилъ *правила келейнаго житія для монаховъ александровскаго монастыря*. Но все это были мѣры частныя, палліативныя. Петръ хотѣлъ рѣшительной мѣрой преобразовать монастыри.

Въ 1724 году, 31-го января, онъ подписалъ указъ, которымъ предполагалось устроить монашество по древнимъ образцамъ, сообразно съ истинною его цѣлью, и размножившимся монастырямъ дать назначеніе, требуемое пользою государства. — Указъ этотъ составленъ самимъ Государемъ и потомъ, по его приказанію, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пополненъ Теофаномъ ²⁾.

¹⁾ Кабин. дѣла I, № 31, л. 186—187. Года непоказано. Въ Кабинетныхъ дѣлахъ, въ памятныхъ запискахъ Государя, есть замѣтка, относящаяся, повидному, къ духовному штату: «архимандритамъ быть надъ нѣсколькими монастырями, въ помощь епископамъ, а въ прочихъ—игуменамъ». (Тамъ же, л. 58).

²⁾ Въ 1781 году, по дѣлу Теофана съ Маркеломъ Родышевскимъ, Кабинетъ

Онъ состоитъ изъ историческаго объясненія: когда и коей ради вины начался чинъ монашескій и каковъ былъ образъ житія монаховъ древнихъ; и изъ двухъ опредѣленій — перваго о монахахъ и монахиняхъ, избирающихъ монашество ради единого токмо житія уединеннаго и втораго — о желающихъ монашества для архіерейства ¹⁾).

потребовалъ изъ св. Синода извѣстія: чьего сочиненія книга — Объявленіе о монашествѣ? Синодъ отвѣчалъ, что въ дѣлахъ его свѣдѣнія объ этомъ неимѣются, потому что «Объявленіе» прислано въ Синодъ уже готовое за подписаніемъ руки блаженной памяти Государя Петра I. Кабинетъ, чрезъ князя А. М. Черкаскаго, потребовалъ извѣстія объ этомъ у Теофана. Теофанъ отвѣчалъ письмомъ на имя помянутаго князя. «Писаніе сіятельства вашего, сего іюля 8-го дня писанное, получилъ я сегожъ іюля 12-го дня, которымъ изволите требовать отъ меня увѣдомленія: чьего сочиненія книги: первая о монашествѣ, и другая — толкованіе о блаженствахъ, уповаю, что мы о томъ извѣстны. И я о томъ, яко подлинно вѣдущій, благопочтенно сіятельству вашему симъ извѣствую. Книга «Объявленіе о монашествѣ» есть сочиненія отчасти самаго блаженнаго и вѣчнодостойнаго памяти Государя императора Петра I, а отчасти моего. А дѣлалось тако. Въ послѣднихъ числахъ ноября или въ первыхъ декабря, его величество, призвавъ меня въ зимній свой въ С. Петербургѣ домъ, показалъ отъ себе написанное, помянутое о монашествѣ объявленіе, гдѣ были многія мѣста оставленныя пустыми, и сказалъ, что на оныхъ мѣстахъ надлежитъ вписать изъ книгъ древнихъ свидѣтельства, а намъ-де того дѣлать нельзя; и приказалъ ему, архіерею, въ выпискахъ тѣхъ потрудиться; такожь и чтѣ бы мнѣ архіерею прибавить разсудилось, и тѣ приложить; и обѣщалъ сочиненное собою оное объявленіе, съ оставленными мѣстами, прислать въ домъ ко мнѣ, и скоро потомъ мною рукою списанное, чрезъ секретаря Черкасцова прислалъ. И по тому его величества приказанію, выписалъ я свидѣтельства св. отецъ и древнихъ историковъ ко всякой, того требующей, писанія его величества части; особливже о должномъ монашеству трудолюбіи всѣ мои рѣчи, со учительскими приведенными свидѣтельствами, до оныхъ словъ: *но и сія малѣ доислымъ*. Такожь и второе по ономъ объявленіи опредѣленіе, кромѣ начала и окончанія, сочинено мною. И кому не неизвѣстенъ его величества штиль или составъ слова, тому и нынѣ не трудно познать и разобрать, кои его величества рѣчи и кои не его, то есть мои. И то о книгѣ: «Объявленіе.» А книга «Толкованія евангельскихъ блаженствъ» вся моего сочиненія, по именному его величества приказанію отъ мене написанная. О семъ извѣствуя, пребываю вашего сіятельства благожелательный богомолецъ и слуга, смиренный Теофанъ архіепископъ новгородскій. Іюля 18-го дня 1781 года». (Государств. архив. Разр. VII. Дѣла Т. Прокоповича.

¹⁾ Указъ 31-го января 1721 г., въ приложеніяхъ № III. Между Меморіями Петра въ Кабинетскихъ дѣлахъ есть много замѣтокъ, относящихся къ устройству монастырей и монашествующихъ. Замѣтки эти частію послужили основаніемъ для указа, частію были дополненіемъ къ нему.

«Сверхъ нищихъ въ монастыряхъ надлежитъ быть отставнымъ солда-

Указъ этотъ не былъ разосланъ по епархіямъ, но сообщенъ въ копіяхъ только синодальнымъ членамъ и принятъ за руководство при составленіи новаго церковнаго штата, который составлялся въ Сенатѣ.

Послѣ того бывши въ Москвѣ, во время коронаціи Екатерины, Государь далъ указъ, чтобы московскіе монастыри — чудовъ и вознесенскій-новодѣвичій опредѣлить для больныхъ, старыхъ и увѣчныхъ, а перервинскій для школъ и поручилъ эти монастыри въ вѣдѣніе и управленіе лейб-гвардіи капитана Баскакова, приказавши ему составить смѣту приходовъ и расходовъ и расчислить, сколько гдѣ можно содержать больныхъ, учредить го-

---

тамъ, подкидышамъ и учить ихъ грамоты, съ нѣкоторою прибавкою, а именно: грамматика, ариметика 5 частей и геометрія въ мужскихъ, но лучше симъ ученьямъ быть въ особливомъ мѣстѣ подъ вѣдѣніемъ и надсмотромъ наставника, а не по монастырямъ, чего ради выведенные монастыри и годни къ тому будутъ; а въ женскихъ, вмѣсто геометріи, мастерства женскія, также хотѣвъ по одному монастырю, чтобъ и языки притомъ; такожъ въ тѣхъ же или въ особливыхъ приемъ сиротамъ, у которыхъ своихъ нѣтъ, чтобъ воспитаны и выучены были, а пожитки ихъ соблюдены и прибыли, дабы по времени своего возраста все имъ вручено было *)».

«Время, опредѣленное сиротамъ видѣться и разговаривать публично для женитьбы окажется, въ воскресные дни обѣдать вмѣстѣ и разговаривать и по обѣдѣ часть или два, или какъ лучше изобрѣтено будетъ, или сіе отставить, дабы молодые въ службу перво употреблены были, а вмѣсто того сіе время всякому позволить входить б)».

«О черницахъ вмѣсто пашни — пряжа и чтобъ сею зимою начать в)».

«Вытолковать, что всякому исполненіе званія есть спасеніе, а не одно монашество, какъ въ Регламентѣ духовномъ объявлено г)».

«Надобно одинъ монастырь для семинаріи и выучившихся д)».

«Старцевъ по монастырямъ убавить, а вмѣсто того положить съ монастырей пропитаніе на больныхъ и раненыхъ солдатъ и драгунъ е)».

«Чтобы намѣстникамъ быть въ тѣхъ монастыряхъ, изъ которыхъ въ Синодѣ.»

---

*) Кабин. дѣла Отд. I, кн. 81, стр. 57.

б) Кабин. дѣла Отд. I, кн. 81, стр. 56.

в) Въ 1728 году Синодъ требовалъ изъ Кабинета вѣдѣнія: куда отправить изъ дѣвичьихъ монастырей мастерицъ и прялей, по обученіи ими въ монастырѣхъ монахинь приденію? (Журн. 15 июля).

г) Кабин. дѣла Отд. I, кн. 81, стр. 58.

д) Кабин. дѣла Отд. I, кн. 81, стр. 56.

е) Тамъ же, стр. 233.

спиталеи и оставить братства ¹⁾). Въ тоже время андреевскій монастырь обращенъ въ воспитательный домъ для подкинутыхъ младенцевъ ²⁾). Баскаковъ составилъ штатъ чудову монастырю и прислалъ монастырскому начальству для исполненія. Но архимандритъ, который былъ въ ту пору синодальнымъ членомъ, подалъ протестъ, въ которомъ жаловался, что ему назначили бѣдное содержаніе и что у него отняли всякую власть надъ монастыремъ, и подчинили надзору братіи ³⁾).

По смерти Государя, хотя императрица Екатерина I, 16-го марта 1725 года, дала указъ Баскакову, чтобы порученныя ему б. п. Государемъ дѣла чинилъ неотложно и писалъ въ Сенатъ и Кабинетъ по прежнему ⁴⁾: но дѣло это мало по малу рушилось.

¹⁾ Кабин. дѣла I, № 31, стр. 156. 159.

²⁾ Въ августѣ 1780 г., высочайшимъ императорскимъ указомъ велѣно было андреевскій монастырь отдать по прежнему монахамъ, а колодниковъ и сиротъ выслать въ другое мѣсто. вмѣстѣ съ этимъ Синоду велѣно было подать докладъ, сколько въ андреевскомъ монастырѣ находится зазорныхъ младенцевъ и мнѣніе, куда перевести ихъ изъ андреевскаго монастыря? По доношенію Коллегіи экономіи, зазорныхъ младенцевъ въ наукѣ обрѣталось 75 человекъ въ андреевскомъ монастырѣ, при нихъ учитель русской грамоты съ помощникомъ, да навигаторъ одинъ, 14 работниковъ, 4 прачки и 1 копенъ. Коллегія экономіи, съ своей стороны, предлагала разобрать оныхъ сиротъ и которые годятся въ службу, тѣхъ отослать въ Военную коллегію и въ Адмиралтейство; а неспособныхъ къ службѣ и малолѣтнихъ роздать для воспитанія желающимъ, потому что изъ онаго андреевскаго монастыря вывести ихъ некуда и способнаго имъ мѣста къ переводенію Коллегія экономіи нигдѣ не обрѣтаетъ. И ежели тѣхъ сиротъ роздать повелѣно будетъ, то положенныя на нихъ казенныя хлѣбъ и деньги будутъ въ остаткѣ; а ежели особливой домъ имъ строить, то на строеніе того дому надлежитъ быть денегъ въ расходѣ не малое число. Синодъ представилъ мнѣніе Коллегіи экономіи на высочайшее усмотрѣніе. (Протоколъ св. С. 1780 г. 28-го сентября).

³⁾ За чудовымъ монастыремъ, по переписнымъ книгамъ 186 года, значилось 2926 крестьянскихъ дворовъ и въ нихъ 18294 мужскихъ души. Съ нихъ денежныхъ сборовъ 4725 р.; десятинной пашни 807 десятинъ; родится хлѣба, считая втрое противъ — посѣяннаго зерна, 7267 четвертей. По расчисленію Баскакова слѣдовало содержать въ чудовѣ монастырѣ отставныхъ солдатъ, нищихъ, больныхъ и увѣчныхъ 416 человекъ и къ нимъ служащихъ монаховъ 150, всего 566 человекъ, и сверхъ того за расходомъ должно было еще остаться въ экономіи хлѣба 8626 четвертей. (Дѣла архива св. Синода, 1724 г. № 852).

⁴⁾ Кабин. дѣла Отд. I, № 81, л. 166.

Хозяйственные дѣла Теофана, во всю бытность его псковскимъ епископомъ, были не завидны. Онъ постоянно жаловался на бѣдность, занималъ, просилъ и, еслибъ не милость Государя, то былъ бы въ самомъ жалкомъ положеніи.

Въ 1722 году, въ бытность Государя въ Москвѣ, Теофанъ просилъ отдать ему домъ Александра Кикина за Никитскими воротами у Гранатнаго дома съ каменнымъ строеніемъ, описанный въ 1718 г. на Государя. Государь приказалъ отдать, но Сенатъ не отдалъ, потому что домъ ужъ отданъ былъ Ивану Кикину¹⁾. Государь пожаловалъ ему, вмѣсто того, два подмосковныхъ села-Владыкино и Озерепкое. Теофанъ просилъ-было надеждой, и съ восторгомъ писалъ къ Государю, изъ Москвы 24 августа 1722 года: «всепокорственно благодарствую величеству вашему за пожалованныя мнѣ вотчины и въ томъ великое къ убожеству моему явленное милосердіе, и обязанъ пребываю не токмо природнымъ мнѣ подданствомъ, но и многими многихъ Государя моего милостивѣйшаго благодѣяній титулами, къ вѣрной и вѣчной службѣ». Но, по причинѣ хлѣбныхъ недородовъ, села сдѣлали, на первой порѣ убытокъ, вмѣсто пользы.

О состояніи хозяйственныхъ дѣлъ Теофана можно судить по слѣдующему письму его къ Государю въ 1723 году. «Всемило- стивѣйшій Государь! понуждаемый скудостію моею и уповая на отеческое милосердіе вашего величества, дерзаю всемило- стивѣйшаго моего Государя турбовать симъ мнѣ прошеніемъ. Врученная мнѣ епархія весьма скудна: денегъ собирается не многое число и по годамъ неровное, для того, что нѣкія пустоши иногда вода заливааетъ и, по раздачѣ церковнымъ и домовымъ служителямъ, мало что на нужды домашнія остается. А въ прош- ломъ году писано ко мнѣ изъ дому архіерейскаго, что по раздачѣ осталось денегъ рубль тридцать алтынъ и четыре деньги, что я объявлялъ въ Синодѣ и въ Сенатѣ въ Москвѣ. А домъ я засталъ весьма нагій и пометеный: что можно знать изъ взятыхъ въ каз- ну государеву денегъ по смерти покойнаго блаженнаго памяти антецессора моего, Іосифа митрополита. И тако на едино хлѣбо- родіе нѣкакая осталась было надежда, но и того скудно: триста

¹⁾ Кабин. дѣла 1, № 82, стр. 551.

дворовъ, сказуеть, на лицо насилу сыщется; моромъ пустоты много сдѣлалось. И еще чрезъ нѣсколько лѣтъ прежде мене и при мнѣ великій недородъ былъ. Еще жъ бы сноснѣйшая скудость была въ Псковѣ: но понеже жить велѣно въ С. Петербургѣ (что мнѣ благопріятно и радостно есть): то изживеніе стало не по доходамъ: пиво, дрова, иногда даже и сѣно покупаемъ; негдѣ скотину держать, некуда лошадей выгнать. Села подмосковныя (которыя мнѣ всемілостивѣйшій Государь пожаловалъ, за что я вѣчно вашему величеству благодаренъ) мнѣ никакого дохода (кромѣ сѣна для лошадей) не показали, ради великаго прошлоглѣтнаго неплодствія; и понеже нужда явилась покупать лошадки и прочую скотину для навозу и другихъ потребъ, то еще и убытокъ стался. Вся польза, какова то будетъ, еще въ надеждѣ и ожиданіи. И еслибъ ваше императорское величество не пожаловалъ мнѣ изначала нѣсколько тысячъ рублевъ, воистину бы крайняя нужда и изначала была. Нынѣ вся была надежда на снудское вашего величества жалованье; а симъ деньгамъ было бы у меня иное мѣсто. Робятъ маленькихъ до двадцати человекъ учу, кормлю и одѣваю. — Да и библіотеку порядочную собираю. На тысячу шестьсотъ рублевъ уже книгъ купилъ и, если смогу, никогда покупать не перестану. И, служа прихоти моей, служу, кажется, и общей пользѣ. Никому никогда, хотя бы крайняя нужда, библіотеки продавать не мышлю, но по мнѣ будетъ тамъ, гдѣ Государь повелитъ. А нынѣ и жалованье давать не велѣно¹⁾. И такъ я въ самую крайнюю нужду пришелъ. Сверхъ того просилъ я у вашего величества дому Александра Кикина, и получилъ указъ отдать мнѣ домъ той, буде Александровъ описанъ; не дано жъ мнѣ отъ Сената, сказуя, что домъ тотъ отданъ Ивану Кикину. И видя нужду мою, многократно предла-

1) Жалованье удержано у снудальныхъ членовъ по высоч. указу 18 апр. 1728 г. Въ томъ же году, 21 декабря въ высочайшемъ указѣ Снуду изображено: «спросили вы о своемъ жалованьи, дабы на нынѣшній годъ выдать; но понеже оное жалованье запрещено вамъ давать, пока запущенную табельную доимку выплатите, того для то жалованье надлежитъ вамъ взять по пропорціи той заплаты, напригнѣрь, ежели выплатаи половину доимки, то жалованье въ полы окладовъ къ тѣмъ доходамъ, которые получаютъ архіереи отъ епархій, а архимандриты и игумены отъ монастырей». (Дѣла архива св. Снуда 1728 г., № 8).

гаемую, соизволили искать много дому опального или продажнаго. И тако я на известной вашего величества милости уфундовавъ упование, занявъ въ Синодѣ, въ прошломъ году, три тысячи двѣсти рублей, надѣяся выплатить изъ жалованныхъ денегъ, упростивъ срокъ четырехъ годовъ, и купилъ домъ, хотя еще нужной пристройки требующій. А нынѣ, по предложенію г. оберъ-прокурора синодальнаго, домогаются на мнѣ выплаты долга того, когда я ничего не имѣю, и жалованья лишень сталъ. Таковая и толкая нужда побѣдила природную мнѣ, хотя не потребную, трепетливость, и дерзая симъ моимъ предложеніемъ турбовать высокую Особу монаршую, слезно прошу избавить мене отъ вышепомянутаго долга и прочихъ крайнихъ скудостей, и уповаю, что всемилостивѣйшій мой Государь и отецъ не отвержетъ и мене отъ милосердаго своего призрѣнія¹⁾).

Есть и другое письмо его къ Государю также съ прозьбою о пособіи въ денежныхъ затрудненіяхъ. «Всемилостивѣйшій Государь! Въ крайнихъ моихъ нуждахъ въ Кабинетѣ вашего величества вѣдомыхъ, за которыми прожить мнѣ нечѣмъ, всепокорно къ вашего величества стопамъ припадаю, и умиленно всемилостивѣйшаго прошу отъ вашего величества опредѣленія». — Но неизвѣстно, было ли сдѣлано Теофану какое пособие по этимъ его прозьбамъ.

Въ первомъ изъ приведенныхъ писемъ Теофанъ упоминаетъ о 3200 рубляхъ, которые въ 1722 году онъ занялъ въ Синодѣ, съ разсрочкой уплаты на четыре года. Этотъ долгъ надѣлалъ ему много неприятностей. Въ мартѣ 1723 г. Болтинъ (сторонникъ Θεодосія) подалъ докладъ, чтобы требовать у него тѣхъ денегъ, не ожидая прежде опредѣленныхъ сроковъ, безъ отлагательства, и о томъ объявить ему, преосвященному, немедленно въ Синодѣ при собраніи, и впредь напоминать съ протокольною запискою неотложно, дабы оное казенныхъ денегъ въ синодальную сумму возвращеніе исполнено было безъ упущенія. Назойливый прокуроръ возобновлялъ свои требованія аккуратно черезъ каждые три мѣсяца. Теофанъ заявлялъ свою несостоятельность въ уплатѣ долга и просилъ синодальнаго ходатайства предъ Го-

¹⁾ Кабин. дѣла II, № 65, л. 184—185.
Сборникъ II Отд. Н. А. Е.

сударемъ о прощениі ему этой суммы. Синодъ принялъ на себя, «лучша благоприятное время, просить его величество, а его преосвященнаго спрашиваніемъ непонуждать». Но до самой смерти Государя Синодъ неуллучилъ благоприятнаго времени для ходатайства за Теофана ¹⁾.

Смерть Петра.

Уже въ концѣ 1723 г. Петръ началъ недомогать. Для облегченія болѣзни, онъ отправился весной 1724 г., какъ и прежде дѣлывалъ, къ олонекскимъ марціальнымъ водамъ. «Но въ водахъ не было столько силы, сколько требовала лютость его болѣзни». Прибывши, послѣ того, въ Москву для коронаціи Императрицы, онъ услышалъ, что есть другія такія же воды, недавно отысканныя на Желѣзныхъ заводахъ, въ 90 верстахъ отъ Москвы (въ нынѣшней калужской губерніи). Послѣ коронаціи Екатерины онъ отправился на эти воды, и чрезъ нѣсколько дней почувствовалъ такое значительное облегченіе, что считалъ себя совершенно выздоровѣвшимъ. Но болѣзнь только затихла, а не исчезла.

Отъ скорой ѣзды, на обратномъ пути въ С. Петербургъ, болѣзнь пробудилась съ новою силою. По временамъ она то усиливалась, то ослабѣвала, но въ половинѣ января слѣдующаго года обнаружилась съ такою силою, что не давала никакой надежды на выздоровленіе Государя. Въ городѣ и окрестностяхъ, во всѣхъ церквахъ, молились о его выздоровленіи. Самъ Государь приказалъ освободить по всему государству преступниковъ, содержавшихся въ тюрьмахъ и въ каторгахъ, исключая обиды персональныя. 25-го января Государь причастился св. Таинъ. На другой день въ половинѣ 2-го часа пополудни больной сталъ приближаться къ кончинѣ. Тотчасъ же приглашены были къ нему два архіерея, псковскій и тверской, и чудовскій архимандритъ для утѣшенія и утвержденія умирающаго. При этихъ увѣщаніяхъ Государь показалъ сильное и живое чувство благочестія. Между тѣмъ при-

¹⁾ Синодскій докладъ по этому дѣлу поданъ уже, по смерти Императора, Екатерины, 26 октября 1725 г. (Кабл. дѣла II, № 78, стр. 43).

шелъ троицкій архимандритъ и спросилъ, не благоволилъ ли онъ еще разъ причаститься св. Таинъ, и когда Государь знакомъ руки выразилъ свое согласіе, тотчасъ же причастили его. Въ четвертомъ часу по полуночи Государь началъ дышать замѣтно рѣже. Тверской епископъ Теофилактъ прочиталъ ему молитвы на исходъ души. Вскорѣ послѣ того, въ четверть 6-го утра, Государя не стало.

Народъ былъ пораженъ вѣстію о неожиданно-ранней кончинѣ великаго Царя. Плачь былъ всеобщій. Но для близкихъ къ нему, и для Теофана въ частности, было много особыхъ побужденій оплакивать эту потерю.

VIII.

Возшествіе на престолъ Екатерины I.—Заносчивость новгородскаго архіепископа Θεодосіа.

Въ послѣднія минуты жизни Петра I, Синодъ съ Сенатомъ согласился, что если Божіимъ изволеніемъ Государя не станетъ, то собраться тотчасъ въ одно мѣсто и устроить все къ безопасности государства, прежде чѣмъ объявить въ народъ о смерти Государя. Какъ рѣшено, такъ и сдѣлано. Какъ только Государь скончался, генералитетъ и синодальные члены, сколько было ихъ во дворцѣ, собрались въ одну комнату и, прежде всего, начали разсуждать о наслѣдствѣ. Ближайшее право на престолъ имѣлъ, безъ сомнѣнія, внукъ Петра, сынъ несчастнаго царевича Алексѣя Петровича, юный Петръ Алексѣевичъ; но возведеніе его на престолъ казалось опаснымъ для многихъ, замѣшанныхъ въ судьбѣ царевича, въ особенности для Меншикова, который старался объ отстраненіи царевича отъ престола.

Склонивши на свою сторону Теофана и голштинскаго министра Бассевича, и имѣя подъ рукою Бутурлина съ гвардіею, Меншиковъ, въ самую рѣшительную минуту, быстро повернулъ дѣло въ пользу Екатерины. Тактика его удалась какъ нельзя больше.

Кабинетъ-секретарь Макаровъ объявилъ, что отъ покойнаго Государя не осталось никакого завѣщанія, но что совершенное имъ коронованіе Екатерины лучше всего выражаетъ его желаніе. Когда между присутствовавшими возникли несогласія на счетъ значенія этого факта, когда начали говорить, что онъ еще не выражаетъ прямого желанія Монарха — вручить послѣ себя престолъ Екатеринѣ: — то архіепископъ Теофанъ попросилъ слова. Съ трогательнымъ краснорѣчіемъ указалъ онъ присутствовавшимъ на правоту и святость данной ими въ 1722 году присяги, которою они обязались признавать наследника, назначеннаго Государемъ. Нѣкоторые возразили ему, что здѣсь не видно такого яснаго назначенія, что недостатокъ этотъ можно принять за признакъ нерѣшительности, въ которой скончался Монархъ, и что по этому, вмѣсто него, вопросъ должно рѣшить государство. На такое возраженіе Теофанъ отвѣчалъ точною передачею словъ Императора, сказанныхъ въ домѣ одного англійскаго купца наканунѣ коронованія Императрицы, которыми его величество, открывая свое сердце предъ друзьями и вѣрными слугами, подтвердилъ, что возвелъ на престолъ достойную свою супругу только для того, чтобы послѣ его смерти она могла стать во главѣ государства ¹⁾. За тѣмъ Теофанъ обратился съ вопросомъ къ великому канцлеру и ко многимъ другимъ, при которыхъ сказаны были эти слова:

---

¹⁾ Здѣсь указывается на обстоятельство, упоминаемое въ запискахъ Бассевича. «Наканунѣ коронованія Екатерины, Петръ зашелъ, съ нѣкоторыми сопровождавшими его сенаторами, къ одному англійскому купцу, гдѣ нашелъ много знатныхъ духовныхъ особъ, между прочимъ архіепископа новгородскаго и Теофана псковскаго. Великій канцлеръ также пришелъ туда. Среди угощенной хозяина разговоръ оживился и Императоръ сказалъ обществу, что назначенная церемонія гораздо важнѣе, нежели думаютъ; что онъ коронуетъ Екатерину для того, чтобъ дать ей право на управленіе государствомъ; что спасти имперію, едва не сдѣлавшуюся добычею Турокъ на берегахъ Прута, она достойна царствовать въ ней послѣ его кончины. Всѣ присутствовавшіе такъ держали себя, что онъ остался въ убѣжденіи, что никто не порицаетъ его намѣренія». (Русск. Арх. 1865 г., стр. 608—609).

помнить ли они их? Отдавая долгъ истинѣ, тѣ подтвердили все приведенное архіепископомъ. Тогда князь Меншиковъ воскликнулъ съ жаромъ: «въ такомъ случаѣ, господа, я не спрашиваю никакого завѣщанія. Ваше свидѣтельство стоить какаго бы то ни было завѣщанія. Если нашъ великій Императоръ поручилъ свою волю правдивости знатнѣйшихъ своихъ подданныхъ, то не исполнить ее было бы преступленіемъ и противъ нашей чести и противъ самодержавной власти Государя. Я вѣрю вамъ, отцы мои и братья, и да здравствуетъ наша августѣйшая Государыня Императрица Екатерина». Эти послѣднія слова въ ту же минуту были повторены всѣмъ собраніемъ ¹⁾. Немедленно составленъ былъ актъ провозглашенія Екатерины императрицею, «который рѣшено было назвать не элекціею, избраніемъ (потому что она уже прежде чисто и славно поставлена была наслѣдницею), а деклараціею». По подписаніи этого акта, всѣ они отправились къ Императрицѣ, представили ей о принятомъ ими рѣшительномъ намѣреніи и поручили себя ея высокой милости. Екатерина отвѣчала въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ, что благо народа будетъ единственнымъ предметомъ ея попеченія. Послѣ этого всѣ подошли къ ея рукѣ. Приказано было отворить окна. Императрица явилась народу, окруженная вельможами, восклицавшими: да здравствуетъ императрица Екатерина ²⁾.

Когда Бассевичъ возвратился домой, то къ нему пріѣхали иностранные министры, чтобы узнать, какъ повершилось дѣло при императорскомъ дворѣ. Бассевичъ рассказалъ все, какъ было. Иностранцы не могли надѣяться, что все кончилось такъ благополучно и безъ малѣйшаго безпорядка ³⁾. Въ воскресенье, 31-го января, во всѣхъ церквахъ прочитали манифестъ о возшествіи на престолъ Екатерины.

До погребенія Петра время проходило въ печальнымъ церемоніяхъ панихидъ и прощанья. На погребеніе собраны были знатнѣйшіе епископы и архимандриты первостепенныхъ монастырей со всей Россіи. Θεодосій первенствовалъ въ печальной церемоніи

¹⁾ *Записки Бассевича* въ Русск. Арх. 1865 г., стр. 628—632.

²⁾ *Вейдемейера*, Обзоръ происшествій въ Россіи съ кончины Петра Великаго до вступленія на престолъ Елизаветы Петровны, стр. 8—19, Спб. 1835 г.

³⁾ *Берггольца*, Дневникъ, IV, 119.

погребенія, а Феофанъ произнесъ знаменитое надгробное слово: «Что се есть? что видимъ и дѣлаемъ о Россіане! Петра Великаго погребаемъ»¹⁾.

Возшествіе на престолъ Екатерины было неожиданно для народа и неприятно для многихъ сановниковъ, опасавшихся, что именемъ Императрицы будетъ управлять князь Меншиковъ. Не смѣя выразить своего негодованія открыто, они начали распространять его въ подметныхъ письмахъ, которыя находимы были въ разныхъ мѣстахъ. Для успокоенія народа правительство напечатало новымъ изданіемъ и разослало по всей имперіи извѣстный актъ петровскаго царствованія — Правду воли монаршей; а для устрашенія крамольниковъ, подбрасывающихъ безъименныя письма, издало сперва указъ объ отысканіи ихъ, а потомъ, когда поиски оказались безуспѣшными, объявленіе о преданіи ихъ церковному проклятію. Послѣднее, то есть, преданіе виновныхъ анаемѣ сочинено было Феофаномъ²⁾.

Но слабая рука Екатерины не въ состояніи была держать бразды правленія обширной имперіи, особенно въ такое время, когда вошедшіе или введенные въ народную жизнь новые элементы произвели броженіе, и когда борьба разностихійныхъ началъ привела въ движеніе весь организмъ государственный. Не было недостатка въ честолюбцахъ, которые старались прибрать власть къ своимъ рукамъ³⁾. Въ духовномъ кругу первыя мѣста занимали Феоносій и Феофанъ, главные члены церковнаго правительства. Но положеніе ихъ было неодинаково. Феофанъ при возшествіи на престолъ Екатерины оказалъ ей услугу, а Феоносій былъ въ числѣ лицъ, которыя не пропустили этого случая, чтобы воспользоваться подарками. По крайней мѣрѣ нѣтъ никакого повода не довѣрять свидѣтельству объ этомъ Бассевича, который былъ однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ въ этой исторіи⁴⁾. Да и

¹⁾ *Феофана*, Слова и рѣчи, ч. II, стр. 127 и слѣд. Спб. 1761 г.

²⁾ Типогр. дѣла архива св. Синода, 1722 г. № 13.

³⁾ «По кончинѣ его величества (Петра I) — пишетъ Татищевъ (Рос. ист. I, 546) — нѣкоторый коварный вельможа, ко умноженію власти своей, вымыслилъ учредить Верховный Тайный Совѣтъ, которому Сенатъ и Синодъ подчинены.»

⁴⁾ «Обѣщанія повышеній и наградъ не были забыты, а для желавшихъ воспользоваться ими тотчасъ же были приготовлены векселя, драгоцѣнныя

многое останется для насъ непонятнымъ въ дѣлѣ Θεодосія, если отказать въ достовѣрности этому свидѣтельству.

Положеніе Θεодосія было не прочно. Между тѣмъ онъ самъ, своею крайнею притязательностію, своею постоянною раздражительностію и заносчивостію еще подавалъ врагамъ оружіе противъ себя.

Особенно мало сдержанности онъ показывалъ въ собраніяхъ Синода. Главнымъ предметомъ, возбуждавшимъ въ немъ горячность и вызывавшимъ на запальчивыя слова, было вмѣшательство свѣтской власти въ церковныя дѣла и устраненіе духовенства отъ участія въ государственныхъ дѣлахъ и совѣщаніяхъ. «Съ оказіи духовнаго штата (кромѣ того, что въ Покровскѣ при Москвѣ приключилось) по полученіи прощенія многократно о неблагословеніи Божиємъ на сіе государство, ежели штатъ состоится, говаривалъ (Θеодосій). На опроверженіе штата нѣкоторыя мѣста писанія о свободѣ духовенства и о довольствѣ и о преимуществѣ приводилъ, и якобы то дѣло съ неблагословеніемъ Божиимъ, съ совѣтовъ злыхъ началось ¹⁾». «По коронаціи на Москвѣ Государыни, когда указами изъ Синода публиковать рассуждали и разослать формы — какъ возносить ея Государыни имя, онъ говорилъ: какаѣ-то молитва будетъ, что по указу молиться? Апостолъ Павелъ въ посланіи первомъ къ Тимоѳею, во главѣ второй, такъ написалъ: молю убо прежде всѣхъ творити молитвы и прочая. Се-де молю, а неуказую. И каковы молитвы по указу ²⁾». Смерть Петра была въ его глазахъ карой Божіей за присвоеніе власти надъ духовенствомъ: «вотъ-де, — говорилъ онъ въ Синодѣ, — только коснулся духовныхъ дѣлъ и имѣній, Богъ его взялъ ³⁾». — «Государь-де блаженныя памяти весьма тѣшился ниспровергнуть сіе духовное правительство и для того насъ утѣснялъ штатами и недачею жалованья; а теперь-де смотрите отцы святые, мы живы, а онъ умре, его нѣтъ. На что ему одинъ изъ

вещи и деньги. Многіе отказались, чтобъ не сочли ихъ усердіе продажнымъ, но архіепископъ новгородскій не былъ въ числѣ такихъ.» (Записка Бассевича. Рус. арх. 1865 г. стр. 624).

1) Показаніе чудовскаго архимандрита Θεофила. Рус. арх. 1864 г. стр. 184.

2) Показаніе тронцаго архимандрита Гавріила. Тамъ же, стр. 181.

3) Показаніе чудовскаго архимандрита Θεофила. Тамъ же, стр. 184.

братіи (снудальныхъ членовъ) сказалъ: въ смертѣхъ нашихъ никогда не можемъ мы знать опредѣленія Божія, когда насъ переселяетъ въ вѣчность: многожды бываетъ, что и мигуя насъ переселяетъ отъ сей временной жизни на упокоеніе. На что онъ сказалъ: однакожь ¹⁾».

Послѣ возшествія на престолъ Екатерины, Θεодосій сдерживалъ себя еще меньше и началъ еще чаще и рѣзче обнаруживать свою горячность и притязательность въ самыхъ малыхъ вещахъ и по самымъ ничтожнымъ побужденіямъ.

«12-го апрѣля Θεодосій пріѣхалъ къ дворцовому мосту. Часовой 9-й роты, солдатъ Лунинь, не пропустилъ его чрезъ мостъ. Θεодосій, вышедъ изъ кареты, началъ махать тростью съ угрозой: *я-де самъ лучше свѣтлѣйшаго князя* ²⁾). Потомъ пришедъ въ дворцовую переднюю, съ гнѣвомъ спросилъ у капитана преображенскаго полка, Бредихина: для чего они его не пускаютъ? Мнѣ-де бывалъ, при его величествѣ, вездѣ свободный входъ. Вы-де боитесь только палки, которая васъ бьетъ, а наши-де палки больше тѣхъ. Шелудивья-де овцы не знаютъ, кого не пускаютъ ³⁾». Разумѣется, это доведено было до Государыни и Меншикова.

Вслѣдъ за этимъ случаемъ послѣдовалъ другой, также возбудившій горячность Θεодосія. «16-го апрѣля, во время снудальнаго присутствія, пришелъ въ Снудъ придворный уставщикъ и сказалъ Θεодосію, что Государыня приказала, чтобъ завтра отправитъ по Государѣ панихиду въ петропавловскомъ соборѣ. Θεодосій тѣмъ-то обидѣлся въ этомъ приказаніи и съ гнѣвомъ сказалъ уставщику: «на это есть чередные». Уставщикъ отвѣчалъ, что «Государыня приказала быть и снудальнымъ, потому что сороковой день». Какъ уставщикъ вышелъ, то Θεодосій далъ полный просторъ своему гнѣву и, поднявши голову и глаза вверхъ, началъ говорить: «Боже милостивый, какое тиранство, чего цер-

¹⁾ Показаніе Θεофана и архимандритовъ Петра, Аонасія и Рафаила. Тамъ же, стр. 140.

²⁾ *Консе* считаетъ эти неосторожныя слова Θεодосія главною причиною его погубли. (The present state and Regulations of the Church of Russia. стр. 115).

³⁾ Показаніе капитана лейб-гвард. преображ. полка, Бредихина. Тамъ же, стр. 145.

ковъ дождалася? Мiрская власть повелѣваетъ духовной молиться. Это слову Божию весьма противно. Покажите мнѣ отцы святые, гдѣ это написано? На это нѣкоторые изъ синодальныхъ членовъ отвѣчали, что «можно сыскать много мѣстъ, да на что ихъ искать? Мы по своему Государѣ должны всегда молиться». И распорядились, чтобы въ то же время повѣстили остальнымъ, небывшимъ въ тотъ разъ въ Синодѣ, а ему сказали: «вы какъ изволите; мы всѣ будемъ готовы и никто не отречется, чтобы по Государѣ нашемъ не желалъ служить.» Гнѣвный Θεодосiй отвѣчалъ: «пойду и я и буду служить, потому что боюся, чтобъ не послали въ ссылку. Только услышитъ ли Богъ такую молитву?» ¹⁾

Приглашенiе на панихиду повторено еще разъ въ болѣе мягкой формѣ. «20-го апрѣля Государыня прислала къ Θεодосiю камеръ-юнкера Поспѣлова сказать, чтобы всѣ духовные были въ соборѣ Петра и Павла для панихиды по покойномъ Государѣ. Θεодосiй отвѣчалъ, что «мы готовы»; а потомъ сказалъ о своей обидѣ, какъ часовые не пропустили его во дворецъ, и прибавилъ: «я-де и впредь опасенъ прiѣхать ко двору ея величества для того, чтобы и впредь также не обругали часовые; развѣ-де приплюють, да велятъ взять неволею. Поспѣловъ отвѣчалъ, что ежели есть вамъ такая обида, надобно просить милости Государыни императрицы. Но Θεодосiй не хотѣлъ и слышать. «Также-де было и при покойномъ Государѣ—не пропустили меня въ адмиралтейство и на то-де я не получилъ никакой сатисфакци.» Поспѣловъ въ тотъ же день донесъ объ этомъ разговорѣ Государынѣ ²⁾.

Панихида совершена была 21-го апрѣля. Государыня, бывши въ крѣпости, приказала оберъ-гофмейстеру Олсуфьеву пригласить всѣхъ служащихъ архiereевъ, и прочихъ синодальныхъ членовъ, къ столу ея величества. По окончанiи панихиды Олсуфьевъ, пришедъ къ олтарю къ южнымъ дверямъ, у которыхъ стоялъ Теофанъ, спросилъ: гдѣ преосвященный Θεодосiй? Теофанъ отвѣчалъ, что Θεодосiй стоитъ на лѣвомъ клиросѣ за столпомъ. Олсуфьевъ передалъ ему приглашенiе Государыни. Но Θεодосiй отвѣчалъ: «мнѣ-де быть въ домѣ ея величества не мож-

¹⁾ Показанiе Теофана и трехъ архимандритовъ. Тамъ же, стр. 140—141.

²⁾ Показанiе Поспѣлова. Тамъ же, стр. 143—144.

но, понеже я обезпеченъ». Олсуфьевъ повторилъ свое порученіе. Но Феодосій сказалъ: «развѣ-де изволитъ прислать нарочнаго, чтобъ проводили». Олсуфьевъ донесъ объ этомъ немедленно Государынѣ. Синодальные члены всѣ были у стола, кромѣ Феодосія¹⁾.

Такая заносчивость и упрямство не могли не оскорбить Государыню. Феофанъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы окончательно сразить своего опаснаго совмѣстника, и на другой же день, 22-го апрѣля, пришелъ во дворецъ и, отъ имени синодальныхъ членовъ, сдѣлалъ Государынѣ доносъ на Феодосія.

Чтобы объяснить значеніе этого Феофанова поступка, мы должны вспомнить, что онъ находился въ это время подъ синодскимъ судомъ, по доносу псковскаго инквизитора Савватія. Феодосій съ Болгинымъ повернули дѣло чрезвычайно круто. Феофану грозило безчестье, а можетъ быть — ссылка и заточеніе. Въ это самое время вдругъ представляется ему случай отдѣлаться отъ своихъ враговъ. Феофанъ не упустилъ его и — съ этой поры сталъ на дорогу, съ которой ужъ не сходилъ до конца своей жизни.

IX.

Доносъ псковскаго провинціалъ-инквизитора на судью архіерейскаго дома, архимандрита Маркелла Родышевскаго въ расхищеніи церковнаго имущества.

Въ судьбѣ Феофана Прокоповича и въ событіяхъ первой половины XVIII вѣка огромное значеніе имѣетъ малоизвѣстная личность Маркелла Родышевскаго, сначала близкаго человѣка къ Феофану, а потомъ враждебнаго до такой степени, до какой только могутъ дойти непримиримая злоба, оскорбленное самолюбіе, обличенная неправда или, наконецъ, фанатизмъ. Онъ преслѣдовалъ и

¹⁾ Показаніе Олсуфьева. Тамъ же, стр. 145—146.

мучилъ Теофана съ изумительной настойчивостію, съ самоотверженіемъ почти фанатическимъ и съ искусствомъ человѣка, довольно развитаго для того, чтобы поражать непріятеля его же оружіемъ. Въ этомъ преслѣдованіи все пущено было въ ходъ—набожность и ученость, обманъ и хитрость, общественное положеніе и связи—все, что только было въ рукахъ этого хитраго противника. Впослѣдствіи онъ сталъ орудіемъ для другихъ, которые также, какъ и онъ, враждебно относились къ Теофану и, въ свою очередь, употребляя орудіями менѣе сильныя лица, неизмѣвныя силы дѣйствовать самостоятельно. Мы прослѣдимъ его исторію, чтобы яснѣе понять образъ его мыслей и дѣйствій и его отношенія къ Теофану.

Маркелль, въ мірѣ Николай Романовъ Родышевскій, знакомъ съ Теофаномъ еще по Кіеву. Кажется въ одно время они были учителями въ Академіи и относились между собою, какъ близкіе люди. Маркелль говоритъ, вспоминая о томъ времени, что они были въ дружбѣ между собою. По довѣрію къ нему, Теофанъ рассказывалъ ему про себя такія вещи, которыя не относились къ его чести и которыми тотъ воспользовался впослѣдствіи, чтобы чернить своего пріятеля. Дружба ихъ, кажется, продолжалась не долго. Въ своемъ рукописномъ сочиненіи: «О житіи еретика Теофана Прокоповича», Маркелль пишетъ, что «когда Теофанъ началъ распространять въ Академіи и за Академіею ложныя еретическія понятія, то, видя его на Церковь еретическія укоризны, кіевскаго братскаго монастыря учителя — іеродіаконъ Маркелль Родышевскій и Гедeonъ Вишнеvскій, часто отъ божественнаго писанія съ нимъ споривали и его нечестивое ученіе дерзко и смѣло обличали всенародно, а въ 1713 году въ братскомъ училищномъ монастырѣ публично обличали. И сверхъ того учитель Гедeonъ, прибывъ въ Москву, объявилъ о томъ его еретическомъ ученіи письменно преосвященному Стефану и всему Освященному Собору».

Теофанъ, несмотря на протестъ Стефана, посвященъ былъ въ епископа и, по учрежденіи, Синода назначенъ въ немъ вице-президентомъ.

Родышевскій былъ еще іеромонахомъ и, кажется, не безъ содѣйствія Теофана получилъ должность флотскаго оберъ-іеромонаха на Котлинѣ островѣ. Въ ноябрѣ 1721 г. Князь А. И. Репнинъ

требовалъ у св. Синода въ Рижскій корпусъ «язъ духовнаго чина учительнаго человѣка, который бы могъ отправлять въ церкви поученія и обрѣтающихся въ Ригѣ протопопа и священниковъ содержать въ благочиніи». Синодъ опредѣлилъ въ эту должность Маркелла ¹⁾.

Въ 1722 году января 22 состоялось опредѣленіе: іеромонаху Маркеллу Родышевскому, который имѣлъ надъ обрѣтающимися при Котлинѣ островѣ священниками первенство и былъ при предикѣ слова Божія, быть оберъ-іеромонахомъ при Рижскомъ корпусѣ и содержаться при предикѣ жъ слова Божія.

Объ образѣ дѣйствій его въ Ригѣ можно судить по слѣдующимъ донесеніямъ его св. Синоду: отъ 5 октября 1722 года: «Что здѣ въ Ригѣ и во всемъ корпусѣ лифляндскомъ неисправлено было въ церквахъ, священникахъ и причетникахъ церковныхъ, по даннѣй мнѣ инструкціи недремленно исправляю и уже нѣкая и исправилъ. А кромѣ прочихъ исправленій, по государеву указу, прилежнымъ моимъ тщаніемъ вездѣ здѣ крившіяся бородатыхъ раскольниковъ въ бородахъ ихъ гнѣздившіяся пекельный змій съ онымъ гнѣздомъ своимъ, еже есть бородами, истребленъ и всегда истребляется, и суевѣріе всякое отъ среды изъемлется, правда же насаждается, поелико мощно; свѣчи многія угасли; чудеса попрестали; токмо одно показалось въ Митавѣ, курляндскомъ городѣ, отъ иконы пресв. Богородицы, которой лице сожженное само изцѣлилось....., а по видимому ниже слѣду такого чудеса не бывало. Могло маленько отъ свѣчи падшей почернѣти, что священникъ, взямый къ себѣ икону егда обтеръ, такъ она и стала по прежнему, и тотъ священникъ искалъ себѣ авантажу и прибыли. Такожде доношу вашему святѣйшеству, что нѣкіе обрѣтаются здѣ офицеры, которые имѣютъ по двѣ жены: одну въ Ригѣ, другую въ Москвѣ о коихъ что благоволитъ ваше святѣйшество».

Отъ 10 марта 1723 года: «Церковь новосозидаемая (въ Ригѣ) уже близъ есть совершенія и начаяся, что всеконечно сей весны dokonчатся. Извѣстно вашему святѣйшеству, что въ Митавѣ есть священникъ Иванъ въ духовникахъ царевны государыни Анны

¹⁾ Описание документовъ и дѣлъ архива св. Синода. Т. I. Слб. 1868 г., стр. 711—714.

Ивановны, котораго зять Иванъ разстрига, бывшій попь св. Симеона Богопріимца въ С.-Петербургѣ, казненъ; и такому священнику довѣстъ ли въ духовникахъ при ея высочествѣ быть. Такожде многіи крыются раскольщики въ Курляндіи и прочіи російскіи люди, которые служатъ у нихъ курляндцовъ и ниже исповѣдуются, ниже причащаются Христовыхъ Таинъ и умираютъ безъ покаянія, и о сихъ хорошобъ писать государынѣ царевнѣ Аннѣ Ивановнѣ, дабы съ оберратами своими о семъ посовѣтовала. Обрѣтаются здѣ въ Ригѣ мужеска и женска пола люди, которые по три жены имѣли, такожде и жены по три мужа, и еще молодые суть; а понеже возбраняютъ имъ брачиться правила церковныя, того ради они блудно живутъ. И о сихъ ваше святѣйшество какъ заблагоразсудитъ, и что съ ними дѣлать прикажете, понеже мнѣ о семъ часто докучаютъ. Дерптъ подлежитъ до губерніи рижской, а священники тамошніе не надлежатъ ко мнѣ и помѣшка великая въ семъ есть. Того ради прошу, дабы тѣмъ священники сюды надлежали». — О себѣ писалъ, что онъ такъ бѣденъ, что за присланные указы заплатить нечѣмъ. «Ей, совѣстно пишу, что полушки единой не имѣю¹⁾».

Репнинъ былъ очень доволенъ дѣйствіями оберъ-іеромонаха и доносилъ Синоду, что онъ въ званіи своемъ поступаетъ тщательно²⁾; но не давалъ ему жалованья, потому что не изъ чего было дать: на флотскаго оберъ-іеромонаха ничего не положено было въ смѣтѣ полковыхъ и городскихъ доходовъ. Послѣ длинной переписки между Синодомъ и Репнинымъ, Маркелъ долженъ былъ въ іюлѣ 1724 г. выѣхать изъ Риги³⁾.

Въ это время у Теофана въ псковской епархіи открылось мѣсто судьи архіерейскаго дома. Теофанъ взялъ къ себѣ Мар-

1) Дѣла архива св. Синода, 1722 г., №№ 524 и 559.

2) Между прочимъ, указомъ св. Синода 12-го декабря 1723 г., вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія, Маркеллу приказано было разобрать и описать рижскую городскую бібліотеку съ тѣмъ, чтобы взять изъ нея, что надобно будетъ, въ Синодъ. Родышевскій донесъ, что въ этой бібліотекѣ до 5000 книгъ разныхъ діалектовъ, но городъ не отдаетъ ее, потому что она составляетъ его собственность и соблюдается не столько къ украшенію, сколько къ пользѣ того города. (Кабин. дѣла II, № 68, л. 84).

3) Описаніе документовъ и дѣлъ архива св. Синода, стр. 711—714.

келла и, съ разрѣшенія Синода, произвелъ въ архимандриты псковскаго печерскаго монастыря.

Но съ перваго жъ шага въ псковскомъ церковномъ правленіи Маркеллъ попалъ подъ слѣдствіе.

Въ началѣ 1725 года псковскій провинціалъ-инквизиторъ, іеромонахъ Савватій, донесъ оберъ-прокурору св. Синода, Болтину, что въ псковскомъ печерскомъ монастырѣ лежатъ на полу 70 образовъ, со снятыми окладами и вѣнцами. Когда допросили объ этомъ монастырскаго пономаря, Захара Васильева, то онъ показалъ, что снималъ тѣ вѣнцы и оклады въ 1724 году по приказу архимандрита Маркелла.

Доносъ сдѣланъ на Маркелла, но касался и самаго псковскаго архіерея Θεοφανα, по инструкціи котораго Маркеллъ распоряжался. Какъ же Савватій отважился сдѣлать доносъ на синодальнаго вице-президента? Дѣло объясняется просто тѣмъ, что Савватию приказано было сдѣлать этотъ доносъ. Θεοδοσίη съ Болтинымъ хотѣли отдѣлаться отъ Θεοφана и сбить его куда нибудь въ дальній монастырь. Положеніе Θεοδοсія было въ ту пору еще довольно твердо и онъ приготовлялъ своему сопернику ту судьбу, какою самъ наследовалъ.

Болтинъ объявилъ донесеніе Савватія въ Синодѣ и, не стѣняясь, прибавилъ, что Савватій сдѣлалъ ревизію въ псковскомъ монастырѣ по его приказанію, по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ, что тамъ расхищена церковная собственность (9-го апрѣля 1725 года).

Θεοφанъ, какъ мѣстный архіерей и синодальный вице-президентъ, потребовалъ, чтобы доношеніе Савватія, вмѣстѣ съ описными книгами, отдано было ему для изслѣдованія и окончательнаго рѣшенія, потому что печерскій монастырь находится въ его епархіи. Въ то же время онъ приказалъ доложить справку изъ данной протоинквизитору инструкціи, въ которой въ одномъ пунктѣ сказано: «за которою церковною персоною и архіерейскими и монастырскими служителями усмотрѣно будетъ какое преступленіе, какоебъ оно ни было: то на тѣхъ провинціалъ-инквизиторъ долженъ доносить обстоятельно высшимъ духовнымъ властямъ, то есть архіерею, а въ степенныхъ монастыряхъ архимандриту, гдѣ,

по изслѣдованіи, командиры должны будутъ чинить за преступленіе надлежащее по указамъ наказаніе или взять штрафъ, смотря по важности вины».

Синодъ положилъ, по силѣ этого пункта, отдать доносъ Савватія Теофану для изслѣдованія, а его, Савватія, взять въ Синодъ и допросить обстоятельно съ подлинной очисткой.

Это было въ началѣ апрѣля 1725 года. Теофанъ видѣлъ ясно, что подкопъ сдѣланъ подъ него Θεодосіемъ и Болтынымъ. Вспомнилась ему, конечно, и настойчивость ихъ въ платежѣ занятыхъ имъ въ Синодѣ (и еще неуплаченныхъ) денегъ. Платя имъ той же монетой и, въ тоже время, оберегая себя отъ опаснаго суда и слѣдствія, онъ выдалъ ихъ Государынѣ, какъ презрителей царской власти и какъ мятежниковъ, угрожающихъ бѣдою спокойствію государства.

X.

Процессъ и извѣщеніе новгородскаго архіепископа Θεодосія. — Дѣло Варлаама Овсянникова. — Перемѣщеніе Теофана на новгородскую кафедру.

Содержаніе доноса Теофанова на Θεодосія составляютъ тѣ непристойныя слова Θεодосія, которыя, частію, мы привели выше; но главнымъ пунктомъ выставлено было одно обстоятельство, которое не имѣло гласности и извѣстно было только Теофану. Дѣло въ томъ, что на святой недѣлѣ (1725 года) синодальныхъ чиновъ не пригласили къ царскому обѣду, между тѣмъ какъ приглашены были сенаторы. Θεодосій и Теофанъ оба обидѣлись этимъ; но Теофанъ умѣлъ скрыть свою досаду, а Θεодосій отъ гнѣва перешолъ къ угрозамъ. Нужно замѣтить, что это было во дворцѣ. «Будетъ еще трусить, — говорилъ Θεодосій, — мало

только подождать». Это-то слово и вынесъ Теофанъ наружу, сдѣлавши изъ него бунтъ и заговоръ. И какъ онъ обставилъ его? «Сначала Теофану архіерею показалось оно страшнымъ; но послѣ разсуждая, что можетъ быть преосв. Теодосій не о нѣкоей быть хотящей и ему извѣстной бѣдѣ то сказывалъ, но на нѣкихъ ея величества служителей неправды и обманства тако сказывалъ (ибо о томъ прежде онъ говорилъ же), псковскій оное его слово за безстрашное вмѣнилъ. Однако скоро послѣ псковскій, услышавъ отъ другихъ синодальныхъ членовъ, какія въ небытность его въ Синодѣ преосвященный Теодосій произнесъ *еще слова противныя и молчанія нетерплиця*, тогда и о прежнемъ его словѣ возобновился псковскому страхъ, и не могъ объ ономъ словѣ умолчать прочее, но симъ доносить».

Какіяжъ это были слова? «На прошлыхъ двухъ недѣляхъ въ синодальной палатѣ стоячи, возымѣлъ Теодосій слово съ протяженіемъ о неурядкахъ и о начинаемомъ штатѣ, что никто духовнымъ недоброжелательны, всѣ-де уклоняшася вкупѣ; какого тутъ благословенія Божія ожидать. Воистину скоро гнѣвъ Божій сядетъ на Россію, и какъ станетъ междоусобіе, тутъ-то увидятъ всѣ отъ первыхъ и до послѣднихъ. И сталъ швыкать и руками посѣченіе показывать»¹⁾.

Ударъ былъ меткій. Черезъ три дня послѣ доноса, 25 апрѣля, приглашены были въ домъ канцлера графа Головкина адмиралъ графъ Апраксинъ, графъ Толстой и синодальные члены: Теофанъ, симоновскій архимандритъ Петръ Смѣличъ, спасскій-ярославскій Аеонасій Кондонди, калязинскій Рафаилъ Заборовскій. Синодальные члены подали писменное донесеніе о томъ, о чемъ Теофанъ доносилъ словесно. Нужно замѣтить, что приглашены были не всѣ синодальные члены, а только трое, которые сдѣлали вмѣстѣ съ Теофаномъ общее показаніе; другихъ, на которыхъ Теофанъ, вѣроятно, менѣе рассчитывалъ и между ними старшаго — тверскаго архіепископа Теофилакта, въ этотъ разъ не пригласили.

27 апрѣля Государыня приказала арестовать Теодосія на его подворьѣ и допросить; а благопріятствовшаго ему синодаль-

¹⁾ Донесеніе Синод. членовъ, въ Русск. арх. 1864 г., стр. 139.

оберъ-прокурора Болгина взять въ крѣпость и допросить о непристойныхъ словахъ Θεодосія. Θεодосій во многихъ рѣчахъ сознался, но оправдывался тѣмъ, что «говорилъ отъ глупой ревности, чаяя что къ добру, а не отъ злобы, или къ замысламъ какимъ злымъ»; другія отрицалъ или говорилъ, что не помнитъ ихъ.

«Отъ многого и неоднократнаго на многихъ мѣстѣхъ отъ караульныхъ солдатъ озлобленія, въ малодушіи моемъ согрѣшилъ предъ вашимъ величествомъ неумѣренными моими поступками и словами». — «По объявленію преосвященнаго Θεофана, архіепископа псковскаго, апрѣля 5 и никогда, въ домѣ вашего величества и нигдѣ, словъ, касающихся до высокой чести вашего величества и до цѣлости государственной, не говорилъ, и ежели говорилъ, для чего его преосвященство не засвидѣтельствовало при томъ времени обрѣтающимся людямъ, которыхъ была палата полна? А что сенатскіе члены на святой недѣлѣ трактованы, а синодскіе нѣтъ, то и самъ его преосвященство (Θеофанъ) говорилъ». — «Въ Синодѣ по разнымъ временамъ говорилъ съ пререканіемъ, что Синоду много противниковъ и трудъ духовныхъ персонъ вотще; а другихъ словъ истинно не помню. И ежелибъ неумѣренныя мои въ св. Синодѣ какія слова были, для чего святѣйшаго Синода слышавшіе члены тѣхъ словъ въ протоколъ не велѣли записать? Но когда увидали, за преступленіе мое, о негодованіи на мене вашего величества, тогда изволили доносить. Солдата часоваго, стоящаго на мосту при домѣ вашего величества, дуракомъ отъ помянутыхъ озлобленій называлъ, а офицерамъ неумѣренныхъ никакихъ словъ не говорилъ; только спросилъ о непропусканіи чрезъ мость — былъ ли такой приказъ часовому. И хотябъ на вышеписанные пункты никакого больше доказательства не было, однако мнѣ мизерному, предъ вашимъ величествомъ согрѣшившему, и то довольно есть на осужденіе. Того ради, припадая къ стопамъ вашего величества, милостивѣйшаго прошу извиненія и помилованія и пощаждѣнія¹⁾». — Болгинъ показалъ, что не слыжалъ и не вѣдалъ ничего, о чемъ показывали на Θεодосія.

28-го апрѣля генераль-прокуроръ Ягужинскій и князь Юсуповъ допрашивали въ Синодѣ прочихъ синодальныхъ чле-

¹⁾ Тамъ же стр. 162—966.

Сборникъ II Отд. Н. А. Н.

новъ — тверскаго архіепископа Теофилакта, троицкаго архимандрита Гавріила, чудовскаго — Теофила Кролика и петропавловскаго протопопа Петра. Всѣ они подали отъ себя письменныя показанія. «Отъ самаго начала — писалъ тверской архіепископъ, — какъ я опредѣленъ въ Синодъ, увидѣлъ преосв. Θεодосія всегда бранящаго всякаго чина людей отъ мала даже до великаго безъ всякаго выключенія, нарицающаго безумными, нехристіанами, горшыми турковъ и всякихъ варваровъ, аеестами, идолопоклонниками — російскій народъ. Чему я удивлялся и началъ думать, что онъ то по своему званію и позволенію государеву и дерзновенію на его къ себѣ великую милость сіе творить, или на искушеніе инымъ, каковы они покажутся въ своей вѣрности къ Государю, понеже онъ то, безъ всякаго опасенія, съ великимъ дерзновеніемъ и крикомъ творилъ; и, видя иныхъ молчащихъ древнѣйшихъ синодальныхъ членовъ, и я молчалъ. Потомъ отъ частаго и непрестаннаго его суесловія стали мнѣ слова его нелюбвы и слышанія недостойны и, того ради, сталъ я ихъ не слушать и аки вѣтеръ мимо ушей пускать; и когда онъ начиналъ потомъ таковыя же непотребныя пѣсни пѣти, я въ то время свои приватныя дѣла дѣлалъ или думалъ о семъ, что мнѣ потребно, или читалъ грамотки или какую книгу, или писалъ что, или вставъ ходилъ по избѣ. — Воспоминалъ многожды св. Филиппа митрополита московскаго, удушеннаго во дни царя Ивана Васильевича, за которое убиеніе искоренилъ Богъ царское его племя, такъ что по немъ не осталось наследника на царство російское; а по преставленіи б. п. Петра Великаго прибавилъ и то, что-де за разстриженіе Варлаама Овсянникова и взятіе его за караулъ умертвилъ Богъ также Петра Великаго. — Доколѣ что не по его синодальному желанію дѣлалось въ Сенатѣ или въ иномъ правительствѣ по указу государеву, или слово было о духовномъ штатѣ, онъ, архіепископъ Θεодосій, сердясь говорилъ: доколѣ будетъ тиранство надъ Церковію, дотогѣ добра надѣяться невозможно. А въ Церкви монархіи нѣтъ и никогда не бывало. Болѣзнь-де Государю пришла смертельная отъ безмѣрнаго женоненствования и отъ Божіяго отищенія за его посяжку на духовный и монашескій чинъ, который хотѣлъ истребить. Излишняя-де его охота къ слѣдованію тайныхъ дѣлъ покажетъ мучительное его сердце, жаждущее

крови человѣческія. — Габинетъ-де расколыщикамъ прибѣжище и наступленіе¹⁾).

«По смерти б. и в. д. памяти Государя, говорилъ — показывалъ архимандритъ Гавриилъ: — я-де по се время всегда думалъ, что мнѣ ить его рукъ кончина житія будетъ; что-де въ немъ сіе размысленіе отъ того родилось, какъ де онъ, еще въ младыхъ лѣтахъ, прѣбхалъ къ Москвѣ съ шляхтою смоленскою, и приведены были въ палату и пожалованы къ рукѣ, тогда-де кланялся царю Іоанну Алексѣевичу; а какъ пришелъ до руки царя Петра Алексѣевича, тогда таковъ-де на него страхъ напалъ, что мало-де не упалъ и колѣна потряслися, и отъ того-де времени всегда разсуждалъ, что мнѣ отъ тоя же руки и смерть будетъ». — «Когда корабль Варахиинъ спущенъ былъ, тогда на кораблѣ спрашивалъ присутствующихъ синодальныхъ членовъ: для чего въ субботу въ Синодъ прѣбжали? И отвѣтствовали, что по важному дѣлу нѣкинхъ надлежало было священства и монашества обнажить, и выговорили, что его преосвященство худо учинилъ, понеже ему о томъ докладывалъ секретарь Тайной канцеляріи; отвѣчалъ на тоѣ: смотрите-де на тоѣ, каково легко разстриженіе. Вотъ-де которые и Овсянникова разстригали, мало кто въ живыхъ обрѣтается»²⁾).

«Милосердія Божія уже не видимъ. — ничто по духовному Регламенту дѣйствуется; и какому христіанству надѣяться, все хоцетъ быть тиранство: духовная власть весьма изнемогаетъ, не что турецкая хоцетъ быть вѣра, но и въ туркахъ того не дѣлается; не то правится, что надлежитъ по св. Писанію; и больше нашего они могутъ и его Государя къ сему приклонить, что хотятъ; они временно и безвременно съ нимъ всегда, а намъ когда-когда прилучится его видѣть; и что отъ сего будетъ — ничего добраго ждаты»³⁾).

По показаніямъ синодальныхъ членовъ, 30 апрѣля, сдѣлали новый допросъ Болгину, который отозвался, что все, говоримое Θεодосіемъ, относится не къ царскому величеству, а къ приказнымъ, которые небрегутъ о Церкви, и къ сенаторамъ, которые

¹⁾ Показаніе тверскаго архіепископа Теофилакта. Тамъ же стр. 185.

²⁾ Показаніе тронцкаго архимандрита Гавриіла. Тамъ же стр. 180.

³⁾ Показаніе Петра, протопопа петропавловскаго. Тамъ же стр. 129.

имѣють злобу на Синодъ за отнятіе поповъ и что у нихъ церкви запечатаны и тѣмъ-де всю ихъ гордыню пресѣкли ¹⁾).

Θеодосій между тѣмъ просилъ ходатайства Голштинскаго герцога и, 30 апрѣля, вручилъ ему письмо къ Императрицѣ.

«Хотя великая моя вина предъ вашимъ величествомъ недостойна мене сотворила всякаго прощенья и помилованія, однако, уповав на великое вашего величества всѣмъ виновнымъ изливается милосердіе, симъ моимъ всенижайшимъ доношеніемъ паки безъ извиненія, ради врученія вашему величеству сего доношенія вседражайшаго зятя вашего и всей государственной высокой фамилии и ради вѣчнаго поминовенья блаженныя и вѣчно достойныя памяти императорскаго величества, всенижайше прошу всемилостивѣйшаго извиненія и помилованія. А ежели вашему величеству сумнительна прежняя и нынѣшняя къ вашему величеству убогая вѣрность и услуга рабская, то симъ доношеніемъ подтверждаю тако: что, по кончинѣ блаженныя и вѣчно достойныя памяти императорскаго величества, добрымъ и согласнымъ совѣтомъ Всевышній сдѣлалъ и всѣ вѣрные подданные вашего величества присягою утвердили, въ которой по чистой моей къ вашему величеству и къ отечеству вѣрности не остался и я убогой, но прежде всѣхъ оную учинилъ и поднисалъ, то и содержать ту мою присягу до кончины жизни моей тѣхъ не премѣню. И ежели я нечистою совѣстію сіе написалъ, то да будетъ на мнѣ въ семь вѣцѣ и въ будущемъ рука Господня гнѣвная и вашего величества — наказательная». — Подано ли было это письмо Императрицѣ и какъ было принято ею, не извѣстно.

2-го мая слѣдователи — Головкинъ, Ягужинскій и Толстой пріѣхали къ Θеодосію для новыхъ допросовъ. Въ этотъ разъ Θеодосія допрашивали о словахъ, сказанныхъ 5-го апрѣля Геофану въ домѣ ея величества, что «Государыня будетъ трусить, только мало подождите». Θеодосій показалъ, что на святой недѣлѣ былъ у него разговоръ съ тверскимъ архіепископомъ о трактamentѣ сенаторовъ въ домѣ ея величества, а синодальныхъ членовъ на томъ трактamentѣ не было, и онъ сказалъ тѣ рѣчи отъ глупости, а не отъ злобы, въ такой смѣхъ, что нынѣ задобриваютъ сена-

¹⁾ Показанія Болтина. Тамъ же, стр. 152.

торовъ, чтобъ добръ дѣла управляли, а сохрани Богъ, когда въ нихъ какое несогласіе къ добру общему будетъ, тогда духовныхъ станутъ задобривать, чтобъ увѣщевали къ согласію добра общаго. А что «мало только подождать» говоритъ отъ словъ, которыя слышались, что будто цезарь намѣренъ прислать въ Россію тайно съ деньгами, которыми бы склонять здѣшнихъ министровъ въ свою партію»¹⁾.

Между тѣмъ осторожный и предусмотрительный Теофанъ провѣдалъ, что къ Θεодосію ходятъ, съ позволенія полиціи-мейстера Девьера, посѣтители и что онъ посылаетъ судью своего развѣдывать, кто изъ синодальныхъ членовъ и что на него показываютъ. Опасаясь, чтобы чрезъ это не потерять начатаго дѣла, Теофанъ счелъ обязанностію предупредить объ этомъ Толстаго²⁾.

Вслѣдствіе письма Теофанова, въ тотъ же день (3-го мая) забрали всѣ письма Θεодосія и взяли изъ невскаго монастыря судью Головачева и нѣсколько монаховъ. Въ числѣ забранныхъ бумагъ оказалось письмо къ Θεодосію отъ неизвѣстнаго его доброжелателя, въ которомъ написано, что было собраніе у новоспасскаго архимандрита и въ этомъ собраніи графъ Матвѣевъ говорилъ бранно о Θεодосіѣ за то, что онъ, во время болѣзни покойнаго Государя, издѣвался надъ нѣжностію плачущей супруги Государя и говорилъ непристойныя слова. Матвѣевъ говорилъ это при другихъ гостяхъ — Чичеринѣ, Измайловѣ, Раевскомъ и Топляскомъ, — и ссылался на свою жену, которая подтвердила

¹⁾ Показаніе Петра, протопопа петропавловскаго. Тамъ же стр. 165.

²⁾ Письмо Теофана къ Толстому. «Сіятельныйшій графъ, Петръ Андрѣвичъ, государь мой и благодѣтель особливый. Возвратяся я отъ васъ въ Синодъ, спросилъ секретаря Герасима, бываетъ ли у архіерея новгородскаго? Сказалъ онъ, что бываетъ, да за изволеніемъ-де Антона Мануйловича. И мы до справки велѣли его взять за арестъ. Когда же я сталъ при своей братіи говорить съ удивленіемъ, что если секретарю-де да ходитъ позволяется, то для чегожъ другимъ прочимъ и запрещать: тогда отецъ архимандритъ тронцкій, отвѣдъ меня на сторону, сказалъ: у меня де вчера былъ отъ новгородскаго архіерея судья его монастырскій (Головачевъ), спрашунъ, кто наступаетъ на его архіерея; и я де спрашивалъ его, бываетъ ли у архіерея; и судья-де сказалъ, что онъ отъ архіерея и присланъ, а его-де судью пускаютъ къ архіерею карульные. Сіе доношу вашему сіятельству, пребывая доброжелательный вашъ слуга и богомолецъ, Теофанъ архіепископъ псковскій, 1725 г. мая 3-го». Тамъ же, стр. 143.

его рѣчи. Незвѣстный благожелатель, скрывшій свое имя подъ буквами: Я. Г. М., упрашивалъ Феодосія вступиться за свою честь и просить у Государыни сатисфакціи, дабы такому высокоумницѣ и хвастуну неслыханному тое пересѣчь и другимъ впредь неповадно бы было. Письмо адресовано было на имя Феодосія, съ предостереженіемъ на пакетѣ, чтобы не распечаталъ его секретарь Феодосія Герасимъ Семеновъ.

Семеновъ, старый подъячій, находился при Феодосіѣ съ самаго посвященія его въ новгородскаго архіепископа; въ 1721 г., въ февралѣ, вѣроятно по желанію Феодосія, онъ опредѣленъ былъ въ Синодъ канцеляристомъ; въ августѣ того же года, по докладу и рекомендаціи оберъ-секретаря Варлаама Овсянникова, произведенъ въ секретари съ тѣмъ, чтобы «бывать въ Синодѣ только тогда, когда президенство собраніе имѣть будутъ, а въ прочія времена быть ему при Феодосіѣ для отправленія поручаемыхъ отъ его преосвященства дѣлъ».

Семенова, на другой же день, потребовали въ Тайную канцелярію; а Синодъ сообщилъ Ягужинскому и Ушакову, что содержать его арестованнымъ при Синодѣ не удобно, чтобы бывшіе подкомандные его, караульные солдаты, не учинили въ содержаніи ареста какого послабленія. Семенова удержали въ Тайной канцеляріи, гдѣ пошолъ розыскъ о сочинителѣ подметнаго письма.

Между тѣмъ, 8 мая, Феофанъ объявилъ синодскому секретарю Тишину высочайшій указъ, «чтобъ съ этой поры нѣсколько времени присылаемыхъ на почтѣ изъ Москвы и изъ всѣхъ мѣстъ, какъ въ синодальную канцелярію, такъ и къ синодальнымъ членамъ и канцеляристамъ, служителямъ и прочимъ подчиненнымъ Синоду, писемъ, какія бъ къ кому ни были, въ синодальной канцеляріи принимая никому не раздавать, и ему Тишину и прочимъ секретарямъ и самимъ членамъ безъ другихъ членовъ не распечатывать, но объявлять первымъ синодскимъ членамъ, при которыхъ распечатывать и осматривать, не явится ль подъ чьимъ пакетомъ и другихъ сверхъ того писемъ». Тишину поручено было послать въ Ямскую канцелярію на почтовой дворъ нарочнаго и сказать, чтобъ всякія къ подчиненнымъ Синоду адресованныя письма приносили въ синодальную канцелярію, а тамъ никому не отдавали. Черезъ день послѣ этого, 10-го мая, сдѣлано дополнительное распоряженіе,

чтобы и партикулярныя письма лицъ синодальнаго вѣдомства иначе не посылать по адресамъ, какъ за синодскою печатью, съ надписью «партикулярныя» и съ платежемъ денегъ.

Мая 11-го уже подписанъ былъ указъ о Θεодосіѣ, съ объявленіемъ его преступленій. Указъ этотъ составленъ былъ Θεοфаномъ, съ преувеличеніемъ и искаженіемъ многихъ подробностей суда и слѣдствія надъ обвиненнымъ. Не объявляя себя доносчикомъ на него, Θεοфанъ сказалъ глухо, что доносъ сдѣланъ отъ всѣхъ синодальныхъ членовъ порознь, что явно несправедливо. Неконченный процессъ по доношенію Носова также не былъ забытъ и введенъ въ приговоръ, какъ будто обслѣдованное и рѣшеное дѣло о грабительствахъ Θεодосія въ новгородской епархіи ¹⁾.

На слѣдующій день, 12-го мая, публично, съ барабаннымъ боемъ, обнародованъ былъ приговоръ надъ Θεодосіемъ, чтобы, вмѣсто заслуженной смертной казни, сослать его въ дальній монастырь, именно въ корельскій на устьѣ Двины, и содержать тамъ подъ карауломъ неусходно.

Слѣдствіе по дѣлу подметнаго письма не открыло его виновника, но подтвердило дѣйствительность факта. Это было уже послѣ ссылки Θεодосія. Донесеніе изъ Москвы, съ показаніями крутицкаго архіерея и новоспасскаго архимандрита, получены были 7-го іюля, — почти черезъ два мѣсяца послѣ заточенія Θεодосія. Впрочемъ, кажется, этому письму можно приписать дальнѣйшее рѣшеніе судьбы Θεодосія ²⁾.

По прибытіи въ монастырь, 21-го іюня, Θεодосій заточенъ былъ въ одной изъ келій подъ церковію. Узникъ просилъ себѣ духовника: архимандритъ, съ разрѣшенія Тайной канцеляріи, назначилъ къ нему въ духовники іеромонаха Іова съ подходящими инструкціями. Θεодосій исповѣдался со слезами, просилъ и впредь не лишать его исповѣди и причастился св. Таинъ въ церкви, въ епитрахили съ поручами. «Чинъ архіерейской съ меня не снятъ, говорилъ онъ, а только я отрѣшенъ отъ епископіи». Тайная канцелярія, получивши донесеніе объ этомъ отъ архимандрита, сочла желаніе Θεодосія не нужною прихотью со стороны заключеннаго

¹⁾ Проектъ указа напечатанъ въ Русск. архивѣ, 1864 г., стр. 169—172.

²⁾ Розыскъ о письмѣ у г. Есипова въ статьѣ Чернышевъ Θεодосъ (Отч. Зап. 1862 г. № 6).

и приказала приобщать его разъ въ годъ въ великій постъ, не въ церкви, а въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ содержится.

Въ тотъ же день, какъ состоялся приговоръ о заточеніи Теодосія, однимъ и тѣмъ же указомъ приговоренъ былъ къ ссылкѣ въ соловецкій монастырь синодальный ассессоръ *Варлаамъ Овсянниковъ*, игумень угрѣшскій. Тайная канцелярія предписывала сыскать его и держать при синодской канцелярїи подъ карауломъ. Синодъ послалъ въ Сенатъ совѣтника своего, симоновскаго архимандрита Петра, спросить: какая его вина? Сенатъ отвѣчалъ: «по прежнимъ его въ вышнемъ судѣ вѣдомымъ дѣламъ». На самомъ же дѣлѣ, по какимъ-то показаніямъ, его обвинили, какъ участника въ словахъ и дѣлахъ Теодосія.

О «прежнихъ дѣлахъ» Варлаама мы знаемъ только слѣдующее. Варлаамъ, какъ извѣстно, былъ ассессоромъ и оберъ-секретаремъ въ Синодѣ. Въ 1723 году, по прикосновенности къ какимъ-то дѣламъ, слѣдованнымъ на генеральномъ дворѣ, объявленъ былъ ему, по высочайшему именному указу, арестъ при св. Синодѣ, а Синоду приказано было, къ слѣдованію этого дѣла, назначить двухъ депутатовъ ¹⁾. 16-го февраля потребовали его на генеральный дворъ и тамъ удержали подъ арестомъ. Овсянниковъ прислалъ въ Синодъ извѣстіе о причинѣ его ареста. Это былъ доносъ секретаря Макара Бѣльева о упущеніи имъ многихъ сборовъ синодальной команды. Такъ какъ дѣло касалось Синода, то собрали объ немъ нужныя свѣдѣнія. По слѣдствію оказалось, что «хотя и есть недомыка, но она произошла не отъ упущенія Овсянникова, но отъ неприсылки изъ Камеръ-коллегїи въ Синодъ и отъ неотдачи въ синодскую команду отъ свѣтскихъ командировъ книгъ и вѣдомостей, нужныхъ къ тѣмъ сборамъ, и отъ неприсылки требуемыхъ, къ порядочному этихъ сборовъ исправленію, офицеровъ и царедворцевъ, а Синодомъ въ тѣхъ сборахъ чинено и

¹⁾ Высочайшій именной указъ св. Синоду: «Св. Синодъ! По дѣламъ, слѣдующимся въ генеральномъ дворѣ, касается нѣчто до ассессора Варлаама Овсянникова. Того рода объявите ему, Овсянникову, арестъ, дабы не ушелъ, и когда дѣло его будутъ слѣдовать, тогда дадутъ вамъ вѣденіе. Въ то время отправьте двухъ депутатовъ отъ себя для того слѣдованія. Петръ. 5-го февраля 1723 г. въ Преображенскомъ».

Варлаамомъ показывано все приложное усердіе, и Бѣляевъ доносилъ о томъ весьма ложно; да и самъ во многихъ важныхъ дѣлахъ и въ интересахъ и взяткахъ явился подозрителенъ.» Свѣнодъ сообщилъ объ этомъ вышнему суду и ходатайствовалъ за своего ассессора, чтобы освободить его изъ подъ ареста, или же, если это не возможно, то хотя бы пускать до церкви и куда ему потребно будетъ. На увѣдомленіе Свѣнода, кабинетъ-секретарь Макаровъ отвѣчалъ словесно, что, по опредѣленію вышняго суда, Овсянникову дозволено ходить съ караульнымъ, куда онъ пожелаетъ. Между тѣмъ Свѣнодъ извѣстился, что его пускаютъ только въ церковь, а въ другія мѣста не отпускаютъ, и возобновилъ свое требованіе о свободномъ отпускѣ его, куда онъ пожелаетъ. Въ-сто отвѣта послѣдовалъ высочайшій указъ св. Свѣноду: «снять съ Овсянникова священство и монашество, потому что онъ явился въ не малыхъ преступленіяхъ, по которымъ причисленъ къ розыску»¹⁾. Свѣнодъ командировалъ отъ себя, для этой плачевной церемоніи, судью тунской конторы, протопопа Ивана Семенова. Протопопъ возвратясь объявилъ, что «онъ означенному Овсянникову въ вышнемъ судѣ, при собраніи, указъ объявилъ, священства и монашества обнажилъ, камплавку и клобукъ снялъ». Овсянниковъ содержался въ вышнемъ судѣ до смерти Государя. Екатерина, послѣ возшествія на престолъ, приказала отослать его въ св. Свѣнодъ и быть ему монахомъ по прежнему, а по дѣламъ его въ вышнемъ судѣ слѣдовать по указу (19-го марта 1725 г.)²⁾. Но ему не долго пришлось пользоваться свободою. Какъ мы сказали выше, высочайшимъ указомъ 11-го мая велѣно было сослать его въ соловецкій монастырь въ братство, на венсконное житіе. «А церковное священнослуженіе отправлять ему Овсянникову, когда восхоцеть, съ вѣдома настоятельскаго позволяется безъ препятія»³⁾.

1) Высочайшій именной указъ св. Свѣноду: «Св. Свѣнодъ! По дѣламъ, слѣдующимся въ канцеляріи вышняго суда, игуменъ Овсянниковъ и дьяконъ Чуркинъ явились въ не малыхъ преступленіяхъ, которыми причислены они къ розыску. Того ради велите съ нихъ священство и монашество снять. Петръ. 11-го декабря 1723 г.»

2) Дѣла архива св. Свѣнода, 1723 г., № 266.

3) Дѣла архива св. Свѣнода, 1725 г., № 122.

Изъ прочихъ лицъ, арестованныхъ по дѣлу Θεодосія, секретарь *Герасимъ Семеновъ* сначала укрывалъ его изъ жалости; но, послѣ пытки, началъ чернить всѣхъ, чтобы самому спастись черезъ погубель другихъ.

Онъ обнаружилъ злоупотребленія Θεодосія въ пользованіи церковною и монастырскою собственностію. Его отвезли въ Новгородъ для доказательствъ доноса и послали туда же синодальнаго ассессора, архимандрита Іону Сальникѣва и капитана гвардіи Шуперина для осмотра и описи соборной ризницы и домової казны и прочихъ вещей, противъ першисныхъ книгъ 1701 и 1720 годовъ. Герасимъ Семеновъ изъ подсудимаго обратился въ докащика и присвоилъ себѣ даже не подлежащее ему право слѣдователя. 16-го іюня архимандритъ Іона доносилъ Синоду, что Герасимъ Семеновъ управителей новгородскаго архіерейскаго дома забиралъ къ себѣ на квартиру, и въ приказѣ держалъ и ковалъ, и волю свою приказывалъ исполнять; чапника монаха Герасима, у котораго хранились всѣ вещи, собранныя Θεодосіемъ изъ разныхъ новгородскихъ монастырей, въ оковахъ держалъ, и у него (Іоны) инструкціи требовалъ и пришедши въ его келью, при Шуперинѣ и при другихъ, поносилъ главныхъ св. Синода и за то онъ не велѣлъ пускать его въ архіерейскій домъ. Синодъ приказалъ Іонѣ сообщить объ этомъ извѣстіе въ собраніе Сената и Синода, а его — Семенова не слушаться.

Семеновъ прислалъ отъ себя въ Тайную канцелярію доносъ на своего слѣдователя, будто онъ замѣшляеть на здравіе ея величества. Ушаковъ взялъ Семенова въ Тайную канцелярію для уликъ и потребовалъ изъ Новгорода Іону для объясненія, «понеже въ томъ есть важность». Синоду не могло нравиться, что важное духовное лицо, синодальнаго члена, по одному оговору подьячаго, арестуютъ и держать подъ карауломъ. 7-го іюля, въ самый день ареста Іоны, «Синодъ имѣлъ разсужденіе, что многіе люди по разнымъ дѣламъ впадаютъ въ тяжкія преступленія и, въ содержаніи ареста, отбывая внищъ своихъ по прежнимъ съ кѣмъ ссорамъ или кто что имъ учинилъ въ то время противно, сказываютъ на знатныхъ духовныхъ персонъ великоважныя дѣла, и тѣ знатныя персоны хотя по слѣдованію являются и невинны, однакожъ въ то время, какъ тѣ содержащіеся на нихъ покажутъ, берутся

въ преображенскую и въ тайную розыскныхъ дѣлъ канцелярію строго и содержатся подъ крѣпкими аресты, къ которымъ не токмо служителей ихъ, но и другихъ никого не допускаютъ, отчего таковымъ знатнымъ бываетъ не малая тягость и здравію и чести поврежденіе, и по разсужденіи согласно приговорили: ея императорскому величеству отъ Синода учинить посмысленный докладъ, въ которомъ мнѣніе синодальное такое объявить, чтобъ, по такимъ дѣламъ, слѣдованіе чинить безъ продолженія времени, а ежели нельзя, то знатныхъ персонъ подъ арестомъ не держать, а отдавать на знатныя и вѣроятія достойныя поруки». По слѣдствію, за Іоною не явилось никакого дѣла; однакожъ его продержали въ Тайной канцеляріи до 23-го сентября ¹⁾).

Семеновъ хотѣлъ очернить также и Ѳеофана и, съ секретарскою крючкватостію, показалъ въ слѣдственной комиссіи, будто Ѳеофанъ, еще до посвященія своего въ епископа, обличенъ былъ покойнымъ митрополитомъ Стефаномъ въ еретичествѣ, — что объ этомъ была переписка, по Ѳеофанъ уничтожилъ ее. (Дѣло касалось тѣхъ документовъ, о которыхъ мы упомянули выше — писемъ Стефана къ сарскому и тверскому епископамъ и къ Мусьяну-Пушкину, объяснительной записки Ѳеофана и оправдательнаго доношенія Гедеона и Ѳеофиакта). Слѣдственная комиссія потребовала извѣстія объ этомъ изъ Синода. Синодъ поручилъ разслѣдованіе дѣла секретарямъ; но, по изслѣдованію ихъ, оказалось, что этой переписки нѣтъ въ Синодѣ и что по описи дѣлъ 1724 г. она значится пропавшею. Комиссія 26-го мая, именовъ Государыни, настойчиво требовала отысканія ихъ. Трудно угадать, къ чему клонилось это дѣло, и на что нужны были комиссіи документы, направленные противъ Ѳеофана. Какъ бы то ни было, но Ѳеофанъ 31-го мая предложилъ Синоду, чтобы его уволить отъ собраній для приема лекарствъ до 7-го іюня; а 2-го іюня подалъ доношеніе, «что письма, писанныя на него митрополитомъ Стефаномъ въ 1718 г., обрѣтаются у него, но что онъ не помнитъ—отъ кого и какъ получилъ ихъ; только служитель его, келейный хартофилаксъ, сказалъ, что оныя въ Москвѣ въ 1722 г. отъ оберъ-секретаря Тимофея Осиповича (Па-

¹⁾ Дѣла арх. св. Синода, 1725 г., № 142.

лехина) принесены къ нему на квартиру съ предложеніемъ: положить ли письма оныя въ архивы синодальные, и что онъ, не видя своихъ на эти письма отвѣтовъ, удержалъ при себѣ до взысканія отвѣтовъ, дабы какъ письма, такъ и его отвѣты, яко единого дѣла части, внесены были въ архивы и въ единомъ связѣ положены. Чтò я отъ служителя слышалъ и вспомянулъ, того жъ часа объявилъ словесно въ Тайной канцеляріи и на письмѣ къ Толстому, а нынѣ и св. Синоду симъ объявляю. А о письмахъ оныхъ, откуда до мене достались, трудно было мнѣ не забыть, понеже того никто изъ Синода и изъ синодской канцеляріи не токмо у меня не требовалъ, но и не вспомянулъ доселѣ ¹⁾). Какія были послѣдствія этихъ розысковъ, неизвѣстно.

Не успѣвши опутать Феофана этимъ показаніемъ, Герасимъ Семеновъ сдѣлалъ на него другое показаніе, будто онъ «10-го марта сего года, будучи въ Синодѣ, при собраніи всѣхъ синодальныхъ членовъ и архіереевъ, которые къ выносу и надгробному пѣнію тѣла его императорскаго величества были сюда призваны, гнѣвался на синодскаго ассессора, протопопы петропавловскаго Петра, о постановленныхъ попомъ Миною въ петропавловской церкви излишнихъ свѣше потреби иконахъ, и въ томъ гнѣвѣ уподобля ихъ Левину ¹⁾), который за важную виду казненъ смертію, говорилъ крично такъ: «Государь еретикъ», чтò и усугубилъ, токмо имени ясно не сказалъ». Но — конецъ и этого дѣла также неизвѣстенъ.

Черня одного за другимъ синодальныхъ членовъ, Семеновъ очернилъ и синодскихъ секретарей — Дудина и Тишина. Какъ ни были обыкновенны внезапности въ то время, но арестъ ихъ, даже для того времени, былъ чрезвычайно страненъ. Августа 18-го гвардейскій унтеръ-офицеръ Хрущевъ пришелъ утромъ въ Синодъ, спросилъ секретарей Дудина и Тишина и объявилъ имъ, что ихъ спрашиваютъ въ Сенатѣ. По выходѣ изъ Синода, онъ приказалъ бывшимъ съ нимъ солдатамъ арестовать ихъ и отвезти въ крѣпость. Синодъ послалъ въ Тайную канцелярію своего члена,

¹⁾ Кабин. Дѣла, II, № 78, л. 123.

²⁾ Разстрига Варлаамъ Левинъ, казненный въ 1723 г. за дерзкія рѣчи противъ Государя. Подробности о немъ въ статьѣ г. Есипова: Варлаамъ Левинъ. (Русское Слово 1861 года).

архимандрита Аѳанасія Кондонди, спросить о причинѣ такого самовольнаго обманнаго захвата его чиновниковъ безъ объявленія св. Синоду, и ставилъ ей на видъ, что это не въ порядкѣ вещей, что даже въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло не подлежитъ общей извѣстности, то и тогда объявляется, одному или двумъ первѣйшимъ членамъ, если не самое дѣло, то хотя то, что такія-то лица требуются, куда надлежитъ. Аѳанасій Кондонди, по возвращеніи изъ Тайной канцеляріи, объявилъ отвѣтъ Ушакова, что «какое до синодальныхъ секретарей касается дѣло, о томъ знать св. Синоду не надлежитъ; а что они взяты обманомъ, этого приказано не было, а велѣно было взять ихъ поутру рано изъ домовъ, пока не сойдутъ въ канцелярію.» Синодъ долженъ былъ удовлетвориться этимъ отвѣтомъ. Дудина и Тишина продержали въ крѣпости больше мѣсяца, пока Семеновъ не показалъ съ пытки, что обвинилъ ихъ ложно¹⁾.

Сидя въ казармѣ Герасимъ Семеновъ написалъ что-то на столѣ, и при этомъ упоминалъ Царевича. 11-го августа взяли изъ казармы столъ, на которомъ оказалось писано по латинѣ. Тайная канцелярія потребовала изъ Академіи наукъ учителя Ханенко для перевода этого письма на русскій языкъ. Что писано было — неизвѣстно. Но вслѣдъ за этимъ Тайная канцелярія усилила строгость надзора за нимъ. 13-го августа приказано было ни въ церковь и никуда на сторону его не пускать, питья хмѣльнаго никакого не давать и пищу всякую откушивать тому, кто принесетъ, и къ нему никого не допускать и быть у него на часахъ двумъ²⁾.

Наконецъ состоялся приговоръ о Семеновѣ. «За то, что онъ слышалъ отъ Θεодосія и Варлаама про ихъ императорское величество злохулительныя слова, и не только на нихъ не доносилъ, но былъ съ ними собесѣдникъ, и доносить на нихъ сталъ не добровольно, но изъ-за пытки, — казнить его смертію — отсѣчь голову».

Во время слѣдствія по дѣлу Семенова обнаружилось дѣло о присягѣ, по которой въ 1724 г. присягали на вѣрность и покорность Θεодосію, по обычаю царской присяги, въ невскомъ мона-

¹⁾ Дѣла архива св. Синода 1725 г., № 142.

²⁾ Государств. архив., Дѣло о Θεодосіѣ, л. 175—177

стырѣ и въ Новгородѣ всѣ его подчиненные, которымъ поручено какое правленіе и которые у дѣлъ обрѣтаются. Бывшіе подчиненные Феодосія показали, что они присягали располагаясь тѣмъ, что Феодосій въ Синодѣ первенствующая особа и, полагая, что присяга предписывалась Феодосіемъ по высочайшему повелѣнію.

Это дало еще худшій оборотъ его дѣлу. 6-го октября графъ Толстой пришелъ въ Синодъ и принесъ форму «Объявленія» о Феодосіѣ. Синодъ, не читавши, поручилъ «разсмотрѣть ее Феофану и когда отъ его преосвященства опять сообщена будетъ въ Синодъ, то предложить собранію». Объявленіе состояло изъ описанія преступленій Феодосія. 9-го сентября, по высочайшему повелѣнію, приказано было мѣстному архіепископу снять съ Феодосія архіерейскій и іерейскій санъ ¹⁾, а въ инструкціи отправленому туда, штатскому совѣтнику и лейб-гвардіи капитану лейтенанту, графу Платону Мусину-Пушкину (сыну И. А. Мусина-

¹⁾ Съ бывшаго архіерея новгородскаго Феодосія — сказано въ высочайшемъ указѣ — за его злоковарное воровство, «что онъ будучи въ С.-Петербургѣ говаривалъ злохулительныя слова про нѣхъ императорское величество и мыслилъ впредь чинить нѣкоторый злой умыселъ на руссійское государство, санъ съ него, Феодосія, архіерейскій и іерейскій снять и быть ему простымъ старцемъ». И для того его Феодосова архіерейскаго и іерейскаго чина лишена, — предписано указомъ холмогорскому архіерею — дабы то было дѣйствительно исполнено, въ тотъ монастырь, гдѣ онъ нынѣ содержится, ѣхать вашему преосвященству съ опредѣленною изъ Тайной Р. Д. канцеляріи присланною на Холмогоры персоною обще и чинить все съ общаго согласія... А по лишеніи вышеобъявленнаго Феодоса архіерейскаго и іерейскаго чина, сказать того монастыря настоятелю и братіи указъ съ запискою и съ рукоприкладіемъ, дабы они отъ того времени признавали его Феодоса за простаго чернца, и что при немъ архіерейскихъ одѣяній и прочаго обрѣтается, описать». (Указъ св. Синода холмогорскому архіепископу Варнаві, 11-го сентября 1726 г.). При снятіи сана съ Феодосія приказано было прочитатъ ему слѣдующее: «бывшій архіерей Феодосій! за важныя твои вины, что ты говаривалъ про нѣхъ императорское величество злохулительныя слова, сверхъ прежняго о тебѣ публикованнаго дѣла; а о той твоей худѣ къ превысочайшимъ нѣхъ величества персонамъ Герасимъ Семеновъ отъ тебя слышалъ и самъ на нѣкоторыя твои слова зло же говорилъ, и мыслили вы съ нимъ, Герасимъ, учинить руссійскому государству злой вредъ, и въ томъ онъ, Герасимъ, въ распросѣхъ и съ розысковъ и на исповѣди передъ смертью (поможе онъ казнить) утвердилъ, — и за такое твое злохитрое воровство, по указу ея императорскаго величества, по силѣ государственныхъ прежнихъ и вновь учиненныхъ правъ, самъ съ тебя архіерейскій и іерейскій снять, и быть тебѣ простымъ чернцомъ».

Пушкина, известному по дѣлу А. П. Вольвскаго) приказано было посадить его въ томъ монастырѣ въ тюрьму, а буди тюрьмы нѣтъ, сыскать каменную келью на подобіе тюрьмы, съ маленькѣ оконшкомъ, а людей бы близко той кельи не было; пенцу ему опредѣлить хлѣбъ да вода».

«Графъ Мусинъ-Пушкинъ въ николюскій корельскій монастырь пріѣхалъ 17-го октября; а Феодось тогда былъ у обѣдни; и онъ, Платонъ, въ томъ монастырѣ искалъ крѣпкаго каменнаго мѣста, на подобіе тюрьмы, кудабы Феодоса посадить, и къ тому такого удобнаго мѣста не нашель, кромѣ той палаты, гдѣ и прежде Феодось былъ и, покаместъ обѣдню пѣли, велѣлъ Платонъ у той кельи большое окошко закласть кирпичемъ, и оставлено меньшее четверть аршина въ высоту и четверть въ широту, и мостъ изъ той кельи выбранъ, и близко той тюрьмы жилья нѣтъ. И какъ Феодось отъ обѣдни пришелъ въ ту тюрьму, тогда Платонъ и холмогорскій архіерей, да отъ гвардіи сержантъ пришли, и архіерей санъ съ Феодоса архіерейскій и іерейскій снялъ, и тогда отъ Феодоса никакихъ словъ противныхъ не было. А послѣ того обыскиванъ Феодось: нѣтъ ли какихъ при немъ писемъ? Но нигдѣ ничего противнаго не нашлось. Платья при немъ оставлено только что на немъ, да постеля; денегъ ему ничего не дано. А оная тюрьма за тремя дверьми и замками и за печатями, и у послѣднихъ дверей поставленъ караулъ — одинъ часовой изъ гвардіи, а другой изъ гарнизонныхъ съ ружьемъ»¹⁾.

Можно судить, каково было несчастному на сыромъ и холодномъ полу, въ сырой, нетопленной тюрьмѣ! Тайная канцелярія, узнавши объ этомъ, показала человеколюбіе, приказала «подгѣ той тюрьмы, гдѣ содержится чернецъ Феодось, прискаты другую удобную, гдѣ сдѣлать печь и наслатъ деревянный полъ; а печь топить съ над-

¹⁾ Экстрактъ о разстриженіи бывшего архіерей Феодосія и о поселеніи въ тюрьму. Гусуд. арх. Дѣло о Феодосіѣ, а. 170. Доносъ Тайной канцелярія о вещахъ, отобранныхъ у Феодосія, графъ Мусинъ-Пушкинъ писалъ: «въ календарѣ его Феодосовѣ являлась записка въ нѣкоторыхъ мѣсяцахъ, именно — въ генварѣ мѣсяцѣ: Богъ да ущедритъ ны и да благословитъ, да освятитъ лице свое на ны, аминь; въ февралѣ: виновно всѣмъ злымъ лакомство, тщеславіе, Госу: дарныя, еже не вѣдати писанія»....

ворья и устье печное чтобъ близъ караула было»¹⁾. 23-го ноября архангельскій губернаторъ Измайловъ доноситъ Тайной канцеляріи, что, по указу ея, онъ ѣздилъ въ корельскій монастырь для надзиранія имѣющагося надъ Феодосомъ караула, и тотъ караулъ имѣется въ добромъ состояніи, и онъ Феодосъ еще живъ.

30-го ноября, указомъ изъ Тайной канцеляріи предписано Измайлову: «когда придетъ крайняя нужда къ смерти чернцу Феодосу, по исповѣди приобщить его св. Таинъ въ тюрьмѣ, гдѣ онъ содержится, и при томъ быть, съ духовникомъ Феодосовымъ, ему, Измайлову, и для того двери отпереть и распечатать; а по причащеніи оныя двери по прежнему запереть и запечатать ему же, Измайлову, своею печатью и приказать хранить накрѣпку»²⁾.

«А ежели ему Феодосу придетъ смерть, то съ тѣломъ его что чинить, о томъ я отъ Канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ прошу резолюціи» писалъ Измайловъ въ донесеніи 30-го декабря³⁾. «Чернца Феодоса,—отвѣчала канцелярія 22-го января 1726 г.,—когда онъ умретъ, тѣло его похоронить въ томъ же монастырѣ, гдѣ нынѣ содержится»⁴⁾.

Къ концу января готова была новая тюрьма для Феодосія; но какъ онъ не имѣлъ силъ перейти въ нее, то его перенесли на рукахъ. «А въ то время—писалъ Измайловъ—былъ онъ Феодосъ болѣнъ, а какою болѣзнію, того я признать не могъ, и оный Феодосъ о болѣзни мнѣ ничего не сказывалъ же, токмо по переносѣ, называя меня именемъ, говорилъ мнѣ онъ Феодосъ: «ни я-де чернецъ, ни я-де мертвецъ. Гдѣ-де судъ и милость? На которыя его рѣчи сказалъ я ему съ сердцемъ, дабы онъ лишняго не говорилъ, а просилъ бы у Бога душѣ своей милости. И притомъ я его спросилъ: не желаетъ ли онъ, Феодосъ, духовника. И на тотъ вопросъ ничего онъ Феодосъ мнѣ не сказалъ и глазъ своихъ, какъ у него закрыты были камплавкою, не открылъ, и въ той тюрьмѣ я его оставилъ и запечатавъ заперъ, и тогожъ числа отъѣхалъ къ городу Архангельскому. А минувшаго 3-го февраля, т. е. въ тезо-

¹⁾ Государств. арх., Дѣло о Феодосіѣ, л. 25.

²⁾ Государств. арх., Дѣло о Феодосіѣ, л. 11.

³⁾ Государств. арх. Дѣло о Феодосіѣ, л. 52.

⁴⁾ Государств. арх. Дѣло о Феодосіѣ, л. 87.

именитство ея высочества, государыни цесаревны Анны Петровны, караульный фендрикъ Григорьевъ мнѣ репортовалъ, что оный Ѳедось, по многому клику для подавiя пищи, отвѣту не отдаетъ и пищи не принимаетъ. Того жъ числа велѣлъ я ему, фендрику, ѣхать въ оный монастырь въ самой скорости и Ѳедосу въ окно кричать, о принятiи пищи, какъ возможно громко, и ежели по многому крику отвѣту онъ Ѳедось не дастъ, то на другой день тюрьму распечатать отпереть, и его Ѳедоса осмотрѣть. 5-го февраля фендрикъ прислалъ ко мнѣ парочнаго солдата объявить, что оный Ѳедось умеръ ¹⁾. — Измайловъ, по полученной инструкцiи, приказалъ архимандриту мертвое тѣло предать землѣ; архимандритъ похоронилъ его при деревянной больничной церкви, гдѣ хоронятъ монаховъ. Но когда онъ донесъ о смерти Ѳеодосiя Тайной канцелярiи, то получилъ (отъ 20-го февраля) указъ, чтобы тѣло умершаго Ѳедоса отправить въ С.-Петербургъ. «Того ради, буде у города Архангельскаго обрѣтается изъ докторовъ или изъ лекарей, который бы могъ учинить анатомiю, то изъ Ѳедосова тѣла внутреннюю вынять; а ежели таковыхъ искусныхъ людей не обрѣтается, то, положи тѣло въ гробъ, засмолить и отправить въ С.-Петербургъ на почтовыхъ лошадяхъ отъ гвардiи съ урядникомъ и съ двумя солдатами изъ тѣхъ, кои были въ монастырѣ на караулѣ, съ подтвержденiемъ, якобы они ѣдутъ съ нѣкоторыми вещьми; и въ пути бы ѣхали не медленно со всякимъ поспѣшенiемъ, дабы распутье ихъ гдѣ не остановило и, прибывъ въ С.-Петербургъ, объявить тѣло въ Тайной канцелярiи. Буде же, паче чаянiя, Ѳедосово тѣло погребено, и оное вынувъ изъ земли исполнить противъ вышеписаннаго. А какою онъ, Ѳедось, болѣзнию былъ боленъ и сколько времени былъ въ болѣзни, и во время болѣзни былъ ли онъ исповѣданъ и св. Таинъ причащенъ ли, и во время тѣхъ Таинствъ или въ болѣзни не было ли отъ него какихъ словъ противныхъ, и какъ онъ умиралъ былъ ли кто при томъ, о томъ о всемъ велѣть обстоятельно репортовать ²⁾».

Но 2-го марта послѣдовалъ новый высочайшiй указъ, «чтобы, по преждепосланному указу, Ѳедоса чернца мертвое тѣло отъ го-

¹⁾ Дѣло о Ѳеодосiѣ, л. 85—119.

²⁾ Дѣло о Ѳеодосiѣ, л. 90.

Сборникъ II Отд. Н. А. Н.

рода Архангельскаго въ С.-Петербургъ не возить, и для того послать на встрѣчу нарочнаго курьера, велѣть погребсти въ кирilloвъ бѣлозерскаго или въ александровъ свирскаго монастырѣ, къ которому будетъ ближе; а буде отъ города за какимъ препятствіемъ то тѣло не отправлено, и его погребсти въ никольскомъ корельскомъ монастырѣ ¹⁾».

Феофану приказано было распорядится послушными указами изъ Синода въ означенные монастыри о погребеніи тѣла. На другой день, 3-го марта, онъ отвѣчалъ графу Толстому: «въ александровъ-свирскій монастырь я пошлю указъ, а въ кирilloвъ монастырь пошлется указъ изъ Синода, понеже оный монастырь не новгородской епархіи: однако къ обоимъ мѣстамъ пошлется въ одно время утромъ, рано. Благодарствую же превосходительству вашему и объ обѣщанномъ призрѣніи къ дому архіерейскому и монастырей о рѣшеніи запечатанныхъ денегъ: сія нужда жи выхъ есть и вящшая отъ нужды мертвыхъ; а я, пока живъ, одолженъ пребываю превосходительству вашему. Доброжелательный слуга и богомолецъ Ф. А. Н. ²⁾».

5-го марта Измайловъ донесъ, что, для вынутія тѣла Федосова изъ земли, секретно посылалъ онъ тамошняго гарнизона подполковника Хрипунова и съ нимъ гарнизоннаго лекаря Альбрехта, которому велѣно учинить анатомію, и при томъ исполненіи никому (кому не надлежитъ) быть невелѣно. На запросъ объ обстоятельстве смерти Федоса донесъ, что «какъ онъ, Федось, умиралъ, то при томъ быть никому было невозможно, потому что тюрьма была, по указу, заперта и запечатана его, Измайлова, печатью ³⁾».

1-го марта провожатыхъ съ тѣломъ Федоса встрѣтилъ, въ 60-ти верстахъ отъ Каргополя, кабинетскій курьеръ Матюшкинъ; и при нихъ тѣло осматривалъ въ деревнѣ тайно, наединѣ, не явится ли на томъ тѣлѣ какихъ язвъ — и того не явилось; и, осмотря, Матюшкинъ поѣхалъ къ городу, а провожатые съ тѣломъ къ С.-Петербургу поѣхали ⁴⁾.

12-го марта тѣло привезено въ кирilloвъ монастырь и, по из-

¹⁾ Дѣло о Феоодосіѣ, л. 103.

²⁾ Дѣло о Феоодосіѣ, л. 104.

³⁾ Дѣло о Феоодосіѣ, л. 119.

⁴⁾ Дѣло о Феоодосіѣ, л. 140.

вѣстному указу св. Синода, погребено тогожь числа казначеемъ іеросхимонахомъ Іоасафомъ съ братією, при церкви Евѣнмьевской ¹⁾.

Съ судьбой Θεодосіа какими то тайными нитями связана была судьба *Варлаама Овсянникова*. Въ тотъ же день, и тѣмъ же указомъ, какъ Θεодосіа приказано было лишить архіерейства и іерейства, рѣшена судьба и Варлаама. «Варлаама Овсянникова, — предписано указомъ св. Синода холмогорскому архіепископу Варнавѣ 11-го сентября 1725 года, — который отъ того шута и злодѣя Θεодоса помянутую хулу (къ превысочайшимъ ихъ величества персонамъ) слышалъ, а не донесъ, и за то его, яко сообщника, разстричь и посадить въ соловецкомъ монастырѣ въ корожню. 18-го ноября губернаторъ Измайловъ доносилъ, что бывший старецъ Овсянниковъ у города сысканъ и 19-го октября разстриженъ и содержится подъ крѣпкимъ карауломъ, а на Соловки не посланъ за распущеніемъ ²⁾. 23-го ноября — что Овсянниковъ изъ Архангельска въ соловецкій монастырь, для посаженія въ корожню, посланъ и для караула послано солдатъ три человекъ ³⁾. — 23-го декабря, — что Овсянниковъ въ корожню не посаженъ, потому что въ ней содержится уже, присланный при покойномъ Государѣ, по указу изъ св. Синода и Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, малороссіянинъ Захаръ Патока, а посаженъ въ тюрьму къ николевскимъ воротамъ ⁴⁾. — 27-го февраля 1726 года Овсянниковъ потребовалъ себѣ бумаги и чернилъ, объявивъ, что будетъ писать доношеніе о важномъ дѣлѣ. Измайловъ, не имѣя инструкцій, отнесся въ Тайную канцелярію ⁵⁾. Тайная канцелярія доложила объ этомъ Императрицѣ. Государыня приказала быть этому дѣлу въ вѣденіи свѣтлѣйшаго князя Меншикова, а отъ Тайной канцеляріи вѣдомствомъ того Овсянникова во всемъ отрѣшить ⁶⁾.

¹⁾ Дѣло о Θεодосіѣ, л. 118.

²⁾ Дѣло о Θεодосіѣ, л. 170.

³⁾ Дѣло о Θεодосіѣ, л. 12.

⁴⁾ Дѣло о Θεодосіѣ, л. 42. О Патокѣ — Описание докум. и дѣлъ архива св. Синода, Т. I, 1868 г. стр. 304—310.

⁵⁾ Дѣло о Θεодосіѣ, л. 160.

⁶⁾ Дѣло о Θεодосіѣ, л. 165. Доношеніе Варлаама князю Меншикову отъ 18-го іюня 1726 года, о бѣдственномъ его положеніи въ тюрьмѣ и объ обидѣхъ отъ караульныхъ служителей — въ Приложеніяхъ № IV.

Но, съ перемѣной высшаго начальства, въ положеніи Овсянникова не послѣдовало никакой перемѣны. Несчастнѣйшій томился въ тюрьмѣ 7 лѣтъ и скончался въ 1732 году.

Домогался или не домогался Θεοφάνη первенства въ Синодѣ и званія новгородскаго архіепископа, но онъ достигъ и того и другаго, и сталъ въ члѣнъ русской іерархіи.

Въ 1725 году, 25-го іюня, Императрица дала св. Синоду указъ, что, ея величество заблагоразсудить изволила преосвященнаго Θεοφάνα, архіепископа псковскаго, перевести на новгородскую степень; на его мѣсто, на псковскую степень — преосвященнаго Θεοφιλакта, архіепископа тверскаго, съ опредѣленіемъ его вторымъ вице-президентомъ въ Синодѣ». Выслушавъ этотъ указъ «преосвященные Θεοφάνη и Θεοφιλактъ предложили словесное свое св. Синоду прошеніе, чтобъ ея величеству, Государынѣ Императрицѣ, отъ св. Синода объ нихъ доложить, понеже они на прежнихъ своихъ степеняхъ уже установились и, за присутствіемъ своимъ въ синодальномъ правительствѣ, новыхъ по премѣненіи епархій осмотрѣть имъ вскорѣ будетъ невозможно; того ради дабы отъ ея величества, о увольненіи ихъ, паки по прежнему учинена была милостивая резолюція. О чемъ св. Синодъ довольно разсуждая и о бытіи въ Новѣгородѣ архіереемъ, кромѣ ихъ преосвященствъ, ежели ея императорское величество благоволитъ востребовать синодальнаго мнѣнія, совѣтовавъ, согласно приговорили: вышеозначенное ихъ преосвященствъ архіепископовъ прошеніе донести ея императорскому величеству, а о удостоеніи на степень архіерейства новгородскаго, буде ея величество отъ Синода мнѣнія востребуетъ, назначить преосвященнаго Георгія, епископа ростовскаго и ярославскаго, да изъ синодскихъ членовъ архимандритовъ безлично, кого ея величество заблагоразсудитъ изволитъ. Докладъ ея величеству, усмотря благопотребное время, учинить синодальнымъ членамъ—Петру, архимандриту симоновскому, да Аѳанасію, архимандриту спасарославскому и, какую резолюцію получать, то объявить имъ въ Синодѣ немедленно».

Архимандриты Петръ и Аѳанасій донесли Синоду, что 1-го

мая Императрица, въ присутствіи въ лѣтнемъ своемъ домѣ, по докладу ихъ указала: «вышеозначенныхъ синодальныхъ членовъ, по силѣ прежняго указа, перевести — преосвященнаго Теофана на престолъ новгородской архіепископін и быть ему архіепископомъ-же; емъ ужъ вѣдать и обрѣтающійся при С.-Петербургѣ александроневскій монастырь, яко настоятелю, и писать ему титулъ таковымъ же образомъ, какъ писано было бывшему новгородскому архіерею Теодосію; преосвященнаго Теофилакта, архіепископа тверскаго, на престолъ псковской архіепископін и быть ему архіепископомъ же. Преосвященному Георгію епископу ростовскому быть въ Синодѣ *«третьимъ архіереемъ»*. А о кандидатахъ къ посвященію въ тверскую и рязанскую епархіи мнѣнія ея величеству о синодальныхъ членахъ не подавать, понеже ея величеству синодальные члены вѣдомы всѣ, и кого куды пожаловать изволитъ, ожидать указу».

Теофанъ въ тотъ же день (2-го іюня) подалъ Императрицѣ прошеніе, чтобы ему остаться въ прежней епархіи, а ежели того ему переведенія ея величество отмѣнить не соизволитъ, то повелѣла-бы быть изъ оныхъ мѣстъ въ одномъ: въ новгородской епархіи или въ невскомъ монастырѣ; при томъ же, отъ имени Теофилакта, просилъ о немъ, чтобы ему остаться въ прежней епархіи. Императрица согласилась оставить Теофилакта въ тверской епархіи, а Теофану приказала ожидать указа.

Когда Теофанъ объявилъ объ этомъ въ Синодѣ, то это объявленіе смутило синодальныхъ членовъ: не произошло бы у ея величества какого мнѣнія къ синодальному правительству за несполненіе вышеозначенныхъ именныхъ указовъ. Синодъ обратился къ кабинетъ-секретарю Макарову и просилъ его, чтобы, усмотря благополучное время, доложилъ Государынѣ объ окончательномъ переводѣ Теофана въ новгородскую епархію. Макаровъ (9-го іюля) отвѣчалъ, что онъ письменнаго доклада отъ Синода принять не можетъ, потому что этотъ докладъ будетъ противъ извѣстнаго ему именнаго указа, о чемъ и св. Синодъ извѣстенъ; а усмотря удобное время, онъ будетъ докладывать о томъ ея величеству словесно.

Іюля 10-го Императрица, бывъ въ троицкомъ соборѣ у обѣдни, приказала объявить всенародно, чтобы Теофану быть новгород-

скимъ архіепископомъ, а преосвященному Оеофилактору, изъ совѣтниковъ, вторымъ въ Синодѣ вице-президентомъ, что тогожь числа, въ томъ же соборѣ, и было исполнено слѣдующемъ образомъ. По окончаніи литургіи, предъ молебномъ, когда ихъ преосвященства и весь священный чинъ были среди церкви въ священныхъ одѣяніяхъ, а ея императорское величество на своемъ обыкновенномъ мѣстѣ, тогда протоіакоуъ Аноиногенъ Ивановъ провозгласилъ: «преосвященный Оеофагъ архіепископъ псковскій, святѣйшаго правительствующаго всероссійскаго Синода вице-президентъ! Всепресвѣтѣйшая и самодержавнѣйшая великая Государыня, Императрица Екатерина Алексѣевна, самодержица всероссійская, указала вашему преосвященству быть архіепископомъ Великаго Новаграда и Великихъ Лукъ». Такое же объявленіе сдѣлано было и Оеофилактору ¹⁾.

---

¹⁾ Дѣла арх. св. Синода 1725 г. № 112.— Въ 1726 году Оеофилактъ получилъ отъ Императрицы въ подарокъ двѣ парчи на саккосъ и благодарилъ Императрицу писмомъ: «Милостивѣйшая Государыня Императрица! Не посылъ бы я ваше императорское величество писаніемъ утруждать, но превысокое вашего величества милосердіе къ вѣрнымъ своимъ подданнымъ дерзновеніе мнѣ сотворило; кому же и не малый страхъ, да за премногую милость не явлюся неблагодаренъ. Получилъ я въ Твери отъ прещедрыя вашего величества, Богомъ укрѣпляемая, десницы двѣ серебряныя парчи на саккосъ, за которыя, аще бы не отозвался съ должнымъ благодареніемъ, могъ бы попасть въ подозрѣніе неблагодарствія. Смии убо причинами, милосердіемъ вашимъ и страхомъ подвизаемъ, пріякъ дерзновеніе писати къ вашему величеству, во изъявленіе достоуднаго благодаренія, и смии писаніемъ всесмирненно и раболѣпно благодарствую о семъ вашему пресвѣтѣйшему императорскому величеству, и исповѣдаю, что превысокое вашего величества ко мнѣ недостойному милосердіе уподобляется солнцу сіяющему на тверди небесной. Яко же бо оно не токмо близъ, но и далече сущихъ просвѣщаетъ своимъ златозарнымъ лучами: тако и вашего величества милосердіе не токмо къ близъ сущимъ, но и далече отстоящимъ простирается и всякаго досязаетъ, отъ нихъ же послѣдній азъ есмь, получившій въ Твери прещедрое подаеніе; за что—да воздастъ вашему величеству издовоодаатель Господь Богъ, и въ семъ вѣцѣ многолѣтнимъ здравіемъ и мирнымъ царствованіемъ, и въ будущемъ не удадемыи вѣщцемъ безсмертія—долженствую Его всемилостивое благоутробіе молити. При семъ воспоминаю вашему величеству двое дѣлъ зѣло нужныхъ тверской епархіи, которыя и обрѣтаются въ кабинетѣ вашего величества, о которыи изволила подать меморіалъ вашему величеству, милостивѣйшая моя патронка, благочестивѣйшая государыня цесаревна Елизавета Петровна, въ день рожденія своего; о тѣхъ милостивыя резолюціи всесмирненно прошу. Тверь 17-го марта, 1726 года». (Кабин. Дѣла, II, № 50, л. 61).

Синодальный оберъ-прокуроръ Болтинъ, замѣшанный въ дѣлѣ Θεодосія, взятъ въ крѣпость и уволенъ отъ должности оберъ-прокурора. Θεοφανъ остался на просторѣ и началъ расправу съ своими недругами.

Савватій не радъ былъ и доносу. Θεοφανъ поставилъ дѣло такъ, что Савватій изъ докащика превратился въ подсудимаго. «Почему онъ писалъ къ Болтину, а не къ Θεοфану? Не писалъ ли еще къ кому о такихъ дѣлахъ доношеніями или партикулярными письмами и буде писалъ—къ кому и чего ради?»

Дѣло длилось не долго. 16-го августа 1725 года состоялось опредѣленіе, которымъ Савватій признанъ виновнымъ въ нарушеніи іерархическаго подчиненія и не соблюденіи законныхъ формъ; но, въ уваженіе того, что просилъ прощенія, и по силѣ состоявшихся высочайшихъ манифестовъ (по случаю кончины Государя и возшествія на престолъ Императрицы), Синодъ положилъ вину его простить и отослать въ братство въ какой нибудь монастырь псковской епархіи, съ увольненіемъ отъ должности провинціалъ-инквизитора.

Всгдѣ за тѣмъ, Θεοфанъ подагъ въ высочайшій кабинетъ и въ Синодъ прошенія, чтобы не взыскивать съ него взятыхъ въ Синодѣ заимообразно денегъ 3200 рублей, которыя Болтинъ взыскивалъ съ него съ непонятною настойчивостью, не давая никакой льготы ¹⁾.

Перешедши изъ Пскова въ Новгородъ Θεοфанъ взягъ съ собою и своего судью, Маркелла Родышевскаго, и опредѣлилъ архимандритомъ юрьевскаго монастыря ²⁾.

Въ Синодѣ, между тѣмъ, назначены новые члены. 4-го іюня вызванъ на чреду и, вмѣстѣ для присутствія въ Синодѣ, горлицкій архимандритъ Левъ Юрловъ. 2-го іюля назначенъ въ Синодъ совѣтникомъ ростовскій епископъ Георгій Дашковъ. Θεοфанъ пытался было отстранить Дашкова отъ Синода и отклонить это назначеніе, но не успѣлъ. — Въ то же время послѣдовалъ высочайшій указъ, чтобы синодальнымъ вице-президентамъ, т. е. Θεοфану

¹⁾ Докладъ св. Синода Государымъ, по этому предмету, въ Приложеніяхъ № 7.

²⁾ 27-го сентября 1725 года. Дѣла архива св. Синода, 1725 г. № 183.

и Феофилакту, во время священнослуженія, на шапкахъ крестовъ не носить до указу.

Съ назначеніемъ Дашкова въ Синодъ и, по всѣмъ этимъ распоряженіямъ, Феофанъ чувствовалъ, что надъ нимъ собирается гроза и — не обманулся.

4-го августа Феофанъ просилъ себѣ въ Синодѣ отпуска и паспорта въ Новгородъ для осмотра, по высочайшему повелѣнію, своей епархіи; а по возвращеніи просилъ себѣ викарія на мѣсто Іоакима, получившаго суздальскую епархію, съ тѣмъ, чтобы будущему викарному новгородскому именоваться ладожскимъ и корельскимъ.

Октября 22-го онъ презентовать Императрицѣ, въ знакъ сыновней любви и рабскаго подданства, серебряный сервизъ ¹⁾.

---

¹⁾ «Всепресвѣтлѣйшая Государыня Императрица и самодержица всероссійская. Прошу ваше величество принять отъ дому архіерейскаго новгородскаго малое приношеніе — серебряный сервизъ, который изъ казны домовою купленъ у бывшаго архіерея Феоносія. Приношу сіе въ знакъ сыновней любви и рабскаго моего подданства. Вашего величества нижайшій рабъ и богомолецъ, Феофанъ архіепископъ новгородскій. 22-го октября 1726 года». (Кабин. Дѣла, кн. LXXIII, стр. 34).

Тутъ же письмо его къ Макарову, съ прозьбою о ходатайствѣ предъ Императрицей, чтобы дозволено было распечатать денежную и хлѣбную казну въ новгородскомъ архіерейскомъ домѣ и въ новгородскихъ монастыряхъ, описанную и запечатанную капитаномъ Шушериннымъ, во время слѣдствія по дѣлу Феоносія. «Прошу ваше превосходительство разсудить, что дѣется: экономическому управленію не малая остановка, починки строенія нельзя дѣлать, иначе гдѣ обветшалое, до запечатанныхъ денегъ, разобрано, а новое начато и остановилось; въ двохъ знатныхъ монастыряхъ въ прошлыхъ числѣхъ отъ пожара великое учинилось разореніе, а исправить того нѣтъ чѣмъ. Пишутъ ко мнѣ архимандриты о семъ, и я высокопривѣтствующаго Сената и св. Синода членовъ собранія просилъ словесно и письменно о резолюціи, и скажутъ, что поданъ о томъ докладъ отъ нихъ въ Кабинетъ ея величества уже тому съ мѣсяць; просилъ я о семъ же на словахъ и ваше превосходительство, и нынѣ (не смѣя утрудять высокую ея величества особу) паки толку къ милости превосходительства вашего, и сіе вмѣсто меморіала посылаю будучи опасенъ, дабы изъ того неподалась злыя людямъ матерія роптанія и мнѣ бы молчаніе въ яву иногда не поставлено.... 22-го декабря 1725 года». Прошеніе къ Императрицѣ о томъ же — въ Приложеніяхъ № VI.

XI.

Георгій Дашковъ и Игнатій Смола.

Лицо ростовскаго архіепископа имѣеть огромное значеніе въ исторіи Теофана Прокоповича. Онъ былъ родомъ изъ дворянъ Дашковыхъ ¹⁾ и вышелъ въ люди еще при Петрѣ. Во время бунта астраханскихъ стрѣльцовъ, въ 1706 году, Дашковъ оказалъ важную услугу Шереметеву. Фельдмаршалъ рекомендовалъ его въ особенное вниманіе Государя. «Митрополитъ адѣшней зѣло показалъ въ бунтъ въ укроченіе ревность. Также троickaго монастыря соборной старецъ Дашковъ сколько въ тотъ бунтъ народу укротилъ и проходилъ какими мудрыми факціями, что никто дѣла ево изъ бунтовщиковъ знать не могъ, дивлюсь откуда такое ево мудрое происхожденіе явилось. И если бы не ево въ томъ было радѣтельное происхожденіе, конечно бъ Астрахань разорилась. Астрахань, мая 5-го дня, 1706 г. ²⁾».

Петръ не забылъ услуги Дашкова и, 21-го августа, писалъ къ Апраксину: «когда ваша милость въ Петербургъ поѣдешь, то изволь взять съ собою старца Дашкова, который былъ въ Астраханѣ ³⁾».

По приказу Государя, онъ опредѣленъ келаремъ въ троickaй монастырь; послѣ того былъ въ немъ архимандритомъ. Дашковъ воспользовался этимъ богатымъ, хлѣбнымъ мѣстомъ въ свою пользу, какъ нельзя лучше. Никогда не ходилъ въ общую братскую трапезу, какъ прежніе архимандриты, а завелъ свой столъ. Одной прислуги было у него человѣкъ до двадцати. Вклады зо-

¹⁾ Братья его Борисъ, Андрей и Федоръ Яковлевичи Дашковы имѣли по мѣстѣ въ алексинскомъ уѣздѣ, тульской губерніи. Дядя ихъ, Иванъ Алексѣевичъ Дашковъ, былъ стольникомъ. Родныя сестры ихъ были—одна за княземъ Паниратомъ Давыдовымъ, другая за Андреемъ Хитровымъ. (Дѣла архива св. Синода, 1721 г., № 188).

²⁾ Государ. архив. Дѣла Морсочникова. № 2, объ астраханскомъ бунтѣ 1706 г. Голл. Дѣян. П. В., т. II, стр. 183—187.

³⁾ Голл. Дѣян. П. В., т. III, стр. 144.

лотомъ и серебромъ не отдавалъ въ казенный приказъ, а заводилъ на нихъ кареты, коляски, шоры, покупалъ лошадей, строилъ конюшенные дворы и держалъ до полтора ста конюховъ. Съ вотчинныхъ управителей, которыхъ посылалъ безъ братскаго совѣта, бралъ взятки; а знатныхъ людей, въ которыхъ заискивалъ, дарилъ деньгами и лошадьми; родственниковъ своихъ, которыхъ у него было очень много, награждалъ хлѣбомъ и всякими припасами, лошадьми и экипажами; — племянницъ выдавалъ замужъ за монастырскихъ дворянъ, которыхъ посылалъ потомъ въ лучшія вотчины управителями. Поѣздки его къ братьямъ въ Алексинъ и въ приписные монастыри для нашего времени почти баснословны. Забравши съ собою множество всякихъ припасовъ онъ отправлялся въ путь огромнѣйшимъ поѣздомъ: бралъ съ собою до полтора ста человекъ служителей и до двухъ сотъ лошадей. Дорогой, для ночлеговъ, разбивали палатки, около которыхъ держали караулъ отставные гвардейскіе солдаты. — Зятья и братья съ женами и дѣтьми гостили у него по цѣлымъ недѣлямъ, не отказывая себѣ ни въ какой прихоти ¹⁾. — Въ 1718 г. Дашковъ посвященъ въ епископа ростовскаго ²⁾; въ 1721 году за доношеніе, весьма противное и дерзостное во многихъ нарекательныхъ терминахъ къ лицу св. Синода, объявленъ ему выговоръ съ угрозою, что если у Синода прощенія не испросить, то безъ должнаго за то наказанія не останется. — Въ 1725 г., по смерти Петра по именному указу Екатерины опредѣленъ въ Синодъ «третьимъ архіеремъ» къ Феофану Прокоповичу и Феофилакту Лопатинскому ³⁾.

¹⁾ Описаніе докум. и дѣлъ архива св. Синода, Т. I, стр. 13—24.

²⁾ По смерти Стефана Яворскаго, Дашковъ домогался званія синодальнаго вице-президента, либо перевода на Крутицу и писалъ объ этомъ къ сильному въ то время камеръ-юнкеру Виллиму, Ивановичу Монсу. «Понеже я, писалъ онъ, вашимъ сиятельствомъ обладаю, того ради покорно прошу, не оставьте нашего прошенія въ забвеніи: первое, чтобъ въ Синодѣ быть вице-президентомъ... или на Крутицы... А что васъ такъ трудую, и въ томъ же зазрите, понеже сими числы готовить въ докладъ; а какъ вы не изволите упредить, то впредь трудно будетъ дѣлать, ежели кому нѣкому сдѣлаютъ. Пожалуста потрудитесь сими часы... (Госуд. арх. Письма разныхъ лицъ къ Монсу). Хлопоталъ Монсъ или нѣтъ, только Георгій не пошелъ въ вице-президенты, потому что изъ наличныхъ вице-президентовъ ни Феодосій, ни Феофанъ не возведутъ въ званіе президента.

³⁾ Тѣмъ временемъ, какъ Георгій назначенъ былъ, но еще не прибылъ въ Синодъ, посвященъ былъ въ архіереи въ Псковъ, синодальный совѣтникъ

Дашковъ былъ изъ не ученыхъ и не любилъ ученыхъ. А такъ какъ въ духовенствѣ того времени самые ученые люди были малороссіяне, то антипатія Георгія къ ученымъ равносильна была съ ненавистью къ малороссіянамъ или, какъ звали ихъ, полякамъ¹⁾. Георгій, да и не онъ одинъ, убѣжденъ былъ, что они, т. е. поляки завладѣли русскою церковью и наклоняютъ ее всякій въ свою сторону—кто тянетъ къ католичеству, кто къ лютеранству. На сторонѣ Георгія была почти вся знать того времени, которая интересовалась, хоть сколько-нибудь, церковными дѣлами. Исполнители воли Петровой въ дѣлѣ церковно-административной реформы дѣйствовали съ такою поспѣшностью и съ такимъ своекорыстіемъ, что оттолкнули отъ себя даже тѣхъ не многихъ знатныхъ людей, которые были на ихъ сторонѣ при началѣ этой реформы. Паденіе Θεодосія — явленіе чрезвычайное, если взять во вниманіе его положеніе и значеніе при Петрѣ I, — не возбуждало ни въ комъ ни жалости, ни состраданія. Съ удаленіемъ его, тотчасъ же начинаются отмѣны многихъ постановленій Петровскаго цар-

кавказскій архимандритъ Рафаилъ, съ оставленіемъ въ Синодѣ по прежнему. Воспользовавшись этимъ, Синодъ отправилъ своихъ членовъ—архіепископа Θεофилакта и архимандрита Гавріила съ докладомъ къ Государынѣ о разныхъ церковныхъ дѣлахъ и, между прочимъ, поручилъ имъ доложить: «Георгію быть ли въ Синодѣ, понеже и безъ него уже три персовы архіерейскія суть?» Государыня подтвердила свой прежній указъ, чтобы Георгію быть въ Синодѣ «совѣтникомъ же, какъ и Рафаилу» (23-го августа 1726 г.). Но Георгію лучше хотѣлось быть «третьимъ архіереемъ на ряду съ Θεофаномъ и Θεофилактомъ, нежели совѣтникомъ, въ низшемъ рангѣ противъ вице-президентовъ. — Вѣроятно онъ же, чтобы сравняться съ тѣми, настоялъ, чтобы свѣтскіе титулы синодальныхъ членовъ были оставлены: «вице-президентовъ отставить, ибо тѣ чины приличны болѣе къ свѣтскимъ правленіямъ, а не къ духовнымъ». вмѣстѣ съ тѣмъ и Синоду, по раздѣленіи его на два департамента, чрезъ образованіе при немъ Коллегіи экономіи, повелѣно именоваться, вмѣсто Святѣйшаго, Духовнымъ. (12-го іюля 1726 г., Полн. С. З., № 4919). Вскорѣ послѣ этого, 1-го января 1727 г., въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ состоялось опредѣленіе: «заняться устройствомъ синодскихъ дѣлъ, находящихся въ безпорядкѣ. (Протоколы В. Т. С. въ Чтен. въ общ. ист. и древн. рос., 1868 г., кн. III, стр. 82).

¹⁾ «Бывшій ростовскій—человѣкъ не ученый и духовнымъ персонамъ, которые суть природою изъ малороссіянъ, будетъ великое изгоненіе, понеже онъ малороссійцавъ (какъ всѣмъ извѣстно) весьма ненавидѣль». Дѣла архива св. Синода, 1728 г., № 152.

«Предъ Егоромъ Виргалій двухъ денегъ не стоятъ».
Календарь въ 1-й Сатурнъ — на хулащихъ ученіе.

ствованія. Однимъ словомъ, со вступленія на престолъ Екатерины, началась реакція по церковнымъ дѣламъ въ пользу старины. Теофилактъ Лопатинскій, сдѣланный вторымъ вице-президентомъ въ Синодѣ (Теофанъ былъ первымъ вице-президентомъ) не имѣлъ ни достаточно энергій, ни искусства, чтобы стать во главѣ новаго, начинавшагося движенія. Искусство состояло въ томъ, чтобы сойтись съ передовыми людьми того времени, которые, при Екатеринѣ, управляли государствомъ: у Теофилакта этого не было. Всѣ уважали его честность и прямоту, но, своею непрактичностію и патріархальностію отношеній, онъ отталкивалъ отъ себя даже тѣхъ, которые были расположены въ его пользу.

Въ эту-то пору выступилъ на сцену Георгій Дашковъ. Онъ обладалъ свѣтлымъ природнымъ умомъ, громадной волей и настойчивостію, и показалъ ихъ съ первой же поры присутствія въ Синодѣ ¹⁾.

По поводу отобранія монастырскихъ имуществъ и назначенія ихъ, между прочимъ, въ аренду служилымъ людямъ, онъ подалъ Государынѣ энергическій протестъ, который мы приво-

---

¹⁾ Еще объ одной чертѣ изъ его жизни Теофанъ упоминаетъ въ разборѣ тетрадей Маркелла Родышевскаго *о монашество* (въ Государ. архивѣ); но мы не могли доискаться, на что онъ намекаетъ. «Что же упомянулось, — пишетъ Теофанъ, — о дьяхъ бывшаго ростовскаго (Георгія Дашкова), въ томъ онъ злодѣяніи и давно уже былъ усмотрѣнъ и—въ недавнія времена. Давно, т. е. съ мірскомъ чину еще, ушедъ за страхъ казни по дѣламъ своимъ въ Польшу, голосно тамо поносилъ блаженной и вѣчно достойной памяти государей своихъ, Іоанна Алексіевича и Петра Алексіевича, какъ извѣстные о томъ повѣствуютъ, сказывая, что и дѣло о томъ было у дьяка Ивана Автономова. А въ недавнія времена...» Недавнее-то мы увидимъ въ нашей исторіи. — За тѣмъ же Дашковъ бѣжалъ за границу и за что поносилъ государей? Когда онъ возвратился оттуда и по доброй ли волѣ постриженъ въ монашество? Это пока вопросы. Не могутъ ли служить отвѣтами на нихъ слѣдующія соображенія. У Арсеньева, въ *Царствованіи Петра II* (Спб. 1889 г., стр. 67), есть замѣтка о Георгіи Дашковѣ, что онъ былъ нѣкогда храбрый воинъ и сподвижникъ Шенна подъ Азовомъ (въ 1695 г.). А въ запискахъ Желябужскаго (Записки Русскихъ людей. Записки Желябужскаго, стр. 28) читаемъ: и тогожъ 7203 (1696) года замѣнилъ изъ московскаго государства Федоръ Яковлевъ, сынъ Дашковъ; а поѣхалъ было служить къ польскому королю, и пойманъ на рубежѣ и приведенъ въ Смоленскъ и распрашивавъ, и въ томъ своемъ отъѣздѣ повинился. А изъ Смоленска приславъ скованъ къ Москвѣ, въ посольскій приказъ; а изъ посольскаго приказа освобожденъ для того, что онъ далъ Емельяну Украинцову дѣсти золотыхъ. Дашковъ Желябужскаго не есть ли Георгій Дашковъ?

димъ вполнѣ. «Премногомилосердая наша государыня и всероссійская, яко чадолюбивая премилостивая мати! Съ должной нашей и вѣрной рабской повинности яко самому Богу, такъ и вашему величеству служу вѣрно. Того для не могу умолчать, по моей вѣрности, чтобъ не донести вашему величеству, понеже происходитъ отъ духовныхъ такой неурядокъ, какова исконно не бывало. У архіереевъ, у монастырей, съ церковей собирающіеся сборы, такъ и деревни отрѣшаютъ. А опредѣляются (эти сборы) на правителей вновь опредѣленныхъ, на приказныхъ, на чужестранныхъ, на гошпиталя, на богадѣльни, на нищихъ. И то правда: церковное имѣніе—нищихъ имѣніе, для государственной славы. И какъ видно, что судей и приказныхъ не накормить и иностранныхъ не наградить, а богадѣлень и нищихъ не обогатить, а дома (архіерейскіе) и монастыри, уже индѣ и церкви, чуть не богадѣльнями стали. Такожъ архіереи и протчія духовныя бродятъ такъ, какъ бывало иностранные, или и хуже, ибо служителей и требъ до церковной службы довольства не имѣютъ и приходятъ въ нищіе. А деревенскіе священники и хуже нищихъ; понеже многихъ, изъ данныхъ денегъ, на правежахъ бьютъ, что и оплатиться не могутъ. И того бѣ надлежало разсмотрѣть, чтобъ было къ государственной пользѣ, но токмо то затмилось. А мы о такихъ неурядкахъ, по нашей вѣрности, вашему величеству не донести не смѣемъ; и умолчать, какъ отъ Бога, такъ и отъ вашего величества опасны, да не явимся безотвѣтны въ день праведнаго суда Божія и да не примемъ гнѣвнаго раба воздаянія. И ежели ваше величество соизволитъ милостивно и терпѣливо сама выслушать, то, по нашей вѣрности, можемъ донести пространно къ милостивому вашему величеству разсмотрѣнію. Смиренный Георгій архіепископъ Ростовскій¹⁾. Пространнаго донесенія, кажется, однакожъ не было.

Очевидно, что такой человѣкъ не могъ сойтись съ Θεофаномъ. Хотя онъ и былъ по рангу «третьимъ архіереемъ» въ Синодѣ, но ему хотѣлось быть первымъ, хотѣлось взять и власть и вліяніе въ свои руки. Онъ пользовался всякимъ средствомъ для своихъ цѣлей. По происхожденію изъ дворянъ, онъ принятъ былъ въ высшемъ обществѣ, поддерживалъ связи съ Долгорукими и другими

¹⁾ Кабин. Дѣла, Отд. I, кн. 31, стр. 26.

значительными лицами въ государствѣ и пользовался ихъ вліяніемъ для упроченія своего положенія. Въ духовномъ кругу онъ подобралъ себѣ партію изъ лицъ одного съ нимъ образа мыслей, большею частію ссыльныхъ или опальныхъ въ прошлое царствованіе.

Главный изъ нихъ былъ коломенскій митрополитъ *Игнатій Смола*, извѣстный какъ приверженецъ царицы Евдокіи Лопухиной и царевича Алексѣя и какъ противникъ новоучрежденнаго Синода и его распоряженій. Онъ постриженъ въ монашество изъ московскихъ купцовъ¹⁾. Въ междупатріаршество посвященъ былъ (въ 1712 г.) митрополитомъ Стефаномъ, изъ архимандритовъ московскаго богоявленскаго монастыря, въ епископы суздальскіе; въ 1719 г. переведенъ на Крутицы, съ званіемъ митрополита и съ порученіемъ въ его управленіе патріаршаго духовнаго приказа. Это была очень высокая и почтенная должность при патріархахъ. Крутицкіе митрополиты, обыкновенно, заступали мѣсто патріарха въ случаѣ его болѣзни или смерти, и были ближайшіе кандидаты на это званіе. Учрежденіе св. Синода разомъ подорвало всѣ мечты и надежды Игнатія. Онъ еще надѣялся управлять самовластно патріаршею областію и презрительно отнесся къ одному изъ распоряженій св. Синода, касавшемуся, между прочимъ, и патріаршей области. Св. Синодъ подвергъ его суду, и за это временное умаленіе своей чести и за нѣкоторыя противности, «изъ которыхъ явствуетъ, якобы онъ имѣетъ власть выше синодальнаго правительства», ему внушено было и на будущее время «изъянять честь св. Синода безъ всякаго умаленія, и повиноватися оному во всемъ безъ прекословія, понеже оной Синодъ имѣетъ честь, силу и власть патріаршескую, или едва и не большую, понеже есть соборъ²⁾». Въ томъ же году, по высочайшему повелѣнію, изъ Тайной канцеляріи сообщено св. Синоду для изслѣдованія, что Игнатій явился виновнымъ въ дѣлѣ бывшей царицы Евдокіи Федоровны Лопухиной. «Въ прошлыхъ годѣхъ, въ бытность ея царицы въ суздальскомъ монастырѣ, а его — суздальскимъ епископомъ, онъ прихаживалъ къ ней, бывшей царицѣ, на поклонъ и выдавалъ ее въ мирскомъ платьѣ и руку ея цаловалъ, а не доносилъ. Онъ же въ про-

1) Московск. любопыт. мѣсяцесловъ на 1776 г. стр. 150.

2) Описаніе докум. и дѣлъ арх. св. Синода, Т. I, стр. 220—223.

шломъ 1717 году приказалъ попу церкви Казанскія Богородицы, что въ Суздаль, ее, бывшую царицу, пустить пѣть всенощную, что тотъ попъ и учинилъ; да онъ же прислалъ къ ней пару возниковъ сѣрыхъ нѣмецкихъ, на которыхъ она ѣзживала». Игнатія вызвали въ С. Петербургъ. По изслѣдованіи дѣла, онъ оказался виновнымъ въ важномъ преступленіи а именно: «свѣдая правильную великую государыню Екатерину Алексѣевну, почиталъ за царицу монахиню Елену, и отдавалъ ей такую честь, которой весьма она отрѣшена. И хотя за то повиненъ былъ жестокому штрафованію, но его царское величество, по милости своей и ради заключеннаго съ Швеціею мира, ту вину его простилъ и повелѣлъ быть ему въ иркутской епархіи архіереємъ, и писаться епископомъ и служеніе отправлять въ опредѣленныхъ епископскому сану одеждахъ, а саккоса не употреблять и бѣлаго клобука не носить». Высочайшій указъ объявленъ ему въ Синодѣ новгородскимъ архіепископомъ Θεодосіемъ 8 сентября 1721 г. — Игнатій подалъ государю жалобу, въ которой просилъ выслушать донесеніе Тайной канцеляріи объ его дѣлѣ, потому что въ Синодѣ не было сообщено изъ нея полнаго свѣдѣнія, а его уволить отъ иркутской епархіи. Государь согласился и, 1-го октября, пріѣхалъ въ Синодъ для слушанія дѣла. По окончаніи чтенія, Государь уволилъ Игнатія отъ иркутской епархіи, дозволивъ ему отойти, за старостію, на обѣщаніе въ ниллову пустынь. Это не только не смягчило, напротивъ еще больше раздражило Игнатія. По крайней мѣрѣ мы не знаемъ, чему другому приписать слѣдующій его поступокъ. Живя въ нилловой пустыни и пользуясь авторитетомъ по своему званію, онъ приказалъ вырвать изъ общаго поминальнаго синодика листы, «на которыхъ вписаны были имена родителей достоблаженныя памяти фамиліи его императорскаго величества». По доносу мѣстнаго инквизитора, Синодъ приказалъ изслѣдовать это дѣло, а къ строителю послать указъ, для объявленія бывшему м. Игнатію, чтобы онъ ни въ какія монастырскія, подлежащія до настоятельскаго управленія, дѣла отнюдь вступать не дерзалъ¹⁾ (24 апрѣля 1724 года).

Игнатій пытался было подняться при Екатериинѣ и — послалъ къ ней прошеніе, а къ Θεофану письмо о возвращеніи ему

¹⁾ Описаніе докум. и дѣлъ арх. св. Синода. Т. I, стр. 81—83.

епархіи и прежняго званія. «Многая радость обыде сердца наша, — писалъ онъ къ Феофану — егда получихомъ слышати дражайшія намъ новыя вѣсти, яко Богъ Вседержитель сподоби тя Великаго Новаграда и прочихъ градовъ, и изрядныя своея божественныя благодати, еже ожребствовати святыни твоей много народы преподобнѣ и праведнѣ, желая убо и моля отъ души преподобнѣйшаго Іерарха, Богочеловѣка Іисуса Христа, яко да помощію Его и благодатию въ день судный, яко истинный пастырь, представиши ю (паству), а за такое подвигоположеніе и трудъ началоводства духословесныя паствы, дасть тебѣ Господь Богъ противодостойную мзду на небесѣхъ. При семъ всепокорнѣйше прошу, отъ души моея, всемилостивѣйшаго вашего архипастырскаго заступленія ко всемилостивѣйшей великой Государынѣ Императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ. Послалъ нынѣ я, убогій, до ея величества просительное прошеніе, слыша, что ея величество ко всѣмъ являетъ свое многое благоутробное милосердіе, а я, убогій, бѣдствую по неправому докладу блаженныя и вѣчностойныя памяти императорскому величеству бывшимъ новгородскимъ архіепископомъ Теодосіемъ, не справясь съ моимъ первымъ допросомъ, которой и нынѣ въ Тайной канцеляріи именно явствуетъ. И паки всепокорнѣ молю и прошу, дабы вашимъ милостивымъ представтельствомъ и заступленіемъ отъ онаго навѣта мнѣ убогому быть свободну¹⁾. А за ваше архипастырское снисходительное милосердіе одолжуся Его божественную благодать о здравіи и спасеніи вашемъ молити вѣчно. Вашихъ архипастырскихъ молитвъ и благословенія усердно прося, недостойный чернецъ нарицаюся Игнатій, и всемирно кланяюся. Изъ ниловы пустыни, сентября въ 11 день, 1725».

Феофанъ препроводилъ это письмо къ Государынѣ, съ слѣдующимъ донесеніемъ. «При всенжайшемъ моемъ раболѣпномъ поклоненіи, доношу вашему величеству: получилъ я, сентября 21 дня, письмо отъ бывшаго крутицкаго архіерея Игнатія, нынѣ въ ниловой пустынѣ пребывающаго, въ которомъ при поздрав-

¹⁾ Противъ этого мѣста рукой Феофана приписано: «просить быть себе свободну и тѣмъ являетъ, будто онъ сосланъ и за арестомъ держится: а онъ самъ упросилъ у Государя тамошняго пребыванія, вѣсто Иркутскаго архіереяства. Куда же то освободиться хочется? Чаю въ Москву».

ленія моемъ, просить мене о ходатайствѣ къ вашему величеству, и писать, что и къ вашему величеству послалъ прошеніе; а о чемъ его прошеніе, мнѣ не извѣстилъ. По должной же моей подданной вѣрности, которая обязуетъ мене высочайшую вашего величества особу не токмо отъ злѣйшихъ навѣтовъ, но и отъ преступныхъ обмановъ охранять всячески, объявляю вашему величеству дѣло его. Когда былъ онъ, Игнатій, архіереемъ въ Суждалѣ, не малое показалъ на себѣ подозрѣніе въ невѣрности къ высокославной памяти его императорскому и, собственно, къ вашему величеству. И явился то на него въ Москвѣ, въ 1718 году, и слышно, будто онъ въ томъ тогда и допрашиванъ Иваномъ Мусинымъ (графомъ И. А. Мусинымъ-Пушкинымъ): а утаено ли, или уничтожено тогда сіе дѣло, я не извѣстенъ. А въ 1721 году, въ началѣ Синода, въ первыхъ сессіяхъ, прислано въ Синодъ изъ Тайной канцеляріи доношеніе на него въ вышеозначенномъ его подозрѣніи и, по указу синодальному, вновь онъ, Игнатій, допрашиванъ въ Москвѣ и явился, по слѣдованію, виноватъ: о чемъ въ Синодѣ въ дѣлѣ его извѣстно и Петръ Андреевичъ (Толстой) вѣдаетъ. А что онъ, Игнатій, въ письмѣ своемъ, ко мнѣ присланномъ пишетъ, будто онъ обвиненъ по неправому Феодосія докладу, и то его явная ложь; ибо Феодосій не токмо не былъ къ нему враждебенъ, но и весьма благодѣтеленъ, и въ 1718 году исходатайствовалъ ему переведеніе изъ Суждала на Крутицу и титулу митрополитскую, которой не имѣли два до него архіерея, и часто съ нимъ бесѣдовалъ наединѣ; и надѣюся, что Феодосій, переводя его на Крутицу, не вѣдалъ о его подозрѣніи и бывшемъ допросѣ его въ Москвѣ; а переводъ ему дѣлалъ не на праздное мѣсто, но низводя изъ Крутицы на Вятку нынѣшняго вятскаго епископа Алексія. А когда въ 1721 году вина его, Игнатія, какъ выше писано, стала явна, и тогда Феодосій склонилъ на милостивое ему прощеніе блаженныхъ и высокославныхъ памяти императорское величество: и милостивѣйшій Государь вину его самъ прочелъ и выговаривалъ Игнатію и, чего онъ достоинъ, сказалъ ему, а потомъ, прощая его, велѣлъ ему быть епископомъ иркутскимъ. Но Игнатій, лежа у ногъ его величества, упросилъ себя старческаго житія въ иловой пустынѣ, — что при всѣхъ насъ дѣлалось 1718 году, сентября 8 дня, въ Синодѣ. И по сему

видно, что онъ, поборника своего притворяя въ гонителя, хитростью очистить себе, а ваше величество прельстить тщится. Но еще и потомъ, сѣдя уже въ ниловой пустынѣ, подавъ на себе подозрѣніе въ невѣрности къ государямъ своимъ, — о томъ значится дѣло въ Синодѣ. Того ради, по моему мнѣнію, опасаться его надлежитъ, и ходатайству за нимъ чѣму нибудь не быть важну. Что предложивъ и до стопъ ногъ вашего величества повергая себе, вручаюся превысокому императорскому и матернему милосердію. Вашего императорскаго величества низжайшій рабъ и богомолецъ, Феофанъ архіепископъ новгородскій. Изъ Новаграда сентября 21 дня 1725 году. Посылаю при семъ и письмо, отъ Игнатія ко мнѣ присланное».

Феофану отвѣчалъ кто-то, по всей вѣроятности Макаровъ, отъ имени Государыни: «Святѣйшій отецъ, мой же милостивый патронъ и государь! Письмо вашей святости изъ Новаграда, отъ 21 числа сего мѣсяца, чрезъ присланнаго отъ васъ дворянина Ивана Рябинина, до ее императорскаго величества, купно и съ приложеннымъ притомъ нѣкоторымъ письмомъ, исправно дошли, и по оному ея величество обо всемъ извѣстна и, за добрую вашей святости предосторожность ее въ томъ, указала васъ благодарствовать, и бывшему архіерею Игнатію указала быть, по прежнему, въ ниловой пустынѣ нескходно»¹⁾. Игнатій, какъ увидимъ, недолго ждалъ лучшаго времени.

Обстановившая себя въ духовномъ кругу, Дашковъ перезвалъ къ себѣ Маркелія. Пользуясь его стѣсненными обстоятельствами, онъ надѣялся имѣть въ немъ сподручника и бойца противъ Феофана по части богословской учености и доказателства разныхъ злоупотребленій его въ псковской и новгородской епархіяхъ.

¹⁾ Кабин. Дѣла, Отд. II, кн. LXXIII, л. 98—97.

XII.

Маркелъ Родышевскій и Теофанъ. — Протесты Родышевскаго противъ Теофана въ противностяхъ церковныхъ и государственныхъ. — Отвѣты Теофана.

Въ февралѣ 1726 года, преемникъ Болтина, Баскаковъ возобновилъ дѣло по доносу Савватія на Маркелла. Предложивши Синоду, что Теофанъ не репортовалъ не только объ исполненіи, но даже о полученіи указа по этому дѣлу, Баскаковъ поставлялъ на видъ, что Маркелла, какъ подсудимаго, не слѣдовало переводить изъ Пскова въ Новгородъ, потому что «въ присланныхъ къ бывшему оберъ-прокурору вѣдомостяхъ показано взятое изъ казны серебра и жемчугу имъ архимандритомъ не малое число. А понеже оный архимандритъ нынѣ въ новгородской епархіи, а не въ псковской, и изъ той епархіи въ Псковъ брать его къ изслѣдованію невозможно, да и того для, что, по книгамъ его, какъ серебру, такъ и жемчугу въ цѣнѣ показано съ немалой убавкой, о чемъ имѣется явное его обличеніе, которое во обличеніе ему, на отвѣты его, архимандрита, вашему святѣйшеству предложены будутъ: того ради вашему святѣйшеству симъ предлагаю, дабы соблаговолили оное дѣло взять въ Синодъ и, по указамъ ея императорскаго величества, слѣдованіе и рѣшеніе учинено было безъ упущенія времени».

Какъ ни велика была услуга Теофана Екатеринѣ, но видно было, что его положеніе не твердо. Противъ него былъ Меншиковъ, и въ Синодѣ сидѣли его недоброжелатели. Меншиковъ открыто благопріятствовалъ Дашкову. — Дашковъ помнилъ обиды, нанесенныя ему Теофаномъ и рѣшился отомстить за нихъ. Борьба пошла на жизнь и смерть.

На этотъ разъ опредѣлено было дѣло взять въ Синодъ, а къ Теофану послать указъ: для чего онъ по сіе время не репортовалъ Синоду? Теофанъ отвѣчалъ: «получилъ я указъ ея императорскаго величества изъ св. правительствующаго Синода 1725 г. мая 6, а справясь съ домовою конторою вѣдомо явилось, что указъ о изслѣдованіи того отъ мене въ Псковъ не былъ посы-

ланъ, а то не ради иной коей вины, токмо моимъ забвеніемъ, за случившимися тогда немалыми трудностями и конфузїями, какъ всѣмъ извѣстно, и за то ея императорскаго величества изъ святѣйшаго правительствующаго Синода покорно прошу прощенія (29 апр. 1726 г.). Синодъ опредѣлилъ изслѣдовать дѣло.

Май прошелъ — такъ себѣ, между другихъ дѣлъ. Но 1-го іюня приказано было «Маркелла и Савватїя выслать въ С. Петербургъ для изслѣдованія безъ замедленія, а какъ явятся, то слѣдованіе произвести не отлѣнно и потомъ доложить Синоду». Маркелль прибылъ въ С. Петербургъ 20-го іюня. Въ Синодѣ приготовили и зашнуровали огромныя тетради для записки допросовъ и журналовъ засѣданій.

Феофанъ предчувствовалъ, что, при его тогдашнемъ положеніи, слѣдованіе къ добру не поведетъ и, какъ человѣкъ весьма наблюдательный, замѣтилъ, что Маркелла употребляютъ противъ него орудіемъ, обладеживъ всякими милостями, Дашковъ съ товарищами.

1-го іюля былъ первый допросъ Маркеллу — шли кой-какія формальности, незатрогивавшія самой сущности дѣла. Но на другой день, 2-го іюля, Феофанъ сдалъ его въ Преображенскую канцелярію.

Нельзя не сознаться въ хитрости этого маневра.

Мы не приводимъ вполнѣ доношенія его Тайной канцеляріи, потому что оно уже напечатано⁴⁾, но укажемъ на главные пункты его.

Феофанъ писалъ, что архимандритъ Маркелль, прибывши въ Петербургъ для отвѣта по сдѣланному на него доносу о похищеніи церковнаго имущества, нѣсколько дней казался веселымъ, говоря, что у него есть оправданіе. Потомъ нѣсколько дней къ нему не являлся и, наконецъ, пришелъ 29-го іюня въ восьмомъ часу вечера въ страшномъ испугѣ и, отведъ его въ сторону, говорилъ, что затѣвается что-то страшное, что въ прошлый понедѣльникъ (27-го іюня), какой-то солдатъ, преображенскаго или семеновскаго полка, увидя его на улицѣ на петербургскомъ остро-

⁴⁾ Чтенія въ общ. ист. и древн. рос. 1862 г., кн. 1. Дѣло о Феофанѣ Прокоповичѣ, стр. 84 и слѣд.

вѣ, жестоко грозился и говорилъ: будемъ де васъ Θεодосовщину за то, что ругаете и одираете св. иконы, съ вашими начальниками, скоро губить, и наказывать, чтобъ онъ (Родышевскій) помнилъ то крѣпко. Тѣже угрозы повторились и на другой день, 28 іюня, при чемъ солдатъ прибавилъ: «вотъ скоро дождемся колокола и будетъ вамъ». Θεофанъ старался ёго успокоить, но встревоженный Маркеллъ ничего не слушалъ и уговаривалъ его (Θеофана), чтобы онъ не выходилъ ни куда, даже и въ церковь къ обѣдни, а уѣхалъ бы куда нибудь на острова. Вмѣстѣ съ этимъ онъ сообщилъ ему, Θεофану, такое странное мнѣніе, о которомъ онъ здѣсь и не пишетъ, а скажетъ развѣ на словахъ. Послѣ того Маркеллъ ушелъ и скрылся не извѣстно куда.

Въ тотъ же день, говоритъ Θεофанъ, я сообщилъ объ этомъ псковскому архіерею и невскому архимандриту. Они полагали, что это Маркеллу пригрезилось отъ страха; а я, между тѣмъ, велѣлъ его вездѣ искать, чтобы смерти себѣ не сдѣлалъ, но цѣлый день его нигдѣ не нашли. Наконецъ ночью, часу въ девятомъ, Маркеллъ явился и сказалъ, что онъ весь тотъ день просидѣлъ на аптекарскомъ острову, спрятавшись гдѣ-то за дровами, вырылъ себѣ яму и припасъ хлѣба на случай, чтобъ и жить тамъ. Не понимая, мечтаніе это или дѣйствительный страхъ, я (30 іюня) сообщилъ объ этомъ, на другой день, одной знатной особѣ Верховнаго Совѣта. А Маркеллъ, между тѣмъ, показывалъ на себѣ страшный испугъ и, при каждомъ церковномъ благовѣстѣ, съ трепетомъ говорилъ: вотъ уже звонять, охъ звонять, будто ожидая какого-то смертнаго мятѣжа. Это было на Карповкѣ. — Желѣя Маркелла я велѣлъ ему переѣхать на старый дворъ и позвалъ къ нему доктора; однакожь вечеромъ узналъ, что онъ туда не поѣхалъ, отчего возмнѣлъ я первое подозрѣніе: не притворяется ли онъ? А на другой день (1 іюля), по разнымъ примѣтамъ, я убѣдился совершенно, что онъ притворяется; отчего родился во мнѣ прямой страхъ: не знаетъ ли онъ, на самомъ дѣлѣ, чего нибудь похожаго на то, что намъ говорить, не распускаетъ ли онъ этого для смущенія народа и для опечаленія ея императорскаго величества? Вслѣдствіе этого я велѣлъ сыскать его и взять подъ караулъ, гдѣ онъ и держится. — И высокоучрежденной Преображенской канцеляріи доношу о семъ, заключаетъ Θεофанъ, для

обычнаго разсужденія и по моей къ ея императорскому величеству вѣрности; купно же и извѣстно твѳрю, что Маркелль вчера въ Синодѣ о похлищеніи допрашиванъ, и хотя объ отвѣтствованіи его въ томъ дѣлѣ не вѣдаю, однакоже извѣствую о семъ, дабы Преображенская канцелярія вѣдала».

Маркелла взяли въ Преображенскую канцелярію. А Феофанъ, 4-го іюля, подалъ въ Синодъ репортъ слѣдующаго содержания: «Понеже новгородскаго дому нашего бывшій судья, архимандритъ Маркелль, сего іюля 2-го числа взятъ въ Преображенскую канцелярію въ важномъ дѣлѣ, каково изъ оной канцеляріи слѣдованіемъ прилично; а по прибытіи своемъ онъ, Маркелль, въ С.-Петербургѣ чрезъ не малое время, не пребывая здѣ ни въ коемъ нашемъ домѣ, но безъ вѣдома нашего, невѣдомо какой ради причины, квартировалъ у кіево-печерскихъ монаховъ Генната и Полиена, куда и всякую свою рухлядь перевезъ, въ чемъ имѣется не малое подозрѣніе: того ради св. правительствующаго Синода покорно прошу, дабы благоразсмотрѣніемъ его повелѣно было вышеобъявленныхъ монаховъ — чего для они того Маркелла у себя на квартирѣ, безъ объявленія о немъ, гдѣ надлежало, держали и какіе онъ, Маркелль, пожитки къ нимъ привезъ и оставилъ, и не отдалъ ли имъ въ сохраненіе какихъ церковныхъ драгоценностей, а буде отдалъ, сколько и какихъ именно, или они про какія церковныя вещи, имѣющіяся у него, свѣдомы, и о прочемъ приличномъ къ тому, — обстоятельно со обязательствомъ допросить и по сему моему доношенію рѣшеніе учинить (4-іюля 1726 г.)».

Въ Преображенской канцеляріи началось слѣдствіе. Маркелль, послѣ предварительныхъ объявленій о званіи и службѣ, показалъ, что 29 іюня, будучи въ С.-Петербургѣ, приходилъ въ домъ къ пресвященному Феофану для того, что онъ его епархіи, а страха и ужаса никакого надъ собою не имѣлъ, а думалъ только, какъ ему отвѣчать противъ сдѣланнаго на него въ интересѣ показанія. И ни въ это время, ни послѣ, онъ архіерея въ сторону не отводилъ и ничего, показаннаго Феофаномъ, не говаривалъ и въ изумленномъ ужасѣ не былъ, и его архіерея, чтобы онъ никуда не выходилъ, не унималъ и тайно отъ него никуда не ухаживалъ. А пришелъ къ архіерею въ 3-мъ часу дня, а не въ 9-мъ, и словъ такихъ, что онъ въ тотъ день утаясь сидѣлъ на аптекарскомъ островѣ за

дровами и вырылъ себѣ яму и припасъ хлѣба, не говаривалъ; а только двое сутокъ не спалъ отъ приключившейся ему болѣзни меланхоли, о чемъ и архіерею сказывалъ. А при церковномъ благовѣстїи показывалъ страхъ для того, что въ то время приключилась ему помянутая болѣзнь и онъ боялся, чтобъ отъ той болѣзни ему не умереть, а не для того, чтобъ ожидалъ какого смертнаго мятежа, потому что о томъ ни отъ кого ничего не слышалъ. Эта боязнь, по показанію Маркелла, родилась у него отъ того, что прошедшаго 23 іюня былъ онъ въ александровскомъ монастырѣ, и головщикъ того монастыря, іеромонахъ Герасимъ, говорилъ ему: Богъ знаетъ, увидимся ль съ тобою? Въ тоже время другой іеромонахъ того же монастыря говорилъ ему: вотъ я подарилъ тебя одною лютеранскою книгою; возьми у меня такія же двѣ книги лютеранскія. По тѣмъ словамъ обоихъ іеромонаховъ онъ думалъ: *нѣтъ ли де синодальнымъ нѣкоторымъ членамъ, за ихъ къ Церкви противности, такой причины?* и опасался не взяли бы и его Маркелла напрасно въ противностяхъ ихъ, *«понеже о противностяхъ къ Церкви на нѣкоторыхъ синодальныхъ членовъ имѣетъ онъ объявить, идъ повелѣно будетъ»*. Эта хитрая вставка о противностяхъ синодальныхъ членовъ была первымъ робкимъ заявленіемъ его противъ Теофана, поворотомъ его отъ Теофана къ Дашкову. — Да и потому приключилось ему это мнѣніе, — продолжалъ Маркеллъ, — что вечеромъ, 27 іюня, шелъ онъ съ дворяниномъ новгородскаго архіерея, Фирсовымъ, отъ пристани, что близъ Синода, и за ними шелъ какой-то унтеръ-офицеръ, и идучи бранилъ бывшаго архіерея Федоса и говорилъ: «тогъ де Федосъ былъ иконоборецъ»; а потомъ, поровнявшись съ ними, говорилъ ему Маркеллу: «вы де и ваши начальники такіе жъ иконоборцы и Церкви противники, понеже тому Федосу о томъ ни о чемъ не спорили; памятуйте, что за то скараетъ васъ Богъ»; и прошедши около него Маркелла прибавилъ: «памятуй отецъ, памятуй, я тебѣ говорилъ». А къ чему онъ тѣ угрозытельныя слова говорилъ, того не знаетъ. На другой день, 28 іюня, какъ шелъ онъ къ церкви Казанскія Богородицы ¹⁾ къ вечернѣ, въ то время, не подалеку отъ той церкви, стояли сол-

¹⁾ Церковь Казанской иконы Божіей Матери была на петербургской сторонѣ въ посадской большой улицѣ, близъ стараго гостиннаго двора.

даты преображенскаго или семеновскаго полка, и одинъ изъ нихъ, указывая на него рукою, говорилъ: «это де все Федосовщина, хорошо бъ всю Федосовщину истребить». Въ слѣдующій день, 29 іюня, новгородскій архіерей Феофанъ, будучи у себя въ домѣ, на рѣчкѣ Карповкѣ, ходя съ нимъ Маркелломъ въ саду, говорилъ ему къ тѣмъ его словамъ о солдатскихъ угрозахъ: «Государыня Императрица благоволила мало обмилиться въ томъ, что свѣтлѣйшаго князя изволила допустить до всего, за что всѣ на него негодуютъ, такъ что и ея величеству не очень пріятно, что она то изволила сдѣлать. По истинѣ говорю, что я наипаче ея величество и на престолѣ всероссійскомъ утвердилъ, а то по кончинѣ его императорскаго величества стали было иные о томъ прекословить. А нынѣ многіе негодуютъ, а наипаче за свѣтлѣйшаго князя, что ся величество изволила ему вручить весь домъ свой, и названъ онъ рейхсъ-маршаломъ; а я спрашивалъ генерала Брюса, что то значить рейхсъ-маршалъ, и онъ толковалъ: выше всѣхъ фельд-маршаловъ, а въ нѣкоторыхъ государствахъ лице королевское содержащій; и Богъ знаетъ, что будетъ далѣе». А что будетъ далѣе и кто на ея величество негодуетъ, того архіерей ему не говорилъ, и онъ его о томъ не спрашивалъ. Еще прежде того, 20 іюня, онъ же архіерей наединѣ говорилъ ему, Маркеллу, къ разговору о свѣтлѣйшемъ князѣ: «подождать де мало, вотъ въ скоромъ времени у насъ произойдетъ что нибудь великое». А чего ждать и что великое произойдетъ, не выговорилъ. Но тутъ же, въ разговорѣ, прибавилъ, что «про ея императорское величество говорить и то, что она иноземка и лютеранка». — 23 іюня онъ же архіерей у себя въ домѣ, держа въ рукахъ указъ о подметныхъ письмахъ, говорилъ ему: «это о двухъ подметныхъ письмахъ; знаешь ли ты, о чемъ тѣ письма?» Маркеллъ отвѣчалъ что не знаетъ; а архіерей продолжалъ: «тѣ письма сообщены ему одному архіерею, а въ нихъ показано, что свѣтлѣйшій князь не хочетъ того, чтобъ быть наслѣдникомъ великому князю. Вѣроятно писалъ оныя письма кто нибудь одинъ; потому что ежели бъ писалъ съ товарищи, то изъ-за обѣщанныхъ червонцевъ выдали бы того, кто писалъ; либо писалъ кто не изъ мелкой, а изъ крупной шляхты, потому что таковыя обыкли другъ друга не выдавать».

Да въ 1725 году по-осени, іеромонахъ богоявленскаго полюцкаго монастыря, что за рубежемъ, имени не помнитъ, говорилъ ему Маркеллу, что «онѣй архіерей дѣлаеть не хорошо: посылалъ онъ іеродіакона Адама къ ея императорскому величеству, чтобъ пожаловала ему запечатанныя въ Новѣгородѣ деньги бывшаго архіерея Федоса и говорилъ тому Адаму: «скажи ты Государынѣ Императрицѣ, что она оными деньгами не жалуетъ? Вѣдь я ее на государствѣ утвердилъ». Да вышписаннаго 29-го іюня онъ, архіерей, будучи у себя въ домѣ на Карповкѣ, межъ другихъ разговоровъ, сказывалъ ему Маркеллу наединѣ: «когда ея императорское величество изволила смотрѣть строю, и въ то время чуть ея величество изъ оружей не убили дважды, и пулею убило человѣка, который былъ отъ нея въ полусаженн, изъ чего видно, что многіе ея величеству не благопріятствуютъ; только одинъ кажется вѣренъ — графъ Толстой, но и тотъ, какъ всѣ вознегодуютъ, къ нимъ же приклонится; и то захотѣлось жемачиться, да отнюдь не пристало, потому что вотъ на нее какіе замахн; а воинство муштровать — есть на то генералы, а не ея дѣло». Въ тожь время, послѣ тѣхъ словъ, онъ, архіерей, ему сказалъ: и когда-де ея императорское величество учинила королевское высочество ¹⁾ въ преображенскій полкъ полковникомъ, и въ то время надѣвала на себя амашское платье и тѣмъ многихъ удивила».

По показанію Маркелла, князь Ромодановскій приказалъ позвать къ допросу новгородскаго дворянина Фирсова: какой унтеръ-офицеръ и какія угрозысловныя слова говорилъ имъ, когда они шли съ Маркелломъ? Фирсовъ показалъ, что когда они шли съ Маркелломъ *отъ ростовскаго архіерея* въ посадскую слободу на постоялый дворъ, гдѣ стоятъ кievопечерскаго монастыря монахи, то противъ гостинаго двора, подгѣ дворянской слободы, встрѣтился имъ какой-то пьяный солдатъ, по мундиру—преображенскаго полка и, идучи передъ ними, избранилъ помянутаго архимандрита и говорилъ, что былъ прежде сего Федосъ и раззорялъ, еретичествомъ своимъ, часовни и одиралъ образа, и оттого и самъ нынѣ пропагъ, а потомъ недолгѣ будетъ и другой Фе-

¹⁾ Голштинскаго герцога.

досѣ; — а кто и какъ недолгѣ будетъ, того именно солдатъ не говорилъ, и пошелъ отъ нихъ вправо къ малой Невѣ, а они пошли влѣво къ гостинному двору; а на тѣ его солдатскіе слова архимандритъ, смѣясь, говорилъ ему Фирсову: слышите ли, что солдатъ ему говорить? и онъ ему на то сказалъ: плюнуть, что пьяный говоритъ. Послѣ того оный архимандритъ, когда случится куда идти и услышитъ колокольный звонъ, говаривалъ ему Фирсову: вотъ звонятъ не даромъ, а что не даромъ, того не говаривалъ, и какъ изъ пушекъ выпалать и въ барабаны бьютъ, архимандритъ говаривалъ тѣже слова; а для чего и въ какой силѣ — не знаетъ ¹⁾.

Такъ какъ Маркелъ хотѣлъ сдѣлать еще объявленіе о противностяхъ синодальныхъ членовъ, то Ромодановскій приказалъ потребовать объясненія: кто именно синодальные члены и какія противности къ Церкви имѣютъ? 5-го іюля Маркелъ представилъ Ромодановскому, въ Преображенской канцеляріи, обличеніе на Феофана, съ подробнымъ перечнемъ его противностей православной Церкви и съ указаніемъ его сообщниковъ — Гавріила Бужинскаго, Феофила Кролика и Давида Скалубы, въ 47 пунктахъ ²⁾.

Это уже не намекъ, не косвенное обличеніе, но прямой и рѣшительный доносъ правительству на Феофана. Это первый серіозный шагъ Родышевскаго на этомъ пути — вызовъ противника. И потянется этотъ процессъ черезъ долгіе-долгіе годы, черезъ многія царствованія; вберетъ въ себя много значительныхъ событий, вытянетъ жизнь изъ тысячи лицъ, сломаетъ много полезныхъ государству людей — и кончится судомъ Божиимъ.

Феофанъ — великій умъ, государственный мужъ, первенствующій членъ Синода, превратился въ агента Преображенской канцеляріи, являясь, смотря по времени и обстоятельствамъ, то доносчикомъ, то подсудимымъ, но всегда необходимымъ ея членомъ. Надобно удивляться, какъ онъ не погибъ въ этомъ водоворотѣ честолюбій, доносовъ, интригъ, — въ водоворотѣ, который увлекъ

¹⁾ Показанія Маркелла и Фирсова напечатаны въ Дѣлѣ о Феофанѣ Прокоповичѣ. Читенія въ общ. ист. 1862 г., кн. I, стр. 89—44.

²⁾ Подлинныя пункты обвиненій напечатаны тамъ же, стр. 45—49.

Долгорукихъ, Меншикова, Дашкова, Теофилакта и многое множество не столь замѣтныхъ лицъ. Какой это былъ находчивый и изворотливый умъ, какая желѣзная воля, какая настойчивость и непреклонность въ достиженіи цѣли!

18-го іюля Маркеллъ сдѣлалъ еще новыя показанія:

•Въ 1717 году, по осени, въ Москвѣ приходилъ онъ въ домъ рязанскаго архіерея Стефана, къ учителю іеромонаху Гедеону Вишневскому, который нынѣ архимандритомъ въ Москвѣ въ спасскомъ монастырѣ, что у иконнаго ряду, по давнему знакомству, и, въ то время наединѣ, Гедеонъ показалъ ему, Маркеллу, писанные имъ своеручно пункты, которые онъ выписалъ изъ богословскаго ученія, которое ученіе издавалъ въ Кіевѣ бывший ректоръ, а нынѣ новгородскій архіерей, Теофанъ, и тѣ пункты отдалъ ему Маркеллу. И онъ Маркеллъ, усмотря въ оныхъ пунктахъ противное ученіе восточной Церкви, принеся въ спасскій монастырь, что у иконнаго ряду, отдалъ того монастыря архимандриту Теофилакту, который нынѣ въ Твери архіепископомъ, и при отдачѣ объявилъ, дабы онъ тѣ пункты отдалъ рязанскому архіерею Стефану. И онъ тѣ пункты его преосвященству предъявлялъ. И когда состоялся указъ о посвященіи въ псковскую епархію архіерея, вышеозначеннаго Теофана, и тогда оныя пункты, за рукою онаго рязанскаго архіерея Стефана и прочихъ учителей, присланы къ его императорскому величеству для объявленія, что оный Теофанъ, за таковое въ оныхъ пунктахъ противное восточной Церкви ученіе, недостоинъ быть архіереемъ. И оныя пункты, для отвѣтствія по нимъ, отданы ему Теофану, а нынѣ оныя пункты и съ отвѣтствіемъ гдѣ обрѣтаются, о томъ онъ, Маркеллъ, неизвѣстенъ.

Да въ прошедшемъ іюнѣ мѣсяцѣ, въ 21 числѣ, сего года, былъ онъ, Маркеллъ, у вышеозначеннаго новгородскаго архіерея Теофана, а въ тожъ число у онаго архіерея были псковскій архіерей Рафаилъ, да александроневскій архимандритъ Петръ. И во время обѣда оный архимандритъ Петръ сказывалъ: «вчерашняго числа былъ у нихъ въ монастырѣ свѣтлѣйшій князь и пѣлъ молебенъ». И на то онъ, архіерей новгородскій, покачавъ головою, говоритъ: «на что Бога обманывать, онъ-де самый недобрый человекъ, многыя злости дѣлаетъ, а показывается-де богомоль и молебны

постъ». И на тѣ его слова архимандритъ Петръ говорилъ: «такъ-де» а что «такъ» именно не говорилъ. А архіерей псковскій на тѣ ихъ слова ничего не говорилъ. И по оному всему видно, что онъ, Маркеллъ, на вышеозначеннаго архіерея Феофана о противности церковной и до сего времени объявлялъ, о чемъ онъ архіерей и отвѣтствовалъ.

Въ Синодѣ, между тѣмъ, дѣло шло своимъ порядкомъ и хотя не ускореннымъ ходомъ, но все-таки шло къ одной цѣли.

Печерскіе старцы представили въ Синодъ имущество Маркелла. Никакихъ драгоценностей въ немъ не оказалось: это было старое платье Маркелла и почти негодная домашняя рухлядь. Но между рухлядью оказались епитрахиль и пелена со споротыми жемчугами. Съ хитростію это сдѣлано или спроста? Безъ всякаго сомнѣнія, съ хитростію. Старцы знали, какъ въ Синодѣ примутъ этотъ подарокъ.

Какъ будто ничего не подозрѣвая и ни о чемъ не догадываясь, Синодъ взялся за Маркелла и послалъ въ Преображенскую канцелярію требованіе выслать его къ допросу, а если нельзя, то дозволила бы допросить его подчиненнымъ Синоду лицамъ. Преображенская канцелярія отвѣчала, что прислать его не можетъ, а ежели нужно снять съ него допросъ, то Синодъ прислалъ бы обстоятельное вѣдѣніе: канцелярія допроситъ сама и пришлетъ тотъ допросъ немедленно (авг. 11, 1726 г.).

Феофанъ держалъ Маркелла въ Тайной канцеляріи такъ крѣпко, что его не вырветъ оттуда никакая *духовная* сила. Пустить его въ Синодъ значило погубить дѣло, на которое потрачено столько ума и хитрости, — значило обречь себя участи Феоодосія. Феофанъ утопилъ бы эти пелены въ трехъ моряхъ, сжегъ бы ихъ на собственныхъ рукахъ, еслибы можно было уничтожить ихъ и избавить Синодъ отъ розыска — куда дѣвался съ нихъ жемчугъ?

Синодъ послалъ въ канцелярію вопросные пункты Маркеллу.

Маркеллъ отвѣчалъ, что онъ обиралъ жемчугъ съ пелены и епитрахили по приказанію Феофана, который поручилъ продать

его Адаму. Что же касается до разныхъ взятыхъ имъ вещей, то онъ взялъ ихъ за жалованье, котораго не получалъ.

Бывшаго псковскаго провинціалъ-инквизитора Савватія Синодъ отпустилъ въ гдовскій монастырь, такъ какъ онъ кончилъ свои доказательства ¹⁾.

Тайная канцелярія сдѣлала докладъ Императрицѣ о показаніяхъ Маркелла. Государыня приказала, по содержанію ихъ, взять съ Теофана объясненіе. Тайная канцелярія дала Теофану указъ 26-го октября, съ объявленіемъ, чтобы онъ отвѣтствовалъ на присланные пункты, не объявляя того никому и при себѣ не оставляя копій. Теофанъ представилъ свои отвѣты 10-го ноября, раздѣливши ихъ на два отдѣла — первый по содержанію показаній Маркелла о непристойныхъ словахъ, второй — по обличенію его въ противностяхъ св. Церкви. Весь отвѣтъ, огромная тетрадь, писанъ Теофаномъ собственноручно.

Мы выпишемъ изъ него нѣкоторыя, особенно важныя и интересныя показанія, для того, чтобы составить понятіе, какъ объ его образѣ мыслей, такъ о томъ положеніи, въ какомъ онъ находился и о тѣхъ способахъ, какіе онъ употреблялъ, чтобы выдти изъ бѣды.

1) На пункты Преображенской канцелярія о *непристойныхъ словахъ*.

«Когда мнѣ сказалъ страхованія своя и слова мятежная Маркеллъ, тогда, отводя его отъ онаго страха, или мечтанія, (а былъ то страхъ его притворный, какъ вскорѣ потомъ явилось), говорилъ я, что солдатъ, который будто на него и прочіихъ кричалъ и угрожалъ мятежемъ и сѣченіемъ, былъ нѣкто отъ малконтентовъ ²⁾, которые, можетъ быть, на командировъ гнѣваются за наказаніе, или за неполученіе, чего желаютъ, или и завистію на высокія лица снѣдаются: и таковой (молвилъ я), ярости полный, увидя тебя и дѣло твое объ окладахъ иконныхъ слышавъ, ядъ гнѣва своего на тебя изблевалъ. На примѣръ же малконтентовъ воспоминаюль объ писемѣ подметномъ и о выстрѣленной пулѣ на

¹⁾ Дѣла архива св. Синода, 1725 г. № 140.

²⁾ Malcontent — недовольный.

экзерцици, и приложилъ и сіе, что, можетъ быть, нѣкіи явятся и на князя свѣтлѣйшаго за превосходство его: все же то сказалъ я вкратцѣ и не къ безчестию князя свѣтлѣйшаго и не къ поношенію ея величества, но просто къ его утѣшенію, понеже сей лукавецъ притворялъ себѣ великій страхъ и трепеть.

Что же о конгрессѣ по смерти государевой придаетъ, и то онъ обычнымъ клеветниковъ способомъ развращаетъ. Не наединѣ съ нимъ, но и при другихъ сказывалъ я, или написанную отъ меня повѣсть чель (не упомяну) о преставленіи блаженныя памяти Государя Императора и что по кончинѣ его благополучно сдѣлаюся,—и то къ созиданію слушающихъ. А Маркелъ весьма безсовѣстно и желчно злобою клевететь, будто я говорилъ, что утвердилъ я Государыню на престолѣ: всякъ кто меня и нравъ мой вѣдаетъ, вѣдаетъ, что я не токмо высоко обо мнѣ говорить, но и слышать похвалы мои стыжуся: я же самъ не крайне ли былъ бы безуменъ, если бы не вѣдалъ, какъ и безстудное и опасное есть хвастанье, якое врагъ сей на меня налагаетъ? Была повѣсть оная всецѣло таковая, каковая отъ ея величества апробована и нынѣ уже напечатана имѣется.

И что еще придаетъ, будто сказалъ я: «и Богъ знаетъ, что далѣ имѣеть быть», — то онъ безсовѣстно клевететь. Маркелъ мнѣ такъ сказывалъ: протопопъ-де горицкому архимандриту, показуя на дворецъ государевъ, сказалъ: «вотъ-де ее уже повели»; а про себя Маркелъ сказалъ мнѣ, что онъ изъ словъ протопоповыхъ подумалъ, что Государыня отъ мятежниковъ взята, придавъ съ трепетомъ и сіе: «гдѣ она нынѣ и въ живыхъ ли поне обрѣтается»? А я ему таковыхъ словъ и меттаній жестоко возбранялъ, тако слово протопопово толкуя, что Государыня, по обычаю, въ садъ пошла, а при ней не малая ассистенція, и то-то «повели ее» значитъ. А между тѣмъ Маркелъ зниклъ невѣдомо куда, знатно опасаяся итти со мною въ судно, какъ я ему приказывалъ. А въ доношеніи о семъ я именно не положилъ ради опасности....

О негодованіи именно чѣмъ не говорилъ я, но на догадъ, что бываютъ во всѣхъ народахъ, такожь и въ нашемъ, малконтенты, то-есть, таковыя непокойныя головы, которыя настоящимъ правительствомъ и поведеніемъ довольствоваться не хотятъ. И таковыи чего на государей своихъ ни говорятъ,—о чемъ вездѣ безчи-

сленныя исторіи. О таковыхъ малконтентахъ если сказалъ я, что Государыню помянутыми словами поносить, не чести ея величества коснулся я, но ихъ таковыхъ, если нѣкіи суть, злорѣчіе показалъ. Только же говорилъ ли я такія слова, и то въ силѣ той, какъ въ отвѣтѣ на первый пунктъ показано, или не говорилъ, вѣстину не упомяну.

Для объясненія сего моего отвѣта придаю и сіе: бывають въ разговорахъ съ честными людьми повѣсти о малконтентахъ и о измѣнникахъ, какіе на Государя вносили хулы, напр. Талицкій, Левинъ и проч., такожъ, какъ могутъ клеветать прочіе воры безъименно. И было ли когда въ моемъ разговорѣ слово о хульникахъ таковыхъ, генерально не упомяну.

Указъ о подметныхъ письмахъ и въ келии моей былъ и при церкви домовою пригѣпленъ. И что вины моей въ томъ? А Маркелла спрашивать, о чемъ оныя письма подметныя, не надобно и дурно было бы, понеже онъ не вѣдаетъ. А какъ вси прочіи, такъ и Маркелъ и безъ моего толку зналъ изъ самаго онаго указа, что въ письмахъ подметныхъ нѣчто о наслѣдіи содержится. Однакожъ я, отводя отъ ближнаго догада, рассуждалъ тако, что хотя мнѣ письмо оное и не неизвѣстно, но понеже въ указѣ ономъ силы его всея не открыто, въ секретѣ содержится, кого именно касается письмо подметное,—князя ли свѣтлѣйшаго, или другихъ изъ министровъ или и самой Государыни. А клеветникъ мой таковое мое рассужденіе перешилъ на порочное мнѣ слово и князя свѣтлѣйшаго догадомъ своимъ доходилъ. Что и отъ сего явно, понеже не то въ письмѣ ономъ содержится, что онъ, акибы отъ меня слышанное, доносить. А о выставленныхъ червонцахъ не отъ мене онъ слышалъ, но само дѣло явно было. А мое было со многими рассужденіе, что либо одинъ нѣкто врагъ письма онаго изобрѣтатель и самъ себе не покажетъ, а если два или три, то таковыи крѣпкіи, что одинъ другаго не выдають. Что я разумѣлъ о крѣпости кровныхъ или зѣло дружныхъ, а не мелкую шляхту, клеветникъ вспомянулъ къ ожесточенію на меня честныхъ людей. Было и то мое мнѣніе, что не лучше бы деньги оныя на одномъ мѣстѣ поставить, дабы вѣщше позвали, кто о зводѣи знаетъ, ко объявленію онаго. Въ пунктѣ о посылкѣ діакона Адама къ Императрицѣ таковымъ мене глупцомъ мудрый Маркелъ дѣлаеть,

на каковыхъ, яко ума не имущихъ, никто не гнѣвается ни за побой, ни за лая. Нѣтъ злѣйшаго слова, какъ сія на меня клевета; а я самъ въ томъ открывался, посылая діакона къ Государынѣ съ таковымъ выговоромъ. Кто здѣ не видитъ крайняго безумія? А который когда воръ и такъ дѣлать похотѣлъ, и еслибы сдѣлалъ такъ, то никто бы его не назвалъ воромъ, но всякъ бы сказалъ, что, бѣдненькій, онъ ума лишился. Еще же и вѣдаетъ клеветникъ, что оныхъ денегъ не нарицаетъ Феодосіевыми, и не Феодосіевы бо суть, и Феодосіевыхъ никакихъ въ Новѣградѣ не явилось и не показано. И изъ числа денегъ, запечатанныхъ по имянному ея величеству указу, еще въ прошломъ году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, дано намъ на нужды, сколько мы требовали. Какъ же не стыдится лгать, оные деньги нарицая Феодосіевыми и скажуя, будто я требовалъ и толь злодерзостнымъ способомъ домогался, чего и на мысли не было? Да и Адамъ живъ и здравъ пребываетъ.

Неоднократно воспоминаемъ, и не одинъ я, злой оный случай, на экзерциціи явившійся, — воспоминаемъ уже съ въздыханіемъ, прося заступленія Божія ея величеству отъ таковыхъ враговъ, каковый тотъ былъ, который пулею выстрѣлилъ, если то враждою сдѣлалъ, а не забвеніемъ и не безпамятствомъ. А Маркелъ и тутъ лжей своихъ придалъ, гдѣ весьма бы не надѣяться. Первое лжетъ, будто я ему о семъ наединѣ говорилъ, аки бы о семъ говорить не велѣно, а намъ сама ея величество, скоро послѣ того злого случая, у стола своего изволила сказовать, всѣмъ тогда собранымъ первѣйшимъ духовнымъ. Да и кому. сіе дѣло неизвѣстно? — Второе, — лжетъ, будто я 29 іюня сіе ему говорилъ, когда я его отъ страха унималъ: чте же бы сіе помогло ко утѣшенію его? — Третіе, будто изъ сего наводилъ я, что такъ много враговъ Государыни, что только одинъ Петръ Андріевичъ вѣренъ. Опять меня мудрецъ сей въ глушцы жалуеетъ. Отъ единаго бо вора (если враждою то сдѣлалъ) всѣхъ воровство показывать, единаго токмо вѣрнаго выключая, развѣ бы пребезумный дерзнулъ. А намъ не такъ еще, по милости Божіей, оскудалъ разумъ. Хвалимъ мы въ разговорахъ не одного, но многихъ, всякаго по своему достоинству: а хотя бы чіе и погрѣшеніе вѣдали, тщимся себѣ показывать, аки невѣдущихъ. — Четвертое, будто я и порицалъ

Государыню за ея охоту мужественную, когда я не могу оной довольно удивиться и похвалить, какъ достойно. Не рядовой же се клеветникъ, который слово похвальное передѣлать умѣетъ на ругательное. Онъ и предки мои похвальныя перетолкуетъ на хульныя. Весьма же жжетъ, что наконецъ придаетъ, будто я не дѣлю Государыни почтагъ, но генеральское — муштроватъ воинство, что у мене ниже въ помышленіи было, ибо я не вѣдалъ и доселѣ не вѣдаю, чтò Государыня при воинской экзерциціи дѣлаетъ, смотреть ли только, или повелѣваетъ; едино вѣдаю, что присутствуетъ; но и что дѣлю — муштроватъ, не весьма вѣдаю. Еще же при мнѣ и нѣкое дикое слово, аки бы отъ мене произшедшее, восписуетъ — жемачится. Что се? не польское, не малороссійское, великороссійское ли, не вѣдаю: и не только слова сего не говорю я, никогда и не говорилъ, и никто у мене не слышалъ, но и говорить мнѣ оное не безъ трудности и, что значить, я не знаю.

О томъ, что Императрица наряжалась въ амашское платье, не въ то время и не наединѣ говорилъ я (что бо и се ли секретъ), но говорилъ, какъ исторію честную, въ собраніи, въ честь ея величества, что различными дѣйствіи является толикой власти достойная, придая и то, что мы съ архимандритомъ ярославскимъ, нынѣшнимъ уже архіереемъ вологодскимъ, тщательно искали мѣста видѣть оное ея величества дѣйствіе, да, за множествомъ народа, не получили, и что слышали позоръ оной — достойный быть удивленія. Какой же въ сей повѣсти грѣхъ мой? Догадуюся нѣчто: подумалъ Маркелгъ, что платье амашское (такъ бо онъ нарицаетъ) есть нѣчто не доброе, и тѣмъ повѣсть мою, аки бы высокою ея величества чести противную, опорочить надѣялся. Но я говорилъ, что Государыня надѣвала на себя платье не амашское, но амазонское, какъ и въ русскихъ газетахъ тогда же напечатано: и сіе нарѣчіе ея величества славѣ не противное, но служащее. А каковаго языка амашское и что значить, отнюдь не вѣдаю, и не вѣдаю такъ, какъ Маркелгъ не знаетъ, что платье амазонское.

И сія вся Маркелгъ сошилъ на меня клеветы тогда, когда я, познавъ его притворное страхованіе, а къ народному мятежному и недоброму слуху плевосѣятельное, отдалъ его въ Преображенскую канцелярію при доношеніи: и того ради, какъ сія клевет-

венные Маркелловы доносы неважные и весьма, по уложеніямъ, отметные суть, извѣстно является.

Понеже клеветникъ сей подозрѣннымъ мене въ невѣрности и недоброжелательствѣ къ ея величеству показать умыслилъ, того ради, сверхъ вышписанныхъ истинныхъ моихъ отвѣтовъ, принуждаемый, воспоминаю, какова извѣстная моя и къ ея императорскому величеству и ко всей ея величества высокой фамиліи и ко всему российскому государству вѣрность: ибо не токмо никто и никогда ни въ дѣлѣ, ниже въ словѣ моемъ, никакой не могъ признать противности, но и многими дѣйствіями моими должная моя вѣрность свидѣтельствована стала. Свидѣтельствуютъ о ней многія мои проповѣди и не одна книжица изданная, въ которыхъ тщательно и многократно поучаю, какъ вѣрніи подданныи и послушннн должны быть государямъ своимъ; свидѣтельствуютъ иная моя сочиненія, которыми, какъ ни есть, по силѣ моей, славу ихъ величества послужилъ я. Тоже свидѣтельствуется и отъ прошлогодскаго дѣла о Феоодосіи. А еще въ прошлыхъ 1708 и 1709 годѣхъ, когда Мазепина змѣна была и введенный оною въ отечество непріятель, — каковъ я тогда былъ къ Государю и государству, засвидѣтельствуешь его сіятельство, князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ. Но, паче всего, каковое о моей вѣрности свидѣтельство блаженныя и вѣчностойныя памяти Государь Императоръ неоднократно произносилъ, ихъ сіятельству — высокимъ министрамъ извѣстно. А о Маркелгѣ, какъ къ плутовству охотный онъ, вси вѣдаютъ, кто его изблизка знаетъ: и въ прошломъ 1718 годѣ, когда онъ тщался клеветою погубить преосвященнаго Феофлакта, тверскаго архіепископа, его величество Государь Императоръ, яко премудрѣйшій государь, и слушать не похотѣлъ. И хотя изъ таковаго отъ насъ соразсужденія, еще же и изъ онгдашняго Маркеллова мятежнаго плевосѣянія, изъ разнословныхъ его отвѣтовъ, согласнымъ моему доношенію, преосвященнаго архіепископа псковскаго свидѣтельствомъ обличаемыхъ, не трудно знать, какой вѣры достоинъ Маркелгъ; однако же я, понуждаемый толь горестнымъ на мене его злословіемъ, заключаю сіе крайнимъ совѣсти моею обязательствомъ, и если я не искреннѣ вѣренъ ея императорскому величеству, дерзаю со Псаломникомъ восклицать: *«да оттаду убо отъ орачъ моихъ тощъ, да поженетъ*

убо оранъ душу мою и въ персть смерти вселитъ ю! Теофанъ архіепископъ новгородскій. Своеручно писалъ октября отъ 29 ноября по 10 день, 1726 г.»¹⁾

II) На пункты о церковныхъ противностяхъ.

Маркелгъ доносилъ на Теофана, что онъ въ разныхъ книгахъ написалъ и поученіе сказывалъ, и разговоры непрестанно имѣлъ, и многихъ къ тому научилъ, что *«върою токмо единою оправдается всякъ христіанинъ, а не дѣлами кутно съ върою»*.

Противъ этого, изложивши православное ученіе объ оправданіи, Теофанъ прибавляетъ: таковое мое и въ такой силѣ было и есть ученіе о оправданіи; таковое бо во всемъ священномъ писаніи, а наипаче въ посланіяхъ апостола Павла, крѣпко утверждается. И если Маркелгъ, не вѣдая силы сего ученія, оное ставитъ въ порокъ, то просто клеветникъ есть; если же, вѣдая (что болѣе надѣяться мнѣ трудно), нарицаетъ ересію, то не токмо клеветникъ, но и богохульникъ есть. Прочее и чудно и смѣшно есть, что объявлять извоилъ. Въ разныхъ де книгахъ написалъ и поученіе говорилъ: будто онъ «книги мои разныя чель», который и никакихъ не читаетъ. И не должно могу сказать, что если бы такъ часто хлѣбъ ѣлъ онъ, какъ книги читаетъ, то въ три — четыре дни не стало бы его. А о поученіи которомъ онъ говоритъ? Я сіе на многихъ поученіяхъ проповѣдаю, да никто не споритъ. И было мое нарочитое о семъ поученіе въ 1716 г., въ праздникъ Рождества Христова, въ церкви свѣтлѣйшаго князя, при присутствіи его свѣтлости и его сіятельства адмирала и многихъ прочіихъ господъ: но оное поученіе такъ всѣмъ душеполезное судилося, что скоро потомъ и печати предано. Но о коемъ-нибудь поученіи можемъ говорить Маркелгъ: однакоже извѣстно всѣмъ, что я поученій никогда не говорилъ, развѣ въ присутствіи множества честныхъ людей, но и самаго блаженнаго и вѣчнодостоиннаго памяти Императора. Симвъ же моимъ о оправданіи ученіемъ и при кончинѣ его величества, Богу послѣшествующу, утверждалъ я его, и несумнѣнную показалъ на немъ Богъ надежду вѣчнаго спасенія, какъ и ея величество и вси присутствовавшіи со умиленіемъ видѣли.

¹⁾ Теофанъ отвѣчалъ не на всѣ пункты. О Меншиковѣ — что называлъ его недобрый человѣкомъ и ханжею, ни слова. Меншиковъ напоминать ему объ этомъ впоследствии.

Смотри же благоразсудный, какъ бѣснуется Маркеллъ: всѣхъ честныхъ людей, безъ всякаго изъятія, въ дураки ставитъ. Никто бо въ поученіи моемъ не видѣлъ ереси, а Маркеллъ видитъ. Самъ Петръ Великій, не меньше премудрый, какъ и сильный монархъ, въ предикахъ моихъ не узналъ ереси, а въ преблаженной кончинѣ своей и съ лобзаніемъ принималъ сіе мое ученіе, которое Маркеллъ ересию нарицаетъ. Извѣстно же намъ, что тотъ же монархъ двѣ предики Маркелловы въ Кронштадтѣ, яко безумныя и хульныя, обличилъ, а въ моихъ не усмотрѣлъ, что усмотрѣлъ Маркеллъ. Что же надлежитъ до моихъ книжицъ — въ двохъ книжицахъ предложилъ я ученіе о оправданіи съ объясненіемъ: въ первой — о отроческомъ наставленіи — въ толкованіи символа вѣры, а въ другой — пространно о евангельскихъ блаженствахъ. Первую апробовалъ императорское величество, и какъ именнымъ указомъ его сдѣлана, такъ его жъ величества указомъ вездѣ разослана и повелѣно изъ нея учить дѣтей російскихъ; а книжицу «о блаженствахъ» его жъ величество приказалъ мнѣ написать, а написанную самъ его величество въ Низовомъ походѣ прочелъ и на письмѣ своемъ своеручномъ прислалъ объ оной книгѣ таковое въ Синодъ свидѣтельство, что въ ней показуется прямой путь спасенія, которое его величества писаніе и доселѣ хранится въ архивахъ синодальныхъ. Кто жъ не видитъ, коликое Маркеллово дерзновеніе? Кто бо не видитъ, что онъ терзаетъ славу толикаго монарха? Да еще се дивно, что когда онъ донесетъ въ кражѣ церковныхъ вещей и въ злѣйшихъ мятежныхъ словахъ, тогда сталъ ревновать о добрыхъ дѣлахъ. Сказалъ бы я, что онъ покался, да лихо лжетъ противъ совѣсти, и не могу я воистину умомъ объять, дабы онъ вѣрилъ быти Бога и будущій вѣкъ.

«Онъ же втруетъ, продолжаетъ Маркеллъ, яко едино токмо священное писаніе, еже есть ветхий и новыи заветъ — полезны намъ къ спасенію; а святыхъ-де отецъ писаніе имѣетъ въ себѣ многия неправости: того ради не подобаетъ св. отецъ писаніе въ великой чести имѣть и на него полагатися.»

Ложь безстудная, отвѣчаетъ Феофанъ. Все мы, чина учительскаго какъ ни есть сподобившіся, учимъ и исповѣдуемъ, что едино священное писаніе есть ученіе основательное о главнѣйшихъ догматахъ богословскихъ; приедемъ и преданія, оному не

противная, ибо и святѣи древнимъ отцы тожде ясно учать и рече-
нія своя священнымъ писаніемъ утверждаютъ; а святыхъ отецъ
книги, хотя и во второмъ, по священномъ писаніи, мѣстѣ полага-
емъ, однакоже много полезныя (а не какъ клеветникъ лжетъ,
не полезныя) нарицаемъ. О моемъ собственнѣ къ отеческимъ
книгамъ почитаніи не едино свидѣтельствуетъ дѣло мое: привожу
въ предикахъ изъ книгъ отеческихъ свидѣтельства, тожъ дѣлаю
въ книжицѣ «о блаженствахъ» и въ книжицѣ «правда воли монар-
шей», и въ книжицѣ о крещеніи и проч.; и въ библиотекѣ моей
есть особливая отъ нихъ прочіихъ часть всѣхъ церковныхъ учи-
телей, авторовъ числомъ больше 600 содержащая, на которыя
издержалъ я больше тысячи рублей. И давно уже, по силѣ, обу-
чаюся и навикаю вѣдать, о чемъ который отецъ святѣи пишетъ,
дабы въ случающихся церковныхъ нуждахъ скоро можно было
выписывать свидѣтельства. А Маркелъ, подлинно вѣдаю, ни еди-
ной никогда книги отеческой и въ рукахъ не держалъ, развѣ у
меня въ шкафѣ стоящія и не отверзтыя видѣлъ.

*«Святыхъ иконъ въ чести достодолжной не содержатъ, а со-
держатъ такъ, какъ содержатъ моторы».*

Протоковалъ бы Маркелъ, отвѣчаетъ Теофанъ, кая честь
иконамъ святѣимъ достодолжная, и тогда бы то или другое гово-
рилъ на мене. А мое о чести, иконамъ святѣимъ подобающей, тол-
кованіе напечатано въ наставленіи отроческомъ: и не мое самого,
но всего собора седьмаго, никейскаго втораго.

*«Мнитъ, продолжаетъ Маркелъ, и прочимъ сказываетъ, что
одоосвященіе въ церкви сестрице есть и ни къ чему оно не по-
лезно, и водокропленія не приемиетъ».*

А для чего жъ, отвѣчаетъ Теофанъ, въ домовѣи моей церквѣ
одоосвященіе бываетъ, и въ мою и въ прочіи келіи приходитъ
священникъ съ водокропленіемъ? И я самъ, въ 1724 году, свя-
тилъ публично воду на рѣкѣ Невѣ, въ присутствіи его импера-
торскаго величества.

*«Акаѣисты Иисусу Сладчайшему, Богородицѣ, святителю
Николаю весьма бранятъ и смѣется тѣмъ, кто изъ издалъ: и
читать и содержать-де изъ не надлежитъ, понеже никакого
въ нихъ богомолія не обрѣтается, и должны-де отъ церкви отбро-
шены быть».*

Феофанъ отвѣчаетъ: акафисты — Исусовъ и Богородичень хвалю, яко мудрѣ сочиненныя, а противное лжетъ Маркелгъ. А къ святому Николаю суть два акафиста, не вѣдаю отъ кого въ Киевѣ сочиненные, и отъ церкви російской не апробованные, не многимъ же и вѣдомые. И одного изъ тѣхъ акафистовъ сочиненіе можетъ неотметно быть, а другое весьма смѣшное: что же я виновать? Не похвалу святыхъ отменю, а похвалу непристойную. Нѣкто изъ латинщиковъ, Маркеллу подобныхъ, таковое усердіе свое къ Богу написалъ: «о Господи, аще бы Ты мене ангеломъ, а не человѣкомъ сотворилъ, лучше бы я Тебѣ воспѣвалъ славословіе, нежели поютъ Тебѣ святыи ангели Твои». Кто жъ ему не посмѣется, хотя и къ Богу онъ мнится усердствовать? Буди же здѣ и се извѣстно, что вся Церковь греческая доселѣ не приняла и не имѣетъ акафистовъ, кромѣ одинаго къ пресвятой Богородицѣ.

«О Минелгъ говоритъ, что оныя преисполнены всякихъ ересей».

Клевещеть, отвѣчаетъ Феофанъ, будто сказую я, что преисполнены всякихъ ересей, но что нѣкія повѣсти суть, требующія учительнаго разсужденія. Есть же и правило собора св. отецъ въ Трулли, числомъ 63, которое запрещаетъ ложныя исторіи о святыхъ мученикахъ и потому узаконяетъ оберегательство.

«Прологи порочитъ и приказалъ съ прочими синодальными членами съ Новгородѣ о тѣхъ прологахъ изслѣдовать и чернить іеромонаху Стефану Прибыловичу, который умре».

Лжетъ безстыдно, отвѣчаетъ Феофанъ, будто я приказывалъ, и съ прочими синодальными, исправлять прологи. Блаженные и вѣчностойныя памяти приказывалъ Государь неоднократно. А Феоdosій, бывъ тогда новгородскій, на себя перенялъ и вручилъ оное дѣло Стефану Прибыловичу, противъ надежды моей. И когда, по времени, показалъ намъ Феоdosій присланные къ нему отъ Стефана нѣкіе примѣры исправленія, я, съ оныхъ примѣровъ увидѣвъ не искусство, противяся говорилъ при другихъ, чтобъ такъ невѣжливымъ исправленіемъ пушше книгъ не испортить ¹⁾.

¹⁾ О Стефанѣ Прибыловичѣ въ Словарѣ духовн. писателей, и. Евгенія, ч. II, стр. 262, изд. 1827 г. Рукопись его: *нотации на прологи съ перспективною къ прологамъ* находится въ синодальномъ архивѣ. Судя по этой *перспективѣ* т. е. по тѣмъ основаніямъ, какія онъ принялъ для исправленія прологовъ и по нѣ-

«Чудотворца Николая многажды бранил и называл русским Богомъ», пишетъ Маркелъ.

Θеофанъ отвѣчаетъ: да не сподобитъ мене Богъ достигнуть онаго блаженства, которое и Николай святыи и прочіи угодницы Божіи подучили, если не жетъ Маркелъ! А то правда, что плотникамъ и другимъ простакамъ, по случаю, говоритъ, дабы святаго Николая не боготворили, съ полезнымъ разсужденіемъ, для того, что память св. Николая выше Господскихъ праздниковъ ставить.

«Пѣніе все церковное монаховъ и прочихъ церковно-служителей называетъ бычачьимъ рыкомъ, ни къ чему неподнымъ».

О смѣшной пакостникъ и клеветникъ безстудный! Хотя бы и правда, что я не люблю голосовъ клирошанскихъ, тожь ли моя ересь и противъ котораго вѣры артикула? А каковое мое въ церковномъ пѣніи попеченіе, изъ домовой церкви моеи всѣмъ извѣстно.

«Монашество и черницы желаетъ искоренить».

Жетъ клеветникъ, отвѣчаетъ Θеофанъ, будто я желаю монашество искоренить. Какъ мнѣ дѣлать, чего не могу? Смѣшно же весьма говорить «монашество и черницы», будто черницы не монашество. Мое желаніе о исправленіи, а не о разореніи чина монашескаго, явствуетъ изъ Регламенту духовнаго, гдѣ старинныя чина сего правила предложилъ я.

«Говоритъ, что ученія-де никакаго образо въ Церквѣ святой нѣтъ, а въ лютеранской-де церквѣ все ученіе изрядное».

Говоримъ часто со вздыханіемъ, отвѣчаетъ Θеофанъ, не о лютеранахъ однихъ, но и о папстахъ, калвиніанахъ, арминіанахъ и о самыхъ злѣйшихъ и магометанскому злочестію близкихъ соцініанахъ, что у нихъ школъ и академій и людей ученыхъ много, а у насъ мало. И сіе слово говоритъ Павелъ святыи, въ первомъ ко Коринтяномъ посланіи, въ главѣ первой, сказуя, что отъ правовѣрныхъ не многи премудри. И ино есть ученіе, ино же ученый человекъ. Ученіе церковное въ священномъ писаніи, которое содержать и еретики, хотя отчасти разумъ его развращаютъ,

---

которымъ пригравъ подобнаго исправленія, точно нельзя было ожидать отъ него ничего полезнаго для церкви православной.

такъ жъ въ соборахъ правльныхъ и въ книгахъ отеческихъ. А ученый человекъ, который умѣетъ языки, знаетъ многія исторіи, искусенъ въ философскихъ и богословскихъ преніяхъ, хотя добраго, хотя злаго онъ исповѣданія. Моя же рѣчь есть о ученыхъ людяхъ, а не о церковномъ ученіи, въ книгахъ заключенномъ.

«Говоритъ, что надобно-де вездѣ по церквамъ быть музыкамъ ради украшенія церковнаго, которую нынѣ въ домѣ у себя уже и имѣетъ, о которой музыкѣ, что она церкви не противна, писалъ троицкій архимандритъ Гавриилъ и давалъ ему Маркеллу читать».

Гдѣ же тутъ совѣсти сыщешь? отвѣчаетъ Феофанъ. Когда вопросы бывають — противна ли благочестію инструментальная, если бы въ церкви была музыка, — мои всегда постоянные отвѣты, что хотя не сама собою противна есть (ибо была въ ветхомъ заветѣ), но употребленіемъ въ соблазнъ развращается; чего я наглядѣлся въ Италиі, и того ради всегда хвалю, что Церковь восточная таковой музыки не имѣетъ. А онъ иное обо мнѣ клевететь весьма противно совѣсти своей, если нѣчто ея въ немъ осталось. А что о Гавриилѣ, нынѣ уже архіереемъ рязанскомъ, приложилъ, я ни отъ кого о семъ не слышалъ доселѣ: и что до мене, хотя бы онъ писалъ о томъ? Что же надлежитъ до дѣтей моихъ учащихся: учатся они и книжныхъ разныхъ ученій, а при тѣхъ и рисовать и музыки голосной и, нѣкин, музыки инструментальной, и хотѣлъ бы я, дабы они и всякія прочія искусства и мастерства получили, для частнаго ихъ впредь воспитанія. А чтобы въ церковь ввести музыку, не только противно моему мнѣнію есть, какъ выше помянулося, но и отнюдь невозможно не токмо мнѣ, но хотя бы кто и патріархъ былъ.

«Книгу Кормчую и въ ней многія правила отвергалъ и говорилъ: много-де въ той книгѣ ложь есть и неправедныхъ правилъ, и тѣ-де правила, которыя называются апостольскія, не ихъ».

Не правила многая отвергаю, — отвѣчаетъ Феофанъ, — какъ лжесловить, но порицаю, яко не вездѣ прямой переводъ правилъ на славянскій языкъ, а напротивъ, что на многихъ мѣстахъ не самыя соборовъ святыхъ правила, но перечни ихъ, отъ Алексіа Аристана писанные, вмѣсто правилъ положилъ переводчикъ. А правила апостольскія (о которыхъ Маркеллъ не знаетъ) приѣмлю за апостольскія по ученію, но не соглашенію, т. е., въ правилахъ

о нихъ ученіе апостольское, но словесъ составъ или сочиненіе не отъ апостолъ сдѣлано — что вси вѣдаютъ, которые не Маркелловымъ образомъ о дѣлѣ богословскомъ обучаются.

«Святыхъ отецъ книгу Діонисія ареопанита называлъ неправедною и говорилъ, что и самая-де книга, изданная подъ именемъ Василія Великаго и Златоустаго и прочияхъ, ложивыя».

Трудно, — отвѣчаетъ Теофанъ, — или паче невозможно слѣпому разсуждать о краскахъ и цвѣтахъ. О Діонисіевской книгѣ издревле у церковныхъ учителей бывало преніе, какъ видимъ изъ собора православнаго, который дѣлалъ предуготовленіе вселенскому собору шестому, такожь и отъ премудрѣйшаго патріарха Фотія, въ Библіотекѣ его. Преніе же есть не о ученіи, въ оной книгѣ написанномъ, но о творцѣ книги, — Ареопагитскій ли, или иной Діонисій сочинилъ книгу оную. И одни се, а другіи то говорятъ, безъ раздора вѣры и любви, понеже не надлежитъ до вѣры артикуловъ. И я — и другіе, по случаю, преніе о семъ предлагаемъ. Что же тутъ дѣла вѣры ревнителю, у котораго никакой вѣры нѣтъ? Еще же и то въ порокъ мнѣ ставитъ, что сказуеть многія бытъ книги, подъ именами древнихъ учителей изданная, а не ихъ прямыя — и отъ сего, какъ и отъ прочихъ злословій, его является Маркелово слѣпое весьма дерзновеніе: ибо правда есть, исповѣдую, что я то сказую. Вѣдаемъ, что святыхъ отецъ многія книги суть прямыя ихъ, которыя и Церковь приѣмлетъ, но и вѣдаемъ, что многія суть подметныя, подъ именемъ сего или другаго святаго изданная; наприкладъ: есть святаго Златоустаго толкованіе на Евангеліе Матееово, сущее его; есть же и другое тогожде Евангелія толкованіе, изданное отъ нѣкоего арианна, имущее въ себѣ хулы на Сына Божія, а именемъ Златоустаго украшенное — ложно. Суть прямыя книги св. Іустина мученика, суть и подметныя подъ именемъ его. Подобны и священномученика Кипріяна и Аванасія Великаго, и Великаго Василія, и Кирилла іерусалимскаго и Дамаскина и прочіихъ — суть и прямыя и подметныя книги, и суть при насъ, и показать и доказать не трудно; ибо о разборѣ и познаніи таковыхъ прямыхъ и подметныхъ книгъ есть собственное ученіе, котораго древніе учителя употребляли: наприкладъ, на соборѣ седьмомъ вселенскомъ приводила противная сторона, въ свидѣтельство себѣ, нѣкое описаніе св. Епифанія кипрскаго, а

отцы собора онаго разными доводами показывали, что оное писаніе не Епифаніево, но подметное и Епифанію притворенное. А премудрѣйшій Фотій патриархъ великую свою книгу, Библиотеку именуемую, всю таковымъ-то разборомъ наполнилъ. И что се дивно, что подъ именемъ разныхъ святыхъ многія писанія притворено: напримѣръ евангеліе Іакове, посланіе Варнавию, евангеліе Петрово, Вареломеово, Омино, Ѡаддеево, Филиппово, Никодимово и проч.? Изъ которыхъ притворныхъ, подъ именами апостольскими, книгъ многія и доселѣ обрѣтаются, но яко ложныя отъ Церкви не приемятся, и были вымысленныя отъ разныхъ еретикъ въ разные времена. И отъ сего довольно видѣть, какъ слѣпо смѣлъ Маркелгъ къ порицанію и клеветамъ.

«Сказывалъ, пишетъ Маркелгъ, что при успеніи Богоматери апостолы на облакахъ собраны не были.»

Клеветать, — отвѣчаетъ Теофанъ: — я нѣкогда говорилъ, что многія древнія исторіи и прочія книги погибли и до нашихъ временъ не дошли, яко, напримѣръ, и исторія о успеніи Богоматери у позднѣйшихъ писателей обрѣтается, а самой древнѣйшей, изъ которой оныя взяли, уже нельзя изыскать.

«Образы святыхъ называлъ идолами.»

Не называлъ идолами никакихъ, — отвѣчаетъ Теофанъ, — но грубое мужичье рѣзное дѣло, безчестный видъ святыхъ подающее, запрещаю; и не я, но Синодъ, по имянному блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государя Императора указу, запретилъ, не просто всякія рѣзныя иконы, но не искусно дѣланныя, для важныхъ резоновъ: и указъ тотъ сочиненъ не отъ мене, но отъ епископа тверскаго Теофилакта. А я рѣзное Распятіе, понеже искуснаго дѣла есть, и въ домовой моей церквѣ имѣю.

Сверхъ написанныхъ отвѣтовъ монахъ — заключилъ Теофанъ свои показанія, — еще сія вообще предаю въ разсужденіе: 1) извѣстно всѣмъ ученымъ, каковаго ученія Маркелгъ, что не токмо не чель и не читаетъ ни священнаго писанія, ни отеческихъ, ни соборныхъ и никакихъ книгъ, но и разумѣть не можетъ и изъ латинскаго языка перевести не умѣеть: и когда нѣкую книжицу переводить тѣлся, то, между безчисленными смѣшными погрѣшеніи, и сей толкъ положилъ, который и доселѣ для забавы воспоминается. Написано было *эра ироломская*, что значитъ: время истеченія лѣтъ

отъ разоренія города Трои, а онъ перевелъ: *маня троянская*. И не дивно; еще бо и въ школахъ тупость его вѣдома была. Изъ котораго его невѣжества произошло, что и въ сихъ пунктахъ своихъ нѣкіе главные Церкви святой догматы ересію пореклъ. Какъ же таковой невѣжа можетъ чье ученіе разсуждать и судить? 2) Дадимъ же ему и умѣніе и силу искусства богословскаго (которой не бывало), и если въ сорокъ седми артикулахъ моя ересь содержится, какъ то онъ описуетъ, то я не радовой, по мнѣнію его, еретикъ. Для чего же Маркелъ доселѣ молчалъ? Для чего не охранялъ Церкви отъ толь вреднаго развратника? Еще же и вѣщше, для чего мене не отвращался, но благословенія у мене требовалъ, и отцемъ и пастыремъ нарицалъ мене, и имя мое, яко пастырское, въ церквѣ при священнослуженіяхъ возносилъ? 3) Была бы его вина, еслибъ онъ толь многія ереси за мною вѣдавъ, не скоро, гдѣ надлежитъ, донеслъ, хотя бы и свободенъ доносилъ: а то тогда уже доносить, когда въ важномъ дѣлѣ за арестъ уже посаженъ. А по шестому правилу сятаго собора втораго вселенскаго, не важно на архіерея доношеніе того, который самъ доносенъ, покамѣстъ самъ не оправдится. 4) И въ богословскомъ моемъ ученіи представляю непобѣдимое свидѣтельство блаженныхъ и вѣчностойныхъ памяти Государя Императора и самаго искуснаго въ томъ монарха, который и предки мои многія напечатать, такожь и не одну книжицу богословскую повелѣлъ и словами апробовалъ, а книжицу «о блаженствахъ» и своеручнымъ въ Синодъ писаніемъ утвердить благоволилъ. А вопреки, Маркеловы предки (какъ и выше показалося) опорочилъ и, проповѣдать ему не пускать, указалъ. Изъ чего не трудно знать, какого вѣроятія достойны суть соплетенныя отъ него на мене каверзы. Однако же я, таковымъ безсовѣстнымъ клеветословіемъ его оторченъ и таковымъ вводимымъ отъ него соблазнъ востребляя, съ Павломъ святымъ призываю Бога свидѣтеля на душу мою, что во всякихъ богословскихъ чтеніяхъ и разсужденіяхъ всегда съ великимъ опасеніемъ и страхомъ Божиимъ не легкомысленнѣ, не скоромнѣнно, но сущей истинѣ повинуюся и, плѣняя умъ мой въ послушаніе Христова, обучаюся. И если я не отъ всего сердца желаю сынамъ російскимъ спасеннаго пути и вѣчнаго блаженства, и если Маркелъ прямо и по совѣсти сія на мене написалъ, то да буду амвросіа отъ Христа Иисуса, Господа моего!

А на него клятва сія и на его (аще кін суть) сообщниковъ и пособниковъ падеть, аще не покаются. Феофанъ архіепископъ Новгородскій писалъ своею рукою отъ 29 октября до 10 ноября 1726 года».

По докладу Ромодановскаго, Государыня, выслушавши эти показанія, приказала архимандрита Маркелла Родышевскаго, за его сумнительныя продерзкія слова, держать въ с.-петербургской крѣпости отъ другихъ колодниковъ особо, подъ крѣпкимъ карауломъ, до указа. А что онъ, Родышевскій, показалъ на новгородскаго архіепископа Феофана о непристойныхъ словахъ и о церковныхъ противностяхъ, и тому его показанію вѣрить не указала, потому: оный архіерей въ отвѣтахъ написалъ, подъ заключеніемъ проклятія и анаемы, что онъ, противъ показанія его архимандричья, непристойныхъ словъ и прочихъ не говаривалъ и никакой противности къ Церкви святой не имѣеть; да и потому: оный архимандритъ въ Преображенскую канцелярію взять по доношенію онаго архіерея въ его сумнительныхъ къ устрасію смертнаго мятежа словахъ, о чемъ оный архимандритъ хотя не во всемъ, однако же показалъ, что де былъ въ нѣкоторой боязни отъ приключившейся ему меланхоліи, чего было ему, собою разсуждая, о таковыхъ страхованіяхъ говорить и сумнѣнія имѣть, не зная подлинно, не надлежало».

Въ тоже время Государыня приказала объявить новгородскому архіепископу Феофану, что, слушавъ его отвѣты, въ которыхъ нѣкоторые противъ показанія архимандрита Маркелла и неподлинно изъяснены, слѣдовать и тому архимандритскому показанію вѣрить не указала, а впредь ему, архіерею, противностей св. Церкви никакихъ не чинить, и имѣть чистое безсознательное житіе, какъ всѣ великороссійскіе православные архіереи живутъ; также чтобъ и въ служеніи и въ прочихъ церковныхъ порядкахъ нимаго отгѣны не чинилъ предъ великороссійскими архіереями; а если онъ въ противности святой Церкви, по чьему изобличенію, явится виновенъ, и въ томъ ему отъ ея императорскаго величества милости показано не будетъ». 8 декабря 1726 г.

Маркелла отвели въ крѣпость. Теофанъ воспользовался его стѣсненнымъ положеніемъ, чтобы отдѣлаться отъ назойливаго противника. Въ свою очередь и Родышевскій, повидимому, хотѣлъ сблизиться опять съ Теофаномъ, чтобы получить свободу и уѣхать куда-нибудь въ тепленькій уголокъ Малороссіи.

Безъ сомнѣнія, въ этихъ видахъ, Ромодановскій потребовалъ въ Гайну канцелярію Родышевскаго и предложилъ ему отказаться отъ своихъ протестовъ и подать повинную къ ея величеству. Родышевскому обѣщали, что его освободятъ изъ крѣпости и отпустить въ Малороссію.

Родышевскій написалъ: «всевысочайшимъ своимъ указомъ указала ваше величество, за мои продерзости на архіепископа новгородскаго Теофана и за продерзкія на него слова, содержать здѣ въ С.-Петербургѣ въ крѣпости подъ крѣпкимъ карауломъ до указа. Всемилостивѣйшая государыня! Прошу вашего императорскаго величества всепокорно, яви милостивѣйшее свое благоутробіе, ради поминовенія блаженнаго и вѣчнодостойнаго памяти его императорскаго величества и ради своего многолѣтнаго здравія, какъ всѣмъ обыкля великое свое являть милосердіе и множайшимъ и самымъ величайшимъ отпущать вины, ради того и мнѣ отпустить вину мою. А я впредь представляю свидѣтеля Бога и клянуся страшнѣйшимъ и славнымъ Его именемъ, что никакихъ словъ противныхъ на преосвященнаго новгородскаго произносить не буду; а мене прошу отпустить съ милостивымъ своимъ указомъ въ Кіевъ, въ кіевопечерскій монастырь на обѣщаніе мое». (1726 г. 10 декабря).

Ромодановскій, прочитавши челобитную, послалъ ее назадъ къ Родышевскому и велѣлъ сказать ему, что эта челобитная не годится, потому что онъ не написалъ, что обличалъ Теофана въ ересяхъ напрасно. Ему велѣли переписать челобитную и написать, что приказано. Но Родышевскій, будто бы, не согласился на это и заключенъ подъ еще болѣе строгій караулъ и сидѣлъ семь мѣсяцевъ.

Теофанъ вполне понималъ и свое положеніе и силы своего противника. «Откуда бъ пришла — пишеть онъ въ одномъ довошеніи — и съ чего родилась толь свирѣпая шалуна сего продерзость?»

«Мнѣніе мое таковое, что хотя бездѣльникъ сей и скуденъ

въ разсужденіи, однакоже не толь онъ вѣдѣ ума, чтобы могъ въ огонь бросаться, напаче, что по природѣ своей зѣло трусливъ и еще къ тому не за одну вину подлежащій суду. И потому самъ онъ собою, по ярости и злобѣ, безъ всякой надежды и упованія, никогда бѣ на такое страшное дѣло не отважился... Отчего несумнѣнно является, что были нѣкіи прилежныи наустители, которые плута сего къ тому привели, отводя ему страхъ показаніемъ новой нѣкоей нѣбюющей бытъ перемены, новаго въ государствѣ сочтенія и обнадеживая дурака великимъ высокоаго чина за таковою его трудъ награжденіемъ. И хотя умные затѣйщики подлинно вѣдали, что сосудъ сей тощъ и слабъ, однако то имъ, по ихъ мнѣнію, не помѣшательно къ начинаніямъ своимъ казалось; ибо, вѣдая простаго народа немощь, что къ возмущенію его не тотъ силенъ, кто крѣпко говоритъ, но кто много и дерзко, хотя и безпутно, вракаетъ, когда лучшаго къ сторонѣ своей страпчаго не надѣялись, судилось имъ за благо и сего бѣднаго школьника въ бирюги употребить».

Геофанъ думалъ, что замышляемый имъ бунтъ въ іюнѣ мѣсяцѣ клонился къ тому, чтобы запугать Геофана съ товарищами. Помните, какъ Родышевскій говорилъ со страхомъ, что солдаты хотятъ всѣхъ поляковъ, т. е. малороссійцевъ, перерѣзать. Геофанъ догадывался, что это — штука Родышевскаго, затѣянная его руководителями для какихъ-нибудь цѣлей и, конечно, не въ пользу Геофана.

«За таковыя смутныя рѣчи, продолжаетъ Геофанъ, отданъ былъ онъ въ Тайныя дѣла канцелярію и посаженъ въ крѣпость. Но что объ томъ дѣлано и сдѣлано, ничего не извѣстно. И потому видно, что онъ надобенъ».

Геофанъ былъ убѣжденъ, что онъ надобенъ ростовскому архіепископу, Георгію Дашкову.

XIII.

Сила Дашкова. — Революція Синода. — Шаткое положеніе Феофана. — Покровительство Остермана Феофану. — Коронація Петра II. — Мечты о патриаршествѣ. — Новые протесты Родышевскаго. — Отъѣзд Феофана. — Продолженіе дѣла Носова. — Письмо Феофана къ Голштинскому герцогу. — Ожиданіе съ Марковичами. — Дѣло Каллиста Заловскаго.

Реакція, начавшаяся при Екатеринѣ, развернулась во всей силѣ при Петрѣ II ¹⁾. Многія лица, заправлявшія дѣлами въ цар-

¹⁾ По указу Верховнаго Тайнаго Совѣта, 26-го іюля 1727 г. запрещены были и отобраны повсюду манифесты, публикованныя по дѣлу несчастнаго царевича: *Правда есмь моварней* и печатныя *Селадоническія присли*, съ объявленіемъ про усмиреніе на исповѣди злою и нераскаитною идумрнію на государя или на государство, гдѣ, между прочими прикѣрами, было нѣчто и объ отцѣ императорскаго величества ²⁾. — По повелѣнію Петра I сочинена была особая служба св. Александру Невскому, съ намекомъ на отношенія царевича къ своему отцу. Верховный Тайный Совѣтъ 18-го сентября приказалъ отобрать ее повсюду въ синод. канцелярію, а праздникъ 30-го августа отгнѣить ³⁾.

Значительная часть книгъ петровскаго времени, касавшихся вѣры и церкви, напечатана въ с.-петербургской и невской типографіяхъ. У защитниковъ старины оны были, какъ бѣльмо на глазу. Теперь дошла очередь и до нихъ. Верховный Тайный Совѣтъ, 4-го октября, приказалъ закрыть ту и другую типографію съ тѣмъ, чтобы церковныя книги печатались подъ вѣдѣніемъ Синода, въ одномъ мѣстѣ — въ Москвѣ, какъ надрево бывало ⁴⁾, а указы и граж-

²⁾ Протоколы Верх. Тайн. Сов. въ Читеніяхъ 1858 г. стр. 60.

³⁾ Въ 1730 г., 31-го августа, Императрица Анна дала указъ Синоду: «справдливость св. Александру Невскому 30-го августа для чего оставлено? А впредь бы отправлять его означеннаго числа и мѣсяца по церквамъ неотложно».

⁴⁾ И чтобъ никакихъ въ печатаніи тѣхъ книгъ — сказано въ синод. указѣ — погрѣшностей и противности какъ закону, такъ и Церкви быть не могло, того, по должности своего званія, съ вышшимъ прилежаніемъ, надрѣшко смотрѣть той московской типографіи директору. А ежели отъ несмотрѣнія его въ тѣхъ печатныхъ книгахъ явится каковая погрѣшность, и за то оны, Полкарповъ, по разсужденію св. Синода штрафовать будетъ безъ всякаго унущенія».

Въ ноябрѣ Синодъ положилъ подать въ Верховный Тайный Совѣтъ доносеніе, чтобы, въ отгнѣну прежнихъ указовъ, дозволено было всякаго чина людей, по желанію ихъ, принимать въ монастыри и постригать въ монашество. Но этотъ докладъ Синода не былъ утвержденъ. Спустя полтора года, въ іюнь 1729 г., Феофаномъ посланъ былъ въ Верх. Тайн. Совѣтъ просить

ствование Петра I и Екатерины сошли со сцены; новыя или прежнія опальные выступили на сцену.

Въ маѣ 1727 г. Верховный Тайный Совѣтъ призвалъ въ свое собраніе синодальнаго оберъ-прокурора Баскакова и приказалъ подать вѣдомости о состояніи Синода по экономическимъ дѣламъ: 1) сколько собрано съ раскольниковъ двойнаго оклада денегъ и что въ расходѣ и на какія потребности; 2) сколько взято оставшихся послѣ умершихъ архіереевъ и архимандритовъ денегъ и вещей и куда они употреблены и по какимъ указамъ; 3) сколько взято съ кого по дѣламъ штрафовъ и что изъ того и куда издержано; 4) что, изъ оставшихся послѣ святѣйшихъ патріарховъ, въ синодскомъ домѣ всякихъ вещей, платья и прочаго синодальнымъ членамъ и другимъ разнаго званія людямъ роздано и кому что именно и по какимъ указамъ? Въ то же время Верховный Тайный Совѣтъ отрѣшилъ отъ должности синодальнаго секретаря Палехина и назначилъ на его мѣсто своего кабинетъ-секретаря Черкасова, поручивши ему освидѣтельствовать съ прежними книгами и описать патріаршую ризницу, а также ризницы и прочую церковную утварь во всѣхъ московскихъ соборахъ и монастыряхъ: все ли въ нихъ находится въ цѣлости, или гдѣ что и для чего убыло? 3-го іюля, послѣ поданной Баскаковымъ вѣдомости, Верховный Тайный Совѣтъ предписалъ Синоду, чтобы оставшіяся послѣ патріарховъ панагіи, кресты и прочія вещи, которыя синодскіе члены разобрали по себѣ и другимъ роздали, отобрать назадъ въ патріаршую ризницу ¹⁾).

данскія книги въ С.-Петербургѣ при Сенатѣ и при Академіи наукъ, — послѣднія съ апробаціи св. Синода.

¹⁾ 11-го августа 1727 г. «его свѣтлости, кн. А. Д. М., приказалъ объявить Синоду, дабы троицкаго александровскаго монастыря отъ архимандрита Петра обрѣтающейся у него панагіи, которая отдала изъ патріаршей ризницы, въ Синодъ не требовать для того, что, хотя по присланному изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта въ Синодъ указу, таковыя изъ патріаршіи панагіи отъ синодальныхъ преждебывшихъ членовъ отобрать и повѣстѣно, однакожь она я панагіи помянутому архимандриту Петру дана отъ самаго высоческ. и вѣчност. памяти Государа Императора. Также и впредь, что до онаго александровскаго

о томъ же и получилъ указъ, что можно безпрятотвенно постригать въ монахи только проживающихъ въ монастыряхъ и оставшихъ солдатъ, которые того пожелаютъ.

Феофанъ былъ старшимъ въ Синодѣ, но самый Синодъ былъ униженъ, лишенъ довѣрія. Все вершилъ Верховный Совѣтъ ¹⁾.

Верховный Тайный Совѣтъ назначалъ архіереевъ и архимандритовъ на открывавшіяся архіерейскія и знатныя архимандрическія вакансіи, не обращая вниманія на синодскіе доклады и синодскихъ кандидатовъ. Изъ этихъ назначеній, для нашей послѣдующей исторіи важно назначеніе Игнатія коломенскимъ митрополитомъ и, вслѣдъ за тѣмъ, синодальнымъ членомъ, на мѣсто вологодскаго Аванасія Кондонди, и горлицкаго архимандрита Льва — воронежскимъ епископомъ. Игнатію поручено было вѣдать духовенство С.-Петербурга и новозавоеванныхъ городовъ и наблюдать надъ ними всякое благочиніе, совершенно на правахъ мѣстнаго архіерея ²⁾.

Феофанъ держалъ себя такъ осторожно и уклончиво, что не было никакого повода сдѣлать ему публичную непріятность, но и это не спасло его.

22-го мая онъ совершилъ обрядъ обрученія юнаго Государя съ дочерью сильнаго временщика Меншикова ³⁾. Но Меншиковъ не могъ простить оскорбленія, сдѣланнаго ему Феофаномъ въ прошлое царствованіе. 21-го іюня, въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ состоялось опредѣленіе: «повгородскаго архіепископа Феофана призвать въ Верховный Тайный Совѣтъ и объявить ему, что по дѣлу, которое внесено изъ Преображенской тайной канцеляріи,

монастыря будетъ касаться, дабы прежде о томъ объявлять его свѣтлости, понеже оный монастырь въ протекціи его свѣтлости».

¹⁾ Для примѣра мы приводимъ въ Приложеніяхъ № VII одинъ синодскій докладъ, съ резолюціей Верх. Тайн. Совѣта.

²⁾ Въ журналѣ св. Синода 1727 г. іюля 18-го записано: «приходилъ въ св. Синодъ изъ Верх. Тайн. Совѣта тайный совѣтникъ Степановъ и объявилъ словесно, что Государь Императоръ повелѣлъ митрополиту Игнатію быть въ присутствіи въ св. Синодѣ въ числѣ синодальныхъ членовъ».

³⁾ Протоколы Верх. Тайн. Совѣта въ Читаніяхъ 1858 г. кн. III, стр. 48.—28-го мая Меншиковъ прислалъ къ Дашкову письмо, «чтобъ форму объ эктезіяхъ, посовѣтовать въ св. Синодѣ, печатать противъ того, какъ сочинена предъ обрученіемъ императорскаго величества, понеже оная всѣмъ собраніемъ aprobована: о благочестивѣйшамъ . . . . о сестрѣ его . . . . и обрученной невѣстѣ его, благовѣрной государынѣ Маріи Александровнѣ; потомъ о цесаревнахъ поименно, а о царевнахъ и великихъ княжнахъ безъ имени».

Сборникъ II Отд. И. А. Н.

по доводу архимандрита Маркелла, являются важныя церковныя дѣла. А онъ архіерей, въ отвѣтахъ своихъ противъ довода того архимандрита, *многото не объяснилъ* и не по силѣ вопросныхъ пунктовъ отвѣчалъ, о чемъ по государственнымъ правамъ надлежало было изслѣдовать подлинно; но его императорское величество высочайше указалъ то ему оставить и чтобы онъ зналъ, что то ему оставленіе учинено только изъ высокой его императорскаго величества милости, а не по правамъ. А что оный новгородскій архіепископъ взялъ съ архіерейскаго епитрахиля и съ пелены жемчугъ, то на немъ взять и отдать въ ту епархію по прежнему, и о томъ въ Синодъ послать указъ. — Въ тоже время указомъ Верховнаго Тайнаго Совѣта приказано было архимандрита Маркелла изъ-подъ караула освободить и послать въ невскій монастырь — велѣтъ ему быть въ братствѣ ¹⁾.

Когда въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ обсуживался вопросъ о воспитаніи и обученіи юнаго царя, то въ собраніе были приглашены — Дашковъ, Феофилактъ и Игнатій, а Феофана не пригласили ²⁾. Вообще видно было, что Меншиковъ благопріятствовалъ Георгію Дашкову, Феофилакту и Игнатію, но не благопріятствовалъ Феофану.

Къ счастью Феофана онъ умѣлъ найти поддержку въ Остерманѣ, который и сберегъ его въ это, тяжелое для него, время. По предложенію Остермана онъ написалъ *Разсужденіе, какъ настаивать багрянороднаго отрока въ законѣ Божіемъ*.

Но самовластіе Меншикова и кліентовъ его продолжалось не долго. Всѣмъ извѣстно, какими тайными, но вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрными, путями шелъ Остерманъ къ низложенію временщика и какъ наконецъ достигъ своей цѣли.

8 Сентября арестованъ Меншиковъ. Феофанъ вздохнулъ свободнѣе ³⁾. Разсчитывая теперь на лучший оборотъ своего дѣла, 29 сентября онъ подалъ на высочайшее имя, въ Верх. Тайн. Совѣтъ, прошеніе объ освобожденіи его отъ уплаты за проданный жем-

¹⁾ Госуд. арх. Дѣла о Феофанѣ Прокоповичѣ.

²⁾ Протоколы Верх. Тайн. Совѣта въ Читаніяхъ въ общ. истор. и древн. Россійск. 1858 г., кн. III, стр. 57.

³⁾ Молчаніе наше — писалъ Феофанъ въ это время къ одному изъ рус-

чугъ «Получилъ я, низжайшій, присланный изъ св. сѣнода указъ, въ которомъ, по силѣ вашего величества указа, изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта въ Сѣнодъ присланнаго, велѣно мнѣ, взятый мною изъ псковской ризницы жемчугъ въ домъ архіерейской псковской возвратить. И понеже видно, что туне гонящій мене напастники мои, дабы мене ко угожденію вражды своей, и для нѣкоей погубительной себѣ пользы (постигнетъ бо ихъ неизбѣжный судъ Божій), опорочить, донесли о семъ коварно утаивая вину дѣла: того ради низжайшій вашего величества рабъ и богомолецъ, всепокорнѣйшимъ симъ моимъ доношеніемъ, обстоятельно отвѣтствую. Прошедшаго 1723 года, когда жалованье сѣнодальнымъ членамъ было удержано, пришелъ было я въ толь крайнюю скудость, что уже приходило до лишенія и дневныхъ пищъ. И тогда въ великомъ недоумѣваніи мнѣ пребывающу, нѣкин изъ чина духовнаго служители мои показали въ маломъ сундучкѣ жемчугъ, нной на ниткахъ нанизанъ, а другой ненанизанный, къ продажѣ за настоящую нужду; который жемчугъ продать велѣлъ я, извѣстенъ о правлахъ соборныхъ, церковныхъ вещи продавать за нужду позволяющихъ. Но понеже продажа оная двѣсти только рубль принесла намъ, и тѣми деньгами содержать домъ мой (въ которомъ, кромѣ церковныхъ и мірскихъ разнаго чина служителей, не малое было число и сиротъ, учимыхъ и питаемыхъ) не на долгое время было возможно, того ради принужденъ былъ я занять у купца тысящу рублей: и какъ оныя двѣсти рубль, такъ и занятую тысящу не держать я у себя, но велѣлъ издерживать, кому надлежитъ, на всякіе домовые нужды. А тогожъ году при концѣ его, получивъ сѣнодальное жалованье, оную занятую ты-

---

скихъ архіереевъ, — извиняется нашимъ великимъ бѣдствіемъ, претерпѣннымъ отъ тиранніи, которая, благодаря Бога, уже разрѣшилась въ дымъ. Ярость похѣшаннаго человѣка, чѣмъ болѣе возбуждала противъ него всеобщей ненависти и предускоряла его погубель, тѣмъ болѣе и болѣе со дня на день усиливала свое свирѣпство. *А мое положеніе было такъ смисленно, что я думалъ, что все уже для меня кончено.* По этому я неотвѣчалъ на явон письма и, казалось, находилъ уже въ царствѣ молчанія. Но Богъ, воздвигающій мертвыхъ, защитникъ нашъ, Богъ Іаковъ, разсыпавши совѣты нечестивыхъ и сомкнувши уста злѣющаго на насъ земнаго тартара, оживотворилъ насъ по безправдію своему своему милосердію». (Epistola XXII. Труды кіевской акад. 1865 г., стр. 590).

сящу персональными моими деньгами заплатилъ я, за которую уплату отнюдь ничего изъ дому псковскаго не взялъ я себѣ и не правилъ. Да сверхъ того на строеніе каменнаго дому въ Санктъ-Петербургѣ псковскаго пошло персональныхъ же моихъ денегъ болѣе пяти тысящъ рублей. Еще же отъ начала Синода на одѣяніе мое и на препитаніе (кромѣ малыхъ нѣкихъ привозныхъ припасовъ) ничтоже изъ дому псковскаго неиздержано, о чемъ и въ поданныхъ въ Верховный Совѣтъ вѣдомостяхъ значится. И тако съ барышномъ заплатилъ я псковскому дому проданный оный жемчугъ. А былъ ли тотъ жемчугъ съ епитрахиля и пелены снятъ, того я, когда велѣлъ продать, не вѣдалъ, но послѣ нескоро мнѣ сказано, что еще въ осьмнадцатомъ году съ ветхаго епитрахиля и пелены, дабы осыпкою не утерялся, приказаніемъ моимъ снято, и о томъ прошедшаго 1726 году, въ Преображенскую канцелярію, при прочихъ наложенныхъ на мене клеветахъ, я отвѣтствовалъ, и въ имянномъ блаженныя и вѣчностойныя памяти ея императорскаго величества указѣ, каковъ въ прошломъ же году по моихъ отвѣтахъ въ оную канцелярію присланъ, такового за проданный жемчугъ платежа на мене не положено. Сіе отвѣтомъ предложивъ, прошу милосердаго вашего величества ко мнѣ рабу и богомольцу твоему призрѣнія, дабы онаго долга весьма несущаго на мнѣ не правлено». Двѣсти рублей составляли не большую сумму для Теофана, имѣвшаго огромные доходы. Но дѣло было не въ деньгахъ, а въ штрафѣ, въ томъ нравственномъ униженіи, какому его подвергли, заставляя уплачивать деньги.

Начались приготовления къ коронаціи. 10 октября обнародованъ манифестъ, что коронація будетъ въ январѣ слѣдующаго года. Манифестъ этотъ сочиненъ былъ Теофаномъ¹⁾. Дворъ собирався въ Москву²⁾. 9-го ноября коломенскій митрополитъ Игнатій объявилъ въ Синодѣ указъ В. Т. Совѣта, чтобъ синодаль-

1) Протоколы В. Т. С. въ Читеніяхъ 1858 г., кн. III, стр. 67.

2) Теофану съ Теофилактомъ велѣно было изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, къ назначенному входу въ Москву, сочинить эмблемы на триумфальные ворота во славу коронаціи его величества. Въ октябрѣ они представили проекты рисунковъ и надписей на нихъ, и просили послать въ Москву живописца и архитектора къ управленію столярнаго и плотничьяго дѣла. По указу В. Т. Совѣта Канцелярія отъ строеній рекомендовала П. М. Еропкина.

нымъ членамъ быть въ В. Т. Совѣтѣ для разсужденія, кого взять въ Москву къ коронаціи. На другой же день послѣ этого объявленія состоялся указъ В. Т. Совѣта, чтобы печатать книгу *Камень стры*, «засвидѣтельствованную и подписанную тверскимъ архіепископомъ, Теофилактомъ Лопатинскимъ». Изъ этого можно догадываться, что, кромѣ Теофилакта, и Игнатій принималъ участіе въ изданіи Камня вѣры. Не онъ ли и выпросилъ у В. Т. Совѣта позволеніе напечатать его?

Въ духовномъ кругу, по поводу этихъ церемоній, разыгрывались въ эту пору самыя смѣлыя мечты. Любимой темой этихъ воздушныхъ построеній было патріаршество. Это было *primus desiderium* всѣхъ приверженцевъ старины, потерянный рай, утраченный золотой вѣкъ для монашества. И тѣмъ грустнѣе, нечальнѣе была потеря, уничтоженіе этого званія: тѣмъ пріятнѣе и живительнѣе была надежда на его возстановленіе.

Теофанъ не думалъ и не могъ думать о патріарствѣ, потому что всѣмъ существомъ слился съ новою формою правительства духовнаго. Для него невозможенъ былъ возвратъ къ старинѣ. Молва назначала въ кандидаты на патріаршество Теофилакта и Дашкова. Но первый не обнаруживалъ ни искательности, ни честолюбія, и держался въ сторонѣ. Онъ не чуждался идеи возстановленія патріаршества, но не старался обратить ее въ свою пользу.

Тѣмъ съ большею энергіею взялся за нее Дашковъ. Онъ смотрѣлъ на нее не съ церковной и общественной, а съ личной точки зрѣнія. Для него было все равно, чему ни быть — Синоду или патріарху, только бы ему быть первымъ. Но какъ патріаршество безусловно возвышало его надъ всѣмъ духовенствомъ и давало чрезвычайный авторитетъ въ Церкви и государствѣ, а съ другой стороны, при синодальномъ управленіи, трудно было обойти Теофана: то Дашковъ и взялся за возстановленіе патріаршества¹⁾ и задаривалъ сильныхъ вельможъ въ свою поль-

¹⁾ «Хотя патріархъ въ Россіи навсегда уничтоженъ — писалъ протоіерей московскаго архангельскаго собора Алексѣевъ въ извѣстномъ письмѣ къ Императору Павлу — однако послѣ былы отъ вѣкинъ архіереевъ покушенія, чтобъ

зу¹⁾. Мы упомянули уже о томъ, что Верховный Тайный Совѣтъ освободилъ изъ подъ-ареста Родышевскаго и послалъ въ невшій монастырь. Это была предусмотрительность Дашкова. Онъ понималъ, что Феофанъ есть представитель понятій и образа дѣйствій, которыя теперь подверглись опалѣ; но, въ этой области, не могъ бороться съ нимъ, потому что не имѣлъ богословской учености. Онъ вспомнилъ о Маркеллѣ, вывелъ его изъ крѣпости и употребилъ его орудіемъ для нападенія на Феофана.

Это не новая связь: Родышевскій и прежде былъ орудіемъ Дашкова. Дашковъ переманилъ его къ себѣ отъ Феофана и пользовался его услугами противъ Феофана еще при Екатеринѣ, но безъ успѣха. Теперь, съ перемѣною лицъ, времени, обстоятельствъ, онъ опять пустилъ въ ходъ Родышевскаго.

Родышевскому иногда наскучивала его постыдная роль. Въ интимныхъ бесѣдахъ съ близкими людьми онъ говаривалъ, что готовъ на колѣнахъ ползти къ Феофану, признаться во всемъ и вымаливать у него прощенье, да *командиръ* его запрещаетъ ему: «только сознайся, — все на тебя обрушится». Феофанъ зналъ и видѣлъ все это, но молчалъ, потому что ничего нельзя было сдѣлать.

Предъ самой коронаціей Дашковъ, съ ловкостію дипломата, пустилъ въ ходъ стратегию противъ Феофана, разумѣется съ помощію Маркелла. Поводомъ къ нападенію послужили книги, напечатанныя въ закрытой уже, по распоряженію Верховнаго Тайнаго

паки возстановить санъ патриаршій; а именно ростовскій Георгій Дашковъ, въ царствованіе императора Петра II-го, добивался въ патриархию, по его просямъ, изъ Верховнаго Совѣта послать былъ запросъ въ святѣйшій Синодъ такого содержанія: можно ли въ нынѣшнее время быть въ русской церкви патриарху? На который запросъ отвѣтствовало изъ Синода: не можно и подкрѣплено сіе отрицаніе важными резонами, тогдашними синодальными членомъ Феофаномъ, архіепископомъ новгородскимъ, сочиненными. Почему высокоумное Дашкова предпріятіе осталось безъ успѣха». (Русск. арх. 1863 г. стр. 705—706). Это показываетъ, что о покушеніи Дашкова возстановить патриаршество знали еще въ концѣ прошлаго столѣтія. Но что касается до упомянутаго въ письмѣ запроса В. Т. Совѣта Синоду: то мы не встрѣтили его ни въ дѣлахъ Синода, ни въ дѣлахъ В. Т. Совѣта.

¹⁾ Задумчивъ какъ хотѣвшій патриархомъ стати

Когда лошади свои раздарилъ не кстата.

Кантемиръ, Сатира II, стр. 3—4.

Совѣта, невской типографіи, большею частію Теофанова сочиненія, хотя въ протестѣ имени сочинителя не упоминается. Доносчикъ предлагаетъ ни больше ни меньше, какъ — собрать соборъ русскихъ пастырей для разсмотрѣнія этихъ книгъ, развращающихъ церковное ученіе, и для отлученія отъ Церкви того, кто, по наследованіи, явится виновнымъ въ сочиненіи и распространеніи этихъ книгъ.

Мы приведемъ здѣсь сполна это доношеніе Маркелла ¹⁾.

«Понеже вѣра, писалъ онъ, общее и собственное всякаго человѣка добро, и буде кто дерзнетъ вѣру воничтожать и испровергать, того ради всякъ долженъ аки за свое истое добро вступиться и оборонять оное и поборствовать по немъ добръ, не бояся ни изгнанія, ни смерти, хотя самой лютейшей, якоже о томъ въ святомъ писаніи имѣемъ собственныя повелѣнія и законы Божія.

«Обрѣтаются у насъ въ Россіи книги, нововзданныя въ разныхъ годѣхъ, начиная отъ 1722 году даже доселѣ, печатанныя въ александровскомъ монастырѣ, а именно: О блаженствахъ Христовыхъ, — кривотолковія О обливаніи, — Букварь съ десятословіемъ и прочіи печатніи поученія; а чіи таковіи книги суть и коего издателя и творца, того не положено имени. Да дерзано тамъ же превысочайшимъ высокославныя и вѣчныя памяти достойнаго императора Петра Великаго ствердить ошіи свои книжицы указомъ и таковымъ своимъ предюгомъ имя его опорочить преславное. А въ тыхъ книжицахъ прямыхъ много есть лютеранскихъ и кальвинскихъ ученій. И отъ вселенскихъ патріарховъ, ниже отъ всероссійскихъ архіереевъ и учителей православныхъ, не засвидѣтельствованы. И таковымъ книгамъ велѣно указомъ обучатися и въ церквахъ ихъ велѣно читать и ставленникомъ наизусть изучатися и прочимъ школьникамъ, гдѣ-нибудь школки есть въ Россіи по епархіямъ и монастырямъ. А сямъ ученіемъ многіе могутъ кальвинскою и лютеранскою ересью и отъ Церкви святой отпасти, и тотъ грѣхъ претяжкій падеть не только на церковныхъ властелинахъ, о томъ подлинно и извѣстно вѣдущихъ, но не брегущихъ о общемъ семъ и совершенномъ всѣхъ добръ; но и на тыхъ па-

¹⁾ Маркеллъ подалъ это доношеніе въ Верховный Тайный Совѣтъ.

дети же, которіи вѣдаютъ подлинно разореніе общаго добра, еже есть вѣры святой, но недоносятъ, ни обличаютъ и изъявляютъ злая ученія и злохитрая злоковарныхъ учителей».

«Я членъ сынъ православной восточной вѣры и участникъ того же общаго добра, отъ чтенія увѣдавъ и познавъ великую быти въ тѣхъ вышеозначенныхъ книгахъ кальвинскую и лютерскую ересь, и убоявся страшнаго суда Божія и прецненія Господина сего: *рабъ отдыи волю господина своего и не творяи ю* (аки бы рекъ: вѣдый о ересяхъ, но не изобличаи оныхъ) *биенъ будетъ мною*. Да не убо и я о семъ увѣдавый истязанъ буду много: того ради возраженіе краткое на оныя книжицы написавъ, Верховному Тайному Совѣту по должности моеи, понеже и я участникъ православія и членъ общаго онаго добра, еже есть вѣра (чтобъ мнѣ не сказано: что тебѣ до того дѣла) совѣстію извѣщаю и доношу съ возраженіемъ, до благоволитъ милостивно приказать оныя книги вси, которыя показаны выше, собрать и, повелѣвъ собору, собранному въ Россіи отъ пастырей и учителей прямыхъ и православныхъ архіереевъ, освидѣтельствовать и потомъ, по засвидѣльствованіи, книги оныя отъ Церкви святой отринуть и того, кто писать и вносить въ Церковь таковія соблазны дерзнулъ, соборнѣ отъ общества церковнаго отлучить, дабы Церковь учителями таковыми и ученіями не повреждалася. Вашему императорскому величеству о семъ всепокорно и праведно доноситьъ нижайшій рабъ и богомолецъ архимандритъ Маркелъ 1727 г. декабря 11 ¹⁾».

Еофанъ, повсюду имѣвшій своихъ агентовъ и донощиковъ, провѣдалъ объ этомъ доношеніи и, прежде чѣмъ оно пошло въ ходъ официальнымъ путемъ, представилъ его въ Синодъ, какъ возмутительное сочиненіе, направленное не только противъ его чести, но и противъ св. Синода, высочайшей власти и государственнаго спокойствія.

«Дошло до рукъ моихъ нѣкое чернца Маркелла, бывшаго ар-

---

¹⁾ «Буде этимъ книгамъ въ Церкви быти—писалъ Родышевскій въ «Доказательствахъ на Еофана», поданныхъ въ Кабинетъ въ слѣдующее царствованіе — то уже отставить конче треба Минек-Четыи, Пролога, мѣсячныя Минек, Камень вѣры, Пращизу, Златоустаго, Еофилакта, Василія, Бесѣды апостольскія и инныя книги».

химандрита юрьевского, письмишко (каковаго при семъ прилагаю копію), въ которомъ оный безбожною совѣстію книжицы: Толкованіе о блаженствахъ, Букварь съ десятословіемъ и О поливательномъ крещеніи, и нѣкія напечатанныя, неизменно, поученія, порочить, аки бы ересей многихъ полныя; а письмо свое надписуеъ доношеніемъ Верховному Тайному Совѣту. И понеже оный безбожникъ, терзая всезлюбно честь мою, хотя неизменно, явно поносить и св. Синодъ, и вредныя Церкви и государству плевелы сѣять, того ради усмотрѣвъ я, коликая и коль вредная безбожникъ оной въ письмѣ томъ изблевалъ неистовства, св. Синоду въ слѣдующихъ пунктахъ предлагаю».

«Пишетъ, что въ книжицахъ оныхъ многія суть лютерскія и кальвинскія ереси, въ чемъ и безуміе свое, и на всѣхъ российскихъ духовныхъ и мірскихъ властей, паче же и на высочайшую честь монаршую, злодерзостное являетъ поношеніе. Безумень есть, понеже невѣдая отнюдь ученія богословскаго (или такъ оное вѣдая, какъ вѣдаетъ и прочая), показать хочетъ лютерскія и кальвинскія ереси, глушій невѣжа. Явѣ же и всѣхъ въ Россіи властей поносить и безуміемъ, самъ сый пребезумнѣйшій, порицаетъ: понеже бо оныя книги по указу государеву, благословеніемъ св. Синода, печатаны не единократно и по всей Россіи умножены, а доселѣ никто въ книгахъ оныхъ никакой ереси не усмотрѣлъ, ни архіерей, ни гражданскіе искусніи управители, ниже самъ блаженный и вѣчнодостойныя памяти Петръ Великій: то кто не видитъ, какъ безстыдный онъ всѣхъ потчуетъ, и какова себе предъ всѣми, и каковыхъ всѣхъ предъ собою быти разумѣтъ, когда никто ничего доселѣ въ оныхъ книжицахъ противнаго не усмотрѣлъ, въ которыхъ онъ не нѣкія, но многія ереси видитъ. Но и самъ онъ, многоочитый зритель, не вѣдаю, какъ то доселѣ ничего того не видѣлъ: не только бо о семъ не протестовалъ, но и многихъ ставленниковъ, умѣетъ ли толкованіе заповѣдей и блаженствъ по помянутымъ книжкамъ, свидѣтельствовалъ. А нынѣ, когда въ святотатствѣи и мятежесловіи своемъ сталъ обличенъ, толь проныпательной мудрости научился. Мнѣ же нѣтъ сумнѣнія, что, глупецъ сей, таковое объ ученіи своемъ въ школахъ обноситъ мнѣніе: вси-де вѣдаютъ, что и я въ школахъ латинскихъ учился, а не вѣдаютъ, есть ли каковое разнствіе между тамо учеными. И по-

тому-де мощно мнѣ смѣло плевелы, на кого хотѣть, сѣять, ибо помыслить, что я богословъ, и могутъ къ вѣроятію склониться. И таковымъ помысломъ чествуя народъ россійскій, а себе безбожіемъ утверждая, таковая дерзость, не разсуждая того, что бытъ и въ числѣ малоученыхъ есть, яко боровская полушка».

«Пищеть пререкая, что дерзено превысочайшимъ высокославныя памяти и вѣчныя достойнаго Императора Петра Великаго ствердить оныя книжицы указомъ, и таковымъ своимъ подлогомъ имя его опорочить преславное. Въ которомъ своемъ злорѣчїи не одну ложь, но и не просто ложь, но плевелы и клеветы мятежные заключилъ. А именно первое: Сѹнодъ весь какъ ересию, такъ и смерти достойнымъ дерзновеніемъ, яко дерзнувшій порочить имя преславное Петра Великаго оклеветуетъ, понеже знаетъ онъ, что никто единъ отъ насъ, по уставленїи Сѹнода, ни книжицы, ни поученїя своего, собою печатать не велѣлъ и велѣть не могъ, но сіе дѣлалось Сѹнодомъ. Второе: понеже вси правительства, приговоры своя указомъ государевымъ нарицають, что самое дѣлають по указу же государеву; то, хотя бы иногда нѣчто погрѣшительное отъ посползованїя человѣческаго въ таковыхъ приговорѣхъ явилося, то послѣ усмотрѣнное исправляется, а въ безчестїе Государю не вибѣняется; а сей клеветникъ по мудрованїю своему, не токмо Сѹноду, но и всѣмъ прочимъ правительствамъ готовъ есть безчестїя государева вину наносить. Третїе: собственно же, сочиненныя поученїя и книжицы тїи только печатаны, которые блаженныя и вѣчнодостойныя памяти самъ Императоръ слышалъ; или чель и печатать указалъ, что всѣмъ есть извѣстно. Собственно же еще, книжицу о толкованїи заповѣдей и символа вѣры и молитвы Господней, самъ его величество сочинить и сочиненную напечатать велѣлъ въ наученїе отроковъ россійскихъ; но и своихъ дѣтей дражайшихъ — внучка, нынѣ благословенно царствующаго Государя нашего милостивѣйшаго, и внучку — ея высочество, государыню нашу Наталїю Алексїевну и дочерей — ихъ высочество царевнъ по оной книжицѣ учить приказалъ, и учено. Книжицу же *О блаженствахъ* не токмо самъ его величество сочинить указалъ, но и прочеть сочиненную, прислалъ въ Сѹнодъ саморучную свою апробацію въ сихъ словахъ: «книгу о блаженствахъ всю чель, которая зѣло изрядна и прямой путь христіанскїй».

(Въ письмѣ его величества іюля 13-го дня 1722 г.). Четвертое: опять клеветникъ всѣхъ въ Россіи духовныхъ и мірскихъ порицаетъ или грубымъ невѣжествомъ, понеже никто не вѣдалъ, что печатаніе оныхъ книжицъ подложно дѣлано къ безчестію имени Петра Великаго; или невѣрностію къ Государю своему поноситъ, понеже никто во всей Россіи доселѣ не явился, кто бы таковое подложное и дерзкое имени государева безчестіе обличилъ. Пятое: если же вѣдалъ клеветникъ сей, что все то печатано по имяннымъ указамъ государевымъ, то надлежало бы ему справиться, а не дерзать говорить, чего самъ не вѣдалъ. Нылъ же, по семъ обличеніи, что скажетъ; какъ и чимъ дерзновеніе свое выправитъ, чтожь и кое мнѣніе свое произнесетъ и о самомъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Императорѣ, который оныя книжицы и апробовать и печатать, и по нихъ и дражайшихъ дѣтей своихъ учить велѣлъ? Если же вѣдалъ Маркелъ о вышепомянутаго, то не токмо Синодъ и всѣхъ прочіихъ духовныхъ и мірскихъ, но и самага ея величество Петра Великаго, злодерзостнымъ хуленіемъ явственно обноситъ. Но кто и подумать можетъ, чтобъ онъ того не вѣдалъ видя оныя книжицы не единократно печатаемые, и вездѣ чтымыя, и учимыя и при животѣ и по преставленіи государевомъ, больше шести лѣтъ? Но сіе будто чести государевой охраненіе написалъ для того, дабы, когда сказано ему будетъ, что печатано по указу государеву, могъ бы отговариваться, что о томъ не вѣдалъ. Но, самымъ таковымъ лукавства своего укрывательствомъ, явно оное открываетъ. Не сумнюся же, что онъ и порокъ тако наноситъ на имя Петра Великаго, помышляя въ себѣ: я-де будто не вѣдаю, что Государь печатать велѣлъ, и аки бы честь его заступаю, а другіе вѣдущіи иное нѣчто подумаютъ. И есть ему окаянному къ таковой злобѣ причина, понеже блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Императорѣ, слышавъ его богопротивныя предики, указалъ впредь ему не допускать говорить. *Может же быть и по чѣму совету сіе написалъ.*

«Между книжницами, которые ересію порицаетъ, положилъ дуракъ и книжицу *О помѣстельномъ крещеніи*. Сіе дѣлаетъ къ мятѣжу простаго народа, и весьма не надѣюсь, дабы сіе отъ себе самаго производилъ. Но какъ онъ въ семъ обезумѣлся, весьма слѣтъ есть, кто не видитъ? Ибо самъ онъ не полнзательнымъ ли креще-

ніемъ крещенъ; и того ради, по самаго его приговору, не есть онъ священникъ, не монахъ и не христіанинъ, понеже и не крещенъ. Еще же, если, по его мнѣнію, крещеніе поливальное не важно, то первое, во всей Малой обокъ сторонъ Днѣпра Россіи, такожъ и въ державѣ польской, и архіереи и священники, и народъ весь православный не суть то, что суть, понеже неважнымъ крещеніемъ крещены; а однакоже и съ давныхъ лѣтъ все оныхъ греческаго исповѣданія народовъ сословіе благочестивые монархи російстии, такожъ и патріархи и прочіи пастыріе, нѣгли за братію свою и яко братію заступали, и приходящихъ въ сообщеніе святыхъ Таинъ принимали, и въ чинъ архіерейскій производили. Но и еще отъ безумнаго мятежника сего бусловія слѣдуетъ, что нынѣ и во всей Великой Россіи, вси архіереи не суть архіереи, понеже посвящены въ санъ архіерейскій отъ архіереевъ некрещеныхъ; а потому и вси почитай священницы не суть священницы, понеже не отъ архіереевъ поставлены».

«Пишетъ же пререкая, что книжицы оныя ниже отъ вселевскихъ патріарховъ, ниже отъ всеросійскихъ архіереевъ и учителей православныхъ не засвидѣтельствованы. Будто всякая книга, которыхъ издревле въ Россіи сочинено и напечатано многое число, посылана была къ патріархамъ или ко всѣмъ архіереямъ російскимъ для засвидѣльствованія? А особливо учителей православныхъ, которыхъ онъ мечтаетъ, не вѣдаю, развѣ нѣкихъ себѣ подобныхъ. Да и жетъ, что оныя книжицы не засвидѣльствованы; ибо кромѣ великаго свидѣтельства Петра Великаго, которое едино довольно есть, не порочилъ книжицъ оныхъ ни единъ какъ изъ синодальныхъ, такъ же и изъ прочихъ архіереевъ и архимандритовъ и учителей російскихъ, и никто не протестовалъ на оныя, но принято, и по нихъ учено и учать отроковъ: и то есть славное свидѣтельство; но клеветнику сему нужна злоба, и простыхъ сердце смущеніе, чего ради все, что ни придетъ ему на умъ, безъ совѣсти и безъ стыда, изливаетъ».

«Оставляя же и еще нѣкія его написанныя молвы и каверзы, предлагаю, что напоследокъ доносить и чего требовать изволить. Говоритъ, что онъ на книжицы оныя краткое возраженіе написалъ: требуетъ же, дабы Верховный Тайный Совѣтъ приказалъ всѣ оныя книги собрать и повелѣлъ бы собору въ Россіи отъ па-

стырей и учителей прямых и истинных засвидѣтельствовать и, по засвидѣствованіи, и книги оныя отъ Церкви отринуть, и того, кто писать и вносить въ Церковь таковыя соблазны дерзнулъ, соборнѣ отъ общества церковнаго отлучить. Сія если отъ своего мозга произносятся, то не дивно: природной птицѣ голосокъ; *если же по чужей дудѣ тѣсно поетъ, то мощно знать, каковъ и дударь его.* Кто бо не видитъ, какъ въ сихъ словахъ клеветника безумное купно, да и вредное мятежословіе является. Имѣетъ возраженіе краткое на книжицы: Букварь, о блаженствахъ, о обливаніи и еще (какъ сказуетъ) и прочіи, и на поученія печатныя, и въ нихъ по его извѣту многіе ереси: какъ же быть на сія краткому возраженію? Сіе, отъ мене являемое, письмишко его краткое есть: а изобличенія ему кратко составить не возмоглъ я. Да можетъ быть, что онъ, яко преславный мудрецъ, и не во многіхъ словахъ толикую покажетъ силу, что мы и дознаться не можемъ. Требуя же собора всероссійскаго, требуетъ, дабы и учителя были тамо прямые и истинные: и тѣмъ являетъ, что суть нѣкіи и не прямые и неистинные въ Россіи учителя: кто же сихъ отъ оныхъ различитъ, развѣ онъ самъ? И видѣтъ мощно, куды дѣло идетъ. Еще требуетъ, дабы, по освидѣствованіи оныхъ книжищъ, и книги отринуты были, и сочинитель ихъ отъ общества церковнаго былъ отлученъ. Чудо! Еще не вѣдаетъ, каковое будетъ книжищъ тѣхъ свидѣтельствованіе, похвальное ли, или оужающее: а уже и книгъ отверженія и писателя отлученія просить: вельми немилосердно. Не на одинаго же писателя щетъ толикаго осужденія, но и на тѣхъ, которые дерзнули сія въ Церковь вносить: какъ и въ прежнихъ словахъ своихъ на тѣхъ наступаетъ, которые дерзнули печатать порицаемые отъ него книжицы. А внеслъ оныя въ Церковь его величество высокославныя памяти Петръ Великій и, по его указу, святѣйшій Синодъ и вси россійстін архіереи».

«Сія же толь безсовѣстныя и дерзостныя Маркелловы подметы объявляя, не о моемъ безчестіи, и не о его собственномъ на мене весьма іудинномъ послгательствѣ пекуся, вѣдый извѣстно, что честному человѣку отъ таковыхъ бездѣльниковъ поносиму быть, вси любомудріи и благоразсудные ставятъ въ великую похвалу, и отнюдь моего не щу ничего, но предаю Судящему сердца человѣческая: Той и злодѣю сему, и его совѣтникомъ, наустителемъ и

потамъникомъ, за укореніе мое, грѣшнаго, но вѣрнаго истины Его служителя, воздать неукоснить».

«Но, понуждаемый совѣстію долга моего къ сохраненію единства Церкви Христовой, такожь и всего государства, да не буду безответенъ на судѣ Божіи, внушаю святѣйшему Синоду и прилежно разсудить молю, коль вредныя и Церкви государству плевосѣянія мещутся отъ сего мятежника. Мооще знать, какъ обсноватый человекъ сей! Видно, кромѣ другихъ еи злонаравій и злодѣяній, и отъ сего писемнишка его, что сущій еси атеистъ; котораго же отъ него добра надѣяться, но и котораго не надѣяться зла? Не лучше отъ него были Аввакумы съ товарищи, которые сдѣлали расколъ безчисленнымъ душамъ пагубный и того ради весьма плачевный, но тотъ же расколъ и народу российскому нестерпимое стыдѣніе приносящій, яко неслыханнаго безумія исполненный. А сей плевосѣятель и превосходитъ оныхъ лжеучителей въ томъ, что хотя и весьма грубый и ненаученный есть, и свѣта ученій, по природной своей тупости, достать отнюдь не могъ и не можетъ, но понеже слышится, что онъ въ училищахъ былъ и самъ безстыдно о томъ хвалится, можетъ у простыхъ получить о себѣ мнѣніе высокаго мудреца, яко Саулъ между пророками: и потому могутъ невѣжи удивиться расказамъ его. Отъ сего что воспослѣдствовать можетъ, нетрудно познавать. Ктому же и дерзкій есть поганецъ, и непрестанно, какъ отъ многихъ слышимъ, вездѣ суется и незаконнымъ путемъ поступаетъ: каковое бо, напримѣръ, дѣло его, что, сочиня доношеніе въ Верховный Тайный Совѣтъ, частнымъ людямъ по рукамъ раздаетъ: и сія его шаткость подаетъ вину великаго оберегательства. И не началась ли уже нѣкая отъ него воровская факція? Понеже слышу, что службу отъ него сочиненную, надѣюся великаго смѣха достойную, дерзнули пѣть въ соборѣ троицкомъ или гдѣ въ иномъ мѣстѣ, безъ вѣдома синодальнаго. Наконецъ и то св. Синоду внушаю, что хотя мятежесловъ Маркелъ есть и дерзокъ и шатокъ, и безстыдной и безсовѣстный: однакоже отнюдь, по моему разсужденію, не отважился бы собою таковая дѣйствовать, но *никто единъ, или нѣкии суть, которымъ для интересова своихъ, или душеспасубныхъ, Церкви же и государству зловердителямъ, сего злодѣя употребляютъ къ таковому возмущенію,*

и ея съ прудерозостякъ безпечална тоорятъ и великими обшачанъми дурака обнадешиваютъ. Декабря 4-го 1727 г.»

Яснѣ этого намека ничего быть не можетъ. Только что имени Дашкова не названо. Теофанъ вызывалъ его на открытую борьбу. Противникъ прятался, прикрывшись незнаніемъ этого дѣла: но Теофанъ этимъ не удовлетворялся. Онъ теперь понималъ свою силу. Съ паденіемъ Меншикова, Дашковъ и Игнатій отошли на задній планъ ¹⁾.

На другой же день, послѣ Теофанова предложенія, Синодъ приказалъ усилить строгость надзора за Родышевскимъ, содержать его подъ крѣпкимъ арестомъ нескходно. Монастырское начальство представило, что въ монастырѣ нѣтъ крѣпкаго мѣста и что отставные солдаты не могутъ понести исправно карауловъ; и просило взять его, для осторожнѣйшаго содержанія, въ Синодъ или въ другое мѣсто, куда Синодъ повелитъ. Синодъ остался при прежнемъ опредѣленіи.

Дашковъ прятался, а Теофанъ вытаскивалъ его — волей не волей — на борьбу. 20-го Декабря онъ подалъ въ Синодъ новое доношеніе съ прямымъ вызовомъ Дашкова.

Изъ Теофановыхъ служителей одинъ былъ въ невскомъ монастырѣ и разговаривалъ съ Маркелломъ; а другой, бѣжавшій изъ его дома, находился въ услуженіи у Маркелла. Теофанъ велѣлъ арестовать ихъ и допросить. Арестованные показали свои разговоры съ Маркелломъ и, между прочимъ, объявили, будто Маркеллъ говорилъ: «я радъ и желаю покориться его преосвященству и плачучи говорилъ: пошелъ бы де я на колѣняхъ до дому его архіерейства изъ невскаго монастыря, только бъ меня во всей моей винѣ простылъ; *да не велитъ мнѣ вышняя моя власть — преосвященный ростовскій, который вскорѣ будетъ патріархомъ, да превысокіе мои господа и милостивцы, на которыхъ и надѣюсь.* Да и объявилъ де я на предъ сего прошеніе о прощеніи преосвященному ростовскому и его архіерейство, читавъ, сказалъ: Мар-

¹⁾ «Пресвященные Георгій и Игнатій были, невѣдомо для нихъ, содержаны подъ строгимъ смотрѣніемъ «Остермановской партіи», потому что они оба открыто показывали нелюбовь свою къ царевичу дома Іоаннова». *К. Арсеньевъ, Царствованіе Петра II. Спб. 1889 г., стр. 67.*

келгъ, какъ де ты подашь сіе прошеніе, то во всей винѣ самъ останешься. Хотѣлось бы мнѣ ѣхать къ Москвѣ — прибавлялъ Маркелгъ — милостивые господа мои обѣщали не оставить меня, да вотъ посадили подъ караулъ, а за что — Богъ знаетъ».

Синодъ ужь оканчивалъ свои засѣданія въ С.-Петербургѣ, а потому положено было и доношеніе Феофана доложить по прибытіи въ Москву, при первомъ собраніи Синода, не отложно ¹⁾).

Дворъ отправился въ Москву 8-го января 1728 года. Феофанъ встрѣчалъ Государя въ Новгородѣ и потомъ, вслѣдъ за нимъ, отправился въ Москву, гдѣ, при встрѣчѣ Государя у триумфальныхъ воротъ, сказалъ ему привѣтственную рѣчь. Для Дашкова настала рѣшительная минута дѣйствовать. Быть или не быть патриархомъ — вотъ въ чемъ вопросъ. Какъ онъ расположилъ умы верховниковъ въ свою пользу, можно судить по тому, что даже Феофанъ не сомнѣвался больше въ его патриаршествѣ. Нужно было сдѣлать противнику еще ударъ-другой. И вотъ 13-го января убѣжалъ изъ невскаго монастыря Маркелгъ, оставивши по себѣ записку, что уѣхалъ въ Москву.

Феофанъ предвидѣлъ это и, предъ отъѣздомъ изъ С.-Петербурга, на крѣпко приказывалъ невскому архимандриту не пускать его никуда безъ синодскаго указа. Предчувствіе его сбылось.

Въ письмѣ Родышевскій больше оправдывалъ архимандрита, нежели самъ оправдывался. «За превеликую ко мнѣ бѣдному вашего преподобія милость явленную зѣло благодарствую. А понеже получилъ я именный его величества словесный указъ — ѣхать мнѣ, по моей челобитной, въ Москву: того ради и поѣду прямо, и гнать за мною не для чего, понеже въ лицо, а не отъ лица, ѣду, и не ухожу, только отъ бѣды избавляюся. Ктому не собственный нѣкакій имѣю интересъ явиться ея величеству, всепресвѣтлѣйшей Государынѣ, Императрицѣ Евдокіи Феодоровнѣ. А паче всего, понеже здѣшній монастырь отсюда простъ и не загражденъ, того ради бояся, чтобъ и я такъ напрасно не пропагъ, какъ малый мой разбойнически утащенъ изъ монастыря и не вѣдать доселѣ, гдѣ подѣлся. А напаче, какъ ваша святыня уѣдетъ

¹⁾ На время отбытія Синода въ Москву, въ С.-Петербургѣ вызванъ былъ нижегородскій архіепископъ Питиримъ и исправлялъ чреду до 1729 года. Въ 1729 году вызванъ былъ суздальскій епископъ Гавриилъ.

въ Москву, а беречь меня не кому, а который при мнѣ солдатъ караульный есть, и тому чтобъ чего не сдѣлано. Того ради, для означенныхъ прямыхъ винъ, не ухожу изъ монастыря, но, по указу, ѣду — буди вашему преподобию извѣстно, и бѣглымъ меня гласить не за что и поносить не для чего. О чемъ всепокорно доношу вашей святынѣ. А вещицы мои, которыя остаются здѣсь, прошу взять съ роспискою въ казну. Да господина профессора двѣ книги греко-латинскія остаются, прошу его милости отдать: одна Аванасія Великаго въ десть, а другая — *Compendium theologiae* въ полдесть. Да всепокорно прошу солдата не истязать за меня, понеже я, какъ онъ спалъ, поѣхалъ».

Архимандрита не было въ С.-Петербургѣ. Намѣстникъ Веніаминъ Фальковскій (къ слову сказать — онъ тоже былъ клиентъ Дашкова и дружилъ съ Маркелломъ) донесъ о побѣгѣ его с.-петербургской канцеляріи св. Синода, а канцелярія — въ Москву, гдѣ находился Синодъ.

Въ Москвѣ, въ одномъ изъ первыхъ собраній Синода, доложены были всѣ бумаги по дѣлу Родышевскаго: сданное изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта доношеніе его о книгахъ, печатанныхъ въ невской типографіи, — доношеніе Теофана, — изъ невскаго монастыря бумаги о уходѣ Маркелла въ Москву. Но такъ какъ въ Синодѣ сидѣлъ защитникъ Родышевскаго Дашковъ, то Теофанъ счелъ обязанностію устранить его отъ совѣщаній и распоряженій по этому дѣлу, «понеже по допроснымъ рѣчамъ того Родышевскаго собесѣдниковъ показуется, что Родышевскаго затѣйка есть сообщникъ и помощникъ оный Георгій, что утверждается и изъ поданнаго ему, новгородскому архіепископу, Маркеллова въ Москвѣ письмишка, егожъ Маркелловой рукою писаннаго». Синодъ долженъ былъ признать справедливость этого требованія и положилъ (15-го февраля), чтобы Георгію, при собраніи св. Синода во время слушанія этого дѣла, присутствія не имѣть.

О Родышевскомъ сначала не знали, гдѣ онъ укрывается; но когда узнали, то послали изъ Синода взять его къ допросу. Неизвѣстно, какія инструкціи даны были синодскимъ служителямъ; но Родышевскій описываетъ ихъ истыми разбойниками. «Пріѣхавши въ Москву, — пишетъ онъ, — сталъ я на квартирѣ, въ приходѣ

церкви Ильи пророка, у генерала Корчмина. А февраля 11-го наѣхали Ѣофановы слуги (почему же Ѣофановы?) человекъ съ десять, и били меня смертнымъ боемъ по головѣ палкою и топунками, и драли за волосы и вытащили изъ хоромъ, бросили въ сани и положили ницъ, и сѣли на меня человекъ съ четыре, и въ тѣхъ саняхъ били топунками и едва не удушили и привезли въ Синодъ, и въ Синодѣ сковали».

Въ Синодѣ онъ держалъ себя спокойно до того дня, какъ Георгія устранили отъ присутствія по его дѣлу. Но въ этотъ же день, 15-го февраля, Маркелъ объявилъ за собой государево слово и переведенъ былъ въ Преображенскую канцелярію.

Вырвавши изъ Ѣофановыхъ рукъ Маркелла, Дашковъ (потому что, безъ сомнѣнія, онъ заправлялъ всѣми дѣйствіями Маркелла) подалъ въ Синодъ протестъ на Ѣофана, въ которомъ укорялъ его въ противности присяжной и христіанской должности, въ недостаткѣ апостольскаго братолюбія и въ вымыслѣ подложныхъ, воровскихъ, безсовѣстныхъ показаній, приписанныхъ имъ будто собесѣдникамъ Маркелла. Дашковъ заявлялъ, что ему нанесена этимъ немалая обида и требовалъ, чтобы это дѣло разслѣдовано было законнымъ порядкомъ. Синодъ потребовалъ отъ Ѣофана, чтобы онъ представилъ въ Синодъ Маркеллово письмо и своихъ служителей, сдѣлавшихъ показаніе на Георгія.

Коронація Государя (24-го февраля 1728 года) остановила на время ходъ этого дѣла. Мечты Георгія не сбылись. Коронація обошлась безъ патріарха. Священный обрядъ этотъ совершенъ Ѣофаномъ, первенствовавшимъ между епископами ¹⁾. Георгій и

1) «Извѣстную преосвященству вашему — писалъ Ѣофанъ къ своему иерарху, Аврону епископу ладожскому, — что его императорское величество февраля 11-го изволилъ славный свой входъ въ царствующій градъ Москву имѣть чрезъ три брата триумфальные, и мы, священныи чинъ, въ общаго встрѣтали его величество у воротъ синодальныхъ, и привѣтствовали быль его величество отъ мѣста свиренія имеемъ всѣхъ духовныхъ; потомъ февраля 26-го совершилася преславная его величества коронація и я, недостойный, сподобился въ великомъ томъ дѣлѣ служить его величеству: одѣяніе императорское и корону, во имя Господне, возложилъ на него, скипетръ и державу вручилъ ему; также, при окончаніи святыя литургіи, ивронъ святыиъ помазалъ его величество и святыиъ Тамъ причастилъ въ алтарѣ предъ престо-

милостивцы его утѣшались тѣмъ, что время терпѣтъ, и что такого большого дѣла нельзя сдѣлать вдругъ²⁾.

Высматривая положеніе дѣлъ и лицъ, Теофанъ не торопился исполненіемъ синодскаго приговора. Наконецъ, 8-го апрѣля, подалъ Маркелово «письмишко», а о служителяхъ сказалъ, что они никакого поношенія преосвященному ростовскому не нанесли, потому что показывали чужимъ, а не своимъ словомъ, и для того нѣтъ нужды допрашивать ихъ объ этомъ, тѣмъ больше, что Маркелла Родышевскаго нынѣ въ Синодѣ не имѣется, а Вербицкаго и Тараса (служителей) нельзя допрашивать безъ очной съ нимъ ставки; да и доношеніе объ нихъ подано въ Верховный Тайный Совѣтъ, а резолюція была-ль, ему преосвященному неизвѣстно, и для того прислать оныхъ не смѣетъ». Синодъ согласился — до присылки Родышевскаго изъ Преображенскаго приказа — не требовать ихъ отъ Теофана.

Маркелъ содержался въ Преображенскомъ приказѣ больше года. Новыхъ и важныхъ показаній у него не было и другаго, на его мѣстѣ, давно заслали-бы въ Каменный или Бѣлозерскій монастырь: но у него были милостивцы, которые берегли его на всякій случай. Однакожъ нужно было допросить его по формѣ. Правду сказать, Родышевскій на этотъ разъ дѣйствовалъ не находчиво и неблаговидно. Онъ выступилъ изъ своей роли обличителя Теофана въ церковныхъ противностяхъ и явился доносчикомъ въ самомъ неблаговидномъ смыслѣ этого слова. Вѣрно и онъ ужъ мало надѣялся на патріаршество Дашкова.

Онъ доносилъ, что въ 1724 году архимандритъ Гавріилъ сочинилъ книгу: «Служба о мирѣ съ Швеціей» и въ ней сдѣлалъ великое поношеніе чести царевича Алексѣя Петровича, именно въ слѣ-

---

зонтъ, чиномъ и образомъ причащенія священнослужителей. Дамъ ему Господи мирное и благолѣпное царствованіе». (Труды кievск. дух. ак. 1865 года, стр. 544).

²⁾ Дашковъ выпросилъ себѣ у Верховнаго Тайнаго Совѣта, изъ синодальныхъ вотчинъ, село Пушкино съ деревнями въ московскомъ уѣздѣ, село Игнатово и селцо Сбоево въ дмитровскомъ, и къ тому же селцу Игнатову селцо Клябово въ московскомъ уѣздѣ, со всякими принадлежностями и доходами, пока онъ будетъ въ Синодѣ. А въ тѣхъ селахъ и деревняхъ отдадо 145 дворовъ и наличнаго хлѣба 1050 четв., да посѣянаго 161 четверть.

дующихъ словахъ: «сердце Авессаломле дѣла отеческія вся возненавидѣвшее и самому ему, отцу своему, смерти желающее». — Да въ «Правдѣ воли монаршей» написано противъ наслѣдствія его императорскаго величества. — Нѣкоторымъ членомъ св. Синода (имени его не знаетъ) учиненъ указъ въ 1726 году о подметныхъ письмахъ съ поношеніемъ чести царевича. — Здѣсь же, наконецъ, онъ показалъ о побояхъ отъ служителей новгородскаго архіепископа при взятѣ въ Синодъ. Тутъ слѣдовать было не чего. Въ мартѣ 1729 г. въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ состоялся указъ: «отослать его въ Симоновъ монастырь и быть ему тамъ не исходно, только въ церковь ходить не запрещать».

За процессомъ церковнымъ, какъ онъ прекратился на нѣкоторое время, начался процессъ денежный. Феофана преслѣдовалъ еще другой противникъ, о которомъ мы упомянули выше въ дѣлѣ Феодосія. Это — Носовъ, имѣвшій съ своими прошеніями довольно странную судьбу.

Послѣ смерти Феодосія, комиссія, занимавшаяся слѣдованіемъ новгородскихъ дѣлъ, подала Государынѣ докладъ: «не прикажетъ ли она передать все это дѣло новгородскому архіепископу Феофану, такъ какъ, по имянному указу покойнаго Государя, поручено было ей слѣдовать тѣ дѣла за показанными отъ помянутыхъ доносителей на бывшаго архіерея Феодоса противностями, которыя за нимъ и явились; а теперь на его мѣсто, въ новгородскую епархію, опредѣленъ архіепископъ Феофанъ, и по тѣмъ дѣламъ на него ничего не показано; а между тѣмъ, до кого по тѣмъ дѣламъ касается, тѣ всѣ имѣются въ его архіерейской епархіи, и всякій счетъ съ бывшими приставами хлѣбныхъ и денежныхъ сборовъ имѣетъ быть въ его епархіи; а чего ему по дѣламъ тѣмъ въ епархіи учинить невозможно будетъ, о томъ предлагать въ Синодъ или гдѣ указано будетъ». Государыня утвердила этотъ докладъ, поручивъ комиссіи передать слѣдованіе по новгородскимъ дѣламъ Феофану; а чего ему по какимъ дѣламъ учинить будетъ невозможно, о томъ предлагать въ Синодъ (18-го марта 1726 года ¹⁾). Другимъ указомъ (24-го марта) предписано, какъ посту-

¹⁾ Кабин. Дѣла, I, № 31, л. 169—171.

шить съ церковной утварью и съ разными золотыми и серебряными вещами, которыя обирали въ новгородскій архіерейскій домъ бывший архіерей Феодось и судья его Андроникъ изъ соборной софійской церкви, изъ ризницы и изъ монастырей ¹⁾. «Что нынѣ изъ тѣхъ вещей, по изслѣдованію дѣла, за продажами и за расходы имѣется на лицо, велите отдать все, что откуды было взято по росписямъ имянно, съ росписками; а изъ серебра, которое есть въ слиткахъ, велите сдѣлать церковные сосуды и роздать въ тѣ монастыри или церкви, откуда то серебро взято или слито, или въ другія бѣдныя церкви и монастыри, гдѣ серебряныхъ сосудовъ не имѣется, съ совѣта новгородскаго архіепископа Теофана. Саккосъ старинной, шитой золотомъ, по бѣлому атласу, съ котораго бывший архіерей Феодось съ оплечья, съ рукавовъ и съ подолу, жемчугъ взялъ, велите по прежнему возобновить и сдѣлать на память такъ, какъ былъ, и которыя каменья и жемчугъ и прочія украшенія съ онаго святы были, то все по прежнему положить, и сдѣлать на немъ, гдѣ прилично, надпись, что сей саккосъ испорченъ былъ бывшимъ архіереемъ Феодосомъ, а по указу нашему паки возобновленъ ²⁾».

Носовъ не былъ доволенъ этимъ назначеніемъ, потому что видѣлъ ясно, въ какую сторону потянетъ новый слѣдователь. Случилось такъ, какъ онъ и ожидалъ. Теофанъ защищалъ Андроника и обвинялъ Носова.

Обиженный Носовъ составилъ на высочайшее имя апелляцію, которую и собирался подать въ С.-Петербургѣ. Онъ писалъ, что «опредѣленный на мѣсто Феодоса новый архіепископъ Теофанъ, желая его Носова разорить, а изъ его Феодосовыхъ сообщниковъ остраго церквей и монастырей разорителя, бывшаго судью, Андроника и его товарищей освободить, — не давъ тѣхъ дѣлъ въ ономъ собраніи привести къ окончанію въ комиссію, — чрезъ многое свое взысканіе исходатайствовалъ ихъ въ свои руки уже около трехъ лѣтъ, а никакова рѣшенія и до сихъ поръ не учинилъ, да

¹⁾ Опись этихъ вещей приложена къ вѣдѣнію изъ Собранія Сената и Стюда въ Кабинетъ ея императорскаго величества 7-го марта 1726 г. (Кабин. Дѣла, II, № 80, л. 88 и слѣд.).

²⁾ Кабин. Дѣла, I, № 81, л. 172.

и впредь по тѣмъ дѣламъ справедливаго слѣдованія и рѣшенія отъ него ожидать нельзя. Содержавъ престолъ псковскаго архіерейства и самъ онъ Федосу послѣдовалъ, о чемъ показали на него бывшій той епархіи провинціалъ-инквизиторъ и судія архимандритъ Родышевскій. Какъ ревностный сообщникъ Федоса, исходатайствовалъ изъ собранія высокихъ правительствъ вышеозначенныя дѣла, отдалъ ихъ для слѣдованія самимъ отвѣтчикамъ, отъ которыхъ докащикамъ въ слѣдованіи чинены превеликія притѣсненія. Явившихся по тѣмъ дѣламъ во многихъ винахъ, вышеупомянутаго Андроника, бывшаго провинціалъ-инквизитора іеродіакона Венедикта Коптева и стряпчаго Матвѣя Качалова исходатайствовалъ къ себѣ изъ подъ караулу, будто бы напрасно арестованныхъ, и изъ нихъ Качалову, вмѣсто слѣдовавшаго ему наказанія, уже награжденіе учинено. По тѣмъ же протестамъ, съ архіерейскаго новгородскаго дому и съ монастырей той епархіи, не считая прочихъ дѣлъ, за одно свободное владѣніе вотчинъ надлежитъ взять въ государственную казну, запущенныхъ бывшимъ княземъ Меншиковымъ за взятки, болѣе 200,000 рублей, которыми архіерей и его домовые правители довольствуются сами. Пограбленныя чернцомъ Федосомъ и его сообщниками отъ монастырей и церквей всякія вещи велѣно, именнымъ указомъ, возвратитъ въ тѣже мѣста по прежнему; но, не смотря на этотъ указъ, многія вещи удержаны, а пограбленныя Федосомъ и его сообщниками отъ монастырей и церквей наличныя и полученныя отъ продажи пограбленныхъ вещей деньги, вмѣстѣ съ прочими запечатанными капитаномъ Шушеринымъ, едва не всѣ употреблены имъ архіереемъ въ расходъ на непристойныя монашеству роскоши, и всякими припасы въ С.-Петербурхъ и Москву забрано съ излишествомъ на сорокъ тысячъ рублей. И ежели они впредь въ такихъ же безмѣрныхъ роскошахъ дни вѣка сего проводить будутъ, то вскорѣ домъ Премудрости Божіей до конца истощится, и развѣ что довольствоватъ ихъ будутъ продавая церковныя имѣнія. А вотчинные крестьяне и не родовые бобыли, отъ наложенныхъ на нихъ излишнихъ тягостей и податей, уже и по се время пришли въ скудость и раззореніе».

Съ этимъ прошеніемъ Носовъ въ 1727 году хотѣлъ ѣхать въ С.-Петербургъ; но Андроникъ съ товарищами, провѣдавъ о

его намѣреніи и согласясь съ жившимъ у Феодана іеродіакономъ Адамомъ, съ которымъ имѣли всегдашнюю компанію, не дали ему исполнить этого. «22-го ноября 1727 г. — показывалъ Носовъ — въ бытность въ софійскомъ домѣ, сталъ онъ укорять Адама тѣмъ, что тотъ водить компанію съ Андроникомъ и его товарищами. Адамъ напалъ на него за это со множествомъ служителей, блии и мучили его Носова безчеловѣчно, отчего онъ тогда былъ въ опасности жизни. Чтобы избавиться отъ побоевъ и, вмѣстѣ, чтобы по напрасномъ его убіеніи слѣдующія по протестамъ его дѣла не были уничтожены, онъ принужденъ былъ объявить за собою слово и дѣло. Послѣ этого объявленія держанъ и томленъ въ архіерейскомъ домѣ въ оковахъ долгое время и потомъ отосланъ въ новгородскую губернскую канцелярію, гдѣ и допрашиванъ, но токмо за похлѣбствомъ вице-губернатора князя Гагарина со архіереемъ и Адамомъ, допросъ и записка сдѣланы не со всею противъ его показанія очисткою. Изъ губернской канцеляріи отправленъ онъ былъ въ С.-Петербургъ въ Сенатъ и такимъ же опредѣленіемъ Сената, по прозвѣбѣ помянутаго архіерея и его домовыхъ, онъ, Носовъ, якобы за неслѣдующее къ его доказательствомъ объявленіе слова и дѣла, безъ допросу наказанъ».

Носовъ находилъ это наказаніе несправедливымъ, потому что «объявляющимъ за собою слово и дѣло должно доказать хотя одинъ изъ слѣдующихъ къ тому трѣхъ пунктовъ; но между этими пунктами есть пунктъ и о измѣнѣ; а архіерей Феоданъ, съ домовыми своими управителями, по своимъ преступленіямъ хуже измѣнниковъ, потому что, оставя истину, за правдивые его доказательства всячески ищутъ напрасной ему гибели, а за Андроника и его товарищей, явившихся во многихъ преступленіяхъ, предстательствуютъ и желаютъ какъ бы ихъ отъ того повывсвободить, только для своего богомерзкаго лакомства; ибо оныя преступники, во время нанесеннаго ими съ Феодосомъ на святые церкви и монастыри разоренія, угодили имъ сборомъ довольнои суммы денегъ, которыя онѣ на вышеозначенныя роскоши употребили; а въ тѣхъ деньгахъ большая часть собрана была отъ продажи пограбленныхъ церковныхъ имѣній, когда оныя злодѣи, уничтожая раченіе блаженныхъ и вѣчностойныя памяти царевича Алексѣя Петровича, пожалованную въ николаевскій гостинопольскій монастырь церковную се-

ребряную посуду, облаченія и прочія вещи пограбили, и церковныя книги, собственною его величества рукою подписанныя, распро- дали. Онъ же злодѣй Андроникъ, разломавъ многія святыя церкви, изъ каменныхъ построилъ подъ кельями своими погреба питейныя, а деревянныя сжегъ и нѣкоторую часть изъ нихъ употребилъ въ мельничную постройку, о чемъ въ комисіи и самъ виновъ. Да за оными жъ злодѣями, Федосомъ и его сообщниками, является и сжечіе святыхъ иконъ, а надлежащаго потому слѣдованія не чинится за его архіерейскими къ Церкви святой противностями».

Не успѣвши подать прошеніе въ 1727 г., Носовъ подалъ его Петру II-му въ сентябрѣ 1728 года, въ домѣ доктора Бидло. Петръ отдалъ челобитную Остерману. Носоу, бывши вслѣдъ за тѣмъ въ Преображенскомъ у Родышевскаго, рассказалъ ему о своемъ дѣлѣ и показалъ копию съ своего прошенія на Феофана. Родышевскій оставилъ ее у себя. Но едва прошло послѣ того нѣсколько дней, какъ караульный капитанъ Сипягинъ, обыскивая Родышевскаго, нашелъ у него прошеніе Носова и, 5-го октября, предъявилъ въ Преображенскомъ приказѣ. Преображенская Канцелярія препроводила его за карауломъ въ Верховный Тайный Совѣтъ, а Тайный Совѣтъ въ Тайную канцелярію, гдѣ и содержался онъ нѣсколько лѣтъ.

Дѣла Носова и Родышевскаго были едва ли не послѣдними, которыя вѣдались въ Преображенскомъ приказѣ. Въ 1729 году, въ день Страстной пятницы, 4 апрѣля, подписанъ былъ указъ объ уничтоженіи Преображенской канцеляріи и о рѣшеніи, по важнымъ доносамъ, тайныхъ дѣлъ въ Совѣтѣ и Сенатѣ¹⁾.

При дворѣ молодаго Государя происходили въ это время страшныя интриги. Долгорукіе, занявшіе, послѣ Меншикова, его мѣсто и державшіе въ своихъ рукахъ Государя, устраняли отъ него всѣхъ, кто казался имъ подозрительнымъ, не допускали до государственныхъ дѣлъ, развлекали разными забавами и удоволь-

¹⁾ Протоколы В. Т. С., въ Читаніяхъ 1863 кн. 3, стр. 103.

ствіями и, наконецъ, удаляя отъ всѣхъ, умѣли возбудить въ немъ склонность къ молодой княжнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, дочери кн. Алексѣя Григорьевича и сестрѣ молодаго временщика Ивана Алексѣевича. 24-го ноября всѣ высшіе чины приносили ей поздравленіе, какъ невѣстѣ государевой, а 30 ноября совершенно было обрученіе ихъ новгородскимъ архіепископомъ Теофаномъ.

Въ приготовленіяхъ къ празднеству бракосочетанія Государя (хотя ему было только 14 лѣтъ), Остерманъ озабоченъ былъ, между прочимъ тѣмъ, какіе приготовить вѣнцы для высокої четы и просилъ объ этомъ мнѣнія у Теофана, какъ наиболѣе знакомаго съ предметами, касающимися церковныхъ обрядовъ. Теофанъ отвѣчалъ, что въ разныхъ мѣстахъ православной Церкви вѣнцы употребляются различныя, какъ по веществу, такъ и по устройству, и предлагалъ къ вѣнчанію ихъ величествъ приготовить вѣнцы масляные или лавровые, или и отъ разныхъ листій и цвѣтковъ съ прилученіемъ и другихъ камней; или же, если не отступать отъ русскаго обычая, подѣлать короны императорскія съ лицами Христовымъ и Богородичнымъ, потому что въ нашихъ церквахъ употребляются вѣнцы, похожіе на царскіе ¹⁾». Но Промыслъ, распоряжающій судьбами человѣческими, судилъ иначе. Послѣ крещенскаго выѣзда, Государь заболѣлъ горячкою, а съ 18 на 19-е января въ то число, на которое назначено было бракосочетаніе, скончался.

Описавши оффиціальное положеніе Теофана въ это царствованіе, скажемъ нѣсколько словъ о его частной жизни и сношеніяхъ съ разными лицами.

Весной 1728 года, вскорѣ послѣ коронаціи Государя, въ Москвѣ получено было извѣстіе о рожденіи сына у тетки государевой, Анны Петровны, незадолго передъ тѣмъ, по проискамъ Меншикова, выѣхавшей изъ С.-Петербурга въ Голштинію. Новорожденнаго назвали Петромъ, безъ сомнѣнія въ честь дѣда, Петра Великаго. Въ Москвѣ, по видимому, не обратили никакого вниманія

---

¹⁾ Письмо Теофана къ Остерману о брачныхъ вѣнцахъ напечатано въ Москвитинѣ 1852 г. № 22 и въ Трудахъ кіевской академіи 1865 г. стр. 611—618.

на это семейное событіе голштинскаго двора, развѣ только порадовалась сестра Анны Петровны, царевна Елизавета и небольшой кругъ ея приверженцевъ.

Впрочемъ нашелся одинъ человѣкъ, который, даже въ виду юнаго, цвѣтущаго здоровьемъ Государя, не пропустилъ между глазъ этого событія. Оеофанъ послалъ въ Голштинію поздравленіе съ этой радостію, хотя выразилъ его такимъ напыщеннымъ и витіеватымъ письмомъ, которое скорѣе походило на официальную рѣчь, чѣмъ на интимное поздравленіе. Оеофанъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы вылить всю желчь на своего врага Меншикова, и онъ поносилъ его тѣмъ усерднѣй, чѣмъ болѣе рассчитывалъ на полное сочувствіе къ своимъ словамъ со стороны герцога и его супруги.

«Присланный вами вѣстникъ — писалъ Оеофанъ, — принесшій сюда увѣдомленіе о рожденіи у васъ сына, пресвѣтлѣйшаго князя Петра, исполнилъ меня такою радостію, что я не нахожу словъ для ея выраженія. Чтѣбы я ни сказалъ, все будетъ слабѣе моихъ чувствъ. Впрочемъ скажу, что могу, если не въ состояніи высказать того, что бы хотѣлось. Родился Петру Первому Внуку, Второму братъ, августѣйшимъ и державнѣйшимъ сродникамъ и ближнимъ — краса и приращеніе, російской державѣ — опора и, какъ заставляетъ ожидать его кровное происхожденіе, — великихъ дѣлъ величайшая надежда. А смотря на васъ, счастливейшіе родители, я плачу отъ радости; какъ недавно плакалъ отъ печали, видя васъ пренебрегаемыхъ, оскорбляемыхъ, отверженныхъ, униженныхъ и почти уничтоженныхъ нечестивѣйшимъ тиранномъ. Теперь для меня очевидно, что вы у всеблагаго и великаго Бога находитесь въ числѣ возлюбленнѣйшихъ чадъ, ибо Онъ посѣщаетъ васъ наказаніями, а послѣ печалей возвеселяетъ, какъ и всегда дѣлаетъ съ людьми благочестивыми. И вотъ тебя, пресвѣтлѣйшій Карлъ, отъ самой юности твоей, какими скорбями не испытывала рука Божія! По волѣ Божіей ты сначала лишился наилучшаго родителя, вслѣдъ за тѣмъ доблестнѣйшаго дяди и нѣжнѣйшей матери. Потомъ, попущеніемъ Божіимъ, ты потерялъ наслѣдственные владѣнія, испыталъ недоброжелательство родственниковъ и вторично лишился новыхъ тобою приобрутен-

ныхъ родителей и, наконецъ, былъ почти задавленъ въ этомъ новомъ убѣжищѣ. Подобную же участь испытала и ты, пресвѣтлѣйшая Анна. Съ дѣтства до зрѣлыхъ лѣтъ ты весьма рѣдко наслаждалась лицезрѣніемъ твоихъ родителей, — слышала только, что они подвергаются ужаснымъ опасностямъ, переносятъ путевыя невзгоды, терпятъ холодъ въ лагеряхъ, подвергаясь въ жесточайшихъ битвахъ опасности за самую жизнь. Возсіяли потомъ болѣе ясные дни, обняла ты великаго родителя, обрадованнаго окончаніемъ войны и заключеніемъ счастливаго мира и, вслѣдъ за тѣмъ, торжествующаго побѣды, одержаннаго въ Персіи. Вскорѣ потомъ коронованіе родительницы дало поводъ къ новой радости. Но эти радости были непродолжительны и скорѣ, съ кончиною обоихъ родителей, обратились въ плачь, общій для всей высочайшей фамиліи и для всего народа, но для васъ съ супругомъ и дражайшей сестры особливо горестный. Послѣ такихъ жестокихъ ударовъ можно ли было, повидимому, ожидать еще болѣе жестокихъ напастей? Но васъ постигло то, что почти превышаетъ мѣру вѣроятія. Этотъ бездушный человѣкъ, эта язва, этотъ негодяй, которому нѣтъ подобнаго, васъ, кровь Петрову, старался унижить до той низкой доли, изъ которой самъ рукою вашихъ родителей былъ возведенъ почти до царственнаго состоянія и, въ добавокъ, наглый человѣкъ показалъ примѣръ неблагодарной души въ такой же мѣрѣ, въ какой былъ благодѣтельствованъ. На это никто, кромѣ подобныхъ ему, не могъ взирать безъ слезъ, никто не могъ видѣть этого безъ боли сердца, безъ гнѣва негодованія и ужаса: а что у васъ, милостивѣйшіе государи, тогда было на душѣ, что происходило въ сердцѣ, я полагаю, вы и сами не въ силахъ то выразить.... Этотъ колоссъ изъ пигмея, оставленный счастіемъ, которое довело его до опьяненія, упалъ съ великимъ шумомъ. Что же касается до васъ, то вы можете ожидать всего лучшаго отъ того, что поставленъ въ безопасности августѣйшій вашъ племянникъ, нашъ всемилостивѣйшій Государь; но и въ вашемъ домѣ Отецъ щедротъ посѣтилъ васъ своею милостію даровавъ вамъ сына. Поздравляя васъ съ такимъ благомъ, дарованнымъ для васъ, для августѣйшей фамиліи, для многихъ царствъ и народовъ, молю всеблагаго Бога, чтобы Онъ услышалъ ваши молитвы, увѣнчалъ ваши надежды исполненіемъ, и

сохранилъ родителей и рожденнаго невредимо радостными и цвѣтущими на многія-лѣта ¹⁾».

Но Богъ не судилъ матери воспитывать сына. Черезъ два мѣсяца она скончалась отъ чахотки, развившейся частію вслѣдствіе тѣхъ обстоятельствъ, о которыхъ упоминаетъ въ своемъ письмѣ Феофанъ, частію вслѣдствіе несчастнаго супружества.

Въ Москвѣ Феофанъ видѣлся съ прежнимъ своимъ знакомымъ — Я. А. Маркевичемъ. Изъ записокъ послѣдняго ²⁾ мы узнаемъ нѣсколько подробностей объ этомъ свиданіи.

Мы выше упоминали, что тетка Я. А. Маркевича была замужемъ за гетманомъ Скоропадскимъ, а дочь Скоропадскаго за графомъ П. П. Толстымъ. Когда, послѣ неудавшагося заговора противъ сильнаго временщика, графъ П. А. Толстой сосланъ былъ въ ссылку, то Меншиковъ простеръ гоненіе на всѣхъ родственниковъ Толстаго — на Скоропадскихъ и Маркевичей. Андрей Маркевичъ былъ отставленъ отъ полка ³⁾. У Скоропадской ⁴⁾ приказано было отобрать маестности, которыми она владѣла по званію гетманши. Старанія ихъ о поправленіи своихъ дѣлъ были бѣзуспѣшны, пока Меншиковъ былъ въ силѣ; но, послѣ паденія Меншикова, дѣла ихъ приняли благоприятный оборотъ. Когда Государь прибылъ въ Москву, старый Маркевичъ съ гетманшей прибыли туда же ⁵⁾. Молодой Маркевичъ отправился въ Москву впередъ еще въ декабрѣ 1727 г. и сталъ на квартирѣ у госуда-

¹⁾ Theophanis Epistola XIII. Труды кievской академіи 1865 г. стр. 595—599.

²⁾ Дневныя записки малороссійскаго подскарбія, генерала Якова Маркевича. М. 1859 г.

³⁾ Послѣ отставки его въ 1727 г. Лубенскій полкъ подалъ на него прошеніе Петру II, жалуюсь на его своеволие и нанесенныя полку обиды. — Еще прежде нѣкоторые изъ полка (числомъ меньше; а прочіе обиженные такъ были запуганы Маркевичемъ, что не смѣли и челобитствовать) подавали на него прошеніе гетману Данилу Апостолу, вслѣдствіе котораго, кажется, онъ и былъ отставленъ. (Русск. Архивъ 1864 г., стр. 493—505).

⁴⁾ Скоропадскій умеръ 8-го іюля 1722 года.

⁵⁾ Письмо Феофана къ гетманшѣ Скоропадской, съ совѣтомъ пріѣхать въ Москву и просить милости у Государя лично, въ Трудахъ Кіевск. Акад. 1865 г., стр. 600—602.

рева духовника, Тимофея Васильевича Надаржинскаго. Хлопоты ихъ увѣнчались успѣхомъ. Старыку Маркевичу предложили мѣсто генеральнаго подскарбія, отъ котораго онъ отказывался и согласился только по настоянію російскихъ министровъ. Ясновельможная схоронила въ Москвѣ зятя П. П. Толстаго, но выиграла дѣло. Указомъ изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, по приговору Иностранной коллегіи, велѣно было дать ей въ пожизненное владѣніе, изъ отнятыхъ пожалованныхъ мужу ея деревень, отъ трехъ до четырехъ сотъ дворовъ ¹⁾).

Въ бытность въ Москвѣ Маркевичъ часто видался съ Теофаномъ, ѣзжалъ къ нему въ подмосковное село Владыкино, въ 10 верстахъ отъ Москвы, и записывалъ въ своей памятной книжкѣ все, что говорено было въ ихъ интимной бесѣдѣ. Теофанъ разсуждалъ съ нимъ о разныхъ предметахъ ученыхъ и сельско-хозяйственныхъ, училъ его дѣлать простые барометры, садить малину, ежевику и другія ягоды, варить доброе пиво. Бесѣды ихъ длились до полночи ²⁾. Теофанъ ссужалъ его книгами, привезенными изъ Москвы. Маркевичъ началъ учиться по французски, накупилъ себѣ книгъ и, живя въ Москвѣ, *высержнулъ* нѣсколько мѣстъ изъ библіи на славянскій діалектъ противъ еврейскаго текста ³⁾. Серьезныя занятія его шли въ перемежку съ разгуломъ веселой казацкой жизни. Въ дневникѣ его едва некаждый день встрѣчается замѣтка: «сей день праздновали компанію и подпіякомъ до ночи. Банкетъ былъ у насъ и куликали довольно». Теофанъ рекомендовалъ его гетману Апостолу, который скоро переимѣнилъ свое надменное обращеніе съ нимъ на ласковое. Маркевичи пробыли въ Москвѣ до конца мая 1729 г. ⁴⁾).

¹⁾ Записки Маркевича, часть I, стр. 296—312.

²⁾ «Вечеру ѣзды до архіерея новгородскаго. и тамъ забавлялся до полночи съ нимъ сидѣвши». Ч. I, стр. 308.

³⁾ Записки Маркевича. Ч. I, стр. 289.

⁴⁾ Старый Маркевичъ въ 1740 году за старостию и слабостию отказался отъ должности генеральнаго подскарбія. Сынъ его Яковъ, по возшествіи императрицы Елизаветы Петровны, посланъ былъ отъ Малороссіи депутатомъ для ея поздравленія и присутствовалъ при ея коронаціи; въ 1762 г. уволенъ за старостию отъ всѣхъ должностей; въ 1767 г. лишился зрѣнія; скончался 9-го ноября 1770 г.

Къ этому же времени относится нѣсколько писемъ Феофана къ разнымъ лицамъ по поводу смуть, произшедшихъ въ бѣлорусской епархіи послѣ смерти епископа бѣлорусскаго Сильвестра, князя Четвертинскаго.

Обстоятельства дѣла, подавшаго поводъ къ этой перепискѣ Феофана съ разными лицами, были слѣдующія. По смерти Сильвестра (сконч. 18-го февраля 1728 года), граждане города Могилева и члены могилевскаго братства отправили прошеніе къ кievскому митрополиту Варлааму Вонатовичу о принятіи ихъ въ его покровительство и о назначеніи къ нимъ намѣстника для управленія епархіей до опредѣленія новаго архіерея; вмѣстѣ съ тѣмъ они жаловались на нестроенія или продерзости архидіакона Каллиста Заленскаго, бывшаго при Сильвестрѣ администраторомъ бѣлорусской епархіи ¹⁾. Между тѣмъ намѣстникъ могилевскаго нинюлаевскаго монастыря, іеромонахъ Іоасафъ Ледвievичъ, послалъ на высочайшее имя прошеніе о неподчиненіи бѣлорусской епархіи кievскому митрополиту и объ утвержденіи намѣстникомъ этой епархіи архидіакона Каллиста. Государственная коллегія передала прошеніе Ледвievича въ св. Синодъ, который и назначилъ Каллиста администраторомъ бѣлорусской епархіи. Только что состоялось это назначеніе, какъ кievскій митрополитъ прислалъ въ Синодъ доношеніе могилевскаго магистрата и братства съ жалобами на Каллиста. Не зная на чемъ утвердиться, Государственная коллегія, по сношенію съ Синодомъ, рѣшилась отправить въ Могилевъ довѣренное лицо — полковника Якова Швайковскаго, поручивши ему разузнать дѣло на мѣстѣ. Слѣдствіе привело къ тому, что Каллиста потребовали въ Москву для оправданія по жалобамъ могилевскаго братства. Каллистъ, по видимому, оправдался и, такъ какъ въ это время (30-го января 1730 г.) въ бѣлорусскую епархію епископомъ администраторомъ назначенъ былъ архимандритъ межигорскаго монастыря Арсеній Берло, то Каллистъ, какъ бы желая избѣжать смуть, выпросилъ себѣ его мѣсто — межигорскую архимандрію. Этимъ однакожь дѣло не кон-

¹⁾ Каллистъ, въ мiрѣ Кондрать Ивановъ, родомъ изъ купцевъ полоцкихъ, въ 1704 г. постриженъ въ монашество въ полоцкомъ богоуспенскомъ монастырѣ, въ 1708 г. бѣлорусскимъ архіепископомъ Сильвестромъ посвященъ въ архимандрита.

чилось и положеніе края не умиралось. Калисть продолжалъ изъ Кіева возмущать бѣлорусскую епархію, согласившись съ игуменомъ минскаго монастыря, Гедеономъ Шишкою, который величалъ себя генеральнымъ намѣстникомъ бѣлорусской епархіи. Несчастный Арсеній, измученный враждебными дѣйствіями противной партіи, долженъ былъ оставить бѣлорусскую епархію; но не-посчастливилось и Калисту въ его поискахъ и погоняхъ за намѣстничествомъ. Слѣдствіе обнаружило всѣ его продѣлки, между прочимъ и то, что онъ хотѣлъ перейти, а за собой увлечь всю епархію въ униатскую вѣру. За это, послѣ слѣдствія о его дѣлѣ въ особой комисіи, по лишеніи архимандритскаго сана и священнаго чина, онъ битъ былъ плетью и простымъ монахомъ сосланъ въ Сибирь, гдѣ и умеръ ¹⁾.

---

¹⁾ Письма Теофана, по поводу этихъ обстоятельствъ, въ канцлеру Головкину и къ Арсенію Берло, въ Трудахъ кіевской академіи 1865 г., стр. 608—610. По слѣдственному дѣлу о Калистѣ (въ Госуд. архивѣ), за нимъ открылись слѣдующія вины: 1) онъ составилъ ложную духовную отъ имени Сильвестра, во время болѣзни его, клонившуюся къ расхищенію его епископскаго имущества; 2) въ письмахъ его явилось заготовленная форма письма королевскаго къ полоцкому униатскому архіепископу о поставленіи его, Калиста, оршанскимъ кутенскимъ архимандритомъ, съ тѣмъ чтобы имѣть ему пребываніе въ Могилевѣ при церкви св. Николая; другая форма королевской привилегіи о бытіи ему администраторомъ въ бѣлорусской епископѣи до новаго епископа. (Калисть сознался, что хотѣлъ исхитить себѣ этого у польскаго короля); третья форма—королевской привилегіи на генеральное въ этой епархіи намѣстничество до кончины жизни. 3) Научалъ Леднѣвича жаловаться на Берло въ Иностранную коллегію; 4) При избраніи новаго епископа, на мѣсто Берло, участвуя въ элекціи, по виду въ интересахъ русскаго правительства, требовалъ множество подарковъ. «Снѣ посылки — пишетъ Теофанъ — подали плутамъ (Калисту и Шишкѣ) великую матерію нареканія на російскій народъ». 5) Требовалъ, чтобы виленскіе и случскіе духовные, по указу кіевского архіерея, прибыли на элекцію. «Дьявольская хитрость — пишетъ Теофанъ — чтобы потомъ и эти церкви, подвластныя кіевскому митрополиту, втянуть въ унию». 6) Когда элекція окончилась и избранъ былъ Іосифъ Волчанскій, игуменъ пустынно-николаевскаго кіевского монастыря, уроженецъ польскій, породы шляхетской, то выставляя свои труды и сдѣланныя во время элекціи издержки, Калисть и Шишка потребовали еще большей милостыни; а между тѣмъ Шишка подать на нее протестацію польскому правительству.

XIV.

Событія 1730 года. — Возобновленіе протестовъ Родышевскаго. — Аврамовъ. — Варлаамъ.

Юный Государь Петръ II скончался среди лучшихъ надеждъ, возбужденныхъ его живымъ умомъ и добрымъ сердцемъ и среди ужасныхъ неурядицъ по всѣмъ частямъ управленія, вслѣдствіе интригъ вѣрховниковъ, оставившихъ, за своими интересами, государственныя дѣла на произволъ судьбы. Современники, плакавшие искренно и горько о смерти юнаго царя, оплакивали безъ сомнѣнія не дѣйствительное потерянное благо, но свои надежды, утраченныя со смертію юнаго царя. Грозныя предчувствія страшили ихъ и не обманули.

Событія, послѣдовавшія за смертію Государя, такъ извѣстны, что мы не считаемъ нужнымъ повторять ихъ. Для насъ довольно того, какъ отнесся къ нимъ Теофанъ.

Тотчасъ по смерти Государя, члены Верховнаго Совѣта и нѣкоторые другіе высшіе сановники собрались въ особой комнатѣ для совѣщанія о престолонаслѣдіи. Это было въ 2 часа ночи, съ 17-го на 18-е января. Сначала князь В. Л. Долгорукій просилъ и бывшихъ во дворцѣ трехъ архіереевъ подождать немного, извѣстивши, что имѣеть быть совѣщаніе объ избраніи новаго государя; но потомъ, возвратясь къ нимъ, именемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта сказалъ, что всѣ члены соберутся въ десятомъ часу утра, и чтобъ въ то же время и они изволили прибыть съ прочими синодальными членами и почетнѣйшимъ духовенствомъ. Это значило, что присутствіе ихъ въ собраніи нашло лишнимъ. Французскій резидентъ при русскомъ дворѣ, Маньянъ, писалъ своему правительству, что это устроилъ, съ совершеннымъ презрѣніемъ къ духовенству, князь Голицынъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что оно уронило себя при избраніи Екатерины ¹⁾

¹⁾ Le prince Galitsyn a temoigné de ce corps (du clergé), en empechant, qu'aucun de ces membres ne soit admis dans l'assemblée des états, qui ont précédé

Утромъ собрался въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ «великій соборъ». Когда великій канцлеръ объявилъ вслухъ всѣхъ объ избраніи на престолъ курляндской герцогини Анны, то Теофанъ предложилъ немедленно отслужить благодарственный торжественный молебенъ, положенный на этотъ случай. Но верховники, подъ разными предлогами, отклонили это предложеніе, положивъ совершить благодареніе Богу; когда получено будетъ согласіе отъ избранной Императрицы. «Тѣмъ, кто легко разсуждалъ — писалъ потомъ Теофанъ — довольно было простаго объясненія этой медлительности: захочетъ ли Анна царствовать? Но осторожнѣйшія головы глубочае нѣчто проникали и догадывались, что господа верховные иной нѣкій отъ прежняго видъ царствованія устроили, и что на пощномъ ономъ многочисленномъ своемъ бесѣдованіи сократить власть царскую и нѣкими вымышленными доводами акибы обуздать и, просто рещи, лишить самодержавія затѣяли»¹⁾).

Верховники отправили депутатовъ въ Митаву съ предложеніемъ короны герцогинѣ курляндской съ тѣмъ, чтобы она управляла государствомъ въ подчиненіи Верховному Совѣту. Но въ то же время, тайно отъ Совѣта, отправили отъ себя въ Митаву гонцовъ — зятя великаго канцлера Головкина Ягужинскій и курляндскій резидентъ въ Москвѣ Левенвольдъ. Полагаютъ, что и Теофанъ, еще до возшествія на престолъ Анны Иоанновны, пользовавшійся ея милостями²⁾, послалъ своего гонца съ поздравленіемъ и предложеніемъ своего содѣйствія, если Анна пожелаетъ возвратить себѣ права самодержавія³⁾. Судя по характеру и по-

---

à l'élection de la nouvelle czarine, sous prétexte, qu'il était taché d'infamie pour avoir, par un vil intérêt, après la mort du czar Pierre I, contribué à placer sur le trône de Russie, au préjudice du légitime successeur, une femme, qui devait y être entièrement étrangère. La Cour de Russie, Berlin 1860, p. 19.

¹⁾ Теофана — Описание кончины Петра II и бывшихъ послѣ оной происшествій — въ Запискахъ Дюка Ливійскаго, Спб. 1845 г., стр. 190.

²⁾ Въ рѣчи къ Императрицѣ Аннѣ, при восприятіи ею самодержавія, Теофанъ говорилъ: «въ такомъ же всеародномъ благополучіи и персональномъ во мнѣ самомъ обрѣтается блаженство, когда того видю и поздравляю на всероссійскомъ престолѣ, отъ котораго многократнымъ благосклонности изъявленіемъ (хотя кромѣ всякихъ жалостныхъ молѣвъ) и прежде уже обрадовавъ былъ». (Спб. Вѣд. 1790, № 21).

³⁾ М. Евгенія, Словарь дух. пис. — въ статьѣ: Теофанъ Прокоповичъ.

слѣдующему образу дѣйствій Оеофана, въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго.

Въ промежутокъ времени между отъѣздомъ и возвращеніемъ депутатовъ, совершились событія, показавшія всю непрочность замышляемаго плана. «Родился другой союзъ, — пишетъ Оеофанъ, — осмолчному союзу противный. Знатнѣйшіе, сирѣчь, изъ шляхетства сносятся и совѣтовать стали, какъ бы дѣйствительно стать вопреки верховникамъ и хитрое ихъ строеніе разрушить, и для того по разнымъ дѣламъ, да ночью порою, собирались». Оеофанъ самъ о себѣ пишетъ, что онъ, въ то время, всякимъ возможнымъ прилежаніемъ старался провѣдать, что сія другая компанія придумала и что къ намѣренію своему усмотрѣла.

Между тѣмъ пришелъ отвѣтъ изъ Митавы, принесшій согласіе Анны принять престолъ на предложенныхъ ей условіяхъ. Верховный Совѣтъ опять созвалъ въ собраніе всѣ чины для разсужденія о государственномъ постановленіи. Собраніе было удивлено новыми сообщеніями. Верховники предложили, чтобы всѣ, кому угодно, заявляли свои мнѣнія по поводу новоучреждавшейся формы правленія, но на вызовъ ихъ ни откуда не было отвѣта. Во время всеобщаго напряженнаго состоянія, князь А. М. Черкасскій вывелъ всѣхъ изъ затрудненія, попросивши времени поразсудить о томъ свободнѣе. Между тѣмъ синодальные архіереи стали настаивать, что пора уже совершить благодарственное молебствіе. Верховники согласились, не придавая этому политическаго значенія. Между тѣмъ на млебнѣ Синодъ приказалъ возносить имя Государыни съ полнымъ титуломъ, содержащимъ въ себѣ самодержавіе и, въ тотъ же день, разслалъ повсюду письменныя формы съ полнымъ титуломъ. Верховники поняли оплошность, но ужъ не посмѣли измѣнить титула. Дворянство много спорило объ условіяхъ, ограничивающихъ самодержавіе, но не пришло ни къ какому единодушному заключенію.

10-го февраля пришло извѣстіе, что Государыня ужъ не далеко отъ Москвы. На встрѣчу ей отпращена была депутация, состоявшая изъ архіереевъ со стороны церковнаго чина и трехъ сенаторовъ — со стороны гражданскаго. Долгорукій, сопутствовавшій Императрицѣ, подозрительно смотрѣлъ на этихъ депутатовъ и зорко наблюдалъ всѣ ихъ движенія и наименованія.

Когда наступило время присяги и прошел слухъ, что члены Верховнаго Совѣта составили новую присягу, то Теофанъ, собравши Синодъ и знатнѣйшее духовенство, предложилъ имъ послать за этой новосоставленной присягой, чтобъ знать, почему присягать, потому что присяга—дѣло великое. Совѣтъ обѣщался прислать форму, однакожь не прислалъ. Наконецъ духовенству повѣстили, что всѣ собрались въ церковь и ихъ туда ожидаютъ. Теофанъ совѣтовалъ было не ходить туда, но не могъ устоять противъ общей силы.

Верховные ласково попросили духовныхъ присягнуть—первыми, потому что они пастыри всего народа и въ духовныхъ дѣлахъ предводители. Теофанъ попросилъ слова и, въ общихъ выраженіяхъ, сказалъ къ собравшейся знати увѣщаніе, что присяга дѣло великое и чтобы никто безразсудно присягать не торопился. Собраніе смущено было этимъ словомъ. Потомъ Теофанъ попросилъ, чтобы напередъ съ амвона прочитали форму присяги, дабы всѣ знали, на что присягаютъ. Князь Д. М. Голицынъ началъ было отклонять это предложеніе, однакожь долженъ былъ согласиться и уступить. Такъ какъ форма составлена была робко и нерѣшительно, то не было предлога отклонять ее и всѣ присягнули.

Между тѣмъ несогласное съ замыслами Совѣта дворянство дѣлало свое дѣло. Оно рѣшилось подать Императрицѣ прошеніе, чтобы она, отвергнувъ и уничтоживъ живое курляндское письмо, приняла опять титулъ самодержавной. Говорятъ, что Теофанъ подарилъ Аннѣ столовые часы, а подъ доскою ихъ скрылъ плачь, какъ надо дѣйствовать въ рѣшительную минуту ¹⁾. Утро слѣдующаго дня (25-го февраля) заключило собой рядъ этихъ событій. На аудіенціи, выпрошенной дворянствомъ, во главѣ котораго стояли князь Черкасскій и графъ Матвѣевъ, Императрица приказала разорвать предложенныя ей условія и вступила въ права самодержавной Государыни ²⁾.

¹⁾ Записки Дюка Ливійск. стр. 180—181.

²⁾ Теофанъ написалъ на этотъ случай стихи:

На день 25-го февраля.

Въ сей день Августа наша свергла долгъ свой ложный,
Разтерзавши на себе хирографъ подложный,

Когда все успокоилось, начались приготовления къ коронаціи, а вмѣстѣ съ нею опять настали для Феофана тревоги и безпокойства.

Аодъ сообщитъ опять ведетъ насъ къ нашему знакомцу — Родышевскому. Маркелъ жилъ въ симоновѣ монастырѣ довольно свободно. Къ нему ходили всякіе люди съ разными приносами и онъ бывалъ у многихъ лицъ. «Въ симоновѣ монастырѣ, — пишетъ Феофанъ, — былъ онъ, яко за арестомъ; а вольно было къ нему приходить, кто похотѣлъ, и ему честною коляскою выѣзжать, куда изволилъ; и, какъ слышно, определено было ему, не вѣдаю чѣмъ приказаніемъ, довольное и честное пропитаніе».

Какіе же теперь у него были планы и замыслы? Случайность свела его съ новыми лицами, которыя горячо взялись за его дѣло по разнымъ побужденіямъ. Это были — духовникъ Императрицы, троицкій архимандритъ Варлаамъ и бывший директоръ типографіи, Михаилъ Петровичъ Аврамовъ. Мы познакомимся съ этими лицами, имѣющими большое значеніе въ исторіи Феофана.

Аврамовъ родился въ 1681 году; десяти лѣтъ определенъ былъ въ Посольскій приказъ, которымъ, въ ту пору, управлялъ дьякъ Емельянъ Украинцевъ; на осьмнадцатомъ году посланъ былъ для письма и отправленія посольскихъ дѣлъ при послѣ Матвѣевѣ въ Голландію, гдѣ, кромѣ исполненія своихъ прямыхъ обязанностей, обучался рисованію и живописному художеству «и за прилежное обученіе тамошними жителями былъ похваленъ и печатными курантами опубликованъ». При возвращеніи оттуда на кораблѣ, въ Архангельскѣ удостоился быть представленнымъ Государю и съ жалованьемъ

И выняла скипетръ свой отъ гражданскаго ада
И тѣмъ стала Россія весела и рада.
Таково смотрѣніе продолжи намъ Боже,
Да державъ россійской не вредитъ ничтоже.
А ты, всякъ, кто ни мыслятъ вводить строй отманній
Бойся самодержавной, прелестяице, Аппы.
Какъ она бумажка, вси твои подлоги
Растерзанныя падутъ подъ царскія ноги.

Рукоп. новг. семинаріи № 8885).

отпущенъ къ Москвѣ; съ 1702 по 1711 г. находился на службѣ въ Оружейной палатѣ, въ званіи дьяка; а въ 1712 г., по имянному его величества указу, велѣно ему быть на житье въ С.-Петербургъ и перевести съ собою изъ Москвы мастеровыхъ людей оружейной палаты. Аврамовъ назначенъ былъ цейхдиректоромъ оружейной канцеляріи и, по приказанію Петра, занялся устройствомъ с.-петербургской типографіи¹⁾. «За труды мои,—писалъ Аврамовъ,—отъ его величества до толика былъ пожалованъ и возлюбленъ и допущенъ до таковой милости, что чрезъ два года въ пожалованномъ отъ его жъ величества домѣ моемъ во всякую недѣлю благоизволилъ бывать у меня время довольное, и со всякимъ своимъ монаршескимъ благимъ увеселеніемъ изволилъ пріятно веселиться многократно, и съ благочестивѣйшею великою Государынею Императрицею Екатериною Алексѣевною, и съ министрами имѣлъ въ домѣ моемъ столовое кушанье съ монаршескимъ своимъ милосердымъ снисхожденіемъ и съ пріятнымъ увеселеніемъ, и всякое мое служеніе и рабское угожденіе весьма его величеству было отъ меня всегда благоугодно. И видѣвъ я толикую крайнюю его величества къ себѣ милость, первый я и одинъ докладывалъ его величеству, прося повелительнаго указа о сочиненіи полной исторіи о житіи и о премудрыхъ его величества монаршескихъ, Богомъ дарованныхъ, преславныхъ его дѣлахъ и неусыпаемыхъ трудахъ и подвижѣхъ. И получа указъ, первый я началъ и, шесть лѣтъ собирая изъ Кабинета и отвсюду надобныя къ сочиненію той исторіи вѣдомости, въ сочиненіи оной исторіи трудился съ прилежаніемъ, и паки между тѣми трудами и особливую о всѣхъ славныхъ его величества военныхъ дѣлахъ, съ абрисами всѣхъ завоеванныхъ городовъ и баталій и прочихъ прешпектовъ, сочинилъ книгу жъ, которые мои труды были его величеству весьма благоугодны, и между своими и чужестранными министры отъ его величества оныя мои труды

¹⁾ Въ 1721 году, съ передачею всѣхъ школъ и типографій въ синодальное вѣдомство, Аврамовъ уволенъ отъ службы типографскаго цейхдиректора и переведенъ въ Бергъ-Коллегію ассессоромъ. Но въ 1724 г. декабря 15, Государь, бывши въ с.-петербургской типографіи, для распоряженія о печатаніи переведенной съ латинскаго языка Пуфендорфовой книги: *о должностяхъ челоука и гражданина*, приказалъ перевести въ нее Аврамова цейхдиректоромъ по прежнему. (Описание докум. и дѣлъ арх. св. Синода, Т. I, стр. 718—719). «О чемъ ему Аврамову при томъ же и самоустно отъ Государя сказано». Аврамовъ выгово-

стали быть славны¹⁾. И такую видя его монаршескую еще навязшую крайнюю къ себѣ любовь и милость, паче и паче распалился сердцемъ и душею во всякое предъ его величествомъ угожденіе. Тогда исконный всякаго христіанскаго добра завистникъ, лукавый сатана, за небрежное мое роскошное житіе, возмогъ съ лукавыми возмущенными помыслами прикоснуться сердцу моему, подъустилъ окаянный, яко бы для навязшей его величеству рабской моеѣ доброй послуги, надобно просить у его величества новопереведенныхъ и его величеству отъ нѣкоторыхъ якобы разумныхъ людей поднесенныхъ, Овидіевыхъ и Виргиліевыхъ языческихъ книжчищъ, для прочтанія и вѣденія изъ нихъ о языческихъ фабулахъ. И по моему прошенію тотчасъ мнѣ оныя книги изволилъ его величество пожаловать, которыя я читалъ денно и нощю съ прилежаніемъ и съ охотою, и чтаніемъ ихъ обезумился, выхваляя тѣ книги его величеству, и выпрося о напечатаніи оныхъ у его императорскаго величества указъ, краткую изъ оныхъ одну книжицу выбравъ съ абрисами лицъ скверныхъ боговъ и прочаго ихъ сумазброднаго дѣйства, въ печать издалъ, и нѣсколько напе-

---

рилъ себѣ у Государя право: «которыя дѣла имѣютъ быть по именнымъ его императорскаго величества указамъ особливо приказаны мнѣ, чтобы по онымъ безъ доклада синодальнаго отправлять было свободно». Сенатъ отказывалъ ему въ званіи директора и считалъ его только синодальнымъ комиссаромъ въ с.-петербургской типографіи; но Аврамовъ продолжалъ писаться директоромъ. (Типогр. дѣла св. Св. 1724 г. № 19. 1725 г. № 11. 1726 г. № 7). Проектъ Аврамова (1721 г.) объ учрежденіи *Академіи ископаю, живописную и прочія художества* въ Кабин. Дѣлахъ, II, № 57, л. 48—49. № 61 л. 82.—Прошеніе его къ Государю о пожалованіи ему, — выѣсто Крестягъ-кирхи (въ нейшлотск. уѣздѣ), бывшей въ его владѣніи съ 1716 г. и взятой въ 1721 г. назадъ къ галерному строенію, — изъ вотчинъ князя Гагарина села благовѣщенскаго въ шацкомъ уѣздѣ въ Каб. Дѣлахъ II, № 57, л. 40. Такое жъ прошеніе 4 іюля 1723 г. о пожалованія его какому-нибудь милостію за всѣ понесенные имъ труды, особенно за устройство типографіи, въ Кабин. Дѣлахъ II, 65, л. 106. О типографіи въ его управленіе — Описаніе докумен. и дѣлъ арх. св. Синода стр. 464—471.

¹⁾ Устряловъ, въ перечлѣ историковъ Петра Великаго (т. I. Предисл. стр. XXXI—XXXIV) не упоминаетъ объ Аврамовѣ, и мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній объ исторіографическихъ трудахъ Аврамова. Не принималъ ли онъ участія въ трудахъ своего тестя — кабинеть-секретаря Макарова, собиравшаго, по порученію Петра, матеріалы для исторіи его царствованія. Впрочемъ Аврамовъ говоритъ, что онъ меромъ въ сочиненіи той исторіи трудился. Подождемъ, не оправдается ли современемъ претензія Аврамова на званіе пердаго историка Петра Великаго?

чатавъ, велѣлъ оныя въ народѣ публиковать и продавать. Таковыми, сатаною наученными, услугами отъ Бога дарованный смиренномудрый мой умъ въ оной моей жизни сталъ быть весьма помяченъ. За то всѣмъ миролюбивымъ крайне сталъ быть угоденъ, и наипаче тогда, безумный, разглашенъ отъ многихъ умнымъ человекомъ. Отъ таковой человѣческой тщетной славы паче и паче разгордѣвся, потерялъ отъ Бога дарованное смиренномудрое житіе и оттолкъ совершенно уже началъ жить языческихъ обычаевъ погубительное, пространное и широкое, словолюбное и сластолюбное житіе и, забывъ страхъ Божій, впалъ во всякія тѣлесныя прелестныя непотребныя міра сего непрестанныя роскошныя дѣла и забавы, въ пьянство, въ ненасытный блудъ и многое прелюбодѣйство и въ прочія безумныя дѣла и злодѣйства. И въ таковой смрадной тнѣи валяясь не до конца отъ благоутробнаго Бога былъ оставленъ, но, по Его всемогущей, всецѣдрой, отеческой о мнѣ милости, часто иногда чувствовалъ и напоминалъ основательное отъ юности моей воздержное и смиренномудрое христіанское житіе. И таковымъ помысломъ нѣкогда совершенно умилился и опомняся, прибѣгль тогда съ молительными горькими слезами предъ отческій, благословенный отъ родителя моего чудотворный образъ пречистыя Божія матери, именуемой Знаменія, стоящій тогда въ домѣ моемъ. И егда предъ онымъ образомъ совершенно изъ глубины сердечной сокрушился, тогда и спасающая благодать Христова совершенно коснулася заблуждающему, окамененному моему сердцу. Съ сущимъ уже покаяніемъ очистилъ исповѣданіемъ окаянную мою совѣсть и, получа епитимию, сподобленъ причащенія тѣла и крове Христовы, и оттолкъ милостию Божіею паки пачахъ жити во всякомъ воздержаніи, борясь денно и ноцно съ плотію, съ міромъ и съ сатаною, положи тогда во умѣ моемъ твердое намѣреніе оставить міръ и всю его суету и маловременную прелестную красоту; къ тому жъ тайно на тѣлѣ моемъ ношеніемъ тяжкой и острой власняицы наипаче воющую мою плоть до конца истлѣлъ и умертвилъ. Таковое мое житіе хотя укрыть предъ Государемъ и предъ всѣми людьми, часто оговаривался, яко бы имѣю чахотную тяжкую болѣзнь. Въ таковой же моей жизни еще и случались на меня отъ бѣсовъ и отъ самаго сатаны, и отъ угодниковъ его, злоковарныхъ, лукавыхъ, завистливыхъ человекъ

частыя нападенія: овогда разными нечистыми сонными привидѣніями смущая чистые мои помыслы, овогда и явно отстрашывая отъ заложнаго житія моего разными прелестными помыслы, колеблюще чистую мою совѣсть; иногда ночью бѣси взломали подо мною полъ свѣтлицы моя, который обычно прибитъ былъ гвоздьми прибойными; иногда же на зарѣ утренней въ свѣтлицахъ моихъ учинили страшный громъ невидимой нѣкакой тяжелой вещи катаніемъ; овогда въ банѣ мой такъ полъ и полки взломали, что и смотрѣть было удивительно; и тоя жъ ночи, увязя голову въ ясличныхъ поперечникахъ, удавили возника моего; и прочія множественныя малосносныя терпѣнію человѣческому между женою и всѣми людьми моими смущенія, унынія и пустошныя ссоры и беспокойства непрестанно наносили; но, по милости Исусъ Христовѣ, отъ злохитраго его сатанинскаго и угодниковъ его лукавыхъ чловѣкъ многаго на меня злоковарнаго нападенія сильно оборонялся трудолюбнымъ и воздержнымъ житіемъ, молитвою и постомъ. Между же всѣмъ тѣмъ, егда въ прошломъ 1716 году поднесъ его императорскому величеству генералъ Яковъ Брюсъ, при самомъ тогда отбытіи его величества въ Голландію, новопереводную атеистическую книжичищу, со обыклымъ своимъ предъ Государемъ въ безбожномъ, въ безумномъ, атеистическомъ сердцѣ его гнѣздящимся и крыющимся хитрымъ льщеніемъ, весьма лестно выхваляя оную и подобнаго ему сумазброднаго тоя книжичищи автора Христофора Гюенса, якобы оная книжичища весьма умна и ко обученію всенародному благоугодна, а наипаче къ мореплаванію весьма надобна, и таковою своею обыклою безбожною лестію умысленно окрала Государя: которую книжичищу принявъ Государь и не смотря, призвавъ меня, накрѣпко изволилъ мнѣ приказать для всенародной публики напечатать оныхъ цѣлый выходъ, 1200 книгъ; и по тому именному указу, по отбытіи его величества, разсмотрѣлъ я оную книжичищу, во всемъ богопротивную, вострепетавъ сердцемъ и ужаснувся духомъ, съ горькимъ слезъ рыданіемъ, палъ предъ образомъ Богоматери, бояся печатать и не печатать; но, по милости Исусъ Христовѣ, скоро положилоса въ сердцѣ моемъ, для явнаго обличенія тѣхъ сумазбродовъ-безбожниковъ, явныхъ бегоборцевъ, напечатать подъ крѣпкимъ моимъ присмотромъ, вмѣсто 1200 книгъ, токмо 30 книгъ, и оныя запечатавъ,

спряталъ до прибытія Государева. Егда его величество изволилъ возвратиться изъ Голландіи въ С.-Петербургъ, тогда я, взявъ вышереченную напечатанную сумазбродную книжичищу, трепещущъ поднесъ его величеству, донесши обстоятельно, что оная книжичища самая богопротивная, богомерзкая, токмо единому со авторомъ и съ безумнымъ льстивымъ ея подносителемъ, переводчикомъ Брюсомъ, къ единому скорому угодна въ струбѣ сожженію: которую тогда его величество для разсмотрѣнія принять отъ меня изволилъ и, разсмотря, спустя съ двѣ недѣли, въ народъ публиковать ихъ не приказалъ, а изволилъ приказать оныя напечатанныя книжичищи для отсылки въ Голландію отдать сумазбродному переводчику Брюсу по многой его къ Государю доукѣ. Тогда же скоро благоизволилъ чрезъ меня, послѣдняго изверга, о заблужденіи и о лукавыхъ вымыслахъ еретиковъ Θεодосія, Θεофана, Гаврііла и прочіихъ ихъ единомышленникахъ объявить сицевымъ образомъ. Егда оныя лестцы, вкратчися во многуотружденную его святую монаршескую душу и оболѣстя его, смѣло начали поносить и ругать сущее древнее благочестіе, и черезъ тетрадки и книжичищи и словесно потщались вводить свое злочестивое лжеученіе, святыя церкви съ явнымъ ругательнымъ поношеціемъ, и явно уже начали посты святые раззорять, дѣла добрая, яко ко спасенію непотребная, отвергать, покаяніе и умерщвленіе плоти, аки нѣкая баснословія вмѣнять, безженство и самовольное убожество въ смѣхъ обращать, дѣвство, аки вещь отнюдь не возможно быти, непщевать, и прочія стропотныя и узкія пути жестокаго христіанскаго житія въ стези гладки и пространны измѣнять, и тако, подъ покрываломъ имени христіанскаго, стали вездѣ осматривать и перебирать святыя мощи, ломать часовни и обирать святые образы, и обдирать ихъ привѣсы и оклады, уничтожать всѣ чудотворные образы, и прочія многія не на созиданіе истины, но на явное святыя церкви раззореніе и древняго сущаго благочестія на опроверженіе, о нихъ же всѣмъ православнымъ христіанамъ еще и тогда-жъ стало быть весьма видно, и по се время во всѣхъ благочестивыхъ сердцахъ съ сожалѣніемъ сердечнымъ о томъ сущемъ извѣстно, обаче никто тогда за страхъ устъ своихъ отверсти могъ; егда же сущаго лютерскаго еретичества шпанствомъ бѣснующійся ересіархъ Θεодосъ въ приходской церкви

чудотворный образъ пречистыя Богородицы, именуемой Казанскія, съ явнымъ обругавъ поношеніемъ, ободралъ съ него вѣнецъ и прочее богатое украшеніе и привѣсы, возилъ оный образъ съ собою съ самымъ ругательствомъ: — тогда я написавъ на онаго еретика съ единомышленники его, съ доказательствами объ ихъ лукавыхъ замыслахъ, къ Государю челобитную, не обинуясь во дворцѣ подавъ его величеству, и тогожъ дня изволилъ его величество въ новопостроенномъ домѣ генерала господина Чернышева, у котораго тогда были крестины, со мною удивительно болѣе часа, по челобитью моему, многіе имѣть разговоры, и съ сущемою милосердію монаршескою своею милостію отпустить меня изволилъ, а потомъ вскорѣ, въ день торжества рожденія цесаревны Елизаветы Петровны, на старомъ почтовомъ дворѣ при мнѣ публично за столомъ его величество, гдѣ изволила тогда присутствовать и Государыня Императрица, съ покойнымъ митрополитомъ рязанскимъ Стефаномъ, при Ѳедосѣ и Ѳеофанѣ и Гаврилѣ и при прочихъ ихъ единомышленникахъ, и при прочихъ архіереяхъ и при министрахъ, изволилъ его императорское величество о чудотворныхъ образахъ и другихъ святыхъ церкви догматахъ имѣть многіе разговоры. И послѣ того времени оныя отчаянные смѣльчаки, яко земляныя кроты забився въ норы, съ излишними своими вымыслами на долгое время было утихли, а потомъ паки мало-по-малу возникли и, паче прежняго укрѣпяся, привели его величество и въ сочиненномъ ими и отъ нихъ названномъ Духовномъ Регламентѣ подписаться и, подъ тѣмъ монаршескія руки страхомъ, духовныхъ и мірскихъ особъ, безъ разсмотрѣнія о крыющихся въ ономъ Регламентѣ ересяхъ, всѣхъ принудили подписаться. Тогда явно открылся съ небесе гнѣвъ Божій: во время оно, въ самое совершеніе благодарственныхъ о томъ службы Божіей, явно сталъ быть измѣненъ Государь въ своемъ здравіи, — опустились бо тогда лица его скрانیи и самый видъ лица его въ сущую скорбь измѣнился. Ей-ей не лгу, но самую истину пишу. Явно бо и моимъ сердечнымъ очамъ Богъ тогда открылъ его императорскому величеству происшедшую во здравіи въ наказаніе перемѣну. Сего ради паче и паче многократно потомъ съ самымъ жалостнымъ сердечнымъ моимъ сокрушеніемъ, во удобное удивительное время, въ типографіи или гдѣ токмо могъ случай улучшить, между раз-

говорами другихъ дѣлъ, возымѣвъ смѣлость о цѣлости церковной, о правосудіи, о введеніи всякой правды и о лукавомъ воровствѣ оныхъ вышереченныхъ . . . . подъ овчими кожами покровенныхъ еретиковъ, во осторожность его величеству неоднократно о всемъ вышереченномъ предлагалъ, а по немъ и Государынѣ Императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, словесно же и письменно о дѣлахъ благихъ доносилъ и, получа имянной ея величества по докладу моему указъ, въ поминованіе Государя книгу Камень вѣры въ печать произвелъ. А въ державу его императорскаго величества Петра II и цѣлую письменную мою книгу *о блазиахъ во общество дѣлаахъ* своеручно его величеству вручилъ, которая досталась въ руки лукаваго Остермана и у него до времени погасла»¹⁾.

Изъ этой автобіографіи Аврамова видно, что Аврамовъ былъ человекъ изжитый, проникнутый ревностію по вѣрѣ, но неимѣвшій образованія и необходимой подготовки для сужденія о церковныхъ дѣлахъ. Чтобы составить о немъ полное понятіе нужно познакомиться съ его проектами, которые онъ подавалъ всѣмъ государямъ, начиная съ Петра I, Петру II, Аннѣ Іоанновнѣ и Елисаветѣ Петровнѣ.

Въ проектѣ, поданномъ Петру I, Аврамовъ совѣтывалъ учредить въ Россіи государственныхъ адвокатовъ, которые бы принимали отъ просителей челобитныя и доношенія и, разсмотрѣвши ихъ, посылали въ надлежащія мѣста, наблюдали, что по нимъ будетъ чиниться и ежедневно рапортовали о томъ въ высшій судъ. Высшій судъ, выслушавъ тѣ рапорты и положивъ краткую сентенцію, будетъ отправлять ихъ въ тѣ мѣста, гдѣ производится дѣло, давъ съ того опредѣленія за руками копіи. На этихъ же адвокатовъ Аврамовъ полагалъ возложить попеченіе о колодникахъ, больныхъ въ госпиталяхъ и бѣдныхъ рабочихъ.

«Мнитсѣ быти добро — писалъ онъ далѣе въ томъ же проектѣ — повелѣть во всѣмъ государствѣ всякаго чина жителямъ избирать между собою мужей смысленныхъ ежегодно, и изъ нихъ опредѣлять жребіемъ директоровъ и прочихъ имъ помощниковъ

¹⁾ Автобіографическія подробности оуъ Аврамовѣ заимствованы изъ Челобитной его императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, находящейся въ Государственномъ архивѣ.

въ каждой дворцовъ тысячѣ, которымъ въ своихъ дворѣхъ всякаго чина и пола людямъ имѣть переписныя книги, и по тѣмъ книгамъ о положенныхъ сборахъ и о всякомъ человѣческомъ нравованіи и о бѣдныхъ людяхъ о правильномъ призрѣніи ихъ имѣть попеченіе. Противъ той переписи напечатать толикое число въ малыхъ тетрадочкахъ: Славословіе Божіе, Царю небесный, Псаломъ пятидесятый, Символъ, Заповѣди Господни и церковныя кратко, — и тѣ тетрадочки разослать къ архіереямъ по епархіямъ, а имъ роздать и разослать всѣхъ церквей къ священникамъ. Начальникамъ же всѣхъ персонъ своей тысячи ежегодно представлять предъ архіереевъ въ епархіяхъ, а гдѣ не обрѣтается архіерея, то своего прихода предъ священниковъ. Имъ же каждую персону отпустить съ сущимъ благословеніемъ, отдавъ тетрадочку всякому, поучая страха Божія обучатися, и тое раздачу отмѣчать въ переписныхъ книгахъ; по которымъ тетрадочкамъ въ слѣдующій годъ предъ ними каждому отвѣтствовать. А тѣ тетрадочки всегда при себѣ имѣть всякому и тщиться читать или слушать по вся дни со вниманіемъ. За подкомандными смотрѣть накрѣпко, чтобъ были въ своихъ опредѣленныхъ дворѣхъ по вся дни съ предложеніемъ, дабы въ каждомъ домѣ, при собраніи всѣхъ домашнихъ, прочтены были вышереченныя тетрадочки, о чемъ по вся дни репортовать своимъ директорамъ письменно». Наконецъ, Аврамовъ совѣтуетъ учредить школы, страннопріимницы, госпитали и, для этой цѣли, предлагаетъ принять у него, съ его мѣдноплавильнаго завода, нѣсколько сотъ пудовъ мѣди и передѣлать ее въ деньги, которыми и уплачивать государственныя расходы.

Послѣ Петра, Аврамовъ какъ видно изъ его автобіографіи, подавалъ такіе же проекты Екатеринѣ и Петру II. Но поданный этому Государю проектъ «попалъ въ руки лукаваго Остермана и до времени погасъ». Въ 1730 году, Аврамовъ подалъ такой же проектъ Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, подъ заглавіемъ: *«О должности, какъ ея императорскому величеству управлять христіанскою, боговрученною ея величеству имперією»*. Проектъ его состоитъ изъ 27 пунктовъ, изъ которыхъ мы выпишемъ главнѣйшіе. «Въ началѣ всего, по заповѣди Христовой, настоящую присяжную страшную клятву впредь весьма оставить на-

добно, понеже о томъ и св. Златоустъ въ бесѣдахъ на дѣянїя, въ нравоченїи восьмомъ, пишетъ, яко клянущїеся ниже на прагъ церковный вступить суть достойны, и не клястися отнюдь, паче же Бога свидѣтеля не призывать. Наипаче же, для самаго сущаго и глубочайшаго вашего величества предъ Спасителемъ Богомъ смиренїя, потребно быть въ Россїи пакы святѣйшему патриарху, самому благоговѣйному мужу, *не отъ польскихъ и малороссійскихъ людей*, съ которыми, за оное крайнее вашего величества христіанское смиренїе, безъ сомнѣнїя, вся дѣла, во имя Христова, исправите въ наилучшее. Весьма надо бы имѣть вашему величеству всѣхъ дѣлъ своихъ вершенныхъ, и которыя еще замышлены быть имѣютъ и дѣйствоваться, всегдашнюю записку, что въ которое время указомъ чинить повелѣно будетъ, или что впредь чинить положится, также и походы и вся повседневныя дѣйства и поступки, ради многихъ пользъ, отъ сего имѣющихъ проїзойти, а наипаче ради исторїи вѣчной достохвальнаго вашего царствованїя. Ради записки повседневныхъ дѣйствъ вашего величества имѣть одного избраннаго и вѣрнаго человѣка, которому открывать всѣ свои намѣренїя и указы. Онъ бы избранный вашего величества тайныхъ дѣлъ прїобщикъ, записывая обстоятельно вся ваши повелѣнїя и указы, такожде дѣйствїя и проважденїя повседневныя, и усмотрѣвъ время свободное вашему величеству, когда изволите упраздниться отъ дѣлъ, прочитывалъ исправно предъ вашимъ величествомъ. Праведно бы онъ доносилъ вашему величеству, что усмотритъ къ лучшей христіанской пользѣ, въ премудрыхъ совѣтахъ указовъ и повелѣнїй вашихъ изъяснялъ бы правилами Божиими и законами св. отецъ и гражданскими оные ваши указы. Во всемъ съ патриархомъ о полезномъ правленїи духовенства Россійскаго сноситься и о лучшей пользѣ промышлять, чтобъ оное духовенство въ древнее ввѣсть благочїнїе и доброе благосостоянїе. И всѣ гражданскїе уставы и указы обрѣтающїеся съ нимъ разсмотрѣть прилежно, согласны ли они съ закономъ Божиимъ и церковными св. отецъ уставами, такожде и съ преданїями церковными и, буде которые не согласны, тѣ бы отставить, а впредь узаконять въ согласїи Божьяго закона и церковнаго разума».

Кромѣ этого краткаго проекта, Аврамовъ написалъ еще пространнѣй и подалъ архимандриту Варлааму для представленїя ея

величеству. — Наконецъ, по ревности своей къ похвалѣ ея величества, онъ написалъ книгу подъ заглавіемъ: *«усердіе отринуть рабовъ, немогущее отупить сердца отмститися, аки отъ или источника воды живыя»*.

Что за лицо былъ духовникъ Императрицы — Варлаамъ?

Намъ не случалось ни читать ни слышать, чтобы это лицо заявило себя чѣмъ-нибудь со стороны ума, характера и разумнаго труда на пользу Церкви. Напротивъ, всѣ свидѣтельства выдаютъ его челоукомъ малообразованнымъ, искательнымъ, льстивымъ, наружно-благочестивымъ, но неразборчивымъ на средства къ достиженію своихъ цѣлей. Мы не знаемъ, съ чего и какъ началась его карьера; но въ 1710 году встрѣчаемъ его переславскимъ архимандритомъ и духовникомъ Императрицы (въ ту пору еще просто) Екатерины Алексѣевны ¹⁾.

¹⁾ Письма его къ Екатеринѣ:

1) «Отъ архимандрита Варлаама по дарованію Святаго Духа дочери моеи Екатерины Алексѣевнѣ благодать Божія и миръ съ благословеніемъ. Здравствуй мой свѣтъ на множество лѣтъ, за прежнія твои ко мнѣ убогому писанія челоукъ бью. А впереди о томъ же прошу, моя дорогая, да не буду лишень таковыя благодати прежде бывшія мнѣ отъ тебе. Держави просить у милости твоея за Акулину Петровну, о чѣмъ прошеніе ея къ милости твоей будетъ чрезъ посланнаго; по силѣ своей трудъ милостивной изъяви къ пустотѣ ея, а за милость твою будетъ вѣчная богомолица. По семъ во охраненіе Божіе милость твою предаю и нижайшее поклоненіе полагаю. Декабря 11-го 1710 г.»

2) «Радость наша и всероссійская Государыня, благовѣрная Царица и великая княгиня Екатерина Алексѣевна! Вашего пресвѣтлаго величества милостивое писаніе къ моему странствію получилъ съ любовью душевною, февраля въ 28 день, въ которомъ, по желанію нашему, объявлено о здравіи его царскаго величества, куди же и ваше со дражайшими дѣтками и про отправленіе пути своего на Олонецъ. И за превысочайшую вашу государскую милость Богу благодарственное, моленіе церковнѣ и келейнѣ приносив радуюся. А впереди пакы съ жаждою прошу нечто иное, токмо о здравіи вашего пресвѣтлаго величества не унедати, да не буду лишень таковыя радости, въ чѣмъ вся Россія радостію радуется и веселіемъ веселится. Вашего пресвѣтлаго величества днепощный богомолецъ чернецъ Варлаамъ, данилова монастыря, что въ Переславѣ, архимандритъ, поклоненіе полагаю, яко предъ самимъ лицомъ вашего величества. Марта 6-го 1719 году.— Еще вашего милосердія прошу державенно о писаніи, дабы часто слышалъ ваше пресвѣтлое

Вскорѣ послѣ учрежденія Синода, Варлаамъ попалъ было подъ слѣдствіе за одно, довольно крупное дѣло, которое открылось

величествомъ во здравіи и благополучномъ пребываніи, отъ чего не могу вспомниться, обще и не письмами. Но отъ многихъ людей которые изъ Санктпетербурга бывають къ намъ, того и спрашиваю: видѣлъ ли царское величество и Царицу Государыню и каковы они, государи, во сворѣ здоровь? Нѣтъ нѣтъ на свѣтѣ больше сея радости, когда слышу вѣсть радующихся.

3) «Всемилостивѣйшая Государыня наша, всероссійская радость, благовѣрная Царица и великая княгиня Екатерина Алексѣевна! Много писать до вашего величества не нѣбю, но токмо всегда горитъ сердце мое, како бы слышать о здравіи всемилостивѣйшаго Государи и о вашемъ величества здравіи, купно съ любезнѣйшими дѣтьми и внучатами. Протчее же не съ сумнѣннымъ моимъ надѣяніемъ предавъ мене въ ваши государевы святыя почитанья, униженно съ достожданнымъ моимъ поклоненіемъ ко святымъ вашимъ государевымъ стопамъ, яко предъ самымъ лицемъ вашего величества припадаю. Высокобожескою вашею милостию взысканный чернецъ Варлаамъ даніловскій архимандритъ. Генваря 28-го дня 1721 года. — Не оставь матушка въ забвеніи разореннаго пожаромъ и монастыря нашего».

4) «Всемилостивѣйшая Государыня наша, благовѣрная Царица и всероссійская заступница, Екатерина Алексѣевна. Благодарствую вашу къ себѣ высокобожескую милость чрезъ милостивыя ваши государскія посланія вашего величества. И впредь прошу, дабы нижайшій вашъ богомолецъ былъ увѣдомленъ вашею къ себѣ высокобожескою милостию чрезъ ваше государское милостивое посланіе о здравіи всемилостивѣйшаго нашего Государи и вашего величества, чего я богомолецъ вашъ отъ сердца усердно повсечастно слышати желаю. А у насъ, всемилостивѣйшая Государыня наша Царица, намъ ваше величество — радость наша и воскресеніе наше. И всегда спрашиваемъ о вашемъ государскомъ здравіи, тѣмъ духовно и веселимся, когда услышимъ вѣсть здоровыхъ, свѣтлыхъ и благополучныхъ. Вашего пресвѣтлаго величества нижайшій богомолецъ, чернецъ Варлаамъ, даніловскій архимандритъ, лицеземное поклоненіе полагаю и Бога всегда молю. — Старицы Наталія и Есепрь благодарствують за ваше государское милостивое писаніе и непрестанно Бога ходятъ».

5) «Благочестивѣйшая и премилостивѣйшая великая Государыня наша, Императрица Екатерина Алексѣевна, мати всего міра. Вашему пресвѣтлѣйшему величеству, со благочестивѣйшимъ и премилостивѣйшимъ Государемъ нашимъ, Петромъ Великимъ, Императоромъ и самодержцемъ всероссійскимъ и государынями цесаревнами, желаю здравія и всякаго благополучія на многая лѣта. Благодарствую, матушка наша всероссійская, вашею государскою высокобожескою милостию ко мнѣ низерному полученною чрезъ ваше Государское милостивое писаніе, въ которомъ извѣстися азъ убогой вашъ богомолецъ о здравіи всемилостивѣйшаго Государи, что его императорское величество, купно и съ вами и съ любезнѣйшими вашими дѣтьми, защищеніемъ Вышняго въ добромъ обрѣтаетесь здравіи. И азъ убогой чернецъ, высокобожескою вашею милостию взысканный, Всевышнему благодареніе съ братією воедагъ съ молеб-

въ 1721 году, по доносу мѣстнаго инквизитора; но Государь,

нимъ пѣиємъ и съ радостными слезами. А и впредь — будущее время жизни моея вашему пресвѣтѣйшему величеству желаю отъ сердца и отъ моей души съ прилежностію многолѣтняго здравія, во всякомъ благополучномъ пребываніи. Извѣстно чиню вашему величеству о старицѣ Есефирі, бывшей мнѣ дочери по духу, которую имѣлъ за добраго человѣка, явилась бездѣлицею, яко волакъ цокрыта овчею кожею, почему мнѣ за этою лестію узнать было не мочно, а нынѣ явилась зминымъ ядомъ; а именно не восхотѣ благословенія и удалися отъ мене, произошла на игуменство лукаво и многимъ льщеніемъ того монастыря попомъ и слугамъ и малоумнымъ старицамъ, которые на леств учинилися склонны и, утаяса другихъ старицъ, руки приложили объ ней на игуменство къ доношенію, а за иныхъ руки прикладывали за очи. И по той заочной челобитной произошла на игуменство. А вашу государскую нямной указъ, съ которымъ была я посланъ въ мнѣнувшую зиму сказать имъ старицамъ на соборѣ, чтобъ въ монастырѣ своемъ старицу выбрали на игуменство добрую, окромѣ Есефирі, — и та Есефирь олюбила на меня и начала ухищрять старицъ и сказала имъ, будто я такой указъ сказалъ не по вашему милосердому повелѣнію, но самовольно. И на такихъ ихъ глухыхъ мысляхъ бѣдной чернецъ и остался съ великимъ терпѣніемъ до приславнаго отъ вашего величества милостиваго писанія. А нынѣ оную Есефиръ указомъ изъ святѣйшаго Синода перевели на игуменство въ богородицкой монастырь, что въ Переславѣ въутрь города. А по старицу Елизаветъ, о которой была отписка за моею рукою подана вашему величеству, ваше величество изволила отослать въ святѣйшій Синодъ Васильемъ Дмитріевичемъ, указомъ же синодскимъ выслали въ Москву къ произведенію въ игумены. Азъ же убогой старецъ претерпѣваю напасти, уповаю на Бога и на вашу равнобожескую ко мнѣ милость, и не хочу щенія за себя ни единому человѣку. Вашего величества, моего о Христѣ спасителя и хранителя, премилостивѣйшей Государыни нашей, всякихъ благъ желатель, недостойный богомолецъ, Варлаамъ архимандритъ, яко самаго Христа ноги ваша объемля кланяюся. Сентября 19-го 1723 году». (Государств. архив. Собраніе писемъ разныхъ лицъ къ Екатеринѣ I.)

6) Всепресвѣтѣ — благочестивѣйшая и самодержавнѣйшая великая Государыня наша Императрица Екатерина Алексѣевна, мать всего міра российскаго. Вашему пресвѣтлому величеству купно съ любезнѣйшими вашими дѣтьми желаю здравія и всякаго благополучнаго пребыванія на многая лѣта, и прошу Всевышняго Бога какъ келейнѣ такъ и церковнѣ, со всею о Христѣ братією, о нашемъ императорскомъ многолѣтнемъ здравіи и о любезныхъ вашихъ дѣтяхъ, а нашихъ государей премилостивыхъ. Вашего пресвѣтлаго величества прошу, прикажи порадовать малодушнаго чернца — отписать одну строку о своемъ многолѣтнемъ здравіи и дѣтей вашихъ любезныхъ, чего отъ сердца по всякъ часъ слышать желаю, вашего пресвѣтлаго величества, моего о Христѣ особливаго въ бѣдахъ и напастѣхъ хранителя, премилостивѣйшія Государыни нашей, всякихъ благъ желатель, недостойный богомолецъ, Варлаамъ архимандритъ даниловскій, яко самаго

безъ сомнѣнiя по ходатайству его духовной дочери, простигъ ему вину его, какъ бывшую до учрежденiя Синода ¹⁾). Въ 1726 году, 14-го iюля, Варлаамъ переведенъ въ троицкiй сергiевъ монастырь ²⁾; а послѣ возшествiя на престолъ Императрицы Анны Иоанновны получилъ отъ нея въ даръ мызу на петергофской дорогѣ (бывшую прежде дачею сестры государыниной Екатерины Иоанновны), гдѣ устроилъ церковь и небольшой монастырь, въ которомъ былъ потомъ (въ 1737 г.) и погребенъ.

Къ этому то лицу прикнулъ теперь Родышевскiй. Оно было тайною пружиною всѣхъ послѣдующихъ дѣйствiй Маркелла.

Христа ножки ваши объемя кланяюся. Марта въ 2 день 1726 году, Черславль. (Государств. архив., Кабинет. Дѣла, кн. 80, стр. 157).

¹⁾ Кантемиръ изобразилъ его, можетъ быть въ преувеличенно-рѣзкихъ чертахъ, въ Сатиры къ Теофану, архиепископу новгородскому:

Въ уголь спрятавшись, потомъ глаза въ землю втунить;
Чуть слышно, что говорить; чуть, какъ ходить, ступить.
Чотки всегда въ рукахъ; на всякое слово
Страшное имя Христа въ устахъ готово.
Молебны пѣть и свѣчи класть склоненъ безъ мѣры
И превосходство сто разъ выхваляеть вѣры
Тѣхъ, кои церковную славу расширили
И великолѣпнѣе храмъ Богу сооружили.
Душа — де какъ подлинно будетъ наслаждаться
Вѣчныхъ благъ: слово къ чему — можешь догадаться.
О доходахъ говорить церковныхъ склоняеть,
Кто дакъ, чимъ жирѣеть онъ, того похваляеть.
Другое всяко не столь дѣло годно Богу
Тѣмъ однимъ легку сыскать можешь въ рай дорогу.
Когда въ гостяхъ за столомъ, и мясо противно
И вина нехочеть пить: да то и не дивно.

.....

За всегда совѣтуеть гнѣва удаляться, но ищетъ въ прахъ стерти
Тайно недруга; недасть покою по смерти.
Всевяда Творца бѣднякъ мнить привести въ обманство,
Кои зреть людей правоту и зло окаянство.

(Сатиры Кантемира, изд. Смирдина, 1847 г., стр. 65—66. прим. 2, гдѣ изображаемое лицо прямо названо *Варлаамомъ*).

²⁾ Высочайшiй именной указъ Варлааму: «Честнѣйшiй отецъ! Понеже троицкiй сергiевъ монастырь нынѣ въ худомъ состоянiи находится, а намъ, какъ мы слышали, что монахамъ хлѣбъ даютъ овсяный: того ради, на мѣсто бывшаго въ томъ монастырѣ архимандрита Гавриила, который нынѣ определенъ епископомъ, велѣли мы перевести въ троицкiй монастырь васъ архимандритомъ и надѣемся, что вы тотъ монастырь исправите и въ доброе состоянiе приведете. 14-го iюля, 1726 г.» (Кабин. Дѣла, 1, № 81, л. 180).

Сборникъ П' Отд. Н. А. Н.

18

Придворное положеніе давало ему силу и значеніе. Многіе думали даже, какъ и самъ онъ увѣренъ былъ, что его сдѣлають патриархомъ и рассчитывали на его будущее положеніе. Свиданія Родышевскаго съ Варлаамомъ сначала не были часты и разговоры не могли быть откровенны, потому что Варлаамъ былъ слишкомъ остороженъ и скрытенъ; но, на свою бѣду, вмѣшался въ ихъ дѣло. Аврамовъ, одинъ изъ тѣхъ, какихъ всегда много собирается вокругъ вліятельныхъ духовныхъ лицъ, и завелъ Маркелла въ такіа дебри непроходимыя, изъ которыхъ уже трудно было выбраться.

Аврамовъ бывалъ у Варлаама и толковалъ съ нимъ о современныхъ лицахъ и событіяхъ. «Приходилъ къ нему по утрамъ, до пріѣзду всякихъ властей и господъ, рано и часто, мало не по вся дни, и лошадей своихъ съ санями оставивалъ на тронцкомъ подворьѣ и входивалъ къ нему, архимандриту, въ келью; разговоры имѣли многожды наединѣ и въ то время всѣхъ прочихъ высылали вонъ въ другія кельи». У нихъ было много общаго во взглядахъ и въ понятіяхъ. Но одинъ былъ остороженъ и скрытенъ: другой многорѣчивъ и распущенъ; — одинъ защищенъ былъ своимъ положеніемъ и укрывался за него при всякомъ случаѣ: другой выставялъ на видъ свою ревность къ вѣрѣ и шелъ на встрѣчу всякимъ непріятностямъ, утѣшаясь мыслію о страданіи за вѣру; — у одного извѣстный складъ понятій былъ слѣдствіемъ его неразвитости; у другаго — реакціей противъ прежней распущенности; — одинъ про себя жилъ по барски: другой тайно мучилъ себя веригами и разными лишеніями.

Аврамовъ льстилъ ему, какъ единственной надеждѣ Церкви — свѣтлой звѣздѣ, сіяющей среди всеобщаго мрака невѣрія и нечестія, — будущему патриарху, который исторгнетъ съ корнемъ лютерскія и кальвинскія ереси, распространившіяся въ народѣ и поддерживаемыя самими церковными правителями. Обоиимъ оберегателямъ вѣры и благочестія Родышевскій (общій ихъ знакомецъ) казался мученикомъ за вѣру, за святое православіе. Аврамовъ спросилъ Варлаама: «нельзя ли попросить Императрицу, чтобъ освободить Маркелла изъ подъ караула?» — «Пусть напишетъ прошеніе — отвѣчалъ Варлаамъ — а на книги, что знаетъ, изъясненіе». Аврамовъ передалъ отвѣтъ Варлаама Родышевскому и сказалъ, чтобъ онъ написалъ прошеніе съ изъясненіемъ протѣвъ

Феофана. Родышевскій написалъ на высочайшее имя прошеніе и отдалъ Аврамову, а Аврамовъ Варлааму.

«Имѣются предложенія мои съ пунктами о правотѣри въ правительствующемъ Сенатѣ на новгородскаго архіерея Феофана въ противностяхъ его къ святой Церкви, по которымъ предложеніямъ моимъ и по пунктамъ доселѣ суда не произведено, а я многожды и иманъ и битъ и давленъ и едва не удушенъ и кованъ, и единожды со всего не токмо монашескаго, но что ни было на мнѣ платья совлеченъ, такъ многое время сидѣлъ подъ жестокии карауломъ, о чемъ въ дѣлѣ въ Сенатѣ и Преображенскомъ приказѣ обрѣтается. Всемилостивѣйшая Государыня Императрица! Вашего императорскаго величества прошу, повели, великая Государыня, оное дѣло ради самаго Бога передъ самую себя взявъ, рассмотреть и мнѣ съ нимъ, новгородскимъ архіереемъ, очную ставку дать. А при сей челобитной и подобни тѣмъ, каковыя я могъ спамятовать и подалъ на него архіерея новгородскаго, пункты предлагаются. Пункты эти почти тѣ же самыя, которые мы видѣли выше въ изложеніи процесса Родышевскаго съ Феофаномъ въ 1726 году. Но Родышевскій присовокупилъ къ нимъ реэстръ свидѣтелей, при которыхъ имѣлись отъ новгородскаго и отъ его согласниковъ и учениковъ противности церковныя.

Вмѣстѣ съ прошеніемъ и пунктами Родышевскій подалъ Варлааму на высочайшее имя прошеніе, чтобы еретическія руки Феофана, архіерея новгородскаго, не допускать до муропомазанія и коронованія ея императорскаго величества, потому что-де втораго императора, Петра Алексѣевича, короновалъ онъ Феофанъ и Государь-де скоро скончался; чтобъ-де и ея императорскаго величества здравіе охранить». Аврамовъ подалъ и эту челобитную Варлааму; но, подалъ ли Варлаамъ Государынѣ, неизвѣстно.

Въ одно время съ нимъ подалъ такую же челобитную Государынѣ другой противникъ Феофана — Носовъ.

«По истиннымъ моимъ объявленіямъ, бывшій псковскій архіерей, что нынѣ новгородскій же, Феофанъ, съ общаго согласнаго совѣта съ (бывшимъ новгородскимъ архіереемъ) Федосомъ содержавъ престолъ псковскаго архіерейства, не только тожь чинилъ, но и превосходство во многихъ преступленіяхъ показавъ, такъ что всѣхъ онаго злодѣйствъ, кромѣ того, ежелибъ онъ самъ при-

шелъ въ чувство и объявилъ своимъ показаніемъ, и слѣдовать невозможно. Но однакожь о извѣстныхъ, якобы уже о изслѣдованныхъ, и здѣ объявляется. Во время архіерействованія своего въ Псковѣ многія святыя церкви и монастыри, для богомерзкаго своего лакомства, псковскому архіерейскому дому приписалъ, отъ которыхъ вотчины и всякіе доходы отнялъ и къ оному дому присокупилъ и священнослужителей отрѣшилъ и тѣмъ оныхъ безгласныхъ учинилъ. Ещежь отъ нихъ церковныя имѣнія, всякую утварь и колокола, отобравъ распродавъ и въ непристойныя монашеству роскоши употребилъ. А колико въ бытность его во Псковѣ церквей и монастырей къ помянутому дому приписано и опустошено, о томъ имѣется извѣстіе и въ псковскомъ архіерейскомъ домѣ; токмо о забранныхъ отъ тѣхъ церквей и монастырей имѣніяхъ о вѣрностномъ отъ того дому отвѣтствіи, безъ допросовъ отрѣшенныхъ священнослужителей, надежды не имѣется, для того, что много оныхъ брано и безъ записокъ. Онымъ же злодѣемъ, Феофаномъ, и въ главной соборной ризницѣ со священныхъ облаченій крупный жемчугъ обираетъ, который сообщникомъ его, таковымъ же церковныхъ имѣній татемъ, іеродиакономъ Адамомъ продаванъ и получаемыя деньги на общую ихъ, непристойную монашеству, роскошь употреблены: изъ каковыхъ облаченій и въ Суднодѣ епитрахиль и пелена въ лицѣ поличнаго имѣется. По его же Феофанову велѣнію, бывшимъ при немъ судію, архимандритомъ Маркелломъ Родышевскимъ, собранныя отъ святыхъ иконъ привѣски отвезены въ Ригу и промѣнены на нѣскольکو бутылокъ заморскихъ питей, а о количествѣ долженъ объявить помянутый Родышевскій. Въ оное жъ свое архіерействованіе во Псковѣ какъ собранному до него, такъ и при немъ родившемуся хлѣбу, чинена всегдашняя продажа, а деньги употреблены имъ въ вышеказанную роскошь; и не за долгое время переведенія его на новгородское архіерействованіе, при вышеобъявленномъ Родышевскомъ, продано хлѣба безъ мала на десять тысячъ рублей, и въ самое короткое время деньги употреблены въ помянутую жъ роскошь. И за вышеобъявленными злодѣйствы, оный Феофанъ, чрезъ лукавственный свой проискъ, на престолъ новгородскаго архіерейства произшелъ, и слѣдующыя въ собраніи высокихъ правительствъ, по протестамъ мнимъ, на помянутаго

Федоса и его сообщниковъ дѣла, якобы безподозрительный, исходатайствовалъ для слѣдованія и рѣшенія въ свои руки, а по исходатайствованіи вѣрилъ слѣдовать самимъ ответчикамъ, которые, для своей и прочихъ товарищей своихъ выправокъ, чинили, какъ бы къ пользѣ, ихъ удобію. Изъ собранныхъ Федосомъ и его сообщниками, отъ продажи грабленныхъ ими отъ монастырей и церквей имѣній, денегъ, которыя запечатаны были по имянному указу, оный Феофанъ изъ за печати едва что не всѣ похитилъ, о чемъ извѣстіе и въ высокоправительствующемъ Сенатѣ имѣется. Такожъ и описной купно съ оными деньгами хлѣбъ мало что не весь расточилъ, и получаемые денежныя и хлѣбныя доходы въ непристойныя монашеству роскоши тратитъ весьма необычно. О вышеобъявленныхъ его Феофановыхъ злодѣйствахъ уже давнее время извѣстіе имѣется; токмо оный, чрезъ лукавственные свои проски, якобы безпорочный надъ духовными начальствуетъ и весьма подвизаетъ гнѣвъ Божій, который изъ сихъ самыхъ знатныхъ дѣлъ его познавается. Въ прошломъ 1724 году оный Феофанъ, съ подобнымъ злодѣемъ и еретикомъ, бывшимъ новгородскимъ архіереемъ, чернцомъ Федосомъ, при коронаціи блаженныя и вѣчностойныя памяти Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны, допущены были до помазанія. Такожъ и при коронаціяхъ блаженныя и вѣчностойныя памяти его величества, Петра II, Императора и Самодержца всероссійскаго, въ 1728 г. онъ Феофанъ въ помазаніи первенствовалъ: и изволеніемъ Божиимъ царствованіе ихъ императорскихъ величествъ было весьма маловременно. Его жъ блаженныя и вѣчностойныя памяти императорскаго величества, Петра II, обручалъ онъ Феофанъ съ двумя невѣсты, но и то не исполнилось. Еще жъ блаженныя памяти государыни цесаревны Анны Петровны съ его королевскимъ высочествомъ Голстинскимъ при вѣнчаніи первенствовалъ — и ея высочества жизнь пресѣклась вскорости жъ. Того ради я всенжайшій, по ревностной моей рабской вѣрности, объявляю, дабы онаго злодѣя, за вышеказанными извѣстными злодѣйствами и прочими преступленіи, о которыхъ упомянуто въ прежнихъ моихъ объявленіяхъ и пространіе впредь доказательствами изъяснится, въ грядущій день радости вашего всепресвѣтѣйшаго императорскаго величества коронаціи, къ помазанію еретическая святотат-

ственная его рука допущена не была». — Но прошенія эти не были уважены.

28-го апрѣля (1730 г.), во вторникъ, совершилась коронація Императрицы обыкновеннымъ порядкомъ. Феофанъ, какъ старшій изъ епископовъ, первенствовалъ въ церемоніи коронованія и миропомазанія Государыни ¹⁾ и, отъ лица всего народа, сказалъ ей привѣтственную рѣчь, въ которой искусно сопоставилъ теперешнее величіе ея съ предшествовавшимъ бѣдственнымъ и униженнымъ состояніемъ, что безъ сомнѣнія пріятно было Императрицѣ. Впослѣдствіи онъ много разъ говорилъ на эту тему во дни ея праздниковъ. «Кому неизвѣстны бывшія твоя доселѣ скорби? Въ лѣтахъ отроческихъ постигло сиротство, въ юношескомъ возрастѣ, еще брачнымъ, тако реши, свѣщамъ неугасшимъ, помрачилось вдовство. Ещежъ тыя слезы не сохли, а пришла нужда плакати и о злключеніи единоутробной крови. Въ томъ же самомъ ненастии поразилъ громъ матерней смерти — сталожъ уже другое то осиротѣніе. Да скоро и третіе послалъ Богъ по умершемъ державномъ дядѣ. А тѣсноту сердца твоего въ безчестіи и гоненіи, да еще отъ безбожнаго раба (т. е. Меншикова), которыми напишемъ шарами? И еще того не конецъ. Судилъ Богъ слышати и дражайшаго племянника въ вышняя отшествіе Богомъ вѣнчаннаго Государя нашего. И аки бы недовольно того, между всѣмъ тѣмъ — хлѣбъ за скудостію своею горькій и то не вовсе надеждный, такъ что притча вдовы горлицы, на сухомъ дровѣ сѣдящей, на тебѣ истину получила». — Проповѣдникъ въ самыхъ небесныхъ явленіяхъ подмѣтилъ сочувствіе съ общою настроенностію народа: «Но и самое небо, нынѣшнимъ коронаціи твоей опредѣленнымъ днемъ, тожде о тебѣ Божіе смотрѣніе, аки бы нарочно, изобразуетъ; понеже, по долгомъ изъ утра туманномъ помраченіи, какъ стала пора къ славному сему шествію, всесвятымъ сіяніемъ просвѣтилось». Безъ сомнѣнія тому же поэтическому увлеченію надо приписать и сравненіе Государыни съ пророчицею Анною и восклицанія въ родѣ слѣдующихъ: «О вѣтвь святая святаго корене, красото и славо всероссійская!»

¹⁾ «Архіепископъ новгородскій, въ достоинствѣ митрополита російской имперіи, совершалъ миропомазаніе. (Манинъ, Записки о Россіи).

Последнее было крайней мѣрѣ преждевременно. На другой день, 29-го апрѣля, Теофанъ говорилъ ей во дворцѣ привѣтственную рѣчь отъ лица духовенства ¹⁾.

XV.

Высочайшій указъ и конференція Святаго съ Синодомъ ооъ устройствѣ Синода. — Судъ надъ воронежскимъ епископомъ Давомъ Юрловымъ.

При Петрѣ Великомъ Синодъ состоялъ изъ представителей какъ монашесвующаго, такъ и бѣлаго духовенства. Изъ монашесвующаго духовенства членами Синода были, кромѣ епископовъ, архимандриты и игумены, готовящіеся на высшія мѣста въ духовной іерархіи. Но, по смерти Петра, это высшее духовное учрежденіе мало по малу потеряло свой первоначальный характеръ. Изъ синодальнаго присутствія одинъ за другимъ исключены были архимандриты и игумены и совершенно устранены члены изъ бѣлаго духовенства. Синодальное присутствіе составляли только четыре, а иногда даже три, архіерея. Императрица Анна рѣшилась дать Синоду прежнее устройство, какое онъ имѣлъ при Петрѣ I-мъ. По какому побужденію и по чьему представленію это сдѣлано, не извѣстно. Можно догадываться однако жъ, что это было не противъ желанія Теофана, если не прямо по его представленію. Съ одной стороны это разомъ прекращало толки о патріаршествѣ; съ другой — увеличивало силу Теофана въ борьбѣ съ опаснымъ совѣстникомъ Дашковымъ, который забралъ въ Синодѣ всю власть въ свои руки ²⁾.

20 мая, 1730 года Императрица дала указъ Синоду:—«всѣмъ извѣстно, коимъ образомъ блаженныя памяти его императорское

¹⁾ Къ этому времени относится поданное Императрицѣ Теофаномъ 19-го апрѣля 1730 г. письмо *Объ утѣшеніи ея съ Австріи исповѣдующихъ ересь-религіозную ея*, съ приложеніемъ двухъ писемъ объ этомъ предметѣ князя Кантакузца. (Напечатано въ Русск. арх. 1868 г. стр. 299—302).

²⁾ Въ словарѣ и. Евгенія (ч. 2. стр. 319), между незадавленными сочиненіями

вѣдѣство, дядя нашъ, Петръ Великій, правительствующій Духовный Синодъ учредилъ и регламентами принадлежавшими удовольствовалъ, который тогда состоялъ въ довольномъ числѣ персонъ; а нынѣ оной Синодъ не въ такомъ состояніи, каковъ прежде былъ. Того ради прилежно о томъ, яко о зѣло благопотребномъ дѣлѣ разсуждая, благоизволяемъ: оный Синодъ въ доброй порядокъ привести. Того ради повелѣваемъ Духовному правительствующему Синоду, спеспись съ правительствующимъ Сенатомъ, общимъ совѣтомъ учинить слѣдующее: первое — толкому ли числу персонъ быть въ Синодѣ, колико положено въ Регламентѣ, или еще прибавить и по сколько и изъ какихъ чиновъ быть? Второе — персонамъ, опредѣленнымъ въ Синодъ неперемѣннымъ ли быть или перемѣннымъ, и ежели разсуждено будетъ быть перемѣннымъ, то во сколько времени перемѣнять? Третье — выбрать кандидатовъ по именамъ для избранія въ число, какое опредѣлено будетъ. Оное все учиня Духовному Синоду, обще съ Сенатомъ, представить намъ для конфирмаціи. А понеже нынѣ въ Синодѣ число персонъ зѣло малое, только четыре обрѣтается, а такъ малому числу вступить въ совѣтъ съ Сенатомъ невозможно: того ради повелѣваемъ Духовному Синоду, для совѣту вышеписанныхъ дѣлъ, взять въ прибавокъ изъ духовныхъ персонъ людей къ тому достойныхъ, и прилежно стараться немедленно по вышеписанному учинить, дабы въ настоящихъ духовныхъ дѣлахъ остановки и непорядку не было ¹⁾».

25 мая Синодъ назначилъ въ составъ имѣющей быть конференціи съ Сенатомъ, кромѣ присутствующихъ членовъ, епископовъ Леонида сарскаго, Питирима нижегородскаго и Іоакима суздальскаго; архимандритовъ: троїцкаго Варлаама ²⁾, новоспасскаго Ев-

Феофана, показаны: 1) *Разсужденіе о присутствованіи въ Синодѣ большому числу изъ архіереевъ* и 2) *Разсужденіе о битіи въ Синодѣ непримѣнимымъ членамъ*, и сказано, что оба разсужденія представлены на разсмотрѣніе Синоду 20 мая 1780 года. Мы нигдѣ не видали ни этихъ сочиненій, ни нѣкихъ указаній на нихъ, кромѣ ж. Евгениіи. По совпаденію чиселъ надѣ полагаемъ, что они составлены Феофаномъ или передъ приведеннымъ ниже указомъ о преобразованіи Синода и были поводомъ къ нему, или взгляды за нихъ и были исходною точкою для разсужденій по этому предмету на конференціи Синода съ Сенатомъ.

¹⁾ Дѣла арх. св. Синода, 1780 г. № 11.

²⁾ Варлаамъ ни разу не былъ въ собраніи Синода и не подписывался подъ его протоколами.

онія Колеты, саввина сторожевскаго Досеел, высокопетровскаго Сергія и горицкаго Иларіона; изъ благаго духовенства — ншкого. Нѣкоторыхъ членовъ не было въ Москвѣ — къ нимъ послали указы. Наконецъ, 8 іюня, Феофанъ объявилъ въ Синодѣ высочайшій указъ, чтобы лица, назначенныя въ составъ имѣющей быть конференціи (доколѣ не придетъ это дѣло къ окончанію), пріѣзжали въ синодальныя собранія на правахъ синодальныхъ членовъ и, слушая дѣла, полагали общую съ прежними членами резолюцію и подписывали приговоры.

На другой день, 9 іюня, открылись конференціи съ Сенатомъ. «Государственный канцлеръ, графъ Головкинъ, предложилъ, чтобы синодальнымъ членамъ быть переменнымъ: четыремъ архіереямъ, двумъ россійскимъ, двумъ другихъ націй; четыремъ архимандритамъ и двумъ протопопамъ — всего 10 персонамъ. Конференція утвердила быть только шести архіереямъ, да пяти архимандритамъ; а протопопамъ не быть и игуменамъ не быть. Числу быть одиннадцати мѣстнымъ. Оставить чередныхъ по два архимандрита. Князь А. М. Черкасскій предложилъ съ своей стороны, что если архіереямъ быть переменнымъ, тобъ меньше четырехъ; а ежели неперемѣннымъ, то и больше. Преосвященный новгородскій говорилъ, что ежели перемѣнять, то по одному на годъ отпускать. Графъ Головкинъ и князь Д. М. Голицынъ также говорили, чтобы всѣхъ вдругъ не перемѣнять. Генералъ-фельдмаршалъ Трубецкой предлагалъ, чтобы перемѣнять не вдругъ и не по одному, но по третямъ. Ежели быть архіереямъ шести, то перемѣнять по два въ отпускъ. Хотя и переменнымъ быть, да обратнымъ. Сенатъ предлагалъ перемѣнять черезъ два года».

На этотъ разъ однакожь ничѣмъ не кончили и положили принести на конференцію проектъ для общаго разсмотрѣнія; но въ назначенный день, 11 іюня, конференція не состоялась.

16 іюня Синодъ посылалъ въ Сенатъ своего секретаря, В. Тишина, съ объявленіемъ, что отъ Синода сочиняется мнѣніе, но только за нѣкоторымъ малымъ исправленіемъ не окончено; чтобы и Сенатъ также предложилъ на конференціи проектъ съ мнѣніемъ. Тишину объявили въ Сенатѣ; «что отъ Сената никакого проекта предложено не будетъ, а чтобы на будущей конференціи надлежащее мнѣніе предложено было отъ Синода».

26 іюня синодальные члены снова ходили на конференцію въ Сенатъ, въ которомъ тогда присутствовали: графъ Головкинъ, князь Голицынъ, Ушаковъ и Шаховскій. Изъ дѣла видно только, что Оеофанъ подалъ отъ лица Синода мнѣніе, которое и принялъ графъ Головкинъ. Мы не знаемъ, въ чемъ состояло это мнѣніе и на чемъ остановилась конференція.

Между тѣмъ новый высочайшій указъ, заключившій собою разсужденія конференціи и послѣдовавшій вскорѣ послѣ ея послѣдняго собранія, совпалъ съ другими обстоятельствами, которыхъ мы не должны упустить изъ виду. Это была несчастная исторія воронежскаго епископа Льва Юрлова.

Левъ, въ мѣрѣ Лаврентій Юрловъ, родомъ изъ дворянъ Юрловыхъ. Отецъ его, Михаилъ Матвѣевичъ Юрловъ, въ годъ рожденія Лаврентія былъ помѣщикомъ въ нижегородской губерніи въ курмышскомъ уѣздѣ, села Семова. Лаврентій въ юныхъ лѣтахъ остался сиротою и взятъ на воспитаніе въ Москву, въ домъ боярина князя Ивана Борисовича Троекурова и воспитывался вмѣстѣ съ сыномъ его, И. И. Троекуровымъ. По достиженіи зрѣлаго возраста, онъ ходилъ вмѣстѣ съ нимъ, въ качествѣ волонтера, въ походы, два раза подъ Азовъ и подъ Ругодевь³⁾. Послѣ ругодевскаго похода, 23 лѣтъ, въ 1721 г. онъ рѣшился вступить въ монашество и, для предварительнаго испытанія себя, отправился въ троицкій сергіевъ монастырь, гдѣ и находился при архимандритахъ Иларіонѣ Властелинскомъ и Сильвестрѣ Холмскомъ, пользуясь ближайшимъ руководствомъ монастырскаго духовника, іеромонаха Георгія Дашкова, лѣтъ съ десять. Изъ троицкаго монастыря Юрловъ посланъ строителемъ въ приписной къ нему троиц-

³⁾ У Голицына, въ Дѣяніяхъ Петра Великаго. (т. XV, стр. 84—87, изд. 2) расказывается анекдотъ, какъ молодой пажъ вдовствующей царицы Марыи Матвѣевны Юрловъ, бывши съ нею на ассамблеѣ у голландца Гонца, скрылъ серебряный кубокъ, изъ котораго пилъ Государь Петръ Алексѣевичъ, и какъ царица, жалѣя пажа и закрывая отъ гнѣва царскаго, дала ему денегъ и посоветовала спастись, какъ знаетъ. Юрловъ пропалъ безъ вѣсти, а Царица приняла на себя выговоръ и гнѣвъ царскій. Между тѣмъ пристыженный и напуганный пажъ ушелъ въ монастырь и постригся подъ именемъ Льва.

кій же астраханскій монастырь, гдѣ и пострижень въ мантію духовникомъ того монастыря, іеромонахомъ Іосафомъ, а митрополитомъ Сампсономъ посвященъ въ іеродіакона и іеромонаха; въ 1716 году переведень въ астраханскій спасопреображенскій монастырь. По смерти Сампсона, во случаю возникшихъ неудовольствій съ преемникомъ его Іоанномъ, Левъ просилъ рязанскаго митрополита Стефана о переводѣ его въ Москву, куда онъ и переведень для жительства, впредь до усмотрѣнія, въ донской монастырь. Въ эту пору бывшій духовникъ его въ троицко-сергіевскомъ монастырѣ, Георгій Дашковъ, посвященъ въ епископы ростовскіе. Левъ выпросился съ нимъ въ Ростовъ и жилъ при немъ нѣскольکو мѣсяцевъ. Вскорѣ послѣ этого, когда, по указу Петра I-го, велѣно было изъ Москвы прислать въ новооснованный александровскій монастырь нѣскольکو «доброжителныхъ монаховъ», Левъ посланъ былъ вмѣстѣ съ прочими и, въ бытность въ александровскомъ монастырѣ, находился въ кампаніи на кораблѣ Ангутѣ; по окончаніи оной, высочайшимъ именнымъ указомъ опредѣленъ архимандритомъ въ переяславскій горницкій монастырь рязанской епархіи¹⁾. По обычаю того времени, основанному на Регламентѣ, почетнѣйшіе архимандриты вызываемы были въ Синодъ для присутствованія и для ознакомленія съ дѣлами епархіальнаго управленія. Переяславскій архимандритъ вызванъ былъ въ Синодъ въ 1727 году²⁾ и, въ томъ же году, произведенъ въ епископы воронежскіе, съ увольненіемъ отъ присутствованія въ Синодѣ.

Различныя слухи и толки, волновавшіе умы передъ возше- ствіемъ на престолъ Императрицы Анны, породили множество

¹⁾ Биографія Льва заимствована нами изъ его собственныхъ показаній; но онъ умолчалъ въ нихъ объ одномъ обстоятельстве, которое извѣстно изъ слѣдственнаго о немъ дѣла. Въ январѣ 1724 г., по доношенію изъ Приказа нѣкннзиторскихъ дѣлъ, онъ подпалъ подъ судъ и слѣдствіе за расхищеніе въ припискомъ къ сергіеву монастырю астраханскомъ монастырѣ пшты и рыбныхъ припасовъ на двѣ тысячи рублей и, до изслѣдованія, отъ настоятельства отрѣшился съ тѣмъ, чтобъ нигдѣ пребываніе въ чудовѣ монастырѣ; но въ апрѣлѣ, по случаю коронаціи Екатерины, вина его прощена и велѣно ему быть въ горницкомъ монастырѣ архимандритомъ по прежнему.

²⁾ 10 февраля 1727 года изъ Кабинета ея императорскаго величества въ св. Синодъ писано, что въ С.-Петербургъ на ваканціи быть архимандритамъ Льву горницкому, да Іоакиму донскому; а о новоспаскомъ архимандритѣ, въздоровѣлъ ли отъ болѣзни, дать знать.

безпорядковъ во всѣхъ концахъ Россіи и во всѣхъ русскихъ сословіяхъ. Приверженцы старшны, ожившіе и окрѣпшіе въ царствованіе Петра II, надѣялись возвестъ на престолъ бабу его, Евдокію Феодоровну Лопухину. Первый голосъ, при избраніи наследника Петру II, былъ въ пользу царицы-инокини. Князь В. В. Долгорукій, издавна ей приверженный и близкій по дѣлу царевича, а отчасти и по своей упорной любви къ старинѣ, желалъ поднести ей корону. Но это предложеніе отвергнуто было большинствомъ верховныхъ сановниковъ, которые предложили русскій престолъ герцогинѣ курляндской, Аннѣ Иоанновнѣ. Посланные къ ней изъ Москвы депутаты отправились 19-го января. Февраля 2-го прочтанъ былъ въ Верховномъ Совѣтѣ рескриптъ Императрицы съ изъявленіемъ ея согласія, а 3-го обнародованъ манифестъ объ ея избраніи. — 15-го февраля Императрица вступила въ столицу.

Волненія, приводившія въ движеніе столицу, отозвались въ отдаленныхъ концахъ Россіи. Туда доходили самыя смутныя слухи. Молва, безъ сомнѣнія, измѣняла и дополняла эти слухи по своему. Во время самага разгара толковъ и смуть обнародованъ былъ манифестъ о смерти Петра II и объ избраніи императрицы Анны. Въ Воронежъ пришелъ манифестъ 14-го февраля. Мѣстный вице-губернаторъ Пашковъ отослалъ его къ преосвященному Льву. Тотъ ничего не отвѣчалъ, а между тѣмъ на слѣдующій день — это было первое воскресенье Великаго поста — на извѣстномъ обрядѣ православія велѣлъ вездѣ, гдѣ надо было поминать имя Государыни, поминать «о благочествѣйшей великой Государынѣ нашей Царицѣ и великой княгинѣ Евдокинѣ Феодоровнѣ и о державѣ ихъ», а потомъ о благовѣрныхъ государыняхъ цесаревнѣ и царевнахъ. Такъ и самъ онъ вспоминалъ на литургіи, по принятіи св. Даровъ въ царскихъ дверяхъ. Съ того дня и въ прочіе дни воспоминаніе во всѣхъ церковнослуженіяхъ производимо было такъ же.

Пашковъ 18-го числа послалъ къ нему снова подполковника Барыкова, съ требованіемъ объявить манифестъ по обычаю и назначить, когда этому быть. Епископъ объявилъ, что «церковнаго поминовенія о Государѣ Императорѣ и молебнаго торжества о ея императорскомъ величествѣ, безъ присланнаго къ нему о томъ

особливаго точнаго указа изъ Синода, собою чинить опасенъ, разсуждая то, что можетъ быть не сдѣлается ль впредь другой какой отъѣзды». Пашковъ донесъ объ этомъ въ Москву. У Льва потребовали объясненія.

Левъ прислалъ въ Синодъ объясненіе, что Пашковъ въ неоправленіи имъ молебна о вступленіи ея величества на престолъ клеветаетъ на него напрасно, по злобѣ.

Объясненіе Льва слушано было въ Синодѣ 20-го марта. При слушаніи его ростовскій епископъ, Георгій Дашковъ, сказалъ: «воронежскаго архіерея съ воронежскимъ вице-губернаторомъ давняя ссора и другъ на друга пишутъ по ссорѣ. Подождать, не будетъ ли отъ губернатора какого объясненія». На этотъ разъ тѣмъ дѣло и кончилось и жизнь потекла своимъ чередомъ.

8-го іюня состоялся указъ о перемѣщеніи Льва въ Астрахань, на высшую степень, а на его мѣсто назначенъ переяславскій епископъ Іоакимъ. Но это назначеніе остановлено было самымъ неожиданнымъ образомъ, вслѣдствіе одного, повидимому, ничтожнаго обстоятельства, которымъ воспользовался Феофанъ въ борьбѣ съ покровительствовавшимъ Льву, Дашковымъ.

11-го іюня къ Льву посланъ былъ изъ Москвы служитель переяславскаго епископа Іоакима (назначеннаго на его мѣсто) съ указомъ о его перемѣщеніи и прибытіи въ Москву. Левъ, прочитавши указъ, сказалъ, что онъ выѣдетъ изъ Воронежа послѣ Казанской, потому что ему хочется освятить только что выстроенную имъ въ архіерейскомъ домѣ церковь въ честь Казанской иконы Божіей матери. Ошибка Льва состояла въ томъ, что онъ не послалъ въ Синодъ письменнаго репорта о полученіи указа. Этого было довольно, чтобы затянуть его въ дѣло. Подвели справку изъ указовъ петровскаго времени, општрафовали его за мѣсяцъ упущенія ста рублями и послали указъ, чтобы ѣхать ему въ Москву въ самой скорости и ни въ какія епаршескія тамошнія дѣла не вступать, подъ опасеніемъ за преступленіе тяжчайшаго штрафа. Это было 15-го іюля. Въ тотъ же день, въ томъ же собраніи Синода, Феофанъ предложилъ, отъ имени Государыни, запросъ: отчего дѣло Льва—по извѣстному доносу воронежскаго губернатора—до сего времени въ Синодѣ не слѣдовано и умолчано? На этотъ вопросъ коломенскій митрополитъ Игнатій отвѣчалъ, что

объясненіе Льва доложено и слушано было 20-го марта, но при слушаніи его ростовскій епископъ Георгій Дашковъ сказалъ: «у воронежскаго архіерея съ воронежскимъ вице-губернаторомъ давняя ссора и другъ на друга пишутъ по ссорѣ. Подождать не будетъ ли отъ губернатора какого объясненія». Игнатій говорилъ, что это слышали всё, бывшіе въ ту пору въ Синодѣ — тверской архіепископъ Теофилактъ, оберъ-прокуроръ Баскаковъ и секретарь Тишинъ. Но по окончаніи собранія и по выходѣ Георгія, онъ Игнатій будто бы остался съ оберъ-прокуроромъ Баскаковымъ и съ секретаремъ Тишинымъ и наказалъ послѣднему, чтобы онъ, противъ архіерейскаго и губернаторскаго доношенія, сдѣлалъ выписку и отправилъ въ правительствующій Сенатъ немедленно.

Было это послѣднее сказано или нѣтъ — вотъ въ чемъ вопросъ. Какой поводъ былъ Игнатію выдумывать? Но для начала дѣла Теофану довольно было и того, что его почтенные сослуживцы показали нерѣшительность въ осужденіи Льва.

Черезъ пять дней 21-го іюля, въ подмосковномъ дворцовомъ селѣ Измайловѣ, Императрица вручила лично синодальнымъ членамъ указъ о новомъ образованіи Синода. «Указали мы нынѣ быть членамъ въ Духовномъ правительствующемъ Синодѣ изъ архіереевъ — новгородскому Теофану, крутицкому Леониду, нижегородскому Питириму, суздальскому Іоакиму; а изъ архимандритовъ — харьковскому Платону, новоспасскому (Евфимію) Колетіи, Переславля загѣскаго горлицкому Иларіону и изъ протопоповъ — успенскому Ивану ¹⁾, благовѣщенскому Ивану жъ ²⁾. И нашему Духовному Синоду учинить по нашему сему указу. Анна ³⁾». Этимъ указомъ Дашковъ, Теофилактъ и Игнатій увольнялись изъ Синода.

Дашковъ въ это время жилъ въ своей епархіи, куда уволенъ былъ вскорѣ послѣ коронаціи. А Теофилактъ простодушно рассказываетъ о себѣ, что онъ, ничего не зная, пріѣхалъ было въ Синодъ по обычаю; но ему показали списокъ новыхъ членовъ: это значило, что надо отправляться на епархію.

¹⁾ Иванъ Максимовъ.

²⁾ Иванъ Семесовъ.

³⁾ Дѣла Архива св. Синода, 1780 г., № 11.

Въ новомъ составѣ Синода, въ числѣ синодальныхъ членовъ, мы видимъ опять двухъ протопоповъ, какъ при первомъ образованіи Синода въ 1721 году: московскаго успенскаго собора Ивана Максимова и московскаго жъ благовѣщенскаго Ивана Семенова. Первый—лицо новое въ Синодѣ; а послѣдній былъ уже въ Синодѣ ассессоромъ съ 1721 по 1723 годъ; послѣ того онъ отъ ассессорства удаленъ и опредѣленъ судьей въ Тиунскую контору; въ 1729 году перешелъ въ Москву въ благовѣщенскій соборъ и теперь снова назначенъ синодальнымъ членомъ ¹⁾.

Въ 1731 году 19-го января Синодъ представилъ докладъ Государынѣ, въ которомъ ходатайствовалъ о именованіи синодальныхъ членовъ прежними рангами, какъ было при Петрѣ I, за исключеніемъ президентскаго, и о назначеніи синодальнымъ членамъ жалованья. Но ранги не были утверждены; высочайшимъ указомъ, состоявшимся 26-го ноября того же года, опредѣлено было только жалованье синодальнымъ членамъ — Теофану прежнее вице-президентское (по 2,500 руб.), прочимъ тремъ архіереямъ каждому по 1,500 руб., тремъ архимандритамъ по 1000 руб., двумъ протопопамъ ассессорское по 600 руб. ²⁾.

Новые члены, Леонидъ крутицкій, Іоакимъ суздальскій и Пятимъ нижегородскій были покорными слугами Теофана; когда онъ не бывалъ въ собраніяхъ, они писали ему донесенія о происходившемъ въ собраніи и исполняли всѣ его приказанія. «Такихъ и выбралъ — говорилъ Теофилактъ — что слова противнаго не скажутъ».

Между тѣмъ по дѣлу Льва началось слѣдствіе. Разными тайными и явными путями собрали свѣдѣнія о всѣхъ его дѣйствіяхъ — къ кому онъ писалъ, съ кѣмъ сносился, у кого искалъ помощи и

¹⁾ Въ 1737 г., 31-го августа, онъ подалъ прошеніе объ увольненіи его, за болѣзнію, отъ присутствования въ Синодѣ и оставленіи при одномъ священнослуженіи въ благовѣщенскомъ соборѣ. Св. Синодъ представилъ о немъ докладъ Императрицѣ, въ которомъ изъяснялъ, что онъ и Синодомъ усмотрѣлъ къ присутствію конечно безнадежнымъ, ибо въ угрѣ своемъ бываетъ погнѣшитель. Императрица, высочайшимъ указомъ 15-го сентября 1737 г., приказала его отпустить, а на мѣсто его представить другаго способнаго. (Дѣла арх. св. Синода, 1737 г., № 9.)

²⁾ Дѣла архива св. Синода, 1730 г., № 18.

защиты. Но не онъ былъ мѣлою этихъ поисковъ — черезъ него добрались до другихъ лицъ. Видя силу Феофана въ Синодѣ и предчувствуя бѣду Дашковъ прислалъ въ Синодъ доношеніе о своей болѣзни и просилъ уволить его на обѣщаніе въ толгскій монастырь. «Служилъ я императорскому величеству вѣрно со всякимъ подданныѣйшимъ покореніемъ; а отъ Рождества Христова, тому другой годъ, отъ болѣзней своихъ тяжкихъ больше лежу, нежели хожу; и отпущенъ отъ ея величества указомъ въ епархію свою, а отъ болѣзни пользы не получилъ, и отъ случившагося въ Ростовѣ пожара и паки скорбь себѣ не малую возымѣлъ; и отвезли меня въ толгской монастырь къ чудотворному образу пресвятой Богородицы, гдѣ и по нынѣ пребываю; и службу божественную напередъ сего совершалъ съ трудностію, а нынѣ той совершать и ставленниковъ рукополагать не могу, отчего приходскимъ людямъ въ мірскихъ требахъ имѣется нужда. А ростовской епархіи домъ и строеніе и прочее до указа приказалъ я вѣдать домовымъ судѣ съ товарищи. И чтобъ указомъ ея императорскаго величества повелѣно было отъ должности меня уволить и, по обѣщанію моему, быть мнѣ при чудотворномъ образѣ въ томъ толгскомъ монастырѣ, и пока духъ мой въ тѣлѣ моемъ есть — прекормить, а на мое мѣсто опредѣлить, кого ея императорское величество соблаговолитъ». — Синодъ положилъ отрѣшить его отъ епархіи и, въ этомъ смыслѣ, подать докладъ Императрицѣ; только ни въ толгской ни въ другой какой монастырь той епархіи его не опредѣлять, «чтобы не воспослѣдовало отъ того всей той епархіи смущенія и неспокойства, съ не малымъ христіанства соблазномъ», (3-го октября 1730 г.).

Вмѣстѣ съ этимъ докладомъ подавъ былъ другой докладъ — о Львѣ. Неудовлетворившись его показаніями и считая его государственнымъ преступникомъ, Синодъ представилъ на высочайшее утвержденіе, «чтобы бывшимъ воронежскимъ епископомъ Львомъ, за его тяжкія преступленія, розыскивать и для того лишить его всего священническаго и монашескаго чина и предать на судъ гражданскій». Государыня утвердила приговоръ. Въ собраніи св. Синода лишили его архіерейскаго сана и монашества и отослали въ Сенатъ.

На допросахъ въ Сенатѣ оказалось, что онъ писалъ о по-

мощи къ Георгію и Игнатію. Вслѣдствіе этого велѣно было взять того и другаго въ Москву и допросить при депутатахъ съ духовной стороны. Синодъ назначилъ отъ себя двухъ членовъ — крутицкаго архіепископа Леонида и суздальскаго епископа Іоакима (28-го октября).

Какъ производилось слѣдствіе въ гражданскомъ судѣ мы не знаемъ. Но ровно чрезъ два мѣсяца рѣшена была участь Льва и Игнатія. 2-го Декабря Сенатъ сообщилъ Синоду вѣдѣніе, что «высочайшимъ именнымъ указомъ велѣно бывшаго воронежскаго епископа Льва, за извѣстную его вину, сослать въ крестный монастырь и содержать за карауломъ въ кельѣ неусходно, и никого къ нему не допускать и чернилъ и бумаги для письма не давать. А буде къ нему отъ кого какія письма приходятъ будутъ, тѣ отбирать и, распечатывая, читать и отсылать къ губернатору, которому о томъ въ Сенатъ репортовать. А въ церковь допускать его за карауломъ». Въ тотъ же день рѣшена участь Игнатія. Мы выше упомянули о показаніи, какое онъ сдѣлалъ на счетъ роковаго доклада 20-го марта. Ни Баскаковъ, ни Типингъ не подтвердили этого показанія, изъ чего слѣдователи заключили, что «говорилъ онъ коломенскій все вышеписанное затѣвая ложно» и приговорили: «за ту вину его, лиша сана архіерейскаго, послать въ свіяжскій богородицкій монастырь».

Но самымъ главнымъ лицомъ — мѣтою Θεофана — былъ ростовскій архіепископъ Георгій Далшковъ. Уже прежде онъ навлекъ на себя подозрѣніе въ нерасположеніи къ царевнамъ Іоаннова дома, за что Остерманова партія держала его, вмѣстѣ съ Игнатіемъ, подъ тайнымъ надзоромъ¹⁾. Теперь, пользуясь случаемъ, Θεофанъ успѣлъ выставить его предъ Императрицей, какъ человѣка противнаго ея интересамъ. Идя потомъ шагъ за шагомъ, онъ сумѣлъ, намекнувъ, что изъ-за подарковъ и непоимѣрныхъ расходовъ, которыми онъ добывалъ патріаршество, онъ разорилъ свою епархію. Дѣло ведено было такъ искусно, что Императрица дала Синоду указъ произвести слѣдствіе судебнымъ порядкомъ. «Понеже извѣстно ея императорскому величеству учинилось, что ростовскій архіерей Георгій въ ростовской епархіи чинилъ тамошнимъ обывателямъ

¹⁾ Арсеньева, Царствование Петра II, стр 67. Спб. 1839 года.
Обзорникъ II Отд. Н. А. Е.

и монастырямъ разореніе, чего ради именнымъ своего императорскаго величества указомъ повелѣла: изъ св. Синода въ ростовскую епархію послать указъ, дабы той епархіи духовнаго и мірскаго всякаго званія люди объявляли безъ утайки, какія кому разоренія тотъ ростовскій архіерей Георгій учинилъ безъ всякаго опасенія и страха (24-го октября 1730 г.)». Къ высочайшему указу св. Синодъ въ своемъ указѣ прибавилъ: «ежели кто того архіерея закрывать будетъ и разоренія или взятокъ не объявитъ, а о томъ сыщется кромѣ тѣхъ персонъ — и за то они штрафованы будутъ неотмѣнно. Объявившимъ же, по взысканіи съ того архіерея, взятое у нихъ возвращено будетъ, по прежнему, неиздержанно». Для отобранія показаній посланъ клеветръ Еофана и Дудина, синодскій секретарь Павелъ Протопоповъ. Въ данной ему инструкціи особливо наказано: «ежели въ тамошнюю твою бытность что усмотрѣть можешь, особливо изъ бывшихъ подчиненныхъ тому архіерею духовныхъ и свѣтскихъ персонъ о какихъ либо подозрительныхъ поступкахъ, а паче всего о запрещеніи объявителямъ на онаго архіерея Георгія, и того прилежно примѣтить; а особливо можно то видѣть изъ сожалѣніевъ и тому близко подобнаго, и то содержать у себя въ тайнѣ для словеснаго св. Синоду доношенія».

18-го ноября получены первыя донесенія отъ слѣдователя, а на другой день состоялось высочайшее опредѣленіе, рѣшившее участь Георгія. По слѣдствію за Георгіемъ оказалась слѣдующая вина: «когда синодальный секретарь читалъ объясненіе Льва, то ростовскій архіепископъ Георгій сказалъ, чтобъ подождать, не будетъ ли отъ губернатора какого доношенія, и что они по ссорѣ съ губернаторомъ наносятъ другъ на друга ложно. А бывший воронежскій епископъ Левъ въ допросѣ показалъ, что онъ объ этомъ дѣлѣ писалъ въ Москву, прося заступленія и помощи у ростовскаго архіерея Георгія Дашкова и притомъ послалъ ему въ презентъ чувалъ винныхъ ягодъ». Въ высочайшемъ указѣ, послѣдовавшемъ на докладѣ св. Синода, сказано, что «хотя онъ Георгій по извѣстному дѣлу Льва явнымъ согласникомъ и не явился, однакожь не весьма въ томъ безъ подозрѣнія остался. Притомъ же онъ уже просился на покой, на келейное обѣщаніе; посему, какъ по первому обѣщанію, такъ и по его прошенію,

оставя ему епископскій санъ, быть ему въ монастырѣ харьковскомъ».

Это опредѣленіе было слишкомъ милостиво и не могло удовлетворить желаніямъ Теофана. Игнатій также былъ въ монастырѣ, но потомъ опять получилъ епархію и сдѣлался членомъ Синода. Находчивый Теофанъ не долго думалъ, какъ поправить дѣло. Въ высочайшемъ указѣ не сказано было, какъ содержать Георгія — на свободѣ или подъ арестомъ. Синодъ нашелъ въ этомъ затрудненіе, а Теофанъ вызвался доложить Государынѣ. Въ архивахъ отыскали подходящую справку о ссыльномъ митрополитѣ нижегородскомъ Исаи, который въ 1718 г. содержался въ кирilloвѣ монастырѣ и получалъ пищу противъ 4-хъ братій, но не имѣлъ права безъ вѣдома настоятеля ни писать, ни получать писемъ; настоятель обязанъ былъ тѣ и другія отбирать и присылать въ Москву. Синодъ спрашивалъ: также ли содержать Георгія или какъ иначе? Государыня 5-го декабря приказала представить ей докладъ съ мнѣніемъ. Это и нужно было Теофану.

Той порой, какъ длилась эта процедура, по ростовской епархіи собраны были показанія о взяткахъ Георгія. Въ этихъ донесеніяхъ значилось: «изъ спасо-ярославскаго монастыря взято въ домъ архіерейскій десять лошадей: четыре возвращены, а остальные тамъ и остались; изъ толгскаго — семнадцать лошадей: возвращено только четыре; изъ спасскаго ростовскаго — шесть лошадей; изъ борисо-глѣбскаго — двѣнадцать лошадей и т. д.; — съ ярославскаго подворья въ С.-Петербургѣ все перевезли въ архіерейскій домъ — экипажи, упряжь, людскую одежду, мебель, рухлядь; — мастерамъ и рабочимъ при архіерейскомъ домѣ изъ монастырскихъ крестьянъ никогда ничего не платили, даже на содержаніе ихъ требовали денегъ изъ монастырей; — по синодскому указу велѣно было съ вдовыхъ поповъ брать епитрахильныхъ денегъ по 15 коп., а указомъ ростовской консисторіи предписано собирать по 2 руб., да въ подносы ему съ судьей и секретаремъ по 30 руб.; — бурмистръ ростовскаго магистрата Одинцовъ не одинъ разъ сидѣлъ въ цѣпяхъ безъ вины, по приказанію домовою архіерейской канцеляріи, и всякій разъ откупался деньгами; — вдова одного священника жаловалась, что послѣ смерти ея мужа забрали въ архіерейскій домъ все ея имѣніе; — земскій писарь

возвращался изъ Ярославля: архіерейскіе слуги отбили у него лошадь и сказали, что приказалъ архіерей; писарь приходилъ съ прозьбою къ Георгію, принесъ двѣ головы сахару — сахаръ взяли, а лошади не возвратили. — Въ этомъ родѣ всѣ исторіи, которымъ числа нѣтъ. Въ оправданіе Георгія нельзя не сказать, что слѣдователемъ у него былъ кліентъ Феофана и Дудина, снабженный особою инструкціею — поднять весь соръ со дна. Въ Синодѣ составили экстрактъ изъ этихъ показаній и 9-го декабря представили Государынѣ.

Теперь Феофану легко было покончить съ своимъ противникомъ. Дѣло о взяткахъ не было выведено наружу бумажнымъ порядкомъ, но безъ сомнѣнія оно окончательно рѣшило участь Георгія. 8-го декабря состоялось высочайшее повелѣніе: «за показанныя въ первомъ указѣ вины, Георгія, лиша сана, сослать немедленно подъ крѣпкое смотрѣніе въ Каменный вологодскій монастырь. Письма, какія будетъ писать или получать, отбирать у него и присылать въ правительствующій Сенатъ¹⁾».

¹⁾ Въ томъ же году, 20-го ноября, не безъ участія Феофана, лишивъ сана и сославъ въ кирилловъ-бѣлозерскій монастырь, о-фициально — за неслуженіе благодарственного молебна о возшествіи на престолъ императрицы Анны, но главнымъ образомъ — за прежнюю близость съ Феоодосіемъ, кіевскій архіепископъ Варлаамъ Вонатовичъ. (Объ немъ въ Трудахъ кіевской академіи 1861 года: Феофанъ Прокоповичъ и Варлаамъ Вонатовичъ и Дѣла архива св. Синода, 1780 г. № 106, 1740 г. № 142 и 1742 г. № 231).

Къ этому же времени (6-го іюля 1780 г.) относится письмо Феофана къ одному архіерею по поводу слѣдствія надъ неизвѣстнымъ архимандритомъ.

«Пресвященнѣйшій владыко! Ея императорскому величеству слышно стало, что архимандритъ N есть человекъ подозрительный и нѣчто затѣвалъ правительству противное: за что именней ея величества указъ о взысканіи его и его писемъ забраніи къ вашему пресвященству посланъ. Но дабы сіе исправно сдѣлано, а наипаче чтобъ въ забраніи писемъ не могла стать каковая утайка и уронъ, указать изволила ея императорское величество моему смиренію по пространію святнѣйшей вашей о томъ написанной. И потому совѣту пресвященству вашему учинить слѣдующее: 1) выбрать вамъ, кого знаете при себѣ постояннѣйшаго и ея величеству вѣрнѣйшаго человека изъ духовныхъ и мірскихъ, а хорошо кажется и не одного, но двоихъ, или троицъ, и учредить ихъ къ надлежащему дѣйствию, давъ имъ опаснѣйшую инструкцію и обязавъ крѣпкою сказкою, что они вѣрно поступать будутъ и оныхъ, при посланномъ отсюда оуицерѣ, для исполненія указа, послать туды, гдѣ въ то время оный архимандритъ услышится. 2) Въ инструкціи положить сіе, чтобы одинъ особо ничего не дѣлалъ, но вси бы вмѣстѣ, что надлежитъ, исполняли

XVI.

1731 годъ. — Учрежденіе Кабинета и возобновленіе Тайной канцеляріи. — Пастыль іеродіакона Іоанн на Феофана. — Допросы.

Начало и первая половина 1731 года были рядомъ смѣнявшихся одинъ другой придворныхъ праздниковъ¹⁾. Роскошью и пышностью русскій дворъ превосходилъ всѣ другіе европейскіе дворы, хотя богатство нарядовъ, множество кружевъ, которыхъ не стыдились даже мужчины, и масса драгоценныхъ камней не всегда соединялись съ образованнымъ вкусомъ европейскаго общества.

8-го іюня Государыня перешла въ новый лѣтній домъ, по-

да и посланный отсюда при семъ присутствовалъ бы и о семъ бы вѣдалъ. 3) Всячески беречься, дабы архимандритъ, до прїѣзда посылаемыхъ по него, ни мало не могъ провѣдать. 4) И то смотрѣть, чтобы посылаемы не къ ночи туда прибыли, но рано поутру, около восхода солнца. 5) Писемъ искать не только въ сундукахъ и въ другихъ обычныхъ тому хранилищахъ, но и въ платьѣ его и вездѣ, спрашивая ближнихъ служителей и кто ему покажется особенный о томъ тайникъ. 6) Если онъ прилучится быть въ городѣ, при полученіи сего, то его тутъ же и принять; а о письмахъ, какъ тутъ же, такъ и въ монастырѣ дѣлать, какъ выше сего упомянулось. 7) Если явится при немъ человекъ, котораго онъ тайно куда ни есть, а наипаче за рубежъ посылать обыкль и въ секретныхъ дѣйствіяхъ сообщника и помощника имѣлъ (и о семъ по вѣдѣніи его могутъ братія монастырская показать), и того взявъ отдать посланнымъ за особый арестъ. 8) По исполненіи указаннаго дѣла настоять, у кого надлежитъ, чтобъ никакого медленія не было, но скоро бы отправились въ Санкт-петербургъ. И сія, по моему мнѣнію, довольна къ исполненію ея императорскаго величества посланнаго къ вамъ указа; а надѣюсь, что преосвященство ваше, разсудивъ обстоятельства, и больше и лучше усмотришь по присяжной вашей къ ея величеству и за толика благодѣянія премного одолженной вѣрности, и при томъ самого меня вручаю непремѣнной вашей братской любви и молитвамъ. Преосвященства вашего доброжелательный братъ и сослужитель.

1) Въ Гофъ-фуріерскомъ журналѣ 1731 г. (Госуд. арх.) читаемъ: 14-го января китайскій посоль въ Москву съ великой церемоніей; 27-го привезенъ ко дворцу и аудіенція; февраля 3-го маскарадъ во дворцѣ; февраля 26-го начались во дворцѣ италіянскія комедіи и каждую недѣлю были по два раза до 11-го апрѣля, продолженіе всего великаго поста; марта 2-го прощальная аудіенція китайскому послу; апрѣля 28-го торжество коронаціи и банкеть; мая 8-го прощальная аудіенція турецкому посланнику.

строенный на лѣвой сторонѣ Яузы противъ нѣмецкой слободы, который въ честь ея названъ Анненгофомъ. Феофанъ сочинилъ на этотъ случай похвальные стихи, безъ сомнѣнія поднесенные Императрицѣ¹⁾.

Признательная Императрица посѣтила его, съ своей свитой, на дачѣ его въ подмосковномъ селѣ Владыкинѣ. — Феофанъ сочинилъ и на этотъ случай стихи, которые переложены были на музыку и пѣты въ присутствіи Императрицы²⁾.

¹⁾ «О преславномъ новомъ монаршемъ дому самодержавнѣйшей российской Императрицы Анны Иоанновны, новосельемъ ея величество поздравляя, смиренный Феофанъ, архіепископъ новгородскій, нижайше воспѣлъ»:

Анна держитъ толку область широтою
 Что ей не наполняетъ одна Русь собою.
 Видимъ и домъ сей Анны толь чуднаго дѣла
 Что такого Россія до днесь не имѣла.
 Но не вмѣщаетъ въ себѣ Аннинныхъ дѣлъ славы
 Ни домъ сей, ниже область Анниной державы.

²⁾ Прочь уступай прочь
 Печальная ночь.
 Солнце восходитъ
 Свѣтъ возводитъ
 Радость рождаетъ.
 Прочь уступай прочь
 Печальная ночь.

Колѣкій у насъ кракъ былъ и ужась!

Солнце Анна возсіяла —

Свѣтлый намъ день даровала.

Богомъ вѣнчана

Августа Анна!

Ты нашъ ясный свѣтъ

Ты красный цвѣтъ

Ты красота

Ты доброта

Ты веселіе

Веліе.

Твоя держава

Наша то слава.

Да вознесетъ Богъ

Силы твоей рогъ

Враги твоя побѣждая

Тебя въ бѣдахъ заступая.

Рцыте вси люди

О буди, буди³⁾.

³⁾ Въ Словарѣ митрополита Евгенія «стихи на прѣздъ Государыни во

Но другая послѣдняя половина года ознаменовалась печальными событіями, которыя должны были неспрiятно дѣйствовать на Императрицу. 27-го августа скончалась, послѣ своей превратной судьбы, Евдокія Федоровна Лопухина. Вскорѣ послѣ нея, 9-го октября, скончалась сестра императрицы царица Прасковья Ивановна. Теофанъ сказалъ при ея погребеніи 1-го ноября приличное слово.

Баронъ ¹⁾, между тѣмъ, не увлекаясь праздниками, старался

Въ то же время читаны были сочиненные Теофаномъ, въ честь Императрицы, латинскіе стихи, которые самъ же онъ перевелъ на русскій языкъ.

Анна милостей тезоименита ²⁾
 И самымъ дѣломъ имени согласна
 Сущи вышняго причастица свѣта
 Сущи и тѣломъ и духомъ прекрасна
 Буди образомъ веселаго гѣта
 Всѣхъ благъ цвѣтами и плодами рясна.
 То раби твои отъ сердца желаемъ
 Когда видѣ гѣтній на входѣ твой являемъ.
 Кто же сихъ тебѣ не желаетъ съ нами
 Той самъ самъ своему добру врагъ жестокий.
 Ибо когда ты Вышняго судьбами
 Вступила на престога свой высокій
 Стала намъ солнцемъ, грѣющимъ лучами
 Твой Всероссийскій вертоградъ широкій.
 Наша жъ то нужда — Солнце несозданно
 Да хранитъ свѣтъ твой, солнце наше Анио.
 Храни о Боже сію въ долготу днй
 Исполняя въ ней нма благодатно
 И подданный сей народъ многолюдный
 Просвѣщая твоимъ многократно
 А врагамъ нашимъ посылай страхъ трудный
 Прогоня ихъ въ бѣгство невозвратно
 Да всегда щитъ твой Россія имѣеть
 Дондеже въ мирѣ луна оскудѣеть.

¹⁾ Теофанъ замкивалъ въ Баронѣ и пользовался его благосклонностію, какъ можно заключать изъ нѣкоторыхъ сохранившихся писемъ Барона и жены его къ Теофану. См. Десятое присужденіе Уваровскихъ премій. Отзывъ Пикарскаго о сочиненіи: Теофанъ Прокоповичъ и его время, стр. 10—12.

Владыкино» и «Прочь уступай» показаны, какъ два разныхъ стихотворенія и отнесены—первыя къ 1782 г., послѣдніе къ 1780 г. Между тѣмъ это—одни и тѣ же стихи и относятся къ 1780 г. А въ 1782 г. дворъ былъ уже въ С.-Петербургѣ.

²⁾ Анна, съ еврейскаго, означаетъ *благодатная*.

захватить дѣла въ свои руки и обезпечить себя отъ окружавшихъ непріятелей. Въ ноябрѣ 1731 года, вмѣсто прежняго Верховнаго Тайнаго Совѣта, учрежденъ при высочайшемъ дворѣ и подъ предсѣдательствомъ Императрицы Кабинетъ, составленный изъ трехъ только лицъ — канцлера Головкина, вице-канцлера Остермана и князя А. М. Черкаскаго. «Съ учрежденіемъ этого совѣта — пишеть Лефорть — система двора получаетъ новый видъ. Подъ тремя членами его, въ существѣ дѣла, все зависѣло отъ Остермана, который дѣйствовалъ въ согласіи съ Бирономъ. Головкинъ и Черкасскій были только для имени, чтобы успокоить націю. Сенатъ, котораго сила и репутація совершенно уронены, долженъ былъ доносить Императрицѣ и получать свои заключенія только чрезъ посредство Кабинета»¹⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ все управленіе перешло въ руки иностранцевъ.

Однимъ первыкъ изъ дѣйствій Кабинета было учрежденіе престолонаслѣдія. Замѣчательно въ этомъ случаѣ довѣріе, которымъ пользовался Феофанъ у Императрицы. Остерманъ и Левенвольдъ, стараясь склонить Государыню къ прочному утверженію престолонаслѣдія, обратились сначала къ духовнику Императрицы, архимандриту Варлааму. Варлаамъ успѣлъ только въ томъ, что Императрица начала воспитывать при себѣ въ православной вѣрѣ племянницу свою Анну Леопольдовну, но дагѣ это дѣло не повинулось. «Тогда — говоритъ Биронъ — Остерманъ обратился къ архіепископу новгородскому, который былъ въ великомъ уваженіи у Императрицы. Этотъ представилъ дѣло также въ высшей степени необходимымъ и его послушали. По прошествіи двухъ или трехъ дней, когда Кабинетъ уже началъ свои засѣданія, графъ Остерманъ втихомолку составилъ присягу касательно будущаго

Къ этому времени (началу 1732 года) относится письмо къ Феофану отъ неизвестной, но, видимо, высокой особы. «Преосвященный архіерей! Два письма ваши — одно изъ Новгорода, другое изъ Москвы мы получили, въ которыхъ писалось, чтобъ ты въ милости нашей оставленъ не былъ; и мы какъ прежде сего къ вамъ были милостивы, такъ и нынѣ надѣемся, что отиѣны не будутъ, только помните нашъ приказъ объ образѣ Успенія пресвятой Богородицы, чтобы, по приѣздѣ вашемъ туда, оное конечно было исполнено. Мы за помощію Божіею обрѣтаемся въ добромъ здравіи и пребываемъ.» — Не отъ цесаревны ли это Елисаветы Петровны?

¹⁾ Донесеніе Лефорта отъ 5-го ноября 1731 года.

наслѣдованія и ея императорское величество подписала ее. Тогда типографія взята была въ архіепископскій домъ и запертыя тамъ типографички должны были изготovitъ нѣсколько тысячъ экземпляровъ». — Послѣ того надобно было убѣдить Государыню къ избранію жениха для принцессы Анны Леопольдовны. «Такъ какъ — продолжаетъ Биронъ — повгородскій архіепископъ успѣлъ уже въ первомъ, то имъ воспользовались также и въ настоящемъ случаѣ. Ея императорскому величеству было убѣдительно представлено, что это (избраніе жениха) въ высшей степени необходимо и что послѣ принесенія присяги все зависѣло единственно отъ Государыни. Θεοφана и въ этотъ разъ послушала»¹⁾).

Для усмиренія ропота недовольныхъ возобновленъ страшный Преображенскій приказъ подъ именемъ Тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи. Начальникомъ его назначенъ А. И. Ушаковъ.

Возобновившійся процессъ Родышевскаго съ Θεοφаномъ, независимо отъ множества другихъ дѣлъ, доставилъ ему пищу на много лѣтъ.

Мы видѣли выше, что Родышевскій не успѣвъ отстранить Θεοφана отъ коронаціи Императрицы, принялся, по порученію Варлаама, за сочиненіе возраженій на заданныя имъ книги. Дѣятельнымъ посредникомъ между ними былъ Аврамовъ. Приѣзжая къ Варлааму на троицкое подворье, Аврамовъ познакомился тамъ съ однимъ монахомъ, іеродиакономъ Іоною, который былъ чѣмъ-то въ родѣ келейника у Варлаама. Разговаривая съ нимъ Аврамовъ возбудилъ въ немъ участіе къ дѣлу Родышевскаго — что вотъ-де пятый годъ сидитъ подъ карауломъ за доносомъ на Θεοφана о противностяхъ церковныхъ, и между прочимъ открылся, что онъ старается за него передъ Духовникомъ, чтобы какъ нибудь его высвободить. Этимъ разговоромъ Аврамовъ ввелъ его въ тайну своихъ отношеній къ Варлааму, вслѣдствіе чего оба — Варлаамъ и Аврамовъ — стали считать Іону своимъ человѣкомъ.

Разговаривая какъ-то съ Аврамовымъ о разныхъ разностяхъ и между прочимъ о покойномъ митрополитѣ Стефанѣ, Іона сказалъ, что у него есть отвѣтъ Стефана къ парижскимъ богослю-

¹⁾ Motifs de la disgrâce d'Ernest Jean de Biron, въ Büsching's Magaz. T. IX p. 384—385.

вамъ о соединеніи Восточной церкви съ ихъ французскою. Аврамовъ выпросилъ прочесть его и нашелъ, что этотъ отвѣтъ написанъ сухо и что Родышевскій можетъ написать поплодовитѣе и пояснѣе. Аврамовъ сообщилъ свою мысль Варлааму, а тотъ нашелъ это дѣло современнымъ и очень важнымъ и поручилъ Маркеллу написать отвѣтъ Сорбоннѣ поплодовитѣе Стефана.

Но Родышевскій, вмѣсто спора съ западными богословами, занялся своимъ дѣломъ и написалъ *Житіе новгородскаго архіепископа, еретика Теофана Прокоповича*. Варлаамъ, въ ожиданіи плодовиатаго отвѣта, послалъ къ Родышевскому Іону, чтобы онъ остался при немъ въ кельѣ и переписывалъ отвѣтъ съ черновыхъ тетрадей Маркелла. Между тѣмъ Родышевскій далъ ему переписать тетрадь о житіи Теофана и пункты о его церковныхъ противностяхъ; кромѣ того далъ ему прочесть свои челобитныя на Теофана. Ревность Родышевскаго вдохновила Іону. «Видя многое въ его челобитныхъ доказательство и смѣлость» Іона рѣшился просить Императрицу, «чтобы она дала судъ Родышевскому съ Прокоповичемъ, дабы въ народѣ сумнительства не было». Онъ написалъ донесеніе на высочайшее имя и показалъ Варлааму. Варлаамъ прочесть и написалъ на доношеніи: «мужайся и да крѣпится сердце твое и потерпи». А на словахъ сказалъ: «надобно объявить со временемъ, а не нынѣ». — Недовольный этою медлительностію Іона, выждавъ когда Варлаамъ ушелъ во дворецъ, разорвалъ челобитную, чтобъ не попала въ другія руки.

Видя, что чрезъ Варлаама ничего не сдѣлаешь, Іона рѣшился дѣйствовать своими способами. Онъ дополнилъ Маркеллово *житіе Теофана* разными приставками въ видѣ гимновъ, псалмовъ и молитвъ и рѣшился распространить это сочиненіе въ народѣ, «чтобы о противностяхъ архіерея Теофана къ Церкви святой вѣдали и новоизданнымъ его книгамъ не вѣрили». Напрасно Аврамовъ уговаривалъ его не дѣлать этого: «Родышевской ужъ сочиняетъ про Теофана двѣ книги—одну о монашествѣ, другую о правленіи царствъ. Мы вручимъ ихъ Варлааму, а онъ предложитъ Государынѣ—и тогда Теофану дастся судъ съ Родышевскимъ, и противности Теофановы явны будутъ и безъ его тетрадей». Іона не послушался добраго совѣта и началъ распространять въ своемъ кругу опасныя тетради. Пасквиль переходилъ изъ рукъ въ руки;

противники Теофана читали его — выражаясь любимым словом Теофана — «до сытости».

Между тѣмъ Аврамовъ съ Родышевскимъ привлекли на свою сторону и ввели въ интересъ своего дѣла множество лицъ всякаго званія. Въ кельяхъ Варлаама Аврамовъ всегда встрѣчалъ толпу просителей, знакомыхъ, случайныхъ посѣтителей — и всѣмъ дулъ въ уши про дѣло Родышевскаго. Заинтересованные Аврамовымъ въ пользу Маркелла пріѣзжали къ нему въ монастырь навѣстить, утѣшить, потолковать. Маркеллъ также выѣзжалъ изъ монастыря къ разнымъ лицамъ, — къ харьковскому архимандриту Платону Малиновскому, который жилъ въ ту пору въ Москвѣ ¹⁾, къ смоленскому епископу Гедсону Вишневному, когда тотъ пріѣзжалъ въ Москву, и къ прочимъ. Платонъ, въ разговорѣ съ Родышевскимъ, также утверждалъ его въ его протестахъ и говорилъ, что «онъ виѣстъ съ Теофаномъ бывалъ въ Кіевѣ и подлинно знаетъ его неправое ученіе; — въ Кіевѣ есть книга Аенасія великаго, перемаранная его рукой». Въ Москвѣ жили въ ту пору печерскіе старцы, хлопотавшіе о назначеніи имъ архимандрита. Видаясь съ Родышевскимъ и другими лицами ихъ партіи, они тоже съ своей стороны прибавляли соли къ общему

¹⁾ Въ 1780 г., по смерти киевпечерскаго архимандрита Іоаннікія Сѣнютовича, кіевскій архіепископъ Варлаамъ Вонатовичъ, виѣстъ съ киевпечерскимъ намістникомъ, прислалъ въ Синодъ прошеніе, съ заручною отъ всего братства, о кандидатахъ для опредѣленія изъ нихъ архимандрита въ печерскій монастырь. Кандидатами назначены были: 1) намістникъ, іеромонахъ Романъ Копя; 2) іеромонахъ Варсоноѣй, благодѣтель пещеры св. Антонія; 3) іеромонахъ Вассіанъ, начальникъ пещеры св. Θεодосія; 4) іеромонахъ Веніаминъ Фальковский, намістникъ александровскаго монастыря; 5) Платонъ Малиновскій, архимандритъ харьковскій куржскій и 6) іеромонахъ Інокентій Ждановичъ, намістникъ новопечерскаго Свинскаго монастыря. Въ прошеніи сказано, что «изъ представленныхъ кандидатовъ первые три человека — отъ старѣйшихъ мужей гѣтами, заслугами и житіемъ безпорочнымъ свидѣтельствованныхъ, а другіе три жъ человека — литераты, умомъ и житіемъ честные». Синодъ, съ утвержденія Императрицы, избралъ въ печерскіе архимандриты харьковскаго архимандрита Платона Малиновскаго; но печерскій монастырь не дозволилъ быть этимъ назначеніемъ и не принялъ Платона. Братство печерское, повидному, хотѣло только сдѣлать честь Платону, поставивши его въ числѣ кандидатовъ на свою архимандрію, но не желало имѣть его своимъ начальникомъ, предпочитая своего намістника, Романа Копя. Обиженный Платонъ переведенъ въ ипатскій монастырь и, въ утѣшеніе, опредѣленъ синодальнымъ членомъ.

раздраженію противъ Феофана: «вѣдаемъ-де мы обхожденіе онаго архіерея, какъ онъ въ Римѣ былъ. Да къ нему жъ и отъ папы римскаго письма бывали. Здѣсь только объ немъ ничего не знаютъ». Варлаамъ въ покояхъ у себя спрашивалъ печерскаго на-мѣстника Романа Копу: «правда ли, будто въ печерской библиотекѣ есть отеческія книги, перемаранныя рукою Феофана»? Романъ сказалъ: «да, имѣются». Аврамовъ выдался съ директоромъ типографіи Барсовымъ. Барсовъ — человѣкъ умный и авторитетъ въ дѣлѣ учености — разсуждалъ, что Феофановы книги, особенно «О блаженствахъ» сочинена неправильно, потому что въ той книгѣ напечатано, будто человѣкъ можетъ спасеніе получить одною вѣрою, а Церковь наша Восточная приняла, что для спасенія при вѣрѣ необходимы добрыя дѣла. — Само собою разумѣется, что дѣло, въ которое, съ разною степенью интереса, вошло столько лицъ, не могло долго держаться въ секретѣ. Въ послѣднихъ числахъ февраля 1731 года членъ Коллегіи экономіи И. П. Топильскій принесъ къ Феофану экземпляръ «его житія», распростра-няемаго Іоной и сказалъ, что ему далъ этотъ экземпляръ отецъ его духовный, священникъ у Спаса въ Читасахъ. Священника допросили. Онъ показалъ, что эту тетрадь прислалъ ему для прочтенія сынъ его духовный, живописецъ Романъ Никитинъ и объяснилъ обстоятельно, какъ это случилось. Романъ Никитинъ бралъ у него прочесть Духовную митрополита Стефана. Спустя нѣсколько времени священникъ послалъ за ней своего сына. Никитинъ возвратилъ Духовную, прислалъ и означенную тетрадь — не поохотится ли священникъ прочесть, что въ ней написано. Позвали къ допросу Романа Никитина. Этотъ показалъ, что ему далъ тетрадь двоюродный братъ его, іеродіаконъ троицкаго подворья Іона. Скоро обнаружилось, что «житіе» сочинялъ Родышевскій. Феофанъ обо всѣхъ, прикосновенныхъ къ дѣлу, донесъ въ Кабинетъ, какъ о распространителяхъ возмутительныхъ тетрадей.

Но въ то время, какъ въ Кабинетѣ началось дѣло о «житіи», духовникъ Императрицы, архимандритъ Варлаамъ, представилъ ей тетради, составленныя Родышевскимъ противъ Феофана и принесенныя къ нему человѣкомъ Аврамова. Трудно угадать, въ какомъ видѣ онъ представилъ это дѣло Государынѣ; кажется, онъ скорѣе оберегалъ себя, нежели защищалъ Родышевскаго. Какъ

бы ни было, но Кабинетъ приказалъ арестовать Родышевскаго и Аврамова.

5-го марта Ушаковъ отдалъ приказъ секретарю Тайной канцеляріи Каразянову: взявъ съ собою солдатъ трехъ человекъ ѣхать въ симоновъ монастырь и имѣющагося тамъ Маркелла заарестовать и изъ монастыря никуда не выпускать и къ нему никого не допускать, а книги, тетради и письма отобрать и запечатать. Директора Аврамова приказано было взять въ Сенатъ и держать подъ карауломъ «для того, что троицкій архимандритъ Варлаамъ доносилъ ея величеству, что оный Аврамовъ сказывалъ ему архимандриту: бывшій-де архимандритъ Маркелгъ Родышевскій говорилъ ему Аврамову, что въ вѣрѣ-де закона греческаго исповѣданія есть поврежденіе; да оный Аврамовъ представилъ ему архимандриту не знамо какого малаго съ тетрадьми письменными для поданія ея императорскому величеству».

Впослѣдствіи Аврамовъ писалъ объ этомъ арестѣ, что онъ «въ ту пору былъ нездоровъ, что передъ тѣмъ онъ былъ въ симоновѣ монастырѣ у Маркелла и, ѣдучи отъ него, лошадь разбила ему ногу, и для той болѣзни привезли его, Аврамова, для исповѣди къ отцу его духовному, попу церкви Гребневской Богородицы, что на Лубянкѣ; тамъ взяли его присланные изъ дворца ея величества, привезли во дворецъ и внеся въ хоромы на коврѣ сирашивали, и онъ сказалъ, что надлежитъ, и ногу его лечили и потомъ отвезли его въ Преображенское и посадили на генеральномъ дворѣ¹⁾»).

Феофанъ не вѣрилъ этой болѣзни или, по крайней-мѣрѣ, тому, чтобы она была поводомъ къ исповѣди и причащенію. Онъ думалъ, что Аврамовъ приготовлялся къ процессу съ нимъ, какъ къ чрезвычайному общественному подвигу или какъ къ страданію. Такъ или иначе дѣло сдѣлано и страданія (естественные и неотвратимые спутники всякаго дѣла въ Тайной канцеляріи) наступили. Розыскъ начался съ *Житія*. Такъ какъ оно вполне напечатано въ Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей російскихъ:²⁾ то мы здѣсь не будемъ перепечатывать

¹⁾ Домесеніе Скорнякова-Писарева изъ Охотска въ Тайную канцелярію 15-го апрѣля 1740 г. (въ Госуд. архивѣ).

²⁾ Чтенія, 1862 г. кн. I. Отд. II, стр. 1—4.

его вполне, а приведемъ только нѣкоторые, болѣе значительныя мѣста.

...«Возвратившись изъ Рима въ Кіевъ, Феофанъ сначала показался зѣло великій по благочестіи ревнитель, за что начали его тамо любить и такожде опредѣлили его быть учителемъ. А какъ онъ въ томъ учительствѣ утвердился, началъ кіевскихъ и малоросскихъ жителей, дѣтей и возрастныхъ людей, приглашать къ себѣ и учить своему еретичеству и многія ереси въ народъ всѣвать и безчисленныя хулы на святую православную Церковь говорить и на обитель печерскую и на мощи святыхъ угодниковъ, и на митроточивыя главы и на освященную воду еретическій свой ядъ блевать, и священнической и монашескій чинъ злохулить и ругать, особо же святыхъ великомученицы Варвары мощи, бывши при гробѣ ея въ монастырѣ святаго Архистратига Михаила, нарицаемомъ златоверхимъ, хулить и поносить, за что тогда, при всемъ народѣ, явно зѣло мучимъ былъ бѣсомъ. Отъ того же времени и до днесь въ разныя времена бѣсомъ мучимъ часто бываетъ же. И не словеснымъ токмо ученіемъ, но и писанными началъ въ Кіевѣ учить еретичеству, подобно кальвинскому и люторскому и прочихъ ересей, и того его еретическаго ученія книги и нынѣ у учениковъ его и у прочихъ на латинскомъ языкѣ въ Кіевѣ: и тѣмъ его еретическимъ ученіемъ тамо многіе прельстилися; еще же книгу благочестиваго исповѣданія на латинскомъ языкѣ святаго Аванасія дерзнулъ чернить, и въ ней ученіе Аріево оправдать, а Аванасіево злорѣчить и поносить: и та книга нынѣ обрѣтается въ киевпечерской обители, въ библиотекѣ; потомъ и другую книгу кальвинскую взявъ, на поляхъ во многихъ мѣстахъ приправивалъ, что Кальвинъ будто право учить, а благочестивое ученіе наше какъ бы не правое: и та книга нынѣ обрѣтается во училищахъ, въ кіевскомъ братскомъ монастырѣ. И тѣ его, Прокоповичевы, означенныя на святую Церковь еретическія укоризны видя кіевского братскаго монастыря учитель и іеродіаконъ Маркелъ Родышевскій, такожъ и другіе учителя, Гедeonъ Вишневскій, нынѣшній епископъ смоленскій, православіе защищали и всегда съ нимъ отъ божественнаго писанія споровали и явно его злочестивое ученіе дерзновенно и смѣло обличали всенародно; а въ 1713 году, въ Кіевѣ, въ братскомъ монастырѣ, при мно-

гомъ собранія, оныя учителя Родышевскій и Вишневскій его, Прокоповичево, злочестивое неправое ученіе публично обличали жъ; и сверхъ того обличенія учитель Гедеонъ Вишневскій, прибывъ въ Москву, о томъ его Теофановѣ еретическомъ ученіи и о соблазнахъ объявилъ письменно преосвященному Стефану, митрополиту рязанскому и муромскому и всему освященному собору. А когда онъ, Теофанъ; въ епископы поставленъ и отпущенъ въ свою епархію былъ, тогда пріѣхалъ въ Нарву и, собравъ въ церковь всемилоствягаго Спаса многія иноземскія персоны, при комендантѣ Сухотинѣ, послѣ служенія своего говорилъ казанье самое еретическое и святыхъ угодниковъ Божіихъ хулилъ; такожь во Псковѣ и во псковскомъ печерскомъ монастырѣ такое жъ еретическое казанье народу сказывалъ, и тамо монастырскія наилучшія церковныя вещи забралъ, и съ патрахели и съ пелены жемчугъ снявъ и возвратився въ Санктъ Петербургъ, началъ еретическія книги составлять и писать, содружася съ Θεодосемъ. Сей ученіемъ, а тотъ смѣлостію и дерзновеніемъ великимъ начали явно всю святую Церковь бороть и вся ея догматы и преданія разрушать и превращать и безбожное лютеранство и прочее еретичество вводить и вкоренять: и тогда весьма отъ нихъ было въ народѣ плачевное время. Учили былъ вездѣ противу благочестія безопасныя бесѣды, и кто каковое хотѣлъ на Церковь поношеніе говорить, и всякое развратное и слабое житіе имѣти учили смѣло; и такъ тогда поносима и воничтожаема святая Церковь со всѣми догматами своими и уставами и преданіями была, что всякое благочестивое христіанское доброе дѣло единымъ словомъ—суетвѣриемъ называемо было; и кто въ нихъ, въ еретикахъ, былъ пунций пьяница и нахалъ и сквернословъ и шутъ, тотъ званъ и вмѣняемъ въ простосердечнаго и благочестиваго человѣка и на высочайшія чести духовныя по ихъ еретическому представительству возводимъ былъ; кто же хотя мало постникъ или воздержникъ и богомольный человѣкъ, тотъ у нихъ званъ былъ раскольникомъ и лицемѣромъ и ханжею и безбожникомъ и весьма не добрымъ человѣкомъ, какъ видно и до нынѣ при немъ, Прокоповичѣ, во всѣхъ сообщникахъ его и въ первомъ келейномъ совѣтникѣ его, Адамѣ; а кто не таковъ, тотъ въ крайнемъ отъ нихъ говеніи и ненависти есть, а отъ духовныхъ знатныхъ персонъ и

отъ начальствѣ своихъ безвинно многіе отлучены и обезчещены, и таковымъ страхомъ чуть не весь монашескій чинъ превратили въ самое безстрашіе и слабость таковую, что многіе и до нынѣ пьянствуютъ и мясо сплошь ядятъ, и вмѣсто книгъ въ кельяхъ и въ церквахъ табакерки въ рукахъ держать и непрестанно порошокъ нюхаютъ. Да его жъ Феофана и товарищей его, Феофила Крулика, Гавриіла рязанскаго, Горки (Лаврентія) и прочихъ тщаніемъ въ нововзданныхъ печатныхъ книгахъ на святую Церковь нестерпимыя хулы и многія ереси обрѣтаются. А при заданіи оныхъ книгъ былъ онъ, Прокоповичъ, въ Синодѣ вице-президентомъ, сидя со оными товарищи своими, кои превеликія досады и гоненія и озлобленія Церкви святой чинили. Весь російскій благочестивый народъ плачущима очима съ болѣзнію сердца видѣлъ, и о всемъ еретическомъ злодѣйствіи довольно вѣдаетъ. Во всемъ бо государствѣ часовни разорили, иконы святыя изъ нихъ безчестно вынести велѣли. «А гдѣ часовенныя каменныя стѣны остались, тамо вмѣсто молитвъ и псалмопѣнія и каноновъ, табакомъ и порошкомъ торговать и бороды брить попустили». Чудотворныя иконы, отсюду забравъ, на гнойныхъ телегахъ, подъ скверными рогожами въ Синодъ, явно во весь народъ, привозили; гробы святыхъ разбивать велѣли, тѣлеса святыхъ изъ земли выкапывать велѣли и ругаяся святымъ угодицамъ Божиимъ ложными монѣми называли; а кто какія на себѣ явшіяся чудеса прославлялъ, тѣхъ жестоко наказывали; всецѣлые монастыри разорить, изъ нихъ монаховъ въ другія монастыри жить переводить; а церковныя всякія другія вещи и монастырскую казну забравъ по себѣ, на свои роскоши, на дорогіе напитки, на музыки съ танцы и на карты съ товарищи употребляли; молодымъ монахомъ жениться и молодымъ монахинямъ замужъ посягать благословляли, музыки и разныя игры и комедіи у себя завели; «по усопникъ на могилкахъ псалтирное чтеніе все оставить, а могилы всѣ съ землею сравнять велѣли: и оное злодѣйство все было отъ совѣтника ихъ еретическаго. Что же онъ, Прокоповичъ, мудрствуетъ и чему народъ учить, и въ томъ на него вышепоказанной учитель, Маркелъ Родышевской, въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ доносишь».

Іона, прочитавъ это «житіе», прибавилъ къ нему нѣсколько ста-

тей, въ видѣ гимновъ и молитвъ, также съ обличеніемъ Θεοφана въ еретичествѣ.

«Что хвалишися еретиче, во злобѣ сильне? Возлюбилъ еси еретичество паче благочестія, испровергаеши Церковь православную еретичества твоими. Сего ради Богъ разрушитъ тя до конца, якоже и товарищей твоихъ Θεодоса и Овсянникова; узрять бо благочестивые и возрадуются и рекутъ: сей еретикъ не положи призывати въ помощь Богоматерь и святыхъ угольниковъ и исчезе ко отцу своему сатанѣ».

«Минен четін февраля въ 25 день, въ житіи святаго Тарасія патріарха цареградскаго, на листу 741 на оборотѣ, напечатано сице: не почитающимъ святыхъ иконы — анаема; нарицающимъ идолами иконы святыхъ — анаема; приводящимъ словеса божественнаго писанія противу святыхъ иконъ — анаема; отвергающимъ преданіе святыхъ отецъ, якоже отвергаше Арій, Несторій, Евтихій, Діоскоръ, нехотящимъ пріяти тая — анаема; глаголющимъ иконы святыхъ не отъ святыхъ отецъ быти преданныя — анаема; глаголющимъ, яко Церковь каеоллическая приемятъ идолы — анаема».

«Видѣ, Прокоповичъ, отъ святыхъ отецъ написано вашей братѣ еретикамъ—вивать; и нынѣ отъ насъ тожъ тебѣ буди и съ товарищи твои, понеже прежде помянутый кievскаго братскаго монастыря, потомъ бывый въ Новгородѣ въ юрьевѣ монастырѣ архимандритъ Маркелъ Родышевскій въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ оными пунктами доносилъ на тебя имянно, и за правое свое доношеніе и за ревность по благочестіи и за охраненіе святыхъ Церкви не точию отъ архимандричества отставленъ и отъ монастыря отлученъ, и по се время страждетъ во изгнаніи и въ заключеніи въ осьмомъ мѣстѣ, и нынѣ сидитъ въ симоновѣ монастырѣ не исходно 4-й годъ, а по тѣмъ своимъ пунктамъ со усердіемъ суда и очныя ставки всечасно желаетъ; а ты еретикъ мочью своею того праваго обличителя своего чрезъ многіе годы въ тюрьмѣ уморить ищешь, думаешь въ томъ своемъ лукавомъ еретичествѣ не познанъ быти. Обличаютъ, а ты молчишь, къ отвѣту не слѣшишь, суда не просишь, только бѣ больше не оглашали и неволею къ отвѣту не принуждали. Ка-бы ты въ томъ правъ былъ, то весьма бы давно самъ суда искалъ и за безчестье свое обороны

просилъ, а нынѣ, хотя малый ребенокъ еретикомъ тебя въ глаза назоветъ, какъ-то изъ подъ такой укоризны выправиться можешь?»

«Здѣ всякъ разсуждати изволить, кого нынѣ Россія за первѣйшаго пастыря имѣеть, кого главнымъ преосвященнымъ архіереемъ называетъ, первымъ и главнымъ архіереемъ? Уніятами въ діаконы поставленнаго, римскаго костела присягателя, монашескій чинъ и мантию внѣ монастыря негдѣ на полѣ надѣтъ самому на себя дерзнувшаго, еретика сущаго, отъ бѣса явно и непрестанно мучимаго, Феофана Прокоповича».

«Видимъ нынѣ ея императорскаго величества праведнымъ судомъ за неохраненіе чести ея императорскаго величества архіереи и изъ господъ бывшія высокія персоны каковое наказаніе по дѣламъ своимъ пріемлютъ».

«Чудо востинну ужасно: ея императорскаго величества здравіе и достойную честь охраняютъ, а Божескую весьма презираютъ. Однако Богъ никогда поругаемъ не бываетъ. Лице бо Господне на творящія злая, еже потребити отъ земли память ихъ».

«Вѣждте извѣстно о правовѣрніи, яко всякъ, пріятствуяи еретикомъ, врагомъ сущимъ Церкви Христовой и дружбу съ ними имѣяи, врагъ есть самому Христу: яко же бо кто, содружайся врагу цареву, нѣсть другъ царевъ, но врагъ; сице содружайся врагомъ святыя Церкви нѣсть рабъ, вѣренъ Христу, но враждебенъ ему есть».

«Господи Боже нашъ, сподоби насъ праведнымъ судомъ твоимъ и правою вѣрою и ревностію по благочестіи и указамъ всемілостивѣйшей Государыни нашей Анны Іоанновны, видѣть еретика Прокоповича съ товарищи его на Красной площади или на болотѣ въ такой же славѣ, якоже видѣхомъ Оуму цырюльника, о чемъ да прославится память его и со всѣми товарищи его въ великой успенской церкви въ православіи во многія гѣта. Аминь¹⁾».

Родышевскому и Аврамову сдѣлали допросы: «не имѣютъ ли они какой обиды или досады отъ новгородскаго архіепископа? Родышевскій отвѣчалъ, что собственной досады и обиды, кромѣ

¹⁾ Чтенія въ Имп. Обществѣ ист. и древн. рос. 1862 г. кн. I. Дѣло о Феофанѣ Прокоповичѣ, стр. 9—11.

церковной, не имѣть. «Въ какой силѣ онъ написалъ о рожденіи и о житіи Теофана и почему то знаетъ, и гдѣ, когда и въ чемъ они съ Гедеономъ его обличали»? Маркеллъ отвѣчалъ: «о еретицествѣ и о церковной противности Теофана дерзновенно и смѣло онъ, Родышевскій, и Гедеонъ епископъ смоленскій обличали всенародно и всегда съ нимъ отъ божественнаго писанія спорили, и о томъ о всемъ показано у него, Родышевскаго, въ доказательствахъ его и въ возраженіяхъ на книги. А что онъ архіерей святыхъ великомученицы Варвары мощи хулилъ и поносилъ и за то мучимъ былъ бѣсомъ, о томъ въ 1713 или въ 1714 годахъ сказывалъ ему, Родышевскому, кievской школы учитель іеромонахъ Михаилъ Рагузскій, что-де оный архіерей тѣ мощи хулилъ и поносилъ будучи въ Глуховѣ въ гетманскомъ домѣ при гетманыхъ Скоропадкой, и какъ отъ нея пріѣхалъ на квартиру свою, тогда мучимъ былъ бѣсомъ часовъ съ семь при немъ Михаилъ и при прочихъ келейникахъ. Да въ 1718 году сказывалъ Родышевскому келейный служитель его архіерейскій, Лука Левицкій, что въ С.-Петербургѣ на невскомъ подворьѣ онъ архіерей мучимъ былъ бѣсомъ же часа съ три; да и самъ онъ архіерей ему, Родышевскому, сказывалъ, что бываетъ надъ нимъ меленколія и падаетъ на землю и, что дѣлаетъ того и самъ не помнитъ. А о житіи и о рожденіи его архіерея знаетъ онъ Родышевскій, потому что самъ жилъ въ Кіевѣ и дѣтство его архіерейское видѣлъ и слышалъ отъ тѣхъ свидѣтелей, которые въ доказательствахъ его, Родышевскаго, показаны; да и другіе многіе кievскіе жители о томъ вѣдаютъ, въ чемъ онъ Родышевскій шлется хотя въ повальной обыскъ; да и ему Родышевскому, когда онъ съ нимъ архіереемъ былъ въ дружелюбствѣ, онъ Прокоповичъ сказывалъ, что мантию самъ на себя надѣлъ безъ постриженія и говорилъ: Богъ-де меня сохранилъ, что чернеческой діавольской одежды на меня не положили». — «Что за дружба у него съ Аврамовымъ и Іоною»? Родышевскій отвѣчалъ, что «у него дѣло церковное и другой дружбы съ нимъ нѣтъ».

Аврамовъ показалъ, какъ познакомился съ Родышевскимъ въ симоновѣ монастырѣ, разсуждалъ съ нимъ о ересяхъ Теофана и передавалъ его порученія Варлааму. — «Не разсуждалъ ли онъ еще съ кѣмъ о противностяхъ Теофана»? «Говорилъ съ смолен-

скимъ епископомъ Гедеономъ Вишневскимъ о книгѣ блаженствъ. Гедеонъ сказалъ ему, что въ этой книгѣ много противнаго Церкви и еслибъ писать, то можнобъ много написать». Любопытны слѣдующіе за тѣмъ вопросы: «введенныхъ обычаевъ внѣшнихъ, яко брадобритія, платья иностраннаго и обрядовъ разныхъ забавныхъ не ставилъ ли онъ въ противность благочестію и въ томъ, также будто въ презрѣніи Церкви, не говорилъ ли про ея величество? Аврамовъ отвѣчалъ, что «въ Москвѣ во дворцѣ, въ залѣ большомъ, усмотрѣлъ онъ, что вверху написана исторія Еллинская и въ тожъ время прилучилося въ той залѣ быть троцкому архимандриту Варлааму; и онъ говорилъ тому архимандриту, что лучше бы въ оной залѣ вмѣсто языческой исторіи написать исторію Христову, или царя Давида, или-де Соломонову изъ библии. А больше ни о чемъ о томъ онъ ни съ кѣмъ не говаривалъ и никакія дѣла и дѣйствія, отъ иностранныхъ принятыя въ Россіи, никакъ не нарекалъ и ни съ кѣмъ о томъ не разсуждалъ». «Когда онъ ногу повихнулъ—прежде исповѣди или послѣ и для чего причащался въ пятницу и не дождался по обычаю субботы, и гдѣ причащался, въ церкви ли, или индѣ гдѣ и не было ли въ томъ съ Маркеломъ согласія, чтобы увидавъ посылку скорѣе причаститься, будто готовясь къ страданію»? Аврамовъ отвѣчалъ, что «ногу сломалъ прежде исповѣди, а причащался въ той болѣзни, понеже былъ близъ смерти; и причащался въ домѣ у отца своего духовнаго на постели. А съ Родышевскимъ у него согласія не было, чтобы, увидѣвъ посылку, причаститься».

Іона также показалъ, что «ничего не имѣеть противъ Теофана, но написалъ все это отъ ревности по Церкви Божіей. Пункты, на концѣ житія Теофанова, написалъ онъ Іона по ревности своей, къ поношенію новгородскаго архіерея Теофана того ради, что онъ архіерей умствуеетъ, будто пречистую Богоматерь и святыхъ угодниковъ Божіихъ въ помощь призывать и молитися имъ не должно. Церковь проклинаетъ иконоборцовъ, а въ пунктахъ Родышевскаго показано, что онъ архіерей иконы идолами, а поклоняющихся идолопоклонниками называетъ. Въ тѣхъ же пунктахъ Родышевскаго написанъ онъ архіерей противникомъ Церкви святой, и того ради онъ Іона его, архіерея, съ товарищи признавалъ за еретиковъ, а vivat ему архіерею написалъ онъ вмѣсто собор-

наго проклятiя. Для показанныхъ во оныхъ пунктахъ резоновъ, онъ архiерей званiя архiерейскаго недостойнъ; а о тѣхъ резонахъ онъ Iона самъ не свѣдомъ, а видѣлъ ихъ въ экстрактѣ Родышевскаго. «Долгорукие, также и архiерей ростовскiй и прочiе за вины свои сосланы; а по показанiю Родышевскаго на новгородскаго архiерея указа не учинено, и потому мыслилъ онъ Iона, что объ ономъ ея величеству отъ господъ недонесено; того ради и написалъ на нихъ господъ, что Божескую честь весьма презираютъ, знатно охраняючи его архiерея; понеже еслибъ ея величеству о томъ было донесено, то, по показанiю Родышевскаго, давно бы изслѣдовано было, потому что ея величество благочестивую вѣру содержать твердо и по вступленiи своемъ на россиискiй престолъ прежде ревность возъмѣла о святыхъ Божiихъ церквахъ, нежели о гражданскихъ дѣлахъ». «А что написалъ онъ Iона такое слово: вѣждьте, и оное-де на общее лицо, дабы кому бѣ оная тетрадь въ руки не пришла, тобъ оный донесъ ея величеству». «Все это написалъ онъ Iона отъ ревности своей, чтобъ за показанныя отъ Родышевскаго на архiерея Феофана многiя церковныя противности отлученъ былъ онъ архiерей отъ православнаго церковнаго правленiя и наказанъ былъ бы, какъ и означенный цирюльникъ Тома за иконоборство. А вышеозначенныхъ противныхъ дѣлъ за нимъ архiереемъ онъ Iона не знаетъ, а усмотрѣлъ о томъ изъ писемъ Родышевскаго. Токмо знаетъ онъ Iона за нимъ архiереемъ то, что онъ церкви у себя въ домѣ не имѣетъ и въ мясоѣды и во всѣ посты мясо ѣстъ; а о томъ мясоѣстiи свѣдомъ онъ Iона отъ повара его Петра, который былъ въ домѣ его архiерейскомъ, а въ прошедшiй рождественскiй мясоѣдъ принять къ троицкому архимандриту. Да онъ же де Iона, когда бывалъ въ служенiи при немъ архiерей, и тогда усмотрѣлъ за нимъ противность церковную такую, что во время святой литургiи, когда причащаются служащiе священники и дiаконы, и когда приступаютъ къ воспрiятiю тѣла и крови Господни, то по церковному уставу приступа къ нему архiерею говорятъ тако: преподаждь мнѣ преосвященнѣйшiй владыко и проч. А противъ того прошенiя надлежитъ ему архiерею отвѣтствовать: преподается тебѣ.... А онъ архiерей тѣхъ словъ не говоритъ и подаетъ молча; о чемъ онъ Iона объявлялъ троицкому архимандриту Варлааму».

Кабинетъ, по всему видно, не считалъ Теофанъ правымъ, но, требуя отъ него показаній, давалъ ему полную свободу направлять дѣло въ какую ему угодно сторону. Теофанъ старался свалить дѣло съ своихъ плечъ и придать ему видъ государственнаго преступленія. Онъ подыскалъ въ бумагахъ Родышевскаго и Ионы замыслы противъ высочайшей власти.

Въ тетради о житіи Теофана написано: «Чудо востинну ужасно: ея императорскаго величества здравіе и честь охраняють, а Божескую весьма презирають. Однако Богъ никогда поругаемъ не бываетъ. Лице бо Господне на творящихъ злая, еже потребити отъ земли память ихъ». «И оное о комъ написано—спрашивалъ Теофанъ — и кто Божескую честь презираеть?»

Въ этой же тетради написано: «вѣждте извѣстно о правовѣрніи, яко всякъ, пріятствуя еретикомъ, врагомъ сущимъ Церкви Христовы и дружбу съ ними имѣяй, врагъ есть самому Христу; яко же бо кто содружится врагу цареву нѣсть другъ царевъ, но врагъ: сице содружайся врагомъ св. Церкви нѣсть рабъ вѣренъ Христу, но враждебенъ ему есть». «И оное онъ Родышевскій о комъ и въ какой силѣ написалъ? Кто пріятельствуетъ еретикомъ и любить и дружество съ нимъ имѣеть?»

Приписки эти оказались сочиненіемъ Ионы.

Кромѣ того съ бумагами Родышевскаго захвачены были бумаги одного вологодскаго подъячаго, Ивана Константинова, который имѣя процессъ въ Сенатѣ, жилъ въ Москвѣ и, познакомившись съ Родышевскимъ, переписывалъ ему разныя бумаги, а между тѣмъ дѣлалъ для себя разныя выписки изъ печатныхъ и письменныхъ книгъ. Константинова арестовали, потому что въ выпискахъ его оказались рѣчи противныя высочайшей власти. Этотъ богословъ-подъячій вообразилъ, что когда монахи снимаютъ въ церкви клобуки, міряне тоже должны снимать — кто носить — парики. Считая Маркелла умнымъ человекомъ и авторитетомъ въ этомъ дѣлѣ, онъ сообщилъ ему о своихъ размышленіяхъ и сказалъ, что поговоритъ объ этомъ съ кѣмъ нибудь изъ архіереевъ; и ежели какой архіерей скажетъ ему Константинову, что онъ не противно мудрствуетъ, то онъ подастъ о томъ челобитную ея величеству. Маркелгъ отвѣчалъ ему: «это дѣло малое, архіерей въ это не вступятся. Они и въ настоящія церковныя дѣла по доношеніямъ

не вступаютъ». Константиновъ не унялся этимъ и составилъ челобитную ея величеству. Это бы еще не бѣда — глупость и только. Но онъ задумалъ въ этой челобитной примѣнять пророческія слова къ царствующему дому. Напрямѣръ противъ словъ пророка Исаи: Господь Саваоѣ отъиметь крѣпкаго и крѣпкую, написалъ: «Императора и Императрицу». Слѣдователи засыпали его вопросами: кого и что онъ разумѣлъ? Константиновъ показалъ, что написалъ это жалѣя покойныхъ Государей Петра I и Екатерину. Въ такомъ же родѣ написалъ и о царствующей Государынѣ, что «покалія ради оставилъ Богъ ея величество — крѣпкую надежду».

Этого было довольно, чтобы придать преступленіямъ всѣхъ ихъ политическій характеръ. 15 мая представленъ былъ Государынѣ по этому дѣлу экстрактъ, на которомъ состоялось высочайшее опредѣленіе: такъ какъ въ бумагахъ ихъ заключаются порицательныя слова не только на Теофана, но и къ высокому лицу ея императорскаго величества, касающіяся: то оными іерод. Іоною и Константиновымъ *розыскивать*, не имѣютъ ли они на ея императорское величество злобы или какого мнѣнія, и не было ль у нихъ намѣренія, чтобы оными письмами какое возмущеніе учинить».

По требованію Кабинета, Синодъ командировалъ іеромонаха Ирнарха для снятія сана съ іеродіакона Іоны. Ирнархъ исполнилъ это порученіе 17 мая на генеральномъ дворѣ въ Преображенской канцеляріи ¹⁾. Въ тотъ же день разстригу, но мірскому имени Осипа, подняли на дыбу. Въ распросѣ съ подъему и съ пытки онъ показалъ, что къ экстракту Родышевскаго онъ прибавилъ многія рѣчи не къ высокой персонѣ ея величества, а къ лицу новгородскаго архіерея Теофана, по ревности своей о Церкви святой, потому что отъ Родышевскаго показано на него архіерея о церковной противности; въ согласіи съ нимъ, Осипомъ, никого не было и на ея императорское величество злобы и никакого мнѣнія и намѣренія, чтобы оными письмами какое возмущеніе учинить, у него не было».

За нимъ въ тотъ же день привели въ застѣнокъ Константинова. Въ распросѣ онъ показалъ: «выписочку изъ книгъ и прочія рѣчи выписывалъ онъ для того, что усмотрѣлъ онъ въ книгахъ

¹⁾ Дѣла архива св. Синода, 1731 г. № 165.

Родышевскаго на новгородскаго архіерея поношенія и мыслилъ онъ, что народъ чрезъ такое ученіе отъ православной вѣры отсталъ и для того оное сочинялъ, понеже намѣренъ онъ былъ о томъ съ Родышевскимъ говорить и требовать отъ него разсужденія. И ежели бы Родышевскій обнадѣжилъ его, что въ означенной выписочкѣ нѣтъ ничего противнаго, то хотѣлъ о томъ подать ея величеству; только ни съ нимъ Родышевскимъ и ни съ кѣмъ разсужденія у него о томъ небыло. Написавъ съ этой выписочки челобитную, онъ отдалъ ее Родышевскому и просилъ его, чтобы онъ ту челобитную посмотрѣлъ и разсудилъ, не противно ль то? Родышевскій ту челобитную взялъ и потомъ отдалъ ему назадъ и говорилъ, что ему Родышевскому той челобитной смотрѣть нѣкогда, понеже у него и своихъ церковныхъ нуждъ много. А показанныя въ выписочкѣ и прочія рѣчи выписывалъ онъ собою къ защищенію святой Церкви и мыслилъ онъ, что въ народѣ неправосудіе и что архіереи о Церкви Божіей не радятъ, понеже видѣлъ въ письмахъ Родышевскаго противности церковныя на новгородскаго архіерея, и что ему, Константинову, не даютъ жалованья, о чемъ значитъ въ дѣлѣ его именно. И оное все написалъ онъ на разсужденіе ея величеству, понеже мыслилъ онъ, что отъ ея величества къ Церкви святой защищеніе будетъ и къ нему показана будетъ милость. А ежели бы Родышевскій сказалъ ему, что написанное въ той выписочкѣ къ защищенію Церкви святой не приличествуетъ, то хотѣлъ оное оставить; а никому такими письмами угрозить не хотѣлъ и не къ высокой ея величества персонѣ показанное все онъ писалъ, но въ разсужденіе, и на ея величество злобы и никакого мнѣнія онъ не имѣеть и ни отъ кого не слыжалъ, и намѣренія такова, чтобы оными письмами какое возмущеніе учинить, у него не было».

Этимъ пока кончилось дѣло о государственныхъ вопросахъ по первымъ пунктамъ и началось о церковныхъ противностяхъ Феофана.

XVII.

Возраженія Родышевскаго на Регламентъ духовный и на Указъ о монашествахъ. — Московскій розыскъ.

Родышевскій подагъ, чрезъ Аврамова, архимандриту Варлааму прошеніе на высочайшее имя и, при прошеніи, *Возраженія на Объявленіе о монашествахъ, на Регламентъ Духовный и на книгу О блаженствахъ.*

Въ прошеніи Родышевскій писагъ: «отъ всея всеусерднѣйшія любви моея и зельнѣйшей ревности къ Богу и къ вашему императорскому величеству и ко всей высочайшей фамиліи вашей, нынѣ благополучно здравствующей и о Господѣ уже успшей, а не отъ бездѣльной и легкомысленной каковой продерзости, умыслигъ составить и уже, Божіею поспѣшествующею благодатию, составилгъ, непротивно Повелителя высочайшаго (аще бы кто безстудно и ложно клеветати восхотѣгъ на меня о семъ) и благочестивѣйшаго и всѣми превѣсокими дѣлы своими во всей подсолнечной препрославленнаго, высокославныя и вѣчныя памяти предостойнѣйшаго Петра Великаго, Императора и самодержца всероссійскаго, ему же во вѣки вѣчная и безконечная буди вѣчная память и присносущная въ небеси радость и непрестанное веселіе; но противъ составителя и писателя книгъ: Толкованія о блаженствахъ Христовыхъ и Регламента Духовнаго и нѣкоего Объявленія о монашествахъ, на которія, — усмотрѣвъ я въ нихъ множество великое Церкви святой противоумствованія прикрытаго еретическаго, не весьма яснаго, — объяснивъ оное и возраженіе написагъ, вручая мене самаго и оныя книги самому вашему императорскому всепресвѣтлѣйшему величеству ради разсмотрѣнія, полагаюся во всегъ въ волю вашу. О всемилостивѣйшая владычице и великая госпоже и Государыня всероссійская! Ваше величество сама что восхоощи, то со мною и со оными книгами со-

твори; и буде повелиши и болѣе что писать, то стану; буде же повелиши молчать и отнюдь ни о чемъ уже и о самыхъ написанныхъ книгахъ и не стужать и не говорить, то отнюдь никогда не стану и повелѣнія вашего величества не преступлю; а и писемъ я кромѣ сихъ и которіи уже вашему величеству отданы, ниже кому давалъ, ниже разсѣвалъ гдѣ, и не за что на мене клеветать о семъ никому; а подѣ одинъ святѣйшаго Синода судъ и въ обиду меня не давать».

Возраженія на Регламентъ Духовный и на Указъ о монашесствѣ составляютъ двѣ большихъ тетради, въ нѣсколько сотъ листовъ каждая. Мы сдѣлаемъ только краткій анализъ ихъ содержанія, такъ какъ они выражаютъ понятія противниковъ реформы о состояніи Церкви и общества.

Родышевскій еще надѣялся на возстановленіе патриаршества. Безъ сомнѣнія это — остатокъ надеждъ минувшаго царствованія. Не трудно угадать, кто заинтересовалъ и поддерживалъ Маркелла въ этихъ надеждахъ. Это были Дашковъ и Варлаамъ. Первый сошелъ уже со сцены и положеніе его было теперь ни чѣмъ не лучше положенія его кліента — Родышевскаго. Мѣсто Дашкова заступилъ для Маркелла Варлаамъ, также мечтавшій о патриаршествѣ. Онъ хотѣлъ уронить во мнѣніи правительства и народа Синодъ съ его Регламентомъ и учрежденіями, замѣнившіе собою патриаршество. Родышевскому, повидимому, поручено было опровергнуть личный составъ тогдашняго Синода и доказать изъ церковныхъ правилъ и историческихъ свидѣтельствъ незаконность этой формы церковнаго правленія, не справедливо замѣнившей собою будто бы древнюю и постоянную форму церковнаго правленія — патриаршество. Родышевскій не пожалѣлъ труда и, живя въ симоновѣ монастырѣ, въ 1730 г. написалъ огромное сочиненіе противъ Духовнаго Регламента.

Начало или вступленіе къ этому разбору показываетъ направленіе, которому онъ слѣдуетъ въ самомъ разборѣ. «Вѣчная буди память Петру Великому, Императору и самодержцу всероссійскому, который всѣми образами тщался всяку правду и истину вселити въ своемъ государствѣ. Кромѣ иныхъ безчисленныхъ его добрыхъ дѣлъ, всему свѣту вѣдомыхъ, великій мо-

нархъ и приснославный и приснопамятный Государь, желая и духовный чинъ видѣти въ древнемъ христіанскомъ добромъ и самомъ богодуховенномъ состояніи, повелѣлъ написать Регламентъ Духовный, какъ правитися чину всему духовному, который ниже бы мало разнествовалъ, но во всемъ былъ бы согласенъ догматамъ святыхъ восточныхъ православныхъ греческія Церкви и ученію истинному — древнему ея исповѣданію всѣхъ святыхъ семи соборовъ вселенскихъ, учителей церковныхъ и преданію соборному, такожъ апостольскому, яко и святыхъ отецъ. И на сіе усматривая мужа таковаго, который бы искусенъ былъ великой премудрости и въ вѣжествѣ святаго писанія и святыхъ соборовъ и святыхъ отецъ, самъ сущи многотруденъ и многодѣленъ и въ воинскомъ упражненіи обученъ и во многыхъ браняхъ и побѣдахъ, отъ многообразныхъ и многократныхъ разговоровъ возмѣлъ таковаго быти отъ его величества на престолъ епископіи псковской произведеннаго Теофана Прокоповича, которому надѣялся, что онъ яко въ благочестіи и рожденъ и взросъ и внѣшняя ученія прошелъ, ктомужь остроуменъ, имѣетъ замышленное его величествомъ дѣло добръ и непорочно управитъ по разуму святыхъ Церкви; и того ради повелѣлъ ему ради исправленія церковнаго, буде бы въ чомъ видѣлъ онъ неисправный чинъ духовный въ Россіи, составить Регламентъ Духовный и повѣрилъ ему, какъ бы доброму человѣку и правовѣрному мужу. Теофанъ Прокоповичъ, составивъ Регламентъ оный, предложилъ многотрудѣйшему Монарху къ подписанію руки высочайшей его, который прочелъ ли или нѣтъ и повѣря совѣсти онаго Прокоповича и искусству и мнимому благочестію, приложилъ руку свою монаршую. И прочіи господа сенаторы, въ собраніи сущіи въ Сенатѣ, оный Регламентъ Духовный слышали, и понеже не духовными дѣлами, но гражданскими отягощеніи и въ нихъ упражняющіеся, ктомужь видя Монарха своего великаго, приложившаго руку, и сами приложили, вѣря также совѣсти его епископской, еще же епископа православнаго мнящагося быти. Духовныя лица вси такъ разумѣтся, что видяще монаршеской и сенаторскихъ рукъ и иной своей братіи архіереевъ и архимандритовъ и игуменовъ приложение, и сами приложили; нини же хотя и совершенно вѣдали написанная, но обаче снисходяще по повелѣнію и чести подписанію руки царской и се-

наторской, и опасаящяся гнѣва и противовостанія на себя, яко чловѣцы боязливии и твердости крѣпкой духовной въ себѣ не весьма имущи, хотя и мудрии и учителя церковнии сихъ послѣднихъ уже вѣковъ, подписалися. И сіи вси имѣють извиненіе и за простоту свою, яко просто, а не отъ хитрости каковой, содѣлавшии, или ради невѣденія, или страха ради, или иной каковой ради вины не подлежатъ суду Божію и великому и крайнему правосудія Его казни; съ ними же сихъ ради вины, паче же судьбы ради своихъ, намъ неисповѣдимыхъ, и явить и да явить Господь милосердіе свое». Но къ Феофану Родышевскій относится не такъ снисходительно, угрожая ему вѣчнымъ мученіемъ.

За тѣмъ онъ разбираетъ полемически, шагъ за шагомъ, изъ страницы въ страницу, самый Регламентъ, пересыпая свой разборъ бранью и ругательствами на тогдашнихъ духовныхъ правителей — первыхъ членовъ св. Синода. Тонъ его чрезвычайно рѣзкій. Маркелъ обнаруживаетъ частную жизнь тогдашнихъ духовныхъ правителей и публично порицаетъ ихъ тѣмъ, что ни въ какомъ случаѣ не подлежитъ гласности и общественному сужденію, а тѣмъ больше публичному осужденію. Въ первомъ пунктѣ онъ говоритъ о присягѣ членовъ духовной коллегіи; потомъ о причинахъ замѣны патріаршества Синодомъ; дальше о дѣлахъ подлежащихъ духовной коллегіи и дѣлахъ епископовъ; наконецъ о домахъ училищныхъ, проповѣдникахъ слова Божія и мірскихъ особахъ. Сообразно съ своею предзанятою мыслію онъ старается доказать, что патріаршество есть не только древнѣйшая, но и единственно законная форма церковнаго управленія. Подъ возраженіемъ подписался «старецъ узникъ Маркелъ 1730 года марта 3 дня».

Отставая патріаршескую форму правленія противъ новоучрежденнаго Синода, Родышевскій съ такой же горячію отстаиваетъ древнерусскую форму монашеской жизни противъ новыхъ постановленій о монашествѣ, особенно противъ извѣстнаго указа 1724 года. Сочиненіе Маркелла составляетъ цѣлую книгу, которую можно бы назвать апологіей или защищеніемъ монашества. Феофанъ написалъ отвѣтъ на нее въ духѣ новыхъ постановленій о монашествѣ. Въ эпоху борьбы двухъ понятій стараго и новаго любопытно сопоставить и сравнить между собою основа-

нія, на которыхъ то и другое опиралось и опредѣлить ту форму, въ какой старое понятіе явилось въ сознаниі его защитниковъ въ переходную для него эпоху. Здѣсь выясняется передъ нами самый принципъ древнерусскаго монашества — то, что было въ немъ жизненнаго, что привязывало къ нему народъ и давало ему значеніе одной изъ важнѣйшихъ формъ народной жизни.

Маркеллъ выступаетъ на защищеніе монашества, какъ на святой и богоугодный подвигъ во славу имени Божія и начинается его благоговѣйною молитвою: «помози ми Боже Спасителю мой, славы ради имени святаго твоего». Впрочемъ общій тонъ его апологій не соотвѣтствуетъ ея благочестивому началу.

Маркеллъ раздѣлилъ свою апологію на десять статей или главъ, которыя онъ называлъ изъясненіями.

Что есть монашество и какая должность чина монашескаго? «Монашество есть совершеннѣйшее житіе христіанское и чинъ, соединенный съ присягою или обѣщаніемъ, еже сохранить утвержденное при постриженіи власовъ и при воспріятіи собственныхъ монашеству уставленныхъ, древними святыми утвержденныхъ и ангельскимъ явленіемъ Похомію великому поданныхъ одеждъ». Высшее совершенство его состоитъ въ томъ, что монахъ обѣщается сохранить не только заповѣди Христовы, но и совѣты — нищеты, чистоты и послушанія ради Бога. «Понеже прочіе (простые смертные), пристрастившися къ житейскому попеченію о женахъ и дѣтяхъ, о имѣніяхъ и стяжаніи сихъ и о иныхъ купляхъ житейскихъ и упражненіяхъ, не могутъ вси одинаковы быти, пачеже не могутъ вси въ безбрачїи и нищетѣ и послушаніи Бога ради, совершеннаго и общежительнаго самаго житія получить и стяжати; и того ради самъ Богъ чрезъ Церковь свою святую умыслилъ сщевый чинъ святыи и непорочный, ради вышереченныхъ вины, по божественному своему совѣту и усмотрѣнію, уставити, паче же ради пользы великія православныхъ всѣхъ христіанъ».

Когда начался чинъ монашескій? «Вѣдати подобаетъ всѣмъ, что чинъ монашескій есть трегубый. Едини суть монахи, которые, хотя постриженія монашескаго или одеждъ не имѣютъ или не имѣли никогда, обаче дѣла или нравы монашескіе исполняютъ. И таковыи были первѣе апостоли святїи, которые

самовольную Христа ради нищету восприяли, оставивше и дома и села и отцовъ и матерей и чадъ и шедши по Господѣ. Таковой былъ монахъ и начальникъ всѣхъ пустынножителей и св. Іоаннъ Креститель. Былъ истинный монахъ и пустынножитель и св. Ілія и Елисей и Данилъ и прочіе. Второй чинъ монашескій или монахи прямѣйшіе уже были во дни еще апостоловъ святыхъ, во градѣхъ живущіе и внѣ градовъ. Отъ исторій древнихъ отеческихъ мощно вѣдаты, что они и постригалися и отличныя одежды носили отъ прочихъ христіанъ. Зри списателей древнихъ о семьѣ Чети-минелѣхъ и Прологахъ. Но со времени Похомія, которому ангелъ, въ образѣ великаго чина современныхъ иноковъ, далъ въ руки дщипу, имущую написанные уставы иноческаго житія, началось нынѣшнее монашество въ великомъ ангельскомъ образѣ».

Коя ради оны начался чинъ монашескій? «Вѣмы, что слово сіе не монахъ греческое, но моношь, славенски же знаменуетъ уединенный, то есть единъ пребывающій или въ обществѣ сицевыхъ же, яко самъ, а не какъ нѣкии глаголють, что единъ токмо пребываяй безъ вида и сообщенія прочихъ... Убо сіе слово, что есть монахъ, не сильно протолковано и видно, куда оно умникомъ совѣстнымъ натягивано. По истигѣ туда клонено, чтобы отъ всѣхъ градовъ изгнать монаховъ и въ пустыя мѣста поразсылатъ и тамъ постригать не велѣтъ. И безъ того нынѣ зѣло мало охотниковъ къ монашеству обрѣтается; а когда еще отъ пахатныхъ не принимать по новому узаконенію—чего во всѣхъ вѣдѣхъ никогда же и во всѣхъ христіанскихъ благочестивыхъ странахъ и государствахъ отъ начала христіанства до селѣ не было, кромѣ гонителей на святую вѣру,—то и совсѣмъ монашество пресѣчется. Должно убо было бы прямо и праведно составлять о монашествѣ писаніе, а не хитро и коварно, какъ видно всякому со вниманіемъ чтущему, куда и въ какую сторону натягивано.

Когда и чего ради монастыри начало свое восприяли? «Монастыри начались съ самыхъ первыхъ вѣковъ по Христѣ, яко же увѣдати мощно отъ древнихъ достовѣрныхъ исторій и историковъ и лѣтописцовъ, которыхъ ищущи и обрящутъ».

Коя ради оны овели монаховъ въ грады? «Первая вина—ради добродѣтельнаго ихъ житія, дабы образъ всѣмъ христіанамъ во градахъ живущимъ могли быти и въ подражаніе; вторая—ради

молитвъ ихъ сильныхъ у Бога, ими же многія болѣзни болѣзнующихъ гражданъ съ вѣрою и благоговѣніемъ приходящихъ къ нимъ врачевывали; третія вина, дабы далеко не искать еже на архіереѣство и на самое патріаршество возводить достойныхъ, но дабы предъ очима ихъ были всегда, яко же познать удобно отъ исторій о семъ множайшихъ; такожде и на ныня знаменитыя службы и послушанія — во аввы, еже есть во архимандриты монастырямъ знаменитымъ, и во экононы, еже есть въ домостроители великимъ еже есть соборнымъ церквамъ, и въ сиропитатели сихъ же избирали, яко вѣрныхъ зѣло сущихъ и ничесоже и никоего богатства себѣ желающихъ, и на сродниковъ или родителей иждивати немущихъ; и сихъ не кому уже во отшельничество или самое уединенное житіе приходящихъ, но паче въ клиричество, еще же самое и главнѣйшее и честнѣйшее — и патріархами и царями и соборомъ церковнымъ ввели, и симъ, ради послуженія, отъ имѣній своихъ царскихъ и сокровищъ великія вотчины надали, дабы они, вмѣсто царей и патріарховъ и вмѣсто всего царства, всѣмъ потребная подавали — вдовицамъ, сирымъ, страннымъ, больнымъ и всѣмъ во всякихъ нуждахъ сущимъ. И сія то вина самая главнѣйшая и первая, коея ради начались бытъ вотчины при монастыряхъ всѣхъ, еще древнихъ и въ Греческомъ царствѣ, отъ коего и прочіи государства, паче же наше всероссійское якоже вѣру святую и уставы и законы церковные, такъ и обычаи святіи богоугодніи во всемъ воспріяли, и до днесь содержать и содержать весьма должны, подъ опасеніемъ гнѣва Божія и страшной ярости Его грядущей на сыны противленія. И аще сіи, еже же есть монахи, духовная сѣютъ мірскимъ, иже есть молитвы о нихъ и слезы и труды и подвиги: велико ли, аще сихъ тѣлесная пожнутъ? И давать священному чину всякому, монаху ли или клирику, еще въ Ветхомъ Завѣтѣ Божіе повелѣніе есть. Рукодѣліе же хотя всеконечно должно бытъ у монаховъ, обаче оное не такъ существенное есть монашеству и отъ главныхъ и первѣйшихъ должностей его преданныхъ уставомъ и законоположеніемъ отъ святыхъ отецъ и чиномъ постриженія, и не такъ привязано къ монашеству, что безъ рукодѣлія и спастися не возможно, но отъ вторичныхъ и побочныхъ вещей и должностей. Что же пишеть о монашествѣ нѣкто составитель писанія нѣкоего, что

«святое писаніе похваляетъ трудъ и узаконяетъ, и самъ Христосъ Господь во многихъ мѣстахъ и въ день праведнаго Его Суда грозитъ муками не послужившимъ нищетѣ, и самъ идѣи на смерть вольную ученикамъ послѣднюю службу умовеніемъ ногъ учинилъ и чинить велѣлъ. И сія — рече — служба много не равна, но превосходительнѣйша не точию нынѣшняго монашества, но и самаго совершеннаго древняго». И кто жъ когда о томъ говоритъ, что трудъ худое дѣло, или что Христосъ велитъ служить нищетѣ и самъ послужилъ и, какъ служить, самъ образъ далъ. Что убо вси вѣдающе совершенно такъ не дѣлають, какъ пишутъ и говорятъ. Первѣе должны пастыри и учителя и вси наставники, тако великіи, яко и малыи, подражать пастыре-начальника Христа Спасителя и ноги нищетѣ, сущей въ лицѣ Христовомъ, умывать, и своими, а не чуждыми руками труждающеся даже до пота лица, и выработавше вся потребная давать; а прочіи, сей смиренія и добродѣтели высокій увидѣвше образъ, начнутъ и сами съ презлшествомъ и со удивленіемъ творити. Сіе-то дѣло есть самое первѣйшее — всѣхъ духовныхъ первоначальниковъ, каковыми прежде были и сами все содѣловали и прочіихъ къ тому наставляли; и воистинну будетъ Богъ начальниковъ, нетворящихъ повелѣній Его, крѣпко судить паче прочіихъ, и кто отъ нихъ нищетѣ не служить, по крайней возможности и отъ всего сердца и души, паче же имѣніями своими, тѣмъ, чего токмо они, си есть нищія, желати будутъ: то сичевъ нѣсть истинный ученикъ Христовъ. Что же пишетъ тотъ же издатель писанія о монашествѣ, что «хотя и добрый путь древній сей, еже есть совершеннаго монашества, но яко отъ человѣкъ уставленный; сей же, еже есть служить нищимъ, или ноги симъ умывать, есть отъ Бога повелѣнный». Весьма безъ основанія и не твердо разсуждено и написано, будто чинъ монашескій есть отъ человѣкъ уставленный. Показалось выше, что монашество истинное есть то христіанство совершенное, которое весь законъ Христовъ и совѣты Его исполняетъ усердно. Убо ли совершенные христіане-монахи древніе путь свой имѣли отъ человѣкъ уставленный? А правду сказать, сіе слово на Лютерство много походило и едва ли не самое оно есть, взятое отъ трактата лютерскаго о монашествѣ. Благочестивѣй-

шіе православныя древніи царіе греческіи, и по нихъ вси по всѣмъ странамъ и царствамъ, по совѣту съ синглитомъ или сенатомъ своимъ, Христу Господу отъ всего любленія сердечнаго своего великую всякъ царствія своего удѣляли часть, и опредѣляли ю Богу своему Христу Господу во вся. Отъ таковаго-то чина и образа и опредѣленія и въ насъ въ Россіи содѣлалося, и принять отъ Греческаго царства съ вѣрою благочестивою тогда, какъ увѣрила благочестивая великая княгиня Ольга, Елена во святомъ крещеніи нареченная, и святой великій царь Владиміръ, иже Василій, и инными многими россійскими благочестивѣшими цари и царицы, князи, княгини, боляре и инии создатели монастырей и церквей; и оттолѣ завелся чинъ сей богоугодный и таковымъ, якоже и рѣхъ, образомъ и сея ради вины. И того ради, буде кто похощеть или похотѣлъ уже обиду каковую монастырямъ или ихъ подданнымъ сдѣлать, то уже не имъ, но части Христовой и наслѣдію его, или во имя Его пресвятой Богородицы и святаго коего отданному, смѣло и дерзостно весьма дѣлаеть; только прилежно бы того смотрѣть, яко же и прежде сматривано по всѣхъ сщцевыхъ Богу посвященныхъ мѣстахъ, дабы не на сторону иную неподобающую шло нотребное отъ общихъ монастырскихъ или церковныхъ Богу отданныхъ имѣній, но на самыя нужды церковныя и монастырскія необходимыя; паче же дабы всѣ нищии и вдовицы по всемъ государствѣ, ради удовольствованія своего, яко къ своей сущей части, отъ государственныхъ Бога ради имъ опредѣленной, довольное пропитаніе и одѣяніе, по распредѣленію благоразумному начальниковъ духовныхъ и властей, имѣли».

«Въ томъ же письмѣ о монахахъ такъ пишеть ругательнѣ: «отъ оныхъ законовъ не мало—рече—и зла происходитъ, понеже большая часть тунеядцы суть; и понеже корень всему злу праздность есть: то сколько забобоновъ, расколовъ, но и возмутителей произошло, вѣдомо есть всѣмъ». «Который чинъ—отвѣчаетъ Маркелъ—таковій есть на свѣтѣ, который бы не имѣлъ въ себѣ добрыхъ людей и злыхъ? Воистину не безъ порока суть и царіе и князи, владыки, епископы, вожди, воины и вси весьма властеленны и чины. И сего ли ради изъ за нѣкоихъ сщцевыхъ, еже есть злыхъ, и добрыхъ порочить надлежитъ, и ради множайшихъ

обрѣтающихся весьма непотребныхъ людей во всякомъ чинѣ, егда ли подобаетъ ухищрять, чтобъ таковой чинъ весь перевести или опровергнуть? А и тѣ монахи, которые тунеядцами напрасно порицаемы, какъ праведно разсудить и безпристрастно, не суть тунеядцы. Первое, что отъ церквей и общества всего учинены на богомоліе за всѣхъ, и оныя, понеже на сіе званы, повсядневно, хотяще или не хотяще, отъ настоятелей своихъ жестоко понуждаемы, не покоривые же и крѣпко наказуемы разными смиреніи, монастырству свойственными, на всѣхъ службахъ церковныхъ быти должны; а кромѣ сего всякъ свое въ монастырѣ дѣлаетъ отъ начальника опредѣленное послушаніе. И понеже при градахъ монастыри завелися и монахи въ клиричество уже не по древнему обычаю отшельничества введены; того ради начальники всегда должны въ служеніяхъ литургіи быти и въ крестныхъ хотя и далекихъ ходахъ и трудныхъ, на погребеніяхъ, панихидахъ и прочихъ, касающихся ихъ службахъ, со іеромонахи и со іеродиаконами своими, и наряды имѣютъ изъ соборныхъ церквей или отъ архіереевъ своихъ, и награжденія за сіе никакого не требуютъ, развѣ званый самъ по введенному уже обыкновенію наградить, а они того не истязуютъ. А что написано, что въ монастыряхъ простые изъ поселянъ монахи всеконечно не прилежать къ разумнѣю божественнаго писанія и ученія — ей, лучше они, чѣмъ услышать читаемо или сказуемо, внушаютъ себѣ и содержатъ въ сердцахъ и въ мысляхъ паче умѣющихъ грамотѣ; и напрасно клеветуютъ о семъ на нихъ. Духъ Божій, идѣже хочетъ, дышетъ и Богъ всѣмъ хочетъ спастися; да и сіи сами разумъ имѣютъ же и совѣсть, и добръ знаютъ чего для пришли въ монастыри, еже есть учиться лучшаго житія и о прошедшихъ грѣхахъ каятися. А что хотя и вси молятся, но не такъ часто, ниже понуждаемы; сіи же по вся дни на все гнѣіе церковное должны итти и въ келіяхъ молитися, и хотя хотять—хотя не хотять, однако повинны творити то, на что пришли. И сему по премногу удивлятися можно, что въ ветхомъ еще завѣтѣ, который сѣнь былъ новой благодати, какъ зѣло великія благотворенія были духовному чину отъ мірянъ, да никто о нихъ и не выговаривалъ и не ронгалъ, но въ простотѣ сердца подавался ово отъ повелѣнія Божія, ово же и отъ своего добротства; а и такія были подаянія, что едва ли нынѣшнія подаянія

христианскія противъ древнихъ не сѣнь одна есть, якоже увидить всякъ: хотѣи да чтеть въ книгѣ Второго Закона въ главѣ 18. Нынѣшніе же христіане, хотя что не люды, но Богу самому отдадутъ въ часть его собственную или Богоматери или святому которому, то больше хлопотъ и выговоровъ тѣмъ наживеть, кто тую часть содержитъ, нежели подаванія отъ неразумныхъ; и лучше бѣ было прежде не давать, нежели отдавъ, да еще Богу, да послѣ выговаривать, что Богъ запрещаетъ вездѣ и весьма. Сіе же произошло наипаче отъ безсовѣстныхъ и злѣо дерзостныхъ сотворшихся въ Европѣ лжехристіанъ и лжеучителей, паче жъ лютеранъ и кальвинистовъ и прочихъ, которые, весьма сотворшеса мудри о себѣ, а не о Бозѣ, начали и учить, и дерзостно отъ прежнихъ благочестивыхъ обладателей странъ и градовъ Богу отданныя имѣнія святотатски себѣ похищать и смѣло употреблять, видя, что Богъ ихъ за сіе того часа здѣ не мучить, оставляя въ будущую казнь и геенну огненную; прежнихъ же суевѣрцами и весьма не разумными звать за то, что Богу отдавали въ монастыри имѣнія своя. Тое-то безбожное дѣло и Богу противное, тое — глаголю — губительство нечестивое и язва душѣ, а не тѣлеса вредящая, коснулася и нашихъ странъ и начала вредить крѣпко множайшихъ совѣсти, но и самыя кровію Христоваго искупленныя души. Зримъ же здѣ опредѣленія и доходы ветхозаконныя, которыя были подаваемыя ветхозаконному духовному чину, и буде не презлеществовать, яко же должно христіанамъ, то поне подражать ихъ научимся: 1) десятина всякихъ плодовъ земныхъ; 2) десятина всякихъ скотовъ; 3) отъ различныхъ податей; 4) отъ различныхъ жертвъ; 5) подаваніе трижды въ гѣто бываемое отъ приходящихъ въ домъ Божій; 6) гѣвязное или денежное подаваніе во Исходѣ въ главѣ 30 воспоминаемое; 7) всякое первородное человѣческое и скотское подавалося священнымъ, и скотское оставалося у священниковъ, а человѣческое окуповалося пятью сиклями; 8) левитовъ по повелѣнію Господню въ домѣхъ содержаніе и во всякомъ довольствѣ имѣніе; 9) отъ всѣхъ жертвъ и отъ всесоженія кожи священникамъ давалося; 10) отъ иныхъ жертвъ часть Богу, а другая священникамъ давалося; 11) подаваніе было отъ назоревъ; 12) искуплялися обѣщанія пятіюдесятью сиклями сребренными отъ мужеска пола, а отъ женска

тридесятьми; 13) имѣли по повелѣнію Божию ветхозако́нные священники градовъ сорокъ восемь и вса приходы себѣ брали отъ нихъ; 14) давали Израильтяне отъ себе и отъ обѣщанія своего дома и земли въ дѣдичное владѣніе или—сказать—во вся духовенству, отъ которыхъ были имъ великія корысти; 15) Богъ самъ оставилъ, дабы всякое освященное Богу, си есть отданное или отъ человѣкъ, или отъ скота, или отъ нивъ, не было проданное; ниже искупленное. Се какъ превеликія были въ ветхомъ завѣтѣ подаянія и доходы духовному чину и никто отъ единоплеменниковъ своихъ, еже есть Израильтянъ, отнимать никогда не дерзалъ и уставы не разорялъ тако Божіи, яко и старческіе, и съ горячестію должное отдавали: то глѣпо ли и достойно учить или дерзатъ данныя отъ древнихъ царей и царцъ и всѣхъ христілюбцевъ клятвою страшною утвержденныхъ имѣнія, земли и отчины на церкви и монастыри, еже создатися и поновлятися смѣ, и еже монахамъ и больничнымъ и сиротамъ и страннымъ питатися—отъ сихъ наданныхъ, глаголю, имѣній и отчинъ отнимать сущую уже Христу самому Богу или Его матери или каковому святому освященную часть и на мірскія изждивенія обращати, или мірянамъ каковымъ отдавать—не грѣшно ли всеконечно сіе будетъ и не дадутъ ли жестокаго отвѣта правосудію Божию вси то творити дерзающіи? Хотя бо Господь нашъ, всѣ содержай концы земли и исполненія ихъ, самъ рукою своею, благихъ нашихъ, еже есть имѣній нашихъ, и не требуетъ: однако данная себѣ во образѣ духовнаго чина или нищихъ весьма сладко прие́млетъ и сторичными небесными нетлѣнными благими воздать обѣщается; отнимающимъ же часть Его лютыми грозить казньми и муками, не токмо временными, но и вѣчными».

Какъ нынѣшнихъ монаховъ исправить надлежитъ хотя по нѣкоему древнему подобію? «Монашество все нынѣшнее удобно зѣло исправитися можетъ по подобію всему древнему, когда нижеписанная наставленія воспріимутся самимъ существомъ и безотлагательно и имущая правила предложитися здѣ и хранитися всеконечно повелятся. Первое и самое главѣйшее дѣло самой верховнѣйшей власти императорской—велѣтъ духовному правленію всеконечно искать себѣ отъ духовнаго монашескаго чина самыхъ богодуховенныхъ, вещью же и дѣломъ искусившихся въ монашествѣ добрѣ

чрезъ многое время жизни своей монаховъ, наипаче по общезнательнымъ и пустыннымъ монастырямъ; и ихъ освидѣтельствовавъ, паче же окрестныхъ людей о нихъ совершенно спросивъ и искусивъ ихъ и о житіи ихъ испытавъ и разсмотрѣвъ довольно — таковы ли обрящутся, яковыхъ ихъ быти сказываютъ, и таковыхъ не внѣшнею мудростію всуе кичащихся, а хотя и не мудрыхъ, но богодухновенныхъ самыхъ, и не внѣшними дарами тѣлесными, яко то брадою или лицомъ или тѣломъ пригожихъ, но украшенныхъ духовными всякими благостынями — производить на самыя главнѣйшія духовныя начальства, еже есть во архіерейство и архимандріи знатнѣйшія; и тѣхъ, которые не схимонахи, посвящать во архіерен, дабы правила отеческія не нарушены были; а которые схимонахи, тѣхъ поставлять въ архимандриты или въ наставники новоначальнымъ и младымъ всѣмъ монахамъ ради исправленія ихъ. Того ради конче смотрѣть надлежитъ, дабы таковыя люди во епископы или архіепископы или митрополиты вездѣ избираемы были. Когда убо сщцевіи добрые епископы во епархіи возводимы будутъ, то всячески тшатися имуть по всѣмъ епархіямъ своимъ исправить все монашество; паче же егда въ главнѣйшемъ самомъ духовномъ правленіи таковыя будутъ или самый главнѣйшій сщцевъ человекъ надъ всѣми поставленъ будетъ: то и всѣхъ восхоцетъ таковыхъ производить въ епископы — подобній подобнаго себѣ изыщеть. Которые же въ семинаріи учиться будутъ у лютерскихъ учителей, а хотя и у своихъ, но уже духомъ еретическимъ одхненныхъ: то тѣи весьма заражены будутъ и не назидать, но развращать всю церковь начнутъ, и хотя въ монашество постригутся, не ради монашества сіе сотворятъ, но ради надежды произведенія во архіерен или архимандриты, которое постриженіе сщцевое весьма противно есть истинному монашеству. И во архіерейство, паче же въ архимандричество, не такъ потребны люди ученые, какъ богодухновенные и добродѣтельные, которые бы не такъ словомъ, какъ дѣломъ учили. Понеже всегда обыкновеніе во всей церкви восточнаго благочестія бывало и нынѣ есть; что ищутъ и возводятъ на власти высочайшія добродѣтельныхъ мужей, а не внѣшнюю премудрость имушихъ, духовной же весьма чуждыхъ; таковыя бо весьма обыкли въ високоуміе и гордость впадать и высокая о себѣ мудрствующе, паче же когда житіе

сластолюбивое и пространное зѣло ведутъ, на вся себѣ позволяютъ, прочихъ же всѣхъ уничтожаютъ и невѣждами и мужиками зовутъ, не слушая и святымъ уже мужамъ, о Господѣ преставльшимся.

Беофану не трудно было отразить высказанныя въ этихъ сочиненіяхъ возраженія, подвергая въ тоже время своего противника суду и взысканію за порицаніе высочайшей власти и исходящихъ отъ нея узаконеній.

Кабинетъ спрашивалъ у Родышевскаго: «какъ онъ осмѣлился писать возраженіе на Регламентъ Духовный, зная, что Регламентъ сочиненъ и утвержденъ его и. величествомъ и всѣми архіереями? Родышевскій отвѣчалъ, что «писалъ это для того, что Регламентъ сочинялъ новгородскій архіерей, а Государь повѣрялъ ему архіерею, а прочіе послѣдовали его величеству невѣденіемъ». Кабинетъ потребовалъ свѣденія изъ Синода. Синодъ отвѣчалъ, что «Регламентъ сочиненъ по именному е. и. в. указу, который въ началѣ того Регламента ясно изображенъ, а чьими трудами сочиненъ, такого вида не находится; токмо онѣй Регламентъ, скорописью писанный, черненъ и приправливанъ рукою преосвященнаго Беофана, архіепископа велико-новгородскаго; да въ концѣ того Регламента его жъ преосвященнаго имѣется надписаніе такое жъ, какъ и въ печатномъ Регламентѣ, а именно: «сія вся здѣ написанная первѣе самъ всероссійскій монархъ, его царское священнѣйшее величество слушать предъ собою чтомая, разсуждать же и исправлять благоволилъ 1720 году февраля 11 дня. А потомъ, по указу его жъ и. в., преосвященные архіереи, купно же и правительствующіе сенаторы, слушали и разсуждая исправляли онаго же февраля 23 дня. Также во утверженіе и исполненіе непреложное, по приписаніи рукъ присутствующихъ духовныхъ и сенаторскихъ персонъ, и самъ его в. собственною своею рукою подписать соизволилъ. Ктому же Духовному Регламенту сочинено Прибавленіе по имянному е. и. в. указу, которое чернено и приправливано руками обрѣтавшихся въ Синодѣ членовъ—бывшаго архіерея Феодоса и нынѣшняго Беофана архіепископа велико-новгородскаго и бывшихъ тогда архимандритовъ—Гавріила троипскаго, который потомъ потомъ былъ въ Рязани архіереемъ и умре, Петра симоновскаго, что нынѣ александровскій; сверхъ же того и самъ е. и. в. въ девят-

надцати мѣстѣхъ собственною своею рукою приправливать изволигь».

Далѣе у Родышевскаго потребовали отвѣта: для чего онъ писалъ возраженіе на объявленіе о монашествѣ? Маркелгъ отвѣчалъ—«для того, что то объявленіе все противно церкви. А составлялъ то новгородскій архіерей, что призналъ онъ Родышевскій по складу рѣчей; также слышалъ и отъ него архіерея о томъ, что хотѣлъ онъ архіерей такую тетрадь сочинить». Кабинетъ просилъ изъ Синода извѣстія—кто сочинилъ Объявленіе? Синодъ отвѣчалъ, что «оно прислано въ св. Синодъ за собственноручнымъ подписаніемъ блаженной памяти Государя Императора Петра Перваго въ прошломъ 1724 году февраля 1-го дня; а кто оно сочинялъ, въ св. Синодѣ извѣстія не имѣется, да и быть невозможно, потому что оно сочинялось не въ Синодѣ, но прислано туда сочиненное отъ самаго его величества». Кабинетъ поручилъ князю Черкасскому спросить у Теофана: не знаетъ ли онъ—чьего сочиненія эта книга? Теофанъ отвѣчалъ, что она «сочиненія отчасти самого Государя, а отчасти его архіерея, но что ему принадлежать только свидѣтельства св. отцовъ и древнихъ историковъ, а все прочее написано самимъ Государемъ».

Кромѣ этихъ двухъ возраженій Родышевскій написалъ еще возраженіе на книгу *о блаженствѣхъ евангельскихъ*— краткое показаніе зловѣрія, обрѣтающагося въ оной книгѣ. Кабинетъ потребовалъ изъ Синода извѣстія о происхожденіи этой книги. Синодъ отвѣчалъ, что она сочинена по указу его величества Государя Императора, а кто ей авторъ—о томъ въ Синодѣ извѣстія не имѣется, имѣется только присланный отъ его величества въ святѣйшій Синодъ изъ Астрахани указъ (3-го іюля 1722 г.), писанный собственною его величества рукою, съ одобреніемъ этой книги и съ повелѣніемъ сдѣлать къ ней предисловіе. Къ этому извѣстію Теофанъ прибавилъ, что книга эта вся его архіерейскаго сочиненія и написана имъ по именному приказанію его величества. Государыня приказала показать Маркеллу собственноручный указъ Государя. Родышевскій отвѣчалъ, что «оное его величества письмо весьма изрядное, токмо знатно въ оной книгѣ показанныхъ противныхъ рѣчей не было внесено, а внесено послѣ, потому что еслибы тѣ рѣчи были внесены, то бы его величество

оную книгу ни какъ не позволилъ, но указалъ бы отринуть, потому что въ ономъ его величества письмѣ именно изъяснено къ пользѣ церкви, а въ книгѣ показаны многія рѣчи лютеранскія и противности православной церкви, да и напечатана книга не токмо до показаннаго его величества письма, но еще въ то время Государь и въ Низовомъ походѣ бытъ не изволилъ, а именно книга напечатана въ невскомъ монастырѣ въ 722 году марта въ 16-мъ числѣ, а означенное письмо изъ Астрахани писано въ томъ же году іюля 13-го дня; и ежели бы оная книга непротивная церкви св. была, то бы надлежало сочинителю той книги до отшествія его величества въ Низовый походъ, не предавъ ее въ печать, предложить для апробаціи его в.; почему видно, что къ Государю книга о блаженствахъ Христовыхъ послана была другая скоропснная, въ которой показанныхъ имъ, Родышевскимъ, противныхъ церкви св. рѣчей написано не было; но однакожь и той книги Государь до возвращенія своего печатать не указалъ, изъ чего видно, что оная книга напечатана безъ указа, отчего оной печатной книги для апробаціи къ е. в. и не послано».

Кромѣ этихъ тетрадей, частію сданы изъ Кабинета, частію при взятыѣ Родышевскаго подъ арестъ отобранны у него разныя письма и тетради, относящіяся къ его процессу, именно:

Копія съ донесенія Императору Петру II о поврежденіи вѣры христіанской. «Какое поврежденіе онъ разумѣетъ и кого въ томъ уличаетъ»? Родышевскій показалъ, что «поврежденіе вѣры христіанской учинено отъ новгородскаго архіерея Теофана и отъ прочихъ его согласниковъ — рязанскаго архіерея Гавриила и отъ архимандрита Теофила Крулика, также и отъ бывшаго архіерея Теодоса, а какое-де поврежденіе вѣры христіанской учинено, о томъ именно показано у него Родышевскаго въ возраженіяхъ его на книги и въ доказательствахъ».

Объявленіе о книгахъ изданныхъ Теофаномъ новгородскимъ архіереемъ, противныхъ ученію св. Церкви и соизволеніемъ прежде бывшихъ синодальныхъ членовъ печатанныхъ.

О Оеатронѣ, что онъ церкви святой зѣло противныя и неизреченныя хулы на Матерь Божію и на св. Іоанна Богослова и Марію Магдалину (на страницахъ 105 и 382) содержитъ. Каби-

нетъ потребовалъ изъ Синода извѣстія объ изданіи этой книги. Синодъ указалъ на ея предисловіе, въ которомъ значится, что она, по высочайшему повелѣнію, переведена съ латинскаго на славянскій діалектъ Гавріиломъ Бужинскимъ и напечатана въ александровской типографіи въ 1724 году.

О сочиненіяхъ Пуффендорфа переведенныхъ съ латинскаго на русскій языкъ, первое — введеніе въ исторію европейскихъ государствъ; другое — о должностяхъ человѣка и гражданина. Родышевскій просилъ отринуть послѣднюю изъ этихъ книгъ отъ церкви святой и изъ народа вывести для того, что напечатаны въ ней многія хулы на блаженныя памяти великаго Государя Іоанна Алексѣевича. Книга эта переведена съ латинскаго на русскій языкъ въ 1719 году рязанскимъ архіереемъ Гавріиломъ, токмо о томъ переводѣ вѣдаетъ и новгородскій архіерей Теофанъ; потому что онъ Теофанъ съ нимъ Гавріиломъ въ то время жили въ С.-Петербургѣ на невскомъ подворьѣ вмѣстѣ, а наипаче Теофанъ, будучи главнѣйшимъ въ Синодѣ и зная объ этой книгѣ, ни гдѣ о ней не объявилъ. Да бывшій новгородскій архіерей Ѳедосъ въ 1719 году въ С.-Петербургѣ на невскомъ подворьѣ говорилъ Бужинскому, что Государю жаловалась царица Прасковья Ѳеодоровва, что въ книгѣ Пуффендорфія, которую тотъ съ латинскаго на русскій языкъ перевелъ, обрѣтаются хулы на государя царя Іоанна Алексѣевича, и Гавріилъ тому Ѳедосу отвѣчалъ: «я не собою то написалъ, понеже написано то въ книгѣ, съ чего я переводилъ»; и Ѳедосъ говорилъ на то: «хотя ты и не самъ написалъ, да переводить тебѣ того не слѣдовало»; на это Теофанъ тому Ѳедосу говорилъ, что напрасно изволилъ гнѣваться, потому что Гавріилъ не отъ себя то издалъ, но съ готовой переводилъ. А при тѣхъ словахъ былъ онъ Родышевскій, такъ какъ жилъ на невскомъ подворьѣ. — Кабинетъ потребовалъ изъ Синода извѣстія объ этой книгѣ. Синодъ отвѣчалъ, что «латинскій переводъ первой книги — о должностяхъ человѣка и гражданина отданъ Государемъ св. Синоду во время присутствія въ прошломъ 1721 году, ноября 19-го дня и указано перевести ее на славянскій языкъ. Въ 723 году она переведена была справщикомъ московской типографіи Кречетовымъ и съ того перевода переписана и для апробаціи его величеству сообщена въ Кабинетъ въ прошломъ 724 году

октября 11-го дня и въ томъ же году, по присланному въ Синодъ его величествомъ за собственноручнымъ подписаніемъ указу, велѣно перевести только первый трактатъ о должности челоуѣка и гражданина (понеже въ другомъ — о вѣрѣ христіанской его величество пользы для народа не надѣется), и чтобъ была внятна и хорошимъ штилемъ. Синодъ отдалъ ее для совершеннаго исправленія бывшему тогда въ Синодѣ совѣтнику, архимандриту Гавріилу. Послѣ того, по именному его в. указу, декабря 15-го дня 1724 года, велѣно ее напечатать; только въ то время она не была напечатана; а по кончинѣ его величества въ 1725 году ноября 13-го дня переводъ этой книги для апробаціи поданъ былъ Императрицѣ и, по указу ея величества 2-го марта 1726 года, напечаталась въ с.-петербургской типографіи. Другая книга, называемая — введеніе въ исторію европейскую переведена на русскій языкъ, по высочайшему повелѣнію, бывшимъ префектомъ законоспасской академіи, Гавріиломъ Бужинскимъ и напечатана еще до состоянія святѣйшаго Синода въ 1718 году.

Служба о умиреніи Россіи съ Шведскимъ государствомъ. Родышевскій показалъ, что «въ этой службѣ, изданной въ 1723 г. отъ святѣйшаго Синода и разосланной во всю Россійскую имперію, въ монастыри и церкви, находятся великія хулы блаженныя памяти государю цесаревичу Алексѣю Петровичу, а какія именно — о томъ явно въ той книгѣ, и чтобъ тое книгу истребить, понеже она противна святой церкви». Синодъ, по запросу Кабинета, объявилъ, что благодарственная служба о замиреніи Россіи съ Шведскимъ государствомъ, вмѣстѣ съ службою св. князю Александру Невскому, сочинена по именному жъ его Государя указу 1724 года 2-го сентября, бывшимъ тогда въ Синодѣ совѣтникомъ архимандритомъ Гавріиломъ и по силѣ того же указа напечатана въ невской типографіи. — Родышевскій объявилъ, что въ показанныхъ книгахъ противности Восточной Церкви объявлены имъ весьма кратко, чтобы не затрудить чтеніемъ; но что ежели повелѣно будетъ пространно объявить, то въ нихъ можно изяснить многія противности церковныя.

«Сверхъ оныхъ книгъ имѣются многія другія противныя перкви святой, сочиненныя архіереемъ Феофаномъ, а именно: *буковаръ съ толкованіемъ десяти заповѣдей ветхаго закона; о но-*

мианіи; о бракахъ; о понтифексѣ; о лобусахъ, печатанныя по соизволенію святѣйшаго Синода. И ежели о имѣющихся въ сихъ книгахъ церковныхъ противностяхъ повелѣно будетъ ему изяснить, то онъ покажетъ о томъ подлинно».

Въ то же время сданы изъ Кабинета:

Доказательство Маркелла Родышевскаго на Теофана Прокотоича. «Какъ прежде имѣлъ, такъ и нынѣ имѣю на новгородскаго архіерея подозрѣніе, что онъ истинный еретикъ, сихъ ради ниже изъяснятся имущихъ винъ». Повторяются прежнія обвиненія — о постриженіи его отъ униатовъ, о протестѣ Стефана, «на который совершенной очистки доселѣ не бывало и извѣстія о очисткѣ его въ народъ не опубликовано и въ такомъ худомъ мнѣніи и доннынѣ онъ пребываетъ у всего народа». «Когда его епископомъ посвятили во Псковъ и въ Синодъ опредѣлили быть вице-президентомъ, тогда многіе указы о иконахъ чудотворныхъ и о забратіи ихъ безчестно въ мѣста пустыя, — о мощахъ святыхъ, будто не прямыхъ и не свидѣтельствованныхъ, которыхъ самъ Богъ многими чудесами отъ нихъ бывшими прославилъ, которыхъ раки разбивали и ихъ самихъ закапывали, — о непечатаніи нѣкихъ церковныхъ книгъ, а именно акафистовъ седмичныхъ — что — рече, въ нихъ много наплутано — и прочіихъ, а именно что издано акафистъ Гробу Господню, Кресту, Успенію Богородицы, — о хожденіи со кресты святыми въ ходы, — о отобразіи привѣсовъ, — о затвореніи часовень и разореніи ихъ и о прочемъ, о чемъ о всемъ указы въ Синодѣ обрѣтающіеся и въ народъ опубликованные явствуютъ; а тѣ указы онъ согласно съ черицомъ Феодосомъ и съ Гавріиломъ, что нынѣ рязанскій, и съ прочими единомысленниками своими закрѣплялъ и ни въ чемъ сему не спорилъ, но паче настоялъ еще, чтобъ такъ было, за что Феодосъ и въ ссылку сосланъ и указомъ опубликованъ; а сообщники его, тожъ и больши содѣлавшіи, яко и сей новгородскій архіерей, уцѣлѣли». «Слышалъ я отъ него ученія и бесѣды въ разныхъ многихъ временахъ со учениками своими и учениковъ его весьма православію противныя и дѣла весьма архіерейству противныя, яко то — музыки содержаніе и великія прохлады и мясоядѣнія въ постъ и прочая, какъ епископы римскіе и пасторы люторскіе. Такжеже все, что содѣловалось въ новгородской епархіи по Феодосовымъ ука-

замъ о разореніи монастырей и церквей, то все и онъ въ своей епархіи содѣловалъ».

Резстръ свидѣтелей, при которыхъ имѣлись отъ новгородскаго и отъ его согласниковъ и учениковъ противности церковныя. Согласниками его показаны Феодосій, Гавріилъ, Теофилъ Кроликъ, Давидъ Скалуба. Многіе разговоры о чудесахъ, мощахъ, пещерахъ и о святыхъ бывали при ученикахъ его, которые выставляются свидѣтелями. Изъ постороннихъ свидѣтелями показаны — архимандритъ антоніева монастыря Іоасафъ Маевскій, невскій іеродіаконъ Евникіанъ, іеромонахъ кіевского братскаго монастыря Веніаминъ Григоровичъ, ученикъ кіевской академіи Терлецкій, іеромонахъ софійскаго кіевского монастыря Гугоровичъ, іеросхимонахъ кіевопечерскаго монастыря Романъ Копя, невскій намѣстникъ іеромонахъ Веніаминъ Фальковскій, духовникъ Тимофей Васильевичъ, печерскіе монахи Еянатъ и Полиентъ, новоспасскій архимандритъ Іероодей. Въ февралѣ 1726 г. на троицкомъ подворьѣ, у бѣлоградскаго архіерея Епифанія, Кроликъ съ архимандритомъ Гедеономъ Вишневскимъ и съ префектомъ Платономъ Малиновскимъ и съ законоспасскимъ архимандритомъ Германомъ при немъ Маркеллѣ великую прю имѣли; а на другой день въ донскомъ монастырѣ, съ тѣмъ же архимандритомъ Платономъ и со мною прѣвса онъ Кроликъ, предлагая противныя Церкви святой догматы, много заумудрствовалъ, а за сопротивленіе къ нему насъ бранилъ безчестно».

Въ январѣ 1732 года, состоялся приговоръ о Родышевскомъ и его сообщникахъ. «По слѣдствію дѣла о Маркеллѣ Родышевскомъ съ товарищи явилось: 1) доносилъ онъ на Теофана архіепископа новгородскаго во многихъ противностяхъ Церкви, на что никакого иного доказательства, кромѣ своей персоны, не представлялъ, чему и вѣрить не возможно; къ тому жъ многія жестокія укорительныя его персонѣ слова употреблялъ, которыя ни мало къ дѣлу не приличны, за что велѣно его содержать, вмѣсто наказанья, въ монастырѣ не исходно; 2) во время содержанія своего въ разныхъ монастыряхъ паки продерзость показалъ и такія же укоризны на него архіепископа и еще болѣе прежняго писалъ; 3) регламентъ духовный, изволеніемъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государя Императора Петра Великаго и совѣтомъ всего

освященнаго собора для порядочнаго и лучшаго духовнаго правительства ко утвержденію церкви святой и размноженію ученія учиненный, также разныя книги для исправленія и утвержденія людей въ законѣ христіанскомъ, а иныя токмо для извѣстія прежнихъ дѣлъ прилежнымъ тщаніемъ и соизволеніемъ его жъ величества отъ разныхъ учителей сочиненныя и всего Сѹнода разсмотрѣніемъ и благословеніемъ напечатанныя, дерзнулъ развратно и противно толковать, и не токмо тѣ всѣ, но и такія, кои съ другихъ діалектовъ переведены, и въ пользу и вѣденіе общее напечатаны, считалъ яко бы отъ одного Теофана архіепископа сочинены и за то его жестоко въ толкованіяхъ своихъ поносилъ; 4) о тѣхъ книгахъ сказывалъ и изъ нихъ выписочки многія показывалъ и давалъ читать, которое ни къ чему иному служить, какъ ко вредительному людей отвращенію отъ ученія и вѣдѣнія полезнаго, которое имъ предается отъ духовнаго правительства, соизволеніемъ самодержавной императорской власти, въ наставленіе, чтобъ всякъ вѣдалъ волю Божию и какъ можетъ спастися и животъ вѣчный получить; а историческія читая и видѣвъ прежде происходимыя случаи благопріятному житію ревновали и отъ злыхъ дѣлъ уклонялись, видя отъ чего какой плодъ происходитъ; 5) роздіаконъ Осипъ получа отъ вышеименованнаго Родышевскаго тетрадь, въ которой были писаны непристойныя поношенія и укоризны затѣйныя на Теофана архіепископа, самъ отъ себя и болѣе прибавилъ, въ которыхъ прибавкахъ нѣкоторыя слова хоть темно написаны, однако же касаются къ поношенію высочайшей чести и власти и тѣ тетради съ прибавленіемъ своимъ давалъ другимъ честь; 6) Михайло Аврамовъ тѣ книги съ Родышевскамъ читалъ и разсуждалъ, почитая ихъ за полезныя къ защищенію Церкви, и старался о представленіи оныхъ ея императорскому величеству, яко бы по благочестію ревнуя и присланнаго отъ него келейника съ тѣми книгами проводилъ, изъ чего явна себя показалъ, что онъ тому развращенному толкованію былъ согласенъ; 7) подъячій Иванъ Константиновъ не токмо тѣ письма непристойныя у него счерна на бѣло переписывалъ, но и самъ изъ книгъ разныхъ дерзнулъ выписывать, подбирая рѣчи къ поношенію жъ высокой чести ея императорскому величеству; 8) и тако всѣми оными дѣлами противно присяги своей дерзали миръ и тишину

церковную вредить, злымъ своимъ разсѣянiемъ самодержавную ея императорскаго величества честь поносить, сочиненныя книги развращенно толковать и тѣмъ причину подавать ко обращенiю людей отъ пути спасительнаго и благоправнаго житiя, за что по всѣмъ государственнымъ правамъ должны быть казнены смертiю. Однако жъ ея императорское величество смертiю казнить ихъ не указала, а указала Маркелла послать въ бѣлозерскiй монастырь, Аврамова въ иверскiй монастырь; роздiакона Осипа и подъячаго Константина, бивъ кнудомъ, послать—Осипа въ кексгольмскiй валаамскiй ¹⁾, а подъячаго въ соловецкiй монастыри и содержать ихъ всѣхъ въ крѣпкомъ смотѣрѣнiи, не выпускать никуда и чернилъ и бумаги не давать; и того накрѣпко властямъ тѣхъ монастырей за ними смотрѣть, чтобъ отнюдь ничего они не писали и ни съ кѣмъ не разговаривали и ни куда не ушли, и въ томъ подписаться властямъ, кои нынѣ въ тѣхъ монастыряхъ есть, и впредь которые будутъ потому жъ подписываться, понеже, ежели что по сему упущено будетъ, или отъ содержащихся вышеписанныхъ персонъ явятся какiя нисьма или на словахъ что не пристойное будутъ разсѣвать, и то все взыскано будетъ на властяхъ тѣхъ монастырей.

---

¹⁾ Валаамскiй строитель, iеромонахъ Иосифъ, получивши указъ о содержанiи подъ караулкомъ разстриги Осипа, послалъ въ Тайную канцелярiю доношенiе отъ лица всей братiи слѣдъ содержанiя: «понеже въ валаамскомъ монастырѣ къ содержанiю означеннаго колодника не точiю удобныхъ и крѣпкихъ мѣстъ и для присмотра людей, но и монастырской никакой ограды за совершенною скудостiю не имѣется; тако жъ и братскiя кельи строятъ сами хотящiи обитати и трудятся во оной обители братiя; да и пища братская самая нужная, но и та за совершеннымъ недородомъ хлѣба едва съ великою нуждою въ монастырѣ обрѣтается, ибо за вышеписаннымъ монастыремъ вотчинъ и крестьянъ не имѣется: того ради Канцелярiю Т. Р. дѣль всенижайше просимъ, дабы повелѣно было означеннаго колодника перевести, куда Тайная канцелярiя своимъ высокимъ разсмотрѣнiемъ милостиво заблагорасудитъ. Января 2 дня, 1782 г.» Впрочемъ монастырю не долго пришлось таготиться своимъ колодникомъ.

XVIII.

1732 годъ. — Отбытіе Двора изъ Москвы въ С. Петербургъ. — Тетради о житіи Теофана. — Разговоръ переписчиковъ. — Подозрѣніе заговора и матама. — Аресты.

Остерманъ, съ самаго вступленія Императрицы на престолъ, постоянно настаивалъ, чтобы резиденцію по прежнему перенести въ С.-Петербургъ. Это настояніе исполнилось въ началѣ 1732 года.

8 января Государыня выѣхала изъ Москвы въ С.-Петербургъ. 11 ноября прибыла въ Новгородъ въ началѣ 2 часа послѣ полудня. Теофанъ, уѣхавшій впередъ, встрѣтилъ ее съ крестами у Волховскаго моста и шелъ предъ ея санями до соборной церкви, гдѣ привѣтствовалъ ее рѣчью. Въ Новгородѣ Государыня остановилась въ архіерейскомъ домѣ¹⁾, откуда на другой день, въ 4 часа пополудни, выѣхала въ С.-Петербургъ.

Вмѣстѣ съ дворомъ переѣхала въ С.-Петербургъ Тайная канцелярія подъ названіемъ Походной, а оставшаяся въ Москвѣ называлась по прежнему Тайной. Но въ половинѣ этого года (12 августа) велѣно Тайную канцелярію взять изъ Москвы въ С.-Петербургъ, а въ Москвѣ оставить контору, которая поручена завѣдыванію Семена Андреевича Салтыкова; 29 сентября этого года приказано не именовать Тайной канцеляріи Походною, а просто Тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріей. Производителемъ дѣлъ въ С.-Петербургѣ былъ Хрущовъ, въ Москвѣ—Казариновъ.

Продолжая начатое дѣло о пасквильныхъ тетрадахъ, Тайная

¹⁾ 10-го января Теофанъ просилъ Императрицу письмомъ—остановиться въ новгородскомъ архіерейскомъ домѣ. «Всепокорнѣйше доношу вашему величеству, что домъ архіерейскій къ упокою отъ дорожныхъ трудовъ вашему величеству не удобенъ: чистъ отъ всякой гадныи и по возможности опрятенъ. И хотя толкаго гостя къ воспріятію и недоволенъ и недостоинъ; однакожь за нужду не весьма скуденъ... Аще обрѣтохъ благодать предъ тобою, не мни меня, раба твоего». (Труды кievской акад. 1865 г. кн. 10 стр. 260.)

канцелярія подбирала лицъ, которыя разными путями замѣшались въ это дѣло. Новой жертвой ея сдѣлались богадѣленные нищѣ московской еедоровской богадѣльни, гдѣ былъ двоюродный братъ Ионы (разстриги Осипа), Горбуновъ, переписывавшій тетради по его порученію. Но вмѣстѣ съ нимъ позвали къ допросу и другихъ нищихъ, которые видѣли, какъ онъ переписывалъ, читали тетради или слышали какъ онъ читалъ, Якова Кузьмина и Данилу Толбугина. Въ допросахъ старики показывали, какъ они бранивались между собою, особенно какъ бранивали Горбунова. Литературные труды его казались имъ черно книжествомъ, а переписка тетрадѣй на Феофана измѣною и еретичествомъ.

Горбуновъ сдѣлалъ главныя показанія, что онъ переписалъ для Ионы нѣсколько тетрадѣй; но гдѣ онѣ? кому онъ раздавалъ ихъ или гдѣ подбрасывалъ и съ какою цѣлію? Безъ допросовъ и показаній Осипа обойтись не могло. По этому 22-го февраля 1732 г. Походная тайная канцелярія потребовала съ Валаама Осипа ³⁾.

Съ прибытіемъ его дѣло нищихъ кончилось. Больше того, что они показали, отъ нихъ получить было нельзя. Поэтому 22 марта П. т. к., разобравъ ихъ дѣло, опредѣлила: Кузьмина за то, что называлъ Горбунова черно книжникомъ и еретикомъ, бралъ у него тетрадь на Феофана, читалъ и не объявилъ, битъ плетьюми и свободить; Данилу Толбугина за то, что называлъ Горбунова измѣнникомъ — тоже; Горбунова битъ кнутомъ и освободить; но мѣсяцъ спустя это опредѣленіе усилили: Горбунова, послѣ кнута, велѣно было сослать въ Сибирь на серебряные заводы.

За тѣмъ пошли допросы Осипу—куда дѣлись тетради? Тутъ нельзя было вывернуться не рискуя поплатиться за это собственной кожей. А между тѣмъ ему польстили обѣщаніемъ, что если онъ откроетъ всю истину, то получитъ милость ея величества. Осипъ былъ человѣкъ увлекающійся, страстный. Обѣщанія вскружили ему голову. Онъ потребовалъ бумаги и сталъ писать съ такою ревностію за Феофана, съ какою прежде писалъ противъ него. Осипъ рассказалъ уже извѣстную намъ исторію о своихъ отношеніяхъ къ Аврамову и Родышевскому.

¹⁾ 22-го февраля 1732 г.—Осипъ отпущенъ съ Валаама 7 марта.

«Видя—показывалъ онъ—многое написанное Родышевскимъ доказательство и въ челобитной его смѣлость, написалъ отъ себя доношеніе къ лицу ея величества, чтобы дать судъ Родышевскому съ Теофаномъ; а послѣ того сочинилъ извѣстную тетрадь и рѣшился умножить ихъ и роздать письменнымъ людямъ, чтобы о противностяхъ архіерея Теофана къ Церкви вѣдали и нововзданнымъ его книгамъ не вѣрили. Аврамовъ унималъ его, говорилъ, что Родышевскій лучше сдѣлаеть, что онъ сочиняеть противъ онаго архіерея двѣ книги, а именно—о монашествѣ, да о правленіи царствъ, и какъ тѣ книги окончатся, тогда вручить ихъ архимандриту Варлааму и онъ предложитъ Государынѣ Императрицѣ, и тогда ему Теофану съ Родышевскимъ дастся судъ и противности его всѣ явны будутъ и безъ твоихъ тетрадей. Но онъ, не слушая тѣхъ его словъ, отдалъ тетрадь своего письма брату своему, богадѣленному нищему для переписки. Послѣ того тетради эти онъ давалъ читать и раздавалъ разнымъ лицамъ — успенскаго собора попу Петру Иванову, Переславля Залѣскаго іеромонаху Іакову, вагенмейстеру великой княжны Екатерины Іоановны Степану Колобову, директору типографіи Барсову, синодальному поддіакону Петру, чиновникамъ разныхъ вѣдомствъ — Павлову, Муромцову, брату живописцу Роману Никитину, послалъ въ Курскъ въ знаменскій монастырь, гдѣ былъ постриженъ, къ архимандриту Михаилу двѣ тетради; остальные сжегъ при келейникахъ Варлаама, чему очевидцемъ былъ іеромонахъ Леонидъ¹⁾. Походная тайная канцелярія приказала Тайной канцеляріи (въ Москвѣ) взять всѣхъ указанныхъ лицъ къ допросу, за исключеніемъ іеромонаха Іакова, о которомъ положено спросить архимандрита Варлаама. Варлаамъ отвѣчалъ, что когда онъ былъ въ его вѣдомствѣ въ солбинской николаевской пустыни переяславскаго уѣзда, то хаживалъ къ нему за милостыней, а гдѣ теперь — не знаетъ. Велѣно отыскать.

Такъ какъ въ числѣ оговоренныхъ лицъ былъ Аврамовъ, то къ нему послали унтеръ-офицеровъ для секретнаго допроса при

¹⁾ Келейники Варлаама—Младенцовъ и Поповъ нѣсколько времени содержались въ Тайной канцеляріи, потомъ были освобождены; а іеромонахъ Леонидъ, послѣ допросовъ и очныхъ ставокъ, скончался въ Тайной канцеляріи.

монастырскихъ властяхъ: гдѣ взятая имъ у Осипа тетрадь ииѣется? И если истины не покажетъ, то объявить, что взятъ будетъ въ С.-Петербургъ къ очной ставкѣ съ Осипомъ.

Множество оговоренныхъ лицъ со всѣхъ сторонъ взяты были въ Москву. Варлаамъ жаловался Государынѣ, что изъ троипкаго монастыря забраны люди на 50 подводкахъ, а по какому дѣлу неизвѣстно. Ушаковъ объявилъ, что они взяты за поношеніе новгородскаго архіепископа.

Когда собрались оговоренные, начали допросы. Но почти всѣ показанія были уклончивы. Одни говорили, что видѣли тетради, а не брали ихъ; другіе брали, но не читали; либо, прочитавши страницы двѣ, жгли и бросали; иные слушали, какъ читали другіе, но не вникли въ силу читаннаго; иные отдавали тетради своимъ знакомымъ, такъ что вокругъ одной тетради группировалось по нѣскольку лицъ.

Арестовали Барсова. По обыкновенной формѣ вопросовъ Барсовъ показалъ, что онъ былъ греческой школы учителемъ, а съ 1731 года находится директоромъ синодальной типографіи; Юну знаетъ онъ по родству, потому что послѣдній, до монашества, женатъ былъ на свояченицѣ его по первой женѣ и былъ діакономъ успенской церкви въ Кожевникахъ. Онъ бывалъ у него по своимъ дѣламъ. Барсовъ хотѣлъ переводить съ греческаго языка каноникъ и приходилъ къ нему, чтобы тотъ доложилъ объ этомъ Варлааму. Въ этотъ разъ Юна далъ ему тетрадь о житіи Теофана: вотъ — говорить — есть у меня исторія о новгородскомъ архіереѣ; но какъ онъ увидѣлъ, что въ ней написаны бранныя рѣчи на Теофана, то разорвалъ и бросилъ ее. Съ Родышевскимъ познакомилъ его секретарь дворцовой конторы Александръ Яковлевъ. Идя однажды въ симоновъ монастырь онъ пригласилъ и его съ собой. Тутъ онъ познакомился съ Авраамовымъ и послѣ того бывалъ у него въ домѣ для спрашиванья о невѣстѣ, которая жила подлѣ него въ сосѣдствѣ. Въ разговорахъ Аврамовъ говорилъ ему Барсову, что книга «о блаженствахъ» напечатана неправильно, на что онъ, Барсовъ, сказалъ, что не знаетъ, правильная она или неправильная. Но Аврамовъ въ своихъ показаніяхъ выдалъ его. Онъ показалъ, что Барсовъ и самъ разсуждалъ, что книга «о блаженствахъ» сочинена неправильно,

потому что въ той книгѣ напечатано—одною вѣрою можетъ чело-вѣкъ спасенія получить, а Церковь-де наша восточная приняла, что отъ вѣры и отъ дѣлъ спасеніе получить можетъ. Въ такихъ же разговорахъ говорилъ онъ Аврамову о нищихъ, что надлежитъ подавать такимъ, которые работать не могутъ; на что Аврамовъ закрича говорилъ: надобно-де всякому милостыню давать, и онъ Барсовъ потомъ, болѣе не говоря, отъ того Аврамова вышелъ.

Казариновъ (производитель дѣлъ въ Тайной канцеляріи) спрашивалъ, какъ поступать ему при такихъ уклончивыхъ показаніяхъ и что дѣлать съ арестантами послѣ допросовъ — пересылать въ С.-Петербургъ или содержать въ Москвѣ? Ушаковъ (28-го апрѣля) послалъ къ нимъ для улики Осипа; «а чьихъ показаній нельзя повѣрить ни уликой, ни очной ставкой, тѣхъ приводить въ застѣнокъ и спрашивать съ пристрастіемъ; и хотя которые свою вину принесутъ или заператься будутъ, всѣхъ содержать въ Москвѣ подъ карауломъ, а въ С.-Петербургъ прислать выпи-ску объ ихъ показаніяхъ».

По показаніямъ оговоренныхъ лицъ, съ очныхъ ставокъ съ Осипомъ, взяли въ Тайную канцелярію еще множество лицъ — рязскаго уѣзда попа Василья, съ троїцкаго подворья іеромонаха Леонида, купецкаго человѣка Алексѣя Иванова, новгородскаго подворья пономаря Льва Иванова и двороваго человѣка А. В. Макарова — Ѳедора Денисова. Присутственныя мѣста требовали взятыхъ лицъ для неупустительнаго отправленія срочныхъ дѣлъ. Казариновъ отпустилъ Барсова, Колобова, Павлова и Ѳедорова и 4-го мая получилъ за это выговоръ отъ Ушакова, потому что дѣло это не безъ важности. Отпущенныхъ приказано было взять снова въ Тайную канцелярію.

По разнорѣчіямъ Барсова, Колобова, попа Петра, іерод. ти хона, поддіакона Ѳедорова и копистовъ Муромцова и Павлова и купецкихъ людей Кузнецова и Лонцова съ Осипомъ, велѣно (30-го апрѣля) привести ихъ въ застѣнокъ и спросить каждого порознь съ пристрастіемъ; а 9-го мая пришло изъ С.-Петербурга такое жъ приказаніе объ Осипѣ—чтобъ имъ изъ подлинной правды розыскивать: для чего онъ, разстрига, раздавалъ тетради и не

для возмущенія-ль какого и не было ль у него въ мысляхъ раздачею оныхъ тетрадей народъ привести въ какой соблазнъ?

Этотъ крутой поворотъ въ ходѣ дѣла произошелъ вслѣдствіе усложненія дѣла новыми обстоятельствами, открывшимися около половины 1732 года. Первымъ изъ нихъ было изданіе Камня Вѣры и возбужденная имъ полемика между католиками и лютеранами, проживавшими въ Россіи; вторымъ — подметное письмо съ пашквиломъ на Феофана.

Но прежде, чѣмъ перейти къ этимъ новымъ обстоятельствамъ, мы прослѣдимъ за печальной судьбой епископовъ, разосланныхъ по разнымъ монастырямъ; потому что 1732-й годъ, въ которомъ тѣ событія только начинались, для несчастныхъ епископовъ былъ окончательно роковымъ ¹⁾.

XIX.

Левъ Юрковъ, Игнатій Смола, Сильвестръ Холмскій и Дашковъ.

Разославши по монастырямъ своихъ недруговъ Феофанъ наблюдаетъ, какъ они поживаютъ въ ссылкѣ, не поднимаетъ ли кто

¹⁾ Къ этому времени, т. е. къ 1732 году, относятся:

Стихи Феофана на Ладожскій каналъ, начатыя при Петрѣ I-мъ и оконченыя при Аннѣ. Императрица съ огромной свитой, въ 1732 году, осматривала этотъ каналъ и была чрезвычайно довольна его окончаніемъ. Феофанъ написалъ по этому поводу латинскіе стихи, которые самъ перевелъ на русскій языкъ стихами жъ:

Гдѣ Петрополию вредитъ проѣздъ водный
 Плодоносныя судна пожирая,
 Тамъ царскимъ дѣломъ сталъ каналъ всеплодный
 Принося пользы, а вредъ отвращая.
 Снѣгъ страхъ оставленъ Ладожскій безгодный,
 Снѣгъ невредимо плывутъ къ намъ благая.
 На твою, Анно, дѣется то славу,
 И вода идетъ по твоему праву.

Письма: къ гетману Данилу Апостолу съ поздравленіемъ по поводу полученія ордена и къ великой княгинѣ Екатеринѣ Иоанновнѣ, поздравительное со дномъ ангела Анны Леопольдовны, отъ 9 декабря 1732 г. (Труды кievск. акад. 1865 г. кн. 10. стр. 261).

рогъ, не грозитъ ли кто снова откуда бѣдой? Послѣдуемъ и мы за этими невинными и виновными страдальцами въ ихъ заключеніе и посмотримъ, какъ они переносили свою несчастную судьбу.

Левъ томился въ уединенной обители, устроенной на маломъ островку, въ заливѣ Бѣлаго моря, патріархомъ Никономъ во славу и имя креста, отчего и монастырь прозванъ крестнымъ. Кажется, онъ примирился съ своею судьбой и проводилъ скромную монашескую жизнь на ряду съ прочею братіей.

Игнатій отправленъ въ свѣяжскій монастырь. О состояніи его душевныхъ расположеній можно судить по слѣдующему письму его къ одному близкому человѣку, Бѣляеву: «за многая ваша благодаренія и неоставленія при бѣдствахъ нашихъ одолженъ есмь о вашемъ спасеніи Господа Бога молить. Нынѣ о себѣ вамъ предлагаю. Слава Богу о всемъ, еще съ живыми обрѣтаемся на земли. Наказуетъ насъ Господь отечески. Видя согнившая наши грѣховныя раны, подобающее имъ прилагаетъ врачеваніе, жжетъ напастями, рѣжетъ нечаянно находящими печальми, поитъ горестями плачевными. Се же творить, не да погубить насъ, но да исцѣлитъ. Аще бо и жестокое скорбей на наши раны возливаетъ вино, но не безъ елєя, ибо невозможно инако душевнымъ исцѣлится язвѣмъ. Яко же болящему потребно есть врачеваніе, сице и намъ грѣшнымъ наказаніе, по глаголу апостольскому: яко скорбяще, присно же радуящєся. Писавый чернецъ Игнатій нлловецъ изъ свѣяжскаго богородицкаго монастыря. Февраля 1731 года».

Казанскій митрополитъ *Сильвестръ* принялъ его очень радушно и старался вниманіемъ и ласкою облегчить его горькую участь, но черезъ это навлекъ на себя такія бѣды, которыя свели его во гробъ. Такъ какъ ему суждено быть однимъ изъ важныхъ дѣйствующихъ лицъ въ нашей печальной исторіи, то мы вспомнимъ коротко и прежнюю его жизнь.

Онъ былъ родомъ изъ дворянъ *Холмскихъ*. Родной братъ его, Осипъ Дороевичъ Холмскій, былъ холмогорскимъ помѣщикомъ. Сильвестръ постригся въ монашество въ Новгородѣ. Митрополитъ Іовъ опредѣлилъ его архимандритомъ сперва въ деревяницкій, потомъ въ юрьевъ монастырь; изъ юрьева онъ переведенъ

въ Москву, въ троицкій сергіевъ монастырь ¹⁾, а изъ него въ 1708 г. въ нижегородскіе митрополиты. Въ 1719 г., по назначеніи въ Нижній Новгородъ Питирима, сдѣлавшагося извѣстнымъ своими подвигами противъ раскольниковъ, Сильвестръ переведенъ въ Смоленскъ; онъ считалъ это пониженіемъ для себя и приписывалъ его новгородскому архіепископу Феодосію. Въ Смоленскѣ онъ былъ не долго. Вскорѣ онъ переведенъ былъ въ Тверь, гдѣ и былъ три года. «И того — пишеть Сильвестръ — пятнадцать лѣтъ въ томъ же санѣ; и имѣлъ панагію и клобукъ бѣлый... Послѣ того въ 1723 году, какъ блаженныя памяти всемилостивѣйшій Государь Императоръ, по своей высокой милости, указалъ богомольца своего, меня стараго митрополита, изъ Твери перевести въ старую рязанскую митрополию, на мѣсто Стефана митрополита митрополитомъ же, помянутый изуморъ Федось увидѣвъ, что не его избраніемъ пожалованъ, по зависти своей вымыслилъ обще съ Палехинымъ и съ Овсяниковымъ, призвавъ въ синодальную палату велѣлъ сказать сказку: пожалованъ де ты въ рязанскую епархію, а ты будучи тамо митрополитомъ во время церковныя службы Бога молишь за себя не вели, а пишися епископомъ: и отъ оныхъ не вѣмы, за что уничтоженъ, что и значило — данную мнѣ митрополичью честь по зависти отъяли безъ всякія причины. Каково пріятно будетъ, какъ пожалуютъ кого изъ генераловъ въ полковники, а въ духовномъ чинѣ изъ поповъ въ діаконы, а изъ офицера въ солдаты? И былъ въ Рязани три года» ²⁾. Съ возшествіемъ на престолъ Екатерины его перевели въ Казань архіепископомъ. Пользуясь перемѣною обстоятельствъ онъ подалъ Государынѣ прошеніе, «чтобъ за его безвинное терпѣніе удостоятъ его прежнимъ званіемъ митрополическимъ по примѣру, какъ и у сибирскаго Антонія митрополита такого званія не отнято». Сильвестръ подалъ въ добрый часъ. По прошенію

¹⁾ Въ Чтеніяхъ въ обществѣ исторіи и древн. россійскихъ (1861 года кн. III) напечатано письмо его къ духовнику царевича Алексія, Я. Игнатьеву, отъ 6-го ноября 1707 г., съ изъявленіемъ радости о возвращеніи царевича въ отечество.

²⁾ Въ Кабинетныхъ дѣлахъ есть доношеніе его Императрицѣ Екатеринѣ 1724 г. объ отдачѣ ему денежной домовой казны М. Стефана, описанной и запечатанной послѣ его смерти, на разныя необходимыя постройки и расходы по архіерейскому дому. (Каб. дѣла II, № 68. л. 25).

его послѣдовалъ указъ св. Синоду 15 марта 1727 г.: «повеже хотя въ митрополиты посвящать впредь не велѣно, однакожь онъ имѣлъ до того указа то званіе; а ктомужь онъ паки на высшую степень—казанскую митрополию, на мѣсто бывшаго митрополита Тихона, возведенъ; того ради надлежитъ его архіепископа Сильвестра по прежнему удостоятъ митрополитомъ, токмо носить ему черный клобукъ». Послѣднее повышеніе его прямо совпадаетъ съ повышеніемъ Дашкова и Игнатія. Это значитъ, что они принадлежали къ одной партіи и имѣли при дворѣ общихъ покровителей.

Въ Казани онъ завелъ процессъ съ губернаторомъ А. П. Волынскимъ и подалъ на него пункты, обвиняющіе Волынскаго въ воровствѣ и въ грабительствѣ и въ смертныхъ убійствахъ. Смиранный доноситель былъ однакожь не совсѣмъ правъ въ своемъ доносѣ, и Волынский совсѣмъ не былъ такимъ злодѣемъ, какимъ хотѣлось выставить его озлобленному его противнику.

Зоркіе глаза строго слѣдили за Сильвестромъ, какъ онъ обращается съ Игнатіемъ. За предлогомъ къ доносу дѣло не стало. Въ Москву повѣщено было, что Игнатій ѣздилъ изъ свіяжскаго монастыря въ рамескую пустынь къ Сильвестру и Сильвестръ пріѣзжалъ къ нему въ Свіяжскъ. Высочайшимъ указомъ велѣно было это дѣло изслѣдовать. Оказалось, что казанскій митрополитъ показывалъ къ Игнатію почтеніе не по званію простаго чернеца, но по подобію архіерея, именно въ разговорахъ звалъ его *бладыко святымъ*, цѣловался съ нимъ, какъ архіерей съ архіереемъ, бывалъ у него неоднократно, въ публичныхъ столахъ саживалъ подлѣ себя на первомъ за собою мѣстѣ, возилъ его съ собою въ разные дома и позволялъ при себѣ благословлять людей разныхъ чиновъ. Этого мало — это всё видѣли и знали; а между тѣмъ это было въ такое время, когда судили за слова, сказанныя вдвоемъ шопотомъ; столъ, стѣны, стулья — все подслушивало и доносило. Такъ было и здѣсь.

Во время слѣдованія прилучился къ допросу спасскій архимандритъ Питиримъ и, между прочимъ, показалъ, что во время гощенья въ рамеской пустыни, въ ту пору, когда былъ тамъ Сильвестръ, Игнатій останавливался въ квартирѣ намѣстника. Вечеромъ «ходя вездѣ» они зашли съ Сильвестромъ къ намѣстнику

въ келью. Тутъ между разговоръ Игнатій, нагнувшись мало къ Сильвестру, говорилъ тайно: «вотъ-де лишили меня архіерейскаго сана напрасно. И ей ли.... архіерея судить!» Митрополитъ на это ничего не сказалъ.

По обычаю начался розыскъ. У Сильвестра отобрали всѣ его письма, тетради и книги. Въ тетрадяхъ оказались немалыя противности. На одной тетради, «писанной на подобіе исторіи о бѣломъ клубукѣ», сдѣлана была рукою Сильвестра приписка съ бранными намеками на распоряженіе, которымъ запрещалось русскимъ митрополитамъ ношеніе бѣлаго клубука. Сильвестръ показалъ, что онъ сдѣлалъ эту приписку «не къ поношенію чести Государыни, ниже злобствуя, но токмо укоряя Римлягъ».—На другой тетради переписанъ былъ извѣстный указъ о монастыряхъ и монахахъ, 31-го января 1724 года, тоже съ припискою, между строкъ, Сильвестра. Сильвестръ показалъ, что «сдѣлалъ то отъ неразумія своего, а не по злобѣ и не къ поношенію ея императорскаго величества».—Наконецъ у Сильвестра нашли письмо, написанное въ видѣ церковнаго манифеста, съ обвиненіемъ Теофана въ неправославіи и нерадѣніи о церкви православной: «сынове восточныя церкви, вси православные христіане, по ревности своей, отъ всея души жагѣя, объявляемъ главную обиду святыя соборныя нашея церкви: во первыхъ первый духовныхъ дѣлъ судія присмотру о ней не имѣеть и о полезномъ не радѣеть и о другихъ соборныхъ церквахъ не бережеть и по всему видно есть, что онъ не православенъ». Тутъ ужъ нельзя было укрыться. Сильвестръ признался, что все это написано о новгородскомъ архіепископѣ Теофанѣ по злобѣ и отъ безумія, а неправославія и никакой противности церковной онъ за нимъ не знаетъ.

По окончаніи слѣдствія, 30 декабря 1831 г., доложено было обо всемъ Государынѣ и того жъ дня послѣдовалъ высочайшій указъ съ обыкновенною формулой: «хотя бывший коломенскій архіерей (Игнатій) за новое жесточайшее преступленіе надлежалъ бы жестокому истязанію; токмо ея величество милосердуя изволила указать послать его въ николаевскій корельскій монастырь и содержать подъ крѣпкимъ карауломъ, и быть ему въ томъ монастырѣ безвыходно; а казанскаго Сильвестра послать на обѣщаніе

въ александроневскій монастырь съ тѣмъ, чтобы ему въ служеніи не быть и мантии архіерейской и панагии не носить». Но на другой же день послѣдовалъ новый указъ, которымъ велѣно содержать его митрополита въ невскомъ монастырѣ неисходно.

Можно было предвидѣть, что этимъ дѣломъ съ Сильвестромъ не кончится, потому что, живя въ невскомъ монастырѣ, онъ былъ у всѣхъ на глазахъ и могъ найти себѣ милостивцовъ. Такъ и случилось. На Благовѣщеніе (25-го марта 1732 г.) было въ невскомъ монастырѣ обыкновенное праздничное собраніе. Заточенный Сильвестръ, конечно, не упустилъ случая поговорить съ тѣмъ и другимъ о своемъ жалкомъ положеніи. Теофанъ или кто другой замѣтилъ это. На третій же день послѣ праздника (28-го марта) послѣдовалъ высочайшій указъ слѣдующаго содержания: «ея императорскому величеству извѣстно учинилось, что оный Сильвестръ въ невскомъ монастырѣ содержитъ себя не такъ, какъ надлежитъ, но употребляетъ свои коварственныя ханженства, чего было ему чинить отнюдь не надлежало; а можетъ быть, что и еще изъ того коварства надѣются больше возможно худыхъ дѣлъ». Вслѣдствіе этого велѣно сослать его въ крыпецкій монастырь псковской епархіи.

Въ бытность въ крыпецкомъ монастырѣ, въ іюлѣ того же (1732) года, Сильвестръ сказалъ за собой государево слово и требовалъ, чтобы его съ сержантомъ Сукинымъ представили въ Москву въ Сенатъ. Походная тайная канцелярія нарядила за ними своего сержанта съ солдатами и приказала «взять ихъ изъ Пскова и вести порознь одалъ другъ отъ друга, чтобы колодники между собою разговоръ никакихъ не имѣли; а ежели паче чаянія въ дорогѣ изъ оныхъ колодниковъ учнетъ кто говорить непотребное, то велѣтъ записать и имѣть секретно. И для опасенія, чтобъ болѣе непотребныхъ словъ отъ нихъ не происходило, заклепать имъ ротъ... и смотрѣть, чтобъ они себя тѣмъ не умертвили и не убѣжали. Пить имъ давать отвѣдывая сперва то сержанту самому, и на пищу давать имъ хлѣбъ, переламывая въ малые куски. Недоѣзжая до С.-Петербурга за пять верстъ, одного человѣка прислать для извѣстія въ Походную тайную канцелярію; а помянутыхъ колодниковъ вести въ Екатерингофъ и содержать тамъ до указа. Въ дорогѣ, кто они, не сказывать».

Слово и дѣло Сильвестра было не что иное, какъ жалоба на приставленнаго къ нему сержанта Сукина, который будто бы грозилъ ему, что привяжетъ его къ столбу и убьетъ. Во время утрени (когда Сильвестръ объявилъ за собою государево слово), Сукинъ, будто бы, билъ его палкой и кулаками и ругалъ всячески, и когда Сильвестръ пошелъ къ игумену жаловаться, тотъ въ догонъ билъ его до самаго игумена, а игумень никакой обороны не учинилъ.

Началось слѣдствіе, пошли допросы, показанія. Сильвестръ сначала «говорилъ перемѣнныя рѣчи», попросту сказать, путался, но потомъ сознался, что Сукинъ его не бивалъ, только какъ въ церкви, такъ и на паперти «тащилъ его нечестно; и такіе слова, что хотѣлъ бить, ему говорилъ, потому онъ и сказалъ за собой слово, убоясь тѣхъ угрозъ. Ктому жъ держался онъ въ томъ монастырѣ въ великомъ утѣсненіи и нуждѣ, отчего, желая освободиться изъ того монастыря, и сказалъ за собою оное дѣло напрасно».

Въ августѣ въ Псковъ командированъ былъ изъ Тайной канцеляріи преображенскій капитанъ-поручикъ Замыщій для разбора дѣла между псковскимъ епископомъ Варлаамомъ и воеводою княземъ Солнцевымъ. Ему жъ поручено было изслѣдовать дѣло Сильвестра въ крыпецкомъ монастырѣ. Игумень съ братіей не подтвердили ничего, что показывалъ Сильвестръ на Сукина; а подтвердили только, что Сильвестръ кричалъ всенародно, чтобъ его везли въ Москву въ Сенать, что имѣетъ онъ дѣло великое.

Наконецъ 19-го октября 1732 г. въ Кабинетѣ состоялся приговоръ: «вышеозначеннаго Сильвестра, что вѣдая онъ о винѣ своей, за которую держанъ былъ въ монастырѣ за карауломъ, не имѣя оттого въ себѣ воздержанія, учинилъ еще означенную важную продерзость, кричалъ всенародно вышепоказанныя слова и въ отвѣтахъ своихъ затѣвая объявлялъ перемѣнныя рѣчи — и за то сять съ него архіерейскій санъ и лишитъ его іеромонашества и велѣтъ ему быть простымъ монахомъ, дабы отъ него впредь продерзостей болѣе не происходило; а по исполненіи онаго послать его въ Выборгъ и велѣтъ его содержать въ замкѣ называемомъ

Гермонъ (въ томъ самомъ, въ которомъ впоследствии содержался преосвященный Теофилактъ Лопатинскій) и для караула опредѣлить капрала и четырехъ человѣкъ солдатъ. А Суккина освободить». ¹⁾ Печальный обрядъ сятія съ него знаковь архіерейскаго сана и монашескаго званія исполнили въ Тайной канцеляріи горницкій архимандритъ Иларіонъ съ благовѣщенскимъ протоіереемъ Іоанномъ.

Оставимъ на время этого страдальца и перейдемъ къ другимъ, мучимымъ изъ-за того же дѣла. Мы въ спасокаменномъ монастырѣ вологодской губерніи. Расположенный на островѣ Кубенскаго озера онъ представляетъ всѣ удобства для уединенія и молитвы; но люди сдѣлали изъ него острогъ для заключенія преступниковъ. Въ ту пору, къ которой относится нашъ разсказъ, въ немъ содержалось нѣсколько колодниковъ за разныя преступленія. *Георгій Дашковъ* увеличилъ собою число ихъ.

Прибывъ въ вологодскій Каменный монастырь онъ просилъ поскинуть его. Мѣстный епископъ Аванасій Кондоиди донесъ объ этомъ св. Синоду; Синодъ доложилъ Государынѣ, Государыня разрѣшила исполнить желаніе Георгія, «если онъ проситъ объ этомъ самовольно безъ принужденія». Новаго схимника назвали Гедеономъ (февр. 1731 г.).

Гедeonъ и въ схимничествѣ считалъ себя архіереемъ — благословлялъ, какъ прежде, всѣхъ, кто приходилъ къ нему. Въ ту пору подобныхъ ссыльныхъ всѣ боялись, потому что изъ-за нихъ легко было пропасть. Гедeonъ сердился на это и говаривалъ: «для чего вы меня морите? Сказали мнѣ, что и монастырь каменный; ажно не монастырь, а люди въ немъ живутъ каменные»; и въ сердцахъ бранилъ монаховъ «жидами» и «непотребными». Онъ понималъ очень хорошо, кому обязанъ своимъ заточеніемъ: «я — говаривалъ онъ — архіерейства лишенъ безвинно и содержусь и страдаю здѣсь занапрасно, и сослани-де въ Каменный монастырь безвинно своя братья, а Государыня того и не вѣдаетъ; однакожь-де она до меня милостива, токмо-де я ея величеству обнесень отъ своей братья напрасно».

---

¹⁾ Протоколы Тайн. Р. Д. канц. 19-го октября 1732.

До Феофана стали доходить темные слухи, что Георгію потакають, держатъ его не только въ послабленіи, но даже въ нѣкоторомъ почтеніи, что у него бывають разныя лица и приносятъ ему разныя вещи. Но вѣдь такимъ способомъ можетъ снова завязаться интрига и, Богъ знаетъ, чѣмъ еще кончится? Феофанъ цѣлую жизнь не считалъ безопаснымъ своего положенія. Между прочимъ таково было и время, что въ смутахъ и интригахъ низвергали одинъ другаго, чтобы въ свою очередь и себѣ ожидать такой же участи. Феофанъ всѣми силами души вдался въ этотъ водворотъ и кружился въ немъ до самой смерти. Сколько людей погубилъ онъ совершенно напрасно, измучилъ, сжегъ медленнымъ огнемъ пытки и заточенія — безъ всякаго состраданія и сожалѣнія!

Чтобы разузнать обо всемъ пообстоятельнѣй, Феофанъ поручилъ синодскому оберъ-секретарю Дудину войти въ сношеніе съ кѣмъ-нибудь изъ тамошнихъ подъ строгимъ секретомъ. Выборъ Дудина упалъ на архіерейскаго вологодскаго секретаря Осипа Степанова. Дудинъ могъ судить по себѣ, что эти люди легко поддаются ласкамъ.

Ноября 12-го 1731 года, Дудинъ отправляетъ къ нему изъ Москвы чиновника съ письмомъ, въ которомъ проситъ секретаря купить для него лошадь — «нѣмецкую, вороную, которая была бы первой сродна, за что я вамъ моему государю — прибавлялъ оберъ-секретарь — отслужить самъ не облѣнюся. Мнѣ нынѣ надобенъ заводъ лошадиный, понеже я купилъ себѣ близъ Москвы деревеньку небольшую, въ которую, ежели дастъ Богъ, можно изъ канцеляріи ѣздить обѣдать, а вамъ съ нами по свиданіи нашемъ всеусердно въ ней веселиться. Иного я вамъ доносить не имѣю, токмо остаюсь вѣрнымъ и послушнымъ братомъ единожды навсегда».

Въ это письмо вложена была секретная цыдулка слѣдующаго содержанія: «1) о деньгахъ малаго моего не спрашивай, ихъ съ нимъ не посылаю; 2) сей мой человекъ къ вамъ посланъ весьма секретно и вы съ нимъ ни о какихъ обстоятельствахъ — о чемъ въ прочихъ цыдулкахъ показано — не разговаривайте, понеже онъ, зачѣмъ къ вамъ посланъ, не знаетъ, токмо сказано ему, что для покупки лошадей; 3) по полученіи сего письма, оное архіерею сво-

ему объяви, дабы онъ подозрѣнія на тебя не имѣлъ; а пидулокъ, и ниже словесно, подъ клятвою Божіею и опасаясь гнѣва Государыни своей, ея императорскаго величества, отнюдь ему архіерею и никому не объявляй. А сія секретная коммиссія поручена тебѣ, яко вѣрной и присяжной персонѣ; и ежели покажешься исправенъ и вѣренъ, то во всегдашнее время надѣйся всякаго себѣ снисхожденія и милосердія отъ высокихъ персонъ, о которыхъ объявлять здѣсь нужды нѣтъ, а можешь и безъ объявленія о томъ выразумѣть; 4) ѣхать тебѣ, отпросясь у архіерея, или какъ лучше самъ разсудишь, смотря по обстоятельствамъ тамошняго вашего обхожденія, лошадей принскивать купить въ немедленномъ времени, и заѣхать внезапно въ Каменный монастырь и тайно зѣло, чрезъ какія можешь обстоятельства, навѣдаться изъ разговоровъ и изъ прочаго о томъ: 1) какъ бывшій ростовскій тамъ жителство имѣеть, такъ ли, какъ монаху и схимнику надлежитъ или поднимаетъ паки роги по прежнему злomu обычаю гордости своей, и кто при немъ служитъ, также и караульщики имѣются ли и какъ содержатъ его? 2) въ церковь ходитъ ли и часто ль, и гдѣ становится, и въ чемъ ходитъ, и здоровъ ли онъ нынѣ или боленъ, и буде боленъ, давно ль и чѣмъ, и каковую пищу имѣеть и свою или монастырскую, и какъ его прочіе тамошніе обыватели ведутъ, и какое почтеніе отдаютъ ли, или яко монаха имѣютъ, и не имѣеть ли онъ излишнихъ расширеній и, буде имѣеть, какія? 3) не благословляетъ ли онъ, и архимандритъ и прочіе начальствующіе тамошніе часто ль съ нимъ видаются и къ нему приходятъ въ келью или его къ себѣ зовутъ, и какое ему почтеніе отдаютъ и какъ называютъ, и не имѣется ли къ нему въ присылкѣ писемъ отъ кого и откуда, и давно ль и часто ль письма приходятъ, и онъ къ кому и о чемъ не писалъ ли и нынѣ не пишетъ ли, и не говоритъ ли публично какихъ замашныхъ разговоровъ, и настоятель объ оныхъ письмахъ и разговорахъ извѣстенъ ли, и не писалъ ли чего о томъ тотъ настоятель къ вамъ въ Вологду, и буде писалъ — о чемъ и когда, и не имѣлъ ли тотъ бывшій изъ монастыря одинъ или съ другими кѣмъ отлученія, и буде имѣлъ — давно ль и сколько разъ, и къ кому, и зачѣмъ, и съ кѣмъ, и куда, и долго ль въ томъ отлученіи бывалъ и съ чьего позволенія, и не пріѣзжали ль кто къ нему посторонніе, и если пріѣзжали, кто и давно ль и сколько разъ

и зачѣмъ и долго ль у него бывали, и нынѣ не прїѣзжаютъ ли, и съ чьего позволенія тѣ персоны къ нему допускаемы были или нынѣ допускаются, и напередъ сего не присылали ль или нынѣ не присылаютъ ли къ нему какихъ припасовъ, также и прочаго, и если оныя присылки были, отъ кого и что бъ такое именно; и одинъ ли онъ бывшій ростовскій или съ прочею братією жителство имѣеть и въ каковыхъ кельяхъ и во сколькихъ, и въ тѣхъ ли, которыя ему, какъ онъ привезенъ, были сперва опредѣлены, а буде не въ тѣхъ, для чего изъ нихъ вышелъ? Также и кромѣ всего вышесказаннаго и о прочемъ, что по извѣстію принадлежитъ, увѣдомляться, какъ возможно. Да притомъ же и объ архипастырѣ вы объявите подлинно истину, что нѣтъ ли и отъ него какого къ той персонѣ послабленія и снисхожденія, не опасаясь никакихъ отъ него впредъ себѣ вредительныхъ причинъ, понеже до того его никакъ не допустить. И по исправленіи того о всемъ, какъ напорядочнѣе, надлежитъ отписать вамъ ко мнѣ съ моимъ человекомъ въ немедленномъ времени, понеже сего требуется къ высокой персонѣ въ извѣстіе. И сіе имѣй за самое важное дѣло, а я къ вамъ пишу не собою, какъ вы и сами разсудить можете, и для Бога поступи опасно зѣло и трудъ свой въ увѣдомленіи вѣрный покажи, за что подлинно оставленъ не будешь».

Письмо Дудина отправлено 12-го ноября, а 25-го ноября вологодскій епископъ Аванасій Кондоиди писалъ къ Феофану секретно, что секретарь его докладывалъ ему, будто онъ слышалъ, что въ спасокаменномъ монастырѣ бывшаго ростовскаго архіерея содержать весьма слабо и предлагалъ ему изслѣдовать это дѣло тайно; вслѣдствіе этого онъ призывалъ къ себѣ тамошняго архимандрита и караульныхъ унтеръ-офицеровъ и взялъ съ нихъ письменныя показанія по этому дѣлу. Но какъ такому важному дѣлу не возможно пройти безъ доклада и изслѣдованія, то онъ доноситъ обо всемъ этомъ (не въ Синодъ, а ему)—Феофану для сохранения тайны и лучшаго исправленія. Для точности пакетъ отправленъ съ секретаремъ Степановымъ.

Надо очень слѣпо вѣрить въ честность Дудина, чтобы не увидѣть въ этомъ дѣлѣ его продѣлки. Какъ это случилось, что Аванасій догадался о слабомъ содержаніи Дашкова именно тогда, когда по этому предмету начался секретный розыскъ, когда воз-

никли подозрѣнія на этотъ счетъ у Теофана? Случилось очень просто. Дудинъ извѣстилъ секретно Аванасія о грозившей ему опасности и за это получилъ малу-толику деньгами и натурой. Онъ ловко пользовался своимъ положеніемъ и брагъ со всѣхъ; сколько у кого доставало силы дать, — брагъ съ архіереевъ и архіерейскихъ секретарей, съ монастырей и монастырскихъ настоятелей, съ подсудимыхъ, съ раскольниковъ, всѣхъ держалъ на оброкѣ. Брагъ-брагъ, да наконецъ и попался и заплатился за всѣ старые грѣхи.

Сообразивши всѣ показанія о Гедеонѣ, не объявляя ихъ Синоду, Теофанъ сдѣлалъ докладъ Императрицѣ. Въ какомъ видѣ онъ представилъ ей это дѣло и какъ онъ вообще выставялъ въ ея глазахъ Георгія? Мы видимъ, что его содержали и судили, какъ государственнаго преступника. За что, за какія преступленія? Безъ сомнѣнія, Государынѣ умѣли внушить, что Георгій и его сообщники не желали видѣть ее государынею. Поводъ къ этому, независимо отъ дѣла Льва, находился въ отношеніяхъ Георгія къ Игнатію, Сильвестру, но главное — къ Долгорукимъ, которые покровительствовали ему, вывели его изъ заточенія и довели почти до патриаршества. Долгорукіе были врагами Анны, — стало быть и Дашковъ — другъ ихъ — также ея врагъ. А императрица Анна была не въ такомъ положеніи, чтобы пренебрегать своими врагами — будутъ ли они свѣтскіе или духовные.

5, 6 и 9-го декабря, Теофанъ объявилъ въ Синодѣ, одинъ за другимъ, высочайшіе именныя указы, которыми повелѣвалось: спасокаменскихъ архимандрита Иессея и келаря Авраамія Дамаскина взять въ Синодъ и допрашивать противъ доношенія пресвященнаго Аванасія; для усиленія надзора за Гедеономъ послать въ спасокаменный монастырь сержанта гвардіи съ тремя солдатами; для изслѣдованія дѣла на мѣстѣ послать въ Каменный надежныхъ людей, кого Синодъ разсудитъ. Во исполненіе высочайшихъ повелѣній Синодъ сдѣлалъ свои распоряженія, отправивъ, для слѣдованія дѣла на мѣстѣ, московскаго крестовоздвиженскаго монастыря іеромонаха Евсевія Леонова и вологодскаго архіерейскаго секретаря Осипа Степанова. Въ особой инструкціи имъ приказано было сдѣлать опись всему имуществу Гедеона, особ-

ливо письмамъ и запискамъ, какія онъ получалъ отъ всякихъ персонъ или къ кому самъ посылалъ; развѣдать, нѣтъ ли за нимъ какихъ поступковъ, противныхъ св. правиламъ и высочайшимъ указамъ; какъ его ведутъ тамошніе обыватели и какое почтеніе отдаютъ; принимаютъ ли за архіерея или яко монаха имѣютъ; не имѣетъ ли онъ какихъ излишнихъ расширеній и если имѣетъ, какія именно; въ церковь ходитъ ли и часто ль, и гдѣ становится и въ чемъ ходитъ; часто ли выдаются съ нимъ архимандритъ и прочіе начальствующіе и къ нему ли ходятъ въ келью или къ себѣ зовутъ; не говорилъ ли онъ публично какихъ замашныхъ разговоровъ; не имѣлъ ли куда изъ монастыря отлученія — одинъ или съ другими, и если имѣлъ, давно ль, сколько кратъ, куда, къ кому, зачѣмъ и съ кѣмъ и долго ли въ томъ отлученіи бывалъ и съ чьего позволенія; не пріѣзжалъ ли кто къ нему, и кто, когда, отъ кого, за чѣмъ, на долго ли у него бывали и съ чьего позволенія къ нему допускаемы были; не присылалъ ли прежде и теперь не присылаетъ ли къ нему кто какихъ припасовъ и что бъ такое именно, и то присыльное куда онъ употреблялъ, все ли про себя или кого дарилъ; одинъ ли живетъ или съ прочею братією, и въ какихъ кельяхъ, въ тѣхъ ли, которыя даны были ему, какъ онъ привезенъ, или въ другихъ, а буде не въ тѣхъ, для чего изъ нихъ вышелъ, съ позволенія ль настоятеля или самовольно; также и о прочемъ, что, кромѣ вышеписаннаго, по слѣдствію покажется, а къ извѣстію принадлежитъ, исправить безъ всякаго упущенія». Посланнымъ для караула солдатамъ велѣно осмотрѣть: не имѣется ль у него въ кельѣ чернилъ и бумаги, и если окажутся, то допросить, откуда они взялись, составить записку и за рукой Гедеона прислать въ Синодъ; до тайныхъ разговоровъ ни съ кѣмъ не допускать; письма отбирать и, накрѣпко запечатавъ, присылать въ Синодъ; ежели по какому разговору, или самъ собою, начнетъ говорить неприличныя поносительныя слова, то записывать ихъ безъ всякаго упущенія, откуда оныя начнутся и чѣмъ окончатся, и о томъ писать въ немедленномъ времени; въ церковь отъ себя не отпускать и ни съ кѣмъ говорить не позволять.

Слѣдователи дѣйствовали въ томъ же духѣ, какъ и власти, пославшія ихъ. Первый рапортъ ихъ Синоду показалъ, чего

ждать отъ нихъ Гедеону. «Пришедши въ келью, гдѣ онъ Гедеонъ жительство имѣетъ, и усмотря его Гедеона не въ схимонашескомъ образѣ сѣдѣща, мы желали о подлинной его продерзости увѣдать и для испытанія подходили къ благословенію: и оный Гедеонъ не яко схимонахъ, но яко бы архіерей, насъ благословилъ рукою.... Писемъ и записокъ всякихъ осматривали со всякимъ прилежаніемъ. Книги, образы, деньги и всякія вещи описали и, кѣмъ надлежало, противъ данной намъ инструкціи, секретно слѣдовали. А при описи его скарба, увидя оный Гедеонъ тое описе и осмотръ писемъ, злобствуя говорилъ намъ низжайшимъ продерзостно, яко бы надобно намъ описать у него волосы и голову, а потомъ и въ нужникѣ учинить описъ. И сколько вы чего ни ищите, сыскать у меня того не можете».

Гедеонъ думалъ, что ужъ нечего больше терять и бояться: онъ забылъ, что есть на свѣтѣ застѣнки, отъ которыхъ не защитятъ ни архіерейство, ни схимонашество. Судьба сберегла его отъ этой пытки, но все-таки унесла у него много жизни.

Секретный розыскъ слѣдователей былъ только началомъ дѣла, показавъ только, что и отъ кого можно узнать о планахъ и замыслахъ Гедеона.

Въ январѣ 1732 г. Ступодъ прибылъ изъ Москвы въ С.-Петербургъ. Въ первомъ же собраніи Теофанъ объявилъ высочайшую волю скорѣе окончить слѣдованіемъ по извѣстному секретному дѣлу. Теперь ужъ знали, кого въ чемъ допрашивать. И пошла переборка, которая много жизней совсѣмъ сломила, а другія надорвала и исковеркала. Даже издали, на разстояніи почти полуторыхъ вѣковъ, страшно представить это ужасное, мрачное и тяжелое, время съ его допросами и очными ставками, съ желѣзами и пытками! Человѣкъ не сдѣлалъ никакого преступленія: вдругъ его схватываютъ, заковываютъ въ кандалы и везутъ въ Москву, въ Петербургъ, неизвѣстно куда: за что? Когда-то годъ—два назадъ, онъ разговаривалъ съ какимъ-то подозрительнымъ человѣкомъ! О чемъ они разговаривали — вотъ изъ-за чего всѣ тревоги, страхи и пытки! Безъ малѣйшей натяжки можно сказать про то время, что ложась спать вечеромъ нельзя было поручиться за себя, что не будешь къ утру въ цѣпяхъ, и съ утра до ночи не попадешь

въ крѣпость, хотя бы не зналъ за собой никакой вины. Вотъ вамъ исторія, судите сами.

Когда въ С.-Петербургѣ возобновилось дѣло о Гедеонѣ, Св-нодъ потребовалъ къ допросу множество лицъ изъ разныхъ концовъ Россіи: однихъ приказано было привести въ цѣпяхъ, другихъ просто подъ крѣпкимъ конвоемъ. Спасокаменскихъ архимандрита Лессая и казначея Авраамія, бывшихъ подъ арестомъ въ Москвѣ, приказано перевести въ С.-Петербургъ, на счетъ денегъ отобранныхъ у Смилвестра и Игнатія. Изъ Каменнаго взяли послушника Аврааміева Петра Максимова. Между тѣмъ послѣдовалъ новый доносъ: караульный сержантъ нашелъ у Гедеона подъ поломъ чернильницу. Чтобы такое онъ могъ писать? По собственному характеру и по своему тогдашнему положенію Феофанъ придавалъ значеніе всякой мелочи, вѣрилъ всякому несбыточному предположенію. У Георгія былъ братъ, стольникъ Андрей Яковлевичъ Дашковъ,—были сестры въ Ярославлѣ, была въ Казани племянница за тамошнимъ вице-губернаторомъ Кудрявцевымъ. Этимъ людямъ еще далеко тягаться съ Феофаномъ. Но связи, интриги и мало-ли что можетъ представиться напуганному воображенію? До Феофана дошло, что племянница какъ-то провѣдала, куда заточили дядю (и то случайно, потому что часто родители, дѣти, братья не знали, куда заехали ихъ родственника и находится ли онъ въ живыхъ?). Жалостливая племянница послала къ нему своего человѣка съ гостинцами, а на случай дала мѣха и денегъ—не понадобятся ли Георгію. Посланный дошелъ до Георгія, отдал поклонъ отъ племянницы, предложилъ мѣха и деньги. Георгій не взялъ ни мѣховъ, ни денегъ. Что сказать племянницѣ? «Скажи, что изъ Св-нода присланъ указъ о моемъ посхищеніи и что на первой недѣлѣ поста посхищюсь». Потомъ помолчавъ не много прибавилъ: «вотъ нѣтъ у меня такого друга, который бы попросилъ обо мнѣ царевну Екатерину Іоанновну: можетъ быть она и доложила бы Государынѣ, чтобъ меня перевели въ другой монастырь, поближе къ Москвѣ». Мальцовъ отвѣчалъ: «добро, я скажу барину»,—поклонился и отправился въ обратный путь. Эти послышки, а можетъ быть и пересылки вещей и писемъ, съ замкнваніемъ у царскихъ особъ, должны были задѣть за живое Феофана.

Въ Синодѣ развернули пакетъ съ довозсениемъ о чернильницѣ и съ сверткомъ бумаги: оказалось четырнадцать дестей бѣлой бумаги, а въ срединѣ завѣщаніе Гедеона. И оно пошло въ дѣло, потому что въ немъ упомянулось имя толгскаго архимандрита Пимена, душеприкащика Георгіева: онъ долженъ знать планы и тайны Георгія.

Когда подсудимыя лица собрались, начался розыскъ. Подсудимыхъ держали подѣ строгимъ карауломъ и допрашивали по-рознь. Если въ ихъ показаніяхъ было разногласіе, то ихъ сводили на очную ставку. Больше всѣхъ досталось бѣдному архимандриту Иессею. По всей видимости, это былъ человекъ честный и прямодушный, видѣвшій въ колодникѣ человека и человека несчастнаго, уважавшій падшее величіе въ самомъ паденіи его, не питавшій въ сердцѣ и не подозрѣвавшій вокругъ себя коварства и измѣны. Съ Гедеономъ онъ обходился почтительно не ради какихъ видовъ, какъ онъ показывалъ, а съ простоты своей, почитая его старость и схимонашество. Когда Гедеонъ приходилъ въ церковь, архимандритъ ему кланялся, отступя нѣсколько съ своего мѣста и цѣловался съ нимъ въ руку, въ праздники за обѣдомъ уступалъ ему первое мѣсто и въ разговорѣ называлъ его: отецъ святой, честнѣйшій отче. Совсѣмъ другихъ расположеній былъ келарь Авраамій Дамаскинъ, человекъ ужъ старыл, изжитый, закаленный въ монастырскихъ сплетняхъ и интригахъ. Всѣми своими поступками въ отношеніи къ Гедеону онъ напоминаетъ извѣстную басню Крылова... На судѣ онъ уличалъ архимандрита на каждомъ шагу, припоминалъ ему всѣ ласковые его взгляды и привѣтливыя слова Гедеону. Бѣдный архимандритъ не выдержалъ нравственной пытки, въ болязи можетъ быть застѣночныхъ истязаній, и 1-го апрѣля 1732 г. скончался въ синодской колодничей избѣ. Къ смертному одру его пришли только два караульныхъ солдата. Имъ же поручено было заняться его погребениемъ. Изъ оставшагося имущества — 43 копѣйки 5 алтынь отданы за гробъ, 5 копѣекъ за гвозди, 2 алтына за свѣчи и ладонь, 1 алтынь за чтеніе псалтыри того дня, въ который онъ архимандритъ умеръ; остальные 14 коп. на расходы при похоронахъ.

Показанія подсудимыхъ втянули въ дѣло новыя лица — воло-

годскаго епископа Аѳанасія и Гедеонова племянника, Кудрявцева.

Аѳанасія винили въ двухъ вещахъ: во первыхъ онъ смѣнилъ у Георгія караульныхъ солдатъ — уволилъ казенныхъ и поставилъ монастырскихъ, находившихся въ томъ монастырѣ на пропитаніи; во вторыхъ худо наблюдалъ за посхищеніемъ Георгія. Въ караулѣ и острогахъ вопросъ о караульныхъ солдатахъ — важный вопросъ. Исторія Гедеоновыхъ караульщиковъ имѣетъ нѣсколько варьяцій. Унтеръ-офицеръ, провожавшій Георгія до Каменнаго монастыря, возвращаясь оттуда черезъ Вологду, объявилъ Аѳанасію, что тамъ надзоръ за Георгіемъ слабъ и что нужно объ этомъ позаботиться. Аѳанасій отрядилъ въ Каменный изъ архіерейскаго дома сержанта съ солдатами и рапортовалъ объ этомъ Синоду. Синодъ утвердилъ это распоряженіе. Мѣсяцевъ черезъ пять послѣ того, спасакаменскій архимандритъ Іессей подалъ преосвященному просьбу, въ которой жаловался, что его монастырь пришелъ отъ разныхъ колодниковъ въ крайнее раззореніе. Въ ту пору въ немъ было три арестанта: за каждымъ былъ присмотръ по три человѣка и всѣмъ шло монастырское содержаніе; между тѣмъ въ монастырѣ есть отставные солдаты на пропитаніи, которые могутъ держать караулъ надъ Георгіемъ. Архіерей согласился на это послѣднее представленіе особенно потому, что оно въ точности соотвѣтствовало высочайшему указу, которымъ предписывалось наблюдать за Георгіемъ архимандриту, а не ему архіерею. Архимандритъ, съ своей стороны, выставлялъ на видъ, что ему лучше убережъ колодниковъ съ монастырскими служителями, чѣмъ съ пришлыми солдатами. Лѣтомъ, когда озеро пересыхаетъ и зимой, когда оно замерзаетъ, возможенъ побѣгъ, да не разъ колодники и бѣгивали; но монастырскіе служители, знающіе хорошо мѣстность, излавливали ихъ: — вотъ ужъ на его памяти сбѣжалъ было Ефремъ, да пойманъ за 50 верстъ; передъ тѣмъ бѣгалъ іеродіаконъ Иліодоръ — и тотъ схваченъ. «Какъ я отъ архимандрита услышалъ это — пишетъ Аѳанасій — едва не обезумѣлъ и благодарилъ Бога отъ всего сердца моего, что и Георгію изъ-подъ караула тѣхъ караульщиковъ не случилось побѣгу». Всѣ эти резоны Аѳанасій выставилъ въ донесеніяхъ Синоду, когда началось дѣло о Георгіѣ.

Но вѣдь монастырскіе служители инвалиды? Аванасій сознается, что «они точно всё такіе, только зовутся, что солдаты, а должности солдатской исправлять не могутъ, ибо они суть сухи, они хроми, они слѣпы, они престарѣлы, они дряхлы, они падучею скорбію одержими, они ранени, единымъ словомъ, всё увѣчны; одинъ покрѣпче, Макринъ, взятъ былъ въ архіерейскій домъ для содержанія арестанта, домашнего служителя, да и того выпустилъ за двѣ копейки. Но эти разсужденія, когда я ихъ опредѣлялъ, клянуся живымъ Богомъ, не пришли мнѣ въ память, но отъ ревности своей заочно и безъ дальнихъ разсужденій ихъ опредѣлилъ, разсуждая, какъ бы исполнить высочайшій указъ и себя охранить. А что не спросилъ о томъ резолюціи вашего святѣйшества, и то сдѣлалъ не за какую иную причину, точію разсуждалъ, что такое дѣло времени терпитъ а ежели въ томъ отъ недоумѣнія оплошился, то всепокорно отъ вашего святѣйшества прошу прощенія. И можно опустить такую оплошность иностранному человѣку, который не родился въ такихъ страшныхъ дѣлахъ и порядковъ приказныхъ отъ своихъ родителей не слышалъ, ниже имъ въ школахъ учился. Ниже возможно думать, что я приказалъ это отъ любви ко оному Гедеону, понеже ни онъ мнѣ нѣсть родственникъ или свойственникъ, ни онъ благодѣтель или другъ, но безпримирительный врагъ и смертельный супостатъ; и никто душу свою и здравіе не положилъ за враговъ своихъ, кромѣ единого Христа, до котораго такого божескаго примѣру не бывало и послѣ его до скончанія вѣка не будетъ. И какъ мнѣ положить въ такихъ важныхъ дѣлахъ голову свою за Гедеона, который всякими способами искалъ главу мою, о чемъ многіе извѣстны суть, а паче всѣхъ пренепосвященный отецъ мой и государь преосвященнѣйшій Теофанъ, архіепископъ велико-новгородскій и великолупцкій, который многократно меня оборонялъ отъ такого Амалика. Прекращая иные многіе резоны, аки бы предъ Богомъ — иже есть между вами и слова моя слышитъ — вашему святѣйшеству обязуюся: ежели нынѣ или впредъ явится, что я посѣтилъ Гедеона, по лишеніи его архіерейства, персонально или письменно, или чрезъ кого либо ни есть словесно утѣшилъ его, — единымъ словомъ, ежели я какую любовь, благосклонность и снисхожденіе къ нему явилъ, тогда буду самоосужденъ и лишенъ не точію отъ епархіи и отъ

сана, но и отъ моего здравія. А буде сожалѣть или болѣзновать о немъ внутреннею моею, егда слышалъ, что память его по его достоинству съ шумомъ погнѣ, или мыслить, что онъ со временемъ будетъ пакъ человекъ, то да буду проклять и по смерти не разрѣшенъ... И хотя архимандритъ отъ него Гедеона просилъ меня къ себѣ въ монастырь и требовалъ чрезъ него архимандрита повара и хлѣбника, также меду, рыбы и для лекарства ревеню, и я во всемъ ему отказалъ. (22-го мая 1731 г.)» Какъ ни были строги судьи, но не могли не изумиться такой сильной клятвѣ и не спросить: понимаетъ ли онъ ея силу? Аванасій отвѣчалъ: «очень понимаю, и егда силу ея рассуждаю, весь трепещу. И какъ мнѣ не трепетать, егда между прочими читаю: и молитва его да будетъ во грѣхъ».—Въ этомъ показаніи, безъ сомнѣнія, иное нужно отнести ко времени и обстоятельствамъ, но многое принадлежитъ лично Аванасію. Время и обстоятельства только заставили его высказаться, вызвали наружу тайну его характера.

На другой запросъ—о посхимленіи Гедеона—Аванасій отвѣчалъ, что онъ велѣлъ посхимить его архимандриту, о чемъ и указъ послалъ къ нему 22-го февраля 1731 года. Поводомъ къ этому вопросу было подозрѣніе, возбужденное нѣкоторыми обстоятельствами, въ дѣйствительности Гедеонова схимничества. Братія не видали его въ схимонашескомъ платьѣ; архимандритъ же показалъ, что онъ при постриженіи не былъ, потому что Георгій не пригласилъ его, но что постригали его въ кельѣ духовникъ его, іеромонахъ Іосифъ, съ діакономъ Парменомъ, въ присутствіи келаря и нѣсколькихъ бѣльцовъ крылошанъ. Свѣдѣніе спрашивалъ: въ какой силѣ данъ былъ указъ архимандриту о посхимленіи Георгія? Аванасій отвѣчалъ, что предписалъ архимандриту самому посхимить его и въ подтвержденіе своего показанія прислалъ копію съ указа. Но въ указѣ оказалось не совсѣмъ то, что показывалъ Аванасій ¹⁾. Вслѣдствіе этого сдѣланъ ему новый вопросъ. «Въ доношеніи вашего преосвященства велѣно спасокаменскому архимандриту посхимить Георгія самому; а въ копіи

¹⁾ «По ея императорскаго величества указу и по опредѣленію, за подписаніемъ его преосвященства, велѣно, по силѣ онаго ея императорскаго величества указу, у вышеписаннаго монаха Георгія, ежели онъ пожелаетъ добровольно въ схимонашескій чинъ, взять жебъ письменное руки его обязательство, и по тому обязательству его Георгія посхимить».

съ указа такой рѣчи не написано; — и о томъ въ доношеніи своемъ для чего такъ ваше преосвященство написалъ?» Аванасій отвѣчалъ, что «хотя въ указѣ *самому* не написано, однакожь написано *тебѣ*, а по регуламъ грамматическимъ яснѣйше есть сказать *тебѣ*, нежели *самому*, ибо *тебѣ* токмо тую персону значить, которой приказалъ, а не другую какую, а *самому* значить первую и вторую и третью персону, то есть и мене и тебе и третьяго человѣка. (31-го мая 1732 г.)».

Читатель не можетъ не замѣтить разницы въ тонѣ этого и прежнихъ показаній Аванасія. Теперь у него уже нѣтъ прежней робости и неумѣстныхъ клятвъ. Онъ выступаетъ смѣло и свободно разсуждаетъ съ своими судьями. Эта перемена произошла отъ того, что, неизвѣстно по чьему предложенію, его вызвали въ С.-Петербургъ, въ Синодъ, на архіерейскую чреду: а тутъ, съ помощію сильныхъ покровителей, между которыми онъ считалъ П. И. Ягушинскаго, и при содѣйствіи Дудина (котораго, къ слову сказано, побавался и самъ Теофанъ и за котораго взялся уже убравшись съ прочими своими недругами), ему легко было отдѣлаться отъ назойливыхъ слѣдователей.

Эта сторона дѣла, однакожь, скоро была забыта, потому что посхищленіе Гедеона, кѣмъ бы оно ни было совершено, засвидѣтельствовано было очевидцами; притомъ же и главное виновное въ упущеніи по этому дѣлу лицо уже прешло изъ этого міра на судъ Божій. Затѣмъ все вниманіе судей обратилось на другую, важнѣйшую, сторону дѣла — слабый надзоръ за Гедеономъ: кто виноватъ въ немъ и къ чему онъ клонился? Строгіе слѣдователи, сличая показанія Аванасія съ показаніями прочихъ колодниковъ, между прочимъ нашли разницу въ числахъ. Аванасій отвѣчалъ: «не всякая разнь означаетъ ложь, ибо и между духовосными евангелистами есть разнь, однакожь, что пишутъ, истина есть. Также и я писалъ въ своемъ дополненіи, что каменскій архимандритъ приходилъ ко мнѣ 3-го августа, а опредѣленіе учинено 2-мъ числомъ, когда началось дѣло».

Но защищаясь Аванасій нигдѣ неосторожность задѣть одинъ щекотливый вопросъ. Оправдываясь въ удаленіи отъ Георгія казеннаго караула и въ замѣнѣ его монастырскимъ, онъ указалъ между прочимъ на то, что поступилъ согласно съ высочайшимъ

указомъ. Хитрость тутъ заключается въ томъ, что высочайшимъ указомъ надзоръ за Георгіемъ велѣно было имѣть архимандриту. Аванасій приставилъ-было своихъ служителей, которые и утверждены сѣнодскимъ указомъ, но потомъ, по представленію архимандрита, вдругъ какъ бы опомнился, что этимъ присвоеніемъ себѣ команды нарушилъ высочайшую волю и взялъ назадъ своихъ служителей. А чтобъ быть послѣдовательнымъ, онъ донесъ Сѣноду, что указъ ихъ святѣйшества «его вышнихъ командировъ» не по именному указу состоялся. Вышніе командиры засыпали его вопросами по поводу этого нескромнаго оправданія. «Ваше преосвященство показали, что тотъ указъ не по именному указу состоялся. И потому ваше преосвященство помянутый присланный изъ св. Сѣнода указъ за дѣйствительный ли въ силѣ повелѣнія признавалъ и признаваешь, и надлежало ли вашему преосвященству по нему исполненіе чинить, а буде не надлежало, чего ради и какіе на то резоны важные имѣешь? А буде вамъ въ томъ указѣ признавалось что либо сомнительное, надлежало ли о томъ писать въ св. Сѣнодѣ и требовать о сомнѣніи резолюціи, или о томъ писать не надлежало и почему? И впредь по силѣ присылаемыхъ указовъ изъ св. Сѣнода, въ которыхъ именного ея императорскаго величества указа будетъ не вспомнано, дѣйствительное исполненіе ваше преосвященство чинить будешь ли, а ежели не будешь, для чего?» Аванасій нашелъ, что ему нетрудно обстоятельно отвѣчать на эти вопросы; «точію тое себѣ за продерзость вмѣняю — извинился онъ — что поставленъ въ необходимость учить моихъ учителей тому, что давно уже знаютъ и гораздо знаютъ. Указъ вашего святѣйшества, егда одинакой есть и мнѣ повелѣваетъ что ни есть исполнять, я почитаю той за такой дѣйствительный, крѣпкій и сильный, яко бѣ былъ ея императорскаго величества именной указъ, хотя въ немъ того и не написано будетъ: того ради одиннадцать лѣтъ уже есть, какъ той всерадостно слушаю, всеусердно исполняю и даже до кончины жизни моей готовъ исполнить. А егда случится отъ непредложенія, что указъ св. Сѣнода объ одномъ и томъ же дѣлѣ несогласенъ съ именнымъ ея императорскаго величества указомъ, какъ и случилось въ нынѣшнемъ дѣлѣ, тогда сами изволите знать, яко мужіе премудріи и высоко-

разсудительнѣи, который изъ тѣхъ двухъ указовъ надлежитъ мнѣ наибольше исполнять. Кроме тѣхъ сильныхъ резоновъ, вами знаемыхъ, благоволите прилежно и сія разсудить: за что на себя самовольно взять, аки бы на свою поруку, такихъ подозрительныхъ, которые, уже будучи осуждены къ вѣчной неисходной ссылке, выну сердцемъ своимъ смышляють, какъ бы отъ таковаго неисходнаго содержанія избѣжать? Я живу на Вологдѣ, въ разстояніи 45-ти верстъ отъ Каменнаго монастыря, а ваше святѣйшество гораздо дальше: и за что намъ отвѣтствовать ея императорскому величеству и на себя слово принять, если бѣ келейники Гедеоновы изъ-подъ караула отъ насъ опредѣленнаго отбѣжали?» (17-го іюля 1732 г.).

Св. Синодъ этимъ не удовлетворился и сдѣлалъ Аванасію новый запросъ. «Вашему преосвященству надлежало отвѣчать: признавалъ ли тотъ указъ за дѣйствительный и исполненіе по нему чинить былъ долженъ ли или не долженъ? А ваше преосвященство обо всемъ умолчалъ, а написалъ едва не все жъ постороннее . . . . А между тѣмъ Синодскаго указа за настоящій, дѣйствительный ея императорскаго величества, указъ не признаешь и тѣмъ своимъ отвѣтомъ св. Синоду приносишь ваше преосвященство нареканіе». Вслѣдствіе этого Синодъ требовалъ отвѣта болѣе опредѣлительнаго, «не примѣшивая посторонняго и не прилагая къ лицу св. Синода никакихъ нареканій». Аванасій отвѣчалъ, что «признавалъ и признаетъ и исполнялъ его до августа 1731 года; исполнялъ бы и до сихъ поръ, если бѣ не увѣдомился въ слабости бывшаго надзора; а потому, во исполненіе синодскаго указа, который былъ подтвержденіемъ и поясненіемъ именнаго указа, онъ и перемѣнилъ караулъ, поручивъ архимандриту выбрать людей крѣпкихъ и надежныхъ». Вместе съ этимъ донесеніемъ Аванасій подавалъ на высочайшее имя прошеніе, въ которомъ, представляясь точнымъ исполнителемъ высочайшей воли, признаетъ за собою только одну вину, что не рапортовалъ Синоду о смѣнѣ караульныхъ, «оплохился, какъ человекъ иностранный», и проситъ въ этомъ милостиваго прощенія. (10 января 1733 г.).

Вслѣдствіе показаній двороваго челоуѣка Кудрявцевыхъ, Мальцова, слѣдователи нашли нужнымъ допросить Кудрявцева съ женой. Синодъ поручилъ казанскому архіепископу Иларіону, съ тамошнимъ губернаторомъ, графомъ Платономъ Мускинымъ-Пушкинымъ, допросить ихъ порознь, секретно, безъ всякаго послабленія и, въ случаѣ разнорѣчія, сдѣлать очную ставку. Дудинъ въ секретномъ письмѣ писалъ къ архіепископу: «ежели что станеть губернаторъ снисходительное показывать, кромѣ правды, къ неправдѣ, въ томъ извольте смотрѣть и его отъ того, елико можете, воздерживать. И сіе изволь, ваше преосвященство, содержать секретно». Графъ рапортовалъ потомъ Сенату, что Кудрявцевъ съ женой въ ту пору были въ своей деревнѣ, но что онъ поручилъ капитану Останкову съ *коммоемъ* взять ихъ и привезть въ Казань порознь, такъ чтобы они ни между собою и ни съ кѣмъ никакихъ разговоровъ не имѣли. На допросахъ, однакожь, кромѣ уже извѣстнаго намъ, ничего не обнаружилось.

Когда собраны были всѣ показанія и допрошены всѣ подсудимыя лица, поданъ былъ Государынѣ докладъ, въ которомъ самымъ существеннымъ предметомъ было то, что Аванасій самовольно перемѣнилъ у Георгія караульныхъ служителей. Вслѣдствіе этого доклада, 20 марта 1733 года послѣдовалъ указъ изъ Тайной канцеляріи, которымъ приказывалось усилить караулъ надъ Георгіемъ, назначивъ къ этому здоровыхъ унтеръ-офицера съ солдатами изъ отставныхъ, находящихся въ вологодской епархіи на пропитаніи, съ содержаніемъ на счетъ монастыря. Архіерей признавался виновнымъ въ послабленіи Гедеону, но Государыня, по своему милосердію, ограничила его наказаніе тѣмъ, что поручила призвать его въ Синодъ и сдѣлать ему выговоръ. Синодъ составилъ слѣдующую форму выговора: «хотя онъ епископъ, по слѣдующемуся въ св. Синодѣ дѣлу, виновенъ нынѣ яко бы не явился: однакожь, по всѣмъ обстоятельствамъ признанъ въ немаломъ подозрѣніи, потому что, презирая вѣрноподданническую вѣрность, не только угождая служилъ Гедеону, который, по лишеніи архіерейскаго сана, никакой чести уже недостоинъ, но яко непотребный челоуѣкъ остался; а какъ видно,

сдѣлать это въ надеждѣ, что если онъ Гедеонъ, паче чаянія, того ареста освободится и восприметъ первое свое достоинство, то за слабое его содержаніе будетъ его епископа благодарить или и служить, а за крѣпкое его содержаніе станетъ мстить злобою, — чего не только самому ему думать не надлежало, но и подчиненныхъ допускать до такой мысли не слѣдовало. А ежели онъ преосвященный впредь явится или обличенъ будетъ въ слабомъ содержаніи Гедеона или въ прочихъ склонныхъ къ нему поступкахъ: и за то приметъ себѣ такое истязаніе, каковое объявилъ въ прошеніи своемъ къ лицу ея императорскаго величества и въ своихъ оправданіяхъ передъ св. Синодомъ» (21 марта 1733 г.). Вслѣдъ за тѣмъ Аѳанасій возвратился въ свою епархію и присылалъ благодарность за благодарностію Дудину, которому обязанъ такимъ благополучнымъ окончаніемъ дѣла. «За трудъ и заботу, во время моего несчастія на пользу дѣлу моему вами приложенную — писалъ онъ къ нему изъ Вологды — всеусердно и всепокорно ваше благородіе благодарствую и сми какъ до знаній (sic) одолженъ, такъ и до скончанія жизни моей заочное оное ваше ко мнѣ благодѣяніе забвенно не будетъ. Болѣе не умѣю писать за прежнюю скорбію, которая еще отъ памяти моей не можетъ отойти, ниже отъ сердца искорениться.» Въ другихъ письмахъ изъ Вологды и изъ Суздаля онъ выражаетъ откровеннѣе свою благодарность. «...Послѣ извѣстимъ о постройкахъ по архіерейскому дому. И чтобъ не забыть о архіерейской конюшнѣ къ вамъ писать — и она съ помощію Божіею уже распространяется и лошадки въ ней умножаются.» Дудинъ очень лакомъ былъ до хорошенькихъ лошадокъ и Аѳанасій, упомянувъ о конюшнѣ, затрогивалъ въ своемъ патронѣ самую чувствительную струну. Монастыри, въ томъ числѣ и невскій и сергіевъ, служили ему овсомъ и сѣнцомъ, не изъ принужденія и не по требованію, а въ почетъ.

Новый тюремный начальникъ при Гедеонѣ донесъ Синоду, что у Гедеона все отобрано, но что онъ проситъ изъ запечатаннаго скарба дать ему хоть слѣдованную Псалтырь для чтенія и молитвы, да назначить ему духовника, у котораго онъ могъ бы исповѣдаться. Синодъ и приказалъ выбрать ему въ духовники, изъ іеромонаховъ того монастыря, человека житія искуснаго и неподоз-

рительнаго и состоянія обходительнаго и разсудительнаго, и велѣтъ ему исповѣдывать его Гедеона по церковному чиноположенію, а притомъ о грѣхахъ его исповѣди смотрѣть ему прилежно, съ крѣпкимъ опасеніемъ, что ежели онъ станетъ говорить о каковыхъ важныхъ своихъ винахъ — что напредъ сего мыслилъ чинить, но еще не учинилъ за какимъ-либо препятіемъ, а наипаче всего измѣну или бунтъ на Государя или на государство или злое умышленіе на честь или здравіе ея императорскаго величества и на превсочайшую ея императорскаго величества фамилію — а объявляя такое намѣреваемое зло покажетъ, что не раскаявается, но ставить себѣ въ истину и намѣренія своего не отлагаетъ, и не яко грѣхъ исповѣдуетъ, но паче дабы тако согласіемъ или молчаніемъ того духовника въ намѣреніи своемъ утвердился и оное, если возможно, въ дѣйство нынѣ произвелъ, — и если такъ то отъ него Гедеона учинится: и тотъ отецъ духовный долженъ именовъ Божіимъ ему Гедеону воспрещать, дабы онъ отъ того злаго своего намѣренія всеконечно отсталъ; въ случаѣ-жъ упорства его доносить Синоду. Псалтирь выдать ему съ роспискою. (4-го мая 1733 г.)».

Проученный Аванасій простеръ свою строгость къ Георгію до того, что не сталъ было пускать его даже въ церковь. Синодъ нашелъ это преувеличеніемъ и приказалъ и пускать его въ церковь за крѣпкимъ карауломъ, съ тѣмъ чтобы онъ становился въ церкви, особо отъ людей, въ удобномъ мѣстѣ, и чтобъ какъ съ нимъ никто, такъ и онъ ни съ кѣмъ, въ разговоры не вступалъ. А ежели онъ Гедеонъ просится будетъ отъ унынія на монастырь, то его изъ кельи, въ которой онъ содержится, выпускать позволить не на долгое время. Во время того его выходу никого къ нему ни для чего не допускать и въ келью къ нему никому ходить не позволять, подъ опасеніемъ тягчайшаго штрафованія. (18-го іюня 1733 г.)».

15 іюля 1733 года покончили съ остальными подсудимыми. Капрановъ и солдатъ, за откровенное признаніе вины и за искреннія показанія, простили. Дьячка, который по просьбѣ Гедеона, читывалъ въ кельяхъ его книги и исполнялъ разныя мелкія его порученія, послѣ наказанія при синодальной канцеляріи плетью, отослали въ Вологду въ вѣдомство провинціальной канцеляріи,

такъ какъ онъ свѣтскаго вѣдомства, а не духовнаго: Гедеоновыхъ келейниковъ, Сукина и Киселева, за то что они отлучали отъ Гедеона и допускали къ нему разныхъ лицъ, также били плетми и отпустили къ помѣщикамъ, съ роспискою, чтобы они о своихъ вопросахъ и показаніяхъ, ни тайно, ни явно, ни съ кѣмъ не разговаривали, помѣщикамъ не объявляли и никому не сказывали.

И пошли опять въ жизни Гедеона день за днемъ, недѣля за недѣлей, мѣсяцъ за мѣсяцемъ скучной чередой. Отъ него бѣгали всѣ, какъ отъ зачумленнаго. Въ 1734 году онъ слышитъ, что въ Вологду пріѣхалъ губернаторъ. Гедеонъ хотѣлъ воспользоваться этимъ и рѣшился на крайнее средство. Онъ приказалъ своему караульному подпрапорщику объявить губернатору, что у него есть государево дѣло и что по этому онъ долженъ видѣться съ губернаторомъ. «Отъ рожденія—говорилъ онъ—какъ Богу, такъ Государю и Государынѣ самой и государству служу вѣрно. Я и крестъ цѣловалъ и у крестнаго цѣлованія подписался, что ежели увижу какой непорядокъ, то буду доносить о немъ ему, самому Государю, и нынѣ Государынѣ. Вологодскому архіерею нельзя сказать этого, потому что онъ самъ въ подозрѣніи. Меня прячутъ, хотятъ голодомъ уморить, чтобы скрыть дѣло. Ужъ и то я весь обобранъ, лежу въ одной свиткѣ.» Губернаторъ, кажется, ограничился тѣмъ, что сообщилъ объ этомъ мѣстному архіерею. Въ маѣ пріѣхалъ въ Каменный монастырь вологодскій архіерей и спрашивалъ у Гедеона: какое онъ знаетъ за нимъ государево дѣло? Гедеонъ отвѣчалъ, что откроетъ это только самой Гоеударынѣ. Аванасій донесъ объ этомъ Синоду. Синодъ представилъ Государынѣ докладъ съ мнѣніемъ, чтобы за показанныя Гедеоновы беспокойства и подозрѣнія послать его, для такого же подъ арестомъ содержанія, въ троицкій селенгинскій или въ успенскій нерчинскій монастырь иркутской епархіи. Семь тысячъ верстъ и Сибирь казалось достаточнымъ для того, чтобы скрыть всякую тайну и усмирить самую пылкую горячность. Государыня утвердила приговоръ, приказавъ отправить Гедеона въ нерчинскій монастырь и содержать его тамъ до смерти неизменно и не слушать никакихъ объявленій, хотя бы о государевомъ словѣ и дѣлѣ.

XX.

Надanie Камня Вѣры. — Полемика по поводу этого наданiя.

- 1) Рибейра и Католическая пропаганда въ Россiи. — Теофильт Кроликъ. —
Евоний Колепти. — Платонъ Малиновскiй. — Возраженiе Теофилакта
въ защиту Камня Вѣры противъ Буддеа.

Въ 1728 году, съ разрѣшенiя Верховнаго Тайнаго Совѣта, по засвидѣтельствуванiю Теофилакта и подѣ его наблюденiемъ, изданъ *Камень Вѣры*. Въ Лейпцигскихъ ученыхъ актахъ 1729 г., въ май мѣсяцѣ, помѣщенъ былъ строгiй разборъ на него съ укоризною сочинителю и Теофилакту. Въ разборѣ сказано, что эта книга давно уже была написана, но Петръ I не позволялъ напечатать ее, чтобы не обидѣть протестантовъ, о которыхъ въ ней написано много ложнаго. Сказавши потомъ нѣсколько словъ о сочинителѣ книги, поводѣ къ ея написанiю и о планѣ или о составѣ ея, рецензентъ прибавляетъ, что «сочинитель Камня Вѣры питаетъ безразсудную ненависть къ лютеранамъ, равно какъ къ кальвинистамъ, усвоивши ее безъ сомнѣнiя отъ католиковъ, съ которыми долго въ молодыхъ лѣтахъ обращался. Это видно изъ предисловія его къ читателю, гдѣ онъ говоритъ, что на Церковь святую возсталъ новый нѣкій Голиафъ — Мартинъ Лютеръ, понося вѣрующихъ въ живаго Бога и отрывая разныя укоризны на невѣсту Христову — Церковь. Противникъ этотъ устремилъ свой лукъ на папу и римскую церковь; но стрѣлы его досягаютъ и до насъ. Но и этому новому Голиафу Камень Вѣры, подобно какъ древнему камню Давидову, да будетъ въ погибель»... «Приходятъ къ намъ въ овчiихъ кожахъ, а внутри волки хищные, открывающiе подѣ видомъ благочестiя двери всѣмъ порокамъ. Ибо что простекаетъ изъ этого нечестиваго ученiя? Убивай, кради, любодѣйствуй, лжесвидѣтельствуй, дѣлай что угодно, будь равенъ

самому сатанѣ по злобѣ, но только вѣруй во Христа и одна вѣра спасетъ тебя. Такъ учать эти хищные волки»... «Безчисленные сочиненія нашихъ писателей опровергають эти клеветы. Тѣмъ не меньше сочинитель (Камень Вѣры) не стыдится клеветать открыто, лгать нагло и обольщать неразумный народъ нелѣпыми баснями. Въ самомъ дѣлѣ онъ столько насказалъ побасенокъ (*pagatiunculas*) о видѣнiяхъ, объ одержимыхъ духами, о чудесахъ, произшедшихъ отъ креста, иконъ, мощей, что въ умныхъ людяхъ возбуждаетъ смѣхъ, въ неразумныхъ удивленiе. Нельзя надивиться, какъ смиренный Теофилактъ, архіепископъ тверскій и капинскій, одобрилъ эту книгу своею цензурою, между тѣмъ какъ новгородскій епископъ, мужъ ученый, благоразумный и умѣренный, призналъ ее недостойною своего одобренiя. Въ угоду католикамъ, изрыгая свои гнуснѣйшія ругательства на протестантовъ, сочинитель умалчиваетъ однакожъ о спорныхъ предметахъ между римскою и русскою церковію, напримѣръ о папѣ, о чистилищѣ и о прочемъ. Да и нечего дивиться этому, потому что онъ выписалъ большую частію изъ Беллармина и другихъ римскихъ и папскихъ полемистовъ. Изъ чего можно видѣть, что имъ руководило не столько желанiе объяснить, изложить и распространить догматы Восточной церкви, сколько ненависть къ лютеранамъ и реформатамъ, которыхъ ученiе впрочемъ онъ или не знаетъ или извращаетъ». Рецензентъ предостерегаетъ русскихъ отъ этой книги, чтобы она не принесла имъ вреда, открывая врата въ ихъ святилище Римлянамъ, которые давно этого дожидались, и видѣтъ съ тѣмъ выражаетъ опасенiе, что на нее все таки съ жадностію накинута тѣ, для кого вражда партій дороже, чѣмъ истина. Въ заключенiе онъ сообщаетъ полученное имъ изъ вѣрнаго источника свѣдѣнiе, что скоро выйдетъ книга І. Ф. Буддея, съ обличенiемъ и опроверженiемъ на Камень Вѣры ¹⁾.

Вскорѣ послѣ того явилась и обѣщанная книга Буддея ²⁾. Въ Лейпцигскихъ актахъ тотчасъ же повѣстили объ ней, чтобы

¹⁾ Acta eruditorum, mens. Maji, pp. 226 — 228. Lipsiae, 1729 an.

²⁾ *Zugabe zu: Epistola apologetica pro ecclesia lutherana contra calumnias et obtrectationes Stephani Javorskii, R. et M. M., ad amicum Moscae degentem, scripta a J. Fr. Buddeo, Theologiae D. Jenae, sumtu viduae Meyer. 1729. in. 4.*

обратить на нее вниманіе ¹⁾. Протестантскій рецензентъ ея говорить, что она написана точно, твердо и изящно; что клеветы и нападенія Яворскаго она отразила сильно и дѣло церкви протестантской поставила превосходно. Впрочемъ она опровергла не всю книгу, а только нѣкоторыя главы ея; но и этого, по мнѣнію рецензента, довольно для обличенія клеветъ, которыя Яворскій взвелъ на протестантскую церковь. Прежде чѣмъ перейти къ самому разбору, сочинитель предувѣдомляетъ, что отъ этой книги вреда можетъ быть больше русскимъ, нежели протестантамъ, потому что Яворскій открыто лѣститъ католикамъ и, поддѣлаваясь къ нимъ, является несправедливымъ къ протестантамъ. За тѣмъ сочинитель разсматриваетъ одинъ за другимъ главные пункты лютеранскаго ученія, защищаетъ ихъ отъ неосновательныхъ нападеній Яворскаго и старается доказать своимъ разборомъ, что сочинитель Камня Вѣры мало интересовался истиною, а хотѣлъ только излить свое негодованіе на лютеранскую церковь ²⁾.

Будей умеръ 19 ноября 1729 года. Точно ли онъ былъ авторомъ этой книги, или только неизвѣстный сочинитель книги воспользовался его именемъ, чтобы скрыть за нимъ свое собственное? Русскіе, интересовавшіеся этимъ дѣломъ, убѣждены были, что сочинитель этой книги — русскій и лицо духовное, съ богословскимъ образованіемъ.

Въ то же время въ Тюбингенѣ напечатано на латинскомъ языкѣ сокращеніе всей книги Яворскаго, подъ названіемъ: *Stephani Javorscii genius, ex ejus opere posthumo theosophico, Petra Fidei dicto, in epistola familiari revelatus*. Сочинителемъ этой книжки, выпущенной безъ имени автора, былъ Іоаннъ Теодоръ Яблонскій, родной братъ президента Берлинской Академіи наукъ, хорошаго знакомаго Теофанова, Данила Эрнеста Яблонскаго ³⁾. Полемическое движеніе въ кругу протестантскихъ ученыхъ, по поводу Камня Вѣры, продолжалось съ возрастающею силою.

¹⁾ *Acta eruditorum, mens Octobris. pp. 465—468. Lipsiae, 1729 an.*

²⁾ *Javorskium nihil aliud egisse, quam ut calumniandi libidinem animumpque erga ecclesiam nostram iniquissimum monstraret.*

³⁾ *Pauli Ernesti Jablonscii, Institutiones historiae christianae. Francof. 1786. T. III. p. 187.*

С.-Петербургскій академикъ Бильфингеръ сдѣлалъ полный переводъ на латинскій языкъ одной главы изъ Камня Вѣры—о *наказаніи еретиковъ* и сообщилъ знаменитому лютеранскому богослову Лаврентію Мосгейму, а Мосгеймъ въ 1731 г. издалъ противъ ней въ Гельмстадтѣ академическую диссертацию подъ названіемъ: *de roenis haereticorum cum Stephano Javorscio disputatio*.

Между тѣмъ противъ книги Буддея, въ защиту Камня Вѣры, написалъ сочиненіе доминиканецъ *Рибейра*, бывшій тогда при испанскомъ посланникѣ въ Россіи, герцогѣ Лирійскомъ. Сочиненіе имѣло видъ отвѣта Буддею (*Responsum antapologeticum*) и посвящено было Императрицѣ.

Какія побужденія были у Рибейры къ защитѣ Стефана и русской церкви отъ возводимыхъ на нихъ протестантами обвиненій и клеветъ? Откуда у него взялась такая ревность къ защитѣ Восточной церкви? Дѣло это объясняется просто видами и расчетами католической пропаганды. Извѣстно, что Сорбоннскіе богословы въ 1717 году предлагали Петру Великому о соединеніи церквей и, съ согласія его, писали о томъ посланіе къ русскимъ епископамъ. Отъ имени послѣднихъ составленъ былъ отвѣтъ въ двухъ редакціяхъ: одна—*Феофана Прокоповича*, другая—*Стефана Яворскаго*. Первая была отправлена къ французскому правительству для передачи сорбоннскимъ богословамъ, но, по неизвѣстнымъ причинамъ, получена была ими поздно и притомъ въ незасвидѣтельствованной копіи. Послѣ того въ Сорбоннѣ достали копію съ другой редакціи отвѣта, почему и явилось сомнѣніе въ подлинности первой.—Въ это время одно обстоятельство снова возродило въ Сорбоннскихъ богословахъ надежду на успѣхъ прежняго замысла. Княгиня Ирина Петрова Долгорукова, урожденная княжна Голицына, супруга статскаго совѣтника князя Сергѣя Долгорукова, въ бытность свою при мужѣ своемъ въ Голландіи, перешла въ католичество и, возвращаясь въ Россію, просила отправить съ нею какое нибудь духовное лице для поддержанія ея въ новой вѣрѣ. Сорбоннскіе богословы послали съ нею *Жака Жюбе* (*Jubé*), извѣстнаго подъ ложно принятымъ имъ названіемъ *Лакура*, съ тѣмъ чтобы онъ старался и о соединеніи церквей. 28 февраля 1727 года утрехтскій епископъ писалъ къ Жюбе: «смѣю просить васъ... сопровождать княгиню Долгорукову въ ея отечество, чтобы слу-

жить ей руководителемъ въ духовной жизни, также обратиться къ Богу (т. е. въ католичество) ея семейство; наконецъ слѣдовать во всемъ откровенію, которое Богу угодно будетъ низпослать вамъ въ Московіи для соединенія этой великой церкви съ латинскою. Знаю, что рѣшимость огромна, но мнѣ известна вѣра, дарованная вамъ отъ Бога, которую вы воодушевлены». Сорбонна, съ своей стороны, дала формальное полномочіе Жюбе (24 июня 1728 г.), кончавшееся такъ: «мы не сомнѣваемся, милостивый государь, что вы *употребите ось средствъ* для возбужденія въ почтеннѣйшихъ епископахъ русской церкви желанія обратиться вниманіе на важность этого дѣла».

Жюбе прибылъ въ Москву 20 декабря 1728 г., въ самый разгаръ власти и силы при русскомъ дворѣ Петра II родственниковъ его новой духовной дочери. Жюбе былъ человекъ уже пожилой (ему было 54 года) и ловкій на всѣ руки. Онъ старательно выставлялъ на показъ свою безупречную жизнь, свою твердость, наконецъ знанія, для того чтобы сильнѣе былъ контрастъ съ тѣмъ, что Русскіе привыкли видѣть у себя передъ глазами. «Этотъ достойный пасторъ — по словамъ современника — Бурсье, доктора Сорбонны — соединялъ съ вкрадчивымъ обращеніемъ манеры, способныя для привлеченія умовъ. Каждый искалъ общества и бесѣды съ столь любезнымъ иностранцемъ и считалъ за честь быть знакомымъ съ нимъ». Въ началѣ обстоятельства видимо благопріятствовали Жюбе. Въ Москвѣ нашелъ онъ себѣ сильнаго покровителя въ испанскомъ посланникѣ, дюкѣ де-Лирія. До какой степени послѣдній былъ пропитанъ католическою нетерпимостью, лучше всего видно изъ того, что когда его однажды пригласили къ нашему священнодѣйствію въ кремлевскій соборъ, то онъ сомнѣвался, можетъ-ли присутствовать при богослуженіи схизматиковъ и требовалъ разрѣшенія сначала отъ своего духовника, а потомъ изъ Рима. Испанскій посланникъ, какъ только узналъ о замыслахъ Жюбе, взялся ихъ поддерживать разными просками, а для огражденія его безопасности выдалъ Жюбе (1 марта 1829 г.) письменный видъ, что онъ посольскій духовникъ. «Чтобы имѣть болѣе возможности вести удобнѣе великое дѣло — замѣчаетъ Бурсье — и составить проекты, которые могли бы быть приняты, Жюбе убѣдилъ брата княгини Долгоруковой, князя Го-

лицына, уступить посланнику свой прекрасный загородный домъ. Здѣсь, въ величайшей тайнѣ, составлена была записка, доказывавшая духовныя и мірскія выгоды отъ соединенія церквей...» Вообще Жюбе успѣлъ на столько подвинуть свое дѣло, что уже началъ совѣщаться о соединеніи церквей съ Теофилактомъ Лопатинскимъ, Варлаамомъ Вонатовичемъ, Евфиміемъ Колетти и, кажется, съ Сильвестромъ, бывшимъ епископомъ рязанскимъ. Евфимій Колетти — по словамъ Жюбе — былъ особенно склоненъ къ его предложенію, потому что былъ врагомъ Теофана Прокоповича, котораго не терпѣли и вышеозначенныя лица. Изъ словъ самаго Жюбе видно впрочемъ, что они не очень поддавались на его предложенія и что всѣхъ ихъ страшили власть и притязанія римскаго двора. Несомнѣнно только то, что Жюбе былъ въ сношеніяхъ именно съ тѣми лицами, о которыхъ начались розыски при вояженіи Анны. Жюбе приказано было выѣхать изъ Россіи въ 1731 г., потому что онъ былъ признавъ опаснымъ человекомъ ¹⁾).

Такимъ образомъ можно полагать съ достовѣрностію, что виды Рибейры совпадали съ видами Жюбе. Мы упомянули уже о нѣкоторыхъ русскихъ духовныхъ лицахъ, которыхъ они до нѣкоторой степени увлекли въ свою пользу и отъ которыхъ надѣялись содѣйствія при осуществленіи своихъ плановъ. Главнымъ изъ нихъ былъ новоспаскій архимандритъ Евфимій Колетти; но подлѣ него также знакомцемъ Рибейры выдается бывший чудовскій архимандритъ Теофилъ Кроликъ, правда, не очень расположенный къ католичеству, но обстоятельствами введенный, можетъ быть незамѣтно для него самаго, въ сѣть католической пропаганды. Поводомъ къ сближенію его съ Рибейрой было можетъ быть то, что онъ жилъ прежде за границей, гдѣ видѣлся и работалъ вмѣстѣ съ іезуитами, объяснялся на иностранныхъ язы-

¹⁾ Свѣдѣнія эти заимствованы изъ изданной въ 1758 г. въ Парижѣ книги: *Histoire et analyse du livre de l'action de Dieu*, въ III томѣ которой на стр. 275 — 328 есть *Relation des démarches faites par les docteurs de Sorbonne pour la reunion de l'Eglise de Russie*. Извѣстіе это составлено докторомъ Сорбонны Бурсье, на основаніи его личныхъ воспоминаній, подлинныхъ документовъ и разсказовъ Жюбе.

Графъ Д. А. Толстой, въ сочиненіи своемъ *Le Catholicisme romain en*

какъ и интересовался иностранными событіями¹⁾. Первый познакомился съ Рыбейрою Кроликъ, проживавшій въ ту пору безъ всякаго дѣла въ новоспасскомъ монастырѣ. Это была упавшая

Russie (Paris. 1863, I. 164, 165) говоритъ о совращеніи Долгоруковой и о Жюбе на основаніи другаго источника,—именно *Histoire abrégée de l'Eglise metropolitaine d'Utrecht. Utrecht 1765.* — Въ статьѣ Пекарскаго: отзывъ о сочиненіи — Феофанъ Прокоповичъ (Отчетъ о десятомъ присужденіи уваровскихъ премій Спб. 1868 г.) приведены изъ архивнаго дѣла, производившагося по Синоду и Кабинету при Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, показанія самой Долгоруковой о совращеніи ея въ католичество и о помянутомъ Жюбе. «Въ бытность ея въ Голландіи съ 1726 года, за немѣніемъ російскаго священника исповѣдывалась и причащалась въ болѣзни въ томъ 1726 году, а потомъ, какъ и выздоровѣла, вторично, а въ 1727 году третично и у причастія была у римскаго ксенза Даленора, который-де жительство имѣлъ близъ Голландіи въ Гагъ; понеже она грекороссійской вѣры съ римскимъ костеломъ никакого раздѣлія и несогласія простотою не разумѣла, и оный ксензъ въ разговорахъ сказывалъ ей, что-де какъ грекороссійская вѣра семь таинствъ почитаетъ, также и мы тѣ таинства почитаемъ-же; а хлѣбъ-де какъ подъ двѣма видами, такъ и подъ однимъ видомъ все едино, потому что-де одна Церковь: только-де въ происхожденіи Св. Духа нѣкое имѣетъ римская съ грекороссійской церковью разнствіе. А сперва-де въ исповѣдь и причастіе вступила къ нему ксензу по такому случаю, что какъ онъ ксензъ, такъ и прочіе ксензы и другіихъ вѣръ, а именно католики и лютеры, по тамошному обхожденію, въ квартирѣ у нихъ бывали неоднократно и она къ нимъ ѣзжала-жъ. И когда она въ первый разъ исповѣдывалась, и предъ тѣмъ временемъ оный ксензъ, по прежней знаемости, пришелъ къ ней княгиня на квартиру, объявивъ ей, что увѣдомился о болѣзни ея и пришелъ для посѣщенія, и притомъ по разговорамъ видя себя она, княгиня, въ тяжкой близъ смерти болѣзни, за немѣніемъ тамо російскаго священника, просила его, чтобъ онъ ее исповѣдалъ и причастилъ. А какъ потомъ выздоровѣла, двоекратно, по исповѣди того-жъ ксенза, причащалась въ костелѣ его Даленора, безъ публики, въ раннія мши, которая для одной ея причастія и отправлялъ. — Римскій бѣлый попъ, который назывался Лакуромъ, изъ Голландіи пріѣзжалъ съ нею въ Россію не для содержанія ея княгини въ римской религіи, но для обученія ея дѣтей французскаго и другихъ языковъ, который и въ Голландіи ихъ, будучи для того ученія, обучалъ же. (Это показывала княгиня несправедливо, чтд потомъ объяснено самими католиками очень обстоятельно). Она-жъ, княгиня, по довольномъ отъ св. Синода увѣщаніи, въ приполненіе говорила: оный-де учитель при столѣ ихъ во время обѣда и ужина и о вѣрѣ, по случаямъ и времени, что какъ ихъ римская, такъ и грековосточная имѣются въ равности, разговоры имѣлъ, а никакой разни не

¹⁾ «Нѣкоторые изъ синодальныхъ членовъ — пишетъ Берхгольцъ — люди очень образованные и ученые, въ особенности архіепископы новгородскій и псковскій, и еще одинъ по имени Кроликъ, который говоритъ на многихъ языкахъ и, между прочимъ, довольно свободно объясняется по нѣмецки.» Дневникъ Берхгольца, IV, 113,

знаменитость духовнаго круга. Что было причиною его паденія, мы не знаемъ. Но для связности разсказа вспомнимъ его прежнюю исторію.

Съ 1716 по 1722 г. онъ находился за границей въ Прагѣ, для перевода Буддеева нѣмецкаго лексикона на русскій языкъ. По возвращеніи въ Россію, опредѣленъ былъ въ Синодѣ ассессоромъ ¹⁾ и посвященъ въ іеродіакона и іеромонаха. Въ слѣдую-

сказывалъ. А потомъ сказала: при столѣ-де ихъ тотъ ксенъ разговоры о вѣрѣ имѣлъ въ такой слѣдъ: хотя-де разность о происхожденіи Св. Духа и есть, только-де все единъ Богъ, какъ отъ Отца, такъ отъ Отца и Сына происходитъ, почему за неумѣніемъ и она тожъ разумѣла. А съ 1728 г., по прїѣздѣ изъ Голландіи въ Россію, по 1732 г., она княгиня отцевъ духовныхъ не имѣла простотою своею, а нанпаче отъ приключившихся ей печалей и домашнихъ суеть безъ всякаго умысла и сумнѣнія. А какъ-де генералъ и кавалеръ графъ Ушаковъ въ 1732 году прїѣхавъ къ ней княгинѣ въ домъ, объявилъ именной блаженныя памяти Государыни Императрицы словесный указъ, что-де велѣно се княгиню спросить: чего ради она отца духовнаго не имѣетъ и чтобъ она исповѣдалась и причастилась, а отъ ея-де императорскаго величества и священникъ пришлетъ, что-де она тогда-жъ и учинить общалась. А потомъ того-жъ для присланъ былъ къ ней кадетскаго корпуса іеромонахъ Лука, что нынѣ просвященный епископъ казанскій, и объявилъ, яко она находится въ католицкомъ законѣ. На что-де она ему объявила, какъ и выше показано, что вступила въ духовность къ римскому ксензу въ Болѣзни за немѣніемъ въ Голландіи русскаго священника.»—Княгиня по виду обратилась въ православіе, оставаясь скрытною католичкою. Въ 1746 г. 27 марта Императрица Елисавета Петровна, узнавши объ этомъ, дала именной указъ Синоду:... «дабы таковыя отметники отъ православныя Восточныя церкви, родившіеся въ православіи и отъ правовѣрныхъ родителей, въ нашей имперіи терпимы не были, а другіе, на то смотря, отъ такой лукавой прелести остерегались» взять Долгорукову вмѣстѣ съ дѣтьми, въ Синодѣ для наслѣдованія и увѣщанія. Послѣ допросовъ и показаній изустнымъ пожеланіемъ Государыни приказано было князя Сергѣя Долгорукова съ сыномъ Николаемъ отослать въ саввинъ сторожевскій монастырь—перваго на годъ, а втораго на нѣсколько мѣсяцевъ; а за женою его и дочерью, княжною Анною, приказано строгаише наблюдать, чтобы онѣ исполняли всѣ обряды православной церкви. Два другіе сына, князь Александръ и Владиміръ, прибывшіе въ томъ же году изъ Паржа, по испытаніи ихъ въ Синодѣ, оказались въ православно-восточной грекороссійской вѣрѣ и законѣ не тверды и сумнительны, почему и приказано было отправить ихъ для утверженія въ законѣ къ учителямъ александровской семинаріи.

¹⁾ Въ дѣлахъ Архива св. Синода есть рѣчь его къ Синоду при назначеніи ассессоромъ, 28 марта 1722 г. Въ Памятныхъ Запискахъ Государя (Кабин. дѣла, I, № 31 л. 80), въ слѣдъ за замѣткой о благополучномъ вступленіи русскихъ войскъ въ главный городъ Гилляскій Рашъ, неизвѣстной рукой написано: «сіе писано въ 25 день и отгда для меморіи Кролику, чтобы внести въ казань, которое говоритъ того числа на благодарномъ молебнѣ 1723 года».

щемъ году, послѣ посвященія чудовскаго архимандрита Теофилакта Лопатинскаго въ тверскіе епископы, Государь приказалъ посвятить на его мѣсто въ архимандриты Теофила Кролика, и почти сразу за тѣмъ назначилъ его синодальнымъ совѣтникомъ. Теофилъ оставался въ Синодѣ до 16 декабря 1726 г.; потомъ отрѣшенъ отъ Синода и велѣно ему быть при своемъ монастырѣ. Въ мартѣ 1727 г., по указу изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, Синодъ выбралъ и отправилъ его, вмѣстѣ съ троицкимъ протопопомъ Иваномъ Семеновымъ, въ Верховный Тайный Совѣтъ въ качествѣ депутатовъ съ духовной стороны къ сочиненію уложенія. Но еще до начала дѣйствій законодательнаго собранія онъ получилъ другое назначеніе. Въ маѣ 1727 года, по указу изъ Верховнаго Совѣта и, вѣроятно по просямъ Дашкова, либо Игнатія Смолы, приказано было отправить его къ русскому войску, идущему за границу на помощь цесарцамъ, «ради искусныхъ съ чужестранными духовными людьми поступковъ». Это ужъ опала. «Который указъ — писалъ Кроликъ — хотя и безъ малой печали могъ быть мнѣ, для того, что по трудныхъ долгихъ службахъ монахъ, чрезъ дальное и бывшему чину моему не зѣло приличное странствованіе, лишалъ меня хоть соразмѣрнаго, трудомъ снисканнаго и надѣяннаго домашняго при архимандріи покоя; однако яко сынъ послушанія въ исполненіи того указа подписался со всякимъ покореніемъ и радостію, что хотя въ такомъ чину, бывшую мою вѣрную службу къ блаженной памяти высокимъ предкамъ имѣлъ случай продолжать къ ново тогда Богомъ избранному и счастливо начавшему владѣнію его императорскому величеству.» Вслѣдъ за этимъ послѣдовалъ другой указъ, которымъ велѣно было отрѣшить его отъ чудовской архимандріи, и отдать ее прежде бывшему архимандриту Геннадію. «Помянутый указъ — продолжаетъ Кроликъ — съ какимъ умерщвленіемъ, горестію и стыдомъ не токмо исполнять, но и слышать мнѣ прилучилося, хотя довольно изобразить трудно, ибо прежде того въ подобныя короткіе походы отправляемые архіерея, архимандриты, іеромонахи и простые священники не токмо честей своихъ лишаемы не бывали, но и вѣщшимъ ихъ имп. величествъ призрѣніемъ снабждались, а я такъ спланнымъ указомъ не въ послѣднемъ степени поставленъ безъ суда и примѣру изверженъ. Но и тотъ тяжкій указъ съ послушаніемъ я

исполнилъ во всякой терпѣливости, и якобы въ важныхъ проступкахъ уже сужденъ, обличенъ и осужденъ, уступилъ архимандриту ему, Геннадію». Вслѣдствіе перемирія между державами, вспомогательное войско не вступило за границу; а потому Теофилъ остался въ Москвѣ. Чудовскій архимандритъ предложилъ ему гостеримство въ своемъ монастырѣ: но Теофилъ отказался, стѣсняясь своимъ новымъ положеніемъ передъ братствомъ, и пріютился въ новоспасскомъ монастырѣ. «И остался я — продолжаетъ Теофилъ — яко граждански или натурально умершій безъ всякаго призрѣнія; первое въ томъ, что запрещенія мнѣ и чина священнослуженія не показано; второе, что ни келья, ни пропитанія мнѣ не назначено, яко забвенному извергу, что и въ великихъ винахъ, не токмо духовнымъ, но и свѣтскимъ злодѣямъ по правамъ промышляется для самаго Бога и должнаго къ ближнему состраданія. А я при немуществѣ моемъ живу и питаюся у тѣхъ, которые своимъ благосердіемъ и моимъ прошеніемъ на то подвигнуты». Тутъ-то онъ встрѣтился и познакомился съ Рибейрой, котораго и рекомендовалъ потомъ новоспасскому архимандриту Евѣмнію Колетти. Съ восшествіемъ на престолъ Императрицы Анны, Теофилъ опять сталъ на ноги, хоть и не надолго. Высочайшимъ указомъ 16 сентября 1730 года велѣно было опредѣлять его архимандритомъ въ новоспасскій монастырь на мѣсто Евѣмніа, переведеннаго въ Чудовъ.

Жизнь предшественника его по новоспасскому монастырю разнообразнѣе и богаче приключеніями.

Когда царевичъ въ 1710 г. былъ за границей, то, не имѣя при себѣ русскаго священника, пригласилъ греческаго. Это и былъ *Ливерій (Елсеверій) Колетти*, учитель греческой школы въ Але, занимавшійся кромѣ того въ тамошней типографіи изданіемъ греческихъ книгъ. Въ ту пору проживалъ въ Але «для обученія наукъ» сынъ графа И. А. Мусина-Пушкина Платонъ Мусинъ-Пушкинъ. Кажется онъ-то и рекомендовалъ Ливерія царевичу. Это было еще до сочетанія бракомъ Алексѣя Петровича. Царевичъ пригласилъ его въ Россію и рекомендовалъ И. А. Мусину-Пушкину и митрополиту Стефану для опредѣленія въ школу или гдѣ имъ будетъ потребенъ ¹⁾. «А какъ онъ Стефану митрополиту явился, —

¹⁾ «И показавъ его не опредѣлять — писалъ онъ къ своему духовнику

продолжаетъ самъ Колетти въ одномъ своемъ показаніи — и тогда оный Стефанъ митрополитъ опредѣлилъ его на обученіе поповыхъ дѣтей въ Москвѣ въ греческую школу; а потомъ — а въ которомъ году не упомянуть — по письму государя цесаревича пріѣхалъ онъ изъ Москвы въ С. Петербургъ, откуда и отправился съ царевичемъ въ Германію. Какъ былъ царевичъ въ Карлсбадѣ, въ ту пору былъ его духовникомъ. Уѣзжая изъ Карлсбада, царевичъ оставилъ его въ Берлинѣ у Александра Головкина, взявши съ него обѣщаніе опять возвратиться къ его высочеству. Ливерій выпросился тѣмъ временемъ у Александра Головкина въ Венецію повидаться съ родными и провѣдать, гдѣ мать, которая была въ плѣну. По возвращеніи изъ Венеціи былъ въ Эренбергѣ, гдѣ сидѣлъ царевичъ, а оттуда проѣхалъ въ Берлинъ. Изъ Берлина, по указу его величества, Петра I-го, отправленъ въ Шверинъ къ государынѣ цесаревнѣ Екатеринѣ Иоанновнѣ. Здѣсь онъ встрѣтилъ Ивана Аванасьева (царевичева камердинера). Аванасьевъ спросилъ его: гдѣ государь-царевичъ обрѣтается? Ливерій сказалъ, что онъ не знаетъ. Аванасьевъ говорилъ ему: можно ли тебѣ царевича сыскать? Ливерій отвѣчалъ ему, что русскому человѣку сыскать невозможно; а ежели онъ поѣдетъ, то сыскать можетъ. Аванасьевъ далъ ему 200 червонцевъ, цифирную азбуку и письмо къ царевичу. Но царевича онъ не видалъ; а гдѣ онъ былъ, про то онъ вѣдалъ, и желалъ быть у него, да въ крѣпость не пустили. Послѣ того онъ пріѣхалъ въ Берлинъ къ Александру Головкину и сказывалъ, что царевичъ обрѣтается въ Эренбергѣ; а того, что Аванасьевъ его къ царевичу отправилъ и далъ ему червонныхъ и цифирныя азбуки, по которымъ имъ переписываться, ему, Александру, не сказывалъ».

Все это Ливерій показалъ въ С. Петербургѣ, въ розыскѣ Тайной канцеляріи по дѣлу царевича. Но какъ его показанія являлись не совсѣмъ невинными и, главное, рознили съ показаніями Большова-Аванасьева, то Кабинетъ рѣшилъ 4 марта (1718 г.) лишить его священства и въ сущей правдѣ имъ розыскивать. Съ трехъ

Якову Игнатьеву — домогъ также и жалованьемъ, изволь ему дать по разсмотрѣнію денегъ; такожъ первые дни, покажѣсть смѣетъ себѣ гдѣ жить и буде будетъ вась просить, благоволи его у себя держать, дождеже обрящетъ мѣсто покоищу своему. Изъ Торуня, 28 янв. 1712 г.»

розысковъ (5, 8 и 11 марта) ¹⁾ Ливерій показаль, что у царевича, какъ онъ былъ въ бѣгахъ, онъ не бываль и его не видаль, а бѣдилъ онъ, чтобы его сыскать и жить у него царевича; а думаль уговаривать его по прежнему къ отцу. А Иванъ Аванасьевъ въ застѣнкѣ на очной ставкѣ его уличаль: «посылаль онъ Иванъ его, Ливерія, къ царевичу, чтобы онъ его сыскаль и былъ при немъ, а не въ томъ образѣ, чтобы его возвратить, и сказываль ему онъ Иванъ за секретъ, что царевичъ ушелъ и не возвратится, чтобъ онъ бѣжалъ къ нему и жилъ при немъ царевичѣ.» Ливерій крѣпко держался своего показанія.—Въ 1718 г. 16 марта министры приговорили: «попу Ливерію, за вышеписанныя его всѣ вины, и что онъ слышаль отъ Ивана Аванасьева о царевичѣ, что онъ въ бѣгахъ и къ нему царевичу побѣжалъ, взявъ 200 червонныхъ, и цифири составляль съ нимъ Иваномъ обще, по которымъ хотѣль переписываться, о чемъ онъ съ розыску во всемъ повинился,—учинить наказаніе и сослать вѣчно въ соловецкій монастырь». Петръ прибавилъ «въ тюрьму» ²⁾. Исполненіе по этому указу поручено было монастырскому приказу, т. е. Мусину-Пушкину, который медлил отправленіемъ Ливерія цѣлые 4 мѣсяца. Ливерій въ это время нашель милостивцевъ; но или просить было рано, или просьбы остались безплодными, только онъ долженъ былъ отправиться въ ссылку ³⁾.

Милостивцы, однакожъ, нашли свое время для просьбы. Въ 1721 г., февраля 17, молодые Кантемиры, сыновья стараго князя Дмитрія Кантемира, подали Государю прошеніе отпустить къ нимъ Ливерія ⁴⁾, «понеже прежде бывый у насъ, нижайшихъ вашего царскаго-величества рабовъ, учитель іерей Настасій Кон-

¹⁾ Устряловъ, ист. Петра В., т. VI, стр. 182, примѣч. 22.

²⁾ Государст. Архивъ. Дѣла царевича. Картоны VII, № 118.

³⁾ Репортъ Римскаго-Юрьева графу И. А. Толстому о Ливеріѣ. «Докладу вашему превосходительству. По именному царскаго величества указу разстрига Ливерій въ соловецкій монастырь въ монастырскаго приказа посланъ и велѣно его содержать въ тюрьмѣ вѣчно подъ крѣпкимъ карауломъ. А сего іюля четвертаго надесять числа писали къ Великому Государю того соловецкаго монастыря казначей съ братією, и посланный вахмистръ въ дождь за рукою написаль: тотъ разстрига Ливерій въ томъ соловецкомъ монастырѣ приняль и въ тюрьму посаженъ. Римскій-Юрьевъ. Москва, 1718 г. іюля 16.

⁴⁾ Кабинети. дѣла, отд. II, кн. 55.

домца, который училъ насъ еллино-греческаго, латинскаго и итальянскаго языковъ, высочайшимъ вашего царскаго величества изволеніемъ и повелѣніемъ взять въ службу вашего царскаго величества: то мы чрезъ четыре уже мѣсяца безъ всякаго ученія пребываемъ, инаго же означенныхъ языковъ совершенно искуснаго (учителя) имѣть не можемъ. И тако онаго лишены суще, припадаемъ къ высочайшимъ вашего царскаго величества стопамъ и всепокорно просимъ, дабы (аще возможно есть) милостивѣйше соизволилъ повелѣть на нашъ пароль отдать іерея Ливерія Коветія, который по указу вашего царскаго величества въ соловецкій монастырь сосланъ, понеже онъ вышепереченныхъ языковъ предовольно искусенъ: и когда-либо ваше царское величество отъ насъ его востребовать изволитъ, мы всегда готовы его поставить.»¹⁾ Старый князь Дмитрій Кантемиръ, съ своей стороны, просилъ письмомъ кабинетъ-секретаря Макарова подать эту «сущилку» дѣтей его въ удобный часъ его царскому величеству, и какое его царскаго величества отвѣтствіе будетъ, безъ увѣдомленія его не оставить²⁾. Но просьба не имѣла успѣха. Ливерій оставался въ ссылкѣ до смерти Екатерины и, находясь въ заточеніи, разорвалъ всякую связь съ своимъ несчастнымъ прошедшимъ, постригся въ монашество и названъ Евенміемъ³⁾.

Прошло долгихъ восемь лѣтъ до времени его освобожденія.

¹⁾ Демарек. Наука и Литература при Петрѣ В. ч. I, стр. 572.

²⁾ «При подобающемъ моемъ благородію вашему поздравленіи посылаю три сущилки: одну дѣтей моихъ о священникѣ Ливеріи Коветія, который по указу его царскаго величества въ соловецкомъ монастырѣ въ ссылкѣ обрѣтается; другую — мою о мнѣ; третью — брата моего; о которыхъ воѣхъ я уже предлагалъ благородію вашему и прошу въ удобный часъ оныя подать его царскому величеству. И какъ на прежде подавшую мою сущилку, такъ и на сіи, какое его царскаго величества отвѣтствіе будетъ, прошу безъ увѣдомленія моего не оставлять, за который благородія вашего трудъ съ всеблагодареніемъ отслужить вѣчною обязуюсь, и притомъ остаюсь вашего благородія добромъжелательный слуга Дмитрій Кантемиръ. 1731 г. севр. (Кабинетн. дѣла, II, № 55).

³⁾ Впоследствии Ливерій показывалъ: «въ монашескій чинъ постриженъ онъ въ соловецкомъ монастырѣ по отсылкѣ его въ тотъ монастырь спустя съ годъ и болѣе, до бытности въ томъ монастырѣ архимандрита Варсоноія, по прошенію его Елевсея, наместникомъ того монастыря, а имени его не упоминать».

Надежда на лучшую участь показалаась съ восшествіемъ на престолъ сына несчастнаго царевича, Петра II. Въ этотъ разъ надежда не обманула его. Государь приказалъ освободить его изъ заточенія.

Евонній переждалъ первое впечатлѣніе послѣ возврата изъ ссылки и, высмотрѣвши положеніе дѣлъ и лицъ, нашелъ наконецъ удобное время для лучшаго устройства своего положенія. Въ 1728 году скончался бывшій синодальный ассесоръ, новоспасскій архимандритъ Геродей Прилуцкій. Синодъ хотѣлъ было опредѣлить на его мѣсто бывшаго своего члена, архимандрита Феофила Кролика; но Евонній въ то самое время подавъ въ Верховный Тайный Совѣтъ прошеніе объ оказаніи ему милости за заслуги передъ покойнымъ родителемъ Государя, говори прямо объ опредѣленіи его архимандритомъ въ новоспасскій монастырь — одинъ изъ первыхъ монастырей въ Россіи, гдѣ архимандритъ былъ синодальнымъ членомъ ¹⁾. Верховный Тайный Совѣтъ передалъ его прошеніе въ Синодъ. Синодъ, разсудивши о заслугахъ іеромонаха Евоннія, опредѣлилъ его новоспасскимъ архимандритомъ. Въ 1730 г., когда въ синодальное присутствіе введены были архимандриты, Евонній выбранъ въ синодальные члены. Въ это время онъ познакомился съ герцогомъ Лирійскимъ и съ Рибейрой. Оба они пріѣзжали къ нему въ новоспасскій монастырь, а Рибейра сдѣлался у него

¹⁾ «Воспресвѣтлѣннѣйшій и державнѣйшій великій Государь Императоръ и самодержецъ всемилостивѣйшій. Сущу мнѣ нижайшему рабу и темнѣйшему богомольцу вашего императорскаго величества, въ саксонской академіи въ градѣ Але, и тамо греческому языку учашу и греческому истисненію ихъ исправляющу, явился его высочество государь царевичъ и великій князь, преблженныя памяти Алексій Петровичъ, родитель вашего императорскаго величества, еще исперва въ Лейпцигѣ, гдѣ слышавъ о мнѣ, послалъ и взявъ къ себѣ пребылъ при его высочествѣ отъ того времени яко духовный отецъ его высочеству не малое время. Егда же здравія ради его высочество карсбадскія воды употребляти изволилъ, взялъ пакы съ собою и изъ Санкт-Петербурга Карлсбада дондохомъ. И по употребленіи тѣхъ водъ возвращаяся, по прошенію моему, дабы съ родники моими повидатися, въ Берлинѣ оставилъ мя въ дому сіятельнѣйшаго графа Александра Гавриловича Головкина, съ клятвою пакы къ его высочеству возвратитися. Но егда возвратился изъ Венеціи въ Берлинъ, указомъ его императорскаго величества, вѣчнодостойныя памяти дѣда вашего императорскаго высочества, жити мя послали при ея величествѣ государынѣ царевнѣ Екатеринѣ Іоанновнѣ въ Шверинѣ, по прошенію ея высочества. Егда же отшествіе его высочества государя царевича и вел. князя вѣчнодостойныя

своимъ человекомъ. Однажды, пришедши къ Евонмию, онъ принесъ съ собою Буддееву книгу съ бранью на Камень Вѣры и на Стефана Яворскаго и оставилъ ему для прочтенія. Такъ какъ въ этой книгѣ было поношеніе и ругательство на покойнаго Стефана митрополита рязанскаго и на тверскаго архіепископа, то Евонмій, желая познакомить съ нею послѣдняго (Теофилакта), привезъ къ нему на подворье Буддееву книгу и сказалъ, что въ ней большое ругательство на св. церковь, на Стефана и на него.

Въ одно время съ Евонмиемъ былъ у Теофилакта архимандритъ Платонъ Малиновскій, который назначенъ былъ въ кіево-печерскій монастырь, но, не принятый братствомъ, остался пока въ Москвѣ, гдѣ и получилъ новое почетное назначеніе. Платонъ сказалъ, что нужно написать на эту книгу возраженіе въ защиту св. церкви. Теофилактъ отвѣчалъ, что онъ будетъ писать противъ Буддея, и просилъ оставить у него Рибейринъ экземпляръ его книги, надѣясь извиниться передъ нимъ при слѣдующемъ свиданіи. Вскорѣ послѣ того онъ увидѣлся съ Рибейрой на обѣдѣ у испанскаго посланника и еще разъ просилъ позволенія попользоваться его книгой, пока можно будетъ. Рибейра позволилъ съ любезностію.

«Бѣдный Стефанъ митрополитъ, и по смерти его побиваютъ камнями»—говаривалъ Теофилактъ, читая Буддееву книгу. Въ раз-

---

памяти Алексія Петровича изъ С.-Петербурха случилось быти: не знаю кониъ монкѣ злощастіемъ въ подозрѣніе впадохъ Петра Толстаго, яко духовникъ е. в., и въ страшномъ ономъ испытаніи ииѣ тогда бывшу, лишень отъ всѣхъ монкѣ въ соловецкій монастырь неповинно заточень и въ темной темницѣ заключень, гдѣ и монашескій чинъ возпріялъ. А нынѣ милосердымъ указомъ вашего императорскаго величества, для многолѣтняго здравія вашего императорскаго величества и для вѣчнодостойныя памяти его высочества государя царевича и великаго князя Алексія Петровича, родителя вашего императорскаго величества, за толикихъ монкѣ страданій, иѣкое милостивое опредѣленіе о ииѣ учинитъ онымъ, сирѣчь, милосердіемъ, ииѣ же ваше императорское величество обѣщался еси обидныхъ вспомогать и притекающихъ къ вашему величеству отъ себе не отгнати и ииже и родитель вашего императорскаго величества вѣчнодостойныя памяти присно мя снабдѣлъ. И есмь вашему императорскому величеству покорный рабъ и богомолецъ Ливерій Іоанновъ сынъ, священникъ грекъ бывшій, а нынѣ въ монастырѣ Евонмій. Писалъ своею рукою въ 1720 году 14 Октомвриа. Дѣла архива св. Синода, 1728 г., № 267.

говорахъ съ довѣренными людьми Теофилактъ прямо высказывалъ, что Буддеева апологія подложная, сочинена Теофаномъ Прокоповичемъ и напечатана друзьями его въ Ригѣ или въ Ревелѣ.

Князь Д. М. Голицынъ, почитатель памяти Яворскаго, также просилъ Теофилакта написать отвѣтъ на эту апологію. Теофилактъ согласился и, по удаленіи изъ Синода возвратившись въ епархію, началъ писать отвѣтъ Буддею, но дошедши до одного мѣста, приведеннаго изъ сочиненій Василія Великаго, о которомъ сомнѣвался, точно ли оно принадлежитъ этому святому отцу, остановился, не имѣя нужныхъ книгъ подъ руками. Въ это время дошло до него извѣстіе о кончинѣ рижскаго протоіерея Семена Ярипрковскаго, человѣка образованнаго, изъ воспитанниковъ московской академіи. Теофилактъ зналъ, что онъ оставилъ послѣ себя хорошую бібліотеку, которая не нужна его наслѣдникамъ, и рѣшился купить ее. Отправивъ по этому случаю въ Ригу калязинскаго архимандрита, Іоасафа Маевского, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ далъ ему и другое порученіе — привезти образчики латинскихъ шрифтовъ рижской типографіи, въ которой будто бы онъ хотѣлъ напечатать свою книгу. Вѣроятно, Теофилакту хотѣлось увѣриться въ своихъ подозрѣніяхъ на счетъ мѣста изданія Буддеевой апологіи. Архимандритъ Маевскій ѣздилъ въ Ригу съ 25 ноября по 27 декабря 1730 года.

Съ помощію купленной бібліотеки, Теофилактъ кончилъ книгу — *Апокризисъ* или *Возраженіе на письмо Буддея*. Но какъ она написана была безъ высочайшаго повелѣнія, то онъ рѣшился просить князя Голицына, чтобы тотъ постарался о «исходатайствованіи у ея императорскаго величества позволенія писать тое книгу.» Уполномоченнымъ лицомъ для переговоровъ съ Голицынымъ опять былъ тотъ же архимандритъ Іоасафъ. Отправляя его въ Москву, гдѣ въ ту пору былъ Дворъ послѣ коронаціи Императрицы, съ письмомъ на имя князя, Теофилактъ вручилъ ему пять тетрадей русскаго перевода книги и полный латинскій оригиналъ съ тѣмъ, что если Голицынъ полюбопытствуетъ узнать содержаніе всей книги, то Іоасафъ объяснилъ бы ему оное переводомъ съ латинскаго оригинала. Но, боясь всего и всѣхъ, онъ крѣпко наказывалъ Іоасафу: «не будь де и ты перекидчикомъ.» — «Какимъ перекидчикомъ?» спросилъ Іоасафъ. «Не перекинься къ новгородскому и не отдай моея книги». Іоасафъ обѣщалъ не сдѣлать этого.

По приѣздѣ въ Москву, Іоасафъ, за болѣзнію Голицына, цѣлымъ три недѣли не могъ представить ему письма и рукописи. Наконецъ князь принялъ его, хотя еще не оправился и былъ въ постели. Выслушавъ письмо, которое читалъ меньшей его братъ, князь поблагодарилъ преосвященнаго и спросилъ Іоасафа: «такъ онъ на книгу Буддея пишетъ?» Архимандритъ отвѣчалъ: «да» и положилъ на столъ тетради самаго сочиненія. Князь сказалъ, что ему читать теперь нельзя (потому что у него руки были обвязаны). Архимандритъ повторилъ просьбу Теофилакта объ исходатайствованіи высочайшаго позволенія на печатаніе этой книги. Князь отвѣчалъ, что онъ самъ, за болѣзнію, стараться не можетъ, но чрезъ другихъ стараться будетъ, и въ этомъ смыслѣ поручилъ описать къ преосвященному.

Получивъ отъ Теофилакта письмо, чтобы на сырной недѣлѣ быть въ Тверь, Іоасафъ хотѣлъ еще разъ сходить къ Голицыну, чтобы развѣдать о положеніи дѣла и спросить, не будетъ ли ему угодно дать письмо къ преосвященному? На послѣднее князь отвѣчалъ, что, за болѣзнію, писать не можетъ; а на первое повторилъ тоже, что говорилъ прежде, но прибавилъ съ укоромъ, что «преосвященному скоро этого хочется. Ужъ если книга написана, то позволеніе, надѣюсь, будетъ, а тѣмъ временемъ пусть исправляетъ.» И приводилъ примѣры древнихъ св. отцовъ, Василія Великаго, Іоанна Дамаскина и прочихъ, которые, написавъ свои книги, долгимъ временемъ исправляли, а потомъ объявляли мірови. «Да и преосвященный Стефанъ митрополитъ книгу Камень Вѣры написавъ исправлялъ долгимъ временемъ, и она напечатана уже послѣ его смерти.» Прибывши въ Тверь въ субботу на сырной недѣлѣ, Іоасафъ передалъ Теофилакту всѣ рѣчи Голицына.

Ясно было, что съ этой стороны не было сильнаго желанія оказать просимое содѣйствіе. Теофилактъ рѣшился обратиться за помощію къ другому лицу. Это былъ архимандритъ Варлаамъ, духовникъ Императрицы. Теофилактъ считалъ его человѣкомъ мужественнымъ, благочестивымъ и очень сильнымъ при Дворѣ. Онъ отправилъ къ нему того же Іоасафа съ письмомъ, въ которомъ откровенно объяснилъ свои желанія. «Изъ дальнихъ странъ пишутъ о противностяхъ нашей вѣрѣ — писалъ Теофилактъ Варлааму — а мы и близъ-живущіе о св. церкви радѣнія не имѣемъ.»

Въ то же время Іоасафъ уполномоченъ былъ доложить духовнику словесно, что «если Синодъ не позволитъ писать ему, Теофилакту, противъ той книги, то хотя бы повелѣлъ новгородскому архіерею писать противъ нее. Только онъ не надѣется, чтобы новгородскій такъ сильно сталъ писать».

По прибытіи въ Москву Іоасафъ вручилъ письмо архимандриту Варлааму на первой недѣлѣ великаго поста во вторникъ. Прочитавъ письмо, духовникъ приказывалъ ему побывать у себя въ другое время. Между тѣмъ въ тотъ же день пріѣхалъ къ нему на подворье курьеръ отъ Варлаама съ требованіемъ, чтобы онъ явился къ нему немедленно. Разными разговорами Варлаамъ задержалъ его часу до третьяго ночи, а потомъ прибылъ къ нему князь Черкасскій и Ушаковъ: это была Тайная канцелярія. Варлаамъ выдалъ Теофилакта. Іоасафу сдѣлали допросъ и отпустили. Вслѣдъ за тѣмъ потребовали въ Москву Теофилакта.

Прибывши въ Москву Теофилактъ допущенъ былъ во дворецъ и, выпросивъ разрѣшеніе писать на Буддея, сталъ было уже собираться въ Тверь, какъ явился къ нему посланный съ приказаніемъ опять явиться во дворецъ. Здѣсь Канцелярія взяла съ него сказку не только что не писать на Буддея, но и никому о той сказкѣ не сказывать подъ смертнымъ страхомъ. — «Какъ же это случилось, что сперва позволили писать противъ Буддея и обласкали, а потомъ запретили и писать и поминать объ этомъ» — спрашивалъ Маевскій у опечаленнаго Теофилакта. Архіепископъ отвѣчалъ, что «въ бытность его во дворцѣ, въ полдень пріѣхалъ другъ новгородскаго преосвященнаго, князь А. М. Черкасскій и, зная что по наговору онаго архіепископа, князь о томъ разговорилъ ея императорскому величеству. И все это препятствіе учинилось стараніемъ преосвященнаго новгородскаго».

Іоасафа напугали эти рѣчи не меньше, чѣмъ Теофилакта. Отъ Двора запретили, подъ смертнымъ страхомъ, писать книгу, которая уже написана и которую онъ своими руками подносилъ и показывалъ и Черкасскому и Варлааму и Смоленскому епископу Гедесну! Безъ сомнѣнія, узнаеть объ этомъ и новгородскій архіепископъ, всѣхъ больше заинтересованный въ этомъ дѣлѣ! А тогда нельзя ждать ничего хорошаго. И встревоженный Іоасафъ далъ видъ, что хочетъ убраться поскорѣй въ свой мо-

настырь отъ непрощенныхъ непрятностей. Теофилактъ отпустилъ его, спросилъ только, гдѣ же его тетради? Иоасафъ отвѣчалъ, что онѣ далеко заложены въ саянхъ, но что когда преосвященный пожалуетъ къ нимъ въ Калязинъ къ тронцыну дню, то онъ возвратитъ ихъ-его преосвященству. Мы увидимъ послѣ, что Иоасафъ таилъ въ душѣ другія мысли.

Послѣ этого, дѣло, по видимому, затихло, но не надолго. То была тишина предъ грозою. Въ началѣ слѣдующаго года Дворъ переѣхалъ въ Петербургъ, Синодъ тоже. Евонимій и Платонъ оставались синодальными членами по прежнему.

Эпизодически входятъ въ эту исторію нѣсколько лицъ, немѣющихъ отношенія къ дѣлу Рибейры, но случайно попавшихъ въ эту сѣть.

В. К. Тредьяковскій, возвратясь изъ путешествія за границей, свелъ знакомство съ московскою академіею — прежнимъ своимъ гнѣздомъ — и бывалъ у ректора Германа Концевича. Однажды встрѣтился съ нимъ въ законоспаскомъ монастырѣ архимандритъ Платонъ Малиновскій. Слово-за-слово: кто вы и откуда — спрашивалъ Платонъ. «Студентъ В. К. Тредьяковскій — рекомендовался пѣта — бывалъ въ чужихъ странахъ, произошелъ разныя ученія, слушалъ и философію». «По разговору оказалось — говорилъ послѣ Платонъ — что эта философія самая атеистическая, яко бы и Бога нѣтъ». — Въ другой разъ Малиновскій встрѣтился съ нимъ въ Петербургѣ у невскаго архимандрита Петра Смѣлича. Въ компаніи были синодальные члены и было пѣніе: пѣвчіе пѣли концертъ въ честь великомученицы Екатерины. Послѣ того Тредьяковскій, вынувъ тетрадь, подалъ Теофану. Тотъ велѣлъ Тредьяковскому прочесть ее вслухъ. «А въ ней были писаны стихи, зовомые сатиры», и въ оныхъ написана была укоризна на великороссійскихъ богословія учителей, яко бы они ничего не знаютъ; только какъ прочтутъ Камень Вѣры, то въ ученіе себѣ полагаютъ, мудрыми себя ставятъ». Малиновскій говоритъ, что и онъ слушалъ и, не смѣя протестовать, молчалъ. — Вскорѣ послѣ этого Платонъ еще разъ встрѣтился съ Тредьяковскимъ въ компаніи у священника

невской подмонастырной слободы. Въ гостяхъ были, кромѣ Платона, невскій архимандритъ Петръ, московскій донской архимандритъ Иларіонъ Роголевскій, пріѣхавшій для посвященія въ казанскіе епископы, чудовскій—Евѳимій Коллетт и Тредьяковскій. Въ веселый часъ Тредьяковскій вздумалъ угостить своихъ собесѣдниковъ уже не чтеніемъ, а пѣніемъ сочиненной имъ псалмы. Малиновскій, предубѣжденный противъ пѣты, разразился страшной бранью. «Ужъ не думаете ли вы, что, побывши въ чужихъ краяхъ, получили право порочить церковь православную своими ересями. Слава Богу, у насъ православная земля и православная Государыня, и за печестіе кровь ваша еретическая прольется». Иларіонъ и Петръ уговаривали Платона успокоиться: «перестань, оставь, завтра выговоришь; тутъ ереси никакой нѣтъ; а если молодой человекъ въ чемъ и погрѣшилъ, то завтра пришлетъ къ вамъ псалму на домъ, поправьте, коли что найдете. Малиновскій сердился еще больше: «не его дѣло сочинять богословскія вещи, для которыхъ многіе имѣются достойнѣйшіе учителя». За Платона вступился Евѳимій и напалъ на Петра, что онъ ничего не знаетъ и не смыслитъ, «а то де подлинно тутъ много противности греческой православной церкви.» На другой день Тредьяковскій прислалъ свою псалму съ латинскимъ письмомъ къ Малиновскому. Тотъ, хладнокровно обсудивши дѣло, увидѣлъ, что онъ не правъ и, пріѣхавъ въ невскій монастырь къ обѣдни, благодарилъ Тредьяковскаго за письмо и просилъ прощенія, что напрасно его вчера шумно оскорбилъ, а псалма-де его никакого въ себѣ порока не имѣетъ. Въ этотъ разъ дѣло не имѣло другихъ послѣдствій; но послѣ попало въ процессъ Евѳимія и Малиновскаго въ Тайной канцеляріи. Для насъ оно важно по намеку на отношеніе къ общему дѣлу церкви главныхъ ея правителей.—Это было въ мартѣ или апрѣлѣ 1732 года.

---

2. Молотокъ на Камень Вѣры. — Возраженіе на Молотокъ.

Полемика по поводу Камня Вѣры не оставила въ покоѣ и памяти сочинителя этой книги — митрополита Стефана.

Въ Россіи кто-то пустилъ бранную тетрадь, подъ названіемъ: «Разсужденіе о Камнѣ Вѣры» ¹⁾ (по другимъ спискамъ: *Молотокъ на Камень Вѣры*) ²⁾. Кто былъ сочинитель этой тетради, не извѣстно; видно только, что онъ близко зналъ Яворскаго съ молодыхъ лѣтъ и, въ то же время, хорошо зналъ дѣла нашей церкви, ея ученіе и обряды. Тетрадь эта явилась не раньше 1731 года, судя по тому, что о Дашковѣ и его собесѣдникахъ говорится, какъ о павшихъ знаменитостяхъ и, кажется, мало была извѣстна въ то время, когда разгоралась полемика по поводу *Камня Вѣры*. По крайней мѣрѣ мы не встрѣтили ни одного указанія на нее ни въ оффиціальныхъ бумагахъ, ни въ частной перепискѣ. Но, по историческимъ и біографическимъ подробностямъ и по рѣшительному тону полемики, она важнѣе всѣхъ прочихъ сочиненій изъ этого круга.

Въ то время никто не отвѣчалъ на нее. Да и какъ было отвѣчать, когда *Камень Вѣры* былъ запрещенъ и выраженіе сочувствія къ нему и его сочинителю считалось государственнымъ преступленіемъ? Оеофилактъ хотѣлъ было писать противъ Буддея: Кабинетъ не позволилъ. А дѣдо Рибейры и арестъ синодальныхъ членовъ за переводъ его сочиненія на русскій языкъ? Противъ Тайной канцеляріи не устоятъ никакое гражданское мужество, потому что у васъ отнимутъ характеръ страдальца за вѣру и убѣжденія и опозорятъ клеймомъ государственнаго преступника. Уже много лѣтъ спустя послѣ появленія Молотка, въ царствованіе Елизаветы Петровны, одинъ изъ почитателей памяти Яворскаго написалъ *Возраженіе на Молотокъ*, съ защищеніемъ Стефана отъ несправедливыхъ укоровъ и клеветъ его лютеранскаго автора. Но, сказать по правдѣ, защитникъ Стефана пересыпаетъ свои отвѣты такой крупной бранью, такими рѣзкими и ѣдкими выходками противъ автора *Молотка*, что его полемика приняла личный характеръ. Кромѣ того, *Молотокъ* имѣетъ еще то преимущество, что повсюду ссылается на факты и историческія указанія; напротивъ у его возражателя нѣтъ почти никакихъ

¹⁾ Рукоп. Рум. Муз., № 467.

²⁾ Рукоп. Импер. Публ. Библ. по катал. Толст. Отд. IV, № 56.

свѣдѣній о томъ времени и дѣйствовавшихъ въ немъ лицахъ. Арсеній Маціевичъ, авторъ Возраженія, по-видимому зналъ о Стефанѣ не больше того, сколько всякій зналъ о немъ изъ сохранившихся устно и печатно самыхъ общихъ свѣдѣній и, защищая его, онъ не опровергаетъ фактовъ, а только заподозриваетъ достовѣрность свидѣтеля. Мы изложимъ параллельно главнѣйшіе пункты этой полемики по сочиненіямъ Молотка и Возраженія на Молотокъ, такъ какъ они весьма важны для объясненія многихъ пунктовъ въ исторіи Теофана и вообще для знакомства съ церковно-историческою жизнію Россіи въ первой половинѣ прошлаго столѣтія.

Авторъ Молотка начинаетъ свой разборъ съ біографіи Стефана, напечатанной въ Камнѣ Вѣры, подъ заглавіемъ: *сказаніе о творцѣ книги сея*. Онъ касается ея будто случайно, потому что раскрывши книгу прежде всего встрѣчаетъ это сказаніе; но въ сущности оно-то и было ему нужно.

1) «Сей родился въ Польшѣ отъ благородныхъ родителей шляхетской фамиліи». «Хотя сіе — пишетъ авторъ Молотка — до подлежащаго не касается и толковать бы не потребно; но первое сказаніе — неправда есть; ибо онъ, хотя имя Яворскій шляхетской въ Польшѣ фамиліи носитъ, да не шляхтичъ родомъ: отецъ его былъ и прочіе родственники нынѣ на Волынѣ въ польскомъ мѣстечкѣ Яворовѣ мѣщанѣ суть и называются по отечеству; а онъ, въ Кіевъ пришедъ, отъ мѣста *Яворскій* назвался. А хотя бы они съ тѣми Яворскими шляхтичами отъ одинаго происхожденія были, да по правамъ того государства, ежели кто торгуетъ на аршинъ, лоть и квартиру, уже предки его той чести и преимущества лишаются».

2) «Отъ благочестивыхъ родителей». «Сія—по мнѣнію автора Молотка — вторая ложь; ибо довольно извѣстно, что въ Яворовѣ никакого греческаго исповѣданія не осталось, зане прежде рожденія Яворскаго унію воспріяли, и его родители уніаты были».

Маціевичъ, не имѣя самъ точныхъ свѣдѣній о родителяхъ Стефана, отвѣчаетъ на эти пункты только голословными укорами автору Молотка,

3) «Варлаамъ митрополитъ посла его въ Польшу для наученія.» «Здѣ — замѣчаетъ авторъ Молотка — хотя не упоминаетъ

въ какое училище, но всѣмъ извѣстно, что въ Польшѣ нигдѣ иныхъ высокихъ училищъ нѣтъ, кромѣ іезуитовъ. Ибо точно показуетъ: «уже наученъ бысть философіи и богословіи», и отъ сего точно видимо, что онъ былъ не греческаго, но римскаго закона и сущій іезуитъ, понеже соборище папешское жестоко запрещаетъ богословію учить не токмо иновѣрныхъ, но и въ ихъ законѣ родившихся, ежели прежде не тяжкою клятвою утвердятъ — папу имѣть за главу и ихъ ересь утверждать и защищать даже до смерти. Сей же учился вначалѣ во Львовѣ, лежащемъ въ Малороссіи, а потомъ въ Познанн, въ Великой Польшѣ у іезуитовъ, и тако во оный законъ іезуитскій дѣйствительно вступилъ».

Авторъ Возраженія отвѣчаетъ на это: «преосвященный Стефанъ, хотя бѣльцомъ будучи, и у іезуитовъ учился, однако когда къ церкви матеря своей возвратился паки, церковь, о чадѣхъ своихъ состраждущая и Отцу небесному сообразная, примѣромъ блуднаго сына Стефана приняла и властію ключей Христовыхъ простила и разрѣшила, еже дѣлать готова не токмо своимъ сынамъ отпадшимъ, но и всѣмъ соперникамъ, еретикамъ, зловѣрникамъ, папистамъ, лютеранамъ и прочимъ.... Что же ты многократно порицаеши преосвященнаго Стефана, будто бы онъ отъ іезуитовъ посланъ въ Кіевъ съ Польши пришелъ: преосвященный же Теофанъ, архіепископъ новгородскій, для чѣго у тебя не въ порицаніи, но паче въ похвалѣ, какъ послѣ увидится? А онъ такожь хотя не іезуитомъ, однако базилианомъ униатомъ былъ, и въ Римъ сланъ — оттуду бѣжалъ и въ базилианскомъ платьѣ въ Кіевъ пришелъ во время архіерея кіевскаго преосв. Варлаама Ясинскаго, и отъ него, какъ Стефанъ, къ церкви Божіей принять и разрѣшенъ. Якоже убо Теофанъ въ томъ порицаніи отъ тебя не имѣетъ, тако и Стефанъ имѣть не долженъ, понеже какъ у васъ ваши къ вамъ обращающіеся не порицаются, такъ и у насъ тоеже правило содержится. А наипаче для чѣго Мартина Лютера и Катеринки его монашествомъ папскимъ не токмо не порицаете, но и за святость приеimate?...»

4) «Преосвященный Варлаамъ постриже его самъ». «Сіе паки неправда, но онъ пришелъ во Львовъ уже постриженъ, яко сущій волкъ въ одеждѣ овчей, яко тать, не входяи дверьми во дворъ овчій, но инудѣ прелазя; зане по уставамъ російской церкви, а нап-

паче при патриархѣ Филаретѣ соборно уставленномъ—дабы всѣ отъ папезскаго закона пришедшіе въ восточную церковь всѣхъ предписанныхъ во ономъ ересей отrekliсь и проклиаи, а греческой церкви уставы содержать твердо и нерушимо подъ клятвою обѣщались — точно изображено. А оный Яворскій того не учинилъ и тако татски въ восточную церковь вкрался».

«Лжеша — отвѣчаетъ возражатель — и по единому посягательству клеветещи. Ежели тебѣ недостовѣрный авторъ въ сказаніи — какъ Стефанъ отъ зарубезныхъ училищъ прибылъ въ Кіевъ: то надлежало тебѣ хотя одного отъ кіевскихъ писателей памятуховъ, а наипаче отъ лавры кіевскія достовѣрнаго представить свидѣтеля, тебѣ согласующаго. Но понеже сего не представилъ, того ради твоихъ рѣчей, какъ бы вракъ пустыихъ, нечего и въ дѣло принимать. При семъ удивляться или посмѣваться надлежитъ, яко ты, не наша вѣры и церкви человекъ, сдѣлался церкви нашей укащикъ или уставщикъ, и указываешь, дабы папистовъ, а паче іезуитовъ по уставамъ Филарета патриарха въ церковь нашу принимали. Ежели тебѣ и твоимъ братьямъ—лютеранамъ и друзьямъ твоимъ—папистамъ показанныя уставы нравы: то церковь наша готова и по тѣмъ уставамъ васъ принимать».

5. «Приемшу ему училище уже не было нужды малороссійскимъ юношамъ искати ученія въ чужихъ краяхъ.» «Сіе весьма благонадежно говоритъ, якобы Яворскій весьма папезское ученіе въ кіевскихъ ученикахъ утвердилъ и ихъ тако совершенно философіи и богословію научилъ, что шгдѣ совершеннѣе сыскать не можно. Что перваго касается — истина есть, ибо по немъ много между пшеницею терніа возрасте, которое по немъ хотя весьма ревнительнѣйшіе о истинѣ ректоры прилежно искоренить тщались, обаче еще искра въ пепелѣ крыется, о чѣмъ многіе совершенно ученые, бывшіе по немъ тамо ректоры, истину сію засвидѣтельствуяють. Что высокости философской и богословской пакы касается, въ томъ не надобно много слѣдовать, но довольно сія книга и многія его церковныя поученія, которыя еще въ памяти имѣются, не меньше же сего и о антихристѣ книга, свидѣтельствуяють, колико онъ въ томъ совершенъ былъ; ибо и неученые, да чистое разсужденіе имущіи, разсудить могутъ. Паче же блаженныя памяти разумомъ и всѣми дѣлами вѣчныхъ похваля достойный Имъ»

ператоръ Петръ Великій, видя въ Украинѣ многія суевѣрія отъ Римлянъ вкрадшіяся и сущее идолопоклоненіе, въ духовномъ Уставѣ части первой объявилъ, а потомъ указомъ 1720 года сентября 5 дня запретилъ въ типографіяхъ безъ апробаціи синода книги печатать, для объявленныхъ въ ономъ указѣ подозрѣній великихъ.»

«Обыкновенное въ народѣ поведеніе — отвѣчаетъ Мадіевичъ — когда напримѣръ свекрови ненавидима невѣстка, то что нибудь худо въ дому дѣлается—кто виноватъ? Невѣстка. Такимъ, а не инымъ образомъ и ты поступаеши, злобствуя и клевета на Стефана пресвященнаго. Ставиши бо ему въ вину и порокъ неисправность типографіи кіевопечерскія, а онъ типографомъ и справщикомъ книгъ тамъ никогда не бывалъ и власти надъ кіевопечерскимъ монастыремъ не имѣлъ, развѣ когда сталъ быть блюстителемъ престола патріаршаго, однако и въ ту пору власть его и совершенное смотрѣніе было надъ типографіею московскою; а о кіевопечерской типографіи, яко ставропигіальной и почти зарубежной тогда вѣняющейся, дѣло до него не приходило и оттуду для апробаціи ничего къ нему не присылывано.... Что же ты съ крайнимъ униженіемъ дерзаеши порочити книгу о знаменіяхъ антихриста и о антихристѣ, аки бо она послѣдняго ума лишена, то уже по тому самъ ты безъ ума обрѣтаешься, а показанная книга—настоящаго богословскаго ума, общему церкви православныя вѣры исповѣданію точно согласующая. Вы же лютеране раскольщикамъ въ мудрованіи о антихристѣ по всему согласуете, понеже... духовное о антихристѣ толкованіе примѣромъ раскольщиковъ содержа, въ томъ только съ ними разствууете, яко они исповѣдуютъ антихриста, воцарившагося въ Москвѣ, вы же въ Римѣ папу римскаго.

б) Авторъ Молотка отдаетъ Стефану справедливость въ дарѣ составленія и сказыванія проповѣдей. «Что до витійства касается, правда, что имѣлъ удивительный даръ, и едва подобные ему во учителей російскихъ обрѣстися могли; ибо мнѣ довольно случилось видѣть въ церкви, что онъ могъ во ученіи слышателей привести плакать или смѣяться, къ которому движеніе его тѣла и рукъ помаваніе, очей и лица премѣненіе весьма помоществовало, которое ему природа дала. Онъ, когда хотѣлъ, то часто отъ яро-

сти забывалъ свой санъ и мѣсто, гдѣ стоялъ, — которое въ ден. Успенія въ успенскомъ соборѣ графу Мусину и, помнится, и новѣй годъ въ чудовѣ монастырѣ «искаламъ и другимъ государственнымъ служителямъ отъ него слышать случалось. Сей порядокъ въ церковныхъ поученіяхъ у папистовъ токмо употребляютъ, ибо когда они своего суевѣрнаго подложенія изъ письма доказать не могутъ, то тѣются логическими силлогизмы, то есть, речеподобіями утвердить, а истинное дѣло затемнить и утаить. По которымъ его поученіямъ отъ оберъ-фискала позванъ былъ на судъ и, за неданіе надлежащаго оправданія, по слову Божию заградилася уста его (Псаломъ 30, стихъ 20), — по которому особливо въ Уставѣ духовномъ накрѣпко его величество запретилъ, дабы никто сказокъ и примѣровъ вымышленныхъ въ поученіяхъ не употреблялъ и персонально поносить никого не дерзалъ, и вся его поученія за многіе въ нихъ соблазны запрещены.

Возражатель не зналъ, на какія обстоятельства указываетъ Молотокъ, и отвѣчаетъ голословно: «ты что нибудь по злобѣ своей клеветишь». Но теперь достовѣрно извѣстно, что Стефану запрещено было говорить проповѣди. Стефанъ самъ откровенно говорить объ этомъ въ письмѣ къ Государю, приписывая это запрещеніе недоброжелательству министровъ. «Казанье мое, Богъ сердцевѣдецъ, было намѣреніемъ благимъ ко исправленію и созиданію духовному російскаго народа, а царскимъ лицамъ ниже помышленіе было. И оттолкъ уже и по запрещенію умолчать и впредь молчать готовъ. Ей, говорити казанье трудно, а молчать вельми легко».

7) «Аще и отрицашеся отъ чина епископства». «Можетъ сіе быть, что ему совѣсть еще возбраняла клятвою противъ закона учителей его и прежде даннаго имъ обѣщанія обаяться; паче же имѣлъ причину бояться, дабы не вскрылась нечаянно его овчая кожа и не обнажилась бы волчья хитрость. Но какъ оныя іезуиты никако во грѣхъ противоугожденія отцу ихъ не вмѣняютъ и страсти его презирають, такъ и сей, разсудя, воспріялъ, и не токмо доволенъ явился, но паче потомъ крайнимъ прилежаніемъ трудился, како бы возмогъ чинъ и власть патріарха получить, для котораго дары многимъ роздалъ великіе, а инымъ обѣщалъ. Но его величество видя, что въ ономъ мѣшкѣ не заяцъ, но лисица

имѣлась, памятуя же, какой великій отъ Никона отецъ его—царь Алексѣй Михайловичъ, а отъ Иоакима онъ самъ трудъ, государство же вредъ понесли, разсудилъ лучше чинъ патріарха отставить и учредилъ Синодъ, котораго учрежденія причины въ Уставѣ духовномъ описаны,—которому Яворскій весьма противился и чрезъ долгое время подписать отрицался, отговариваясь немощью, иногда же яко бы неяснымъ нѣкоторыхъ пунктовъ истолкованіемъ, а паче не смѣя безъ повелѣнія отъ папы; наконецъ, побѣжденъ отъ его величества доводами изъ письма святаго и отъ прикладовъ прежде бывшихъ соборовъ, еже оныя соборы надъ папами власть имѣли и оныхъ за преступленіе судили и за правильныя причины извергали, которому противиться не смѣя, съ великою горестію подписался, жагѣя, что такъ долго ожидаемаго патріаршества лишился».

«А хотя бы—отвѣчаетъ Маціевичъ—благочестивѣйшій нашъ монархъ и сдѣлалъ, по благоволенію своему и усмотрѣнію высокомонаршему, вмѣсто патріарха Синодъ: однако патріаршества совсѣмъ не отвергалъ и не уничтожалъ, понеже на апробацію о томъ къ четверопрестольнымъ патріархамъ послалъ. И есть слѣдъ и видъ достовѣрный, яко воспріалъ—было намѣреніе, чтобы, вмѣсто Синода, паки устроить патріарха, понеже когда Феодосъ, бывший тогда первоначальный синодальный членъ, новгородскій архіерей, въ соборѣ успенскомъ представлялъ его величеству, дабы мѣсто патріаршее изъ собору выбросить, таковое представленіе благочестивѣйшій монархъ съ великимъ негодованіемъ имѣнилъ и за то жестокій напускъ Феодосу далъ, что ажъ принужденъ изъ собора бѣжать, а мѣсто патріаршее, по особенному высокомонаршему разсмотрѣнію, осталось въ цѣлости, какъ прежде было, и *нынѣ настоятеля своего ожидаетъ*. А хотя и Синодъ, вмѣсто патріарха, у насъ имѣется, однако тебѣ, врагу и сопернику церкви нашея, выторжка не обрѣтается, понеже по твоему хотѣнію не сдѣлалось, дабы какъ вашъ регентъ, такъ и пасторы ваши въ Синодѣ присутствовали. Но какъ прежде патріархъ російскій, такъ и нынѣ Синодъ въ той же церкви благодатію Божіею состоитъ, въ которой четверопрестольные патріархи православно-восточные начальствуютъ.

8) «Егда возникне нѣкое мнѣніе отъ раскольниковъ о прише-

ствѣи антихриста неправомудрствованное, 1703 года противъ онаго книгу написалъ и самаго начальника, Григорья Талицкаго, обличи и безгласна сотвори». — «Что до книги о антихристѣ касается, она довольно безсловіемъ, баснословіемъ, нежели письмомъ святымъ, злобою паче, нежели любовію, краснорѣчіемъ и софизмами, нежели истиннымъ христіанскимъ ученіемъ, преисполнена, яко и сей *Камень*; не вѣдущимъ токмо писанія, ни силы, можетъ быть къ суевѣрію во утверженіе, другимъ же соблазнъ и гибель, какъ то сталося съ бывшимъ капитаномъ, а потомъ чернцомъ Левиннымъ, который пакы ту ересь возобновилъ и, въ Пензѣ городѣ пришествіе антихристово проповѣдуя, изъ сея Яворскаго книги утверждалъ, яко же точно предъ судомъ показалъ, еже оною въ соблазнъ и заблужденіе приведенъ, о которыхъ словахъ самъ Яворскій, погрѣшеніе видя, простотою и незнаниемъ извинялся и просилъ прощенія, которое милостію его императорскаго величества ему отпущено. Что же до обличенія Талицкаго надлежитъ, о томъ могутъ присутствующіе тому еще свидѣтельствовать, что на преніи Яворскому Талицкій ни мало не уступалъ, но ругательно пророкомъ Вааловымъ и прочее называлъ, донетѣже, по прошенію всѣхъ собранныхъ, а паче слыша Яворскаго невозмогающа, пришедъ его императорское величество кратко явными Христовыми словами побѣдилъ и въ раскаяніе привелъ, о чемъ точно при казни онаго еретика въ объявленіи, потомъ поученіемъ отъ Яворскаго на день Петра и Павла, точно показано было».

«О побѣдѣ и о посрамленіи его, Талицкаго, отъ Государя мы не споримъ — отвѣчаетъ Арсеній — но паче утверждаемъ. О раскаяніи же слѣда никакого не имѣемъ... И хотя довольно было отъ преосв. Стефана увѣщаніе и обличеніе, однакожь за упрямствомъ своимъ склонности и раскаянія не показалъ. А хотя же и не могъ его преосв. Стефанъ переспорить, то тебѣ здѣсь такожь выторгать не слѣдуетъ, понеже самъ ты, надѣюсь, знаешь пословицу латинскую, что дуракъ болѣе можетъ задачей составлять, нежели мудрый отвѣтствовать. Талицкій же каковъ былъ мудрецъ, всѣмъ извѣстно, сирѣчь единъ бѣшенный мужикъ, какъ бы и прочіи раскольщики, которые, кромѣ російской грамоты и своего безумнаго умствованія, ничего больше не знали».

«Сіе довольно извѣстно всякому — продолжаетъ авторъ

Молотка въ той-же статьѣ — что по опредѣленію отъ его царскаго величества, при порученіи Стефану патриаршескаго намѣстничества, о трехъ вещахъ наиболѣе подтверждено: 1) дабы, не жагѣя нищія и доходовъ дома патриаршаго, училища учредить и о наученіи закона христіанскаго крайне прилежалъ; 2) дабы по прошествіи малаго времени отнюдь ненаученныхъ, по малой мѣрѣ катихизиса и десяти заповѣдей, не свидѣтельствовавъ самъ, во священники не ставилъ; 3) крайне прилежалъ о проповѣди слова Божія подвластнымъ россійской имперіи идолопоклонникамъ и магометанамъ, яко остяки, вотяки, лопари, самоедцы, якуты, тунгусы, мордва, чуваша, черемиса, калмыки, татары и прочіе, живущіе цѣлыми городами, деревнями, провинціями; не меньше имѣть попеченіе о наученіи и приращеніи отторгшихся безуміемъ отъ церкви россійской раскольниковъ. Но что онъ въ томъ исполнилъ, всякому видимо. — Школы ни единой, не токмо индѣ гдѣ, но ниже въ собственной ему епархіи рязанской не учредилъ.»

«А что въ царствующемъ градѣ Москвѣ учредилъ — отвѣчаетъ Арсеній — то тебѣ заслѣшило и во умъ не пришло вспоминать?... А по тогдашнему времени, войною наше государство отягчававшему, довольно и таковое отъ преосвященнаго Стефана о производствѣ ученія тщаніе и раченіе.»

«Въ Москвѣ — продолжаетъ авторъ Молотка — для наученія требующихъ посвященія опредѣлялъ нѣкоторыхъ изъ своихъ любимцевъ и надъ ними брата своего Федора Яворскаго, весьма малоученаго, и къ тому малыя книжицы со истолкованіемъ токмо десяти заповѣдей издалъ; но сіи не только для наученія, колко ради сребролюбія предпріялъ, ибо всякій, желающій священства, безъ довольныхъ на то денегъ, со всемъ его прилежаніемъ и наукою, не годился, въ чемъ всѣ посвященные при немъ слезами свидѣтельствовать могутъ; паче же оное святотрадство свидѣлствуютъ сами тѣ, надъ училищемъ поставленные и къ свидѣтельству бывшіе опредѣленные и братъ его; ибо въ Москву пришелъ въ самомъ убожествѣ, о которомъ самъ сей писатель жизни показываетъ, что хотя іезуиты за наученія, какъ всѣмъ извѣстно, не требуютъ, но для того и на проѣздъ въ Польшѣ Стефану недоставало, для котораго Макарій митрополитъ, промысли ему на то потребное, посла; но потомъ какое богатство собрали, деревни поку-

шли и дѣтей въ дальномъ имѣніи оставили, что всегда во злато облачаются, богатые дома, множество служителей имѣютъ и въ каретахъ разъѣзжаютъ».

«Таковажъ твоя правда о Ѳеодорѣ, преосвященнаго Стефана братѣ—отвѣчаетъ Мадіевичъ—будто бы онъ съ книжицъ о десяти заповѣдяхъ или съ другихъ отъ ставленниковъ взятокъ такъ обогатился, что всегда во златѣ каретами ѣздилъ и деревни покупалъ. А Государь зналъ ли о томъ или не зналъ, долженъ ты былъ показать; а кажется нельзя, чтобы не зналъ, а зная нельзя, чтобы не воспретилъ. Насмѣшка же одна—отъ показанныхъ доходовъ ставленическихъ Ѳеодору Яворскому толико обогатиться; понеже преосвященный Стефанъ персонально доходами могъ его обогатить столько, сколько ты сказываешь,—которое обогащеніе святотатствомъ не было, понеже казны какъ церковной, такъ и государевой не касалось и, по твоимъ же сказкамъ, покупаніемъ деревень внутрь государства осталось. Невозможно архіереямъ безъ доходовъ архіерейскихъ быть ¹⁾».

«Коліко разъ онъ—продлжаетъ Молотокъ—по прикладу апостоловъ и уставу древнихъ отецъ и соборовъ вселенскихъ стадо паствы своея надзиралъ, того спрашивать не надобно: развѣ когда, для своего увеселенія и прибытка, во градъ епархіи своей—Переяславль рязанскій съѣздилъ и поповъ перебралъ; паче-же, показавъ свою власть и преимущество, съ богатствомъ возвращался. Тако пасе стадо Христово, добрѣ разумѣваяши словеса Господня къ Петру реченная: *«таси овцы моя.»* И ктому не запамятовалъ Павла,

---

¹⁾ Признаться надо однако-жъ, что тутъ есть доля правды. Въ 1706 году новгородскій митрополитъ Іовъ писалъ къ троицкому архимандриту Сильвестру: «посылаю къ тебѣ нѣкоторыя вѣдомости, благоволи тыя прочитати и отнюдъ никому-же являти, кромѣ удобныхъ и вѣрныхъ твоихъ совершенно. За ослабленіе и досаду и великія обиды господина превысочайшаго, іерарха святѣйшаго, митрополита рязанскаго, двѣнадцать челоѣкъ въ Великій Новгородъ взяты и многіе изъ нихъ зѣло жестоко пытаны и рваны, даже внутреннѣ ихъ являтися; а съ пытокъ въ самомъ маломъ нѣчесомъ повинилися и на брата архіерейскаго многія вины и обиды себѣ въ распросахъ сказали, въ томъ хотятъ и умертвитися. И судьямъ сіе подъ сомнѣніемъ. Чего ради хочуть распросныя рѣчи послать подъ разсудокъ здравый ко архіерею рязанскому, и что отъ него о нихъ разсуждено будетъ, потомъ стануть писать къ царскому величеству». (Переписка митрополита Іова—въ Страницѣхъ 1861 г. кн. 2, стр. 84).

глаголюща: *«кто-бо стадо пасетъ и отъ млека его не яста?»* Но презрѣлъ Господа, Іезекіилемъ глаголюща: *«се млеко ядате, волною одъваетея и тучное закалается, а овецъ моихъ не пасосте.* Что же покажетъ о приобрѣтеніи раскольниковъ, развѣ нѣсколько пожегъ и изъ государства выгналъ. Какъ изъ Франціи прилежаніемъ іезуитскимъ гугенотовъ, такъ изъ Россіи раскольниковъ не токмо въ Польшу, но и къ туркамъ и татарамъ въ защищеніе басурманское многими тысящами фамилій выгнано. А о идолопоклонникахъ и магометанахъ и вспоминать нечего».

«Укоряеши преосвященнаго Стефана — отвѣчаетъ Мафевичъ — что будто-бы онъ не имѣлъ добротства приводить въ вѣру и крестить магометанъ и идолопоклонниковъ: а Лютеръ вашъ окрестилъ ли хотя одного жида? Да и вы, его потомки, чтобы о томъ раченіе имѣли, отнюдь слѣда не имѣется. Магометанами и идолопоклонниками васъ не порицаемъ, понеже таковыхъ варварскихъ народовъ толякое, какъ у насъ, множество въ вашихъ государствахъ не обрѣтается; жидовъ же премногое множество изыщется, которыхъ вы пногда и во академіи свои для обученія принимаете, а къ вѣрѣ ихъ не обращаете. Укоряя же преосвященнаго Стефана магометанами и идолопоклонниками признаешь, что тогдашній архіерей казанскій, по нашему прозванію Тихонъ преосвященный, представлялъ всемплостивѣйшему Государю требованіе о учрежденіи училища ради показанныхъ некрещенныхъ народовъ въ вѣру обращающихся, которое въ монастырѣ свѣжскомъ учреждено и понынѣ пребываетъ. Не безъ тщанія тако-жъ преосвященнаго Стефана въ Сибирь избранъ и по указу его величества посвященъ митрополитомъ Филоеѣй Лещинскій, который довольно крестилъ и просвѣщалъ сибирскихъ некрещенныхъ народовъ. О раскольникахъ-же твое сожалѣніе великаго тебе быти не токмо нашей церкви, но и государству являетъ печальника и добротота; надѣюся своимъ государствамъ таковымъ образомъ не будешь добротствовать. Не похощеши бо нпже слышать, дабы въ вашихъ государствахъ таковыя злодѣи обрѣтались, не только вѣры государственной хульники и развратители, но и воры изрядные, самосожигатели, ксему лжехристы и беззаконницы въ свѣтѣ неслыханныя, дѣтоубійцы, дѣтоубивственною кровію причащающіе и волхвующіе. А ты, о таковыхъ злодѣяхъ сожа-

дѣя, нашему государству ихъ усердствуеши и дерзаеши преосвященнаго Стефана неповинно порицати, будто-бы онъ ихъ нѣсколько пожегъ и за рубежъ множество прогналъ; а они сами жгутся, или паче лжеучители ихъ, злодѣи и воры изрядные, наговоривше и околдуновавше и совсѣмъ ограбивше не татаръ, но нашего народа російскаго, многое множество сожигаютъ; а въ скитахъ своихъ пустынныхъ, по большей части намъ неизвѣстныхъ, волю и поселеніе имущѣ, самовольно по своимъ прихотямъ и за рубежъ бѣгаютъ.»

«Противное-же видимъ — продолжаетъ Молотокъ — коликое попеченіе о томъ имѣлъ Петръ, не именемъ или ростомъ, но даромъ божественнымъ и его дѣлами Великій; нбо, бывъ отягченъ военными внѣшними и внутренними беспокойствами, такожь во исправленіи неуспѣшномъ гражданскихъ поведеній, не запомнилъ и о семъ (церковномъ устройствѣ), но видя Яворскаго не прилежное, но властолюбное, смотрѣніе, повелѣлъ церкви учредить и Уставомъ снабдить, въ которомъ о всѣхъ сихъ поступкахъ обстоятельно представилъ и, видя, что монахи туне чуждые труды поядаютъ, повелѣлъ изъ доходовъ монастырскихъ для перваго случая двадесатую часть на училища опредѣлить; сверхъ того, слыша отъ казанскаго архіерея требованіе ко обращенію магометанъ, охотно позволилъ всѣхъ, пріемшихъ христіанскую вѣру, отъ всякихъ податей и налоговъ уволить, а на обученіе изъ доходовъ Камеръ-коллегии на вышепоказанное по 1000 руб. опредѣлить, какъ то указъ, 1 сентября 1720 года опубликованный, гласитъ; наипаче-же въ смотрѣніе и въ лучшее употребленіе монастырскихъ доходовъ данная оберъ-прокурору сѣнодскому инструкция и особливые пункты, его величества рукою написанные Баскакову, свидѣтельствуютъ. И уже сіе дѣло зрядное воспріяло было начало, да съ смертію Петровою воскресоша паки Яворскаго единомышленники, яко Лопатинскій, епископъ тверскій, — Дашковъ, бывъ уже отъ Петра Перваго въ заточеніе опредѣленъ, но потомъ епископство ростовское пріять, — такожь епископъ коломескій, помощію суевѣрныхъ, паче-же Петру и отечеству рабовъ невѣрныхъ, вступя въ Сѣнодъ, все оное доброе сѣмя исторгнули и, по своимъ прихотямъ прилежя, о тиранствѣ палежскомъ трудились, — изъ которыхъ добрый пастырь стада кобылъ, Дашковъ, уже такъ близко былъ къ па-

тріаршеству, что никакого сумнительства къ возведенію на престолъ не осталось. Но смерть Петра Второго и судъ Всевышняго все оно не токмо въ ничто обратилъ, но ихъ, яко онаго ростовскаго, тако коломенскаго, воронежскаго и другихъ епископовъ и собесѣдниковъ ихъ, явно облчилъ, по которому равную мзду воспріяли; чего и оставшіе ихъ помощники ежечасно ожидать имѣютъ.»

«О монахахъ—отвѣчаетъ Маціевичъ—что ты написалъ, будто они туне чужіе труды подаютъ? Наше монашество ничего тебѣ не виновато, понеже сколько на одного вашего пастора выходитъ, столько у насъ на содержаніе цѣлаго монастыря монаховъ, и пищи ихъ, какъ Лютеръ вашъ съ роду не кушалъ, такъ и ты не токмо кушати, но и отвѣдати не восхощеши. Казна-же монастырская хотя иногда можетъ быть и довольная, однако и отъ твоего показанія явствуетъ ей быть первѣйшей казнѣ государевой, а по семь церковной. Іосифъ Бингамъ, оканчивая тетрадь 1-ю о древностяхъ церковныхъ, признаетъ и крѣпко утверждаетъ, яко отъ самыхъ апостольскихъ временъ избирали на архіерейство ово аскетовъ, безженно живущихъ, ово женатыхъ съ такимъ обязательствомъ, дабы на архіерейскомъ степені дѣтей не плодили. Хотя убо нынѣшнее наше монашество, какъ и христіанство, не въ мѣру слабѣйшее противу церкви первенствующія, однако тунеядствомъ называться не можетъ; понеже какъ христіанство, такъ и монашество дѣло воплощенія Господня, и самъ Христосъ первѣйшій монахъ, Богородица же, Дѣва Богу во вся освященна и отлученна, чій образецъ, когда не монашества?... Отъ монашества такожь происходитъ архіерейство, главизна христіанства... За монахами такожь мѣста святыя, чудотворныя, чудесами и чудотворцами—наипаче монахами—отъ Бога прославленные, на которыхъ отъ древнихъ боголюбцевъ и наипаче російскихъ самодержцевъ дома Божіи воздвижены ради жертвы безкровныя.

... Не токмо преосвященнаго Стефана, но и другихъ архіереевъ песіимъ языкомъ касаеться, во время императрицы Анны по напрасному оклеветанію пострадавшихъ, отъ которыхъ единъ и нынѣ остался и при своей чести обрѣтается ¹⁾. А по тому же

¹⁾ Бывшій воронежскій епископъ Левъ Юрловъ, скончавшійся въ 1755 г.

образцу и другіе бы въ чести своей были, ежелибъ судьбами Божиими, какъ и ты сказываеши, изгнаніе и заточеніе стражда, жизни своей не окончали. Съ таковой-же кончины ты посмѣваешися и, будто бы съ Богомъ говорилъ и судъ Вышняго въ точности узналъ, утверждаеши, яко таковая ихъ кончина за прилежаніе о тиранствѣ папешкомъ судомъ Вышняго постигла. Но по образцу оставшаго въ живыхъ архіерея, бывшаго воронежскаго, можешь и прочіихъ всякосовѣстно признать и засвидѣтельствовать, что столько къ нимъ вяжется, сколько до мертвого голосъ. Или сія твоя клевета къ преосвященному Георгію Дашкову, будто бы онъ послѣ смерти императора Петра Великаго епископомъ ростовскимъ сдѣланъ? А онъ, за живота его величества, имяннымъ монаршимъ указомъ, въ лаврѣ троицкой будучи архимандритомъ, опредѣленъ и произведенъ ростовскимъ архіереемъ, и въ гнѣбѣ монаршемъ Петра Великаго никогда не бывалъ, но въ милости особенной. Показаннымъ же архіереямъ, отъ тебе хулимымъ, неповинно страдавшимъ, хотя и безчестная по сего свѣтскому мнѣнію кончина, однако христіанская, въ совершенной надеждѣ жизни вѣчна. Что же ты дерзнулъ воспретить и прочимъ нашего духовнаго чина таковою-же, какъ показаннымъ архіереямъ, кончиною: то посмотри, каковъ ты лжепророкъ въ томъ остался, и болѣзнь твоя или насмѣшка на главу тебѣ обратилась; понеже, что судъ Божій и надъ вашими сдѣлалъ, всѣмъ извѣстно и чувствительно. А намѣреніе и пророчество ваше совсѣмъ во лжи и тщетѣ осталось.»

Въ изданіи Камня Вѣры за *сказаніемъ о творити книгъ* слѣдуетъ статья: *«ома и случай написанія книгъ.»* Авторъ Камня Вѣры указываетъ поводъ къ составленію этой книги въ томъ, что Ома и его сообщники учили не поклоняться иконамъ, не призывать святыхъ и не почитать мощей, за что и преданы были гражданской казни.

Авторъ Молотка возражаетъ на это: «по монаршему указу Ома жестокимъ смертнымъ наказаніемъ мечь воспріялъ; вниже хотя точно не показываетъ, обаче изъ онаго видно, что не за то, еже учили иконамъ и кресту не кланяются, мощи святыхъ не призывать и прочее, но за то, что ниже показываетъ — еже въ церкви во время моленія образъ снявъ исколожъ и смятеніе

молящимся учинилъ; и хотя оный безъ извѣстія его величества казнень, но по его велѣнію правамъ правильное по винѣ наказаніе пріялъ. Прочихъ-же къ сему наказанію присвоить не надлежитъ; понеже всѣ оныя, о нихъ-же упоминаеть, безъ всякаго наказанія на увѣщаніе церковное оставлены; держащіяся во узахъ, по разсмотрѣнію не истиннаго объ нихъ отъ Яворскаго представленія, самимъ Императоромъ освобождены. Пачеже самъ Яворскій, бывъ на обличеніи въ Сенатѣ отъ Тверитинова, со стыдомъ въ презельной злобѣ отъиде». Дѣло это точно было на разсмотрѣніи Сената и рѣшено не въ пользу Стефана.

Въ разборѣ слѣдующей статьи — *предисловіе къ читателю* — авторъ Молотка останавливается на словахъ: «верховный апостолъ Христовъ» и говоритъ по поводу ихъ: «сіе во удивленіе папы и утверженіе власти антихриста надъ христіанствомъ полагаетъ, хотя сказать, якобы Петръ былъ высшій надъ всѣми апостолами; но письмо святое о томъ иначе показываетъ».

О причинѣ недопущенія Камня Вѣры въ печать при Петрѣ Молотокъ говоритъ, что «книгу эту не токмо самъ монархъ читалъ, но искуснѣйшимъ епископамъ отъ Синода изслѣдовать повелѣлъ, но обрѣтши ее за недостойну, паче и противну во многомъ христіанскому греческой церкви исповѣданію, уничтожилъ. И при немъ не смѣлъ ты и твои собесѣдники о томъ напоминать; но потомъ видя неученыхъ, но закоснѣнныхъ въ свирѣпостяхъ и суевѣріяхъ, собранныхъ при малолѣтномъ Императорѣ правителей, изъявъ нѣкоторыхъ, дознающихъ истину, да по резону политики не могущихъ противитися, чрезъ твоихъ ангерентовъ представилъ, которую безъ свидѣтельства и соизволенія Синода и Сената, противу оного монарха въ печать предали».

Возражатель представляетъ дѣло иначе. — Передъ походомъ Петра въ Дербентъ, Стефанъ представилъ ему книгу, и Петръ прочитавъ приказалъ ее печатать, и дѣло началось; но, по отбытіи Петра, «соперникъ первѣйшій Федось» потребовалъ письменнаго императорскаго указа печатать книгу; а за неимѣніемъ этого указа, равно и за препятствіемъ завистниковъ, печатаніе тогда остановилось.

Касательно же извѣстія, будто Камень Вѣры найденъ неправославнымъ, возражатель замѣчаетъ, что даже въ то время, ког-

да по проискамъ *вашихъ* при императрицѣ Аннѣ запрещена была книга, и въ то время о ней ничего не опубликовано.

Въ слѣдующей статьѣ—*Предупрежденіи*—авторъ Камня Вѣры перечисляетъ кратко догматическія и каноническія уклоненія лютеранъ отъ церкви, которыя онъ обличалъ въ своей книгѣ. Авторъ предостерегаетъ своихъ читателей отъ неприванныхъ (протестантскихъ) учителей, выставляя на видъ, что они ничѣмъ не могутъ подтвердить истины своего посланничества и своего ученія, не могутъ указать у себя ни на одно чудо, отвергаютъ добрыхъ дѣла, сами они и народы, отъ которыхъ пришли они, нечестивы и исполнены всѣхъ пороковъ; имѣютъ новое Евангеліе, а не древнее; отвергаютъ безкровную жертву; не признаютъ церкви. «Аще послани есте отъ Бога, покажите, гдѣ поне едино чудо отъ васъ бысть?»

Авторъ Молотка отвѣчаетъ: «мы яко къ вамъ не послани, тако и не придохомъ для наученія васъ и ниже чимъ хотимъ въ вашъ законъ вступаться; но что вѣруемъ, то исповѣдуемъ чисто и ясно не для васъ, но для насъ самихъ и спасенія души нашея. А ежели кто пришелъ къ вамъ закона нашего для служенія или купечества или коего либо ремесла, оное вѣсть своевольное, но по волѣ, призыву и прозвѣбъ вашего монарха. И ежели случится по вопрошенію въ разговорѣ сказать о своемъ законѣ, оное вѣсть проповѣдь. Что же требуешь знаменій и чудесъ? Мы того, яко правовѣрные не ищемъ и не требуемъ, зане самъ Господь къ просящимъ книжникомъ и фарисеомъ тако глаголетъ: *«родъ лукавый и прелободѣнный знаменія ищетъ, но знаменія не дастся ему, токмо знаменіе Ионы пророка»*. И апостоу сказуеть: *«Иудеи просятъ знаменія и Еллина ищутъ премудрости; мы же проповѣдуемъ Христа распята»*. Аще же хоцещи знаменія видѣть, возвратися къ братіи твоей, отъ нихъ же пріялъ даръ антихристового ученія; они могутъ показать и научать тя, аще не доучился, чудесы и знаменія неразумныхъ прельщати, зане имъ сіе весьма преискренне есть».

«О чудесахъ аще хоцещи разумѣти — отвѣчаетъ Маціевичъ— прочти апологію отъ преосвященнаго Теофана, когда еще былъ ректоромъ въ Кіевѣ, писанную до вашихъ учителей Королевца Прусскаго, которая апологія въ той же книжницѣ, что и о Маляр-

дѣ, отъ вашихъ же въ Братиславѣ напечатана. Пресвященный же Оеофанъ писалъ къ вамъ показанную апологію вмѣсто схи-монаха Михаила кіево-печерскаго, который — отъ вашихъ же знатныхъ учителей и господъ — прибывъ въ чудотворную лавру кіево-печерскую и видя тѣлеса святыхъ не токмо чудесно не-тлѣнныя, но и исцѣленій чудеса преподающія, вѣру нашу пра-вославную принявъ и, сверхъ того, и въ великую схиму постриг-ся, въ превеликомъ монашескомъ подвигѣ — постѣ и воздержаніи даже до кончины претерпѣвая и пребывая. Отъ сихъ двухъ благоговѣйныхъ мужей, сирѣчь отъ Малярда и Михаила схи-монаха, можно видѣть всякому, яко отъ вашихъ лютеранъ и кальвинистовъ не вси къ намъ приходятъ по требованію монар-шему, но нныя по своему добротству, ради единыя души сво-ея спасенія».

«Новое Евангеліе, а не древнее имѣють». «Оле безумія—воз-ражаетъ авторъ Молотка—оле сердце и уста преисполненни лжи! Како таковая вѣщати можеши? Гдѣ видѣлъ или отъ кого слышалъ, то въ нашемъ Евангеліи съ вашимъ въ принадлежащемъ до вѣры слово единое разошлось?... Вѣдаю, еже ты нѣчто слышалъ о не-сходствѣ, да не знаешь, о какомъ говорено. Я тебѣ скажу—о Би-блии то, или о книгахъ Ветхаго Заветъа, говорено. И то правда. Оная ваша Библия — первое въ г. Острогѣ прилежаніемъ князя Кон-стантина отъ греческаго съ поврежденной аріанской и то весьма неполно переведена; и хотя о неполности ея толковать оставляю, зане не токмо многихъ стиховъ, но цѣлыхъ главъ нѣтъ; индѣ-же отъ аріанъ прибавлено, чего никогда въ еврейскомъ не было: но едино во обличеніе представляю: въ 1-мъ посланіи Іоанновѣ глава 5, стихъ 7, великой важности во обличеніе аріанскаго заблужденія, выпущенъ и нѣтъ, которымъ на первомъ соборѣ въ Никей ясно аріанъ обличали. Потомъ со оной же Острожской, нѣчто поправа, въ Москвѣ напечатали, и оная тако-жъ весьма не исправна, и не можешь о томъ спорить, зане предисловіе оной явно о несправ-ностяхъ покажутъ, и требуетъ надатель, дабы впредь исправя из-дать, показуя вину крайней нужды къ поспѣшенію. Сіе поспѣше-ніе, мню, отъ Вольдемара пришло. Сего ради вѣчно хвалимый Петръ Великій повелѣлъ исправлять, и часто словесно и письменю напоминалъ, да не могъ окончанія исправы дожидаться. Причина

же умедленію оному не нно что , токмо Яворскаго собесѣдники, такіе-же іезуиты притомъ вмѣшались; и хотя явно нехотѣнія своего ко исправленію показать не смѣли, обаче всегдашними спорами и толкованіи ненужными удерживали, по смерти-же монарха весьма забвенію предали. Но ежели-бъ оное коварство тогда Императору извѣстно было, то-бъ не постыдясь золотыхъ шапокъ самихъ выправилъ». — Маціевичъ замѣчаетъ на это, что «ежели разсудить въ тонкость, то Библия у насъ и не особенно нужна. Ученый, ежели знаетъ по гречески, греческую и будетъ читать; а ежели по латынѣ, то латинскую, съ которой для себя и для поученія народу російскую, какая ни есть Библия, будетъ исправлять. Для простаго-же народа довольно въ церковныхъ книгахъ отъ Библии имѣется».

Авторъ Молотка сказалъ, что «у Стефана такіе-жъ, какъ онъ, и собесѣдники были». «А кто-бы то были таковыя собесѣдники—спрашиваетъ возражатель—силу и власть имущіе, кромѣ синодальныхъ персонъ, да еще начальнѣйшихъ? Нельзя на другихъ подумать. Въ Синодѣ-же былъ тогда Феодосъ съ товарищи, который каковъ былъ собесѣдникъ, какъ ты сказываешь, Яворскому, да и тотъ, что сталъ быть послѣ Феодоса, всѣмъ извѣстно, и тебѣ самому надѣюсь не закрыто».

Исторія исправленія Библии довольно извѣстна. Изъ нея видно, что инициатива этого дѣла принадлежитъ Петру; Стефану-жъ поручено было только наблюдать за ходомъ дѣла. Но и въ этомъ отношеніи онъ не былъ ни особенно заботливъ, ни настойчивъ. Самая большая часть труда принадлежитъ Теофилакту, Поликарпову и Лихудамъ. Никого изъ нихъ мы не смѣемъ заподозривать въ неблагонамѣренности: напротивъ они трудились съ горячностью, достойною лучшей похвалы. Въ Государственномъ архивѣ есть нѣсколько писемъ Поликарпова къ Мусину-Пушкину съ увѣдомленіями о ходѣ этого дѣла, и всѣ они въ пользу честнаго труда¹⁾. Если Библия не была напечатана при Петрѣ, то вина не ихъ.

¹⁾ Отъ 5 дек. 1716 г. Поликарповъ писалъ къ И. А. Мусину-Пушкину: «трудящихся, государь, въ Библии вашимъ писаніемъ я обнадежилъ; но многіе мои обѣты и увѣты въ недовѣріе ихъ введоша; а Библию истинно правимъ и читаемъ съ великимъ тщаніемъ и усердіемъ».

Впослѣдствіи, при новомъ пересмотрѣ Библии, исправители отнесли съ недовѣріемъ къ петровскимъ исправителямъ. Феофанъ совѣтывалъ перевѣрить всѣ ихъ поправки съ греческою Библиею, не весьма вѣруя исправительскимъ примѣчаніямъ. Но они этого не заслуживали.

Если мы сдѣлаемъ изъ этой полемики общіе выводы, то увидимъ, что авторъ Молотка всѣми доводами хочетъ доказать, что Стефанъ Яворскій есть іезуитъ и іезуитскій посланникъ,

Отъ 8 янв. 1716 г. «Библию священную начали мы и безъ отца Лопатинскаго читать, чтобъ поспѣшить; токмо господинъ Николай, по обычаю его, главною (да реку—хмельною) болѣзнію останавливаетъ. Уже не могу умолчать, чтобъ въ немъ не пострадать. Прикажи, государь, къ нему отписать съ пристрастіемъ, и чтобъ онъ былъ мнѣ послушенъ: своеглавенъ бо. — Феолага и Іосифа за чтеніе и письмо въ Библии милостію взыщи, ибо трудъ ихъ великъ».

Отъ 29 іюня 1716 г. «Священныя Библии начинаемъ читать 2 Паравипомоню».

Отъ 12 іюля 1716 г. Мусинъ-Пушкинъ къ Поликарпову: «вчерашняго дня царское величество изволило ко мнѣ писать о греченинѣ Анастасіи, которой живеть въ Москвѣ въ домѣ Саввы Рагузинскаго, чтобъ его призвать въ службу. Того ради сыщи его и говори, хочетъ ли онъ въ службу великаго Государя нашего и что будетъ просить въ годъ. И буде хочетъ и станетъ чего просить, о томъ отпиши ко мнѣ немедленно. А быть ему на печатномъ дворѣ у библейнаго дѣла и у другихъ».

Отъ 27 іюля 1716 г. Феофанъ къ Мусину-Пушкину: о библейномъ дѣлѣ и о Бароніи писалъ я къ вашему сіятельству, дабы изволили приказать то, что уже переведено, переписывать на печатномъ дворѣ. Но доселѣ приказа о томъ отъ вашего сіятельства не было, а потребно есть, понеже чернаго перевода не возможно мнѣ послать въ С.-Петербургъ и начать переписывать у меня некому».

Отъ 28 дек. 1716 г. Поликарповъ къ Мусину-Пушкину: «Служителямъ, государь, типографскимъ по твоему писанію полугодное жалованье выдать я приказалъ; однако-жъ я и дякъ еще не взяли, и просили меня о полномъ противъ прошлаго года, понеже, послѣ Николая, осталось то бремя на моей шеѣ, такъ въ книжномъ, какъ и въ библейномъ правленіи. На Николаево мѣсто изъ учителей школьныхъ никого нѣтъ, а хотя бъ и были, то не пойдутъ, ибо знаютъ ариметикою считать, что лучше въ школѣ брать на годъ по полутору мѣшку, нежели по полумѣшку у насъ. Однако-жъ я взялъ изъ греческихъ школъ трехъ человѣкъ учениковъ для притравки къ дѣлу и уповаю на Бога, что могутъ оныя у насъ при такомъ дѣлѣ быть; а нынѣ въ писцахъ двое, да чтець третій. — О Іовѣ старцѣ не изволь писать: пробавить Богъ и безъ нихъ. И взять его, только будетъ въ дѣлѣ спона. Видѣхъ бо я великаго Іова (и новгородскаго) плачуща отъ сего старца Іова. — Грекъ Анастасій въ типографское дѣло и школьныя науки не вступаетъ, кромѣ библейнаго чтенія, а за труды четырма (стами) не доволенъ, какъ признаваю, и хотѣлъ самъ от-

что онъ родился отъ униатовъ, учился у иезуитовъ и постриженъ въ монашество иезуитами, — что всѣ его намѣренія, дѣйствія и распоряженія клонились къ подчиненію русской церкви папѣ, или, по крайней мѣрѣ, къ распространенію и упроченію въ ней католичества, — что Петръ I, поручая ему патриаршее намѣстничество ошибся въ его убѣжденіяхъ и даже въ его гражданской честности; но потомъ распознавши его такимъ, каковъ онъ есть, лишилъ его своего довѣрія и, между прочимъ, не дозво-

---

лѣтьствовать письмомъ своимъ. А старика сіе слышавъ огорчились, что имъ за труды многіе мзда малая, и чаю, что впредь будутъ письмами отзываться. А и старикъ учитель проситъ награжденія и при семъ послалъ письмо просительное: какъ объ немъ повелишь, также и о прочихъ библиотрудникахъ, въ чемъ есть воистину и мое объ нихъ и о себѣ стараніе».

Отъ 7 марта 1717 г. Θεологъ къ Мусину-Пушкину: «яви, государь, мнѣ убогому работнику вашему премногое ваше милосердіе: вели, государь, за прошедшій 1716 въ библейномъ соглашеніи, купно съ отцами и учителями и справщиками двѣма человекѣи, читательный и въ правленіи писательный бывшій мой трудъ, въ пяти книгахъ 96 главъ имущихъ, яко же и прочимъ двумъ справщикамъ Ѳеодору Поликарпову и бывшему Николаю, жалованье выдать всецѣлое, кое они по вашему писанію съ начала того года впередъ вали тогда. А я не впередъ, но уже за прошедшій трудъ мой библейный, который явствуетъ чрезъ чтеніе и рукою моею писанный въ правленіи, прошу воздаянія. А впредь, государь, аще таковой въ чтеніи и правленіи библейный и писательный мой трудъ безмздовоздательнъ будетъ: мню, яко вашему сіятельству не угодно и прошу вашего милосердія, да повелиши мя Ѳеодору Поликарпову отъ оныхъ библейнаго и отъ типографскаго вседневнаго волокитяго безмздовоздательнаго труда свободна сотворити; понеже, государь, повсегда онъ къ обонимъ, паче иныхъ, принуждаетъ. А уже и глаза отъ оныхъ весьма тупѣютъ и изнемогаютъ; а ктому еще и воздаянія противу прочихъ лишеніе терплю; и кая, государь, будетъ отъ сего крѣпость и тѣпаніе? Истинно, государь, отъ всегорестныя души сіе мое докучное къ вашему сіятельству предлагаю прошеніе».

Отъ 2 апр. 1717 г. Поликарповъ къ Мусину-Пушкину: «въ Библіи священной, при помощи Вышняго, уповаемъ, при страстной Спасителя нашего седмицѣ, и книгу многострадальнаго Іова окончати, въ которой и мы не мало сострадали въ неудобствѣхъ сенса и въ несогласіи переводовъ. А о Ездриной послѣдней, также о Товимовой и Іудимовой книгахъ, чрезъ три письма мои прежде я доносилъ и добраго совѣта вашего общимъ гласомъ просили, но до днесь еще рѣшенія не получили. Прошу, государь, увѣдомленія о оныхъ— донесены ли».

Отъ 5 ноября 1717 г. «Библіи священныя вступаемъ, при помощи Божіи, въ пророчества, носяще на себѣ-жъ иго покойниковъ — учителя Іоанникія, Германа и Николая, утѣшаяся чашиемъ».

лигъ печать составленную имъ въ видахъ католической пропаганды книгу Камень Вѣры, извлеченную, сообразно съ своимъ назначеніемъ, главнымъ образомъ изъ католическихъ авторовъ.

Возражатель очень мало знакомъ былъ съ біографическими подробностями о Стефанѣ, чтобы противопоставить факты фактамъ: отъ этого подъ ногами у него нѣтъ твердой почвы. Не зная, что отвѣтить противнику, онъ либо заподозриваетъ его свидѣтельства, либо прямо осыпаетъ его бранью, какъ лжеца и клеветника. Но этотъ приемъ въ исторической критикѣ не имѣетъ цѣны. Да и нужно сказать, что хотя общая мысль Молотка невѣрна, но приводимые въ подтвержденіе ея многіе факты, разсматриваемые въ отдѣльности, не лишены историческихъ основаній.

Изъ этого однако-жъ не слѣдуетъ заключать, что авторъ Молотка совершенно правъ, обвиняя Стефана въ иезуитствѣ и въ недостаткѣ гражданской честности. Происхожденіе отъ униатовъ, воспитаніе и постриженіе у иезуитовъ, хотя имѣли большое вліяніе на образъ его мыслей, однако-жъ не сдѣлали его ни католикомъ, ни иезуитомъ. Присоединившись къ православной церкви и ставши сперва въ чинѣ, а потомъ и во главѣ ея пастырей, онъ дѣйствовалъ съ полною любовью къ Церкви, не только не склоняя ее къ католичеству, но отклоняя отъ него всѣми способами, какъ показываетъ, между прочимъ, отвѣтъ его сорбонскимъ богословамъ. Но когда народъ возбужденъ былъ движеніемъ протестантскихъ идей и многіе увлечены были пропагандистами протестанства, Стефанъ, обличая и опровергая ихъ, естественно становился на католическую точку зрѣнія, такъ какъ протестанство возникло изъ отрицанія католичества. Для католиковъ борьба съ протестантами не новость; у нихъ уже выработаны были научнымъ образомъ спорные пункты съ лютеранами. Что-жъ удивительнаго, что Стефанъ, не имѣя ничего своего подъ руками, воспользовался готовыми средствами, какія представляла ему католическая ученость? Вообще наше богословіе, въ ту пору, когда жилъ и учительствовалъ Стефанъ, не имѣло еще опредѣленныхъ понятій о спорныхъ предметахъ между католиками и лютеранами, и было почти сплошь пересадкою католическаго богословія на русскую почву, исключая двухъ-трехъ существенно важныхъ пунктовъ,

которые уже поняты были, какъ разности, отличающія восточную церковь отъ западной.

Вообще оба противника вдалились въ крайности. Авторъ Молотка несправедливо укоряетъ Стефана и единомысленныхъ съ нимъ пастырей въ католичествѣ и въ намѣреніи ввести католическіе элементы въ русскую церковь. Защитники Стефана столько-же несправедливо укоряютъ протестанствомъ другихъ русскихъ пастырей, враждебно относившихся къ католичеству, католическо-богословской наукѣ и чрезмѣрному, доходившему до суевѣрія, уваженію къ внѣшней набожности, на счетъ живой вѣры и сообразной съ нею жизни. Это взаимное *недоразумѣніе* длится чрезъ всю эпоху борьбы двухъ направлений, начавшуюся съ реформами Петра и продолжавшуюся въ продолженіе всей первой половины прошлаго столѣтія. — Нельзя не признать также, что антагонизмъ передовыхъ *миз* въ томъ и другомъ направленіи имѣлъ большое влияніе на рѣзкій тонъ ихъ полемики и на раздраженіе ихъ послѣдователей. — Но ни та, ни другая сторона не выражала или не была представительницею собственно народныхъ стремленій. Мнѣнія автора Молотка раздѣлялись всѣми знатыми иностранцами въ Россіи, съ Остерманомъ во главѣ. Возраженія противника его, находя себѣ поддержку въ раздраженіи народа противъ реформы вообще и противъ преобладанія иностранцевъ въ особенности, не выражали собою убѣжденій и дѣятельно-выработанныхъ понятій цѣлаго народа, а были выраженіемъ возрѣвнѣй только той части его, которая пассивно шла по избитой тропѣ жизни и возмущалась всякимъ нарушеніемъ ея покоя, какъ бы оно ни было законно въ виду дальнѣйшаго развитія народа.

XXI.

Подметное письмо съ пасквилемъ на Теофана.

- 1) Подозрѣнія въ составленіи его на Аврамова и Родышевскаго. — Изверское свидѣствіе.

Въ половинѣ 1732 года, кажется въ іюлѣ мѣсяцѣ, явилось подметное письмо съ пасквилемъ на Теофана. Оно состояло изъ

двухъ частей: 1) изъ пасквиля, написаннаго на нѣсколькихъ листахъ и 2) вложеннаго въ него письма отъ папы къ новгородскому архіепископу Феофану. Письмо мы имѣемъ; а пасквиля нѣтъ. Но такъ какъ ему суждено играть большую роль въ нашей исторіи, то мы съ разныхъ замѣтокъ Феофанова разбора, опишемъ его примѣты, соберемъ разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ, въ допросахъ и обличеніяхъ, черты, показывающія его составъ и содержаніе.

Пасквиль начинается призваніемъ всей Россіи къ плачу: «о многобѣдная Россія, плачися, рыдай горько». Потомъ въ разныхъ мѣстахъ, сочинитель или, по выраженію Феофана, «пасквильникъ» нарекаетъ жалобы на отложеніе постовъ; говоритъ, будто нынѣ російская церковь, ради нашихъ грѣховъ, утѣсняется отъ западныхъ ересей; пишетъ обличительныя рѣчи на нерадивыхъ пастырей; нарекаетъ на употребленіе табаку (о чемъ упоминается съ самаго начала въ заглавныхъ стишкахъ); клевететь, будто російскихъ архіереевъ къ нѣкому недоброму послѣдованію принуждаютъ прещеніемъ изверженія, изгнанія, другихъ же страхомъ смертнаго наказанія; пространно, хотя, по выраженію Феофана, весьма глупо и безсовѣстно, плететь лая и укоризны на браки православныхъ съ иноземными; нестерпимымъ безстудіемъ клевететь, будто бы все приготовлено къ разоренію вѣры, и потомъ говоритъ: «тогда уже съ великимъ воплемъ восплачемся и возрыдаемъ горько, поюще пѣснь святыхъ трехъ отроковъ: благословенъ еси Господи, яко вся сія навелъ еси на насъ грѣхъ ради нашихъ». «За законы отеческіе оныя храбрые Маккавеи подвизахуся, Антиохову гордыню низложиша и вѣнцомъ мученичества украсишася». На смущеніе народа пасквильникъ вымысломъ показываетъ, будто крайнее отъ сборовъ народа разореніе. Притворяетъ плуть словеса прелестныя, которыми разныхъ чиновъ служители будто ласкательно тѣшатъ и веселятъ Государыню, сказуя, что все въ государствѣ счастьемъ ея величества исправно и легко. На помянутыхъ ея величества служителей лая и укоризны налагая, пасквильникъ говоритъ, будто они поставили лучше души своея—пищу и тѣла одежду и не въ Бога богатѣютъ,—рѣчь сію записывая отъ притчи онаго чревоугоднаго и о Бозѣ непомышляющаго человѣка, ему-же угобзися нива. Грозитъ плуть Го-

сударынѣ, если по умыслу ихъ не сдѣлаеть, гнѣвомъ Божіимъ: «вскорѣ, рече, отыметъ Богъ благословеніе свое отъ тебе и пролетѣтъ праведный гнѣвъ свой на тя». Пребезстудно клеветаетъ пасквильникъ, оглагольствуя Государыню, будто гнѣкии служители Божіи за благочестіе неправедно озлоблены суть, и въ нихъ самъ Богъ обидимъ есть, и абіе восклицаетъ: «Богъ — отмщеній Господь, Богъ отмыщеній не обинуяся есть». Авторъ пасквиля къ сочиненію виршиковъ, хотя весьма неправильныхъ, охотникъ, понеже лан своя и пачагъ и окончилъ виршиками, и на страницѣ 4-й много блазней виршиками изобразилъ. Надменья и высокія прибираеть рѣчи. Любитъ часто много прикладовъ изъ писанія и исторіи, такожъ изъ разныхъ писателей свидѣтельства употребляетъ. На страницѣ 9-й изъясняетъ бѣдность крестьянскую: «не знаютъ праздника, ни дня воскреснаго, ниже прибѣгнуть къ церкви Божіей».

Въ пасквиль вложено письмо, присланное будто бы изъ Рима отъ папы къ Теофану. Мы имѣемъ его въ полномъ видѣ: «Наимилному сыну нашему Ѡ. П., писалъ Бенедиктъ, зу ласки Божіей, папа стараго Рима, апостольскаго престола и нашей можности благословенство! Дзенкую за твое написаніе, полученное въ Римѣ 22 августа сего року, по которому извѣстихомся, аще и отъ союзниковъ нашихъ, что ты въ Россіи день отъ дла въ ласку царскую успѣваешь, и уже на мѣстѣ кардинала застѣдаешь. Притомъ прошу, милый сыну мой, не zapomни обѣщанія своего, како входя въ школы наши, святому Петру и намъ клянуся за отческую свою вѣру поборать, на восточную же ратовать. Разсмотри, коханый мой, лучше не обѣцатися, нежели обѣщавшу не исправятися. Нынѣ время благоприятно, нынѣ день надежды наша: ибо царь московскій отеческіе свои законы поломалъ и весьма преклоненъ въ нѣмецкіе законы. Сіе содѣяся чрезъ прилежное трудолюбіе добраго нашего союзника и всей западной церкви благодѣтеля, господина Лефорта, который, за молитвами святаго костела, въ великой тогда милости у государя московскаго былъ. И хотя едино противно костелу учинено, но изъ того всему западу потребность и доброе послѣшпеніе пропзыде: егда законную свою царицу нуждою послалъ до кляштора, а въ тоя мѣсто поялъ другую отъ исповѣданія лютерскаго; и за

просьбу тоя патриарху уже въ Россіи быть не велѣлъ; сына своего, отъ свободнаго рожденнаго, въ греческомъ исповѣданіи обученнаго, убилъ до смерти... Которыя три главизны въ настоящемъ дѣлѣ нашемъ великіе были помѣшатели: патриархъ свильный въ догматахъ, парица — едино тѣло, сынъ — естество любительное. Нынѣ же къ тому никто противу говорить не смѣетъ, ибо ясно слышимъ, что оный государь вѣрнаго своего служителя, нашего благодѣтеля, господина Лефорта, вписалъ въ вѣчнодостойную себѣ жалость и прошеніе его содержать въ неусыпной памяти, паче же другой жены своей, чрезъ которую отеческіе ему уставы тако омерзѣли, что ни слышати про тѣхъ хоцетъ. А понеже улюбилъ лютеранскую вѣру, того ради и жестокаго греческаго правила, на посредствѣ нашего исповѣданія легко удержать возможно. Гнусно бо намъ еще едино, какъ слышимъ, что злѣйшіе наши непріятели, патриархи восточные, въ Россіи изъ диптиковъ церковныхъ еще не выключены. Ты же пребывай и успѣвай, въ немъ же наученъ еси: потщися извѣстно твое званіе сотворити, да будетъ твое слово солю растворено. Здравствуйте. Писано въ Римѣ, ноября въ 25 день 1718 року».

Откуда вышло это письмо? Какой былъ поводъ къ нему и кто его тайный авторъ? Поводомъ къ нему, кажется, было одно обстоятельство, на которое, указываетъ самъ Феофанъ въ одномъ своемъ доношеніи въ Кабинетъ или Императрицѣ, еще до появленія подметнаго письма, въ 1731 году. «Въ прошломъ 1730 году, въ осени — писалъ онъ — (когда уже ея императорское величество, изъ измайловскаго перешла въ новопостроенный въ Кремлѣ домъ) князь Кантакузинъ просилъ меня о ходатайствѣ къ ея величеству, чтобъ его заступитъ благоизволила отъ нѣкихъ нападковъ бывшаго тогда посланника гиппанскаго Дуки Делириа. И тогда онъ, князь Кантакузинъ, сказывалъ свое бывшее бѣдство, каковое претерпѣлъ онъ съ матерію своею и съ другимъ братомъ въ Цареградѣ, гдѣ родитель его казенъ смертію, и въ побѣгѣ ихъ изъ Царяграда въ Италію. Приложилъ же и сіе, что бывши они въ Римѣ, просили папы Климента одиннадцатаго рекомендаціи къ цесарю римскому Карлу шестому о милостивомъ къ нимъ призрѣніи. И показалъ два письма папы онаго, посланныя къ нимъ въ Виенну, 1717 года, въ февралѣ мѣсяцѣ (нынѣ тому

прошло уже четырнадцать лѣтъ), въ которыхъ письмахъ папа имъ извѣствуетъ, что за ними у цесаря вкладается онъ, только бы они приняли римскую его вѣру. Се же князь Кантакузинъ предлагалъ для того, чтобъ сама ея величество преклонилась на милосердіе къ нему. И я ему совѣтовалъ, дабы просилъ о ходатайствѣ отца архимандрита троицкаго и тыя-жъ бы письма ему показалъ: что онъ и учинилъ. А потомъ, недѣлю спустя, пришедъ ко мнѣ помянутый посланникъ гишпанскій прощаться на путь свой, сказалъ: въ дому-де ея императорскаго величества говорятъ, будто отъ папы римскаго, чрезъ его посланниковы руки, подано письмо къ Теофану архіерею, о прельщеніи Руси на унию: и то-де произошло отъ князя Кантакузина. Узналъ я, каковымъ то погрѣшеніемъ, съ вышепомянутой повѣсти на новую ложную вѣдомость передѣлалось и помысливъ, не отецъ ли архимандритъ троицкій такъ ошибся, объявилъ я о томъ архіерею нижегородскому, прося его, дабы отцу архимандриту троицкому дѣло оное объяснилъ, оберегая его отъ вѣщшаго погрѣшенія, буде онъ ошибся. Но архіерей оный, возвратясь ко мнѣ, сказалъ, чего и разумѣть нельзя ¹⁾».

Стало быть еще въ бытность въ Москвѣ Дюка Лирійскаго, въ 1731 году, уже ходила молва о письмѣ папы къ Теофану. Теофанъ объяснялъ эту молву тѣмъ, что ему приписали письмо, писанное папою къ Кантакузину, въ которомъ онъ принималъ участіе. Замѣчательно, что и годъ подметнаго письма 1718-й очень близокъ къ тому же письму папы. Весьма вѣроятно, что этою молвою и воспользовался сочинитель подметнаго письма. Но для насъ, кромѣ того, важно то положеніе, которое принялъ въ немъ Варлаамъ. Когда Питиримъ, по порученію Теофана, приходилъ къ нему за объясненіемъ, то Варлаамъ «сказалъ, чего и разумѣть нельзя». Вѣроятно, Варлаамъ былъ уже на сторонѣ молвы о письмѣ отъ папы къ Теофану.

Содержаніе пасквиля было такъ обширно, что обхватывало почти всю петровскую реформу открытымъ порицаніемъ или косвенными намеками; но особенно рельефно выражалось сожалѣніе о патріаршествѣ, съ уничтоженіемъ котораго, по мнѣ-

¹⁾ Государств. арх. Дѣла Волконскаго, карт. VIII (св. II. № 5, л. 140).

нію неизвѣстнаго автора, пошатнулось самое русское православіе.

Кто-бъ были эти любители старины и поклонники скороненнаго патріаршества и, въ силу этихъ принциповъ или по личнымъ отношеніямъ, недоброжелатели и порицатели новгородскаго архіепископа? Теофанъ пустилъ въ ходъ всю изобрѣтательность своего ума, всю изворотливость своего полицейскаго таланта, чтобы напасть на слѣды этого заговора. Онъ всматривался во все— въ содержаніе пасквиля, то есть въ тѣ предметы, о которыхъ въ немъ говорилось, смотрѣлъ на идиотизмы или особые поговорки, употребленныя въ письмѣ, всматривался въ почеркъ письма; перебиралъ въ мысляхъ разныхъ лицъ, кто въ какихъ обстоятельствахъ находился. Первою мыслию его было, что этимъ письмомъ подарила его таже партія, которая подарила *Житіемъ*, — которая находилась въ связи съ Варлаамомъ, уже заявившимъ себя на сторонѣ письма отъ папы къ Теофану, и которая, наконецъ, показала сочувствіе къ Рибейрѣ. Но кто изъ этой партіи сочинилъ письмо — Родышевскій или Аврамовъ, или кто другой?

Такъ какъ Варлаамъ огражденъ былъ покровительствомъ Императрицы, то минуя его, Теофанъ обратился къ сообщникамъ Іоны — автора пасквилянаго жиггил и къ сообщникамъ Рибейры. Изъ первой партіи подозрѣніе его упало прежде всего на Аврамова, который фанатически относился къ петровской, особенно церковной реформѣ. Ктому-жъ до Теофана дошли слухи, что онъ содержится не очень строго, пересылаетъ письма къ разнымъ лицамъ (въ рукахъ у Теофана было письмо его къ Волкову) и ищетъ себѣ милостивцевъ между знатью. Если онъ самъ не былъ сочинителемъ письма, то принималъ въ этомъ дѣлѣ какое нибудь участіе, возбуждая подозрѣніе къ дѣйствіямъ правительства. Какъ бы то ни было, онъ рѣшился походить около Аврамова и поискать, не отсюда ли упало письмо. Все это онъ выставилъ на видъ Кабинету; а Кабинетъ отправилъ въ пверскій монастырь капитана гвардіи, Юрьева, снабдивъ его слѣдующей инструкціей: 1) ѣхать ему въ пверскій монастырь; 2) изслѣдовать тамъ, какимъ образомъ Аврамовъ содержанъ былъ, кто къ нему хаживалъ, были ли у него какіе пріѣзжіе, или хотя въ монастырѣ, во время со-

держанія его, и кто пменю; 3) обо всемъ томъ допросить всѣхъ старцевъ порознь, каждаго особливо и чтобъ подъ смертною казнью подписали; 4) всѣмъ старцамъ и самому архимандриту велѣть писать полууставомъ и прочее; 5) которые къ нему Аврамову хаживали, тѣхъ держать особливо; 6) его, Аврамова, допросить, гдѣ онъ извѣстное письмо писалъ, чтобъ объявилъ правду, и ежелибъ сказалъ, что на генеральномъ дворѣ, то обличить его тѣмъ, что Волкова тогда и на Москвѣ не было и писать было къ нему невозможно; 7) кто ему чернила и бумагу далъ и черезъ кого хотѣлъ послать письмо; 8) а потомъ привезъ его Аврамова самаго въ Петербургъ, такожде и тѣхъ, на которыхъ какое подозрѣніе явится.—Юрьевъ прибылъ въ иверскій монастырь 1 октября 1732 года и началъ слѣдствіе допросомъ архимандрита, братіи и караульныхъ солдатъ.

Иверскимъ архимандритомъ въ ту пору, какъ посланъ былъ туда Аврамовъ, былъ Филаретъ; но самъ ли собою, или по внушенію сверху изъ-за открывшейся слабости, онъ просился и уволенъ былъ на покой. На его мѣсто назначенъ изъ новгородскаго духовна монастыря архимандритъ Серафимъ. Въ прежней службѣ его для насъ важно то обетоятельство, что онъ былъ въ юрьевскомъ монастырѣ намѣстникомъ при Родышевскомъ и, конечно, былъ на виду у Теофана. При отъѣздѣ его въ иверскій монастырь, секретарь Теофана, Бухвостовъ, предостерегалъ его «генерально общимъ лицомъ», чтобы онъ въ томъ монастырѣ имѣлъ опасность и осторожность, понеже-де иверскій монастырь сталъ быть знатный и содержится въ томъ монастырѣ арестанты, то чтобы онъ съ ними въ оберегательствѣ поступалъ.

Между тѣмъ еще оставался въ иверскомъ монастырѣ и прежній архимандритъ Филаретъ; а потому съ него и начались допросы. Филаретъ показалъ: караульный того Аврамова, капралъ Козляковъ, доносилъ ему архимандриту, что Аврамовъ весьма боленъ и требуетъ отца духовнаго. Архимандритъ велѣлъ для исповѣди ядти іеромонаху Исаи, который у него Аврамова и былъ, и потомъ, пришедъ къ нему архимандриту, сказывалъ, что Аврамовъ требуетъ причастія, токмо онъ безъ доклада новгородскаго архіерея причастія дать ему не смѣстъ, потому что Аврамовъ

съ онымъ архіереемъ имѣеть ссору. Архимандритъ спрашивалъ іеромонаха: не говорилъ ли Аврамовъ какихъ непристойныхъ словъ, о чемъ духовникамъ при исповѣди въ чиновной книжкѣ повелѣно спрашивать? Іеромонахъ сказалъ, что не говорилъ.

Исаія показалъ, что какъ онъ, по архимандричьему приказу, пришелъ для исповѣди Аврамова, въ то время Аврамовъ былъ худъ, а о болѣзни сказалъ, что никакой въ немъ нѣтъ, токмо по закону христіанскому хочеть онъ исповѣдаться; и онъ того Аврамова исповѣдывалъ, и послѣ исповѣди говорилъ онъ Аврамовъ, что «архіерей новгородскій Феофанъ написалъ книжку не по нашему благочестію, о чемъ мы съ архимандритомъ Маркелломъ Родышевскимъ въ той книжкѣ ему спорили, и чрезъ тронцаго архимандрита ея императорскому величеству подали доношеніе, что-де онъ архіерей оную книжку сочинилъ неправильно». Исаія сказалъ: лучше-де было вамъ въ оныя дѣла не вступаться и молчать. Аврамовъ отвѣчалъ: какъ же за правду не вступаться? Потомъ просилъ, чтобъ его приобщить Святыхъ Таинъ. Исаія сказалъ, что «ты на преосвященнаго новгородскаго архіерея писалъ, и въ томъ отъ него прощенія и благословенія не получилъ, и за тѣмъ де тебѣ причастія святаго дать я не смѣю». Аврамовъ отвѣчалъ, что онъ тому архіерею зла не хочеть и завсегда за него Бога молить.

Капралъ Бѣляевъ и солдаты, которые стояли у Аврамова на караулѣ, показали, что къ Аврамову допущенъ былъ служитель иверскаго монастыря Титъ, котораго Аврамовъ просилъ, какъ онъ будетъ въ Москвѣ, сходить къ женѣ его, Аврамова, и сказать, что онъ живъ, и чтобъ прислали къ нему денегъ. Карaulные солдаты признались, что Аврамовъ говорилъ, чтобъ упомянутый Титъ женѣ его сказалъ, чтобъ она объ немъ была человекомъ. Въ августѣ-жъ де мѣсяцѣ 1732 года просилъ онъ Аврамовъ каменщика Щапа, чтобъ онъ принесъ къ нему чернилъ и бумаги. Щапъ, по просьбѣ его, того-жъ дня принесъ ему листъ бумаги и чернилъ. Аврамовъ написалъ письмо къ Алексію Волкову о заступленіи его, въ которомъ письмѣ назначилъ двухъ сенаторовъ и просилъ Щапа, чтобъ онъ сыскалъ — съ кѣмъ то письмо къ Алексію Волкову послать. Аврамовъ просилъ его, чтобъ онъ провѣдалъ объ Алексѣѣ Волковѣ, гдѣ онъ обрѣтается? Щапъ,

спустя послѣ его просьбы нѣсколько дней, сказалъ ему Аврамову, что Волковъ взять по прежнему въ С.-Петербургъ, — по которымъ его словамъ онъ Аврамовъ вышеупомянутое письмо къ нему Волкову и писалъ. Въ апрѣлѣ или маѣ того-жъ года просилъ онъ, Аврамовъ, Щапа, чтобъ сыскать, съ кѣмъ ему послать въ Москву письмо къ женѣ. Щапъ сказалъ ему, что ѣдетъ въ Москву іеромонахъ иверскаго монастыря Авраамій. Аврамовъ написалъ письмо къ женѣ своей, въ которомъ просилъ, чтобъ она послала въ С.-Петербургъ человека и велѣла просить о заступленіи его, Аврамова, у своихъ благодѣтелей. Съ нимъ же Аврааміемъ послалъ два письма къ Алексію Макарову и третье къ Алексію Волкову о заступленіи его Аврамова. Да прошедшей зимой сказывали ему монастырскіе караульщики, что пріѣзжала въ иверскій монастырь дочь его, Аврамова, Александра, жена гардемарина Никиты Кожина; токмо ее къ Аврамову не допустили, и онъ ее не видалъ.

Къ помянутому отцу своему духовному, іеромонаху Исаин, и къ другимъ іеромонахамъ, кто литургію служивалъ, посылавалъ караульныхъ, чтобъ за здоровье ея императорскаго величества и за фамилію на проскомидіи вынимать изъ просфоръ части; а оное чинилъ онъ, Аврамовъ, по христіанской своей должности, желая ея императорскому величеству и фамиліи здравія, и чтобъ тѣмъ умилоствитъ Бога, дабы ея императорское величество сотворила надъ нимъ Аврамовымъ милость. Лѣтомъ онъ Аврамовъ съ капраломъ Козляковымъ, со Щаломъ и другими караульными, въ разныя времена, раза три или четыре, ходилъ въ баню, которая внѣ монастыря на монастырскомъ острову саженьхъ въ тридцати отъ монастырскихъ воротъ.

Иверское слѣдствіе пока ни къ чему ни привело.

2 Грекъ Серафимъ Аріонъ.— Аресты Евонія Коллети и Платова Малиновскаго.

Въ началѣ 1732 года случилось обстоятельство, повидимому совершенно случайное, между тѣмъ оно имѣло вліяніе на дальнѣйшій ходъ разсматриваемыхъ событій, потому что открывало еще новыхъ противниковъ Оеофана въ другомъ лагерѣ.

Въ 1638 году въ Женевѣ изданъ былъ Новый Заветъ на народномъ греческомъ языкѣ, съ предисловіемъ константинопольскаго патріарха Кпрілла Лукарпса (липеннаго, потомъ, патріаршества по подозрѣнію въ наклонности къ лютеранству). Но такъ какъ всѣ экземпляры этого изданія сгорѣли на кораблѣ, на которомъ везены были въ Константинополь, то заботу о новомъ изданіи взялъ на себя греческій священникъ Серафимъ Аріонъ, который въ 1703 году издалъ Новый Заветъ въ Лондонѣ, при пособіи тамошняго правительства. Въ предисловіе къ этому изданію внесено было много такого, что не понравилось константинопольскому патріарху; а потому изданіе подвергнуто было церковному запрещенію и почти всѣ экземпляры его сожжены на патріаршемъ дворѣ. Наконецъ, въ 1710 году, прусская королева Софія-Луиза приняла на свои издержки третье изданіе Новаго Завета на народномъ греческомъ языкѣ, которое и сдѣлано было въ Галле извѣстнымъ богословомъ Франкіемъ, при содѣйствіи Иос. Нейманна и *Диверія Коллети*. Множество экземпляровъ этого изданія отпращено на Востокъ, гдѣ они раздавались безденежно грекамъ ¹⁾.

Греческой іерархіи не нравились эти изданія. Въ защиту ся выступилъ одинъ молодой грекъ, получившій высшее образованіе въ Англіи, но имени Александръ Гелладій. Въ 1714 году онъ издалъ сочиненіе, подъ заглавіемъ: *Status praesens Ecclesiae Graecae, in quo etiam causae exponuntur, cur Graeci moderni Novi Testamenti editiones in graeco-barbara lingua factas acceptare recusent* ²⁾. Гелладій очень близко зналъ Серафима и описалъ его

¹⁾ Pauli Ernesti Jablonski, Institutiones historiae christianaе, t. III. p. 173.

²⁾ Гелладій посвятилъ свое сочиненіе Петру I и приложилъ къ нему портретъ этого государя, съ греческимъ четверостишіемъ. Сочиненіе раздѣлено на 19 главъ, изъ которыхъ для нашей цѣли важны 16-я—о грекѣ Серафимѣ и 19-я—о комментаріяхъ Диверія Коллети въ галльскомъ изданіи Новаго Завета. Впрочемъ сочиненіе это не заслужило большаго довѣрія въ ученой Европѣ.

жизнь со всею подробностію, съ явною цѣлію набросать на негъ тѣнь, а вмѣстѣ съ тѣмъ заподозрить и его изданіе и оправдать образъ дѣйствій константинопольской іерархіи, запретившей это изданіе. Ливерія, принимавшаго участіе въ изданіи 1710 года, онъ зналъ, повидимому, не такъ близко, однакожь сообщаетъ и о немъ нѣсколько важныхъ свѣдѣній. Для насъ, въ настоящемъ дѣлѣ, весь интересъ сосредочивается на лицѣ Евѳимія (Ливерія) Коллетти. Въ связи съ описываемыми дѣлами, на судьбу его имѣла вліяніе исторія вышепомянутаго грека Серафима, окончившаяся весьма печально въ 1732 году.

Въ январѣ этого года, при высочайшемъ именномъ указѣ, присланъ былъ къ Теофану «нѣкоторый греченинъ Серафимъ», прибывшій въ С.-Петербургъ изъ Стокгольма. Теофану приказано было допросить его и рассмотреть найденныя у него письма. Теофанъ составилъ, для этого слѣдствія, комиссію, подъ своимъ предсѣдательствомъ, изъ синодальныхъ членовъ Евѳимія Коллетти и Платона Малиновскаго. Комиссія составила вопросные пункты и потребовала на нихъ отвѣта у Серафима. Вопросные пункты показываютъ, съ перваго взгляда, что Серафимъ былъ уже извѣстенъ членамъ комиссіи. Серафимъ принужденъ былъ дать очень подробныя показанія, по которымъ мы и можемъ прослѣдить за нимъ съ начала и до конца его жизни. Кромѣ того, передъ нами находится сочиненіе Гелладія, съ подробною біографіею Серафима. Независимо отъ другихъ свѣдѣній, бывшихъ поводомъ къ его аресту, комиссія также руководствовалась этимъ сочиненіемъ въ вопросахъ греческаго священника.

Серафимъ показалъ, что онъ родомъ грекъ съ острова Митилены, въ мірѣ назывался Степанъ Ивановъ Погонать; первое образованіе получилъ на родинѣ; потомъ, для дальнѣйшаго ученія, отправленъ былъ въ Константинополь, гдѣ былъ у него вліятельный родственникъ, патріаршій архидіаконъ. Здѣсь посвятили его

Въ «*Conspectus reipublicae litterariae, Neumannii, 1758 an. ed. VI Hannoverae, p. 282, о немъ замѣчено: «De hodierno litterarum statu in Ecclesia Graeca edidit anno 1714 Alexander Helladius singularem librum. Sed Graeculum hunc egegie esse mentitum, non solum ex contraria relatione Turnefortii (Acta Erud. 1719, p. 197, 201) aliorumque apparet, sed separatim etiam demonstravit Io. Matthias Gesnerus. (In Miscell. Lipsiae T. II, Obs. 80 et 50).*

въ діаконы и оставили въ патриаршей школѣ. Но онъ оставался тамъ не долго. Въ концѣ 1695 года константинопольскій патриархъ Каллиникъ отправилъ отъ себя посольство въ Москву къ Государю съ поздравленіемъ по случаю взятія Азова. Серафимъ назначенъ былъ въ это посольство въ качествѣ секретаря. Впрочемъ Гелладій передаетъ это нѣсколько иначе. Онъ говоритъ, что Серафимъ украдъ патриаршую печать и, сдѣлавши съ нея снимокъ, при помощи ея написалъ себѣ нѣсколько фальшивыхъ рекомендацій и отправился съ ними въ Москву. Съ помощію той же печати онъ выдалъ себя за священника, тогда какъ не имѣлъ никакого церковнаго сана; но владѣя этою печатью, онъ могъ выдать себя не только за священника, но даже за митрополита.

Въ Москвѣ онъ представлялся Государю и патриарху. Но какъ Государь отправлялся вслѣдъ за тѣмъ за границу, то, по рекомендаціи патриаршей, взялъ и его съ собою. Въ Нарвѣ Серафимъ заболѣлъ и отсталъ отъ государевой свиты; но, выздоровѣвши, настигъ ее въ Амстердамѣ. Изъ Амстердама, вмѣстѣ съ государевой свитой, прибылъ въ Англію, гдѣ и продолжалъ свое образованіе. Года черезъ полтора онъ вернулся въ Константинополь. Но бродячая жизнь уже вошла въ его кровь. Черезъ полгода онъ отправился въ Венецію «видѣть тамошнія академіи», изъ Венеціи во Францію, Лузитанію и наконецъ опять въ Англію, гдѣ пробылъ около пяти лѣтъ. Въ эту-то бытность въ Англіи онъ и издалъ Новый Заветъ. «А то изданіе — показывалъ онъ — не я своею волею зачиналъ, но по совѣту архіепископа филиппополитанскаго Неофита, бывшаго тогда въ Англіи. Въ 1702 году, когда Неофитъ привелъ меня къ архіепископу кентерберійскому, чтобы я увидѣлъ короля Вильгельма, на престолѣ сидящаго (которое его засѣданіе было уже послѣднее), въ то время тамъ же, въ парламентъ въ верхней палатѣ, ожидая королевскаго прибытія, говорилъ мнѣ архіепископъ кентерберійскій, что много должны англичане грекамъ, потому что отъ нихъ и науку и вѣру приняли; того ради въ семь времени въ бѣдности, въ которой греки обрѣтаются, должны взаимно мы имъ дать хотя Слово Божіе, которое отъ нихъ мы взяли, на собственномъ ихъ языкѣ. И такъ мы его благодарили; а Неофитъ сказалъ мнѣ, что за тобою теперь дѣла никакого нѣтъ, мо-

жешь оное исправить и перемѣнить турецкія и италіянскія рѣчи, чтобъ всѣмъ грекамъ внятно было. Нѣсколько дней спустя догворился я съ типографщикомъ, купилъ бумаги на свои деньги и довелъ до половины Евангелія Луки. Но въ это время случилась смерть короля англійскаго и тогда архіепископъ кентерберійскій прислалъ ко мнѣ своего секретаря и сказалъ, что онъ не можетъ обѣщаніе свое подтвердить, потому что король умеръ. Но вспоможеніе учинили добрые друзья и до конца оный Завѣтъ привели, особливо же къ сему помогли докторъ Микенъ, капелланъ принца Георгія, брата короля датскаго, да Людольфъ юнѣйшій франко-фуртскій».

«Въ ту же бытность въ Лондонѣ онъ получилъ нарочно посланнаго съ письмами отъ Присяжной Компаніи (которая состояла въ призываніи европейскихъ государей къ освобожденію грековъ отъ турковъ) къ королевѣ тогдашней англійской Аннѣ, у которой съ тѣмъ посланнымъ и былъ на секретной аудіенціи и получилъ обнадеживаніе въ помощи». Но Гелладій говоритъ, что ни этой компаніи, ни порученій Серафиму отъ кого бы то ни было о ходатайствѣ передъ европейскими правительствами, вовсе не было, а что онъ, Серафимъ, пользуясь тою же печатью, составлялъ разныя бумаги для корыстныхъ цѣлей.—Потомъ онъ прибылъ въ Голландію—это показаніе Серафима. Но по разсказу Гелладія, въ Лондонѣ онъ позванъ былъ въ судъ за одно очень дурное дѣло и ночью, обривши себѣ бороду, бѣжалъ изъ Лондона. (*Accusatus enim criminis violentiae virginis, nondum decem annorum intentatae*). Серафимъ въ комиссіи долженъ былъ сознаться въ преступленіи, которое сдѣлалось нечестно-гласнымъ. — Но мы будемъ слѣдовать порядку его показаній.

«Въ Голландіи, по рекомендаціи россійскаго посла графа Матвѣева, онъ былъ у тамошняго министра, съ такимъ же ходатайствомъ, какъ и въ Англии, и получилъ такое же обнадеженіе. Матвѣевъ отправилъ его съ вице-адмираломъ Крюсомъ въ Россію. 6 августа онъ прибылъ въ Нарву, гдѣ сдѣлалъ то же представленіе вице-канцлеру графу Головину и получилъ государевъ отвѣтъ: «что учинятъ прочія потенціи, я болѣе учинить обязуюсь». Изъ Нарвы, на коштѣ его величества, прибылъ въ Москву, гдѣ и дожидался прибытія Государя. Въ то же время прибылъ туда Ме-

еодій, митрополитъ ессалоникскій, съ такими же предложеніями, которыя сдѣлалъ на публичной аудіенціи въ домѣ графа Головина, въ присутствіи Головкина, Зотова, Мусина-Пушкина и митрополита Стефана и получилъ тотъ же отвѣтъ».

Въ эту бытность въ Москвѣ Государь спрашивалъ у него чрезъ Стефана: надобно ли перекрещивать лютеро-кальвиновъ или нѣтъ? «Мое мнѣніе о семъ не сильно — отвѣчалъ Серафимъ — но есть въ канонахъ вселенскаго собора 3-го ефесскаго: которыхъ надобно окрещивать и которыхъ не надобно» («не ефесскаго — замѣтилъ Еофанъ — и не 3-го, но 2-го вселенскаго, который былъ въ Константинополѣ»). Въ другой разъ онъ предлагалъ о способѣ обращенія идолопоклонниковъ подъ державою его величества и получилъ отвѣтъ: «надо поговорить съ Рязанскимъ». Наконецъ — третій случай — вручилъ его величеству аполוגію эіопскаго императора Давида, напечатанную въ Парижѣ на латинскомъ и эіопскомъ языкахъ: Государь отдалъ ее Рязанскому для перевода.

Серафимъ нажилъ себѣ въ Москвѣ хорошее состояніе. «*Hi enim homines (Moscovitae) — пишетъ Гелладій — nimiam ob amorem, quo Graecos prosequuntur, largiosa elemosina hujusmodi homines onerare solent*». Онъ просилъ себѣ у Государя греческій монастырь въ Москвѣ, но за военными походами Государю некогда было войти въ его дѣло.

Этимъ не кончились сношенія его съ Россіей. «Въ 1714 году — продолжаетъ онъ — посланы мы были въ Европу и Эіопію, больше сорока человекъ, ко всѣмъ потентатамъ европейскимъ и эіопскимъ, о союзной единодушной компаніи грековъ, а я чрезъ Средиземное море въ острова Циклады и Спорады, въ чинѣ экзарха, для расположенія дани и распорядженія союзниковъ, какъ имъ надо поступать, чтобы не впасть въ подозрѣніе у турковъ; оттуда въ Пелопоннесъ, изъ Пелопоннеса въ 1715 году въ Венецію. И предлагалъ я въ Сенатѣ, чрезъ канцлера венеціанскаго, о клятвѣ патріарха константинопольскаго на грековъ, которые вступаютъ въ венеціанскую службу, что онъ то учинилъ не отъ собственнаго произволенія, но принужденъ былъ то писать по приказу визирскому, подъ страхомъ смерти. Предлагалъ также о корабельщикахъ острововъ, которые охотно желаютъ служить республикѣ;

но они, откладывая мои предложенія со дня на день, говорили, чтобы предложилъ, когда коллегія перемѣнится; и, хотя перемѣнялась неоднократно коллегія, однако отвѣта не получилъ и отправился въ Вѣну, гдѣ услышалъ о взятіи турками Морен. (Слѣдователи спросили Серафима: «не было-ль въ это время на него какихъ подозрѣній?» Серафимъ отвѣчалъ, что «во время взятія отъ турковъ Морен (въ 1715 году) какой-то архимандритъ Серафимъ пойманъ былъ отъ венеціанъ въ измѣнѣ ихъ республикѣ къ туркамъ и повѣшенъ въ Неаполѣ, и пронеслось, что это онъ Серафимъ, а онъ былъ въ Вѣнѣ»). «Въ 1720 году прибылъ я изъ Вѣны въ Польшу, гдѣ десять лѣтъ жилъ подъ именемъ переводчика восточныхъ языковъ». («Правда ли—спрашивали слѣдователи—что ты имѣлъ свой домъ и жену въ Варшавѣ?» «По законному браку жены не имѣлъ, но токмо, поелику человекъ мірской, имѣлъ при себѣ домохозяйственницъ или служанокъ»). «И писалъ изъ Варшавы много разъ къ вице-канцлеру Головину, но отвѣта не получалъ. Потомъ въ прошломъ 1731 г. чрезвычайный посолъ Ягужинскій и посланникъ Бестужевъ приказали мнѣ ѣхать въ Москву и я поѣхалъ изъ Варшавы 1-го мая 1731 года въ Стокгольмъ, для коммерціи съ компаніею Балтическою, а оттуда въ С. Петербургъ для тѣхъ же предложеній, о которыхъ писалъ изъ Варшавы, именно о признаніи Іоанна Антонія Ласкаря Комнина Палеолога, по признанію двора папскаго, по порядку времени и линіи, и двора цесарскаго за законнаго наслѣдника римской имперіи, какъ явствуетъ изъ книги его, недавно изданной подъ заглавіемъ: анакефалеосисъ и изъ привилегій его автентическихъ, которыя при себѣ имѣеть и въ вѣчномъ союзѣ съ нимъ и о помощи грекамъ на морѣ».

Но въ показаніяхъ Серафима о его походженіяхъ былъ значительный пропускъ, именно о занятіяхъ его по отбытіи изъ Россіи въ 1705 году до 1714 года Коммиссія потребовала обстоятельныхъ показаній объ отношеніи его къ шведамъ, съ которыми Россія въ ту пору была въ войнѣ. «Послѣ полтавской побѣды—показалъ Серафимъ—когда Карлъ XII былъ въ Бендерахъ, то былъ отъ него въ Константинополь посланникъ Мартинъ Небуеръ (Нейгебауеръ, бывший въ Россіи учителемъ царевича Алексѣя Петровича) и просилъ визиря, чтобы его (Серафима) отъ англійскаго посла въ Константинополь, у котораго

былъ Серафимъ, отрѣшить и опредѣлить къ нему Небуеру; и былъ при немъ, а потомъ, послѣ него, при шведскомъ же послѣ, полковникъ Функъ; а когда король возвращался въ Швецію, то Функъ умеръ, а онъ (Серафимъ) при посланникѣ Гротъ Глуренѣ посланъ былъ отъ шведскаго двора въ Константинополь попрощаться отъ лица короля съ султаномъ, а потомъ былъ въ Демотики и отклонялся шведскому королю. Король звалъ его съ собою, но онъ отвѣчалъ: имѣли вы Гуго Гроція, который толь многія показалъ благодѣянія какъ въ Швеціи, такъ и во Франціи; потомъ, въ старости его, не имѣла нація частицы хлѣба къ пропитанію его, хотя онъ былъ и вѣры вашей, такъ что долженъ былъ ходить къ швейцарцамъ искать своего пропитанія (намекъ на неблагодарность шведовъ). (Феофанъ замѣтилъ, что Серафимъ показалъ невѣдѣніе о Гуго Гроціи, съ которымъ не то дѣлалось, что онъ говорилъ). Это было самымъ важнымъ изъ всѣхъ показаній Серафима. Оно то и было поводомъ къ его аресту. «Когда онъ въ С.-Петербургъ явился — писала коммиссія — тогда отъ разныхъ людей слухъ произшелъ, что онъ въ прошедшее шведской войны время русскому государству зложелательствовалъ; ибо бывъ не однажды въ Россіи и отъ блаженной памяти Государя императора Петра I немалыя благодѣянія получивъ, потомъ у короля шведскаго въ турецкомъ государствѣ секретаремъ служилъ и о томъ его императорское величество Петръ I-й былъ извѣстенъ и печально на плута сего нарекалъ. И о семъ нынѣ ея императорское величество слыша указать изволила какъ о состояніи его, такъ и о причинѣ его пріѣзда въ С. Петербургъ изслѣдовать, наипаче и для того, что онъ и въ сіе время изъ Стокгольма пришелъ сюды».

Положеніе Серафима и образъ дѣйствій его довольно обозначились изъ его показаній: ясно, что это былъ шпионъ, продававшій себя всякому правительству: — венеціанскому, турецкому, шведскому. Къ этому присоединилось нѣсколько побочныхъ обстоятельствъ о царскомъ происхожденіи, какое онъ себѣ усвоилъ и о его церковномъ званіи и служеніи. Серафимъ выдавалъ себя за потомка греческой императорской фамиліи. «Объявляетъ себя — писала коммиссія — аки бы фамильнымъ прозваніемъ Погоната, т. е. брадатый, какое имѣлъ Константинъ, императоръ греческій, правнукъ Иракліевъ, умершій 685 года, и причтаетъ себя къ цар-

скому роду; но это прозваніе было собственное одного императора, который пошелъ на войну въ Сицилію безъ бороды, а возвратился съ бородою, за что народъ и прозвалъ его *бородатый*, а къ потомкамъ то прозваніе не перешло: да и самъ онъ такъ не писался, понеже и вина прозванія не важная была, какъ и сынъ его Юстиніанъ Ринотметъ (безносый) не писался Ринотметомъ; какъ родъ Михаила Бальбы (прозваннаго такъ за рѣчь его несвободную) не писался Бальбою». По этому же праву происхожденія онъ назывался и писался экзархомъ спорадскихъ и цикладскихъ острововъ на Эгейскомъ морѣ и всего Средиземнаго моря. — Наконецъ также странно обозначалось его церковное званіе и служеніе. Гелладіи пишеть, что, не имѣя никакого церковнаго чина, онъ совершалъ литургію въ Парижѣ, въ уніатской греческой церкви. Коммиссія спрашивала: гдѣ онъ совершалъ литургію и въ какихъ ризахъ и на какихъ сосудахъ? Серафимъ отвѣчалъ, что онъ служилъ въ греческомъ храмѣ, гдѣ служатъ греки православные, греки схизматики и греки уніаты. Теофанъ нашель страннымъ показаніе о храмѣ, имѣющемъ подобное назначеніе, и эту классификацію Грековъ на православныхъ, схизматиковъ и уніатовъ и не зналъ чему приписать ее. «Гдѣ онъ бралъ ризы и сосуды?» «Потиръ и дискосъ нашель тамъ, а звѣзду имѣлъ съ собою. вмѣсто фелоня употреблялъ римскій плювіалъ, а подризникъ и епитрахиль имѣлъ съ собою». «Вранье чудное. Если не имѣлъ потира и дискоса, то зачѣмъ возить съ собою звѣзду? Если имѣлъ подризникъ свой и епитрахиль, то для чего не имѣлъ и фелоня, будто бы на фелонь, потиръ и дискосъ нужно особья подводы нанимать». *Patibulo dignus*—говорить Гелладій—*non sancto habitu fuit hic homo*.

По окончаніи слѣдствія, коммиссія представила мнѣніе о Серафимѣ, какъ человѣкѣ весьма подозрительномъ къ шпіонству. «Мы спрашивали о немъ — прибавила она въ своемъ донесеніи — графа Бодиса и доктора Миніята, которые оба греческой націи, и его превосходительства Саввы Владиславлевича и всѣ они сказали тоже, припоминая воровства его. А что будто онъ — полномощный делегатъ всей греческой націи и собираетъ по Европѣ охотниковъ въ союзническое ополченіе на турка для осво-

божденія грековъ изъ-подъ турецкаго ига, и то все сущее плутовство». 7 іюля 1732 года, по докладу Тайной канцеляріи, состоялся высочайшій указъ: «онаго Серафима за то, что онъ по слѣдствію признанъ нынѣ къ шпіонству и къ немалому плутовству, послать въ Сибирь въ охотскій острогъ».

Серафимъ, для нашего изслѣдованія, лицо стороннее и случайное. Но процессъ его открылъ глаза Феофану на его ближайшихъ недоброжелателей, обнаружилъ побужденія, которыми руководствовался Евѣмій Коллети, вступая въ связь съ Рибсѣрой. Виновникомъ этого открытія былъ Гелладій. Оправдывая грековъ въ томъ, что они не принимаютъ изданій Новаго Завѣта на народномъ языкѣ, Гелладій разсматриваетъ всѣ три изданія — женевское, лондонское и галльское и, перечисляя различные недостатки ихъ, говоритъ, что женевскій издатель (Максимъ Калиполитанскій) не зналъ греческаго языка; лондонскій (Серафимъ) предпослалъ тексту предисловіе, оскорбительное для константинопольскаго патріарха и греческихъ епископовъ; наконецъ галльскій (Франкій) присоединилъ къ тексту примѣчанія или комментаріи *дона Ливерія Коллетти*, при недостаточномъ знаніи греческаго языка, направленные въ пользу католичества.

Кто такой донъ Ливерій Коллети? Откуда это — *донъ* — у грека? Откуда эта фамилія не греческая? Ливерій и не видывалъ Греціи, совершенно не знаетъ греческаго языка, не умѣетъ даже своего имени подписать правильно. *En tibi Graecum scilicet, qui ne quidem nomen suum scribere novit. Constat igitur, Colletum nostrum non solum in Italia et natum et educatum fuisse, verum nec limites quidem Graeciae, nedum Athenas vidisse.* Ясно, что нашъ Коллети не только родился и воспитывался въ Италіи, но никогда не видалъ береговъ Греціи и Аѳинъ. У него всѣ обычаи католическіе. Онъ наполнялъ домовую церковь графа Платона Мусина-Пушкина рѣзными образами, такъ что князь вынужденъ былъ замѣтить ему, что это римскій обычай, противный Церкви православной. Тотъ же князь говорилъ ему, чтобы онъ, входя въ церковь, не становился на колѣни предъ престоломъ, сложивши руки на груди по католически, и грозилъ удалить изъ своего дома, если онъ не оставитъ этого обычая. Но Коллети не могъ скоро отстать отъ стараго обычая и постоянно возвращался къ нему.

Nonnulli nebulones non aliam ob causam Graecum induunt nomen, quam ut majorem benevolentiam atque honorem exterorum adipiscantur.

Гелладій посвятилъ цѣлую 19 главу своей книги комментарійъ Коллети на Новый Заветъ. По словамъ его они направлены въ пользу католичества. Между прочимъ онъ приводитъ одинъ перифразъ, прямо искажающій смыслъ священнаго текста въ пользу католическаго догмата объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына; именно въ 1-мъ посланіи къ Кор. глав. 2. стих. 16. «Мы же имѣемъ Духа Святаго, который есть Христовъ». — «Какой языкъ — заключаетъ Гелладій — можетъ выразить всю крайнюю горестъ, которою я былъ убитъ, когда увидѣлъ, что всемилющѣйшая государыня Софія Луиза, наша госпожа и покровительница, погубила столько издержекъ безъ всякой пользы для моего народа. Вина этого самую значительною долею должна упасть на дону Ливерія Коллети, который, изъ-за гнусной корысти, обманулъ надежды и довѣріе почтеннѣйшаго Франкія, такъ что онъ жаловался мнѣ на него съ величайшею скорбію, но было уже поздно».

Меньше, чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ ссылки Серафима, именно 10 августа (1732 г.) арестовали Евѣимія; а вслѣдъ за нимъ, 12 августа Платона. Изъ Москвы, кромѣ того, взяли въ Тайную канцелярію законоспаскаго архимандрита Софронія Мигалевица, ученика богословія Красильникова, іеродіакона Скрыпицына и Евѣиміева келейника — Якова Вязьмина. По связи лицъ ясно, что дѣло пошло о Рибейрѣ.

Книга его издана была на латинскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: *Responsum antapologeticum*. На заглавномъ листѣ показано, что она напечатана въ Вѣнѣ въ 1730 году. Въ Москвѣ первый экземпляръ ея оказался у Евѣимія. Гдѣ онъ взялъ его, осталось неразъясненнымъ. Самъ онъ показывалъ, что получилъ изъ испанскаго посольства. Но любопытны подробности о ея путешествіи по рукамъ русскихъ ученыхъ. Евѣимій далъ ее для прочтенія сперва архимандриту Платону Малиновскому, потомъ вологодскому епископу греку Аванасію Кондонди. Когда Евѣимій потребовалъ книгу назадъ, то Аванасій не возвратилъ ее, а сказалъ, что къ нему пріѣхалъ іеродіаконъ новгородскаго архіепи-

скопа Феофана Адамъ и ту книгу силой у него Аванасія отнялъ». Это было первое показаніе Аванасія. Послѣ онъ сознался, что самъ передалъ книгу Феофану.

Евѳимій принималъ участіе въ переводѣ книги на русскій языкъ; но Феофанъ полагалъ, что самое (будто-бы вѣнское) изданіе было русскаго происхожденія. Онъ догадывался, что книга издана въ Россіи и притомъ послѣ отъѣзда Рибейры изъ Россіи, т. е. послѣ 1730 года.

На первыхъ допросахъ у Евѳимія спрашивали: съ кѣмъ изъ чужестранныхъ министровъ и другихъ чужестранцевъ онъ имѣлъ обхожденіе и дружбу и по какому побужденію переводилъ книгу доминиканца Рибейры? Евѳимій отвѣчалъ уклончиво, что у него бывалъ только гишпанскій министръ Дукъ Делірій дважды, а съ нимъ были изъ чужестранцевъ три или четыре человѣка, а кто они были—не знаетъ; но слуга его сказалъ прямо, что съ Дукомъ были секретарь его и патеръ Рибейра, которые, кромѣ того, и одни прихаживали къ нему много разъ. «О переводѣ оной книги была ему просьба какъ отъ Рибейры, такъ и отъ чудовскаго архимандрита Феофила Кролика. Евѳимій въ ту пору спрашивалъ у Кролика о Рибейрѣ: что это за человѣкъ? Кроликъ отвѣчалъ, что онъ и самъ не знаетъ, но что онъ принесъ показать книгу Буддея противъ Камня Вѣры, напечатанную въ Іенѣ на латинскомъ языкѣ. При этомъ онъ спрашивалъ у Евѳимія: знаетъ ли онъ въ Іенѣ профессора Буддея? Евѳимій отвѣчалъ, что видалъ его въ саксонскомъ городѣ Але, только знакомъ съ нимъ не былъ. Послѣ того Рибейра спросилъ: знаетъ ли Буддей русскій языкъ? Евѳимій отвѣчалъ, что не знаетъ. Въ свою очередь онъ спросилъ у Рибейры: гдѣ онъ взялъ Буддееву книгу? Рибейра сказалъ, что купилъ въ Москвѣ въ Нѣмецкой слободѣ и, оставивши Евѳимію свой экземпляръ для прочтенія, просилъ возвратитъ поскорѣе, потому что онъ сочиняетъ въ отвѣтъ этому Буддею пункты. Послѣ того, пришедши къ нему, принесъ съ собою двѣ тетради, написанныя на латинскомъ языкѣ противъ Буддея и просилъ его Евѳимія, чтобы приказалъ перевести на русскій языкъ. Евѳимій отдалъ ихъ для перевода священнику церкви сорока мучениковъ, а тотъ принеся къ себѣ въ товарищи ученика Красильникова и іеродіакона Скрыпицына, съ которыми они обще и

переводили Рибейрины тетради. Рибейра говорилъ, что онъ хочетъ издать свою латинскую книгу съ русскимъ переводомъ и потому спѣшить этимъ дѣломъ, чтобы успѣть напечатать до отъѣзда изъ Москвы». Впослѣдствіи, уличенный слугою, Евѳимій сознался, что съ Рибейровыхъ тетрадей и самъ онъ переводилъ и поправлялъ переводъ вышепомянутыхъ переводчиковъ, но дѣлалъ это безъ всякаго умысла, токмо по одной ревности къ св. восточной церкви, потому что Буддей въ книгѣ своей сочинилъ многое ругательство церкви святой, а Рибейра, хотя не греческаго исповѣданія, на ту книгу много написалъ къ защищенію восточной церкви. — «Видѣлъ ли онъ, что Рибейра называетъ претендента Іакова истиннымъ англійскимъ королемъ»? Евѳимій отвѣчалъ, что не помнитъ и что это не его дѣло. — «Видѣлъ ли, что въ сочиненной Рибейрою книгѣ написано, будто Россійское духовенство склонно къ палежскому исповѣданію»? Евѳимій отвѣчалъ, что видѣлъ, токмо онъ и самъ вѣдаетъ, что папешская вѣра склонность имѣеть съ благочестивою вѣрою греческаго исповѣданія, а именно въ таинствахъ, въ иконахъ, въ постахъ и въ прочемъ. — Кроме того, найдена была переписка Евѳимія съ испанскимъ посольствомъ уже по отбѣгнѣ послѣдняго изъ Москвы. — Съ другой стороны явились обстоятельства, сближавшія Евѳимія съ нѣкоторыми изъ членовъ партіи, распространившей пасквильное житіе Теофана и подбросившей безыменное письмо. Теофану довольно было этого, чтобы не только привязать Евѳимія съ его сообщниками къ этой лигѣ, но въ тоже время выставить его шпиономъ, подкупленнымъ врагами Россіи, представить вождемъ партіи, которая въ связи съ вѣшными недоброжелателями Россіи, старается взволновать государство и совратить русскую церковь въ латинство.

Послѣ допросовъ Евѳимія, Теофанъ донесъ Государынѣ: «Что я о проявившемся нынѣ мятежесловіи примѣчаю, о томъ всепокорнѣйше доношу вашему императорскому величеству въ слѣдующихъ пунктахъ. Которой компаніи былъ бывший іеродиаконъ, что нынѣ разстрига Іона, нельзя помыслить, что не изъ той же компаніи или факціи были и доселѣ происходящіе подметы; понеже и матерія ихъ и намѣреніе одно, еще же и въ рѣчахъ согласіе. И потому еще того гнѣзда сверники сѣдять въ щеляхъ и посвистуютъ; а даль бы Богъ изыскать ихъ и прогнать. Вчера въ извѣстномъ

собрании грекъ чудовскій такъ мялся и шатался и самъ себѣ прекословилъ, говоря и отговаривая, что я не надѣюсь, чтобъ мощно сыскать подобное сему безстудіе: о чемъ донесутъ вашему величеству высокопочтенные министры. А я разсуждаю, что онъ и внутренней факціи членъ и внѣшней — шпионъ, лишь бы еще и ненаятый недешевою цѣною. Пишетъ къ нему иностранный секретарь въ словахъ весьма скрытныхъ, изъ чего знать, что пишетъ о дѣлѣ, которое свѣта боится: а онъ намъ подавалъ толки о таковыхъ дѣлахъ, о которыхъ скрытно говорить нѣтъ никакой нужды. Да и толки оныя, стоя при насъ, какъ видно было, придумывалъ, да такъ какъ бы въ огневицѣ. Сказалъ же и о Рибейровой книгѣ, что его стараніемъ переведена на русскій языкъ; а то дѣлано весьма тайно, а не знать, для чего бы тайно. Обрѣтается во оной книгѣ нареканіе на Россію въ томъ самомъ, въ чемъ нарекаетъ и подметная нынѣшняя тетрадка. А отъ сего видѣть мощно, что внѣшняя нѣкихъ иностранныхъ факція съ внутреннею злодѣевъ нашихъ компанією имѣетъ согласіе. Въ той же книгѣ англійскій претендентъ правильнымъ королемъ нарицается, къ поношенію настоящаго будто бы не законнаго. И понеже хотѣли книгу оную и на русскомъ языкѣ вашему величеству дедиковать: то кажется явно, что искали они сугубой себѣ отсюда пользы, чтобъ такъ и англичанъ именовъ русскихъ застращать, и народъ бы россійскій съ оною націею привести въ междуусобное подозрѣніе и недоброхотство. И сія причина была оную книгу переводить, а коварство требовало, чтобъ переводъ тотъ тайно дѣлался. Кратко сказать, ищутъ враги Россіи и внутренней болѣзни и внѣшняго бѣдства, а тому прояску служатъ и съ нашей стороны лица духовные и присяжные».

Придавши дѣлу такое огромное значеніе, Феофанъ этимъ самымъ взялъ въ свои руки и Тайную канцелярію съ Ушаковымъ и Кабинетъ съ высокосіятельными господами министрами. Онъ самъ велъ все дѣло этой интриги, безъ устали, до конца своей жизни. Можно сказать, что онъ истощился въ этой интригѣ, истратился въ этихъ судейскихъ мелочахъ, размѣнялъ свой огромный талантъ на мелкую монету и пускалъ его за безцѣнокъ въ игрѣ съ Ушаковымъ и его отъ гвардіи сержантами и унтеръ-офицерами. Жалкая трата великаго дара!

Чудовскаго архимандрита приказано отвезть въ крѣпость, а Теофану отъ Кабинета поручено написать объясненіе: «въ книгѣ противъ апологіи Буддеовой на книгу Камень Вѣры не имѣется ль противностей церкви православной вѣры греческаго закона и иныхъ неприличныхъ рѣчей къ лицу ея императорскаго величества и къ поношенію и укоризнѣ російской имперіи и тому подобныхъ». Отвѣтъ Теофана, поданный кабинетнымъ министрамъ, есть чрезвычайно хитрая вещь, рассчитанная на подозрительность Государыни и нелюбимыхъ русскими иностранцевъ. «Иностранныхъ въ Россіи мужей — писалъ Теофанъ — ругательнѣ нарицаетъ человѣчками или людишками и придаетъ, что русское государство ихъ питаетъ, а церковный законъ оными гнушается. Видно на кого онъ за пропитаніе иностранныхъ въ російскомъ государствѣ нарекаетъ! Презеса петербургской академіи злодѣйствомъ опорочивъ придаетъ сію рѣчь: «и то-де не дивно; понеже вси лютераны суть, что таковая ихъ правда и вѣра въ дѣлахъ гражданскихъ». Всѣхъ сплошь протестантовъ, — изъ которыхъ многое число честныя особы и при дворѣ, и въ воинскомъ и гражданскомъ чинахъ рангами высокими почтены служатъ — неправдою и невѣрностію помараетъ, изъ чего великопочтеннымъ особамъ немалое учинилъ огорченіе. Теофана, архіепископа новгородскаго, почтивъ титлою премудрѣйшаго, коварно порицаетъ склонностію къ протестантамъ за то, что онъ въ нѣкоемъ словѣ своемъ назвалъ Буддеа зѣло ученымъ человекомъ. Какъ сильно ученый былъ Буддей, всему ученому свѣту извѣстно; и таковымъ его славятъ и самыя ученые католики. Да Рибейра клеветникъ ставитъ въ вину — несогласныхъ въ исповѣданіи учеными называть. Мы многихъ и католицкаго собранія мужей, разными ученіи просіявшихъ, называемъ учеными, кромѣ таковыхъ, каковъ Рибейра мудрецъ. А Теофилактъ, тверскому архіепископу, сочинилъ похвалы слѣдующія: «Теофилактъ Лопатинскій, тверскій архіепископъ, премудрѣйшій въ школахъ и, по моему извѣстію, преострѣйшій богословъ, въ епархіи пребодрѣйшій пастырь, въ Синодѣ правдивѣйшій судія, во всей Россіи изъ духовныхъ властей прелюбезнѣйшій». Необычайная похвала, да еще тому, съ которымъ Рибейра, сколько мы вѣдаемъ, рѣдко когда и видался. Во утвержденіе того, что будто восточнаго исповѣданія люди благосклонны къ исповѣданію

римскому, пишетъ слѣдующее: «не исповѣмъ—рече—что въ Россіи случалось мнѣ и съ премудрѣйшими не малое число имѣть бесѣды, между которыми едва одного могъ бы я познать, что католикамъ онъ весьма противенъ. Мудріи греки не гнушаются латинами, но еще священнослуженія ихъ почитаютъ; яко же когда и самую я отправлялъ святую литургію въ великомъ монастырѣ троицкомъ: тогда тамо благоговѣйнѣйше предстоятъ архимандритъ со многими; о чемъ тысящекратно свидѣтельствовать буду». Не сумнѣваемся, что Рибейра какъ сіе, такъ и сего больше, по народамъ трубить хочеть, понеже то таковымъ мотамъ обычно и свойственно; только же я то намъ не сумнительно, что у благоразсудныхъ людей лживецъ сей нигдѣ себѣ вѣроятія не получитъ. Кто бо толь безстыдныхъ вракъ не пощюеть? Подлинно се не рядовое вранье». Въ заключеніе своего разбора Феофанъ пишетъ: «и тако по моему извѣстію является, что Рибейра своимъ или чужимъ намѣреніемъ, подъ видомъ добротной къ исповѣданію нашему защиты, насѣялъ многое число вредныхъ плевелъ, къ раздраженію иностранныхъ народовъ на російскій народъ и къ междоусобной внутренней въ народѣ російскомъ смутѣ. Приходитъ же мнѣ на мысль, что въ прежніе многіе годы, начиная съ 1700, въ Италиі и въ другихъ иноземныхъ странахъ, іезуиты и прочіе католическіе духовные учителя, разсѣвали непрестанно вѣдомости, будто бы блаженныя памяти государь императоръ Петръ I-й принимаетъ или принялъ съ римскою церковію соединеніе; и ложнымъ тѣмъ слухомъ какъ греческимъ, такъ и русскимъ восточнаго исповѣданія, людямъ не малое чинили въ вѣрѣ сумнительство. Сіе же воспоминавая, не могу не имѣть подозрѣнія, что не къ тому же ли намѣренію и рибейровы въ сей книжкѣ лжесоставныя объявленія устроены?»¹⁾

До 1734 года оба архимандрита, Евфимій и Платонъ, считались еще синодальными членами и, по указу Верховнаго Тайнаго Совѣта (1726) о членахъ неприсутствующихъ, получая половину своего штатнаго жалованья, были кое-какъ обезпечены въ необходимыхъ нуждахъ. Но въ 1734 году Синодъ назначилъ въ мо-

¹⁾ Отрывъ Феофана о книгѣ доминиканца Рибейры напечатанъ въ *Римско-лодскомъ дѣлѣ*, Спб. 1861 г. *Приложенія*, стр. 17—31.

настыри, на ихъ мѣста, другихъ архимандритовъ, а Государыня— въ Синодъ другихъ членовъ. Выдача жалованья имъ прекратилась: Въ маѣ 1735 года оба архимандрита прислали въ Синодъ доношенія, которыми просили выдать имъ что-нибудь въ счетъ имѣющихся у нихъ по монастырямъ пожитковъ, чтобы имъ «не умереть съ голоду и стужи». Синодъ выдалъ имъ, на крайнюю нужду, понемногу. Въ июнѣ Тайная канцелярiя предложила Синоду, что кабинетные министры и генералъ Ушаковъ приказали: содержащагося въ Тайной канцелярiи бывшаго чудова монастыря архимандрита Евфимiя Коллети, по касающемуся до него въ Тайной канцелярiи нѣкоему важному дѣлу, священства и монашества лишити, и просила прислать для этого дѣла надлежащую духовную персону. Синодъ командировалъ для этого, бывшаго при домѣ преосвященнаго Леонида, iеромонаха Герасима. Послѣ разстриженiя, Евфимiю приказано зваться по мiрскому — Елевое-риемъ Колетиемъ.

Лишенiе сана было только приготовленiемъ къ допросамъ и истязанiямъ. Къ дѣлу о переводѣ тетрадей присоединилось подозрѣнiе Теофана въ томъ, что самая латинская книга Рибейры издана Евфимiемъ. Для розыска этого дѣла еще въ 1732 году, Тайная канцелярiя взяла изъ Москвы въ С. Петербургъ директора московской синодальной типографiи Барсова. Независимо отъ его собственной вины по дѣлу пасквильныхъ тетрадей, въ немъ была нужда при слѣдованiи о Евфимiѣ. 1 ноября 1735 года сдѣлали ему допросъ въ присутствiи Ушакова и синодальныхъ членовъ — Пигирима и архимандритовъ чудовскаго Аарона и симоновскаго Амвросiя. Вопросы слѣдователей вертятся, главнымъ образомъ, около рибейриной книги. Имъ казалось, что книга напечатана въ Москвѣ или Ревелѣ, а не за границей, и что Евфимiй подкупленъ испанскимъ посломъ. Но первое онъ рѣшительно отрицалъ, а о послѣднемъ сказалъ, что даровъ за печатанiе книги ни отъ кого не получалъ; только при отъѣздѣ герцогъ лирийскiй далъ ему двѣ или три сткляницы деревяннаго масла.

Въ разспросахъ и очныхъ ставкахъ съ Барсовымъ открылось, однакожь, что Ливерiй приказывалъ Барсову именовъ св. Синода доставить къ нему изъ типографiи латинскiя литеры, но потомъ вскорѣ возвратилъ ихъ, объявивши, что они не нужны

что для печатанія книжицы прійскано другое мѣсто. По этому поводу онъ разсуждалъ съ Барсовымъ, что въ ревельской типографіи по латынѣ чисто печатають. Ливерій отстранялъ это показаніе тѣмъ, что, спрашивая о литерахъ, онъ разумѣлъ печатаніе синодскаго букваря; но Барсовъ показалъ прямо, что рѣчь была о рибейриной книгѣ. Платонъ Малиновскій на допросѣ и очной ставкѣ съ Ливеріемъ также показалъ, что какъ будто слышалъ отъ Колетія, что эта книга напечатана въ С. Петербургѣ.

Въ видахъ разъясненія этого дѣла, Феофанъ предложилъ Синоду собрать нужныя справки. «Въ московской, кievской и черниговской типографіяхъ справясь, каковыя имѣются въ нихъ азбуки латинскихъ литеръ, которыми печатались и печатаются латинскія книги, тѣхъ азбукъ всѣхъ, не упуская ни одной (подъ смертною казнію), литеры набравъ порядочно съ достоудожнымъ искусствомъ, дабы ясно было всякому человѣку ко чтенію и смотрѣнію, такожъ сколько ни есть по великороссійскому названію заставиць, а по малороссійскому названію празалокъ, которыя печатаются для украшенія въ починѣ книги, — оными литерами каждой азбуки напечатать молитву Господню: Отче нашъ (латинскимъ, а не русскимъ языкомъ: *pater noster*) и прочая до окончанія, и по напечатаніи прислать св. Синоду для разсмотрѣнія въ самой скорости, понеже въ томъ обстоитъ нѣкоторая не малая нужда. Архимандритамъ обрѣтающихся въ Москвѣ монастырей — андроніевскому Кипріану и спасскаго училищнаго Стефану — допросить служителей московской типографіи, которые печатаніе книгъ отправляютъ, и другихъ, бывшихъ въ нижеозначенныхъ годахъ, всѣхъ безъ всякаго изъятія, не оставляя ни одного человека, подъ присягою, секретнымъ образомъ, вѣрою, съ крѣпкимъ подтвержденіемъ, подъ опасеніемъ за лживое показаніе или утайку не токмо каковаго жестокаго наказанія, но и лишенія живота, въ надлежащемъ мѣстѣ, о нижеслѣдующемъ: въ 1728, 1729, 1730, 1731 и 1732 годахъ въ той московской типографіи или въ какомъ либо ни есть въ Москвѣ мѣстѣ, по просьбѣ чьей или по приказу бывшихъ въ тѣхъ годахъ командировъ московской типографіи, или кого изъ синодальныхъ членовъ, или другихъ, какого бы ни было званія, какъ духовныхъ, такъ и мірскихъ лицъ, — не печатается ли было, тайно или явно, каковою ни есть книгъ латин-

скимъ діалектомъ, обрѣтающимися въ типографіи или даннымъ особливо отъ оныхъ упоминаемыхъ персонъ, или и кромѣ ихъ—сторонними, кто бы они ни были?—И буде было таковое печатаніе книги, то въ какой силѣ и отъ кого именно о печатаніи той книги тѣмъ мастеровымъ людямъ говорено было и приказывано, и просто-ль безъ запрещенія, или съ каковымъ ни есть запрещеніемъ, и для какой или каковыхъ причинъ? 3) Допросить и о томъ: въ означенныхъ годахъ таковыя книги на латинскомъ діалектѣ, каковая сочинена (противъ написанной апологіи знатнаго (иностранныя) богословца Буддея о погрѣшностяхъ, обрѣтающихся въ книгѣ: Камень Вѣры) плутомъ монахомъ доминиканомъ Рибейрою, бывшимъ въ Москвѣ при испанскомъ послѣ дукѣ Делірія, печатаніе тайно или явно было ли? А именно, въ московской типографіи, въ домѣ бывшаго директора оной типографіи Барсова, или на обрѣтающемся въ Москвѣ подворьѣ шпатскаго, что на Костромѣ, монастыря, или въ чудовѣ монастырѣ, или же въ другомъ какомъ мѣстѣ? И ежели то печатаніе подлинно было: когда то именно началось и окончилось, и гдѣ изъ оныхъ мѣстъ, и чьимъ то стараніемъ собственнымъ произведено было, а именно—Барсова ли, или бывшихъ архимандритовъ—чудовскаго Коллети и шпатскаго—Малиновскаго? И каковыя сначала и отъ кого изъ оныхъ персонъ о напечатаніи той книги рѣчи говорены были—съ похваленіемъ ли оной книги, и буде съ похваленіемъ—каковымъ образомъ и за что? И не говорено-ль было отъ кого изъ тѣхъ, когда приступъ былъ къ печатанію ея, чтобъ никто о печатаніи той книги, нигдѣ, никому и ни для чего не разглашалъ, подъ опасеніемъ не малаго истязанія (по примѣру таковому, какъ печатаемы были секретно, въ нѣкоторомъ мѣстѣ, по указу ея императорскаго величества въ 1731 году, настоящія о наследникѣ російскаго престола присяги), и яко бы ту книгу тайно велѣно напечатать по указу ея императорскаго величества? И буде тако оное происходило—и отъ кого изъ тѣхъ именно, и не было-ль тѣмъ мастеровымъ людямъ давано за печатаніе той книги какого награжденія, и буде было—чѣмъ и сколько и кто давалъ. И при тѣхъ вопросахъ объявить имъ, мастеровымъ людямъ, съ крѣпкимъ обнадеживаніемъ, чтобъ они подлинно знали и были бѣ весьма надежны, понеже имъ за напечатаніе оной книги, хотя они како-

вое за то награжденіе получили, по высоко-монаршему и милосердому ея императорскаго величества разсужденію, въ вину не причтется. А то все дѣйствіе производить въ оной московской типографіи, или спасскомъ училищномъ монастырѣ, въ особливомъ мѣстѣ, и при томъ произвожденіи того дѣйствія быть московской типографіи секретарю Дурасову». На концѣ приписано рукою Феофана: «при томъ же и обыскать въ киприановыхъ домѣхъ, нѣтъ ли какихъ латинскихъ сочиненій письменныхъ, тако-жъ и печатныхъ, полныя ли будутъ, или каковыя ни есть лоскутки. И оныя собравъ въ одинъ пакетъ и запечатавъ прислать въ С.-Петербургъ въ св. Синодъ, ничего и малаго не пророня и не утаивая».

Не извѣстно, какія донесенія сдѣланы были по этому требованію; но Феофану довольно было показаній Барсова и особенно Малиновскаго, чтобы утвердиться въ своемъ подозрѣніи на счетъ русскаго происхожденія рибейровой книги.

Въ этомъ смыслѣ Феофанъ донесъ Кабинету о результатѣ своихъ поисковъ. «Было слѣдованіе — чьимъ тѣпаніемъ такъ вредная книжица произведена на свѣтъ типографскимъ тисненіемъ, и гдѣ она была напечатана. Хотя же и найдены такового отравнаго состава продавцы, однако же доселѣ не было извѣстно, гдѣ составъ той и въ которой типографіи, нашей ли или въ иностранной какой, напечатанъ. А нынѣ покажется, что оная Рибейрова книга имѣла быть напечатана въ московской типографіи; но намѣреніемъ извѣстныхъ того промышленниковъ, съ опаснаго на безопасное, какъ они помышляли, переменнымъ, напечатана она, по близкому догаду нашему, въ типографіи С.-Петербургской Академіи Наукъ, которой нашей коніектуры (догадки) имѣемъ мы и явно произнесемъ нелегкіе аргументы».

---

3) Продолженіе слѣдствія о подметномъ письмѣ.—Показанія разстрѣли Осипа.—
Новые аресты.

Пока шло иверское слѣдствіе и переборка сообщниковъ Рибейры, Феофанъ попробовалъ искать автора подметнаго письма другимъ путемъ. Онъ предложилъ Тайной канцеляріи допросить

разстригу Осипа—кого онъ знаетъ изъ партіи Родышевскаго и Аврамова, которымъ розданы были тетради житія Теофанова и не можетъ ли указать сочинителя подметнаго полууставнаго письма? Осипу показали подметное письмо, общія милость, если откроетъ сочинителя его или переписчика.

Смотря на письмо Осипъ сказалъ, «что нужно освидѣтельствовать своеручныя письма дьячка Софрона, Барсова и гвѣчаго Ивана Михайлова. Нужно бы посмотрѣть — прибавилъ онъ — въ Москвѣ въ монастыряхъ и приходскихъ церквахъ поминанья и въ торговыхъ рядахъ записи полууставнаго письма». Осипъ просилъ, чтобы его послали въ Москву для этихъ розысковъ.

Но вслѣдъ за тѣмъ, увлеченный обѣщаніями, а можетъ быть вынужденный угрозами, Осипъ разлился широкимъ потокомъ подозрѣній и оговорилъ множество лицъ. «Сыскать Родышевскаго келейника Андрея и спросить его: кто къ Родышевскому изъ Москвы въ симоновъ монастырь съ милостынею или просто для посѣщенія прихаживалъ и, сидя въ кельи его, книги или письма какія читали, и не писали-ль и не говорили-ль чего тайно, высылая его Андрея вонъ, или при немъ Андрей? Другой келейникъ Родышевскаго, Василій, не такъ былъ услуженъ и вѣренъ; однако вѣстѣ съ Андреемъ харчъ и книги къ Родышевскому приносили: кто отправляли харчъ и книги—нѣтъ ли у тѣхъ какихъ черныхъ писемъ? Съ нимъ же Андреемъ Родышевскій посылалъ къ Аврамову челобитныя къ лицу ея императорскаго величества, которые тотъ вручалъ къ поданію тронцкому архимандриту. Когда былъ Аврамовъ въ Москвѣ на свободѣ, тогда на тронцкомъ подворьѣ секретно говаривалъ много въ кельѣ архимандрита Варлаама съ бригадиромъ Дмитріемъ Порецкимъ, а наединѣ съ строителемъ софроніевой пустыни Сергіемъ, который ея императорскому величеству подносилъ яблоки и груши въ патокѣ, стоя на тронцкомъ подворьѣ; да говаривалъ же съ іеромонахомъ Іаковомъ, который нынѣ здѣсь въ С.-Петербургѣ, а о чемъ — не знаю; да въ домѣ ея императорскаго величества съ секретаремъ Александромъ Яковлевымъ говорилъ про новгородскаго архіерея при мнѣ, а о чемъ не знаю. А у него, секретаря, писанныхъ тетрадей—поученій ростовскаго архіерея есть до трехъ-сотъ. Съ тѣмъ же Іаковомъ прихаживалъ ко мнѣ въ келью торговый человекъ Иванъ

Щелягинъ и тетрадь сочиненную мною читалъ. Онъ же къ Родышевскому на генеральный дворъ много разъ съ милостынею прихаживалъ и подолгу у него сиживалъ.—Гребневскій попъ Степанъ Ананьевъ сказывалъ мнѣ: «я де о новгородскомъ все вѣдаю:» нѣтъ ли у него какихъ писемъ или извѣстія послѣ рязанскаго архіерея Стефана, потому что онъ его писцомъ былъ? На Покровкѣ діаконъ успенской, что въ Котельникахъ, церкви Алексѣй Ананьевъ—братъ его родной: у него бралъ я на списокъ книгу поученій ростовскаго архіерея Дмитрія и много другихъ.—У троицкаго казначея Нектарія Титова есть книга о монашествѣ.—Трехсвятительской церкви попъ Иванъ Федоровъ большую ревность имѣеть по св. церкви и книгъ у него много.—Подъячій чудова монастыря Николай Васильевъ, что пристаесть у енваидскаго архіерея, искусенъ въ распознаніи полууставныхъ писемъ.—Нѣтъ ли писемъ Алексѣя Барсова у брата его, попа Степана Кириллова.—У кого пристаесть жена стряпчаго новгородскаго архіерейскаго дома, Ивана Носова, который нынѣ содержится въ Москвѣ въ Тайной канцеляріи, нѣтъ ли тамъ какихъ писцовъ?—Въ Москвѣ на троицкомъ подворьѣ жилъ келарь Веніаминъ Ершовъ и Аврамовъ часто къ нему хаживалъ; туда же хаживалъ справщикъ монахъ Феологъ и съ нимъ Аврамовымъ часто видались и секретно говорили: нѣтъ ли тутъ чего-нибудь?—Когда зимою въ Москвѣ былъ смоленскій архіерей Гедеоиъ, то Родышевскій пріѣзжалъ ко мнѣ ночью на подворье, чтобъ представить его архимандриту Варлааму и я доложу представилъ и билъ челомъ ему словесно о своемъ заступленіи. И въ то время былъ онъ у архіерея Вишневскаго и у архимандрита Малиновскаго и у Аврамова. Съ кіевопечерскими старцами, которые били челомъ о новомъ архимандритѣ, съ Исаіемъ, также съ невскимъ намѣстникомъ Веніаминомъ и съ архимандритомъ Малиновскимъ, и свѣнскаго монастыря съ намѣстникомъ, Аврамовъ на единѣ говаривалъ о Феофагѣ не въ одно время.—О письмахъ папныхъ вѣдаютъ въ Москвѣ, какъ и на Украинѣ. Не взято ли вѣдѣнія отъ кіевскихъ старцевъ? По показаніямъ Осипа Ушаковъ отправилъ въ Москву къ Салтыкову (8 окт.) приказъ: «послать изъ Конторы тайной канцеляріи секретно на дворы помянутыхъ лицъ и обыскать у нихъ писемъ и тетрадей и книгъ, и при обыскѣ взять сказки-жъ подъ страхомъ за необъявленіе смерт-

ной казни, не имѣется-ли гдѣ еще какихъ иныхъ писемъ или тетрадей и книгъ? И что будетъ у кого взято, прислать въ Тайную канцелярію немедленно. Церкви Варлаама хутынского, что въ Москвѣ, попа Іоакима, — курскаго уѣзда дворянина Владимира Перфильева, курскаго знаменскаго монастыря архимандрита Михаила, того-жъ монастыря слугу Ивана Стряпченка, — софроніевой пустыни строителя Сергія — взять въ Москву въ Контору тайной канцеляріи, и противъ показанія разстриги Осипа распросить ихъ въ чемъ надлежитъ. Также келейниковъ Родышевскаго, Андрея, да Василья, да Михаила Аврамова челоѣка Николая сыскать всякимъ способомъ и навѣдываться объ оныхъ келейникахъ въ Москвѣ въ симоновѣ монастырѣ, а какъ сысканы будутъ, прислать ихъ въ Тайную канцелярію немедленно».

4) Секретарь придворной конторы Александръ Яковлевъ. — Подозрѣніе на него въ составленіи подметнаго письма. — Допросы. — Учитель греческой школы Яковлевъ. — Тетради заграничныя у него. — Предики Симона Козановскаго.

Въ числѣ лицъ, оговоренныхъ Осипомъ, былъ секретарь придворной конторы Александръ Яковлевъ. Одно несчастное обстоятельство выдвинуло его впередъ всѣхъ другихъ лицъ, оговоренныхъ по тому-жъ дѣлу.

Яковлевъ получалъ воспитаніе въ домѣ Аврама Федоровича Лопухина, какъ и отецъ его былъ «вскормникъ» Федора Лопухина. Это сблизило его съ дворомъ покойнаго царевича, у котораго онъ былъ подъячимъ. По перепискѣ его съ кабинетъ-секретаремъ Макаровымъ въ 1714 году, можно заключить, что онъ былъ при дворѣ не послѣднимъ челоѣкомъ. Въ 1717 году онъ былъ въ Копенгагенѣ при царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ въ качествѣ секретаря и имѣлъ при ея дворѣ большое значеніе. «Здѣсь онъ великъ нынѣ» писалъ изъ Копенгагена Гаврило Лопухинъ къ Авраму Лопухину. Несчастная судьба втянула его въ суздальскій розыскъ 1718 года. При арестѣ Аврама Лопухина захвачена была переписка его съ братомъ Гавриломъ Лопухинимъ. Въ одномъ письмѣ ¹⁾ упоминалось о Яковлевѣ, что онъ дѣйстви-

¹⁾ «Доношу вамъ: вчерашняго числа Александръ Андреевъ, подъячій,

вагъ въ интересахъ Лопухиныхъ. Это было поводомъ къ розыску, который обнаружилъ за Яковлевымъ какія-то важныя упущенія по расходу денежной суммы, которой у него было до 600 т. рублей. Въ 1718 году ноября 27 Государь, слушавъ докладную выписку изъ розыскныхъ дѣлъ, подъ пунктомъ о Яковлевѣ подписалъ своеручно: «въ Сибирь». А въ указѣ велѣно было сослать его въ Сибирь безъ наказанія и не отнимая у него ничего. Въ 1725 году Екатерина приказала возвратить его изъ ссылки, и по которымъ дѣламъ изъ Тайной канцелярїи онъ былъ сосланъ — простить и тѣмъ его, Александра, впредь никому не порицать и признавать его въ числѣ добрыхъ людей, и для того учинить ему публичное прощеніе. 11 ноября онъ отпущенъ изъ Тобольска, 2 марта 1726 года явился въ Тайную канцелярїю, изъ которой отосланъ при доношеніи въ Сенатъ.

Ему дали прежнюю должность секретаря придворной конторы. Но Сибирь положила на него свою печать. Здоровье его было надломлено. Онъ сталъ искать утѣшенія въ религіи, въ чтеніи библіи, проповѣдей и духовно-нравственныхъ книгъ, списывалъ ихъ для себя, а изъ иныхъ дѣлалъ выписки. — Эти выписки погубили его.

Мы сказали, что на него показалъ разстрига Осипъ, какъ на любителя духовныхъ сочиненій. Впослѣдствіи онъ прибавилъ къ своимъ показаніямъ еще новые доносы, обрушившіеся грозой

приходилъ ко мнѣ нарочно и просилъ меня отписать къ вамъ, чтобъ вы изволили оставить писать къ княгинѣ Настасѣ Голицинѣ (объ ней въ Исторіи Петра Великаго, *Устрелова*, т. VI, стр. 221 и въ Чтеніяхъ въ Общ. ист. и древ. рос. 1860 г. кн. I. смѣсь, стр. 145), понеже де вы и сами извѣстны о ея состояніи здѣсь и въ какомъ порядкѣ она. Многіе ея пакеты писемъ оттуда во образъ смѣха распечатываются, какъ и третьяго дни въ издѣвкахъ распечатали ея пакетъ и сыскали ваше письмо при царицѣ, а самаго не было; чего ради таковой незапности Александръ утаить не могъ и читали явно; трудности ни каковой въ писемѣ нѣтъ, однако-жъ изволь оставить къ ней писать. Вы сами извѣстны ея неводержаніе языка; заступя или хорошее слово не присутствуетъ въ пользу заступленія, но въ самое губленіе, и всѣ здѣсь какъ могутъ пользуются, чтобъ она ни о комъ именно хвалу не говорила. Ежели изволишь впредь къ ней писать, изволь приписывать въ конвертахъ Петра Андреевича Толстаго или чрезъ того-жъ Александра Яковлева, понеже онъ вамъ вѣреть и *здѣсь онъ великъ мнѣю*. (Госуд. арх. Дѣла царевича Алексѣя Петровича. — Суздальскій розыскъ).

на бѣднаго Яковлева. «Припомнилъ я—показывалъ Осипъ—какъ былъ іеродіакономъ при троицкомъ архимандритѣ Варлаамѣ, въ Москвѣ въ зимнемъ дворцѣ, въ исходѣ 1730 или въ началѣ 1731 году въ церкви случился я быть при томъ архимандритѣ, для служенія. И въ то-де время въ оной церкви передъ обѣднею Михайло Аврамовъ съ означеннымъ Яковлевымъ при немъ говорили про новгородскаго архіерея Теофана о прѣтвностяхъ церковныхъ, какъ показано въ пунктахъ отъ Родышевскаго, и при томъ Аврамовъ и Яковлевъ поносили онаго архіерея, а какъ именно, того не упомяну. И въ означенной же церкви въ разговорахъ о вышесказанномъ, въ одинъ случай, Михайло Аврамовъ, указавъ на меня, говорилъ упомянутому Яковлеву: вотъ у него есть о новгородскомъ архіереѣ тетрадь, и ты ее видѣлъ ли? Яковлевъ сказалъ, что не видалъ. Потомъ оный Яковлевъ той тетради просилъ у меня почитать, токмо тое тетрадь тому Яковлеву я отдалъ ли, того не упомяну». Яковлева арестовали 30 сентября 1732 года.

Въ распросѣ, по показаніямъ Осипа, онъ показалъ, что съ означеннымъ Аврамовымъ о дѣлахъ, касающихся до вѣры и церкви, онъ говаривалъ; но о прѣтвностяхъ церковныхъ Аврамовъ съ нимъ ни про кого не говаривалъ. Только тотъ Аврамовъ говорилъ съ нимъ, что Маркелъ Родышевскій на новгородскаго архіерея Теофана въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ подалъ доношеніе, а о чемъ—о томъ ему не сказывалъ. Онъ же Аврамовъ того архіерея Теофана поносилъ, а какъ—того онъ не упомянулъ; а онъ, Яковлевъ, никого ничѣмъ не поносилъ. Съ разстригою Осипомъ бывали у него разговоры про новгородскаго архіерея, что-де Родышевскій подалъ на него въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ доношеніе; да о тетради сочиненной о житіи—и о попошеніи онаго архіерея; и оная тетрадка въ прошломъ 1731 году была у него, Яковлева: только оный ли разстрига, или Аврамовъ, ту тетрадь ему отдалъ, того не упомянулъ—которую онъ прочтя изодравъ бросилъ; а объ оной тетради, видя въ ней написанныя противныя рѣчи, не донесъ, и тое тетрадь изодравъ простотою своею.

«Какъ онъ познакомился съ Аврамовымъ и Родышевскимъ и съ разстригою Осипомъ?» «Съ Аврамовымъ познакомился потому, что Аврамовъ зять Макарова; а онъ, Яковлевъ, жилъ въ домѣ Ма-

карова. У Родышевскаго въ симоновѣ монастырѣ былъ онъ для посѣщенія его по тому случаю, что въ прошломъ 1730 году означенный Аврамовъ сказывалъ ему, Яковлеву, про Родышевскаго, что онъ человѣкъ умный и ученый и онъ, Яковлевъ, желалъ его видѣть, какого онъ состоянія. Съ Ионою знакомъ потому, что Иона до монашества женатъ былъ на дочери отца его духовнаго, голутвинскаго попа Егора Алексѣева.

У Яковлева отобрали всѣ книги, тетради и письма. Роковое значеніе для Яковлева имѣло «правило къ божественному причащенію», съ выписками на бѣлыхъ листахъ и на поляхъ изъ библіи и изъ другихъ книгъ. 3 октября въ Кабинетѣ, въ присутствіи Теофана, сдѣлали ему допросъ объ этихъ выпискахъ: къ чему и на чьи лица и съ каковымъ намѣреніемъ онъ собиралъ эти выписки, «понеже многія таковыя здѣсь написаны, которыя ниже мало годятся къ его званію; да и обличенія наносятъ на гѣбкихъ знатныхъ особъ?» Яковлевъ отвѣчалъ, что выписывалъ изъ книгъ и изъ проповѣдей простотою своею для памяти. Кабинетъ поручилъ Теофану сдѣлать подробный и обстоятельный разборъ этихъ выписокъ.

Теофанъ не замедлилъ разборомъ. Это была самая недобросовѣстная вѣтяжка на то, чтобы обвинить Яковлева въ составленіи подметнаго письма. Разборъ состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой показывается сходство и согласіе «алексашковыхъ выписокъ» съ рѣчами подметнаго письма. Во второй приводятся «алексашковы выписки, которыя, и безъ вышепоминаемаго сходства съ подметнымъ письмомъ, сами собою являются на превысочайшую власть хулительныя и народъ къ мятежу клонящія» ¹⁾. Надо имѣть слишкомъ много воображенія, чтобы найти въ выпискахъ Яковлева хотя тѣнь того, въ чемъ его заподозриваетъ Теофанъ. Но разборъ Теофановъ убѣдилъ слѣдователей въ томъ, что Яковлевъ одинъ изъ первыхъ членовъ заговора и авторъ подметнаго письма. Въ этомъ убѣжденіи Кабинетъ 12 окт. 1732 г. рѣшилъ: Александромъ Яковлевымъ въ сходствѣ рѣчей въ имѣю-

¹⁾ Разборъ этотъ напечатанъ въ *Дѣлѣ о Теофанѣ Прокоповичѣ*, ст. VI (въ Чтеніяхъ въ Общ. истор. и древн. российскихъ 1862 г., кн. I, стр. 81—82).

щейся у него книгѣ съ подметнымъ письмомъ, также въ переправкѣ рѣчей, выписанныхъ изъ библіи, розыскивать и спрашивать о сообщникахъ.

По приводѣ въ застѣнокъ у него потребовали положительнаго отвѣта на слѣдующіе вопросы: 1) въ какой силѣ вышеобъявленное онъ выписывалъ, и съ своей руки или собою, или съ кѣмъ о томъ совѣтывалъ? 2) объ ономъ разсужденіе какое и съ кѣмъ имѣлъ и намѣреніе у него съ другимъ и съ кѣмъ какое въ томъ было? 3) кто другіе оное вышеписанное у него читали и какое въ томъ намѣреніе имѣли? Послѣ того онъ поднятъ на дыбу и висѣлъ съ полчаса и просилъ, чтобъ его спустить и онъ скажетъ правду. Ему сказали, что если объявить сущую правду, то и спущенъ будетъ. Послѣ того Яковлевъ обмеръ и весь посинѣлъ и сталъ храпѣть, почему и снятъ былъ съ дыбы, и дано ему время, чтобы пришелъ въ память. Въ безпамятствѣ онъ попросилъ бумаги и чернилъ и звалъ отца духовнаго. Но написать ничего не написалъ, а при отцѣ духовномъ утверждался, что дѣлалъ выписки простотою безъ умысла. При пыткѣ его присутствовали Остерманъ, Черкасскій и Ушаковъ.

При допросахъ Яковлева открылось, что у него жилъ греческій учитель Иванъ Яковлевъ. Тайная канцелярія приказала Салтыкову арестовать его и взять въ С.-Петербургъ, а книги, тетради и письма обыскать и, что окажется, прислать туда же. Ноября 29 онъ присланъ въ С.-Петербургъ и на допросахъ показалъ, что онъ сынъ подъячаго изъ печатнаго приказа, учился въ греческой школѣ, гдѣ познакомился съ Барсовымъ; а теперь, по рекомендаціи Барсова, живетъ въ домѣ секретаря придворной конторы Александра Яковлева и учитъ его дѣтей.

Въ показаніяхъ его не было ничего двусмысленнаго; но съ нимъ захвачены были бумаги, тетради и письма, разнообразнаго содержанія: на нихъ то и набросилась подозрительность слѣдователей. Ософанъ разсмотрѣлъ всѣ эти письма и бумаги и раздѣлилъ ихъ на три разряда. Къ первому отнесъ бумаги, не представлявшія ничего особеннаго; ко второму — тетради и письма, «неповинныя, но нѣкоторое сумнительство наводящія» и потому требующія ближайшаго разсмотрѣнія. Сюда отнесены: 1) *тетрадь*, въ которой на трехъ листахъ написаны *родословная и пророчества*

Исаи и нѣкоторыя историческія отрывочныя свѣденія; а на четвертомъ листѣ написано, что «Люциферовыхъ учениковъ и учителя его фамиліи св. Августина изобразуетъ глаголю: сицеви суть надымающіи брови, напыщенн сердцемъ, возвышенныя и муще перси, непреклонни выею, иже земля убо стопами ножными касаются, всѣмъ же мѣщутся тѣломъ и тщеславятся, впрядь поступаютъ, вспятъ же выю обращающе; вверхъ смотрятъ, на землю же ни возрѣти могутъ, аки болѣзни нѣкоей, выю ихъ остережевающей и непреклонну творящей». А подѣ тѣмъ написано о тучнѣйшемъ стомахѣ и роскошномъ человѣческомъ житіи. «Что весьма достохвальное есть наставленіе — замѣчасть Феофанъ — только куды оно намѣрено — не къ одному ли концу съ Александромъ Яковлевымъ?»

Но самыя важныя бумаги отнесены къ третьему разряду, именно: «*повѣсть о юношѣ*, называемомъ премудромъ, который заграждаше уста препирательными словесы и никто же смѣяше съ нимъ спиратися. И какъ онъ юноша пришедъ къ блаженному Епифанію и нача препиратися, и потомъ-де тотъ юноша нача трепетати и скрежетати зубы и пѣняся и потомъ-де рече, что онъ въ Оригенѣ глаголавый». «А въ извѣстномъ подметномъ письмѣ — Феофана, архіепископа новгородскаго, клеветникъ варицаетъ Оригеновымъ велеречіемъ». У Яковлева спросили: гдѣ слышалъ эту повѣсть? Не помнитъ. — «*Повѣсть о спасительной иконѣ*, бывшей у царя Мануила и что онъ царь за наказаніе злодѣявшаго іерея зѣло отъ Бога наказанъ былъ, съ выговоромъ, дабы онъ духовныхъ судить не держалъ». «А сія фабула свойственную надъ всѣми царскую власть разрушаетъ и клонитъ къ народной смутѣ». У Яковлева спросили: гдѣ взялъ повѣсть о спасительной иконѣ? Списалъ у Барсова. Допросили Барсова: для чего держалъ у себя и потомъ далъ Яковлеву эту повѣсть? Барсовъ показалъ, что держалъ у себя для любопытства; а когда и для чего отдалъ Яковлеву — не помнитъ. — «*Тетрадь о дѣяніи, бывшемъ въ Константинополѣ*, отъ четырехъ патріарховъ и иныхъ многихъ архіереевъ, о поставленіи въ Москву патріарха». «Дѣяніе показуетъ, будто Москвѣ нельзя быть безъ патріарха. И кажется сіе напряжено, яко угодное орудіе къ народному смущенію и съ нареканіемъ письма подметнаго сходно. И долженъ же учитель сей показать, буде не самъ

онъ дѣяніе сіе вымыслилъ, гдѣ оное взялъ; а въ кормчей, гдѣ о поставленіи въ Москвѣ патриаршескаго сана пространно пишется, сего дѣянія не имѣемъ». У Яковлева спрашивали: гдѣ взялъ тетрадь о дѣяніи? Не помнитъ.—*Нѣсколько писемъ*, повидимому къ Александру Яковлеву съ извѣстіями, какой оборотъ принимаетъ дѣло его въ Синодѣ, благодаря заступленію Барсова и Дудина. «Сказать долженъ греческій сей учитель: по вѣдѣнію или по мнѣнію его кому въ Синодѣ зѣло друженъ Александръ и въ комъ онъ имѣетъ силу, въ пѣкоторомъ ли изъ членовъ или изъ приказныхъ служителей?» Яковлевъ показалъ, что письма писаны Александромъ Яковлевымъ по просьбѣ Барсова, бывшаго подъ арестомъ въ преображенской канцеляріи, къ архимандритамъ Платону Малиновскому и Евѣмію Коллетти, къ архіепископу Питириму и къ Дудину.—*Предики Симона Кохановскаго*, говоренныя въ С.-Петербургѣ, въ соборной троицкой церкви, первая въ день Благовѣщенія «о званіи Божіи общемъ, какъ Богъ отъ начала міра звалъ всякаго человѣка къ познанію своему и къ покаянію»; вторая въ третью недѣлю по Пятдесятницѣ «о званіи Божіи собственномъ»,—которыя предики сказываны были въ 1720 году, съ припискою по полямъ на оныхъ предикахъ ругательныхъ рѣчей Родышевскаго, въ которыхъ помянутый Кохановскій написанъ еретикомъ и лжеучителемъ. Слѣдователи заключили изъ этой приписки, что Родышевскій былъ той же извѣстной компаніи.

Предики Кохановскаго получили весьма важную роль въ дѣлѣ Яковлева. Иеромонахъ Симонъ Кохановскій съ сентября 1721 г. былъ официальнымъ с.-петербургскимъ проповѣдникомъ и жилъ въ домѣ Теофана Прокоповича; но недолго пользовался его расположеніемъ. Въ февралѣ 1722 г., въ бытность Синода въ Москвѣ, Теофанъ подалъ на Кохановскаго жалобу въ Синодъ и просилъ защиты отъ обидъ этого враждебнаго брата. «Отецъ Симонъ Кохановскій — писалъ онъ — котораго я призывалъ было мнѣ на помощь, все противное надеждѣ моей показалъ: вмѣсто чайной помощи, нечаянными мнѣ злыми поступками такъ опечалилъ, что можно было всякому, тое вѣдущему, долговременному моему терпѣнію довольно удивляться. А когда я прошлаго 1721 года еще въ маѣ мѣсяцѣ (если помню), укротити хотя нестерпимое его свирѣпство, наказалъ онаго словесно, то хотя и скоро просилъ меня

о прощеніи, и я, простосердечіемъ прошенію его вѣруя и доброй въ немъ переменѣны надѣяся, любовь къ нему непритворно возобновилъ: однакожь онъ вездѣ меня обноситъ не переставалъ и всячески тщался всѣмъ меня омерзить. Но поуже и тогда, слышавъ отъ меня жалостныя клеветѣ его выговорки, очищалъ себя многими клятвами, призывая на себя Бога отмстителя, аще бы онъ и забылъ мои благодѣянія, не то чтобъ меня безчестилъ и поносилъ: то ради я, уничтожая вся о его на меня лаяхъ повѣсти (хотя и можно было вѣрить имъ), не переставалъ его честно по прежнему содержать и общался ему всякую являти помощь, при мнѣ ли похотѣлъ бы быти, или бы и отлучился отъ мене; что я и дѣломъ ему исполнялъ даже до отъѣзду моего въ Москву. А нынѣ явилъ себя, каковъ есть, въ присланномъ отъ себя письмѣ къ честному отцу Епифанію, архимандриту нѣжинскому; съ котораго письма является и дерзкое его, отца Симона, коварство, а еще въ великомъ дѣлѣ и къ высокимъ именамъ приражающееся, и на меня, бѣднаго, нераскаянная злоба, терпѣніе мое побѣждающая, понеже и отъемлетъ надежду переменѣны его и меня устрашаетъ, чтобы мнѣ прочее молчаніемъ моимъ наносимыхъ отъ него на меня клеветъ не утвердить за истинныя. Всепокорнѣйше прошу св. правительствующій Синодъ оборонить меня отъ такъ враждебнаго брата и его смирити по разсужденію». Синодъ послалъ указъ къ оставшимся въ С. Петербургѣ ассессорамъ, которымъ предписалъ Симона Кохановскаго выслать за карауломъ въ Москву, пожитки опечатать, письма взять и не смотря прислать въ Москву въ св. Синодъ. Кохановскій, при взятіи его, разорвалъ и бросилъ—было въ печь какія-то письма; но ихъ достали оттуда и передранныя послали въ Москву.

Сущность преступленія Кохановскаго составляло письмо его къ нѣжинскому архимандриту Епифанію Тихорскому, въ которомъ онъ поздравлялъ Епифанія съ обѣщанною ему черниговскою архіепископіею и жаловался на недружелюбное обхожденіе съ нимъ Евфана. «Всечестнѣйшій отецъ архимандритъ нѣжинскій, нареченный—дай Боже счастливы—архіепископъ черниговскій. Аще бы святыня ваша вѣдала, для чего на писаніе ваше доселѣ не отвѣтствовалъ, самъ изволилъ бы извинити меня отъ вины. Отъ 19 мая не имѣлъ времени (якъ кажутъ) и носа утерти, полъ пята мѣсяца

выбрался отъ премилостивѣйшаго (слава Богу, що збувъ) патрона своего—отъ преосвященнаго архіерея псковскаго на другую квартиру, и то насилу успѣлъ выбратъся; ледво не ледво вымotalся изъ труднаго лабиринта. Благодарю Бога, что только съ носомъ да съ ушима: тако твердъ древній союзъ любви, что насилу возмогъ отъ него разрѣшиться. А за что и зъ какой причины, не лѣтъ нынѣ подробно глаголати; завтра вамъ все скажу, а теперъ не досужно; много имамъ писати, но не все вдругъ: будетъ еще время. Нынѣ познахъ и совершенно вѣровахъ, что проклять всякъ, надѣяся на человекъ и полагаѣя плоть мышцу свою. (Іерем. гл. XVII). Благословенъ да будетъ Богъ, который наказуетъ насъ милостію своею и утѣшаетъ насъ въ скорбѣхъ и въ бѣдахъ нашихъ. Буди имя его благословенно во вѣки вѣковъ. Аминь».—Къ письму приложена цыдулка слѣдующаго содержанія: «мощно святынѣ вашей и удобно нынѣ и кievскую митрополию получить, только бѣ панъ гетманъ за вами до царскаго величества и до св. Синода внесъ прошеніе. Если хотите, старайтесь чрезъ своихъ малоросійцевъ, чтобъ которые при немъ будутъ, за вами одностатнѣ просили; а я надѣюсь, что будетъ по ихъ прошенію. Прочитъ въ томъ не вѣрѣйтесь, а наипаче псковскому архіерею не открывайте сего своего намѣренія и ни въ чемъ на него не надѣйтесь, опасенько съ нимъ поступайте, будто вы того и не знаете, что за вами панъ гетманъ и прочіе ваши просить будутъ. А еще бы и лучше, если бы панъ гетманъ и прочіе ваши просили изъ двухъ одинаго, положивши въ началѣ псковскаго, а другаго — твое преподобіе, а больше бы никого не вспоминали. То таковымъ способомъ и псковскаго бы уконтентовали, и твоей святынѣ независный путь на помянутое мѣстцо уготовили. Потщися сотворити тако, и увидишь, что ладно будетъ. 6 дек. 1721 г.» Вслѣдъ за этимъ письмомъ отправлено другое—къ тому же Епифанію «архіерейскимъ лицомъ» съ поздравленіемъ его, какъ бы уже посвященнаго въ епископы»¹⁾.

Симона допросили 13 апрѣля. Онъ показалъ, что преосвящ. Теофану никакой противности не чинилъ и былъ, какъ въ пропо-

¹⁾ Описаніе докум. и дѣлъ арх. св. Синода. Т. I. Сиб., 1868 г. Прилож. № XLIV.

вѣди слова Божія, такъ и въ прочемъ, по его приказанію во всякомъ послушаніи и содержанъ былъ въ любви и милости; развѣ только то преосвященный признаетъ за противность, что во время разговоръ съ нимъ смѣлые отвѣты и глаголы имѣлъ; или что въ бытность въ Ревелѣ, 25 марта 1720 г., сказалъ проповѣдь по прошенію адмирала Апраксина, не снесшись съ преосвященнымъ; или что служителей его наказывалъ за вины, но и въ томъ онъ имѣлъ отъ преосвященнаго гнѣвъ и укоризну, что не жестоко наказывалъ; или, наконецъ, за то, что его просилъ къ себѣ преосвященный Феодосій къ дѣламъ въ новгородскую епархію. Объ избраніи Епифанія въ черниговскіе епископы онъ увѣдомился отъ синодальныхъ совѣтниковъ и ассессоровъ, и слышалъ отъ самого же преосвященнаго Феодана. А что онъ совѣтовалъ ему проситься въ Кіевъ и поставить первымъ кандидатомъ преосвященнаго Феодана, это написалъ по слѣдующему случаю: въ прошломъ 1721 г., въ зимнее время, когда отъ пана гетмана былъ въ С.-Петербургѣ его гетманскій судья Жураховскій, да гетманскій слуга Быковичъ и прочіе съ ними въ домѣ его преосвященства, то Быковичъ отвелъ его Симона въ сторону и говорилъ отъ лица онаго судьи Жураховскаго, чтобы онъ навѣдался у его преосвященства, ежели господинъ гетманъ будетъ о его преосвященствѣ просить, чтобъ вчиненъ былъ на кіевскую митрополию, не будетъ ли его преосвященство о томъ досадовать? Симонъ, улуча время, говорилъ о томъ преосвященному Феодану, на что онъ отвѣчалъ: «хотя онъ вѣдаетъ, что ему въ Кіевѣ митрополитомъ не быть, что его императорское величество отъ Синода его не отпустить, однако же не безъ досады ему, что выбирали на ту митрополию въ кандидаты такихъ, которымъ быть за нѣкоторыми дѣлами не можно, а его-де преосвященство и не положили. И хотя бѣ-де то и не учинилось, однако же для чести, понеже какъ зоветъ кто кого хлѣба кушать, хотя и не пойдетъ званный, однако бываетъ благодарный».—Симонъ содержался въ Москвѣ, въ золотоустовскомъ монастырѣ, подъ крѣпкимъ карауломъ. 30 апрѣля онъ подалъ въ Синодъ повинную, въ которой писалъ, что преосвященный Феоданъ его простилъ, но что онъ проситъ прощенья и у св. Синода. «А я о исправленіи бывшаго нетерпѣливаго житія моего еще не отчаяваюсь и, елико мощно, исправляти оное и

поработати плоть духу, помощію Божією обѣщався, да не како, инымъ проповѣдая, самъ исключимъ буду». 15 мая онъ подагъ другое доношеніе, въ которомъ просилъ распоряженія о высылкѣ ему собственныхъ его изъ Петербурга денегъ на прокормленіе: «плоть окаянная ясти и пити хоцетъ; а иногда и подкрѣплялся бы отъ скуки, да не на що, а щи монастырскіе уже гораздо надокучили. Отъ долгой нужды и печали и бывшая болѣзнь моя петербургская паки обновляется и конецъ житія моего, по моему разсужденію, не далече. Помилуйте меня бѣднаго, ради Христа небснаго, и простите мнѣ всякое согрѣшеніе, да и сами обрячете милость въ день праведнаго суда». 8 іюля въ св. Синодѣ состоялось опредѣленіе, чтобъ его отъ проповѣди слова Божія отрѣштити и, вину его и отпущеніе ему сказавъ, отослать на обѣщаніе въ Кіевъ ¹⁾.

Въ тетради, найденной у Яковлева, переписаны были двѣ проповѣди Кохановскаго, съ примѣчаніями на поляхъ Родышевскаго. «Аще тать — сказано въ первой проповѣди Кохановскаго (о званіи Божіемъ общемъ) — или хищникъ, или лихоимецъ, или какойнибудь неправедный пріобрѣтатель возвратитъ обиженному неправедно взятое: то не надобѣ о томъ много и жалѣти и сокрушатися, не надобѣ о томъ долго молитися и поститися, не надобѣ много теряти ни свѣчь, ни кадила, не надобѣ и поповъ трудити частымъ водосвятіемъ, понеже то грѣхъ зѣло короткій и весьма скоро можно разрѣшати: возврати или удовлетвори обиженному, чѣмъ еси обидѣлъ, и чистъ сталъ отъ грѣха». «Зри — пишетъ Родышевскій — что отрекаеть еретикъ сей кознодѣя. Только отдать велитъ лжеучитель, а за похищеніе и обиду наказанія духовнаго никоего не полагаеть. Не довѣетъ бо токмо отдать или престати отъ зла, но должно благодѣлати весьма, еже есть эпитимією».

«Покаянія часть наибольшая и наисильнѣйшая — говоритъ проповѣдникъ — прошеніе милостиваго прощенія у Бога и упованіе съ несомнѣнною вѣрою на Христа, что Богъ, ради смерти Христа Сына своего, прощаетъ намъ вся наша согрѣшенія». «Упованіе по лютеранскому кладеть — возражаеть Маркелль;

¹⁾ Дѣла Архива св. Синода, 1722 г. № 458.

—а чего жъ ради не положилъ еси, всескверный Лютере, плодовъ достойныхъ покаянія, еже есть поста, милостыни, умерщвленія тѣла, бдѣнія, молитвъ?».

«Еще же и сіе вѣдати подобаетъ—говорить проповѣдникъ— что безъ благодати Божіей не можемъ не точію жалѣти и сокрушати сердцемъ о своихъ грѣсѣхъ, и не точію не можемъ престати и возненавидѣти любимаго намъ грѣха; но ниже познати, ниже видѣти его можемъ тако, яко же знати и видѣти подобаетъ». «Сіе ученіе — писалъ Маркеллъ — прямое лютеранское и кальвинское, паче же бѣсовское; ибо благодать Божія выну дѣйствуетъ съ произволеніемъ нашимъ, его же и требуетъ весьма отъ насъ. Того ради не всякому духу вѣрити подобаетъ, но искушати, яко же сего учителя лестча и мерзка еретика». — Противъ заглавія другаго слова, въ которомъ сказано, что оно проповѣдано іеромонахомъ Симономъ, Маркеллъ написалъ: «еретикомъ; ибо и сіе слово все склонное ко мнѣнію и ученію еретическому, и по своему мнѣнію сложенное, а не утвержденное истинными истолкователями св. писанія, отцами святыми» ¹⁾).

---

5) Допросы Родышевскаго о предикахъ Кохановскаго.

По показаніямъ греческаго учителя Яковлева, Тайная канцелярія приказала взять изъ кириллова монастыря, для допросовъ, Родышевскаго. Это было въ зимнюю пору—въ декабрѣ мѣсяцѣ. Ни у него, ни у посланныхъ солдатъ, не было теплой одежды. Тамошній архимандритъ Теофилактъ сжалился надъ ними и далъ имъ четыре шубы. Декабря 8 Родышевскій прибылъ въ С.-Петербургъ.

На допросѣ о предикахъ Кохановскаго Родышевскій показалъ, что эту книгу видѣлъ онъ въ бытность въ симоновѣ монастырѣ, а отъ кого и когда онъ получилъ ее, того онъ не помнитъ; потому что, по риторской ихъ наукѣ, до держанья его Родышев-

---

¹⁾ О Кохановскомъ см. также у Пекарскаго: Наука и Литература при Петрѣ. Ч. I, стр. 218. 492 — 493.

скаго подь карауломъ, бывали у него и другія разныя предки, для смотрѣнія въ нихъ слогу, каковымъ образомъ отъ кого случалось быть на предикѣ говорено, такъ какъ и самъ онъ, Родышевскій, многія предки сказывалъ; а отослалъ ли оныя, бывшія отъ Кохановскаго предки, къ помянутому Яковлеву, или самъ, въ бытность того Яковлева съ Барсовымъ у него въ симоновѣ монастырѣ однажды, отдалъ—того не упомнить; можетъ быть послалъ и безъ прошенія Яковлева, слыша отъ Барсова, что онъ къ чтенію предикъ имѣетъ охоту, и для того, чтобъ оный Яковлевъ видѣлъ не правое проповѣданное означеннымъ Кохановскимъ ученіемъ, а не для какого разглашенія; согласія съ оными Яковлевымъ и Барсовымъ никогда онъ Родышевскій не имѣлъ. А на оныхъ предикахъ рукою своею отмѣчалъ и помянутаго Кохановскаго еретикомъ и лжеучителемъ написалъ, ревнуя по благочестію; потому что, при чтеніи оныхъ предикъ, усмотрѣлъ въ нихъ того Кохановскаго тайное лютеранское мудрованіе, какъ въ тѣхъ припискахъ его, Родышевскаго, явствуется, и желая на нихъ впредь съ изъясненіемъ изъ священнаго писанія, къ обличенію онаго Кохановскаго мудрованія, написать возраженіе, которое хотѣлъ подать святѣйшему Синоду на разсужденіе, но токмо того не учинилъ, потому что отъ упомянутаго Яковлева, за взятіемъ его Родышевскаго подь караулъ, оныхъ предикъ обратно къ себѣ не получилъ. И нынѣ онъ, Родышевскій, утверждаетъ, что въ оныхъ Кохановскаго предикахъ имѣется подлинно-противное церкви святой лютеранское мудрованіе, но только въ означенныхъ припискахъ его, Родышевскаго, показано о томъ кратко, а ежели повелѣно будетъ, то онъ Родышевскій изъяснитъ объ ономъ обстоятельнѣе».

Родышевскій отказывался отъ всякаго согласія и всякихъ сношеній съ Яковлевымъ; а между тѣмъ въ бумагахъ А. Яковлева нашлось письмо, писанное къ нему отъ Родышевскаго. «Препотеннѣйшій господинъ, господинъ секретарь придворный, Александръ Андреяновичъ, премилостивый мой патронъ! Отъ Бога данною честію вамъ, моему благонадежнѣйшему патрону, паче же церкви святой защитнику, поздравляю и за всякую милость и благодѣянія возможная вамъ, въ чемъ колико мощно будетъ, всепокорно прошу, да буде нужды вашему благородію нѣтъ

въ книжцѣ, взятой у меня, то оную всепокорно прошу». Письмо это подало поводъ къ новому подозрѣнію: что это за книжница? «И вѣрно не простая — прибавилъ Феофанъ — потому что Родышевскій величаетъ Яковлева защитникомъ церкви. Допросили Яковлева. Онъ показалъ, что Родышевскій въ означенномъ письмѣ написалъ его защиткомъ церкви чего ради, того онъ не знаетъ, и защищенія церкви отъ него, Яковлева, никакого не было, понеже онъ съ Родышевскимъ и съ другими ни съ кѣмъ ни о какомъ защищеніи церкви совѣта и сообщенія не имѣлъ. Вѣрно Родышевскій чрезъ показанное письмо о милости и благодѣяніи просилъ его, Яковлева, разумѣя присылку къ нему милостыни, или для того, что въ бытность его, Яковлева, у Родышевскаго въ симоновѣ монастырѣ говорилъ ему Родышевскій съ просьбою, чтобъ о свободѣ его, гдѣ можетъ, постарался: на это онъ, Яковлевъ, сказалъ, что стараться ему о томъ не у кого; можетъ быть Родышевскій и вторично объ этомъ чрезъ письмо свое его просилъ, чтобъ онъ стараніе о свободѣ его имѣлъ, но токмо онъ о свободѣ его, Родышевскаго, ни чрезъ кого старанія не имѣлъ и въ милостыню къ тому Родышевскому ничего не посылалъ; а о присылкѣ книжки писалъ Родышевскій, чтобъ онъ прислалъ къ нему взятую имъ у Родышевскаго книгу — казанье іеромонаха Симона Кохановскаго на день Благовѣщенія пресвятыя Богородицы, и оную книгу помнитса ему онъ къ тому Родышевскому не послалъ, а удержалъ у себя для чтенія.

Не вывѣдавши ничего у Яковлева, сдѣлали опять допросъ Родышевскому. Родышевскій показалъ, что писалъ къ Яковлеву, требуя у него милости, чтобъ Яковлевъ о свободѣ его, гдѣ можетъ, постарался; а защитникомъ святой церкви написалъ того Яковлева, ласкаясь къ нему, чтобъ лучше, ежели можетъ гдѣ, о свободѣ его попросилъ; а защищенія святой церкви никакого отъ онаго Яковлева онъ не видалъ, и о свободѣ его Яковлевъ у кого просилъ ли, того онъ не знаетъ; а о книгѣ того Яковлева просилъ, чтобъ возвратилъ ему вышепоказанныя Кохановскаго предки.

Тайная канцелярія этимъ не удовлетворилась и требовала новыхъ показаній. На этотъ разъ Яковлевъ вспомнилъ, что когда

Родышевскій держанъ былъ въ симоновѣ монастырѣ (въ 1730 г.), то онъ получилъ отъ него письмо, чрезъ келейника его, въ которомъ онъ просилъ о представленіи этого посланца, вмѣстѣ съ прошеніемъ Родышевскаго, покойной царевнѣ Прасковѣ Іоанновнѣ, чтобъ ему Родышевскому изъ-подъ караула получить свободу, также и о неоставленіи его милостынею. Яковлевъ, взявши письмо, сказалъ, что ему до него нѣтъ дѣла и что представлять того келейника къ великой княжнѣ съ прошеніемъ онъ не можетъ: съ тѣмъ тотъ келейникъ отъ него и пошелъ. Родышевскій подтвердилъ показаніе Яковлева.

Келейникъ его Максимовъ подтвердилъ показанія Яковлева и Родышевскаго. За это вмѣшательство не въ свое дѣло Кабинетъ отправилъ его, 21 марта 1733 г., въ Военную коллегію для написанія въ солдаты и посылки въ низовый корпусъ.

---

6) Допросы Аврамова и окончаніе иверскаго слѣдствія.

Такъ какъ дѣло Родышевскаго тѣсно связывалось съ дѣломъ Аврамова и, кромѣ того, нѣкоторыя показанія Осипа и Яковлева прямо относились къ Аврамову, то Кабинетъ опять принялся за него, между прочимъ и для того, чтобы кончить иверское дѣло. Сдѣлавши сводъ всѣхъ показаній Осипа, Яковлева, іеромонаха Іакова и прочихъ на Аврамова, и не зная, какъ ихъ распутать и какое вывести изъ нихъ заключеніе, Кабинетъ отправилъ ихъ къ Теофану. Теофанъ составилъ изъ нихъ вопросные пункты Аврамову и при письмѣ отправилъ въ Кабинетъ. «Извѣстное, сообщенное мнѣ, письмо по важностямъ, къ слѣдствію усмотрѣннымъ, означилъ я числами для скорого сношенія съ учиненными допросами. А въ письмѣ ономъ, въ самомъ началѣ его, усматриваю знатное въ показаніи годовъ погрѣшеніе, а именно: сказалъ разстрига (Осипъ), что съ 1731 г., съ октября мѣсяца, приходилъ Аврамовъ къ троицкому архимандриту Варлааму; а то—ложь, ибо тогда уже Аврамовъ за арестомъ былъ, понеже дѣло сіе объявилось 1731 года въ февралѣ мѣсяцѣ, и скоро тогда же Аврамовъ заарестованъ, и потому того-жъ 1731 г. въ ок-

тябрѣ мѣсяцѣ проѣзжаться не могъ; либо же въ годовомъ числѣ погрѣшено и вмѣсто 1730 положенъ 1731 годъ; либо Аврамовъ, выкрадуясь изъ-за ареста, часто ѣздилъ: но въ семъ не много важности. Другое, по моему мнѣнію, яко преважное и къ настоящему слѣдствію весьма нужное, пригѣчаю я въ ономъ же письмѣ при числѣ 7-мъ, а именно: сказалъ разстрига, что Родышевскій сочинялъ книгу *О правленіи царствъ*, и якобы о сочиненіи такой книги слышалъ онъ, разстрига, отъ Аврамова. И сіе мнѣ кажется къ обнаженію автора новоподметнаго мятежнаго письма весьма нужное. И если бы книгу оную, Родышевскаго, увидѣть намъ: то увидѣли бы, надѣюсь, и по матеріи и по стили не малое съ новоподметнымъ письмомъ сходство и соличіе, и не много-ль изъ Родышевскаго книги вошло кое-что въ письмо подметное. Того ради предлагаю при семъ мое мнѣніе, что упомянутой *О правленіи царствъ* книги надлежитъ всячески искать и у кого прилично требовать и домогаться. Смиранный Феофанъ, архіепископъ новгородскій. Ноября 4 дня, 1732 года».

«Р. С. Прилагаю при семъ и вопросы, къ слѣдованію подметнаго письма, по мнѣнію моему, потребныя. О пунктахъ, вчера мнѣ ввечеру присланныхъ (по пверскому дѣлу) маленько еще мнѣнія моего подождать прошу».

«*Михаилу Аврамову допросныя пункты.* Допросъ предословный, вмѣсто увѣщанія къ отвѣтамъ истиннымъ, на вопросы слѣдующіе. Понеже ты, какъ въ дѣлѣ семъ заарестованъ сталъ, не однократно покаяннаго исповѣданія и святаго причастія требовалъ и тѣмъ являлъ ты благочестіе твое; если же оное не притворное и не лицемѣрное благочестіе твое, то долженъ ты все на слѣдующіе допросы показать по сущей правдѣ; а ежели что солжешь, то явится твое благочестіе притворное и лукавое, а совесть твоя безбожная, и за то самое — если явится — ты нынѣ какой казни самаго тебя достойна судишь, покажи письменно заручною сказкою».

«*Допросы по дѣлу.* 1) Въ извѣстномъ семъ, отъ васъ затѣяномъ дѣйствіи (которое въ 1731 г. явилось, а нынѣ и больше), съ кѣмъ ты входилъ въ общество и бесѣды о семъ, а наипаче не сообщалъ ли ты о семъ особамъ знатымъ, и до кого изъ знатныхъ лицъ именно ты прихаживалъ и объ семъ имѣлъ разговоры,

и какъ часто и что совѣтывали? 2) Объ освобожденіи Родышевскаго ты старался ли и у кого именно, и объ томъ, что ты ходишь къ кому и стараешься, другому кому-нибудь ты объявлялъ ли и кому именно, и какъ письменно, такъ и словесно? 3) О книгѣ печатной — Камень Вѣры — съ кѣмъ ты имѣлъ разговоры и въ какой силѣ, и могъ ли ты извѣстно узнать, что въ оной книгѣ все совершенно истинное и непогрѣшительное написано, или нѣчто ложное и противное обрѣтается; и если могъ то познать ты и позналъ, а противное твоему сужденію ясно тебѣ покажутъ, и ты за то какого наказанія судишь быть тебя достойна? Ежели ты такъ совершеннаго знанія имѣть не могъ и не можешь, паки долженъ ты показать: коей казни повинна себѣ творишь за такое твое дерзновеніе, что ты, по нѣкому твоему мнѣнію или догаду или по злобѣ, дерзнулъ книги судить? Тоже внушать бы ему и о сужденіи человѣкъ, кто ему правый и кто неправый учитель. 4) Объ отвѣтѣ на письмо къ французскимъ богословамъ знаешь ли ты и имѣлъ ли, или и доселѣ имѣешь ты, оный отвѣтъ и гдѣ оный нынѣ, и вѣдаешь ли ты чьего онъ сочиненія, и гдѣ и отъ кого отвѣтъ тотъ ты получалъ и каковое твое объ немъ разсужденіе, и не давалъ ли ты кому оный отвѣтъ вновь передѣлать поплодовитѣе и пояснѣе, и если давалъ, чего тебя за такъ злое коварство и вымыслы судишь быть достойнымъ? Еще же ты показать долженъ, кому ты оный отвѣтъ для передѣлки давалъ именно, и что сдѣлано и для чего, и кто еще другіе о передѣлкѣ онаго отвѣта вѣдали и что о томъ разсуждали, и знаешь ли ты, что оный отвѣтъ, а не другой какой, посланъ къ упомянутымъ богословамъ? 5) О извѣстной тетрадкѣ съ кѣмъ ты именно, чтобъ оную объявлять кому или не объявлять, имѣлъ разсужденіе и съ каковымъ намѣреніемъ? 6) До благополучной ея императорскаго величества коронаціи сочинялъ ты каковое письмо во образъ челобитной, требуя, чтобы до того дѣйствія не допускать архіерея новгородскаго, и предлагалъ ты въ томъ письмѣ за резонъ, что будто бы Петръ II умре для полученной отъ того архіерея коронаціи; и если ты писалъ то, и съ чего о томъ печальномъ случаѣ ты вѣдалъ, что онъ стался отъ упомянутаго чрезъ упомянутую персону дѣйствія? Да тожъ самое письмо твое кому изъ знатныхъ и незнатныхъ особъ показывалъ или вручалъ, и

съ какимъ намѣреніемъ, и не имѣлъ ли ты о томъ откровенія и когда и въ каковъ образъ? NB. Плутѣство сіе весьма богопротивное—недовѣдомыя судьбы Божіи такъ толковать, аки бы ему самъ Богъ открылъ. 7) Вѣдалъ ли ты, что Родышевскій сочинялъ книги *О монашестѣ* и *О правленіи царствъ*, и что въ оныхъ книгахъ написано, и гдѣ книги оныя? 8) Челобитныя къ лицу ея императорскаго величества, тако-жъ и совѣтныя письма на малыхъ ерлычкахъ, отъ Родышевскаго къ тебѣ были-ль присланы, и ты что по тому сдѣлалъ, и челобитныя оныя, тако-жъ и малые ерлычки, гдѣ нынѣ? 9) Въ бытность въ Москвѣ смоленскаго епископа Вишневскаго ты бывалъ ли у него, и самъ ли или съ кѣмъ другимъ и съ кѣмъ именно, тако-жъ и у архимандрита Малиновскаго, и что о вышнихъ въ семъ дѣлѣ промыслахъ съ оными разговаривалъ, и кто еще у нихъ, какъ у обонхъ совокупно, такъ и у одного и другаго порознь, бывалъ съ тобою вмѣстѣ и безъ тебя, и что ты отъ оныхъ сообщеній узналъ дѣльное? 10) Гдѣ и когда видался ты съ старцами киевочерскими и съ которыми именно и колькратъ то было, и о чемъ разговоры у васъ были и что отъ нихъ получилъ ты вѣденія достойное? 11) Съ Александромъ Яковлевымъ давно-ль ты знаешься и въ каковыхъ дѣлахъ ты съ нимъ сообщался, и вѣдалъ ли ты о бывшемъ его въ 1718-мъ году дѣлѣ важномъ, тако-жъ и о публичномъ его наказаніи того-жъ года бывшемъ, и что ты о томъ разсуждалъ? А въ нынѣшнемъ затѣенномъ вашемъ дѣйствіи каковыя ты съ онымъ Яковлевымъ имѣлъ разговоры и совѣты и пересылки, и каковыя ты вѣдалъ и видѣлъ его сочиненія и изъ разныхъ книгъ выписки, и самъ ты что къ тому въ помощь произносилъ словесно и письменно, и какъ часто съ онымъ Яковлевымъ сходился ты наединѣ или при другихъ, и при комъ именно, и что впредь дѣлать отъ васъ намѣрено было?»

Пункты допросные Аврамову къ испытанію о новоподметномъ мятежномъ письмѣ, по мнѣнію моему потребные. 1) Извѣстно, что ты на нѣкіе отъ иностранныхъ въ Россію принятые обычаи, строенія, порядки и проч. нарекалъ, рьясь, что оныя и отъ ея императорскаго величества не отставлены. Долженъ же ты показать, на какія дѣла и дѣйствія именно нарекалъ ты и гдѣ, и съ кѣмъ или при комъ, и въ какой силѣ и намѣреніи? А если

въ томъ ты не повинишься, а ясно тебѣ о нареканіяхъ твоихъ докажутъ, какому осужденію повинна себя нынѣ представляешь? (Здѣсь же помнитъ надлежитъ о написанномъ въ большой заглѣ потолкаѣ, о маскаратѣ и о комедіяхъ; тако-жъ домогаться, чтобъ показалъ, въ какой силѣ писана извѣстная книжица *О правленіи царствъ* и гдѣ она нынѣ; а о той книгѣ упоминается въ первыхъ допросахъ въ 7-мъ пунктѣ). 2) О исправленіи упомянутыхъ обычаевъ (которое по вашему мудрованію потребно и нужно есть), что ты рассуждалъ и какихъ способовъ приискивалъ, и съ кѣмъ то дѣлалъ, и что вамъ лучшее къ сему показалось, и каковымъ словеснымъ или письменнымъ увѣщаніемъ ея императорское величество отъ оныхъ обычаевъ наряджался ты отводить, и съ кѣмъ и отъ кого, и гдѣ письмо отъ васъ къ дѣлу сему сочиненное? 4) Угодно къ сему, кажется, выбрать нѣкія рѣчи изъ трехъ, четырехъ или и больше мѣстъ повоподметнаго пасквильнаго письма, и ему прочтутя спрашивать, когда онъ и гдѣ и отъ кого таковыя рѣчи слышалъ или чѣлъ, да и самъ оныхъ не писалъ ли?»

Это—допросныя пункты Аврамову о подметномъ письмѣ. Но еще неоконченнымъ оставалось иверское слѣдствіе. Черезъ два дня послѣ тѣхъ пунктовъ, именно 6 ноября, Теофанъ представилъ въ Кабинетъ свое мнѣніе по дѣлу иверскаго слѣдствія и составленныхъ по нему въ Кабинетѣ вопросовъ Аврамову ¹⁾.

¹⁾ «Присланныя ко мнѣ сего ноября 3 дня отъ вашего сіятельства допросныя рѣчи прочелъ я, для скорѣйшаго примѣченныя важностей взыскація, русскими числами означилъ я, и оныя къ сіятельству вашему возвратно при семъ отсылаю, предлагая мое мнѣніе, каково мнѣ отъ разсужденія упомянутыхъ рѣчей произошло, въ слѣдующихъ пунктахъ, а именно:

1) Если не было запрещенія архимандриту, монахамъ, служителямъ, а наипаче караульнымъ о содержаніи арестанта наединѣ и о подаваніи ему бумаги и чернила: то не вижу я за приходившими и служившими ему великаго подозрѣнія, понеже въ таковой свободѣ могли приходять разныя лица и безъ лукаваго умысла. А если все то запрещено было: то хотя архимандритъ прежній (Филаретъ), яко старій и головную болѣзнь (для которой и отъ архимандрита отпросился) терпящій, и не много виновать, но не безъ подозрѣнія прочіе, паче же начальнѣйшіе монахи; ибо, презрѣвъ указъ, разными запрещенными способами тако причинному человѣку служить никто бы не посмѣлъ, развѣ какимъ-нибудь образомъ самъ собою или изъ стороны преклоненъ на то; наипаче, что многіе изъ монашескаго и мірскаго чина различно требованіямъ арестанта угождали. Да и нѣкія дѣйствія ихъ собственному разсужденію под-

Аврамова взяли изъ иверскаго монастыря въ Тайную канцелярію. 6 ноября онъ сдѣлалъ показанія по всѣмъ вопросамъ Феофана; но не объявилъ ничего, что могло бы обнаружить участіе его въ сочиненіи подметнаго письма или въ какихъ нибудь сношеніяхъ съ виновниками, которыхъ, по крайней мѣрѣ, подозрѣвали въ этомъ. Онъ сказалъ, съ какого случая началъ имѣть стараніе

лжеть. 2) А именно: а) Духовникъ Исаія (хотя извѣстно глупенекъ) долженъ показать, почему онъ вѣдалъ—кому и въ чемъ исповѣдающійся противсѣтъ; ибо то въ тайнѣ имѣлось: а по рѣчамъ исповѣдающагося видимъ, что не отъ него, но отъ духовника первѣе произошло о томъ слово, яко бы то прежде вѣдающаго. б) Если же отъ кающагося то сказалось, то для чего духовникъ—вопрошенъ отъ архимандрита, не говорилъ-ли ему кающійся чего лишняго и непристойнаго, о чемъ указы гласятъ, какъ въ томъ поступать—отвѣтствовалъ, что ничего такого кающійся не говорилъ, а послѣ предъ капитаномъ Юрьевымъ сказалъ о томъ ясно. Да еще и о чтеніи цыдулокъ упомянуть. в) Еще допросить бы духовника: для чего онъ, и кромѣ нужды исповѣданія, неоднократно къ арестанту приходилъ? г) И въ томъ да отвѣтствуетъ духовникъ: по требованію арестантову вынималъ онъ за ея императорское величество просфору просто-ль, или къ намѣренію арестанта, каково то было ясно или глухо отъ онаго-жъ арестанта? 3) Противъ сего 4-го допроса духовникова допросить и двоихъ іеромонаховъ — Питирима и Никодима. 4) Особливый, сверхъ упомянутаго Исаія, Питириму и Никодиму допроса, учинить іеромонаху Гавріилу сей допросъ: для чего онъ, при приношеніи просфирнонь о здравіи ея императорскаго величества и фамиліи, дерзнулъ присовокуплять и имя арестантовъ? 5) О самомъ арестантѣ, что до его въ семь господина капитана Юрьева допросъ касается, прииѣчаю слѣдующее: а) не надѣюсь, чтобы онъ арестантъ въ упоминаемыхъ здѣсь письмахъ своихъ изъяснилъ нѣчто отъ себя затѣенное: однако же и до изысканія оныхъ писемъ допросить его, что писалъ. б) Въще надѣюсь, что онъ словесно посланнымъ Титу и іеромонаху Авраамію, а можетъ быть и другимъ еще, приказывалъ повѣстки нѣкія доносить, кому за благо судилъ, или спрашивать чего нибудь. Асего догадываюсь, что писалъ онъ въ Москву о пріятн іеромонаха Авраамія въ богоявленскій монастырь, и потому можно знать, что съ онымъ Аврааміемъ довольно нѣчто говорилъ и можетъ быть за шпіона своего употреблялъ: и въ томъ какъ онаго іеромонаха Авраамія, такъ и самаго арестанта допросить; тако-жъ и что Титу далъ бѣлый холстинный платъ для отдачи того дѣтямъ своимъ; ибо если въ платѣ семъ нѣтъ нѣкоего колдунства, то есть нѣкій чего нибудь знакъ или сигналъ, о чемъ, по моему мнѣнію, допросить надо и Тита и арестанта. в) Навпаче же о плевосѣяніи арестанта подозрѣваю изъ частыхъ его въ баню приходовъ; ибо если онъ по прибытіи уже новаго настоятеля (Серафима) ходилъ въ баню людскую за монастырь, то не было и четырехъ недѣль, какъ онъ осморилъ, (а можетъ быть и множае того) въ оной банѣ былъ. Разсудить же надо, какъ бы онъ вѣдомый исхилилъ и лицемѣръ похотѣлъ такъ часто париться, если бы подъ видомъ паренья не

о Родышевскомъ, приносилъ къ нему книги, которыя бралъ у своего тестя Макарова, и зналъ о сочиняемыхъ имъ возраженіяхъ. Съ Яковлевымъ онъ знакомъ лѣтъ съ двадцать, но никакихъ дѣлъ съ нимъ не имѣлъ. — Все это однакожъ мало оправдывало подозрѣнія Кабинета. А потому показанія Аврамова ускорили только окончаніе совершенно случайнаго въ его процессѣ иверскаго дѣла. Несчаст-

имѣлъ инаго какого вельми себя нужнаго промысла. И того ради надлежало здѣсь допросы ему арестанту, и капралу Козлякову, и караульщику Щапу и капралу воронежскаго полка: когда въ оной банѣ бывалось и проч. г) Допросить паки арестанта, что нужда была духовнику при исповѣди сказывать о своей именно къ нѣкоторому лицу противности въ законѣ, какъ о томъ показалъ на него духовникъ Исаія. д) Не надобно кажется и того пропустить, какая арестанту причина была требовать выемныхъ по его-жъ приказанію просфоръ и оныя снѣдать: не кощунство ли се? б) Новый архимандритъ весьма, по моему мнѣнію, подозрителенъ сталъ: а) послабленіе учинилъ арестанту въ хожденіи его за монастырь въ баню, если при немъ то началось; б) присиль его арестантъ о позволеніи, чтобъ ему позволено было, чрезъ кого ни есть, словесно донести женѣ и дѣтямъ о его состояніи, и на то склонился архимандритъ и прислалъ къ нему Тита, въ Москву посылаемаго, какъ по видимому является; в) посылка Тита онаго не нарочная-ль къ угожденію арестантову была, а дивныя объ ней разгласія: ибо арестантовымъ отвѣтомъ показуется, что онъ посыланъ былъ въ Москву, а Щапъ сказалъ, что Титъ въ С.-Петербургъ отправлялся, — развѣ и то и другое было въ одномъ почтительномъ времени, въ августѣ и сентябрѣ. 7) Между прочими, не такъ караульщиками, какъ служителями арестантовыми, самый злѣйшій плутъ кажется быть Щапъ каменщикъ, и чуть ли не одного его нарядомъ все дѣлалось — и приходъ женщинъ и мужиковъ съ витушками и проч. 8) Надлежитъ, кажется, всякаго пзъ здѣсь упоминаемыхъ обстоятельствъ времена изыскивать, напримѣръ, когда началось хожденіе въ баню, когда іеромонахъ Авраамій пошелъ въ Москву и проч. И сія, если нѣчто важное имѣють, мои примѣчанія и мнѣнія вашему сіятельству благопочтеннѣйше предложивъ, пребываю доброжелательный вашъ богомолецъ и слуга, смиренный Теофанъ, архієпископъ новгородскій.

Дома у себя, читая экстракты Тайной канцеляріи, Осеофанъ дѣлалъ замѣтки на лоскуткахъ бумаги, по латынѣ, по привычкѣ или чтобъ не выдать кабинетскаго секрета; напримѣръ, объ иверскомъ дѣлѣ: Novembr. 5. Anno 1782: Examen iniquitatis in monasterio iverensi. Tria hic potissima: 1) Confessio; 2) Balneum; 3) Multitudo faventium. Praeter horum et aliae circumstantiae. Дальше слѣдуетъ рядъ отдѣльныхъ замѣтокъ, съ указаніемъ, къ которому изъ трехъ пунктовъ относится замѣчаніе. Quid per hoc soluit Philaretes? Ter vel 4-r cum Щапо (sic) in balneo. De Tito Mosquam eunte. Litteras scribit ad uxorem et mittit cum monacho Abraamio. Rogat Abramides sacerdotes per Kozlahow (Козляковъ) et per alios custodes, ut pro Sa Mne (Sua Majestudine) prosphoras offerrent. По этимъ замѣткамъ, какъ по программѣ, онъ составлялъ потомъ доношеніе въ Кабинетъ.

ный начальник и нѣкоторые монахи и караульные служители дорого поплатились за сдѣланное ему послабленіе въ арестѣ. Винови́тъ всѣхъ оказался иверскій архимандритъ Серафимъ ¹⁾. Мы уже упоминали выше, что Бухвостовъ предостерегалъ его на счетъ арестанта. Однакожь онъ какъ будто не обращалъ на это вниманія. По приѣздѣ его, прежній архимандритъ принесъ къ нему указы: первый о присылкѣ арестанта въ иверскій монастырь, второй о перемѣнѣ у него караула. Серафимъ не принялъ указовъ, сказавъ, что уже приѣхалъ офицеръ Юрьевъ: для чего ему прежде не показали тѣхъ указовъ? А теперь поздно, не нажить бы бѣды.

Феофанъ замѣтилъ на это показаніе: «въ какой же ви́пѣ быть за принятіе указа? Вина великая указа не принимать. Видимое се плутовство! Нарядился арестанту служить, да мѣшалъ тому государевъ указъ. И того ради указа того не хотѣлъ принимать». Сержантъ приходилъ спросить: какъ содержать арестанта и пускать ли въ баню? Серафимъ спросилъ: какъ прежде? «Прежде пускали». Серафимъ велѣлъ спросить у прежняго архимандрита, для того, что въ недолгое время по приѣздѣ онъ еще не осмотрѣлся, а самъ о томъ арестантѣ въ то время и послѣ акуратно не изслѣдывалъ и указовъ не спрашивалъ за сущимъ своимъ въ короткость времени педознаніемъ и простотою. (Феофанъ замѣтилъ: «въ вину себѣ ставить, что указовъ не спрашивалъ за краткостью времени и недознаніемъ и простотою; а когда подавали ему указъ, не хотѣлъ принимать»). Узнаеть ли онъ капрала по лицу? «Нѣтъ. («Сіе говоритъ онъ — писалъ Феофанъ — чтобъ ложь его обличена не была»). Серафимъ принадлежалъ къ Феофановой епархіи и потому, по взятѣи его въ С.-Петербургъ, содержался въ Феофановомъ домѣ подъ строгимъ карауломъ. Послѣ того, какъ собранныя отъ него показанія найдены неудовлетворительными, Феофанъ безъ дальнихъ церемоній составилъ объ немъ рѣшеніе: «мая 17-го дня 1733 года, архимандрита Серафима архимандрическаго и іеромонашескаго чина лишаемъ, для того, что онъ пзрядный арестанту

¹⁾ Серафимъ постриженъ въ монашество въ синодальной области ржевскаго уѣзда въ могилевской пустыни; послѣ того былъ деревянницкимъ архимандритомъ; оттуда переведенъ въ тихвинъ, изъ тихвина въ 1724 г. въ юрьевъ наместникомъ, изъ юрьева въ 1728 г. въ духовъ архимандритомъ же; въ 1732 году въ иверскій. Ему было 56 лѣтъ.

потатчикъ и угодникъ показался и потому ея императорскому величеству не вѣрентъ, какъ видно по дѣлу сему, въ которомъ и само собою воровство его явно, и еще отговорки его лживыя и безстыдныя тожь ясиѣе обличаютъ; да и сверхъ того великое егожь государевыхъ указовъ презорство явилось, понеже онъ принесенныхъ и себѣ подаемыхъ ея и. в. указовъ не принялъ. Да и не первая се его къ природнымъ государямъ своимъ невѣрность. Понеже и прежде сего присланныхъ къ нему въ бѣжецкій антоновъ монастырь солдатъ, для несконданаго ихъ тамо содержанія по именному бл. и вѣчнод. п. государя Петра I-го указу (котораго о полученіи и исполненіи онъ Серафимъ и подписался), парочно распустилъ съ пагражденіемъ, что все извѣстно изъ дѣла въ разрядѣ архіерейскомъ имѣющагося, 1722 и 1723 годовъ. По лишеніи же упомянутыхъ чиновъ, опредѣляемъ быть ему въ александровъ-свирскомъ монастырѣ въ простомъ братствѣ. Но прежде—дѣла сего копію съ нашими примѣчаніями подать при доношеніи въ Тайную канцелярію немедленно. И если туда Серафима не востребуютъ, то послать его въ опредѣленное мѣсто». ¹⁾ Тайная канцелярія 2 августа утвердила приговоръ Теофановъ. И пошелъ Серафимъ Степаномъ Савиновымъ въ свирскій монастырь въ заточеніе ²⁾.

Еще прежде (22-го марта 1733 года) рѣшено дѣло другихъ участниковъ этого дѣла. Духовника іеромонаха Исаію приказано бить плетью и сослать въ дальній монастырь; капрала Козлякова и караульщика Щапа бить плетью и освободить. А что іеромонахи вынимали части, по просьбѣ Аврамова, за здравіе ея величества, слѣдствія не производить, понеже о томъ извѣстно ея величеству. Аврамовъ остался въ Тайной канцеляріи.

¹⁾ Опредѣленіе это написано Теофаномъ собственноручно, какъ все, что онъ ни подавалъ въ Кабинетъ или въ Тайную канцелярію.

²⁾ Въ 1740 г. октября 23 возвращено ему прежнес званіе.

XXII.

Продолженіе розысковъ по дѣлу пасквильнаго письма. — Новыя подозрѣнія Теофана. — Рѣшиловъ. — Арестъ и допросы тверскаго архіепископа Теофилакта Лопатинскаго.

Не добившись ничего отъ Яковлева, Теофанъ перенесъ свое подозрѣніе на другое лицо, еще въ первый разъ встрѣчающееся въ нашей исторіи. Это былъ іеромонахъ *Іосифъ Рѣшиловъ*, вмѣстѣ съ которымъ привлечено къ дѣлу множество другихъ лицъ.

Жизнь и судьба этого человѣка богаты разнообразными пріключеніями. Въ 1726 г. тверскій архіепископъ Теофилактъ Лопатинскій, отправляясь изъ С.-Петербурга въ епархію, взялъ съ собою одного іеромонаха, по имени Іосифа, прозваніемъ Рѣшилова, проживавшаго въ ту пору въ С.-Петербургѣ безъ всякаго дѣла. Прежде онъ былъ раскольникомъ, но потомъ присоединился къ церкви и употребляемъ былъ св. Синодомъ по разнымъ порученіямъ въ раскольниковскихъ дѣлахъ. Эта специальность сблизила его съ Теофилактомъ, который завѣдывалъ въ Синодѣ раскольниковскими дѣлами ¹⁾ и, по извѣстному дѣлу о выгорѣцкихъ раскольникахъ, имѣлъ отъ Синода порученіе составить отвѣты на раскольничіе вопросы, предложенные выговцами Неофиту. Теофилактъ думалъ, что можетъ быть ему самому придется отпра- виться на Олонецъ и лично говорить съ раскольниками ²⁾, и на-

¹⁾ При раздѣленіи дѣлъ, по родамъ ихъ, между синодальными членами въ 1722 г. февр. 28, синодальному совѣтнику Теофилакту Лопатинскому, вмѣстѣ съ ассесоромъ Леонасіемъ Кондоци, поручено было вѣдѣніе раскольниковскихъ дѣлъ, на такихъ же основаніяхъ, какъ Гавріилу Бужинскому вѣдѣніе школъ и типографій, съ тѣмъ, чтобы о важныхъ дѣлахъ они предлагали съ своимъ мнѣніемъ на общее разсужденіе Синода, а которыя не важны и разсмотрѣніемъ ихъ рѣшены быть могутъ, рѣшались бы безъ предложенія Синоду по св. правиламъ, государственнымъ правамъ и по содержанію присяжной вѣрности.

²⁾ Во время суда надъ Теофилактомъ, между прочими вопросами, ему предложено было и сѣдующій: «его преосвященство Рѣшилову таковыя рѣчи говорилъ ли: быть бы намъ на Олонцѣ и противъ раскольниковъ говорить бы на ихъ присланные отвѣты, да нынѣ время не такое?»

дѣлся, что Іосифъ будетъ ему полезенъ своею начитанностію и знаніемъ разныхъ расколыщескихъ толковъ; а до той поры можетъ быть употребляемъ для обращенія раскольниковъ его епархіи. И во всемъ этомъ горько обманулся.

Рѣшловъ былъ человѣкъ пустой и продажный, грубый и наглый проходимецъ, у котораго въ душѣ не осталось повидимому ни одного чистаго понятія, ни одного честнаго движенія. Онъ въ грошъ не ставилъ монашество, хотя былъ іеромонахомъ; развратничалъ съ крайнимъ безстыдствомъ; но гдѣ нужно было, ползалъ и пресмыкался съ такимъ же крайнимъ самоуничженіемъ. Въ монастыряхъ (тверской епархіи), которыми онъ управлялъ съ званіемъ игумена, онъ не возбуждалъ ничего, кромѣ ненависти, своими притѣсненіями монаховъ и монастырскихъ крестьянъ, хищничествомъ и поборами. Даже снисходительный къ нему Теофилактъ долженъ былъ дѣлать ему иногда строгія внушенія и подвергать его строгимъ взысканіямъ. «Посланъ ты — писалъ ему преосвященный Теофилактъ — во святую обитель (клобуковскую) настоятелемъ въ такомъ надѣяніи, чтобъ ты въ началѣ самъ исправленъ былъ, также и врученное вамъ, какъ братію, такъ и епархіальныя дѣла духовныя, по данной инструкціи, исправлялъ: а нынѣ слышно намъ не только отъ тамошнихъ жителей, но и отъ многихъ постороннихъ людей, что житіе и поступки имѣешь ты весьма не добрые и правиламъ св. апостолъ и св. отецъ противныя, а именно: пріѣхавъ ты въ клобуковъ монастырь и вшедъ въ св. церковь, изъ алтари въ царскія двери въ мантіи входъ и выходъ имѣлъ, чего во всей Россіи и притомъ никому не дано, кромѣ высшихъ степеней архимандритовъ, а не всѣмъ архимандритамъ, о чемъ и въ настольной грамотѣ сего держать не велѣно. Также въ церковь не ходишь, только въ воскресные дни, и для того своего выхода приказываешь, чтобы звонъ былъ и безъ звону не ходишь; а въ полелейные дни праздновать не велишь и звонъ по церковному уставу воспрещашь; а когда служишь — и въ томъ служеніи діаконъ не токмо руками бьешь, но и служебникомъ въ нихъ бросаешь. — А издревле въ оной обители читали на повечеріи по три канона съ акаѳистомъ: ты оставилъ. О святой обители никакого радѣнія не имѣешь, только по своимъ прихотямъ все старое переламываешь; отчего, за вашими бездѣль-

ными и излишними прихотями и расходами, святая обитель во всеконечное пришла разореніе, а паче и въ барышничествѣ твоемъ клобуковскихъ казенныхъ и собственныхъ твоихъ лошадей, чего настоятелямъ дерзать не надлежитъ. И не токмо что самъ ты и кумъ твой Суворовъ всякими вымыслами, для своихъ бездѣльныхъ корыстей, священниковъ и церковнослужителей тирански мучите; но еще по сердцу своему избрали, для бездѣльнаго своего сродства, введенскаго попа Тимоея, и безъ выбора того города священниковъ самовольно опредѣлили въ старосты поповскіе, который, подозрительный съ тобою въ свойствѣ, по уѣзду ѣздилъ, а для чего и по какому указу, того не объявляетъ. И не токмо священникамъ съ причетники чинить онъ, погъ Тимоеей, бѣды и разоренія, но въ монастырь пріѣзжая власти ругаетъ. Паче же, что ты церковнымъ вещамъ касаешься, а именно: двѣ чаши серебряныя, которыя для соединенія божественныя службы построены, взялъ ты себѣ въ келью, а вмѣсто тѣхъ поставилъ оловячныя; да и другія церковныя вещи забираешь себѣ въ келью». Архіепископъ прощалъ ему эти вины, если онъ исправится. «Если же опять на тебя будетъ какое доношеніе, то на тѣбѣ твоемъ будетъ положеніе немалыхъ ранъ и изверженіе изъ игуменскаго сана. Да ты-жь, разверзши свое адское горло, при многихъ знатныхъ особахъ кричишь, что въ Кашинѣ и въ уѣздѣ всѣхъ поповъ разорю, и что взятки беру для того, что у меня у всѣхъ глаза залѣплены и никого-де не боюсь». Письмо оканчивалось собственноручною припискою Теофилакта: «о семъ тебя остерегаетъ Теофилактъ, архіепископъ тверскій и кашинскій. Марта 19, 1729 года». И такого-то человѣка Теофилактъ принималъ въ довѣренность и держалъ подлѣ себя, когда видѣлъ на каждомъ шагу измѣну.

Рѣшиловъ сблизился съ другимъ лицомъ, которое также пользовалось довѣріемъ Теофилакта; это былъ ужъ нѣсколько разъ упомянутый нами калезинскій архимандритъ Іоасафъ Маевскій. Онъ былъ изъ ученыхъ: въ кievскихъ школахъ дошелъ до реторики, слушалъ Теофана, зналъ по латынѣ, но до философіи и богословія не дошелъ. По выходѣ изъ школъ постриженъ въ монашество въ Польшѣ, въ марковомъ монастырѣ, при игуменѣ Мелетіѣ Чайковскомъ; въ 1714 или 1715 г. вызванъ былъ митро-

полетомъ Дороевъмъ Кроткевичемъ въ Смоленскъ, для обученія дѣтей, и оставался тамъ до смерти Дороева; послѣ того выбылъ за рубежъ въ китычевскій монастырь, оттуда опять въ марковъ, а изъ маркова снова вызванъ былъ въ Смоленскъ къ просвященному Сильвестру «для казанія предки», и жилъ при немъ крестовымъ іеромонахомъ. Въ 1718 году мы встрѣчаемъ его уже іеромонахомъ невскаго монастыря, куда, по указу Петра Великаго, велѣно было изъ малороссійскихъ монастырей присылать лучшихъ монаховъ въ надежду архіерейства. Изъ невскаго монастыря новгородскій архіепископъ Θεодосій Яновскій взялъ его къ себѣ и опредѣлилъ архимандритомъ антоіева монастыря. Послѣ Θεодосія Θεофанъ отпустилъ его въ Тверь, гдѣ онъ опредѣленъ (въ іюнь 1726 г.) архимандритомъ калязина монастыря и судьей архіерейскаго дома. По тогдашнему—это довольно почетная должность. Въ бытность судьей онъ познакомился съ Рѣшиловымъ, то есть иногда показывалъ къ нему благосклонность; потому что между ними было большое разстояніе. «Онъ знатная персона—говаривалъ Рѣшиловъ — а я червякъ, котораго всякій растопчетъ».

Въ интимной бесѣдѣ съ ними Теофилактъ говорилъ много такого, что было не подъ силу ихъ соображенію и впоследствии навлекло на него много бѣдъ. Съ другой стороны и эти лица, пользуясь расположеніемъ и слабостію архіепископа, позволяли себѣ много не только неприличнаго, по прямо незаконнаго.

Обоимъ вскружило голову будущее *патріаршество* Теофилак-та. Мечты ихъ основывались на томъ, что въ первое время послѣ Петра Великаго любители старины ожидали возстановленія патріаршества. Особенно слухи и толки увеличились ко времени коронаціи Петра II. Въ народной молвѣ въ числѣ кандидатовъ на патріаршество былъ и Теофилактъ, сторону котораго держали будто-бы князь Д. М. Голицынъ и графъ И. А. Мусинъ-Пушкинъ. Теофилактъ, по видимому, былъ безразличенъ къ этой молвѣ: но окружающіе его въ сладкихъ мечтахъ дѣлили ужъ почести отъ будущаго патріарха. Рѣшиловъ мечталъ о епископствѣ; но Іоасафъ обнаруживалъ меньше честолюбія: онъ желалъ только пещерской архимандріи послѣ дяди своего Іоанникія Сѣнютювича. «Дай Богъ тебѣ быть епископомъ», говорилъ Рѣшиловъ Іоасафу. «Бла-

годарю Бога—отвѣчалъ Іоасафъ—хотя по милости св. Синода въ числѣ добрыхъ людей считаюсь; ибо между прочими, какъ слышалъ, и въ кандидатахъ былъ написанъ: но того, какъ не желаю и не искалъ, такъ и не желаю». «Каковы къ тебѣ синодальные члены?»—спрашивалъ Рѣшиловъ. «Всѣ отцы и благодѣтели». Каковъ преосвященный новгородскій?—Маевскій отвѣчалъ, что онъ «учитель его, потому что онъ подѣ дирекціей его преосвященства слушалъ логику». Тутъ Рѣшилову далеко было гнаться за Іоасафомъ. «Ну такъ быть тебѣ архіереемъ—проговорилъ онъ скрѣпя сердце;—надѣюсь, что я мою старость не оставишь» «Потерпи старикъ—отвѣчалъ Іоасафъ—будемъ оба люди».

Оеофилактъ былъ слишкомъ простъ и до слабости довѣрчивъ къ людямъ и входилъ въ короткость со всѣми лицами, съ которыми сталкивала его судьба, не разбирая—хороши они или дурны, преданы они ему или пользуются его откровенностію для своихъ цѣлей. Переходитъ къ нему архимандритъ изъ другой епархіи судьей и казначеемъ архіерейскаго дома—и онъ вступаетъ съ нимъ въ самые откровенные и по тогдашнему опасные разговоры и, вдоволь наговорившись, спрашиваетъ потомъ, какъ будто спохватившись: да ты не предашь ли меня? Въ іюлѣ 1726 года полученъ былъ въ Твери указъ изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, чтобы синодальнымъ членамъ изъ архіереевъ не давать никакого жалованья, сверхъ архіерейскаго. Указъ присланъ на имя судьи архіерейскаго дома. Судья доложилъ объ немъ архіепископу. Оеофилактъ обидѣлся этимъ указомъ и вечеромъ того-же дня, «бывъ въ печальномъ образѣ, говорилъ ему архимандриту: вотъ-де, судья, здѣсь жить: всего бойся». «Чего вашему преосвященству бояться» спросилъ Іоасафъ. Въмѣсто отвѣта на это Оеофилактъ проговорилъ: «когда-бъ можно гдѣ укрыться или хоть въ Польшу уѣхать, еслибъ то можно было. Я бы радъ былъ и этому». Іоасафъ замѣтилъ на это: «ваше преосвященство человѣкъ присяжный и куда-бъ ни уѣхали, такъ сыщутъ».—Замѣтимъ, что Іоасафъ только мѣсяцъ назадъ опредѣленъ къ нему судьей изъ Оеофановой епархіи.—Въ тѣхъ же числахъ, передъ отъѣздомъ въ С.-Петербургъ, онъ разсуждалъ съ Іоасафомъ о своемъ содержаніи въ Петербургѣ и сказалъ къ разговору, что у него есть тысяча рублей своихъ денегъ—лежатъ у купца Кобылаева.

Иоасафъ предложилъ ему, чтобъ онъ и употреблялъ на свои нужды эти деньги до сбора казенныхъ денегъ. Теофилактъ, осердясь на это, сказалъ ему: «вамъ дѣла нѣтъ до тѣхъ денегъ. У меня они положены на свою нужду. Не дай Богъ какой на меня бѣды или сошлютъ въ ссылку: то у меня есть добрый Корыхаловъ—не оставить».—Передъ отъѣздомъ изъ Твери въ С.-Петербургъ, въ августѣ 1726 г., Теофилактъ получилъ указъ изъ Синода о высылкѣ Рѣшилова. Для послѣдняго въ этомъ не было находки, потому что тутъ онъ пригрѣлся къ тепленькому мѣстечку, а тамъ Богъ знаетъ что еще будетъ. Онъ пришелъ къ Теофилакту и расплакался передъ нимъ: «я желаю бы и умереть при вашемъ преосвященствѣ, чтобъ ваши архіерейскія руки меня погребли». Теофилактъ сдался на эту мольбу. «Ну, ничего. Вѣдь указы мои же братья архіереи пишутъ, а я и самъ къ нимъ ѣду». Теофилактъ взялъ съ собою до Торжка Иоасафа. Дорогой разговорились о рязанской каедрѣ, которая въ ту пору была праздною. Теофилактъ сказалъ, что онъ не желаетъ быть туда опредѣленъ и, если предложить ему, то будетъ отпрашиваться. «Отъ чего же ваше преосвященство не желаете»—спросилъ Иоасафъ. «Когда-бъ сперва на мѣсто батюшки моего, преосвященнаго Стефана митрополита рязанскаго, былъ опредѣленъ—отвѣчалъ Теофилактъ—то радъ бы быть въ той епархіи; а теперь гоняться за преосвященнымъ Сильвестромъ (Холмскимъ) не хочу». И потомъ, вспомянувши Стефана въ самыхъ похвальныхъ словахъ, прибавилъ, что онъ «много претерпѣлъ отъ Федоса, и когда-бъ та змія больше на своемъ престолѣ посидѣла, то-бъ больше скорпій высидѣла. И новгородскій архіерей Теофанъ, хотя мнѣ и другъ, ихъ же лютеранскую сторону держитъ». Послѣ того спохватясь, спросилъ архимандрита: «и ты, судья мой, не ихъ ли духа»? На это архимандритъ отвѣчалъ, что «никакъ бы и думать того о немъ не извоилъ». По кончинѣ императрицы Екатерины въ Твери пронесся слухъ, что будетъ поставленіе патріарха. Иоасафъ съ Рѣшиловымъ встрепенулись при этомъ слухѣ. «А что выше—спросилъ Рѣшиловъ у Иоасафа—патріаршество или св. Синодъ»? Иоасафъ отвѣчалъ: «все равно». «Для чего-жъ патріаршество отставлено, а св. Синодъ учрежденъ»? Иоасафъ отвѣчалъ: «при прежнихъ патріархахъ были въ народѣ смущенія, и раскольническая ересь отъ

нихъ же патріарховъ началась, а именно при Іосифѣ патріархѣ; потому Феофанъ, будучи у его величества въ респектѣ, о томъ совѣтывалъ и регламентъ сочинилъ». Къ рѣчи о регламентѣ Іоасафа замѣтилъ, что въ немъ все хорошо, за исключеніемъ одного, что заключили монаховъ; да и власти, ежели поступать по регламенту, не у чего быть, потому что напечатано, что кромѣ квасу въ кельѣ ничего не держать, а велѣно ходить по вся дни за общую трапезу. Лучше быть патріарху и дай Боже быть патріархомъ нашему преосвященному».

Бывши въ Твери изъ калязина монастыря въ 1727 году, Іоасафъ разсуждалъ съ Рѣшиловымъ о лютеранской вѣрѣ, а именно о не содержаніи постовъ, о непочитаніи иконъ и о исповѣданіи православной церкви. Въ томъ разговорѣ они называли Феофана «лютеранскимъ защитникомъ и церемонитомъ». Іоасафъ говорилъ такъ о немъ потому, что еще будучи въ невскомъ монастырѣ, въ 1726 году, имѣлъ компанію съ бывшимъ невскимъ намѣстникомъ Варлаамомъ Голенковскимъ, да съ справщикомъ іеромонахомъ Варнавою, и слыжалъ отъ нихъ въ разговорѣ, что Феофанъ содержитъ лютеранскую вѣру. Въ то же время онъ бывалъ у жившаго въ домѣ Феофана, іеромонаха Симона Кохановскаго, и Кохановскій въ разговорахъ съ нимъ разсуждалъ сходно съ лютеранскимъ исповѣданіемъ: и оттого ему показалось, что Феофанъ такой-же вѣры, какъ оный Кохановскій.—Въ 1728 году, когда юный императоръ Петръ II ѣхалъ въ Москву для коронаціи, Феофилактъ, отправляясь также въ Москву, былъ въ Твери, и въ разговорѣ съ Іоасафомъ упоминалъ о книгахъ Стефана Яворскаго, доставшихся ему послѣ смерти Стефана. Іоасафъ вспомнилъ о Камнѣ Вѣры и просилъ у Феофилакта прочесть ее. Феофилактъ отвѣчалъ, что она скоро будетъ напечатана. «Другъ мой И. А. Мусинъ-Пушкинъ старается о томъ неуспынно, а по немъ князь Д. М. Голицынъ и прочіе». Вслѣдствіе этого разговора у Іоасафа съ Рѣшиловымъ опять пробудились надежды на патріаршество Феофилакта.

Въ эту же бытность Феофилакта въ Твери, Рѣшиловъ переведенъ изъ Ракова ¹⁾ въ Клобуковъ монастырь игуменомъ. Послѣ

¹⁾ Въ бытность въ Раковѣ монастырѣ Рѣшиловъ вошелъ въ преступ-

того, ввечеру, въ первыхъ числахъ января, при имѣвшей въ келліяхъ его архіерейскихъ музыкѣ и при пѣніи, Теофилактъ за чашею вина поздравлялъ Рѣшилова съ клобуковскимъ игуменствомъ и называлъ «коханымъ прелатомъ»; а Рѣшиловъ сперва поблагодарилъ Теофилакта, потомъ, держа стаканъ въ рукахъ, сталъ на колѣни и сказалъ: «да здравствуетъ святѣйшій патріархъ всероссійскій». Теофилактъ оглянулся на него прогнѣваннымъ образомъ и, окинувъ взоромъ присутствующихъ, сказалъ: «что ты бредишь?» Рѣшиловъ заговорилъ другое. Тѣмъ та рѣчь и кончилась.—Въ 1729 году, въ осеннее время, когда Рѣшиловъ, по челобитной братіи клобуковского монастыря и вотчинныхъ крестьянъ, позванъ былъ въ Тверь для допроса: тогда молва была всенародная, будто ростовскій архіерей Георгій у князей Долгоруковыхъ, которые тогда были въ знати, чрезъ прислугу дареніемъ лошадей ищетъ себѣ патріаршества и они къ нему добры. И съ той молвы разговаривалъ онъ, Іоасафъ, съ Рѣшиловымъ, что быть ему патріархомъ. Іоасафъ говорилъ Рѣшилову по этому поводу: «увидимъ-де, какъ онъ, Георгій, на патріаршество на лошадахъ въѣдетъ»; и разсуждалъ что онъ—не ученый, и когда патріархомъ будетъ, то всѣ малороссійскіе ученые люди въ изгнаніи отъ него будутъ. При томъ разсужденіи сожалѣя о Теофилактѣ, что противъ ихъ чаянія пошла молва о Георгіѣ, Іоасафъ говорилъ, что вѣрно вышеупомянутые покровители Теофилакта не въ такомъ респектѣ у Государя, какъ Долгорукіе, и потому видится, что нашему архіерею патріархомъ не быть. — Въ томъ же году, въ Рождество, Іоасафъ пріѣхалъ въ Москву къ Теофилакту и привезъ съ собою дѣло Рѣшилова, по жалобѣ клобуковской братіи и монастырскихъ крестьянъ. Въ святки онъ бывалъ у преосвященнаго. Одинъ разъ рѣчь зашла о Государѣ. Теофилактъ съ сожалѣніемъ говорилъ, что Петръ II еще въ молодыхъ лѣтахъ, а наставленія добраго, какъ монархамъ принадлежитъ, дать некому; и вспомянувъ нѣкотораго своего друга Зейкона, хвалилъ его благочестіе и ученіе, и говорилъ, что

ую связь съ женою извѣстнаго В. Н. Татищева, вслѣдствіе чего послѣдній просилъ Сумодъ о разводѣ его съ женою (Анною Васильевою, урожденною Андреевскою, вдовою Рѣткина), съ которой жилъ въ супружествѣ съ 1714 г. и отъ которой имѣлъ сына и дочь. (Дѣла архива св. Сумода, 1728 № 428).

онъ весьма бы надобенъ былъ въ нынѣшнее время къ наставленію государя въ добрыхъ нравахъ и благочестіи. «А нынѣ-де имѣется учитель Остерманъ, да и того Долгорукіе — чтобъ не часто ему съ его величествомъ видѣться—устранили: подъ видомъ возвышенія чести дали ему мѣсто въ Сенатѣ. А хотя-бъ-де онъ, Остерманъ, и всегда былъ при Государѣ, однако въ наставленіи благочестія нечего добраго надѣяться, потому что онъ лютеранской вѣры. Надобно бы его величеству о томъ совѣтовать, да некому. Я-бъ и радъ, да не смѣю. А св. Синоду согласиться невозможно, за тѣмъ, что преосвященный новгородскій и самъ лютеранскій защитникъ, и съ ними-жъ только знается». При этомъ вспомнянулъ о живущемъ въ домѣ Оеофана, іеродіакогѣ Адамѣ, что-де «и Адамъ его по лютеранскимъ домамъ всегда бѣгаетъ, и у генерала Якова Брюса чуть не живетъ». На это слово о Брюсѣ онъ, архимандритъ, сказалъ, что «говорятъ, будто Брюсъ не лютеранинъ, но атеистъ»? «Они и съ такими знаются»—отвѣчалъ Оеофилактъ.

Въ 1730 году Оеофилактъ былъ въ Москвѣ на коронаціи императрицы Анны. По удаленіи изъ Синода, въ августѣ этого года, прибылъ въ Тверь и занялся сочиненіемъ противъ Буддея. Іоасафъ ѣздилъ по порученію его въ Ригу за покупкою бібліотеки Ярмирковскаго ¹⁾. Но у опальнаго Оеофилакта сердце чуяло недоброе. Въ январѣ 1731 года Іоасафъ былъ у Оеофилакта. Архіепископъ не могъ скрыть отъ него своего безпокойства. «Спать не могу, во снѣ пугаюсь и -на яву всегда боюсь». «Чего боитесь ваше преосвященство»—спросилъ Іоасафъ. «Боюсь, чтобъ кто заочно не обнесъ Императрицѣ». Іоасафъ старался успокоить его. Оеофилактъ отвѣчалъ: «знаю, что Императрица милостива; только женское сердце пуще мужскаго».—Весной 1731 года Оеофилактъ посылалъ Іоасафа въ Москву хлопотать объ изданіи книги противъ Буддея и просилъ его не сдѣлаться перекидчикомъ. Іоасафъ общалъ, но потомъ предалъ своего архіерея. Въ раз-

¹⁾ Священникъ Симеонъ Ярмирковскій въ 1721 году взятъ изъ Москвы, отъ Верховой воскресанской церкви въ С.-Петербургъ и опредѣленъ въ Царское Село въ вотчину паницы Екатерины Алексѣевны; вскорѣ послѣ того «за его искусство» переведенъ въ С.-Петербургъ протопопомъ въ успешской церкви; отсюда переведенъ въ Ригу, гдѣ и скончался.

говорѣ съ нимъ, Теофилактъ указалъ еще на другую книгу своего сочиненія, также противъ лютеранъ. «Преосвященный-де Теофанъ блаженной памяти Государю Петру I-му поднесъ съ лютеранской стороны своихъ трудовъ нѣкоторую книжицу. Графъ И. А. Мусинъ-Пушкинъ прислалъ экземпляръ этой книжицы ему, Теофилакту, и велѣлъ ему писать на нее: такъ вотъ онъ и написалъ ¹⁾».

Въ 1731 году Теофилактъ послалъ Рѣшилова, за его противозаконные поступки, подъ началъ къ Іоасафу въ калязинъ монастырь; а Іоасафъ, обманувшись въ патріаршествѣ Теофилакта, представилъ Теофану копію съ Теофилактовыхъ тетрадей и, жалясь на худое житіе у Теофилакта, просилъ Теофана принять его въ свою милость. Теофанъ помогъ ему перейти въ бизюковъ монастырь. Вслѣдъ за нимъ туда-жъ ушелъ и Рѣшиловъ, выпросившись у новаго калязинскаго архимандрита будто на богомолье къ преподобному Сергію.

Старая пріязнь и здѣсь сблизила ихъ. Въ разговорѣ Рѣшиловъ говорилъ Іоасафу, что когда онъ былъ въ расколѣ, ему хотѣлось видѣть архіерея; а по обращеніи своемъ желалъ видѣть патріарха. Маевскій отвѣчалъ на это: «если ты при жизни блаженной памяти Государя Петра II не видалъ патріарха: то ужъ не увидишь». Послѣ того Рѣшиловъ спросилъ: «отчего не сбылось патріаршество Теофилакта»? На это Маевскій отвѣчалъ: «быть бы ему давно патріархомъ, только скрипочки ему, да дудочки, помѣшали». И прибавилъ, что эти слова — объ охотѣ Теофилакта до музыки—онъ слышалъ отъ князя Д. М. Голицына въ бытность въ Москвѣ по дѣлу архіепископа. Іоасафъ защищалъ его предъ Голицынскимъ; но набожный вельможа отвѣчалъ: «полно, полно, я знаю, каковъ вашъ архіерей. Не такъ онъ живетъ какъ отецъ его, преосвященный Стефанъ митрополитъ».

Теофанъ, покровительствуя Іоасафу, сначала не подозрѣвалъ

---

¹⁾ Теофанъ, по поводу этого показанія, объявилъ въ слѣдственной комисіи, что это наносится на него клеветнически, что такой книги Государю онъ не подносилъ. «Не оттого ли эта клевета происходитъ, что онъ въ 1718 году, по просьбѣ Мусина-Пушкина, далъ ему своихъ трудовъ книжицу Ига ветхозавѣтнаго, которая ни какой противности здравому разуму благочестиваго исповѣданія не содержитъ?»

его тактики. Но когда явился пасквиль и подозрительность Феофана перебирала и тѣхъ и другихъ лицъ, его мысль, видимо, не разъ останавливалась на Иоасафѣ. Феофанъ догадывался, что у него съ Теофилактомъ отношенія были не совсѣмъ такія, какими представилъ ихъ Иоасафъ. Зачѣмъ же онъ бѣжитъ отъ Теофилакta и бѣжить въ бизюковъ монастырь?

Но вотъ и еще поводъ къ подозрѣнію. Собирая свѣдѣнія о Рѣшиловѣ, Феофанъ узналъ, что и его въ Твери уже нѣтъ, что онъ переходилъ изъ монастыря въ монастырь и очутился тоже въ бизюковѣ монастырѣ. Здѣсь что нибудь да не такъ. Кто нибудь изъ двухъ виноватъ; но кто? Малая и почти ничтожная сама по себѣ вещь навела мысль Феофана на Рѣшилова. Въ пасквильномъ письмѣ часто упоминалось слово: динкую. «Пришло же намъ, хотя и не скоро, на мысль—писалъ потомъ Феофанъ— что передъ нами, аки бы пошучуя (шутя), таковаго претворенія русскихъ рѣчей на польскія употреблялъ Рѣшиловъ, а напаче сего слова «динкую». И то такъ живо прибралось намъ на память, что на него о сочиненіи извѣстнаго пасквиля подозрѣніе стало и, по многомъ размышленіи, весьма утвердилось, что насъ и подвинуло требовать, дабы его сыскали къ дѣлу».

Теперь и дѣйствія Рѣшилова становились ясными. За чѣмъ онъ бѣжалъ въ бизюковъ монастырь, «который стоитъ на рубежѣ государства»? «А въ томъ подозрѣніи—писалъ Феофанъ— не для того ли онъ туды улетѣлъ, для чего и прежде Сильвестръ Медвѣдевъ туды же прибѣгалъ и покушался, за подобное злодѣйство, казни избѣжать? По многимъ обстоятельствамъ видѣть можно, что Рѣшиловъ на рубежъ прибѣгалъ, дабы, увѣдомлень о происходящихъ на него въ дѣлѣ пасквильномъ поговоркахъ, возмогъ себя скоро спасти переѣздомъ одной небольшою рѣки».

Утвердившись въ этомъ подозрѣніи, Феофанъ придумалъ предлогъ, чтобы вытребовать Рѣшилова въ Москву, а тутъ надѣлся собрать подъ рукою нужныя справки. Синодальный секретарь Дудинъ, по порученію Феофана, взвелъ на него денежный начетъ, рублей на 60. Этого было довольно, чтобы затянуть его въ дѣло. Рѣшилова привезли въ Москву и посадили подъ караулъ. Но слѣдующее обстоятельство еще болѣе усилило подо-

зрѣніе Теофана на Рѣшилова. Изъ-подъ ареста онъ написалъ два слезныхъ письма: одно къ Теофану, дабы онъ своимъ предстательствомъ у Синода освободилъ его отъ платежа похищенныхъ денегъ; другое—къ александроневскому архимандриту Петру Сибличу, чтобы онъ попросилъ Теофана, премилостиваго отца, объ оказаніи ему этой милости. «И сіе его къ Теофану прошеніе и ласкательство—соображалъ Теофанъ—не безъ подозрѣнія. Теофанъ не былъ ему врагъ, да не былъ же и знатный благодѣтель. Еще же чрезъ полныя шесть лѣтъ не писалъ онъ къ Теофану и, бывъ между тѣмъ въ Москвѣ, бывалъ у Дашкова-ростовскаго, а Теофану не являлся; и какъ о бытности его, Рѣшилова, въ Москвѣ, такъ и гдѣ онъ Рѣшиловъ обращался, Теофанъ отнюдь не вѣдалъ. Знато же отъ сего Рѣшилова къ Теофану ласкательства, что онъ размышлялъ съ собою: не прійдетъ ли кому, чтущему письмо пасквильное, на мысль, подумать и объ немъ, яко пасквильномъ авторѣ? И понеже Теофана въ письмѣ пасквильномъ не легко трактуешь, того ради таковымъ, чрезъ письма внушаемымъ своимъ къ Теофану якобы доброжелательствомъ, отводитъ хотѣлъ отъ себя подозрительный вышеупомянутый догадъ».

Рѣшилова привезли въ Петербургъ. Въ канцеляріи св. Синода составили справку о нерѣшенныхъ дѣлахъ, въ которыхъ онъ былъ запутанъ. Это были такіа грязныя и въ то же время важныя дѣла, изъ которыхъ одного было бы достаточно, чтобы этого безчестнаго человѣка, нарушителя всѣхъ ивоческихъ обѣтовъ, правилъ и приличій, предать всей строгости законовъ. Но не по этимъ дѣламъ привезли его въ Петербургъ.—Слѣдованіе поручено произвестъ кабинетнымъ министрамъ вмѣстѣ съ новгородскимъ архіепископомъ.

Въ 1733 году октября 26 Теофанъ объявилъ св. Синоду высочайшее повелѣніе: «иеромонаха Іосифа Рѣшилова, до котораго касается нѣкое особое дѣло, нынѣ отъ рожденія его и какъ отъ раскола обратилъ, тако-жъ и по дѣламъ въ св. Синодѣ имѣющимъ, допрашивать обстоятельно безъ замедленія».—Послѣ приличнаго увѣщанія къ откровенности, съ угрозою «за ложъ жестокаго тѣлеснаго наказанія, то есть въ надлежащемъ мѣстѣ пытки, а потомъ и смертной казни», допросъ открытъ довольно любопыт-

нымъ вопросомъ: «рожденіе твое гдѣ, и отецъ твой не стрѣлецъ ли былъ, и буде стрѣлецъ, котораго полку и живъ ли, и гдѣ начальство имѣетъ и въ какомъ чина нынѣ званіи; или изъ родственниковъ и свойственниковъ твоихъ кто въ стрѣльцахъ не были-ль, и буде были, кто именно, и какъ близко въ родствѣ или свойствѣ тебѣ считались; или и самъ ты въ таковомъ стрѣлцкомъ чину не былъ ли же, а буде былъ, каковымъ образомъ отъ того чина отличился и давно-ль и куда сперва, и не для явнаго-ль подозрѣнія и какого именно?» «Рожденіе его — отвѣчалъ Рѣшиловъ о себѣ въ 3-мъ лицѣ — въ градѣ Бѣлевѣ. Отецъ у него былъ свѣнскаго монастыря крестьянинъ и жилъ въ Бѣлевѣ на монастырскомъ подворьѣ дворникомъ и производилъ мелочную торговлю; въ стрѣльцахъ не былъ; а были въ стрѣльцахъ дяди его по матери въ давнихъ годахъ: одинъ изъ нихъ померъ, а о другомъ ничего неизвѣстно». — «Въ бытность въ расколѣ не имѣлъ ли на себѣ такого званія и правленія, которое приличествовало къ духовному чину, и буде имѣлъ — каковое именно и въ какой силѣ исправленіе чинилъ, и когда и какъ обратился къ православной церкви?» Рѣшиловъ отвѣчалъ, что «въ расколѣ отправлялъ священническую должность, именно обоюбого пола людей, крещенныхъ въ православное исповѣданіе, по раскольническому мудрованію перекрещивалъ и младенцевъ крестилъ и исповѣдывалъ и причащалъ полученными яко бы божественными дарами отъ раскольническаго учителя игумена Іова, который напередъ сего былъ тверской епархіи въ Раковѣ монастырѣ и умре въ прошлыхъ годахъ; и монахи и въ монахини постригалъ, и мертвыхъ погребалъ, и родительницамъ молитвы давалъ, а литургіи по раскольническому мудрованію и никакъ не служивалъ; а изъ раскольническаго заблужденія онъ обратился въ 1719 году таковымъ образомъ: когда былъ въ Керженцѣ присланный отъ нижегородскаго вице-губернатора маіоръ для переписки раскольниковъ въ двойной окладъ; то онъ, Іосифъ, пришелъ къ нему самъ-третей съ учениками своими—монахомъ Діонисіемъ и монахиней Аполлинаріей, и объявилъ, что въ двойной окладъ они записываться не хотятъ; а пусть-де насъ отправятъ къ преосвященному Питириму для разговоровъ изъ писанія. Маіоръ отправилъ ихъ. Изъясненія и увѣщанія Питирима такъ на нихъ подѣйствовали, что они всѣ трое оставили

раскольническую прелесть». Въ такомъ же родѣ и такимъ же порядкомъ допросы Рѣшилову длились въ октябрѣ и ноябрѣ 1733 года. Теофанъ самъ составлялъ вопросы, читалъ показанія, слыхалъ ихъ между собою и требовалъ объясненій и дополненій ¹⁾.

Всѣ дѣйствія Рѣшилова и каждое новое показаніе утверждали его въ подозрѣніи на счетъ виновника папина письма. «По привозѣ Рѣшилова въ С.-Петербургъ — писалъ Теофанъ — когда его синодальный членъ первое о томъ спросилъ просто: для чего онъ въ бизюковъ монастырь пошелъ, онъ на то отвѣтствовалъ: я-де не думалъ за рубежъ изъ царства православнаго отлучиться. Изъ чего ему на мысль пришло такъ отвѣчать?» «Когда ему при министрахъ велѣно письмо пасквильное дать посмотреть, тогда онъ первѣе головою сталъ качать и очки съ носа моргая скинулъ; а послѣ, в одной строки не прочетъ, началъ бранить того, кто оное письмо сочинилъ, называя его проклятымъ, еретикомъ, дьяволомъ».

Изъ Москвы привезенъ былъ собственный скарбъ Рѣшилова — сундукъ или ящикъ, обернутый въ клеенку. Теофанъ, по соглашенію съ кабинетнымъ министромъ Черкасскимъ, вскрылъ, осмотрѣлъ и разобралъ этотъ ящикъ. Найденныя въ немъ письма, «состоявшія въ разныхъ матеріяхъ», перенумерованы цифирными литерами отъ перваго до пятнадцатаго. Теофанъ взялъ ихъ къ себѣ для разсмотрѣнія и по сличеніи ихъ съ подметнымъ письмомъ представилъ въ Кабинетъ при письменномъ доношеніи, которое состоитъ изъ двухъ статей: въ первой изложено *доказательство ясное, что папину письмо — отъ нѣкоего плута вымышленное, и каковое не только не было, но и весьма быть не могло*; во второй — *примѣчанія, которыя подають подозрѣніе въ сочиненіи подметнаго письма на іеромонаха Иосифа Рѣшилова*. Нѣсколько позже Теофанъ подалъ въ Кабинетъ дополнительныя *примѣчанія изъ разныхъ дѣлъ и обстоятельствъ, что извѣстнаго пасквильнаго подметнаго авторъ или сочинитель есть бывший монахъ, что нынѣ разстрига Иванъ Рѣшиловъ, съ оговор-*

¹⁾ На показаніяхъ Рѣшилова встрѣчаются собственноручныя замѣтки Теофана въ слѣдующемъ родѣ: «по коронаціи ея императорскаго величества съ 4 мѣсяца послалъ онъ, по сей сказкѣ, въ старицкій монастырь; а онъ же своеручно написалъ декабря 13 дня 1733 году, будто тверскій архіерей гнѣвался за присягу. Да присягу оную назадъ относить до Петра II. Плутъ явственный.

кою одинакожь: *кроме нѣкихъ немногихъ частей, которыя кажутся выше ума ея.* (Всѣ три статьи напечатаны вполне въ Рыммооскомъ дѣлѣ, 1861 г. Спб. Прилож. стр. 5—16).¹⁾

¹⁾ Любопытна эта часть дѣла по крайне тщательному разсѣдованію этой переписки. Въ одномъ письмѣ Рѣшиловъ проситъ у тверскаго архіерея денегъ на уплату похищенной суммы. «Разсужденія же достойно — пишетъ Феофанъ — какъ онъ тое письмо сочинилъ. Написалъ первѣ похвалу милостины, долгимъ многословіемъ, на подобіе предки. Да вся та похвала сочинена діалектомъ не такъ малороссійскимъ, какъ бы польскимъ, или на польскій образецъ устроеннымъ; изъ чего явно, что Рѣшиловъ въ такомъ-то діалектѣ часто и охотно упражнялся, навпаче въ перепискахъ съ тверскимъ архіереемъ. Но паче всего прикѣчать надлежитъ, что нарѣчіе въ напномъ письмѣ: *благословенство*, изъ польска, вмѣсто *благословенія*, написанное, дважды написалъ Рѣшиловъ и въ семъ своемъ милостини похваленіи. А такового нарѣчія въ русской говоркѣ и малороссійцы не употребляютъ, и ни у кого ни слышать, кромѣ Рѣшилова, не случалось. — «Еще же штиля Рѣшилова со штилемъ напина письма и всего пасквицнаго сочиненія сходство и согласіе слѣдующими прикѣтами, кажется, не темно познаваемъ. А именно: а) Авторъ пасквиля къ сочиненію вершиковъ, хотя весьма неправильныхъ, охотникъ; понеже лан свои и началъ и окончилъ вершиками, и на страницѣ 4 много блазней вершиками изобразилъ. А также къ вершописанію охота и у Рѣшилова. Въ одномъ письмѣ къ тверскому архіерею похвалу ему соплетаетъ сими словесы: «радуясь новый Давиде, побѣдивый Галиаеа, не пращію, но камнемъ вѣры. Стергъ еси супротивные супостаты, реку лютеры и кальвины, и рускіе маловѣры. И надѣяться бы больше того въ дивсмакъ Рѣшилова, еслибы нашлось большее ихъ число. б) Авторъ пасквиля надменныя и высокія прибрететъ рѣчи: тожь дѣлаетъ и Рѣшиловъ въ своихъ тайныхъ письмахъ. в) Авторъ пасквиля любитъ часто много прикладовъ изъ св. Писанія и исторій, тако-жь и разныхъ писателей свидѣтельства употребляетъ. Посмотримъ и на Рѣшилово письмо, гдѣ онъ восхваляетъ милостини многими прикладами и свидѣтельствами; а то дѣлаетъ безъ всякой нужды; только для показанія, что онъ горадо отъ прочихъ монаховъ отличенъ. г) Авторъ пасквиля часто слезы и плачи и вопли пишетъ: тако-жь и Рѣшиловъ. Да и въ томъ его навпаче съ пасквилинкомъ сходство, что къ изъявленію печали однихъ почтай словъ употребляетъ. Напримѣръ, въ пасквилѣ, въ самомъ началѣ: плачуса, рыдай горько; и на страницѣ 7-й: восплачешся и возрыдаешъ горько. Подобно и въ письмѣ къ тверскому архіерею: гласъ мой и рыданіе горькое. Опять въ пасквилѣ: со излзніемъ слезъ; тотъ же образъ рѣчи и въ Рѣшиловомъ въ Студодъ прошеніи: обліся слезами молю. д) Да и въ другихъ необычныхъ, и въ народѣ нечастыхъ словахъ, пасквицнаго и Рѣшилова реченія сходны. Напримѣръ, въ письмѣ напномъ: за вѣру поборать; и въ Рѣшиловомъ: по церкви поборствау. И такъ лживый напа необычнымъ словомъ изобразилъ благодарствіе: вписалъ въ вѣчно достойную себѣ жалость; подобенъ тожь и Рѣшиловъ изобразуетъ въ своемъ къ тверскому письмѣ: сотвори со мною вѣчную память. е) Особливо прикѣчаемъ, что каковымъ видомъ пасквиля изъявляетъ бѣдность крестьянскую (не знаютъ праздника, ни для нос-

Такъ какъ въ отвѣтахъ Рѣшилова сдѣланы указанія на многихъ лицъ, то послѣдовало распоряженіе: вытребовать въ Свѣодъ бизюковскаго архимандрита Іоасафа (Маевского) «якобы съ копіями съ жалованныхъ грамотъ, данныхъ оному монастырю; привести въ С.-Петербургъ подъ крѣпкимъ карауломъ нѣсколько лицъ изъ тверскаго архіерейскаго дома, именно: домовыхъ дѣлъ стряпчаго Ивана Богданова, кашинскаго по духовнымъ дѣламъ подьячаго Ивана Ильина, сторожа Иларіона Еремѣева, да жившаго въ клобуковскомъ монастырѣ, при кельѣ Рѣшилова, іеродіакона Тихона. «Взявъ ихъ — наказано было солдатамъ — сковать тѣхъ людей нѣ ножные кандалы и, разсадя порознь, ѣхать изъ Твери денно и ночью со всякимъ поспѣшеніемъ». Калязинскому, воскресенскому, савинскому и бизюковскому архимандритамъ, у которыхъ онъ жилъ по нѣскольку времени, учинить допросные пункты, а вмѣсто сергіевскаго архимандрита, царскаго духовника Варлаама, допросить тамошняго казначея Нектарія ¹⁾. Черезъ нѣсколько дней (5 марта 1734 г.) потребовали въ С.-Петербургъ ризничаго тверскаго архіерейскаго дома, іеродіакона Александра Судакова.

По прибытіи въ С.-Петербургъ, Іоасафъ позванъ былъ (5-го марта) въ собраніе слѣдственной комиссіи, состоявшей изъ кабинетныхъ министровъ, Ушакова и Теофана. Въ томъ же собраніи слушаны были сдѣланные Рѣшиловымъ показанія о разговорахъ

краснаго, ниже прибѣгнуть къ церкви Божіей): подобно тому пришло на умъ Рѣшилову изобразить бѣдность свою за арестомъ (уже и въ церковь изъ узъ не выпускають, и святые исповѣди и причащенія таинствъ лишихся). А се каково кажется, что авторъ пасквильный на страницѣ 8-й покажетъ одного, другаго и третьяго, именно которые клеветали на Теофана, яко бы въ неправомъ ученіи, а Теофилакта Лопатинскаго, который въ первомъ клеветаніи начальникъ былъ, не воспоминаеть. Значитъ, Лопатинскому пасквильникъ сей былъ подкомандный и ласкательный, и опасался, дабы отъ именованія Лопатинскаго не произошло на него подозрѣніе. И се, кажется, не безъ хитрости, что пасквильникъ черезъ сіе заглавное письмо свое клеветаетъ на всѣхъ знатнѣйшихъ людей, будто они уклонились въ люторскую вѣру, а котораго человѣка начальникомъ того уклоненія ставить, того не въ лютераны, но въ паписты прозвелъ, значитъ для того, чтобъ не было помысла, которой онъ есть факціи и команды.

¹⁾ Объ Ильинѣ и троицкомъ казначеѣ Нектаріѣ Теофилактъ и Варлаамъ доносили, что они уже померли—Ильинъ въ 1729 году, Нектарій въ 1734 г.; а іеродіаконъ Тихонъ находится неизвѣстно гдѣ.

насчетъ патриаршества и о произнесеніи Маевскимъ въ тѣхъ разговорахъ: «вотъ-де регламентъ духовный напечатали, да и сами того не хранять», и о сказкѣ, взятой съ тверскаго архіерея въ томъ; чтобъ не писать возраженія на лютеранъ въ защиту Камня Вѣры подъ лишеніемъ живота, и о написанныхъ по латинѣ у Іоасафа двухъ книжицахъ, которыя онъ хотѣлъ всюду распубликовать друзьямъ своимъ и пріятелямъ, «да вѣдать будутъ про то въ Кіевѣ и въ Польшѣ ревнители по благочестію и явленъ будетъ защитникъ ихъ лютеранскій Феофанъ, архіепископъ новгородскій», и о поносительствѣ Феофана, великоновгородскаго и великолудскаго, и въ называніи его преосвященства церемонитомъ лютерскимъ, а тверскаго—столпомъ церковнымъ непоколебимымъ.

Іоасафъ допрашиванъ былъ по всѣмъ пунктамъ показаній Рѣшилова; но отговаривался почти отъ всего незнаніемъ, «сожалѣя»—какъ впоследствии объяснялъ—«старость преосвященнаго Феофилакта» и надѣясь, что такое сложное и запутанное дѣло потянется-потянется, да и замолкнетъ. На счетъ патриаршества показалъ, что при государѣ императорѣ Петрѣ II была народная молва о посвященіи въ патриарха бывшему ростовскому, и о томъ съ Рѣшиловымъ онъ говорилъ, а о посвященіи Феофилакта не говаривалъ. «Зачѣмъ онъ принялъ къ себѣ въ бизюковѣ монастырѣ Рѣшилова?» «Рѣшиловъ, пришедъ ко мнѣ, объявилъ, что не знаетъ, гдѣ главы приклонить и просилъ, чтобъ ему пожить до зимняго пути, а зимой-де пойдетъ въ св. Синодъ. Хотя онъ въ принятіи Рѣшилова, безъ виду, и имѣлъ сомнѣніе, однакожь принялъ его, склоняясь на его жалкое положеніе и въ томъ признаетъ себя виновнымъ. По приходѣ къ нему, Рѣшиловъ показывалъ, что былъ въ троицкомъ и воскресенскомъ монастыряхъ и въ послѣднемъ по Никонѣ патриархѣ глѣз панихиду». Когда ему показали известное подметное письмо, Іоасафъ сказалъ, что рука не Рѣшилова, что онъ мелкимъ уставомъ не пишетъ; а въ разговорахъ «динку» Рѣшиловъ употреблялъ ли, онъ не слыживалъ. Впрочемъ—прибавилъ Іоасафъ—бывалъ онъ (Рѣшиловъ) въ Венгерахъ, на Подолѣ и на Вольни». Засѣданіе окончилось тѣмъ, что Ушаковъ предложилъ допросить Феофилакта по дѣлу о патриаршествѣ.

7 марта Иоасафъ допрашиванъ былъ въ св. Синодѣ. На вопросъ — «когда и какъ онъ познакомился съ Рѣшиловымъ?» — Иоасафъ отвѣчалъ, что познакомился съ нимъ еще въ бытность его антоновскимъ архимандритомъ; потомъ онъ присланъ былъ къ Иоасафу въ калязинъ въ число братства и опредѣленъ въ конюшіе. Разговоровъ у нихъ не бывало, развѣ про народную молву, что скоро будутъ посвящать въ патріархи архіерея ростовскаго. «Въ бытность Рѣшилова въ бизюковѣ монастырѣ онъ имѣлъ съ нимъ удивительные разговоры, а именно о состояніи разныхъ кривотолковъ раскольниковъ — о христовцинѣ, поповцинѣ, безпоповцинѣ и о ея *іосифовщинѣ*, которые онъ, архимандритъ, слушалъ ради единой куріозности. Рѣшиловъ говорилъ объ этомъ прилагая себѣ похвалу, сколько въ обращеніи тѣхъ раскольниковъ потрудился и сколько учинилъ св. Синоду прибыли; и потомъ заключилъ свою рѣчь, будто бы его за то обращеніе весь свѣтъ ненавидѣтъ, а больше всѣхъ имѣетъ гнѣвъ на него архіепископъ Леонидъ, который яко бы чинилъ знатнымъ раскольникамъ поваровку и закрывательство. Рѣшиловъ говорилъ, что онъ доносилъ объ этомъ св. Синоду и что у Леонида потребовали сказку, но онъ заперся во всемъ — такъ то дѣло и кончилось.» Въ письменномъ изложеніи этихъ показаній, 9 марта, Иоасафъ присовокупилъ, что Рѣшиловъ, бывши въ Польшѣ еще раскольникомъ, жилъ подъ протекціею польскаго князя Любомирскаго, и что въ бизюковѣ монастырѣ онъ прибылъ съ паспортомъ отъ калязинскаго архимандрита Іосифа, выданнымъ ему на богомолье въ Москву и къ преподобному Сергію. Преемникъ Иоасафа въ калязинскомъ монастырѣ архимандритъ Іосифъ, по требованію св. Синода, прислалъ объясненіе, что онъ отпустилъ Рѣшилова на богомолье къ преподобному Сергію, и съ простоты забылъ написать, чтобы онъ опять возвратился въ калязинъ монастырь.

Пока эти розыски продолжались, Теофанъ объявилъ въ Синодѣ словесно, что 16 марта ея императорское величество, присутствуя въ зимнемъ своемъ домѣ, именнымъ указомъ повелѣла: содержащагося при Синодѣ, по нѣкоторымъ важнымъ дѣламъ, іеромонаха Іосифа Рѣшилова, за его важныя по онымъ дѣламъ разнорѣчія и склонныя къ нему важныя жъ подозрѣнія, іеро-

монашества и монашества лишить и, по лишеніи, отослать для слѣдованія въ Тайную канцелярію въ немедленномъ времени.

Іеродіаконъ Судаковъ при допросѣ 22 марта показавъ, что о взятіи Рѣшилова изъ бизюкова монастыря преосв. Феофилактъ и онъ слышали, но что до этого онъ былъ тамъ, не знали. Архіерей говорилъ только въ разговорахъ: «не ушелъ бы онъ опять въ дѣса». На вопросъ:— «не говорилъ ли чего Рѣшиловъ о церковныхъ чинахъ и дѣлахъ»—отвѣчалъ, что «можетъ быть и говорилъ, да онъ того не знаетъ. Много онъ врагъ, да не все у него слушать; а что онъ врагъ, того онъ, Судаковъ, вспомнить не можетъ».

29 марта преосвященный Феофанъ предложилъ Синоду, что калязинскій архимандритъ Іосифъ дасть Рѣшилову паспортъ подозрительный, не прописавши о возвращеніи его опять въ тотъ монастырь. «Да онъ же архимандритъ является въ неслуженіи торжествъ и панихидъ, изъ чего показуется нѣкое къ фамиліи е. и. в. недоброжелательство. Да онъ же архимандритъ и постриженіе въ монашество чинилъ въ противность указамъ, и потому подозрителенъ». Савинскій архим. Антоній, у котораго проѣздомъ былъ Рѣшиловъ, на посланные ему пункты первоначальные и дополнительные, отвѣчалъ также неудовлетворительно и неосновательно. На этомъ основаніи положено было вызвать ихъ въ С.-Петербургъ для личныхъ объясненій. Апрѣля 1-го велѣно также вытребовать въ С.-Петербургъ изъ Твери секретаря архіерейскаго дома Алексѣя Давыдова, съ обыкновенными предосторожностями; а 26 апрѣля—сына его, бывшаго подъячаго тверскаго архіерейскаго дома, а въ ту пору бизюковскаго іеродіакона, Алимпія Давыдова.

Исторія этого послѣдняго довольно любопытна. Въ 1731 г. послѣ троицына дня, передъ десятой пятницей, преосвящ. Феофилактъ пріѣхалъ въ калязинскій монастырь и привезъ съ собою нѣсколько челоуѣкъ пѣвчихъ. Калязинскимъ архимандритомъ былъ въ то время Іоасафъ. Изъ Калязина архіерей ѣздилъ въ Кашинь для служенія и бралъ Іоасафа съ собой. Послѣ того ѣздилъ на освященіе церквей въ кашинь и рябовъ монастыри безъ него, архимандрита. Іоасафъ съ Рѣшиловымъ ѣздили тѣмъ временемъ въ монастырское сельцо Сергіевское, версты съ три отъ монастыря и, подъ хмѣлькомъ, нарядивши въ свое монашеское платье пѣвчаго

Давыдова, любовались имъ, какъ статнымъ чернецомъ. А какъ Давыдовъ былъ не прочь отъ этого платья, то на другой же день, передъ ранней обѣдней, и постригли его, чтобы сдѣлать сюрпризъ Теофилакту. Архіерей, возвратившись съ освященія церкви, изумился, увидѣвъ предъ собой такъ неожиданно и такого юнаго монаха. (Ему было только 16 лѣтъ). «На что ты, сударь мой, постригася — говоришь преосвященный; «ты еще молодъ и совершенно монашескаго чина понести не можешь». Но дѣло ужъ было сдѣлано. — Отъ Алимпія надѣялись узнать многое, потому что онъ былъ молодъ и потому что на него падало подозрѣніе въ перепискѣ рѣшиловскаго письма. Съ нимъ потребовали всѣ его бумаги и книги всякаго званія, все что писано его рукою, не исключая и церковныхъ поминаній. А братію и начальствующихъ въ близкомъ монастырѣ велѣно допросить: нѣтъ ли у него, Алимпія, гдѣ нибудь книгъ и писемъ въ положеніи и все, безъ остатку, не разсматривая никому, прислать въ Синодъ (1 мая).

Политика слѣдователей состояла въ томъ, чтобы собрать всѣ лица, прикосновенныя къ дѣлу Рѣшилова и, не давая замѣтить ни одному, что они здѣсь собраны всѣ вмѣстѣ, повѣрять показанія ихъ другъ другому. Содержать ихъ приказано было другъ отъ друга порознь, и никого къ нимъ ни для чего не допускать, чернилъ и бумаги не давать, съ крѣпкимъ наблюденіемъ, чтобы утечки и здравію своему поврежденія учинить они не могли. Потомъ объявлено всѣмъ, что сокрытіе чего нибудь изъ дѣяній Рѣшилова или изъ разговоровъ съ нимъ будетъ вѣннено имъ въ преступленіе. Каково было подсудимымъ, когда сидя за карауломъ, они должны были терзать свою память, чтобы припомнить свои разговоры съ Рѣшиловымъ за годъ, за два, а иные — и за семь и за восемь лѣтъ передъ этимъ, — когда не только скрыть, но и не вспомнить, вѣннено было въ преступленіе. А въ собраніи при допросахъ являются улыбки, говорятъ и обличаютъ языки, которыхъ не видишь и присутствія неподозрѣваешь! Легко представить, въ какое мучительное состояніе приводило это подсудимыхъ¹⁾.

¹⁾ Вотъ изображеніе его по официальнымъ запискамъ. «6 мая караульный подраверщикъ объявилъ, что содержащійся подъ арестомъ савинскій

Кромѣ архимандритовъ всѣ подсудимые содержались въ желѣзныхъ оковахъ. Страданія ихъ душевныя и тѣлесныя были ужасны. Иеродіаконъ Судаковъ въ концѣ апрѣля такъ занемогъ, что судьи послали къ нему доктора. Штабсъ-лекаръ Флейпсъ, по осмотрѣ, пустилъ изъ лѣвой руки кровь и объявилъ въ собраніи, что та лѣвая рука отъ умноженія крови распухла, и что ее надо натирать. У Давыдова на ногахъ сдѣлались раны. Верхняго платя не давали и бѣлья не перемѣняли. Рѣшиловъ жаловался, что онъ «пребываетъ едва не нагъ». Допросы то одному, то другому продолжались почти каждый день. И съ какими увѣщаніями! «Вѣрилъ бы онъ, что за показаніе истины не былъ бы лишень милости; напротивъ же того вѣдалъ бы, что имѣеть то показать чрезъ кровопролитіе, о которомъ ему нынѣ объявляется, что той крови пролитія состоятъ будетъ виною онъ»... «Подъ страхомъ за лживый отвѣтъ, по изобличеніи, не токмо лишенія монашескаго чина и священнаго сана, но и жесточайшаго въ надлежащемъ мѣстѣ тѣлеснаго истязанія». Хорошее увѣща-

---

архимандритъ (давшій уже показаніе 8 мая), требуетъ представленія предъ собраніе и хочетъ объявить нѣчто. Положили — допустить. На другой день явившись предъ собраніе, онъ попросилъ бумаги и чернилъ и, написавъ нѣчто, вручилъ присутствующимъ; но потомъ опять просилъ сдѣлать дополненіе, и по окончаніи его все то снова переписалъ на бѣло и сказалъ, что больше того онъ показать не знаетъ. Его отпустили. Спустя съ часъ, онъ просится опять передъ собраніе и просить показать ему его писаніе. И по многимъ спросамъ: чего ради онъ того посмотрѣнія требуетъ, говорилъ: не описался-ль? Выѣсто успокоенія его стали уговаривать, чтобъ сдѣлалъ праведное показаніе. И на то, съ полчетверти часа бывъ яко въ изумленіи, сказалъ, что въ бѣломъ у него есть что-то, чего онъ въ черномъ не написалъ. У него взяли и черное, съ напоминаніемъ, что отговариваться безпачетствомъ напрасно и ему, по званію его, не должно. Архимандритъ отвѣчалъ на это, что у него меланхолія: на это объявлено, что затѣваетъ онъ то на себя ложно. Чтожъ это было за показаніе? «Въ прошломъ 1732 году, въ Москвѣ, на подворьѣ саввина монастыря въ кельяхъ былъ разговоръ о смерти императора Петра I, что болѣзнь его тяжкая была и слышно было стenanіе при дворцѣ. И то я слышалъ отъ солдатъ на Котлинѣ острову въ тѣхъ же числахъ, какъ Государь скончался». «Еще былъ разговоръ съ нимъ, Рѣшиловымъ, про св. Синодъ, что дѣла продолжаютъ, а при патриархѣ якобы скорѣе отправлялись». — При дѣлѣ приложены оба показанія архимандрита и — черновое показаніе совершенно согласно съ бѣлымъ!

ніе! Теофанъ самъ читалъ всѣ показанія, слыхалъ, писалъ новые вопросы, сводилъ обличенныхъ на очныя ставки, не щадя увѣщаній ¹⁾).

13 мая сдѣланъ новый допросъ саввинскому архимандриту въ домѣ Теофана. «Какая рѣчь была о вице-президентѣ св. Синода и не говорено-ль было, чтобъ быть иному, а не преосвященному Теофану»? «Эта рѣчь была года съ два, когда Георгій Дашковъ, что нынѣ простой схимонахъ Гедеонъ, да Игнатій, присутствовали въ Синодѣ. Говорено было и прежде, къ разговору о патриаршествѣ. Рѣшиловъ назначалъ патриархомъ то Георгія, то Питирима. А онъ архимандритъ на это сказалъ: что были-де патриархами троицкіе архимандриты». Потомъ увѣщаніе—значитъ приступъ къ важнѣйшимъ вопросамъ. Угадывая это Антоній сказалъ: «и на Бога-де хульная рѣчь приходитъ; а на Государыню. если бы что могъ припомнить, сказалъ бы. А про патриарха-де и отцу духовному не исповѣдался». За тѣмъ возобновили прежній допросъ о словахъ про кончину Петра. «И то говорено было съ сожалѣніемъ или не сожалѣя? Про дѣла, про жизнь Петра не говорено-ль чего? О титулѣ императорской? Любилъ ли Рѣшиловъ Петра»? На это архимандритъ отвѣчалъ: «гдѣ ему любить? А о поступкахъ его говорено развѣ о славенѣ, что оно не хорошо». Въ тотъ же день, послѣ допросовъ, Теофанъ съ Черкасскимъ приказали свозить архимандрита въ Тайную канцелярію къ Рѣшилову и спросить: знаютъ ли они другъ друга? Когда показали ихъ другъ другу, спросили сперва Рѣшилова про архимандрита, кто онъ таковъ? Смотря на него Рѣшиловъ отвѣчалъ: «въ персону кажется ему, что савинскій архимандритъ; а подлинно онъ ли, не утверждается». Потомъ спросили архимандри-

¹⁾ Инструкція, писанная Теофаномъ, для руководства при допросахъ, составляетъ образецъ полицейскаго таланта: «пришедъ къ (подсудимому); тотчасъ ни мало не медля допрашивать. Всѣмъ вопрошающимъ наблюдать на глаза и на все лице его: не явится ли на немъ какое измѣненіе, и для того поставить его лицомъ къ окошкамъ. Не допускать говорить ему лишняго и къ вопросамъ не надлежащаго, но говорить бы то, о чемъ его спрашиваютъ. Сказать ему, что если станетъ говорить: неупомню, то сказанное непамятство причтется ему въ званіе. Какъ измѣну, на лицѣ его усмотрѣнную, такъ и всѣ рѣчи его записывать».

та о Рѣшиловѣ: не знаетъ ли онъ, кто этой такой? Архимандритъ отвѣчалъ, что не можетъ признать (и неудивительно; потому что, вѣрно, разстрига Рѣшиловъ не много походилъ на игумена Рѣшилова). И когда ему сказали, что это Рѣшиловъ, то архимандритъ поклонясь сказалъ: «ой благодарень, отче святыи!» Съ тѣмъ и разошлись.

Затѣмъ, почти безостановочно, пошли допросы и очныя ставки Рѣшилову, калязинскому, саввинскому и бизюковскому архимандритамъ, Давыдову съ сыномъ, подъячимъ и всѣмъ лицамъ, прикосновеннымъ къ дѣлу. Рѣшиловъ, съ своей изворотливой совѣстію, утѣшался тѣмъ, что страдаетъ за добрыя дѣла. «Вотъ-де и выслужилъ св. Синоду, ѣздячи за раскольниками и въ сборѣ денегъ, которыя и отданы: нажилъ себѣ тюрьму и бѣдность, а раскольникамъ радость. Кто-де насъ не погонитъ, то всѣ пропадаютъ—слыхалъ-де онъ отъ нихъ. Вотъ-де и ему пришло тожъ. Кабы за ними не ѣздилъ, то бы и въ тюрьмѣ не сидѣлъ и всякія нужды не видалъ». Рѣшиловъ былъ человекъ въ одно и то же время и дурной и болтливый. Ничего не понимая, обо всемъ разсуждалъ и со всѣми толковалъ: о солдатахъ, что они не бодры и очень не надежны, и еслибъ въ народѣ стала смута или замѣшательство, то отъ нихъ не много помощи надѣяться, объ отягощеніи народа, о недородахъ хлѣбныхъ, о иноземцахъ, находившихся въ службѣ русской, о распоряженіяхъ св. Синода, обо всемъ. «Вотъ-де—разсуждалъ онъ съ симоновскимъ экономомъ Серафимомъ—по указамъ св. Синода, которые были указы напередъ сего, о привѣсахъ на св. иконахъ и рѣзныхъ иконахъ, о свѣчахъ въ церквахъ и о голбцахъ, что надъ умершими, о малыхъ монастыряхъ и пустыняхъ въ приписку къ большимъ монастырямъ: за все токмо Θεодосій пропагъ, а ихъ святѣйшества какъ живутъ, такъ живутъ». Правду сказалъ о немъ саввинскій архимандритъ Антоній: «Рѣшиловъ какъ мельница на весь свѣтъ мелеть». То мечталъ онъ о епископствѣ, то о схимонашествѣ въ бизюковѣ монастырѣ. «Схимонашескій образъ онъ, Рѣшиловъ, въ бизюковѣ монастырѣ воспріять хотѣлъ ли, о томъ я нижайшій (Іоасафъ Маевскій) не знаю, и у трезваго его о семъ не слыхалъ. А напившись пьянъ онъ, Рѣшиловъ, говаривалъ, что желалъ бы онъ въ бизюковѣ монастырѣ схимонахомъ быть и ке-

люю себѣ построить. И я низжайшій оныя его Рѣшилова пьяныя рѣчи выѣнялъ въ смѣхъ, а не въ правду».

Лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу Рѣшилова допрашивали объ образѣ его жизни и дѣйствіяхъ, что и когда онъ писалъ, съ кѣмъ когда видѣлся, кому что говорилъ о знатныхъ лицахъ. Напримѣръ саввинскаго архимандрита допрашивали 11 іюня (1735 года): «не говорилъ ли онъ съ Рѣшиловымъ о покойномъ генералъ-фельдцейхмейстерѣ Брюсѣ и о генералѣ Лефорть, что они тщатся русскихъ людей склонить и привести на унию? Не разсуждали ль, яко бы Государыня имѣла намѣреніе выдать дочь Черкаскаго, князю Варвару, за оберъ-гофмаршала графа Левенвольда? Рѣшиловъ говорилъ о Черкасскомъ съ архимандритомъ Маевскимъ и, какъ водится, сдѣлалъ свое замѣчаніе: «какъ-де тому статья? понеже Левенвольдъ не славенъ, нововыгѣзжій изъ Курляндіи, а князь Черкасскій изъ первыхъ». Рѣшиловъ спрашивалъ у Маевского объ учителѣ Зейконѣ, что былъ у Нарышкиныхъ, а потомъ у государя императора Петра II, и преосвященному Теофилакту былъ великій другъ и обсылывалъ табакомъ, и банкетовали почасту; а нынѣ-де отправленъ въ свою землю, и на его мѣсто къ Государю опредѣленъ Остерманъ». Саввинскій архимандритъ, котораго спрашивали обо всемъ на свѣтѣ и «о древнихъ кесаряхъ римскихъ и о томъ, что такое атеисты, и о новопосвященныхъ и посвящаемыхъ архіереяхъ», объявилъ наконецъ, что у него отъ постоянныхъ допросовъ и отъ многого подъ арестомъ пребыванія, нѣтъ ни ума, ни памяти. Архимандрита Маевского спрашивали, по содержанію пасквильнаго письма, «о прежде бывшихъ еврейскихъ и грекоримскихъ царяхъ, добрыхъ и злыхъ, о Давидѣ, Соломонѣ, Іосіа, Іоасафатѣ, Езекии, Юліанѣ, Константинѣ, Валентѣ, — о духовныхъ дѣтяхъ Теофилакта изъ высшихъ, среднихъ и меньшихъ лицъ, умершихъ и живыхъ».

Послѣ Рѣшилова и Маевского важнѣйшимъ колодникомъ былъ Алимпій. 4 іюня 1735 года члены слѣдственной комиссіи собрались у Теофана, чтобы въ его присутствіи сдѣлать допросъ подозрительному монаху. Алимпій упорно отказывался незнаемъ. «Ни укоризненныхъ словъ о высочайшихъ особахъ, ни о томъ, что съ еретиками или съ иновѣрными въ бракъ вступили и входятъ въ церковь допустили, и что постъ разрушили, въ монашескій

чинъ постригать запретили, также монахамъ юнымъ ожениться, а монахинямъ молодымъ въ замужество посягать велѣли, церкви не по старому обычаю, но шпичомъ строить и во образъ органовъ на колокольныхъ играть, а иконы на холстахъ писать приказали, ни что всѣ или кого нибудь изъ Россіи на унию приклонились, ни о письмѣ папинѣ — никогда ничего не слыхивалъ». Чего не сдѣлали увѣщанія и угрозы, того надѣялись отъ пытки. По явившимся на Алимпія подозрѣніямъ, архіепископъ Феофанъ «за краткость времени, продолженія не терпящую», тутъ же именовъ св. Синода лишилъ Алимпія іеродиаконства и монашества; а гг. министры и генералъ-кавалеръ Ушаковъ приговорили отдать его въ истязаніе въ Тайную канцелярію. Протоколъ канцеляріи объ этомъ подписанъ Феофаномъ, Остерманомъ, Ягужинскимъ, Черкасскимъ и Ушаковымъ.

Всѣ вопросы клонились къ тому, чтобы убѣдиться, что Рѣшиловъ есть авторъ пасквильнаго письма и что онъ принадлежитъ къ одной партіи съ Родышевскимъ, съ распространителями латинской пропаганды въ Россіи, съ сторонниками патриаршества, съ противниками существующаго правительства, которое склоняется, по ихъ словамъ, къ лютеранству и, однимъ словомъ, съ безчисленными заговорщиками и бунтовщиками, которыхъ такое множество собрано было въ Синодъ и въ Тайную канцелярію — съ Родышевскимъ и Аврамовымъ, съ Рибейрой, съ Ливеріемъ Коллетти, съ Платономъ и проч. И наконецъ къ этой же партіи, по мнѣнію Феофана присталъ, въ надеждѣ достигнуть патриаршества, тверскій архіепископъ Феофилактъ Лопатинскій.

Показанія Іоасафа Маевского утверждали его въ этомъ подозрѣніи. Іоасафъ показалъ, что Рѣшиловъ, по приѣздѣ въ близковъ монастырь, спрашивалъ его архимандрита: «гдѣ нынѣ Маркель Родышевскій обрѣтается?» Іоасафъ отвѣчалъ, что «чай давно въ ссылкѣ». Рѣшиловъ спросилъ: «что его дѣла?» Іоасафъ отвѣчалъ: «протестовалъ онъ на преосв. Феофана, и за то былъ въ С.-Петербургѣ подъ карауломъ и въ невскомъ монастырѣ подъ началомъ; потомъ въ Москвѣ явился и жилъ подъ началомъ въ симоновѣ монастырѣ и въ томъ симоновѣ монастырѣ, согласясь съ нѣкимъ бригадиромъ, составили подметное письмо, про которое въ-

дагь попъ нѣкакой, и оный попъ Теофана о томъ письмѣ извѣстигь заблаговременно; и знатно оное письмо было дурное». Послѣ того Рѣшиловъ спросилъ его: «какъ же дѣло то кончилось? Иоасафъ отвѣчалъ: «дѣло то захвачено и пропало». «А бригадиру тому что было?» «Чай, что и онъ пропагь». ¹⁾ Въ ту же бытность въ бизюковѣ монастырѣ Иоасафъ, вспомнивъ о кончинѣ Петра I, говорилъ Рѣшилову, что «такого Государя, всему свѣту славнаго и врагамъ страшнаго, въ Россіи не было. Одно только, не былъ ли онъ склоненъ къ лютеранской вѣрѣ? Говорили о духовномъ Регламентѣ: «вотъ-де Регламентъ напечатали, да и сами того не хранять. По Регламенту велѣно въ домахъ архіерейскихъ имѣть школы, а тѣхъ школъ, кромѣ преосв. Теофана, никто не содержитъ. По Регламенту-жъ опредѣлено архіереямъ каждый годъ посѣщать свою епархію: а того имъ учинить за присутствіемъ въ Синодѣ невозможно; благочинные-жъ хотя и ѣздятъ по епархіямъ, только себѣ собираютъ деньги» ²⁾).

Дѣло Рѣшилова не могло не безпокоить Теофилакта. Его должно было крайне тревожить, когда приѣзжавшіе изъ Тайной канцеляріи солдаты таскали одного за другимъ разныхъ лицъ архіерейскаго дома и его епархіи. Наконецъ дошла очередь до него самого. Въ 1735 году апрѣля 10 прискакалъ къ нему курьеръ изъ С.-Петербурга съ пакетомъ. Курьеру приказано было вручить Теофилакту пакетъ и объявить ему, чтобъ онъ отвѣтъ свой свое-ручно подписалъ на той же бумагѣ, на которой вопросъ написанъ, и что на разсужденіе ему дается 3 часа. Во все это время курьеръ

¹⁾ Здѣсь очевидно передается въ искаженномъ видѣ исторія о тетрадахъ «житія Теофанова», которыя попали въ руки Теофану чрезъ священника спасской церкви въ Чигасахъ. А бригадиръ этотъ — Дмитрій Порѣцкій, который вмѣстѣ съ Аврамовымъ бывалъ у Варлаама и разговаривалъ съ нимъ; но принималъ ли онъ какое участіе въ дѣлѣ Родышевскаго, неизвѣстно.

²⁾ Въ замѣткахъ, сдѣланныхъ Теофаномъ на тетрадахъ Родышевскаго о монашествѣ, въ 1734 году, Теофанъ прямо указывалъ на сходство многихъ рѣчей въ этихъ тетрадахъ съ пасквилямъ Рѣшилова. «Оттого знать, что Рѣшиловъ или тетради сію чегъ, или въ схожичествѣ съ симъ премудрымъ авторомъ былъ». Въ другомъ мѣстѣ: «сіи рѣчи, кажется, въ большомъ пасквили обрѣтаются». «О семъ пишеть и извѣстная пасквиль». (Тетради Родышевскаго о монашествѣ — въ Государственномъ архивѣ, въ дѣлахъ Теофана Прокоповича. Показанія Маевского въ Дѣлахъ арх. св. Синода, 1738 года № 152).

долженъ былъ наблюдать архіерея съ глазу на глазъ, чтобы онъ въ тѣ часы никуда не отлучался, никого къ себѣ не допускалъ и тайно ни съ кѣмъ не говорилъ. Въ вопросѣ, скрѣпленномъ подписью кабинетныхъ министровъ—Остермана, Ягужинскаго и Черкаскаго, написано было: «вѣдаете ли вы какого человѣка, который бы таковыхъ рѣчей: наипилшій, коханный, благословенство, динкую и прочихъ, якобы на образецъ польскаго языка устроенныхъ, употребляетъ пріобыкль?» Теофилактъ отвѣчалъ: «отнюдь не вѣдаю.» Чрезъ нѣсколько дней, 22 го апрѣля, прискакалъ другой курьеръ съ новымъ вопросомъ: «не такъ ли иногда съ вами говорилъ бывший іеромонахъ, что нынѣ разстрига Іосифъ Рѣшиловъ? И въ своихъ къ вамъ письмахъ таковыхъ, будто бы польскихъ, нарѣчій не употреблялъ ли? Такожде и вы, въ вашихъ къ нему поговоркахъ и письмахъ, таковыхъ же на стать такую словъ, хотя и насмѣшкою, не произносили ль? На сіе вамъ отвѣтствовать какъ и прежде, при вручителѣ сего въ три часа.» Теофилактъ отвѣчалъ, «что можетъ быть и говорилъ, но не помнитъ этого, потому что Рѣшиловъ жилъ не при немъ, а въ дальнемъ отъ него разстояніи.»

Но какъ его отвѣты показались неполными и неудовлетворительными, то Кабинетъ потребовалъ его въ С.-Петербургъ. Св. Синодъ съ своей стороны объявилъ, что до него касаются разныя дѣла по духовному суду; а по прибытіи Теофилакта, взялъ съ него росписку, что безъ соизволенія св. Синода онъ не уѣдетъ изъ С.-Петербурга, хотя бы отъ Кабинета былъ уволенъ. Теофилактъ заарестованъ былъ на тверскомъ подворьѣ, на Васильевскомъ островѣ.

Синодскій секретарь Муриновъ, объявлявшій Теофилакту указъ св. Синода, представилъ подробное донесеніе о своемъ разговорѣ съ преосвященнымъ, то есть о томъ, что говорилъ преосвященный при слушаніи указа. «Когда преосвященный подписался, то стоявъ немного у стола, выговорилъ таковыя рѣчи, въ присутствіи приставленныхъ къ нему Кабинетомъ курьеровъ: «вотъ-де я думалъ, что лекаръ пришелъ, ая-де бѣды принесъ. Дойдетъ и до васъ». Потомъ сѣлъ на постель и спросилъ у Муринова: «можетъ ли преосвященный крутицкій?» «Можетъ». «Кто здѣсь изъ архіереевъ?» Синодальные члены вашему преосвященству извѣст-

ны. «Кто еще?» «Чередной». «Кто вѣдѣ рязанскій? Да, Алексѣй». (27 июня).

30 мая, 26 и 29-го іюня слѣдовали допросы Теофилакту. Но какъ его отвѣты опять показались неудовлетворительными и не согласными съ показаніями Рѣшшлова, то коммиссія положила привести его къ присягѣ. Указъ объ этомъ, за подписаніемъ членовъ св. Синода и кабинетныхъ министровъ, объявленъ былъ Теофилакту 7 іюля 1735 года ¹⁾. Вмѣстѣ съ указомъ сообщена ему и форма присяги, особливо на этотъ случай сочиненная Теофаномъ ²⁾.

¹⁾ «Пожоже ты на посланные къ тебѣ четыре допроса отвѣтствовалъ весьма, повидимому, не прямо, ибо на первый апрѣля 10 и на второй апрѣля 22 писанные сказалъ ты, что весьма не вѣдаешь, чего нельзя, кажется, было тебѣ не вѣдать; а на третій мая 30 писанный, гдѣ Рѣшшлова именовавшаго также незнаемъ отговаривался, чего никто не надѣялся; а въ Кабинетѣ, 26 дня іюня, первѣе въ незнаемъ томъ утверждался, покажеть Рѣшшловыхъ къ тебѣ и твоихъ къ Рѣшшлову писемъ не показали, а по объявленіи писемъ оныхъ сказалъ ты, что забытѣемъ прежде того не написалъ и твое въ томъ незнаніе показывалъ; а на четвертый вопросъ, іюня 29 тебѣ посланный, еще паче прежнихъ отвѣтовъ твоихъ отвѣтствовалъ ты (какъ по всѣмъ обстоятельствамъ и рѣчамъ того же отвѣта твоего разсуждаемъ) не совѣстно, суетно, огурно и самымъ, какъ въ прежнихъ отвѣтахъ твоихъ, такъ и въ послѣднемъ томъ, написаннымъ словамъ твоимъ не согласно и отнюдь не сходно, и потому показать ты самъ себя къ подозрѣнію извѣстнаго слѣдуемаго злаго умысла близкимъ: того ради, по именному ея императорскаго величества указу, высокоучрежденные кабинетные министры и синодальные члены согласно приговорили: привести тебя, при знатныхъ духовнаго и мірскаго чина особахъ, къ присягѣ, по приложенной при семъ формѣ. И дабы ты впредь не отговаривался малымъ къ разсужденію даннымъ тебѣ временемъ и торопкимъ домогательствомъ, дается тебѣ на разсужденіе, идти ли тебѣ къ присягѣ, или сказать, что знаешь, довольное время, а именно до десятаго числа сего іюля мѣсяца. А между тѣмъ и то тебѣ во извѣстіе предлагается, что если ты не вступаа въ присягу, не скрытно и прямо покажешь, что надлежащее къ прежнимъ даннымъ тебѣ допросамъ вѣдаешь: то какъ бы ни былъ виновать, по благоутробному ея императорскаго величества милосердію получишь прощеніе. Если же присягою завяжешься, а послѣ съ другой какой стороны покажеться, что присягалъ ты ложно: то не льзя себѣ вѣдай несумнѣнно, что каковаго суда и осужденія самъ ты признаешь достойными во джу призывающихъ Бога свидѣтеля, таковой судъ и осужденіе съ тобою будутъ».

²⁾ «Я нижеподписавшійся клянусь Богомъ живымъ, что на поданныя мнѣ, по именному ея императорскаго величества указу, допросы: первый — апрѣля 10 дня, другой — апрѣля 22, третій — мая 30, четвертый — іюня 29 дня 1735 года писанные, отвѣтствовалъ по сущей истинѣ, ничего не утаивая, но столько,

Можно было предугадать отвѣтъ Теофилакта. Посланные съ указомъ симоновскій и чудовскій архимандриты съ оберъ-секретаремъ Дудинымъ и секретаремъ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ Хрущовымъ донесли Синоду, что Теофилактъ «прочеть все, мало помедля, говоритъ: какъ онъ не зналъ—не вѣдалъ, и ни языка-де, ни доносителя нѣтъ, ан-де велѣно ему отвѣтствовать. И того отвѣтствія (говоря сердито и грубо) посланные требовали у него весьма торопоко и понудительно, и такъ о требуемыхъ у него рѣчахъ, — каковыхъ-де, яко недостойныхъ памяти, и что-де силы въ нихъ никакой нѣтъ, вспомнить тогда не могъ, и на умъ ему не пришло, — и не показалъ. А что нынѣ ему ея императорскаго величества указомъ повелѣвается присягу учинить, то исполнить готовъ, да и самъ онъ желалъ того; понеже совѣсть его въ томъ не зазреть и никто въ томъ на него показать и доказать не можетъ».

Какъ совершилась присяга, приводимъ подлинный актъ, подписанный синодальными членами и генералъ-адъютантомъ Ушаковымъ.

«Въ назначенный день, 10 іюля, къ члену святѣйшаго правительствующаго Синода преосвященному Питириму, архіепископу нижегородскому и алаторскому, по полуночи въ седьмомъ часу, въ присутствіе прибыли: св. Синода членъ, преосвященный Лео-

---

сколько зналъ я и знаю, произнося, и что съ бывшимъ іеромонахомъ Іосифомъ, что нынѣ разстрига Иванъ Рѣшиловъ, и ни съ кѣмъ другимъ, какого бы то ни былъ званія, въ словесныхъ и письменныхъ на ея императорское величество нареканіяхъ, не имѣлъ согласія и сообщества, и никакихъ отъ него Рѣшилова или отъ другаго кого ни есть говоренныхъ на ея императорское величество нареканій и поношеній никогда не слышалъ и не видалъ, и никакимъ другимъ способомъ не вѣдалъ и нынѣ не вѣдаю. Также что писанные отъ мене на вышеупомянутые вопросы отвѣты, безъ всякаго тайнаго въ сердцѣ моемъ толку и подложнаго другаго образа, прямыя и истинныя суть, въ такой силѣ и разумѣ, въ каковой силѣ и разумѣ писанными мною рѣчами показуются, и какъ отъ чтущихъ, такъ и отъ слышащихъ оныя разумѣются, тоже сказую по силѣ клятвенныхъ словъ моихъ. И все то сею моею присягою предъ всевѣдущимъ Богомъ неелестно, нелицемѣрно, и не за страхъ какой, но христіанскою совѣстію утверждаю. Буди мнѣ единый Огъ Сердцевѣдецъ свидѣтель, яко не лгалъ въ отвѣтахъ и не лгу въ сей клятвѣ моей; а если лгалъ, или лгу, той же Богъ, яко праведный судія, да будетъ мнѣ отпиститель. И въ заключеніе сего цѣлую крестъ и слова Спасителя моего, и рукописаніемъ моимъ сію мою присягу закрѣплюю.

нидъ, архіепископъ сарскій и подонскій, генералъ и кавалеръ лейбъ-гвардіи семеновскаго полка подполковникъ, и ея императорскаго величества генералъ-адъютантъ Андрей Ивановичъ Ушаковъ, да синодальные жъ члены Ааронъ, архимандритъ чудовскій, Иларіонъ, архимандритъ новоспасскій, Амвросій, архимандритъ симоновскій. И отъ означенныхъ присутствующихъ персонъ синодальный секретарь Иванъ Муриновъ посыланъ дважды къ имѣющимъся при Теофилактѣ архіереѣ тверскомъ кабинета ея и. в. курьерамъ съ таковыми объявленіи: впервые, чтобъ оный архіерей тверской былъ къ выходу въ церковь для исполненія повелѣннаго ему въ готовности; а вторично, дабы съ онымъ архіереемъ тѣ курьеры шли въ церковь Успенія пресвятыя Богородицы, что въ Никольской, близъ тверскаго архіерейскаго подворья (гдѣ оный тверской архіерей содержится) обрѣтающуюся. А сами оныя присутствующіе поѣхали въ церковь и, по прибытіи ихъ присутствующихъ во оную церковь и по приведеніи архіерея тверскаго, по полуночи въ началѣ осьмага часа, выгребована у него архіерея, данная ему архіерею, форма извѣстной присяги, которая имъ и объявлена, и потомъ сказано ему архіерею: если совѣсть его не зазритъ, приступилъ бы ко учиненной ему присягѣ; на сіе сказалъ архіерей Теофилактъ: «готовъ и совѣсть его не зазритъ; развѣ впредь не покажется-ль, да не думаетъ того; но надобно-де объявить, что на него показано». На сіе сказано ему: «онаго, что въ присягѣ заключается, требуется у него не о будущемъ, но о прошедшемъ». И потомъ пришедъ онъ, архіерей, къ налою, гдѣ Евангеліе и Крестъ въ обычномъ мѣстѣ поставлены были, говорилъ онъ, архіерей, такое слово: «какъ-де и отвѣта у меня требовано, поступлено не право — имѣя въ рукахъ у себя мой письма, а прежде вопроса мнѣ ихъ не объявили и не показали, а объявили послѣ; а присяга сія не такъ ли мнѣ дѣлается, какъ отвѣтовъ требовано и хорошо-ль это такъ дѣлать?» На оныя ему рѣчи сказано тому архіерею Теофилакту, что оную присягу ему повелѣнно учинить по всемилостивѣйшему ея и. в. указу и обойтись кромѣ присяги не можно, понеже по разсмотрѣнію высокосіятельныхъ господъ министровъ и св. Синода членовъ показались о немъ не малыя важныя сомнительства, и требуется тал присяга по самому дѣлу, и если совѣсть его въ томъ не зазритъ, сомнѣвать-

ся не о чемъ; а буде въ чемъ зазреть, разсудить бы». И выслушавъ оное, бывъ въ немаломъ смятеніи, какъ видно было, на оныя рѣчи сказалъ: «совѣсть его не зазреть и готовъ исполнить». И приступя къ самому налою, положи присягу на Евангеліе, читалъ ее вслухъ присутствующимъ. И какъ сталъ ее оканчивать чтеніемъ, дважды плакалъ. И окончивъ тое присягу, поцѣловавъ слова и крестъ Спасителя нашего, отступилъ отъ налоя и подписался подъ присягою своеручно. И по подпискѣ оная присяга у него взята. И притомъ вышеозначеннымъ присутствующимъ генераломъ и кавалеромъ, лейбъ-гвардіи семеновскаго полка подполковникомъ и ея и. в. генералъ-адъютантомъ А. И. Ушаковымъ объявлено, дабы онъ, архіерей, данный ему о учивеніи означенной присяги, за руками высокоосіятельныхъ господъ министровъ и св. Синода членовъ и его превосходительства, указъ имѣлъ при себѣ въ секретѣ и какъ обрѣтающимся при немъ караульнымъ, такъ и никому иному отнюдь не объявляя и словесно о томъ ничего не произнося. Что выслушавъ, сказалъ: «извольте указъ у меня принять». На сіе ему его жъ превосходительствомъ объявлено: «его-де превосходительство того принять собою не можетъ, а имѣлъ бы оный указъ онъ архіерей, такъ какъ ему объявляется, до указа, при себѣ». На что онъ архіерей сказалъ: чинить потому такъ буду. Тѣмъ оное дѣйствіе и заключилось».

Синодальные члены въ тотъ же день донесли Феофану, въ его приморскую мызу за Петергофомъ, что «извѣстная ему персона присягу учинила, а какимъ образомъ, донесемъ вашему преосвященству впредь; а нынѣ, за нижеупомянутымъ случаемъ нечаяннымъ, времени не достало». По странному стеченію обстоятельствъ, въ тотъ же самый день случилось происшествіе, которое замѣтно обезпокоило многихъ. Вечеромъ, одинъ изъ синодальныхъ членовъ, новоспаскій архимандритъ Иларіонъ, возвращаясь отъ преосвященнаго Питирима на свое подворье, на пути внезапно скончался. «Сказываютъ, что въ то время, не доѣхавъ до дому, противу гостинаго двора изъ коляски выпалъ, но не усмотря того служители безъ него нѣсколько и отъѣхали. И увидя то караульные солдаты, стоящіе у гостинаго двора, покойнаго архимандрита служителейъ вскрикали и подняли его на дорогѣ, гдѣ онъ изъ коляски

выпалъ, уже умерша. И тако разсуждается, что оный смертный часъ прилучился тогда отъ убою, какъ изъ коляски выпалъ, понеже на лѣвомъ вискѣ имѣется багрово». Бывшій при освидѣтельствovanіи докторъ объявилъ, что убила его конечно внезапная апоплексія. Между другими, Теофанъ замѣтно былъ обезпокоенъ этимъ событіемъ; но и событіе и безпокойство скоро забылись. Архимандрита Иларіона похоронили въ невскомъ монастырѣ, въ которомъ онъ прежде былъ намѣстникомъ.

Іюля 11 синодальные члены послали къ Теофану подробное извѣстіе (актъ) о совершеніи присяги; а на другой день получили отъ него собственноручный отвѣтъ слѣдующаго содержанія: «сего 11 дня получилъ я исправно писаніе святыни вашей, которымъ изволите мнѣ повѣстить о событіи извѣстнаго дѣла: за что я всепокорно преосвященству вашему благодарствую и при семъ благопочтенно предлагаю, что такую же дѣйствія онаго повѣсть, по моему мнѣнію, надлежитъ копіею, съ подписаніемъ рукъ святыни вашей (а хорошо бы, и съ подписаніемъ руки его сіятельства генерала Андрея Ивановича Ушакова, если можно) написать къ лицу ея императорскаго величества и прислать сюда, для врученія ея величеству».

Августъ, сентябрь и большая половина октября прошли въ допросахъ разныхъ лицъ. Ключъ ко всѣмъ домашнимъ тайнамъ Теофилакта, ко всѣмъ его дѣйствіямъ и разговорамъ, данъ былъ Рѣпиловымъ въ его показаніяхъ. За нимъ, обладаженный милостію, ступилъ Маевскій и подтвердилъ всѣ показанія Рѣпилова, описавъ всю жизнь Теофилакта, сколько она была видна имъ, всѣ его разговоры съ ними, всѣ поступки, которыхъ они были свидѣтелями или участниками.

По всѣмъ показаніямъ Рѣпилова и Маевскаго Теофилакту сдѣланы были новые допросы и между прочимъ *секретныя*, касавшіяся государственныхъ дѣлъ. Поводъ къ разговорамъ объ этихъ дѣлахъ подавали сперва неопредѣленность относительно порядка русскаго престолонаслѣдія, потомъ издававшіяся по этому предмету постановленія съ тайными статьями. Напримѣръ у Маевскаго, а потомъ и у Теофилакта спрашивали: «говорили-ль они, что Государынь цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ наслѣдницею россійскаго

престола уже не быть, того ради, что, по преставленіи государя императора Петра II-го, о принятіи императорскаго російскаго престола отъ гг. министровъ было ея высочеству предлагаемо и ея высочество, какъ слышно было, яко бы того отрещись изволила; — что принцесса Анна Леопольдовна крещена въ лютеранскій законъ; — что при сочетаніи княжны Екатерины Иоанновны съ мекленбургскимъ герцогомъ договоръ такой состоялся, дабы будущія отъ нихъ какъ мужеска такъ и женска пола дѣти крещены были по герцогу въ лютеранскую вѣру («судить Богъ П. И. Ягушинскому: все то онъ дѣлагъ», прибавлялъ будто бы Маевскій) и что для того и ея высочество, принцесса Анна (Леопольдовна) крещена въ лютеранскую вѣру, которою и по нынѣ содержитъ; — что оставшійся послѣ цесаревны Анны Петровны († 1728 г.) отъ голштинскаго герцога сынъ Карлъ Петръ Ульрихъ (впослѣдствіи императоръ Петръ III) наслѣдникомъ російской имперіи быть не можетъ; потому что отецъ его герцогъ, имѣя наслѣдственное право на шведскій престолъ, уступилъ это право въ пользу своего сына, и что онъ содержитъ вѣру лютеранскую; что кромѣ принцессы Анны наслѣдникомъ російскаго престола быть не кому; и если кто достойный изъ высокихъ европейскихъ герцоговъ сыщется къ вступленію съ нею въ супружество: то можетъ и тотъ по самодержавной ея величества власти и изволенію быть наслѣдникомъ російскаго престола, и хотя бы онъ былъ инаго исповѣданія, то можно въ договорахъ утвердить, чтобъ ему быть нашей православной вѣры; — наконецъ, о покойной императрицѣ Екатеринѣ что когда къ ней придешь, такъ дожидаясь—стоишь много, а ея не увидишь».

За тѣмъ пошли опять разные вопросы Теофилакту по показаніямъ Рѣшилова, Маевского, Давыдова и прочихъ прикосновенныхъ лицъ. На вопросъ: за тѣмъ онъ взялъ съ собою Рѣшилова, которому безъ указа св. Синода, не велѣно выѣзжать изъ С.-Петербурга, Теофилактъ далъ отвѣтъ, сообразный съ тѣмъ, что мы сказали выше о Рѣшиловѣ. Св. Синодъ нашелъ этотъ отвѣтъ неудовлетворительнымъ. Въ одномъ засѣданіи синодальный секретарь словесно предложилъ, что когда передъ этимъ онъ былъ, по порученію св. Синода, у преосвященнаго Теофилакта, то Теофилактъ спросилъ: «гдѣ живетъ теперь преосвященный Теофанъ,

велѣлъ отдать ему поклонъ отъ себя и просилъ, не можно-ль его преосвященству обослать его отъ рыбы? «На что разсуждаемо, что «къ пропитанію даются ему деньги, изъ которыхъ можно ему и рыбу покупать». «Какъ онъ произвелъ Рѣшилова въ игумена, когда онъ не его епархіи? Теофилактъ отвѣчалъ, что «по обращеніи изъ раскола Іосифъ не приписанъ былъ ни къ какой епархіи и пришелъ къ нему, какъ овца, не имущая пастыря; хотя онъ и обманулъся въ немъ, но въ то время полагалъ приличнымъ наградить его, располагая этимъ примѣромъ другихъ къ обращенію изъ раскола». И этотъ отвѣтъ найденъ неудовлетворительнымъ.

Въ избѣжаніе проволочки, рѣшено было допрашивать Теофилакта словесно въ присутствіи Синода. На 45 вопросовъ подсудимый далъ показанія по архіерейству.

Между прочими ему сдѣланъ вопросъ: что, по его мнѣнію, кромѣ непреложно вѣруемыхъ въ христіанствѣ догматовъ, таковыя и заповѣдей, непремѣннаго исполенія требующихъ, признается за среднее, за нужду нѣкую могущее быть отмѣненнымъ? Теофилактъ отвѣчалъ, что «по его мнѣнію къ безразличнымъ или среднимъ вещамъ относятся: крестохожденіе, водоосвященіе, погребеніе мертвому учинить безъ церемоніи церковной, крестить больного за немошь безъ молитвъ единою формою: во имя Отца и Сына и Святаго Духа, и матерію, — въ нуждѣ болѣзни пріобщать св. Таянъ ядшаго, маслосвятіе, кое можно учинить и единому священнику, и прочая симъ подобная, которая если бы подробно исчислять—могутъ найтись довольно».

Дѣло его оставалось въ одномъ положеніи до смерти Теофана. Между приближенными Теофилакта ходила молва, будто духовникъ Теофановъ совѣтовалъ ему передъ смертью помирился съ Теофилактомъ. Но Теофанъ отвѣчалъ съ неистовымъ гнѣвомъ: «о духъ проклятый Лопатинскій!» (*Записки Евдокимова*).

XXIII.

Продолженіе слѣдствія по дѣлу о житіи Феофана и о подметномъ письмѣ.

- 1) Иеромонахъ Макарій.—Живописецъ Березинъ и устюжская партія.—Курская партія.—Никитинъ.—Допросы и изсѣзанія Яковлева.—Допросы и смерть Барсова.

Въ промежуткахъ отъ допросовъ главныхъ лицъ, въ разныя времена допрашивали и рѣшали дѣла о виновныхъ въ меньшей степени. — Въ 1732 г. 4 октября допросили извѣстнаго переписчика Осиповыхъ тетрадей *іеромонаха Макарія*. Онъ показалъ, что ту тетрадь далъ ему Іона въ архимандричьей кельѣ, снявши съ полки. «Вотъ, говоритъ, послушай, я прочитаю». И послѣ того далъ переписать. Макарій возражалъ было, что не смѣетъ взяться за это; но Іона обнадежилъ его, что ничего за это не будетъ. Когда Макарій переписалъ одну тетрадь, Іона далъ ему за работу звѣно соеной рыбы, да кувшинъ пива, да вина двѣ чарки. Декабря 16 Кабинетъ рѣшилъ его дѣло: бить плетью и освободить. — Въ 1732 г. 8 октября рѣшено дѣло устюжской партіи. Живописецъ *Березинъ* хаживалъ къ Варлааму, потому что писывалъ ему иконы и портреты. Разъ пришелъ онъ на троицкое подворье съ устюжскимъ купцомъ Герасимомъ Сѣдельниковымъ для покупки книгъ. Іона спросилъ его про бывшаго епископа устюжскаго Лаврентія: какъ онъ съ подданными обходится? Сѣдельниковъ сказалъ, что не безъ труда, что-де онъ человекъ нравный и много бьетъ безвинно. По случаю разговора о Лаврентіѣ Іона вспомнилъ о Феофагѣ: вотъ-де у меня о новгородскомъ «житіи», и далъ Березину съ Сѣдельниковымъ. Березинъ прочиталъ его Сѣдельникову, а для себя снялъ копію. Сѣдельниковъ показалъ, что ничего не выразумѣлъ изъ читанной тетради. Кабинетъ рѣшилъ: Березина бить плетью и освободить, а Сѣдельникова освободить безъ битья. — Подьяка устюжскаго архіерейскаго дома *Полова* (*Венчикъ* онъ же) за то, что переписывалъ тетрадь для Березина, и товарища его *Алехтеева* за то, что читалъ эту тетрадь, бить

плетями и освободить. — 16 декабря состоялись опредѣленія — о бывшемъ вагенмейстерѣ при домѣ Екатерины Іоанновны Степанѣ *Колобовѣ*: бить плетями и освободить; священника *Василія Амичева*, который бралъ у Колобова тетрадь, тоже; синодальнаго подьякона *Петра Федорова*, который бралъ тетради у Осипа, — тоже. Для учиненія имъ этого наказанія отослать ихъ въ Синодъ. Москвичей посадскихъ людей — *Кузнецова* (Северинъ онъ же), *Донцова*, *Мартынова*, копіиста *Андрея Павлова* — тоже. Копіиста *Муромцова*, который объявилъ тетрадь самъ собою, освободить безъ наказанія. — Въ слѣдующемъ году 19 марта рѣшено дѣло курской партіи: дьячка *Сафрона Фимитова* и гбѣвчаго *Михайлова* освободить; слугу курскаго монастыря *Стряпченко* за то, что читалъ тетрадь, бить плетями и освободить. Престарѣлый архимандритъ *Михаилъ* скончался въ Москвѣ подъ арестомъ: Дворянина *Перфильева* бить плетями и освободить; строителя софроньевой пустыни *Сергія* освободить; Аврамова челоувѣка *Николая Аванасьева* освободить. — Келейника Родышевскаго *Парфенова* — въ солдаты въ низовый корпусъ. — Солбинскій іеромонахъ *Іаковъ* заявилъ свою вину такъ: «Аврамовъ на троцкомъ подворьѣ разговоры съ нимъ раза съ два на единѣ имѣлъ такіе, что Маркелгъ-де страждетъ за доношеніе свое на новгородскаго архіерея, потому что показываетъ о ересяхъ того архіерея, которыхъ онъ напечаталъ въ книгахъ: въ духовномъ регламентѣ, о блаженствахъ, о покаяніи, о крещеніи; а въ книгѣ о блаженствахъ ереси напечатаны такія, что будто бы кромѣ пресвятой Богородицы, Іоанна Предтечи, дѣвственниковъ другихъ нѣтъ; также будто бы св. мученики мучителей не укоряли; и при томъ оный Аврамовъ разсуждалъ, что-де въ апокалипсисѣ напечатано: дѣвственниковъ будетъ запечатлѣнныхъ Господнею печатью сто и четыре тысячи; также-де апостолы Петръ и Павелъ, и архидіаконъ Стефанъ первомученикъ и прочіе святыя мученики мучителей укоряли. И Родышевскій-де явные доводы на того архіерея объявляетъ. На что Іаковъ отвѣчалъ, что онъ челоувѣкъ темный и ничего разсудить не можетъ; пускай-де разсуждаетъ кто знаетъ. Послѣ того Аврамовъ ни о чемъ съ нимъ не разговаривалъ». — 20 марта Кабинетъ приговорилъ: бить его плетями и сослать въ дальній монастырь въ братство.

Мы выше упоминали ужъ о двоюродномъ братѣ Ионы Романѣ Никитинѣ. Теперь дошла очередь и до другихъ *Никитиныхъ*. Въ 1732 году августа 8 взяты въ Тайную канцелярію еще два брата Никитины — Иванъ и Иродіонъ. Романъ и Иванъ были художниками и при Петрѣ обучались за границей; а Иродіонъ былъ протопопомъ московскаго архангельскаго собора. Они также обвинены были въ чтеніи и распространеніи Иониныхъ тетрадей. Къ домамъ Романа и Ивана Никитиныхъ приставили караулъ, такъ что ни къ нимъ придти, ни отъ нихъ выдти. Сначала дѣло ихъ взято было въ Кабинетъ; но 12-го сентября 1732 года сдано въ Тайную канцелярію. Разстрига Осипъ показалъ на Ивана Никитина, что онъ давалъ читать извѣстную тетрадь своему зятю по сестрѣ Томилову, а на Иродіона — что онъ читывалъ ее своимъ прихожанамъ. *Томиловъ* былъ подъячій сибирскаго приказа. Иванъ Никитинъ сознался, что давалъ ему читать извѣстную тетрадь, когда тотъ у него больнаго ночевывалъ. А протопопъ Иродіонъ сознался, что читывалъ ее своимъ прихожанамъ отъ простоты — комиссару Назимову, канцеляристу Денисову и Якову Чекину. 2 октября 1732 года арестовали и отправили въ С.-Петербургъ Томилова; а 9 октября изъ Кабинета приказано арестовать Назимова, Денисова и Чекина. 15 ноября Салтыковъ отправилъ ихъ въ С.-Петербургъ, вмѣстѣ съ отобранными у нихъ книгами и бумагами. Положеніе семейства Романа Никитина, разорваннаго съ цѣлымъ міромъ, было невыносимо. Въ 1733 году іюля 23 Салтыковъ доносилъ Тайной канцеляріи, что женѣ Романа Никитина стало ѣсть нечего; которые были въ домѣ припасы, оныя всѣ безъ остатку употреблены въ расходъ, и нынѣ ей продать нечего и пищи получить неоткуда, въ чемъ претерпѣваетъ отъ холоду и голоду великую нужду. Тайная канцелярія 8 августа дозволила людей освободить на росписки, а жену Романа держать подъ арестомъ по прежнему; и ежели она Романова жена пожелаетъ изъ людей своихъ послать для взятъя себѣ на пропитаніе къ свойственникамъ своимъ или къ постороннимъ къ кому, и въ томъ ей позволить; тако-жъ ежели кто и къ ней пришлетъ что на пищу, то оное отдавать ей черезъ караульнаго офицера. Отъ этого положеніе дѣла не улучшилось. Люди разошлись въ разныя стороны, а жена съ дѣтьми

осталась безпомощна. Салтыковъ доносилъ еще разъ Тайной канцеляріи 30-го ноября, что она умираетъ отъ голоду и холоду. Однакожь еще два года держали ее въ такомъ положеніи. Только въ 1735 году декабря 20-го Тайная канцелярія дозволила «жену Никитина, до которой по слѣдствію въ Тайной канцеляріи ничего нынѣ не касается, освободить впредь до указу на росписку».

Виновникъ несчастія Никитинныхъ, разстрига Осмиъ, скончался въ крѣпости 25 ноября 1734 г. А колодники Никитины все еще держались въ Тайной канцеляріи. Отъ нихъ все еще ждали какой-то тайны, которая грозитъ бѣдою міру. Въ декабрь 1735 г. Тайная канцелярія положила—лишить Иродіона Никитина протоіерейскаго званія и священства. Сунодъ командировалъ для этой печальной церемоніи троицкаго протопопы Ивана Семенова, который исполнялъ опредѣленіе Тайной канцеляріи и снялъ санъ съ Никитина. Въ знакъ того снятія острижены у него на головѣ и бородѣ волосы.—3 января 1736 года привели его въ застѣнокъ. Несчастнаго подняли на дыбу и спрашивали съ крѣпкимъ подтвержденіемъ: для чего онъ, зазывая къ себѣ прихожанъ своихъ, читалъ имъ извѣстную тетрадь о житіи Θεοφана? Съ пытки онъ говорилъ: «о новгородскомъ архіереѣ Θεοφанѣ съ вышеобъявленными людьми разговоры онъ имѣлъ и показанную извѣстную тетрадь читалъ безъ всякаго умысла, отъ простоты своей, а болѣе все оное происходило отъ него во время того, когда случался быть онъ пьянъ». Сверхъ того Родіонъ показалъ: «о братьяхъ своихъ Иванѣ и Романѣ Никитинныхъ слышалъ онъ, а когда и гдѣ—не упомнить, что они напредь сего въ давныхъ годѣхъ въ письмахъ — а въ какихъ именно, того не слыкалъ — были подозрительны, а въ какомъ подлинно подозрѣніи, того онъ не знаетъ и ни отъ кого о томъ не слыкалъ. А сперва о вышепоказанномъ о всемъ не показалъ онъ и безпамятствомъ отговаривался отъ страха въ торопяхъ, боясь въ томъ истязанія, а нынѣ о вышеозначенномъ о всемъ показываетъ онъ по чистой своей совѣсти и въ томъ утверждается». Ему дали 15 ударовъ и опять отвели въ казематъ. Изнемогая отъ болѣзни и заключенія, несчастный въ тоже время не имѣлъ достаточнаго содержанія. Онъ подалъ въ Тайную канцелярію прошеніе, чтобы ему въ счетъ

его игѣнія дали что нибудь на содержаніе. «Недостойный именованія—писалъ онъ—прежде бывший протопопъ, нынѣ же пребѣдный невольникъ, падъ лицеzemно со слезами богоподобнаго милосердія прошу». Ему отказали.

Дѣло Никитиныхъ кончилось и судьба ихъ рѣшена ужъ послѣ смерти Феофана. Въ 1737 году 5 ноября Государыня утвердила докладъ Тайной канцеляріи: 1) роспопу Родіона, вмѣня ему, по высочайшему милосердію, бывшіе розыски и долговременное подъ арестомъ содержаніе въ наказаніе, сослать въ Сибирь въ охотскій монастырь и содержать его въ монастырскихъ трудахъ вѣчно нигуда нескходно; 2) Ивана Никитина бить плетьюми и послать въ Сибирь на житье вѣчно за карауломъ; 3) Романа Никитина послать въ Сибирь, съ женою его, на житье вѣчно за карауломъ; 4) означенныхъ роспопы и братьевъ его дворы и пожитки, сколько чего у нихъ имѣется, отдать имъ на пропитаніе. 5) Томилова, учиня ему наказаніе плетьюми, отослать въ Военную коллегію для написанія въ солдаты.—Иванъ и Романъ Никитины возвращены изъ ссылки 19 декабря 1740 года.

Въ томъ же (1736) году и въ тотъ же день (3-го января) привели въ застѣнокъ *Александра Яковлева*. Феофанъ сочинилъ для него новые вопросы — все о выпискахъ на правилѣ къ божественному причащенію: 1) кто оныя въ книгахъ разныхъ прискалъ и кто писалъ? 2) если самъ онъ Александръ то дѣлалъ, то имѣлъ ли и имѣеть ли у себя книги тѣ, напримѣръ Маргаритъ, Ефремъ, и проч. и гдѣ нынѣ онъ? 3) Книги, которыхъ на русскомъ переводѣ нѣтъ, напримѣръ Августина, Іеронима, Галена врача и проч., кто ему и гдѣ и когда показывалъ или изъ нихъ выписки подавалъ? 4) къ чему и на чье лицо и съ каковымъ намѣреніемъ сіи онъ выписки собиралъ — понеже многія таковыя здѣ написаны, которыя ниже мало годятся къ его званію, да и обличенія наносятъ на нѣкоторыхъ знатныхъ особъ? 5) показывалъ ли онъ кому сіи выписки и кому именно, и многилъ ли и что о томъ, разсуждали? 6) списывалъ ли кто у него сіи выписки и кто именно и чего ради? 7) самъ онъ, или кто другой съ нимъ, употреблялъ ли нѣкіихъ изъ сихъ выписокъ къ нѣкоему дѣлу или къ сочиненію какихъ писемъ — показавъ бы о всемъ именно? 8) Кромѣ сихъ здѣ собранныхъ выписокъ,

не имѣлъ ли онъ и нынѣ не имѣеть ли и другихъ еще и гдѣ? Яковлевъ утверждался на прежнемъ показаніи, что разныя выписки на правилѣ къ божественному причащенію сдѣлалъ съ простоты для памяти; а списывалъ изъ книгъ и изъ предикъ, которыя слышалъ въ законоспасскомъ монастырѣ; ни у кого не видалъ такихъ выписокъ и ни къ какому сочиненію не приготовлялъ; а бумагу, чернилъ и священника послѣ первой попытки просилъ въ безпамятствѣ. Въ этотъ разъ было ему 16 ударовъ. Окончательный приговоръ о немъ состоялся, ужь по смерти Теофана, 18-го октября 1737 года. По высочайше утвержденному приговору велѣно бить его кнутомъ и сослать въ охотскій острогъ на житье вѣчно. На пути объявлено ему, что ежели о имѣвшемся въ Тайной канцеляріи дѣлѣ станеть что ни есть разглашать и объ этомъ донесено будетъ — и за то казненъ будетъ смертью.

Въ тотъ же день (3-го января 1736 года) привели въ Тайную канцелярію *Барсова* и спрашивали про повѣсть о иконѣ Спасителевой у Мануила царя: откуда онъ взялъ ее и для чего? Барсовъ показалъ, что не помнить, а имѣлъ ее за-просто; а Александру Яковлеву давалъ по простосердечію для чтенія. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ (22-го мая 1736 года) Барсовъ скончался въ крѣпости, приготовившись къ смерти исповѣдію, причащеніемъ Святыхъ Таинъ и даже елеосвященіемъ. Тайная канцелярія приказала священнику съ причетникомъ іоанно-предтеченской церкви, что въ московской ямской слободѣ, 24-го мая похоронить его при означенной церкви. Послѣ Барсова остались малолѣтніе дѣти Антонъ и Елена, мачиха, да дочь Марья за мужемъ.

По дѣлу Барсова взять былъ въ Тайную канцелярію ректоръ московской академіи, законоспасскій архимандритъ, *Софроній Малиновичъ*. Въ показаніяхъ своихъ, на допросахъ въ Тайной канцеляріи, онъ говорилъ, что Барсовъ хаживалъ къ нему изъ - подъ караула и жаловался, что «пребываетъ въ скорби». Софроній писалъ о немъ къ ипатскому архимандриту (Платону Малиновскому), прося помочь ему. Барсовъ просилъ написать также къ префекту Нероновичу и монаху Конашевичу, который взять въ Корпусъ. — Допросили Малиновскаго. Онъ

показалъ, что къ нему писалъ о вспоможеніи Барсову іеромонахъ законоспасскаго монастыря Теофилактъ Журавскій. — Софронія допрашивали о подметныхъ письмахъ и о сношеніяхъ съ Рибейрой. «О подметныхъ письмахъ слыхалъ отъ учениковъ, а съ Рибейрой—хаживали другъ къ другу».—Въ 1733 году 20 марта состоялось рѣшеніе: «архимандрита Софронія, хотя онъ по означенному дѣлу и подозрителенъ былъ, но токмо изъ того его подозрѣнія никакихъ послѣдствій дальней важности не касается, изъ-подъ караула освободить».

2) Печерскіе старцы и книга Аванасія Великаго.

Въ ту пору, когда начиналось дѣло Аврамова и Родышевскаго, т. е. въ 1730 году, въ Москву прибыли печерскіе старцы по дѣлу печерской архимандріи. Одинъ изъ нихъ былъ Исаія, другой Иннокентій. Изъ послѣдующихъ показаній Исаіи мы узнаемъ, что онъ родился въ Малой Россіи, въ изюмокомъ полку, въ мѣстечкѣ Андреевкѣ, отъ козака Семена Петрова; въ мирѣ звался Осипомъ; учился грамотѣ въ мѣстечкѣ Сорочинцахъ лѣтъ съ пять; потомъ присталъ къ живущему тутъ сербскому нисскому епископу Рувину и находился у него въ услуженіи лѣтъ съ пять; послѣ того, 1710 года, въ мѣстечкѣ Сосницахъ черниговскаго полка, въ преображенскомъ монастырѣ постриженъ въ монашество, а въ 1712 г. перешелъ въ кіево-печерскій монастырь уже діакономъ и принятъ тамошнимъ архимандритомъ Аванасіемъ Миславскимъ; въ 1727 году посвященъ въ іеромонаха; въ 1728 году отправленъ былъ по дѣламъ въ С.-Петербургъ, а возвратившись жилъ по монастырскимъ же дѣламъ въ Москвѣ.

Въ 1730 г., 12 ноября, скончался печерскій архимандритъ Іоанникій Сѣнютовичъ. Иностранная коллегія предложила выбрать на его мѣсто изъ іеромонаховъ того же или другихъ монастырей кіевской епархіи. Кіевскій архіепископъ Варлаамъ Вонатовичъ съ лаврскою братією представили шесть кандидатовъ и первымъ между ними намѣстника Романа Копу; но Теофанъ почему-то настоялъ, что въ печерскіе архимандриты назначили харьковскаго

архимандрита Платона Малиновскаго, который и вызванъ былъ въ Москву. Печерскому монастырю не понравилось это назначеніе. Исаія, съ свѣтскимъ намѣстникомъ Иннокентіемъ, уполномочены были хлопотать объ отпѣнїи его. — Улучивши случай они подали Императрицѣ прошеніе, чтобъ въ печерской обители Платону архимандритомъ не быть, а быть бы Роману. Дѣло кончилось тѣмъ, что Государыня отпѣшила прежнее назначеніе и утвердила архимандритомъ Романа Копу.

Этотъ случай поставилъ Исаію въ столкновеніе съ Теофаномъ. Исаія, по праву печерской ставропигїи, дѣйствовалъ независимо и настоячиво, рѣзко относясь къ Синоду. Теофанъ этого не переносилъ и преслѣдовалъ Исаію; тотъ жаловался Государынѣ. Отпѣна синодскаго кандидата была торжествомъ для Исаіи. Романъ вызванъ былъ въ Москву и посвященъ въ архимандрита въ присутствїи Императрицы въ церкви пзмайловскаго дворца. — Когда онъ былъ у Варлаама, Духовникъ между прочимъ спросилъ у него: «правда ли, что въ библиотекѣ кїево-печерскаго монастыря есть книга Аванасїя Великаго, которую переправлялъ новгородскїй архіерей?» Копа сказалъ, что такая книга есть.

Кончивши дѣла въ Москвѣ Исаія отправился въ Кїевъ и, какъ нѣкоторымъ образомъ обязавшїй архимандрита, получилъ отъ него высшую должность, слѣланъ намѣстникомъ приписнаго къ печерской лаврѣ трубчевскаго чолнскаго монастыря. Прибывши на свое воеводство Исаія началъ распоряжаться по казачьему: на земляхъ своего монастыря завелъ двѣ слободки, населивши ихъ вольными малороссїйскими людьми; одну назвалъ въ честь архимандрита Романовкой, другую въ свою честь Исаевкой. Сосѣдніе помѣщики съ ужасомъ посматривали на этого новаго воеводу. Кто провинился немного, онъ наѣзжалъ съ своими людьми и разорялъ все до остатка. Однакожъ не долго дали ему вольничать. 31 октябрю 1732 г. его взяли въ Тайную канцелярію. Въ инструкціи посланному за нимъ сержанту наказано было: «если онъ прїѣдетъ къ монастырю днемъ, то не доѣзжая версть за пять остановиться секретно у кого можетъ, а потомъ прїѣхать въ монастырь ночью въ временемъ и взять Исаію, обыскавши все его письма и бумаги». Поводомъ къ аресту было то, что живя въ Москвѣ онъ хаживалъ къ Маркеллу, съ которымъ знакомъ былъ еще по Кїе-

ву и тамъ встрѣчался съ Аврамовымъ; — бывалъ не одинъ разъ у троицкаго архимандрита Варлаама; имѣлъ разговоры съ Аврамовымъ и Родышевскимъ о новгородскомъ архіереѣ. «Однажды, какъ онъ былъ на троицкомъ подворьѣ въ кельѣ архимандрита Варлаама—а въ то время были тутъ Аврамовъ и другіе человекъ съ десять изъ духовнаго и мірскаго чина, которые ожидали пріѣзда архимандрита изъ дворца — въ это время невѣдомо съ чего Исаія разговорился съ Аврамовымъ о Родышевскомъ, что онъ страдаетъ за доношеніе на новгородскаго архіерея, и въ разговорѣ прибавилъ: мы обхожденіе Феофана знаемъ, и какъ онъ въ Римѣ былъ, да и къ нему архіерею отъ папы римскаго письма бывали — здѣсь только ничего не знаютъ. А о Родышевскомъ чтò толковать, хоть напрасно, хоть не напрасно страдаетъ — не освободить: онъ-де архіерей человекъ сильный». Это дошло до Феофана: — показалъ келейникъ Варлаамовъ, разстрига Осипъ. Исаію держали въ крѣпости около трехъ лѣтъ; но ни за нимъ, ни отъ него не узнали ничего больше. Наконецъ 4-го сентября 1735 года Кабинетъ порѣшилъ отправить его въ Синодъ для ссылки въ дальній монастырь; а бумаги и письма возвратить, потому что важности въ нихъ ни какой не явилось.

Но въ Синодѣ Феофанъ сдѣлалъ на него еще новыя показанія, что онъ былъ стрѣлецъ, а не казакъ, и родился въ Москвѣ за Сухаревой башней, и что онъ въ Москвѣ виномъ торговалъ, съ чѣмъ и пойманъ былъ, а въ допросѣ этого не объявилъ. Исаія въ собраніи Синода отвергалъ эти показанія и говорилъ, что «Феофанъ затѣваетъ то по сердцу и что въ Синодѣ имѣется указъ 1727 г., по коему допрашивать его не должно, понеже онъ Синоду не подчиненъ—и говорилъ то съ неистовствомъ и крикомъ». Исаія точно не церемонился на слова и говорилъ въ лицо Синодѣ, будто по дѣлу печерской архимандріи Синодъ обманулъ Государыню, будто и теперь, вступаясь въ гражданскія дѣла, Синодъ берется не за свое дѣло, такъ что наконецъ спросили его: въ какой надеждѣ онъ такъ продерзостно говоритъ предъ собраніемъ св. Синода? Въ отвѣтъ на это Исаія поклонился и сказалъ, что онъ имѣеть показать государственную нужду по первому пункту — слово и дѣло. Синодъ отослалъ его въ Тайную канцелярію.

Между тѣмъ Варлаамъ говорилъ всѣмъ, что Теофанъ тѣснить Исаю за показаніе его о книгѣ Аванасія великаго, что—однимъ словомъ — боятся въ немъ докащика. Предусмотрительный Теофанъ самъ вытребовагъ изъ Кіева эту книгу, и вмѣстѣ съ своимъ объясненіемъ представилъ въ Кабинетъ. «Какъ злобная и ложная на меня клевета и какъ безумная и безстыдная клеветниковъ злоба, произнесшихъ, яко бы я Аванасіеву книгу переправлявалъ—хотя я и прежде по свидѣтельству совѣсти моея вѣдалъ, однакожь дѣла того, отъ нихъ порицаемаго, яко давнаго и прежде двадцати лѣтъ бывшаго, обстоятельно не упомянулъ, не могъ и сказать обстоятельно. А нынѣ книгу оную разсмотрѣвъ ясно и точно, сіятельствамъ вашимъ предлагаю».... «Нѣкоторыя помѣтки на поляхъ съ поправками перевода съ греческаго на латинскій—изрядныя, да не наши, а надѣюсь Адама Зерникова, мужа великаго. *Адамъ Зерниковъ* (доселѣ мнѣ неизвѣстно рода его, а надѣюсь чешской націи) жилъ въ Кіевѣ прежде лѣтъ 50 и написалъ великую книгу: «о исхожденіи Св. Духа на латинь»¹⁾ такъ сильно, что всѣ до него и даже доселѣ, какъ изъ латинь, такъ и изъ грековъ писавшіе о томъ, не въ иномъ возрастѣ кажутся, по аки бы малые отроки супротивъ великаго исполина». Теофанъ признавалъ своимъ только двѣ помѣтки, сдѣланныя для скорѣйшаго приискаванія; остальные—Зерникова; а ему приписали ихъ приверженцы латинства для того, что въ нихъ заклю-

¹⁾ Въ Vita Theophaanis (Scherer's Nebenstunden) замѣчено: «in monasterio Petcherieni innotuit (Theophaanes) Tschernikowio Borusso, qui 1695 relicta academia Regiomontana Graecam religionem et statum monasticum Kioviae amplexus, hunc in fide Graeca confirmavit, eique auctor fuit, ut librum de Processione Spiritus Sancti a Patre tantum in lingua latina satis prolixè, erudite et argute, conscriberet, qui postea 1714 a Theologiae candidato Rutheno Petropoli in linguam slavonicam versus, hactenus ineditus jacet». У Дамаскина Руднева, издателя Теофанова трактата: De Process. S. S., находимъ слѣдующую замѣтку о Зерниковѣ: «Adam istum Zernicavum audivi natione Polono-Borussum fuisse, in urbe Thoruuo natum, qui Lutheravorum primum partibus addictus erat. Deinde invito cum amicis suis certamine de Process. S. S. nec suis, neque amicorum suorum rationibus contentus fuit. Studio autem indagandae veritatis motus, peragravit multas regiones, insignes bibliothecas excussit et omnia, quaecumque ad rem suam necessaria in bibliothecis reperit, in chartam conjecit; tandemque in Minorem Russiam sese contulit ac Graecorussicæ Ecclesiæ sacra amplexus, illos tractatus circa finem superioris saeculi composuit. Qui tamen nondum publicam lucem viderunt, sed manu descripti habentur in multis Russorum bibliothecis».

чается брань на латинянь. Да и сами они не провозносили этого 15-ть лѣтъ, а начали въ 1731 году, спознавшись съ Рибейрой». «Того ради—заключагь Θεοφάνη—всепокорно прошу сїятельствъ вашихъ, да благоволите, доложѧ о семъ ея и. в., для защищенїя общей отъ мятежниковъ тишины, по первому званїю вашего долженству, и меня, вѣрнаго ея и. в. раба и богомольца, отъ тѣхъ напастниковъ по любви и милости оборонить. Ноября 8, 1735 года».

Дѣло Исаїя тянулось въ Тайной канцелярїи еще съ годъ. Наконецъ Кабинетъ рѣшилъ: «за вины его, о которыхъ явно по дѣлу, учинить, вмѣсто кнута, нещадное плетьюми наказанїе и послать его въ дальній монастырь по разсмотрѣнїю Синода». Синодъ послалъ его въ соловецкїй монастырь ¹⁾.

3. Хлыстъ Спиридовъ Лупкинъ.

По дѣлу и по разнымъ показанїямъ Рѣшилова, Родышевскаго и другихъ лицъ, въ 1733 году взятъ былъ къ допросу экономъ симонова монастыря, іеродїаконъ Серафимъ Лупкинъ. Это былъ сынъ знаменитаго хлыстовскаго лже-христа Прокопїя Лупкина. Въ ту пору, когда объ немъ возникли подозрѣнїя по дѣлу Родышевскаго, онъ уже содержался въ Тайной канцелярїи по дѣлу о бывшихъ въ Москвѣ «богопротивныхъ сборищахъ».

Намъ стати нѣтъ входить во всѣ подробности этого большаго дѣла; однако не можемъ миновать того, что касается одного изъ

¹⁾ Этимъ однакъ судьба его не кончилась. Въ 1738 году декабря 4-го въ Тайной канцелярїи состоялось опредѣленїе, что «онъ Исаїя, избывая ссылки изъ соловецкаго монастыря, не токмо подозрителенъ, но и въ важной винѣ явился, и потомъ, не имѣвъ отъ прудерзостей своихъ воздержанїя, какъ по чину монашескому слѣдовало, болѣе къ роскоши и къ пьянству себя употреблялъ и вступилъ въ доноительства великой важности, каковой по слѣдствию имъ за кѣмъ не явилось: за что надлежитъ, лиша ея монашества, учинить наказанїе—бить кнутомъ и послать въ Сибирь на житье вѣчно». Вслѣдствїе чего Исаїя лишенъ монашества и сосланъ въ Сибирь, гдѣ и находился до 1743 года. По милостивому манифесту Императрицы Елизаветы Петровны возвращено ему монашество и священство. Исаїя выпросился на обѣщанїе въ кїево-печерскїй монастырь, гдѣ и скончался въ 1745 году. (Дѣла Архива св. Синода 1742 года № 383).

хлыстовъ, занесеннаго судьбою въ нашу исторію. По взятіи въ Тайную канцелярію и по лишеніи іеродіаконскаго чина и монашескаго званія, разстрига Спиридонъ показалъ: «отецъ его Прокопій Лупкинъ какова былъ чина, тотъ онъ Спиридонъ не знаетъ. Но токмо въ прошлыхъ годахъ слыжалъ онъ, Спиридонъ, отъ матери своей, бывшей старицы Анны, что нынѣ разстрига Акулина, что оный его отецъ былъ стрѣлецъ и сосланъ былъ съ оною его матерью и съ нимъ Спиридономъ въ Нижній. А какимъ случаемъ онъ Спиридонъ отъ того отца своего отлучился и гдѣ жилъ, того онъ Спиридонъ за многопрошедшимъ временемъ сказать не упомнить. А въ монашескій чинъ онъ Спиридонъ постригся въ Москвѣ въ симоновѣ монастырѣ по желанію своему, а не по повелѣнію онаго отца своего. А въ томъ монастырѣ постриженъ и во іеродіаконъ онъ Спиридонъ посвященъ архимандритомъ Петроимъ (Смѣlichemъ), который нынѣ обрѣтается въ александровскомъ монастырѣ. На богопротивныхъ сборищахъ и дѣйствіяхъ у того отца своего онъ Спиридонъ не бывалъ и для онаго злодѣянія съ онымъ отцомъ своимъ никуда не ѣзжалъ; токмо о томъ, что у онаго отца его имѣлись собранія для молитвы, онъ Спиридонъ вѣдалъ. А у бывшей старицы Настасьи, что нынѣ разстрига Агафья ¹⁾, на сборищахъ бывалъ онъ Спиридонъ въ ивановскомъ монастырѣ до постриженія своего еще въ малолѣтствѣ раза съ два, на которыхъ были человекъ по двадцати и больше, а какихъ чиновъ, того онъ Спиридонъ не знаетъ. И на тѣхъ сборищахъ чинили злодѣяніе такое: тряслись и вертѣлись кругомъ; а при томъ чтò говорили ль и другое какое злодѣяніе чинили ль, того онъ Спиридонъ за многопрошедшимъ временемъ сказать не упомнить же. А на тѣ сборища его Спиридона привела помянутая Агафья... А по постриженіи своемъ въ бытность въ ономъ монастырѣ чинилъ грѣхопаденіе не однажды. Какъ онъ Спиридонъ изъ симонова монастыря съ гостями къ оному отцу своему пріѣзживалъ; и въ то время того отца своего дядею называлъ, для того что оный отецъ его — Спиридона — называлъ пле-

---

¹⁾ Анастасія, до монашества Агафья Карпова, была начальницей хлыстовскаго корабля и хлыстовскою бородицею въ ивановскомъ московскомъ женскомъ монастырѣ.

мянникомъ; а для чего оный его отецъ племянникомъ его, Спиридономъ, называлъ, того онъ не знаетъ». Спиридономъ приказано было разыскивать; но съ подъему и съ пытки онъ говорилъ тоже, что и выше сего показалъ.

По дѣлу о богопротивныхъ сборищахъ Кабинетъ въ 1733 году рѣшилъ: «Спиридономъ Лупкина за важные его вины бить кнутомъ и послать въ Сибирь въ охотскій острогъ на житье вѣчно; токмо по учиненіи ему того наказанія отправить его въ св. Синодъ для изслѣдованія по касающимся до него другимъ дѣламъ». Въ Синодѣ касалось до него много дѣлъ: тутъ введены были показанія Рѣшилова, Родышевскаго, Малиновскаго и другихъ. На допросахъ Лупкинъ показалъ, что разстригу Рѣшилова сталъ знать онъ съ 1728 года. Разъ ѣздили они съ архимандритомъ въ свою волость весьгорскую, находящуюся въ желѣзнопольскомъ уѣздѣ, и по совѣту преосв. Феофилакта заѣзжали къ Рѣшилову въ клубуковъ монастырь, гдѣ и ночевали: и въ ту бытность постороннихъ разговоры съ нимъ не имѣли—разсуждали только объ обыкновенныхъ монастырскихъ дѣлахъ и вотчинномъ поведеніи. Въ томъ же году Рѣшиловъ пріѣзжалъ къ нимъ въ симоновъ, и остановившись у архимандрита трактованъ былъ обѣдами и благодарствованъ за принятіе ихъ въ Кашигѣ.—Не говореноль чего было Рѣшиловымъ о патриаршествѣ и о св. Синодѣ? Въ тѣ разы нѣтъ; а приходитъ ему на память, что говорено было въ образъ поносительства на св. Синодъ въ 1732 г., когда Рѣшиловъ содержался подъ карауломъ въ св. Синодѣ въ Москвѣ: «вотъ-де выслужилъ св. Синоду, ѣздячи за раскольниками и собирая деньги; наѣздилъ себѣ тюрьму и бѣдность, а раскольникамъ радость. Чаялъ отъ ихъ святѣйшества награжденія, а ихъ святѣйшество и въ тюрьму посадили». Говорили и о патриаршествѣ. Бывшій тутъ же пензенскій архимандритъ Никонъ прибавилъ съ своей стороны: «желали, и на словахъ просили и Бога молили (о патриаршествѣ). Тогдабъ-де одному поклоняться, а не многимъ. Вотъ мое дѣло: какъ къ Москвѣ пріѣду, много бываетъ расходу—что въ дикастеріи, что въ казенномъ приказѣ, что въ Синодѣ; всюду дать надо не малое число и лошадами и инымъ подносить».

Родышевскій, содержась въ симоновѣ, много разъ отпускаемъ

былъ изъ монастыря въ 1730 г. лѣтнимъ временемъ къ генераль-адъютанту В. И. Ржевскому и къ архимандриту Платону Малиновскому, и ѣздилъ къ первому на присылаемыхъ отъ него лошадяхъ, а къ Платону въ монастырской коляскѣ *просто безъ караула*. Въ тѣ поры, когда Родышевскій ѣздилъ, онъ Спиридонъ говорилъ архимандриту, что напрасно онъ его изъ монастыря отпускаетъ. Архимандритъ на тѣ его слова объявлялъ: «къ нему-де милостивы ея и. в. духовникъ архимандритъ Варлаамъ, князь Д. М. Голицынъ и прочіе министры—присылають къ нему милостыню отъ пищи и отъ денегъ съ довольствомъ». У Платона былъ съ нимъ и онъ Спиридонъ, но о чемъ тѣ говорили между собою, не разобралъ, потому что разговоръ былъ иностраннымъ нарѣчіемъ, а по-русски разговаривали только просторѣчье. И онъ, Спиридонъ, компаніи съ нимъ никакой не имѣлъ и разговоровъ никакихъ противныхъ или къ важности какой склонныхъ наединѣ съ ними не имѣлъ; только видалъ онъ не рѣдко, что пріѣзжалъ къ нему бывший типографскій директоръ Аврамовъ многократно, въ каждую недѣлю раза по два и по три, иногда и въ одинъ день дважды, и сидивалъ у него часа по два и по три; а за чѣмъ къ нему пріѣзжалъ и какіе между собою имѣли разговоры, о томъ онъ не извѣстенъ».—Скоро однакожь (28 мая) это показаніе пополнилось новыми подробностями. «Въ бытность его, Спиридона, въ томъ монастырѣ, Родышевскій многократно злословилъ при многой братіи преосв. Теофана, архіепископа новгородскаго, называя его еретикомъ и ласкателемъ, и будто онъ выдалъ книги неправильныя и вѣрѣ греческаго исповѣданія противныя: па которыя его, Родышевскаго, слова онъ Спиридонъ ему сказалъ, что онъ человекъ не ученый и въ томъ силы не знаетъ».—Пока шли розыски по дѣламъ Рѣшилова и Родышевскаго, Лупкина держали въ Синодѣ подъ карауломъ. Тайная канцелярія медлила отсылать его въ Охотскъ, чтобы онъ впредь не понадобился въ Синодѣ и чтобы обратнымъ вызовомъ его изъ Сибіри для новыхъ показаній не затратить не малаго числа казенныхъ денегъ.

Въ 1735 году августа 1 прислано было къ нему письмо изъ Тобольска и прибавило новыхъ хлопотъ слѣдователямъ. Само собой разумѣется, что его не отдали Лупкину—его вскрыли и прочитали въ собраніи св. Синода. «Государь нашъ, милости-

вый благодѣтель, Спиридонъ Прокофьевичъ, желаемъ вашей чести отъ Бога всякаго блага о Христѣ, еже ко спасенію. А про насъ убогихъ съжали изволте напamятовать, и мы по отпускѣ сего письма остаемъ здравы — Василій Деменьтьевъ, Тимошей Артемьевъ, Ульниъ Шестаковъ; а опредѣленіе намъ къ жителству въ Сибири въ г. Тарѣ и опрѣделены въ купечество, и вольный намъ пропускъ во всѣ сибирскіе города, кромѣ Москвы ¹⁾. Въ извѣстіе вашей милости чинимъ о матушкѣ вашей Аннѣ Ивановнѣ: опредѣлена въ сибирскомъ же уѣздѣ въ далматовомъ монастырѣ, токмо что намъ съ ними свиданія нѣтъ того ради, что ихъ содержатъ весьма строго, а онѣ по сіе число въ добромъ здравіи пребываютъ, такожде и тетушка Александра Иванова ²⁾ и Тансія Ивановна опредѣлены въ городѣ Илимску въ добромъ же здравіи. Еще вашей милости чинимъ извѣстіе о братѣ вашемъ Василѣ Деменьтьевѣ: нынѣшняго 735 году въ великой постъ отправился на китайскую границу для торгу. А мы, убогіе, всѣ трое живемъ въ единомъ сообщеніи нераздѣльно. Покорно просимъ, государь нашъ милостивый, пріятель Спиридонъ Прокофьевичъ, писать къ намъ о своемъ многолѣтнемъ здравіи, о пребываніи вашемъ и въ какой слѣбъ. А ежели изволишь къ намъ писать, то пожалуй пиши и посылай на почтахъ, или съ прилучившимся, хотя чрезъ Москву, только къ отданію надлежатъ въ Сибири въ г. Тобольску на базаръ купецкому человѣку Ивану Андрѣеву сыну Панушкову, а ему пожаловать послать въ Тару купцамъ Василію Деменьтьеву съ товарищи; понеже онѣи Панушковъ по пріѣздѣ нашемъ въ Тобольскъ явился къ намъ доброй человѣкъ и весьма пріятель, и всякія письма къ намъ чрезъ его приходятъ, такожде и отъ насъ». «А который вашъ скарбъ остался въ Москвѣ положенъ у добрыхъ людей, и они къ намъ пишутъ, что всѣ въ добромъ здравіи, а имянно (У а п л)». А о Тансіи Ивановнѣ объявляемъ: нынѣшняго 735 г. на святкахъ провезли ихъ мимо нашего города и она у насъ жила въ домѣ съ недѣлю. А мы въ то число прилучились всѣ въ домѣ и прочія съ нею были.

¹⁾ Извѣстная хлыстовская богородица, Акулина Ивановна, принявшая въ монашествѣ имя Анны.

²⁾ Сестра хлыстовской богородицы, называвшаяся въ мѣрѣ также Акулиною Ивановною.

Иного до васъ, моего милостиваго благодѣтеля, писать не до-
воленъ, токмо единъ въ Tobольску при торгу остаюсь въ заѣздѣ,
а вамъ слугою, Улянь Шестаковъ, іюня въ 15 день 1735 году».

Спирidonу сдѣлали къ допросъ по пунктамъ. Уляна Шеста-
кова онъ Спирidonъ знаетъ ли? Уляна знаю, а Шестакова не
помню. Василія Деменьтьева знаетъ ли? Знаю: былъ у отца его
сидѣльцемъ, и при взятѣ его изъ Москвы держался въ комиссіи.
Тимофея Артемьева знаетъ ли? Не знаю... Знаю... въ медовомъ
ряду сидѣлъ и держался въ комиссіи. Были ль отъ нихъ письма?
Не бывало. Не знаетъ ли Емельяна Шестакова? Такова имени
нѣтъ, а есть Улянь Шестаковъ: онъ тоже держался въ комис-
сіи. Потомъ читали ему письмо, и по прочтеніи спрашивали, что
значать литеры: чье въ нихъ имя и прозваніе? Незнаю. Гдѣ
имѣются келейные пожитки отца его и матери? Незнаю. Синодъ
предписалъ полиціймейстерскимъ канцеляріямъ въ С.-Петербургѣ
и въ Москвѣ сдѣлать троекратное публичное съ барабаннымъ бо-
емъ объявленіе, что ежели кто имѣетъ онаго разстриги Лупкина
у себя въ поклажѣ на сбереженіе деньги, вещи или каковыя по-
житки или долги его, и тѣ бы явились съ объявленіемъ безъ вся-
каго опасенія. Но на этотъ вызовъ никто не явился. Со всѣми
этими показаніями Синодъ отправилъ Лупкина въ Т. канцелярію
для отсылки въ Охотскій острогъ ¹⁾.

4) Лишенный священническаго сана (распортъ) Степанъ Васильевъ.

Въ августѣ 1732 года лишенный сана священникъ Степанъ
Васильевъ ²⁾ подалъ въ Синодъ доношеніе: «сего августа 13 дня

¹⁾ Дѣла Архива Св. Синода, 1738 г. № 178. О дальнѣйшей судьбѣ Спиридона Лупкина въ Русск. Вѣстникѣ 1868 г. кн. 5, статья П. Мельникова: *Тайныя секты*.

²⁾ Степанъ Васильевъ былъ священникомъ при церкви радовницкаго дѣ-
вичьяго монастыря новгородской губерніи; но, оставивъ церковь, убѣжалъ въ
С.-Петербургъ и отправлялъ крестовую службу безъ указа; за это и за другія
непотребныя дѣла онъ лишенъ былъ сана и, «по природѣ его», отосланъ въ при-
писный ковалевъ монастырь въ крестьянство; но оттуда бѣжалъ въ Кронш-
татъ, назывался священникомъ, служилъ, и когда былъ пойманъ, дѣлалъ на
кронштадтскаго протопопа ложныя показанія. Въ это же время онъ сдѣлалъ и
приводимое нами показаніе, рѣшившее его судьбу.

по полудни часу въ осмомъ или девятомъ ночью въ колодничей палатѣ, гдѣ я низжайшій содержуся, колодникъ раснопа Петръ Юсифовъ, по многомъ со мною низжайшемъ преніи о нѣкоторыхъ церковныхъ вещахъ или поступкахъ, говорилъ такія рѣчи, «что де нынѣ, какъ Синодъ начался, отъ Ѳеодоса вездѣ въ Россіи архіереи и архимандриты польскіе, и во всемъ-де премѣненіе: прежде-де образамъ святыхъ свѣчъ много ставили, а нынѣ-де по одной; и нищимъ Христа ради просить воспрещено». На которыя его рѣчи я низжайшій говорилъ: «оное-де творить св. Синодъ не собою, но по правиламъ св. отцовъ и по указамъ блаженныя и вѣчно достойныя памяти Петра Перваго и по учиненному духовному Регламенту». На что онъ говорилъ: «не посмотрѣли-де на Регламентъ, какъ Ѳеодоса за такія продерзости взяли». И по многимъ разговорамъ онъ же выговорилъ: «пора-де и всю Польшу отсюда вывезть». Въ то же время караульный солдатъ, Тимофей Корнышовъ, называя меня еретикомъ и Ѳеодосу сообщникомъ, говорилъ; «вотъ-де и въ Москвѣ въ патриаршемъ домѣ у нихъ сочинена церковь дванадцати апостоловъ, по подобію польскому, католичская; мы де какъ въ Польшѣ были, всѣ-де по тому образцу церкви строены». О которыхъ рѣчахъ, какъ его раснопа Петра, такъ и солдата Корнышева, въ то время за ночью порою никому необъявлялъ, а на утро дневальному подъячему Боголюбову съ товарищемъ о вышеписанномъ объявилъ: по которому моему объявленію оный канцеляристъ велѣлъ мнѣ низжайшему вашему святѣйшеству доношеніемъ съ подлиннымъ изъясненіемъ, какъ было, и свидѣтельствомъ объявить. Того ради вашему святѣйшеству сямъ моимъ доношеніемъ объявляю всенижайше, бояся себѣ за необъявленіе жестокаго истязанія, ежели кто донесетъ кромѣ меня, что со мною оный разговоръ былъ. Раснопа Степанъ Васильевъ, 1732 году августа 16 дня».

Но это доношеніе, въ какихъ бы видахъ оно ни было сдѣлано, послужило во вредъ доносителю. Въ слѣдующемъ 1733 году Феофанъ подалъ въ Кабинетъ донесеніе. «Между колодниками, при Синодѣ обрѣтающимися, сидятъ два раснопы, Степанъ да Петръ, самые злѣйшіе воры и не одной смерти достойные. Изъ которыхъ Степанъ прошлаго 1732 года въ среднихъ числахъ августа, подалъ доношеніе въ Синодъ на другаго, упомянутаго Петра,

въ говоренныхъ отъ онаго Петра и солдата рѣчахъ, которыя, по моему мнѣнію, склоняются къ согласію подметнаго мятежнаго извѣстнаго пасквиля. А для чего чрезъ полугодичное число ничего о томъ въ Синодѣ не сдѣлалось, вина есть канцелярская. Поневже сего февраля 12 дня, по нѣкоей причинѣ, впервые о томъ въ полномъ Синода собраніи явилось. А въ упомянутыя августа числа, скажутъ, будто доношеніе оное чтено при троицѣ только членахъ, и ни какого о томъ тогдашняго опредѣленія въ протокольныхъ запискахъ не значитъ. Не безъ вины и то, что ворами, которымъ запрещено бумаги и чернила давать, свободно стало писать и подавать доношеніе безъ доклада синодальнаго. Еще же и слѣдствіе въ тые же мѣсяца августа дни скоро произведено самою канцелярією, а однакожь доселѣ никогда о томъ синодальному собранію не предлагано. И о томъ ея императорскаго величества Кабинетъ что укажетъ? Смиренный Теофанъ архіепископъ новгородскій февраля 13 дня 1733 года». — Черезъ два дня Кабинетъ прислалъ въ Синодъ увѣдомленіе, что 15 февраля ея величеству о томъ докладывано и ея величество изволила указать: оныхъ двухъ распонувъ и солдата, съ поданнымъ доношеніемъ и съ допросами, ежели имъ были, къ надлежащему изслѣдованію отослать въ Тайную канцелярію къ генералу Ушакову, о чемъ св. Синодъ учинить по оному ея императорскаго величества указу ¹⁾. По суду Т. канцелярій Васильевъ битъ кнутомъ и съ вырѣзаніемъ ноздрей сосланъ въ Охотскъ въ работу вѣчно.

---

5) Предѣлки новгородскихъ подъячій. — Подметное письмо съ укоризною на Государыню и на Теофана, 1733 г.

Въ 1733 году явился еще новый пасквиль на Теофана. Подъячій новгородской губернской канцелярій Федоръ Морозовъ приказалъ другому подъячюму Краснову переписать донесеніе въ Сенатъ объ иноземцѣ Мезрѣ, и потомъ отдалъ ему для запечатанія. Пакетъ пошелъ по своему назначенію въ Сенатъ; но когда его вскрыли, то въ немъ, вмѣсто доношенія, оказался пасквиль на Государыню и на Теофана. Ушаковъ нарочно ѣздилъ въ Новгородъ

---

¹⁾ Дѣла Тайн. канц. 1733 г. № 83.

для разузнанія этого дѣла и 2 мая докладывалъ о немъ Государынѣ. Въ тоже самое время Феофанъ, по какому то подозрѣнью, приказалъ арестовать своего секретаря Козьму Бухвостова. Мать и жена Бухвостова, заслышавши о его арестѣ, страшно перепугались. Жена заболѣла отчаянно. Мать бросилась въ Петербургъ умолять объ его освобожденіи. Феофанъ склонился на мольбу и 13-го мая просилъ Ушакова освободить Бухвостова изъ подъ ареста.

Между тѣмъ дѣло Морозова и Краснова шло своимъ чередомъ. 24 апрѣля Государыня приказала Краснымъ розыскивать. Неизвѣстно, къ чему привелъ розыскъ; но вскорѣ послѣ него случилось обстоятельство, которое по тому же дѣлу дало новую заботу Феофану и Тайной канцеляріи.

По поводу ареста Бухвостова, вечеромъ 1 іюля 1733 года на житенномъ дворѣ въ Новгородѣ разговорились между собою тамошніе люди. Бывшій Феофановъ дворецкій Василій Федоровъ, прпшедши въ келью къ житенному іеромонаху Іонѣ Свѣчину, встрѣтился тамъ съ подъячимъ Никитою Кондратьевымъ. Въ разговорѣ о разныхъ новостяхъ архіерейскаго дома, Кондратьевъ между прочимъ сказалъ, что Секретарь Бухвостовъ съ недѣлю былъ подъ арестомъ. Федоровъ не нашелъ въ этомъ ничего особеннаго: «чтожь въ томъ причины? Хоть заарестованъ былъ; да прощенъ и слава Богу». Кондратьевъ продолжалъ свое: «вѣдь онъ-де заарестованъ былъ не за себя, а за новгородскаго архіерея». Дворецкій не стерпѣлъ этихъ оскорбительныхъ для Феофана словъ и заявилъ о томъ Свѣчину. Кондратьевъ, видя что дѣло плохо, началъ извиняться: «я-де говорилъ не отъ себя, а слышалъ отъ свойственниковъ Бухвостова, подъячаго Ефремова; да отъ домоваго дворянина Пустошкина». Услужливый Федоровъ немедленно донесъ объ этомъ Феофану, а Феофанъ приказалъ своему судѣ, архимандриту Андронику, разслѣдовать дѣло и на случай опечатать дворы Кондратьева, Ефремова, Пустошкина и Бухвостова. Монаха Іону Свѣчина приказано было допросить, почему онъ самъ не далъ объ этомъ знать. Назначивши къ слѣдованію этого дѣла Андроника, Феофанъ сдѣлалъ предостереженіе на счетъ секретаря новгородскаго архіерейскаго разряда, Михаила Литвинова, чтобы его, какъ давно подозрительнаго человѣка, къ слѣдова-

нiю не допускать. Теофанъ просто опасался стачки, потому что жена Литвинова была родная сестра Бухвостову.

Но домашняго слѣдованiя показалось Теофану недостаточно. Онъ передалъ дѣло въ Тайную канцелярiю. «Незабвенно превосходительству вашему—писалъ онъ къ Ушакову—какъ не въ давнемъ времени секретарь мой Козма Бухвостовъ, по извѣстному вамъ секретному дѣлу, впавъ въ подозрѣнiе (которое мною вамъ показано), былъ нѣсколько дней за арестомъ Тайной канцелярiи. А послѣ того писано ко мнѣ изъ Новгорода, что тамо нѣкии изъ нашихъ же служителей произнесли поносительныя на меня рѣчи, сказуя, что секретарь Бухвостовъ за арестомъ былъ не за себя, но за архiereя—меня сирѣчь, что и слѣдованiемъ показалось. Имѣлось сiе дѣльцо, яко партикулярное, окончиться моею резолющею; но приходитъ мнѣ въ разсужденiи того важнѣйшiй нѣкии догадъ, къ самому дѣлу извѣстному (для котораго превосходительство ваше походомъ въ Новгородъ трудился) надлежащiй: а именно въ подметномъ на укоризну ея императорскаго величества письмѣ написана и на меня нѣкая клевета, вашему благородiю извѣстная. Только же когда явилось тое на меня злорѣчiе, будто секретарь Бухвостовъ не за себя, но за меня заарестованъ, размышляя я (если помысломъ не ошибаюсь): который таковую Бухвостова арестованiя причину сказалъ, вѣдаетъ о вышепоименованномъ подметномъ письмѣ, и если не самъ тое сочинилъ, то либо сочинителя знаетъ, либо слѣдъ въ себѣ имѣеть. Тако ли то дѣется, я не утверждаю; однакожь вашему превосходительству о семъ не повѣстить казалось моей совѣсти противно. А который дѣла сего экстрактъ присланъ мнѣ изъ Новгорода, тотъ при семъ вамъ, государю моему, сообщаю. 30-го iюля 1733 года». Тайная канцелярiя арестовала Кондратьева, но ничего отъ него не вывѣдала.

Дѣло въ допросахъ новгородскихъ канцеляристовъ тянулось съ полгода, какъ одинъ подъячiй подлил новаго масла въ огонь. Въ 1734 г. янв. 12 комиссаръ невскаго монастыря, Василiй Литвиновъ, явившись къ Ушакову, объявилъ, что, по присяжной своей вѣрности, желаетъ услужить ея величеству, и просилъ показать ему новгородское пасквильное письмо: не узнаетъ ли онъ, чьею рукою оно писано. У него, разумѣется, спросили: почему онъ знаетъ объ

этомъ письмѣ? Литвиновъ сказалъ, что въ прошломъ году въ Кабинетѣ ея величества онъ встрѣтилъ секретаря новгородской канцеляріи Богдана Зеленина. Литвиновъ спросилъ: зачѣмъ онъ въ Кабинетѣ? Зеленинъ сказалъ, что его призывали и показывали ему подметное письмо, которое прислано изъ Новгорода въ С.-Петербургъ по почтѣ, и онъ, Зеленинъ, смотрѣлъ, а руки не могъ признать.—Литвинову показали письмо. Подумавши не много, онъ сказалъ, что пришло ему въ память подметное письмо на Якова Римскаго - Корсакова, о которомъ онъ слѣдовалъ: — оговорка въ сочиненіи его была въ ту пору на новгородскихъ дворянъ Путилова, Кушелева, Аничкова и Мордвинова. Первые трое уже умерли, а Мордвиновъ еще живъ. Кромѣ того думаетъ онъ на сына Аничкова, Григорія; и наконецъ указалъ на родственника своего, Семена Бухвостова, который съ новгородскими дворянами, съ приказными губернской канцеляріи и съ посадскими людьми, всегда дружеское обхожденіе имѣеть и по остротѣ своей способенъ во всякимъ дѣламъ. Семень Бухвостовъ былъ прежде комиссаромъ у акцизнаго сбора на Ладожскомъ каналѣ, а теперь жилъ въ новгородской деревнѣ своей, Третьяковой, близъ рѣчки Сяси. Тайная канцелярія послала арестовать его, все въ домѣ его описать и опечатать. Но слѣдствіе ничего не открыло.

Дѣло долго длилось и наконецъ обрушилось на головы первыхъ залодозрѣвшихъ въ немъ лицъ—Кондратьева и Морозова. Кондратьева отослали въ новгородскую губернскую канцелярію для публичнаго наказанія кнутомъ; а Морозовъ, послѣ пытокъ и истязаній, въ 1735 году 11 ноября сосланъ въ Охотскъ на житье вѣчно.

XXIV.

Постановленія объ устройствѣ монастыства.

Частию въ связи съ ходомъ розысковъ о подметномъ письмѣ, частию независимо отъ нихъ, въ связи съ общимъ движеніемъ, возбужденнымъ церковною реформою, въ концѣ 1733 года нача-

лось огромное, около 20 лѣтъ тянувшееся, дѣло о саровскихъ и берлюковскихъ монахахъ.

Монашество издавна безпокоило гражданское и духовное правительство своею распущенностію. Слабый надзоръ за монахами и своевольные переходы ихъ изъ монастыря въ монастырь открывали просторъ всякимъ злоупотребленіямъ. Чтобы прекратить ихъ, сколько возможно, св. Синодъ въ 1732 году 31 августа издалъ указъ, чтобы въ монастыряхъ завести переписныя книги, въ которыя вписать всѣхъ монаховъ съ обозначеніемъ имени, мѣста и времени постриженія и посвященія въ церковныя степени, кто ихъ имѣеть. Книги эти должны быть въ трехъ экземплярахъ: одинъ долженъ храниться въ монастырѣ, другой— въ архіерейскомъ приказѣ и третій—присылаться въ Синодъ. Но самое важное распоряженіе состояло въ закрѣпленіи монашествующихъ въ тѣхъ монастыряхъ, въ которыхъ засталъ ихъ указъ, если только они были въ немъ не случайными посѣтителями, жившими временно по дѣламъ своего монастыря или по какой другой, уважительной надобности. На счетъ будущей администраціи монастырей въ указѣ сказано, что епархіальный архіерей можетъ переводить монаховъ изъ одного монастыря въ другой для священнослуженія, гдѣ въ священнослужителяхъ скудость, или для экономическаго управленія и для другихъ важныхъ нуждъ; но переводимый долженъ получить на это грамоту, и въ новомъ монастырѣ подлежить всѣмъ вышеписаннымъ правиламъ, какъ подлежалъ и въ прежнемъ монастырѣ. вмѣстѣ съ этимъ пресѣкались и переходы монаховъ изъ одной епархіи въ другую. Монастырскій-настоятель не имѣеть права послать своего монаха безъ паспорта и позволенія своего архіерея ни за какими нуждами. Если-же для какой нужды понадобится монахъ изъ другой епархіи, то настоятель доноситъ о томъ своему архіерею, а архіерей долженъ снестись съ архіереемъ той епархіи и просить его объ отпускѣ требуемаго монаха. Въ настоятельскихъ и архіерейскихъ паспортахъ обозначать, куда посланъ монахъ и срокъ его возвращенію. Если-же посланный явится не на томъ мѣстѣ, куда посланъ или и на томъ мѣстѣ, но послѣ срока, то его почитать за бѣглеца, брать и представлять начальству. Также поступать и съ тѣми, которые безъ помянутыхъ причинъ, хотя и не въ дальнихъ мѣстахъ

безчинно бродить начнутъ, то есть пьянствуя, кощунствуя, задираясь, или въ зазорныхъ мѣстахъ квартировать или часто бывать стануть. Настоятель не долженъ пришлыхъ монаховъ укрывать, а еслибы онъ осмѣлился на это, то старшіе братія должны доносить на него въ духовныхъ правительствахъ. Вообще братія должны держать контроль надъ распоряженіями и дѣйствіями своего настоятеля и, если-бы онъ дѣлалъ что противозаконное, доносить на него своему архіерею; если-же архіерей не сдѣлаетъ никакого распоряженія, то—св. Синоду. О сбѣжавшихъ монахахъ архіерей долженъ объявить указами по всей епархіи съ описаніемъ ихъ примѣтъ, и кто пойманъ будетъ, тѣхъ отсылать въ свѣтскій судъ для учиненія гражданскаго наказанія—въ вѣчное житіе на сибирскіе горные заводы; если-жъ въ епархіи не окажется, то доносить въ Синодъ, а изъ Синода посланы будутъ о томъ указы во всѣ епархіи съ описаніемъ такихъ же примѣтъ.

Указъ этотъ, естественно, долженъ былъ встревожить весь монашескій міръ. Настоятели не могли быть спокойны, потому что постригали многихъ въ монахи противъ указовъ — несовершеннолѣтнихъ, мужей отъ живыхъ женъ, крестьянъ, неполучившихъ увольненія отъ помѣщиковъ, бѣглыхъ солдатъ, которые еще числились въ своихъ полкахъ. Какъ все это показать въ табеляхъ? Но не меньше онъ тревожилъ и самыхъ монаховъ, постриженныхъ такимъ образомъ. Если ихъ возвратятъ только въ прежнее званіе, то конечно напередъ подвергнувъ заслуженному наказанію; а можетъ статья и того хуже—пошлиютъ въ Сибирь на работы. Виды не очень пріятныя.

Монастыри и монахи страшно перепуганы были этимъ указомъ; потому что изъ настоятелей ни одинъ не былъ совершенно чистъ отъ незаконныхъ постриженій; а изъ братства на большую половину было постриженныхъ неправильно. И чего только они ни дѣлали, на что не рѣшались, чтобы выпутаться изъ бѣды?

---

4) Заарцаинъ. — Отсутничство его отъ Христіанства и сношенія съ нечестнымъ духомъ. — Страствованіе по монастыряхъ и вступленіе въ саровскую пустынь. — Арестъ саровцевъ.

Одинъ изъ этого множества, самовольно надѣвшій на себя

монашеское платье, спасая себя, затѣялъ такую исторію, которая въ это страшное время убила и надломла множество жизней.

Въ 1733 году, 13 декабря, къ Іоакиму архіепископу ростовскому ¹⁾ пришелъ саровскій монахъ Георгій, и подалъ прошеніе, въ которомъ выставлялъ себя замученнымъ совѣстію грѣшникомъ, отступникомъ отъ Христіанства, и просилъ о принятіи его въ покаяніе и объ умирениіи его души. «Въ 1724 году согрѣшилъ я окаянный, отвергся Христа, а въ 1725 году въ томъ моемъ согрѣшеніи покаялся. Отецъ духовный далъ мнѣ заповѣдь не причащаться цѣлую жизнь—до смерти, и я грѣшникъ хранилъ эту заповѣдь и по-нынѣ; только въ нынѣшнемъ 1733 году, находясь въ болѣзни при смерти, сподобленъ причастію, но запрещеніе осталось по прежнему. И я грѣшный весьма стужаю и снѣдаю отъ совѣсти моея, и едва не прихожу въ отчаяніе спасенія моего». Объяснивши свое безотрадное состояніе, Георгій просилъ Іоакима успокоить его пастырскимъ разсужденіемъ. Іоакимъ отослалъ просителя, вмѣстѣ съ его письмомъ, въ синодальную канцелярію, чтобъ взять съ него подробное показаніе. Въ канцеляріи почему-то нашли нужнымъ обыскать Георгія; однакожь никакихъ писемъ и *коремеевъ* у него не оказалось. Послѣ того у него потребовали подробнаго и обстоятельнаго показанія.

Георгій написалъ: «отъ роду ему 26 лѣтъ, въ мірѣ звали его Григоріемъ. Отецъ его Абрамъ Никитинъ служилъ въ драгунахъ и убитъ на службѣ подъ Полтавою; послѣ смерти отца, онъ остался двухъ лѣтъ при матери своей, въ костромскомъ уѣздѣ, въ сельцѣ Погорѣйкахъ. Мать, съ помощію сосѣдняго дьячка, обучила его грамотѣ, а потомъ, съ помощію плѣнныхъ шведовъ, латинскому и нѣмецкому языкамъ и ариметикѣ; изъ материнскаго дому онъ уѣзжалъ гостить къ родственникамъ своимъ, чаще всѣхъ къ дядямъ—стольнику В. И. Каатыреву, къ лей-

---

¹⁾ Синодъ и Тайная канцелярія, по отбытіи въ С.-Петербургъ въ 1732 г., оставили въ Москвѣ свои конторы, которыя, наблюдая и разбирая слѣдующія въ нихъ дѣла, за окончательнымъ рѣшеніемъ ихъ относились въ С.-Петербургъ, въ свои высшія инстанціи. Въ синодальной конторѣ предсѣдательствовалъ ростовскій архіепископъ Іоакимъ; конторой Тайной канцеляріи заведывалъ графъ С. А. Салтыковъ.

тенанту гвардіи Д. С. Каетыреву и мундшенку двора его императорскаго величества И. Г. Зварыкину. Въ 1724 году прѣхалъ онъ къ В. И. Каетыреву, въ Москву, для прѣисканія мѣста, и разъ какъ-то шелъ, задумавшись, по каменному мосту чрезъ Москву рѣку. Вдругъ его останавливаетъ незнакомый человѣкъ. «О чемъ ты задумался? Ты, кажется, неадоровъ»? Зварыкинъ, вмѣсто отвѣта, спросилъ у него: кто ты такой? «Я мельникъ адмиральской вотчины» отвѣчалъ незнакомецъ. Зварыкинъ объяснилъ ему, что онъ точно неадоровъ и показалъ ему вередъ (нарывъ) на головѣ, за ухомъ, но прибавилъ, что онъ лечится и беретъ лекарства изъ аптеки. «Съ аптекой не вылечишься — сказалъ незнакомецъ; — а вотъ я знаю такого человѣка, который только присыплетъ травкой и все какъ рукой сниметъ». Послѣ этихъ словъ Григорій и пошелъ съ мельникомъ за Москву рѣку. Мельникъ привелъ его къ слѣпому старику, который, осмотрѣвъ вередъ, присыпалъ его толченой травой, а сверху положилъ пластырь. Спустя съ недѣлю, вередъ его сталъ заживать. Григорій опять пошелъ къ старику поблагодарить его. Старикъ спросилъ: «здѣшній ты или прѣзжій»? Григорій отвѣчалъ: прѣзжій изъ Костромы; живу у дяди и прѣискиваю мѣстечко. «Хочешь-ли, чтобъ до тебя люди были добры? Какъ не хотѣть. «Возьми ты этотъ мешечекъ съ кореньями, и носи его на шнуркѣ, гдѣ крестъ носишь».

Дядя нашелъ ему мѣсто у графа Сантіа по письменной части и для изученія геральдики. Когда графъ уѣхалъ въ С.-Петербургъ, то велѣлъ и ему прѣезжать за собой. Передъ отъѣздомъ, Зварыкинъ зашелъ опять къ слѣпому старику и сказалъ ему, что собирается въ Петербургъ, а отъ кореньевъ пока мало пользы. «На это я скажу тебѣ вотъ что — отвѣчалъ старикъ: — коли ты ѣдешь въ С.-Петербургъ, то коренье скорони здѣсь; а какъ прѣдешь въ С.-Петербургъ, то выйди ты ночью на первый перекрестокъ одинъ и скажи вслухъ: хочу идти къ нѣмчину Вейцу. Какъ только ты проговоришь это, тотчасъ явятся къ тебѣ двое и отведутъ къ Вейцу, а Вейцъ сдѣлаетъ тебѣ все, чего ты захочешь». Пришедши домой, онъ ночью потихоньку снялъ съ шеи коренья, положилъ въ бересту и бережно зарылъ подъ воротами въ землю; а на другой день уѣхалъ въ С.-Петербургъ. Прибывши

туда, онъ остановился на квартирѣ у одного знакомаго и, спустя день или два, вышелъ ночью на условный перекрестокъ и сказалъ заповѣдныя слова. Тотчасъ явились ему двое, которые сказались Вейцовыми слугами, и повели его какими-то садомъ къ Вейцу. Когда его привели въ домъ къ Вейцу, Зварыкинъ узналъ его и поклонился. «За чѣмъ ты ко мнѣ пришелъ?» спросилъ Вейцъ. Зварыкинъ отвѣчалъ, что его послалъ къ нему московскій слѣпой старикъ, обнадеживая тѣмъ, что Вейцъ сдѣлаетъ, что къ нему люди будутъ добры. Вейцъ отвѣчалъ, что онъ готовъ сдѣлать все, по его желанію, только съ условіемъ, если онъ отречется отъ Христа. Зварыкинъ страшно испугался этихъ словъ и хотѣлъ выдти вонъ изъ комнаты; но Вейцъ взялъ его за руку и сталъ успокоивать: «чего ты испугался, не бойся ничего; твоей братьи перебивало у меня больше тысячи, и всѣ довольны мною». Сказавши это, онъ далъ ему мешечекъ съ серебрянымъ замочкомъ: «вотъ тебѣ—говорить—тысяча червонныхъ, возми себѣ и употребляй на что хочешь». Пока Зварыкинъ держалъ въ рукѣ червонцы, Вейцъ развязалъ у него галстухъ и, нестово схватя съ его шеи серебряный крестъ, взялъ къ себѣ, а ему велѣлъ положить червонцы въ карманъ. «Быть ужъ такъ—сказалъ Зварыкинъ—что на этомъ свѣтѣ жить по вашей волѣ, чтобъ было за что въ будущемъ вѣкѣ муку терпѣть». Послѣ того Вейцъ велѣлъ ему проговорить за собой: «отрицаюсь Христа и покаянія и готовъ послѣдовать сатанѣ и творить волю его». Зварыкинъ написалъ эту клятву на бумагѣ, и подписалъ подъ нею свое имя кровью, которую Вейцъ пустилъ ему изъ правой руки большой булавкой. Вейцъ запретилъ ему креститься и читать молитвы; потомъ позвалъ его во внутренніе покои, велѣлъ подать напиться и поздравлялъ, — и пили много, такъ что Зварыкинъ напился до безпамятства и ночевалъ у Вейца.

Послѣ того, живя въ Петербургѣ, онъ въ церковь не ходилъ, а только для виду ставалъ подлѣ церкви, и крестнаго знаменія на себѣ не изображалъ, а только для виду рукой махалъ. Ходилъ къ нѣмчину и брагъ денегъ, сколько ни требовалъ, и издерживалъ все на распутную жизнь. Вейцъ обучалъ его иностраннымъ языкамъ и геральдикѣ, и говорилъ: «еслибъ ты послѣдовалъ моей волѣ несумнительно и постоянно, то я сдѣлалъ-бы тебя и знат-

нмигъ и богатмигъ, и дагъ-бы тебѣ въ услуженіе двоихъ бѣсовъ». Григорій просилъ, чтобъ онъ дагъ ему бѣсовъ. Вейцъ позвалъ бѣсовъ и приказалъ, чтобъ они во всемъ были ему послушны и, какъ онъ ихъ потребуеть вслухъ, то-бъ являлись ему въ человѣческомъ образѣ. Послѣ этого бѣсы во всемъ прислуживали ему, приносили ему пищу и питье, какихъ онъ ни потребуеть, только не днемъ, а ночью; и ту пищу употреблялъ онъ одинъ, а тѣ бѣсы съ нимъ не ѣдали и не пили. Гдѣ они все это брали, того онъ не знаетъ; думаетъ что у Вейца. Когда посылалъ ихъ куда нибудь съ письмами, или съ словеснымъ порученіемъ, они исполняли все чрезвычайно скоро, почти въ то же время, какого требовалъ какой разговоръ. Если онъ хотѣлъ куда ѣхать, бѣсы приводили къ нему лошадей и людей; только, не доѣзжая до того мѣста, куда нужно, онъ тѣхъ лошадей оставлялъ, а хаживалъ одинъ. Онъ полагаетъ, что въ образѣ лошадей были бѣсы. Кто такой былъ Вейцъ и какъ зовутъ его, не знаетъ; бѣсы называли его княземъ.—Разъ, за обѣдомъ у хозяина дома, гдѣ жилъ Зварькинъ, зашелъ разговоръ о священныхъ предметахъ и пробудилъ въ немъ заснувшую совѣсть. Послѣ того выпросился онъ у графа Сантіа въ деревню. Въ святки 1725 года гостили они съ матерью у брата ея, В. И. Каатырева, и жили до масленицы 1726 г. Въ великомъ посту онъ исповѣдался въ своемъ селѣ и объявилъ священнику свой грѣхъ. Пробудившаяся совѣсть напала на него съ ужасною силою, такъ что онъ рѣшился вступить въ монашество. Купивши въ ряду чернеческое платье и не сказавшись матери, онъ поѣхалъ будто на богомолье въ Кіевъ и, доѣхавъ до Кагуги, встрѣтился съ іеромонахомъ Іоанномъ, который назвался черкашениномъ, монахомъ богородицкой пустыни, что близъ Путивля, и сказалъ, что ѣдетъ въ Кіевъ. Зварькинъ поѣхалъ съ нимъ; но дорогой такъ заболѣлъ, что находился при смерти. Въ деревенской избѣ, гдѣ они остановились, Іоаннъ постригъ его въ монашество и назвалъ Георгіемъ; но въ Сѣвскѣ оставилъ его больного, а самъ поѣхалъ въ Кіевъ. Оправившись отъ болѣзни, Георгій сталъ ходить по монастырямъ и проситься на житье; но его ни гдѣ не принимали, потому что у него не было ни паспорта, ни указа о постриженіи. Въ мартѣ 1728 года, онъ явился въ московской дикастеріи и просилъ опредѣлить его въ саровскую или Флорище-

ву пустынь, гдѣ онъ бывалъ уже во время своего странствованія. Дикастерія дала ему указъ на жительство во Флорищевой пустыни. Но, не проживши года, онъ выпросился у строителя Іероодея въ саровскую пустынь и просилъ іеромонаха Іосію (который, за отбытіемъ строителя Іоанна въ Москву, правилъ дѣлами той пустыни) принять его. Іосія согласился. Зварыкинъ оставался тамъ до 1731 г. Въ этомъ году, пріѣхавши въ Москву, принять былъ, по просьбѣ своихъ родственниковъ, духовникомъ Императрицы, сергіевскимъ архимандритомъ Варлаамомъ, и жилъ при его кельяхъ нѣсколько мѣсяцевъ, а потомъ опять уѣхалъ въ саровскую пустынь. Здѣсь, однакожь, онъ не нашелъ себѣ покоя. Бывши, вскорѣ послѣ того, въ Москвѣ по монастырскимъ дѣламъ, онъ вспомнилъ о своемъ мешечкѣ, досталъ его изъ земли и взялъ съ собою; но, пришедши въ чувство, объявилъ о томъ своему духовному отцу. Духовный отецъ велѣлъ ему бросить мешечекъ въ рѣку. Но это его не успокоило. Георгій съ грустію вспомнилъ о предложеніи Вейца — дать ему способъ уѣхать въ Италію. Въ это время, взглянувъ въ окно, онъ увидалъ Вейца и старыхъ знакомыхъ бѣсовъ, которые прежде ему прислуживали. Вейцъ сталъ прельщать его лъстивыми словами. Георгій, склонившись на эту приманку, просилъ, чтобъ дали ему способъ уѣхать въ Италію, или возвели его въ почетную монашескую должность. Бѣсы потребовали, чтобы онъ возобновилъ свое отреченіе отъ Христа. Зварыкинъ согласился и хотѣлъ-было кощунственно попать икону, но явившійся старецъ возбранилъ ему. Зварыкинъ испугался и упалъ замертво. И много бѣсовскихъ страшилищъ являлось ему, и по долгу бывалъ онъ безъ памяти, и бивали и давили его бѣсы, и съ лѣстницы стлалкивали и на воздухъ подымали. Все это открывалъ онъ на исповѣди отцу своему духовному, Іосію Самгину, а съ отбытіемъ его (въ октябрѣ 1731 г.) въ берлюковскую пустынь, другому саровскому іеромонаху, Дороею. Теперь онъ (Георгій) находится въ Москвѣ, съ саровскимъ іеромонахомъ Іоанномъ, по монастырскимъ дѣламъ и, заявляя о своемъ грѣхопадении, по приказанію отца своего духовнаго, проситъ у е. и. в. милосердія, а у св. Синода милостиваго разсужденія, чтобъ довелѣно было ему окончить жизнь въ покаяніи, въ саровской пустыни, потому что онъ весь дряхлъ и скорбенъ».

Сунодальная канцелярія сдѣлала, по его показанію, розыскъ: кто такой слѣпой старикъ и гдѣ находится домъ, въ которомъ онъ живъ? Но ни дома, ни старика не оказалось на томъ мѣстѣ, гдѣ Зварыкинъ показывалъ. Сунодальная канцелярія спрашивала у Сунода, какъ вести это дѣло, которое кажется не маловажнымъ? Но прежде чѣмъ получено было изъ Сунода рѣшеніе, Зварыкинъ сдѣлалъ новыя показанія. Онъ показалъ записку, писанную рукою берлюковскаго іеромонаха Сильвестра, по которой берлюковскій строитель Іосія приказалъ имъ—Сильвестру, ему—Зварыкину, іеромонаху Іакову, да монаху Боголѣпу, когда они жили еще въ саровской пустынѣ, отправлять церковное правило. Въ этой запискѣ, послѣ перечня святыхъ угодниковъ, которымъ полагалось по одному или по два земныхъ поклона, велѣно было класть поклонъ св. великому угоднику Божію Тимоеею Архиповичу. Къ этому Зварыкинъ прибавилъ, что «названные выше монахи носили, въ шейныхъ крестахъ своихъ, въ воску и въ платныхъ частицахъ, власы, называя ихъ святыми мощами великаго угодника Божія Тимоея Архиповича, и образы его у себя имѣли, написанные съ вѣнцомъ на бумагѣ. И я грѣшный кладе поклонъ по означенному писанію».

Берлюковская пустынь находится въ московской губерніи, въ 40 верстахъ отъ Москвы, лежитъ при рѣкѣ Ворѣ, впадающей въ Клязьму, и со всѣхъ сторонъ окружена лѣсомъ. Въ ту пору, къ которой относится нашъ разсказъ, строителемъ ея былъ іеромонахъ Іосія, постриженникъ саровской пустыни. Не прошло еще трехъ лѣтъ, какъ онъ перешелъ изъ саровской пустыни въ берлюковскую, взявши съ собою іеромонаховъ Сильвестра и Іакова. Въ саровской пустыни они жили вмѣстѣ съ Зварыкинымъ, а Іосія, кромѣ того, былъ духовнымъ отцомъ Зварыкину.

Іосія и берлюковскіе монахи, слышавши, что Зварыкинъ за какое-то показаніе содержится въ сунодальной канцеляріи, страшно перепугались—не открылъ бы онъ объ нихъ чегонибудь «годнаго къ истязанію». Всѣ они знали, что живутъ въ страшное время, особенно для монаховъ, что не было ничего легче, какъ попасть въ «Тайную», и нѣтъ ничего труднѣе, какъ выдти изъ нея. А между тѣмъ знали за собою не мало грѣшковъ. У Іосіа сердце чувало, что его сгубятъ показанія сумазброднаго Звары-

кина. Онъ рвался и метался, какъ рыба, попавшаяся на крючокъ. Сердце говорило не доброе. Зварыкинъ выдастъ ихъ. Какъ спастись, какъ миновать страшной канцеляріи? Іосія ужъ не первый годъ живетъ на бѣломъ свѣтѣ. Въ запасахъ его опытности нашлся мудрый, какъ ему показалось, совѣтъ: прежде чѣмъ сдѣлаться отвѣтчикомъ, самому сдѣлать доносъ на своего противника.

Зварыкинъ говорилъ ему на духу, будто онъ хотѣлъ съ своими товарищами известъ блаженной памяти Петра Перваго: не донестъ-ли объ этомъ?—спрашивалъ онъ у Сильвестра.—«Чего лучше», отвѣчалъ Сильвестръ. Іосія написалъ доношеніе и поѣхалъ къ Салтыкову для поданія. Но прежде, чѣмъ явиться къ Салтыкову, онъ зашелъ къ князю Ивану Одоевскому, вкладчику берлюковскому, и рассказалъ ему о своемъ намѣреніи. Одоевскій не совѣтовалъ доносить объ этомъ: «на духу сказано и дѣло опасное». Іосія зашелъ было къ Макарову (бывшему кабинетъ-секретарю), но не засталъ его дома, поговорилъ только съ женой: та не наплась ничего посоветовать ему. Такъ это намѣреніе и было покинуто. Взамѣнъ этого, Іосія рѣшился выдать Зварыкина, какъ чародѣя и безбожника. Онъ подалъ въ синодальную канцелярію доношеніе, что въ саровской-де пустыни есть бумаги, писанныя рукой Зварыкина, о его отреченіи отъ Бога и о покаяніи.

Синодальная канцелярія сообщила объ этомъ дѣлѣ конторѣ Тайной канцеляріи; а контора приказала арестовать Зварыкина, выгребовать изъ берлюковской пустыни строителя Іосію съ Сильвестромъ, Іаковомъ и Боголѣпомъ, а изъ саровской — Іоанна; да съ нимъ же взяли бывшаго въ Москвѣ саровца іеромонаха Ефрема; наконецъ, по ихъ показаніямъ, взяли еще крестьянъ Ивана и Максима Щелягичныхъ.

Контора Тайной канцеляріи отправила въ саровскую пустынь солдатъ для взятія бумагъ, на которыя указалъ Іосія. При обыскѣ въ алтарь, подъ поломъ, найдены слѣдующія вещи: 1) нѣсколько бумагъ, писанныхъ рукой Георгія и заключавшихъ въ себѣ его отреченія отъ Бога и покаяніе въ немъ и въ данномъ бѣсамъ рукописаніи. Одно изъ этихъ отреченій написано углемъ, другое кровью, для того, какъ показывалъ Георгій, что бѣсы стужали ему о томъ непрестанно и обѣщали произвестъ его въ архимандриты новоспаскаго монастыря. 2) Разрѣшительное

письмо Іосіа Георгію во всѣхъ его грѣхахъ. Іосія показалъ, что онъ далъ его Георгію для того, чтобы онъ не пришелъ въ отчаяніе и не ушелъ изъ пустыни. 3) Тетради, писанныя іеромонахомъ Сильвестромъ о Георгіѣ Зварыкинѣ, подъ названіемъ: «повѣсть душеспасительная о бывшихъ ему видѣніяхъ Іоанна Предтечи и Тимофея Архиповича». 4) Тетради о монашествѣ, сочиненія Родышевскаго. Въ кельяхъ строителя Іоанна нашли печатный манифестъ о царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ, 1718 г., февраля 3-го дня, и печатную жъ книгу: «правда воли монаршей, 1722 г., августа 17 дня». Іеромонахъ Іоаннъ показалъ, что обѣ книги его — купленные, а не объявилъ о нихъ, гдѣ надлежало по указу, отъ старости своей, въ забвеніи, понеже отъ роду ему близко 70 лѣтъ (ему было 63 года).

Самымъ важнымъ дѣломъ показались тетради о монашествѣ. Они сближали дѣло Зварыкина съ дѣломъ Родышевскаго. Зварыкинъ показалъ, что въ бытность его въ саровской пустыни, Іосія и Сильвестръ читали при нихъ тетради о монашествѣ и, прочтя, Іосія говорилъ имъ: «конечно, въ Россіи не подобаеть быть св. Синоду, а надлежитъ быть святѣйшему патріарху»; выборъ ихъ падалъ на архимандрита Варлаама; «а что вотчины вкладъ въ монастырь давать запрещено, и то весьма противно волѣ Божіей учинено; а во оныхъ тетрадѣхъ писано только то едино, что Господу Богу весьма угодно и всѣмъ людямъ весьма полезно, и надобно-де всякому человѣку за оное стоять крѣпко, такъ что, ежели какой случай позоветъ, и живота своего не щадить, и ежели кто постраждетъ, то съ мученики причтенъ будетъ». На это всѣ монахи единогласно сказали: «и мы за оныя тетради смерть примемъ». А Іаковъ сказалъ: «дай Боже тому спасенія, кто о семъ попекся и оныя тетради написалъ».

Откуда и какъ тетради о монашествѣ попали въ саровскую пустынь? Іосія показалъ, что въ 1730 году саровскій строитель Іоаннъ, бывши въ Москвѣ, прислалъ ихъ оттуда въ нему, съ монахомъ Аарономъ, для списыванья и наказалъ, чтобы, какъ спешутъ, прислать ихъ къ нему поскорѣ назадъ. Іосія, правившій монастыремъ въ отсутствіе Іоанна, отдалъ ихъ для списыванья Зварыкину и Сильвестру, а тѣ пригласили съ собой еще іеромонаха Ефрема и іеродіакона Теофилакта. Послѣ того, когда онъ,

Іосія, собрался въ Москву, Сильвестръ принесъ къ нему списанныя тетради и спрашивалъ: «куда-де мнѣ дѣть ихъ — я-де вижу въ нихъ некакую непользу», Іосія отвѣчалъ ему: «коли ты видишь въ нихъ какую непользу, положи ихъ куда нибудь къ сторонѣ». Сильвестръ, не сказавши ни слова, принесъ къ нему деревянное дупло и говорилъ, чтобъ онъ, Іосія, положилъ то дупло гдѣ знаетъ, а въ томъ-де дуплѣ письма, а какія—не сказалъ. Іосія, взявши дупло, зарылъ его въ землю въ саровской церкви, въ алтарѣ подъ поломъ.

Никто изъ переписчиковъ не запырлся въ своей работѣ. Строитель Іоаннъ также объявилъ, что онъ взялъ тетради у Щелягинныхъ для чтенія, и смотрѣлъ ихъ сначала и въ срединѣ по немногу, а внятно не читалъ и, спустя съ недѣлю, отослалъ ихъ къ Іосію, а по присылкѣ отъ него, опять отдалъ ихъ Щелягиннымъ. Максимъ Щелягинъ показалъ, что ему тетради о монашествѣ далъ Маркелъ Родышевскій тому года съ три или больше, какъ онъ былъ въ Симоновѣ монастырѣ у обѣдни, и послѣ обѣдни, ходя по кельямъ, подавалъ монахамъ милостыню и пришелъ, гдѣ жилъ онъ Родышевскій и подагъ ему милостыню; а Родышевскій, принявъ милостыню, далъ ему означенныя тетради и сказалъ, что «эти тетради о монашествѣ; ты ихъ прочти». И тетради онъ; Максимъ, спроста у него взялъ, и принесъ домой, а прочесть не успѣлъ. Этой порой пришелъ къ нему іеромонахъ Іоаннъ просить на монастырскія потребы и, увидавъ у него тѣ тетради, спросилъ: «какія это тетради?» Максимъ отвѣчалъ, какъ говорилъ ему Родышевскій, что это тетради о монашествѣ. Послѣ того строитель сталъ просить ихъ себѣ для прочтенія. Максимъ, не говоря ни слова, отдалъ ихъ Іоанну и просилъ только возвратить, когда прочитаеть.

Спросили Родышевскаго: какъ онъ знакомъ со Щелягиннымъ и гдѣ видѣлся съ нимъ? Родышевскій отвѣчалъ, что видѣлся съ нимъ въ Симоновѣ у сосланнаго туда изъ Кіева въ 1722 году, іеромонаха Димитрія. Кто такой этотъ Димитрій? Родышевскій отвѣчалъ, что онъ родомъ кievлянинъ, а откуда и по какому дѣлу сосланъ былъ въ Симоновъ, того не знаетъ. Въ разговорахъ Максимъ спрашивалъ: не сочинилъ-ли онъ Родышевскій возраженія противъ двухъ изданныхъ указовъ о монашествѣ? И ког-

да онъ отвѣчалъ, что сочинилъ, то Максимъ просилъ тѣхъ тетрадей себѣ для прочтенія. Родышевскій велѣлъ сдѣлать для него списокъ симоновскому іеромонаху Клеопѣ.

Надо замѣтить, что одинъ изъ Щелягинныхъ, Иванъ, въ это время содержался въ Тайной канцеляріи по дѣлу о пашквилѣ Іоны на Феофана. Іона въ своихъ показаніяхъ объявилъ между прочимъ, что Щелягинъ бывалъ у него вмѣстѣ съ солбинскимъ іеромонахомъ Іаковомъ и читалъ извѣстное житіе Феофана. Такимъ образомъ разные нити связывали дѣло саровцевъ съ дѣломъ Родышевскаго и Іоны. Этого довольно было, чтобы зачислить ихъ въ одну преступную партію съ Родышевскимъ и Іоною.

Собравши предварительныя свѣдѣнія, контора Тайной канцеляріи донесла обо всемъ этомъ дѣлѣ Тайной канцеляріи; а Тайная канцелярія 4 апрѣля 1734 года приказала всѣхъ арестованныхъ по этому дѣлу лицъ переслать въ С.-Петербургъ, потому что ихъ дѣло-важное и надлежитъ къ слѣдованію въ Тайной канцеляріи.

По взятіи колодниковъ въ С.-Петербургъ, Ушаковъ, 19 мая, приказалъ секретарю Хрущову доложить кабинетнымъ министрамъ, что при допросахъ привезенныхъ изъ Москвы колодниковъ ему быть не возможно: не изволятъ ли они присутствовать при оныхъ допросахъ? Остерманъ и Черкасскій отвѣчали, что они согласны и будутъ имѣть присутствіе въ св. Синодѣ съ преосвященнымъ новгородскимъ архіепископомъ Феофаномъ.

На другой день, 20 мая, было первое присутствіе и первые допросы колодникамъ въ св. Синодѣ. Зварыкинъ и Іосія утверждались на своихъ прежнихъ показаніяхъ. Кабинетные министры, слушая фантазмагорію Зварыкина, спросили: не боленъ-ли онъ? Зварыкинъ отвѣчалъ, что онъ отъ бѣсовъ былъ мучимъ; была у него также падучая болѣзнь; а больше никакой другой болѣзни онъ въ саровской пустыни не имѣлъ. «И теперь мучатъ его бѣсы?» «Нѣтъ; прежде мучили, а теперь нѣтъ, отстали съ 1731 г., съ праздника Покрова пресв. Богородицы». Іосія между тѣмъ упрямо утверждалъ, что въ немъ и теперь бѣсы.

У слѣдователей возникло подозрѣніе: не хитрая-ли штука эти бѣсы? Кому и на что они нужны? Зварыкинъ сталъ отъ нихъ отказываться, а Іосія тѣмъ упорнѣе защищалъ связь его съ бѣса-

ми.—Однажды, на допросъ, спросили о чемъ-то у Іосіа: говорилъ ли онъ это Зварыкину? «Нѣтъ». Какъ же Зварыкинъ это показываетъ на него? Іосіа отвѣчалъ, что Зварыкину говорилъ, въ его Іосіевъ образъ, бѣсъ. Спросили у Зварыкина: являлся-ли ему бѣсъ въ образъ Іосіа? Зварыкинъ отвѣчалъ:—«нѣтъ, ни въ образъ Іосіа, ни какого другаго монаха».—Стало быть бѣсы—хитрость Іосіа. На что и для чего они ему нужны? Что онъ хотѣлъ прикрыть ими? Идя далѣе въ своихъ подозрѣніяхъ слѣдователи пришли къ мысли, что Зварыкиновы бѣсы—выдумка Іосіа, что Іосіа научалъ его прикидываться бѣсноватымъ, что все, что онъ показываетъ Зварыкинъ, все это ихъ хитрость, что у нихъ—у Іосіа, Зварыкина и прочихъ сообщниковъ,—кроются какіе-то тайные замыслы.

2. Разборъ тетради Родышевскаго о монашествѣ и назначеніе слѣдователя въ саровскую пустынь.

Показанія саровцевъ открыли, что Маркелова тетрадь о монашествѣ, осужденная еще въ 1731 году, ходитъ между монахами и производитъ волненія противъ распоряженій о монастыряхъ и о монашествѣ. Теофанъ рѣшился покончить съ нею и написалъ разборъ этой тетради, который 4 іюня 1734 года и представилъ Императрицѣ. Цѣль этого разбора состояла въ томъ, чтобы показать, что эта тетрадь направлена къ возмущенію народа противъ правительства; а изъ этого необходимо слѣдовало, что читатели и переписчики ея суть крамольники, которые составляютъ «злудѣйскую факцію».

«При достодолжномъ моемъ низжайшемъ поклоненіи—писалъ Теофанъ—одоженъ присяжною вѣрностію, доношу вашему императорскому величеству о слѣдующемъ. Въ недавнопрошедшемъ времени, превосходительный господинъ генералъ Андрей Ивановичъ, чрезъ Тайной канцеляріи секретаря Хрущова сообщилъ мнѣ копию съ книжцы о монашествѣ чернца Маркелла Родышевскаго. И хотя недавно о таковой книжцѣ слышавъ, да еще оной не видѣвъ, и не сумнѣвался о томъ, что въ книжцѣ оной ничего полезнаго и крѣпкаго нѣтъ, по существу моему извѣстію, что та головка весьма неученая, тупая, пустая, да еще и шаленая, и кото-

рой весьма прислушаеть оное Спасителя нашего слово, — «еда обь-емлють отъ тернія грозды, или отъ рѣпія смоквы»: однакоже таковой злой въ письмѣ ономъ продерзости, каковую нынѣ вижу, вѣкъ не надѣялся. — Письмо оное явные содержитъ въ себѣ виды и образцы знатнаго неискусства, незнанія и суесловія. Да то даромъ: янако писать не могъ таковой авторъ. Но, чего я безъ ужаса видѣть не могъ, наполнено оное писмишко нестерпимыхъ ругательствъ и ласвъ на царствовавшихъ въ Россіи, блаженныя и вѣчнодостойныя памяти, вашего величества предковъ. Славныя и благотворныя ихъ государей нѣкіе указы, уставы, узаконенія явственню порочить, и яко богопротивныя отметаеть. А между тѣмъ о монахахъ и монастыряхъ съ такъ безстуднымъ ласкательствомъ пишеть, что всякъ не неразумный лжесловесіямъ его удивится, развѣ бы кто отъ злобы нарочно слѣгъ быть похотѣлъ. Да и всѣмъ почитай мірскимъ чинамъ приласкивается, не инымъ, воистину, намѣреніемъ, только чтобъ хуленія его на государей и на ихъ опредѣленіе произносимыя, вѣщше простому народу были пріятныя, и подвигнуть бы простыхъ человекъ, а навпаче не миролюбныхъ и раскольщиковъ, къ яростному негодованію. Однимъ словомъ: *письмо сіе не ино что есть, только готовый и нарочитый факелъ къ зажженію смуты, мятежа и бунта*.

Слѣдующій затѣмъ разборъ состоитъ изъ трехъ статей. Первая надписана: «о *порузаніи указовъ Петра Великаго и друмакъ прежде царствовавшихъ государей генерально*». «Рядовое ли се злодерзостіе — подданному, да еще подлому и арестанту, отвергать и бранить государей своихъ указы, да еще не просто, но долгимъ письменнымъ возраженіемъ въ народъ произносимымъ? Когда и Государи прежнихъ Государей указы отставляютъ, не какъ ни есть то дѣлають, колыми паче не съ лаями и укоризненно, но съ честію ихъ предлагая нѣкая винословія. А мы дождались времени, въ которыя черныи злодѣи перомъ марать и публично уничтожать указы государевы не усумнились». — Во второй статьѣ Феофанъ разбираеть подробно: *на вышепоказанный Петра Перваго указъ каковыя именно злорчія въ книгѣ Родышевскаго о монашествомъ написаны? Такожъ и другіе, какъ евожъ величества, такъ и предъ нимъ царствовавшихъ ево величества предковъ, указы какъ опорочены? Трудясь, шалунъ, въ уничтоженіи указа государева, потру-*

дился и самъ написать о исправленіи чина монашескаго опредѣленіе, отъ государева опредѣленія, по мнѣнію его яко отверженнаго, лучшее, гдѣ накопили таковыхъ неудобствъ, дуростей, пусторѣчій и смѣха достойныхъ разсказовъ, что кто не знаетъ, какая то пустая да шаленая головка, скажетъ, что врано то въ безмѣрномъ пьянствѣ». «Приходитъ же мнѣ на помыслъ, что есть чѣмъ поздравлять государей нашихъ, доселѣ царствовавшихъ: понеже которые доселѣ ни явились высочайшей ихъ власти и чести ругатели, вси были до дна глупы, какъ то и сей враль. Воистину такъ дѣлается не безъ особливаго Божія смотрѣнія. Однакоже какъ сей, такъ и подобные ему глупцы, не были такъ тупы и темны, чтобъ не вѣдали, коль жестокое злодѣйство — указы государей своихъ презирать, а кольми наче порочить, ругать и отметать. И того ради невозможно было никому надѣяться, чтобъ когда отважился кто нибудь выскочить на среду съ явными на государей своихъ и на ихъ указы лаями и укоризнами: а то сей *черный богатырь* дерзостно учинилъ. — Заглавіе третьей статьи: *каковыя онъ къ монашескому чину и къ другимъ ласкательныя, да къ смутѣ удобныя, такоужъ и инныя яко мятежныя рѣчи съ сей своей книжъ разстлалъ...* «Пишетъ, что монастыри на предградіяхъ великихъ и малыхъ градовъ начались съ самыхъ первыхъ вѣковъ по Христу, якоже увѣдати можно отъ древнихъ достовѣрныхъ исторій и историковъ и летописцевъ, которыхъ ищущіи обрящутъ. Вотъ какой свѣтъ намъ подагъ! Гдѣ жъ то самъ онъ оныя исторіи и историки и летописцы видѣлъ? Нѣтъ ли гдѣ полно таковыхъ шинковъ, въ которыхъ и библіотеки имѣются? Не показалъ же ни стороны и дороги, куды итти и гдѣ оныхъ историковъ искать. А то слово въ слово какъ бы кто сказалъ: много корицы родится въ лѣсахъ, которыхъ ищущіи обрящутъ. Гнусный хвастунъ нарочно такъ заговорилъ, чтобъ бѣдные разсказовъ его читатели подумали, что писалъ сіе великій въ ученіяхъ мужъ, вся древнія книги въ памяти своей вмѣстившій, и таковой книжникъ, иже износитъ отъ сокровища своего новая и ветхая. И не всуе такъ гаркнулъ: ибо не мало и се годится къ возмущенію простыхъ человѣкъ... На присягу нарекаетъ. Не велѣно-де клятися ни небомъ, ни землею, ни Иерусалимомъ, ни главою своею, кромѣ—ей—ей, ни—ни. А мы и

самымъ Богомъ—о лютѣ намъ за сіе—всегда клянемся и рогни-ся зѣло. Которое нареканіе неповинное было бы, если бы намѣрено было на злой въ народѣ обычай—легкомысленно и безъ всякія нужды клястися; но отъ союзниковъ его 1731 года явилось, что господа сіи, знатно чужимъ нѣкимъ умысламъ служаще, противились присягамъ, которыми подданные присягаютъ государямъ своимъ. На что мы тогда и разсужденіе о клятвѣ или присягѣ написали... Ругаетъ уставленный Синодъ, сказуя, что никогда даже доселѣ не бывало такъ, ниже гдѣ либо въ исторіяхъ писано. Опять мотъ хвастаетъ, подая вѣдать, будто бы онъ всѣ книги, всѣ исторіи прочелъ. Правда, что о синодальныхъ правительствахъ нигдѣ въ исторіяхъ не написано, да въ тѣхъ исторіяхъ, которые онъ видѣлъ. Примѣчать же и здѣ надобно, что какія онъ здѣ рѣчи написалъ, такія и въ извѣстномъ пашквилѣ написаны. А если бы онъ столько лгалъ, плуталъ и кралъ, сколько онъ же исторій прочиталъ, то весьма былъ бы добрый человѣкъ...—Похвалаетъ чинъ патриаршескій, да такъ скудно и студено, что сами патриархи, въ награжденіе таковой чина своего похвалы, осудили бы его на плети и на шелепы и на вѣчную ссылку; ибо онъ говоритъ первѣе, что самъ Богъ еще въ ветхомъ завѣтѣ узаконилъ патриаршество—разумѣетъ великаго ветхозавѣтнаго архіерея. О какая богословія! Слово въ слово какъ бы кто, потщався показать, что короваи къ Свѣтлому Воскресенію печеные (по нѣкому глухому въ народѣ обычаю) суть прямыя пасхи, какъ ихъ люди простые называютъ, и что ихъ весьма должны христіаны употреблять, приводилъ бы, на доказательство того, узаконенную отъ Бога въ ветхомъ завѣтѣ пасху»...—Въ заключительной четвертой статьѣ, *по объявленіи и возраженіи знатнѣйшаго мятежесловія*, Теофанъ предлагаетъ свое мнѣніе *о вышеобъявленныхъ злорѣчїяхъ*. «Двое о сихъ разсудить и другимъ къ разсужденію предложить нужда кажется: 1) откуда бы пришла и изъ чего родилась толь свирѣпая шалуна сего продерзость? 2) что остается дѣлать, дабы тайный толикаго злодѣйства корень исторгнуть и выволочь наружу и силу его испразднить? 1) Мнѣніе мое на первую потребу таковое: что хотя бездѣльникъ сей и скуденъ въ разсужденіи, однакоже не такъ онъ внѣ ума, чтобы могъ въ огонь броситься, инакче что по природѣ своей зѣло трусливъ, а еще къ тому

не за одну вину подлежащій суду. И потому самъ онъ собою, по ярости и злобѣ, безъ всякой надежды и упованія, никогда бы на такъ страшное дѣло не отважился. Неслышанная востину отвага явственна на государей толь поносительныя, да и толь многія, враки пространнѣмъ письмомъ издавать. Сего никто бѣ не посмѣлъ и внѣ государства дѣлать, боясь долгихъ рукъ царскихъ, развѣ бы обнадеженъ былъ сильною нѣкою защитою. Отъ чего несумнѣнно является, что были нѣкіе прилежныя наустители, которые плутца сего къ тому привели, отворяя ему страхъ показаніемъ *новой нѣкоей имѣющей быть перелъны, новаго въ государствѣ состоянія*, и обнадеживая дурака великимъ высокоаго чина за таковыи его трудъ награжденіемъ. И хотя умные затѣйщики подлинно вѣдали, что сосудъ сей тощъ и слабъ, однако то имъ, по ихъ мнѣнію, не помѣшательно къ начинаніямъ своимъ казалось; ибо вѣдая простаго народа немощь,—что къ возмущенію его не тотъ смельчакъ, кто крѣпко говоритъ, но кто много и дерзко, хотя и безпутно, вракаеть,—когда лучшаго къ сторонѣ своей страшчаго не надѣялся, судялось имъ за благо и сего бѣднаго школьника въ бирючи употребить. Было, чаю, и то въ разсужденіи ихъ, что гладныя собаки зѣло послушны... И самъ сей злодѣй, въ сихъ же отъ насъ обличенныхъ плевелахъ своихъ когда сказуетъ, что онъ написалъ оныя отъ всея церкви, явно показуетъ, что *былъ онъ въ числѣ нѣкоего немалочисленнаго скотовнчества*. Хотя бо и безстыдно лжетъ, якобы именовъ всея церкви то сдѣлагъ, однакоже, если бы не имѣлъ многихъ товарищей, не могъ бы такъ говорить. Въ сихъ же своихъ письмахъ отвергаетъ Синодъ, въ чемъ себѣ особливой пользы не видитъ; а патріарху быть ревностно приговариваетъ: которой чести себѣ не надѣялся, знатно же онъ другимъ нѣкіимъ тако угождаетъ, другихъ или властолюбію или раздорной похотѣ служить. А роптаніе за отставу чина сего извѣстно и отъ сказокъ разстриги Рѣшилова, и отъ упомянутаго подметнаго письма (котораго онъ же, Рѣшиловъ, по несумнѣнному моему мнѣнію, авторъ) и отъ допросныхъ рѣчей Рѣшиловыхъ союзниковъ. 2) Мнѣніе мое на вторую потребу состоитъ въ изслѣдованіи совѣтниковъ, указчиковъ и помощниковъ, и другихъ въ дѣлѣ семъ сообщившихся ему, такожь и нѣкіихъ обстоятельствъ, которыя къ ясному затвѣкъ показанію надобны.

Тайная канцелярія, разумѣется, испугалась Теофановыхъ представленій... Въ Россіи заговоръ, и какой заговоръ — охватить всё государственныя сословія! А у нея въ рукахъ одинъ только неясный слѣдъ этого заговора, одинъ лоскутокъ ужаснѣйшихъ тетрадей о монашествѣ! Въ страхѣ, Тайная канцелярія проситъ Синодъ (11-го іюня) отправить въ саровскую пустынь достойную вѣроятія духовную персону въ самой крайней скорости, обыскать все братство и допросить всѣхъ, кто ни есть въ той пустыни, о томъ: не имѣлъ ли кто и понынѣ не имѣетъ ли у себя и не знаетъ ли у кого инаго таковыхъ же о монашествѣ тетрадей и книгъ и прочихъ, съ непотребными вымыслами написанныхъ, писемъ, даванныхъ или оставленныхъ Іосією, и что по тѣмъ допросамъ покажется, о томъ изслѣдовать; каковыя же при томъ книги, тетради и прочія письменшки явятся, то все отобравъ прислать въ С.-Петербургъ въ самой крайней скорости. По распоряженію Синода, московская дикастерія отправила для этого слѣдованія колодежскаго можайскаго монастыря игумена Пахомія.

Въ этихъ подозрѣніяхъ заговора, мятежа, бунта, Тайная канцелярія съ удвоенною горячностью принялась за дѣло. Всѣ читатели и переписчики тетрадей о монашествѣ стали на ея глазахъ вождами или участниками заговора и мятежа, а саровская и берлюковская пустыни — пріютами мятежниковъ. А потому слѣдствіе приняло горячее направленіе. На другой же день послѣ помянутаго распоряженія, Теофанъ предложилъ Синоду разстричь несчастныхъ саровцевъ и берлюковцевъ и передать для истязанія Ушакову ¹⁾. Синодъ утвердилъ это предложеніе и стали Іосія — Яковомъ Самгинымъ, — Іаковъ — Иваномъ Кучинымъ, Сильвестръ — Степаномъ Викторовымъ.

---

¹⁾ «Сего 12 іюня его преосвященство и высокосіятельные гг. министры, по секретному важному дѣлу, которое слѣдуется ими въ Тайной канцеляріи, о саровскомъ строителѣ Іоаннѣ и берлюковскомъ Іосіи, о монахѣ Георгіѣ За-

3) Саровскіе пустынножителі. — Начальникъ — Іоаннъ. — Строитель Іосія Самгинъ. — Юрдинъ Тихонъ Архиповичъ. — Ефремъ Керотій, псаломщикъ.

Главными виновниками въ сообщничествѣ съ факціею Родышевскаго изъ саровцевъ были: начальникъ саровской пустыни іеромонахъ Іоаннъ и строитель Іосія Самгинъ.

Что за человекъ былъ Іоаннъ? Въ табели саровскихъ монаховъ 1733 года объ немъ показано: первоначальникъ іероскимонахъ Іоаннъ, въ мѣрѣ Иванъ Фодоровъ, арзамасскаго уѣзда, села краснаго, дьячковъ сынъ, отъ рожденія 63 лѣтъ; въ монашество постриженъ въ г. Арзамасѣ во введенскомъ монастырѣ въ 1689 г.; въ іеромонахи посвященъ въ темниковскій монастырь въ 1692 г., въ Москвѣ, преосвященнымъ Евѣмиемъ, митрополитомъ сарскимъ и подонскимъ. А въ саровской пустынѣ сталъ жить съ 1709 года, по благословенію преосвященнаго Стефана, митрополита рязанскаго; изъ введенскаго монастыря отошелъ онъ въ пустыню ради молвы, что тотъ монастырь посреди Арзамаса города; а въ оной пустыни желалъ онъ жить въ уединеніи, ради спасенія души своей. А вышеобъявленный введенской монастырь, хотя и скудный, токмо не для того въ оную пустынь сошелъ, но для вышеозначеннаго безмолвія; а чтобъ сообщить къ оной пустыни вотчины — наміренія онъ не имѣлъ. Въ 1715 г., бывши въ Москвѣ и весьма заболѣвъ, посхимился онъ отъ прилучившагося тогда въ Москвѣ, гороховскаго уѣзда, красногривской пустыни строителя, іеромонаха Макарія; а въ 1731 году, чувствуя въ себѣ изнеможеніе, просилъ опредѣлить на свое мѣсто въ строителя другаго; и по тому его прошенію опредѣленъ строителемъ другой, и тому новоопредѣленному строителю всякое изъ оной саровской

рыкинъ, іеромонахъ Іаковъ и монахъ Сильвестръ, рассуждали, что изъ тѣхъ плутовъ черницъ оныя бердюковской пустыни строитель Іосія, яко первый предводитель оному зѣло важному злоковарному дѣлу, и іером. Іаковъ и монахъ Сильвестръ — явились въ жестокой важности, о которой значится въ ономъ дѣлѣ (а о прочіихъ ихъ винахъ по отвѣтамъ ихъ извѣстно и св. Синоду, поже допрашивавы оныя плуты при св. Синодѣ), и по общему разсужденію предложили, чтобъ связь съ нихъ Іосія, Іакова и Сильвестра священническіе и монашескіе чины, отдать ихъ къ слѣдованію оной злодѣйской важности въ свѣтскій судъ.

пустыни правленіе велѣно имѣть съ согласіа съ нимъ Іоанномъ. Какія послушанія несетъ? Уставъ содержитъ и находится въ разныхъ трудахъ; изъ рукодѣлій ланги шететь и гѣстовки дѣлаеть. О характерѣ его показанія различны. Іосія называлъ его чело-вѣкомъ нравнымъ. Іеромонахъ Ефремъ Короткой, содержавшійся вмѣстѣ съ нимъ въ Тайной канцеляріи, показалъ: «означенный строитель Иванъ мнитса мнѣ состоянія не коварнаго, только начальства надъ монастыремъ крѣпко держался, и того желателенъ, чтобъ ему въ его дѣлахъ, что ему захочется, дѣлать, хотя бы не на потребу обители; а чтобъ его любили, того желателенъ; въ вещахъ, какъ-то въ книгахъ и въ другихъ, которыя при себѣ имѣеть, въ тѣхъ братіи не податливъ; нравъ имѣеть, мнитса мнѣ, тяжелый». Іоаннъ пріобрѣлъ много вкладчиковъ для своей пустыни изъ высшаго круга и, во время хожденія по дѣламъ, пользовался ихъ совѣтами и помощію. Въ числѣ этихъ лицъ были: С. И. Путятинъ, князь В. В. Долгорукій, графъ Матѣевъ съ супругой, С. Т. Кишкинъ, С. И. Соловцовъ, Л. В. Кошкаревъ, У. М. Новосильцова, князь Одоевскій и много другихъ.

Іосія въ допросахъ показалъ о себѣ, что онъ купеческій сынъ изъ Елатмы, въ мѣрѣ звался Яковомъ; девятнадцати лѣтъ, съ согласія отца, онъ удалился въ саровскую пустынь; въ 1708 году постриженъ въ ней въ монашество; а въ 1716 г., по благословенію митрополита Стефана, посвященъ въ іеромонахи. Характеръ его описали Зварыкинъ и Ефремъ въ своихъ показаніяхъ. «Іеромонахъ Іосія, когда былъ въ Москвѣ или въ Арзамасѣ, тогда показывалъ себя великаго молитвенника и во всемъ воздержника; а когда бывалъ у себя въ саровской пустыни, тогда о молитвѣ небрегъ и воздержанія ни въ чемъ не имѣлъ, и не токмо между службою церковною, но и во время ея все въ пустыхъ разговорахъ ово у себя въ кельѣ, ово въ братскихъ кельяхъ, а иногда въ монастырѣ и на паперти время препровождаетъ; а иногда и въ великіе праздники, небрегуте о службѣ церковной, во время ея въ рыбной ловлѣ упражнялся; а когда богомольцы бытъ прилучались, тогда веліе прилежаніе къ службѣ церковной показывалъ, а при знатныхъ богомольцахъ какъ вечерни, такъ и утрени и всенощныя пѣнія и литургію служить тщался. Да еще злобу имѣлъ велию: ежели въ чемъ ему хотя мало кто досадитъ, того

вошь отъ себя изъ пустыни ни за что, почитай что безъ вины, отсылалъ». «Іосія имѣеть состояніе мнитсѣ мнѣ льстивное: слово гладко, поклоны низки; коварства скоро въ немъ признать немощно, потому что, ежели хотя и мало усмотритъ человѣка, кто куда склоненъ, то такъ и угождаетъ; а кто бѣ дѣлъ его, какія бы онъ удумавши дѣлалъ, не заиралъ, тѣ ему пріятны. Такъ онъ обманулъ и Іоанна».

Саровскій первоначальникъ былъ чрезвычайно привязанъ къ Іосію ¹⁾. Несмотря на то, что Іосія оскорблялъ его публично при братіи и всякими способами подкапывался подъ него, чтобъ получить его мѣсто, Іоаннъ все забывалъ изъ-за любви къ своему духовному сыну и одному изъ первыхъ своихъ постриженниковъ. Тѣже кроткія черты характера выразились и въ отзывѣ его объ Родышевскомъ: не понравился онъ Іоанну — «языкомъ очень продерзъ». Въ 1732 году Іоаннъ отпустилъ Іосію съ заручной отъ братіи въ пустынную келью, ради упокоенія, и при немъ іеромонаха Іакова. Келья эта была въ лѣсу, верстахъ въ 4-хъ отъ монастыря. Тамъ въ кельѣ, въ лѣсу, Іосія постригъ Богодѣла, еще въ молодыхъ лѣтахъ, постригалъ и многихъ другихъ безъ разбору. Іоаннъ ропталъ за это на Іосію и сталъ-было унимать его, но Іосія началъ ему грозить: «ты — де словно какъ кошка лапою медвѣдя за

---

¹⁾ Въ письмѣ къ саровской братіи, извѣстившей его въ С.-Петербургѣ, въ 1727 году, о тяжелой болѣзни Іосія, Іоаннъ не находитъ довольно самыхъ нѣжныхъ словъ, чтобы выразить свою любовь и всю горестъ утраты, которой онъ опасался. «Получили мы отъ васъ, чрезъ письмо ваше, вѣдомость о крайней болѣзни Іосія, которая по премногу, даже до смерти, душу мою возмутила и премногимъ сокрушеніемъ сердце мое узавила. И кто нынѣ дастъ главѣ моей воду, да плачуся онаго моего возлюбленнаго и дражайшаго сына разлученія, его же Духъ Святый нашей обители породилъ, въ которомъ я недостойный въ старости своей покою и при смерти утѣшенію быти надѣялся: и се за моя бездѣрная согрѣшенія лишася сего. О посѣщенія Божія за моя прегрѣшенія! Еще бо отъ бездѣрныхъ скорбей моихъ и печалей душевныхъ не отру слезъ своихъ, абіе еще сугубая лютейшая явилась. Не получивши трудамъ моихъ желаемнаго покою, се дражайшаго и любезнѣйшаго сына моего, въ которомъ воли нѣлось желаемое получить, се скоро въ пребездѣрномъ преогорченіи сего лишешъ хошу быти. Довольно бы было къ моей немощи и старости, какъ бы не восхотѣлъ Богъ скончати мнѣ къ покою неощи моею душевною и тѣлесною, скончати сей настоящій трудъ и покой себѣ воспріяти: но зволься Богу отнимати и зракъ очію моею отъ мене — онаго дражайшаго моего

диралъ, а какъ медвѣдъ тотъ обратясь да даветъ тебя, и духъ твой не попахнетъ».

Что заставило его выдти изъ саровской пустыни? «Не опасался ли онъ какого нибудь не малаго дѣла» — спрашивали слѣдователи? Сильвестръ показалъ, что «братія, недовольные пустынножителствомъ Іосіа, позвали его на соборъ и требовали объясненія: для чего онъ ушелъ въ пустынную келью? Іосіа отвѣчалъ, что онъ пошелъ съ благословія начальника. Іоаннъ что-то замыслилъ на счетъ своего благословія; пошли ссоры. Іосіа собралъ вокругъ себя партію и предложилъ смѣнить Іоанна и выбрать, на его мѣсто, другаго строителя. Выборъ ихъ упалъ на іеромонаха Ирнарха. Зварыкинъ или кто-то другой написалъ объ немъ челобитную. Тѣмъ временемъ пришло письмо отъ барашовскаго попа, который предлагалъ ему берлюковское строительство и — Самгинъ, не кончивъ дѣла, уѣхалъ въ Москву. Съ нимъ поѣхали Іаковъ и Зварыкинъ. Проводивши ихъ до Арзамаса, Зварыкинъ вернулся въ пустынь и сталъ разглашать, что Іосіа поѣхалъ просить другаго строителя. Іоаннъ съ братіей, боясь, чтобы не дали имъ посторонняго, выбрали въ строители іеромонаха Дороея Замятинна, одного изъ первыхъ постриженниковъ саровской пустыни, и послали Зварыкина, съ іеромонахомъ Ефремомъ, бить челомъ въ духовной дикастеріи, чтобы утвердили строителемъ

сына. О кто не познаетъ адѣ на мнѣ грѣшномъ пришедшаго глѣва Божія, толь вреднымъ отягченіемъ аки бы уже нынѣ духъ отъемлющаго. О сыне мой, сыне дражайшій мой, сыне Іосіе, души моея грѣшной утѣшеніе, немощи моея и старости твердый жезлъ, безмѣрнымъ мнѣ душевнымъ скорбѣмъ и печалѣмъ утѣшеніе, трудомъ моимъ покой и крѣпкое подтвержденіе. Не тернить бо нынѣ во мнѣ духъ мой и утроба моя твоего отъ мене разлученія. И кто нынѣ дастъ мнѣ крикъ, да пошешу и въ часъ сей къ тебѣ предстану и увидѣвъ персональнѣ, дабы хотя обрѣлъ ты, облобызалъ ты, хотя оный единъ часть, духовно; но адѣ, ради труднаго и зѣло продолженнаго и прискорбнаго мнѣ настоящаго пути, не видѣвъ ты, по премногу жалостно съ тобою приѣмлю разлученіе. Но вы, дражайшіе и возлюбленные мои отцы и братія — аще по волѣ Божіей за моя прегрѣшенія не благоволятъ Богъ его нынѣ въ живыхъ увидѣть — вы, отецъ Дороей и вси братія, до нашего къ вамъ въ монастырь прибытія, тѣла его не погребайте, но по отиѣтїи въ церкви надъ тѣломъ его панихиды, хотя гдѣ въ землѣ у церкви, но въ знаменитомъ мѣстѣ и пристойномъ ископайте пещеру, изъ которой возможно-бъ гробъ его нами вынуть, понеже аще благоволятъ Богъ въ обитель намъ возвратиться, то купно предадимъ погребенію тѣло его». 15-го сентября 1727 г.

Дороея и не дали посторонняго. Не смотря на всѣ эти показанія, выходъ Іосіа изъ саровской пустыни казался подозрительнымъ. Теофанъ узналъ отъ кого-то изъ подсудимыхъ, что Іосія, уѣхавши изъ саровской пустыни, жилъ нѣсколько времени въ чудовѣ монастырѣ, гдѣ былъ архимандритомъ Евѣимій Колети. Нашлись и улики въ сношеніяхъ его съ Евѣиміемъ. Іосія писалъ изъ чудова письмо къ одной купеческой вдовѣ Акулинѣ въ Арзамасъ, въ которомъ увѣдомлялъ ее, что Евѣимій принялъ его благосклонно. По слѣдствію оказалось, что Акулина Борисова, вдова московскаго купца Рукавкина, жила въ арзамасскомъ дѣвчьемъ монастырѣ и была духовной дочерью Іосіа. Послѣдній, зная про знакомство ея съ Евѣиміемъ, просилъ ее написать Евѣимію, чтобы онъ позволилъ Іосіа пожить въ чудовѣ монастырѣ. Евѣимій согласился. Пріѣхавши въ Москву, Іосія былъ у Евѣимія: тотъ показался къ нему благосклоненъ и позволилъ жить въ чудовѣ. Іосія однакожь не жилъ тамъ за тѣснотою, а токмо бывалъ за обѣдню. Какія заключенія Теофанъ сдѣлалъ изъ этого, мы сейчасъ увидимъ; а теперь обратимся пока къ таинственному лицу Тимоея Архиповича, который ужъ не разъ встрѣчался намъ въ этой исторіи.

Что за лицо этотъ *Тимоей Архиповичъ*? ¹⁾ Іосія показавъ, что онъ почиталъ его за святаго угодника, за его прозорливость. «Въ бытность его въ Москвѣ въ одно время онъ, Іосія, обѣдалъ,

---

¹⁾ Татищевъ, знавшій этого юрода, говоритъ, что онъ сначала былъ подъячимъ, а потомъ началъ юродствовать. «Дворъ царицы Прасковьи Федоровны (супруги царя Іоанна Алексѣевича, матери императрицы Анны) — пишетъ онъ — отъ набожности былъ госпиталь на уродовъ, юродовъ, ханжей и шалуновъ. Между многими такими былъ знатенъ Тимоей Архиповичъ, сумасбродный подъячій, котораго за святаго и пророка суевѣрцы почитали, да не токмо при немъ, какъ послѣ него, предсказанія вымыслили. Онъ императрицѣ Аннѣ, какъ была царевною, провѣщалъ быть монахиней и называлъ ее Алексюю; — царевнѣ Прасковѣ быть за королею и дѣтей много имѣть; а послѣ, какъ Анна императрицею учинилась, сказывали, якобы онъ ей задолго корону провѣщалъ. Когда я отъѣзжалъ 1722 года другой разъ въ Сибирь къ горнымъ заводамъ и пріѣхалъ къ царицѣ прощеніе принять, она, жалуя меня, спросила онаго шалуна: скоро я возвращусь? Онъ какъ меня не любилъ за то, что я не былъ суевѣренъ и руки его не цѣловалъ, сказалъ: онъ руды много накопаетъ, да и самаго закопаютъ. Но сколько то право, то всякому видно». (Татищевъ, *Рос. ист.* т. I. стр. 46).

а у кого не поинтъ, и ради стыда ѣлъ мало, хотя и думалъ, что это приличествуетъ къ лицемѣрству. Послѣ обѣда пришелъ къ Тимоѣю Архиповичу и говорилъ ему: батюшка помолись. И на то онъ Тимоѣей сказалъ: «вы-де лицемѣры» и бранилъ-де матерно. Въ другой разъ онъ пришелъ къ нему съ Зварыкиннымъ для совѣта въ томъ, что Зварыкина одолевало отчаяніе, и по приходѣ говорилъ онъ Тимоѣю: «батюшка, помолись о насъ, мы отчаяніемъ побѣждены; а паче сей человекъ». И на то онъ, Тимоѣей, сказалъ: «старикъ лишняго не говори». О чемъ онъ мыслію своею разсудилъ, что о себѣ неправду тому Тимоѣю сказалъ, якобы онъ обще съ Зварыкиннымъ въ отчаяніи, на что Тимоѣей и сказалъ ему: «лишняго не говори». Послѣ этихъ словъ, Тимоѣей взглянувъ на Зварыкина, говорилъ ему: «подвинься ко мнѣ». И когда тотъ подошелъ, Тимоѣей спросилъ его: «заповѣди-де ты знаешь ли— не убій, не украдь и прочее показанное въ заповѣдяхъ? И изобразя правою рукою своею триперстное сложеніе, сталъ того Зварыкина крестить и притомъ говорилъ: «Богъ проститъ вся твоя согрѣшенія» и перекрестя трижды говорилъ же: «буди совокупленъ Отцу и Сыну и Св. Духу, Троицѣ единосущнѣй». И послѣ того онъ, Тимоѣей, закричавъ громко, сказалъ: «не украдь»; а кому то сказалъ и для чего, того Самгинъ не знаетъ. Зварыкинъ идя отъ него, дорогою разсказывалъ Іосіи: «какъ-де онъ, Тимоѣей, рукою своею крестнымъ знаменіемъ его ограждалъ, тогда онъ, Зварыкинъ, мыслію своею сказалъ: Господи Іисусе Христе, молитвами раба твоего, св. Тимоѣя, помилуй меня грѣшнаго. Въ эту-то пору Тимоѣей и закричалъ: не крадь; и потому онъ, Зварыкинъ, узналъ, что Тимоѣей обличилъ совѣсть его». Послѣ того въ бытность въ саровской пустыни, Іосія навѣстилъ однажды Зварыкина и тотъ сказалъ ему: «согрѣшилъ я, отъ Бога отвергся и рукописаніе бѣсамъ далъ, и хотѣлъ-де образъ Богоматери и животворящій крестъ потоптать и поплевать, а въ то время, какъ это въ мысляхъ своихъ содержалъ, явился ему, Зварыкину, Т. А. и закричалъ на него: «врагъ Божій, покинь и не дѣлай этого». И почиталъ онъ, Іосія, Т. А. нашпаче за святаго и великаго угодника Божія.—А оный Тимоѣей какого чину былъ, того онъ, Іосія, не знаетъ; только слышалъ онъ, что былъ иконописцемъ и скончался въ 1731 году, въ маѣ мѣсяцѣ и погребенъ въ чудовѣ мо-

настырѣ, о чемъ и надпись есть на стѣнѣ. И по той надписи еще больше почиталъ его за святаго, и какъ по смерти, такъ еще и при жизни его, когда становалъ на молитвѣ предъ святыми иконами, и тогда призывалъ въ помощь себѣ и онаго Тимофея и персонѣ его, которая у него въ кельѣ имѣлась, клалъ поклоны, какъ предъ святыми иконами. Припомнилъ онъ, что приказывалъ и другимъ, имѣющимся въ саровской пустынѣ монахамъ—Іакову, Зварыкину и прочимъ тому Тимофеею молитвы приносить и поклоны класть. А Богогѣпъ, разстрига Иванъ Кучинъ, Степанъ Викторовъ и Зварыкинъ носили по приказу его, въ частицахъ платныхъ и въ воску въ крестахъ волосы Т. А., вмѣняя ихъ за мощи святыхъ; а волосы эти даны ему отъ Тимофея по прошенію его, а стригъ ихъ съ головы и бороды ножницами жившій при немъ служитель».

Вѣра Іосія въ Тимофея Архиповича прошла черезъ испытанія и сомнѣнія. Знать его онъ началъ съ того случая, какъ былъ однажды въ Москвѣ въ успенскомъ соборѣ за обѣднею; вмѣстѣ съ нимъ въ той церкви былъ строитель московской богословской пустыни Петръ и, указавъ на стоящаго тутъ незнамо какого человѣка, который стоялъ яко изумленный, говорилъ ему, Самгину: «много-де таковыхъ есть покровенныхъ рабовъ Божіихъ. Я-де знаю юродиваго Т. А., который совѣсти человѣческія знаетъ». Самгинъ просилъ довести его къ Т. А. Послѣ обѣдни строитель Петръ съ нимъ, Самгинымъ, пошли въ мясницкую улицу, въ домъ князя Меншикова, гдѣ жилъ Т. А.—По приходѣ ихъ, служитель Т. А. сказалъ имъ, что ему не время.—Спустя немного времени Самгинъ пришелъ къ нему одинъ. Т. А. лежалъ на постелѣ. Іосія говорилъ ему, Т. А., неоднократно: батюшка, помолись обо мнѣ грѣшномъ. И на то онъ, Т. А. ничего ему, Самгину, не сказалъ, только незнамо для чего обѣими руками своими вертелъ около головы подушку. И тогда стоящіе при немъ служители говорили ему объ Самгинѣ неоднократно: «батюшка, скажи отцу, что на пользу». И онъ на тѣ слова говорилъ: «дайте-де срокъ»; а больше того ни о чемъ не говорилъ: — съ тѣмъ Іосія и ушелъ, держа въ мысли, что напрасно онаго Т. А. святымъ называютъ и прельщаются.—Послѣ того былъ онъ у Т. А. съ монахомъ саровской пустыни Аркадіемъ, который очень того Тимофея похвалялъ и го-

ворилъ, что онъ провидецъ — кому-де что скажетъ, то-де и сбудетъ. По приходѣ ихъ въ домъ, гдѣ онѣй Т. А. жилъ, ночью, только еще съ вечера (понеже до того слыхалъ онъ, что къ оному Т. пускать не велѣно, а для чего не знаетъ) послали служителя— что время-ль къ нему придти. И онѣй служитель къ тому Тимоѣю ходилъ и возвратясь сказалъ имъ, что онѣй Т. пьянъ и кричитъ и не даетъ никому къ себѣ приступить: знать-де что дѣвущки его напоили. — Помѣшкавъ часа съ два, послали опять. Служитель сказалъ, чтобъ шли. По приходѣ ихъ Т. А. сказалъ Іосіи: садись отецъ. И потомъ сталъ онъ говорить Тимоѣю: «помолись обо мнѣ батюшка», и сталъ у него цѣловать плечо и руки, держа въ мысли своей, что можетъ ли онъ признать его помыслы, что онъ тогда сомнѣвался въ немъ. И тогда Т. А. говорилъ такъ: «иное имѣтъ во устѣхъ, а иное въ сердце». И онѣе его слова поставляетъ онъ, Самгинъ, за истину, понеже узналъ помыслъ его. И были у него съ часъ, потомъ пошли на квартиру свою, которую имѣли въ домѣ Ст. Путятина. Изъ саровской пустыни писалъ онъ съ монахомъ Аарономъ въ Москву, къ княгинѣ Долгоруковой, и вложилъ въ письмо къ ней цыдулку къ Тимоѣю Архиповичу, въ которой написано было: «великому угоднику Божію, Тимоѣю Архиповичу, прибѣжище отчаяннымъ, надежда ненадежнымъ», и просилъ, чтобы помолился о Зварыкинѣ. Княгиня Долгорукова была у Т. А. и напомнила, чтобъ онъ помолился о Георгіѣ: и онъ рукою своею билъ ее въ голову и говорилъ: я объ отступникахъ не молюсь. И потому онъ признавалъ его за святаго. — Зварыкинъ, возвратившись изъ сергіева монастыря въ саровскую пустынь съ монахомъ Сергіемъ, сказывалъ, что видѣлъ у троицкаго іеродіакона Іоны, который жилъ при кельѣ троицкаго архимандрита, образъ Святыхъ Троицы, высокой работы, а въ подножїи написанъ лежащїй Т. А. юродивый, а съ вѣнцомъ ли онъ написанъ или безъ вѣнца, того не помню, какъ онъ, Зварыкинъ, сказывалъ». Да у него-жъ, іеродіакона Іоны, Зварыкинъ, видѣлъ и читалъ множество чудесъ, отъ Т. А. бывшихъ. Я ему, Зварыкину, говорилъ: не можно ли и намъ списать тѣ чудеса для того, что мы Тимоѣя Архиповича имѣемъ за отца себѣ? Но Зварыкинъ сказалъ: «онъ-де, Іона, никому не даетъ списывать». По

поводу этого разсказа, Юсія съ грустію говорилъ іеродіакону Іакову, который привезъ ему изъ Москвы персону Тимоѳея Архиповича: «вотъ, отецъ Яковъ, мы мнили, что мы первые потщимся написать персону угодника Тимоѳея Архиповича, ан—перво насъ она написана. А съ персоны Тимоѳея Архиповича, которая была у меня въ саровской пустынѣ и привезена ко мнѣ въ берлюковскую пустынь, велѣлъ я списать малыхъ персонъ пять или шесть, подлинно не помню, всѣ съ вѣнцами, и поставлены они были въ моихъ кельяхъ и въ сѣняхъ; а списывалъ малыя тѣ персоны, по приказу моему, мальчишка Григорій, и я ему велѣлъ сказывать, ежели кто его о той персонѣ спроситъ, чтобъ онъ сказывалъ—пишетъ Іерониму персону».—Еще одинъ саровецъ, Ефремъ Короткой, вздумалъ прославить Тимоѳея Архиповича церковными пѣснями и сочинилъ въ честь его службу. «И я дерзнулъ—показывалъ онъ—безъ благословенія св. Синода сочинять службу, какъ въ церкви обычай имѣется святымъ угодникамъ Божиимъ, юродивому Т. А. и сочинилъ, памятуется мнѣ, малую вечерню, а на большой—стихиры, также и на литіи со славникомъ и на стиховнѣ, и тропарь, да канона—незнаю четьре, незнаю пять пѣсней; стихиры писаны на бумажкѣ, а тѣ бумажки заложены у меня въ кровлѣ, а канона часть на дощечкѣ, а дощечка положена за печью въ моей кельѣ; а спряталъ я того ради, чтобъ кто отъ братіи, пришедши, не читалъ и отъ того мнѣ, ради грубаго моего сочиненія, не было смѣху; и того ради о той моей продерзости ни строителю, ни братіи отнюдь никому неизвѣстно, а писано у меня то тайно. А вину того сочиненія я принялъ отъ похвальныхъ рѣчей разстриги Якова и другихъ, что они про него сказывали, что онъ сущій угодникъ и рабъ Божій ради его прозорства¹⁾; и я, вѣря ихъ словамъ, благодарилъ Бога о томъ, что онъ въ наши лѣта даровалъ такого св. мужа. А самъ я Тимоѳея Архиповича не видывалъ».

---

¹⁾ Столѣтовъ, казненный въ 1736 году, на допросахъ, между прочимъ показалъ: «говорилъ ему Балакиревъ на квартирѣ своей, что Государыня царевна Екатерина Іоанновна изволитъ сомнѣваться ѣхать въ С.-Петербургъ для того, что Архиповичъ говорилъ, что она, государыня, въ С.-Петербургѣ скончается. И онъ, Столѣтовъ, сказалъ: какой-де Архипычъ пророкъ?»

Такъ какъ этотъ пѣснописецъ играетъ нѣкоторую роль въ нашей исторіи, то мы и съ нимъ познакомясь поближе. Иеромонахъ *Ефремъ*, въ мѣрѣ Евдокимъ Короткій, постриженъ въ монашество въ 1712 году, въ соловедской пустынн, что на Маргузахъ, московскаго уѣзда; послѣ того жилъ въ красногривской пустынн гороховскаго уѣзда и, наконецъ, въ 1727 году перешелъ въ саровскую пустынь. Тутъ все казалось ему ново, странно, не по обычаю. Ни съ Иоанномъ, ни съ Іосіей онъ не былъ связанъ никакими узами, и потому его показанія о саровцахъ рѣзки; онъ не шадитъ слабыхъ и темныхъ сторонъ въ характерѣ и образѣ дѣйствій его новыхъ начальниковъ и братіи. Честолюбивыя мечты заходили и въ его нехитрую голову. «Въ означенныхъ тетрадахъ (о монашествѣ) видѣлъ онъ, чтобы братъ въ архіереи монаховъ изъ пустынь, и по простотѣ своей и самъ думалъ и желалъ, какъ бы ему быть архіереемъ. По рукодѣлю онъ былъ переплетчикомъ. Однажды строитель прислалъ ему книгу: Камень Вѣры въ тетрадахъ для переплету. «И я—показывалъ Ефремъ—говорилъ ему, чтобъ ее не переплетать. И онъ, Иванъ, сталъ мнѣ говорить: чего ради? И я ему говорилъ: слышно про нихъ, что ихъ продавать заказано. Иванъ отвѣчалъ: что-жъ то, что не продаютъ? И я ему сталъ говорить: чтобъ не стали ихъ сирашивать въ монастыряхъ и не взяли бъ въ Синодъ. И онъ говорилъ: на что-де ихъ брать, они-де печатныя. И я ему говорилъ: однако надобно ее спрятать. И онъ сказалъ: какъ хочешь».

Саровецъ *Сильвестръ* также показалъ про Т. А., что считалъ его за святаго, и еще больше убѣдился въ томъ, когда бывши въ Москвѣ, увидѣлъ надъ гробомъ его въ чудовѣ монастырѣ надпись, гдѣ онъ жилъ и сколько, и тутъ же объявлено, что онъ Тимошеею юродь былъ міру, а не себѣ; и по той надписи я размышлялъ, что вотъ-могъ и тутъ назначено, что онъ святой, хотя и не свидѣтельствованъ.

Оеофанъ поручилъ оберъ-секретарю Дудину собрать свѣдѣнія о мѣстѣ погребенія Тимоея Архиповича. Дудинъ обратился къ секретарю московской синодальной канцеляріи Павлу Протопопову ¹⁾.

¹⁾ «Изволь—писалъ онъ—весьма секретно справиться и учтиво поступить,

Протопоповъ увѣдомлялъ, что Архиповъ погребенъ въ чудовѣ монастырѣ, въ церкви Архистратига Михаила, по правую сторону алтаря, и надпись изсѣчена на лещадѣ и замазана въ алтарной стѣнѣ; начальныя литеры наведены кинovarемъ, а прочія чернилами; вокругъ лещадѣ дорожникъ на подобіе столярнаго выкрашенъ мумією, а кругъ дорожника чернилами, а по угламъ шишки, наподобіе рамы. Противу той надписи на земли на могилѣ ни камня и никакого знаку не имѣется. И тотъ осмотръ и списокъ учинилъ онъ одинъ и никто того не видалъ. А кѣмъ и когда та надпись учинена, о томъ онъ спрашивать опасался, понеже велѣно ему то учинить весьма секретно, дабы никто дознаться не могъ. А по видимому та надпись сдѣлана отнынѣ около годичнаго времени—и не дагѣе ¹⁾».—Государыня приказала взять изъ саровской пустыни персону Т. А. въ С.-Петербургъ.

4) Допросы и показанія Зварыкина.—Обмаленіе Самгина о великомъ злоумышленіи.

Феофанъ считалъ Іосію главною пружиною зварыкинскаго дѣла и потому ему хотѣлось какъ-нибудь отвлечь отъ него Зварыкина, чтобы выведать отъ послѣдняго всю правду.

3-го іюня онъ велѣлъ дать Зварыкипу бумаги и чернилъ и написалъ 27 вопросныхъ пунктовъ, прибавивши, что «если нескрѣптно и правдиво покажетъ, то да будетъ совершенно извѣстенъ, что не токмо казни смертной, но и всякаго тѣлеснаго на-

дабы никто никакъ догадаться не могъ: въ чудовѣ монастырѣ, гдѣ погребено тѣло Тимофея Архипова, и надъ гробомъ его положено и гдѣ ли каковыхъ отиѣнъ противу прочихъ? Также какая при гробѣ его на стѣнѣ надпись написана и кѣмъ и когда? И съ той списки «формально копію, и къ намъ съ вышесказаннымъ прищипъ въ немедленномъ времени: ибо того требуется высокими персонами для нужнаго дѣла. 1784 года, августа 18 дня изъ Петергофа».

¹⁾ Точная копія съ надгробной надписи: «1781 года мая въ КѠ день при державѣ благочестивѣйшія и великія государыни нашея императрицы Анны Іоанновны, самодержицы всея Россіи, представилъ рабъ Божій Тимофей Архиповъ сынъ, который, оставя иконописное художество, юродствовалъ міру, а не себѣ, а жилъ при дворѣ матери ея императорскаго величества государыни императрицы, благочестивѣйшія государыни царицы и великія княгини Параскевы Феодоровны двадцать осмь лѣтъ и погребенъ въ 1 день мая».

казанія конечно избавить себя; ибо полное во всемъ прощенье, по докладу нашему, ея императорское величество обѣщала ему третьяго дни.—Да не думаетъ же онъ, будто укрытіе, да еще знатное воровство, аки бы щадя братію, не грѣхъ: но воистину превеликій грѣхъ. Не падобѣ какъ своихъ, такъ и чужихъ грѣховъ самоличныхъ, душу единаго грѣшащаго вредящихъ, открывать, развѣ на исповѣди. А затѣваемыхъ отъ кого на вредъ другимъ, колыми паче государевой чести и народному тихожитію, крамоль, клеветъ, смуть мятежныхъ, такъ тяжелый есть грѣхъ укрывателю, какъ и самому затѣйщику,—подобнѣ, какъ бы кто вѣдая готовящихся пожаръ сдѣлать зажигателей не открылъ, или вѣдая о устроенномъ непріятельскомъ на городъ нападенія нечаянномъ, не сказалъ бы: таковое бо молчаніе творить молчащаго сообщникомъ злодѣевъ въ злодѣйствѣ ихъ. И не можетъ укрыватель имѣть правильнаго покаянія и надѣяться отъ Бога прощенья и за прочіе грѣхи свои, покаместъ вѣдомыхъ себѣ чуждыхъ на государя или на государство умысловъ и непріязней не объявитъ, и се зѣло вящимъ милости лишеніемъ, нежели кто отъятаго повиннѣ чуждаго имѣнія не возвратитъ». «Извольте — писалъ онъ оберъ-секретарю Дудину — мое все предположеніе представить ему. Извольте о семъ сообщить, если покажется надобно, ихъ сіятельствамъ министрамъ и генералу Ушакову, навпаче ежели бы секретарь Хрущевъ опасенъ, безъ приказанія ихъ, дать бумаги и чернила Зварыкину. А о Петрѣ Петровичѣ опаснѣйшаго показанія еще, кажется, ненадобно. (Дано изъ мызы нашей 3 іюня 1734 года)».

Послѣ разныхъ увѣщаній и угрозъ Зварыкинъ вышелъ, наконецъ, изъ своей роли и объявилъ, что всѣ его показанія о бѣсахъ и Вейцѣ выдуманы имъ ложно. Онъ боялся, что его лишатъ монашества и накинутъ на себя маску блажнаго. Тако-жъ и о постриженіи своемъ затѣвалъ ложно; а подлинно было не такъ; но, выѣхавъ изъ Москвы, я надѣлъ на себя платье чернеческое самъ, идучи дорогою къ Владиміру, и пришелъ чернцемъ во флорисеву пустынь и притворилъ себѣ велию дряхлость въ той пустыни; а потомъ изъ той пустыни вышелъ въ саровскую пустынь, и въ той пустыни также притворилъ себѣ велию дряхлость; и въ Москвѣ явився объявлялъ все ложно, дабы не былъ лишенъ

монашества, понеже слѣдованіе о монахахъ стало начинаться. Зварыкинъ ужъ не берегъ себя и просилъ только, чтобъ не жестоко былъ казненъ смертію, но чтобъ только отсѣкли ему голову.

Между тѣмъ обрекая себя на смерть онъ выдалъ головою Іосію Самгина. «Была въ саровской пустыни вдова графа Матвѣева, Настасья Ермилова, и по отъѣздѣ оставила въ той пустыни сына Алексѣя, а присмотръ надъ нимъ приказала имѣть Іосію. Алексѣй, вмѣстѣ съ іеромонахомъ Іоакимомъ Кучиннымъ, въ тамошней пустынной церкви расписывалъ клиросы. И какъ оную Настасью проводили изъ саровской пустыни, Іосія послѣ провожанія, пришедъ въ келью свою, говорилъ при нихъ Кучинъ и Зварыкинъ про дѣло Матвѣевой: «подавалъ-де пасынокъ ея Государынь челобитную о помѣстномъ своемъ дѣлѣ, и та челобитная мимо вотчинной коллегіи отослана была въ Сенатъ, и въ томъ турбацію учинили — хотягъ отнять у ней четвертую часть помѣстья: а все то иноземцы сдѣлали. Вотъ наши министры и прочіе господа, мимо *достойной наследницы, государыни цесаревны, избрали на престолъ російскій эту государыню императрицу*, чая, что при ней не будутъ иноземцы имѣть большины, а цесаревну мимо обошли, мня, что при ней иноземцы будутъ имѣть большину. Но Богъ, за презрѣніе *достойной наследницы*, сдѣлалъ надъ нашими господами такъ, что только на головахъ ихъ не ѣздятъ иноземцы». Кучинъ къ слову прибавилъ: «ништо-де, какъ отъ кого ни послышншь, государыня цесаревна любезна и многіе очень сожалеютъ, какъ-де и ты отъ многихъ слышалъ, батюшка». Зварыкинъ также не отсталъ отъ нихъ въ похваля Елисаветы Петровны: «и мнѣ-де, батюшка, очень жаль государыни цесаревны, какъ мимо нея да эту государыню избрали — такъ жаль было, что едва не плакалъ; и незнаю, очень мнѣ она кажется взоромъ любезна: какова-то будетъ эта Государыня? Іосія замѣтилъ, что эта Государыня «груба лицомъ». — Самгинъ говаривалъ объ этомъ неоднократно. Когда кто въ пустыню изъ Москвы пріѣдетъ, то онъ все спрашивалъ, что въ Москвѣ дѣлается, и потомъ въ кельѣ своей говаривалъ, кого изъ Москвы въ ссылку послалъ».

Послѣ этого разговора на другой или на третій день, бывши у

Іосіа, при означенномъ Кучинѣ, спрашивалъ онъ, Зварыкинъ, у Іосіа: «ежели кто помыслить или почувствуетъ въ себѣ такое мнѣтельство, что правильно достойная наследница оставлена, а неправильная избрана, и кто-де не пойдетъ для онаго неправильнаго избранія къ присягѣ и за то постраждетъ, что такому за то будетъ»? И онъ, Іосіа, на то говорилъ: «вотъ неправильное избраніе, кто не пойдетъ за него къ присягѣ — всѣ гибнуть; въ прежнія времена печерскіе святыя за неправильныхъ государей и Бога не малывали, не боясь, что за то постраждутъ». — Онъ же, Іосіа, предъ постриженіемъ Богодѣла въ монахи говорилъ Зварыкину: «что на это смѣтрѣть, что нынѣ указами постригать запрещено. То тверже намъ, что въ Евангеліи написано: грядущаго во мнѣ не изжену вонъ». — Онъ же Іосіа говорилъ о новгородскомъ архіепископѣ Феофанѣ, называя его ересеводителемъ, за то что вѣнчалъ царевну Анну Петровну съ голштинскимъ герцогомъ». Онъ же говорилъ мнѣ, что «нынѣ, какъ видно, почитай всѣ знатныя персоны въ наученія странна и различна уклонились, и одни похваляютъ римскую, а другіе лютеранскую церковь, и ежели государыня императрица склонится куда, то прекословить не кому, понеже архіереи наши такъ обротаны, что куда хошь поведи». — Въ прошломъ 1730 г., когда ея императорское величество прибыла въ Москву, я слышалъ отъ Іосіа слова такіа: «вотъ-де пророчество отца Іисуса исполнилось, что онъ пророчествовалъ о восшествіи этой Государыни на престолъ российский». А про Іисуса сказывалъ, что онъ былъ іеросхимонахъ аверскаго скита и слѣлъ очами, а служилъ по вся дни литургіи и во время литургіи отверзались ему очи и все видѣлъ, а по литургіи пакы слѣлъ бывалъ. — Помнится, онъ же говорилъ въ 1731 г.: «вотъ уже сочинитель нашихъ тетрадей страждетъ за нихъ, что ревнуя поревновать о истинѣ написалъ; и изъ насъ, ежели до кого коснется въ этихъ тетрадахъ, что и взять кто будетъ куда, и ему надо одному страдать, а на другихъ не показывать». И я на тѣ его слова сказалъ: «были мы орлы, а становимся нощныя нетопыри». — О письмѣ папномъ, къ нѣкоей персонѣ въ Россію присланномъ, помнится говорилъ Іосіа, что прислано было письмо отъ папы къ государю императору Петру Великому о вѣрѣ, и то письмо Государь давалъ архіереямъ рязанскому и псковскому. Рязанскій на то письмо сочинилъ свое

по подобающему какъ надлежитъ, а псковскій ни туда—ни сюда написалъ».—Говорилъ объ отягощеніи народа: «какъ-де не боготворять чрево, когда тирански собирая съ бѣднаго подданства слезныя и кровавыя подати употребляютъ на объяденія и пьянства и какъ, по видѣнію Нифонта, сатагѣ жертвы не приносятъ, когда слезныя и кровавыя сборы употребляютъ на потѣхи? А на все это Государыню приводятъ иноземцы, понеже у нихъ крестьянъ нѣтъ и жалѣть имъ не кого, хоть всѣ пропаде». Я сказалъ было, что у иноземцевъ есть крестьяне, но Іосія говорилъ: «да хотя и есть у нихъ, да не у многихъ, а хотя-бъ и у всѣхъ были, такъ они брегутъ ли о нашихъ русскихъ крестьянахъ? Чай хуже собакъ почитаютъ. Пропадшее наше государство». На это Сильвестръ сказалъ: «Богъ милостивъ, иногда по паденіи будетъ и возстаніе, да еще такое, что паче прежняго».—Вслѣдъ за тѣмъ, 9 іюня, Зварыкинъ сдѣлалъ еще одно показаніе. «Пришло мнѣ въ память еще. Неупомню кому, только при мнѣ говорилъ Іосія такія слова: слышалъ онъ, что съ противной стороны сочинена книга на Камень Вѣры и хотятъ ее подать въ Синодъ; и ежели-де это сдѣлается и въ Синодѣ примутъ, то уже не кто другой, но самъ Синодъ въ вожденіи въ Россію ереси виновенъ будетъ».

По поводу показаній Зварыкина даны были вопросы всѣмъ замѣшаннымъ въ дѣло саровцамъ и берлюковцамъ. Показанія ихъ въ главномъ сходны съ показаніями Зварыкина, исключая незначительныя частности и подробности, касавшіяся монашескаго быта и личныхъ отношеній братства. Но заслуживаетъ упоминанія одно показаніе Никодима. Іосія часто ѣзжалъ въ Москву исповѣдывать дѣтей духовныхъ, потому что у него много въ духовности знатныхъ персонъ. Однажды, когда онъ прѣехалъ изъ Москвы, братія спросили, что новаго въ Москвѣ? «Да чего ждать—отвѣчалъ Іосія—война настаетъ, поляки поднимаются и Государыня въ свою землю ѣхать изволитъ и напередъ ужъ всѣ богатства посланы».—Онъ же, Іосія, говорилъ: «вотъ уставлены по государяхъ панихиды и въ богатые монастыри деньги за это присылаютъ, а въ наши монастыри ничего не даютъ, не на что пшеницы на просфоры купить, да и въ отправленіи тѣхъ панихидъ напрасная намъ тягость».

Самгинъ, замѣчая по ходу дѣла, что его считаютъ главнымъ

виновникомъ этого движенія, а Зварыкина его орудіемъ, подавъ 10 іюля пространное *Объявленіе о великомъ злоумышленіи*. Сущность этого объявленія заключается въ томъ, что Зварыкинъ есть членъ тайнаго общества, которое замышляло измѣнить въ Россіи форму правленія, возвестъ на престолъ Елисавету Петровну, соединить церковь русскую съ латинскою или лютеранскою. Все это будто бы открылъ Зварыкинъ Іосіи на исповѣди въ саровской пустыни. «Зварыкинъ не монахъ, а надѣлъ только монашеское платье. Какой-то волхвъ сдружилъ его съ бѣсами, такъ что онъ можетъ дѣлать все, что захочетъ. Бывши въ Петербургѣ онъ пристагъ къ тайной компаніи, которая замышляла разныя злодѣйскія дѣла. Зварыкинъ называлъ ему двухъ членовъ этой компаніи — Бѣлова и Петра Петровича Чистова. Чистой былъ купецъ и велъ заграничную торговлю. Въ этой компаніи придумали написать просительное письмо Петру I-му — какинъ бы образомъ російскую церковь съ лютеранскою склонить, для того что онъ — Государь сильный, лучше сдѣлаеть; а когда оснуеть, то чтобъ его извести, для того что Государь — человекъ умный: хотя въ чемъ и погрѣшитъ, а послѣ скоро и осмотрится. Вейцъ, повидимому, былъ членомъ этой компаніи и обѣщалъ сдѣлать Зварыкина правителемъ російскаго государства и говорилъ, что *и царева уже готова*. А какая царева и кому готова, того Зварыкинъ не сказалъ». За тѣмъ раскрываются одно за другимъ дѣствія этой компаніи. «Сказывалъ онъ Зварыкинъ, что былъ разговоръ о вѣрѣ и ссылка была на книгу, которая съ нашей стороны очень сильна; а имѣлась она въ кievскихъ странахъ, и Государь де Петръ Первый наскоро послалъ — велѣлъ оную книгу привезть, а они съ компаніей послали, чтобъ того посланнаго, дождавшись на перевозѣ, и съ книгою въ рѣкѣ утопили. Потомъ Государю вскорѣ и кончина стала быть». — «Зварыкинъ же сказывалъ ему: когда было слѣдствіе о бывшемъ Ѳедосѣ архіереѣ, то у онаго слѣдствія не упомню — онъ Зварыкинъ или кто другой изъ ихъ компаніи былъ. И когда-де приплются какіе пункты и они съ тѣхъ пунктовъ списавши копіи отдавали Ѳедосову келейнику, и онъ заранѣе отвѣты приготавливалъ. За это Ѳедосъ открылъ ему ларецъ, полонъ алмазовъ и прочихъ каменьевъ, и говорилъ ему, чтобы онъ, Зварыкинъ, бралъ себѣ сколько хочеть: но онъ ничего не взялъ и думалъ,

что тѣ каменья всѣ церковныя, только взявъ у него часы, которые проигравъ въ компаніи за шесть-сотъ рублей»¹⁾.—Онъ же, Зварыкинъ, сказывалъ: въ какомъ-то мѣстѣ они ножомъ искололи образъ не упомяну—Спасителя или Богоматери, и о томъ прибиты были указы, что тотъ образъ исколотъ явился, и ежели виновный къ опредѣленному числу не явится, положена будетъ на него церковная клятва.—Онъ же, Зварыкинъ, говорилъ: какой-то человекъ Иванъ Васильевъ приговоренъ былъ къ смерти, помнитца за подписку вмѣсто руки Государя Императора Петра Перваго, а къ чему, того не упомяну; а они компаніей его, не упомяну какимъ образомъ, тайно изъ тюрьмы освободили, и жилъ онъ, Иванъ Васильевъ, гдѣ-то въ крѣпкомъ мѣстѣ: въ землѣ были сдѣланы свѣтлицы и при немъ было служителей шесть или восемь человекъ: богатъ-де очень».—Онъ же, Зварыкинъ, сказалъ: изъ компаніи-де нашей одинъ отъ намѣренія нашего отиѣнился и мы де хотѣли его убить, но онъ всякими клятвами клялся, чтобъ ничего никому не сказывать.—Онъ же, Зварыкинъ, сказывалъ ему, что по приѣздѣ въ С.-Петербургъ онъ жилъ съ мѣсяць или полтора въ домѣ государыни цесаревны Елисаветы Петровны, а потомъ перешолъ въ домъ графа Сантія.—«Ему, Зварыкину, Гаврило Замятнинъ другъ великой былъ, да Осипъ Дудинъ знаемъ же».—Самгинъ просилъ производить слѣдствіе объ немъ не въ Синодѣ, чтобъ удобнѣе было сыскать ту злодѣйственную компанію.

Феофану многое казалось подозрительнымъ въ этомъ объявленіи. «Первое представленіе Іосіа до сего письма—писалъ онъ—за долго было, а именно за 52 дня: для чего же ни на первомъ, ни на другомъ, ни на третьемъ, ни на четвертомъ ничего не объявилъ? А пишеть, что отъ первой ставки его сталъ разсуждать, что объявить надлежитъ. Если Вейцъ какой-то имѣлъ Зварыкина сдѣлать такимъ-то сильнякомъ и то говорилъ Зварыкинъ Іосіа, то конечно говорилъ, какъ тѣ Вейцъ имѣлъ сдѣлать. Долженъ сей донощикъ или объявитель о томъ ясно показать. Долженъ же показать, которая царевна и кому уготовлена была: а то онъ разстрига лжетъ, сказуя, что того не помнитъ. Таковыя дѣла и ля-

¹⁾ Дѣло Феоодосія могло быть извѣстно Зварыкину потому, что дядя его В. Каатыревъ былъ членомъ Коллегіи Экономіи при св. Синодѣ, близокъ былъ съ Феоодосіемъ и бывалъ у него на ассамблеяхъ.

ца, если бы правда была, забвенію не подлежатъ. Чтѣ придумали, какъ бы Государя преклонить, не пишеть разстрига. А нельзя было ему, разстригѣ, толь коварному плуту, не спросить о томъ Зварыкина и Зварыкину нельзя было что ни есть о томъ не соврать передъ нимъ. Какъ имѣли Государя извести, конечно о томъ разговоръ былъ между Іосіею и Зварыкинымъ, если Зварыкинъ о томъ зломъ умыслѣ Іосіею говорилъ. И потому тутъ вопросы разстригѣ надлежать. Да какъ его разстригу, такъ и Зварыкина и всѣхъ прочихъ допросить: не знаютъ ли о нынѣшнихъ и недавнопрошедшихъ таковыхъ затѣйкахъ? Если же укрѣпится разстрига Самгинъ, что отъ Зварыкина якобы о томъ слышалъ, то долженъ отвѣтствовать, для чего о такомъ ужасномъ воровствѣ доселѣ молчалъ? За тѣмъ мое мнѣніе: 1) обязать разстригу сказкою, что онъ не лжетъ; 2) велѣть ему опять тогожъ дѣла объявленіе написать, не показуя сего прежденаписаннаго; 3) допросить Зварыкина».

Когда Зварыкину показали объявленіе Іосіею, онъ заперся почти во всемъ, исключая волхва и Вейца. Все, что онъ ни говорилъ Іосіею о своемъ бѣснованіи, о волхвѣ, о Вейцѣ, о кореньяхъ, о бѣсахъ — все это онъ выдумалъ на себя и обманывалъ Іосіею. Но никакой компаніи не знаетъ, ни съ кѣмъ въ обществѣ не бывалъ, ни Бѣлова, ни Чистова не знаетъ, ни о какихъ дѣйствіяхъ компаніи не говаривалъ. Только имѣлись у него, Зварыкина, вирши о Ѳеодосѣ, изданные послѣ ссылки его, а отъ кого не знаетъ, и чтѣ въ тѣхъ виршахъ написано было, того не упоминтъ». Да имѣлся у него съ разстригою Яковомъ разговоръ о Ѳомкѣ¹⁾, какъ онъ разрубилъ образъ чудотворца Алексѣя, и за то Государь Императоръ гнѣвался на рязанскаго архіерея Стефана и не велѣлъ ему казаній сказывать. А о приводѣ его отъ бѣсовъ къ иноземцу Вейцу, о отверженіи своемъ отъ Христа и въ дачѣ о томъ писемъ и потомъ о обращеніи своемъ, и о приходѣ къ нему бѣсовъ и о мученіи отъ нихъ и о явленіи ему святыхъ и о прочемъ обо всемъ объявлялъ онъ, Зварыкинъ, вымысли отъ себя притворно, въ чемъ бается по чистой совѣсти».

Зварыкинъ происходилъ изъ хорошаго рода и имѣлъ порядоч-

¹⁾ Цирюльничъ Ѳома, приставшій къ кальвинскому обществу въ Москвѣ и за поруганіе образа чудотворца Алексѣя казненный въ 1714 году.

ныхъ родственниковъ; но безпутная жизнь сбила его съ дороги. Онъ жилъ нѣсколько времени при дворѣ Елисаветы Петровны и, какъ всѣ окружающіе загнанную царевну, былъ плѣненъ-ея ласковымъ обращеніемъ. Въ кругу придворныхъ царевны безъ сомнѣнія бывали толки о ея несчастномъ положеніи, что она безвинно лишена престола и страдаетъ вмѣстѣ со всѣми русскими отъ иноземцевъ, окружающихъ Императрицу. Пришедши въ монастырь Зварыкинъ сообщалъ свои впечатлѣнія и слышанные толки монахамъ, и этимъ подготавливалъ себѣ бѣду, которая и постигла его по показаніямъ Самгина. Кромѣ того, какъ человекъ бывалый, онъ толковалъ о разныхъ дѣлахъ изъ прежнихъ царствованій Петра и Екатерины — о злодѣйствѣ московскихъ еретиковъ, изрубившихъ образъ Спасителя, о судѣ надъ Θεодосіемъ и о прочемъ. Іосія, мало понимавшій эти толки, перепуталъ ихъ такъ, что трудно отдѣлать дѣйствительно бывшее отъ вымысловъ его фантазіи.

Теперь предъ глазами слѣдователей были два разныхъ показанія — Самгина и Зварыкина. Тотъ и другой, выгораживая себя, взводили другъ на друга важныя преступленія. Слѣдователи рѣшились доскидаться правды посредствомъ пытки. Начали съ Самгина, который казался хитрѣй и подозрительнѣй Зварыкина. По приводѣ въ застѣнокъ, 7 августа, Самгину еще разъ сдѣлали увѣщаніе, чтобъ показалъ сущую истину, и показали приготовленные орудія, которыми въ розыскѣ будетъ пытанъ, если станетъ заператься. Послѣ того его допрашивали по содержанію показаній его и Зварыкина. Но розыскъ не привелъ ни къ чему. О компаніи онъ утверждалъ одно, что все то говорилъ ему Зварыкинъ на исповѣди не о всемъ вдругъ, но порознь, а въ объявленіи своемъ написалъ онъ Самгинъ все по порядку, какъ отъ того Зварыкина слышалъ. А какъ бы церковь россійскую съ лютеранскою склонить и Государя Петра Перваго извести, и которая цесаревна и кому готова, и для чего онъ Зварыкина о томъ не спрашивалъ — и онъ, Самгинъ, думалъ, что то дѣло уже минувшее. А что теперь о такой опасности въ объявленіи своемъ написалъ, и то дознаваясь собою въ такой сигѣ, что были въ немъ (Зварыкинѣ) бѣсы, и что прежде намѣреніе ихъ было (дѣйствовать) чрезъ волшебника Вейца, и потому не могутъ ли и нынѣ чрезъ

волшебство такогото намѣренія учинить. Но судя по словамъ Зварыкина признавалъ онъ, что царевна готова ему.—Почему онъ прежде не показывалъ этого? Потому что ему преосвященный (Феофанъ) сказалъ: говори-де только о томъ, о чемъ тебя спросятъ».

Въ первыхъ числахъ августа, или въ послѣднихъ іюля, арестантовъ—11-ть человекъ—перевели изъ С.-Петербурга въ Ораниенбаумъ, чтобы Феофану, во время отдыха на приморской дачѣ, можно было распутывать этотъ узелъ по предметамъ «не пущей касающейся до нихъ важности, о чемъ персонально условлено у него съ кабинетными министрами». Августа 13 онъ требовалъ въ Ранбовъ восемь ямскихъ подводъ для привоза къ нему арестантовъ и отвоза отъ него на мѣсто ихъ обыкновеннаго пребыванія, кажется въ заливѣ, на кораблѣ ¹⁾. Послѣ того арестантовъ опять перевезли въ С.-Петербургъ. При чрезвычайномъ усложненіи дѣла, затрудняясь одинъ его производствомъ, Феофанъ подалъ Государынѣ докладъ, чтобы дали ему помощниковъ ²⁾. 16 августа Государыня утвердила докладъ, приказавши дѣлать съ арестантами, что надлежитъ.

Самгина пытали въ другой разъ; но такъ какъ онъ съ двухъ

¹⁾ Преосвященный архіепископъ великоновгородскій и великолукій! Сего августа 12 дня отъ вашего преосвященства, чрезъ секретаря Хруцова, сообщено къ намъ на разсужденіе, что для произведенія о содержащихся въ Ранибомѣ извѣстныхъ вашему преосвященству арестантахъ, о непущей касающейся до нихъ важности, о чемъ персонально вашему преосвященству отъ насъ было донесено, потребно для привоза оныхъ арестантовъ къ допросу, тако-жь и для отвозу ихъ для содержанія по прежнему, ямскихъ восемь подводъ, или не оставить ли онаго произведенія до прибытія въ С.-Петербургъ; но токмо-де оныя арестанты въ Ранибомѣ уже завезены: того-де ради безъ изслѣдованія возвращать тѣхъ арестантовъ видѣтся не можно. И по оному вашему преосвященства разсужденію, для вышепоказаннаго, ямскихъ восемь подводъ съ ямщиками, сего августа 13 дня, въ Ранибомѣ отправлены, велѣно имъ явитца у стоящаго въ Ранибомѣ лейбъ-гвардіи подпоручника Шишкина, и когда оныя арестанты отъ вашего преосвященства къ вопросамъ востребууютца, то ихъ отвозить на оныхъ подводахъ, о чемъ къ оному подпоручнику ордеръ, такожь и на платежъ за прогоны изъ Тайной канцеляріи денегъ двадцать рублей послано. Вашего преосвященства всепокорнѣйшіе слуги: Андрей Остерманъ, Князь Алексѣй Черкасской. Августа 18-го 1784 года. С.-Петербургъ.

²⁾ По извѣстному вашему величеству слѣдующемуся въ Ранибомѣ, сек-

розысковъ утверждался, что Зварыкинъ подлинно говорилъ ему означенныя слова, а о написанныхъ отъ него, Зварыкина, въ собственноручномъ письмѣ важныхъ непристойныхъ словахъ не винылся, то рѣшено было дать ему очную ставку съ Зварыкинымъ, и когда Самгинъ розыскиванъ будетъ въ третій разъ, то тогда привести въ застѣнокъ и Зварыкина; и ежели Самгинъ съ третьяго розыска утверждаться будетъ на прежнемъ своемъ показаніи, тогда изъ подлинной правды розыскивать и имъ Зварыкинымъ. 31 августа Зварыкина лишили монашескаго сана.

---

5) Саровское слѣдствіе. — Показанія берлюковскаго іеромонаха Пахомія. — Берлюковское слѣдствіе.

Въ Синодѣ свѣдѣнія о главныхъ и побочныхъ лицахъ этого дѣла пополнялись новыми показаніями, которыя не только не ослабляли, но еще болѣе усиливали на ихъ счетъ подозрѣнія духовнаго и гражданскаго правительства.

Саровскій слѣдователь, колоцкій игуменъ Пахомій, допросилъ все братство и труженниковъ саровскихъ, пересмотрѣлъ всѣ кельи, обшарилъ всѣ углы, погреба и чердаки, и представилъ въ московскую синодальную канцелярію всѣ письменныя тетради и письма, какія только нашлись. — Синодальная канцелярія разобрала эти тетради и прислала въ Синодъ тѣ, которыя казались ей подозрительными ¹⁾.

Феофанъ, разсмотрѣвши часть этихъ бумагъ, сдалъ ихъ 23 августа въ Синодъ, съ объясненіемъ, что «разсмотрѣтъ всего не

рѣтному дѣлу, по общему ихъ сіятельствъ господъ министровъ со мною согласію, надлежитъ арестантовъ тѣхъ, о нѣкоторыхъ указахъ противныхъ причинахъ и другихъ обстоятельствахъ, спрашивать нынѣ здѣсь, а чтобъ имѣть чинить то не одному, изволили ихъ сіятельства господа министры согласовать о присутствіи со мною при томъ архимандритамъ. Того ради не изволятъ ли ваше величество повелѣть прибыть сюда архимандритамъ — чудовскому и ипацкому».

¹⁾ Между прочимъ найдена тетрадь съ выпискою изъ проповѣдей Феофилакта Лопатинскаго, а на оборотѣ написано: «вспомини душе моя прасодобнаго Архиппа!»

успѣлъ, а нынѣ разсматривать невозможно, потому что отъ е. и. в. повелѣно ему для нѣкотораго дѣла имѣть присутствіе съ высочайшими господами министрами. А изъ разсмотрѣннаго показуется подозрѣніе по допросу монаха Сергія о чтеніи нѣкихъ тетрадей, что увидя Іосія говорилъ: сіе-де дѣло не твое.— И чтобъ изволили то все нынѣ разсмотрѣть и ему преосвященному о послѣдующемъ сообщить».

Въ Синодѣ возникло подозрѣніе о книгахъ, тетрадяхъ и письмахъ, которыя удержаны московскою синодальною канцеляріей, какъ не заключающія въ себѣ ничего сомнительнаго.—«Напримѣръ одна книга о естествѣ; а каково то естество, не показано; ибо естество довольно. Также о книгѣ: «еже не подобаетъ ясти въ церкви» не значится, съ чего та книга списана; и если изъ книгъ, то разсужденію подлежитъ къ неважности; а ежели отъ себя, или же изъ книгъ, да съ своими непотребными прилогами, то подлежитъ слѣдствію». — Синодъ приказалъ всѣ книги и тетради прислать въ С.-Петербургъ.

Въ сентябрѣ взятъ былъ въ С.-Петербургъ для допроса изъ николаевской солбинской пустыни монахъ Пахомій.—Прикосновенность его къ дѣлу заключалась въ томъ, что онъ былъ духовнымъ отцомъ княгини Долгоруковой, подписался за нее подъ прошеніемъ объ опредѣленіи Іосія строителемъ въ берлюковскую пустынь и самъ постригся у Іосія въ берлюковской пустыни.

Пахомій показалъ, что былъ онъ священникомъ въ Москвѣ, при воскресенской барашевской церкви, и оставивъ свой приходъ постригся въ монашество; а о томъ постриженіи указа не имѣлъ, только предъ отходомъ въ монастырь приходилъ къ преосвященному Іоакиму, архіепископу ростовскому, и объявилъ ему о своемъ намѣреніи; на что его преосвященство сказалъ ему: «Боже помози». При отходѣ отъ церкви ни ризницы, ни утвари церковной никому не поручалъ, а ушелъ тайно, и указа не требовалъ, опасаясь, что по силѣ запретительныхъ указовъ его не постригутъ. Онъ думалъ было постричься въ саровской пустыни, къ чему располагала его строгая жизнь тамошней братіи; но Іосія отсвѣтывалъ ему въ этомъ—что строитель-де іеромонахъ Іоаннъ человекъ нравной и все обращается за приказными хлопотами, и бываетъ года по два и больше въ отлучкахъ изъ монастыря, а

правление монастыря и братства имѣлъ все я. И ежелибъ Богъ далъ мнѣ въ какомъ монастырѣ мѣсто, тобѣ-де я во всемъ непремѣнно противъ саровской пустыни чинъ содержалъ». — Съ этихъ словъ Пахомій и началъ стараться объ опредѣленіи Іосія въ берлюковскую пустынь, ѣздилъ къ братіи и взялъ отъ нихъ въ пользу его заручную. Послѣ того Пахомій и самъ постригся въ этой пустыни. Но, взглянувши на Іосію поближе, онъ разочаровался въ его аскетическихъ добродѣтеляхъ. — Іосія не служилъ ни царскихъ молебновъ, ни панихидъ: «наше-де пустынное дѣло». Съ разными хитростями принималъ и постригалъ монаховъ: «онъ принималъ къ себѣ монаховъ, яко постриженныхъ въ иныхъ монастыряхъ; а какъ я увѣдомился, что они пострижены отъ него строителя, говорилъ ему: для чего онъ самъ постригаетъ, а сказываетъ, что пострижены въ другихъ монастыряхъ? И онъ мнѣ говорилъ: ты внимай себѣ и своему спасенію, а отца не подзирай и наготы его не обнажай». Когда велѣно было подать о монахахъ сказки, то сказки тѣ сочинялъ Сильвестръ, а ему Пахомію давали переписывать — и въ тѣхъ сказкахъ писано все неправда. А которые изъ бѣльцовъ просились у него постригаться, онъ въ тѣ сказки писалъ ихъ монахами, къ которымъ сказкамъ они и руки монашескимъ именемъ прикладывали. Много такихъ, которые еще и женъ имѣютъ. — Когда онъ говаривалъ объ этомъ Іосію, тотъ отвѣчалъ: «ничего, у насъ вкладчики хороши». А вкладчиками были архим. Варлаамъ, кн. Одоевскій и другіе знатные люди. — Да въ великій постъ, послѣ церковнаго правила, пришелъ я къ нему въ келью, и онъ на іеромонаха Никодима весьма кричалъ и упоминалъ, что онъ общества монастырскаго не хранитъ, имѣетъ положенныя на сбереженіе деньги въ мірѣ: «или-де отдай ихъ кому, или въ монастырь привези. Ты жъ возмущаешь братство и хвалишь саровскую пустынь». Когда онъ, Пахомій, вышелъ, то слышно было, что строитель Никодима билъ и отъ тѣхъ побой онъ лежалъ съ недѣлю и больше, и рукою не владелъ недѣли съ три. Когда Пахомій сказалъ, что онъ будетъ доносить обо всемъ начальству и что съ нимъ согласны монахи Ирнаркъ и Никодимъ, то онъ всѣхъ ихъ выпналъ изъ монастыря, а ему Пахомію, вспомнивши Хама и Іуду, сказалъ: «бѣсъ тобою овладѣлъ, что ты все подзираешь за отцомъ». — Однажды Іосія послалъ его въ троицкій и въ

другіе монастыри, и по просьбѣ дозволилъ ему заѣхать и въ саровскую пустынь, но при томъ говорилъ: «какъ ты станешь близко подѣзжать къ саровской пустыни, и ты всё чувства свои огради крестнымъ знаменіемъ и весьма сіе наблюдай, чтобъ-де тебя не обошли вокругъ, а больше берегись монаха Георгія: онъ такой, что ежели не сможетъ самъ чего учинить, то другому дастъ щепочку и тою щепкою обойдутъ вокругъ человѣка и умъ станетъ не свой». — Когда Іосія, пріѣхавъ изъ саровской пустыни, стоялъ у меня въ домѣ, то купецкій человѣкъ Степанъ Дмитріевъ привелъ къ нему мужика—называли Иванъ юродивый: Іосія держалъ его въ горнищѣ дня съ три. И оный юродивый все юродствовалъ и приходилъ ко мнѣ въ горницу, гдѣ я жилъ и домочадцевъ моихъ юродствуя билъ. И когда сдѣлался строителемъ, онаго юродиваго привезли они къ себѣ въ монастырь, и онъ пророчествовалъ, кто его спрашивалъ изъ монаховъ. И самъ строитель ему, Ивану, крестясь молился и другимъ молиться велѣлъ¹⁾.

Тѣмъ временемъ, какъ въ Тайной канцеляріи производилось слѣдствіе объ Іосіи, четыре берлюковскіе монаха подали въ московскую синодальную канцелярію донесеніе, что они пострижены въ монашество Іосіей, а по указамъ или безъ указовъ того не знаютъ.—Синодальная канцелярія приказала лишить ихъ монашества, а въ пустынь назначила слѣдствіе, поручивши его особой комиссіи, составленной изъ владимірскаго рождественскаго архимандрита Павла, срѣтенскаго игумена Евсевія Леонова и совѣтника коллегіи экономіи И. Топильскаго.

Слѣдствіе это любопытно для исторіи монастырской жизни въ прошломъ столѣтіи.

Во первыхъ о пустыни.—Она имѣетъ какое-то апокрифическое происхожденіе. По дѣламъ оказалось, что на основаніе ея, въ между-патріаршество, данъ указъ за рукою архим. Антонія, когда онъ былъ казначеемъ въ синодальномъ домѣ, купецкому человѣку Вуколу Мартынову, а строителемъ опредѣленъ, по то-

¹⁾ Объявленіе Пахомія св. Синоду 16 сентября 1784 года.

мужъ указу, іеромонахъ стромнинскаго монастыря Діодоръ. Послѣ этого Діодора и слѣдовавшаго за нимъ Серапіона, опредѣленъ строителемъ іеромонахъ Никифоръ, родомъ изъ крестьянъ, постриженникъ богословской пустыни. Въ опредѣленіи его принимала участіе парица Евдокія Феодоровна. За самовольное постриженіе монаховъ онъ содержался подъ карауломъ въ московскомъ духовномъ приказѣ; потомъ изъ-подъ караула бѣжалъ и укрывался сперва въ саввиномъ сторожевскомъ монастырѣ; потомъ пробрался въ С.-Петербургъ, содержался нѣсколько времени подъ карауломъ въ невскомъ монастырѣ, битъ плетями и сосланъ подъ арестъ въ богословскую пустынь. — Преемникъ его Іосія дѣйствовалъ въ томъ же духѣ, постригалъ безъ указу и женатыхъ. Вотъ какія показанія читаемъ у многихъ берлюковцевъ. «Монахъ Макарій сказалъ—родомъ онъ изъ Смоленска, польской націи, сапожниковъ сынъ, женатъ на дочери кадашевца Фомы Иванова, дѣвкѣ Агафѣ, которая и понынѣ жива.... о чемъ онъ и говорилъ строителю, но онъ въ томъ ему не спорилъ». «Монахъ Іустъ родомъ изъ вотчины стольника Дохторова, и по возрастѣ женился, и женясь жилъ въ Москвѣ, а въ 1732 году данъ имъ съ женою отъ помѣщика увольнительный паспортъ на постриженіе: мужъ отправился въ берлюковскую пустынь, а жена въ Хотьково. Іосія, безъ постриженія, велѣлъ надѣть на него полное монашеское платье и назвалъ Іустомъ. Прочіе постриженники Іосии всѣ пострижены безъ указовъ, большею частью въ кельѣ, а не въ церкви и безъ увольнительныхъ видовъ отъ своихъ общинъ.—Самгинъ показалъ, что онъ отважился на это отъ простоты своей. «Изъ монастыря въ міръ ѣздилъ мало, и такимъ безумнымъ своимъ въ монастырѣ сидѣнемъ до такой бѣды себя довелъ, что указовъ истинно не читывалъ, только опасался о постриженіи монашескомъ, что о томъ указы вѣдалъ, но и въ томъ ограденъ былъ:—простоты ради мнилъ, что указамъ о постриженіи есть какая перемѣна, потому что слышалъ, что въ троицкомъ монастырѣ постригаютъ. Также согрѣшилъ окаянный простотою своею—держалъ въ пустыни бѣльцовъ нѣсколько человекъ — а держалъ не за бѣлыхъ. Первый Степанъ, отецъ Боголѣпа, который, пришедши въ монастырь сказывалъ, что онъ желалъ постричься и жену имѣеть. А въ то время указы и застали, чтобы въ мона-

стыряхъ сдѣланы были зашнурованныя книги и табели и монахи-бъ всѣ были написаны; а помнится мнѣ указы тѣ были въ 33 году, и боясь тѣхъ указовъ, что впредь нельзя будетъ пришлыхъ монаховъ принимать, а жить мнѣ не съ кѣмъ, по желанію Степана написалъ его въ табель монашескимъ именемъ, и другого съ нимъ, купецкаго-жъ человѣка, Григорія Дмитріева женатаго, по желанію его; третій записанъ въ табель безъ постриженія Федоръ Семеновъ холостой, да Яковъ Семеновъ, да Григорій—малой лѣтъ шестнадцати. Такъ они и подписались въ табели монашескими именами». Отправляя новопостриженныхъ къ посвященію въ іеромонахи и іеродіаконы, Самгинъ приказывалъ имъ дѣлать ложныя показанія. Вотъ правдивый рассказъ Боголѣпа: «изъ новопостриженныхъ посвящены только двое—я, да другой Никодимъ. Я въ саровской пустынѣ постриженъ, а Никодимъ въ берлюковской пустынѣ. Никодима посвящали архіерей ростовской Іоакимъ въ іеромонахи, а меня въ іеродіаконы. Меня научилъ Іосія сказку сказать: скажи ты села Кужендѣй, церкви Воскресенія Христова поповъ сынъ. Когда я спросилъ, какъ пона-то назвать? Такъ онъ сказалъ мнѣ: хоть отпа-то скажешь своего, а лѣтъ двадцать четыре. Я такъ и сказалъ. А Никодимъ-то какъ сказку-то сказалъ, я не знаю, а архіерея просилъ Іосія-то, чтобы насъ посвятилъ».

Еще одно случайное показаніе Пахомія въ Тайной канцеляріи набросило мрачную тѣнь на берлюковцевъ и гнѣздо ихъ. «Въ прошломъ 1733 году, января противъ 19 числа, въ берлюковской пустынѣ, кромѣ бывшаго строителя, что нынѣ разстрига Самгинъ, другихъ іеромонаховъ никого не приключилось». Феофану это показаніе явилось страннымъ. Онъ написалъ на немъ: «о томъ, что кромѣ строителя другихъ іеромонаховъ въ пустынѣ не приключилось (хотя то къ настоящему дѣлу, кажетца, и не надлежитъ) допросить Пахомія и другихъ, гдѣ бывають іеромонахи и монахи, когда ихъ въ монастырѣ и въ ночи нѣтъ, да еще и всѣ вдругъ отлучаются; а и безъ показанія ихъ показуется, что та пустыня видъ только монастыря имѣла, а была пристанище бродягамъ и прелестнымъ лицемѣрамъ».

Вслѣдствіе этихъ показаній и донесенія берлюковской комиссіи, въ Синодѣ (17 января 1735 г.) состоялось опредѣленіе:

монаховъ и труженниковъ берлюковской пустыни разослать куда указы повелѣваютъ, московское подворье берлюковской пустыни продать и деньги отдать въ монастырь, куда изъ оной пустыни церковную утварь и прочее церковное имѣніе отдать велѣно будетъ ¹⁾).

---

6. Допросы и показанія княгини Долгоруковой, графини Матвѣевой и Макарова. — Слѣдствіе надъ московскою дикастеріею и синодальномъ конторомъ.

По показаніямъ саровцевъ и берлюковцевъ привлечены были къ допросу княгиня Долгорукова, графиня Матвѣева и А. В. Макаровъ съ женой.

Княгиня Марья Долгорукова была вкладчицей саровской и берлюковской пустыней, присылала туда разныя цѣнныя вещи изъ церковной утвари и каждый годъ четвертей по пятидесяти ржи и яроваго хлѣба, рыбы, масла и проч., изъ своихъ арзамасскихъ вотчинъ, бывшихъ недалеко отъ саровской пустыни. Кажется она была несчастлива въ домашней жизни ²⁾ и потому вдалась въ набожность, ѣздилъ по монастырямъ, зазывала къ себѣ монаховъ и юродивыхъ, почитала Тимофея Архиповича и хаживала къ нему за совѣтомъ и благословеніемъ. Монахи поддерживали въ ней это расположеніе, равно выгодное для нихъ и для ихъ пустыней. Августа 23 велѣно было арестовать ее въ Москвѣ, хотя бы она и болѣзнь имѣла, и приставить къ дому ея караулъ, а служителей всѣхъ забравъ допросить: какой у нихъ святой мужъ живеть, и потомъ вести въ С.-Петербургъ. По прибытіи въ С.-Петербургъ ее помѣстили на преображенскомъ острову въ домѣ Маріота, подъ карауломъ. Она была такъ больна, что не могла встать съ постели. Въ показаніяхъ ея однакожъ ничего важнаго не явилось, кромѣ знакомства съ монахами и юродивыми. Между прочимъ любопытно, что Іосія говорилъ ей, будто юродивый Иванъ

---

¹⁾ Дѣла архива св. Синода, 1785 г., № 151.

²⁾ Въ бытность Самгина въ Москвѣ она жаловалась ему, что «люди изъ клеветуютъ на нее мужу въ домовыхъ дѣлахъ, отъ чего происходитъ между ними раздоръ; да и отъ свойственниковъ своихъ она также ненавидима чрезъ клевету людей».

сказалъ ему, что мужъ ея умретъ, а онъ жилъ послѣ того два года.

Допросили графиню *Матвѣеву*, вдову графа А. Матвѣева, Изъ словъ ея оказалось, что у ней былъ пасынокъ А. М. Аргамаковъ, бывший прапорщикъ 1.-гв. преображенскаго полка и что она просила у него четвертаго жеребья съ тѣмъ, чтобы отдать эту часть въ саровскую пустынь.

Наконецъ, несчастная судьба вовлекла въ этотъ процессъ еще одного человѣка, изъ сподручниковъ Петровыхъ, доживавшаго свой вѣкъ въ удаленіи отъ двора, бывшаго кабинетъ-секретаря А. В. *Макарова*. На него въ эту пору собрались, одна за другой, много бѣдъ, съ разныхъ сторонъ, и доканали его еще не старую жизнь. Въ 1733 году онъ поручилъ ассесору Стечкину сдѣлать опись имуществу брата своего покойнаго И. В. Макарова. Послѣ этой описи какой-то канцеляристъ Василій Калининъ сдѣлалъ на Макарова доносъ, будто онъ приказывалъ Стечкину запечатать важныя государственныя бумаги — письма Петра, царевича Алексѣя, Меншикова и, между прочимъ, приходорасходныя книги по Кабинету 1708 — 1710 годовъ: «а дѣлалъ то закрывая свое воровство». Нарядили слѣдствіе изъ трехъ гвардейскихъ офицеровъ. Макаровъ оправдался почти по всѣмъ пунктамъ, исключая приходорасходныхъ книгъ, да и на этотъ счетъ подозрѣніе держалось только тѣмъ, что въ Кабинетѣ не оказалось расходныхъ книгъ за означенные годы. Коммиссія, по окончаніи слѣдствія, присудила доносителя за ложный доносъ бить кнутомъ, а расходныя тетради взыскать съ Макарова, принуждая его къ этому держаніемъ въ коммиссіи (9 марта 1734)¹⁾.—Между тѣмъ въ это время завязался узелъ другаго процесса, бѣдственнаго кончившагося для Макарова. Одинъ изъ берлюковцевъ, разстрига Степанъ Викторовъ, дѣлая разныя показанія въ Тайной канцеляріи по зварыкинскому дѣлу, между прочимъ написалъ, что Самгинъ, собираясь подать

¹⁾ Въ поданномъ Императрицѣ (1 іюня 1734 г.) разборѣ тетради Родышевскаго о монастырѣ, Феофанъ писалъ, намекая на Макарова: «обрѣтается нѣкто адѣ, который намъ сказалъ, что нѣкто изъ вельможъ, силею бывший, а нынѣ ссылочный, во дни силы своея уничтожая указы Петра Перваго, говорилъ, будто онъ имѣетъ поданное себѣ письмо, на указы Петра Перваго возразительное. И если то было, то не мню, чтобы иное какое было, кромѣ сего обличаемаго отъ насъ письма».

въ Тайную канцелярію объявленіе на Зварыкина, заходилъ къ Макарову посовѣтоваться, но не засталъ его дома и поговорилъ только съ его женой.

Тайной канцеляріи, особенно Теофану, показалось весьма важнымъ, что въ эту исторію вошло лице, знавшее многіе государственныя секреты и, не смотря на свое униженное положеніе, все еще значительное въ обществѣ. Для настоящаго процесса это тѣмъ важнѣе, что Макаровъ былъ тестъ Аврамова, и что у него нѣсколько времени жилъ Александръ Яковлевъ, на котораго также было подозрѣніе въ составленіи пасквильнаго письма. Викторову сдѣлали допросъ: не говорилъ ли ему чего Самгинъ о Макаровѣ? Викторовъ показалъ, что Самгинъ говорилъ ему о Макаровѣ, что къ похвалѣ его относится, и притомъ объявлялъ, что и Государыня Императрица, когда еще не была здѣсь въ Россіи, писала къ нему письма, помнится просительныя, а какія именно, не выговаривалъ; и Макаровъ надѣялся, какъ Государыня прибудетъ въ Россію, быть при ней: анъ-де вотъ куда опредѣлили. И какъ Государыня изволила прибыть, то письма тѣ, которыя къ нему писала, приказала у него Макарова всѣ отобрать къ себѣ. Самгинъ подтвердилъ это показаніе.

Допросили Самгина. Онъ объявилъ, что ему выхвалялъ Макарова покойный Степанъ Путятинъ. «Макаровъ-де человекъ умный и милостивый и всѣмъ былъ приступенъ, когда былъ въ силѣ, а нынѣ-де не такъ; мы надѣялись-было, что онъ останется въ прежней силѣ при дворѣ Государыни, а вышло не такъ». Для чего жъ не такъ? спрашивалъ Самгинъ. «Для того — отвѣчалъ Путятинъ — что нынче при домѣ ея величества больше все иноземцы».

Макаровъ былъ въ ту пору президентомъ Коммерцъ-коллегии и жилъ въ С.-Петербургѣ. Тайная канцелярія приставила къ дому его караулъ и вслѣдъ затѣмъ, 29 ноября 1734 года, отправила въ Москву офицера Извольскаго забрать имѣвшіяся въ тамошнемъ его домѣ письма, каковы бъ они ни были, и привезть въ С.-Петербургъ. Извольскій въ точности исполнилъ порученіе. Съ Макарова и жены его взяли сказку, что никакихъ пожитковъ и писемъ, кромѣ тѣхъ, которые запечатаны, нигдѣ больше нѣтъ и на сохраненіе никому не отданы. Такую жъ сказку взяли и съ ихъ

служителей. И долго-долго суждено было довѣренному лицу Петра I-го оставаться въ заключеніи и дѣлать въ Тайной канцеляріи показанія обо всемъ, что только онъ могъ припомнить изъ своихъ разговоровъ о государственныхъ лицахъ и дѣлахъ.

По показаніямъ Викторова и Самгина потребовали объясненій отъ Макарова и жены его. «Говорилъ ли онъ Самгину, что о Зварыкинѣ идетъ въ Синодѣ дѣло?» Макаровъ показалъ, что, наоборотъ, Самгинъ ему говорилъ, что «вотъ-де въ Синодѣ^н пошло дѣло о Зварыкинѣ и просилъ попросить за него ростовскаго архіерея, чтобъ его, Самгина, не оставилъ». Жена Макарова показала, что по просьбѣ Самгина просила за него совѣтника Коллегии экономіи Топильскаго, а тотъ обѣщалъ попросить Синодскаго секретаря Протопопова.—«Говорилъ ли Макаровъ Самгину объ отобранныхъ у него письмахъ Государыни?» Говорилъ, какъ отцу духовному къ прославленію имени ея величества.

Феофанъ въ тонкость разобралъ показанія Макарова и его жены, сличилъ ихъ между собою, выписалъ разности и составилъ новый рядъ допросовъ.

«По моему мнѣнію не право и не по совѣсти и не такъ, какъ дѣлалось, онъ Алексѣй (по фамиліи его Феофанъ не называетъ) отвѣтствовалъ: нѣкія рѣчи его съ егожь рѣчами и съ рѣчами жены его не сходны; а другія самому дѣлу и природному въ разговорахъ обычаю не сличны и противны, что въ слѣдующихъ примѣчаніяхъ показуемъ». «Такъ глухо и сухо отвѣтствуетъ, какъ въ дѣлѣ быть не могло. Повеже нельзя было не спросить, кто онъ Зварыкинъ родомъ и чиномъ и гдѣ обрѣтается, и въ чемъ не добрый или подозрѣнный. А по образу отвѣта его нигдѣ и никогда не бываютъ такъ загадочные и полунѣмые разговоры, а напротивъ между дружными и взаимно себѣ нужными людьми.... И то противно природному человѣческому любопытству: какъ бы онъ Іосію не спросилъ именно о богоотступничествѣ или ереси Зварыкиной. Сказуетъ, будто онъ нигдѣ ни у кого Іосіи заступшенія не искалъ: а тамъ же мало ниже (скоро забывъ прежнія свои рѣчи) говорилъ, что онъ заступленія Іосіи у ростовскаго архіерея просилъ, которое его противорѣчіе есть весьма дивно.—Отвѣтствуя (на 6-й вопросъ) чудную плутню произноситъ. Первѣе говорилъ, будто онъ Іосіа никогда и ни для чего о присланныхъ

къ нему изъ Курляндіи письмахъ не сказывалъ; а послѣ тамъ же придаетъ, что-де можетъ быть сказывалъ о присланныхъ отсюда письмахъ для прославленія ея императорскаго величества. Да и то развратно, понеже присланные отсюда письма оныя никакой славы не дѣлають посылающему: знатно отъ смущенія онъ сіе сказалъ: гдѣ кромѣ явственнаго несогласія и то дико—какъ отцу духовному. Будто бы и рѣчи неподозрительныя и тайности не требующія, но еще къ славѣ государевой произносимыя, сказывать кому опасно, развѣ отцу духовному.—Жена Алексѣева Прасковья сказуетъ, что Іосія просилъ мужа ея, чтобъ попросить Ивана совѣтника, а оный бы попросилъ секретаря, чтобъ по дѣлу его не оставилъ. Да не сказуетъ, дѣлалъ ли то мужъ ея по прошенію Іосія, но говоритъ, что она сама просила онаго совѣтника. И то кажется плутня.—Въ томъ же ея отвѣтѣ сказано, что и самъ Іосія къ оному совѣтнику хаживалъ и прашивалъ, а о чемъ и что получилъ—будто она не знаетъ и отъ Іосія не слышала, не слышала жъ и отъ совѣтника. И тому ея отвѣту трудно вѣрить, для того: знала она, что Іосія къ совѣтнику хаживалъ и прашивалъ, и потому знала, что неоднократно было его хожденіе и прошеніе. Какъ же бы она не спросила Іосія, и какъ же бы онъ ей не сказалъ, за чѣмъ ходитъ и чего проситъ? Нельзя такъ быть въ разговорахъ, да еще съ человѣкомъ любимымъ и заступленія требующимъ.—Изъ тогожъ отвѣта является паки, что солгалъ Алексѣй, когда говорилъ, будто о заступленіи Іосія не искалъ. Сказуетъ, будто она о курляндскихъ письмахъ Іосія не сказывала и о томъ разговорѣ не имѣла и ничего о томъ ни въ какомъ намѣреніи не разсуждала: а послѣ придаетъ, что объ отобраніи писемъ оныхъ Іосія говорила и молитвы его, яко въ печали обрѣтаясь, требовала. Показываетъ, будто бы она о бывшей надеждѣ своего мужа и объ лишеніи ея отъ мужа своего не слышала: которая ея сказка отнюдь вѣры недостойна; ибо если мужъ ея сказывалъ о томъ Іосія, то какъ бы не говорилъ женѣ своей вѣрной и любимой.—Что осталось дѣлать съ известными отвѣтками? Мое о томъ мнѣніе слѣдующее. Что Зварыкинъ на Іосію показалъ страшное, а кажется по всему вѣроятное, надѣюсь то Іосія отъ сей шайки почерпнулъ, отъ одной или отъ другой стороны, или отъ обихъ. И потому надлежитъ Алексѣю о всемъ томъ,

что знатнѣйшее на Іосію показано, допроситъ именно. Чтò они говорили между собою о престолонаслѣдіи? Что о войнѣ польской и вывозѣ богатства? Что о передѣлкахъ малыхъ серебряныхъ денегъ на рублевки? Что о книгѣ исправленія монашескаго и о порицаніяхъ въ ней написанныхъ на блаженныхъ и вѣчно-достойныя памяти великихъ государей Алексѣя Михайловича и Петра Перваго? Что о Синодѣ и патриархіи? Надлежитъ, кажется, проинести и нѣкіе изъ пасквиля извѣстнаго, по моему нетрепетному мнѣнію—Рѣшилова, пункты. Сверхъ всего того при всякомъ допросѣ спрашивать каждаго изъ ихъ: одинъ ли съ однимъ говорилъ то и то, или другіе нѣкто были при этомъ? Допросы эти послать бы куда надлежитъ къ дѣйствию; а между тѣмъ тутъ допрашивать допросами, на которые Алексѣй и другіе отвѣтствовали, Іосію, что нынѣ разстрига Самгинъ, потому что допросъ ему въ этомъ отложенъ былъ до полученія отвѣтовъ Алексѣевыхъ.—Допроситъ Алексѣя и жены его еще о слѣдующихъ: что съ Іосіемъ говорили (или и съ другимъ кѣмъ) о воинствѣ русскаго, яко бы уже слабомъ и въ какой силѣ? Что о скудости народа и о недородѣ хлѣбномъ? Что о смерти и погребеніи государя Петра Перваго? Что о титулѣ императорскомъ? Что о возкѣ по Волгѣ корабельныхъ матеріаловъ? О всемъ томъ вышечисанномъ, что говорили и съ другимъ іеромонахомъ Іосифомъ Рѣшиловымъ и когда и въ какой силѣ?

Ложь. Плутня.... Чудная плутня.... И все это о человѣкѣ, который не былъ изобличенъ, а только подозрѣвался въ преступленіи, или точнѣе въ связяхъ съ преступниками, — о человѣкѣ, который, пользуясь довѣріемъ Государей Петра Перваго, Екатерины и Петра Второго, имѣлъ на своей сторонѣ несомнѣнную заслугу и нѣкоторое право на довѣріе и уваженіе къ нему общества, — наконецъ о человѣкѣ, которому противникъ его лично обязанъ былъ многими одолженіями и услугами во время силы его при Государяхъ! И теперь все это забыто. Бывшій кабинетъ-секретарь, андреевскій кавалеръ, довѣренное лицо Петра и Екатерины и попалъ въ плуты и лжецы.

Очевидно, что его подозрѣвали въ связи съ шайкой Самгина и Рѣшилова, думали, что саровцы и берлюковцы и Рѣшиловъ увлечены и дѣйствуютъ въ пользу какого-то волненія, какой-то пе-

ремѣны, а Макаровъ, знавшій кабинетныя тайны, былъ ихъ оракуломъ, заправлялъ ихъ образомъ мыслей и дѣйствій. Въ своихъ подозрѣніяхъ Теофанъ опирался еще на то, что Макаровъ былъ тесть Аврамова, хотя и слабаго по натурѣ и по характеру, но самаго неотвязчиваго противника Теофанова, и у него жъ Макарова жилъ нѣсколько времени секретарь дворцовой конторы Александръ Яковлевъ, котораго подозрѣвали въ сочиненіи пасквильнаго письма на Теофана и который въ ту пору содержался въ Т. канцеляріи. У Яковлева нашлп выписки, которыя «ниже мало годятся къ его званію, да и обличенія наводятъ на нѣкихъ знатныхъ особъ». Что удивительнаго, что въ головѣ Теофана все это стягивалось въ одинъ узелъ, и что Макаровъ, знавшій хорошо положеніе лицъ и событій, казался ему, если не главной пружиной заговора, то однимъ изъ его участниковъ.

Наконецъ дошла очередь и до московской дикастеріи и сундальной канцеляріи, которыя также показали не совсѣмъ чистыми въ дѣлѣ Іосіи и Зварыкина.

Духовная дикастерія опредѣлила Іосію въ строители берлюковской пустыни безъ надлежащихъ справокъ объ немъ и о прежнемъ бѣжавшемъ строителѣ Никифорѣ. Судья, архим. Аввакумъ Львовъ, показалъ, что сдѣлалъ это упущеніе отъ простоты своей; но Пахомій вывелъ паружу домашнюю тайну: онъ повинился, что купилъ два ведра реискаго, да три четвертныя водки—вино далъ архимандриту Аввакуму, а водку секретарю съ подъячними; прочіе протори и хлопоты по дѣлу несъ купецъ Клюевъ. Въ дѣлѣ оказались подчистки и поправки въ годѣ и числѣ такого рода, что нельзя было объяснить ихъ иначе, какъ поддѣлкой. Аввакума взяли въ Тайную канцелярію и держали три года въ казематѣ петропавловской крѣпости. Наконецъ, разобравши дѣло, Тайная канцелярія опредѣлила: такъ какъ Аввакумъ учинилъ то съ простоты своей, то бить его, вмѣсто кнута, плетью и сослать въ монастырское братство, куда Сунодъ назначить.

Подозрѣнія шли еще дальше. Когда у берлюковцевъ спросили: почему узнали они, какое показаніе сдѣлалъ Зварыкинъ въ сундальной канцеляріи, Викторовъ отвѣчалъ, что Іосія узналъ объ

этомъ отъ ростовскаго архіерея Іоакима и отъ секретаря Топильскаго. Тайная канцелярія заподозрила образъ ихъ дѣйствій, но передала слѣдованіе о нихъ св. Синоду.

Въ синодскихъ дѣлахъ оказалось, что Іосія переведенъ въ берлюковскую пустынь съ вѣдома Іоакима. Онъ же посвятилъ въ Бараши, на мѣсто Пахомія, который постригся въ берлюковской пустыни, другаго, безъ слѣдствія о бѣжавшемъ священникѣ. Кроме того, по распросамъ Зварыкина, Самгина и Викторова оказалось, что Іоакимъ велъ ихъ дѣло медленно, заставлялъ Сильвестра перечеркивать и переправлять и переписывать поданныя имъ доношенія на Зварыкина. Феофану показалось, что Іоакимъ также принимаетъ въ мятежномъ дѣлѣ участіе: но какое и по какимъ побужденіямъ?—Синодъ поручилъ изслѣдовать это дѣло коломенскому епископу Веніамину ¹⁾).

Ростовскій архіерей показалъ, что Іосія пріѣзжалъ къ нему на подворье и въ разговорѣ сказалъ, что «есть-де у насъ монахъ, а ему сынъ духовный, и имѣеть въ себѣ волшебство. Я спросилъ

---

¹⁾ Съ какою строгостію велось это дѣло, можно видѣть изъ слѣдующаго указа Веніамину: «По полученіи ея императорскаго величества указа, въ тожъ самое время, не промедля ни мало, ѣхать вамъ изъ Коломны въ Москву. Въ тое самое время, какъ ваше преосвященство въ Москву пріѣдете, какъ сей, такъ и приобщенный при семъ къ синодальному члену, Іоакиму, архіепископу ростовскому послушный ея императорскаго величества указъ его преосвященству въ синодальномъ домѣ, въ кельѣ казначея Филагрія, наединѣ объяви, требовать, чтобы его преосвященство обо всемъ написалъ правдивый, по архіерейству, подъ лишеніемъ онаго, отвѣтъ: какъ и когда и при комъ, и какимъ образомъ и для чего и чрезъ кого, и за чьимъ согласіемъ подлинно все оное происходило — объясни въ немъ каждую строку и рѣчь отъ слова до слова, съ подписаніемъ притомъ имени своего, въ тожъ же самое время, безъ всякаго упущенія и отлагательства.—Допросить о томъ же синод. секретаря Протопопова и дикастерскаго члена Топильскаго, каждого порознь, подъ лишеніемъ за ложныя показанія живота.—Все вышеписанное отправлять тебѣ преосвященному епископу не взирая ни на какія пристрастія, вспоминая всегда показанную къ тебѣ ея и. в. милость. А когда въ отправленія сего дѣла покажешь себя исправнымъ, безъ всякаго подозрѣнія и ласкательства, то впредь уповай, ваше преосвященство, за то отъ ея и. в. къ себѣ показующія милости. Въ которомъ мѣсяцѣ и числѣ и въ которомъ часу, предъ полуднемъ или послѣ полудня, и гдѣ сей ея и. в. указъ получите, и съ того времени, какое ваше дѣйство начнется, о всемъ томъ имѣть вашему преосв. своеручный журналъ».

Обнадеженный начинающеюся милостію ея в. Веніаминъ былъ точенъ до истерпѣливости.

его: какое? И онъ разстрига сказалъ: временно бѣснуется и мучаетъ его крѣпко зѣло; мы и въ цѣпяхъ его держали и къ стѣнѣ, приковывали и заклиательныя молитвы читали надъ нимъ, и онъ-де разстрига Григорій говорилъ намъ: какъ хочу-де, меня ни что не удержитъ; мнѣ служить нѣкоторыя дѣвы, не можете видѣть; какъ-де имъ что велю, то и дѣлаютъ, и куда пошлю для чего — и они мнѣ сказываютъ. Да онъ же, разстрига Григорій, въ духовности сказывалъ, что сатанѣ приобщился и Христа письмомъ отвергся». Слыша это Іоакимъ велѣлъ Іосіа подать письменное объявленіе. Недѣли черезъ двѣ послѣ этого пришелъ къ нему берлюковскій монахъ и сталъ просить, чтобъ въ духовности прислушать за нимъ тяжкіе грѣхи, потому что онъ въ отчаяніи: это былъ Зварыкинъ. Іоакимъ принялъ его ласково, выслушалъ и велѣлъ принести письменное объявленіе о своихъ грѣхахъ, а больше съ нимъ ничего не говорилъ: «понеже я имѣлъ страхъ не малый, чтобъ пакости мнѣ никакой не сдѣлалъ». Послѣ того Іосіа опять пришелъ къ Іоакиму съ Смѣлестромъ (Викторовымъ),

---

«Полученъ мною въ Коломиѣ указъ декабря 5 числа, въ 5-мъ часу пополудни — доносилъ онъ св. Синоду «Тогожъ числа съ Коломии поѣхалъ въ Москву во 2-мъ часу пополудни. Тогожъ числа послалъ синодальный діаконъ Павла, дабы его преосвященство, Іоакимъ ростовскій и ярославскій, изволилъ пріѣхать въ синодальный домъ, въ келью отца казначея, іеромонаха Филагрія. По той посылкѣ его преосвященство пріѣхалъ въ синодальный домъ тогожъ 6 числа; въ келью казначейскія вышелъ въ 4-мъ часу въ началѣ пополудни; въ томъ же часу присланный ко мнѣ указъ его преосвященству объявилъ и съ того самаго времени его преосвященство отвѣтствіе началъ писать; а какъ ударило пополудни 8 часовъ, не окончивъ отвѣтствія, запечаталъ я своею печатью и оставилъ у казначея, а его преосвященство и я поѣхали на свои подворья». «7-го числа въ 6-мъ часу пополудни нами пріѣхали въ тѣже казначейскія кельи, и началъ его преосвященство тотъ отвѣтъ писать, и какъ заблаговѣстили къ обѣднѣ, неоконченный отвѣтъ взялъ я къ себѣ, и пошелъ въ соборъ къ обѣднѣ, и отслуживъ обѣдню пѣли съ прочими всякаго званія церковнослужителями благодарный молебень». «По отпѣтѣ молебна, въ 1-мъ часу пополудни, нами вошли въ тѣжъ кельи и началъ его преосвященство тотъ же отвѣтъ писать. А какъ заблаговѣстили къ вечерни, его преосвященство пересталъ писать и сказалъ, что утро предметитъ его преосвященству ниѣтъ служеніе въ соборѣ; такожде и въ понедѣльникъ отвѣту писать не соизволитъ, понеже намѣренъ быть въ служеніи. И я такой неоконченный отвѣтъ нами запечаталъ своею печатью и отдалъ казначею, іеромонаху Филагрію, а сами разѣхались ко своимъ подворьямъ: только весьма медленно изволилъ писать».

и когда Іоакимъ напомнилъ ему, чтобы подалъ доношеніе на монаха, замѣченнаго въ волшебствѣ, Іосія отвѣчалъ, что онъ и самъ теперь въ Москвѣ. Іоакимъ приказалъ арестовать его, а объявленіе сдалъ въ синодальную канцелярію. Гдѣ теперь Сильвестрово доношеніе и не издрано-ль, того онъ не знаетъ; только отъ него такого приказа не было, чтобъ его издрать. Секретарь Протопоповъ показалъ прямо, что Іоакимъ прежнія два доношенія разодралъ, и что Зварыкинъ потомъ жаловался, что его повели къ суду не по какому нибудь доносу, а по его собственному признанію на духу. «И то — прибавилъ Протопоповъ — что преосвященный то Зварыкино самовольное показаніе превратилъ въ доношеніе отъ другаго, показалось мнѣ непорядочно и яко бы составленное».

Разсмотрѣвши отвѣтъ Іоакима Феофанъ написалъ: «по мнѣнію моему надлежитъ отвѣтъ преосвященнаго ростовскаго, въ дѣлахъ и рѣчахъ здѣ показуемыхъ, сообщить изъ Синода въ Тайную канцелярію, для вторичнаго о томъ вопроса разстригѣ Викторову. 11 января 1735 года». 25-го февраля показаніе Іоакима отправлено въ Тайную канцелярію — и больше съ нимъ, кажется, не было судебныхъ переговоровъ ¹⁾.

XXVII.

Комедіи при дворѣ цесаревны Елизаветы Петровны. — Подозрѣнія Императрицы. — Допросы регента Петра.

Знала ли цесаревна Елизавета Петровна, что ея именемъ пугаютъ и держатъ въ страхѣ императрицу Анну и что оно играетъ такую печальную роль въ Тайной канцеляріи?

---

¹⁾ Въ 1735 году выдавалось содержащимся въ Тайной канцеляріи колодникамъ кормовыхъ: Маркелу Родышевскому, іеросхимонаху Іоанну, іеромонаху Ефрему, іеродіаконамъ: Боголѣпу и Феофилакту, Максиму и Ивану Щелягиннымъ и Александру Яковлеву по 3 копейки на день; разстригаемъ Самгину, Кучину, Викторову и Зварыкину по 4 копейки; Протопопову, Родіону Никитину, Носову, Ивану Яковлеву, Роману и Ивану Никитиннымъ, Барсову и Аврамову по 2 копейки на день.

Иное, можетъ быть, знала; но многого и не могла знать; да и о томъ, что слышала, принуждена была давать видъ, что не слышитъ и не знаетъ, и наполняла свои досуги — а у нея было ихъ много — *комедіями*.

Въ 1735 году, повидимому, она писала къ Теофану: «дѣлаю я комедію, въ которую надобны будутъ три человѣка, чтобы умѣли пѣть только; а нынѣ у меня пѣвчихъ хорошихъ нѣтъ, а надѣюсь, что у васъ изъ молодцовъ нарочитыхъ выбрать можно: того ради на то время прикажите изъ своихъ пѣвчихъ самыхъ хорошихъ голосовъ выбрать троицъ, и буде они съ вами, то оттуда (вѣроятно — съ приморской мызы) прислать ихъ сюда; а буде здѣсь, то пришлите съ симъ ѣздовымъ въ домъ свой указъ, чтобъ ихъ привезли ко двору немедленно, чтобъ они къ назначенному времени могли обучиться тому, что имъ пѣть будетъ надобно. А по окончаніи комедіи я ихъ, пожаловавъ, назадъ къ вамъ пришлю»¹⁾.

Одна комедія надѣлала однакожь ей непріятностей. Въ 1735 году 17 апрѣля генералъ Ушаковъ объявилъ въ Тайной канцеляріи, что ея и. в. указала: «дому ея высочества, благовѣрной государыни цесаревны Елизаветы Петровны, регента пѣвчаго Ивана Петрова взять въ Тайную канцелярію, и какія въ квартирѣ его есть письма и тетради и книги скорописныя и уставныя — для разсмотрѣнія всѣ забрать въ Тайную канцелярію».

Ушаковъ, на другой день, самъ пошелъ въ его квартиру. Петрова не оказалось дома. Жена его объявила о мужѣ, что онъ съ вечера поѣхалъ при ея высочествѣ на загородный ея высочества дворъ, который близъ смольнаго двора. Ушаковъ сдѣлалъ въ домѣ обыскъ и, запечатавъ всѣ найденныя бумаги, взялъ въ Тайную канцелярію, а для взятія Петрова послалъ сержанта семеновскаго полка Бѣльева

Петровъ еще спалъ, когда прибылъ къ нему сержантъ для арестованія его. По взятѣ и по приводѣ его въ Тайную канцелярію, сержантъ сдалъ его подпоручику Дубровину, который тотчасъ же обыскалъ его карманы и нашелъ въ нихъ два небольшія письма и тетрадку. *Первое* письмо, писанное полууставомъ, надписывалась: «о возведеніи на престолъ російскія державы»; *второе* — писан-

¹⁾ Госуд. арх. Бумаги Волконскаго, св. VI, карт. 13, шк. 9.

ное по малороссійскому, заключало въ себѣ «явленіе», въ которомъ упоминалось о принцессѣ Лаврѣ; въ *тетрадкѣ* писано «о пощеніи въ нѣкоторыя пятницы и о гаданіи философскомъ».

18 апрѣля Императрица приказала отослать ихъ къ новгородскому архіепископу, поручивъ ему рассмотреть и забраннѣя у Петрова книги. Феофанъ возвратилъ ихъ 3 мая съ мнѣніемъ, чтобы о первомъ письмѣ допросить: до котораго лица то написано и пѣніемъ дѣйствовано и когда и гдѣ? Второе — часть тѣ комедіи: гдѣ-жъ она была, кто сочинялъ, кто принцесса Лавра и вся исторія или фабула откуда вынята? Тетрадка показала не заслуживающею вниманія.

Императрица приказала составить въ Тайной канцеляріи просьбы по этому донесенію и объявить Петрову не тожко подѣ страхомъ жестокаго наказанія, но и подѣ смертною казнію, чтобы онъ по тѣмъ пунктамъ отвѣтствовалъ самою сущею правдою, не скрывая за собою и за другими ничего.

Въ первомъ письмѣ написано: «ни желаніе, ни исканіе, но Богъ владѣяй всѣми — Той возведе тя на престолъ россійскія державы. Тѣмъ сохраняется, Тѣмъ управляема, Тѣмъ и покрываема буди во вѣки». До котораго лица написано и пѣніемъ дѣйствовано ль и гдѣ и когда именно? Кто оное компоновалъ и когда и гдѣ и съ чьего позволенія? Петровъ показалъ, что это написано къ прославленію ея и величества, а кто оное компоновалъ, того онъ не знаетъ; только въ нынѣшнемъ 1735 году, спустя съ недѣлю послѣ тезоименитства ея величества, цесаревна говорила ему, что на тезоименитство е. в. во дворцѣ пѣвчіе пѣли концертъ весьма хорошій и рѣчи складныя. Петровъ обѣщалъ спросить тотъ концертъ у придворнаго регента іеромонаха Герасима, а потомъ, увидѣвшись съ нимъ, выпросилъ у него только рѣчи, потому что тотъ въ тотъ разъ у него не было, и объявилъ цесаревнѣ. Государыня цесаревна сказала, что оныя рѣчи сконпонованы хорошо. Герасимъ показалъ, что оныя рѣчи сконпонованы и съ нихъ тотъ концертъ написанъ былъ имъ Герасимомъ ко дню возшествія ея и. в. на престолъ, тогда и пѣтъ.

Второе письмо — «явленіе» выписано изъ комедіи, составленной въ Москвѣ въ 1730 или 1731 г. фрейлиною государыни цесаревны, что нынѣ за камеръ-юнкеромъ Петромъ Шуваловымъ,

Маврою Егоровною, дочерью Шепелевою; а по чьему приказу ту комедию она сочиняла и въ какой силѣ о принцессѣ Лаврѣ написано, того онъ не вѣдаетъ; токмо признаваетъ онъ, что о принцессѣ Лаврѣ упомянулось въ той комедіи въ образѣ богини. Означенная комедія имѣлась не малая, а именно въ той комедіи написанныя рѣчи говорены было отъ персонъ около тридцати; а означенное явленіе (Юпитеръ — богъ) было у него одного: какъ во время той комедіи придетъ ему говорить, то по тому явленію онъ и говаривалъ. Тѣ комедіи бывали въ домѣхъ у государыни цесаревны въ Москвѣ въ Покровскомъ и въ С.-Петербургѣ на Смольномъ дворѣ. Дѣйствіе исполняемо было при государынѣ цесаревнѣ имъ Петровымъ и другими пѣвчими, такожъ и придворными дѣвицами; для забавы государыни цесаревны; и постороннихъ, кромѣ придворныхъ, никого на тѣхъ комедіяхъ не бывало. А откуда оная комедіанская фабула вынята, того онъ не знаетъ».

9 мая Государыня приказала Петрова изъ Тайной канцеляріи освободить, объявивъ ему указъ подъ страхомъ смертной казни: о чемъ въ Тайной канцеляріи спрашивать и что въ распросѣ своемъ показалъ, чтобъ о томъ разговора ни съ кѣмъ не имѣлъ, никому не разглашалъ, такожъ и государынѣ цесаревнѣ объ ономъ ни о чемъ отнюдь не сказывалъ».

Въ 1742 года 2 марта, Елизавета, бывши уже императрицей, встрѣтивши въ одномъ докладѣ указаніе на это дѣло, полюбопытствовала взглянуть на него и приказала представить его себѣ. Конечно не веселыя воспоминанія пробудились въ ея душѣ.

XXVIII.

Взглядъ на предъидущее.

Вотъ мы уже при концѣ жизни Теофана, а между тѣмъ еще далеко до окончанія его процессовъ. Остановимся немножко и оглянемся на положеніе дѣлъ и лицъ. — Что за странная судьба выпала на долю Теофана повсюду возбуждать непріязнь противъ себя? Сдѣлавшись профессоромъ въ Кіевѣ онъ тотчасъ же под-

вергся неприятностямъ отъ своихъ товарищей, которые не давали ему покоя ни дома, ни въ обществѣ. Неприятности продолжались и послѣ того, какъ онъ сдѣлался ректоромъ академіи. Государь приглашаетъ его въ С.-Петербургъ къ посвященію въ епископа: только что огласилось намѣреніе Государя, какъ противъ Феофана поднялась чуть не вся Москва, съ патриаршимъ мѣстоблюстителемъ во главѣ, и заявила протестъ противъ посвященія его въ епископа. Первое печатное сочиненіе его — Букварь — встрѣчено было въ обществѣ очень враждебно. Ту же судьбу имѣли и всѣ другія его сочиненія. Друзья его дѣлались его врагами. Люди, которыхъ онъ ласкалъ и которымъ покровительствовалъ, при первомъ случаѣ становились въ ряды его недоброжелателей и выдавали его правительству своими доносами, или роняли его въ обществѣ, бросая тѣнь на каждый его поступокъ, черня каждый шагъ его жизни.

Что это за безпокойный характеръ, который всѣхъ отталкивалъ отъ себя, всѣмъ былъ неприятенъ, всѣхъ вооружалъ противъ себя. Нѣтъ сомнѣнія, что причиною раздраженія, которое Феофанъ всюду возбуждалъ противъ себя, была разность его принциповъ съ принципами или привычнымъ строемъ жизни большинства людей, съ которыми онъ сталкивался. Но самая эта разность въ принципахъ обуславливалась особымъ складомъ его ума и всѣмъ ходомъ его образованія, которые создали изъ него особый типъ и придали ему тотъ характеръ, съ которымъ онъ является въ исторіи.

Внѣшнимъ поводомъ для большинства недоброжелателей Феофановыхъ къ неудовольствію противъ него были тѣ нововведенія, въ которыхъ онъ былъ главною дѣйствующею причиною и которыя стали наперекоръ старому привычному теченію жизни.

Самымъ важнымъ изъ нихъ была замѣна патриаршества Синодомъ. Не Феофану принадлежитъ это нововведеніе, но онъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ осуществленіи идеи Государя — организовалъ Синодъ и составилъ для него уставъ. Съ канонической точки зрѣнія патриаршая и синодальная формы церковнаго правленія равно законны; но на сторонѣ народа и духовенства была вѣковая привычка къ единоличному управленію въ церкви. Казалось, что съ уничтоженіемъ патриаршества церковь теряла свое достоинство и лишалась представителя. Званіе патриарха да-

вало особый видъ всему іерархическому строю. Подъ главнымъ начальствомъ патріарха, составъ высшей іерархіи образованъ былъ изъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ: при равенствѣ епископскаго достоинства, каждое званіе имѣло свою особую іерархическую постановку, свой кругъ правъ и свои внѣшнія отличія. Теперь же эти отношенія измѣнялись. Составъ Синода образованъ былъ изъ лицъ всѣхъ степеней іерархіи. Былъ случай, что въ него введено было лицо, неимѣвшее никакой церковной степени (Феофилъ Кроликъ уже въ званіи синодальнаго члена посвященъ былъ въ іеродіакона и іеромонаха). Званіе митрополита оставлено только за тѣми, кто уже имѣлъ его. Общія коллегіальныя начала государственнаго правленія примѣнены были сполна и къ Синоду. Какъ коллегія онъ имѣлъ своего президента, вице-президентовъ, совѣтниковъ, ассесоровъ, оберъ-секретаря и проч. Все это было, по меньшей мѣрѣ, непривычно для глаза, привыкшаго къ прежнимъ формамъ управленія. Въ частности уничтоженіе патріаршескаго званія неприятно было для монашествующихъ, изъ среды которыхъ избирался патріархъ. Какъ патріаршеское званіе давало почетъ всему монашескому сословію, такъ уничтоженіе его лишало цѣлое сословіе этого почета; а для епископовъ казалось оскорбительнымъ, что въ составъ Синода назначены члены и низшихъ степеней іерархіи, до сихъ поръ служебно къ нимъ относившіеся. Далѣе неизвѣстно, было ли въ самомъ дѣлѣ намѣреніе посадить въ Синодъ и лютеранскихъ пасторовъ и сдѣлать его высшею административною инстанціею какъ для православной русской церкви, такъ и для находящихся въ Россіи неправославныхъ христіанскихъ исповѣданій (на что намекаетъ Арсеній Маціевичъ въ Возраженіи на Молотокъ); но то вѣрно, что при Петрѣ, въ первое время Синода, вѣдѣнію его подлежали лютеранскія церкви въ Россіи и ихъ пасторы.

Сочиненный Феофаномъ и, послѣ прочтенія въ совмѣстномъ собраніи высшаго духовенства и Сената, утвержденный Государемъ уставъ духовной коллегіи подъ названіемъ «Духовнаго Регламента», затрогивалъ самыя чувствительныя и большыя стороны въ жизни народа и духовенства. Свидѣтельствованіе мощей, житій святыхъ, чудесъ, акафистовъ, запрещеніе вновь строить церкви безъ разрѣшенія Синода, закрытіе часовенъ, запрещеніе хожде-

нѣй по домамъ съ иконами — все это должно было тяжело дѣйствовать на народное чувство и на духовенство. Архіереямъ не могло не показаться обиднымъ, что ихъ заставляли поурочно читать книгу правилъ.

Нововведенія эти сами по себѣ тяжелы были для народа и духовенства и раздражали ихъ противъ Теофана, котораго вмѣстѣ съ Θεодосіемъ, считали главнымъ виновникомъ этихъ нововведеній. Но Теофанъ увеличивалъ это раздраженіе тѣмъ, что относился къ прежнимъ формамъ церковной жизни съ несдерживаемою проніею, съ какимъ-то враждебнымъ чувствомъ, и выражалъ свое неудовольствіе ими при каждомъ случаѣ.

Значительная доля недовольныхъ принадлежала монашествующимъ, которые, сверхъ общихъ распоряженій, раздражены были указомъ 30 января 1724 года. Этимъ указомъ монастыри отдавались подъ богадѣльни и училища, обращались въ воспитательные дома для зазорныхъ младенцевъ и въ инвалидные дома для призрѣнія старыхъ и увѣчныхъ солдатъ.

Недовольные этими нововведеніями взвели на Теофана обвиненіе въ лютеранствѣ и старались повсюду выставить его лютераниномъ, а образъ его дѣйствій—сворачиваніемъ русской церкви въ лютеранство. Но самое строгое разсмотрѣніе его сочиненій не откроетъ въ нихъ ничего, противнаго православной церкви.

Разсматривая обвинительные пункты Маркелла Родышевскаго, съ обвиненіемъ Теофана въ неправославіи, и отвѣты на нихъ Теофана, легко видѣть, что въ образѣ мыслей Теофана нѣтъ ничего противнаго церкви, несогласнаго съ ея ученіемъ. Но онъ отдѣлялъ предметы и вопросы науки и исторической критики отъ строго опредѣленнаго ученія церкви, и не хотѣлъ освящать именемъ православія различныхъ обычаевъ частію индифферентныхъ, частію противныхъ церкви, какихъ было много въ до-петровской Руси. Вотъ нѣсколько примѣровъ въ подтвержденіе нашихъ словъ. Маркеллъ доноситъ на Теофана, что онъ не признаетъ подлинности апостольскихъ правилъ: «тѣ правила, которыя называются апостольскія — не ихъ». Теофанъ отвѣчаетъ: «правила апостольскія приѣмлю за апостольскія по ученію, но не по соглашенію, т. е. въ правилахъ оныхъ ученіе апостольское, но словесъ составъ или сочиненіе не отъ апостола сдѣлано: что вси вѣдаютъ,

которые не Маркелловым образом о дѣлѣ богословскомъ обучаются». — «Святыхъ отецъ книгу Діонисія ареопагита называють неправильно и говорилъ, что и многія-де книги изданы подъ именемъ Василія Великаго и Златоустаго и прочихъ ложныя». «Трудно — отвѣчаетъ Теофанъ — или паче невозможно слѣпому разсуждать о краскахъ и цвѣтахъ. О Діонисіевой книгѣ издревле у церковныхъ учителей бывало преніе. Преніе же есть не о ученіи, въ оной книгѣ написанномъ, но о творцѣ книги — ареопагитскій ли или иной Діонисій сочинилъ книгу оную. И одни се, а другіе то говорятъ безъ раздора вѣры и любви, понеже не подлежатъ до вѣры артикуловъ». — «Чудесамъ святыхъ, напечатаннымъ въ книгахъ, не вѣрять и говорить: мнѣ-де книга критика вѣрять не велитъ». «Говорю и не я одинъ — отвѣчаетъ Теофанъ — что лицемеры иногда притворяютъ св. иконамъ чудеса, о чемъ многія обличенія суть и недавно на судѣ синодальномъ явилось. И архіерен, поставляемые обѣщаніемъ клятвеннымъ, одоужаютъ себя смотрѣть, дабы иконамъ святымъ ложныхъ чудесъ не притворяли». — Обширная ученость давала ему опоры, которыхъ не имѣли его противники. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Теофанъ по богословской учености и исторической критикѣ стоялъ едва-ли не выше всѣхъ современныхъ ему русскихъ богослововъ.

Могутъ возразить, что Теофанъ высказывалъ свои настоящія убѣжденія при разныхъ случаяхъ въ разговорахъ съ разными лицами, которые и подали поводъ противникамъ обвинять его въ лютеранствѣ; но былъ столько уменъ, что умѣлъ замаскировать эти убѣжденія, когда, по доносу Маркелла, позвали его къ отвѣту. Конечно, могло быть и такъ, но могло быть и не такъ. Когда кого обвиняютъ въ недостаткѣ или неправильности убѣжденій на какой-нибудь счетъ, и когда обвинитель выдаетъ за вѣрное, что обвиняемое имъ лицо именно такъ думаетъ, какъ онъ доноситъ, а послѣднее говоритъ, что оно думаетъ совсѣмъ не такъ и, кромѣ открытаго выраженія своихъ убѣжденій, указываетъ въ подтвержденіе своихъ словъ на всѣмъ видимые и всѣмъ извѣстные факты: то кому изъ нихъ вѣрять? Безпристрастіе должно расположить скорѣе въ пользу обвиняемаго, нежели въ пользу доносчика и обвинителя. — Стоитъ прочесть заключеніе оправдательной записки Теофана, чтобы убѣдиться въ искренности его оправ-

даній и чистотѣ его убѣжденій. А если еще открывается, что побужденія у доносчика были не совсѣмъ чисты и что его доносы выходили не изъ ревности о вѣрѣ и благѣ церкви, а изъ угожденія врагамъ обвиняемаго лица: то по безпристрастному суду они лишаются всей своей силы.

Но то, что мы разсматривали до сихъ поръ, касается только свойства реформъ, возбудившихъ въ народѣ и духовенствѣ недовольствіе противъ Феофана и вызвавшихъ съ разныхъ сторонъ протесты противъ этихъ реформъ и противъ главнаго дѣателя въ нихъ — Феофана. Но есть еще другая сторона въ этомъ дѣлѣ, именно образъ дѣйствій Феофана въ отношеніи къ своимъ противникамъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Феофанъ выказалъ здѣсь много темныхъ сторонъ своего характера. Но чтобы судить объ этомъ безпристрастно, нужно имѣть въ виду тѣ обстоятельства, въ которыхъ Феофанъ находился во все время своей жизни, послѣ смерти Петра I. — Онъ одинъ выносилъ на своихъ плечахъ введенныя Петромъ въ русскую церковь преобразованія. Извѣстно, что имъ угрожала самая печальная судьба. Оберегая себя Феофанъ оберегалъ вмѣстѣ съ тѣмъ общее церковное дѣло. Къ чести его надо сказать, что при противныхъ обстоятельствахъ онъ не перемѣнилъ своихъ убѣжденій. — При Екатеринѣ, Петрѣ II и Аннѣ онъ весь тотъ же, что былъ и при Петрѣ I. — Конечно, нельзя нравственно оправдать его постоянныхъ аппелляцій къ Тайной канцеляріи: но ему оставалось выбирать одно изъ двухъ — или погибнуть гдѣ нибудь въ Охотскѣ, Соловкахъ, также какъ погибли тамъ Феодосій, Георгій Дашковъ и другіе, или — обороняться тѣмъ же оружіемъ, какимъ пользовались противъ него его противники. Конечно непохвальное дѣло запугивать Государыню бунтами и революціями, и держать въ страхѣ, слѣдовательно подъ своею властію, министровъ: но мало пріятнаго и помѣняемаго ролями и судьбою съ своими противниками. И нельзя не признать, что только владѣя такимъ обширнымъ, гибкимъ и изворотливымъ умомъ, каковъ умъ Феофана, онъ не только самъ уцѣлѣлъ и сохранилъ свое положеніе во время тѣхъ постоянныхъ смуть, какія волновали государство и церковь въ первой половинѣ прошлаго вѣка, когда погибли Меншиковы, Долгоруковы, Голицыны, Остерманы и многое мно-

жество другихъ лицъ, но и сберечь дѣло Петра отъ постоянно грозившаго ему уничтоженія.

Нѣтъ сомнѣнйя, что другое время дало бы иное направленіе тому великому дару, какой имѣлъ Теофанъ. При болѣе высококомъ или, по крайней мѣрѣ, болѣе спокойномъ состояннн общества, вмѣсто того, чтобы растрчивать время на процессы въ Тайной канцеляріи, онъ употребилъ бы его на пользу Церкви, болѣе сообразно съ образомъ христіанскаго пастыря. Но какъ сынъ своего вѣка онъ несетъ на себѣ и его болѣзнь. При чтеннн процессовъ Теофана съ разными лицами, съ неудержимой силой бьетъ въ глаза хаотическое состояннн тогдашняго общества, въ которомъ бродятъ разнородные, никѣмъ не направляемые, элементы, и которое открывало полный просторъ для игры не сдерживаемыхъ страстей, честолюбій, интригъ. На церковныхъ дѣлахъ вполне отразилось это неустроенное состояннн тогдашняго общества. И тамъ и здѣсь, подняться съ самыхъ низкихъ ступеней общества до самыхъ высшихъ и также скоро упасть съ высоты, какъ легко было подняться на нее — въ ту пору — дѣло самое обыкновенное, хотя въ тоже время самое не естественное, которое свидѣтельствуетъ о неустроенномъ состояннн общества. Теофанъ, лучше чѣмъ кто нибудь, понималъ духъ своего времени и пользовался имъ съ искусствомъ, въ которомъ ему не было равнаго. По этому и вѣрная историческая оцѣнка его дѣятельности можетъ быть сдѣлана только въ виду состояннн тогдашняго общества, и при томъ съ точки зрѣннн на него, какъ на государственнаго дѣятеля, хотя ближайшей сферою его были церковныя дѣла.

XXIX.

Церковно-административная и ученая дѣятельность Теофана.

Процессы Теофана съ разными лицами до сихъ поръ заслоняли для насъ его церковно-административную и ученую дѣятельность. Между тѣмъ было бы несправедливо думать, что вся жизнь его, послѣ смерти Петра Великаго, поглощена была Тайной канцеляріей.

1. Церковно-административная дѣятельность.

а) По св. Синоду.

Церковно-административная дѣятельность Оеофана сосредоточена была въ высшемъ русскомъ церковномъ управленіи — въ св. Синодѣ. Но выдѣлить изъ нея то, что принадлежитъ собственно Оеофану, довольно трудно; потому что всѣ распоряженія Синода закрѣплялись и утверждались всѣми присутствовавшими въ немъ членами. Мы укажемъ только на нѣкоторые факты изъ его дѣятельности по св. Синоду.

Въ 1725 году 25-го августа Оеофанъ словесно предлагалъ Синоду: «извѣстия онъ, что въ Малой Россіи подъ мѣстечкомъ Черницами, обрѣтается копница, то есть ключъ или колодезь; да въ серебрянскомъ монастырѣ береза, отъ которыхъ нѣкакіе будто были чудеса; также изъ Польши въ кіевопечерскій монастырь присланъ образъ, чудотворнымъ вмѣняемый;—чтобъ о томъ въ св. Синодѣ для лучшаго увѣдомленія взять подлинное на письмѣ извѣстіе». Св. Синодъ потребовалъ этого извѣстія изъ помянутыхъ мѣстъ.

Между письмами Оеофана есть много относящихся къ его церковно-административной дѣятельности:

1) Къ преосвященному Иродіону черниговскому, 14-го марта 1728 г., о разводномъ дѣлѣ Миклашевскаго: «Совѣтую преосвященству вашему не подавать на себя матерій клеветанія, дабы кто не помыслилъ, что мы не правимъ апостольскимъ, но образомъ Синоновымъ въ пастырскомъ дѣйствіи поступаемъ; понеже отлагаемое надолзѣ въ явственномъ дѣлѣ рѣшеніе не иное въ мысляхъ человѣческихъ возбуждаетъ мнѣніе. Что же, когда удержанное мною нынѣ прошеніе привлечется впередъ до Синода нуждею? Опасаться воистину подобаетъ, дабы помянутое подозрѣніе не вышло за рубежи епархіи вашей и повсюду бы не распространилось»¹⁾).

Къ нему же отъ 14 февраля 1730 г. «Въ минувшемъ 1728-мъ году просилъ я чрезъ письмо мое у преосвященства вашего его милости пану Миклашевскому съ его женою въ дѣлѣ разводномъ управы, и если явится жена виновата въ томъ, что на ея показываютъ, а мужъ простить того ей не похощеть, то учинить бы имъ

¹⁾ Труды кіевск. академіи 1865 г. Т. 2. стр. 544.

разводъ совершенный, то есть невинной сторонѣ мужевѣ позволить за себя понять другую. Явилася жъ вина жены, какъ и грамота ваша свидѣтельствуеть, а мужевѣ не дано позволеніе къ другому браку, какъ самъ сказуеть, да и въ вашей грамотѣ не положено. Для чегожъ бы такъ, не трудно мнѣ дознаться. Школярики, латиною губы примаравшіи, о такомъ будто церковномъ законѣ вамъ набаяли. Да то они пошептомъ слышали отъ ересей папезскихъ, а наша греческая церковь всегда за таковую вину, разрушивши первый бракъ, благословляла другой сторонѣ невинной, и латинь, какъ и въ прочіихъ, такъ и въ семъ артикулѣ, намъ противныхъ отвергла, о чемъ и изъ Флоренскаго соборища знать мощно. Да и отъ васъ здѣ показанніи Василія Великаго и проч. правила о совершенномъ разводѣ говорятъ; и нельзя иначе, понеже слово Господне въ Евангеліи ясно о томъ опредѣляетъ: а толки папезскихъ суемудрцевъ за упрямство безумны, и ихъ же хотя и сожеженной совѣсти противны суть. Да бѣда, что панове школярики, что ни услышатъ отъ папезскихъ поговорокъ, высоко ставятъ и мнятъ быти непогрѣшительное:—сумазброды и нуки, невѣдующіи не токмо священнаго писанія (которое и что есть не знаютъ), но и самаго того ремеслишка, которымъ хвалятся—какъ то и въ самой сей вашей грамотѣ челобитную нарекли аппелляціею, не вѣдая силы вокабулярной; ибо аппелляція есть отъ нижайшаго не право рѣшившаго суда позовъ до высшаго, о чемъ какъ древніе, такъ и нынѣшніе, законоучители согласно придаютъ, и въ таковой силѣ сонмы судебныя нарѣчія сего употребляютъ. Будто же латинщики ваши и латинской церкви догматы вѣдаютъ, какъ и слѣпорожденный различія красокъ: ничего не бывало. Горестно же мнѣ, что ваше преосвященство слушаешь таковыхъ мудрецовъ, помышляя—что сѣро, то и волкъ; а лучше бы послушать слова основательнаго¹⁾).

2) Къ преосвященному Льву воронежскому, отъ 14-го марта 1728 г., съ ходатайствомъ за бахмутскаго протопопа: «Имѣется епархія вашей протопопа бахмутскаго дѣло съ нѣкими его суперники, которое было и въ Синодѣ и отослано въ вашу епархію на разсужденіе настоящаго пастыря. Сказуютъ же, что протопопъ

¹⁾ Труды кievск. акад. 1865 г. Т. 1, стр. 309.

правъ, а противная его сторона виновата, но будто вопреки дается и виноватые въ покой пребываютъ, а протопопъ не токмо управы лишень, но еще и гнѣву подлежитъ и терпитъ гоненіе. Просятъ же у моего смиренія стужить преосвященству вашему ходатайствомъ и милостивой къ помянутому протопопу просить у васъ благосклонности. Благонадеженъ я, что преосвященство ваше и на честь свою, и на лицѣ обидимое, и на самое дѣло посматривая, изволишь сотворить то, что непорочно и достохвально покажется, въ чемъ и моего прошенія не отринешь» ¹⁾.

3) Къ кievскому архіепископу Варлааму Вонатовичу, отъ 13 апрѣля 1728 г., съ ходатайствомъ въ пользу батуринскаго сотника въ его тяжбномъ дѣлѣ съ чернецомъ Іоанномъ Богомолевскимъ ²⁾.

4) Къ преосвященному Иродіону черниговскому, отъ 20 іюня 1728 г., съ увѣщаніемъ не слишкомъ тягаться съ своими пасомыми изъ-за церковныхъ земель ³⁾.

5) Къ нему же, отъ 5 сентября, съ ходатайствомъ за стародубскаго протопопа Подгурскаго: «Хотя нѣчто и виновать есть отецъ Подгурскій (чего я и вѣдати не хочу), не надѣюся, дабы толикая была его вина, которая бъ весьма отрѣвала милостивое прощеніе. Имѣетъ яже, по милости Божіей, и дарованія, которыхъ какъ презирать немедленно, просто, такъ и въ прошеніи помилованія забывать не подобаетъ. Сверхъ прошенія моего извѣствую преосвященству вашему, что къ отцу Подгурскому великій благосклонности аффектъ имѣетъ, ясневельможный, да и съ нашей братіи судятъ его быть всякаго респекту достойна, и слыша, что немилостивымъ къ нему преосвященство ваше показался, сожалѣютъ и удивляются. Сіе же извѣствуя вторично, третично и многообразно прошу святыню вашу, дабы явился къ его честиности благоувѣтливъ, снисходителенъ и весьма милостивъ, дабы вамъ и у многоважныхъ лицъ не потерять доброй о васъ репутаціи, которой потеряніе не малую бъ вамъ со временемъ шкоду могло сдѣлать. Молю же всепокорственно святыню вашу: не

¹⁾ Труды кievск. акад. Т. 2, стр. 546.

²⁾ Тамъ же стр. 547.

³⁾ Труды кievск. акад. 1860 г. Т. 2, стр. 255—256.

такъ посматривай на наустителей, которые мало о чести и пользѣ того думаютъ, кого они наущаютъ, иногда же и подъ видомъ доброжелательства нарочно пакостятъ; но паче посмотри на высокихъ персонъ разсужденія, такожь и на прошенія и ходатайство и смиренія нашего, побереги и своего имени предъ честнымъ свѣтомъ, напаче въ дѣлѣ не Божія интереса, и гдѣ обращеніе милости вашей Богу пріятно будетъ¹⁾.

6) Къ преосвященному Епифанію бѣлгородскому; отъ 15-го марта 1729 г., съ просьбою простить и удостоить прежнимъ мѣстомъ святогорскаго архимандрита Митрофана²⁾.

7) Св. Синоду предложеніе, отъ 26-го марта 1729 г., о допросныхъ пунктахъ рязанскому архимандриту по дѣлу о пролитіи св. таинъ³⁾.

8) Къ преосвященному Аванасію вологодскому, отъ 16 декабря 1729 г., съ просьбою прекратить непріятныя отношенія къ баронамъ Строгоновымъ⁴⁾.

9) (Вѣроятно) къ преосвященному Иродіону черниговскому, съ упрекомъ за присылку гостинцевъ: «По долженству благодарствую преосвященству вашему за присланные гостинцы: только же и прилежно прошу, чтобы впредь святыня ваша не изволили себя убыточить и меня обременять тако необычными посылками. Я за долгъ званія моего, какъ и прочимъ всѣмъ, паче же братіи моей архіереямъ, такъ и вашему преосвященству всегда готовъ служить, и чести и интересу, не виѣ предѣлъ святыя правды. То если бы я за то требовалъ (сверхъ милостиваго государева жалованія) и отъ особенныхъ персонъ возмездія, продажныя были бы мои дѣйствія, которыя производятъ по званію долженствую, чтѣ въ мірскихъ дѣлахъ нарицается издомство, вредъ толь губительный государствамъ, а въ дѣлахъ нашихъ духовныхъ именуется симонія, зло тысящнократно отъ церкви святой проклятое, яко весьма богопротивное и духовному Христову тѣлу неисцѣльную язву творящее. Хотя жъ и знаю, что преосвященство ваше не тѣмъ намѣреніемъ, но отъ братской къ смиренію моему любви

¹⁾ Труды кievск. акад. 1865 г. Т. 2, стр. 556.

²⁾ Тамъ же, стр. 561.

³⁾ Тамъ же, стр. 561.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 562.

своихъ мене даровъ сподобляешь, однакоже совѣсти моей рождается непокойство и добрымъ людямъ соблазнъ, а злымъ и ненавистнымъ клеветъ матерія. Кромѣ же того, если бы и случилось дѣло, святынѣ вашей нужное, да правильное, я уже, яко за пріятіе даровъ подозрѣнный, къ помоществованію въ томъ буду недѣйствительный, и дѣйство мое станеть не важное¹⁾.

10) Къ нему же (вѣроятно): съ ходатайствомъ за архіерейскаго намѣстника, искавшаго примиренія съ своимъ пастыремъ²⁾.

11) Къ нему же (вѣроятно): «Присланное отъ преосвященства вашего о умѣренныхъ и гораздо отъ прежняго меньшихъ въ домъ вашъ отъ клира собираемыхъ пошлинахъ, какъ зѣло ясно разсѣянную на васъ клевету изобличило, такъ мене довольно обрадовало. *Сона неправда себе:* и буди благословенъ Богъ, оскорбляющій насъ попущеніемъ за грѣхи наша, и утѣшающій за нескътную къ намъ милость Свою. Еще и нѣчто другое снмъ временемъ привнеслося; но уже какъ легшему пороку подлежащее, такъ и не такъ жестокою приносящее горестъ. Въ недавнемъ времени приходили ко мнѣ три знатные господа, которые повѣствуя, будто NN, по чьему съ навѣту впалъ въ гнѣвъ преосвященства вашего, и лишенъ мѣста страждеть въ заточеніи, просили мене о прилежное къ преосвященству вашему письменное ходатайствовать, дабы милостивымъ вашимъ благопримѣнительствомъ возвращенъ былъ онъ и къ отеческому вашему и къ своему мѣсту и чину, И если не толикое онаго преступленіе, чтобъ весьма опасно было возставитъ его на прежнее, покорно прошу преосвященства вашего, аще что я согрѣшилъ, проститъ ему. Извѣстно отъ кого онъ и какъ неправильно на оное мѣсто возведенъ: но когда уже преосвященство ваше, низложивъ его, паки возведешъ, возведеніе неправильное уничтожено, а отъ васъ правильное учинено будетъ, и NN бывъ прежде чуждая, отсель станеть ваша креатура»³⁾.

Къ антиохійскому патриарху, 1735 г., отъ св. Синода съ извѣстіемъ о назначеніи ему отъ Государыни опредѣленной милостыни⁴⁾.

¹⁾ Труды кievск. акад. Т. 1, стр. 301.

²⁾ Тамъ же, стр. 302.

³⁾ Тамъ же, стр. 303.

⁴⁾ Труды кievск. акад. 1865 г., Т. 3, стр. 270.

б) По новгородской епархіи.

Въ 1725 г. Теофанъ выпросилъ, въ помощь себѣ, по управленію епархіальными дѣлами, викарнаго, по примѣру того, какъ былъ въ Новгородѣ викарный при Іовѣ митрополитѣ.

Въ концѣ 1727 г. Теофанъ просилъ, чтобы изъ ниловой пустыни Аарона Еропкина взять опять въ корельскіе епископы. Верховный Тайный Совѣтъ утвердилъ представленіе Теофана. Ааронъ помѣстился въ юрьевѣ монастырѣ и, къ неудовольствію Теофана, тотчасъ же началъ процессъ о возвращеніи юрьеву монастырю отъ архіерейскаго дома вотчинъ этого монастыря. «Дважды получилъ я—писалъ къ нему Теофанъ—отъ преосвященства вашего писанія: одно извѣствующее о вашемъ изъ С.-Петербурга въ Новгородъ возвращеніи, а другое недавно чрезъ отца Серафима намѣстника, въ которомъ, при изъявленіи вашей ко мнѣ любви и доброжелательства, предлагаешь, преосвященство ваше, свое намѣреніе просить, гдѣ надлежитъ, дабы отъятыя отъ монастыря юрьева нѣкія вотчины возвращены; и понеже сказуютъ, что тыяже вотчины были вѣдомы и въ домѣ архіерейскомъ, того ради прошу вашего преосвященства потерпѣть на время, покажѣтъ справкою о дѣлѣ томъ мене изъ разряда увѣдомятъ. Правдѣ мѣшать не буду, однакожъ долженствую ясно и чисто знать о дѣлѣ, дабы мнѣ предъ Богомъ и людьми не впити въ вину нерадѣнія; такожъ и не нарушенъ былъ бы между (нами) миръ братскій, который законоположникъ любви—Богъ—одолжаетъ хранить; взаимное братолюбіе—паче всякихъ прибыльныхъ интересовъ, чего отъ вашей святости надѣлся, пребываю». Москва, 1728 г. 5 марта ¹⁾.

«Извѣстно есть—писалъ къ немужъ Теофанъ 10-го іюня—что вотчины оныя, которыхъ возвращеніе требуется блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государя Императора имяннымъ указомъ, были приписаны къ дому архіерейскому, и не просто, но для содержанія и воспитанія подкидышовъ и другихъ сиротъ и нищихъ. Въ прошломъ же году нѣкіи монастыри, а въ нынѣшнемъ—и монастырь юрьевскій, въ лицѣ преосвященства вашего востребовали оныхъ вотчинъ, всякъ своихъ въ свое по прежнему владѣніе. Благоволи же разсудить преосвященство ваше, какимъ бы правед-

¹⁾ Труды кіевск. акад. 1865 г. Т. 2, стр. 543.

нымъ способомъ оныя вотчины къ прежнимъ мѣстамъ возвратити мощно.... А къ тому много пути лучшаго не вижу, только дабы одни оныя монастыри, отъ которыхъ отписаны были на гошпитали вотчины, а потомъ бы имъ возвращены, или и всѣ наша епархія обители обложить погодно данію по препорціи или размѣру до столькихъ, изъ чего мощно бы содержать гошпитали по прежнему. Однакожь сдѣлать бы то съ таковымъ оберегательствомъ, дабы съ крестьянства отнюдь никакихъ вновь не требовать сборовъ, ибо то было бы милостивому государеву дубликату противное. Сіе если статься можетъ, то и прошеніе монастырей о вотчинахъ произыдетъ правильное безъ утайки важныхъ обстоятельствъ въ лицѣ чистомъ и неподозрѣнномъ, и блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государя Императора уставленіе пребудеть нерушимо, когда дома сиротскіе въ непремѣнномъ содержаніи останутся. И если сей мой способъ преосвященству вашему покажется пристойный и полезный (а много усмотрѣть отнюдь не могу), то благоволите сообщить о семъ и отцамъ архимандритамъ писаніемъ, о согласіи вашемъ извѣстити мнѣ, — и какимъ дѣйствіемъ произвести въ дѣло и не надобно ли всѣхъ архимандритовъ и игуменовъ на совѣтъ созвать, и о томъ отъ насъ послать указъ, — мнѣніе свое предложить не укоснете»¹⁾.

Отъ 30 авг. 1728 г.: «Писаніе преосвященства вашего къ моему смиренію, которымъ на мое къ святынѣ вашей писмо объ олонецкихъ юрьева монастыря вотчинахъ изволите, аки бы, отвѣтствовать, только меня удивило, что долго не могъ я и придумать, какъ бы то умомъ объять, да и доселѣ въ великомъ недоумѣніи пребываю. Изволите предлагать жалостно, что совѣта о дѣлѣ томъ съ прочими монастырями сдѣлать не можно скоро, понеже нѣкіи архимандриты въ отлучкѣ. Сіе же-то весьма мнѣ дивно: ибо какова крайняя того нужда, которая васъ не допускаетъ на время подождать? Конечно, пришло юрьеву монастырю оскуденіе и толикое, что безъ скоропостижнаго вотчинъ возвращенія всей братіи нестерпимый и смертоносный гладъ настощь. А какъ же чрезъ пятнадцать лѣтъ безъ оныхъ вотчинъ монастырь юрьевъ питался? Въ прошломъ 726 году мы, на прошеніе преосвященства вашего, мона-

¹⁾ Тамъ же, стр. 548—550.

стырь, къ монастырю юрьевскому до насъ еще приписанный, отрѣшивъ учинили свободнымъ; а то творя не надѣялися мы монастырю юрьеву тщеты и обиящанія, какъ то и не было. Отъ чего же нынѣ имѣлъ бы оный монастырь алчепъ быть и жаждень, если скоро не получить вотчинъ, имяшнымъ указомъ государевымъ къ богоугодному дѣлу обращенныхъ? Не недивно и то, что преосвященство ваше прежде требовалъ приписанный монастырь отъ монастыря юрьева отрѣштить, что мы и сдѣлали, и отъ того какой ни есть монастырю юрьеву учинился ущербъ: а нынѣ изволите тшаться, какимъ ни есть способомъ юрьевъ монастырь снабдѣвать. Я же недостойный пастырю что: врагъ ли я монастырю юрьеву? Но совѣсть мнѣ моя свидѣтельствуеть, что какъ ко всѣмъ прочимъ, такъ и ко оной святой обители содержу отческое призрѣніе, желая благословенія Божія во всяцѣхъ, имъ требуемыхъ, во первыхъ же въ пуждахъ спасительныхъ. Не вижу убо никакой оному монастырю толкой тяжести, которой бы и на малое время не могъ поднять безъ помощи олонецкихъ вотчинъ. Развѣ могъ бы показать кто на лицо преосвященства вашего, которому не токмо потребно, но и должно есть честное содержаніе? Но и сіе слышалъ бы я не безъ удивленія, понеже преосвященство ваше въ томъ же монастырѣ пребывалъ не одинъ годъ и, не владѣя именуемыми здѣ вотчинами, не терпѣлъ крайней скудости и нигдѣ о томъ не предлагалъ. Не могу же не удивляться, какъ то люди коварные и злобные могутъ святыни вашей сердце подвигнуть къ отверженію любви нашего смиренія — любви же, глаголю, каковая отъ десяти лѣтъ не могла быть преосвященству вашему неизвѣстна, а нынѣ уже знатно и яственно засвидѣтельствовала о себѣ. Если въ сердцѣ святыни вашей не таилося нѣкое къ моему недостоинству противодушіе, яко вамъ аки бы иностранному (каковымъ многіе легкомысленные и малосовѣстные челоѣцы болѣзнують, не вѣдая силы онаго слова апостольскаго: *о Христе Иисусъ мѣсть Иудей, ни Елмиз*): то такому, да такъ внезапно, преложенію довольно чудиться не могу, наипаче же если то правда, что въ допросахъ своихъ показалъ Исифитъ черничка, будто преосвященство ваше писалъ къ нему, дабы и несмотря на соизволеніе наше подавать о вотчинахъ доношеніе. Сіе знатнаго небратолюбія знакъ

есть, если не лжетъ мерзкій плутецъ. Прочее прошу преосвященство ваше лучшее обо мнѣ возымѣть мнѣніе и таковое, каковаго всенародно вѣдомая любовь моя къ вамъ заслужила, а не каковое влагаютъ вамъ гордые, безумные и безсовѣстные молвоководы, весьма въ томъ отцу ихъ діаволу подобные ¹⁾). Въ 1730 году Ааронъ, за болѣзнію и старостію, просился и былъ отпущенъ на обѣщаніе въ нилову пустынь ²⁾). Въ 1734 г. Оеофанъ взялъ къ себѣ викарнымъ грузинскаго архіепископа Іосифа, который и помогалъ ему въ управленіи епархіей до самой его смерти.

Бъ 1727 г., бывшій въ низовомъ походѣ оберъ-іеромонахъ *Давидъ Скалуба*, который оттуда опредѣленъ былъ на калмыцкую линію, просился куда нибудь въ послушаніе. Оеофанъ взялъ его къ себѣ, объявивши, что въ епархіи его есть не одно мѣсто, настоятеля требующее (20-го февраля), и вслѣдъ за тѣмъ опредѣлилъ его архимандритомъ въ монастырь Антонія Римлянина. Но Давиду въ тягость была настоятельская должность. Года черезъ два онъ сталъ просить Оеофана объ увольненіи его въ послушаніе въ какой нибудь изъ малороссійскихъ монастырей ³⁾). Оеофанъ отправилъ его въ Черниговъ съ рекомендательнымъ письмомъ къ тамошнему епископу Иродіону Жураховскому. «Честнѣйшій отецъ архимандритъ, чрезъ котораго сіе мое къ преосвященству вашему письмецо посылаю, желая себѣ затишнѣйшаго по трудахъ пристанища, заблагоразсудилъ искать того, и надежду возымѣлъ обрѣсти у вашей святости. О чемъ я извѣстився, сопослѣдствую ему къ вамъ симъ монимъ о немъ свидѣтельствомъ. Есть родомъ отъ честнѣйшихъ обывателей кievскихъ, и потому, яко земокъ, одоужаетъ насъ къ своему любле-

¹⁾ Тамъ же, стр. 551.

²⁾ Дѣла арх. св. Синода 1730 г. № 100.—Ааронъ скончался въ 1740 г., призывши въ скимѣ имя Алісія. (Дѣла арх. св. С. 1740 г. № 146).

³⁾ «Сего іюля 28 (1728 г.) оный архимандритъ Давидъ письменно мнѣ предложилъ—писалъ Оеофанъ въ доношеніи Синоду 24 іюля—что нишѣ самъ себѣ отъ разсудилъ къ такому (настоятельскому) послушанію быти не угодна, и по природѣ своей признаваетъ себя удобнѣйша жить въ монастырѣ подъ началомъ, нежели къ монастырскому строенію. И требоватъ оной архимандритъ, дабы уволить его въ отечество его въ Малую Россію». (Дѣла арх. св. Синода, 1728 г. № 246.)

нію. Но еще и вѣдшее того имѣть достоинство, понеже мужъ есть довольнымъ ученіемъ и постояннымъ житіемъ и не малымъ въ святой церкви и во отечествѣ прислугамъ достохвальный. Въ государевой академіи московской многіе въ разныхъ ученіяхъ труды чрезъ многолѣтнее время изнурилъ; потомъ въ нижнихъ походахъ, проповѣдію слова Божія и верховнымъ походоваго священства правительствомъ, не токмо безпорочное, но и многопольное званіе свое показали: которые—и другіе иные—пречестные его таланты понудили мене просить его преподобіе въ новгородскій монастырь Антонія Римлянина во архимандрита. И хотя прошенію моему не отречь—изволилъ принять чинъ тотъ и пребылъ въ немъ съ два года, однакожъ много видя природѣ и нравамъ своимъ несогласій, яко тихомірный и миролюбный отпросился отъ непокойной чести, изволяя въ тишинѣ служить Богу, нежели начальствовать въ смущеніи духа, и намѣреніе воспріялъ требовать въ томъ прирѣшнія къ себѣ у вашего преосвященства. Провождаю же честность его сими моими писаніемъ и смиренно прошу святыни вашей, да благоволишь милостиво принять его и мѣстнымъ честнымъ почтить, яко всякой чести мужа достойнаго, и таковаго, который вѣдшее мѣсту отъ себе сотворитъ, нежели себѣ отъ мѣста получить украшеніе¹⁾.

Въ 1727 г. 3 сентября, Феоданъ писалъ къ канцлеру Головкину съ просьбою отмѣнить распоряженіе о взятіи находящагоса въ С.-Петербургѣ новгородскаго подворья для казенныхъ надобностей. «Вчера въ вечеру услышалъ я, будто отъ вашихъ сіятельствъ Верховнаго Тайнаго Совѣта приказано, дабы мы новгородское наше подворье очистили для содержанія тамо вѣкоей коллегіи. И если бы такъ было, то дивно; ибо оное подворье, чрезъ многіе годы аки разоренное, недавно перестроенное и чисто сдѣланное не малымъ дому архіерейскаго издивеніемъ, имѣло бѣ отнято быть отъ дому невѣдомо для чего. Да на томъ же подворьи больше года имѣеть себѣ постой преосвященный Христофоръ, митрополитъ грузинскій, и тамъ же квартиру дали мы призванному изъ петербургской академіи профессору для рисованія церемоніи его импе-

¹⁾ Въ Трудахъ кіевской академіи, 1865 г., Т. I, стр. 297—330 это письмо не вѣрно отнесено къ лицу Маркелла Родышевскаго, вѣсто Давида Скалубы.

раторскаго величества, гдѣ уже сполгода пребываетъ: и въ томъ мнѣ казалось, что есть какая нибудь прислуга наша къ чести государственной. Вчерашняго же дня, по требованію вашего сіятельства, отвели мы тамъ же квартиру архидіакону могилевскому; да на томъ же подворьѣ имѣють квартированія приѣзжающіе повгородскіе архимандриты и нынѣ одинъ живетъ, а недавно два жили; еще же и ризничій съ ризницею и стряпчій съ семьєю своею тамъ же, хотя не безъ трудности, вмѣщаются; къ тому же и мой приѣздъ для случающихся ставленниковъ и другихъ церковныхъ служеній бываетъ. Знатно же, что кто простосердечіе ваше къ занятію подворья нашего склонялъ, вся тамо обрѣтающіяся нужды лестно утаилъ и показать оной домъ, аки бы пустой и праздною. Можетъ быть то глянуто на мой на Чистомъ Прудѣ домъ: да справиться же и освидѣтельствовать, какъ мы тамъ пространно живемъ, гдѣ кромѣ меня и церковные многи служители, и дворяне, и конюхи, и контора, и колодники, и домовые разнаго званія и разныхъ нуждъ слуги. Сія предлагая, всепокорно прошу давняго моего благодѣтеля, сіятельства вашего, призрѣть на меня, паче же на домъ Премудрости Божіей, и отъ таковаго угнетенія, согласно съ прочею братією вашею, высокими мнѣнствами, охранить насъ. И надѣюся несомнѣнно, что совѣсть ваша, узнавъ вышепомянутыя нужды, на то, что Богу и правдѣ Его не противно, приговоритъ¹⁾.

2. Ученые труды.

О многихъ сочиненіяхъ Феофана, написанныхъ при Петрѣ I-мъ и послѣ смерти Петра I-го, мы имѣли случай упоминать въ разныхъ мѣстахъ нашего изслѣдованія. А потому здѣсь перечислимъ только тѣ его сочиненія, о которыхъ намъ не пришлось упомянуть въ другихъ мѣстахъ.

Догматическія сочиненія. Поэтыя о Царствіи Божіи. — Катицизисъ или краткое ученіе христіанское молодому отроку, въ разговорной формѣ. — Краткое ученіе отрокамъ о прачастіи Тѣла и Крови Господней. — Разговоръ селянина и уряданина съ дьяч-

¹⁾ Труды Кіевск. акад. 1865 г. Т. 2, стр. 555.

комъ.—*Разговоръ Тектона съ купцомъ*.—Всѣ эти сочиненія остаются доселѣ въ рукописи.—Въ Шереровой біографіи Теофана есть указаніе, что по его желанію переведена на русскій языкъ (Симономъ Тодорскимъ), книга Іоанна Арндта: *Объ истинномъ христіанствѣ*; переводъ напечатанъ въ Галлѣ въ 1735 г.¹⁾—*Наставленіе священнику на докладъ его словесный о необычайномъ грѣхопадении его духовнаго сына*. Ркп.—*Разсужденіе о Безбожьи*. М. 1774 г. Въ этомъ сочиненіи Теофанъ разсматриваетъ: I, философскія системы, ведущія къ атеизму: скептической атеизмъ, догматическій, особенно аристотелевъ; стоическій, эпикуровъ и стратониковъ и, наконецъ, атеизмъ «новопроявившагося въ Голландіи безбожника Бенедикта Спинозы»; II догматы атеистскіе; III причины и способства къ атеизму; IV свойства; V плоды атеизма и VI обличеніе атеизма.

Апологетическія сочиненія. Въ *Miscellanea Sacra Th. Proscorovitch* (Breslavia 1745 г.) напечатаны сочиненія Теофана: *Апология* или защищеніе вѣры, въ видѣ письма къ лютеранскимъ богословамъ, писавшимъ къ печерскому монаху Михалу Шію, на его къ нимъ письмо о вѣрѣ восточной церкви.—*Апология* въ защиту св. кіевскихъ мощей отъ нареканій на нихъ въ книгѣ Гернія: *Kiowia subterganea* (Königsb. 1675). Апология эта переведена на русскій языкъ и напечатана въ Москвѣ (1786 и 1799). *Orationes asceticae*, или монашескія проповѣди: русскій переводъ ихъ напечатанъ въ Христіанскомъ Читеніи 1826 года.

Экзегетическія сочиненія. Біографъ Теофана у Шерера говоритъ, что Теофанъ весьма озабоченъ былъ исправленіемъ Славянской Библии, и съ этой цѣлью началъ даже учиться у жившихъ въ его домѣ обращенныхъ евреевъ еврейскому языку; но за разными недосугами и болѣзнями не могъ окончить этого дѣла, передавши его архіепископамъ тверскому, вологодскому, нижегородскому, невскому архимандриту Стефану Калиновскому и прочимъ ученымъ мужамъ²⁾. Къ этому свидѣнію можно присовокупить, на основаніи оффиціальнаго источника, что въ маѣ 1735

¹⁾ Библиогр. зап. Т. III, 1861 г., стр. 36.

²⁾ Фонъ-Гавенъ также пишетъ (Reise in Russland, s. 19): «одно время очень надѣялись, что при помощи Теофана будетъ издана вся Библия на русскомъ и славянскомъ языкахъ и съ примѣчаніями».

г. начато было уже печатаніе Библіи на васильевскомъ островѣ, на подворьѣ Теофана, гдѣ временно помѣщена была для этой дѣли типографія. Въ 1736 г. 10 августа, Теофанъ представилъ Синоду свои предположенія объ успѣшномъ окончаніи начатаго дѣла, въ которыхъ, между прочимъ, предлагалъ всѣ сдѣланныя прежними исправителями поправки вновь перевѣрить съ греческою Библіею, не весьма вѣруя исправительскимъ примѣчаніямъ. («Могли они задремать и памятію погрѣшить»). Но меньше, чѣмъ черезъ мѣсяць послѣ этого, Теофанъ скончался и дѣло, хотя не остановилось, но лишилось главнаго руководителя¹⁾.—М. Евгений упоминаетъ о составленныхъ Теофаномъ толкованіяхъ на пророка Исаію и на псаломъ 140²⁾.

Историческія.—*Исследование о флорентинскомъ соборѣ* (Examen concilii Florentini). Объ этомъ сочиненіи упоминаетъ Дамаскивъ Рудневъ въ перечнѣ писателей, приложенномъ къ трактату: de processione Spiritus Sancti, но замѣчаетъ: «num illud hodie existet manuscriptum, an proorsus perierit, nihil certi dicere possum. Ego enim opusculum hoc nunquam vidi».

По свидѣтельствамъ автора Шереровой біографіи Теофана и Страленберга Теофанъ написалъ *церковную исторію* (или только часть ея), въ которой описалъ ученіе и священные обряды, бывшіе въ православной восточной церкви до Константина Великаго, и показалъ происхожденіе различныхъ суевѣрныхъ обычаевъ и обрядовъ³⁾.

Въ 1725 году Теофанъ написалъ *Поэту о смерти Петра Великаго*. Спб. 1726 г. Самъ же авторъ перевелъ ее на латинскій языкъ, давши ей заглавіе: *Lacrymae Rossomanae*, подъ которымъ она и напечатана была, вмѣстѣ съ его надгробнымъ словомъ на смерть Петра, въ Ревелѣ и въ Гамбургѣ 1726 года.

¹⁾ *Исправленіе текста Слав. Библіи передъ изданіемъ 1755 г.* статья И. Чистовича въ *Прое. Обзор.* 1860 г., ч. I, стр. 486.

²⁾ Словарь рос. пис. дух. чина, въ статьѣ: Теофанъ Прокоповичъ.

³⁾ «In historia ecclesiastica, quam composuit, non vero edidit, doctrinam et ceremonias sacras in orthodoxa primitiva ecclesia graeca ante tempora Constantini Magni usitatas recenset». (Vita Theophanis въ Scherer's Nordische Nebenstunden. Справ: Das Nord und ōstliche Theil von Europa und Asia, von Stralenberg. Stockh. 1750. s. 277.)

Въ 1730 году—*О вступленіи на престолъ Императрицы Анны*. Спб. 1737 г.—*Благодарственное моленіе по случаю возшествія ея на престолъ и коронаціи*. Спб. 1734 г.

Феофанъ занимался и русскими древностями. Татищевъ говоритъ о немъ, что онъ въ испытаніи древности показалъ великое тщаніе ¹⁾. Онъ же упоминаетъ о сочиненіи Феофана *Объ Амазонкахъ*, поднесенномъ отъ сочинителя въ 1724 г. Государю ²⁾. Но кромѣ этого указація нѣтъ никакихъ другихъ извѣстій объ этомъ сочиненіи. Татищевъ же пишетъ, что ему извѣстно, что въ Новгородѣ у діакона архіерейскаго есть древній лѣтописецъ, изъ котораго онъ видѣлъ у архіерея Прокоповича выписку о численіи древнихъ вѣсовъ, денегъ и мѣръ, также грамоту Ярославлю о вольности Новгородцамъ, но котораго онъ нигдѣ въ манускриптахъ не нашолъ ³⁾.

Противъ раскола—О присягѣ или клятвѣ. Спб. 1734 г.—*Показаніе великаго антихриста*—сочиненіе 1735 и 1736 г., оставшееся неоконченнымъ. Въ опроверженіе раскольничьихъ толковъ о явленіи антихриста то въ лицѣ Петра, то въ лицѣ Бирона, авторъ въ 1-й части хотѣлъ разсмотрѣть отличительныя черты антихриста по указаніямъ св. писанія; а во 2-й части приложить эти черты къ папѣ. Но написано только 6 главъ и начата 7 первой части ⁴⁾.

3. Переписка съ Малардомъ.

Лѣтомъ 1733 года прибылъ въ С.-Петербургъ англійскій

¹⁾ Росс. ист. ч. 1, стр. 41. Москва, 1768 г.

²⁾ «Нашъ архіепископъ Прокоповичъ о Амазонкахъ, что были славяне, со многими отъ древнихъ доводы книжицу сочинилъ и е. и. в. Петру Великому въ 1724 году поднесъ. О томъ, что они были славяне, онъ пространно доказывалъ, что нигдѣ не весьма памятно и книжицы оной ни въ кабинетъ, ни въ библиотекъ его величества не отыскано, токмо вѣдаю, что черная въ его письмахъ осталась». (Росс. ист. ч. 1, стр. 496, 498.)

³⁾ Росс. ист. ч. 1, стр. 41. Въ обзорѣ сочиненій Феофана у М. Евгенія и Филарета, у Пекарскаго (Наука, ч. 2, стр. 576) и въ перечнѣ сочиненій Феофана—въ Собраніи его словъ и рѣчей, ему приписывается *Поестъ о Журналъ Мессіаи*, напечатанная при Мавроурбиновой исторіи славянъ, переведенной на русской языкъ Саввою Рагузинскимъ (М. 1722 г.). Но эта повѣсть составлена не Феофаномъ, а Феофилактомъ Лопатинскимъ.

⁴⁾ М. Евгенія — Слов. дух. пис. и Филарета — Обзоръ, Ч. 11, стр. 117. Харк. 1868 г.

пасторъ Михаилъ Францискъ Малярдъ и изъявлягъ желаніе присоединиться къ православной церкви. Желая испытать его убѣжденія на счетъ религіозныхъ предметовъ, Ѳеофанъ написалъ къ нему въ сентябрѣ 1733 года письмо, въ которомъ просилъ его изложить свои понятія о спорныхъ пунктахъ у православной церкви съ римлянами и протестантами, какъ то о происхожденіи Св. Духа, о первенствѣ римскаго епископа, о предопредѣленіи, о призваніи святыхъ, о почитаніи иконъ, о чинѣ епископскомъ и о нуждѣ его наслѣдія, о чистилищѣ, о тайнѣ Евхаристіи. «Сія суть—писалъ Ѳеофанъ—о нихъ же васъ спрашиваемъ; не такъ, что болше сихъ не имѣется—надѣмся, но понеже что оныя отъ прочихъ нужнѣйшія, особливо къ отомщенію болше пристойныя быть видятся намъ. Которыя-же на каждое изъ сихъ преданій нашей греческой церкви имѣются доказательства, противниковъ же тоя выключенія и ихъ отриновенія,—чимъ такожде съ какой либо противной стороны наиболше насъ здѣсь уличаютъ, и отъ насъ яко уличенія опровергнутися законно должныствуютъ,—ежели вы, мужъ ученѣйшій, ясно и рѣшительно тое намъ, въ чемъ уповаемъ, показать не отягчитесь (вкратцѣ токмо, въ которыхъ болше силы имѣется, собравъ)—дѣло воистинну, какъ превысокому вашему, которое открываете, намѣренію, такъ и нашему пристойное учините ожиданію: откуды не только ваше къ намъ пришествіе особливо правдивое и благочестивое и ни единому подозрѣнію не причастное докажете, но неотмѣнно и насъ самихъ, къ которымъ приходите, какъ самимъ приходомъ утверждаете, равно крѣпкими православнаго ученія оборонами подкрѣпить имѣете».

Малярдъ отвѣчалъ на это письмо пространнымъ разсужденіемъ, въ которомъ старался выказать какъ свое образованіе богословское, такъ и свою ревность къ православной церкви. «То, что отъ меня ваше преосвященство въ письмѣ вашемъ, недавно ко мнѣ присланномъ, требуете, нахожу столь правдивымъ и истиннымъ, что съ охотою моею на всѣ члены въ вѣрѣ содержащіяся, помощію Божіею, отвѣщать буду. Однакожь прежде начинанія моего, не за непристойное уповаю вашему преосвященству обо всемъ ясно предъявить, что, когда я просвѣщенъ бывши божественною благодатію разсудилъ, что церковь англійская епископская, которой былъ я пасторомъ, есть новая церковь, какъ и про-

чія протестанскія церкви, и римскую никакъ не выключая, хотя старшую предъ тѣми, но младшую греческой церкви (что одно къ доказательству ихъ неправды довѣсть): тогда представилъ себѣ воспріять православную вѣру, и прочее время жизни моея въ ней скончать, чтобы и Богу угодить и спасеніе мое достигнуть возмогъ. Но прежде нежели совѣта востребовалъ, заранѣе самъ разсудилъ, которыя то суть погрѣшенія какъ протестантской, такъ и римской церкви».

Изложивши свои повѣтія о разностяхъ православной церкви съ протестантскою и римскою церковью, онъ пишетъ: «хотя я не великое число заблужденій нынѣ предложилъ, но очень довольно о тѣхъ разсудилъ, что надобно отъ толккія ереси спастись. Послѣ того, какъ г. Вареоломей Кассано о вашей церкви меня увѣдомилъ, что оная весьма того не содержитъ, что я въ протестантской и римской испровергалъ, на которое ему отвѣтствовалъ: убо греческая единая есть правдивая церковь; — который меня вторично увѣрилъ, что та есть первенствующая и мать римской церкви, которая противъ ея взбунтовала: понеже оная греческая церковь ничего не прибавила, или бы ученіе, которое отъ Христа Спасителя и Апостоловъ приняла, нѣчто уменьшила; римская же Христову церковь премѣнила и нарушила; а протестантская въ своей реформациі заблудила, какъ ясно ему доказалъ — которыя его слова по премногу мнѣ угодныя стали. Уже бо давно сердце мое чуяло и нудило меня къ сему, что церковь греческая правдивая есть Христова церковь. Бога убо молилъ повседневно, толикое видѣвши несогласіе и раздѣленіе между церквами христіанскими, да явитъ мнѣ волю свою, которую бы могъ на земли исполнить. Да кратко скажу: Данилово пророчество пишетъ, что «царствіе Христово во вѣкъ пребываетъ». Святыи же Лука повѣствуетъ: «царствію Христову конца не будетъ». Между прочимъ на разумъ меня наставили, чтобъ я изъ тѣхъ двухъ церквей, а именно протестантской и римской, некоторую не призналъ за правдивую Христову церковь, понеже оная пятнадцатая вѣку началась, сія же въ шестомъ, сильной ради власти, отъ Фоки императора папѣ порученной, настала. Наконецъ ежелибъ та и другая правдивыя были церкви, то не было ни одной истинной Христовой церкви на земли прежде сложенія римской церкви, ниже

прежде сочиненія протестантской. А вышереченное святое писаніе о будущемъ Христовомъ небесномъ царствѣ ни по какому образу не разумѣется, понеже въ такомъ смыслѣ и царствіе праведныхъ вѣчное имѣеть быть; но здѣсь навпаче о будущемъ Христовомъ царствіи въ церкви, которая не восприметъ пресѣченія, донелѣже свѣтъ стоитъ. Подобнымъ образомъ и во ономъ мѣстѣ святаго апостола Петра, на немъ же подтверждаетъ, дабы святое писаніе тайно не переводили: то есть переводъ и сила писанія до уединеннаго человѣка не надлежитъ, но токмо до церкви. Откуда ясно усмотрѣлъ заблужденія лютерская и кальвинская; понеже Лютеръ и Кальвинъ уединенные были люди, которые святое писаніе по мнѣнію и разсужденію своему и въ пользу своей реформациі переводили — потому переводъ ихъ ложный быть вмѣнилъ; вѣщѣ же какъ самая церковь имъ въ томъ прекословитъ; но и потому церкви ихъ суть ложныя, что оныя уединенныхъ человѣковъ перевода послѣдовали. Также и папа: поелику наединѣ зѣло противнымъ образомъ греческой церкви святое писаніе переводилъ, которая была первенствующая и православная. Римская же церковь — подражательми тоя называлися, иже оную въ переводѣ и приговорахъ, къ вѣрѣ касающихся, послѣдовали; отъ уединеннаго убо человѣка переводъ приняли, ему же всяко не надлежало святое писаніе переводить, хотя и по существу и собственному его смыслу толковать, но развѣ церкви святой о переводѣ того предлагать, чего папа учинить никогда не хотѣлъ. Отсюда слѣдуетъ: какъ протестантская, кальвинская и лютеранская, такъ и римская, не сущія суть церкви, но внѣ церкви, которая есть токмо греческая... Особливо могъ бы я, преславнѣйшій архіепископъ, въ сихъ матеріяхъ довольнѣйшимъ быть, но краткости ради въ письмахъ оное не служить (не удобно); кромѣ того что никакихъ богословскихъ книгъ и иныхъ историческихъ, къ вѣрѣ принадлежащихъ, съ собою не привезъ, ниже такожде всѣ тѣ мѣста выбрать, которыя бы могъ изъ святаго писанія, изъ вселенскихъ соборовъ и святыхъ отцевъ и церковной исторіи, и изъ прочихъ книгъ выписать, чтобъ лучше предложенная могъ доказать; понеже изъ оныхъ книгъ ни единыя съ собою не взялъ, хотя въ Лондонѣ бібліотеку мою весьма довольную оставилъ, да не вмѣнилъ бы кто мнѣ, что еретическія книги въ сіе государство съ собою привезъ

къ прельщенію христіанъ православныхъ, или дабы оными иногда послѣ въ такой конецъ имѣлъ употребить. Особливо же доношу: для того наипаче оныхъ съ собою не взялъ, чтобъ обхождение мое не было откуды подозрительно и объ немъ самомъ не мыслилъ злое; или по смерти моей, ежелибъ по приѣздѣ моемъ въ городъ сей отъ жизни моей представился, въ руки бы нѣкоторыхъ христіанъ могли попасть, которые ими могли бы на зло потребить... Сямъ образомъ надѣялся купно съ вѣрующими въ небѣ съ Богомъ и Спасителемъ нашимъ, съ преблагословенною Дѣвою и со всѣми блаженными духами въ будущемъ царствовать. Хотя подь вечеръ въ виноградъ Господень пришелъ, то есть въ Его святую церковь въ послѣдніе годы и при концѣ живота моего пришелъ: но понеже отъ святаго Евангелія научаемся, чрезъ притчу о господи нѣ, который въ виноградъ свой нѣкихъ дѣлателей хотя и подь вечеръ призвалъ, обаче равную съ тѣми воспріяли мзду, которые въ виноградъ его отъ утра призваны были; понеже Богъ и хотѣніе доброе, какъ самое дѣло приемотръ¹⁾.

Въ слѣдующемъ 1734 году 13-го февраля преосвященный Теофанъ словесно объявилъ въ Синодѣ, что ея и. величество безъ доклада его преосвященства изволила объявить ему преосвященному, чтобъ того пастора, по желанію его, принять въ законъ православнаго исповѣданія. Въмѣстѣ съ тѣмъ Теофанъ предложилъ Синоду копію съ письма къ нему русскаго посланника въ Лондонъ, князя Антиоха Кантемира, въ которомъ онъ сообщалъ свѣденія, собранныя о Малярдѣ. Кантемиръ извѣщалъ, что «Малярдъ есть одинъ изъ французовъ, которые изъ отечества за утѣсненіе своей религій убѣжали, которыхъ обыкновенно называютъ *François réfugiés*. По приѣздѣ его въ Лондонъ онъ назначенъ былъ къ одной тамошней парохіи министромъ, получая пропитаніе изъ суммы, назначенной отъ королевы Анны на дачу чужестраннымъ убогимъ протестантамъ. Распорядители оной суммы учинили ему, какъ многимъ другимъ, обиду въ раздѣленіи подлежащихъ имъ денегъ. Сей Малярдъ писалъ противъ нихъ и въ печать издалъ книжицу, за которую, такъ какъ непріятель сильнѣе его, по-

¹⁾ Латинскій текстъ этого письма въ Theophanis Procopovitch: *Miscellanea Sacra, variis temporibus edita*. Breslavia, 1745 an. Русскій переводъ въ рун. Румянц. муз. № 467, л. 69.

терялъ мѣсто и пропитаніе, для чего принужденъ былъ здѣсь доставать себѣ хлѣбъ, уча французскому языку. А что онъ не претендентовою партіи, то явно изъ изданныхъ отъ него книгъ, которыя дедикованы нынѣшней королевской фамилии. А какой секты былъ въ здѣшней религіи, того вѣдать не можно. Долговъ же никакихъ здѣсь не оставилъ и пороку на него никто не сказываетъ. Чтоже касается епископовъ, которые трактовали о соединеніи вѣры, они безсумнительно суть претендентовою партіи, изъ такихъ, которыхъ здѣсь поп iurege называютъ, то есть которые нынѣшнему королю въ вѣрности не присягаютъ, претендента за истиннаго короля почитая. Сіе по приказу вашего преосвященства описать, смѣлость приемию съ моей стороны донести, что вышеупомянутый Малярдъ, если подлинно желаетъ быть пріобщенъ къ нашей церкви, то оное здѣсь ни мало въ противность принято не будетъ, какой бы партіи онъ ни былъ, понеже доброе согласіе между императорскимъ и королевскимъ величествомъ и маловажность человека никакого подозрѣнія оставить не могутъ. А если онъ какіе о соединеніи церкви представленія чинить, то оныя за химерическія почитать должно, потому что здѣсь меньше всего о религіи думаютъ.

Ректоръ московской академіи архимандритъ Стефанъ Калининскій и кадетскій іеромонахъ Лука Конашевичъ, которымъ Синодъ поручилъ удостовѣриться въ искренности его желанія, донесли, что по усмотрѣнію и испытанію ихъ Малярдъ желаетъ присоединиться не ради какого прибытка, но ради одного спасенія своей души. Вслѣдствіе чего Малярдъ и былъ присоединенъ къ православной церкви по чину ея, 9 іюня 1734 года. Воспріемниками его при таинствѣ миропомазанія были генераль-адъютантъ Ушаковъ и жена коменданта Мошкова ¹⁾.

4. Рассмотрѣніе разныхъ сочиненій передъ изданіемъ ихъ въ свѣтъ.

Въ «Историческихъ бумагахъ XVIII вѣка» ²⁾ между прочимъ напечатано письмо Феофана къ Бирону (5-го іюня 1735 года),

¹⁾ Дѣла архива св. Синода 1734 года № 319.—Преосв. Филаретъ въ «Обзорѣ русской духовной литературы» догадочно приписываетъ Феофану отаѣты на 46 вопросовъ о вѣрѣ, предложенныя Менаандромъ Гумбертовымъ въ 1726 году.

²⁾ Русская Бесѣда 1860 года, кн. 2, отд. II, стр. 196.

въ которомъ говорится, что онъ безъ русскаго, знающаго французскій языкъ, не въ состояніи просмотрѣть и дать отзывъ о русскомъ переводѣ «Граціана, придворнаго человѣка». Биронъ отвѣчалъ: «Ваше преосвященство чрезъ письмо свое изволите отъ меня требовать французскаго и русскаго языка знающаго въ помощь вашему преосвященству для освидѣтельствованія оной книги, которая отъ меня прислана. Но понеже я тѣмъ ваше преосвященство не утруждаю, ибо тогда взявъ смѣлость, послалъ ее токмо для того, чтобъ ваше преосвященство въ свободное время изволили ее просмотрѣть, какое оно достоинство въ себѣ имѣеть, и по здѣшней ситуаціи можно ли ее напечатать для употребленія и выдать въ народъ, и будетъ ли въ ней польза. Ежели же ваше преосвященство изволите усмотрѣть, что хотя и не все содержитъ въ себѣ хорошее, а отчасти нѣчто годится и ничего противнаго не имѣеть, то за тѣмъ при достальномъ, въ чемъ усмотрится сумнѣніе или недостатокъ концепту, покорно прошу трудъ свой показать и положить ремарки. А чтобъ свидѣтельствовать ее съ французскимъ языкомъ, въ томъ я нужды не нахожу. При чемъ все оное отдаю вашего преосвященства во благое разсужденіе и имѣю надежду, что сіе мое требованіе за противно принять не изволите. Остаюсь всегда вашего преосвященства всепокорный и доброжелательный слуга».

Переводчикъ «Граціана, придворнаго человѣка» Сергій Волчковъ оставилъ извѣстіе, что и другой его переводъ съ французскаго, подъ заглавіемъ «Миръ душевный», также былъ одобренъ Теофаномъ и поднесенъ императрицѣ Аннѣ¹⁾. — Едва-ли не всѣ вообще произведенія на русскомъ языкѣ, предназначавшіяся къ печати во времена императрицы Анны Иоанновны, посылались на предварительный просмотръ новгородскаго архіепископа. Извѣстно, что по приказанію двора, въ Академіи наукъ должны были сочиняться фейерверки и иллюминаціи съ подробными описаніями ихъ. Одно такое описаніе, именно на фейерверкъ 28 января (день рожденія Императрицы) 1736 года, было возвращено въ Академію съ приписками рукою Теофана. Тамъ, противъ мѣста, гдѣ описывалось, что въ Римѣ, въ день рожденія Августа, возносились об-

¹⁾ Десятое присужденіе наградъ гр. Урарова, стр. 28. Спб. 1868.

щія моленія къ богамъ, Прокоповичъ написалъ на погѣ: «И хотя оное римское молебствіе было весьма суетное, яко отъ злочестія къ несущимъ богомъ простираемое, которое мы, евангельскою истинною просвѣщенны, ругательнѣ отвергаемъ, однакоже подаетъ намъ примѣръ должнаго подданныхъ къ Государямъ своимъ доброжелательства и благодарствія. (Nec interponere necesse est, ne homines malevoli causam hinc arripeant criminandi, quasi nos ethnicam politheiam probemus: quod sceleratissimis facere solenne est)». Потомъ, при словахъ, что въ Римѣ, въ день рожденія Августа, говорили, что «твердымъ ясенемъ плодоносная виноградная вѣтвь содержится», Θεοφάνη замѣтилъ: «necessarium videtur citare hic ad marginem auctores, apud quos talia acta et dicta leguntur». Далѣе, въ выраженіи: высочайшая милость... *позволяетъ* намъ наше паки оживленное радостное чувство рѣчию представить, Прокоповичъ поправилъ: *возбуждаетъ* насъ.

5. Стихотворенія переложенія псалмовъ и стихи на разные случаи.

Стихотворенія Θεοφάνη свидѣтельствуютъ о многосторонности и богатствѣ его дарованія, хотя далеко не могутъ равняться съ другими его произведеніями. Онъ писалъ стихи по латынѣ и потомъ нѣкоторые самъ же перевелъ на русскій языкъ стихами силлабическаго размѣра. Конечно они составляли не столько трудъ, сколько забаву и развлеченіе въ трудахъ, и имѣютъ интересъ болѣе біографическій, нежели эстетическій.

Біографъ Θεοφάνη у Шерера говоритъ, что онъ составилъ нѣсколько священныхъ гимновъ и пѣсней, что эти духовныя пѣсни положены были на музыку и пѣвались питомцами его школы для собственнаго увеселенія и удовольствія посѣтителей Θεοφάνη ¹⁾. Нѣкоторые изъ этихъ гимновъ сохранились до настоящаго времени.

- 1) О суетный человекъ, раба неключимый
 Какъ то ты далеко бродишь мечтаньями твоими?
 А незаню день послѣдній
 Разрушить твой животъ бѣднѣи...

¹⁾ Sacros hymnos et cantiones morales, a se compositas, pro suo, hospitum et alumnorum honesto et proficuo oblectamento, consentibus musicis figuratis, ad morem hodiernum ornari et aliquoties decantari jussit.

- 2) Кто крѣпокъ на Бога уповая
Тотъ недвижимъ смотритъ на вся злая....
- 3) *Проложеніе 90 псалма: Живей съ помощи Вышняго.*
Всякъ себя въ помощь Вышняго предавай
Живеть подъ кровомъ Божьей державы...
- 4) *Речь Господня къ рабу малодушному:*
Не бойся ни мало, когда Я съ тобой
Не смотри на страхъ, когда ты со Мною.
О сердце трепетное перестань дрожать
При сей благодати.
- 5) *Проложеніе псалма 36: Не ревнуй лукавствующимъ.*
Кто любить Бога, но ревнуй лукавнѣи,
Ниже завиди грѣшникамъ неправнѣи....
- 6) *Проложеніе псалма 72: Коль блази Богъ Израилевъ.*
Аще изъ земли престануть рѣки истекати
И начнутъ моря брегъ свой великій преступати
И надши небо землю покрметъ всю зѣбадами
Воздухъ въ огнь прешедитъ возсвирѣбитъ молніями:
То ниже тогда благодсть Вышняго многомоца
Предасть праведна въ рудѣ грѣшнаго безпомощна....¹⁾

Кромѣ духовныхъ стихотвореній Теофанъ писалъ много стиховъ въ разнообразныхъ формахъ — одъ, сатиръ, эпиграммъ и проч.²⁾

Мы уже привели нѣсколько стихотвореній Теофана въ разныхъ мѣстахъ его биографіи, и потому здѣсь укажемъ только на тѣ, о которыхъ упомянуть не было особаго повода по связи лицъ и ходу событій.

¹⁾ Это и предъидущее стихотвореніи въ рукописи новгородской бібліотеки поставлены на ряду съ сочиненіями Теофана; но въ сборникахъ Сатиръ и прочихъ сочиненій Кавтемира они помѣщаются на ряду съ стихотвореніями этого автора. Можетъ быть они составлены были Кавтемиромъ для школы Теофановой и пѣвались его питомцами. — Стихотвореніи: «О суетный человекъ» — «Кто крѣпокъ на Бога уповая» — «Всякъ себя въ помощь Вышняго предавай» и «Коль дождуся весела ведра» помѣщены въ *Письмовникъ Курганова* на ряду съ прочими духовными пѣснями и, судя по указанію на двукратное повтореніе нѣкоторыхъ стиховъ, вѣроятно взяты съ голоса или, по крайней мѣрѣ, собирателю былъ извѣстенъ ихъ напѣвъ. (*Письмовникъ Курганова*, изд. 1796 г., ч. 2, стр. 54—59).

²⁾ Composuit quoque varia poematum genera — odas plures ad imitationem Horatii..., in deam Febrin, cum qua tunc temporis laboravit hypochondria, ... Sa-

1) *О Станиславѣ Лещинскомъ, дважды отъ короны польской отверженномъ.*

Извѣстна превратная судьба польскаго короля Станислава Лещинскаго, два раза восходившаго на престолъ и два раза лишавшагося престола. Феофанъ описалъ эту превратность его судьбы въ стихотвореніи, которое примѣнилъ къ имени его, сближивши ихъ съ однимъ событіемъ изъ Римской Исторіи. Когда римляне, на войнѣ съ сабинянами, бѣжали съ поля сраженія, то царь ихъ Ромулъ молился Зевсу, чтобы остановилъ ихъ, и когда богъ, внявъ молитвѣ, исполнилъ ее, то Ромулъ почтилъ Юпитера прозваніемъ остановителя — *Jupiter Stator*. Стихотвореніе Феофана написано въ 1734 году.

Что слава Станислава богомъ своимъ славить
Станиславъ бо въ имени будто славу ставить.
Сама она не въ одномъ показала дѣлѣ
Въ какой—то Станислава ставить силѣ.
Не такъ, какъ въ бѣгствѣ Римскій полкъ остановился,
Когда о томъ Ювишу король ихъ молился.
Она не прочь избѣгнуть, но будто съ тобою
Жить хотѣла влекома разною мандю,
И дважды не отъ дому, но въ домъ твой бѣжала
И внутрь внитъ торопась не дошла и стала.

2) *Запорожецъ кающійся:*

Что мнѣ дѣлать, я не знаю
А безвѣстно погибаю;
Забрелъ въ лѣсѣмъ не проходимъ
Въ страны гладны и безводны.
Атаманы и гетманы,
Поналъ я въ ваши обманы.
Пропадать вы за пороги
Лишь бы не сбиться съ дороги
Не власть бы мнѣ въ сильны руки
Не принять бы страшной муки.
Иду же я на путь прежній
Подъ кровъ мнѣ зѣло надежный.
Прогнѣвилъ я Самодержца
Съ малоразсуднаго сердца.

---

*tyras contra corruptos saeculi mores, contemptores bonarum artium, contra insul-
sos poetas aliosque frigidos scriptores.* (Vita Theophanis въ N. Nebenstanden).

Да мой же въ томъ разумъ твердый
 Что Богъ и Царь милосердый.
 .Государь гнѣвъ свой оставитъ
 И Богъ мене не оставитъ

3) *О трудѣ въ сочиненіи лексиконѣ* (Переводъ Скалингеровой эпиграммы):

Если въ мучительскія осужденъ кто руки
 Ждетъ бѣдная голова печали и муки,
 Не вели томить его дѣломъ кузницъ трудныхъ
 Ни посылать въ тяжкія работы мѣсть рудныхъ:
 Пусть лексиконъ дѣлаеть — то одно довлѣетъ,
 Всѣхъ мукъ роды сей единъ трудъ въ себя имѣетъ.

4) *Къ лихорадкѣ въ лихорадкѣ:*

О лихорадко, тебе за богиню
 Говѣнно чтлн древніе народы,
 Знать то вѣдая твою благостыню.
 Но мнѣ бѣдны суть твои приходы,
 Всего терзаешь образомъ различнымъ.
 Со хладъ наводишь, се жаръ зловиновный
 И грызеніемъ эхиднѣ приличнымъ
 Лютѣ пронзаешь составъ мой членовный.

5) *Марціалъ кн. IV. Эпиграмма 21:*

Говорить, что Бога нѣтъ, Целій богомерзкій
 И небо пустымъ мѣстомъ зоветъ злодѣй дерзкій
 А гнѣвъ утверждается въ догматѣ нечистомъ
 Что хорошо разжился, какъ сталъ аеенстомъ.

6) *Къ портрету Петра Великаго.*

In effigiem Petri Magni.

Haec facies Petri est, toto qui inclaruit orbe
 Inclutus, ut nostras fortiter auxit opes.
 Pulchra quidem, sed cui par majestate decoris
 Inque alio potuit pulchrior esse viro.
 Ast animi faciem, reges qua excelluit omnes,
 Nulla manus potuit pingere, nulla potest.
 Res pace et bello spectator congere gestas
 Haec animi quaedam sunt sumulacra sui.

7) *Къ портрету Императрицы Екатерины.*

In effigiem Catharinae Augustae Imperatricis.

Cernis ut innato radiet Catharina decore,
 Quam dominam et matrem Russia jure vocat.
 Eximias animi dotes si cernere possis

Possis foemineo corpore nosse virum.
 Nec satis hoc dictum est, laudes supereminet omnes,
 Quascunque in somnis cudere musa potest.
 Sola huic par laus est, Magnus quod censuit ipsar.
 Dignam se et dignam Petrus honore suo.

Expetitur conjunx Petro Catharina Secunda,
 Nomen idem regum, quod fuit ante, manet.
 Ne timeas varios, o felix Russia, casus,
 Maxima constantis pignora sortis habes.

- 8) *Безъ заласія:*
 Cernis, ut in tristi spectator papa theatro etc.
- 9) *Безъ заласія:*
 Numen in auguriis (A. N.) sic disquiritur etc.
- 10) *Ad lectorem incumbentem libro Kwiatkewits.*
 Non tibi vana fluent lustranti haec otia lector etc. ¹⁾

Въ Miscellanen Sacra, изданныхъ архимандритомъ Давидомъ Нащинскимъ въ Бреславлѣ въ 1745 г., помѣщены между прочимъ: а) латинская *Ода Императору Петру II-му*, на путешествіе его въ Москву для коронаціи. б) *Описаніе мѣстоположенія Кіева*, латинскими стихами. в) *Элегія къ ученику*, съ увѣщаніемъ о соблюденіи непорочности жизни. г) *Монашеская элегія* отъ лица сына къ отцу, отклонявшему его отъ монашеской жизни ²⁾.

¹⁾ Мы не приводимъ стихотвореній №№ 8, 9 и 10 въ полномъ ихъ составѣ, потому что не имѣемъ подъ руками точныхъ ихъ списковъ.

²⁾ Г. Максимовичъ приписываетъ Феофану малороссійскіе стихи противъ ляхолюбія и ляхолубцевъ, напечатанныя въ кіевскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ 1866 г. № 18, подъ заглавіемъ: «школьные стихотворные опыты въ кіевской академіи 1719—1720 г.» (Выписки изъ нихъ въ Вѣстн. Европы 1866 г., кн. 2. Литер. хрон. стр. 60 — 61). Ни за, ни противъ этого сказать ничего нельзя, неимѣя никакихъ данныхъ; но для разъясненія вопроса замѣтимъ, что Феофана съ 1716 года не было въ Кіевѣ и что въ 1719 — 1720 г. онъ занятъ былъ, по порученію Государя, весьма спѣшными и важными дѣлами, касавшимися церковной реформы.

XXX.

Феофанъ-проповѣдникъ. — Характеръ его проповѣди.

Какъ проповѣдникъ Феофанъ имѣеть огромную заслугу. Онъ преобразовалъ русскую церковную проповѣдь, выведши ее изъ схоластической отвлеченности и сблизивши съ жизнію, съ нуждами народа, съ потребностями времени и обстоятельствъ. Онъ произвелъ эту реформу научно и практически: научно—посредствомъ наставленій и правилъ; практически — своимъ примѣромъ и вліаніемъ на современныхъ проповѣдниковъ.

Схоластическая проповѣдь есть ученая диссертация на избранную тему. Всѣ ея положенія и доказательства раскрываются по внутренней связи и логическому соотношенію мыслей, безъ вниманія къ той средѣ, для которой назначается проповѣдь, ко времени, мѣсту, лицамъ и обстоятельствамъ, въ которыхъ и среди которыхъ она произносится. Такая проповѣдь могла быть сказана и выслушана съ равнымъ интересомъ во время Кирилла Туровскаго, Іоанна Грознаго, въ петровское и во всякое время. Она можетъ быть прекрасною въ смыслѣ художественнаго построенія, но безплодна для жизни. Она не затронетъ сердца и ничего не прибавитъ къ нравственному улучшенію народа.

Понимая значеніе церковной проповѣди для народа, Феофанъ старался вывести ее изъ школьной замкнутости и обратить къ жизни, къ народу. Къ этому направлены его «Наставленія проповѣднику» — во введеніи къ богословской системѣ — въ статьѣ Регламента «о проповѣдникахъ слова Божія» и — въ отдѣльномъ сочиненіи: «Вещи и дѣла, о которыхъ духовный учитель народу христіанскому проповѣдовать долженъ»¹⁾.

«Проповѣдали бы проповѣдники твердо, съ доводовъ священнаго писанія, о покаяніи, о исправленіи житія, о почитаніи властей, паче же самой высочайшей власти царской, о должностяхъ всякаго чина. Истребляли бы суевѣріе, вкореняли бы въ сердца людскія страхъ Божій. Словомъ рещи: испытывали бы отъ св. писа-

¹⁾ Сочиненія Феофана. Ч. IV. Москва, 1774 г. и особо—Москва, 1784 г.

нія, что есть воля Божія, святая, угодная и совершенная, и то говорими бѣ».

Регламентъ вмѣняетъ проповѣднику въ обязанность имѣть у себя и прилежно читать книги св. Златоустаго, лучшаго истолкователя св. писанія и самаго практическаго изъ отцовъ греческой церкви и предостерегаетъ отъ польскихъ проповѣдниковъ, называя ихъ «легкомысленными козноденшками».

Измѣняя направленіе проповѣди, Теофанъ въ тоже время старался измѣнить манеру сказыванья проповѣдей, освободить ее — или лучше проповѣдника — отъ неумѣренныхъ жестовъ, кривляній и вообще всякой аффектаціи. «Безумно творять проповѣдницы, которые брови свои поднимаютъ и движеніемъ ramenъ являютъ гордое, и въ словѣ нѣчто такое проговариваютъ, отъ чего можно познать, что они сами себѣ удивляются. Не надобно проповѣднику шататься вельми, будто въ суднѣ весломъ гребеть. Не надобно руками вспяскивать, въ боки упираться, смѣяться, да не надобѣ и рыдать; но хотя бы и возмущился духъ, надобѣ елико мощно унимать слезы. Вся бо сія лишняя и неблагообразна суть и слышателей возмущаютъ».

Наставленія о внѣшнихъ качествахъ проповѣдника безъ сомнѣнія основаны были на личныхъ наблюденіяхъ Теофана надъ современными ему проповѣдниками. Даже лучшіе проповѣдники петровскаго времени страдали этими недостатками въ сочиненіи и сказываніи проповѣдей. Стефану Яворскому нельзя отказать ни въ силѣ воображенія, ни въ глубинѣ чувства, ни въ легкости и нѣкоторой граціи языка: ¹⁾ но всѣ его проповѣди суть школьныя сочиненія на избранную тему, не имѣющія никакого отношенія къ жизни; а въ сказываньи проповѣдей онъ позволялъ себѣ движенія, именно осуждаемыя въ Регламентѣ ²⁾.

Вводя проповѣдь въ связь съ жизнію, Теофанъ вмѣстѣ съ тѣмъ

¹⁾ Авторъ Молотка на Камень вѣры говоритъ о Стефанѣ: «что до витѣйства касается, правда, что имѣлъ удивительный даръ и едва подобныя ему въ учителяхъ россійскихъ обрѣтится могли»; но тутъ же прибавляетъ, что «онъ могъ въ ученіи слушателей привлечь и плакать или смѣяться, къ чему движеніе его тѣла и рукъ, помиганіе очей и лица премѣненіе весьма помоществовало. Онъ когда хотѣлъ, то часто отъ ярости забывалъ свой санъ и мѣсто, гдѣ стоялъ».

²⁾ «Незаданныя проповѣди Стефана Яворскаго». И. Чистовича. Спб. 1867 г.

сдѣлалъ ее современною. Онъ старался ввести въ народное сознание дѣла Петровы, объяснить народу пользу и необходимость принимаемыхъ имъ преобразовательныхъ мѣръ и значеніе и цѣну его побѣдъ, и пробудить въ немъ сочувствіе къ великимъ дѣламъ Государя.

Петръ, съ первой встрѣчи съ Теофаномъ, съ первой его проповѣди, оцѣнилъ его талантъ и угадалъ, чѣмъ онъ можетъ быть для него и для народа, какъ проповѣдникъ. И ни одно изъ событий петровскаго царствованія, ни одна изъ одержанныхъ имъ побѣдъ, ни одна изъ важныхъ реформъ его правленія, не прошли безъ того, чтобы Теофанъ не отозвался на нихъ словомъ съ церковной кафедры. Конечно эти слова похожи иногда на панегирики: но не забудемъ, что они произносились и составлялись подъ свѣжимъ вліяніемъ совершавшихся событій, въ виду лицъ, которыя принимали въ нихъ непосредственное участіе, и въ виду съ одной стороны всѣхъ трудностей, съ которыми соединено было каждое такое событіе, а съ другой—всѣхъ напряженнѣйшихъ усилій, употребленныхъ для его совершенія. По крайнѣй мѣрѣ одушевленія, которое проникало всѣ его проповѣди петровскаго времени, нельзя относить къ лести придворнаго проповѣдника: въ этомъ нельзя упрекнуть Теофана. Онъ только переводилъ на языкъ словъ то, что говорили самыя дѣла, понятныя небольшому кругу передовыхъ людей эпохи и непонятныя для большинства, частію предубѣжденнаго противъ Петра, частію неразвитаго и тупо относившагося ко всему, что выходило за предѣлы ихъ узкаго пониманія, замкнутаго въ кругу привычной обрядности.

Можно сказать, что Теофанъ стоялъ въ главѣ проповѣднической школы петровскаго времени. Вокругъ него группировались духовные ученые, которые и въ проповѣди усвоили его направленіе и его приемы. Это были: Гавріилъ Бужинскій, Теофилъ Кроликъ и Симонъ Кохановскій. Они также были провозвѣстниками дѣла Государя и новыхъ понятій, хотя не съ такой силой дарованія, какъ Теофанъ. Бужинскій, еще бывши оберъ іеромонахомъ во флотѣ и сопутствуя Государю въ походахъ, говорилъ много проповѣдей въ его присутствіи по случаю разныхъ событій, бывшихъ въ его царствованіе: на побѣды при Полтавѣ и Гангутѣ, на взятіе Шлиссельбурга, на основаніе новой столицы и проч. Выше

мы упоминали уже о проповѣдяхъ Симона Кохановскаго съ обличеніемъ недостатковъ старой русской жизни—«ханжества, лицемерія, суевѣрія и наружнаго благочестія, основаннаго на мужицкой напаче и на бабской богословіи и сказкахъ бездѣльниковъ». Тонъ его проповѣдей очень рѣзокъ. Его полемика переходитъ въ открытую иронию и злую сатиру на невѣжество и суевѣріе простаго народа. Рѣчь его груба и наполнена выраженіями, неприличными въ церковной проповѣди. — Государь самъ поручалъ современнымъ проповѣдникамъ говорить въ проповѣдяхъ о своихъ дѣлахъ ¹⁾ и предлагалъ даже составить сборникъ проповѣдей, говоренныхъ по случаю его побѣдъ ²⁾.

Гомилетическія наставленія и проповѣди Феофана имѣли много послѣдователей и подражателей, но съ другой стороны встрѣтили не мало противниковъ и порицателей.

Родышевскій, возражая на статью Регламента о проповѣдникахъ, пишетъ: «въ Регламентѣ написано, что проповѣднику, проповѣдая слово Божіе, не надобно рыдать, но, хотя бы и возмущился духъ, надобно елико мощно унимать слезы. Вся бо сія лишняя и неблагообразна суть и слышателей возмущаютъ. Павелъ великій апостолъ и учитель глаголетъ въ дѣянїяхъ гл. 20: «сега ради будите поминающе, яко три лѣта нощь и день непрестанно уча со слезами единого коегождо васъ». И не говорилъ самъ и никто о немъ и тогда и послѣ не поносилъ его, и лишнимъ сега не нарицалъ, что онъ плакалъ, и неблагообразнымъ; а тѣмъ, что онъ плакалъ, наставлялъ паче слушателей своихъ словесъ, а не возмущалъ: то и проповѣднику плачущемуся и наставляющему народъ со слезами и со умиленіемъ сіе недолжно бы быть поносимо, но паче похваляемо».

¹⁾ Въ меморїяхъ Петра есть замѣтка: «полковникъ Шиповъ посланъ былъ съ частію войскъ въ Гиланъ, который прибылъ туда счастливо и тамъ безъ всякой противности принять отъ жителей и вступилъ въ главный городъ Гиласкїй Рящъ». Всгѣдъ за этимъ приписка: «сіе писано въ 25 день и отдано для меморїи Кролику, чтобы внести въ казаніе, которое онъ говорилъ того числа на благодарномъ молебїи». (Кабин. дѣл. отд. I, кн. 81, стр. 80).

²⁾ Пекарскаго, *Наука и литература въ Россїи при Петрѣ В. Ч. I.* стр. 492—494.

XXXI.

Ученый кругъ его времени.—Князь Д. М. Голицынъ.—Кантемиръ.—
Татищевъ.—Сношенія ихъ между собою.

Стоя во главѣ проповѣдниковъ петровскаго времени, Теофанъ былъ вообще однимъ изъ передовыхъ дѣятелей новаго образованія. Онъ былъ душою небольшого кружка лицъ, которые вводили въ общество новыя образовательныя начала и прокладывали ему новые пути.

Еще въ Кіевѣ Теофанъ познакомился съ княземъ Д. М. Голицынымъ «разумнѣйшимъ человѣкомъ своего времени» по выраженію кн. Щербатова. Поводомъ къ этому сближенію было вѣроятно то, что Голицынъ давалъ академическимъ ученымъ книги для перевода съ иностранныхъ языковъ на русскій. Теофанъ перевелъ также одну книгу съ латинскаго языка ¹⁾). Впослѣдствіи они разошлись съ Голицынымъ въ убѣжденіяхъ и во взглядахъ на вещи и лица. Голицынъ былъ почитателемъ Стефана Яворскаго до конца его жизни и содѣйствовалъ изданію Камня Вѣры, конечно противъ желаній Теофана. Въ событіяхъ 1730 года Голицынъ и Теофанъ принимали равное участіе, но шли къ разнымъ цѣлямъ. Успѣхъ оправдалъ дѣло Теофана, а Голицынъ погибъ въ шлисельбургской крѣпости.

Въ 1729 г. молодой князь *Антіохъ Кантемиръ* написалъ первую сатиру: «на хулящихъ ученіе». Одинъ изъ пріятелей князя выпросилъ ее прочесть и показалъ Теофану, считая его по его убѣжденіямъ и по степени образованія лучшимъ судьей и цѣнителемъ подобныхъ произведеній. Теофану очень понравилась сатира. Онъ привѣтствовалъ начинающій талантъ извѣстнымъ ободрительнымъ посланіемъ.

Не знаю, кто ты, пророче рогатый,
Знаю, колѣнокъ достоинъ ты славы.

¹⁾ Пекарскаго, *Наука и литература при Петрѣ В. Ч. I.* стр. 2. стр. 257—280.

Да почто-жь было ния укривати?
 Знать тебѣ страшны сильныхъ глупцовъ нравы.
 Плюнь на ихъ грозы. Ты блаженъ трикраты
 Благо, что Богъ далъ умъ тебѣ здравый.
 Пусть весь міръ будетъ на тебя голосливый
 Ты и безъ счастья довольно счастливый.
 Объемлетъ тебя Аполлонъ великій,
 Любитъ всякъ, кто есть тапцвствъ его зритель,
 О тебѣ поютъ парнасскіе лики.
 Всѣмъ честнымъ слава твоя добродѣтель,
 И будетъ слава въ будущіе вѣки
 А я пивѣ сущій твой любитель.
 Но сіе за верхъ славы твоей буди,
 Что тебя злые ненавидятъ люди.
 А ты какъ началъ теши путь пресланый,
 Копишь книжныя текли исполнены,
 И перомъ сильнымъ мещи порокъ явный
 На недлюбашихъ ученой дружины,
 И разрушай всякъ обычай злонравный
 Желая доброй въ людяхъ перемѣны
 Кой плодъ ученый не еднятъ искусить
 А дураковъ злость язнь свой прикусить ¹⁾.

Благодарный поэтъ посвятилъ Феофану одну изъ своихъ сатиръ—3-ю—написанную имъ въ 1730 г. и посвященную изображенію человѣческихъ страстей ²⁾. Къ сатирѣ присоединены были стихи, выражающіе чувства поэта къ Феофану.

Устами ты обязалъ меня и рукою,
 Далъ хвалу мнѣ свыше мѣры, заступилъ не мало.
 Сатирику то забыть никакъ не пристало,
 Иже неблагодарства страсть хулить трубою.
 Нѣтъ, но спли воздавать дани равномѣрны
 Въ знакъ благодаренія увы запрещаютъ.
 Принми убо сія: хоть и не блистають
 Дары изяществомъ, однакъ знаки воли вѣрны.

¹⁾ Феофанъ Кроликъ также привѣтствовалъ молодого поэта латинскими стихами.

²⁾ Въ примѣчаніяхъ къ сатирѣ сказано, что Феофанъ предложилъ Кантемиру вопросъ: «почему въ людяхъ, подобныхъ тѣломъ и душою, различными находятя страсти»? Но справедливѣе сказать, что Кантемиръ предложилъ Феофану этотъ вопросъ, описывая въ III сатирѣ разные нравы людей и замѣствуя черты для своихъ описаній изъ окружающей его дѣйствительности.

Сатира начинается и оканчивается обращениемъ къ Теофану и разсыпаетъ ему похвалы щедрой рукою.

Дивный первосвященникъ, которому сила
Вышей мудрости тайны всё открыла,
И всё твари, что міръ сей отъ вѣкъ наполняютъ
Показала, изъяснивъ, отъ чего биваютъ,—
Теофанъ, которому все то далось знати,
Здрава человѣка умъ что можетъ поняти.
Скажи мнѣ, можешь бо ты: всѣмъ всякаго рода
Людямъ, давши тѣло тожъ и въ немъ духъ природа,
Она имъ разныя надѣлила страсти,
Которыя одолѣть уже не въ ихъ власти,
Или другой ключъ тому ручью искать нужно?

Потомъ частью подъ вымышленными, частью подъ собственными именами, сатирикъ описываетъ разныя людскія страсти и наконецъ заключаетъ свою сатиру:

Да не пора-ль, муза моя, губи
Прижавъ кончить нашу рѣчь? Сколь наши ни любви
Намъ рѣчи, мѣру въ нихъ знати здравый смыслъ насъ учить
Всякому лишно-долга рѣчь уху наскучить.
И должно помнить тебѣ, съ кѣмъ идетъ мнѣ слово:
Теофана чаешь ли не имѣть много
Дѣла, развѣ выспаться, до сита покушать
И, поджавъ руки, стихи мои слушать.
Пастырь о стадѣ своемъ прилежный радѣеть
Недремно спасенія сѣмя чисто сѣять
И растить прии́ромъ онъ такъ, какъ словомъ, тщится.
Главный надъ церковью правитель садится
Не напрасно близъ царя. Церковныя славя
Пристойно защитникъ онъ, извѣженныя правя
Исправляетъ пастырей и хвальныи чинъ вводитъ.
Воля намъ Всевышняго ясна ужъ исходитъ
Изъ его устъ и ведетъ въ истинну дорогу,
Неуснино черпаетъ въ источникахъ многу
Чистыхъ мудрость; потекутъ прелестны
Намъ струи; труды его безъ конца различны....

Извѣстны также стихотворное посланіе Теофана къ Кантемиру, во время преслѣдованія его (Теофана) Дашковымъ, и утѣшительный отвѣтъ Кантемира.

Стоять и овцы и козицы стада
 Удвлены.
 Сенька и Федька когда пѣснь пѣли
 Предъ тобою ¹⁾,
 Какъ не мазаны двери скрипѣли
 Вѣтчиною.
 Славному млека и волны зѣло
 Когдася вору
 Лошадей столько въ мысли не было
 И Егору ²⁾,
 Сколько есть овецъ въ твоей оградѣ
 Въ лѣтнемъ зною.
 Мококо свѣжо при твоёмъ стадѣ
 И зимою.
 Ты же былъ гораздъ и волковъ бити
 Изъ нищали
 Вѣда не могла тебѣ вредити
 И печали.
 . . . . .
 Не забудь и намъ пастушкамъ малымъ
 Помогати

¹⁾ Н. С. Тихонравовъ видитъ въ Сенькѣ намекъ на Симеона Полоцкаго (*Библиогр. Зап.* Т. I, стр. 67), а Пекарскій въ Федькѣ—на Поликарпова. (Тридцать четвертое присужденіе Демидовск. награды, стр. 135. Спб. 1866).

²⁾ Соперникъ Θεοφана, Георгій Дашковъ. Кантемиръ былъ имъ чѣмъ-то обижень и не скупился при случаѣ вставить слово на его счетъ, какъ напримѣръ въ 1-й сатиры:

«Предъ Егоровъ Виргилій двухъ денегъ не стоить».

(Дашковъ не любилъ ученыхъ и учестости).

Или въ 3-й сатиры:

«Задумчивъ, какъ хотѣвшій патриархомъ стати
 Когда лошади свои раздарилъ не кстати».

(Въ прилѣчаніи къ этому стику прямо поименованъ Дашковъ).

У Θεοφана также есть стихи на счетъ Дашкова, съ намекомъ на его искательство патриаршества:

Nobilitum antistes vesanus amor equorum
 Qui mirari unquam nil nisi novit equos
 Nunc jam donat equos, proceros dum praestat avaros
 Quos sibi propicios conciliare sinit.
 Donat equos, brutisque datis veneranda supremi
 Munera Pontificis vanus equisio rogat.
 Nec vero mirum est, cupit hoc quod cultor equorum
 Dum tibi Consul equus, Roma profana fuit.

Не дай Егора другомъ нахалниъ
 Нападати.
 У меня мало было козлятокъ:
 Ты извѣстенъ,
 Сей былъ моя пастви начатокъ
 Не кормиленъ;
 Но и сихъ Егоръ и его други
 Отгнали
 Млеко и волю вороги туги
 Всю раскрали.
 Ужь трижды солнце вокругъ обѣжало
 Путь свой бѣлий,
 Я не имѣю льготи ни мало
 Весь унылый.
 Лишенъ и старца, лишенъ хижини,
 Лишенъ нивы,
 Межъ настушками брожу единый
 Несчастливый.

Кантемиръ также, какъ Феофанъ, принималъ участіе въ событіяхъ 1730 года. Онъ пристагъ къ партіи консерваторовъ существующаго порядка, во главѣ которой были Феофанъ, князь Черкасскій и князь И. Ю. Трубецкой¹⁾. Ему, какъ литератору поручена была редакція прошенія къ Императрицѣ о принятіи самодержавія. Императрица приняла прошеніе и пожаловала Черкасскому и Трубецкому андреевскія ордена, а Кантемиру съ братьями тысячу тридцать крестьянскихъ дворовъ.

Какъ Феофанъ въ проповѣдяхъ, такъ Кантемиръ въ сатирахъ, вооружаются противъ недостатковъ современнаго общества, такъ что между проповѣдями и сатирами можно провести доволь-

---

¹⁾ Кантемиръ былъ въ родствѣ съ Трубецкими. Дочь И. Ю. Трубецкаго была за мужемъ за покойниъ отцомъ Кантемира, княземъ Дн. Кантемиромъ, скончавшимся въ 1728 году. Впослѣдствіи она вышла за мужъ за принца Гессенъ-Гомбургскаго, Людвигъ Вильгельма, и была статсъ-дамою при Елизаветѣ. Съ легкой руки Н. А. Полеваго, стали считать князя И. Ю. Трубецкаго и Гессенъ-Гомбургскаго принца передовыми людьми своей эпохи въ дѣлѣ просвѣщенія. Но тотъ и другой были недалеки по этой части. Герцогъ Липпскій отзывается невыгодно объ унѣ Трубецкаго. Екатерина относилась почтенею, оказываемое принцу, къ родству его съ Трубецкими: «а самъ по себѣ онъ ничего не значалъ». (Записки Екатерины, стр. 7).

но полную параллель ¹⁾. Тотъ и другой показывали народу необходимость и пользу разныхъ отраслей знанія, осмѣивали ханжество и суевѣрія, изъясняли пользу путешествій и внушали религиозную терпимость въ отношеніи къ иноземцамъ и выгоду отъ обращенія съ ними. Переходное время ихъ представляло два типа враговъ просвѣщенія и совершаемыхъ въ духѣ его преобразований: упорныхъ невѣждъ и недоученыхъ прогрессистовъ и цивилизаторовъ, считавшихъ за существенное одну лишь внѣшность, одинъ лоскъ европейца. Первыхъ, разумѣется, было несравненно больше по численности и силѣ, нежели послѣднихъ, и на нихъ-то направляютъ Теофанъ свои поученія, Кантемиръ — свою сатиру. Но и другой классъ враговъ просвѣщенія также подпалъ подъ ихъ перо ²⁾.

Къ этому же кругу образованныхъ лицъ принадлежалъ *В. Н. Татищевъ*. Русскій душею, складомъ ума и характера, онъ расходился съ Теофаномъ во многихъ убѣжденіяхъ, но тяготѣлъ къ нему какъ человекъ образованный къ человеку высшаго ума и образования. Умъ и образованность сближаетъ людей, имѣющихъ не только различныя, но и противоположныя убѣжденія, если только они честно слѣдуютъ своимъ убѣжденіямъ, не выставляя ихъ на показъ и не скрывая за ними какихъ нибудь эгоистическихъ стремленій. Напротивъ это столкновение различныхъ взглядовъ и убѣжденій полезно и благотворно тѣмъ, что возбуждаетъ новые вопросы, открываетъ въ предметъ новыя стороны, выясняетъ и упрочиваетъ самыя убѣжденія, и образуетъ между ними точки соприкосновенія и сближенія.

Одинъ изъ разговоровъ съ Татищевымъ былъ поводомъ Теофану къ сочиненію разсужденія: *О титѣ Соломоновой нарицае-*

¹⁾ Какъ это и сдѣлалъ Дудышкинъ въ *Отечест. Записк.* 1848 г. № XI, въ разборѣ сатиры Кантемира, по поводу смирдинскаго изданія ихъ.

²⁾ Кантемира, *Сатира II*, стр. 167 и слѣд. — *Слова и Речи—Теофана*, ч. II, стр. 245. Списокъ сатиры Кантемира, съ собственноручною подписью Теофана: «ex libris Theophanis archiepiscopi Novogradensis» находится въ Софійской Библіотекѣ — въ С.-Петербур. Дух. Академіи. — Письмо Кантемира къ *пріятелю*, — по догадкѣ Леонасьева (Библиогр. Зап. Т. I. 1858 г. стр. 598) — *Теофану Протопопичу* — не могло быть писано къ Теофану, потому что его въ то время (въ 1742 г.) уже не было въ живыхъ.

мой пѣсни пѣсней ¹⁾). Въ предисловіи къ нему Феофанъ говоритъ о поводѣ къ сочиненію ея слѣдующее: «Въ недавнопрошедшее время въ прилучившейся намъ негдѣ бесѣдѣ дружеской, когда были разсужденія о Христовой церкви, между многими священнаго писанія словесы къ дѣлу тому приведенными, произнеслось нѣчто и отъ книги Соломоновой, глаголемой *Пѣсни пѣсней*. Нѣкто отъ слышавшихъ (г. Василій Никитичъ Татищевъ, тайный совѣтникъ и астраханскій губернаторъ) по внѣшнему виду, казалось, человекъ не грубый, поворота лице свое въ сторону, ругательнѣ усмѣхнулся, а когда и далѣ еще, поникнувъ очи въ землю съ молчаніемъ и перстами въ столъ долбя, претворный видъ на себѣ показывалъ; спросили мы его съ почтеніемъ: что ему на мысль пришло? И тотчасъ отъ него нечаянный отвѣтъ получили: «давно—рече—удивлялся я, чѣмъ понужденные не токмо простые невѣжи, но и сильно ученые мужи, возмечтали, что гѣснь гѣсней, есть книга священнаго писанія и слова Божія? А по всему видно, что Соломонъ, разжизаяся похотию къ невѣстѣ своей, царевнѣ египетской, сія писалъ, какъ то у прочихъ, любовію зжимыхъ, обычай есть; понеже любовь есть страсть многорѣчивая и молчанія нетерпящая: чего ради во всякомъ народѣ ни о чемъ иномъ такъ многія гѣсни не слышатся, какъ о плотскихъ любезностяхъ». Сими отвѣтомъ такъ пораженное содрогнулось въ насъ сердце, что не могли мы придумать, что сказать. А понеже онъ и еще повторялъ тожде свое злорѣчіе, мы ему съ кротостію предложили, что надѣмся такъ доказательнѣ честь и силу книги сея, яко сущаго слова Божія, объяснить, что онъ, если совѣсти своей невоспротивится, о нынѣшнемъ смѣхѣ своемъ восплачется. Онъ, то слышавъ, съ прилежаніемъ просилъ насъ, дабы мы обѣщавшаго дѣла исполнить не забыли. Знать то ни мало не надѣялся, чтобъ мы нѣчто важное и сильное о семъ произнести могли. Того ради мы обѣщаніемъ онымъ одолжены, тщимся то уже совершить».

Въ свою очередь и Татищевъ не оставался безучастнымъ къ бесѣдамъ Феофана. Въ своей исторіи онъ часто, и съ большою

---

¹⁾ Москва. 1774 г. Въ заглавіи сказано, что это разсужденіе написано «противъ не искусныхъ и малоразсудныхъ мудрецовъ, легко о книгѣ сей помышляющихъ».

похвалою, ссылается на указанія и замѣтки Теофана. «Нашъ архіепископъ Прокоповичъ—пишетъ онъ въ одномъ мѣстѣ—какъ былъ въ наукѣ философіи новой и богословіи толико ученъ, что въ Руси прежде равнаго ему не было. По природѣ острымъ сужденіемъ и удивительно твердою памятью былъ одаренъ» ¹⁾. Подъ вліяніемъ одной бесѣды съ нимъ, Татищевъ написалъ «разговоръ о пользѣ наукъ», который завѣщалъ, какъ дорогое наслѣдіе, своему сыну. Въ заключеніе своей замѣчательной *духовной* сыну, онъ говоритъ: «наконецъ, какъ я тебѣ уже ничего завѣщать не имѣю болѣе, но токмо для тебя о тебѣ самомъ и что тебѣ нужно къ разумѣнію, слѣдующимъ «разговоромъ» награждаю, который прошлаго 733 г. будучи здѣсь, по случаю разговора съ князь Сергіемъ Долгоруковымъ началъ, чрезъ разговоръ съ архіепископомъ новгородскимъ Теофаномъ Прокоповичемъ и съ князь Алексѣй Михайловичемъ Черкасскимъ, яко же съ нѣкоторыми профессорами академіи, разсуждалъ, продолжая и тебѣ тѣмъ пользу принести» ²⁾. Въ этой духовной онъ совѣтуетъ сыну читать на ряду съ твореніями знаменитыхъ отцовъ и учителей церкви сочиненія Теофана Прокоповича—истолкованіе десяти заповѣдей и блаженствъ, которое за катихизисъ, а малый Букварь—за лучшее правоученіе служить могутъ ³⁾.

Во взглядахъ у него много сходнаго съ Теофаномъ. Совершенно согласно съ его образомъ мыслей, Татищевъ пишетъ въ духовной, что «прологи и житія святыхъ въ Минеяхъ-Четыхъ надобно читать такому, кто довольно въ писмѣ святомъ искусился и могъ бы довольно разсудить; пбо хотя въ нихъ многія исторіи въ истинѣ оскудѣвають и неразумнымъ соблазны къ мнительству о всѣхъ, въ нихъ положенныхъ, подать могутъ: однакожь тѣмъ не огорчайся, по разумѣнію, что все оное къ благоуханному наставленію предписано и тщися подражать дѣламъ ихъ благимъ». Между прочимъ онъ совѣтуетъ сыну, послѣ достоточнаго ознакомленія съ своимъ (православнымъ) закономъ, изучать творенія писателей католическихъ, лютеранскихъ и кальвинскихъ, чтобы, встрѣчаясь

¹⁾ Татищева, *Россійская исторія*, кн. 1, стр. 496. Сравни стр. 41 и 184. Москва, 1868 г.

²⁾ В. Н. Татищевъ и его время, соч. Нила Попова, стр. 554, примѣч. 110.

³⁾ В. Н. Татищевъ: стр. 209.

въ обществѣ съ людьми этихъ вѣроисповѣданій и вступая въ разговоры съ ними, не быть ими обманутымъ; но не совѣтуетъ вступать въ споры съ единовѣрцами, чтобъ не подать людямъ о себѣ злаго мнѣнія. Въ примѣръ онъ указываетъ на самаго себя. «Я хотя о Богѣ и правости божественнаго закона никогда сомнѣнія не имѣлъ, ниже о томъ съ кѣмъ въ разговоръ или преніе вступалъ; но потому, что я нѣкогда о убыткахъ, законами человѣческими въ тягость положенныхъ, говаривалъ, отъ несмысленныхъ и безразсудныхъ, невѣдущихъ Божьяго закона и токмо человѣческіе уставы противу заповѣданія Христова чтущихъ, не только за еретика, по и за безбожника почитавъ и не мало невиннаго поношенія и бѣды претерпѣлъ»¹⁾. «Съ хвалящими вольности другихъ государствъ и ищущими власть монарха уменьшить никогда несогласуясь, понеже оное государству крайнюю бѣду нанести можетъ, о чемъ тебѣ исторіи нашего государства ясныя приклады показать могутъ, какъ то нѣкоторые и предъ пемногими лѣты безумно начинали».

Извѣстно, что Татищевъ участвовалъ въ событіяхъ 1730 г. Когда Верховный Совѣтъ предложилъ дворянству представить свои соображенія о лучшемъ образѣ правленія, составилось много кружковъ. Въ одномъ изъ нихъ дѣйствовалъ Татищевъ. Въ духѣ политики, внушаемой своему сыну, онъ составилъ и подалъ мнѣніе о несправедливомъ присвоеніи верховниками власти избирать государя и издавать законы и о неприкосновенности монархической самодержавной власти. Вместе съ тѣмъ онъ представлялъ соображенія, принятые наибольшимъ числомъ дворянства, объ устройствѣ Сената и изданіи новыхъ законовъ, объ учрежденіи народныхъ училищъ, о улучшеніи быта духовенства и купечества и объ учрежденіи правильнаго престолонаслѣдія.—Наконецъ, Татищевъ принималъ участіе въ поднесеніи Императрицѣ адреса о принятіи ею самодержавія. Императрица была довольна образомъ его дѣйствій и назначила его церемоніймейстеромъ при своей коронаціи²⁾.

¹⁾ Попова, *В. Н. Татищевъ*, стр. 210.

²⁾ В. Н. Татищевъ, Н. Попова, стр. 66—133. О письмахъ Татищева къ Феофану Прокоповичу упомянуто въ Сборн. II Отд. Акад. Наукъ, Т. 2, V. Спб. 1868 г.

Такъ всѣ перечисленные нами передовыя лица своей эпохи принимали участіе въ смутныхъ событіяхъ 1730 года, но каждый по своему заявилъ свои политическія убѣжденія.

XXXII.

Феофанъ и Академія Наукъ.

Съ самаго открытія Академіи Наукъ, Феофанъ отнесся съ особеннымъ участіемъ къ обществу ея членовъ.

Какъ только сдѣлалось извѣстнымъ, что для образованія русскихъ при Академіи учреждается гимназія, Феофанъ обратился къ лейбъ-медику *Блюментросту*, назначенному президентомъ Академіи, съ прозьбою принять туда нѣсколькихъ молодыхъ людей ¹⁾.

Въ 1723 году приглашенъ былъ въ Академію изъ Марбурга профессоръ *Христианъ Вольфъ*. Въ Германіи, именно въ Галлѣ, была враждебная ему партія, во главѣ которой стоялъ извѣстный піетистъ *Франке* ²⁾. Надо полагать, что она хотѣла воспрепятствовать переходу его въ здѣшнюю Академію и надѣялась достигнуть этого, выставивши Вольфа предъ русскимъ духовенствомъ какъ атеиста. Академія спѣшила успокоить Вольфа, завѣряя, что главный представитель здѣшняго духовенства, Феофанъ епископъ псковскій, имѣетъ о немъ наилучшее понятіе. «Г. Блюментростъ, первый лейбъ-медикъ его царскаго величества — писалъ къ Вольфу Шумахеръ 5-го мая 1724 года — сообщалъ мнѣ письмо вашего благородія отъ 1-го марта, изъ котораго видя несправедливый поступокъ противъ васъ піетистовъ, я огорченъ тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе убѣжденъ, что это обвиненіе есть не что иное, какъ грубая клевета, которой не повѣритъ ни одинъ честный человекъ, и потому ваше благородіе можете быть увѣрены, что если г. Франкъ сдѣлаетъ попытку отнести къ здѣшнему духовенству, которое теперь съ особенною горячію старается привести религію въ разумное состояніе и освободить отъ

¹⁾ Theophanis Epist. XVII.

²⁾ Августъ Германъ Франке, профессоръ богословія въ Галлѣ, род. въ 1668 года, ум. въ 1727 года.

всякихъ суевѣрій, то онъ принять будетъ очень худо, особенно въ такое время, когда его кредитъ, прежде приобретенный чрезъ извѣстныя хитрости, готовъ здѣсь упасть, а остроумная ученость и разумные принципы вашего благородія у здѣшняго духовенства находятся въ величайшемъ уваженіи. Я не безъ основанія пишу это, но мое собственное разсужденіе въ этомъ дѣлѣ меня къ тому понуждаетъ. Когда нашъ всемилостивѣйшій Государь изволилъ прочитати посвященіе вашего благородія въ извѣстной ассамблеѣ, и изволилъ похвалить васъ и сказалъ при этомъ, чтобы вы сюда прибыли, то духовенство при этомъ открыто выразило свое удовольствіе; а что оно сдѣлало это не въ угоду Государю, но по собственному побужденію и изъ добраго желанія, это извѣстно потому, что епископъ псковскій, человѣкъ ученый и очень умный, которому мы обязаны за многіе добрые порядки въ Синодѣ и за духовный Регламентъ, неоднократно частнымъ образомъ говорилъ о вашемъ благородіи съ большимъ уваженіемъ, и какъ любитель физическихъ экспериментовъ, желаетъ вашего присутствія и руководства. Слѣдовательно съ этой стороны ваше благородіе можете быть спокойны и надежны, и относительно вашего приѣма не имѣть никакихъ опасеній ¹⁾).

Въ февралѣ 1730 года Теофанъ послалъ при письмѣ къ профессору академической гимназій Гроссу десять русскихъ, вѣроятно изъ своей школы, желая доставить имъ высшее образованіе. «Посылаю къ тебѣ моихъ русскихъ—писалъ къ нему Теофанъ—обнадеживаясь твоимъ обѣщаніемъ, что ты не откажешь въ содѣйствіи образованію ихъ. Я слѣдую въ этомъ дѣлѣ примѣру Василія Великаго, который послалъ нѣкогда своихъ каппадокійцъ къ Ливанію: случай одинаковый, но мой жребій и мои надежды превосходятъ; потому что хотя я ниже Василія, но Ливаній мой несравненно выше. Тотъ софистъ только и имѣлъ одно достоинство, что былъ софистомъ; но онъ не былъ человѣкомъ съ хорошими качествами, и лучшіе изъ его учениковъ—и первый между ними Златоустъ—осуждали и осмѣивали его. Между тѣмъ твоя многосторонняя ученость, отличное преподаваніе, любезность пра-

¹⁾ *Briefe von Christian Volf aus den Jahren 1719 — 1753* S. Petersburg. 1860. Ss. 173—176.

ва, привлекательное обхожденіе, непритворная скромность и другія прекрасныя качества располагають въ твою пользу, любезнѣйшій братъ, не меня только, но всѣхъ, кто умѣетъ цѣнить доблесть. И если я почитаю тебя, достойнѣйшій мужъ, какъ брата, то ты меня еще больше утвердишь въ этомъ расположеніи, если—чего и надѣюсь—постараешься быть отцомъ для тѣхъ, которыхъ я считаю какъ бы своими дѣтьми. Выборъ наукъ, которыя могутъ быть имъ полезны, предоставляю твоему благоразумію. Впрочемъ мнѣ будетъ весьма пріятно, если тебѣ угодно будетъ посоветоваться объ этомъ напередъ со мною. 25 февраля 1730 года¹⁾).

Въ 1730 году профессоръ Академіи, бывшій въ тоже время учителемъ въ школѣ Теофана, *Смифриды Брайеръ*, посвятилъ Теофану свое сочиненіе, подъ заглавіемъ: *Museum Sinicum*. Въ посвященіи онъ писалъ между прочимъ: «хотя васъ на этой степени занимають теперь несравненно важнѣйшія заботы о священнѣйшихъ вещахъ, однако вы никогда не возобновляете въ памяти занятій древностями безъ того, чтобы они вамъ не доставили пріятнаго о нихъ воспоминанія, а во мнѣ не возбуждали удивленія. Мнѣ казалось, что я нахожусь въ Греціи и въ тамошнихъ поэтическихъ и риторскихъ или философскихъ школахъ, всякій разъ, какъ только вы начинали о нихъ рѣчь. Я часто смотрѣлъ на васъ, какъ на нѣкоего Климента, или Кирилла, или Евсевія, когда вы опровергали басни древнихъ народовъ или нелѣпѣйшія мнѣнія философовъ; точно также вы какъ будто вводили меня въ Римъ или въ какой другой городъ Италіи, славный священными или гражданскими памятниками; и когда со мною возобновляли въ памяти многое изъ всякаго вѣка, мнѣ казалось, что я внимаю далеко передъ другими образованнѣйшему человѣку какъ въ словесныхъ наукахъ, такъ и въ высшихъ искусствахъ. Съ какимъ удовольствіемъ я слушагъ васъ всякій разъ, когда вы описывали мнѣ памятники древняго времени, которыя вы видѣли въ Римѣ и прочей Италіи, и въ особенности состояніе учености, и рассказывали о прочихъ вашихъ путешествіяхъ и о своемъ, такъ сказать, курсѣ въ занятіи науками. Какое разнообразіе и обиліе! Въ повѣствованіи какая память о вещахъ, какая сила въ размышленіи и съ ве-

¹⁾ *Туманскому*, Россійскій магазинъ, ч. III. стр. 470—473.

личайшею важноію соединенная воспріимчивость духа, какая легкость въ изъясненіи, какая способность въ разсужденіи и какое изящество какъ римскаго, такъ и итальянскаго языка, какая, наконецъ, пріятность и грація во всей рѣчи, во всемъ.»

Оеофанъ отвѣчалъ на это посвященіе письмомъ отъ 14 февраля 1731 года: «относительно письма вашего ко мнѣ, въ которомъ вы говорите, что посвящаете мнѣ Sinica, прежде всего я дивлюсь тому, что оно не доставлено мнѣ; только когда я отъ почтеннѣйшаго г. Гросса, который и самъ мнѣ пріятель и другъ и въ обращеніи съ которымъ я не трачу, а пріобрѣтаю время, я узналъ, что она читала вашимъ г. президентомъ и, по желанію вашему, исправлена и возвращена вамъ, я порадовался, что дѣло идетъ хорошо. Теперь я съ нетерпѣніемъ ожидаю выхода въ свѣтъ этого сочиненія, чтобы оно и мнѣ пролило столько желанный свѣтъ, особенно теперь, когда прибыли сюда послы этого народа, которыхъ и я надѣюсь имѣть своими гостями. Такимъ образомъ изъ обѣщаннаго труда, въ которомъ безъ сомнѣнія нѣтъ недостатка ни въ чемъ, что для меня потребуется, я пріобрѣту о китайскихъ дѣлахъ свѣдѣнія, которыя въ обращеніи съ ними могутъ выказать меня не совсѣмъ бѣднымъ относительно иностраннаго образованія — что нѣсколько польститъ и моему тщеславію; а между тѣмъ я совершенно убѣжденъ, что это принесетъ хоть какую нибудь пользу и нашимъ христіанамъ»¹⁾.

Баьеръ потерялъ единственнаго сына, котораго желалъ сдѣлать наслѣдникомъ своей профессіи. Оеофанъ писалъ къ нему, утѣшая его въ этой потерѣ: «не сказано, думаю, твое горе о томъ, что твою отрасль похитила лютая смерть. Признаюсь я, что это не малая потеря для дома твоего: нѣтъ болѣе утѣхи, нѣтъ надежды, нѣтъ красоты. Но напрасенъ потокъ нашихъ слезъ; его воспрещаетъ всякій честно окончившій жизнь, а въ особенности твой сынъ, котораго сама смерть сдѣлала блаженнымъ и котораго судьба избавила отъ безчисленныхъ бѣдствій. Избѣгъ онъ печальныхъ перемѣнъ и несчастныхъ случаевъ, которыми, какъ грязью, полна наша мутная жизнь. Чего лучше? Проникъ онъ въ горніе чертоги и торжествуетъ не испытавши битвы, но завладѣвъ крѣпо-

¹⁾ *Theophrasti Epistolae*. Ep. XI.

стію. Мужайся Сигфридъ, помышляя объ этомъ въ сердцѣ своемъ, не позволяй горю одолевать тебя. Пусть тотъ, кто своею смертью, какъ острою стрѣлою уязвилъ тебя, пусть онъ же порадуеть твое сердце своею участью ¹⁾).

Сохранился еще отрывокъ письма Теофана къ Байеру, неизвѣстно котораго года: «По этому усерднѣйше прошу и умоляю тебя, почтенный мужъ, не поставь въ трудъ увѣдомить меня, кто этотъ Іосифъ, откуда онъ, какой націи, религіи, секты? Относительно учености его, весьма рѣдкой и основанной на первоначальныхъ источникахъ, я не сомнѣваюсь, такъ какъ онъ хранитель ватиканской бібліотеки (а этимъ мѣстомъ всегда почти пользовались люди ученѣйшіе) и притомъ твой другъ, а при такомъ дальнемъ разстояніи дружба связывалась, разумѣется, не иными узами, какъ только наукою. Потому, какимъ образомъ я сдѣлался извѣстенъ ему? Это не удивляетъ меня послѣ того, какъ наши русскія дѣла начали принимать блестящій видъ, и даже наши ученые, между которыми и я составляю малую часть, могли послужить предметомъ любопытства, какъ нѣкоторыя диковины (*monstra*); но для меня интересно знать, по имени только, или по чему особенному я сдѣлался ему извѣстенъ. Наконецъ, если онъ иной религіи, чѣмъ папа, или даже сокровенный католикъ, все таки удивительно, что онъ хранитель ватиканской бібліотеки; впрочемъ это до васъ не касается. Если же онъ папистъ, то я не могу повѣрять, чтобы онъ могъ серьезно и искренно любить меня; ибо эти люди, по причинѣ своего суевѣрія, пылаютъ крайнимъ фанатизмомъ, и быть не можетъ, чтобы я, представившій множество доказательствъ своего отвращенія отъ папизма, не былъ, хотя по имени, извѣстенъ ему и другимъ. Опасаюсь, не хотять ли обмануть меня ласкательствомъ ²⁾).

Въ 1728 г. Теофанъ написалъ «мнѣніе, какимъ образомъ и

¹⁾ Труды кіевской академіи. 1865 г. Т. 8, стр. 268—269.

²⁾ Тамъ же, стр. 270. Можетъ быть рѣчь идетъ объ *Іосифѣ Бингамѣ*, родомъ англичанинѣ, бывшемъ ватиканскимъ бібліотекаремъ и извѣстнымъ своимъ сочиненіемъ: *Origines ecclesiasticae* 9 vol. Бингамъ род. въ 1668 г. ум. въ 1728 г. Байеръ, до пріѣзда въ Россію, былъ также съ 1717 г. бібліотекаремъ въ Кенигсбергѣ, что могло сблизить его съ Бингамомъ.

порядкомъ надлежитъ багрянороднаго отрока наставлять въ христіанскомъ законѣ». Это сочиненіе Феофана произвело чрезвычайно хорошее впечатлѣніе на иностранцевъ. «Составленный Феофаномъ планъ преподаванія богословія великому князю—писалъ Басевичъ—заслуживаетъ удивленія и можетъ быть образцовымъ во всякой религіи»¹⁾. Въ 1731 г. 5-го августа *Шумахеръ*, управлявшій Академіею въ отсутствіи президента Блюментроста, писалъ къ академику Гроссу, находившемуся тогда въ Москвѣ: «наставленіе «рго рогрhyogenito риего» его преосвященства будетъ напечатано согласно сообщенной вами инструкціи. Хотѣлось бы только знать, разрѣшать ли издать его на нѣмецкомъ языкѣ? Это такое произведеніе, которое много бы доставило удовольствія иностранцамъ»²⁾. Тотъ же Шумахеръ, вслѣдъ за тѣмъ—25-го октября 1731 г.—писалъ къ В. Н. Татищеву: «наставленіе, какъ обучать Государа въ христіанскомъ законѣ, будетъ въ большемъ почетѣ. Я бы ничего такъ не желалъ, какъ дозволенія его преосвященства, архіепископа, перевести намъ на нѣмецкій языкъ и напечатать произнесенныя имъ донинѣ проповѣди. Я убѣжденъ, что онѣ произвели бы сильное впечатлѣніе за границею, а нашей книжной торговлѣ доставили бы не малую прибыль»³⁾.

Петръ I-й бывши въ Данцигѣ и осматривая музей Брейнія, просилъ его представить ему свѣдущаго въ наукахъ человѣка, который бы могъ предпринять ученое путешествіе по обширной Россійской Имперіи и описать хранящіяся въ ней сокровища. Брейній указалъ на *Даніила Гвммба Мессермидта*, который и отправился въ 1717 году въ С.-Петербургъ, а въ 1719 году въ Сибирь, гдѣ пробылъ восемь лѣтъ. Въ 1727 году онъ возвратился изъ путешествія по Сибири, привезши съ собою богатое собраніе рѣдкихъ растений и сѣмянъ и множество рѣдкостей разнаго рода, которыя всё достались кунтскамерѣ. Но на возвратномъ пути изъ Россіи на родину, въ 1729 году 27-го октября несчастный ученый потерпѣлъ кораблекрушеніе, потерялъ все свое имущество и снова вернулся въ Петербургъ,

¹⁾ *Записки Басевича, о Русск. грамот. 1865 г. (стр. 621).*

²⁾ Тридцать четвертое присужденіе Демидовскихъ наградъ, стр. 141. Спб. 1866 г.

³⁾ Тамъ же.

гдѣ до самой кончины въ 1735 году получалъ пособіе отъ Теофана ¹⁾).

Въ 1734 году поступилъ къ Теофану домашнимъ врачомъ *Георгъ Виллемъ Стеллеръ*, получившій основательное образованіе въ германскихъ университетахъ. Какъ видно, онъ очень нравился Теофану и пользовался его уваженіемъ ²⁾. Въ 1736 году Академія предполагала отправить, въ помощь Гмеллину и Миллеру, еще нѣсколькихъ ученыхъ въ путешествіе по Сибири. Теофанъ рекомендовалъ къ тому своего доктора *Стеллера*, основательно образованнаго въ медицинѣ и естественныхъ наукахъ, которыя онъ изучалъ въ университетахъ лейпцигскомъ, гамльскомъ и іенскомъ. Академія, исполняя желаніе архіепископа ³⁾, послала Стеллера въ сибирскую экспедицію съ званіемъ адъюнкта. Въ 1741 году онъ сопровождалъ Беринга во время путешествія его по берегамъ Ледовитаго моря, Камчатки и Японіи, потергѣлъ кораблекрушеніе, выброшенъ былъ на Беринговъ островъ, гдѣ зимовалъ, а оттуда возвратился въ Камчатку. Въ 1745 году онъ предпринялъ обратное путешествіе въ Россію, но 12 ноября 1746 года скончался на пути, въ Тюмени, уѣздномъ городѣ тобольской

¹⁾ Pallas, *Neue Nordische Beyträge*. III. 97—104. Рихтера, *Исторія медицины въ Россіи*. Москва, 1830 г. Ч. III, стр. 153—155.

²⁾ Въ рукописи новгородской семинарской Библіотеки (№ 3885) есть латинскіе стихи Теофана: In moram Stelleri medici

Dum bonus aegroti quaerit medicamina Steller
Lenta morte animam squalidus aeger agit.
Ducitur et funus, lacrimae et alocantur amicis,
Riteque legatae distribuuntur opes.
Omnis Stellerum condemnat turba moratum,
Haerens, cur equidem, nescio, salus amat.
Tum redit et medicus, faciesque irascit ipais
Praevertit reditum quod fera parca suum.

«Между тѣмъ какъ добрый Стеллеръ прискиваетъ больному лекарства, печальный больной тихо умираетъ. Совершается и погребеніе и у друзей уже сосыхаютъ слезы; законнымъ порядкомъ дѣлится скопленное имущество. Весь народъ осуждаетъ заповѣдавшаго Стеллера, страстно—а почему не знаю—вступаясь за здоровье. Наконецъ приходитъ и врачъ, сердясь, что лютаа смерть предупредила его возвращеніе».

³⁾ Входящія письма канцеляріи Академіи Наукъ, 1736—1739 годовъ з. 4.

губерніи. Спутникъ его, Крашенинниковъ, передалъ его рукописи Академіи. Не смотря на преждевременную кончину свою этотъ ученый блистательно оправдалъ рекомендацію о немъ Феофана. Кромѣ сочиненія: *Beschreibung von der Lande Kamtschatka, dessen Einwohner, deren Sitten, Nahmen, Lebensart und verchiedenen Gewohnheiten* (Francfurt und Leipzig 1774), и многихъ другихъ сочиненій, Стеллеру обязана наука двумя важными сочиненіями: одно о *Rhytina* (морской коровѣ) *Stelleri*, нынѣ уже несуществующемъ млекопитающемъ, и другое о морскихъ животныхъ Берингова острова, прежде чѣмъ онъ испыталъ на себѣ вліяніе человѣка ¹⁾).

Въ 1734 году академикъ *Гольдбахъ* представилъ проэктъ о составленіи исторіи Академіи Наукъ и здѣсь доказывалъ, что, прежде осуществленія его на дѣлѣ, необходимо написать историческій обзоръ просвѣщенія и заслугъ на этомъ поприщѣ духовенства въ Россіи при Петрѣ Великомъ до учрежденія ученаго общества. При этомъ Гольдбахъ заявилъ, что никто не въ состояніи лучше исполнить это, какъ Феофанъ, «*qui nostra studia jam dudum paterno amore prosequitur et omni genere benevolentiae adjuvat*» ²⁾).

Въ январѣ 1736 года Прокоповичъ письмомъ просилъ тогдашняго президента Академіи Наукъ, *барона Корфа*, прислать къ нему академическаго гравера, такъ какъ намѣревался напечатать что-то небольшое въ похвалу Императрицѣ. Корфъ отправилъ къ нему Вортмана и академическаго нотаріуса Тидемана при слѣдующемъ письмѣ: «Преосвященнѣйшій господинъ архіепископъ. По письму вашего преосвященства, вчера ко мнѣ присланному, съ полною готовностію посылаю вамъ лучшаго изъ академическихъ скульпторовъ, поручивши ему съ возможнымъ стараніемъ и усердіемъ исполнить ваши приказанія. А я, съ своей стороны, какъ весьма благодаренъ за изъявленную вами особенную благосклон-

¹⁾ Рихтера, Исторія медицины въ Россіи. Ч. III, стр. 268. Историческое Обзорніе трудовъ Академіи Наукъ на пользу Россіи, К. Веселовскаго. Спб. 1865. стр. 20.

²⁾ Записки Академіи Наукъ. Т. VII. Прилож. № 4, стр. 28—29.

ность ко мнѣ — что и Академіи пріятно — такъ ничего больше не желаю, какъ только получить возможность выразить иными и болѣе важными заявленіями, какъ много я почитаю высокія дарованія и дивныя доблести, коими ваше преосвященство, къ великой пользѣ и славѣ этого государства, украшаете величайшее достоинство (званіе) въ церкви¹⁾.

Въ августѣ 1736 года Теофанъ присылалъ въ Академію за грегорианскою зрительною трубою, которая, по произведеніи нѣсколькихъ опытовъ, была возвращена въ академическую обсерваторію²⁾.

XXXIII.

Отзывы иностранцевъ о Теофанѣ и некоторыхъ черты, относящіяся къ его характеру.

Шереровъ біографъ Теофана говоритъ о немъ, что онъ «охотно принималъ у себя иностранцевъ православнаго исповѣданія — грековъ, славянъ, венгровъ, поляковъ, грузиновъ, — странниковъ съ Ливана и Афона, — несчастныхъ, вслѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ, безъ собственной ихъ вины потерявшихъ имущество и нуждавшихся въ помощи, — художниковъ и студентовъ, ищущихъ пособія, которыхъ рекомендовалъ знатымъ русскимъ, испрашивая помощи, и которымъ самъ помогалъ щедрой рукой и отпускалъ снабдивши всѣмъ необходимымъ для жизни. Нуждающимся, которымъ за долги грозило тюремное заключеніе, давалъ взаимы деньги, и если тѣ не могли уплатить ихъ, прощалъ долгъ безъ ропота. Въ урочные дни раздавалъ милостыню бѣднымъ обоюго пола. Огромныя средства, которыми онъ располагалъ, давали полный просторъ его щедрости. Но онъ не могъ равнодушно видѣть ханжей, суевѣровъ, святошъ, лицемѣровъ — преслѣдовалъ ихъ всячески и подвергалъ наказаніямъ. Въ его время еще

¹⁾ Исходящія письма въ архивѣ акад. канц. 1746—1787 г.

²⁾ Протоколы Академіи наукъ за 1736 годъ.

была въ ходу астрологія; но онъ говаривалъ: *variens dominabitur astris*».

«Библиотека его возрасла наконецъ до 30 тысячъ томовъ лучшихъ изданій. Пользуясь ея сокровищами самъ, онъ охотно давалъ книги и другимъ и вообще своими знаніями—плодомъ внимательнаго чтенія и наблюдательности—онъ охотно дѣлился съ другими учеными людьми, которыхъ часто приглашалъ къ себѣ къ обѣду или вечеромъ къ ужину, когда по окончаніи дневныхъ занятій можно было вздохнуть свободно. Это были своего рода аттическіе вечера (*postes atticae*), съ которыхъ всякій выносилъ что нибудь умное (*peto, nisi doctior, egressus*)».

«Онъ никогда не позволялъ снять съ себя портрета. Но, по смерти его, императрица Анна приказала художнику срисовать его лицо и вырѣзать на мѣди. Въ кругу близкихъ лицъ, мѣшая шутку съ дѣломъ, онъ былъ гениально остроуменъ, такъ что собесѣдники съ жадностію ловили и старались запомнить его изреченія, аполוגи, притчи». «Они стоятъ того — говорить его біографъ—чтобы ихъ собрать и напечатать».

«Одинъ старый епископъ, получившій воспитаніе въ Россіи, за веселой чашей, говорятъ, сказалъ какъ-то, что пока мы пробавлялись родною пищею и родными напитками, были и здоровы и крѣпки, не знали ни болѣзней, ни лекарей; а какъ узнали заморскія утѣхи, какъ начали пить венгерскія, рейнскія, французскія, испанскія, ермитажныя, бургондскія, шампанскія и прочія еретическія вина, то узнали и подагру и хирагру и каменную болѣзнь и головокруженіе, и чахотку, а многіе и умираютъ въ цвѣтъ лѣтъ. Теофанъ замѣтилъ на это, что если другія страны даютъ лучше плоды и лучшую пищу, то отчего не принять ихъ съ благодарностію изъ руки Господа, Творца всѣхъ странъ?» «У него была поговорка: *uti boni vini non est quaerenda regio, sic nec boni viri religio et patria*».

«Особенное уваженіе Теофанъ имѣлъ къ сочиненіямъ Буддея, съ которымъ, равно какъ со многими другими учеными Германіи и Англіи, былъ въ перепискѣ. О философіи Вольфа, надѣлавшей въ его время много шума, говорилъ, что она годится для начинающихъ, а не для ученыхъ».

«Иностранцы, укоминавшіе объ немъ въ своихъ сочиненіяхъ,

Яблонскій, президентъ берлинской академіи наукъ, Фришъ, ректоръ берлинскій, Байеръ, профессоръ с.-петербургской академіи наукъ, Бильфингеръ тюбингенскій, аббатъ Мосгеймъ, Пфаффъ, Коль, Мартини и Страленбергъ—всѣ отозвались о немъ съ похвалою. Томасъ Консе, пасторъ англиканской церкви въ Россіи, въ изданной имъ на англійскомъ языкѣ книгѣ о состояніи русской церкви, подтверждаетъ все, что мы выше о немъ сказали¹⁾.

Датскій путешественникъ фонъ-Гавенъ, видѣвшій Θεοφана въ послѣдній годъ его жизни, говоритъ о немъ: «по знаніямъ у него мало или почти нѣтъ никого равныхъ, особенно между русскими духовными. Кромѣ исторіи, богословія и философіи, у него глубокія свѣдѣнія въ математикѣ и неописанная охота къ этой наукѣ. Онъ знаетъ разные европейскіе языки, изъ которыхъ на двухъ говоритъ, хотя въ Россіи не хочетъ никакого употреблять, кромѣ русскаго, и только въ крайнихъ случаяхъ объясняетъ

¹⁾ Томасъ Консе былъ съ 1718 года пасторомъ англиканской факторіи въ С.-Петербургѣ. Въ 1728 году Консе возвратился въ Англію и въ 1729 году издалъ въ Лондонѣ сочиненіе подъ заглавіемъ: *The present state and Regulations of the church of Russia, London. 1729.* Послѣ краткой исторіи русской церкви, въ которой онъ доказываетъ необходимость и важность церковной реформы, сдѣланной въ царствованіе Петра I, онъ помѣстилъ въ своемъ изданіи Духовный Регламентъ въ переводѣ на англійскій языкъ, повѣсть о смерти Петра Великаго, сочиненную Θεοφаномъ и нѣсколько словъ Θεοφана (на погребеніе Петра I, похвальное Петру Великому и на погребеніе императрицы Екатерины), на которыя онъ смотритъ, какъ на сокращенную исторію Петровыхъ дѣяній;—слово Гавріила Бужинскаго въ день годовичнаго поминкованія Петра I 28 января 1726 года въ переводѣ на латинскій и англійскій языкъ;—элегію Стефана Яворскаго къ своей библиотекѣ и—объясненіе нѣкоторыхъ русскихъ церковно-іерархическихъ названій (архимандритъ, игуменъ, настоятель, іеромонахъ, протопопъ, акаемствъ и пр.). Между прочимъ здѣсь напечатано письмо барона Гюйсена къ Консе изъ Москвы отъ 12 сентября 1728 года, въ которомъ тотъ писалъ: *Archiepiscopo Novogrodiensi, amico nostro et patrio communi, fasciculum tuum, quamprimum occasio dabitur eum conveniendi, tradam, una cum quaestionibus, quas nobis dilucidandas misisti. Nullus dubito, quin desiderio tuo satisfacturus sit.* Консе спрашивалъ, какъ видно изъ письма Гюйсена, объ Острогѣ, острожскомъ изданіи Библии и оригиналахъ этого изданія, объ исправленіи Библии при Петрѣ В., о раздѣленіи Евангелій и Посланій на зачала и почему не раздѣлены на такія жъ зачала книги ветхаго завѣта и апокалипсисъ. *Reverendissimus Novogorodiensis et Tverensis* — оканчивалъ свое письмо Гюйссенъ — *in praediis suburbanis, longius hinc disitis, morantur. Expecto responsum vel in scriptis, vel coram a Novogrodiensi, cui fasciculus tuus per domesticos illius transmissurus.* (The Prefac. XIX—XXII).

ся на латинскомъ, въ которомъ не уступитъ никому академику. По гречески и еврейски онъ также понимаетъ хорошо, и въ самой глубокой старости охотно занимается ими, оказывая любезное предпочтеніе тѣмъ, кто знакомъ съ этими языками. Теофанъ былъ особенно вѣжливъ и услужливъ съ иностранными литераторами и вообще съ иноземцами» ¹⁾.

Къ характеристикѣ Теофана могутъ служить также: 1) вѣстный анекдотъ (записанный у Штелина и потомъ у Голикова съ словъ Г. Н. Теплова). Теофанъ—имѣлъ у себя лучшую, какая только быть тогда могла, музыку инструментальную и вокальную. Иностранные министры, находя удовольствіе искать въ немъ дружба, часто посѣщали его и были угощаемы пышнымъ столомъ: такіа пирушки продолжались иногда за полночь. Знаменитый сей человекъ, пользуясь этимъ, проникалъ въ самые секретнѣйшіе ихъ планы и сообщалъ оныя монарху: почему и было ему весьма угодно таковое сего архіерея обращеніе. Но такое провозженіе времени, особливо съ иностранными, не нравилось другимъ архіереямъ, и преимущественно митрополиту Стефану Яворскому, который и жаловался на то Государю.—Одинъ изъ архіереевъ узнавши однажды, что помянутые иностранные министры ужинаютъ у Теофана, донесъ о томъ его величеству. Государь сказалъ на это: хорошо, поѣдемъ батюшка къ нему съ тобою и увидимъ правда ли то, и назначилъ для этого самую полночь. Въ назначенный часъ Государь съ тѣмъ архіереемъ, въ простыхъ саняхъ, безъ всякаго шуму, прибылъ къ самымъ дверямъ Теофановой залы. Слышать звуки музыки и — пирующихъ. Государь съ архіереемъ вошли въ собраніе. Случилось такъ, что хозяинъ въ то самое время держалъ въ рукѣ кубокъ вина; но увидя Государя, давъ знать, чтобы музыка замолкла и поднявъ руку, громогласно произнесъ: се женихъ грядетъ въ полунощи и блаженъ рабъ, его же обрящетъ бдяща, недостойнъ же, его же обрящетъ унывающа. Здравствуй всемилостивѣйшій Государь! Въ ту же минуту подносится всѣмъ присутствующимъ по такому же бокалу вина и всѣ пьютъ за здоровье его величества. Государь, обратившись къ сопровождавшему его архіерею, сказалъ: «ежели хотите, то можете остаться

¹⁾ Von Haven, Reise in Russland, S. 19—22.

здѣсь; а буде не изволите, то имѣете волю ѣхать домой, а я побуду съ столь пріятной компаніей» ¹⁾).

2. Юмористическое письмо Теофана къ лекарю Яну Говію ²⁾.

«Высокоблагороднѣйшему господину, Яну Говію, нашему давнему любимому камерату и милостивому благодѣтелю—здравіе и веселіе. За показанную вашу прибывшимъ намъ въ Кронштадтъ благосклонность премного благодарствуемъ. Что же касается до вашего въ погребъ сошествія, понеже нужда нашего скораго отъѣзда словесно предложить высокоблагородію вашему нашего о томъ разсужденія не допустила, того ради симъ всепокорнѣйше предлагаемъ. Вся сила разсужденія въ томъ, которому бы случало оное ваше подземныхъ посѣщеніе было подобное, и что бы знаменовало? Приходило намъ на мысль прекраснаго Іосифа въ ровъ отъ завистной братіи заключеніе: по сіе тому дѣлу не подобно, понеже вы никакихъ снова къ чести вашей, а и нашей зависти, не сказывали. Подумали мы и о Іереміи, всажденномъ въ яму: да ваше высокоблагородіе ничего намъ страшнаго пророчествовать не изволили. Помышлялось и о Даніиловомъ такомъ же страданіи: да и то сюды не причино; ибо и отъ вашей стороны не было ослушанія, и отъ другой коего либо повелѣнія, тогдашнему дѣлу подобныхъ. Еще же сверхъ того, какъ Іосифово, такъ Іереміино и Даніилово бѣдство происходило отъ чуждаго мучительнаго насильства: а ваше преклоненіе отъ вашего же произвола сдѣлано. А о паденіи ровокопателей, о которыхъ упоми-

¹⁾ Голкина, *Дѣлѣ Петра В.* Т. XV, стр. 212.

²⁾ Лекарь *Ян* или *Йоанн Гови* (Нову), голландецъ, принятъ въ русскую службу адмираломъ Корвезіемъ Крюсомъ въ 1697 году (въ числѣ другихъ пятидесяти лекарей) и сначала служилъ во флотѣ при Крюсѣ, а потомъ, за веселость нрава, получалъ мѣсто лейбъ-хирурга при Петрѣ I-мъ, пользовался его особеннымъ расположеніемъ и находился при немъ неотлучно, даже во время персидскаго похода. Чтобы дать своему лейбъ-хирургу случай важнѣе, Петръ I-й, послѣ заключенія нейштадтскаго мира, послалъ его въ Архангельскъ съ извѣстіемъ объ этомъ: тамъ его приняли съ чрезвычайными почестями, угощали на счетъ жителей и такъ богато одарили деньгами, что возвратившись онъ благодарилъ царя за эту милость. Послѣ смерти Петра I-го, онъ былъ главнымъ лекаремъ С.-П.-б. адмиралтейской госпитали и умеръ почти 80 лѣтъ отъ роду, въ 1748 году, не утративъ до смерти необыкновенной своей веселости. (*Исторія медицины въ Россіи*, В. Рихтера. Ч. III, М. 262, стр. 181. — Штелина, *Анекдоты Петра В.* Москва, 1796 г., стр. 550.)

нается въ псалмѣ 7 стихъ 16 и 8, въ притчахъ въ главѣ 26 стихъ 27, и въ главѣ 28 стихъ 10, и у екклесиаста въ главѣ 10 стихъ 5 или 8 (хотя и того не миновали прилежно о томъ разсуждающа), запретило намъ долго и помышляти ваше со всѣми обходительство, не токмо не коварное, но весьма простосердечное и ко всякому благоувѣтливое, мирное, любовное, терпѣливое, тихое, смиренное, кроткое, сладкое, не желчное, не злобное и проч. и проч. И такъ, не нашедше подобія въ св. писаніяхъ, принуждены мы были таковымъ попеченіемъ привникнуть и ко внѣшней исторіи, и увидѣли скоро у преславнаго римскаго историка Тита Ливія въ книгѣ дѣло, яко бы сему сличное. Повѣствуетъ онъ, что въ нѣкое время явилась незапно въ Римѣ глубокая и страшная пропасть; а по сказкѣ премудрѣйшихъ богослововъ имѣло римскому государству нѣкое не малое несчастіе приключиться, и отвратить оное инако будто бы не возможно было, развѣ самозвольнымъ знатнаго какого римлянина въ пропасть оную самаго себя вверженіемъ; и тогда-де изряднѣйшій ковалеръ Курціусъ, украсивъ и вооруживъ себя, какъ ему лучше возможно было, на лошади въ оную бездну вскочилъ, и въ тотъ часъ бездна затворилась и Римъ сталъ безъ печали. И изъ сего думали мы, что (по неже казалось намъ ваше оному стремленію весьма подобное) имѣло быть либо хозяину, либо гостямъ его, нѣкое не легкое злоключеніе, да мужественнымъ вашимъ въ глубину посскокомъ отвратилось. Ради мы было стали и вашему благородію за таковое спасеніе благодарить готовились: но когда потомъ разсмотрѣли, что о томъ, кое имѣло быть, да не сдѣлалось, яко о неизвѣстныхъ судьбахъ, говоритъ христіанское ученіе запрещаетъ: того ради и сего мнѣнія мы отстали. Прочее, чтѣ бы значаю ваше въ погребъ снисхожденіе, не можемъ ничего инаго придумать, только слѣдующее: или вы, государь нашъ, изволили таковымъ дѣйствіемъ показать намъ, не по достоинству нашему, но по природному вашему смиренномудрію, низжайшій поклонъ, или хотѣли вы отвѣдать, во всемъ ли сообщается съ вами хозяинъ, что въ погребѣ имѣеть. Если же и сямъ догадомъ нашимъ ошибаемся, то покорно просимъ высокоблагородіе ваше показать намъ самую истинную того причину; а мы въ томъ только пребываемъ

извѣстны, что сего 1734 года февраля 6-го дня высокоблагороднѣйшій господинъ Янъ Говій былъ въ погребу, и остаемся высокоблагородія вашего доброжелательные слуги и богомольцы. Въ подлинномъ подписался его преосвященства новгородскаго лекарь по нѣмецки, за новгородскаго и казанскаго архіереевъ и архимандрита александроневскаго, понеже они грамотѣ не учились, по ихъ прошенію руку приложили. 1734 года, 10-го февраля». (Государств. архив. Опись дѣлъ Волинскаго. Реэстръ V. св. 3, стр. 299).

XXXIV.

Школа.

Въ 1721 г. Теофанъ завелъ при своемъ домѣ школу, въ которую онъ принималъ сиротъ и бѣдныхъ дѣтей всякаго званія. Это была лучшая школа того времени какъ по внутреннему устройству, такъ и по достоинству доставляемаго ею образованія. Назначеніемъ мѣста для ея помѣщенія Теофанъ по видимому старался осуществить правило Духовнаго Регламента объ училищныхъ домахъ. Тамъ сказано: «мѣсто академіи не въ городѣ, но въ сторонѣ, на веселомъ мѣстѣ угодное, гдѣ нѣсть народнаго шума, ниже частыхъ окказій, которыя обычно мѣшаютъ ученія и находятъ на очи, что похищаетъ мысли молодыхъ человекъ и прилежать ученіямъ не допускаетъ». Мѣсто карповской школы совершенно удовлетворяло этимъ требованіямъ—представляло всѣ удобства для занятій и въ то же время не развлекало взоровъ сторонними предметами. Въ школѣ преподаваемы были: законъ Божій, славянское чтеніе, русскій, латинскій и греческій языки, грамматика, риторика, логика, римскія древности, арифметика, геометрія, географія, исторія и рисованіе.

Учителями въ школѣ были датчанинъ Адамъ Селлій съ 1722 по 1725 г.; профессоръ академіи наукъ Теофиль Сигфридъ *Байеръ* и иностранецъ Георгій Фридрихъ *Федоровичъ*¹⁾. Старшіе воспитан-

¹⁾ Федоровичъ былъ прусскій подданный и, судя по его фамиліи, вѣроятно

ники школы, дошедши до высшихъ классовъ, обучали младшихъ учениковъ школы и получали за это хотя небольшое жалованье.

Феофанъ написалъ для своей школы инструкцію, отзывающуюся нѣсколько иезуитскимъ духомъ. Она прочитывалась вслухъ всѣхъ воспитанниковъ 1-го числа каждаго мѣсяца ¹⁾).

Для развлечения учениковъ Феофанъ завелъ въ школѣ вокальную и инструментальную музыку. Послѣдней обучались желающіе у наемнаго мастера и потомъ сами обучали своихъ младшихъ товарищей. Это нововведеніе не нравилось нѣкоторымъ ригористамъ того времени. Какъ въ духовной школѣ учить музыкѣ? — «Хорошо ли—писалъ Родышевскій—не противно ли церкви святой и ученію ея написано въ XX-мъ пунктѣ о семинаріи, гдѣ дѣти будутъ священства и монашества ради учиться, дабы въ праздные дни была при столѣ ихъ музыка, или гласы мусикійскихъ инструментовъ? «И сіе, рече, не трудно; ибо перваго только нанять мастера, а отъ него наученные охотные семинаристы должны будутъ и иныхъ научати на свое мѣсто туне. И сія регулы — рече — воспоминаутыя служатъ ко увеселенію учащихся». Сему быти Златоустъ святой жестоко запрещаетъ; возбраняють и соборы апостольскіе и вселенскіе» ²⁾).

Биографъ Феофана (у Шерера) говоритъ, что Феофанъ не только позволялъ, но самъ завелъ въ школѣ сценическія представленія ³⁾).

происходилъ изъ отмѣтившихся прибалтійскихъ славянъ; онъ служилъ нѣкоторое время оберъ-аудиторомъ флота, а въ 1760 году принятъ въ Академію Наукъ профессоромъ юриспруденціи существовавшего тогда при ней университета и здѣсь принадлежалъ къ малочисленнымъ сторонникамъ Ломоносова; изъ Академіи уволенъ въ 1770 году. (*Докладъ присужденію Уваров. наградъ*, стр. 15. Спб. 1868). Между печатными письмами Феофана есть одно — къ Генриху Готтлобу Натцію, лютеранскому пастору въ Петербургѣ—(«при нѣмецкой киркѣ за Зимнимъ его величества дворцомъ»). Дѣла архива св. Синода, 1721 года. № 245)—который прислалъ къ нему молодого человѣка въ учителю латинскаго языка. Феофанъ проситъ Натцію доставить ему свѣдѣнія о его отечествѣ, родителяхъ, характерѣ и способностяхъ. (*Theophanis Epistolae. Epist. XIV. 23 мая, 1734 года*). Не объ Федоровичѣ ли была рѣчь въ этомъ письмѣ?

¹⁾ Инструкція — въ Приказныхъ № VIII.

²⁾ *Воспоминанія на Рымленскія Дѣла* въ рукописи Государ. архива.

³⁾ *Comedias sive ludos scenicos aliasque honestas recreationes non tantam indulxit, sed praecipit.*

Закопучители кадетскаго корпуса, іеромонахъ Лука Конашевичъ (впослѣдствіи архіепископъ казанскій) и іеродіаконъ Варлаамъ Скамницкій (впослѣдствіи епископъ вятскій), бывшіе вѣроятно закопучителями въ школѣ Теофана, дарилъ питомцевъ его школы деньгами. Теофанъ написалъ на этотъ счетъ два небольшихъ юмористическихкихъ стихотворенія.

Къ іеромонаху и діакону кадетскимъ, когда они деньгами питомцевъ подарили:

Pressi pauperie nostros ditastis alumnos,
Quos sancta argentum lex vetat accipere.
Utque abitu vestram rem vestra pecunia lesit,
Sic illis aditu noxia factu sua est.
Phoebe doce, quod sit plagrae medicamen utrique?
Nummorum ex reditu, non nisi, Phaebus ait.

Сами бѣдны сверхъ нашихъ питомцевъ дарилъ,
Которымъ не брать наши правила учили.
И какъ вамъ ваши деньги вредны при отходѣ
Такъ онимъ вредны стали при опыхъ приходѣ.
Скажи, о солнце, какое обонимъ лекарство падо?
Говорятъ: развѣ деньги отослать отрада.

Равно Лука въ сундуки кладешь руку
Изъ пустаго черпаешь . . . . .

Много даешь, а мало имѣешь — вси знаютъ.
Повѣрь мнѣ Лука, что ты дѣлаешь противно.
Прежде самъ разбогатѣй, потомъ дать не дивно.

Изъ переписки Теофана видно, что онъ посылалъ своихъ учениковъ, для усовершенствованія въ наукахъ, въ гимназію при Академіи Наукъ. Въ 1730 г. посланы были къ профессору Гроссу: Ілья Ксиландеръ, Михайло Живницкій (Vives), Иванъ Меньшой, Иванъ Воиновъ, Яковъ Одноглазый (Monoculus), Яковъ Воронковъ, Григорій Тепловъ, Петръ Тулуповъ, Симеонъ Сѣдякъ (Sedens) и Алексѣй Колумелла ¹⁾.

Всего обучалось въ его школѣ, во время пятнадцатилѣтняго ея существованія, до 160 юношей. Мы имѣемъ списокъ учениковъ только за послѣдній годъ школы.

¹⁾ Тумашскаго, Росс. мазамъ. Ч. III, стр. 471.

Михайлъ Живницкій.
 Григорій Тепловъ.
 Трофимъ Уляповъ.
 Яковъ Мултыянский.
 Иванъ Моисеевъ.
 Степанъ Савицкій.
 Ѳедоръ Свѣтлой.
 Степанъ Гулевицъ.
 Василій Несторовъ.
 Улянь Калмыкъ.
 Максимъ Богдановъ.
 Андрей Типикъ.
 Семень Котельниковъ.
 Семень Романовъ.
 Николай Николаевъ.
 Андрей Кривцовъ.
 Иванъ Калмыкъ.
 Несторъ Дмитріевъ.
 Герасимъ Степановъ.
 Александръ Андреевъ.
 Игнатій Самсоновъ.

Яковъ Петрулинь.
 Петръ Тулуновъ.
 Яковъ Звѣревъ.
 Иванъ Сычъ.
 Прокопій Макарьевъ.
 Алексѣй Флоровъ.
 Наумъ Покуска.
 Сергѣй Львовъ.
 Алексѣй Чижъ.
 Николай Горканецкій.
 Иванъ Ивановъ.
 Никита Савельевъ.
 Григорій Павловъ.
 Максимъ Горканецкій.
 Степанъ Дмитріевъ.
 Иванъ Дмитріевъ.
 Антонъ Калмыкъ.
 Алексѣй Протасовъ.
 Иванъ Андреевъ.
 Иванъ Львовъ.
 Иванъ Черицовъ.

По смерти Ѳеофана школа его поступила въ вѣденіе Кабинета. Въ 1738 году 22-го марта Кабинетъ представилъ о ней докладъ Императрицѣ слѣдующаго содержанія: «прошлаго 1736 года, сентября 8-го дня, преосвященный новгородскій архіерей Ѳеофанъ умре; а при жизни своей онъ, архіерей, особливимъ своимъ тщаніемъ, собирая сиротъ, учредилъ для наукъ оныхъ семинарію и содержалъ оную весьма въ добромъ порядкѣ со многими иждивеніемъ своего персональнаго имѣнія. При кончинѣ же жизни своей оный архіерей всему оставшемуся по немъ собственному его иждивенію написалъ реестръ, положила всему примѣромъ цѣну, и во всемъ томъ послѣ себя учредилъ на слѣдникахъ вышеозначенныхъ изъ сиротъ семинаристовъ въ разсужденіи томъ, что когда изъ тѣхъ семинаристовъ кто, по окончаніи наукъ, опредѣлится куды къ дѣламъ, дабы оный тѣмъ даннымъ ему награжденіемъ могъ себѣ озаботиться постройкою

двора и завестись домою, чтобъ отъ скудости не оставилъ своей науки. Токмо изъ того реестра основательное завѣщаніе сочинить и подписать, за тяжкою болѣзнію, не могъ, но присутствующихъ притомъ нижегородскаго архіерея Пятирима и другихъ духовныхъ (которые къ тому оставшему по немъ реестру подписались) просилъ, чтобъ они по тому его желанію о исполненіи приложили свое тѣщаніе и чтобъ оныхъ награждать, смотря по ихъ прилежности и произведеніи въ наукахъ, тогда, какъ по окончаніи наукъ опредѣлятся къ дѣламъ. Того ради ваше императорское величество не соизволите ли повелѣть, въ разсужденіи помянутаго покойнаго архіерея Феофана вѣрной и ревностной къ вашему императорскому величеству его службу, и особливо, что онъ такъ добропорядочно изъ сиротъ семинарію содержалъ и не мало ихъ обучалъ въ пользу государственную, по вышеупомянутому его желанію всемилостивѣйше повелѣть: платье и прочія его вещи персональныя и оставшія за отдачею въ невской монастырь, излишнія книги, и собственные его дворы—первый деревянный близъ р. Карповки; второй приморской каменной; третій въ Москвѣ каменной же распродать, ибо изъ оныхъ на Карповкѣ деревянный и нынѣ требуетъ не малой починки, а когда долѣе стоять будетъ, то отъ большаго поврежденія къ починкѣ немалого изживденія требовать будетъ; а московскій въ прошедшій пожаръ погорѣлъ. А полученныя за то деньги отдать въ особое смотрѣніе, кому ваше императорское величество повелѣть соизволите, съ такимъ опредѣленіемъ, чтобъ оный тѣ деньги по наилучшему своему усмотрѣнію употребилъ отдачею въ проценты. Изъ которыхъ денегъ когда кто изъ семинаристовъ, по довольномъ обученіи, опредѣлится къ какимъ дѣламъ, то онымъ на постройку домовъ, и чтобъ они могли озаводиться и не были бъ по своимъ наукамъ въ бѣдности, чинить награжденіе по разсмотрѣнію; также употреблять и тѣмъ семинаристамъ, которые нынѣ въ семинарію въ невскій монастырь отпшются, а монастырскихъ доходовъ иногда не достанетъ. А четвертый его каменный на адмиральтейской сторонѣ дворъ, котораго на покупку денегъ ваше императорское величество ему пожаловать соизволили, не соизволите ль всемилостивѣйше пожаловать къ всакіевской церкви служителямъ, ибо она церковь строена изъ казны; а близъ той церкви деревяннаго строенія строить не

указано, а каменнаго построить служителя не въ состояніи. И о томъ ваше императорское величество что всемлюстивѣйше указать соизволите. При томъ подписано: К: Алексѣй Черкасскій. На подлинномъ подписана резолюція такова: учинить по сему и оное все поручить въ смотрѣніе и управленіе нашему тайному дѣйствительному совѣтнику, князю Черкасскому; а на петербургскомъ острову дворъ приписать ко дворцу». «При томъ подписано собственною ея императорскаго величества рукою тако: Анна. Марта 22 дня 1738 году».

Того же числа и года послѣдовало такое распоряженіе въ императорскомъ Кабинетѣ: «понеже по именному ея императорскаго величества указу, за собственноручнымъ ея величества подписаніемъ сего марта 17 дня данному Кабинету, по которому повелѣно семинаристамъ, которые содержались въ домѣ покойнаго архіепископа новгородскаго Феофана, всѣхъ розобрать и которые изъ нихъ въ совершенныхъ лѣтахъ и въ высшія науки поступить не могутъ, то такихъ опредѣлить къ дѣламъ по разсмотрѣнію, а достойныхъ къ обученію высшихъ наукъ перевести въ семинарію невскаго монастыря, а неспособныхъ оставить: и по силѣ того высочайшаго повелѣнія о помянутыхъ семинаристахъ разсматривано и рѣшено опредѣлить ихъ по нижеписанному росписанію, а именно: Ивана Иванова, Якова Осипова, Григорья Теплова, для обученія той семинаріи другихъ семинаристовъ на время, за совершенными лѣтами, которые далѣе наукъ продолжать не могутъ, къ дѣламъ. Мартина Ильина сына Шенна, Петра Михайлова, Трофима Ульянова отослать въ медицинскую канцелярію къ архіатеру для опредѣленія по ихъ наукамъ, о которыхъ отъ него, архіатера, и доношеніемъ требовано. Якова Юрьева — въ инженерный корпусъ въ мастера живописнаго дѣла, понеже онъ другому не учился. Прокофья Макарьева въ Новгородъ въ архіерейской домъ въ школу въ учителя російской грамоты и пѣнія, ибо онъ въ обученія латинскаго языка не повятевъ. Максима Васильева, Алексѣя Васильева — въ вѣдомство Канцеляріи отъ строеній въ живописцы, понеже они кромѣ того иныхъ никакихъ наукъ не обучались. Ивана Мошѣева — въ Комерцъ-коллегію въ канцеляристы. Ивана Стефанова сына Сыча, Стефана Васильева сына Савицкаго, Василья Алексѣева, Семена Романова, Николая Степанова сына

Горканицкаго, Степана Грека, Николая Грека, Андрея и Наума Тимофѣевыхъ, отпустить въ дома къ отцамъ ихъ, ибо отцы объ отпускѣ оныхъ просятъ, что оныя на ихъ иждивеніи далѣе науки продолжать могутъ. А достальныхъ—Алексѣя Фролова, Федора Алексѣева, Сергѣя Львова Ростовцева, Ульяна Калмыка, Алексѣя Протасова, Наума Еремѣева, Ивана Иванова, Семена Кирилова Котельникова, Максима Иванова, Ивана Львова Ростовцева, Андрея Емельянова, Ивана Дмитріева, Герасима Степанова, Ивана Калмыка, Антона Калмыка, Нестера Дмитріева, Григорья Павлова, Никиту Савельева—отослать, для дальнаго и лучшаго оныхъ обученія, въ семинарію въ невскій монастырь, гдѣ ихъ обучать и довольствовать во всемъ такъ, какъ при вышеупомянутомъ архіереѣ Теофанѣ. И хотя они въ оной семинаріи жить должны, однакожъ для нихъ отвѣсть особые покон, чтобъ они какъ въ житѣѣ, такъ и въ пищѣ, отъ прочихъ тамошнихъ семинаристовъ были отмѣнены. И съ ними жъ отослать употребляемую для нихъ всю оловянную и мѣдную посуду, такожъ и бѣлье въ невской же монастырь. Подлинное подписали: Андрей Остерманъ. К. Алексѣй Черкасскій».

Объ отосланныхъ въ невскую семинарію въ 1741 году послѣдовалъ высочайшій указъ изъ Кабинета: «понеже оставшіеся послѣ бывшаго Теофана архіепископа новгородскаго семинаристы отосланы въ троицкій александровскій монастырь, изъ которыхъ, какъ извѣстно, многіе лѣтами уросли, и за тѣмъ уже ихъ къ дальнѣйшимъ наукамъ употреблять невозможно: того ради въ Кабинетѣ разсуждено оныхъ семинаристовъ св. Синоду разсмотрѣть, и кого изъ нихъ куда по способности опредѣлить надлежитъ, объ ономъ представить въ Кабинетъ». Вслѣдствіе этого разбора трое отпущены въ Малороссію къ отцамъ. Иванъ и Сергѣй Ростовцевы, Иванъ Дмитріевъ, Герасимъ Степановъ, Антонъ и Иванъ Калмыковы остались въ семинаріи. Андрей Емельяновъ выпросился въ кievскія школы. Алексѣй Соловьевъ, Несторъ Дмитріевъ и Федоръ Свѣтлый отпущены въ новгородскую семинарію. Протасовъ и Котельниковъ—въ Академію Наукъ для продолженія образованія ¹⁾).

¹⁾ Дѣла архива александровской лавры—1741 г. № 3841 и 1745 г. № 4996.

Нѣкоторые изъ воспитанниковъ Теофановой школы приобрѣли извѣстность на ученomъ, административномъ и другихъ поприщахъ общественной службы. *Бодановъ* былъ учителемъ въ московской академіи и потомъ справщикомъ въ московской синодальной типографіи (†1743 года). *Г. Н. Тепловъ*—съ 1740 года переводчикъ, съ 1741 года адъюнктъ Академіи Наукъ, для которой, по порученію президента ея, бывшаго его воспитанникомъ, графа Разумовскаго, составилъ новый Регламентъ. Впослѣдствіи былъ статъ-секретаремъ при императрицѣ Екатеринѣ II и сенаторомъ (†1779 года). *А. П. Протасовъ* (сынъ рядоваго л. г. семеновскаго полка) и *С. К. Котельниковъ* (сынъ рядоваго л. г. преображенскаго полка), продолжавшіе ученіе въ Академіи Наукъ, были потомъ дѣйствительными членами ея и Россійской Академіи.—*Степанъ Савицкій*, придворный діаконъ, былъ законоучителемъ въ академической гимназіи, а съ 1742 г. придворнымъ проповѣдникомъ ¹⁾.

Шереровъ біографъ Теофана говоритъ, что лучшіе изъ его воспитанниковъ посылаемы были въ разныя мѣста государства для учрежденія школъ и для обращенія иноподданныхъ въ христіанство.

XXXV.

Домовое хозяйство.

У Теофана было два дома въ С.-Петербургѣ: деревянный на аптекарскомъ острову на рѣчкѣ Карповкѣ, давшій названіе улицѣ — *архіерейской*, сохраняющееся и до сихъ поръ; — каменный на адмиралтейской сторонѣ ²⁾;—приморская дача (мыза) между

¹⁾ Въ 1744 году *Савицкій*, вмѣстѣ съ другимъ придворнымъ проповѣдникомъ, священникомъ *Евстафіемъ Момиланскимъ*, уволены отъ сказыванія проповѣдей при дворѣ. Савицкій — между прочимъ — и по тому побужденію, что читалъ свои проповѣди не наизусть, а по написанному.— Могиланскій, по высочайшему повелѣнію, опредѣленъ въ Полтаву протоіереемъ къ церкви Воскресенія Христова. Послѣ нихъ оффиціального проповѣдника при дворѣ не было до 1758 г., до назначенія въ эту должность учителя московской академіи, іеродіакона *Гедсона Криновскаго*.

²⁾ Въ 1755 г. 6-го мая, по высочайшему именному указу, велѣно было вы-

Петергофомъ и Ораніенбаумомъ (на мѣстѣ, занимаемомъ въ настоящее время Собственною дачею Его Величества), состоявшая изъ каменнаго дома и угодій, въ число которыхъ входило и мѣсто, занимаемое нынѣ дачею ея императорскаго высочества, в. к. Маріи Николаевны: здѣсь помѣщалась семинарія; — домъ въ Москвѣ на Мясницкой улицѣ и домъ въ подмосковномъ селѣ Владыкинскомъ. «У него (Феофана) — писалъ иностранецъ фонъ-Гавенъ — сильная страсть къ постройкамъ, которыя хотя опустошаютъ его казну, за то очень кстатн въ Петербургѣ, гдѣ такъ много не застроенныхъ мѣстъ. Еще за нѣсколько дней передъ смертю онъ показывалъ одному лицу проэктъ и чертежъ дома, который предполагалъ строить и просилъ сдѣлать на него свои замѣчанія ¹⁾. Биографъ его у Шерера замѣчаетъ о немъ: *architecturae eum fuisse studiosissimum atque peritum demonstrant varia palatia cum hortis, quae Mosqua, Petropoli in Carrovka et prope Petroviam ingeniose extruxit, quin et templa, quae sacris vestibus, stolis, horologiis et imaginibus tam sculptis, quas pictis docenter ornavit*».

Большую часть года (обыкновенный петербургскій зимній сезонъ) Феофанъ жилъ на Карповкѣ. Домъ его окруженъ былъ лѣсомъ и имѣлъ прекрасные виды. Феофанъ такъ дорожилъ этими видами, что когда лейбъ-медикъ Ригеръ предположилъ провестъ въ лѣсу двѣ аллеи: то Феофанъ просилъ его не направлять ихъ къ его дому, но провестъ въ сторонѣ. «Мнѣ не деревьевъ — писалъ онъ къ Ригеру — жалъ, но прекраснаго вида» ²⁾.

На рѣчкѣ, подлѣ его дома, стоялъ цѣлый маленькій флотъ, состоящій изъ судовъ разной величины и устройства для рѣчныхъ прогулокъ Феофана. Впрочемъ, по мелководью Карповки, рѣчное катанье было не всегда удобно. За то въ хорошую воду Феофанъ ѣзжалъ на своей баржѣ или на яхтѣ въ Синодъ, въ невскій монастырь, въ прирѣчные дома и, по заливу, до своей приморской мѣззы.

дать Феофану на покупку двора 5000 р., изъ доходовъ синодальнаго казеннаго приказа. Это было послѣ пожара, во время котораго обгорѣлъ каменный домъ его на адмиралтейской сторонѣ.

¹⁾ Von Haven's—*Reise in Russland*, s. 22.

²⁾ Epistola XVI.

Въ 1723 году, 11 марта, Феофанъ взялъ къ себѣ изъ спаскаго училищнаго монастыря *іеродіакона Адама*, въ помощь для домоваго хозяйства и для надзора за учениками ¹⁾. Этотъ Адамъ былъ фактотумомъ Феофана и исполнялъ всѣ возможныя его порученія. Родышевскій считалъ его такимъ же лютераниномъ, какимъ—по его понятію—былъ самъ Феофанъ. Феофилактъ Лопатинскій также говорилъ о немъ, что онъ «только для виду православный, все по лютеранскимъ домамъ бѣгаетъ и у Брюса (отъявленнаго атеиста) чутъ не живеть».

Адамъ скончался въ 1734 г., за два года до кончины Феофана. Признательный Феофанъ составилъ въ честь его эпитафію латинскими стихами, и самъ же перевелъ ее на русскій языкъ.

Новопреставленнаго іеродіакону Адаму эпитафію.

Ridebas o Adam, curas mundi hujus inanes,
 Tu quoque stultitiae pars aliquanta suae,
 Scilicet ut vanos multi sectentur honores
 Seque hac, ante diem, tabe sitique necent.
 Utque alii insomnes ducant noctesque diesque
 Quo sibi pestiferae conglomerentur opes.
 Utque etiam dominos, qui pregressant saepe potentes
 Nil miserum, quod agant, nil sibi turpe putent.
 Cuncta haec ridebas. Sed coelum raptus in altum
 Majore irrides, extenuaque joco.
 Nos vero ereptos plures tibi plangimus annos
 Sed quia et hoc rides, pangere desinimus.

Ita lugens canebat emulus ejus et commilito, Samuel Tezka,
 seminarii Theophanei cultor.

Смѣялся ты Адаме, коль міръ суестрастный,
 И самъ его дурости бивъ вѣчто причастный,
 Какъ сей и той жарко праздныхъ честей жаждеть
 И отъ сего смертную въ сердцѣ болѣзнь страждеть.
 А другій и дни безъ сна проводить и ночи,
 Какъ бы злата кучами повеселить очи.
 А кто мощайшихъ господъ за ножи хватаетъ,
 Тотъ ничего и въ бѣдность и въ стыдъ не виѣняетъ.
 Ты жъ то ругалъ. Позванъ же въ небесныя горы
 Еще смѣшнѣе началъ ругать наши здоры.

¹⁾ Не должно смѣшивать его съ Адамомъ Селіемъ, занимавшимся обученіемъ въ Феофановской школѣ въ 1722—1726 гг.

А мы плачемъ о тебѣ горько, неутѣшно,
 Что на тебя наша смерть такъ рано, такъ спѣшно.
 Да ты сталъ и на сіе смѣхотворно врать
 И мы уже по тебѣ перестаемъ плакать.

Тако воспѣлъ съ плачемъ другъ его и подражатель
 Самоило Теска, Теофановой семинаріи смотритель.

Экономомъ архіерейскаго дома былъ іеромонахъ *Герасимъ*, котораго Теофанъ и весь домъ его ублажали юмористическими стихами за приготовленіе хорошаго солоду.

За хороший солодъ благодареніе эконому.

1) *Отъ Ильи* ¹⁾.

Честный отецъ Герасимъ
 Чинъ мы тебя украсимъ
 За хлѣбецъ твой питейный
 Обиходецъ келейный?
 Кто пьетъ его, тотъ пляшетъ
 Да и рукою машетъ.
 А я хоть отвѣдаю,
 Что дѣлать невѣдаю.
 Хвалить тебе все явно
 Хотя не весьма славно.
 Благодаренъ же и я
 Вѣрный твой другъ Илья.

2) *Отъ Самою.*

Вѣдать прочъ жажда, бѣжить и печальный голодъ,
 Гдѣ твой, отецъ экономъ, находится солодъ.
 Да и чудо онъ творитъ дивнымъ своимъ искусомъ:
 Пьешь я, хоть обмочусь однимъ только усомъ.

3) *Отъ учителя.*

Солодъ твой, о экономъ, кажется садъ Ноевъ
 И сей бо даетъ напою, лучшей всѣхъ напоювъ.
 Но тамъ отецъ маслѣнкѣ, а смѣхъ подпалъ гнѣву:
 А твоему пороку той не прилежитъ пиву.
 И честенъ ты за сіе, не боишься срама,
 Не какъ онъ обруганный отъ мерзкаго Хама.

¹⁾ Илья Кенландеръ, изъ учениковъ Теофановой школы, по должности—именданный его дома. Но какія пріяныя обязанности скрывались за этимъ наименованіемъ—не знаемъ.

4) *Отъ мамы дитя.*

Гдѣ ты, о бородушка,
 Залучилъ ты солодушка,
 Какова здѣсь не было?
 Такъ-то пріятель зѣло.
 Гдѣ-съ ты ѣдилъ далеко
 Гдѣ птичье колово?
 Понесе слово въ слово
 Такъ сладко и здорово.

5) *Отъ Ноймана жиды.*

Взреть меня на сіе нитейцо оскома:
 А то есть честный промыслъ отца эконома.
 Люблю сладко пріятно
 Въ ротъ течеть невозвратно.
 Коли бъ пращиди наши такого достали,
 Въ пустыни на Моисея вѣкъ бы не ронтали,
 Но взявшись за боки
 Всѣ бъ поднимались вскоки.
 Горько было бѣдникъ нитъ, а намъ сладко нитѣ.
 Хвалить тебя батюшка въ карповской пустыни,
 Хвалить самъ архіерей,
 Кольми наче я еврей.

6) *Отъ дворянъ.*

За честь твоего солоду
 Лобзаемъ твою бороду
 Батюшка нашъ кормитель.
 Никто не можетъ сказать
 Въ какой стала благодати
 Твоя къ намъ добродѣтель.
 Когда трудовъ твоихъ пиво
 Что пивется за диво
 Прилежно рассуждаемъ,
 Новгородскія шамле,
 Которую пьютъ ариге,
 Весьма забиваемъ.
 Да то чудо весьма странно,
 Что хотя и непрестанно
 Пиво то съ боки льется
 И течеть по вся недѣли,
 А намъ еще и доселѣ
 Давно какъ не привьется.

Солодъ новгородскаго архіерейскаго дома и приготовляемое изъ него пиво извѣстны были всей знати по своей доброкачественности ¹⁾. Въ слѣдственную комиссію объ А. П. Волынскомъ, между множествомъ лицъ, взяты были и Герасимъ для объявленія, какіе онъ дѣлалъ подарки Волынскому. Герасимъ показалъ между прочимъ, что однажды, какъ онъ былъ у Волынскаго, послѣдній спросилъ его между разговоромъ: «говорять, у васъ хорошій солодъ?» Герасимъ счелъ это за намекъ извѣстнаго рода и послалъ ему 15 четвертей солоду ²⁾.

Денежные доходы и хлѣбные и прочіе сборы съ принадлежащихъ Теофану и новгородскому архіерейскому дому селъ и деревень были очень велики. Въ 1733 году въ с.-петербургской конторѣ новгородскаго архіерейскаго дома въ присылкѣ было денегъ 11,109 руб.; въ 1734 г. — 11,153 руб.; въ 1735 г. — 9,814 р. 69 коп. Хлѣба (муки ржаной, пшеничной, гречневой, гороховой, солоду, крупъ гречневыхъ, ячныхъ, овсяныхъ, толокна, овса), въ 1733 году въ приходѣ: 3063 четверти $3\frac{1}{2}$ четверика; въ 1734 году — 4684 четверти $2\frac{1}{2}$ четверика; въ 1735 г. — 4420 четвертей 4 четверика.

Все, получаемое въ приходѣ, поступало въ расходъ. Мы укажемъ на нѣкоторыя статьи расхода денегъ и хлѣба по архіерейскому дому за одинъ изъ тридцатыхъ годовъ. — На покупку для архіерейскаго дома свѣжей рыбы, бѣлужины, осетрины, осетровыхъ тѣшекъ и спиннокъ копченыхъ, раковъ, икры черной,

---

¹⁾ Въ бумагахъ Императрицы Анны (въ Государственнѣмъ архивѣ) мы встрѣтили письмо отъ одной знатной дамы (вѣроятно жены Вирона) къ Теофану, съ благодарностію за доставленіе ей такого пива, противъ котораго она нигдѣ не могла достать, и съ изъявленіемъ желанія, чтобы онъ и впредь не оставалъ ее этой присылкой. Письмо это писано, по видимому, въ 1732 году, въ началѣ января. «Преосвященный господинъ, г. архіерей новгородскій! За всѣ показанныя вашего преосвященства въ бытность нашу здѣсь (въ Москвѣ) къ намъ благопріятства, а особливо въ неоставленіи присылкою для меня и мужа моего толь пріятнаго пива, противъ котораго я еще нигдѣ не могу достать, покорно благодарствую; и въ надеждѣ вашего преосвященства всегдашней къ намъ благосклонности прошу, дабы и въ Питербургѣ, куда ея и. в. завтра намѣрена путь свой отсюда продолжать, ежели понадобится, также соизволила призвать онаго изъ дому своего по нѣскольку отпустить, когда я присылать буду. Весьма я благонадежна и есмь всегда» (безъ подписи).

²⁾ Изъ дѣла о Волынскомъ въ Государственнѣмъ архивѣ.

вишги, утрей, уструсей, анчоузовъ, и въ датѣ поварамъ на учрежденіе осетра припасовъ, 628 руб. 88 к. На покупку про архіерейскій домъ сенту, пантоку, реншвину, бургунскаго, мушкателью, фронтеніаку, пикардону, бѣлаго и краснаго ренскаго и оглонскаго, пива аглинскаго, любскаго и висмарскаго, водки гданской и сивухи украинской — 509 руб. За купленные для архіерейскаго дома новую баржу и два гуербома, за поправку яхты, торншкота и лодокъ — 314 руб.

Жалованья домовымъ служителямъ въ годъ 1086 рублей и хлѣба 764 четверти 5 четвериковъ. Изъ чиновныхъ и служебныхъ лицъ архіерейскаго дома выдавалось жалованье — ризничему, управителю, дворецкому, священнику, дьячку, интенданту, учителю, секретарю, 2 канцеляристамъ, 4 копистамъ, лекарю, кухмистеру (200 р.), садовнику, яхтенному, 3 матросамъ, баржаному, 8 гребцамъ, конюшему, 2 кучерамъ, 2 конюхамъ, 2 порникамъ, 3 малярамъ, 2 рѣщикамъ, 10 столярамъ, токарю, каменщику, 2 погребнымъ, 2 поварамъ, приспѣшнику, скатерному, портному, 3 сторожамъ, огородному, скотницѣ, мызнику.

На покупку, въ питомство людямъ, разной живности и живыхъ быковъ 950 рублей. На покупку для свѣтскихъ людей курительнаго табаку и трубокъ 10 руб. 98 коп.

Мы показали приходъ и расходъ только по с.-петербургскому дому. Всего же по архіерейскому дому, въ приходѣ денегъ было: въ 1733 году 13,823 руб.; въ 1734 году 14,680 руб.; въ 1735 году 13,180 рублей. Хлѣба въ 1733 году 12,567 чет.; въ 1734 году—12,386 чет.; въ 1735 году—14,839 четвертей.

Кромѣ того въ новгородскій архіерейскій домъ изъ разныхъ домовыхъ мѣстъ получалось разныхъ столовыхъ, конюшенныхъ и прочихъ припасовъ въ годъ: лососей 1500, сига въ копченыхъ и вялыхъ 2100, икры 11 пудовъ, дробной рыбы 6 бочекъ. Всѣ эти припасы перевозились въ С.-Петербургъ для архіерейскаго дома. Изъ 20,000 пудовъ сѣна половина отправлялась въ С.-Петербургъ.

На содержаніе домовой архіерейской конторы въ С.-Петербургѣ собиралось особо по $\frac{2}{3}$ коп. съ души, со всѣхъ крестьянъ, бывшихъ за монастырями (41,594 души) и градскими церквами (315 душъ) новгородской епархіи — всего до 512 руб.

Госпитали для престарѣлыхъ, увѣчныхъ и сиротъ, заведенные

митрополитомъ Іовомъ, поддерживались и при Теофанѣ. Въ вѣдомости 1736 года перечисляются набережные госпитали — два госпитали на волховскомъ мосту у Чуднаго креста, — два за Теговскими воротами, — на Торговой сторонѣ у проѣзжихъ воротъ, и знаменскіе госпитали. Во всѣхъ госпиталяхъ въ этомъ году было 88 человѣкъ мужскаго пола, 162 женскаго, обоихъ 247: въ томъ числѣ 1 со времени митрополита Корнилія — больше 35 лѣтъ, 12 со времени митрополита Іова больше 30 лѣтъ, 34 больше 25 лѣтъ, 21 больше 15, 18 больше 10 лѣтъ пользовались прирѣніемъ богадѣленъ.

Теофанъ принималъ у себя многихъ знаменитыхъ лицъ, пощавшихъ С.-Петербургъ и Москву. Мы упоминали выше о приемѣ китайскихъ пословъ. Въ 1734 году посѣтилъ его принцъ Бевернскій, впоследствии супругъ Анны Леопольдовны. Въ томъ же году онъ угощалъ у себя Гданскихъ депутатовъ.

Въ 1730 году посѣтила его Императрица въ подмосковномъ селѣ Владыкинѣ; а въ 1733 году — въ приморской мызѣ за Петергофомъ. Теофанъ сочинилъ на случай этого высочайшаго посѣщенія стихи на латинскомъ языкѣ, съ русскимъ, по обычаю, переводомъ.

In adventum augustissimae Russiarum Imperatricis Annae Ioannidis, cum nos in maritima villa nostra visitaret.

Parva quidem villa, haec parvos est nacta colonos
 Sev vernas, humilem sev tuearis herum.
 Magna tamen facta est, quando te Maxima Princeps
 Excipit in gracilem, sorte favente, sinum.
 Magnus honor ruri est, magna est haec gloria nobis
 Tanti dignatis sors quibus est hospitis ore frui.
 Augeat ergo Tui Numen fastigia regni,
 Quae facis aspectu rura beata Tuo.

На приходѣ с. и. в. Анны Иоанновны, когда насъ въ приморской мызѣ нашей посетить изволила.

Малое се жилище и жители малы
 Хотя бъ и съ хозяиномъ къ оцѣнкѣ пристали.
 Но стала быть деревня велика и славна,
 Когда прибылъ дражайшій гость, Анна державна.
 Драгая жъ то честь мѣсту, счастье наше драгое
 Видѣть очи свѣтлыя гостя таковаго.
 Богъ же Ей да умножитъ царство всемогущій
 Когда входомъ Ей славны и сельскія кущи.

XXXVI.

Смерть и погребеніе Оеофана.

Чрезвычайные труды и постоянное напряженіе душевныхъ силъ изнурили здоровье Оеофана и были причиною его преждевременной смерти.

Преосвященный Оеофанъ скончался, на карповскомъ своемъ подворьѣ, въ 1736 году 8 сентября въ 4 часа 24 минуты по полудни, на 55 году жизни, сохранивъ до послѣдней минуты полное сознаніе ¹⁾. При кончинѣ его находились синодальные члены: преосвященный Пятиримъ, архіепископъ нижегородскій, и архимандриты — александроневскій Стефанъ Калиновскій и новоспасскій Никодимъ Сребницкій. По преставленіи тѣло его убрано было во все архіерейское церковное облаченіе, а поверхъ всего облаченія надѣтъ наперсный животворящій крестъ.

На другой день (9 сентября) въ св. Синодѣ состоялось опредѣленіе: 1) по покойномъ преосвященномъ Оеофанѣ въ новгородскомъ архіерейскомъ домѣ и епархіи той отнынѣ чинить достоподобное поминовеніе, какъ и по прежде преставльшихся архіереяхъ отправляемо было, неотмѣнно; и чтобъ оное всемѣрно было исполнено, того смотрѣть накрѣпко обрѣтающимся въ новгородской архіерейской консисторіи и разрядѣ управителямъ; 2) новгородскаго архіерейскаго дома церковныя, домовыя, епаршескія и персональныя покойнаго преосвященнаго всякія вещи, по полученіи указа того жъ времени безъ наималѣйшаго промедленія, обрѣтающимся въ новгородской архіерейской консисторіи и разрядѣ правителямъ и новгородскаго архіерейскаго дома эконому и домовымъ секретарямъ самимъ всѣмъ тщательно все осмотрѣть и описать, и явившееся въ наличности хранить въ приличныхъ мѣстахъ съ крайнимъ наблюдательствомъ во всякой цѣлости, дабы ничему ни малѣйшей траты приключитися не могло; 3) новгородскую епархію

---

¹⁾ Говорятъ, будто Оеофанъ, чувствуя приближеніе кончины, приставилъ ко рту указательный палецъ и произнесъ: «о, главо, главо! разума упившись, куда ся приклонишь?» (Москвитян. 1842 г. кн. 1, стр. 91).

и архіерейскаго дома служителейъ духовными и прочими дѣлами, до предбудущаго архіерея, вѣдать и управлять консисторскимъ и разряднымъ правителямъ, эконому и секретарямъ, безъ всякаго пристрастія и склоненія къ неправдѣ, но какъ добрымъ и повѣреннымъ персонамъ надлежитъ; 4) все церковное и личное имущество, оставшееся въ домахъ, находящихся въ С.-Петербургѣ, на васильевскомъ и с.-петербургскомъ островахъ, на адмиралтейской сторонѣ и въ приморскомъ домѣ — синодальнымъ членамъ, новоспаскому архимандриту Никодиму съ благовѣщенскимъ протопопомъ Іоанномъ, описать и отдать казенное, домовое и епаршеское, секретарю Козмѣ Бухвостову, а персональное — пштомцамъ его преосвященства Ильѣ Ксмандру, да Семену Сидѣльду, съ рописками и съ объявленіемъ беречь до предбудущаго распоряженія; 5) въ находящихся въ Москвѣ новгородскомъ архіерейскомъ подворьѣ и персональномъ его преосвященства домѣ, также въ селахъ *Владыкинъ* и *Озерецкомъ*, отъ московской синодальнаго правленія консисторіи кому пристойно и вѣрить возможно, при обрѣтающихся тамъ служителяхъ, все осмотрѣть и описать и наблюдать до будущаго распоряженія.

Сентября 11 въ св. Синодѣ генералъ-маіоръ и членъ Военной коллегіи Измайлѣвъ объявилъ высочайшую волю, «чтобы тѣло покойнаго архіерея Теофана завтренняго дня изъ дому его преосвященства вынести, перевезть черезъ Неву на литейную пристань, а отъ той пристани сухимъ путемъ пропроводить въ невскій монастырь, и тамо совершить по его преосвященствѣ надгробное чинопослѣдованіе, а по совершеніи того отправить тѣло его преосвященства въ Новгородъ водянымъ путемъ».

Въ то же время объявленъ высочайшій указъ, о предписаніи управителю новгородскаго архіерейскаго дома, чтобы «которые были того дому служителями, то оныя бѣ не разошлись нигуды, а были бѣ всѣ при томъ домѣ; а особливо тѣ ребята, которые въ домѣ его учились, чтобъ оныя учились по прежнему и были бѣ содержимы въ таковомъ же довольствѣ, какъ и при живомъ архіереѣ. А учителю или надзирателю, который къ нимъ приставленъ, приказать, чтобъ онъ ихъ обучалъ и смотрѣлъ за ними негѣбносно».

Церемоніалъ погребенія соотвѣтствовалъ высокому положенію и заслугамъ почившаго архипастыря. Утромъ 12 сентября, въ день

погребенія, къ тѣлу покойнаго собрались всѣ синодальные члены и все столичное духовенство. Послѣ литіи гробъ поставленъ былъ на погребальную колесницу и въ сопровожденіи всего духовенства и воспитанниковъ семинаріи везенъ былъ до Невы. Сто человекъ гренадеръ, опредѣленныхъ отъ городской канцеляріи, и синодальные приказные служители, разстояніемъ другъ отъ друга на сажень, несли восковыя свѣчи. У синодальной пристани гробъ поставленъ былъ на погребальную баржу и перевезенъ на противоположную сторону къ мануфактурной пристани; потомъ съ тою же церемоніею везенъ былъ мимо Литейнаго двора, по перспективной улицѣ, къ триумфальнымъ воротамъ. Здѣсь встрѣтилъ процессію духовникъ ея величества, троицкій архимандритъ Варлаамъ, съ придворнымъ духовенствомъ. По прибытіи къ невскому монастырю гробъ встрѣченъ архимандритомъ Стефаномъ съ братіею и внесенъ въ благовѣщенскую церковь. Преосвященный Питиримъ совершилъ литургію, за которой присутствовали государственные министры — князь Черкасскій и Шафировъ.

По окончаніи погребенія гробъ поставленъ былъ въ нарочно приготовленный деревянный черный футляръ и вынесенъ на стоявшее у пристани Черной рѣчки траурное судно, для отвезенія въ Новгородъ, и отправленъ въ путь. Для служенія панихидъ и чтенія Евангелія при гробѣ отправлены были бѣжецкій архимандритъ Макарій, домовый архіерейскій духовникъ іеромонахъ Іоакимъ и священникъ новоладожской соборной церкви Евдокимовъ; а «для всякаго въ пути безопаснаго провЖДенія» новгородскаго казеннаго приказа секретарь И. Верецагинъ.

18 сентября въ 5 часу вечера погребальное судно прибыло въ Новгородъ и остановилось въ виду антоніева монастыря. Утромъ на другой день все духовенство собралось у антоніева монастыря на берегу Волхова для печальной встрѣчи почившаго пастыря. Тѣло съ торжественностію было поднято и поставлено въ антоніевской паперти. 20 сентября тѣло перепесено въ софійскій соборъ съ обычною церемоніею, а послѣ литургіи, которую совершалъ архіепископъ Іосифъ, погребено въ южной сторонѣ софійскаго собора, подлѣ тѣла Іова митрополита.

XXXVII.

Завѣщаніе Теофана.

Одръ умирающаго архипастыря окружали довѣреннѣйшія лица духовнаго сана. Чувствуя приближеніе смерти, Теофанъ объявилъ имъ свое завѣщаніе, которое съ словъ его написано было однимъ изъ приближенныхъ, но котораго онъ не успѣлъ скрѣпить своею подписью «за тяжкою своею болѣзнію и за конечною при смерти невозможностію». Вручая преосвященному Питириму рестръ своихъ наслѣдниковъ, онъ въ особенности просилъ объ учащихъ дѣтяхъ—дать имъ способы продолжать образованіе и поручить ихъ людямъ, достойнымъ довѣрія, пока они сами придутъ въ совершенный возрастъ и разумъ. Безъ сомнѣнія эти-то дѣти и составляли все его утѣшеніе въ жизни. Онъ набралъ ихъ изъ простаго состоянія и воспитывалъ на счетъ каедры, жертвуя многимъ и изъ собственнаго достоянія. Такъ какъ они были не изъ фамильныхъ, то онъ самъ давалъ имъ прозванія сообразно съ усмотрѣнными въ нихъ склонностями, или по наружности, или по случаю какому нибудь. У него были и Барашко, и Бурмистръ, и Суричь, и Утеночъ, Алхимистъ, Сычь, Свѣтлой, Орѣшко, Тишкь и пр.: и этихъ-то сиротокъ (большею частью) онъ воспиталъ и сдѣлалъ своими наслѣдниками.

Вотъ его завѣщаніе.

«Во имя Отца и Сына и Св. Духа.

Останутся послѣ насъ персональные наслѣдники въ слѣдующихъ статьяхъ.

Первая: интендантъ Илія Ксизандеръ и жившій при келліи питомецъ Семень Ивановъ; *торая:* Михайло Павловъ, Иванъ секретарь, Яковъ Осиповъ и Мартиніанъ Шеннгъ; *третья:* Григорій Барашко, Петръ Бурмистръ, Иванъ Суричь, Алексій Утеночъ; *четвертая:* Яковъ Алхимистъ, Иванъ Сычь, Федоръ Свѣтлой; *пятая:* Трофимъ Уляновъ, Сергій духовный отецъ, Улянь Калмыкъ, Павелъ Калмыкъ и Василій Орѣшко; *шестая:* Иванъ Калмыкъ, Никита Савельевъ, Антонъ Калмыкъ и Андрей

Типикъ; *седьмая*: Иванъ Андреевъ, Прокофій Макарьевъ, Несторъ Дмитріевъ, священникъ карповской церкви, пономарь и дьячекъ той же церкви. На повседневную праздничную службу и на всякія въ тую церковь потребности и убранства церковныя во весь годъ. На достройку приморской мызы. Служитель Иванъ Степановъ».

Въ дѣлѣ архива св. Синода о смерти преосвященнаго Феофана находятся слѣдующіе реестры его недвижимаго и движимаго имущества.

1) Реестръ персональнымъ его преосвященства домамъ и библиотекъ.

1) Въ Москвѣ, на мясницкой улицѣ, домъ каменный по доходу въ 7000 р.; 2) въ С.-Петербургѣ деревянный домъ близъ Карповки 9500; 3) приморскій домъ каменный 5000; 4) домъ каменный погорѣлый на адмиралтейской сторонѣ по теперешнему виду въ 1000 р.; 5) библиотека 4500 рублей.

2) Реестръ персональнымъ его преосвященства вещамъ и доимочнымъ деньгамъ.

1) 149 картинъ, писанныхъ масляными красками, въ 500 р.; 2) трость морская съ камешками алмазными; 3) стѣнные часы 40; 4) сфера мѣдная 150; 5) четверо солнечныхъ часовъ—100; 6) два глобуса—50; 7) деньги съ персональныхъ московскихъ вотчинъ доимочныя съ 1732 года—1180 р.; 8) съ села Ильсисъ хлѣба 86 четвертей, денегъ 100 р.; 9) иноходыхъ три лошади—70 рублей ¹⁾.

Сентября 20 предъявилъ право на долю въ имѣніи преосвященнаго Феофана домовый служитель его Великоднѣй. Въ прошеніи, поданномъ св. Синоду, онъ объяснилъ, что «по собственноручному опредѣленію покойнаго преосвященнаго Феофана велѣно ему, по женитьбѣ его, давать изъ персональныхъ его прео-

---

¹⁾ На подлинномъ завѣщаніи по статьямъ приписано такъ: «1736 г. сентября 8 числа, по прошенію преосвященнаго Феофана, архіепископа новгородскаго, сіе завѣщаніе и нижеписанные реестры Питиримъ, архіепископъ нижегородскій, подписалъ своелично. При ономъ преосвященнаго Феофана, а. е., прошеніи были и слышали архимандриты александроневскій Стефанъ и новоспасскій Никодимъ».

«При томъ-же преосвященный Феофанъ просилъ ихъ, дабы изъ вышеписаннаго учинено было награжденіе и духовнику его преосвященства, исаіевскому протопопу Василью Терлецкому».

священства доходовъ на всякій годъ (съ ноября 1734 года) до пяти лѣтъ, по 120 рублей и хлѣба ржи по 15 четвертей, да изъ казенныхъ доходовъ денегъ по 15 руб. и хлѣба по 15 четвертей. А ежели-бы, по волѣ Божіей, оное пятилѣтнее время предварило конецъ жизни его преосвященства, получать ему, до истеченія пятилѣтняго срока, все то изъ персональныхъ его преосвященства пожитковъ». Великодушный представилъ копію съ собственноручнаго опредѣленія Теофана, изъ которой видно, что преосвященный опредѣлилъ своему питомцу, въ день вступленія его въ бракъ, эту помощь по своей отеческой милости.—«Только жъ опредѣленіе сіе — сказано въ дарственной запискѣ Теофана — не просто, но въ слѣдующихъ договорахъ заключается, а именно: 1) чтобы онъ служилъ намъ въ экономическихъ дѣлахъ, въ чемъ ему отъ насъ указано будетъ, радѣтельно и вѣрно и не забывалъ-бы, отъ кого и каковъ принять онъ и воспитанъ; 2) брачное съ женою своею сожитіе проводилъ-бы въ постоянной и неложной любви, честно и нескверно; тожъ внушаемъ и женѣ его Параскевѣ, и не было-бы имъ никогда причины до развода; 3) подаванія нашего, здѣсь опредѣляемаго, употреблялъ-бы на гнѣкій честный и правильный промыселъ, а не расточалъ-бы бездѣльно и безумно; 4) жилъ-бы трезвенно и въ страхъ Божій, и со всѣми кротко и неблаженно обходился-бы и прилежно-бы опасался, чтобы ни отъ кого на него не только управы судебной не требовано, но и напраснаго нареканія не было, и для того твердилъ-бы и женѣ своей твердить приказывалъ-бы христіанскія наставленія, каковыя отъ насъ питомцамъ нашимъ написаны и другіе, что и напечатаны; 5) Юстину Григорьевну, жены его бабу, почиталъ-бы вмѣсто матери и всякое возможное пропитаніе и потребное здравію ея вспомоствованіе чинилъ-бы, опасаясь и малаго ея оскорбленія. И если вышеписанные договоры исполнять онъ будетъ: то и опредѣленное наше ему благодѣаніе исполнять будемъ. А ежели онъ Иванъ знатно договорныя сія завѣщанія наши нарушитъ, то самъ-же онъ и отъ опредѣляемыхъ симъ благодѣаній отцѣтитъ себя». Св. Синодъ приказалъ отпускать ему показанное содержаніе по прежнему, какъ было при преосвященномъ Теофанѣ.

Въ ноябрѣ 1736 года изъ Кабинета объявленъ высочайшій

указъ, чтобы всѣ тѣ деревни, которыя были новгородскому архіерею Теофану на собственную его персону пожалованы, или инымъ какимъ образомъ къ нему пришли, отписать на ея императорское величество, и изъ оныхъ ингерманландскую приписать ко дворцу, а прочія отдать въ тѣ мѣста, гдѣ оныя до отдачи помянутому архіерею были вѣдомы».

Въ 1737 году высочайшимъ именнымъ указомъ, даннымъ св. Синоду 27 октября, велѣно оставшіяся послѣ покойнаго архіепископа Теофана книги отдать, съ подлиннымъ описаніемъ, въ александровской монастырь, которыя убравъ содержать въ томъ монастырѣ въ особливыхъ палатахъ, не смѣшивая съ другими монастырскими книгами ¹⁾.

Пока длилось дѣло по завѣщанію, самое имѣніе тратилось и расхищалось. Самое большое усердіе въ этомъ дѣлѣ показали интендантъ Теофанова дома, бывший воспитанникъ его, Илья Ксиландеръ, въ ту пору уже семейный человекъ и имѣвшій деревеньку. Послѣ смерти Теофана ему поручено было отъ Синода завѣдывать всѣми дѣлами по дому и по школѣ, вести приходы и расходы. Ксиландеръ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы обратить кое-какія неприбранныя вещи въ свою собственность ²⁾. Другіе также приложили руки. Генералъ майоръ Измайловъ, составившій съ майоромъ Перфильевымъ опись имѣнію, также взяли себѣ кое-что изъ цѣнныхъ вещей. Князь Черасскій велѣлъ принести къ себѣ 5—6 масляныхъ картинъ.

Наконецъ, ужъ спустя 4 года послѣ смерти Теофана, вспомнили, что пора исполнить завѣщаніе. Государыня дала указъ *Тайной канцеляріи* (странный выборъ душеприкащика): «оставшіе послѣ покойнаго новгородскаго архіепископа Теофана пожитки лежать въ разныхъ мѣстахъ много время и гниютъ напрасно, а нѣкихъ бывший при немъ служитель Илья Борисовъ къ себѣ захвативъ утайгъ,—которые по учиненному онаго архіепископа завѣщанію надлежитъ роздать наследникамъ, въ томъ завѣщаніи написаннымъ. А понеже упомянутыхъ вещей каждому по propor-

¹⁾ Дѣло архива св. Синода, 1736 г. о смерти Теофана.

²⁾ Въ реестрѣ вещей, захваченныхъ Илією, показаны: органикъ камешкой орѣховый, заморская кровать съ завѣсами, ароматникъ фарфоровый въ золотой оправѣ и пр. Илья сознался, что утайгъ ихъ.

ции раздѣлить невозможно, того ради указали мы оныя его пожитки (кромя св. образовъ, книгъ и инструментовъ), въ томъ числѣ и отъ Ильи Борисова (Ксиландера) взявъ, собрать въ одно мѣсто и оцѣня продать аукціоннымъ обыкновеніемъ, и взятые за нихъ деньги, справясь съ вышеупомянутымъ завѣщаніемъ онаго архіепископа, по росписанію раздать наследникамъ его, кому сколько по пропорціи той продажи надлежитъ. И повелѣваемъ нашей канцеляріи конвокаціи учинить по сему нашему указу. А образа св. раздать по церквамъ, а книги для обученія школьниковъ въ невской семинаріи, а инструменты въ Де-Сіансъ Академію. Анна. Сентября 6. 1740 года.—Въ апрѣлѣ 1741 года всѣ пожитки Теофана «аукціоннымъ обыкновеніемъ проданы и во опредѣленные мѣста розданы, а взятые за нихъ деньги какъ показаннымъ въ завѣщаніи онаго покойнаго Теофана архіепископа наследникамъ, бывшимъ въ семинаріи семинаристамъ, такъ и другимъ на помяновеніе души его, по росписанію его преосвященства, съ надлежащими росписками розданы». Ризница его и домъ на Карповкѣ пожалованы преемнику его, новгородскому архіепископу, Амвросію Юшкевичу.

XXXVIII.

Последующая судьба лицъ, вошедшихъ или вовлеченныхъ въ процессъ съ Теофаномъ.

1. Теофилактъ Лопатинскій.

Дѣло Теофилакта, — разсланныхъ по монастырямъ епископовъ, — Маркелла Родышевскаго — и прочихъ лицъ, вовлеченныхъ въ процессъ съ Теофаномъ, не кончилось со смертію Теофана; потому что, съ нимъ не умерла систематическая, неустанная, ничего нещадившая вражда противъ принциповъ, выражаемыхъ и защищаемыхъ названными лицами. Представительницею и какъ бы живымъ выраженіемъ, осуществленіемъ этихъ принциповъ, была *Емсавета*, русская всѣмъ складомъ своей души, дочь Велика-

го Государя, одно воспоминаніе о которомъ приводило въ движеніе всё струны русскаго сердца. Народъ и во главѣ его духовенство во все царствованіе Анны не могли забыть оскорбленія, нанесеннаго имъ чрезъ предоставленіе полной власти иностранцамъ. Биронъ и Остерманъ, съ своей стороны, не могли простить этого народу и духовенству и старались задавить силою всё — гдѣ бы ни возникали — проявленія русскихъ симпатій къ надеждѣ русскаго народа — дочери Петра. Теофанъ только пользовался ими, какъ орудіемъ для своихъ цѣлей. Но и послѣ его смерти его, враждебная сила, направленная противъ его недоброжелателей и враговъ, осталась и продолжала свое дѣло съ своею обычною настойчивостію.

Всѣ арестованные по подозрѣніямъ Теофана содержались въ крѣпости, за исключеніемъ Теофилакта, который хотя и жилъ на своемъ подворьѣ, но не смѣлъ ни выдти, ни выѣхать безъ караульныхъ солдатъ. Въ декабрѣ 1736 года изъ Кабинета передали дѣло его въ Тайную канцелярію, а вслѣдъ за тѣмъ и его самого перевели въ крѣпость. 1737-й годъ прошолъ сравнительно спокойно и заключенные уже возымѣли было надежду, что скоро наступитъ конецъ ихъ страданіямъ, какъ вдругъ разразилась надъ ними нежданная гроза.

Къ винѣ Теофилакта ничего не прибавилось послѣ смерти Теофана; а между тѣмъ въ декабрѣ 1738 года, подъ влияніемъ смутныхъ обстоятельствъ того времени — заговора Долгорукихъ и казни Волынскаго — состоялось объ немъ въ Кабинетѣ ужасное опредѣленіе. — По слуханіи внесеннаго изъ Тайной канцеляріи экстракта изъ дѣлъ о тверскомъ архіепископѣ Теофилактѣ Лопатинскомъ разсуждено, что помянутый архіерей Теофилактъ, по обстоятельству производимаго съ прочими о немъ дѣла, явился въ важныхъ винахъ; но при слѣдствіи нетокмо о тѣхъ своихъ винахъ не принесъ чистой повинной, но коварно въ томъ себя закрывалъ; ибо вѣдая, что имѣлъ онъ съ монахомъ Осипомъ, нынѣ разстригою Иваномъ Рѣшиловымъ, письменную корреспонденцію, къ тому же и персонально съ нимъ неприличныя рѣчи, каковы въ тѣхъ ихъ письмахъ явствуютъ, говаривалъ, и отъ Рѣшилова слыхалъ — на посланные къ нему имянные указы съ явною безсовѣстною лжею объявлялъ, что того будто бы не бывало; но когда тѣ его безсовѣстные отвѣты письмами Рѣшилова явно были

обличены, тогда никакого уже оправданія онъ не принесъ, кромѣ отговорки, что прежде не объявилъ онъ якобы отъ безпамятства; когда и потомъ, сверхъ онаго, по слѣдствію о происходившихъ отъ него важныхъ непристойныхъ словахъ и нареканіяхъ явно показалось, — онъ и въ томъ въ отвѣтахъ вину свою скрываетъ, паче же присягою предъ всемогущимъ Богомъ съ клятвою себя въ ономъ утверждалъ и ни о чемъ на себя и на другихъ не показавъ и въ томъ подъ присягою своеручно подписался; по послѣ того по отвѣту его явно означилось, что оную присягу учинилъ онъ умышленно ложно, дабы тѣмъ закрыть нижеобъявленные вины свои; ибо самъ онъ, Теофилактъ, показалъ, что по словеси апостольскому всякому прекословію кончина клятва есть, и потому думалъ, что оною учиненною имъ присягою дѣло о немъ кончилось; но по слѣдствію въ Тайной канцеляріи онъ явно явился въ злоумышленныхъ, непристойныхъ и продерзостныхъ разсужденіяхъ и нареканіяхъ, въ чемъ самъ винился въ распросѣ. За оныя важныя вины надлежитъ лишить его архіерейства и всего священнаго и монашескаго чина, и за надлежащимъ карауломъ послать его въ Выборгъ и содержать тамъ въ замкѣ, называемомъ Германъ, до смерти его никуда не исходя, подъ крѣпкимъ карауломъ, не допуская къ нему никого, такожъ бумаги и чернилъ ни для чего ему отнюдь давано бъ не было, и для караула опредѣлить изъ выборгскаго гарнизона унтеръ-офицера и солдатъ шесть человекъ, выбравъ добрыхъ и надежныхъ людей безпремѣнно, которымъ отъ него никуда не отлучаться и никому ни о чемъ отъ него чрезъ тѣхъ караульныхъ сообщаемо бъ отнюдь не было, и въ томъ во всемъ имѣть крѣпкое смотрѣніе выборгскому оберъ-коменданту самому; а во время содержанія онаго Теофилакта на пропитаніе давать ему по гривнѣ на день изъ доходовъ выборгской провинціи. А имѣющуюся въ Твери въ домѣ архіерейскомъ онаго Теофилакта бібліотеку и весь собственный его скарбъ, описать, взять въ Тайную канцелярію, и потомъ доложить объ этомъ въ Кабинетъ; а взятыя въ Тайную канцелярію у купца Ивана Коряхалова собственныя, помянутаго Теофилакта, деньги оставить на случающіеся въ Тайной канцеляріи по секретнымъ дѣламъ расходы.

Измученный допросами и очными ставками, Теофилактъ близокъ былъ къ смерти. Обезпокоенный этимъ оберъ-комендантъ

выборгской крѣпости, генералъ маіоръ Быковъ, требовалъ инструкціи, какъ поступить съ нимъ въ крайнемъ случаѣ? Тайная канцелярія предписала: «для исповѣди онаго Лопатинскаго и по достоинству для сообщенія св. Тамнѣ, священника къ нему допустить, токмо оному священнику, прежде допущенія его къ Лопатинскому, объявить, дабы онъ, кромѣ надлежащей исповѣди, другихъ постороннихъ никакихъ разговоровъ отнюдь не имѣлъ, и о дѣлѣ его, по которому онъ сосланъ, у него не спрашивать. А если, паче чаянія, оный Лопатинскій умретъ, то мертвое его тѣло похоронить въ городѣ при церкви по обыкновенію, какъ мірскимъ людямъ погребеніе бываетъ, безъ всякой церемоніи».

Страданія Феофилакта этимъ не кончились. Въ маѣ 1739 года послѣ того, какъ разослали всѣхъ лицъ, прикосновенныхъ къ его дѣлу, нашелся еще доносчикъ на него, бывшій иподьяконъ тверскаго архіерейскаго дома, Гурій Лукинъ. Обиженный въ чемъ-то Феофилактомъ онъ нашель теперь удобное время выместить на немъ свою обиду и указалъ на близкихъ къ нему и пользовавшихся его довѣріемъ лицъ—иподьякона Никифора Семенова и келейника Петра Иванова, что они все должны звать про Феофилакта: а келейникъ, кромѣ того, мастеръ писать полууставомъ. Тайная канцелярія приказала взять оговоренныхъ въ С.-Петербургъ, а въ домахъ ихъ все обыскать и забрать въ Тайную канцелярію. Въ Выборгъ положено было послать секретаря Тайной канцеляріи, Хрущова, съ приказомъ снова наискрѣпчайше распродать Лопатинскаго (14 мая, 1739 года).

Неизвѣстно, какія вѣсти привезены были изъ Выборга. Но меньше чѣмъ черезъ двѣ недѣли (25 мая 1739 года) состоялось высочайшее повѣленіе взять Лопатинскаго снова въ Тайную канцелярію. Все это дѣлалось съ величайшимъ секретомъ. Въ народѣ никто не зналъ навѣрное, что онъ живъ: всѣ говорили, что завезенъ куда-то въ ссылку и тамъ умеръ. — Феофилактъ оставался въ крѣпости до 31 декабря 1740 года.

Въ одно время съ Феофилактомъ рѣшена участь монаха Аммія котораго Рѣшиловъ съ Маевскимъ шута постригли въ монашество. Въ 1736 году 16 іюня, послѣ предварительныхъ допросовъ въ Синодѣ, его лишили монашества и передали въ Тайную канцелярію. Тайная канцелярія приказала допрашивать его съ ды-

бы. Несчастный висѣлъ на дыбѣ, съ изломанными руками, пока не далъ показанія на семьдесятъ шесть вопросовъ. Въ заключеніе пытки, продолжавшейся едва не цѣлый день, дано ему двѣнадцатъ ударовъ. Въ 1738 году 13 декабря Государыня подписала приговоръ Тайной канцеляріи, рѣшившій его участь: «разстригу Александра Давыдова, который, по приказу помянутаго Теофилакта, переписывалъ у него набѣло сочиненное имъ возраженіе (противъ Буддея) и постриженъ въ монахи въ противность св.-правиль, Духовнаго Регламента и указовъ, сослать въ Сибирь на житье вѣчно, за надлежащимъ карауломъ».

2. Рѣшиловъ и Маевскій. — Процессъ Дудина.

Рѣшиловъ, какъ мы уже знаемъ, свалилъ все съ своихъ плечъ на головы Теофилакта и Маевского. Болтливость однакожь не спасла его отъ истязаній Тайной канцеляріи. Его пытали нѣсколько разъ. Во все время истязаній онъ содержался въ крѣпости, получая на содержаніе по 3 коп. въ сутки.

Маевского держали сначала подъ карауломъ въ Синодѣ. Несчастный думалъ, что этимъ и кончится его дѣло. «Синодъ — говоривалъ онъ — страшаетъ меня Тайной канцеляріей; но Государыня не велѣла отсылать меня въ Тайную канцелярію». Въ этой надеждѣ онъ жилъ довольно весело; зазывалъ къ себѣ сосѣдей изъ колодниковъ же, синодскихъ канцеляристовъ, пѣвчихъ: «и пивали и пѣвали». Выпивши, Маевскій «и пооретъ и покричитъ не вѣсть что» (показаніе Аввакума): все съ рукъ сходило. Но дошли и до него печальные дни.

Исподоволь знакомили его съ Тайной канцеляріей. Въ 1736 году 14 апрѣля Теофанъ писалъ къ Дудину: «сего числа пополудни въ 12 часу былъ у меня превосходительный г. генералъ и кавалеръ А. И. Ушаковъ и требовалъ, дабы, по нѣкоей важной винѣ, Маевского изъ св. Синода отдать на время его превосходительству въ Тайную канцелярію. Того ради благородіе ваше извольте онаго Маевского, когда отъ его превосходительства потребуется, въ помянутую Тайную канцелярію отослать, а для

отвезенія его, дабы о немъ никто не зналъ, будетъ стоять у Св-нода домовая наша покрытая коляска». Вскорѣ послѣ того, 7 мая, лишили его священства и монашества ¹⁾, а 10 іюня въ Кабинетѣ состоялось опредѣленіе: «такъ какъ Маевскій по дѣлу остался въ важномъ подозрѣніи и по слѣдствію о нѣкоторомъ извѣстномъ подметномъ письмѣ признается весьма подозрительнымъ, то изъ подлинной правды розыскивать имъ, и при розыскахъ о сочиненіи и о подкидываніи имъ (вмѣстѣ съдругими, о которыхъ рѣчь будетъ ниже) объявленнаго подлиннаго письма и въ говореніи нѣкоторыхъ словъ (о которыхъ мы знаемъ изъ дѣла Рѣшилова) спрашивать накрѣпко».

Рѣшиловъ ужь довольно оговорилъ его. Не успѣлъ Іоасафъ отдѣлаться отъ его наговоровъ, какъ судьба послала ему другаго доносителя, который навлекъ на него и на многихъ другихъ лицъ, запутанныхъ въ это дѣло, ужаснѣйшія страданія.

Въ 1735 году посадскій человекъ въ городѣ Вышнемъ Волочкѣ, Михаи́ль Сердюковъ, привелъ къ бывшему у розыскныхъ дѣлъ прапорщику Зыкову малороссіянина Васи́лія Козьменку, уличеннаго въ забраніи подъ его (Сердюкова) имя у разныхъ людей товару и денегъ и въ кражѣ нѣкоторыхъ вещей. Паспорта у Козьменки не оказалось: вмѣсто того нашелся бѣлый листъ, запечатанный дворцовой петергофскою печатью. По приводѣ къ розыскнымъ дѣламъ, Козьменка не сознался ни въ кражѣ, ни въ забраніи денегъ на имя Сердюкова, но по уличеніи бѣлымъ листомъ, сознался въ нѣкоторыхъ преступленіяхъ. Жидъ онъ въ Петергофѣ у инспектора Петра Арнарда Арнардера писаремъ и, увидевъ минуту, приложилъ на двухъ бѣлыхъ листахъ городскую петергофскую печать, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ нужды, воспользоваться ими для написанія фальшивыхъ паспортовъ, и на одномъ уже и написалъ, подведши подъ руки его, Арнардера, и другихъ чиновниковъ. Изъ-подъ караула какъ-то удалось ему убѣжать, но онъ снова былъ пойманъ и повинился во всемъ. Вышневолоцкая розыскныхъ дѣлъ канцелярія присудила ему розыскивать: но предъ пыткой Козьменка сказалъ за собою «слово и дѣло». Это была обыкновенная уловка подсудимыхъ, ко-

¹⁾ Дѣла арх. св. Св-нода 1736 г. № 48.

горые хотѣли отдалить пытку, объявивъ за собою государево слово. Слово его состояло въ томъ, что онъ знаетъ «о письмахъ за высокими персонами, которыя письма пристойны къ возмущенію бунта». Обо всемъ этомъ онъ хотѣлъ объявить въ Тайной канцеляріи.

Въ 1731 или 1732 году — показалъ онъ потомъ — прибылъ онъ въ Тверь и пришелъ къ архимандриту Іоасафу. Тутъ встрѣтилъ его келейникъ Іоасафа, племянникъ его, Андрей Масалаевъ и привелъ къ архимандриту. Козьменка тоже былъ родственникомъ Маевского. Архимандритъ угостилъ его хлѣбомъ-солью. Вечеромъ, сидя за ужиномъ, Іоасафъ говорилъ бывшему тутъ іеромонаху Исаіи: «кого еще искать? Онъ (Козьменка) сдѣлаетъ намъ это лучше (Масалаева) Андрея». Для Козьменки этотъ разговоръ былъ пока загадкою. Но дня чрезъ два Масалаевъ объяснилъ ему, что архимандритъ хочетъ сдѣлать ему порученіе: не можетъ ли онъ написать письмо полуустановомъ? «Для чего жъ — могу сдѣлать». Исаія выразилъ было сомнѣніе: можно ли на него надѣяться? Но Маевскій сказалъ: «надѣйся на него, все равно какъ на меня, проносу не будетъ, потому что онъ еще впервые въ великой Россіи и никого не знаетъ». Послѣ этихъ рѣчей Маевскій и Исаія стали говорить ему: «перепиши ты намъ письмо полуустановомъ, за что мы тебя наградимъ; только когда ты стачеешь такое письмо писать, не моги ты никому объявить, иначе погубишь себя и насъ». «Что это за письмо?» — спросилъ Козьменка. «А такое письмо, которое надобно потихоньку во дворецъ ея императорскому величеству снести» — отвѣчали ему. «Въ какую силу» — спросилъ Козьменка. Исаія въ нерѣшимости спросилъ у Маевского: «сказать ему или нѣтъ?» Маевскій отвѣчалъ: «вѣдь я сказывалъ тебѣ, что его не опасайся». Послѣ этого Исаія объявилъ, что «это письмо надо тихонько подкинуть, потому что въ немъ писаны важныя и великія государственныя дѣла. Какъ станешь писать, то и самъ увидишь. У насъ есть и свой писецъ, только его руку многіе знаютъ». Козьменка отвѣчалъ: «такого письма я писать не буду, давайте кому хотите». Маевскій и Исаія стали его упрашивать: «пожалуй напиши, вѣдь твое какое дѣло — напиши, да и побѣгай въ Малороссію, а мы дадимъ тебѣ на дорогу 30 руб. денегъ, а если хочешь, то и напередъ возьми». Не смо-

тра на это обѣщаніе, Козьменка сталъ настойчиво отказываться. Тѣ въ свою очередь сказали ему: «какъ ты хочешь, мы это такъ тебѣ сказали, у насъ есть и свой писецъ, и безъ тебя напишетъ; а ты только не болтай объ этомъ никому — мы съ тобой пошутимъ». Съ тѣмъ Козьменка и ушелъ. Пришедши на другой день къ архимандриту, онъ постучалъ въ переднюю дверь — заперто; зашелъ со двора въ другія двери и, войдя въ переднюю, увидѣлъ, что Масалаевъ при свѣчѣ пишетъ что-то на большомъ листѣ. Тотъ, заслышавъ шаги, погасилъ свѣчу и написанный листъ спряталъ за себя, а на него закричалъ: «что тебя такъ рано принесло? Развѣ ты не знаешь, что еще всѣ спятъ? И заснуть-то отцу архимандриту не дадите. Ступай, придешь въ другое время». Заслышавъ эту перебранку, архимандритъ вышелъ изъ спальни и закричалъ на Масалаева: «что ты тутъ расшумѣлся, дѣлай свое дѣло». «Я было и сталъ дѣлать, да Козьменка помѣшалъ». «А для чего не заложилъ дверей на крюкъ?» «Заперты были, да онъ въ заднія прошелъ». Послѣ этого архимандритъ сказалъ Козьменкѣ: «ты впредь не учишь такъ дѣлать: коли заперто, такъ подожди». По разговору оказалось, что Козьменка пришелъ за своимъ дѣломъ, собирався въ С.-Петербургъ и просилъ на дорогу денегъ. Архимандритъ далъ денегъ и провизію на дорогу, а къ слову прибавилъ: «не болтай, о чемъ просилъ тебя Исаія: вѣдь онъ смѣялся».

Козьменкѣ показали роковое полуустановное письмо. Глядя на него, Козьменка сказалъ, что это «писалъ Масалаевъ, только отъ своего почерка много скрадывалъ. Развѣ не писалъ ли онъ вмѣстѣ съ Жуковымъ (тверскимъ канцеляристомъ), потому что Жуковъ переписывалъ Маевскому кой-какія бумаги». Позвали къ допросу Масалаева. Масалаевъ сначала ни въ чемъ не сознался, сказавъ, что за давнопрошедшимъ временемъ не помнить; но по приводѣ въ застѣнокъ, съ подъему на виску, сказалъ, чтобъ его спустили и дали подумать. Его спустили. Масалаевъ сталъ припоминать. «Предъ Маевскимъ судьей тверскаго архіерейскаго дома былъ архимандритъ Александръ—онъ ужъ умеръ; но послѣ него остался племянникъ Стефанъ Миссовъ, который писывалъ Маевскому уставомъ разныя латинскія задачи: не писывалъ ли онъ, по приказу Маевскаго, чего-нибудь другаго? Больше ничего сказать за собою не знаетъ». Миссовъ былъ бѣдный школьникъ, котораго

Маевскій (какъ сироту) отдалъ въ школу въ Москву, содержалъ и принималъ къ себѣ на канникулы. Миссовъ показалъ, что онъ переписывалъ для Иоасафа Теофилактовы проповѣди и латинскія тетради въ защиту «Камня Вѣры» противъ Буддея. Съ школьника что взять? Высѣкли и отпустили. За Жуковымъ тоже ничего не нашли и отпустили.

Но въ то время, какъ пытали этихъ прислужекъ Маевского, ему самому доставалось больнѣе всѣхъ. Все, что ни показывали на него, не казалось прочнымъ до тѣхъ поръ, пока онъ самъ во всемъ не признается. Ушаковъ велѣлъ привести его въ застѣнокъ. Во время розыска Маевскій сознался, что Козьменка точно былъ у него въ Твери и прилучился въ такую пору, когда Теофилактъ озабоченъ былъ сочиненіемъ противъ Буддея и хотѣлъ писать къ царскому духовнику Варлааму, чтобы тотъ выпросилъ ему позволеніе писать, да еще велѣлъ сыскать нѣкотораго писца въ Москвѣ, котораго онъ, Маевскій, и сыскалъ, только имени его не упомянуть. Тутъ къ слову и спросилъ онъ у Козьменки: «не мастеръ ли онъ писать полууставомъ и не возьмется ли переписать сочиненную имъ, преосвященнымъ, книгу?» Когда же Козьменка отказался, то онъ наказывалъ ему никому не говорить объ этой книгѣ, потому что этого дѣла никто не знаетъ.

Тайной канцеляріи это объясненіе показалось недостаточно. Маевского привели въ застѣнокъ въ третій разъ. Съ розыску онъ показалъ, что съ Козьменкою была у него рѣчь о письмѣ со словъ Теофилакта. Написавши книгу противъ Буддея, Теофилактъ собрался написать письмо къ племяннику покойнаго митрополита Стефана, Яворскому, и попросить его: «не можетъ ли черезъ жену свою, урожденную Козловскую, и жившую при домѣ царевны Екатерины Ивановны, выпросить позволеніе на изданіе той книги? Въ этой силѣ онъ и говорилъ, что письмо надо отнестъ во дворецъ».

Показанія Маевского по видимости сходились съ показаніями Козьменки и Ясинскаго, однакожъ по существу шли въ разныя стороны. Кто жъ правъ и кто виноватъ? Тайная канцелярія рѣшила еще разъ попытать донощиковъ, а ужъ потомъ, если они останутся при своихъ показаніяхъ, приняться за Маевского съ Масалаевымъ окончательно. Козьменку и Ясинскаго (бывшаго

Исаію) привели въ застѣнокъ; оба утверждались на своихъ прежнихъ показаніяхъ. Стало быть Масалаевъ и Маевскій скрываютъ дѣло.

Ушаковъ объявилъ Маевскому въ послѣдній разъ, чтобы онъ ни на что не надѣялся и, оставя свои вымышленныя отговорки, принесъ чистую повинную. Маевскій утверждался на прежнихъ показаніяхъ. «Послѣ того, по прошествіи четверти часа, Маевскій поднятъ на дыбу и воженъ по спицамъ три четверти часа; а съ подъему на дыбу и съ воженія по спицамъ говорилъ тоже, какъ выше показано, и въ томъ утвердился. И по прошествіи трехъ четвертей часа усмотрѣно по состоянію его, Маевского, что въ себѣ слабъ сталъ и богѣе по спицамъ не воженъ и съ дыбы спущенъ» (16-го ноября 1736 г.).

Послѣ передачи въ Тайную канцелярію, Маевскій и другіе подсудимые содержались въ крѣпости, отдѣльно другъ отъ друга, каждый въ своемъ казематѣ ¹⁾. Въ крѣпости колодники не видывали другъ друга, развѣ на очныхъ ставкахъ. Но до крѣпости, въ синодальномъ караулѣ, они жили свободнѣе и хаживали другъ къ другу. Но даже случайное вмѣшательство въ эту печальную исторію, одно прикосновеніе къ кому-нибудь изъ дѣйствующихъ лицъ, навлекало подозрѣнія въ соучастіи и потомъ страданія на множество лицъ.

Изъ процесса Рѣшилова мы узнаемъ сосѣдей и пріятелей Маевского по караулу. Тутъ были всякіе люди — чиновные и не-

¹⁾ Казематы считались по номерамъ (1, 2, 3 и т. д.), а номера по мѣстности: отъ Васильевскихъ воротъ, — на монетномъ дворѣ, — отъ монетнаго двора, — въ Старой Трезинной, — подъ флагомъ (въ одномъ изъ этихъ номеровъ содержался Давыдовъ) — отъ флага — у Невскихъ воротъ (содержался Барсовъ), у Вотика, — у Петровскихъ воротъ. По другой записи 1735 г. встрѣчаемъ другія названія: въ старой аптекаѣ, въ старой Тайной, у кронвержскихъ воротъ (содержался Колета), въ банѣ (содержался Родышевскій), противъ магазинновъ. Кормовыя деньги отпускались разнo: Беофилакту по 10 к. въ день, Колетию по 6 к., Родышевскому по 4 к., Маевскому, Рѣшилову и Аввакуму по 3 коп, Масалаеву и Ясинскому по 2 к. Деньги эти, какъ и все содержаніе канцеляріи, замшествовались изъ отписнаго имѣнія у лицъ подсудимыхъ въ Тайной канцеляріи. Изъ этихъ же денегъ содержались канцелярія и заплечный мастеръ.

чиновные: ясыкопетровскій архимандритъ Аввакумъ Львовъ, торопецкій небинскій архимандритъ Авраамій, ниловскій игуменъ Авраамій, да съ Вѣтки раскольникій казначей монахъ Павелъ. Всякій рассказывалъ свое горе. «Вотъ я здѣсь страдаю—говорилъ торопецкій архимандритъ — по дѣлу попа Луки: завязался съ торопецкими посадскими людьми, руку прикладывалъ, а къ чему — самъ не вѣдаю». Тутъ не было интереса для разговоровъ, когда самъ виновный мало зналъ вину свою; ктому жъ онъ былъ большой постыжъ, вина не пилъ, а пилъ только квасъ и воду. — Ниловскій игуменъ настригъ молодыхъ монаховъ. Стнодъ велѣлъ разстричь ихъ. Въ братіи произошло смятеніе. Въ ту пору въ нилоской пустынѣ жилъ на покоѣ бывшій корельскій епископъ Ааронъ: братія бросились къ нему съ просьбою—написать прошеніе Императрицѣ. Ааронъ написалъ. Государыня отдала прошеніе Θεофану—и пошла переборка. — Раскольникій монахъ Павелъ жаловался на бѣлаго архимандрита Епифанія, который Стнодомъ назначенъ былъ въ ссылку и убѣжалъ въ расколъ. Все у нихъ было мирно и спокойно, пока не пришелъ этотъ Епифаній. «Приняли его — нажали бѣды: нашли русскіе офицеры и солдаты, все забрали и церковь сожгли. Епифаній ужъ умеръ, да и насъ погубилъ». — Все это — дѣла не общаго интереса. Ближе всѣхъ подходилъ къ Маевскому архимандритъ Аввакумъ. Онъ былъ судьей въ московской дикастріи и не одинъ разъ уже былъ подъ судомъ. Теперь онъ попалъ подъ судъ за медленное производство дѣла о воскресенскомъ архимандритѣ Мельхиседекѣ и, подъ арестомъ, свелъ дружбу съ Маевскимъ: одинаковое горе сблизило ихъ. Аввакумъ, живя въ сосѣдней палаткѣ съ Маевскимъ, слышалъ, когда, бывало, поведутъ его въ собраніе, и жалѣя говаривалъ: «опять повели, совсѣмъ затаскали». Когда Маевскій возвращался изъ собранія, Аввакумъ выражалъ ему свое сожалѣніе: «да долго ль, батюшка, намъ здѣсь животъ свой мучить?» «Богъ вѣсть — отвѣчалъ Маевскій. «Скоро ли конецъ вашему дѣлу?» Куда конецъ, высоко несутъ и ищутъ не знамо чего, развѣ только мучениковъ надѣлаютъ, а что сыщутъ — Богъ вѣсть». «И тверскій архіерей здѣсь? У васъ одно дѣло?» «Одно — по доносу Рѣшшлова; все за «Камень Вѣры». «Слышалъ, слышалъ — говорилъ Аввакумъ — ужъ не говори». И махнеть рукой. Аввакумъ хвалился, что къ нему

милостивъ Леонидъ, епископъ сарскій, и что онъ надѣется чрезъ его стараніе скоро получить свободу. Маевскій отвѣчалъ на это съ грустью, что у него нѣтъ защитника, а Феофанъ впрямь заѣсть его за то, что наговорилъ на него Рѣшиловъ. Судьба однакъ поровняла ихъ. Въ 1736 году 23-го іюня Аввакума лишили монашества и съ мірскимъ именемъ Алексѣя Львова отправили въ Тайную канцелярію. Три года держали его въ казематѣ, мучили допросами и очными ставками, а можетъ быть и чѣмъ похуже. Наконецъ, разобравши дѣло, рѣшили 1739 года августа 8: «такъ какъ противнаго умысла и злости за нимъ не оказалось, а все учинилъ онъ (т. е. разговаривалъ съ Маевскимъ про его бѣду) съ простоты своей, то бить его за это, вмѣсто кнута, плетью и сослать въ монастырское братство, куда Синодъ назначить».

Заходили къ Маевскому и синодскіе чиновники-канцеляристы. Маевскій не скупился, угощалъ ихъ водкою и пивомъ. Всѣ они попали потомъ въ Тайную канцелярію за эти посѣщенія. Больше всѣхъ пострадалъ канцеляристъ Якимъ *Филиповъ*. Онъ переписывалъ дѣло Маевского, а потому неудивительно, что Маевскій за нимъ ухаживалъ; а тотъ былъ человекъ семейный: жена, малые ребятишки.... Онъ сообщалъ Маевскому о ходѣ дѣла, о показаніяхъ Рѣшилова, въ чемъ онъ винится и въ чемъ заирается, какіе вопросы будутъ дѣлать ему, и когда будутъ очныя ставки. Иногда предупреждалъ его: «поопасись, не пей вина; сегодня тебѣ будетъ съ Рѣшиловымъ очная ставка». А бороться съ Рѣшиловымъ на очной ставкѣ было трудновато: тотъ напускался какъ звѣрь и не давалъ спуска никому. Вологодскій архіерей Амвросій, пріѣзжая домой изъ собранія, говаривалъ своему келейнику, племяннику Маевского: «ну, Андрей, Рѣшиловъ совсѣмъ загонялъ твоего дядю». Непонимая нѣкоторыхъ вопросовъ, Маевскій спрашивалъ у Филипова: «умилосердись, скажи Бога ради, о какомъ это папномъ письмѣ часто спрашиваетъ меня новгородскій архіепископъ?» Не знаю—отвѣчалъ Филиповъ—у насъ такого письма въ комиссіи не имѣется и намъ не отдано: развѣ не хранится ль у секретаря Мурынова? Да они спрашиваютъ, сами не знаютъ чего». За эту фамильярность и неподозволительную откровенность съ колодникомъ Маевскимъ, Филиповъ пытанъ былъ въ застѣн-

кѣ, висѣлъ на дыбѣ и получилъ не одинъ десятокъ ударовъ; наконецъ 9 іюля 1738 года вышло ему рѣшеніе изъ Кабинета: «бить кнотомъ нещадно и сослать съ женою въ Иркутскъ, на житье вѣчно».

Вина Филиппова упала значительной долей на сѣнодскаго *оберъ-секретаря Михаила Дудина*, который посвященъ былъ во всѣ тайны этого дѣла. Огромный процессъ Дудина, производившійся въ Сѣнодѣ и потомъ въ Тайной канцеляріи, сплетается изъ такого множества отдѣльныхъ дѣлъ и разныхъ нитей, что нѣтъ возможности разобрать, что въ немъ главное и что побочное, съ чего онъ начался и что вошло въ него потомъ при разслѣдованіи дѣла. Личныя отношенія съ Теофаномъ играютъ и здѣсь не послѣднюю роль. Теофанъ показывалъ ему довѣріе, чтобы пользоваться разными мелкими и крупными его услугами по сѣнодскимъ дѣламъ, смотрѣлъ сквозь пальцы на его грѣшки ¹⁾, даже льстилъ ему въ трудныя времена и пересылалъ подарочки.... Дудинъ, въ свою очередь, ловко исполнялъ его порученія и, понимая значеніе его въ Сѣнодѣ, бралъ все больше и больше смѣлости, помыкалъ прочими членами, располагалъ сѣнодскими дѣлами по своему усмотрѣнію, держалъ на откупѣ монастыри, обдѣлывалъ дѣла провинившихся архіереевъ и архимандритовъ, наживался, тучнѣлъ и мало-по-малу изъ канцелярскаго писца превратился въ разжирѣвшаго барина. Забывшись и зазнавшись, Дудинъ началъ обманывать и Теофана въ дѣлахъ, на которыя тотъ истрачивалъ всю свою жизнь. Обманъ не могъ идти далѣе. До Двора стали доходить слухи, что служитель ростовскаго архіерея Іоакима, Никифоръ, обираетъ епархію. Государыня поручила Теофану развѣдать объ этомъ поискуснѣй, безъ обиды для епископа, пока не откроется вины съ его стороны. Теофанъ поговорилъ съ Дудинимъ. Тотъ сначала сказалъ, что въ Ростовѣ у него нѣтъ никого знакомаго, а потомъ просилъ позволенія написать къ своему брату, служившему при-

¹⁾ Въ концѣ 1731 года Дудинъ предлагалъ словесно св. Сѣноду, что послѣ бывшаго казанскаго архіепископа Сильвестра остались двѣ лошади, которыя уже и въ лѣтахъ немалыхъ: чтобъ повелѣно было дать ему тѣхъ лошадей для съѣзду до С.-Петербурга. Сѣнодъ дозволилъ. По приѣздѣ въ С.-Петербургъ, Дудинъ докладывалъ снова: «куда тѣхъ лошадей употребить». Теофанъ дозволилъ держать у себя до указа, но указа не послѣдовало.

казнымъ при суздальскомъ архіерейскомъ домѣ: братъ все развѣдаетъ о Никифоровѣ и къ нему отпишетъ. Феофанъ согласился. Что же сдѣлалъ Дудинъ? Рука руку моетъ, говоритъ пословица: а рука Никифорова очень ему знакома и дорога. Онъ послалъ къ брату письмо и проектъ его отвѣта о Никифоровѣ. Прежде ему сходили съ рукъ подобныя продѣлки. Теперь это не удалось. А какъ уличили въ одномъ, добрались и до всего. Тутъ вполелось и рѣшиловское дѣло и, по важности, въ числѣ преступленій Дудина поставлено на первомъ мѣстѣ: «имѣвшееся въ Синодѣ великое важное извѣстное о разстригѣ Иванѣ Рѣшиловѣ дѣло, которое велѣно ему Дудину содержать въ особливомъ своемъ смотрѣніи и секретѣ, не только въ такомъ секретѣ онъ, Дудинъ, не содержалъ, но безъ приказанія собою допустилъ къ произведенію онаго дѣла синодальныхъ служителей, которымъ ни письменно, ни даже словесно, не было подтверждено, чтобы содержать это дѣло въ особливомъ секретѣ: изъ которыхъ допущенныхъ имъ, Дудинымъ, служителей, бывшій канцеляристъ Якимъ Филипповъ разстригѣ Маевскому сказывалъ о нѣкоторой матеріи того дѣла, и о томъ, въ чемъ Рѣшиловъ съ розыску не винится, какъ о томъ по слѣдствію ясно показалось». Дудина судили и пытали страшно. Со всѣхъ сторонъ, изъ всѣхъ мѣстъ, потребованы были, съ угрозою, счеты взяткамъ: кто, когда, сколько и за чтò далъ ему деньгами и вещами — все вывели наружу. Дудинъ въ многомъ записался, а во многомъ прямо сознавался. «Я не просилъ, давали въ почетъ, я и бралъ». По дѣлу однакожь оказалось, что не всё давали добровольно, многіе уступали настойчивому требованію. Въ 1738 году 4 декабря состоялся въ Кабинетѣ указъ, рѣшившій судьбу Дудина. «За показанныя вины его ¹⁾ учинить ему политическую смерть, бить пуб-

---

¹⁾ Въ экстрактѣ Тайной канцеляріи перечислены слѣдующія вины Дудина: 1) дѣло о Филипповѣ; 2) самовольная отписка нѣкоторыхъ монастырей изъ епархіальнаго въ синодальное вѣдомство, или въ ставропигіи, и отказъ дать объясненіе въ этомъ по требованію Синода; 3) продѣлка по дѣлу Никифорова; 4) извѣщеніе двухъ архимандритовъ, чтобъ заранѣе убавляли монастырскаго хлѣба, избытками котораго предполагалось снабдить крестьянъ на прокормленіе и на посѣвъ въ неурожайномъ 1734 году; 5) сокрытіе доноса члена коллегіи экономіи Топильскаго на секретаря Щепина; 6) протестъ на нижегородскаго епископа Питирима (нашелся въ бумагахъ Дудина); 7) приказъ произ-

лично кнутаомъ нещадно и послать его въ вѣчную ссылку въ Сибирь за надлежащимъ карауломъ. Вотчину его въ Московскомъ уѣздѣ, село Аристово, отдать въ вѣдомство Коллегіи экономіи, а дворы, продавъ настоящую цѣною, заплатить изъ нея долги, кому тѣмъ онъ долженъ былъ». Жена его скончалась во время процесса. Сыновья отданы на воспитаніе въ невскую семинарію; но остались еще двѣ дочери въ совершенномъ возрастѣ.

8. Освобожденіе Θεофилакта, Льва, Игнатія, Маевского, Рашникова, Яковлева и другихъ лицъ.

Въ 1740 году скончалась Императрица Анна. Государемъ провозглашенъ былъ племянникъ ея — младенецъ Іоаннъ — подъ попечительствомъ родительницы, Анны Леопольдовны.

Однимъ изъ славныхъ дѣлъ правительницы была амнистія невинно ссыльныхъ въ прошлое царствованіе. 13-го ноября 1740 года обнародованъ высочайшій указъ: «какъ для помяновенія ея императорскаго величества, такъ и для многолѣтняго его императорскаго величества здравія и благополучнаго государствованія, всѣмъ духовнымъ, военнымъ, статскимъ и другимъ чинамъ, которые за неисправленіе должностей своихъ и за непорядочные поступки въ противность высочайшимъ указамъ и за другія вины (кроме важнѣйшихъ по первымъ двумъ пунктамъ, и воровъ и разбойниковъ, и смертоубійцъ и похитителей многой казны государственной) осуждены на смерть или въ каторжную работу, или куда въ ссылку, или кому какое градское наказаніе учинить и чиновъ лишить повелѣно — онымъ всѣмъ такія учинен-

---

водить родственнику своему, секретарю московской синодальной канцеляріи, Протопопову жалованье, равное съ синодальными секретарями не по штату; 9) содержавшагося въ желѣзахъ въ синодальномъ арестѣ борисоглѣбскаго архимандрита Пафнутія за взятки освободилъ изъ желѣзъ, а потомъ, за взятки, произвелъ въ волоколамскій возницкій монастырь въ архимандриты; 9) бралъ взятки деньгами и вещами съ разныхъ лицъ духовныхъ и свѣтскихъ, до которыхъ въ Синодѣ касались дѣла: объявленныхъ взяткомъ деньгами сочтано слишкомъ 7000 руб.

ныя ими вѣны всемілостивѣйше прощены, и отъ наказанія ссыльки и штрафовъ освободить повелѣно».

Св. Синодъ, въ которомъ первымъ членомъ по смерти Теофана, былъ вологодскій епископъ Амвросій Юшкевичъ ¹⁾, вспомнилъ о своихъ страдальцахъ. И наступило точно воскресеніе мертвыхъ. Сотни, тысячи людей, безъ вѣсти пропавшихъ и считавшихся умершими, ожили снова. Со всѣхъ отдаленныхъ мѣстъ Сибири потянулись освобожденные страдальцы на свою родину, или въ мѣста прежней службы, — кто съ вырванными ноздрями, кто съ отрѣзаннымъ языкомъ, кто съ перетертыми отъ цѣпѣй ногами, кто съ изувѣченными отъ пытокъ руками и изломанной спиной.

Трудно сказать изъ какого званія было больше опальныхъ и ссыльныхъ. Проповѣдники слѣдующаго царствованія, свободно говорившіе передъ Елисаветой о дѣлахъ минувшаго царствованія, приписываютъ эти опалы ненависти Бирона, Остермана, Миниха, Левенвольда и прочихъ нѣмцевъ-лютеранъ къ русской вѣрѣ и русскому народу, и старавшихся, будто бы, истребить самый корень восточнаго благочестія, и потому считаютъ, что больше всѣхъ терпѣли духовные — архіереи, священники и монахи ²⁾.

¹⁾ Амвросій Юшкевичъ, «за утѣсненіе отъ Польши» взятъ въ 1734 году, по высочайшему повелѣнію, изъ вилenskaго святодухова монастыря въ С.-Петербургъ и посвященъ въ симоновъ монастырь въ архимандриты; изъ симонова переведенъ въ ипатскій и назначенъ синодальнымъ членомъ; въ 1735 году сентября 17 посвященъ въ епископы въ Вологду; въ 1740 году переведенъ въ Новгородъ.

²⁾ «Доселѣ дремахомъ — говорилъ одинъ проповѣдникъ *) — а нынѣ увидѣхомъ, что Остерманъ и Минихъ съ своимъ сомнищемъ влзли въ Россію, яко эмиссаріи дьявольскіе, имъ же, попустившу Богу, богатства, слава и честь желанная приключишася: сія бо имъ обѣтова сатана, да подъ видомъ министерства и вѣрнаго услуженія государству руссійскому, еже первѣйшее и дражайшее всего въ Россіи, правовѣріе и благочестіе нечюю превратятъ, но и до корня истребятъ... Амвросій Юшкевичъ говорилъ съ церковной кафедрѣ, что Елисавета «преславная побѣдительница избавила Россію отъ враговъ внутреннихъ и сокровенныхъ. Такіе-то всѣ были враги наши, которые, подъ видомъ будто вѣрности, отечество наше раззорили, и смотри, какую дьяволъ далъ имъ придумать хитрость. Во первыхъ на благочестіе и вѣру нашу православную наступили; но такниъ образомъ и претекстомъ, будто они не вѣру, но непотребное

*) Кириллъ Флоринскій, законоохранскій архимандритъ и ректоръ московской академіи. *Летописи русской литературы и древности*. Изд. Н. Тихомировымъ, 1859 г. кн. 2.

Феофилактъ освобожденъ изъ крѣпости 31-го дека бря 1740

и весьма вредительное христіанству суевѣріе искореняють. О, коль многое множество подъ такимъ притворомъ людей *духовныхъ*, а манпаче ученыхъ, истребляи, монаховъ пораазстригали и перемучили! Спроси жъ за что? Больше отвѣта не услышишь, кроиъ сего: суевѣръ, ханжа, лицемѣръ ни къ чему негодный. Сіе же все дѣлали такую хитростію и умысломъ, чтобъ во вся въ Россіи истребить священство православное и завести свою нововымышленную безпоповщину. Разговору большаго у нихъ не было, какъ токмо о людяхъ ученыхъ: о Боже! какъ-то несчастлива въ томъ Россія, что людей ученыхъ неимѣть и ученій завести не можетъ! Незнающій человекъ ихъ хитрости и коварства думалъ, что они то говорятъ отъ любви и ревности къ Россіи; а они для того нарочно, чтобъ гдѣ нибудь сыскавъ человека ученаго, погубить его. Былъ ли кто изъ русскихъ искусный, напримѣръ, художникъ, инженеръ, архитектъ, или солдатъ старый, а манпаче ежели онъ былъ ученикъ Петра Великаго: тутъ они тысячу способовъ придумывали, какъ бы его уловить, къ дѣлу какому нибудь привязать, подъ интересъ подвести, и такимъ образомъ или голову ему отсѣчь, или послать въ такое мѣсто, гдѣ надобно необходимо и самому умереть отъ глада, за то одно, что онъ инженеръ, что онъ архитектъ, что онъ ученикъ Петра Великаго. Подъ образомъ будто храненія чести, здравія и интереса государства, о коль безчисленное множество, коль многія тысячи людей благочестивыхъ, вѣрныхъ, добросовѣстныхъ, невинныхъ, Бога и государство весьма любящихъ, въ Тайную похищали, въ смрадныхъ узникахъ и темницахъ заключали, голодомъ морили, пытали, мучили, кровь невинную потоками проливали! Кратко сказаніе — всѣхъ добрыхъ, простосердечныхъ, государству доброжелательныхъ и отечеству весьма нужныхъ и потребныхъ, подъ разными претекстами губили, разоряли и во вся искореняли, а равныхъ себѣ безбожниковъ, безсовѣстныхъ грабителей, казны государственныя похитителей, весьма любили, ублажали, почитали, въ ранги великіе производили, отчинами и денегъ многими тысячами жаловали и награждали». — «Со смертію Петра и Екатерины — говорилъ Дмитрій Сѣченовъ въ присутствіи Императрицы *) — наступили частыя и вредительныя перемѣны, и вида то, противницы наши, добрую дорогу, добрый ко утѣсенію нашь сыскали способъ: показывали себя, какъ бы они вѣрные государству слуги, какъ бы они оберегатели здравія государей своихъ, какъ бы они все къ пользѣ и исправленію Россіи промышляютъ; а какъ прибрали все отечество наше въ руки, колікій адъ злобы на вѣрныхъ чадъ російскихъ отрыгнули, колікое гоненіе на церковь Христову и на благочестивую вѣру вoadвигли: ихъ была година и область темная: что хотѣли, то и дѣлали. А во первыхъ пытались благочестіе отнять, безъ котораго бы мы были горшіи турокъ, жидовъ и араповъ. А такъ то они думали, какъ-де благочестіе у нихъ отнимемъ, тогда де и сами къ намъ вѣру приложатъ, и сами вслѣдъ намъ пойдутъ, и такъ по всей Россіи предтечей антихристовыхъ разослали, вездѣ плевельныя ученія разсѣвали, только повредили, что мнози мало-

*) Дмитрій Сѣченовъ, архимандритъ свяжскаго монастыря (впоследствии митрополитъ новгородскій). *Литомисси русской литературы и дрессности*. Изд. Н. Тихоуравовымъ, 1859 г., кн. 2.

года ¹⁾. «Всѣ удивились этому—пишетъ одинъ изъ современниковъ ²⁾—потому что его уже считали мертвымъ, а онъ еще вдругъ явился живымъ». Послѣ такихъ страданій и по лишеніи знаковь архіерейскаго сана, онъ снова принялъ ихъ съ почтеніемъ отъ св. Синода. Когда изъ казармы взяли его на новгородское подворье и очистили отъ загрузѣвшей на немъ грязи, тогда самъ преосвященный Амвросій, архіепископъ новгородскій, со слезами участія снова возложилъ на него знаки монашескаго и архіерейскаго чина. Посѣтила его и цесаревна Елисавета Петровна и спрашивала: знаетъ ли ее? Онъ сказалъ: «знаю, что ты искра Петра Великаго». Цесаревна, отвернувшись, прослезилась и пожаловала ему на лекарство триста рублей. Но больной уже такъ, что не могъ почти говорить, ни на постели перевернуться, онъ на томъ же подворьѣ скончался 1741 года 6 мая, и 8 числа погребенъ въ невскомъ монастырѣ ³⁾. Амвросій, архіепископъ новгородскій, писалъ къ тверскому епископу Митрофану, «дабы усопшаго въ Бозѣ Геофилакта архіепископа вписалъ съ прочими православными архіереями въ диптихъ».

Современники, русскіе и иностранцы, отзываются съ величайшимъ почтеніемъ объ умѣ и особенно о нравственномъ характерѣ Геофилакта. «Преподобный сей архіерей—пишетъ объ немъ Евдокимовъ—истинно преподобный, ибо согласовалъ жизнь съ сло-

---

душіи возлюбилъ тѣмъ паче свѣта, возлюбилъ паче славу человѣческую, нежели славу Божию, ищущій въ нихъ милости. Отъ насъ изыдоша, но не бѣша отъ насъ... А наипаче коликое гоненіе на самыхъ благочестія защитителей, на самыхъ священныхъ таинъ служителей? Чинъ духовный—архіереевъ, священниковъ, монаховъ—мучили, казнили, разстригали: непрестанныя почты, и водою и сухимъ путемъ, куды? за чѣмъ?—монаховъ, священниковъ людей благочестивыхъ въ дальніе сибирскіе города, въ Охотскъ, въ Камчатку, въ Оренбургъ отвозятъ; и тѣмъ такъ устрашили, что уже и самые пастыри, самые проповѣдники слова Божія, молчали и устъ несмѣли о благочестіи отвѣрты. И правда, духъ бодръ, а плоть немощна: не всякому-то благодать мученичества посылается».

¹⁾ Вслѣдъ за Геофилактомъ освобождены изъ крѣпости 584 полусогнившихъ экземпляра Камня Вѣры, въ томъ числѣ двѣ оригинальныя письменныя книги. Въ то же время (высочайшимъ указомъ 26 декабря 1740 года) разрѣшено впредь оныя по потребѣ печатать и продавать въ народъ.

²⁾ Учитель Евдокимовъ: *Камалотъ тверскій архіереевъ. Ркм.*

³⁾ Противъ гробницы его въ западной стѣнѣ лазаревской церкви видѣлана плита съ надписью его званія и имени.

вомъ и ученіемъ апостольскимъ (1 посл. къ Тим. гл. III). Упражняясь въ проповѣди слова Божія, онъ сочинялъ книги противъ раскольниковъ и иновѣрцевъ—лютеранъ и кальвиновъ. Правомъ былъ кротокъ, снисходителенъ и доступенъ. И сколько былъ кротокъ, столько жъ и нестяжателенъ. Купивши мызу Степаново, въ 40 верстахъ отъ С.-Петербурга, на свои келейныя деньги, онъ отдалъ ее потомъ въ тверской архіерейскій домъ. До лишнихъ строеній и банкетовъ никогда не былъ охотникъ, развѣ по нуждѣ. Былъ милостивъ къ немущимъ. Во время голода, при крайней дороговизнѣ хлѣба, онъ своими келейными деньгами ссужалъ своихъ бѣдныхъ крестьянъ и раздавалъ имъ хлѣбъ даромъ. Когда же минуло голодное лѣто и настало обильное, принесли къ нему записныя книги, кому сколько дано было хлѣба, и докладывали: не прикажешь ли этотъ хлѣбъ отобрать? Преосвященный Теофилактъ, взявъ книги, бросилъ въ печь, въ огонь.—«Ученый кругъ—писалъ грекъ Фандербекъ ¹⁾ — уважаетъ Теофилакта Лопатинскаго, епископа тверскаго. Этотъ человѣкъ самаго многосторонняго образованія, знатокъ греческой литературы, которою занимался съ усердіемъ и большимъ успѣхомъ.... А его непоколебимая честность во всѣхъ обстоятельствахъ жизни напоминаетъ собою золотой вѣкъ. Однимъ словомъ, еслибы можно было изобразить добродѣтель, то онъ былъ бы ея портретомъ».

Въ силу того же манифеста святѣйшій Синодъ потребовалъ извѣстія изъ Тайной канцеляріи и о другихъ страдальцахъ—епископахъ: Георгій Дашковѣ, Сильвестрѣ Холмскомъ, Игнатіѣ и Левѣ—гдѣ они находятся и въ живыхъ ли обрѣтаются? Тайная канцелярія отвѣчала, что двое ужъ скончались: Сильвестръ въ Выборгѣ, въ крѣпости, 31 мая 1735 года, Геденъ—въ Нерчинскѣ, 17 апрѣля 1739 года. Остальные двое, Левъ и Игнатій, находились еще въ живыхъ и томленись—первый въ новгородскомъ крестномъ, послѣдній въ никольскомъ корельскомъ монастырѣ. Святѣйшій Синодъ подалъ (21 апрѣля 1741 года) всеподданнѣйшій докладъ объ отпущеніи имъ ихъ вѣнъ, за которыя они заточены были, оставляя прочее въ особливое усмотрѣніе Государя.

¹⁾ Praesens Russiae litterariae status. Русскій переводъ: *нынешнее состояніе словесности російской*—въ Спбѣ Отечества, 1842 г.

Между тѣмъ высочайшій указъ 13 ноября 1740 года проникъ и въ корельскую даль, дошелъ и до старца Игнатія. Обрадованный, онъ подалъ прошеніе архангельскому епископу Варсонофію, чтобы по силѣ высочайшаго указа освободить его изъ заточенія и «ради древней старости и скорби его» послать его на обѣщаніе въ нилову пустынь, гдѣ онъ и постриженіе принялъ. Въ августѣ о томъ же поступило прошеніе и отъ Льва. Грустно смотрѣть на подписи страдальцевъ: «бывшій коломенскій митрополитъ, а нынѣ чернецъ Игнатій. Бывшій воронежскій епископъ Левъ, что нынѣ разстига Лаврентій». 21 октября 1741 г. объявлено высочайшее повелѣніе, которымъ дозволено Льва и Игнатія освободить изъ заточенія и опредѣлить въ монастыри простыми монахами. Св. Синодъ хотѣлъ отличить ихъ отъ прочей братіи и приказалъ отпускать имъ содержаніе противъ прочихъ монаховъ въпятеро.

25 ноября 1741 года вступила на престолъ Елисавета. 15 декабря объявленъ былъ манифестъ, которымъ всѣ, какъ духовные, военные и статскіе, такъ и другихъ чиновъ люди, впадшіе въ вины (исключая государственныхъ и уголовныхъ) избавлялись отъ наказанія и ссылокъ и штрафовъ. Св. Синодъ нашелъ справедливымъ просить милости и для своихъ страдальцевъ — архіереевъ: «хотя они явились и въ важной винѣ, но ужь довольно за то наказаны». Синодъ просилъ имъ, «яко довольно уже пострадавшимъ, возвратить только архіерейскій санъ, въ которомъ бы они могли и жизнь свою окончить».

Докладъ святѣйшаго Синода еще не былъ поданъ, какъ отъ архангельскаго архіепископа присланъ рапортъ, что Игнатій скончался 25 декабря 1741 года, только что получивши вѣсть о своемъ освобожденіи.—О Левѣ святѣйшій Синодъ доложилъ словесно Государынѣ 19 апрѣля. Императрица дозволила возвратить ему архіерейскій санъ. При объявленіи указа, 22 апрѣля, возложена на него панагія и прочіе знаки архіерейскаго сана. Старецъ жилъ послѣ того еще четырнадцать лѣтъ, на покоѣ, въ московскомъ знаменскомъ монастырѣ, гдѣ и скончался 28 января 1755 г. ¹⁾.

¹⁾ Дѣла архива св. Синода. 1727 г. № 85. 1781 г. № 261 в 1755 № 157. Письмо Льва къ родственникамъ въ Русск. Арх. 1868 г. стр. 1062.

О прочихъ содержавшихся въ крѣпости преступникахъ по Рѣшиловскому дѣлу состоялся высочайшій указъ (20-го декабря 1740 года), которымъ повелѣвалось: «*Маевскому, Рѣшилову, Якову Ясинскому, Василію Козьменку и Масалаеву*, хотя и виновны явились, вины ихъ отпустить и разослать ихъ въ разные монастыри, именно разстригъ: Маевского, Рѣшилова и Ясинскаго въ братство, а Козьменку и Масалаева на пропитаніе, и быть имъ въ тѣхъ монастыряхъ неисходно». Тайная канцелярія, по обычаю, обязала ихъ подпиской: «о чемъ они въ Тайной канцеляріи спрашиваны и что на то показали, о томъ имъ разговоровъ ни съ кѣмъ никогда не имѣть и ни подъ какимъ видомъ отнюдь не разглашать; а ежели они о томъ съ кѣмъ имѣть будутъ разговоры, или хотя мало о чемъ станутъ разглашать, и въ ономъ отъ кого будутъ обличены, и за то учинена имъ будетъ смертная казнь». Св. Синодъ послалъ Козьменку въ Каменный, а Масалаева въ кирilloвъ новоезерскій монастырь.

Давыдовъ ужь усланъ былъ въ Сибирь и потому не попалъ въ этотъ указъ. Синодъ и Тайная канцелярія забыли о немъ. Но манифестъ правительницы возвратилъ его изъ ссылки (15 декабря 1741 года).

О *Филипповѣ* провѣдалъ преосвященный Иннокентій, епископъ иркутскій, и въ 1742 году 16 января прислалъ въ Тайную канцелярію донесеніе, что «въ домѣ его архіерейскомъ, за новость епархіи, имѣется въ приказныхъ служителяхъ нужда и въ отправленіи епаршескихъ дѣлъ остановка, а увѣдомился онъ, что въ вѣдомствѣ его живетъ бывшій синодскій канцеляристъ Якимъ Филипповъ, сосланный за вины». Тайная канцелярія передала это донесеніе въ Синодъ. Иннокентій содержалъ его съ женою и малыми ребятишками, ради имени Божія, на своемъ коштѣ.

Дудинъ возвращенъ изъ Тобольска, по манифесту Елисаветы Петровны, 10 февраля 1741 года. Ему дозволено жить въ Москвѣ или гдѣ пожелаетъ.

Въ іюлѣ 1740 г. подалъ на высочайшее имя прошеніе сынъ *Александра Яковлева* объ освобожденіи изъ подъ ареста его отца. «Отецъ мой—писалъ онъ—въ прежнихъ годѣхъ взятъ по невзвѣстному дѣлу въ Канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ и гдѣ имѣется—о томъ я не извѣстенъ. Прошу явить милость и освобо-

дить его изъ подъ аресту». По этому прошенію Яковлевъ возвращень (10 марта 1741 году) изъ охотскаго острога въ Москву или куда пожелаетъ.

4. Ливерій (Элеверіи) Коллетти и Платонъ Малиновскій. — Смерть Ливерія. — Смысла Платона. — Освобожденіе.

Какая судьба была Ливерія Коллетти и Платона Малиновскаго послѣ Оеофана? Оба они содержались въ крѣпости. Ливерій — въ казематѣ у кронверкскихъ воротъ. По записной книгѣ кормовыхъ денегъ мы встрѣчаемъ его въ 1736, 1737 и 1-го декабря 1738 года. За тѣмъ съ 1739 года имя его не упоминается между заключенными. Стало быть онъ скончался въ декабрѣ 1738 или въ январѣ 1739 г.

Платонъ Малиновскій не чувствовалъ себя ни въ чемъ виновнымъ и точно не былъ виновенъ. Надежда утѣшала его мыслью о скоромъ освобожденіи. Незвѣстная, высокопоставленная особа поддерживала въ немъ эту надежду. Въ 1738 году августа 3-го онъ писалъ къ этой особѣ (по видимому къ одному изъ кабинетныхъ министровъ — къ Остерману, Волинскому, Черкасскому, или, можетъ быть, къ Ушакову, такъ какъ ни къ кому другому изъ крѣпости писать не позволили бы; судя по названію генераломъ, вѣроятно — къ послѣднему): «вчерашняго дня, о чемъ я словесно докладывалъ ваше превосходительство, о томъ же получилъ себѣ приказъ — все то подать на письмѣ къ дополненію поданнаго отъ мене въ 1735 году въ высокій ея императорскаго величества Кабинетъ духовнаго дѣла. Но когда я послѣ самъ съ собою доволю о томъ думалъ, и совершенно вспомнилъ, что о всемъ томъ въ самомъ дѣлѣ духовномъ уже показано отъ мене, разсудилъ я быть лишнее о томъ же и нынѣ подавать письменно: и потому въ показанное дополненіе ничего здѣсь не приношу. Едино токмо крайняя моя убѣждаетъ мене нужда трудить ваше превосходительство всепокорнѣйшимъ прошеніемъ о томъ: доволю и самому вашему превосходительству извѣстно, что уже шесть лѣтъ содержусь подъ карауломъ кромѣ всякія моея вины, а

свидѣтель тому самъ Богъ и совѣсть моя; да и по дѣлу уже явилась неповинность моя, о чемъ я и отъ вашего превосходительства имѣлъ счастье слышать, что въ свободѣ моей только оставилось за докладомъ ея императорскому величеству. Того ради всепокорнѣйше прошу, ради самаго Бога, показать со мною, неповинно страждущимъ, въ скорѣйшемъ докладѣ ея императорскому величеству высокую свою милость. А покажѣсть счастливаго сего многомогущимъ вашимъ милостивымъ предстательствомъ дождусь по тому дѣлу крайняго рѣшенія, прошу всепокорно приказать меня отпустить на мою квартиру по прежнему, ибо въ томъ никакія важности не находится: что я здѣсь подѣ карауломъ, то и тамъ такими же мѣрами содержанъ буду. А по слабости здравія моего, ежели долго мнѣ содержаться въ крѣпости, то непремѣнно отъ одинаго здѣшняго тяжелаго воздуха и отъ другихъ безпокойствъ, могу прийти въ неисцѣлимую болѣзнь, а особливо головную, понеже я уже давно тѣмъ безгѣрно страдаю, о чемъ вси знающіи мене извѣстны. Что когда все, особливѣмъ вашимъ ко всѣмъ бѣднымъ милосердіемъ, я получу желаемое, то и васъ, и наслѣдія вашего Богъ, всѣхъ милосердыхъ любитель, желаемыя вами вѣчная и временная сподобитъ получить блага. О семъ прося пребываю и пребывать по жизнь мою долженъ. Вашего превосходительства всегдалнній богомолецъ и слуга, нижайшій архимандритъ Платонъ Малиновскій».

И послѣ такихъ надеждъ и обнадеживаній, чрезъ четыре мѣсяца послѣ письма, въ одинъ день съ Теофилактомъ Лопатинскимъ, Платонъ лишенъ архимандрическаго сана, священства и монашества ¹⁾ и, подѣ именемъ Павла Малиновскаго, сосланъ въ Сибирь ²⁾.

¹⁾ Для снятія сана съ Платона Малиновскаго посланъ былъ изъ Синода находившійся при Кипріягѣ, епископъ вятскомъ, іеромонахъ Индись.

²⁾ Въ 1789 году января 15 графъ Салтыковъ доноситъ Ушакову изъ Москвы, что присланные для ссылки въ Сибирь колодники: бывшій оберъ-секретарь св. Синода Дудинъ, канцеляристъ Якимъ Филиповъ съ женою, М. Аврамовъ, да разстрига: Александръ Давыдовъ, Яковъ Самгинъ, Григорій Зварыкинъ, Иванъ Кучинъ, Евдокимъ Короткой, Павелъ Малиновскій, пометной канцелярн камериру Бѣликовъ съ женою, въ Сибирь и въ Оренбургъ въ показанныя мѣста отправлены изъ Тайной конторы подѣ надлежашимъ карауломъ на яскихъ подводахъ, всѣ порознь.

Что жъ значили всѣ эти обнадеживанья Платона скорымъ выпускомъ изъ крѣпости и благопріятнымъ окончаніемъ дѣла? То, что лицо, къ которому писано это письмо, или не хотѣло, или не могло исполнить своихъ обѣщаній. Ушаковъ, сильный въ исполнительной части, въ бойнѣ и пыткахъ, имѣлъ мало значенія въ совѣтѣ кабинетныхъ министровъ. Тутъ всѣмъ вертѣлъ хитрый и жестокій Остерманъ, какъ это до очевидности ясно изъ показанія Волинскаго (16 апрѣля 1740 года) по поводу извѣстнаго письма его къ Государынѣ, съ котораго начался судъ надъ нимъ: «онъи графъ Остерманъ къ ея императорскому величеству токмо одинъ свою вѣрность показываетъ, а другихъ уничтожаетъ въ томъ, что по дѣламъ кабинетнымъ, по общимъ его Волинскаго съ князь Алексѣемъ Черкасскимъ, тако жъ и по предложеніямъ отъ генерала Ушакова о дѣлахъ Тайной канцеляріи, разсужденіямъ, что ни предлагаемо ими было, по большей части не такъ имъ графомъ Остерманомъ поступано было, что тѣ ихъ разсужденія яко бы негодны, но только его надлежащее разсужденіе, и показывалъ себя только якобы одинъ онъ ея императорскому величеству вѣрность имѣеть».

Послѣ возшествія на престолъ Елисаветы Петровны и милостиваго указа ея о невинноссыльныхъ, иркутскій епископъ Иннокентій взялъ Малиновскаго, за немѣніемъ учителей, въ школу и ходатайствовалъ предъ духовнымъ и гражданскимъ начальствомъ о возвращеніи ему прежняго сана, поелику онъ «о лишеніи священномонашества всегда пребываетъ въ унылости». Синодъ, по сношеніи съ Тайной канцеляріей, разрѣшилъ возвратить ему санъ и прежнее званіе, и опредѣлить его въ какой нибудь пристойный московскій монастырь. Но унылость до того изнурила всѣ его силы, что, прибывши въ Москву, онъ просилъ св. Синодъ освободить его отъ всякаго начальства и уволить въ кіевопечерскій монастырь на уединенное житіе: «примѣчая по вся дни не малую во всемъ тѣлѣ моему здравія слабость и умножающуюся болѣзнь, и къ всякому правительству неудобство, разсудилъ я въ себѣ, по совѣсти христіанской, неудобноносимыхъ не касатися, но на уединенное токмо проситься житіе». Однакожъ это желаніе его не исполнилось. Въ 1742 году онъ былъ посвященъ въ епископа сарскаго. Въ 1748 г. Государыня поручила спросить у него: не же-

дасть ли онъ быть московскимъ архіереємъ? Платонъ отвѣчалъ: «по высокомонаршему вашего императорскаго величества повелѣнію, изволилъ писать ко мнѣ преосвященный Симеонъ, епископъ псковскій, требуя письменнаго отъ мене извѣстія — первое: о нынѣшнемъ здравіи моего состояніи, второе — ежели-де приключившаяся немощь не препятствуетъ — желаю ли я быть архіереємъ московскимъ? На что съ глубочайшею покорностію отвѣтствуя, воспріемлю дерзновеніе вашему императорскому величеству всеподданнѣйше представить: что касается до болѣзни моеѣ, то я больше въ безнадежін остаюсь, дабы мнѣ впредь возможно быть могло прійти въ совершенное здравіе, и (понести) епаршескія всякія тяжести: послѣдовательно не только при московской, но и при крутицкой епархіи быть не желаю, а ежели бы за старостію моею и неудобностию болѣзнію окончатн прочее жизни своея на обѣщаніи моемъ въ лаврѣ кіевопечерской, ежели бы въ томъ воля божественная и я бы возмогъ быть пожалованъ высокоmaterнею вашего императорскаго величества монаршею милостію, о которой рабски прося, и повергая себе къ ногамъ Государыни моея, на ту едину по Бозѣ уповаю. Мартъ, 1748 года». Однакожъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ онъ переведенъ былъ въ Москву, гдѣ послѣ шестилѣтняго правленія скончался, 14 іюня 1754 года.

Б. Родышевскій. — Новые допросы. — Освобожденіе. — Посвященіе въ епископы. — Смерть.

Въ маѣ 1738 года Остерманъ сдалъ въ Тайную канцелярію выписки, которыя чернецъ Родышевскій сдѣлалъ изъ книги Баронія, съ приписками покойнаго архіепископа Теофана, и поносительное письмо на Государевъ указъ о монашествѣ, также съ примѣчаніями Теофана. Въ примѣчаніяхъ Теофана значилось слѣдующее: «выписалъ онъ (Родышевскій) изъ Баронія много, что ему показалось годное къ ласканію духовныхъ, а наипаче монаховъ, тако жъ ко умаленію чести державныхъ властей и указовъ ихъ уничтоженію. Изъ котораго набору хотя онъ нѣкія находки и

къ своему, на государевъ о монашествѣ указъ, поношенію приточилъ, однакожъ много еще не употребленныхъ при себѣ оставилъ. Знатно, намѣренъ былъ новыя еще на государей укоризны сочинять: да, или смотря на времени состояніе не посмѣлъ, или за наставшимъ плутовства его объявленіемъ не усмѣлъ. Здѣсь же мы не всё выняты имъ изъ Баронія лепестки, но нѣкія изъ нихъ знатнѣйшія, и вѣще ему къ поправленію державныхъ властей угодныя, предлагаемъ, которыми ясно покажется, что онъ не на нѣкіихъ рядовыхъ писателей, но на самыхъ российскихъ государей досады произносить, мятежныя въ народѣ клеветы разсѣвать, самимъ бѣсомъ смутнымъ, или отъ возъяренныхъ тѣмъ чловѣкъ наущенъ, дерзостно затѣвалъ¹⁾. «Надобно же сыскать, гдѣ оныя книги Бароніевы, изъ которыхъ онъ сія выписки вынималъ. А какъ самъ онъ скажетъ, что писалъ онъ нужныя къ вѣдѣнію вещи, то сказать онъ долженъ, для чего вещи сія нужны? Для чего, напримѣръ нужно ему вѣдать, что Онопій запретилъ иновѣрнымъ при дворѣ у себе служить? Что христіане ругали нечестиваго царя? Что Уалентъ монаховъ мучилъ? Что Константинъ далъ всякому волю отдавать имѣнія своя церкви? Что духовные осужденныхъ на смерть отнимали? Что константинопольскій клиръ всѣмъ народомъ обладалъ и кесарямъ былъ страшный, и прочъ?

По содержанию этихъ примѣчаній составлены были вопросныя пункты Родышевскому. Кабинетные министры 11 января 1739 года рѣшили допрашивать его въ Тайной канцеляріи, въ присутствіи Ушакова и синодальныхъ членовъ—Амвросія, епископа вологодскаго и Стефана, епископа псковскаго.

«Для чего написалъ онъ на указъ о монашествѣ?» Маркелъ отвѣчалъ, что ему поручилъ это именемъ ея величества архимандритъ Варлаамъ и обнадежилъ за это всякими милостями.

«Для чего сдѣлалъ выписки изъ Баронія?» По порученію Варлаама, что надо де вѣдать древнее преданіе о должности благочестивыхъ царей и прочихъ правовѣрующихъ христіанъ. Варлаамъ далъ ему это порученіе чрезъ Аврамова. «Откуда же выписывать»,

¹⁾ Выписки эти, съ примѣчаніями Феофана, напечатаны въ Чтеніяхъ, 1863 года, кн. 1, стр. 53—59.

спрашивалъ онъ у Аврамова. Аврамовъ отвѣчалъ, что не знаетъ, и совѣтывалъ сходить къ Варлааму. Маркелъ пошелъ къ Варлааму. Архимандритъ прочиталъ ему кое-что изъ Максима Грека, а на вопросъ его *откуда*, ничего не сказалъ. Послѣ того самъ онъ спросилъ: «развѣ изъ новопереведеннаго Баропія? Варлаамъ отвѣчалъ: «изрядно, очень хорошо. Пиши поскорѣй, для представленія ея величеству». Кромѣ того Варлаамъ сказалъ ему, что онъ докладывалъ о немъ Государынѣ и ея величество приказала въ нынѣшній (1730 или 1731 годъ) великій постъ дѣло его съ новгородскимъ разсмотрѣть и совершить вскорѣ. Послѣ того ему приказано было, на основаніи этихъ выписокъ, написать къ лицу ея величества челобитную, которую онъ и послалъ къ Варлааму съ Аврамовымъ.

«Для чего писалъ о патриархахъ?» Маркелъ отвѣчалъ, что Варлаамъ говорилъ ему: «подожди мало, когда-де Богъ дастъ и ея величество соизволитъ указать быть у насъ, какъ-де и надѣмся, что патриарху быть, тогда онѣй Теофанъ архіепископъ къ рукамъ приберется, а теперь-де онъ очень силенъ и кто-де съ нимъ контру ни возымѣетъ, то все-де онъ передомаетъ и не кому-де съ нимъ нынѣ тягаться, для того, что онъ первенствующій архіерей». Къ тому же онъ Маркелъ слышалъ, что въ Россіи патриархомъ будетъ Варлаамъ и уповалъ, что чрезъ это будетъ содѣйствовать скорѣйшему его произведенію. Ясно, что Маркелъ дѣйствовалъ по внушенію, и опираясь на силу царскаго духовника, Варлаама. Теперь ужъ онъ самъ не скрывалъ этого и не прикрывался ревностью о православіи.

По особому счастью, его не сослали въ Сибирь. Маркелъ сохранился въ Тайной канцеляріи до смерти императрицы Анны. Въ 1740 году 19-го декабря, вслѣдствіе милостиваго манифеста правительницы, высочайшимъ указомъ велѣно было освободить его изъ Тайной канцеляріи и отослать въ Синодъ для опредѣленія въ монастырь, въ который Синодъ разсудитъ. Синодъ отправилъ его къ новгородскому архіепископу Амвросію. Маркелъ просилъ возвратить вещи, отобранныя у него въ 1726 году. Оказалось, что онѣ проданы были по оцѣнкѣ за 14 рублей. Ему выдали за нихъ деньги ¹⁾.

¹⁾ Дѣла архива св. Синода 1782 г. №№ 148 и 149.

Амвросій опредѣлилъ Маркелла по прежнему архимандритомъ юрѣва монастыря и ректоромъ новгородской семинаріи, а въ 1742 году просилъ Синодъ о посвященіи его въ епископа корельскаго, викарія новгородской епархіи. Маркелгъ посвященъ 10 января 1742 года, но, измученный страданіями, скончался въ концѣ тогожь года (29 ноября) и погребенъ въ юрѣвѣ монастырѣ ¹⁾.

Въ одной изъ проповѣдей, говоренныхъ въ придворной церкви (22 марта 1742 года) Маркелгъ съ утѣшеніемъ говорилъ о томъ, что Императрица повелѣла освободить изъ заключенія, вмѣстѣ съ колодниками, и книгу Камень Вѣры, «мозги ихъ (враговъ вѣры) и челюсть сокрушающую». Здѣсь же, обращаясь къ Императрицѣ говорилъ: «утоли скверные ихъ языки, гробы ихъ гортани затвори, устнѣ съ языкомъ хульнымъ заключи; а и святъ ихъ отъ мѣста не худо» ²⁾.

---

6. Аврамовъ. — Ссылка въ Охотскъ. — Освобожденіе. — Новые проекты. — Арестъ. — Допросы. — Смерть въ крѣпости.

Въ ноябрѣ 1738 года изъ Тайной канцеляріи поданъ былъ въ Кабинетъ экстрактъ объ Аврамовѣ. Кабинетъ разсуждая, — что «Аврамовъ напередъ сего явился въ немаловажныхъ преступленіяхъ и видя высочайшую милость, по которой освобожденъ отъ смерти, будучи въ содержаніи въ иверскомъ монастырѣ, немѣя въ себѣ воздержанія, дерзнулъ отцу своему духовному о своемъ дѣлѣ продерзостно разглашать и потомъ писалъ къ разнымъ лицамъ, прося о заступленіи и свободѣ; къ тому жъ по слѣдствію явилось, что, и прежде начинанія о немъ дѣла, многіе продерзости отъ него происходили» — опредѣлилъ: «за всѣ эти вины, и дабы впредь продерзостей отъ него не происходило, послать его въ охотскій острогъ на житье за надлежащимъ карауломъ, и при посылкѣ объявить указомъ, чтобъ онъ о томъ дѣлѣ и ни о чемъ къ тому

---

¹⁾ Ученія въ общ. ист. и древн. російскій. 1858 г., кн. 2, стр. 97.

²⁾ Филарета, Обзоръ рус. дух. лит. Кн. 2, стр. 86. Черниг. 1863 г.

касающемся отнюдь ни съ кѣмъ не токмо разговоры и разсужденій не имѣлъ, но ни чрезъ что никому не сообщалъ, и ежели объ ономъ будетъ онъ съ кѣмъ разговоры и разсужденія имѣть, или продерзостно о чемъ разглашать, и за то безъ всякаго пощады казненъ будетъ смертію. А которое недвижимое имѣніе ему пожаловано, то оное все нынѣ описать на ея императорское величество, а собственное его и жиннино оставить женѣ и дѣтямъ его на пропитаніе. А чтобъ дѣти его мужеска полу праздно не шатались, сыскавъ въ Москвѣ Тайной канцеляріи въ контору, годныхъ написать въ солдаты; а которые явятся къ опредѣленію въ солдаты негодны, тѣхъ опредѣлить, какъ о таковыхъ указы ея императорскаго величества повелѣваютъ» Опредѣленіе Кабинета утверждено Императрицей 13-го ноября 1738 года ¹⁾. Аврамовъ говорилъ впоследствии, что при ссылкѣ никакой вины ему не объявили. «И посади въ сани повезли, а куда не сказали, и привезли къ Москвѣ, и державъ на Москвѣ нѣсколько дней и не давъ ему взять изъ двора ни платья, ни денегъ, повезли дальше, а куда не сказали, и наконецъ привезли въ Охотскъ черезъ переменныхъ караульщиковъ. И нынѣ въ Тайной канцеляріи не такъ поступаютъ, какъ прежде поступали, кого хотя въ маломъ дѣлѣ приведутъ, то оберутъ и крестъ снимутъ, а изъ его денегъ даютъ ему на пропитаніе по грошу на день, а кто познатнѣе, тому по алтыну» ²⁾.

Главнымъ командиромъ Охотска былъ въ ту пору Скорняковъ-Писаревъ, извѣстный по суздальскому розыску, въ которомъ онъ исполнялъ самыя щекотливыя порученія Петра I-го ³⁾. Аврамовъ съ нимъ не сошолся, но подружился съ капитаномъ морскаго флота А. И. Чириковымъ. Онъ писалъ объ немъ своей женѣ въ самыхъ изысканно-нѣжныхъ выраженіяхъ. «Объявляю тебѣ свѣтъ мой, что я, по милости Иисусъ Христовѣ, за молитвами и предстательствомъ родшія Его Богоматѣри, не-

¹⁾ Пекарскаго, *Науки и литература при Петрѣ В.* Ч. 1, стр. 506—507.

²⁾ Донесеніе Скорнякова-Писарева изъ Охотска 15 апрѣля 1740 года о словахъ, говоренныхъ Аврамомъ. (Дѣла Государств. архива объ Аврамовѣ).

³⁾ Устрялова, *Исторія Петра В.* Т. VI, глав. VII.

бесныхъ силъ и всѣхъ святыхъ, получилъ здѣсь по дару Его божественному, любезныхъ отцовъ мнѣ и благодѣтелей, и сладчайшую, вселюбезнѣйшую вседражайшую мнѣ съ дѣтупками матушку, а имянно духовную мою радость, батюшку—морскаго флота капитана, благороднаго господина Алексѣя Ильича Чирикова, матушку же—Богомъ благословенную любезную его сожительницу, Парасковію Яковлевну, съ дражайшими ихъ дѣтками; и охотскаго главнаго командира, Григорья Григорьевича Скорникова-Писарева: пожалуйста мои свѣты, молитесь о нихъ ко Господу Богу, да по щедротамъ милости и милосердію своему, какъ духомъ, такъ и видѣніемъ, обще всѣхъ насъ сподобитъ и удостоитъ жить въ заповѣдяхъ Его святыхъ въ ономъ мѣстѣ временно и вѣчно». «Прошу мой свѣтъ — писалъ онъ въ другомъ письмѣ — посланную мою при семъ письмѣ челобитную, моляся Богу, какъ онъ Господь Богъ вразумитъ, посовѣтовавъ съ любезными нашими дѣтми и съ милостивыми нашими сродниками, и съ друзьями, чрезъ кого будетъ возможно, подать всемилостивѣйшей великой Государынѣ нашей Императрицѣ. А наилучшій къ тому кажется способъ: въ началѣ просите милосердаго моего отца А. Макарова и прочихъ сродниковъ нашихъ и благодѣтелей, чтобъ они, кто изъ дѣтей нашихъ съ тою челобитною въ С.-Петербургъ для подачи поѣдетъ, писали бъ съ прошеніемъ ко всѣмъ своимъ и нашимъ милостивцамъ и благодѣтелямъ, изъятно же къ оберъ-секретарю Ижорину, чтобы онъ приложилъ трудъ свой и попеченіе—просить милосердную къ намъ и ко всѣмъ сиротамъ благородную госпожу Анну Федоровну Юшкову, да чрезъ ея предстательство и предводительство всемилостивѣйшей Государынѣ Императрицѣ подать челобитную. А для ѣзды, и на всякія издвенія и убытки, пожалуй не жалѣй села новоуспенскаго: какъ возможно изволь кому отдать во владѣніе или заложить; а отъ меня съ радостію на него крѣпость готова». «Пожалуйте не оставьте меня—писалъ онъ къ зятю Никитѣ Кожинову и къ дочери—и любезную мою Анну Дмитриевну мать вашу, и общихъ нашихъ дѣтокъ во святыхъ своихъ молитвахъ, и ко общему нашему житію во всякихъ нуждахъ. Аще и разно живемъ, но по милости Іисусъ Христовѣ не различно духомъ: при семъ прилагаю и къ вамъ, мои свѣты, копиі съ прежняго письма моего и съ челобитной, каковы и нынѣ послалъ я къ любезной

моей сожительницѣ. Прилагаю же и къ вамъ сего ради, да общее соединенное, согласное, и любовное о мнѣ стараніе; и труды, какъ васъ Богъ наставитъ, приложите: пожалуйста другъ другу помогайте, и другъ друга тяготы носите, и тако исполните законъ Христовъ. Впрочемъ покорно всѣхъ васъ прошу, ищите милостивой къ намъ любви морскаго флота пребывающаго при здѣшней экспедиціи благороднаго господина, моего премилосердаго отца, Алексѣя Ильича Чирикова, у сродниковъ его и благодѣтелей; а именно чрезъ кого посланные отъ меня чрезъ его благородіе письма и челобитную получите, аще лицомъ къ лицу, аще и письменно: то съ покорнымъ прошеніемъ до ихъ милости пишете и попечитесь ихъ милость въ любовь къ себѣ привести».

Сближаясь съ Чириковымъ, Аврамовъ все больше и больше расходился съ Скорняковымъ-Писаревымъ. Эти два человѣка—Чириковъ и Скорняковъ-Писаревъ—различно смотрѣли на многія вещи, особенно въ области нравственнаго міра: вслѣдствіе этого и отношенія ихъ къ Аврамову были неодинаковы. Чириковъ съ набожностію и вниманіемъ выслушивалъ его «ханжескія бредни», а Скорняковъ-Писаревъ смѣялся надъ его видѣніями. Столкновенія эти были поводомъ къ тому, что Скорняковъ послалъ на Аврамова доносъ въ Тайную канцелярію, въ которой описалъ всѣ его поступки. Мы выпишемъ изъ него то, что можетъ характеризовать Аврамова во время его пребыванія въ Охотскѣ. «Онъ, Аврамовъ, яко всѣмъ вѣдомый старый ханжа, притворя себѣ благочестіе и показывая себя святымъ, сдружился великою дружбою съ подобнымъ себѣ ханжею жъ, капитаномъ Чириковымъ, и его—Чирикова—въ именины благословилъ иконою пресвятыя Богородицы, именуемая казанскія, которую онъ, Чириковъ, съ великою радостію, яко отъ святаго мужа, принялъ; и сдружася онъ, Аврамовъ, съ нимъ, Чириковымъ, предлагалъ ему (для своего лакомства, и чтобъ ему въ Охотскѣ довольное пропитаніе имѣть безъ своего кошту даромъ), чтобъ въ Охотскѣ построить страннопримнищу, а ему бъ надъ нею надзирателемъ быть. По которому его предложенію, онъ, Чириковъ, и капитану командору Берингу предлагалъ; и по тому Чирикова предложенію, велѣлъ онъ, Берингъ, въ помощь той страннопримнищы отдать ему, Чирикову, изъ пожитковъ умершаго экспедичнаго іеромонаха Антонія сто рублей

денегъ, и писалъ онъ Чириковъ, въ канцелярію охотскаго порта, чтобъ тѣ деньги приняты были Аврамовымъ; и хотя я тѣ деньги принять велѣлъ ему, Аврамову: однакожь тѣ деньги, вѣдая его старое ханжество и лакомство, не на строеніе странвоприницицы издержать велѣлъ, а на пропитаніе убогихъ и больныхъ, записывая въ расходъ въ шнурованную книгу, — которыхъ онъ издержалъ сорокъ пять рублей, а ни одной копейки въ расходъ въ книги не записалъ. Онъ же Аврамовъ, яко обычай плутамъ и ханжамъ, сказывалъ явно всѣмъ чудо такое: ея де императорское величество указала ему Аврамову успенскаго большаго собору мѣстной Спасовъ образъ починить, которой де отъ старости и отъ пожаровъ повредился; и онъ де, Аврамовъ, собравъ въ Москвѣ лучшихъ иконописцевъ, и взявъ тотъ образъ въ патриаршую палату, велѣлъ тѣ поврежденные мѣста вырѣзать и вырѣзавъ вновь налевкасить, и по левкасу написать то, что въ которомъ мѣстѣ написано было. И иконописцы де написали и подвели такъ, какъ прежде было, и узнать де нельзя, что вновь писано. И захотѣлося де ему, Аврамову, и весь тотъ образъ поновить: и онъ де велѣлъ старую оливу счистить; и какъ де ту оливу ножомъ скребли и стали накладывать краски: то де краски цвѣты своя измѣнять стали, и не могли де никакъ угодить, чтобъ привести, какъ сперва тотъ образъ написанъ былъ, понеже де того поновленія Господь Богъ учинить не благоволилъ. — И видя я, что онъ то чудо притворное объявляетъ, сказалъ ему, что то не чудо, понеже всякіе краски положенныя на бѣлое обыкновенно въ собственномъ своемъ цвѣтѣ являются, а положенныя на другія краски обыкновенно жъ собственные свои цвѣты измѣняютъ, и, положиа краски на бумагѣ, то ему и практикою довелъ; и за то на него кричалъ, чтобъ онъ такихъ вымышленныхъ ложныхъ чудесъ въ народъ не разглашалъ и простыхъ людей не прельщалъ. — Да онъ же, Аврамовъ, домогался чрезъ друга своего Чкрикова, чтобъ онъ, Чириковъ, Берингу предлагалъ, чтобъ Берингъ писалъ въ Кабинетъ ея императорскаго величества: которые тунгусы и якуты въ Охотскѣ крестились, тѣ будто крестились его, Аврамовымъ, приводомъ и стараніемъ; а тѣхъ якутовъ и тунгусовъ не одинъ онъ, плутъ, приводилъ къ крещенію, но многіе служивые люди, приводили своихъ работниковъ и прочихъ многихъ; и лучшаго гнѣшаго князца

Челыка крестилъ я, и на него смотря, жена его и дѣти съ женами и прочіе многіе, какъ пѣшіе, такъ и оленные тунгусы, крестились. И какъ о томъ его домогательствѣ увѣдомился я, тогда призвавъ его, Аврамова; въ канцелярію, за то кричалъ на него и порученные ему на милостыню деньги велѣлъ ему принести въ канцелярію. И онъ, плутъ Аврамовъ, о томъ разжаловался подобному себѣ плуту, другу своему Чирикову и Плаутину ¹⁾, и что я объ ихъ Чириковыхъ и Плаутинна худыхъ поступкахъ (о которыхъ именно сибирскому приказу въ рапортѣ написано) при немъ Аврамовѣ говорилъ, то онъ все имъ сказалъ; и за то они, Чириковъ и Плаутинъ, согласясь и умысля воровски, велѣли меня позвать въ гости къ штурману команды моей, Авраму Дементьеву, о которомъ явно, что и онъ въ томъ ихъ воровскомъ умыслѣ съ ними былъ, за то, что я его на публичной женщинѣ, Ивана Карتماзова метресѣ, жениться не допустилъ; и какъ къ нему, Дементьеву, пришелъ и сѣлъ на стулъ противъ его, Чирикова, и онъ, Чириковъ, примѣстався словами (а какими, о томъ именно объявлено въ рапортѣ моему сибирскому приказу) называя меня плутомъ и выбрани, ударилъ въ лицо кулакомъ, и ухватя за волосы, какъ онъ, Чириковъ, такъ и Плаутинъ, били меня смертнымъ боемъ, наклоня за волосы въ глаза и въ лобъ ногами обутыми въ сапоги носками, и тѣми побоями разбили у меня лѣваго глаза бровь и вѣко и подъ глазомъ скулъ, отчего тѣмъ глазомъ и нынѣ за пухотою не смотрю, и между глазъ лобъ разбили до крови, и волосовъ многое число выдрали, и ежели бъ не прилучился при томъ поручикъ Маркъ Бобановской, то бъ они меня и до смерти прибили; а штурманъ Дементьевъ, яко моей команды человекъ и хозяинъ, и видя что нагло они Чириковъ и Плаутинъ нападчи на меня смертно бьютъ, никакой помощи мнѣ не подавъ, и потому и паче стало явнѣе, что онъ въ томъ воровскомъ умыслѣ согласникомъ былъ; да и когда я освобожденіемъ Бобановскаго изъ избы вышелъ, тогда онъ, Дементьевъ, ко мнѣ не вышелъ, и остался въ избѣ съ ними Чириковымъ и Плаутиннымъ. И вышелъ я изъ штурманской избы, велѣлъ плута Аврамова взять за караулъ и письма у него брать».

¹⁾ Кто такой Плаутинъ—не знаемъ. Скорняковъ-Писаревъ писалъ о немъ, что онъ Аврамову свой по женѣ.

«Въ письмахъ его явилась молитва, какой я ни въ какой книгѣ не видалъ, писанная его Аврамова рукою тако: «Господи Иисусе Христе, едиnorodный безначальнаго Твоего Отца, реклъ еси пречистыми Твоими усты, яко безъ Мене не можете творити ничесоже. Господи мой, Господи, вѣрою объемъ въ души моеи и въ сердцѣ Тобою реченная, припадаю къ Твоей благодати, помози мнѣ грѣшному сіе желанное мною наченъ о Тебѣ самомъ и совершити». А какое онъ дѣло намѣренъ начинать и совершитъ, того не вѣдомо, и сія молитва зѣло сумнительна. И найдено жъ письмо, въ которомъ написано: «во славу пресвятыхъ, единосущныхъ, животворящихъ и нераздѣльныхъ Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа, грядетъ во всю вселенную великая слава и милость Божія и неизреченныя щедроты сладчайшія любви Иисусъ Христовы. Успѣвай, успѣвай, успѣвай и царствуй въ православной вѣрѣ и надеждѣ». «Да сысканы жъ выписки изъ книгъ о благихъ дѣлахъ, которыя, по его плутовскимъ словамъ, къ дѣлу его приличны. И по тѣмъ выпискамъ безъ сумнѣнія явно видно, что онъ, Аврамовъ, не токмо словесно, но и письмененно толковавъ невинность свою, и будто онъ терпитъ ссылку, яко исповѣдникъ, объявлялъ или объявлялъ намѣренъ былъ всѣмъ того дѣя, чтобъ видя его, Аврамово, безвинное за вѣру исповѣдничское терпѣніе, давали ему деньги, платье и прочее, какъ Чириковъ далъ уже ему двѣ пары платья, шубу и десять рублей денегъ, а Плаутиныхъ десять же рублей, и прочіе сдавали больше двадцати рублей, ибо у него явилось денегъ больше сорока рублей; а понеже всѣмъ добрымъ людямъ извѣстно, что никакимъ инымъ образомъ такъ мочно у простаго народа выманывать деньги, какъ притворнымъ благочестіемъ, и показывая себя молитвенникомъ, какъ онъ плутъ Аврамовъ въ Охотскѣ себя называлъ, и какъ такіежъ воры и плуты въ присутствіи моимъ въ Тайной канцеляріи являлися, а именно: разстрига Демидъ, Михайло Босой и архимандритъ александрова свирскаго монастыря ¹⁾: — и для вышеобъявленнаго его,

¹⁾ Демидъ — бывшій суздальскій епископъ Досифей — казненный за участіе въ заговорѣ царицы Евдокіи противъ Петра. Михайло Босой — по тому же дѣлу сосланъ на галеры въ вѣчную работу. Устрялова, *Исторія Петра В. Т. VI*, глава VII.

Аврамова, держать въ Охотскѣ я не смѣлъ, дабы отъ него о вышеупомянутомъ разглашеніи не произошло и иныхъ бы какихъ ханжинскихъ воровствъ не учинилъ, а я бѣ безвинно не погибнулъ, послать его, Аврамова, при семъ рапортѣ скована за крѣпкимъ карауломъ въ якутскую воеводскую канцелярію, и сей репортъ написалъ я своею рукою съ великою нуждою, смотря однимъ глазомъ, того для, чтобъ никто не зналъ, для чего онъ, Аврамовъ, въ Тайную розыскныхъ дѣлъ канцелярію посланъ, и черныи рапортъ, писанныи моею же рукою, сжегъ, того для, чтобъ въ Охотскѣ о томъ никакого извѣстія не осталось. 15 апр. 1740 г.»¹⁾

Всгдѣ за этимъ донесеніемъ, Скорняковъ, на другой день, отправилъ новое по поводу найденной у Аврамова, при отсылкѣ его въ Якутскъ, книжки о блаженствахъ. «При самой посылкѣ изъ Охотска плута и ханжи Михаила Аврамова, сыскана у него, Аврамова, скороненная въ сумкахъ книжка о блаженствахъ, о которой онъ говоритъ, что будто въ ней напечатано подь видомъ меда ядъ змиинъ, и въ ней закладки положены, а на какихъ мѣстахъ, то изволить усмотрѣть Тайная розыскныхъ дѣлъ канцелярія, которыхъ закладокъ я не перебрѣялъ; а отъ кого онъ, Аврамовъ, ту книгу взялъ, о томъ я его не спрашивалъ, дабы, по какому онъ дѣлу посланъ, не разгласилоя; и тое книжку, и книжкучъ исповѣданія вѣры, выгнутую у него изъ той же сумы со многими закладками, при семъ доношеніи въ Тайную розыскныхъ дѣлъ канцелярію послалъ. И по сему уже явнѣе объявляется, что онъ, Аврамовъ, ту книжку о блаженствахъ и выписки о благихъ дѣлахъ съ Чириковымъ толковали, ибо онъ, Аврамовъ, Чирикова въ письмѣ къ женѣ своей такъ возвышалъ, будто онъ, Аврамовъ, по милости Иисуса Христа и по дару Его божественному, за молитвами и предстательствомъ родшія Его Богоматери и небесныхъ силъ и всѣхъ святыхъ, получилъ его, Чирикова, себѣ духовную радость и отца; а духовная радость не иное что, только то, что онъ, Аврамовъ, толковалъ ему, Чирикову, книги, которыхъ и у Чирикова много накуплено, а не для инаго чего, только для лицемерства, чтобъ видѣли у него много книгъ и почитали бы его за

¹⁾ Донесеніе Скорнякова-Писарева въ Госуд. архивъ, въ дѣлахъ объ Аврамовѣ.

святаго; а онъ, Чириковъ, не токмо что книжный разумъ богословскихъ книгъ толковать умѣеть, но и псалмовъ въ часовникѣ, яко деревенскій изъ Москвы пезнающій неукъ, проговорить по просодіямъ не умѣеть, а говоритъ такъ, какъ говорятъ дураки, живущіе за Окою сельскіе церковные дьячки. И какъ Чириковъ его, Аврамова, принявъ къ себѣ въ великую дружбу, то надѣюся, что онъ, Аврамовъ, денно и ночно толковалъ ему, Чирикову, изъ книгъ кривотолки, и за то онъ, Чириковъ, конечно его, плута Аврамова, за святаго почиталъ. Понеже какъ я у него, Чирикова, на святой недѣлѣ былъ и сказывалъ ему при немъ, Аврамовъ, о его, Аврамовой, прежней челобитной—о переносѣ изъ троицкой санктпетербургской церкви изъ алтаря образа Богородицы Казанской въ церковь Казанской Богородицы на старое мѣсто—и упоминалъ въ челобитной его, Аврамова, враки: тогда онъ, Чириковъ, зѣло на меня осердился и въ лицѣ перемѣнился; и какъ онъ, Аврамовъ, рассердился жъ, изъ избы его выпшелъ, тогда онъ, Чириковъ, мнѣ говорилъ: мнѣ-де кажется, что Аврамовъ добрый человекъ и, прибывъ-де въ Охотскъ, трижды причащался и мѣста-де себѣ вышгааго, хотя-де онъ статскій совѣтникъ былъ, не ищетъ, а не какъ-де Пдениснеръ и Чемудоровъ. И какъ я ему сказалъ, что онъ обманывая его и образомъ Казанской Богородицы на именины его, Чирикова, благословилъ, что ему дѣлать было не прилично, то онъ мнѣ отвѣчалъ: онъ-де, Аврамовъ, человекъ добрый и последнее свое отдаетъ; а то онъ, Чириковъ; яко ослѣпленный дуракъ, не могъ разсудить, какъ онъ, Аврамовъ, лицемѣрно его обманываетъ: отдалъ образъ цѣною въ рубль, а съ него взялъ, кромѣ запасу платьемъ, обуви и деньгами рублевъ на семдесятъ.

Путешествіе Аврамова въ Якутскъ, невѣдомо для него самого и для власти, отправившей его въ эту экспедицію, было началомъ возврата его на родину. Въ мартѣ 1741 года поданъ былъ правительницѣ экстрактъ объ Аврамовѣ, съ мнѣніемъ Тайной канцеляріи. «Хотя онъ, по слѣдъ имянныхъ 1732 и 1739 годовъ указовъ, за вины его, о которыхъ въ означенномъ экстрактѣ явствуетъ именно, въ ссылку и посланъ былъ, и хотя тамъ противъ Указа въ разговоры онъ о тѣхъ дѣлахъ и вступалъ, однакожъ важныхъ причинъ изъ того не произошло, и при томъ все это учинено имъ было до состоявшихся высочайшихъ милостивыхъ указовъ; къ то-

му же Маркелъ Родышевскій, отъ котораго все то дѣло сперва произошло, равно и дворянинъ Иванъ Носовъ, который также о подобныхъ дѣлахъ показывалъ, по милостивѣйшемъ указѣ свободены: вслѣдствіе чего не соизволитъ ли ея императорское величество всемилостивѣйше указать помянутаго Аврамова нынѣ изъ-подъ ареста свободитъ и позволить ему жить въ своихъ деревняхъ? — Правительница утвердила мнѣніе Тайной канцеляріи.

Съ возшествіемъ на престолъ Императрицы Елисаветы Петровны, Аврамовъ снова выступилъ съ прозками. Сначала онъ подалъ Императрицѣ краткое доношеніе, а въ ноябрѣ 1749 года пространную челобитную, въ которой, описавъ свои заслуги покойному ея родителю, предлагаетъ ей наставленія, какъ она должна царствовать для славы имени Божія. Упомянувши въ предисловіи о преждеподанномъ краткомъ доношеніи, онъ проситъ, «чтобы ея величество дозволила доношеніе это ему одному предъ собою прочесть и въ тайности изволила отъ него выслушать». Потомъ онъ предлагаетъ свои наставленія «о исправленіи изнемогающаго въ православной вѣрѣ и о просвѣщеніи непросвѣщеннаго народа во всей вселенной». Аврамовъ совѣтуетъ сочинить и напечатать для всенароднаго спасенія о любовной мирной должности пункты и разослать и роздать всѣмъ туне. Умножить епархій и къ нимъ архіереевъ, также въ городахъ и селахъ — святыхъ обителей и приходскихъ церквей и при нихъ іеромонаховъ и бѣлыхъ священниковъ. Учредить во всемъ государствѣ вездѣ при 3000 окружныхъ дворахъ пространныя странопріимницы и къ нимъ тысячныхъ и прочихъ начальниковъ, которымъ имѣть старожиламъ и пришельцамъ переписныя книги и за ними смотрѣть, всѣ ли находятся въ любви христіанской. Утвердить закономъ, чтобы всѣмъ исповѣдываться четыре раза въ годъ и выдавать за это награды — первостатейнымъ по 9, другимъ по 6 и 5 рублей. Исповѣдь должна совершаться по древнимъ книгамъ. Размножить миссіонеровъ для просвѣщенія язычниковъ святою вѣрою; а какъ для этого нужны деньги, то Аврамовъ предлагаетъ прозкъ о монетѣ, чтобы собрать всю ходячую монету въ государствѣ, положить на ней государственный штемпель и поднять ея курсъ на нѣсколько процентовъ, такъ что правительство, не прибѣгая къ займу и къ новому выпуску монетъ, пріобрѣтетъ отъ возвышенія курса значительный капиталъ.

Когда денегъ станетъ много, то выкупить крестьянъ, ссужать деньги торговымъ людямъ для оборотовъ, построить во всѣхъ селахъ и деревняхъ каменные церкви, и вывести все каменное строеніе, чтобы пожары были не такъ опустошительны, сдѣлать запасные хлѣбные магазины и проч. О противникахъ, которые найдутся въ развратной жизни, доносить великому архіерею. Священники должны ходить въ дома своего прихода не меньше, какъ разъ въ недѣлю, и наблюдать, не ссорятся ли мужъ съ женою, слушаются ли дѣти родителей и слуги господъ. При ея императорскомъ велиествѣ быть единому наглавнѣйшему тайному дѣйствительному совѣтнику и именоваться ему государственнымъ правдохранителемъ. Потомъ Аврамовъ предлагаетъ о немедленномъ окончаніи книгъ: Библии, Кормчей и прочихъ, о составленіи исторіи родителей ея величества и государствованія ея величества. Тяжебъ и исковъ не начинать безъ совѣта и благословенія отца духовнаго. Собрать духовный соборъ для разсмотрѣнія церковныхъ дѣлъ и окончанія всѣхъ предначертаній Петра Великаго. Чтобы министры и прочія особы чрезъ корреспондентовъ вывозили себѣ изъ другихъ государствъ золотые и серебряные сервизы, а за оныя платить бы товарами: ревенемъ, поташемъ, смолою, саломъ, юфтью и хлѣбомъ. Устроить тюрьмы съ разными отдѣленіями и разсаживать преступниковъ по разнымъ камерамъ, чтобы одни у другихъ не учились дурному. Такъ какъ въ судьяхъ главное — благочестіе, то отдать ихъ для наученія въ монастырскія обители монахамъ: въ теченіи трехъ мѣсяцевъ держать ихъ подъ карауломъ и къ 30 узникамъ опредѣлить одного наставника, лучшаго изъ монастырскихъ монаховъ, чтобы онъ наблюдалъ за нравственнымъ воспитаніемъ судей. Послѣдніе должны вести жизнь монашескую, ходить въ церковь ко всякой службѣ, утромъ и вечеромъ класть по 300 поклоновъ, а днемъ читать Библию, Камень Вѣры, Чети-Миней и Прологи. Такъ какъ путешествія съ религіозными цѣлями въ ту пору въ Россіи были весьма распространены, то Аврамовъ совѣтуетъ подчинить ихъ надзору духовныхъ властей и предлагаетъ сдѣлать, вмѣсто письменныхъ паспортовъ, мѣдные гридерованные круги, тяжеловѣсные, съ надписью, чтобы не было поддѣлки, и разослать ихъ къ епархіальнымъ архіереямъ для раздачи желающимъ странствовать и милостынею питаться: и таковыхъ от-

пускать въ божественный путь съ радостію, безъ задержанія; а въ работы и рукодѣлія, аще который господинъ на то не позволить, таковыхъ не отпускать. Кто изъ нихъ пострижется въ монашество, о таковыхъ отнюдь не имѣть взысканія, но быть имъ свободнымъ. «Таковыя истинныя правила христіанскія, съ помощію всемогущаго Бога, могутъ охранять насъ убогихъ отъ неуспѣшныхъ коварнаго сатаны тончайшихъ лъстивыхъ его подлоговъ; понеже часто и съ праваго пути забѣгаетъ лестно окаянный, показуя, якобы и на созиданіе дѣлъ благихъ радѣеть. И подъ такимъ зловымъмышленнымъ своимъ воровскимъ вкратчія покрываломъ, всеспасительное узаконенное истинное Христово и святлыя Его церкви ученіе опровергаетъ и до конца, хитрець, искоренить желаетъ. И не токмо въ распутное, но и въ самое атеистическое житіе ввергнуть радѣеть, какъ въ началѣ прельстилъ и оболъстилъ иностранцевъ: первѣе вкоренилъ въ нихъ многое и безмѣстное упованіе на благодать Божію и, подъ тѣмъ покрываломъ, утвердилъ въ нихъ легкое единою вѣрою спасеніе. По сему же и у насъ, по ихъ примѣру, подъ покрываломъ правосудія, ввелъ хитрець законопреступную присягу и по оной всѣваетъ ложь и неправду, и житіе тщеславное и распутное, и всякое непостоянство; подъ указомъ о бѣглыхъ, выкралъ лъстець ближайшее и наилучшее человѣку монашеское спасеніе, и спасающую милостыню и всесвятое страннопріимство, и многая уже ввелъ лъстець своя лжеученія. Усилился же окаянный лъстець за самовластную настоящую нашу слабость и небреженіе. Первѣе, подъ покрываломъ правосудія, ввелъ хитрець законопреступную присягу и по оной вкоренилъ ложь и неправду и всякое непостоянство. Подъ попечительною ревностію о цѣлости государственнаго состоянія, выкралъ, проклятый воръ, сущее покаяніе, еже есть второе крещеніе. Подъ сысканіемъ раскольщиковъ и самую страшную обругалъ святую Евхаристію и научилъ на серебрѣ продавать Духа Святаго. Подъ наилучшимъ полицейскимъ распорядкомъ научилъ Христа ругать и обижать въ образѣ нищихъ, и богоугодное раздѣженное христіанское погасилъ страннопріимство. Подъ многими и безмѣстными упованіемъ на благодать Божію ввелъ хитрець блудъ и прелюбодѣйство, пьянство и опроверженіе святаго поста и монашескаго душеспасительнаго житія; и подъ такимъ тончайшимъ злоумышленнымъ покрыв-

валомъ, свободно уже вводитъ во всемъ неправое, тщеславное, слабое, распутное, сластолюбное и славолубное, языческихъ обычаевъ погибельное житіе, которое и между иностранцами исперва, подъ таковымъ же многого и безмѣстнаго упованія на благодать Божию покрываломъ, ввелъ окаянный хитрецъ свободно. Посмотримъ на настоящее ихъ житіе и узнаемъ и разсудимъ: не отъ лукаваго ли его совѣта сія дѣла ихъ и прилично ли христіанамъ попускать явно, чрезъ печатныя атеистическія книжицы, низводить въ небытіе Творца своего и Бога, и облыгать вся Его божественная творенія, дѣла и содѣйствія, въ уничтоженіе и въ попраніе всего священнаго писанія, и прочія беззаконныя печатать и разсѣвать богопротивныя книжичицы, яко же изъ гюйгенсовой и фонтенелевой печатныхъ книжичиць ¹⁾ сатанинское коварство явно есть видимо, въ нихъ же о сотвореніи міра такъ напечатано: мірозрѣніе или мнѣніе о небесно-земныхъ глобусахъ и украшеніи ихъ, — которыхъ множественное число быти описуетъ, называя странными древнихъ языческихъ живыхъ боговъ именами; землю же съ Коперникомъ около солнца обращающуюся и звѣзды многія толикими же солнцы быти; и особыя многія луны, во многихъ глобусахъ, быти утверждаютъ, и на оныхъ небесныхъ свѣтилахъ, и во всѣхъ множественныхъ описанныхъ отъ нихъ глобусахъ, таковымъ же землямъ, яко же и наша, быти научаютъ, и обитателей на всѣхъ тѣхъ земляхъ, яко же и на нашей землѣ, быти утверждаютъ, и поля, и луга, и пажити, и лѣса, и горы, и пропасти, и моря, и прочія воды, и звѣри, и птицы, и гады, и всякое земледѣліе, и рукодѣліе, и музыки, и дѣтородные уды, и рожденіе и все прочее, яже на нашей землѣ, тамо быти доводятъ. И между тѣмъ всѣмъ о натурѣ воспоминаютъ, якобы натура всякое благодѣяніе и дарованіе жителямъ и всей даетъ твари: и тако вкратчися хитрятъ вездѣ прославить и утвердить природу, еже есть жизнь самобытную». — Это сочиненіе Аврамова для насъ важно и потому, что сообщаетъ всѣ тѣ біографическія подробности объ Аврамовѣ, которыя мы привели выше. — Разсказавши о всѣхъ прежнихъ прозвѣтахъ своихъ и страданіяхъ за нихъ, Аврамовъ говоритъ, что «еще

¹⁾ О книгахъ Гюйгенса и Фонтенеля у Пекарскаго: Наука и литература въ Россіи при Петрѣ В., ч. I стр. 282 — 283 и 511.

Господь мой благоволилъ возложить на мя такія же страданія, готовъ есмь до послѣдняго моего конечнаго часа съ Его Божіею всемогущею помощію потому жь съ радостію и радостотворнымъ горящимъ моимъ сердцемъ трудъ и страданіе радостно понести». Для подтвержденія своихъ наставленій, Аврамовъ рассказываетъ, какія онъ имѣлъ видѣнія. «Вѣмъ такого человѣка прежде двадцати семи лѣтъ: егда напечатались вышереченныя богопротивныя атеистическія книги, тогда азъ пришелъ въ великій страхъ предъ Богомъ и печаль, и внезапно сталъ быть во изступленіи, и увидѣлъ надъ собою разводящееся небо, и изнутри онаго якобы огненное на главу мою посыпалось угліе, а потомъ и явно внутрь сердца моего вселися тогда духъ, и съ той минуты наружно всѣмъ стало явно, что лице и все тѣло мое такъ стало румяно и красно, и началъ огнемъ дышать и пыкать, и восхищенъ, якобы на небо, и увидѣлъ небесныя силы. Послѣ того разслабли во мнѣ всѣ кости и всѣ члены и все тѣло такъ стало слабо, что я лежалъ два мѣсяца неподвиженъ». Но конецъ концовъ всѣхъ наставленій — возстановленіе патриаршества.

Аврамовъ подалъ свою челобитную 21 ноября 1749 г. Случилось, что около этого же времени подалъ Государынѣ «Противныя доклады» *Петръ Калачовъ*, отставной капитанъ азовскаго пѣхотнаго полка, бывшій въ правленіе Анны Леопольдовны въ ссылкѣ за приверженность къ Елисаветѣ и въ 1743 г. возвращенный изъ Камчатки. Мы не знаемъ, какіе онъ подавалъ доклады, но Тайная канцелярія нашла въ нихъ сходство съ челобитною Аврамова, въ которой также оказались нѣкоторые пункты, укоризненные для царскаго величества. Пункты эти слѣдующіе: «за исправленіе божественныхъ повелѣній Аврамовъ предлагаетъ запретить входъ церковный: отъ тогожь запрещенія не исключень и самъ той, иже діадиму на себѣ носить. Клятву вѣщающимъ—не ступати на праги церковныя, и самому тому, иже діадиму на себѣ носить. Православнымъ царямъ и священникамъ исполнати божественныя преданія, а не исполняющимъ казни бывають. Книга Кормчая въ настоящее сіе лютое волненіе потребна на гонящихъ церковь. Какъ только Великій Государь подписалъ духовный Регламентъ, тогда же, во время святыя литургіи, перемѣну въ здравіи своемъ имѣлъ». — Калачовъ уже содержался въ Тайной канцеляріи. Туда же

взяли и Аврамова и спрашивали въ застѣнкѣ съ пристрастіемъ: не имѣлъ ли онъ въ сочиненіи той своей книги какого злаго намѣренія, и не было-ль у него съ кѣмъ какого согласія и противнаго разсужденія, и по написаніи не показывалъ ли онъ ту книгу кому другому? Аврамовъ отвѣчалъ, что писалъ свою книгу съ сущей простоты своей, желая ея императорскому величеству спасенія, а злаго умысла никакого не имѣлъ и нынѣ не имѣеть; сочинялъ и переписывалъ книгу самъ и совѣту и разсужденія объ ней ни съ кѣмъ не имѣлъ; говорилъ только на исповѣди отцу духовному, что намѣренъ ту книгу подать ея императорскому величеству. Священникъ отвѣчалъ: если это не противно церкви святой, то Богъ тебѣ въ помощь, подавай. Въ Тайную канцелярію взяли священника церкви Гребневской Богородицы въ Москвѣ—Степана Ананьина. Священникъ показалъ, что Аврамовъ точно его сынъ духовный, но ни о какомъ сочиненіи своемъ ему не объявлялъ. Вслѣдствіе этихъ показаній Тайная канцелярія положила мнѣніемъ, что «хотя Аврамовъ за сочиненіе противныхъ книгъ, которыми утруждалъ ея императорское величество, и подлежитъ жестокому наказанію, но какъ онъ тѣ противныя книги сочинялъ съ сущей простоты своей и находится въ престарѣлыхъ лѣтахъ, то учинить его отъ наказанія свободна; а дабы отъ него впредь такихъ противныхъ сочиненій происходить не могло, послать его въ пристойный монастырь, гдѣ велѣтъ содержать его подъ крѣпкимъ присмотромъ до кончины живота его никуда нескодна, а ежели онъ пожелаетъ принять монашескій чинъ—и въ томъ ему позволить». Но, можетъ быть, вслѣдствіе болѣзни Аврамова, это опредѣленіе не было исполнено. Аврамовъ содержался въ Тайной канцеляріи, въ такъ называемомъ безвѣстномъ отдѣленіи. Наконецъ, въ 1752 г. 24 августа караульный солдатъ этого отдѣленія, Кошелевъ, донесъ Тайной канцеляріи, что находящійся въ вѣдомствѣ его арестантъ Михайлъ Аврамовъ сего числа волею Божіею умре. Тайная канцелярія приказала похоронить его, по священному чиноположенію, въ Колтовской, у преображенской церкви.

7. Окончаніе дѣла саровцевъ и берлюковцевъ. — Осмысла въ Октябрѣ. — Окончаніе дѣла Макарова. — Возвращеніе саровцевъ. — Недоразумѣнія — Новая осмысла въ Октябрѣ.

Дѣло несчастныхъ саровцевъ и берлюковцевъ кончилось также ужь по смерти Теофана, въ томъ направленіи, какое далъ ему Теофанъ. Они признаны государственными преступниками и осуждены съ строгостію, отличавшею тѣ ужасныя времена.

Раньше другихъ кончилось дѣло побочныхъ лицъ. Мы упоминали выше объ *іеросхимонахъ Дмитріѣ*, котораго Щелягины видали съ Родышевскимъ, и объ *іеромонахъ Клеопѣ*, который, по порученію Родышевскаго, переписывалъ тетради о монашествѣ для Щелягина. 30 апрѣля 1734 года, Тайная канцелярія предписала московской конторѣ: собрать свѣдѣнія объ іеромонахѣ Дмитріѣ — откуда онъ сосланъ былъ въ симоновъ монастырь и за какую вину и въ которомъ году, и въ бытность въ томъ монастырѣ съ кѣмъ и какое обхожденіе имѣлъ, и почему освобожденъ и куда отпущенъ? А іеромонаха Клеопу взять въ контору Тайной канцеляріи, и при взятыи обыскать у него писемъ и книгъ, и что по обыску явится, разобрать и рассмотреть и распросить съ немалымъ подтвержденіемъ: по какому случаю и давно-ль онъ свелъ знакомство съ Родышевскимъ, и много-ль копій снялъ съ сочиненныхъ имъ статей о монашествѣ, и кому роздалъ и для чего, и по онымъ копіямъ что приказывали чинить? По розыскамъ оказалось, что іеромонахъ Дмитріѣ ушелъ въ путивльскую молчанскую софроніевскую пустынь, гдѣ и скончался¹⁾. Но досталось бѣдному строителю, который принялъ его въ свою пустынь. Въ 1731 г. Тайная канцелярія положила отослать его въ Сѣнодъ, съ слѣдующимъ рѣше-

¹⁾ Строитель софроніевской пустыни іеромонахъ Сергіѣ Самойловъ, показавъ, что принялъ его въ 1729 г., признавая по его словамъ и по смиренству, что онъ житія хорошаго и постыный мужъ. Дмитріѣ говоритъ, что его знаетъ тронцкій архимандритъ Варлаамъ; а принять совѣтовалъ Иванъ Щелягинъ, который видѣлся съ нимъ, Сергіемъ, на ярмаркѣ въ Кролевецѣ. Въ 1731 году, подговора Онуфрія, Дмитріѣ ушелъ съ нимъ неизвѣстно куда. Послѣ разныхъ спросовъ узнали, что они поселились въ черниговской губерніи, въ двухъ верстахъ отъ монастыря Ериловичи въ лѣсу, близъ желѣзной рудни, на рѣчкѣ Сухой Виръ, на землѣ Семена Лизогуба, верстахъ во 100 отъ Фѣтки. Отсюда они хотѣли убѣжать въ Польшу. Сергіѣ умолялъ ихъ не ходить и возвратиться въ софроніеву пустынь. Дмитріѣ скончался въ 1731 году.

нѣмъ: «софроніевой пустыни строителя Сергія — за то, что онъ бѣлаго іеросхимонаха Дмитрія принялъ къ себѣ въ софроніеву пустынь, и когда Дмитрій изъ той пустыни бѣжалъ и сдѣлавъ себѣ въ лѣсахъ келью, жилъ, то не только не объявлялъ, но еще далъ письмо, будто они съ монахомъ Онуфіемъ отпущены имъ изъ софроніевой пустыни, — лиша монашескаго сана, битъ плетми нещадно и сослать въ дальній монастырь, въ которомъ содержать его нескончно въ братствѣ, и впредь не токмо въ настоятели, но и до іеромонашества не допускать. Онуфія Пряжникава сыскали въ Черниговѣ. По розыску оказалось, что онъ выпросился у отца на ярмарку въ Кролевецъ, взялъ 500 р. денегъ, да съ ними и бѣжалъ въ софроніеву пустынь, гдѣ на другой же день и постригся, опасаясь, чтобы отецъ не помѣшалъ: а охоту къ постриженію возымѣлъ отъ Четьихъ-Мисей.

Клеопы въ симоновѣ не оказалось: онъ былъ опредѣленъ строителемъ въ приписную къ симонову монастырю великовражскую пустынь нижегородской губерніи. По взятіи въ контору Тайной канцеляріи, Клеопа показалъ, что онъ сынъ смоленскаго мѣщанина, по мірскому имени Кондратій Дмитріевъ, что онъ хотѣлъ учиться въ школахъ и для того пришелъ въ Москву, но встрѣтившись съ игуменомъ бѣжецкой добрынской пустыни, іеромонахомъ Рувимомъ, уѣхалъ съ нимъ въ пустынь и постригся въ монашество; изъ пустыни перешелъ въ симоновъ монастырь, познакомился тутъ съ Родышевскимъ и переписывалъ ему проста разные тетради. Такъ какъ другихъ подозрѣній за нимъ не открылось, то въ 1735 г. 26 августа состоялся объ немъ приговоръ: «за вину его, о которой явно по дѣлу, учинить ему наказанье, битъ плетми нещадно и послать въ пристойный монастырь, по разсмотрѣнію Синода». Синодальная канцелярія послала его въ сѣвскій спасскій монастырь, запретивъ ему «іеромонашеское дѣйствовать, людей и трапезы благословлять» ¹⁾.

Въ 1738 году, декабря 13-го, по доношенію Тайной канцеляріи, состоялся высочайшій указъ, рѣшившій участь саровцевъ

¹⁾ Дѣла архива св. Синода 1735 года № 174.

и берлюковцевъ: разстригу *Якова Самгина*, вмѣсто смертной казни, бить кнутомъ и, съ вырѣзаніемъ ноздрей, сослать въ Камчатку, въ работу вѣчно; разстригу *Ивана Кучина* бить кнутомъ и сослать на сибирскіе казенные желѣзные заводы въ работу вѣчно; разстригу *Степана Викторова* отослать въ Военную коллегію, для написанія въ писари; разстригу *Зварыкина*, вмѣсто смертной казни, сверхъ бывшихъ ему розысковъ, бить кнутомъ нещадно и, съ вырѣзаніемъ у него ноздрей, сослать въ охотскій острогъ въ работу вѣчно; *іеромонаха Ефрема*, за важныя его вины, по лишеніи іеромонашества, бить кнутомъ нещадно и сослать въ Оренбургъ въ шахты вѣчно; *іеродіакону Боголѣпу*, за вины-жъ его, лиша монашескаго чина, вмѣсто кнута, учинить нещадное наказаніе плетью и отослать въ Военную коллегію, для написанія въ солдаты. По разстриженіи, приказано имъ называться мірскими именами: Ефрему — Евдокимомъ Короткимъ, Боголѣпу — Борисомъ Степановымъ. — *Никодиму* и *Пахомію*, за то, что слыша они отъ бывшаго строителя той пустыни іеромонаха Іосіа, нынѣ разстрига Якова Самгина, важныя и непристойныя разсужденія, и вѣдая Никодимъ объ одномъ, а Пахомій о трехъ неотправленныхъ Самгинимъ молебнахъ, на него не доносили и о томъ молчали, закрывая его, Самгина, къ тому же и въ прочихъ винахъ и подозрѣніяхъ они явились, о чемъ явно по дѣлу, — учинить жестокое наказаніе, вмѣсто кнута бить плетью нещадно, и послать къ неисходному жительству въ дальніе монастыри, въ которые св. Синодъ заблагоразсудить. А что они въ монахи постриглись безъ указа своевольно, и за оное чему имѣютъ быть они достойны, оставить на разсужденіе Синода. По разсмотрѣнію Синода, Никодимъ отправленъ къ новгородскому, а Пахомій къ вологодскому архіереямъ, для опредѣленія въ дальніе монастыри ихъ епархій ¹⁾. — Саровскій первоначальникъ, *іеросхимонахъ Іоаннъ*, четыре года содержался въ крѣпости, получая кормовыхъ по 2 к. на день. Послѣдняя выдача ему была 16 дек. 1737 г. Послѣ этого имени его не упоминается, на ряду съ прочими, въ расходной

¹⁾ Никодимъ сосланъ въ бѣжецкій монастырь, въ которомъ и оставался до смерти Императрицы Анны; въ 1741 году, марта 9, былъ освобожденъ и опредѣленъ въ московскій чудовъ монастырь.

книгѣ денежной казны: стало быть онъ скончался между 16 декабря 1737 года и 1 января 1738 года; но, судя по ходу дѣла, скончался не насильственной смертію. По показанію самого Іоанна, въ годъ смерти, ему было 67 лѣтъ ¹⁾. Гдѣ онъ погребенъ, изъ дѣлъ Тайной канцеляріи не видно.

Невиновность *Макарова* въ дѣлѣ саровцевъ и берлюковцевъ доказана была его собственными показаніями, всѣмъ ходомъ дѣла и показаніями берлюковцевъ съ очныхъ ставокъ и пытокъ. «Самгинъ въ распросѣ до третьяго розыска утверждался: Алексѣю-де Макарову и женѣ его Прасковѣ о показанныхъ отъ него, Самгина, и ни о какихъ важныхъ дѣлахъ онъ, Самгинъ, не сказывалъ, и ни о чемъ о томъ съ ними, такожъ и они съ нимъ, Самгинымъ, не разсуждали, и согласія ни въ какихъ важныхъ дѣлахъ не имѣли и ни какихъ важныхъ дѣлъ отъ нихъ, Макарова и жены его, онъ не слыжалъ». Но Тайная канцелярія все еще подозрѣвала что-то и продолжала держать Макарова и семью его подъ домашнимъ арестомъ.

Въ 1737 году января 11-го, онъ подалъ Государынѣ прошеніе объ окончаніи его процесса. «Содержимся мы, бѣдные, съ женою и съ дѣтьми, за крѣпкимъ арестомъ, тому уже третій годъ, и не только къ намъ кого, но и насъ до церкви Божіей не допускаютъ, а пожитки мои, и жены, и дѣтей, и племянниковъ моихъ, оставшихся въ сиротствѣ послѣ брата моего, всѣ запечатаны и письма забраны; отъ чего, чрезъ продолжительное время, запечатанное платье и другія тѣлныя вещи въ нижней палатѣ отъ сырости гніють; деревнишки наши посторонніе не только нападками своими разоряютъ, но, видя насъ въ такой бѣдности, отнимаютъ напрасно. Всемилостивѣйшая Государыня Императрица, умилосердися надъ нами бѣдными, горькихъ слезъ и печалей наполненными! Повели, всемилостивѣйшая Государыня, для приходящихъ пре-

¹⁾ Издатели описанія саровской пустыни (Общежительная саровская пустынь: записки, собранныя іером. Авелемъ, 2 изд. Москва, 1860 г.), приложили къ описанію портретъ Іоанна, въ снискѣ, съ подписью внизу: скончался въ 1737 году 4-го іюля, на 81 году. Оба числа невѣрны. У нихъ же самихъ въ текстѣ описанія, на 22 стран., сказано объ Іоаннѣ: «житія его въ сей маловременной жизни было шестьдесятъ семь лѣтъ». Это вѣрно.

славныхъ торжественныхъ дней рожденія и тезоименитства вашего императорскаго величества и для своего императорскаго величества многолѣтняго здравія и благополучнаго на всероссійскомъ престоѣ пребыванія, по дѣлу моему милостивое рѣшеніе учинить. Вашего императорскаго пресвѣтлаго величества всеподданнѣйшій и всенижайшій рабъ, Алексѣй Макаровъ, съ женою и съ бѣдными дѣтьми. 11-го января 1737 года».

Черезъ полгода послѣ этого прошенія (11 сентября) Остерманъ, безъ сомнѣнія по приказанію Государыни, велѣлъ объявить «письма Макарова» Ушакову. Ушаковъ велѣлъ положить ихъ въ удобное мѣсто: на этотъ разъ тѣмъ и ограничилось движеніе дѣла. Еще черезъ полгода (31 января 1738 г.) Остерманъ приказалъ секретарю Тайной канцеляріи Хрущову, съ кабинетнымъ секретаремъ Пуговичниковымъ, разобрать и рассмотреть «письма Макарова» и, если явятся въ нихъ каковая важность, или какіе покажутся имъ сомнительны, тѣ, отобравъ и описавъ понменно, доложить ему немедленно. Въ письмахъ не оказалось никакой важности, а дѣло опять затянулось. Наконецъ, уже по окончаніи дѣла о саровцахъ и берлюковцахъ, поданъ былъ въ Кабинетъ желанный экстрактъ о Макаровѣ (27-го сентября 1740 года). Какое было окончаніе дѣла, не знаемъ. Судя по послѣдующей перепискѣ, знаемъ однакожь, что Макаровъ былъ освобожденъ и въ томъ же 1740 году скончался.

Въ 1741 году сынъ Макарова, поручикъ Петръ Макаровъ, съ согласія мачихи своей, вдовы Прасковьи Юрьевой, просилъ возвратитъ ему изъ Тайной канцеляріи взятыя у отца его письма, записи, векселя и крѣпости. Тайная канцелярія возвратила всё, исключая сомнительныхъ, которые положила хранить при дѣлѣ. Чтожь это были за сомнительныя письма? Исторія Петра Великаго, письма Императрицы Анны къ женѣ Макарова изъ Митавы и нѣсколько писемъ графа Матвѣева и жены его объ увѣличеніи содержанія графини Матвѣевой при курляндскомъ дворѣ.

Манифесты правительницы и Императрицы Елисаветы Петровны возвратили изъ ссылки и заточенія и саровскихъ и берлюковскихъ страдальцевъ.

Въ 1741 г., декабря 15, Кабинетъ увѣдомилъ Тайную канцелярію, что ея императорское величество всемилостивѣйше соизволила указать черница, который былъ попомъ въ Москвѣ у Воскресенія въ Барашахъ, именемъ Петръ, а въ чернецахъ названнаго *Пахоміемъ*, изъ ссылки, куда онъ посланъ, свободить и вину его простить. По синодальнымъ дѣламъ оказалось, что онъ сосланъ былъ, въ 1738 г., въ кириловъ новоозерскій монастырь вологодской епархіи, и что, вслѣдствіе общихъ указовъ 1740 г., уже возвращенъ былъ ему іеромонашескій чинъ. По уваженію того, что Государыня принимала въ немъ участіе, Синодъ поручилъ мѣстному епископу спросить его, не пожелаетъ ли онъ перейти изъ кирилова монастыря въ другой, по своему выбору? Эта новая милость не застала его въ живыхъ: онъ скончался за три дня до полученія синодскаго указа (17-го января 1742 года).

Въ 1742 г., 13 мая, по ордеру генералъ-фельдмаршала графа Ласси, велѣно было: писаря кронштадтской гарнизонной канцеляріи, *Степана Викторова*, который былъ монахомъ берлюковскаго монастыря и за нѣкоторое погрѣшеніе, въ 1734 году, написанъ въ военную службу въ писари, вслѣдствіе высочайшаго указа 15 декабря 1741 года, изъ военной службы выключить, и для возвращенія ему прежняго монашескаго чина отослать въ Синодъ при доношеніи. Куда онъ былъ послѣ того опредѣленъ Синодомъ, не извѣстно.

Въ 1743 г. января 27, саровскій строитель Дороевъ съ казначеемъ Филаретомъ, подали въ Синодъ на высочайшее имя прошеніе о бывшихъ саровцахъ — *іеромонахъ Ефремъ*, *іеродіаконъ Теофилактъ*, *монахъ Ааронъ*, да о переселившихся изъ той пустыни въ берлюковскій монастырь *іеромонахахъ* — *Іосіи и Іакобъ* и *іеродіаконъ Болотинъ*, взятыхъ по нѣкоторому дѣлу въ Тайную канцелярію въ 1734 году: «дабы повелѣно было высочайшимъ в. в. указомъ, возвратитъ ихъ по прежнему въ нашу пустынь, и изъ нихъ іеромонаха Іосію (Самгина) опредѣлить, вашего и. в. указомъ, на мое строительское мѣсто, во оной пустынь строителемъ, того ради, что я нижайшій, за старостію своею и дряхлостію, въ строительствѣ болѣе быть не могу; а онъ, іеромонахъ Іосія, въ томъ строительствѣ быть достоинъ и той нашей пустыни обще-

жительный уставъ въ настоящемъ сохраненіи ненарушимо содержать можетъ, ибо онъ постриженъ въ той нашей пустыни и жительство имѣлъ долговременное въ добродѣльномъ житіи и безпорочно». Синодъ потребовалъ свѣдѣній изъ Тайной канцеляріи. Тайная канцелярія отвѣчала, что Самгинъ, Кучинъ и Короткій значатся въ ~~спискахъ~~ ссылкахъ—Самгинъ въ Камчаткѣ, Короткій—въ Оренбургѣ, Кучинъ—на сибирскихъ казенныхъ желѣзныхъ заводахъ; бывший іеродіаконъ Боголѣпъ, а по разстриженіи Борисъ Степановъ,—въ кронштадскомъ гарнизонномъ полку въ солдатахъ, и въ прошломъ 1739 году въ январѣ мѣсяцѣ (какъ онъ поданнымъ доношеніемъ 1741 года апрѣля 29 объявилъ) вступилъ въ брачное сочетаніе. Бывшіе саровской же пустыни іеросхимонахъ Иванъ и іеродіаконъ Теофилактъ, будучи въ Тайной канцеляріи подъ карауломъ, померли. Тѣмъ дѣло и кончилось. Синодъ, по причинамъ, которыя сейчасъ же и объяснятся, не вошелъ въ дальнѣйшее объ нихъ ходатайство.

Прошло еще два года. Дѣло и затихло было, но не ожиданно поднялось снова. Мы встрѣчаемъ нашихъ старыхъ знакомыхъ въ московской синодальной конторѣ, тамъ же, гдѣ встрѣтили ихъ въ первый разъ одиннадцать лѣтъ назадъ.

Въ 1745 году 7 февраля, московская синодальная контора донесла св. Синоду, что въ ней явились, съ данными изъ сибирской губернской канцеляріи паспортами, бывшіе въ берлюковской пустыни строитель іеромонахъ Іосія, да іеромонахъ Іаковъ, нынѣ же растриги Яковъ Самгинъ, да Иванъ Кучинъ, и просятъ возвратить имъ іеромонашескіе чины и опредѣлить въ монастырь въ братство; ибо-де, въ прошломъ 1744 году, доносителю на нихъ монаху Георгію Зварькину, монашество возвращено и опредѣленъ онъ въ саровскую пустынь. — Контора, не имѣя свѣдѣній—въ какихъ винахъ они явились и подлинно ль Зварькину возвращено монашество,—потребовала изъ саровской пустыни извѣстія: подлинноль и по какому указу, возвращено Зварькину монашество; а изъ Синода просила разрѣшенія, какъ поступить съ сибиряками-саровцами. Чтобы они «не шатались праздно», въ ожиданіи этой резолюціи контора отослала ихъ пока въ донской монастырь.

Какіе сны снились этимъ несчастнымъ? Вотъ допыли они,

послѣ бурь и крушеній, до берега; вотъ виднѣется и родной домъ— честная ихъ обитель, гдѣ проведено столько лѣтъ, — съ которою связано столько воспоминаній. Съ сердечнымъ замираніемъ они хотятъ ухватиться за берегъ. Но какая-то невидимая рука отталкиваетъ ихъ. Невыразимое отчаяніе охватываетъ сердце. Еще одно послѣднее усиліе... Нѣтъ и нѣтъ.

Синодъ, выслушавъ донесеніе московской конторы, потребовалъ извѣстія изъ Тайной канцеляріи: вины Самгина, Зварыкина и Кучина, за которыя они были истязуемы и сосланы въ ссылки, не касаются ль къ важнѣйшимъ первому и второму пунктамъ, и слѣдуетъ ли отпустить имъ эти вины на основаніи общей амнистіи— высочайшихъ всемілостивѣйшихъ указовъ?

Предсѣдателемъ Синода былъ въ ту пору крутицкій архіепископъ Платонъ, — самъ бывшій въ Сибири и въ Камчаткѣ, — тотъ самый, котораго, подъ именемъ Павла Малиновскаго, мы видѣли въ нашей исторіи наряду съ Самгинымъ и Зварыкинымъ. Стало быть запросъ этотъ не былъ проволочкой. Синодъ уже вспоминалъ объ этихъ несчастныхъ по смерти императрицы Анны; да видно еще свѣжи были преданія ея царствованія.

Не умирающій *исемраль*, въ то время уже *графъ*, *Ушаковъ* отвѣчалъ, что «они, вмѣсто смертной казни, отправлены на работы *вѣчно* — и о свободѣ ихъ изъ ссылокъ въ Тайной канцеляріи не токмо указу, но и извѣстія не имѣется; а потому, взявъ ихъ, Самгина и Кучина, изъ донскаго монастыря, а Зварыкина изъ саровской пустыни, въ контору Тайной канцеляріи, по сношенію съ московской синодальной конторой, снять съ Зварыкина монашество, ежели оно подлинно ему возвращено, и отправить изъ той конторы всѣхъ тронхъ, на ямскихъ подводахъ, немедленно въ Сибирь, по прежнему, а именно: Самгина — въ Камчатку, Зварыкина — въ охотскій острогъ, Кучина — на сибирскіе казенные заводы, въ работу — *вѣчно*: и ту всю отправку учинить на коштѣ сибирскаго губернатора, потому что вины этихъ растргъ, за которыя они наказаны и въ ссылки посланы, состоятъ по важнѣйшимъ двумъ пунктамъ, и свободѣ за тѣ свои важныя вины они не подлежатъ; а потому сибирскому губернатору, не имѣя изъ Тайной канцеляріи точнаго указа объ ихъ свободѣ, и освобождать ихъ собою не надлежало; за что подлежалъ оный губернаторъ штрафу, но вмѣ-

сто того учинить на его счет означенную обратную ихъ въ Сибирь отправку. 22 марта 1745 года».

Синодъ сдѣлалъ исполнительное распоряженіе, чтобъ разстригъ Самгина и Кучина отдать въ контору Тайной канцеляріи немедленно; съ Зварыкина снять напередъ монашескій чинъ и безъ всякаго удержанія отдать тудаже. У саровскаго настоятеля потребовали отвѣта: по какому указу возвращено Зварыкину монашество? Строитель отвѣчалъ, что Зварыкину, въ 1744 г., возвращено монашество по указу московской дикастеріи. Дикастерія, — сколько ужъ вынесла она изъ-за этихъ саровцевъ и берлюковцевъ во время перваго слѣдствія — дикастерія отвѣчала, что она дозволила Зварыкину жить въ саровской пустыни по прежнему и возвратила ему монашество, увѣряя его паспортомъ, въ которомъ, за подписью сибирскаго губернатора Сухарева сказано, что Зварыкинъ изъ ссылки освобожденъ и отправленъ въ Москву, по силѣ высочайшаго указа 1741 года 15 декабря, и велѣно ему явиться въ духовной дикастеріи. Судя по этому паспорту чаятельно было, что объ увольненіи его изъ ссылки тобольская губернская канцелярія имѣла особый указъ, по которому и возвратила ему свободу и, давъ паспортъ, мимо всѣхъ мѣстъ, велѣла явиться въ духовной дикастеріи. Духовная жъ дикастерія поступила потомъ съ нимъ такъ, какъ со всѣми возвращаемыми изъ ссылки, возвратила ему прежнее мѣсто и прежнее званіе; но на всякій случай, дикастерія просила у св. Синода милостиваго прощенія (28 мая 1745 года).

Во время этой передраги, этихъ страховъ и пересылокъ, одинъ несчастный—Зварыкинъ—10 марта скончался. Что случилось съ прочими, не знаемъ ¹⁾. Въ 1747 году саровская пустынь возобновила своимъ напоминаніемъ объ освобожденіи бывшаго *іеромонаха Ефрема Короткаго* и возвращеніи въ саровскую пустынь по прежнему. Московская синодальная контора отнеслась въ Тайную канцелярію съ вопросомъ: вины Ефрема, за которыя онъ разстриженъ и истязанъ и въ ссылку посланъ, къ отпущенію ему и свободѣ его изъ оной ссылки по содержанію высочайшихъ указовъ, слѣдовательно ль? Тайная канцелярія ничего не отвѣчала на этотъ указъ;

¹⁾ Дѣла архива св. Синода 1748 г. № 186.

только чрезъ восемь лѣтъ (6 апрѣля 1755 г.), не извѣстно по какому поводу, дага знать св. Синоду, что 7 мая 1752 г. послѣдовало разрѣшеніе освободить Короткаго изъ ссылки, и что 1 сентября онъ прибылъ изъ Оренбурга въ С.-Петербургъ и явился въ Тайную канцелярію. Здѣсь, кромѣ паспорта, онъ предъявилъ аттестатъ, выданный ему изъ оренбургской крѣпости, за руками штабъ и оберъ-офицеровъ, въ которомъ написано, что предъявитель, во всю бытность свою въ оренбургской крѣпости, исполнялъ должность дьячка и пономаря, и по должности своей велъ себя благочинно и добropорядочно, ко всему по надлежности прилагалъ тщательное стараніе и ни въ какихъ подозрѣніяхъ и въ другихъ неблагочиніяхъ не бывалъ. Синодъ поручилъ рязанскому епископу Дмитрію возвратить ему монашескій чинъ и потомъ, 2 мая 1755 года, отправилъ къ суздальскому епископу, для опредѣленія въ саровскую пустынь по прежнему ¹⁾. Братія выбрали его своимъ строителемъ.

---

¹⁾ Дѣла архива св. Синода 1747 г. № 136.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Доношеніе св. Синоду архимандрита Теофилакта Лопатинскаго и іеромонаха Гедсона Вишневокаго съ извиненіемъ въ несправедливомъ обвиненіи ими Теофана въ неправославіи.

Мы нижеподписавшіеся смиренно св. Синоду симъ нашимъ писаніемъ объявляемъ, что въ прошлыхъ годѣхъ предложенныя отъ насъ пресвященному Стефану, митрополиту рязанскому, богословскія пропозиціи изъ богословіи и иныхъ писемъ пресвященнаго Теофана, архієпископа псковскаго, взятыя отъ насъ, въ помянутой богословіи не всѣ были читаны. Такожъ подъ совѣстію исповѣдуемъ, что мы оныя пропозиціи вышесупомянутому пресвященному митрополиту безъ всякаго челобитья на кого и доношенія и не съ намѣреніемъ обиды чьей и помѣшательства къ степени архієрейской, но просто въ разсужденіе, предложили. А понеже произошло изъ того на насъ мнѣніе, акыбы ковъ на пресвященнаго архієпископа сочинившихъ: того ради, сіе исповѣданіе ему припоса, прощенія у него просили и получили. Но дабы весьма отъ насъ помянутое отошло мнѣніе, просимъ всенекорѣйше, при семъ нашемъ исповѣданіи, и весь святѣйшій правительствующій Синодъ подати намъ милостивое прощеніе.

Архимандритъ Теофилактъ. Іеромонахъ Гедсонъ Вишневскій.

II. Объявленіе казанскаго митрополита Сильвестра Холмскаго о Θεодосіѣ ¹⁾.

Вывыи развращенный, зависти и самолюбія исполненный, невскій архимандритъ и повгородскій архієрей, яко хищный волкъ проврался въ овчей кожѣ; только себя любилъ, а братію весьма ненавидѣлъ; еще

¹⁾ Объявленіе это находится въ рукописи, въ дѣлахъ архив. св. Синода, 1781 г. № 292, л. 86—91.

онъ же, по острожелчию своему, дневною вымышлялъ, какъ бы брату своему пакость сотворити, а иногда искій—кого бы и поглотити. Уже о такомъ строптивомъ нововоставшемъ Францишкѣ прекрашу говорить.

Онъ же, Францишка, будучи въ Москвѣ, оставя церковныя службы и монашеское преданное правило, оставилъ у себя самлен (ассамблен) съ музыкою, и гѣшился въ карты, шахматы, и въ томъ ненасытно забавлялся, любви виѣсто всеобщаго пѣнія себѣ виѣнял, и другихъ къ тому поуждалъ. И бывшимъ въ Москвѣ архіереямъ, также въ московскихъ монастыряхъ архимандритамъ и послѣднимъ маломощнымъ игуменамъ и воздвиженскому, сочиня вседневную роспись, велѣлъ самлеямъ быть съ различными потѣхами: и то-де-миру не будетъ въ тягость.

Да онъ же, Францишка, на московскомъ подворьѣ велѣлъ послушнику своему Тарасу съ колокольни старинные колокола продать, чтобъ не мѣшали ему во всю ночь въ шахматы играть, потомъ довольно спать. Онъ же въ палатахъ особливую себѣ нѣмецкую баню сдѣлалъ новымъ проводомъ, чтобъ ни у кого такой не было, все потаенно.

Онъ же собою, безъ указа благочестивыя и вѣчнодостойныя памяти его императорскаго величества, въ Дмитровѣ городѣ старинный борисоглѣбскій монастырь приписалъ къ себѣ вовсе съ вотчинными и съ крестьянами и со всѣми угоды, а старцовъ того монастыря велѣлъ выбить вонъ безвременно, и оный монастырь разорилъ, безстрашникъ, занеградно.

Да онъ же, яко сущій бѣсноватный, будучи въ Москвѣ въ 723 году, на память великаго святителя Алексѣя митрополита, въ чудовѣ монастырѣ во время литургіи, въ алтарѣ кричалъ бѣшеннымъ своимъ голосомъ: «рзничій чудовскій, привеси ко мнѣ Алексѣя чудотворца образъ, который носятъ въ крестномъ хожденіи». И пакы онъ же кричалъ негѣпнымъ гласомъ: «рзничій, подай ножъ» и, взявъ ножъ, святителя помянутой образъ положи на лавку, съ гнѣвомъ говорилъ хульныя слова: «нѣкто де безумный золотой сей окладъ приложилъ»; и рѣзалъ проволоку, едва смогъ, однако развращенный онъ желаемое получить, золотую кату оторвалъ чеканной работы и положилъ себѣ въ карманъ нагло при всѣхъ: и о томъ дерзновеніи съ плачемъ всѣ зрѣщіе удивились его похабству.

Онъ же, строптивый Францишка, какъ получилъ милость въ Синодѣ судіею засѣдать, и вымысли наглостію своею, распечатавъ патриаршу ризницу, разобрать всакую святѣйшихъ патриарховъ рухлядь, похитилъ себѣ лучшія портицы, расы теплыя, мѣхи старинные соболія подъ бархатомъ и подъ атласомъ, и старинныя объярн, лейбереки, луданы большой руки, мѣхи старинныхъ чернобурныхъ лисницъ, часы золотыя и нныя портицы, дарилъ своихъ совѣтниковъ и прочихъ нескудно, и Овсянникова дарилъ же: много вещей похитилъ.

Также они вымыслили послѣ умершихъ архіереевъ келейную всакую рухлядь къ себѣ забирать; подобно съ лучшихъ и знатныхъ архимандритовъ къ себѣ обирать же: и лучшія вещи и оставшія деньги дѣлать по себѣ и того ради обогатились. О таковыхъ писаніе глаголетъ: веселя-

нула сердцу цвѣтеть лице. Возникли у нихъ кареты дорогія и возки золотые.

А мы побѣдныя утѣшенныя днеюшю плачемъ: различно велятъ секретарямъ и канцеляристамъ намъ русскимъ досаждать и пакости чинить, а своихъ черкасовъ снабждаютъ и всяко охраняютъ. Еще же по ихъ велѣнію строптивые инвизиторы различныя намъ пакости содѣвають, а именно: они себѣ жалованье опредѣляютъ не малое и берутъ повольню, а на насъ алтмыи и копѣйки взыскивають и безъ милости требуютъ и убивчатъ.

Онъ же, Феодосъ, въ Москву прибылъ въ перевозныя и велѣлъ въ суподальномъ домѣ сварить добрыхъ пивъ въ семьдесятъ варъ и дарилъ приказнымъ людямъ, и своихъ секретарей наполняють и насыщаютъ всяко.

Онъ же, бывшій новгородскій, разоритель, вымыслилъ съ келейнымъ своимъ секретаремъ Герасимомъ¹⁾, похитилъ себѣ, послѣ смерти Стефана митрополита вскорѣ, на Преснѣ дворъ съ садами и съ прудами, въ которыхъ прудахъ въ разныхъ годѣхъ, при бытности Стефана митрополита, покупной рыбы разныхъ родовъ пущено многое число. Онъ же взялъ послѣ Стефана митрополита лучшую карету себѣ рублей въ двѣсти и вѣще. При томъ же домѣ взялъ цѣлую слободку бобылей, семей съ шестнадцать. И до нынѣ по свою погибель напрасно владѣлъ, понеже Стефану митрополиту оный пресненской дворъ сталъ со всякимъ заводомъ тысячь въ шесть и вѣще, а строилъ все на домовныя казенныя деньги; притомъ и хлѣбныхъ запасовъ надержано многое число, а плати намъ за этотъ дворъ и за прочее ничего не далъ и уплаты не учинилъ.

Онъ же, лукавецъ, Феодосъ, вымысленно похитилъ въ Москвѣ, на Романовѣ дворѣ, бывшаго протопопа Якова Игнатьева домъ — палату новыи, аданіемъ господственно, и отдавалъ въ наемъ носадскимъ повольною цѣною охотникамъ, а на годъ бралъ найму рублей по семидесять и по осмидесять.

Онъ же, сребролюбецъ, бывшій невскій архимандритъ, владѣлъ въ Москвѣ нверскимъ подворьемъ и по вся годи отдавалъ въ наемъ армянамъ и смолянѣмъ и русскимъ разныхъ чиновъ людямъ, а плату бралъ себѣ въ келью.

Ему же, гордому фараону, многіе архіерен и архимандриты прислали въ даръ лучшіе и не малые гостинцы повсягодно: кievскій, сибирскій, нижегородскій и греческій дарилы, чтобы всегда въ милости его были, а именно: евандскому греченну за богатые дары отдалъ совсѣмъ вологодское подворье въ Москвѣ.

Се и себя не пожалѣлъ: и о себѣ объявляю. Какъ я посланъ былъ изъ Нижняго въ Смоленскъ отъ его вымысленнаго наводженія, и въ то

¹⁾ Герасимъ Семеновъ, секретарь Феодосія.

время просился я, черезъ его ходатайство, изъ Смоленска въ С.-Петербургъ. И какъ я прибылъ, и онъ ко мнѣ лукавецъ на квартиру прѣзжалъ, и я отъ келейныхъ своихъ вещей его дарилъ различными вещами. Еще въ неяскомъ монастырѣ, въ его жъ кельѣ, взялъ онъ архимандритъ у меня пятьдесятъ червонныхъ келейныхъ монхъ, и общалъ меня впряде мловать и охранять, и вмѣсто охраненія возсталъ на меня свирѣпо и истязъ жестоко мнѣ, а за что — не знаю, и пакости несносныя чинилъ, и такъ озлился, якоже левъ рыкая, и искалъ меня поглотити и другихъ возмутилъ на мя пакости чинить. И о всемъ дивно, откуда сему такая львиная свирѣпость и гордость и братоненавдѣвие; а видомъ онъ кажется яко же изуморъ: и такъ озлился и сокрушилъ, едва нынѣ живъ остаюсь; и убитковъ и изьяновъ, и разоренія, онъ ненавистникъ много мнѣ учинилъ, а именно доправилъ съ меня напрасно денегъ тысячу четыреста рублей, отчего я и до нынѣ одолажалъ.

Еще во время свою бѣду и горькое страданіе хочу объявити. Какъ блаженный памяти всемилостивѣйшій Государь Императоръ, по своей высокой милости, указалъ богомольца своего, меня стараго митрополита, изъ Твери перевести въ старую рязанскую митрополию, на мѣсто Стефана митрополита, митрополитомъ же, а помянутый изуморъ Фодось увидѣвъ, что не его избраніемъ пожалованъ, по зависти своей вымыслилъ, обще съ Палехинимъ ¹⁾ и съ Овсянниковимъ, призвавъ въ синодальную палату, велѣли сказать сказку: пожалованъ де ты въ рязанскую епархію, и ты, будучи тамо митрополитомъ, во время церковныя службы Бога молить за себя не вели, а пишися епископомъ: и отъ оныхъ не вѣи за что уничтожешъ, что и значило — данную мнѣ митрополичью честь по зависти отняли безъ всякія причины. Каково пріятно будетъ, какъ пожалуютъ кого изъ генераловъ въ полковники, а въ духовномъ чинѣ изъ поповъ въ діаконы, а изъ офицера въ солдаты? А кольми паче всякому напрасныя обиды терпѣть весьма горько? А оный новый Фравциска, не положе Бога помощника себѣ, упова на лукавство свое и на потаенное богатство, на серебряныя слитки и на сервизы и на червонцы: и серебро съ нимъ да будетъ ему въ погибель.

Онъ же, злой сосудъ и самый пакостникъ, вымыслилъ съ подобными себѣ, св. отецъ и первѣйшихъ законодатель, преосвященныхъ святѣйшихъ московскихъ митрополитовъ и святѣйшихъ нашихъ патріарховъ, преданія и законы нарушилъ и разорилъ, а которые благословенные были намъ исконно всѣмъ архіереямъ положенныя предѣломъ умѣренныя и уравнительныя за службу и за труды доходы, какъ за поставленіе во діаконы и въ поны и со всякаго ставленника указное чпсло брали . . . на

---

¹⁾ Тимофей Палехинъ, съ 1 января 1722 года, былъ синодскимъ оберъ-секретаремъ, на мѣсто уволеннаго отъ этой должности іеромонаха Варлаама Овсянникова.

столь—и то все онъ строптивый ненавистникъ искажилъ; и отеческіе уставы повредилъ, и насъ помянутыми доходцы нынѣ и впродъ напрасно изобидѣлъ, также при насъ и священнослужителей и іеродіаконовъ и подъяконовъ и пѣвчихъ всѣхъ онъ окаянный весьма ослезилъ, а себѣ заморскій богатый сервизъ соорудилъ.

Онъ же, изуморъ, забывъ страхъ Божій и смертный часъ, будто отъ великаго ума блядословилъ и говорилъ повосительно и ругательно: какіе же были російскіе патріархи? Они-де были...

Онъ же отчаянный Яновскій честныхъ отцевъ преосвященныхъ митрополитовъ—Іова Новгородскаго ругалъ и повосительно лаялъ, и по смерти его персону раздиралъ и на огнѣ сожигалъ... На митрополита рязанскаго... различно безчестовалъ и лаялъ... пакости ему до смерти чинилъ. О таковыхъ Спаситель Іисусъ говоритъ: горе, горе соблазны творящимъ... Великій святитель... пишетъ: аще... единаго кого изъ малыхъ соблазнить, лучше бы де па выю его жерновый камень обѣсити и въ пучину морскую извергнути отрадиѣ де было бы.

А онъ, злочестивецъ Яновскій, онъ же шаленный козелъ, кому подобенъ, что многіе соблазны предъ народомъ безстыдно творилъ и на пакость многымъ оскорбленіе чинилъ, и святыхъ угодниковъ и святѣйшихъ іерарховъ различными хули ругалъ? И по всему онъ подобенъ древнимъ еретикамъ: Арію безумному и Несторію гнусному.

III. Указъ Петра Великаго о монашествахъ и монастыряхъ ¹⁾.

Святѣйшій Синодъ!

Какое мы опредѣленіе učinили о монастыряхъ и объявленіе людямъ, для чего оное učinено, то слѣдуетъ ниже сего.

Объявленіе.

Когда и коей ради вини начался чинъ монашескій, и каковъ былъ образъ житія монаховъ древнихъ, и како нынѣшнихъ исправить хотя по нѣкоему древнихъ подобію подлежатъ.

Хотя въ регламентѣ духовномъ о монахахъ уже изъясненіе, и како оныхъ содержать, опредѣлено, но кратко, понеже тогда аще и о всемъ ко исправленію была нужда, но явная была о верховной *архіерейской* ²⁾

¹⁾ Указъ, данный св. Синоду, за подписаніемъ руки его величества, 31-го января 1724 г.

²⁾ Курсивныя слова вписаны Феофаномъ. Собственноручные государевы проекты и поправки этого указа, равно какъ собственноручныя же вставки Феофана, въ Кабин. Дѣл. Отд. I, кн. 31 л. 45—148.

власти, которую, примѣромъ папы римскаго, противно повелѣнія Божія, распространять нѣкоторые тщались, въ чемъ великую тягость истиннымъ желателямъ въ семъ понесли исправленія, и съ помощію Божіею исправили, опредѣлили и постановили. Нынѣ же, нынѣ способное время при расположеніи правильно всѣхъ дѣлъ въ государствѣ, и о семъ чинѣ странно объявляя людямъ такожь расположить и установить должно есть, для пользы вѣчной и временной людямъ, и изрядства обществу.

Во-первыхъ, святѣйшій Синодъ не правое мнѣніе (вторымъ нашъ народъ весь заражонъ былъ) о Христовомъ словѣ: аще кто оставитъ отца или мать, и прочее на монашество приводимое, правымъ и яснымъ доводомъ отвергли, яко отъ еретиковъ начало свое воспріемлющее, и прямой толкъ онаго словеси изъяснили, еже въ регламентѣ духовномъ яснѣе видѣти мочно. Нынѣ, прежде расположенія о монашествѣ, надлежитъ людямъ изъяснить: когда и отъ кого, какимъ образомъ и для чего сей чинъ уставленъ или начать монашества; такожь и монастыри коея ради вини начало свое воспріали.

Былъ чинъ еще у евреевъ чину монашескому нѣчто подобный, нарцаемый назорей (числь глава 6); но по обѣщанію на время, а не вѣчный и ниже присягою обязанный; въ христіанствѣ же зѣло благословныхъ ради винъ начался, а потомъ въ какую убыль обществу, отчасти же въ соблазнъ и поношеніе инославнымъ произошелъ, разумнымъ явно есть, а прочимъ здѣ покажемъ.

Во-первыхъ надлежитъ разумѣть, что есть монашество—слово и гдѣ оное употребили, и мочно-ль вездѣ оное употреблять монашество.

Слово сіе монахъ греческое есть, славянски же уединенный, то есть одинъ пребывающій, безъ вида и сообщенія прочихъ.

Можетъ нима монашество и обществу многой братіи служить: понеже отъ гражданскаго сожителства отлучено есть.

Въ началѣ христіанства двухъ ради винъ воспріять былъ: первое отъ людей уединенія по совѣсти желающихъ и безо всякія страсти или мнѣнія, яко бы невозможно въ мѣрѣ спастись (ибо по семубъ мнѣнію не точію добрыя власти и прочіе чины свѣтскіе, яко отъ Бога званые, отъ царства Божія отвержены, но и пастыри церковные первыхъ трехъ вѣковъ по Христѣ живущіе и сами апостоли, яко не въ монашествѣ живущіе, отлучены-бъ быти надлежали, *«ибо во времена апостоловъ ниже сядъ монаха обрѣтался, малолетъ Златоустый въ словѣ 25 на посланіе къ Евреомъ»*, но ради токмо природной къ тому склонности; вторымъ паче всего уединеніе любимо есть—сіе житіе избирали. Другіе же ради мучителей и гонителей ради христіанскія вѣры тогда бывшихъ (яко же пишетъ Созоменъ въ книгѣ 1 исторіи въ главѣ 12, и Никифоръ Каллистовъ въ книгѣ 8, въ главѣ 39) укривались и не волею, хотя соблюсти душу свою, право толкуя слова Спасителя Христа, еже оставити все Его ради. По сей нуждѣ и тако истинные монахи были, понеже не точію что отъ людей не требовали, но ниже хотѣли, дабы ихъ люди

видѣли или слышали о нихъ (по *свидѣтельству Созомена и прочихъ*). Пребывали-жъ въ Палестинѣ, во Египтѣ, Африкѣ и прочихъ зѣло теплыхъ мѣстахъ, и овощи для пропитанія натуральныя, кромѣ трудовъ человѣческихъ, довольно имущіе, и тако, кромѣ книгъ, ниже одѣянія имъ было потребно, ниже храмныя и прочая; однакожъ и трудилися своими руками и нужду свою, елико имъ отъ самородныхъ земныхъ плодовъ не ставало, отъ трудовъ своихъ исполняли «о чемъ много свидѣтельствуютъ древнихъ пустынножителей повѣсти *Теодорита, въ книгѣ Филовей нарицаемой, Иоанна Мосха, Палладія въ Лавзіійской исторіи и прочихъ*». Монастырей же отнюдь не имѣли, но жили каждый уединенно, какъ выше писано.

Монастыри же начало свое приняли сей ради нужды. Когда начались ереси въ церкви, тогда приходящій въ пустыню монахи нѣкоторые, отъ незнанія, были оными ересями заражены; вышереченные монахи хотя и уединенны были, однакожъ по случаю бывало, что другъ друга видали и пользы ради бесѣды имѣли,—гдѣ, сію новину видѣвъ, начали печальны быть, что такое зло на свѣтѣ явилось ¹⁾, и которые изъ нихъ искусные были, начали думать, какъ бы сему злу помочь, изыскали сей доброй способъ, чтобъ сего ради не жить уединенно, но обще, и имѣть наставниковъ, дабы такія ереси, такожъ и сумнѣніи братіи, разрѣшены и усвоены быти могли: и тако и сіе тогда зѣло доброе дѣло было, которое кромѣ иныхъ наипаче устроилъ *Василій Великій*, какъ выше упомянутой ради вины (по *свидѣтельству Сократа, въ книгѣ 4, въ главѣ 21*), такъ и иныхъ ради *благословенныхъ винъ, яко же пишетъ о немъ историкъ церковный Руфинъ въ книгѣ 2, въ главѣ 9; но явнѣе всѣхъ самъ Василій* показываетъ то въ *правилахъ монашескихъ, въ отчетѣ на 7 вопросѣ, идѣ пространно многими доводами утверждаетъ общежительство паче пустынноаго уединенія и показываетъ, что весьма уединенное житіе зѣло опасное есть и многія бѣдствія душъ наводитъ*. Монастыри же не видѣ гдѣ, но въ тѣхъ же пустыняхъ имѣли, и такимъ же правломъ яко и уединенные жили, не требуя прочихъ трудами туе насыщаться. Мѣста бо, монастырямъ приличныя, суть отъ градовъ и прочихъ мірскихъ поселеній удаленныя: тако монастырь *Васильевъ* былъ въ пустыни, *Понтъ нарицаемой*, и *Златоустый святыи*, идѣ ему рече приходитъ говорить о монахахъ, всегда ихъ нарицаеть *горными поселенниками и въ горахъ живущими: въ словѣ 43 на Бытіе и въ словѣ 73 Матвѣя, и въ трехъ книгахъ на хулителей монашества и прочихъ мѣстахъ*.

А яко монастыри оные не требовали чуждыми трудами насыщаться, безъ числа имѣежъ *свидѣтельствъ. Златоустый, въ словѣ 73 на*

---

¹⁾ Противъ этого мѣста на полѣ рукой Петра помѣчено: «Написать причины, кто и гдѣ перво началъ и которой ради ереси».

Матвѣя, пишетъ, что монахи не токмо самихъ себя трудами своими питали, но и многихъ странныхъ угощевали, и больныхъ принимая упоковали, кормили и служили имъ. Василій Великій въ правилахъ монашескихъ, въ отвѣтъ на вопросъ 37—о должности трудовъ монашескихъ, крѣпко утверждаетъ и извиненіе псаломныя уничтожаетъ, и отмещетъ. А въ отвѣтъ же на вопросъ 42 малолетъ, что монахи должны снабждать убогихъ отъ трудовъ своихъ, и не тако себя ради яко же птицъ ради, трудитися. Святій же Исидоръ Пелусіотъ въ посланіи 49 къ Павлу Киновіарху, у котораго много было братіи, но праздно живущихъ, съ ругательствомъ пишетъ и яко вещь, весьма дикую и званию своему противную, поноситъ. Чтемъ и у Сократа, историка церковнаго, въ книгѣ 4, главѣ 18, что нѣкій изъ древнихъ святыхъ монаховъ такую поговорку издалъ, что монахъ праздный есть тать лестный. Въдаемъ же, что во сто мѣтъ отъ начала чина сего произошли было монахи лѣнивые, которые желая отъ чуждыхъ трудовъ питатися, сами праздни суще, защищали свою лѣнь развращаемыхъ отъ себя словомъ Христовымъ (воззрите на птицы небесныя, яко ни сѣютъ, ни жнутъ, ни въ житницы собираютъ, и Отецъ вашъ небесный питаетъ я: не вы ли лучши есте маловерны): но суемудріе ихъ скоро обличено отъ прямихъ монаховъ, яко же извѣстно изъ отечниковъ древнихъ. А въ Африкѣ Августинъ, преславный учитель, собственную издавъ книгу на таковыхъ бездѣльниковъ, весьма опровергалъ ихъ лестное ученіе; ибо ученіе ихъ вводило въ церковь нестерпимую ересь, понеже вышеупомянутое слово Господне въ томъ только наставляетъ насъ, дабы мы въ нашихъ трудахъ и промыслахъ не имѣли крайняго упованія, но уповали бы и трудящеся на отеческій о насъ промыслъ Божій; трудитися же онымъ словомъ не запрещаетъ Христосъ, ибо на многихъ мѣстехъ святое писаніе сіе не токмо похваляетъ, но и узаконяетъ. А наипаче самъ Спаситель Христосъ во многихъ мѣстехъ и въ день праведнаго Его суда грозитъ муками не послужившимъ нищеть, и самъ, идый на смерть, ученикамъ послѣднюю службу умовнѣемъ ногъ учинилъ и чинить велѣлъ; и сія служба есть много неровна, но превосходительнѣйшая не точію нынѣшнѣю монашества, но и самого совершеннаго древняго; ибо хотя и добрый путь древніе сей имѣли, но яко отъ человѣкъ уставленный, сей же отъ Бога есть повелѣнный, и если бы оныхъ лѣности учителей послушали христіане, то отвергли бы писаніе священное, весьма человекомъ по званию своему трудитися повелѣвающее. И понеже слово оное Господне (воззрите на птицы) не къ однимъ монахамъ, но ко всякъ человекомъ изречено, то, если бы оныхъ суемудрцовъ толкованіе было пріятно, весьма бы человекомъ не подобало дѣлать, тако пришла бы нужда весьма самовольнымъ гладомъ погибнуть. И много бы мочно о семъ какъ изъ священнаго писанія, такъ и изъ книгъ святыхъ отецъ собрать доводовъ, но сія намъ довольно. Что же потомъ произошло, когда греческіе пи-

ператори, покинувъ свое званіе, ханжить начали, тогда нѣкоторые плуты къ онымъ подошли ¹⁾ и монастыри не въ пустыняхъ уже, по въ самыхъ городѣхъ и въ близъ лежащихъ отъ оныхъ мѣстахъ строятъ начали и дежевые помочи требовали для сей мнимои святыни; еще же горше яко и не трудитса, но трудами другихъ туе питатса восхотѣли, къ чену императори паче своей должности, въ чемъ было имъ трудитса надлежало, сею мнимою святынею или обмануты отъ оныхъ, или сами къ тому какой ради страсти весьма склонны явилса, и великую часть погибли самими себѣ и народу стажали, какъ исторіи цареградскія повѣствуютъ, что на одномъ каналѣ отъ Чернаго моря даже до Царя-города, который не болѣе 30 верстѣ протягивается, съ 300 монастырей. Что же по другимъ мѣстамъ оныхъ было, всѣ съ великими доходы. И тако какъ отъ прочаго несмотрѣнія, такъ и отъ сего въ такое бѣдство пришли, что когда турки осадили Царь-городъ, ниже 6000 человекъ воиновъ сыскать могли.

Сія гангрена⁴ было и у насъ распространяться начала подъ защипеніемъ единовластниковъ церковныхъ, яко же и у римлянъ, какъ выше писано; но еще Господь Богъ прежнихъ владѣтелей такъ благодати своей не лишилъ, какъ греческихъ въ перазсмотрѣніи сего изливства, которые во умѣренности оныхъ держали. *Ибо когда стали было вотчинами продавати и отдавати разными образы въ монастыри, тогда оное престоережено ради вышписанныхъ причинъ, и во время дѣланія Уложенья въ 7157 году оное запрещено, какъ яствуетъ въ томъ Уложеньи въ 17 главѣ, а именно въ 42 пунктѣ, чтобъ никто вотчинъ своихъ въ монастыри и никому изъ духовныхъ не давали и не продавали ни подъ какимъ видомъ. Такожъ и духовнымъ запрещено вотчины покупати, или какимъ нибудь видомъ брать, подъ штрафомъ отнятія такихъ вотчинъ безденежно. Въ 43-мъ: чтобъ пошедшіе въ монашество мужеска и женска полу, никто собственныя своихъ вотчинъ въ монастыри не давали и сами оными не владѣли. Въ 44-мъ: а которые и въ монашество ужъ до того времени мужеска и женска полу бывшіе, имѣли собственныя свои вотчины и владѣли ими, и оными запрещено жъ тѣмъ указомъ ихъ собственными вотчинами владѣти и за собою имѣти.*

Сіе изъясня, надлежитъ уже приступить, какимъ образомъ въ семъ дѣлѣ поступитъ и опредѣленіе учинить должно.

Во-первыхъ, могутъ ли у насъ монахи имя свое дѣломъ исполнить? Но сего весьма климатъ сѣверныя нашей страны не допускаетъ, и безъ трудовъ своихъ или чужихъ весьма пропитатса не могутъ, какъ то всѣмъ есть извѣстно.

¹⁾ Впослѣдствіи редакция этого мѣста измѣнена Петронъ: «когда къ греческимъ императорамъ нѣкоторые ханжи подошли, а паче къ ихъ женамъ». И на полѣ противъ этого мѣста написано рукою Петра: «ежели возможно сыскать, при комъ началось — вписать».

Сего ради надлежитъ разсуждать: когда невозможно такихъ имѣть, то 1) имѣется-ль нужда въ ннѣшнемъ монашествѣ и какаѧ; 2) еще имѣется, то какъ ихъ прямыми монахами студености ради климата содержать. *На первое*: имѣется нужда въ монашествѣ *трезь ради быти.*

1) Ради удовольствованія прямою совѣстию оное желающнхъ.

2) Для архіерейства, понеже обычаемъ вошло древнимъ не быти, кромѣ что назъ монаховъ, хотя прежде съ треста лѣтъ по Христѣ не монахи были и *многя чудеса на соборахъ явили.*

3) *Примтра ради апост. Павла, который хотя обрѣзаніе и отрѣшилъ есчески, но ученика своего Тимофея обрѣза іудей ради на мѣсть ономъ.*

Но понеже, какъ выше писано, такимъ образомъ, какъ древніе были, въ здѣшнихъ краяхъ никакоже стужи ради содержать возможно, то надлежитъ исцать способу, какимъ-бы образомъ иной путь предъ Богомъ угодный и предъ людьми не постыдннй и не блазненннй былъ. Понеже ннѣшнее житіе монаховъ точію видъ есть и поносъ отъ ннхъ законовъ, не мало же и ала происходить, понеже большая часть тунеядци суть, и понеже корень всему алу праздноствъ и сколько забобонствъ раскдѣльныхъ и возмутителей произошло, всѣмъ вѣдомо есть такоже; ктомуужъ у насъ почтаѧ всѣ назъ поселннхъ: то что оные оставили явно есть, — не точію не отрелись, но прирелись доброму и довольному житію, ибо дома былъ троеданннхъ, то есть дому своему, государству и помѣщику, а въ монахахъ все готовое; а гдѣ и сами трудятся, то токмо вольные поселнне суть, ибо токмо одну долю отъ трехъ противъ поселннхъ работаютъ. Прилѣжатъ же ли разумнню божественнаго писанія и ученія? Всачески нѣтъ; а что, говорятъ, молятся, то и вси молятся. «*И сію отворку отвергаетъ Василій святый, какъ выше показано.*

Чтоже приблль обществу отъ сего? Во истину токмо старая пословица: ни Богу ни людямъ; понеже большая часть бѣгутъ отъ податей и отъ гнѣности, дабы даромъ хлѣбъ ѣсть. Находится же иной способъ житія правдиннмъ симъ не правдиннй, но Богоугодннй и не зазорннй, еже служить прямымъ нншимъ, престарѣлымъ и младенцамъ. Ибо на многихъ мѣстѣхъ святое писаніе сіе не токмо похваляетъ, но и узаконяетъ. А навпаче самъ Спаситель Христосъ во многихъ мѣстѣхъ и въ день праведнаго Его суда грознтъ муками непослужившимъ ницѣтѣ. И самъ иднй на смерть ученикамъ послѣднюю службу умовеніемъ ногъ ученикъ и чинитъ велѣтъ: и сіа служба есть много не равна, но превосходнѣйшая не точію ннѣшняго монашества, но и самаго совершеннаго древняго; ибо хотя и добрый путь древніе сей имѣли, но яко отъ человѣкъ уставленннй, сей же отъ Бога есть повелѣнннй. Опредѣленія же два такимъ образомъ учинити должно.

Первое—для удовольствованія немощной совѣсти; второе—для архіерейства и прочихъ учителей церковннхъ.

Опредѣленіе I.

Первымъ единого токмо житія уединеннаго по совѣсти желающихъ.

1) Солдатъ отставныхъ, которые трудится не могутъ, и прочихъ прямыхъ нищихъ, росписать по монастырямъ, по доходамъ, опредѣляя число нищихъ, и устроить госпитали по регламенту.

2) Монаховъ же опредѣлять для служенія онимъ къ трети—къ двумъ одного, къ другимъ двумъ третамъ—къ тремъ или четыремъ одного, или лучше къ другой трети — къ тремъ, къ третей — къ четыремъ одного, смотря—которые труднѣе болѣзни имѣютъ болѣе служащихъ; а которые легче и у старыхъ — меньше служащихъ, или какъ за благо изобрѣтено будетъ, съ примѣру регламента о госпиталяхъ: возрастомъ же не моложе тридцати лѣтъ.

3) Которые монахи останутся за числомъ служенія, такимъ отвѣсть монастырскія земли, дабы сами хлѣбъ себѣ промышляли; а когда упали мѣста будутъ у служащихъ, то вписывать изъ сихъ, которыя съ земли питаться опредѣлены, а на убылыхъ, кои опредѣлены съ земли питаться, не принимать и не постригать; а когда уже нашенныхъ не будетъ, то на упалые мѣста въ служеніе опредѣленныхъ принимать и постригать ¹⁾.

4) Имѣть двѣ поварни, одну свѣтскимъ, другую монахамъ.

5) Монахамъ служащимъ келей особливыхъ не имѣть, но чуланы въ тѣхъ же больницахъ.

6) Клирошанъ особливыхъ не имѣть, но священникамъ и дьяконамъ пѣть не служащимъ.

7) Священникамъ и дьяконамъ раздѣлить нищихъ для надзиранія, по два къ нѣсколькимъ, дабы когда одному чередъ божественной службы или занеможетъ, другой непрестанно надзиралъ и доносилъ настоятелю.

8) Настоятелю необходимо дважды въ день пересмотрѣть лазаретъ, перемѣняя времена, дабы не знали когда будетъ.

9) Жалованья и нищи ни кому не имѣть кромѣ общества, и оттоль казначею давать потребная, кому что по уставу.

10) Служкамъ быть для приказныхъ дѣлъ и въ приказникахъ, а не лишнимъ.

11) Старцовъ по селамъ держать, а для надзиранія посылать за служками старыхъ, и не часто.

12) Исходъ изъ монастыря крѣпче положить, а именно свободный выѣздъ настоятелю, келарю, казначею для нуждъ монастырскихъ, а по селамъ для надзиранія опредѣлить старыхъ непремѣнныхъ, не болѣе 4

¹⁾ Равнымъ же образомъ и монахи за числомъ служащихъ содержать, а питаться имъ руководіемъ, виѣсто пашин, а именно пряжею на мануфактурные дворы, и быть несходнымъ во особливыхъ монастыряхъ; пѣнію въ церквахъ быть на хорахъ, какъ и о сиротскихъ монастыряхъ помянуто, дабы приходящія ихъ не видала, чего ради сдѣлать рѣшотки частые на хорахъ.

человѣкъ въ большомъ монастырѣ, а въ прочихъ по пропорціи; прочимъ же монахамъ весьма выѣздъ отсѣчь: ибо когда оставили міръ, уже возвращаться во оный не надлежитъ.

О монашняхъ.

13) Монашьямъ въ служеніи нищихъ равное жъ опредѣленіе, яко монахамъ, своего пола. Такожъ нѣсколько монастырей опредѣлить, гдѣ всѣхъ сиротъ обоего пола приимать обоихъ сортовъ, то есть безъ прирѣшнѣи послѣ родителей оставшихъ и подкидышей или явленныя такихъ, которыхъ воспитывать мужскаго до 7 лѣтъ, а потомъ отсылать въ шеоли опредѣленныя, а женскаго пола обучать грамотѣ, такожъ слѣдующихъ мастерствъ—пращи, шитья, плетенья кружевъ (для чего надлежитъ вписать въ Брабандіи сиротъ, которые вучены въ монастыряхъ). И въ сихъ двѣнадцатыхъ монастыряхъ, гдѣ сироты опредѣлены, сдѣлать ходы съ улицъ къ церквамъ, которые на воротахъ, дабы туды приходили слушать пѣнія а не на монастырь, и сдѣлать хоры для пѣнія въ тѣхъ монастыряхъ, гдѣ сироты опредѣлены; а въ прочихъ женскихъ монастыряхъ лутче нонамъ и дьяконамъ пѣть.

14) Такожъ возвращеннымъ до 7 лѣтъ мужскаго пола надлежитъ особливныя жилища опредѣлить (понеже въ монастыряхъ имъ бити не прилично), къ чему выведенныя монастыри удобны будутъ. И опредѣленіе училищъ учинить сиротамъ, гдѣ обучать, сверхъ вѣри и заповѣдей Божіихъ, цифири и геометріи.

Опредѣленіе 2.

Для архіерейства и прочихъ.

1) Сего для надлежитъ учинить семинаріи, которыхъ быть въ двухъ мѣстѣхъ. Здѣсь устроить домъ такой; а на Москвѣ или старій спасскій или пной монастырь, а лутшебъ кажется въ Кремлѣ, яко не людное мѣсто есть.

2) А которые вучатся и гдѣ смыслу достойныя будутъ, такихъ постригать (сие кажется противно правдѣ; да буде иного способу не сичется, лутше изъ двухъ золъ легчайшее выбрать) и отсылать въ невскій монастырь; также нинѣ пока такими заведутся, иснять хотя неученихъ, но писавіе вѣдущихъ и доброй совѣсти людей изъ монаховъ и изъ свѣтскихъ въ монахи, и онымъ уже иной путь опредѣлить предъ другими монахи, понеже сіи не для монашества, но ради ученія людямъ и тань церковныхъ опредѣляются; монашество же нинѣ по нуждѣ править только, а къ сему служенію не нужное, и ежели возможно, то облегчить ихъ во обшчаніи.

Феофанъ измѣнилъ этотъ 2 пунктъ и дополнилъ его слѣдующими до 15 выключительно. *Обученные въ семинаріи до исполненія тридцати лѣтъ должны учинить въ томъ же долгу дѣтей, въ которыхъ сами изучались.*

3) По тридцати мѣсахъ, которые позоятъ монашества (ибо иные пойдутъ въ бѣлое священство), тѣхъ принять въ невскій монастырь и три мѣса дать имъ для искуса, содержать въ послушаніи, да такомъ, которое не весьма бы отлучало ихъ отъ книгъ чтенія и прочіихъ учительскихъ экзерцицій, ибо тѣмъ, которыхъ производить въ учителей изъ монаховъ, невозможно монашескаго правила всего исполнить, но довольно настоящаго имъ дѣла учиться, а ученымъ исполнять народу ученіе ¹⁾).

4) Постриженнымъ назначать по очереди говорить предики въ трапезнѣ, хотя до десятикратнаго проповѣданія.

5) Цѣлымъ, тако проповѣдать въ трапезнѣ приобыкшимъ, велѣть поочередно-же предиковать въ церкви невскаго монастыря, такоже и въ церкви семинаріи с.-петербургской, по воскреснымъ днямъ и по праздникамъ.

6) По десятиамъ-же въ оныхъ церквахъ проповѣданіи, велѣть имъ по очереди проповѣдать и въ церквахъ соборныхъ с.-петербургскихъ и московскихъ гдѣ оные училсь ²⁾).

7) А понеже поочередное проповѣданіе не часто очередно придетъ (наипаче, если предикаторы оные до десяти и больше человекъ будутъ) то надлежитъ и собственные труды имъ задавать, натрѣнть книги переводить, и трактаты о вещахъ, отдѣльнѣ достойныхъ, сочинять.

8) Сверхъ того на всякій день опредѣлить предъ полуднемъ два часа, а по полудни два же, въ которые часы должны все взходить въ общую монастырскую бібліотеку и въ чтеніи исторій учителей древнихъ и въ прочіихъ упражняться, и что покажется памяти достойное — записывать.

9) Всякъ указать собственную ихъ должность — знать законы царскіе, и правила древнихъ соборовъ, и силу ихъ и употребленіе.

10) По архимандриту быть собственному такому монаховъ надсмотрщику и директору, человеку ученому, который-бы и переводы и трактаты осматривалъ, исправлялъ и свидѣтельствовалъ, такоже и кто что въ бібліотекѣ читаетъ и записуетъ, отдавалъ-бы, и всякъ оныхъ чтеній, переводовъ и сочиненій, имѣлъ-бы у себя реестръ.

11) Тотъ-же директоръ репортовалъ-бы архимандриту о всякомъ монахѣ своего отдѣлства, какъ прилежно трудится, или лѣнится, какъ совершенъ или не достаточно, каковыя правды и житія, чего изъ котораго надѣлится, и сообщалъ-бы архимандриту реестры трудовъ ихъ.

12) Написать собственные наказанія и смиренія различнымъ ви-

¹⁾ Привсаво Петровъ.

²⁾ Тоже.

накъ примичная—лжности, ослушанію, ссорамъ, пьянству и прочая, и по докладу директорскому архимандритъ-бы наказывалъ.

18) Написать правило общее сіе, что есть-ли который изъ ученыхъ монаховъ такъ развращенъ покажется, что по многимъ наказаніямъ не исправленъ и весьма сама пастырскаго не достоинъ явится, то въ монастырь простой, къ служенію большичному, посланъ будетъ во вся.

14) Таковыя-же монахамъ подобаетъ давать пищу и питіе, таковыя и одѣяніе, ничто отъ прочихъ неученыхъ лучшее.

15) И изъ оныхъ монаховъ трудами, искусствомъ, и добронравіемъ достойныхъ являвшихся по свидѣтельству архимандрита и директора, избирать въ знатныхъ монастырей архимандриты, въ директоры монастыря невскаго и семинарійныхъ с.-петербургскаго и московскаго домовъ; также и въ архіереи. Но какъ въ архіереи, такъ и въ архимандриты и директора не производить никому безъ доклада въ Синодъ, а въ Синодъ о томъ доносить намъ ¹⁾.

И что надлежитъ добраго содержанія гошпиталовъ, и ученія сиротъ, лишняго приниманія въ монахи, и кто противъ сего ставеть выходить изъ монастырей, тобъ наблюдали и свѣтскіе градоуправители, дабы все вышеписанное перваго опредѣленія было по сему, дабы другъ другу монахи не поманили.

IV. Прошеніе Варлаама Овсянникова къ князю А. Д. Меншикову изъ соловецкой тюрьмы.

Високопревосходительнѣйшему господину генералъ-фельдмаршалу и высшему кавалеру, и прочая, и прочая, свѣтлѣйшему князю Александру Даниловичу. *Доношеніе.* Указъ ея императорскаго величества, за подписаніемъ вашей висококозяжей свѣтлости руки, гвардіи сержантомъ Иваномъ Губиннымъ въ соловецкомъ монастырѣ, я низайшій сего 19 іюня 1726 получилъ и доношу.

По указу ея императорскаго величества, декабря въ первыхъ числахъ 1725 года, архангелогородскаго гарнизона поручикомъ Яковомъ Козловскимъ я, низайшій, въ соловецкомъ монастырѣ посаженъ въ тюрьму, въ которой свѣта нимаго не имѣется, и къ оной придѣланъ двустѣнный придѣлокъ для нужды, въ которомъ двѣ двери съ замками, гдѣ и оставшей рухляди моея малое положено, въ томъ числѣ раса суконца тонкаго французскаго чернаго цвѣта, на астраханскомъ овчинномъ черномъ шѣху

¹⁾ Въ рукописи Феофана было: царскому величеству.

кафтанъ байберековнй, книжица полуустановъ кievская, туфли новыя, и отдавъ подъ караулъ архангелогородскимъ гарнизоннымъ солдатамъ, за ефрейтора Никифору Чистюнину, Мартину Гаврилову, Андрею Кирилову, которымъ онимъ поручикомъ тюрьму приказано топить, и въ оный придѣлокъ пускать, какъ изъ прочихъ тюремъ въ такіе жъ придѣлки колодниковъ пускаютъ, непремѣнно.

При входѣ въ оную тюрьму, просилъ я келаря Θεодосія, дабы мнѣ дана была къ тюремному сидѣнью приличная изъ монастырскихъ одежда, которую и получилъ, а вмѣсто того просилъ я его, келаря, дабы велѣлъ взять въ монастырскую казну помянутыя рясу и кафтанъ мой, которые поручикъ имъ, солдатамъ, отдать велѣлъ; и по отъѣздѣ онаго поручика отъ монастыря, чрезъ вся полгода просилъ я ихъ, солдатъ, много, дабы они въ казну рясу и кафтанъ отдали, которыхъ они, проча себѣ знатно, и по сіе число не отдають, да и оный келарь для взятія тѣхъ кафтана и рясъ, какъ я слышалъ отъ онаго Чистюнина, прислалъ монаха, прозваніемъ Вологду, и къ себѣ ихъ, солдатъ, призвая говорилъ, дабы отдали, и то все они уничтожили.

При отъѣздѣ отъ монастыря, оный поручикъ того придѣлка у дверей, взявъ ихъ солдатскіе фузеи вывѣсилъ и приказалъ стоять имъ, солдатамъ, на часахъ. И по отъѣздѣ онаго поручика, они, солдаты, не ниѣя надъ собою команды, тогожъ дня тѣ свои фузеи взявъ отнесли къ себѣ на квартиру, и марта по 3-е число никогда на часахъ не стояли.

Заключа отъ придѣлка оную тюрьму во всю зиму не топили, и отъ превеликой подъ здѣшнимъ градусомъ стужи многократно былъ при смерти, и въ тотъ придѣлокъ, хотя и многое мое къ нимъ было прошеніе, и для нуждъ генваря по 17-е число не выпускали.

По отъѣздѣ же онаго поручика отъ монастыря, заключа меня въ тюрьмѣ, изъ того придѣлка изъ нихъ, солдатъ, оныя книжицу полуустановъ и туфли изъ-подъ своего караула похитили, и какъ я за неимуществомъ моимъ въ смыслу той моей пронажи съ плачемъ и съ земными поклонами прошеніе мое имъ, солдатамъ, предложилъ, тогда солдатъ Мартинъ въ тюрьмѣ при своей братьѣ говорилъ: буде полтину дашъ, то оная книжица отыщется и отдана будетъ сего часа, что ему отъ меня и обѣщано отдать. И изъ тюрьмы-де того жъ часа съ Чистюнинимъ пошедъ, опять въ тюрьму возвратился, и оную книжицу онъ, Мартинъ, принесъ и за просьбою товарищей своихъ отдалъ мнѣ безденежно. Потомъ, спустя время недѣли съ двѣ, просилъ я онаго Мартина, дабы и пронажіе туфли отискалъ, которые обѣщалъ отыскать отдать, просилъ четырехъ гривенъ, которыхъ и по сіе время не отдалъ.

Въ посланной имъ, солдатамъ, инструкціи, хотя со мною говорить имъ и не велѣно, токмо они приходя въ тюрьму разговоры имѣли, а больше склонны ко взяткамъ, а иногда поносныя и угрозытельныя слова говорили и что быть имъ безпремѣнно, себя фалили, а Чистюнинъ и Мартинъ и шлѣ хотѣли, токмо отъ того прошеніемъ и поклонами свободу

получилъ. Оные же говорили: «хотя-де офицеръ священника для духовности и приказалъ мучать, токмо ни при смерти твоей не пустимъ, потому однажды пустили. Потомъ, въ другіе ихъ приходи въ тюрьму, просилъ ихъ, дабы, по приказу поручика, тюрьму топили и въ придѣлѣхъ двери отперли и въ тюрьму приходи ноносныхъ и угрозныхъ словъ мнѣ не говорили, а больше просилъ онаго за ефрейтора Чистюнина, и онъ мнѣ сказалъ: «ребята наши говорятъ, надобно тебя помучить, надѣмся вымучить рубли по два—три человѣку, а когда то получимъ, тогда приказъ офицерскій исполнять будемъ непремѣнно». И на оные его, Чистюнина, слова я отвѣтствовалъ, что толкаго числа денегъ у себя не имѣю. Только къ прежнему ихъ съ меня взятку—трѣмъ рублямъ, взяла еще по рублю человѣку, именно: Чистюнинъ декабря 28, въ январѣ Мартинъ 4, Андрей 16-го чиселъ. И взявъ оный взятокъ, въ придѣлѣхъ двери отперли 17 января, и былъ не запертъ по 20-го февраля, а онаго 20 февраля для полученія себѣ намѣреннаго взятку, они, солдаты, наки отъ того вридѣлка и по сіе число заключили, отъ чего згѣ стражду.

И 27 февраля, не претерпя ихъ отъ презабѣрной стужи мученія и угрозныхъ словъ, просилъ я ихъ, солдатъ, дабы даны мнѣ были перо, чернила и бумага, написать къ господину архангелогородской губерніи губернатору о нужномъ дѣлѣ доношеніе: и въ старости и отъ нихъ, солдатъ, во устрашительствѣ моемъ молвилъ о важномъ дѣлѣ простотою моею, в тогожъ часа опаматовался, и онаго Чистюнина просилъ я много, дабы они важности не писали, понеже я важныхъ дѣлъ не имѣю и ни за кѣмъ не знаю, а написали бѣ о нужномъ дѣлѣ.

Ежели бы важное дѣло имѣлось, или за кѣмъ зналъ, то бы просилъ написать доношеніе, когда надлежитъ, въ высочайшее правительствующій сенатъ, или въ Тайную розписныхъ дѣлъ канцелярію, или въ Преображенскій приказъ, гдѣ о такихъ дѣлахъ слѣдуется, а не въ губернскую канцелярію.

И во ономъ у ея императорскаго величества, для поминованія блаженна и вѣчностойнаго памяти его императорскаго величества Петра Великаго, императора и самодержда всероссійскаго, и для ея императорскаго величества многолѣтнаго и благополучнаго здравія, прошу милостиваго прощенія. Высококоняжей свѣтлости, насъ надшихъ милостиваго государя, о помянутомъ доносить низжайшій рабъ, бывшій старецъ Овсянниковъ, и о помилованіи молю. Соловецкій монастырь, 19 іюня 726 ¹⁾.

¹⁾ Госуд. Арх. Кабин. Дѣла, Отд. II № 62, стр. 910.

V. Синодскій докладъ Императрицѣ Екатерины I по поводу распоряженія оберъ-прокурора Волгина о безотложномъ высланинъ съ Теофана занятой имъ у Синода денежной суммы ¹⁾.

Въ прошломъ 1722 году октября 10 дня, по доношенію синодальнаго вице-президента, Теофана архіепископа исковскаго (что нынѣ новгородскій), дано ему, для показаннаго его тѣмъ доношеніемъ въ деньгахъ немущества и ради приключившихся его нуждъ, заимно изъ синодальнаго казеннаго приказа, три тысячи двѣсти рублей, которыя опредѣлено пакн въ синодальную казну возвратитъ съ него по расчисленію въ четьре года. А марта 11 дня 1723 г. по синодальному опредѣленію, а по предложенію бывшаго оберъ-прокурора Волгина, велѣно оные заимоданные деньги возвратитъ, не ожидая прежде опредѣленныхъ сроковъ, безъ отлагательства, которыя отъ него въ Синодъ и требуются. И о тѣхъ деньгахъ предложилъ онъ Синоду письменно, что нужда ему была просить высокославныя и вѣчностойныя памяти у императорскаго величества въ Москвѣ дому, на что и милостивѣйшее его величества благоволеніе было, и хотя для нѣкихъ причинъ не отдавъ ему прошеннй домъ, однакожь отъ Сѣната общано дать опальный или заплатитъ продажный домъ. На такомъ основаніи онъ уфундованъ, принскать продажный домъ, и понеже видя, что общаніе сѣнатское продолжается, просилъ у Синода оной заемной суммы и въ отдачѣ сроку; а нынѣ-де оваго долгу скоро и безсрочно выплатитъ невозможно, о чемъ его величеству и суплику подавъ, отъ Синода же просить благопотребнаго вашему величеству о немъ ходатайства. Того ради о означенныхъ деньгахъ, по оной его императорскому величеству поданной его архіерейской супликѣ, требуетъ Синодъ отъ вашего величества милостиваго рѣшенія.

Вашего императорскаго величества нижайшіе рабы и богомольцы: Теофилактъ, архіепископъ тверскій. Георгій, епископъ ростовскій. Петръ, архимандритъ александровскій. Гавріилъ, архимандритъ Троицы-сергіева монастыря. Теофилъ, архимандритъ чудовскій.

Октября въ 26 день 1725.

VI. Прошеніе Теофана Императрицѣ Екатерины I о распечатаніи въ новгородскомъ архіерейскомъ домѣ и въ епархіи хлѣба и денегъ, опечатанныхъ по случаю слѣдствія надъ бывшимъ новгородскимъ архіепископомъ Θεодосіемъ ²⁾.

Всепресвѣтлѣйшей, державнѣйшей великой Государницѣ Императрицѣ Екатерины Алексѣевнѣ, самодержицѣ всероссійской.

Всѣпокорное прошеніе.

По многократномъ моемъ словесномъ предложеніи, которымъ ваше

¹⁾ Кабин. Дѣла, Отд. II, кн. LXXXIII, л. 43.

²⁾ Кабин. Дѣла, Отд. II, кн. LXXX, л. 93.

Сборникъ II Отд. II. А. Н.

величество привужденъ я былъ утруждать, о запечатанныхъ въ дому и епархіи моей деньгахъ, и объ описуемомъ хлѣбѣ, еще для лучшей информатіи тожъ и на письмѣ докладая, слѣдующими пунктами:

I. По сказкѣ, какъ слышу, бывшаго секретаря Герасима (будто много денегъ изъ казны дому архіерейскаго новгородскаго украдено и утаено) посылаетъ капитанъ Шушеринъ, имѣя при себѣ и объявителя, онаго Герасима, сискать оныя деньги: и потому вашему величеству донесено, что будто таковыхъ краденыхъ и утаенныхъ денегъ сискано многое число и, какъ славили, шестьдесятъ тысящъ.

II. А то все есть ложно: ибо не шестьдесятъ, но двадцать три тысящи рублей обрѣтено, и тѣ деньги не въ одномъ дому архіерейскомъ, но и тоей епархіи въ монастырѣхъ обрѣтены: и деньги тіиже не крадены, но наличныя, въ книгахъ записанныя, на жалованье и всегдашнія нужды издержуемыя, и не акы бы утаенныя и найденныя, но вопрошающимъ, гдѣ сколько есть, показанныя. И таковыя-то деньги, яковыя и во всѣхъ прочихъ епархіяхъ и монастыряхъ и церквахъ, и у прочихъ людей обрѣтаются. А что Герасимъ показать обѣщаль, того ничего не сискано, хотя и съ помалыиъ прилежаніемъ искано.

III. Тожде все солгано по хлѣбѣ: ибо и хлѣбъ не краденый и не таеиый, но явный и употребляемый, и не однаго архіерейскаго дому, но и епархискихъ монастырей, пеннымъ и краденымъ названо.

IV. Извѣстився же я о всемъ отъ монахъ приказныхъ, поданными мнѣ, на вопросы отъ меня предложенныя, отвѣтами, доносилъ словесно вашему величеству: и ваше величество приказала оставить все оное по ложнымъ сказкамъ творимое исканіе и отдать деньги и хлѣбъ дому архіерейскому и монастырямъ, яко не ценное ихъ имѣніе.

V. Но по иманному вашего величества указу ничего еще не сдѣлано: и для чего такъ, что за неплаченные повсегодно одинадцать тысящъ, которые платитъ изъ новгородской епархіи отъ 1706 году велѣно, и на то скоро поданъ будетъ изъ разрады архіерейскаго отвѣтъ, которымъ будетъ показано, что больше двухъ сотъ шестидесяти тысящей епархія новгородская за новгородскую провинцію заплатила: какой сумми не отдано, ни за другія подати не зачтено епархіи.

VI. Еще же и часть ризницы архіерейской въ невскомъ монастырѣ запечатана, и ниѣ оной досегѣ не отдано.

Всеимлостивѣйшая великая Государыня, прошу вашего величества о подтвержденіи милостиваго вашего указа, и да повелитъ державство ваше на письмѣ указъ послать къ Петру Андрѣевичу и прочимъ. Вашего императорскаго величества нижайшій рабъ и богомолецъ Феофанъ, архіерейскій новгородскій.

VII. Синодскій докладъ Верховному Тайному Совѣту, съ представленіемъ кандидатовъ на праздныя архіерейскія мѣста ¹⁾.

Прошедшаго февраля 9-го дня сего 1727 года, высокославныя и вѣчнородостойныя памяти ея императорскому величеству отъ Синода поданъ со мнѣніемъ докладъ о посвященіи въ праздныя епархіи во архіереи изъ архимандритовъ, а именно: въ астраханскую, въ устюжскую, въ воронежскую; а въ переславскую о переведеніи архіерея: на которой докладъ отъ ея императорскаго величества указа въ Синодъ не получено, а въ тѣхъ епархіяхъ безъ архіереевъ обстоитъ нужда.

А понеже въ прошедшемъ времени, отъ ея жъ высокославныя и вѣчнородостойныя памяти императорскаго величества, самоустно синодальнымъ членамъ объявлено, чтобъ написаннаго въ вышеупомянутомъ докладѣ въ кандидатахъ, для посвященія въ устюжскую епархію во архіерея, Кирилла, архимандрита александровскаго, нишъ и впродъ въ такое архіерейскаго сана достоинство не производить: того ради нишъ, по мнѣнію синодальному, въ тѣ праздныя епархіи, признаются быть достойны архіереями нижеозначенныя. Въ Астрахань: Левъ, архимандритъ горницкій; Ааронъ, архимандритъ богословскій изъ Рязани. Въ Устюгъ: Іерофей, архимандритъ новоспасскій; Іоанниъ, архимандритъ донской. Въ Воронежъ: Арсеній, архимандритъ прилучскій съ Вологды; іеромонахъ Іларіонъ, намѣстникъ александровскій. Въ Переславль: Варлаамъ, епископъ коломенскій; а въ Коломну — Ааронъ епископъ корельскій. И о томъ отъ вашего императорскаго величества всепокорно Синодъ требуетъ резолюціи. Мая 17 дня 1727 г.

Резолюція Верховнаго Тайнаго Совѣта: коломенскаго перевести въ Астрахань; на Коломну Игнатія; на Воронежъ горницкаго архимандрита; на Устюгъ астраханскаго; въ Переславль донскаго архимандрита Вить по сему. Петръ.

VIII. Регулы семинаріи пресвященнаго Теофана архіепископа великоновгородскаго и великолуцкаго.

Уставъ, что надлежитъ знать и дѣлать ученикамъ по днямъ и по часамъ.

I. Въ простыя дни поутру вставать въ 6-мъ часу; въ 7-мъ убираться честно; галстукъ, камзолъ, башмаки и чулки чтобъ чисты были; голова чтобъ расчесана; потомъ молиться. 8—9 первѣе изученное вчера греческое протвердить, а потомъ латинскаго и русскаго языка обучаться; 10 гулять; 11 рисовать; 12 обѣдать.

¹⁾ Госуд. Арх. Дѣла Верховн. Тайн. Совѣта.

II. По полудни 1-й гулять; 2 и 3 латинскаго и русскаго языка науки обучаться; 4 и 5 рисовать; 6 и 7 ниниъ голосной, ниниъ инструментальной обучаться музыкѣ на перемѣну; 8 грамматика еллипскаго языка; 9 гулять и вечерять и потомъ молиться и ложиться. Во вторникъ и четвертокъ по обѣдѣ гулять.

III. Во всякій день при трапезѣ читать чтеніе отъ св. писанія, тѣмъ которые могутъ читать точно, но тредневномуъ чередамъ. А чтеніямъ быть слѣдующимъ: а) въ воскресные дни Дѣянія апостольская да прочтятся; б) въ понедѣльникъ, вторникъ, среду и четвертокъ книги историческія, начиная отъ Бытія; в) въ пятокъ и субботу Притчи Соломоновы. И читать по опредѣленнымъ статьямъ всякую статью до конца.

IV. При трапезѣ никому ни съ кѣмъ ничего ни тихо ни въ голосъ не говорить и никакимъ образомъ не соглашаться и не раздражаться, по внимать чтенію.

V. Если что въ чтеніи покажется кому недоумѣнное, тоби онъ написать для памяти; а во время свободное предлагать намъ для толкованія.

VI. Когда время идти въ церковь, и илиби всѣ вѣстѣ, первіе малые, и по нихъ большіе, такожь и изъ церкви.

VII. Во дни воскресные предъ литургією читать съ книги одному, а прочимъ слушать толкованія заповѣдей, и одну заповѣдь отправить однимъ чтеніемъ. А по литургіи малымъ ребятамъ совопроняться отъ заповѣдей, двоимъ отъ одной, а другимъ двоимъ отъ другой слѣдующей, и тако въ одно время отправлять по двѣ заповѣди очередно.

VIII. Во дни господскіе предъ литургією, троицъ одному по другому; наизусть проговорить повѣсть краткую, богословскую. И сіе очередно дѣлать по троицъ на праздникъ.

IX. Въ гуляніи вѣи дому всѣмъ быть вѣстѣ и единому отъ другихъ дагѣ пятидесяти самонъ не отлучаться, даби одинъ другимъ въ случаѣ помощи, и одинъ другихъ о обхожденіи и нѣкоемъ (сохрани Боже) принадлежнѣ свидѣтельствовать могли.

X. Игранія употреблять безбѣдныя и незлообразныя; напримѣръ въ городѣ палками не играть; на краги метать пули не выше двоекъ аршинъ; по сторонамъ игры тоей близко не стоять; побѣжденнымъ на побѣжденныхъ не садиться и ничего непристойнаго дѣлать не велѣтъ; въ свайку никому отнюдь не играть.

XI. Когда которому нужда будетъ измыти изъ дома куда ни на есть (близко или далеко), тогда докладывать намъ, а въ небытности нашей первому, кто будетъ изъ служебной фамиліи, и требовать позволенія. И во всей этой отлучкѣ, даже до возвращенія въ домъ, былъ-бы при немъ одинъ изъ слугъ нашихъ, дворянинъ или иной кто служитель. А того присутствующаго не контъ. И по возвращеніи намъ, или въ не присутствіи нашихъ, кому пристойно представить для освидѣтельствованія, что онъ не пьянъ.

XII. А если кто противъ вышеположенному одиннадцатому артикулу дерзнуть учинить, то всякъ изъ дѣтой нашихъ, да и прочихъ, кто о томъ знать можетъ, долженъ намъ объявить, подѣ жестокимъ за умолчаніе наказаніемъ.

Дополненіе къ вышепомянутымъ регуламъ.

XIII. Ничего не говорить и не дѣлать, что бы другому могло быть къ раздраженію и подать причину къ ссорамъ, лаямъ и дракамъ.

XIV. Если который досаждаѣ словомъ или дѣломъ учнетъ другаго, то другой досады за досаду не отдаваѣ-бы, но предлагаѣ-бы о томъ тотчасъ кому изъ большихъ, а послѣ при томъ же, которому предлагаѣ, доносиѣ-бы директору.

XV. Скверныхъ и стыднѣю подлежащихъ словъ никто-бы отнюдь не произносиѣ, кольми паче не писаѣ отнюдь, ни собою сочиняя, ни выписуя; такожъ не показываѣ студнаго миганія и никакимъ тѣлодвиженіемъ не изображаѣ того, что срамно есть. И если нѣчто таковое учинить, то всякъ видѣвшій или слышавшій тотчасъ долженъ повѣстить директору и будетъ бездѣльному таковому не обычное наказаніе. А кто о томъ не повѣстятъ, и тотъ жестоко наказанъ будетъ.

XVI. Нпкогда двоимъ (и въ гуляньѣ), ниже тремъ не отлучаться отъ прочихъ въ сторону и тайно съ собою ничего не говорить, но говорить явно и въ слухъ прочихъ. И сіе кто усмотритъ, доносить долженъ тѣмъ, какъ и выше въ XV пунктѣ показано.

XVII. Но и въ компаніи съ другими одному ничего отнюдь въ ухо другому не шептать. И сіе всякъ усмотрѣвъ долженъ скоро доносить.

XVIII. Одинъ съ другимъ писемцами-бъ не пересылались, и если сіе учинить, то хотя-бъ что доброе писаѣ, жестоко яко бездѣльныхъ наказанъ будетъ. Тожъ получить и тотъ, кто отъ одного до другаго переносить или передавать письменно будетъ.

XIX. Никому никуда въ сторону писемъ, не объявивъ ихъ прежде директору, не посылать. Такожъ и кому откуда, хотя отъ родителей письма присланы будутъ, не распечатывать и не читать, но не распечатанныя подавать директору, и когда онъ распечатавъ и прочитаѣ отдасть, тогда читать можно.

XX. Никому у себе особо не держать и не имѣть съѣстныхъ и питейныхъ припасовъ (кромѣ вѣкинхъ фруктовъ, и то отъ насъ подаваемыхъ и на малое время), кольми паче водки и простаго вина. И сего преслушаніе почитаеѣ мы за великое злодѣйствіе.

XXI. Никому у себе не держать денегъ; но еслибы откуда получилъ, то тотчасъ объявилъ-бы директору и деньги отдалъ-бы ему въ сохраненіе. И еслибы имъ явились нужда, то о нуждѣ той сказываѣ бы директору. А если кто сему противное учинить, ожидать ему великаго наказанія.

XXII. Никому не вѣзаться и не входить въ дружбу и лончанію съ дворянами, приказниками, конюхами и прочими домовыми служителями.

XXIII. Никому не говорить про людей честныхъ и сановитыхъ, чтобъ могло быть со умаленіемъ чести ихъ, хотя-бы то и явно всѣмъ было и обносилось бы въ народѣ-слухомъ.

XXIV. Никому, когда и по нашему приказанію предоставлено питьё будетъ, не пить жарлочно и жадно, и такового злообразія весьма хранитися, колымъ паче не пить до пьяна и не шумѣть.

XXV. Что въ вышеположенныхъ регулахъ или правлахъ написано, то всякоу прилежно и тщательно хранить, ожидая за преступленіе жестокаго наказанія и не надѣясь оправдатися никаковыми отговорками.

Сей уставъ всякаго мѣсяца въ первый день, предъ начинаніемъ обѣда, прочитывать при собраніи всѣхъ, дабы впередъ никто не могъ на вѣдніемъ извидѣться.

Быть служебной очереди такъ.

1) Понедѣльно проходить нижеименованную службу должны: Трофимъ, Иванъ Великодний, Петръ Косминъ, Мартинъ Шенъ, Яковъ Алхимистъ, Яковъ Воронко, Семенъ Сидѣлецъ, Стефанъ Яковлевъ, Михайло Петровъ, Прокопій Макарьевъ; а Тимошей Харханель, какъ его время придетъ, двѣ недѣли сряду служить долженствуетъ.

2) А очередная служба заключается въ слѣдующихъ пунктахъ: а) рано въ установленное время трещоткою всѣхъ будить, и кто долго, то есть за четверть часа не встанетъ, записывать; б) воду для умыванія ставить, и для того были бы къ тому шесть ведеръ на особомъ мѣстѣ готовыя и всегда чистыя; а воду приносить приставамъ Запцу и Харину; в) имѣть при себѣ ключъ отъ шкафа, въ которомъ утиральники, и утиральники выкладывать, а по умовеніи просушить, въ шкафъ замкнуть; г) смотрѣть о всемъ, что въ уставѣ содержится, исполняется ли, и если кто не по уставу дѣлаетъ, записать намъ доносить; д) во время обѣда стоять или похаживать тихо, такъ ли всѣ себя держать, какъ въ уставѣ написано; е) кромѣ времени гулящаго запрещать шумѣть и смотрѣть, чтобъ весьма было тихо и всякъ бы у своего дѣла былъ; а о прочихъ и объ уставѣ нерадищихъ изъ большихъ — намъ доносить, а малыхъ, доложась Или Борисова, ловою наказывать; ж) на дворѣ, когда малые гуляютъ, смотрѣть, чтобъ небыло игръ запрещенныхъ и всякихъ поступковъ непристойныхъ или опасныхъ; з) о большихъ имѣть раченіе, какъ въ уставѣ объ нихъ опредѣлено; и) приставамъ приказывать очищать, какъ надлежитъ, изби и столовую посуду мить.

О БОЛЬНЫХЪ.

1) Еслии который изъ учениковъ заболитъ, тотчасъ лекаря звать, ни мало времени не пропуская, и намъ немедленно повѣщать чрезъ нижеименованныхъ дѣтей.

2) Ивану Большому по вся дни рано осмотрѣть и въ голосъ спросить,

всѣ ли въ здравіи, и если явится который боленъ, послать единого изъ малыхъ—Старого или Барашка или Бурмистра и проч. повѣстить нѣкому изъ келейныхъ, который тотчасъ посылалъ бы по лекаря.

3) Буде мы въ отлучкѣ не близко, писать къ намъ; буде же не вышется, или за чимъ прибыть не можетъ нашъ домашній лекарь, посылать по лекаря въ носокомію.

4) Лекарю домашнему по вся дни рано приходитъ въ домъ нашъ и о здравіи дѣтей въ ихъ же избахъ спрашивать.

5) Лекарь, вѣдая больного, долженъ истинно намъ довести, каковая именно болѣзнь.

6) Буде болѣзнь таковая, каковой лекарямъ самимъ, не доложася доктора, лечить государевымъ указомъ запрещено, то долженъ лекарь до г. доктора доѣхать и опредѣленія отъ него, или и рецепта, требовать.

7) Буде потребуется покупать лекарство изъ аптеки, и расходчикъ въ дому не случится, то на свои деньги лекарь купить долженъ, чтобъ не присутствіемъ расходчика не отговаривался и удобнаго времени не уронилъ; а потомъ расходчикъ, увѣдавъ о купленныхъ лекарствахъ, бачъ отлагательства возвратитъ лекарю деньги долженъ съ роспискою.

8) Что по своему или по докторскому разсужденію больному прикажетъ дѣлать лекарь, на примѣръ: на вѣтеръ не выходить, въ теплѣ себя содержать, соленого и кислаго не пить и проч. то больной хранить весьма долженъ;—хранитъ ли, или ни, смотрѣть очередному и елико можетъ отъ запрещеннаго удерживать, и въ томъ очередному пособлять долженъ и прочіе, очередѣ подлежащіе:

9) Что больному ясти и пити опредѣлитъ лекарь, о томъ очередній расходчику сказывать долженъ и смотрѣть, дабы то, а не иное что было.

10. Буде болѣзнь случится кому заразливая, близкимъ вредящая, на примѣръ оспа, очередній долженъ докладывать намъ и нашимъ служителямъ, чтобъ скоро усмотрѣно мѣсто больному особенное ¹⁾.

¹⁾ Рукоп. новгор. семин. Б-на, № 3885. Труды кievск. акад. 1866 г. Т. 2, стр. 77—84.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕНЪ И ПРЕДМЕТОВЪ, УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ КНИГЪ: ФЕОФАНЪ ПРОКОПОВИЧЪ И ЕГО ВРЕМЯ.

А.

Ааронъ, архим. чудова мон., присутствуетъ при допросѣ новоспасскаго архим. Евѳимія Коллетти, 191, и присягѣ Феофилакта Лопатинскаго, 489.

Ааронъ, монахъ саровской пустыни, 524, 540.

Ааронъ Еропкинъ, епископъ корельскій, викарій новгор. Переписка его съ Феофаномъ Прокоповичемъ о возвращеніи юрьеву монастырю отъ архіерейскаго дома вотчинъ, 583—584. Письмо его къ Феофану съ просьбою объ увольненіи въ ялову пустынь и увольненіе, 584—586. Принятіе схимы и смерть—586, п. 2. Упоминается 663.

Авакумъ Львовъ, архим., судья духовной дикастеріи. Арестъ его по дѣлу саровскаго строителя Юсіа, показанія его, наказаніе и ссылка въ монастырское братство, 565. Упоминается 663.

Августъ II, король польскій, 7, п. 2.

Авраамій, архим. торопецкій небинскій, упом. 663.

Авраамій, ииловскій игуменъ, 663.

Авраамій Дамаскинъ, келарь спакоменскаго мон. 351, 354, 365.

Авраамій, іером. иверск. мон. 456.

Аврамова, Александра, дочь М. П. Аврамова 415.

Аврамовъ, Мих. Петр., директоръ с.-петербургской типографіи. Прозкъ его о возстановленіи патріаршества, 98, п. 1. Упом. 256. Автобіографія, его 261—267. Разныя его прозкы 267—270. Протесты его противъ Феофана, 274—279. Упом. 297, 298, 299, 300. Арестъ его—301. Показанія при допросѣ 307—308. Упом. 333. Ссылка въ иверскій монастырь—334. Упом. 336, 337. Секретный допросъ, 337—338. Упом.—407. Подозрѣніе на него въ составленіи подметнаго письма съ пасквилемъ на Феофана, 412—413. Иверское слѣдствіе, 313—415. Продолженіе его, 434—437. Допросы Аврамова, окончаніе иверскаго слѣдствія и оставленіе Аврамова въ Тайной канц., 451—459. Упом. 484, 495, 500, 507, 561, 565, 568, п. 1. 678, 679. Приговоръ Кабинета и ссылка Аврамова въ Охотскъ. Письма его къ женѣ, 680—683. Доносъ на него главнаго командира Охотска, Скорнякова-Писарева, 683—687. Новый доносъ его же, 687—688. Экстрактъ о немъ, съ мнѣніемъ Тайной канцеляріи, поданный правительницѣ, 688. Челобитная Импер. Елизаветѣ съ прозкомъ, 689. Смерть въ крѣпости 694.

Адамъ, іеродіаконъ при дожѣ Феофана Прокоповича, 201, 204, 207, 247, 276, 303, 426, 468; смерть его и эпитафія ему, составлен. Феофаномъ, 640—641.

Адрианъ, патриархъ, 85, 58.

Академія: Киевская—1, 8, 17. Дурное хозяйство ея при ректорахъ Головичѣ и Гугуревичѣ; поправленіе его Теофаномъ, 19.

Московская: доношенія Стефана Яворскаго и Теофилакта о худомъ состояніи зданій и обихахъ, наносимыхъ ученикамъ, 31, 32.

Академія Наукъ, 224, 429, 434. Сношенія Теофана съ Академіей Наукъ и академиками, 617—626. Гимназія при Академіи Наукъ, 617, 618.

Акулина Ивановна, хлыстовская жебогородица, мать хлыста Спиридона Лупкина, упом. 606, 608.

Акулина Ивановна, сестра хлыстовской жебогородицы. Упом. 508.

Александръ Невскій, св. вел. кн. русскій. О возстановленіи праздника въ честь его въ С.-Петербурѣ при Императрицѣ Аннѣ, 228.

Александръ Судаковъ, іеродиаконъ, ризничій тверскаго архіерейскаго дома, 475, 478, 480.

Александръ Шокуровъ, кедръ саввина монастыря, инквизиторъ, 100.

Алексѣй, митроп. новозубовскій. О поруганіи иконы его изувѣромъ Омою цирюльникомъ, 64.

Алексѣй, Божій человекъ, св. Упом. объ акаѳистѣ ему, 111.

Алексѣй, епископъ вятскій, 193.

Алексѣй, епископъ сарскій. О письмѣ къ нему Стефана Яворскаго, 41.

Алексѣй Михайловичъ, царь русскій, 392, 564.

Алексѣй Петровичъ, царевичъ, сынъ Петра I-го, 97, 118, 243, 247, 330, 375, 379, п. 1, 380, п., 524, 560.

Алексѣевъ Василій, ученикъ школы Ѡ. Прокоповича, 636.

Алексѣевъ Егоръ, голутвинскій священникъ, 440.

Алексѣевъ, протоіерей московск. архангельскаго собора. Упом. письмо его къ Импер. Павлу I-му, 229.

Алексѣевъ, подьякъ устюжскаго архіерейскаго дома. Арестъ и освобожденіе его, 494.

Алексѣевъ Осдоръ, ученикъ школы Ѡ. Прокоповича, 637.

Алимпій Давыдовъ, іеродиаконъ бнзюковскаго монастыря, вовлеченный, по оговору Юсифа Рышкова, въ дѣло о подметномъ письмѣ; постриженіе его въ монашество, арестъ его, 478—479. Допросы, лишеніе монашества и изгнанія въ Тайной канцеляріи, 483—

494. Ссылка въ Сибирь, 656—657. Возвращеніе изъ ссылки, 673.

Алхимикотъ Яковъ, ученикъ школы Теоф. Прокоповича, 649.

Албрехтъ, лекаръ, 178.

Амвросій Зертисъ-Каменскій, московскій архіепископъ, упом. 32.

Амвросій Юшковичъ, архим. симоновскій, потомъ еписк. вологод. и архіеп. новгородскій. Пожалованіе ему ризницы и дома на Карповѣ, принадлежавшихъ Теофану, 653. Упом. 481, 489, 668, 678, 679.

Ананьевъ Алексѣй, дьяконъ успенскій, что въ Котельникахъ, церкви, 486.

Ананьевъ Степанъ, священникъ московской гребневской церкви, 486.

Андреевъ Александръ, ученикъ школы Теоф. Прокоп. 634.

Андреевъ Иванъ, ученикъ школы Ѡ. Прокоп. 650.

Андрей, келейникъ Родышевскаго,—485, 487.

Андроникъ, архим., судья новгород. архіер. дома. Доносъ на него Носова о расхищеніи имъ церковнаго имущества 115. Упом. 245, 246, 248. Назначеніе его слѣдователемъ по дѣлу объ оскорбительномъ для Теофана Прокоповича разговорѣ людей новгородскаго архіерейскаго дома, 512.

Аннѣевъ Василій, священникъ, 495.

Анна, королева Англіи, 419, 595.

Анна Иоанновна, Императрица. Упом. о бракѣ ея съ курл. герцог. 77. Упом. о ней: 156, 157. Объ указѣ ея св. Синоду касательно празднованія дня Александра Невск. 223. Обстоятельства вступленія ея на престолъ, 258. Упом. 267. Проектъ, поданный ей Авраамовымъ. 268. О мызѣ, подаренной ею духовнику Варлааму, 273. Указъ объ устроеніи Синода, 279—280. Упом. 283. Указъ о новомъ составѣ Синода, 286. Стихотворенія Теофана въ честь ея по случаю переѣзда ея въ новый лѣтній домъ, 294—295. Его же стихотвореніе на окончаніе ладожскаго канала, 340. Упом. 351, 371, 368, 401, 463, 597. Стихотвореніе, въ честь ея, Теофана по случаю посѣщенія его въ селѣ Владыкинѣ, 645. Указъ, данный Тайной канц. объ исполненіи завѣщанія Теофана, 652—653. Упом. 654. Смерть ея, 667.

Анна Леопольдовна, правительница. Упом. 296, 297, 340, 492. Указъ объ амнистіи преступникамъ и невинно-ссыльнымъ въ царствованіе Импер. Анны, 667—668.

Анна Петровна, дочь Петра I, супруга герцога голштинскаго. Привѣтственная рѣчь ей отцу, по возвращеніи его изъ путешествія, 27. Поодравательное письмо къ ней Феофана по случаю рожденія ею сына, 250, 252. Упом. 277, 492, 546.

Антоній, архим. златоустовскій судья приказа церк. дѣлъ, 99.

Антоній, архим. казначей снудск. дома, 556.

Антоній, архим. саввина монастыря, привлеченъ къ слѣдствію по дѣлу Іосифа Рѣшилова, 478. Допросъ, показанія и очаяя ставка съ Рѣшиловымъ въ Тайной канц. 481—488.

Антоній, митр. сибирскій, 342.

Аполлѣварія, керженская раскольница-монахиня, ученица Рѣшилова. Упом. 472.

Апостолю, Даниилъ, гетманъ Малоросіи, 258, 340.

Апраксинъ, адмиралъ, 116, 160, 186, 446.

Арханжовъ, Алексій, пасынокъ гр. Матвѣева, упом. 560.

Ариотенъ, Алексій, 216.

Аристотель, греч. епископъ. Упом. 13.

Аріѣ, еретикъ. Упом. 802, 709.

Арадіѣ, монахъ саровской пустыни. Упом. 539.

Ариѣтъ Іоаннъ. Упом. о книгѣ его, переведенной на русскій языкъ Симономъ Тодорскимъ, 589.

Аршардъ-Аршардеръ, Петръ, инспекторъ петергофск. дворца. Упом. 658.

Арсеній Берло, архим. межигорскаго монастыря; назначенъ епископомъ-администраторомъ бѣлорусской епархіи, 454. Интрига противъ него Каллиста и Геддона Шишки; оставленіе епархіи, 255. О письмахъ къ нему Феофана, 255.

Арсеній Мацѣевичъ. Упом. 3, п. 1, 3, 82. Возраженіе его на «Молотокъ на Камень Вѣры» 386—407. Упом. 573.

Арсеній Могиланскій, митроп. кіевскій. 118, п. 2.

Арсеньевъ, Конст. Ів. Упом. 289, п. 1.

Артемьевъ, Тимофей, тарскій купецъ. Упом. 508, 509.

Аввасіѣ, архіеп. холмогорскій. Упом. 58.

Аввасіѣ Великій. Упом. 217, 299, 302. О книгѣ Аввасія В. въ кіевское библіотекѣ, 501, 503.

Аввасіѣ Бондонди, (въ мѣрѣ Анастасіѣ) греч. священникъ; прошеніе его о постриженіи въ монашество 96. Иеро-

монахъ, снудальный ассесоръ, архим. спасоярсл. монастыря, наконецъ епископъ вологодскій. Разборъ, по порученію Снуда, протеста іерод. Макарія, о несогласіи малороссійскихъ церквей съ великороссійскими, 36. Свѣдѣнія о прежней его службѣ, 93. Отзывъ о немъ Фандербека, 96. Упом. 98, 160, 173, 224, 347, 350, 351, 356. Допросы и объясненія его по дѣлу Георгія Дашкова, еп. ростовскаго, во время заключенія его въ вологодскомъ Каменномъ мон. 356—361. Выговоръ ему отъ Снуда, 362. Сношенія съ оберъ-секрет. Дудинимъ, 368. Упом. 377, 425, 460, п. 1, 581.

Аввасіѣ Миславскій, архим. кіевопечерскаго мон. Упом. 500.

Аввасіѣ Наусіѣ, грекъ, ассесоръ св. Снуда, 98.

Аввасіѣвъ Иванъ, камердинеръ царевича Алексія Петровича, 376, 377.

Б.

Байеръ, Теофиль-Сигфридъ, профессоръ Академіи Наукъ и учитель школы Феофана Прокоповича. Посвященіе имъ Феофану сочиненія его «Museum Siniicum», 619—620. Письма къ нему Феофана, 620—621. Упом. 627, 631.

Балакиревъ, упом. 541, п. 1.

Бальба Михаилъ, греч. императоръ. Упом. 423.

Бароніѣ. О выпискахъ изъ его церковныхъ лѣтописей Маркелла Родышевскаго, 677, 678, 679.

Бароовъ Алексій, директ. снуд. типографіи. Упом. 300, 337. Арестъ его по дѣлу о подметномъ пасквильномъ письмѣ на Феофана и его показанія, 388—399. Очныя ставки съ Еленіемъ Коллети, 431. Упом. 433, 434, 435, 436, 441, 442, 443, 449, 494. Новые допросы Тайной канцел., показанія его и смерть, 499. Упом. 500, 568, п. 1. Малолѣтныя дѣти его Антонъ и Елена, 499.

Барашко, Григорій, ученикъ школы Феоф. Прокоп. 649.

Барыковъ, подполковникъ, 284.

Васкаковъ, капитанъ гвардіи, составляетъ штаты монастырей, 141—142; оберъ-прокуроръ св. Снуда, послѣ Болтина, 195, 397; требуютъ отъ него въ Верх. Т. Сов. вѣдомости о состояніи Снуда по экономическимъ дѣламъ, 224. Упом. по дѣлу Лѣва, еп.

- воронежскаго, 286; по дѣлу коло-
митроп. Игнатія, 289. Упом. 397.
- Вассевичъ**, голшт. министр. Упом.
148, 149, 150, 622.
- Вембо**, венеціанецъ, епископъ, карди-
наль. Упом. 6.
- Венедиктъ** (XII), папа Римскій. Под-
метное отъ имени его письмо къ Тео-
фану, 409—410.
- Верхгольдъ**, кам.-юнкерь. Упом. 86,
90, п. 1, 372, п. 1.
- Верезицъ**, живописецъ; вовлеченъ въ
дѣло о подметномъ письмѣ къ Тео-
фану. Арестъ его, показанія его въ
Тайн. канц., наказаніе плетью и ос-
вобожденіе, 494.
- Верингъ**, упом. 683, 684.
- Вибиковъ**, оберъ-прокуроръ Сената,
участвуетъ въ конференціяхъ Сената
съ Синодомъ объ устройствѣ Синода 118.
- Видлоо**, докторъ, упом. 248.
- Вильфингеръ**, с.-петербургскій акаде-
микъ; перевелъ на лат. языкъ главу
изъ «Камня вѣры» о наказаніи ере-
тиковъ, 368, 627.
- Вингамъ**, Іосифъ. Упом. 398, 621.
- Виронъ**, герц. курляндскій. Упом. о
немъ 295, 296, 297, 591, 596. Письмо
его къ Теоф. Прокоповичу, 597. Пись-
мо жены его къ Теофану, 643. Упом.
654, 668.
- Влюментроостъ**, лейбъ-медикъ, прези-
дентъ Академіи Наукъ. Письмо къ
нему Теоф. Прокоп. о принятіи нѣ-
сколькихъ молодыхъ людей въ ака-
демическую гимназію, 617. Упом. 622.
- Вобановскій** Маркъ, поручикъ. Упом.
585.
- Вогдановъ**, Максимъ, ученикъ школы
Теофана Прокоповича, 684, 688.
- Вогдановъ**, Иванъ, стряпчій тверскаго
архіерейскаго дома, вовлеченъ въ
дѣло о подметномъ письмѣ, 475.
- Воголюбовъ**, подъячій. Упом. 510.
- Вогольцъ**, монахъ берлюковской пу-
стыни. Упом. 522. Арестъ его, 523.
Упом. 535, 539, 546, 557, 558, 568, п. 1.
Вступилъ въ пушружество 701.
- Волгинъ**, полковникъ, первый оберъ-
прокуроръ св. Синода. Упом. 98. Учас-
тіе въ конференціи Синода съ Сена-
томъ по дѣлу Феодосія Яновскаго, 116
—117. Наставляетъ на взыскаііи дол-
га съ Теоф. Прокоповича, 145. Упом.
158, 159. Заключение въ крѣпости 161.
Допросъ, 163, 164. Упом. 183.
- Вонавентура**, францисканецъ, 18, п. 1.
- Восой**, Михайло, сосланъ на галеры за
участіе въ заговорѣ царицы Евдокіи
противъ Петра I. Упом. 686.
- Воциозъ**, графъ, грекъ. Упом. 428.
- Вредихинъ**, капитанъ преобр. полка.
Упом. 152.
- Врейній**, директоръ музея въ Даниц-
гѣ, рекомендовалъ Петру I-му Мес-
сершмидта для путешествія по Рос-
сиі, 622.
- Врюсъ**, Яковъ Вилимовичъ, 264, 265,
468, 483.
- Буддей**, проф. іенскаго университета;
авторъ возраженія на Камень Вѣры.
Упом. 367, 368, 369, 373, 380, 381, 382,
383, 326, 433, 468. Уваженіе къ нему
Теофана, 626.
- Бужинскій**, Прокопій Федоровичъ,
братъ Гавріила Бужинскаго, протоіе-
рей слободскаго изюмскаго полка, бѣ-
логородской губ. 89, п. 1.
- Бурминстръ**, Петръ, ученикъ школы
Теоф. Прокоповича, 649.
- Вутурлинъ**, упом. 148.
- Бухвостовъ**, Семенъ, комиссаръ у ак-
цизнаго сбора на ладожскомъ каналѣ.
Арестъ его по дѣлу о подметномъ
письмѣ съ пасквильемъ на Государы-
ню и Теофана Прокоповича; опись и
опечатаніе его дома, 514.
- Бухвостовъ**, Козьма, секретарь нов-
город. архіерейскаго дома. Упом. 413,
458. Подозрѣнія на него Теофана и
арестъ его; освобожденіе по просьбѣ
жены и матери, 512. Упом. 518. Сда-
ча на сохраненіе ему казеннаго, до-
моваго и спаршескаго имущества, ос-
тавашагося по смерти Теофана, 647.
- Валлеовъ**, Макаръ, секр. Синода, 168, 169.
- Валлеовъ**, капраль, служитель иверскаго
мон. 414.
- Валлеовъ**, сержантъ семеновскаго пол-
ка; назначеніе его для взятія регента
пѣвческаго хора цес. Елизаветы Пет-
ровны, Ивана Петрова, 569.
- Выковъ**, генераль-майоръ, оберъ-ко-
мендантъ Выборгской крѣпости, во
время заключенія въ ней архіеп. Тео-
филакта Лопатинскаго. 656.

В.

Варлаамъ Волатовичъ, архіеп. кіев-
скій. Упом. 254. Сосланъ въ кирилло-
бѣлозерскій мон. и лишень сама, 292,
п. 1. Прощеніе въ Синодъ съ пред-
ставленіемъ кандидатовъ въ кіево-
печерскіе архимандриты по смерти
Іоанніакія Сѣнотовича, 299, п. 1. О
совѣщаніи его съ Яковомъ Жюбе о
соединеніи церквей, 371. Упом. 500,
580.

Варлаамъ Леввій, разстрига, казенный въ 1722 г. 173

Вараамъ Овсянниковъ, игуменъ угрѣшскаго мон., ассессоръ и оберъ-секретарь Синода, 93, 97. Прикосновенность къ дѣлу Θεοφана Яновскаго, 159. Упом. 162, 163, 166. Арестъ его; лишеніе священства и монашества; возвращеніе дух. сана и права совершать богослуженіе, 168—169. Заточеніе и смерть въ соловец. мон. 179—180. Упом. 342. Прошеніе къ князю Меньшикову изъ соловеской тюрьмы 718.

Варлаамъ, архим. троицкій. Духовникъ Императрицы Анны. Упом. 260, 269. Свѣдѣнія о немъ, 270—273. Письма его къ Екатеринѣ и сатира на него Кантемира, 270—273. Союзъ его съ Родышевскимъ и Арамовымъ противъ Феοφана, 273—278. Назначеніе на конференцію Синода съ Сенатомъ, 280. Упом. 296, 297, 300, 301, 308, 309, 313, 337, 338, 382, 383, 411, 412, 435, 436, 439, 451, 475, 494, 592, 503, 507, 521, 524, 555, 648, 678, 679.

Варлаамъ Голениковскій, намѣстникъ невскаго монастыря, 466.

Варлаамъ Ясинскій, митр. кievскій, 1, п. 3, 8, 888.

Варлаамъ Косовскій, епископъ тверскій. Упом. 41, п. 1.

Варлаамъ Скаминскій, законоучитель въ кадетскомъ корпусѣ, 633.

Варшава, архіеп. холмогорскій, 44.

Варшава, іеромонахъ, справщикъ, 466.

Варсофій, іеромонахъ, блюститель пещеры св. Антонія. Представленъ былъ кандидатомъ въ кievопечерскіе архимандриты, 299, п. 1.

Варсофій, епископъ архангельскій 672.

Варфоломей, архим. симонова монастыря 74:

Вареоломей Кассано, 593.

Василій, свящ. рязскаго уѣзда. Арестъ его, 339.

Васильевъ, Алексѣй, ученикъ школы Ф. Прокоповича, 636.

Васильевъ, Максимъ, ученикъ школы Ф. Прокоповича, 636.

Васильевъ, Николай, подъячій чудова мон. 436.

Васильевъ, Степанъ, священникъ, лишенный сана, (располъ). Свѣдѣнія о немъ 509, п. 1. Донесеніе его Синоду о разговорѣ съ нимъ распопа Петра Іосифова и солдата Корнышева о цер-

ковныхъ дѣлахъ, 509—510. Подозрѣнія на него Феοφана Прокоповича; наказаніе и ссылка въ Охотскъ, 510—511.

Васіанъ, іеромонахъ, начальникъ пещеры св. Θεοδοсія. Представленъ былъ въ числѣ кандидатовъ на кievопечерскую архимандрію, 299, п. 1.

Вейцъ, нѣмчинъ. Неизвѣстное, вѣроятно вымышленное лицо. Упом. въ дѣлѣ Зварыкина, 518, 519, 520, 521, 548, 549, 550.

Великоднѣй, Иванъ, домовый служитель Феοφана Прокоп. Прошеніе его Синоду о продолженіи ему пенсіи по завѣщанію Феοφана, 650—651.

Венедиктъ Барановъ, келарь хутынскаго монаст. 74, п. 1 и сл.

Венедиктъ Коптевъ, іеродиаконъ 246.

Веніаминъ, епископъ коломенскій, назначается для отобранія показаній отъ Іоакима, еп. ростовскаго по дѣлу Зварыкина и саровскихъ старцевъ, 566. Указъ ему изъ Синода—тж. п. 1. Донесеніе его Синоду, 567, п.

Веніаминъ Григоровичъ, іеромон. кievо-братскаго мон. 332.

Веніаминъ Фальковскій, іером., намѣстникъ александронев. монастыря. Представленъ былъ въ кievо-печерскіе архимандриты 299, п. 1. Сторонникъ Дашкова и Родышевскаго, 241. Упом. 332.

Верещагинъ, секретарь новгородскаго казеннаго приказа. Сопровождаетъ гробъ Ф. Прокоповича въ Новгородъ, 643.

Верховный Тайный Совѣтъ, запрещаетъ Правду Воли монаршей, службу св. Александру Невскому и закрываетъ невскую и с.-п.-б. типографію, 223. Разрѣшаетъ постригать въ монахи оставшихъ солдатъ, 223. Требуешь вѣдомостей о состояніи Синода, отрѣшаетъ оберъ-секр. Палехина и назначаетъ Черкасова, 224. Назначаетъ и переводитъ архіереевъ и архимандритовъ, 225. Принимаетъ сторону Дашкова и Родышевскаго противъ Феοφана, 226—230, 241. Совѣщанія въ Верх. Тайн. Сов. по случаю кончины Петра II. 256—259. Закрытіе его, 296. Упом. 374, 379, 430, 439, 587.

Веселовскій, К. С. Упом. о сочиненіи его: «Историческое обозрѣніе трудовъ Академіи Наукъ на пользу Россіи». 624, п. 1.

Викентій Чернышовъ, іером. троицко-сергіева монастыря. Наказаніе его и

ссылка въ кириловъ облозерскій монастыр. за поношеніе св. Синода. 98.
Викторовъ, Степанъ. См. *Смѣльстръ берлюковскій* іером.
Владыкинъ, Алексѣй, 112, п. 1. Участвуетъ въ ассамблеяхъ Θεодосія Яновскаго.
Волковъ, Иванъ, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича, отправленный въ академич. гимназію. 633.
Волковъ, Алексѣй, 412, 414, 415.
Волчковъ, Сергѣй, переводчикъ Грациана, 597.
Вольфъ, Христіанъ, марбургскій профессоръ. Приглашается въ петербургскую Академію Наукъ. Письмо къ нему Шумахера. 617—618. Отзывъ Θεофана о его философіи, 626.
Волынский, Арт. Петр. Упом. 175, 343, 631, 654, 674.
Воронковъ, Яковъ, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича, отправленный въ академич. гимназію, 633.
Вортманъ, скульпторъ, 624.
Вязьминъ, Яковъ, коллежникъ новоспасскаго архим. Евеніи Колети. Арестъ его, 425.

Г.

Гавриилъ Бужинскій, архим. шпасскаго, потомъ троицкаго монастыря, совѣтникъ св. Синода, протекторъ школъ и типографій 89, 90, 202, 460, п. 1. Переводчикъ Пущендорфа, 329, 330. Епископъ рязанскій, 216. Слово его въ день годичнаго поминовенія Петра В. 627. Показанія его противъ Θεодосія 151, 162, 163. Родышевскій обвиняетъ его въ переводѣ книгъ, вредныхъ для церкви, 304; 328, 329.
Гавриилъ Домецкій, упом. 35.
Гавриилъ, іером. иверскаго монастыря, 456, п.
Гедеонъ Вишневскій, рект. москов. акад., еписк. смоленскій. Протестъ его противъ Θεофана, 29—32. Свидѣнія о немъ 33—34. Упом. 40, 42, 112, 155, 171, 208, 299, 302, 303, 306, 332, 383, 436. Извиненіе въ протестъ на Θεофана 705.
Гедеонъ Шишка, игуменъ минск. монастыря. Интриги его противъ Арсенія Берло, 255.
Гедеонъ Криновскій, іеродиаконъ, учитель московской академіи, назначенъ придворнымъ проповѣдникомъ 638, п. 1.

Гелладій, Александръ, ученый грекъ, авторъ сочиненія о греческой церкви 416, 420, 423, 424.
Геннадій, архим. чудовскій, 374, 375.
Георгій Дашковъ, епископъ ростовскій, назнач. совѣтникомъ въ Синодѣ 180, 183, 184. Прежняя служба его: 185—190. Сила его въ Синодѣ при Петрѣ II-мъ, 223; приглашается въ Верх. Т. Совѣтъ, 226, 279, 282, 283. Ищетъ патріаршества 224—230. Θεофанъ устраняетъ его изъ Синода при слушаніи дѣла о Родышевскомъ 239, 224. Преданіе суду и ссылка въ Каменный вологодскій мон. 289—292. Упом. 314. Принятіе схимы 347. Дальнѣйшая судьба его; преслѣдованія со стороны Θεофана, новое слѣдствіе и ссылка въ нерчинскій монастырь 347, 365. Упом. 374, 397, 399, 467, 471, 481, 576, 609, 611, ц. 2. Смерть его: 271.
Георгій Конисскій, архіеписк. бѣлорусскій, 32.
Георгій, саровскій монахъ. См. *Зарыкинъ Григорій*.
Герасимъ, эконоль архіерейск. дома Ѳ. Прокоповича. Юмористическія стихотворенія къ нему Θεофана, за приготовленіе хорошаго солоду, 641—642. Упом. 643.
Герасимъ, іером. при домѣ пресвящ. Леониды, 431.
Герасимъ, іеромонахъ, регентъ придворнаго хора. Упом. 570.
Гергардъ, протестантскій богословъ, профессоръ богословія въ Іенѣ, 18.
Германъ, архим. занкопасскаго монастыря, 332.
Гермогенъ, риторъ II вѣка, 13.
Гмелинъ, ученый путешественникъ по Сибири. 623.
Гнѣдичъ, Н. И. Отзывъ его о трагикомедіи Θεофана «*Владимиръ*», 8.
Голыковъ, анекд. у него о Львѣ Юрловѣ, 282, п. 2, и о Θεофанѣ 628, 629, п. 1.
Голыцина, Настасья, княгиня, 438, п.
Голыцынъ, кн. Дм. Мих. кіевскій губернаторъ. Упом. 20, 116, 210, 256, 259, 281, 282, 381, 382, 466, 469, 507, 576. Объ отношеніяхъ его къ Θεфану Прокоповичу 607.
Головачевъ, судья новск. мон. 165.
Головинъ, графъ, вице-канцлеръ, упом. въ дѣлѣ о бѣлорусской епархіи, 419, 420, 421.
Головкинъ, графъ, канцлеръ. Упом. 116, 160, 164, 257, 281, 282, 296, 375; письмо къ нему Θεофана Прокоповича, 587—588.

- Головничъ, ректоръ кievской акад., 19.
 Голдбахъ, академикъ. Представляя проектъ о составленіи исторіи Академіи Наукъ, 624.
 Гоптъ, голландецъ. Случай съ Д. Юрловымъ у него на ассамблеѣ, 282, п. 2.
 Горбуновъ, богадѣленный нищій, переписчикъ пасквилей на Беофана, 336.
 Горжанецкій, Михаилъ, ученикъ шк. Ф. Прокоповича, 634.
 Горжанецкій, Николай, ученикъ школы Ф. Прокоповича, 634, 636.
 Грехъ, Николай, ученикъ школы Ф. Прокоповича, 637.
 Григорій, послушникъ берюк. пустыни, списывавшій иконы юродиваго Тимофея Архиповича, 511, 558.
 Григорій XIII, папа римскій, 4.
 Григорьевъ, Петръ, протопопъ петропавловскій, снуд. ассесоръ, 98, 97, 162, 165, п. 1. 172.
 Гросъ, профессоръ академическ. гимназій. Письмо къ нему Беофана Прокоповича, 618—619. Упом. 622.
 Гротъ-Глуренъ, шведскій посланникъ въ Константинополь, 422.
 Гуго-Гроцій, 422.
 Гугуревичъ, ректоръ кievской академіи, 19.
 Гугуревичъ, іером. соф. кievск. монастыря, 332.
 Гуляничъ, Степанъ, ученикъ школы Ф. Прокоповича, 634.
 Гумбертовъ Менаандръ. 609, п. 1.
 Гюлгенсъ, Христофоръ, сочинитель атеистической книги, 264.
 Гюссонъ, баронъ, письма его къ пастору англиканской церкви въ Россіи, Томасу Коусе, 627, п. 1.

Д

- Давидъ Навинскій, архим., издатель сборника «Miscellanea sacra». 602.
 Давидъ Скалуба, оберъ-іером. въ низовомъ посадѣ, потомъ архим. новг. андріеива монастыря. Упом. 202, 332. Рекомендательное письмо о немъ Беофана Прокоповича къ епископу черниговскому Иродіону Журавковскому 586—587.
 Давыдовъ, Алексій, секретарь гварскаго архіерейскаго дома, 478, 480, 492.
 Давыдовъ, Панкратъ, князь, зять Георгія Дашкова, 185.
 Далекоръ, римск. ксендъ, духовникъ сохратившейся въ католичество И. П. Долгоруковой, 372, п.
 Дамаскинъ Рудневъ, авторъ латинской (готской) біографіи Беофана, 8, 508, п. 1.
 Дашковъ, Андрей Яковл., стольникъ, братъ Георгія Дашкова, 185, п. 1, 354.
 Дашковъ, Борисъ Яковл., братъ Георгія Дашкова, 185, п. 1.
 Дашковъ, Иванъ Алексѣевичъ, стольникъ, дядя Георг. Дашкова, 185, п. 1.
 Дашковъ, Федоръ Яковл., братъ Георгія Дашкова, 185, п. 1.
 Девьеръ, полиційм. Упом. 165.
 Деметъевъ, Аврамъ, штурманъ охотской команды. Упом. 685.
 Деметъевъ, Василій, тарскій купецъ. Упом. 508, 509.
 Демидъ, разстрига, бывшій судальск. епископъ Доснеей. Упом. 666.
 Денисовъ, канцеляристъ, арестованъ по дѣлу о подметномъ письмѣ къ Беофану, 496.
 Дикасторія Духонная, въ Москвѣ, сост. въ вѣдѣніи св. Синода, 99, п. 1. Слѣдствіе надъ нею, 565.
 Дмитрій, митр. ростовскій. 116, 436.
 Дмитрій, іеромонахъ, сосланный изъ Кіева въ синомовъ монастырь. Упом. 525.
 Діодоръ, іеромонахъ стронниискаго монастыря, первый строитель беряковской пустыни, 557.
 Діонисій Ареопагитъ. Упом. 217, 575.
 Діонисій, архим. андріеива монастыря. Упом. 100, п. Участвуетъ въ ассамблеяхъ Теодосія Яновскаго 112, п. 1.
 Діонисій, кержескій раскольническій мон., ученикъ Рѣшилова. Упом. 472.
 Дмитрій Ожелевъ, архим. свіазскаго мон., (впослѣдствіи митрон. новгородскій) 669, п.
 Дмитріевъ, Грагорій, купецъ. Упом. 558.
 Дмитріевъ, Иванъ, ученикъ школы Ф. Прокоповича, 634. 637.
 Дмитріевъ, Несторъ, ученикъ школы Ф. Прокоповича, 634, 650, 637.
 Дмитріевъ, Степанъ. Тоже.
 Дмитріевъ, Степанъ, купецъ. Упом. 556.
 Долгорузій, кн. Алексій Григ. 249.
 Долгорузій, кн. В. В. Упом. 534, 584.
 Долгорузій, кн. В. Л. 256, 258.
 Долгорузій, кн. Ив. Ал. 249.
 Долгорузова, княжна Екат. Алексѣевна, невѣста Импер. Петра II, 249.
 Долгорузова, Анна, дочь кн. Сергія Долгорукова, 373, п.
 Долгорузова, княгиня Ирина Петровна, урожд. княжна Голлицына; сохранившаяся въ католичество. 369—370.

- Долгорукова, Марья**, княгиня. Показанія ея по дѣлу Зварыкина и саровскихъ и бераюковскихъ старцевъ, 559—560.
- Долгоруковы, Александръ и Владимиръ**, дѣти кн. Сергѣя Долгорукова: отправлены къ учителямъ ал.-невск. семинаріи для утвержд. въ правосл. вѣрѣ, 878, п.
- Долгоруковъ, Николай**, сынъ кн. Сергѣя Долгорукова, сосланъ въ саввинъ сторожевскій мон. 878, п.
- Долгоруковъ, Сергѣй**, князь, статскій сов. 869. Сосланъ въ саввинъ сторожевскій мон. 873, п. Упом. 576.
- Доросей, іеромонахъ саровской пустыни**, 521, 537.
- Дорофей Кротковичъ**, митрополитъ Смоленскій, 463.
- Досифей**, архим. саввина сторожевскаго мон. Назначенъ въ составъ конференціи Сенага съ Синодомъ объ устройствѣ Синода, 281.
- Докторовъ, столярникъ**. Упом. 557.
- Дубровякъ, подручникъ**, 569.
- Дудинъ, синод. оберъ-секретарь**. Упом. 172, 290, 292, 348, 350, 358, 362, 363, 443, 470, 542, 544, 549. Арестъ его, судъ, пытки, ссылка въ Сибирь и конфискація имущества 663—667. Возвращеніе изъ ссылки, 675.
- Дурасовъ, секр. московской типографіи**, 434.
- Дювъ Лиріковій, испанскій посланникъ**, 257, п. 1. 259, п. 1. 370, 379, 410, 411, 426, 438, 612, п. 1.

Е

- Евдокимовъ, священникъ новолодожской соборной церкви, сопровождаетъ гробъ Ѳ. Прокоповича въ Новгородъ**, 648.
- Евдокимовъ, учитель тверск. сем.** Отзывъ его о Ѳеофлактѣ Лопатинскомъ, 670—671.
- Евдокія Ѳедоровна Лопухина, царица**, 190, 240, 284, 295, 557, 686, п. 1.
- Евгеній, митр. кіевскій**, 2, 4, 7, 279, 294, 590, 591.
- Евксимъ, іерод. невскаго мон.** 882.
- Евсепій Леонтовъ, іером. московскаго крестовоздвиг. мон.** Упом. 851. Назначенъ слѣдователемъ въ бераюковскую пустынь, 556.
- Евфимій, митроп. сарскій и подонскій**, 538.
- Евфимій Коллетти, въ мѣрѣ Ливерій, (Елевѣріи).** Путешествіе его за гра-

- ницей съ царевичемъ А. П. Арестъ, лишеніе священства и ссылка въ соловецкій монастырь 376, 377. Постриженіе въ монашество 379. Архимандритъ новоспаск. мон. и членъ Синода, 379, 280, 288, 371. Сношенія съ Рибейрой, 379. Участіе въ изданіи Новаго Завѣта на народномъ греч. языкѣ, 416. Назначенъ членомъ слѣдственной комиссіи по дѣлу Сергѣяма Аріона, 417. Арестъ, 425. Исключеніе изъ Синода, лишеніе священства и монашества, 481. Слѣдствіе, допросы и показанія, 481—434. Упом. 448, 537. Смерть въ крѣпости, 674.
- Екатерина I, Императрица.** Упом. 100, 141, 142. Возшествіе ея на престолъ, 147—149. Упом. 150, 152, 182, 191, 192, 195, 228, 224, 230, 256, 261, 267, 268, 270, 271, п. 3, 4, 5, 272, п. 6. 277, 342, 378, 437. 488, 465, 468, 492, 551, 565, 576, 627, 669.
- Екатерина Иоанновна, великая княжна**, 337, 340, 354, 376, 492, 495, 541, п. 1, 661.
- Елизавета Петровна, цесаревна, потомъ Императрица.** Упом. 27, 250, 266, 267, 296, п. Указъ ея св. Синоду касательно отступниковъ отъ православія, 373, п. Упом. 386, 491, 545, 548, 549, 551, 568. Письмо ея къ Ѳеофану Прокоповичу о присылкѣ пѣвчихъ для участія въ комедіи, 569. Упом. 571, 612, п. 1, 653. Посѣтила Ѳеофлакта, по освобожденіи его изъ крѣпости, 670. Вступленіе на престолъ и манифестъ о дарованіи прощенія преступникамъ, 672. Проловѣди въ ея царствованіе 668—670.
- Емельяновъ, Андрей, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича**, 637.
- Епифанъ, печерскій монахъ**, 332.
- Епифаній Тихоровскій, архим. пѣжинскій**, 20, 332, 444, 581.
- Епифаній, бѣглый архимандритъ**, 668.
- Еремѣевъ, Наумъ, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича**, 637.
- Ершовъ, В., московскій вице-губернаторъ, потомъ судья монастырскаго приказа**, 99.
- Ершовъ, Великииъ, келарь троицкаго подворья**, 486.
- Ефремъ, арестантъ Камен. вологод. мон.** 356.
- Ефремъ Короткій, (въ мѣрѣ Евдокимъ), іеромонахъ саровской пустыни**, 524, 534, 541. Прѣжняя жизнь его, 542. Ссылка въ Оренбургъ; возвращеніе 704, 704.

Ж.

- Живницкій, Михаилъ**, ученикъ школы Ф. Прокоповича, 688, 684.
Жуковъ, тверскій канцеляристъ. Оговоръ его Козьменкоу. Допросы и освобожденіе, 660—661.
Жураковскій, гетманскій судья, 446.
Жюбе Жакъ, (извѣстный также подъ вымышленнымъ именемъ Лакура), духовникъ принявшей католичество княгини И. П. Долгоруковой. Пребываніе его въ Москвѣ и совѣщанія съ русскими духовными о соединеніи церквей, 869—871.

З.

- Замятинъ**, Григ., директоръ свнод. типогр. 100, п., 549.
Замыцкій, капитанъ-поручикъ преображен. полка, командированъ для разбора дѣла между псковскимъ еп. Варлаамомъ и воеводою княземъ Солнцевымъ, 846.
Зарудновъ, суперъ-интендентъ: ему поручено наблюденіе за иконописаніемъ, 100, п.
Зварыкинъ, Григорій; въ монашествѣ Георгій; монахъ саров. пустыни; показанія его объ отреченіи отъ Христа и сношеніи съ бѣсами 521. Розыски свнод. канцеляріи и показанія Зварыкина, 522—523. Довось на него саровскаго іеромон. Іосіи; арестъ Зварыкина и берлюковскихъ и саровскихъ старцевъ. Розыски конторы Тайной канцеляріи, 523—525. Пересылка Зварыкина и другихъ арестованныхъ въ Петербургъ; допросы въ Свнодѣ, показанія Зварыкина, 526—527. Упом. 584, 526, 538. Новые допросы и показанія Зварыкина, 544—553. Лишеніе сана 553. Упом. 565, 566, 568. Ссылка въ Сибирь. Возвращеніе изъ Сибири; смерть, 701, 704.
Зварыкинъ И. Г., придворный мундшенкъ. Упом. 518.
Звѣревъ, Яковъ, ученикъ школы Ф. Прокоповича и потомъ начальникъ архива св. Свнода, 634.
Зейлонъ, упом. 467, 488.
Зеринковъ, Адамъ, Чехъ, авторъ книги: «О исхожденіи Св. Духа противъ латинянъ» 508.

И.

- Ивановъ**, Иванъ, ученикъ школы Ф. Прокоповича. Упом. 634, 646.

- Ивановъ**, Максимъ, ученикъ школы Ф. Прокоповича, 637.
Ивановъ, Петръ, свящ. успенскаго собора, 387.
Ивановъ, Семень, ученикъ школы Ф. Прокоповича. Упом. 649.
Иванъ, иродивый. Упом. 556, 559.
Игнатій Смола, итроп. коломенскій, 190. Біогр. его 190—194. Упом. 226, 228, 239, 285, 286, 291. Ссылка въ свѣяжскій монастырь и дальнѣйшая судьба его, 341—345. Упом. 374, 481. Освобожденіе его, возвращеніе архіерейскаго сана и смерть, 672.
Игнатъевъ, Яковъ, духовникъ царевича А. П. Письма къ нему царевича о Евѣніѣ Коллетіи, 376.
Ижоринъ, оберъ-секретарь. Упом. 682.
Извольскій, офицеръ. Поручено ему забрать бумаги и переписку А. В. Макарова, 561.
Измайловъ, ген.-майоръ, членъ военной коллегіи, 165, 177, 178, 179, 647, 652.
Иларіонъ, архіеп. казанскій 362.
Иларіонъ, архим. горницкій. Назнач. въ конференцію Сената съ Свнодомъ, объ устроеніи Свнода, 281. Членъ Свнода 286. Упом. 347.
Иларіонъ, архим. новоспасскій, членъ Свнода. Присутствуетъ при присягѣ Феофилакт. Лопатинскаго, 489. Смерть его, 490. Погребеніе, 491.
Иларіонъ Властелинскій, троицкій архим. 282.
Иларіонъ Роголевскій, московскій донской архим. 335.
Инокентій Ждановичъ, іеромонахъ, намѣстникъ новопечерскаго свѣнскаго мон. Представляемъ былъ въ кандидаты на киевпечерскую архимандрію, 299.
Инокентій Кульчицкій, (св.) епископъ переяславскій. Назначеніе его въ Китай, 98, п. 1.
Инокентій, печерскій старецъ, 500.
Инокентій, еписк. иркутскій. Принимаетъ къ себѣ ссылнаго Филиппова, 673. Покровительствуетъ ссылному же Платону Малиновскому, 676.
Иривархъ, архим. киринло-бѣлозерскаго монастыря. Представленъ былъ въ иркутскіе епископы, но неутвержденъ, 91.
Иривархъ, іером. саровской пустыни, 536, 555.
Ириней Фальковский, ректоръ кievской академіи, 19, п.
Иродіонъ Жураковскій, епископъ черниговскій. Письма къ нему Фео-

- фана Прокоповича, 578, 579, 580, 581, 582.
- Исаевичъ**, игуменъ почаевского монастыря, 7.
- Исаия**, (въ мирѣ Осипъ) печерскій старецъ, намістникъ чолнскаго монастыря; арестъ его, заключеніе въ крѣпость; доносъ на него Феофана Прокоповича; дерзость его въ присутствіи Синода и отсылка въ Тайную канцелярію, 500—502. Наказаніе плетью и ссылка въ соловецкій монастырь, 504. Переѣзъ хѣста ссылки на Сибирь; возвращеніе изъ ссылки и смерть его въ киево-печерскомъ монастырѣ, 504.
- Исаія**, іером. иверскаго мон., духовникъ Аврамова. Упом. 413, 414, 456, 457. Наказаніе и ссылка въ дальній мон. 459.
- Исаія Яонискій**, іером. тверскаго архіерейскаго дома. Упом. 659—660.
- Исаія**, митроп. нижегородскій, 29.

I.

- Иаковъ**, (Иванъ), Кучинъ, іеромонахъ саровской, потомъ берлюковской пустыни. Упом. 522. Арестъ его, 523. Лишеніе монашества и передача на изгнание въ Тайную канцелярію 532. Упомини. 535, 550, 568, п. 1, 701, 702.
- Иаковъ**, іером. Переяславля-замѣскаго мон. 387.
- Иаковъ**, іеромонахъ солбиинскій. Упом. 435, 451. Показаніе его и ссылка въ дальній монастырь, 495. Упом. 526.
- Іерофей**, архим. донской, потомъ новоспаскскій, совѣтникъ св. Синода 89, 90. Упом. 332, 379.
- Іерофей**, строитель Флорищевой пустыни. Упом. 521.
- Іеосей**, архим. спасо-каменскій, 351, 354, 355, 356.
- Іисуоъ**, іером. анзерскаго скита, прозорилецъ, 546.
- Іоакимъ**, патріархъ, 85, 392.
- Іоакимъ**, архим. донскаго монаст. 112. п. 1.
- Іоакимъ**, архіеп. ростовскій, председатель синодальной конторы. Упом. 517, 554. Показаніе его при слѣдствіи надъ духовн. дикастеріею, 566—568. Упом. 665.
- Іоакимъ**, еписк. переяславскій, 285.
- Іоакимъ**, епископъ суздальскій. Назначенъ въ составъ конференціи Сената съ Синодомъ объ устроеніи Синода,

280. Членъ Синода, 286. Назначенъ депутатомъ при допросѣ Льва, еп. воронежскаго, 289.
- Іоакимъ**, іеромонахъ, при домѣ Феофана. Сопровождалъ гробъ его въ Новгородъ, 648.
- Іоанникій Ожиготовичъ**, архидіак., намістникъ кievской митрополіи. Письмо къ нему Феофана Прокоповича, 21. Назначенъ былъ кандидатомъ въ епископы Иркутскіе, 91. Упоминается 500.
- Іоаннъ Алексѣевичъ**, Царь русскій, 163, 329, 537, п. 1.
- Іоаннъ**, (въ мирѣ Иванъ Фѣдоровъ), строитель саровской пустыни, іеромонахъ. Упом. 521. Арестъ его, 523. Свѣдѣнія о его жизни, 533—534. Письмо его къ саровской братіи по поводу болѣзни Іосіа, 535. Упом. 554, 568, п. 1. Смерть его.
- Іоаннъ**, іером. богородицкой пустыни, 520.
- Іоаннъ Максимовичъ**, архіерей сибирскій, 91.
- Іоаннъ**, митроп. астраханскій, 283.
- Іосафъ**, іером. астраханскаго тронскаго мон. 283.
- Іосафъ**, іеросхимонахъ, казначей Кириллова мон. 179.
- Іосафъ Кроковскій**, митр. кievскій, 21, 107.
- Іосафъ Леднѣвичъ**, іеромон. могила. николаевскаго мон. 254, 255, п. 1.
- Іосафъ Млаевскій**, автономскій и потомъ калужскій архим. Упом. 382, 381, 382, 388. Свѣдѣнія о немъ 462—463. Отношенія его къ Феофилакту, архіеп. тверскому 463—466. Близость и разговоры съ Рѣшиловымъ, 463—469. Порученіе ему отъ Феофилакта объ исходатайствованіи позволенія писать противъ Буддея, 468. Подозрѣнія на него Феофана, по дѣлу о подметномъ письмѣ. 469—470. Слѣдствіе, допросы и его показанія, 475—475. Упом. 478, 483, 484, 485, 491, 492, 656. Допросы его въ Тайной канцеляріи, 657—658. Новый оговоръ его Козьменкою, 658—660. Пытки, 661—662. Заключеніе въ крѣпости, 662—664. Освобожденіе и отсылка въ монастырское братство, 678.
- Іовъ**, митр. новг. Меньшиковъ рекомендуетъ ему Феофана, 15. Упом. 29, 77, 78, 341, 583, 648.
- Іовъ**, раскольничій игуменъ, 472.
- Іоша Свѣчицъ**, іеромонахъ новг. архіерейск. дома, 512.

Юна Салжикѣвъ, архим., синод. ассессоръ, производитъ слѣдствіе въ Новгородѣ по дѣлу Теодосія, 170—171.

Юна, въ мірѣ Осигъ, іеродіаконъ троицкаго въ Москвѣ подворья; пасквианъ его на Феофана, 297—300. Дѣло объ этомъ въ Кабинетѣ, 800—808. Показанія Юны, 808—809. Лишеніе сана и пытка, 811—812. Ссылка на Валаамъ, 884. Возвращеніе для новыхъ допросовъ, 836. Новая показанія и очныя ставки съ оговоренными имъ лицами, 887—889. Упом. 412, 427. Подозрѣнія на него по дѣлу подметнаго письма и пасквиля, 434—437. Упом. 451, 494. Смерть его, 497. Упом. 540.

Юсифъ, архіеп. грузинскій, викарій новгородскій, 586. Совершаетъ погребеніе Феос. Прокоповича, 648.

Юсифъ, архип. казанскаго мон. 475.

Юсифъ Волчанскій, учитель кievск. акад. 83, 255.

Юсифъ, іером. волог. Каменчаго мон., духовникъ Дашкова, 358.

Юсифъ, митроп. псковскій 27—148.

Юсифъ, строитель валаамск. мон. 834.

Юсифъ Рѣшиловъ, іеромонахъ, бывший раскольникъ. Феофилактъ Лопатинскій, архіеп. тверскій, беретъ его изъ Петербурга въ свою епархію и назначаетъ игуменомъ въ Кашино, 460. Непростойныя поступки его и увиданія Феофилакта, 461—462. Сближеніе съ казанскимъ архим. Іоасафомъ Маевскимъ; изъ бесѣды, 462—464. Назначеніе игуменомъ клобуковскаго мон. 466. Посылка его за противозаконныя поступки подъ началъ къ Іоасафу въ Калезинъ мон.; Рѣшиловъ уходитъ въ Вязиковъ мон., 469. Подозрѣнія на него Феофана въ составленіи подметнаго письма; арестъ его, допросы и показанія 470—478. Рассмотрѣніе Феофаномъ его бумагъ и писемъ, 478—474. Оговоръ Рѣшиловымъ равныхъ лицъ, допросы ихъ, 475—477. Лишеніе Рѣшилова сана и отсылка въ Тайную канц. для дальнѣйшаго изслѣдов. 477—478. Очныя ставки его съ оговоренными имъ лицами 482—483. Упом. 484, 485, 487, 488, п. 491, 492, 493, 504, 506, 554, 556, 557, 558, 562, 664, 666. Прощеніе и отправленіе его въ монастырское братство, 678.

Юсифъ Самгинъ, саровскій старецъ, потомъ берлюковскій строитель. Упом. 521, 523. Арестъ его при Синодѣ 523. Упом. 524, 525. Очныя ставки его съ Зварыкинныиъ, разиорѣчія и подозрѣ-

нія слѣдователей, 526—527. Лишеніе монашества и передача на мѣстзаніе въ Тайную канцелярію, 632. Свѣдѣнія о немъ, 534—537. Показанія его объ юродивомъ Тимоѣѣ Архиповичѣ, 537—547. Объявленіе его о великомъ злоумышленіи, 548—549. Допросы и показанія подъ пыткой, 551—552. Новая пытка; очная ставка съ Зварыкинныиъ, 553. Упом. 557. Показанія на берлюковскомъ слѣдствіи, 557—558. Новый допросъ и показанія Самгина 561, 568, п. 1. Освобожденіе изъ крѣпости и отсылка въ монастырь на пропитаніе, 678.

Луотъ, берлюковскій монахъ, 557.

К.

Кабинетъ. Учрежденіе его и составъ, 296. Производится въ немъ дѣло о Родышевскомъ, іерод. Іонѣ и о подметномъ письмѣ, 311, 323, 323, 410, 426, 440, 451, 455, 457, 473, 486, 489, 494, 510, 654, 656, 666; о богопротивныхъ сборищахъ, 506. Докладъ его Императрицѣ объ оставшейся по смерти Феофана школѣ, 634—636 и распоряженія по полученіи о томъ указа, 636—637.

Калезинъ, іезуитъ, духовникъ Лудовика XIII, 18.

Каваржиновъ, секретарь Тайной канцеляріи, 801, 835, 839.

Калнинъ, Василій, канцеляристъ, 560.

Калнинныиъ, пратріархъ константинопольскій, 418.

Калиновъ, архіеп. тверскій. Доношеніе М. Стефана о смерти его Государю Петру I-му, 91.

Калиновъ Залешскій, въ мірѣ Кондрать Ивановичъ, архидіаконъ, назначенъ администраторомъ бѣлорусской епархіи; жалобы на него митрополита кievскаго; слѣдствіе; вызовъ въ Москву; оправданіе; назначеніе межигорскимъ архимандритомъ; интриги его противъ бѣлорус. еп. Арсенія Берко; новое слѣдствіе, лишеніе монашества и священнаго чина; ссылка въ Сибирь и смерть его, 264—265.

Калнинныиъ, Антошъ, ученикъ школы Ф. Прокоповича, 634, 637, 649.

Калнинъ, Ивашъ, ученикъ школы Ф. Прокоповича, 634, 649.

Калнинъ, Павелъ, ученикъ школы Ф. Прокоповича, 649.

Калнинныиъ, Ульянъ, ученикъ школы Ф. Прокоповича, 634, 637, 949.

Кантакузинъ, князь. 410, 411.

Кантемиръ, Антиохъ, князь. Сатаричъ. отзывъ его о Варлаамѣ, архим. тропицкомъ, 278. Упом. 595, 599, п. 1. Стихотвореніе къ нему Θεοφана, 907—908. Благодарственное стихотвореніе его къ Θεοφану и отрывки изъ посвященной ему сатиры. 658—609. Стихотворное посланіе къ нему Θεοφана во время борьбы съ Дашковымъ и отзывъ Кантемира, 610—612. Участвуетъ въ событіяхъ 1780 г. 612. Характеристика его. 612—618. Сообщаетъ свидѣнія о Маллардѣ, 595.

Кантемиръ, князь Дмитрій, Валахскій господарь. Упом. 2, п. 1. Возраженіе его на «Первое ученіе отрокомъ», 50—54. Упом. 377, 378.

Канцеляріи: Инквизиторск. дѣль, въ Москвѣ, подъ вѣдѣніемъ св. Синода, 99, п. 1.

Преображенская, 242, 348, 311. Донесаніе Θεοφана преобр. канц. о Родышевскомъ, 197—201. Родышевскаго доноса на Θεοφана въ противностяхъ церковныхъ, 202. Отзывъ Θεοφана, 205—219. Указъ Петра II о закрытіи преображ. канцеляріи, 248.

Розыскихъ раскольниковъ дѣль, въ Москвѣ, подъ вѣдѣніемъ св. Синода, 99, п. 1.

Тайная розыскихъ дѣль. Учрежденіе ея въ Москвѣ, 297. Переводится въ С.-Петербургъ, съ названіемъ походной, 335. Переименовывается Тайною «московская» — конторой, 335.

Карлъ Петръ Ульрихъ, сынъ голштинскаго герцога и царевны Анны Петровны, послѣ—Императоръ Петръ III. Упом. 249, 492.

Кафтыревъ, В. И., совѣтникъ монастырскаго приказа, стольникъ. 100, 517, 518, 520, 549, п. 1.

Кафтыревъ, Д. С., лейтенантъ гвардіи. Упом. 518.

Квезингедтъ, протестантск. богословъ, ректоръ и профессоръ виттенбергскаго университета, 18.

Кикинъ, Александръ, 343, 144.

Кикинъ, Иванъ, 143, 144.

Киприанъ, архим. андроніевскаго мон. 332.

Киприанъ Жоховскій, митр. кіевскій, 4, п. 1.

Кириллъ Флоринскій, законоспаскскій архим. и ректоръ московской академіи. 668, п. 3.

Кириллъ Лукарій, константинопольскій патріархъ, 416.

Кириллъ и Меѳодій (св.), просвѣтителіи Славянъ. Ложная о нихъ повѣсть и разборъ ея Θεοφилактоу Лопатинскимъ, 30.

Климентъ XI, папа Римскій. 6, 410.

Кожинъ, Никита, гарденаринъ, зять М. П. Аврамова, 415, 682.

Козыменка, Василій, малороссійинъ. Показанія его на Іоасафа Маевскаго и его служителей 658—661. Ссылка въ Каменный мон. 678.

Колобовъ, Степанъ, вагенштейстеръ великой княжны Екатерины Іоанновны. Упом. 337, 339, 495.

Колумелла, Алексій, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича. 638.

Коль, академикъ, авторъ сочиненія: «*Ecclesia Graeca Lutherizans*». 45, 627.

Константиновъ, Иванъ, вологодскій подъячій, 310. Показанія его, 311, 312, 333, 334.

Конторы: Придворная, 64, п. 2.

Тигурская, въ С.-Петербургѣ, сост. подъ вѣдѣн. св. Синода. 99, п. 1.

Корнѣевъ, Деметій, подъячій солиан. прав. 83.

Корфа, баронъ, президентъ Академіи Наукъ. Письмо къ нему Θεοφ. Прокоповича, 624—625.

Коричаловъ, Иванъ, купецъ. Упом. 655.

Косою, Михаилъ, изувѣръ. Отлученіе его отъ церкви за оскорбленіе святыхъ, 64, п. 2.

Котельниковъ, Семень, ученикъ шк. Ѳ. Прокоповича. 634, 637.

Красильниковъ, ученикъ моск. акад. Арестъ его по дѣлу Евенія Коллети, 425. Участіе въ переводѣ сочин. Рибейры противъ апологіи Буддея на «Камешъ Вѣры» 426.

Красновъ, подъячій новгородской губернскаго канцеляріи. Подозрѣніе на него въ составленіи пасквиля на Государыню. Розыски и пытка, 512.

Кращенинниковъ, спутникъ въ путешествіяхъ доктора Стеллера, доставившій Академіи Наукъ, по смерти Стеллера, его рукописи. 624.

Бречетовъ, справщикъ московской типографіи, 329. Перевелъ на славянск. языкъ книгу Пущендорфа: «О должностяхъ челоука и гражданина».

Кривцовъ, Андрей, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича. 634.

Командоръ, Илья Борисъ, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича, а потомъ яв-

тендантъ его дома. Отправленіе его въ академическую гимназію, 638. Порученіе ему наблюденія за имуществомъ, оставшимся по смерти Теофана 647. Упом. 649, 632, 658.

Кудряцѣвъ, казанскій вице-губернаторъ, зять Дашкова. Упом. 354, 356, 362.

Курбатовъ, Алексѣй, 97, п. 1.

Кучинъ, Иванъ. См. *Іакошъ*.

Кушелевъ, новгородскій дворянинъ. Оговоренъ комиссаромъ невскаго монастыря Литвиновымъ по дѣлу о подметномъ пасквилѣ на Римскаго-Корсакова, 514.

Л.

Лаврентій, Горка, епископъ устюжскій. Упом. 494.

Лазарь Кобыловъ, іеромонахъ невскаго монастыря, 98.

Лакуръ, см. *Жюбе*.

Левенвольдъ, курляндскій резидентъ въ Москвѣ, 257, 296, 488, 668.

Левъ Заленскій, униатъ, прототроній кievской митрополи, епископъ владимирскій, 4.

Левъ Юрловъ, архим. горичскій, потомъ епископъ воронежскій. Упом. 183; 279; свѣдѣнія о его жизни, 282—287. Слѣдствіе надъ нимъ 287—289. Заключение въ крестный мон., 341. Письмо къ нему Ѡ. Прокоповича 579—580. Освобожденіе его, возвращеніе ему сана, пребываніе на покой въ московскомъ знаменскомъ монастырѣ и смерть его, 672.

Леонидъ, род. изъ Калуги, архим. высмокопетров., потомъ епископъ крутицкій, совѣтн. св. Синода, 89, 90, 431; присутствуетъ въ дух. диванстеріи, 100, 286—289; назнач. въ составъ конференціи Сенага съ Синодомъ объ устройствѣ Синода, 280. Присутствіе при присягѣ Теофилакта Лопатинскаго, 489. Упом. 477, 664.

Леонидъ, іером., 337, 339.

Лефорть, упом., 409, 410, 493.

Ливерій, грекъ, см. *Евфимій Коллетти*.

Литвиновъ, Василій, комиссаръ невскаго монастыря, упом. въ дѣлѣ о новгор. пасквилѣ на Государыню и Теофана, 513. Показанія его, 514.

Литвиновъ, Михаилъ, секретарь новгородскаго архіерейскаго разряда. Упом. 512, 513.

Лихуды Іоанннкій и Софроній, учителя, греки, присоединяются къ противникамъ Теофана, 38. Упом. 403.

Ломоносовъ, М. В. Упом. 632 *).

Лонцовъ, московскій посадскій. Арестъ его, 389. Наказаніе и освобожденіе, 495.

Лопухинъ, Абрамъ Ѡед. 437.

Лопухинъ, Гаврило, 437.

Лопухинъ, Ѡед. 437.

Лука Комашевичъ, іером. кадетскаго корпуса, послѣ епископъ казанскій. Посылается для исповѣдья княгини И. П. Долгоруковой, 373. Назначенъ въ число испытателей въ искренности обращенія къ православію пастора Маларда, 596. Учитель школъ Теофана и стихи къ нему Теофана, 638.

Лукинъ, Гурій, иподіаконъ твер. ар-

* При упоминаніи здѣсь имени М. В. Ломоносова можно замѣтить, что о покровительствѣ, оказанномъ ему Теофаномъ въ бытность его въ Законоиспасскомъ училищѣ, упоминается только въ одной, очень коротенькой и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ мало замѣчательной, біографіи Теофана, напечатанной въ *Соревнователѣ просвѣщенія и благодѣянія* (Труды Вольнаго общества Росс. словесности) 1819 г. ч. VI, стр. 233, съ подписью А. Р. Поводомъ къ напечатанію этой біографіи было сообщеніе митр. Евгениемъ въ редакцію этого журнала и потомъ напечатанное въ ономъ письмѣ Теофана въ Глуховъ къ вѣковому Обидовскому, оригиналъ котораго, заведѣльствованный Теломымъ, хранится въ бібліотекѣ кievской академіи. При этомъ случаетъ м. Евгений самъ хотѣлъ написать біографію

фію Теофана, но не успѣлъ (*Перекрестка м. Евгения съ Г. Р. Державиннымъ и Хоостомъ*, изд. Академіею Наукъ, 1868 г. стр. 174—178). Кому принадлежитъ напечатанная біографія Теофана, неизвѣстно. Между тѣмъ фактъ покровительства Теофана Ломоносову представляется невозможнымъ по крайній мѣрѣ съ той стороны, что во время ученія Ломоносова въ Законоиспасскомъ училищѣ Теофанъ могъ увидѣть его и оцѣнить его дарованія, такъ какъ онъ, вмѣстѣ со всѣмъ Синодомъ, находился въ Москвѣ съ 1729 по 1732 годъ и, по своей склонности къ учащемуся юношеству, конечно посѣщалъ Законоиспасское училище. Другихъ, болѣе достоверныхъ свѣдѣній объ этомъ, мы нигдѣ не встрѣтили.

хтер. дома. Донось его на архіеп. Теофлакта Лопатинскаго, 656.
Дупкинъ Прокопій, хлыстовскій, лжежрестость, 504.
Дупкинъ, Спиридонъ (въ монаш. Серафимъ) хлысть, (перод. симон. мон.) Арестъ его по дѣлу о богопротивныхъ сборищахъ въ Москвѣ; привлеченіе къ дѣлу о подметномъ письмѣ къ Теофану Прокоповичу; лишеніе сана и монашества: допросы и показанія его, 504—506. Допросы и показанія въ Сумодѣ; письмо къ Дупкину изъ Тобольска; показанія его по поводу этого письма; ссылка въ Охотскій острогъ, 506—509.
Любомирскій, польскій князь, протекторъ Рѣшилова, 475.
Дубитинскій, П. ассессоръ монастырскаго приказа, 100, п.
Людвигъ Вильгельми, принцъ гессенъ-гамбургскій, 612, п. 1.
Лютеръ Мартинъ, 866, 888, 896, 898, 899.
Львовъ Иванъ, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича, 634.
Львовъ Сергій, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича, 634.

М.

Магнорубинъ авторъ ложной повѣсти о Кириллѣ и Мефодіѣ. Упом. 591, 80, п. 4.
Мазепа, гетм. Малороссіи, 210.
Макаріѣ, игумень водвижскій, 112.
Макаріѣ, монахъ берлюковской пустыни, 557.
Макаріѣ, іеромонахъ, строитель красногривской пустыни. Упом. 533.
Макаріѣ, іеродіакопъ. Протесты его о несогласіи малороссійскихъ церквей съ великороссійскими, 86.
Макаріѣ, іеромонахъ, переписчикъ пасквильныхъ тетрадей іеродіакона Іоны; допросы и показанія его; наказаніе и освобожденіе, 494.
Макаріѣ, архим. бѣжецкій. Сопровождаютъ гробъ Ѳ. Прокоповича въ Новгородъ, 648.
Макаровъ, А. В., кабинетъ-секретарь при Петрѣ В. Письмо къ нему Стефана Яворскаго, 63, п. 1. Упом. 85, 91, 92, 148, 169, 180, 184 п. 1; 194, 339, 378, 415, 437, 456. Привлеченъ къ дѣлу саровскихъ и берлюковскихъ старцевъ; арестъ его; показанія его и его жены, 560—562; отсылка о нихъ Теофана Прокоповича, 562—564.

Упом. о немъ 565, 682. Письмо его къ Импер. Аникъ изъ подъ ареста. Освобожденіе. Смерть, 698, 699.
Макаровъ, И. В. братъ А. В. Макарова, 560.
Макаръевъ, Прокопій, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича. Упом. 634, 636, 650.
Максимовичъ, писатель. Приписываетъ Теофану Прокоп. малороссійскія стихотворенія противъ яхолоубія и яхолоубствъ, 602.
Максимовъ, Иванъ, протопопъ москвскаго успенскаго собора. Назначенъ членомъ св. Синода, 286, 287.
Максимовъ, Иванъ, изувѣръ. Отлученъ отъ церкви за оскорбленіе святыхъ, 64, п. 2.
Максимъ Калининтанскій, жезевскій издатель Новаго Завета на греч. языкѣ, 424.
Малиновскій, Павелъ. См. «Платонъ Малиновскій.»
Маллардъ, Михаилъ Францискъ, англійскій пасторъ. Упом. 402. Переписка его съ Теофаномъ Прокоп., 591—595. Присоединяется къ церкви православной, 595—596.
Манштейнъ, 278.
Маньякъ, франц. резидентъ при рускомъ дворѣ, 256.
Маркевичъ, Андрей, губевскій полковникъ, одинъ изъ шести членовъ, которымъ было вѣрено управленіе Малороссіи по смерти гетмана Давида Апостола, 22, 252, 253.
Маркевичъ, Яковъ Андреевичъ, другъ Теофана Прокоповича. Знакомство его съ Теофаномъ 22; письмо къ нему Теофана, 24, 25, 26, 38, 39—43. Свиданіе Теофана съ Маркевичами въ Москвѣ, 252, 253.
Маркелъ Родышевскій (въ мірѣ Николай Романовъ), іеромонахъ, упоминаемъ, 3, 84, 88, 50, 154. Свѣд. о службѣ его, 155—158. Упом. 183, 188, 194. Протесты его на Теофана въ противностихъ церковныхъ и государственныхъ. Заключение Родышевскаго въ неск. мон., 195—222. Упом. 226, 230, 235, 237, 238, 239. Вѣгство изъ неск. мон. и отсылка въ симонѣвъ монастырь; новыя протесты, 260. Союзъ его съ архим. Варлаамомъ и Авраамомъ противъ Теофана, 273—279. Возобновленіе процессовъ съ Теофаномъ, 297—298. Сочиняетъ «Житіе Теофана Прокоповича», 298. Арестъ Родышевскаго, 301. Упом., 302, 304, 305. Показанія при допросахъ, 306—307. Упом., 309—310. Возраженіе его

на Духовный Регламентъ и указъ о монашествѣ, 818—827. Показанія при допросѣ о возраженіи на указъ, 827. Разныя сочиненія и письма Маркелла, сданныя въ тайн. канцелярію; допросы о нихъ и его объясненія, 827—882. Ссылка его въ кирилловъ-бѣлозерскій мон., 884. Упомин., 836, 837, 407; подозрѣніе на него со стороны Беофана въ составленіи подметнаго письма, 412. Иверское слѣдствіе, 418—415. Продолженіе его, 434—437. Допросы и показанія Родышевскаго о предикахъ Кохановскаго, 448—451. Упом., 484, 485, п. 1., 495, 500, 504, 508, 507. Привлеченіе его къ дѣлу Зварыкина и показанія его, 525—526. Упом., 527. Разборъ его тетради о монашествѣ Беофаномъ, 527—531. Упом. 535, 568, п. 1, 574, 575, 606. Отзывъ его на счетъ обученія музыкѣ въ школахъ Беофана и вообще въ дух. училищахъ, 632. Упом. 640. Передача Остерманомъ въ тайную канц. выписокъ, сдѣланныхъ Родышевскимъ изъ книги Баронія; допросы и показанія его. Освобожденіе изъ тайной канцеляріи и отсылка въ Синодъ для опредѣленія въ монастырь. Опредѣленъ архим. юрьева мон., и ректоромъ новгор. семинаріи; епископъ корельскій; проповѣдь его; смерть и погребеніе, 677—680.

Маркъ Фрагескій, святой зап. церкв. Упом. о канонѣ ему кабалнаго челоуѣка кн. Долгорукова, Козмы Любимова, 111, п. 1.

Мартини, иностранн. ученый, 627.

Мартыновъ, московскій посадскій. Арестъ его, наказаніе и освобожденіе, 495.

Мартыновъ, Вуколъ, купецъ, 556.

Марфа Матвѣева, царца, 282, п. 2.

Масалаевъ, Андрей; келейникъ и племянникъ Иосафа Маевского. Оговоръ его Козыменко. Показанія его, 659—661. Ссылка въ кирилловъ-новоозерскій монастырь, 673.

Матвѣева, Настасья Ермилова, вдова графа Матвѣева. Упом., 545. Показаніе ея по дѣлу саровскихъ и берлюковскихъ старцевъ, 560.

Матвѣевъ, графъ, 165, 259, 419, 534.

Медвѣдовъ, Сильвестръ. Упом., 35, 470.

Мелетій Чайковскій, игуменъ маркова мон., 462.

Мельхиодекъ, воскресенскій архимандритъ. Упом. 663.

Меньшиковъ, князь Александръ Дани-

ловичъ, рекомендуетъ Беофана новг. м. Юу въ юрьевскіе архимандриты, 15. Показываетъ вниманіе къ Беофану, 26, 27, 86. Присутствуетъ въ Сенатѣ при слушаніи дѣла о Феодосіѣ, 116. При Екатеринѣ правитъ дѣлами государства, 148, 152. Доношеніе ему Варлаама Овсянникова изъ сол. тюрьмы, 179, 718. Недоброжелательствуетъ Беофану, 195. Дочь его обручена съ Петромъ 2, 295—226. Покровительствуетъ Дашкову и Игнатію, 239. Паденіе его, 226. Беофанъ вспоминаетъ о притѣсненіяхъ отъ него гоштинскому герцогу и его супругѣ, 278. Упом. 539, 560, 576.

Меньшой Иванъ, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича, 633.

Мессершмидтъ, Данилъ Готлибъ; данцигскій ученый, приглашаетъ Петромъ 1-мъ путешествовать по Россіи; путешествіе по Сибири; кораблекрушеніе на возвратномъ пути на родину и возвращеніе въ С.-Петербургъ; пособіе ему отъ Беофана, 622—623.

Мессодій, митроп. ессалоникскій, 420.

Микенъ, докторъ, капелланъ Георгія, принца датскаго, 419.

Миллеръ, академикъ, путешественникъ по Сибири, 623.

Миша, с.-петерб. петропавловск. соб. свящ., 172.

Миниатъ, докторъ, грекъ, 423.

Миросовъ, Степ., моск. школьникъ. Упом. 660—661.

Митрофанъ, епископъ тверск. Письмо къ нему Амвросія, архиеп. новгородскаго, о внесеніи въ дѣлѣхъ почившаго тверск. архиепископа Беофакта, 670.

Митрофанъ, архим. святогорскій; письмо о немъ Беофана Прокоповича къ Епископу бѣлгородскому, 581.

Михайловъ, пѣвчій, 495.

Михайловъ, Петръ, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича, 636.

Михаилъ, архим. знам. мон. въ Курскѣ, 337, 437, 495.

Михаилъ III, печерскій монахъ. Авторъ письма къ лютеранскимъ богословамъ «О вѣрѣ восточной церкв.» Упом., 402, 589.

Мишка, саложникъ, изувѣръ. Преданіе его анаемѣ за оскорбленіе святныи, 64, п. 2.

Млодзьяновскій, Тома, польск. іезуитъ, знаменитый проповѣдникъ. Отзывъ о его проповѣдяхъ Беофана Прокоповича, 11—14.

Могиллянский, Евстафій, протоіерей, придворный проповѣдникъ, 688, п. 1.
Можеевъ, Иванъ, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича, 684.

Монастыри:

Александроневскій. Феоданъ написалъ для него уставъ, 189. Находится подъ протекціею Меньшикова, 224—225. Сильвестръ Холмскій посланъ туда въ заключеніе, 945, 463, 506.

Андреевскій, московскій, назначается для зазорныхъ младенцевъ, 142.

Андроньевскій, 832, 482.

Анзерскій, 546.

Берлюковская пустынь. Основаніе ея и первые строители, 557. Слѣдствіе въ оной, 558. Праговоръ Синода о разсылкѣ въ разные мѣста монаховъ берлюк. пустыни и продажѣ московскаго ея подворья, 558—559.

Бизюковъ, 469, 470, 475.

Битевскій, базиліанскій, 2.

Богословская пустынь, 57, 539.

Богословскій, разанскій, 723.

Богородицкій, женскій, переяславскій, 272.

Бажецкій, 648.

Борисоглавскій, 667.

Владимирскій, рождественскій, 556.

Воздвиженскій, 557.

Введенскій, арзамасскій, 583.

Вознесенскій, новодѣвичій, 141.

Валаамскій, 834.

Воскресенскій, ново-іерусалимскій, 475, 663.

Высокопетровскій, 112, 281.

Горицкій, 281, 286, 723.

Даниловскій, переяславскій, 270—278.

Донской, 90, 385, 723.

Духовъ, 456.

Знаменскій, курскій, 837.

Ивановскій, москов. женскій, 506.

Изерскій. Заключеніе въ немъ Аврамова, 834. Слѣдствіе Юрьева въ мверскомъ монастырѣ по дѣлу Аврамова, 418. Окончаніе слѣдствія, 455—458.

Ипатскій, 99, 381, 463, 469.

Казанскій, 462, 464, 475.

Кирилловъ бѣлозерскій. Заключеніе Родышевскаго, 834, 441, 91.

Кловуковскій, 461, 466, 475.

Колоцкій, можайскій, 582.

Красногривская пустынь, 538.

Крестный. Заключеніе въ немъ Льва еп. воронежскаго, 841.

Крестовоздвиженскій моск. 351.
Крыпецкій псковскій. Заключеніе въ немъ Сильвестра митр. казанскаго, 845.

Марковъ, 462.

Межигорскій, кievскій, 254.

Могилевская пустынь, 458.

Новоспасскій, 379, 489, 490.

Нажинскій, 484.

Пензенскій, 506.

Перервинскій, назначается для школы, 141. Выборъ архимандрита, 289.

Переславскій, залѣскій, 837.

Печерскій, кievскій, 832, 500.

Почаевскій. Основаніе его православными и дарственные ему записи; совращеніе въ уніатство, 9, 8.

Раковъ, 466.

Рязовъ, 478.

Саввинъ сторожевскій, 281, 378, 475, 483.

Саровская пустынь. Основаніе ея и первые начальники, 538. Слѣдствіе въ оной, 538.

Святогорскій, харьковскій, 581.

Свяскій новочерекскій, 299.

Симоновъ, 437. Экономъ его — хлыстъ Серафимъ Лупкинъ, 504, 506.

Солвнская николаевская пустынь, 554.

Софроніева пустынь, 485, 487, 496.

Спасокаменныя, вологодскій. Заточеніе въ немъ Георгія Дашкова, 847, 851.

Спасскій, казанскій, 843.

Спасскій, училищный моск., 208, 384, 425, 432, 499.

Толгскій, 355.

Тихвинскій, 458.

Троицкій Сергіевъ, 89; о художѣ состояніи его, 278, 283, 451, 475, 481.

Тручевскій Чолнскій, 501.

Уграшскій, 93, 169.

Чудовъ. Сколько было за нимъ крестьянъ, 141—142. Погребеніе въ немъ юродиваго, Т. Архановича. Предназначался подъ больницу, 141, 451.

Юрьевъ, 458.

Монашество. Указъ Петра В. 1724 г. объ устроении монашества, 189, 709.

Синодскій указъ о лучшемъ устроении монашествоующихъ, 515. Восраженіа М. Родышевскаго на указъ о монашествѣ, 387. Разборъ Феодана тетрадей Родышевскаго о монаше-

- ствѣ, 527. Случай незаконнаго по-
стриженія въ монашество, 557.
- Морозовъ** Феоdorf, подъячій новгород-
ской губернской канцелярїи. Привле-
ченъ къ дѣлу о пакетѣ, посланомъ
изъ Новгорода въ Сенатъ съ паскви-
лемъ на Государыню и Феофана, 511.
- Розыскъ**, 512. Ссылка въ Охотскъ,
514.
- Моосеймъ**, Лаврентій, протест. бого-
словъ. Диссертация его противъ главы
изъ Камня Вѣры «о наказаніи ерети-
ковъ» 369, 627.
- Мошкова**, жена коменданта, восприем-
ница Малаяда при присоединеніи его
къ прав. церкви, 596.
- Мултыжскій**, Яковъ, ученикъ школы
Феоф. Прокоповича, 634.
- Муршиновъ**, секретарь св. Синода, 486,
487, 489, 664.
- Муромцовъ**, копіистъ синод. канц.
Упом. 387. Арестъ его, 389. Освобо-
женіе, 495.
- Мусликъ-Пушкинъ**, Ив. Ал., графъ,
бывшій астрах. воевода, потомъ сена-
торъ и начальникъ монаст. приказа.
Письмо его къ Ф. Лопат. о школахъ,
32; упом. 89, 42, 43, 60, 61, 64, 94, 171,
375, 377, 391, 403, 404, п. а. 405 п. 466,
469.
- Мусликъ-Пушкинъ**, Платонъ. Ив.,
графъ, капит. лейт., вполн. казанскій
губернаторъ. Упом. 174, 176, 193, 362,
375, 424.

Н.

- Надвиржинскій**, Тимоф. Вас., духов-
никъ Петра В. 353, 332.
- Настасья**, хлыстовская старица, впо-
слѣдствіи разстрига *Анаст.* Упом.
505.
- Наталья Петровна**, государ. цесарев-
на. 87.
- Натїїй**, Готлибъ, лютеранскій пасторъ
въ Петербургѣ. Упом. 632.
- Небуоръ** (Нейгебауеръ) Мартинъ, учи-
тель царев. Алексѣя Петр., впослед-
ств. посланникъ въ Константи-
нополѣ, 421, 422.
- Неймакъ**, еврей въ домѣ Феофана, 641.
- Нектарій Титовъ**, троицкій казначей,
486, 475.
- Неофитъ**, архіеп. емилипополитанскій
418.
- Невторовъ**, Василій, ученикъ школы
Ф. Прокоповича, 634.
- Никитинъ**, Иванъ, художникъ. Арестъ
его по дѣлу о подметномъ письмѣ,

496. Наказаніе и ссылка въ Сибирь,
498. Возвращеніе изъ ссылки, 498.
Упом. 568.

Никитинъ, Родионъ, протопопъ моск.
арханг. собора. Арестъ его по дѣлу о
подметномъ письмѣ, 496. Показанія
его, лишеніе сана и ссылка въ Охот-
скій острогъ, 496—498. Упом. 568.

Никитинъ, Романъ, живописецъ. Упом.
300, 387, 496, 497. Сылка его съ се-
мействомъ въ Сибирь по дѣлу о под-
метномъ письмѣ. Возвращеніе изъ
ссылки, 498. Упом. 568.

Никифоровъ, Илья, ассессоръ мона-
стырского приказа, 100.

Никифоръ, іеромонахъ, пострижен-
никъ богословской пустыни, строи-
тель берлюковской пустыни. 557.

Никодимъ, іером. иверскаго мон. 456.
Никодимъ, монахъ саровскій. Показа-
нія его противъ Іосіа, 547. Упом. 555,
558.

Никодимъ Оребилицкій, архим. ново-
стасскій, членъ св. Синода, присут-
ствуетъ при кончѣнїи Ф. Прокопови-
ча. 641. Упом. 647, 650.

Никольцевъ, Николай, ученикъ шко-
лы Ф. Прокоповича. 634.

Никонъ, архим. пензенскій. Упом. 506.

Никонъ, патріархъ, 341, 392, 476.

Ниротъ, баронъ, ливонскій поѣздчикъ,
владѣлецъ с. Альгъ и основатель въ
немъ семинаріи; вице-презид. ком-
мерцъ-коллегии, 49.

Новосильцова, У. М. Упом. 434.

Носовъ, Иванъ, дворянинъ новгород.
архіер. дома. Доносъ его на судью
архіер. дома архим. Андроника, 115.
Слѣдствіе, 116, 117, 118. Упом. 167.
Доносы его на Феофана Прокопови-
ча; содержится въ оковахъ въ архіе-
рейск. домѣ; допросы въ губернской
канцелярїи; отсылка въ Сенатъ, нака-
заніе, отсылка въ Тайную канцел. и
содержаніе въ оной, 244—248. Новый
доносъ его на Феофана 275—278. Упом.
436. О порціонныхъ ему «енгахъ» во
время ареста, 568.

О.

Одичцовъ, бурмистръ ростов. маги-
страта, 291.

Одноглазій, Яковъ, ученикъ школы
Ф. Прокоповича, 633.

Одоевскій, Иванъ, князь; вкладчикъ
берлюковской пустыни, 523, 534.

Олсуфьевъ, об.-гофм. двора Екатери-
ны I-й, 153, 154.

Орѣшко, Василій, ученикъ школы Θ . Прокоповича. 649.
Осиповъ, Яковъ, ученикъ школы Θ . Прокоповича, 636, 649.
Осипъ, разстрига. См. *Иона*, иерод. въ мирѣ *Осипъ*.
Осипъ. См. *Исаия*, печерскій старецъ.
Осташковъ, капитанъ. Арестуется казанск. вице-губернатора Кудрявцова, 362.
Остерманъ, графъ. 226, 246, 249, 267, 269, 296, 335, 407, 441, 468, 483, 484, 486, 552. п. 1. 576, 637, 654, 666, 674.

И.

Павелъ I, Императоръ. Письмо къ нему протоп. моск. арханг. соб. Алексѣева, 229.
Павелъ, архим. владимирск. рождеств. мон. Назначенъ членомъ слѣдствен. комиссiи въ берлюковской пустыни, 556.
Павелъ, монахъ съ Вѣтки. Упом. 663.
Павловъ, Андрей, копистъ. Упом. 337. Арестъ его 339. Наказанiе и освобожденiе его по дѣлу о подметномъ письмѣ, 495.
Павловъ, Григорій, ученикъ школы Θ . Прокоповича. 634, 637.
Павловъ, Михайло, ученикъ школы Θ . Прокоповича. 649.
Палехинъ, Тим., синодал. оберъ-секр. 171, 172. Уволенъ отъ этой должности по распоряженiю В. Т. Сов. 224.
Паладій Роговскій, ректоръ моск. академiи, 3.
Парменъ, диаконъ волог. Камен. мон., 358.
Парфеновъ, келейникъ Маркела Родшевскаго, отданъ въ солдаты въ Низовый корпусъ по дѣлу о подметномъ письмѣ, 495.
Патова, Захаръ, малороссiянинъ, 179.
Пафлутій, архим. борисоглѣбскiй, 667.
Пафлутій, иеродiak., первый инквизиторъ, 100.
Пахомiй, игуменъ колодецаго монашескаго мон. Назначенъ слѣдователемъ въ саровскую пустынь, 532.
Пахомiй, монахъ берлюковской пустыни. Показанiя его 534, 556, 558, 565.
Пашковъ, ворон. вице-губернаторъ, 284, 285.
Перфильевъ, Владимиръ, дворянинъ курскаго уѣзда. Упом. 437. Наказанiе и освобожденiе его, 495.
Перфильевъ, майоръ, присутствуетъ

при описи имѣнiя покойнаго Θ . Прокоповича. 652.
Петровъ, Иванъ, регентъ пѣвческаго хора цесаревны Елизаветы Петровны. Арестъ его, допросъ, показанiя и освобожденiе, 569—571.
Петрулинь, Яковъ, ученикъ школы Θ . Прокоповича. 634.
Петръ I-й Великiй, Импер. Всеросс. Назначаетъ Теофану гугменомъ кievобратск. монастыря и ректоромъ академiи, 17. Отправляетъ молодыхъ людей за границу, 31. Предложенiе ему сербскихъ богослововъ о соедин. церкви, 43. Упом. 57, 58, 60, 66, 70, 72, 76, 83, 84, 88. Благосклонность къ Петру Снѣлчу, архим. симон. монастыря, 90. Составляетъ планъ о преобразован. монастыря, 119. Исторiя Петра В., писанная Теофаномъ, 121—124. Поручаетъ Теофану составить изложенiе христiанскаго ученiя противъ ханжей и лицензiровъ, 127. Смерть Петра В. 146—147. Упом. 148, 149, 150, 151, 162, 163, 187, 188, п. 1, 223, п. 1, 224, 231, 235, 261, 262, 267, 279, 280, 282, п. 2, 283, 287, 313, 314, 327, 332, 340, 366, 369, 376, 377, 390, 396, 399, 400, 402, 403, 405, 416, 422, 430, 439, 463, 469, 480, 481, 484, 510, 523, 528, 546, 548, 549, 551, 560, 564, 573, 576, 577, 588, 590, 591, 606, 608, п. 1. 622, 624, 627, п. 1, 629, 654, 669, 686.
Петръ II-й, Импер. Всеросс. Первое время его царствованiя 223. Обрученiе его съ дочерью Меньшикова 225. Разсужденiя объ ученiи его 226. Коронацiя его 242. Склонность его къ княжнѣ Долгоруковой 296, 249. Смерть 249. Упом. 267, 275, 284, 370, 379, 396, 467, 476, 483, 564, 602.
Петръ III-й. См. Карлъ Петръ Ульрихъ.
Петръ Могила, митроп. кievскiй, 2.
Петръ Снѣлчу, сербъ, архим. симонова и потомъ александрон. мон. Свѣтъникъ св. Синода 89, 90. Присутствуетъ въ моск. синод. канторѣ 100. Докладываетъ импер. Екатеринѣ объ отказѣ Теофана и Теофилакта отъ ихъ новыхъ епархiй, 180. Петръ I-й жалуется ему панакiю, 224.
Петръ, архим., судья псковскаго архiereйск. дома, 49.
Петръ, строитель московской богословской пустыни. Упом. 539.
Пимень, архим. толгскiй, душеприкащикъ Георгiя Дашкова, 355.
Питиримъ, архиеп. нижегородск., наз-

наченъ членомъ св. Синода 260, 287. Присутствуетъ при кончѣннѣ Ф. Прокоповича, 646. Первенствуетъ при отпѣваннѣ его, 648. Феофанъ вручилъ ему реестръ наслѣдниковъ, 649. Упом. 240, 342, 650, 666.

Питиримъ, іером. нверскаго мон. 456.

Питиримъ, архим. казанск. спасскаго мон. 848.

Платонъ Малиновскій, архим. харьковскій, членъ Синода, 286. Сношенія его съ Родышевскимъ и Евенніемъ Колетти, 299, 332, 380, 384, 385, 416. Назначенъ членомъ свѣдств. комиссіи по дѣлу Серафима Аріона, 417. Арестъ его, Малиновскаго, 425. Исключеніе изъ членомъ Синода, лишеніе священства и монашества, 481. Свѣдствіе; очная ставка съ Евенніемъ Колетти, 481—482. Упом. 483, 486, 448; допросы и показанія его въ Тайной канц. 499 — 500. Упом. 501, 506, 507; прошеніе его объ увольненіи изъ-подъ ареста 674—675; лишеніе священнаго сана и монашества и ссылки въ Сибирь подъ именемъ *Паела Малиновскаго*, 675. Взять Иннокентіемъ еп. иркутскимъ въ школьныя учителя. Возвращеніе сана. Епископъ сарскій, архіепископъ московскій. Смерть его, 676—677.

Плаутинъ. Упом. 685.

Плещеевъ, судья канц. розыскныхъ расколовъ. дѣлъ, 100.

Покуска, Наутъ, ученикъ школы Ф. Прокоповича, 684.

Полиентъ, печерскій монахъ, 332.

Полжкарповъ, директоръ типографіи. Письмо его къ графу И. А. Мусину-Пушкину, 94, п. 2. Упом. 403, 404, 405, 611.

Полуботокъ Павелъ, полковникъ черниговскій, послѣ наказн. атаманъ, 22.

Поповъ, онъ же Венчикъ, поддьякъ устюжскаго архіерейск. дома. Арестъ его по дѣлу о подметномъ письмѣ. Наказаніе и освобожденіе, 494.

Порецкій, Дмитрій, бригадиръ. 455, 485, п. 1.

Поспѣловъ, кам.-юнк. 153.

Прасковья Іоанновна, царевна, 451.

Прасковья Фёдоровна, царица, супруга царя Іоанна Алексѣевича, 329, 537.

Прибыловичъ, Стефанъ, префектъ московской академіи. 29, 214.

Приказы:
Монастырскій, 60, 99, п. 1.
ПАТРИАРШІИ: объ уничтоженіи его, 60.

Посольскій, 260.

Преображенскій, 243, 248.

Церковныхъ дѣлъ, 99, 1.

Проворовскій, князь Петръ Ивановичъ, 31, п. 1.

Протасовъ, Алексій, ученикъ школы Ф. Прокоповича, 634, 637.

Протопоповъ, Павелъ, секретарь московской синодал. канцеляріи. Упом. 290. Доставляетъ свѣдѣнія о могилѣ и надгробіи юрода Тимофея Архиповича, 542—544. Письмо къ нему Дудина, 542, п. 1. Упом. 667.

Пустошкинъ, дворянинъ новгородскаго архіерейскаго дома, 512.

Путиловъ, новг. дворянинъ. 514.

Путатинъ, С. И. 584, 561.

Пуффендорфъ, 329.

Р.

Рагузинскій Савва Владисл., 423.

Раевскій, капитанъ, 112, 165.

Рафаилъ Заборовскій, елотскій, іеромонахъ, представляемъ быть въ иркутскіе епископы, 91. Казанск. архим. и синод. совѣтникъ, 160; посвященъ въ епископы въ Псковъ 186; письмо Феофана къ кievск. архіеписк. Рае. Заб. о хозяйствѣ кievскаго братскаго мон., 19, 20.

Репинъ, кн. А. И., команд. римскихъ корпусомъ, 155, 157.

Ржевскій, В. И, генералъ-адъютантъ, 507.

Рибейра, доминиканецъ, омыши въ Москвѣ при испанскомъ посланникѣ, ишетъ въ защиту Камня Вѣры, 369; дѣли католической пропаганды, 371; знакомство его съ русскими духовными, 372, 379; розыски о мѣстѣ напечатанія его книги, 425, 426, 431, 432; переводъ ея на русскій языкъ, 427. Упом. 500, 504.

Ригеръ, лейб-медикъ, 689.

Рижскій-Коромаковъ, новгородскій ландграфъ, 16, 514.

Рижскій-Юрьевъ: рапортъ его графу Толстому по дѣлу о Евенніѣ (Диверсіѣ) Колетти, 378.

Романъ Коша, іероским. и потомъ архим. кievо-печерскаго мон., 299, 332, 501.

Романовъ, Семень, ученикъ школы Ф. Прокоповича, 634, 636.

Ромодановскій, князь, управл. преобр. приказомъ, 201, 202, 220, 221.

Ростовцевъ, Иванъ и Сергій, ученики школы Ф. Прокоповича, 637.

Губавкина, Акулина Борисова, вдова проживавшая въ арзамасскомъ дѣвичьемъ мон., 537.

Рабининъ Иванъ, дворянинъ, 194

С.

Саввадій, іерод. никвизиторъ псковскій. Доносъ его на Маркелла Родышевскаго 154—158. Преданъ суду, 188. Возобновленіе дѣла по доносу его на Родышевскаго, 195—196.

Савельевъ, Никита, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича, 634, 637, 649.

Савиновъ, Степанъ; см. Серафимъ.

Савицкій, Степанъ, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича, 634, 636. Придворный проповѣдникъ, 638.

Салтыкова, Александра Григорьевна, урожденная Долгорукова; о разводѣ ея съ мужемъ, 86, 129.

Салтыковъ, Васи. Ѳеодоровичъ, крашій. О разводѣ его съ женою, 86, 129.

Салтыковъ, Семенъ Андреевичъ, заведывавшій конторою тайной канц. въ Москвѣ, 335, 436, 436, 497, 517, 523.

Самаринъ. Объявленіе имъ Стефану Яворскому вызова въ Петербургъ по дѣлу Твериткина, 64.

Самгинъ, Яковъ; см. Іосія Самгинъ.

Самсоновъ, митр. астраханскій, 81, п. 2, 283.

Самсоновъ, Игнатій, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича, 634.

Самуилъ Николаевскій, митроп. кievскій, 19, п.

Самтій, графъ. Упом., 518, 549.

Сарбівскій (Казимиръ), польскій іезуитъ, профессоръ виленской іезуитск. академіи, 5, п. 2.

Свѣдой, Ѳеодоръ, ученикъ школы Ѳ. Прокоповича, 634, 637, 649.

Селдій, Адамъ, датчанинъ, учитель школы Ѳ. Прокоповича, 631, 640, п. 1.

Семеновъ, Герасимъ, секрет. Ѳеодосія Яновскаго. Арестъ его, 166; показанія его на Ѳеодосія 170. Казнь, 173.

Семеновъ, Іоаннъ, протопопъ с.-петербург. троицкой церкви, синодальный ассесоръ, 169, 236, 374, 497, перев. въ Москву къ благоищ. собору, 97; снова назначенъ синод. членомъ, 236. Увольненіе отъ Синода, 287. Присутствуетъ при снятіи сана съ Варлаама Овсянникова 169 и Сильвестра Холм-

скаго, 347, и при описи оставшагося послѣ Ѳеодосіа имущества, 647.

Семеновъ, Никифоръ, иподьякомъ тверскаго архіерейскаго дома, 656.

Семинарія С.-Петербургская, 133—137.

Сенатъ правительствъ. Слѣдствіе надъ Стефаномъ Яворскимъ, мѣстоблюстителемъ патриаршаго престола, 65. Конференціи съ Синодомъ по дѣлу о Ѳеодосіѣ Яновскомъ, 116—118, и объ устройствѣ Синода, 280—282.

Серапіонъ, іеромонахъ, стронтель берлюковской пустыни, 557.

Серафимъ Аріонъ (въ мирѣ Степанъ Ивановъ Погонать). Издастъ Нов. Заветъ на народномъ греческ. языкѣ, 416. Присланъ къ Ѳеодосію для допросовъ, 447. Показанія Серафима, 417—422. Арестъ его; ссылка въ Сибирь въ Охотскій острогъ, 422—424.

Серафимъ, (въ мирѣ Степанъ Савиновъ) архим. духовн. мон., потомъ иверскій, 413. Слѣдствіе надъ нимъ за послабленіе арестанту Аврамову; лишень сана и сосланъ въ александровскій мон., 458—459.

Серафимъ Лупкинъ, см. Лупкинъ Смирдонъ.

Сергіѣ, архим. высоко-петровск. мон., участвуетъ въ ассамблеяхъ Ѳеод. Яновскаго, 112. Назначенъ въ составъ конференціи Сената съ Синодомъ объ устройствѣ Синода, 281.

Сергіѣ, монахъ саровской пустыни, 540.

Сергіѣ, стронтель софроніевой пустыни, арестъ его, 435, 437; освобожденіе, 495.

Сердюковъ, Михаилъ, посадскій челоуѣкъ г. Вышняго Волочка, 658.

Сильвестръ, берлюковскій іеромонахъ 522. Арестъ его, 523. Лишеніе сана, 532. Показанія его, 536, Упом. 542, 547, 555, 560, 568, п. 1.

Сильвестръ Холмскій, митроп. нижегородскій, потомъ еп. смол., тверскій, рязанскій и наконецъ казанскій митр. Протестъ его противъ Ѳеодос. Яновскаго, 84; упом. 113, п. 1; 232; свѣдѣнія о его службѣ, 341—345; ссылка въ александровскій мон., переводъ въ крыпецкій мон.; судъ надъ нимъ, лишень сана и заключеніе въ замокъ Германъ въ Выборгѣ, 345—347. Упом., 371, 403, 465, 665, п. 1. Смерть его, 671.

Сильвестръ, Святополкъ, кн. четвертинскій, епископъ бѣлорусскій, 254.

Симеонъ, епископъ псковскій. Упом. 677.

Симеонъ Полоцкій, 77, 611.

Симонъ Кожановскій, іеромонахъ, с.-петербургскій проповѣдникъ. Свѣдѣнія о немъ; отношенія его къ Теофану; письма къ архим. Епифанію Тихорскому, 443—445. Допросы его и показанія, 445—448; содержаніе подъяруженъ въ московскомъ золотоустовскомъ мон.; повинная его Синоду; запрещеніе говорить проповѣди; отсылка на общаніе въ Кіевъ, 446—447. Упом. 448, 449, 450, 466, 605, 606.

Симонъ Тодорскій, 82, 589.

Синодъ. Учрежденіе его, 70. Проводъ Теофана при открытіи Синода, 72. Первоначальный составъ Синода, 78. Важнѣйшія распоряженія Синода въ первое время послѣ его учрежденія, 98; недовольство великорусскихъ архіереевъ, монаховъ и мірянъ, за введеніе членами въ Синодъ изъ малороссійскихъ ученыхъ, 98, 707. Наречанія раскольниковъ на синодъ, 59. Раздѣленіе его на два департамента и переименованіе въ Духовный Синодъ, 187. Дѣла его въ безпорядкѣ, 187. Униженное состояніе Синода при Петрѣ 2-мъ, 228. Реваншъ Синода, 224. Указъ импер. Акимъ олучшему устройству Синода, 279. Указъ ея же о новомъ составѣ Синода, 286. Представленіе Синода о присвоеніи синод. членамъ прежнихъ званій и ранговъ, 287. Назначеніе жалованья синод. членамъ, 287. Учрежденія бывшія подъ вѣдѣніемъ Синода, 99. Синод. контора въ Москвѣ, 99. Жалованье удержано у синод. членовъ за недолику, 144.

Скорняковъ-Писаревъ, командиръ Охотска, 301, п. 1, 681, п. 2.

Скоропадскій, гетманъ Малороссіи, 22.

Скрышницинъ, іеродиаконъ. Арестъ его по дѣлу о подметномъ письмѣ къ Теофану Прокоповичу, 425. Участіе въ переводѣ сочин. Рабейры, 426—427.

Содалетъ, Яковъ. Итальянецъ, сначала секретарь папы Льва X, потомъ епископъ и кардиналъ, 6.

Соловцовъ, С. И. Упом., 584.

Соловьевъ, Алексѣй, ученикъ школы Ѡ. Прокоповича, 687.

Солнцевъ, князь, псковскій воевода, 246.

Софія-Луиза, прусская королева, 416, 425.

Софроній Миталевичъ, архим. заиконоспасскаго мон., ректоръ московской академіи. Арестъ его по дѣлу о подметномъ письмѣ, 425. Допросы и показанія въ Тайн. канц. и освобожденіе его, 499—500.

Спиноза Бенедиктъ, еврей, изв. философъ, 589.

Станиславъ Лещинскій, король польскій. Стихотвореніе о немъ Теофана Прокоповича, 600.

Степановъ, Герасимъ, ученикъ школы Ѡ. Прокоповича, 634, 687.

Степановъ, Осипъ, вологодскій архіерейскій секретарь, 848, 850, 851.

Степанъ Кирилловъ, поэтъ. Прикосн. къ дѣлу о подметномъ письмѣ къ Теофану и пасквиль, 436.

Теофанъ Калининскій, ректоръ моск. акад. 432, послѣ нескій архимандр., сотрудникъ Ѡ. Прокоповича по исправленію славянскій библіи, 589. Назначенъ для бесѣды съ Малардомъ, 596. Присутствуетъ при кончаніи Ѡ. Прокоповича, 648. Упом. 650 п. 1.

Теофанъ Муромскій, бывшійся за границей подъ видомъ уніата; присоединенъ къ православной церкви, 8, 8; митрополитъ рязанскій и мѣстоблюститель патриаршаго престола, 57—60; Намеки на него въ проповѣди Теофана, 28. Наблюдаетъ за исправленіемъ слав. библіи, 30; мемориалъ его Петру В. о состояніи моск. акад. 81. Протестуетъ противъ посвященія Теофана въ епископы, 84. Отсылъ иностранца Буддея о его управленіи патриаршествомъ, 45. Неудовольствіе противъ него Государя, 61. Осуждаетъ противниковъ церкви 64 и навлекаетъ тѣмъ новый гнѣвъ Государя, 65—63. Президентъ Синода, 70—74. Протесты его въ Синодѣ, 105—110. Допросы его по поводу одного акадѣмста, 111. Смерть его, 111. Упом. 171, 190, 203, 266, 283, 297, 309, 342, 363, 385—407, 420, 436, 466, 469, 533, 334, 550, 604, 627, 628.

Сталдеръ, домашній врачъ Теофана Прокоповича, посланъ въ сибирскую экспедицію; сопровождаетъ Беринга въ путешествіи по берегамъ Ледовитаго моря; смерть его на обратномъ пути въ Россію, 623. Латинское стихотвореніе къ нему Теофана Прокоповича, съ русскимъ переводомъ, 623, п. 2. О его сочиненіяхъ, 624.

Стечкинъ, ассессоръ, 560.

- Стодолятовъ**, казенный въ 1788 г. О разговорѣ его съ Балакиревичемъ. 541, п. 1.
- Страшенбургъ**. Упом. о немъ въ исчисленіи ученыхъ трудовъ Ф. Прокоповича, 590. Упом. 527.
- Струшневъ**, Тихонъ, 58, 64.
- Суриковъ**, Иванъ, ученикъ школы Ф. Прокоповича, 649.
- Сычъ**, Иванъ, ученикъ школы Ф. Прокоповича, 684, 649.
- Содельниковъ**, Герасимъ, устюжскій купецъ, 492.
- Садякъ Семенъ**, ученикъ школы Ф. Прокоповича, 635, 647.
- Т.**
- Таноя Иванова**, хлыстовская старица. 506.
- Талицкий**, Григ., типографщикъ, казенный при Петрѣ В. 60, 207, 398.
- Тарасій**, патриархъ царградскій, 306.
- Татищевъ**, В. Н., астраханскій губернаторъ и авторъ «Россійской Исторіи». Упом. 150, п. 3, 587, п. 1, 591. Ходатайствуетъ о разводѣ съ женою, 467. Сношенія съ Беоаномъ Прокоповичемъ; участіе въ событіяхъ. 1780 г. 618—616. Упом. 622.
- Тверитиновъ**, Дмитрій, взувѣръ. Отлученіе его отъ церкви за оскорбленіе святыхъ, 64. Упом. 400.
- Тешловъ**, Григорій Никол., ученикъ школы Ф. Прокоповича, послѣ статс-секретаря при Екатеринѣ II и сенаторъ, 628, 634, 636, 638.
- Терлецкій**, Василій, протопопъ всекіевскаго соб. Духовникъ Ф. Прокоповича, 650.
- Терлецкій**, ученикъ кіевской академіи, 332.
- Тидеманъ**, нотаріусъ при Академіи Наукъ, 624.
- Тимофеевъ**, Андрей, ученикъ школы Ф. Прокоповича, 637.
- Тимофій Архиповичъ**, расколуучитель, юродивый. Упом. 522, 524. Свѣдѣнія о немъ 537—541. Упом. 559.
- Тиницъ**, Андрей, ученикъ школы Ф. Прокоповича, 634, 649.
- Типографія**: кіевопечерская 482. Невскаго монастыря и с.-петербургская. Закрытіе послѣднихъ, 223. Возраженіе Родышевскаго на книги, напечат. въ невиской типографіи, 281. Московская 482, 484. Патриаршая, 60. Ревальская 492. С.-Петербургской Академіи На-

- укъ: въ ней напечатана книга Рибейры, 484. Черниговская, 492.
- Тихонъ**, митроп. казанскій, 343, 396.
- Тихонъ**, іеродиаконъ клубовск. мон. 475.
- Тининъ**, секр. Синода, 166, 172, 281, 286, 289.
- Томиковъ**, подъячій сибирскаго приказа, 496. Отсылка его въ военную коллегію, для сдачи въ солдаты. 498.
- Толстой**, гр. Петръ Андреевичъ. Второй секрет. при посольствѣ въ Константинополь, 93, 94, 116, 118, 160, 164, 165, 174, 178, 199, 201, 252.
- Толстой**, графъ Д. А. Авторъ сочиненія: «Le Catholicisme romain en Russie». (Paris 1863). Свѣдѣнія о сокращеніи книгъ И. П. Долгоруковой въ католичество, 371—372, п. 1.
- Томасъ Коносе**, пасторъ англиканской церкви въ Россіи. 627, п. 1.
- Топильскій**, судья въ канц. розыскныхъ расколы. дѣлъ, 100, 165, 300, 556, 566, 666, п. 1.
- Тредьяковский**, Вас. Кирил. 334, 385.
- Трифилій**, архим. калуж., судья тульской конторы, 99, п. 1.
- Троскуровъ**, кн. И. В., 262.
- Трубецкой**, князь Н. Ю., 281, 612 и тж. п. 1.
- Тулуновъ**, Петръ, ученикъ школы Ф. Прокоповича, 634.
- У.**
- Уваровъ**, графъ Сергій Семеновичъ, 597, п. 1.
- Украинцовъ**, Емельянъ, дѣлякъ посольскаго приказа, 260.
- Ульяновъ**, Трофимъ, ученикъ школы Ф. Прокоповича, 634, 649.
- Урбанъ VIII**, папа Римскій. I—5.
- Устряловъ**, Н. Г., историкъ Петра В., 691, п. 3, 686, п. 1.
- Утеповъ**, Алексѣй, ученикъ школы Беоана, 649.
- Ушаковъ**, А. И., графъ, начальникъ Тайной канцеляріи, 166, 170, 262, 297, 301, 339, 373, 385, 423, 431, 436, 441, 475, 476, 484, 489, 490, 491, 511, 512, 513, 524, 526, 544, 569, 593, 657, 661, 662, 678.
- Ф.**
- Фандорбенъ**, (Михаилъ Шендъ или Схендъ), 89—90, п. 3—96. Отсылка его объ Аванасіѣ Кошконди 96 и Беофилактѣ Лопатинскомъ, 671.

- Федоровичъ, Георгій-Фридрихъ**, прусскій подданный, учитель школы Ф. Прокоповича, 681.
- Филлагрій, іеромонахъ**, 112, п. 1, 566, 567, п.
- Филаретъ, Гумилевскій**, архіеп. черниговск. упом. 7, п. 2, 9, п. 2, 18, п. 2, 591, п. 3 и 4, 596, п. 1.
- Филаретъ, патріархъ**, 389.
- Филаретъ, архим. иверскій**, 418, 465, п. 1.
- Филипповъ, Якимъ**, казначейск.; арестъ его по дѣлу Маевского; ссылка въ Иркутскъ, 664—665; принятъ въ домъ Иннокентія, еписк. иркутскаго, 678.
- Филиппъ, митр. моск. (св.)**, 118—162.
- Филофей Ленциновскій**, митр. сибирскій, 396.
- Филофей, грекъ**, прежде архіепископъ охридскій, потомъ смоленскій, 96, п. 2.
- Фирсовъ, дворянинъ новгородскій** 199, 201, 202.
- Флейшъ, штабсъ-лекарь**, 480.
- Флоровъ, Алексій**, ученикъ школы Ф. Прокоповича, 684, 687.
- Фоль-Гавенъ, авторъ книга «Reise in Russland»** 689, п. 2. Мнѣніе его о Феофанѣ, 627—628. Упом. 689.
- Фотій, патріархъ**, 217.
- Франке, Августъ Германъ**, профессоръ богословія въ Галлѣ, пѣтствъ. Изд. Нов. Завѣта на греч. языкѣ 416, 424. Недоброжелательствуетъ Вольфу, 617.
- Франшъ, ректоръ берлинскій**, 627.
- Функъ, шведскій полковникъ**, посланникъ въ Константинополь, 422.

X.

- Ханенко, учитель Академіи Наукъ**, 178.
- Хитровъ, Андрей**, зять Дашкова, 185.
- Холмогскій, Осипъ Доросѣевичъ**, холмогорскій помѣщикъ, братъ митрополита Симеона Холмогскаго, 341.
- Хрущовъ, дѣлопроизводитель Тайной канц. въ С.-Петербургѣ**, 335, 527, 644, 656.

Ч.

- Чеканъ, Яковъ**. Арестъ его по дѣлу о подметномъ письмѣ, 496.
- Чехмихъ, гвѣній князецъ тулгузскій**. Упом. о крещеніи его, 685.
- Чернасская, Варвара**, дочь князя Чернасскаго. Упом. 483.
- Чернассскій, князь А. М.**, кабинетъ-министръ, 253, 259, 281, 296, 327, 333,

441, 488, 484, 486, 552, п. 1. 612, 636, 637, 648, 652, 674.

- Черницовъ, Иванъ**, ученикъ школы Ф. Прокоповича, 684.
- Чижъ, Алексій**, ученикъ школы Ф. Прокоповича, 634.
- Чириковъ, А. И.**, капитанъ флота. Упом. 681, 682, 683, 684, 685, 686, 687, 688.
- Чириковъ, Михаилъ**, 81.
- Чичеринъ, Кирилъ**, судья монастырскаго приказа, 100, п. 165.
- Чуркинъ, діаконовъ**, 169.

Ш.

- Швайковский, Яковъ**, полковникъ, посылается въ Могилевъ для слѣдствія по жалобѣ кievскаго митрополита на архидіакона Каллиста, 264.
- Шенкъ, Мартинъ Ильичъ**, ученикъ школы Ф. Прокоповича, 686.
- Шенелова, Мавра Егоров.**, фрейлина цесар. Елизаветы Петровны, впоследствии графиня Шувалова. О комедіи ея, 571.
- Шереметевъ, В. П.**, фельдмарш., 186.
- Шереръ**, издатель біографіи Феофана, 1, п. 1, 38.
- Шиповъ**, полковникъ, 606, п. 1.
- Шинкинъ**, подпоручикъ л. гр. 552, п. 1.
- Штелинъ**. Упом. 628, 629, п. 2.
- Шумакеръ**. Писмо его къ марбургскому профессору Вольфу, по поводу приглашенія послѣдняго въ петербургскую Академію Наукъ, 617—618. Упом. 622.
- Шушоридъ, капитанъ**, 246.

Щ.

- Щолягинъ, Иванъ и Максимъ**, торговые люди, 486, 528, 526, 526, 568.
- Щепинъ**, секретарь коллегіи экономіи. Упом. 666, п. 1.

Ю.

- Юрловъ, Михаилъ Матѣевичъ**, помѣщикъ нижег. губ., отецъ Льва Юрлова (въ мѣрѣ Лаврентія), епископа воронежскаго, 232.
- Юрьевъ**, капитанъ, слѣдователь по дѣлу Аврамова въ иверскомъ монастырѣ, 412, 456, 458.
- Юрьевъ, Яковъ**, ученикъ школы Ф. Прокоповича, 686.

Юстинианъ, Рикометъ, сынъ греч. импер. Константина, 428.
Юсуповъ, князь, 118—161.
Юшкова, Анна Федоровна. Упом. 682.

Я.

Яблонскій, Давидъ Эрнстъ, президентъ Берлинской Академіи Наукъ, 368, 627.
Яблонскій, Іоаннъ Теодоръ, авторъ сокращенія книги «Камень вѣры» на латин. языкъ. 368.
Яблонскій, протестантскій историкъ-христіанской державы, 45, п.
Яворскій, Федоръ, братъ Стефана Яворскаго, 395.
Ягужинскій, ген. прокуроръ. 116, 117, 161, 164, 166, 257, 353, 121, 484, 486,
Яковлевъ, Александръ Андреевъ, секретарь придворной канторы. Письмо къ нему кабинетъ-министра А. В. Макарова, 64, п. 2. Упом. 338, 435. Свѣдѣнія о немъ, 437—439; арестъ его, допросы и показанія, 439—441. Письмо къ нему Маркелла Родышевскаго 449—450; показанія при допросѣ, 450—451. Упом. 454, 460. Новые допросы и смылка въ Охотскій острогъ, 498—499. Упом. 561, 565, 568, п. 1. Возвращеніе изъ ссылки, 674.
Яковлевъ, Иванъ, греческій учитель. Арестъ его по дѣлу о подметн. письмѣ; показанія его, 441—448. Упом. 448, 449, 568, п. 1.
Якъ Говій, лекарь. Юмористическое письмо къ нему Ф. Прокоповича, 629—631. Свѣдѣнія о немъ 629, п. 2.
Ярипрковскій, Семень, римскій протоіерей. Покушка его бібліотеки Теофилактомъ Лопатинскимъ, 381, 486.

Ф.

Феодосій Яновскій, архіеп. новгор., вице-презд. Синода. Свѣдѣнія о его жизни, 74—87. Злоупотребленіе власти и наглѣства, 112. Ропотъ духовенства. Сочиненіе духовн. штата. Возбуждаетъ гнѣвъ Государя своею притязательностію, 118. Ходатайствуетъ у Императрицы о прощеніи; прощеніе; первенство въ служеніи при коронаціи Им-цы. Отъѣздъ Феодосія къ марціалънымъ водамъ, 414. Домосы на Феодосія и свѣдѣніе надъ нимъ 115—118. Упом. 150. Дѣйствія его въ Синодѣ 151—152. Горяч-

ность его при приглашеніи на панихиду по Петрѣ В. 152—153. Отказъ на приглашеніе къ столу Им-цы, 153—154. Доносъ Феофана на Феодосія 160. Арестъ Феодосія 160. Ходатайство герц. голштинскаго и письмо Феодосія къ Государынь, 164. Розыскъ о письмѣ неизвѣстнаго къ Феодосію, 166. Объявленіе приговора о ссылкѣ его въ солов. мон. 167. Дѣло о не законной присягѣ на вѣрность Феодосію отъ его подчиненныхъ, 174. Судъ, лишеніе сана, заключеніе въ тюрьму, болѣзнь, смерть и погребеніе его, 175—179. Упом. 181, 184, 192, 193, 199, 210, 214, 265, 275, 277, 303, 323, 329, 331, 332, 342, 392, 400, 402, 446, 463, 510, 548, 550, 551, 574, 576.

Феодотъ, монахъ-справщикъ, 463.
Феофанъ Прокоповичъ, намѣстникъ кіево-братскаго монастыря, ректоръ кіевской академіи, 1.
Феофилактъ, архим. кирилова бѣлозерскаго мон. 448.
Феофилактъ Жураховскій, іеромонахъ законосласкаго монастыря, 500.
Феофилактъ, іеродіаконъ саровскаго монастыря, 524, 568, п. 1.
Феофилактъ Лопатинскій, учитель кіевскій, ректоръ москов. академіи, 29. Протестъ противъ Феофана, объ игѣ неудобоносимомъ. Вызванъ Петромъ В. въ С.-Петербургъ, 30; опровергаетъ заблужденія лжеучителей московскихъ, 30; пишетъ противъ Мавроурбина о просвѣтителѣхъ славянскихъ, 30; представленія его о худомъ состояніи моск. школы, 31; протестъ его противъ Феофана, 40. совѣтникъ св. Синода, 92; изъявляетъ желаніе потрудиться въ званіи епископа въ Иркутскѣ, 91; тверскій епископъ, 93; показанія его о Феодосіѣ, 162, 163; извиненіе его въ обвиненіи Феофана въ неправославіи, 171, 705; отказывается отъ псковской епархіи, 180, 182; посылается отъ Синода въ докладомъ къ Императрицѣ, 187; второй вице-президентъ въ Синодѣ, 188; присутствуетъ въ Верх. Т. Совѣтѣ, 226; кандидатъ на патріаршество, 229; уволенъ изъ Синода, 236; пишетъ противъ Буддея въ защиту Камня Вѣры, 366; запрещено ему писать это защищеніе и упоминать объ этомъ, 366—384; принимается къ себѣ Рѣшилова, 460—462; разговоры съ Іоасафомъ Маевскимъ, 469—468; присутствуетъ при коронаціи Императрицы Анны,

468. Допросы ему по дѣлу Рѣшкова и показанія Иосафа Маевского, 462—469. Устрашеніе его изъ Синода, 468. Вызовъ въ С.-Петербургъ для допросовъ и допросы, 485—490. Арестъ его, 654. Ссылка въ Выборгъ, 654—655. Вызовъ изъ Выборга и допросы, 656. Освобожденіе. Смерть его и погребеніе, 669—670. Отзывы о немъ современниковъ, 670—671.
Феофилъ Кроликъ. Біографія его 578. Учитель московск. акад., выпраши-

вается за границу для образованія 82, 378. Синод. совѣтникъ 364; показанія его о Теодосіѣ 162; сообщникъ Феофана 202, 304, 328, 352; чудовскій архимандритъ 374; отрѣшенъ отъ Синода и отъ архимандріи 374—375; сношенія его съ Рибейрой 379, 426. Упом. 578, 606, 608.
Фомъ, пирюльникъ, изувѣръ, изрубившій въ Чудовѣ образъ чудотворца Алексія. Отлученіе его отъ церкви 64; казнь его, 550.

**THIS BOOK IS DUE ON THE LAST DATE
STAMPED BELOW**

**BOOKS REQUESTED BY ANOTHER BORROWER
ARE SUBJECT TO RECALL AFTER ONE WEEK.
RENEWED BOOKS ARE SUBJECT TO
IMMEDIATE RECALL**

LIBRARY, UNIVERSITY OF CALIFORNIA, DAVIS

Book Slip—Series 458

1155863

PG
2013
A65
v. 4

Akademiya nauk SSSR. Otdeleniye russkogo yazyka i slovoznaniya.

Сборник. т. 1-101; 1867-1928. Ленинград (Петроград, Санктпетербургь)

101 v. Шпа, рјатас, порта, марс. 24-27 см. Irregular.

Title varies: v. 1-7. Сборникъ статей, читаныхъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности.

Includes the proceedings, annual reports and monographs with special title pages and separate paging, most of them containing biographies and bibliographies of members and lists of letters, etc.

"О Второмъ отдѣленіи Академіи наукъ. Академикъ Я. К. Гротъ", 1, по. 5.

Россійской академіи. Академикъ И. И. Сухомлиновъ": 10, 22, 31, 37, 43

Title romanized: Сборникъ
Digitized by Google
(see next card)

